4
В-19

В. В. ВИНОГРАДОВ

РУССКИЙ ЯЗЫК

ГРАММАТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О СЛОВЕ

УЧПЕДГИЗ 1947

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

26358

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

Проф. В. В. ВИНОГРАДОВ

РУССКИЙ ЯЗЫК

(ГРАММАТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О СЛОВЕ)

Утверждено Министерством высшего образования СССР в качестве учебного пособия для высших учебных заведений

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА ★ 1947 ★ ЛЕНИНГРАД

Постановлением Совета Московского ордена Ленина государственного университета от 7 мая 1945 года работа удостоена первой премии имени Ломоносова 1945 года

ПРЕДИСЛОВИЕ

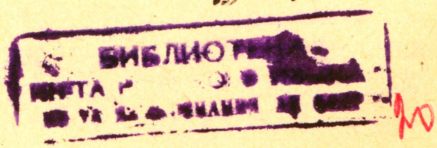
В основе книги «Русский язык» (Грамматическое учение о слове) лежат два выпуска моего предшествующего исследования «Современный русский язык (1938, вып. I и II). Но многие главы (не менее $^1/_3$) написаны заново, другие подверглись коренной переработке. Новые точки зрения и новый материал должны подкрепить и углубить ту грамматическую систему, которая в общих чертах уже наметилась в «Современном русском языке». Почти параллельно с книгой «Русский язык» я работал над «Исторической лексикологией русского языка». Эта работа не могла не отразиться и на изложении грамматического учения о слове.

Книга «Русский язык», содержащая грамматическое учение о слове, не является учебником, но она может быть пособием для учащихся филологических вузов, особенно для студентов, испытывающих тяготение к наблюдениям и размышлениям над живыми фактами русского языка, а также для аспирантов и преподавателей. Я поставил себе задачей — не только изложить свою систему грамматического учения, но и показать те пути, по которым двигалась лингвистическая мысль в поисках решения основных вопросов русской грамматики. Следующей книгой будет «Синтаксис русского языка». Те, кого не удовлетворит мое освещение разных грамматических вопросов, в своих разысканиях могут опереться на лингвистический опыт прошлого, нашедший достаточное отражение в моей книге.

В области грамматики современного русского языка особенно ощущается недостаток монографического исследования отдельных вопросов. К сожалению, в последнее время нередко появляются общие рассуждения на грамматические темы вместо тщательного подбора материала и его обдуманной грамматической характеристики. Я был бы счастлив, если бы моя книга побудила наших молодых лингвистов к углубленным разысканиям и исследованиям в области грамматики русского языка.

Проф. *В. Виноградов*

4
В-49

26358

ВВЕДЕНИЕ В ГРАММАТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О СЛОВЕ

§ 1. Основные причины разногласий в области современной грамматики

Акад. А. И. Соболевский часто цитировал слова Готфрида Германна: «Duae res longe sunt difficillimae — lexicon scribere et grammaticam» («Два дела особенно трудны — это писать словарь и грамматику»)[1]. И действительно, составление грамматики любого языка сопряжено с величайшими трудностями — теоретическими и практическими. Объём и задачи грамматики не очерчены с достаточной ясностью. Приемы грамматического исследования у разных лингвистов очень разнородны. Так, в грамматике современного русского языка разногласий и противоречий больше, чем во всякой другой науке. Почему так? Можно указать две общие причины. Одна — чисто практическая. Грамматический строй русского языка плохо изучен. Освещение многих грамматических вопросов основывается на случайном материале. Важнейшие стороны грамматической системы русского языка, например: относительное употребление глагольных времен, виды русского глагола, категория залога, значения предлогов, функции союзов, типы синтагм, способы их сочетания и распространения, модальные типы предложений, приемы сцепления предложений, проблемы сочинения и подчинения в строе предложений — остаются недостаточно обследованными. Фактический языковый материал, на который опираются русские грамматики самых различных направлений, беден и однообразен. Многие светлые идеи, открытые прежней грамматикой или вновь выдвигаемые общим языкознанием, не находят применения в современных грамматических учениях. Поэтому необходимо при построении грамматической системы современного русского языка глубже использовать лингвистическое наследство и шире привлекать свежие факты живого языка. Другая причина блужданий современной грамматики — в отсутствии прочных теоретических основ, в отсутствии определения или точного описания основных грамматических понятий, особенно понятий слова и предложения. Сила учения Потебни в значительной степени зависела от того, что Потебня в своих грамматических построениях опирался на глубокое понимание основных грамматических категорий — категорий слова и предложения. Если эти центральные понятия обывчивы, грамматика превращается

в каталог внешних форм речи или в отвлеченное описание элементарных логических категорий, обнаруживаемых в языке. Акад. А. А. Шахматов, приступив к работе над синтаксисом русского языка, прежде всего подверг лингвистическому анализу само понятие предложения*.

Таким образом, исследователь грамматики современного русского языка обязан раскрыть содержание тех грамматических понятий, которые он кладет в основу своего построения.

§ 2. Грамматика, ее объем и ее задачи

Термин грамматика — даже в лингвистической литературе — употребляется в двух значениях: и как учение о строе языка, и как синоним выражения «строй языка».

Под грамматикой обычно понимают систему языковых норм и категорий, определяющих приемы и типы строения слов, словосочетаний, синтагм и предложений, и самый отдел лингвистики, исследующий эту систему. В грамматике как учении о строе языка чаще всего намечают три части: 1) учение о слове и его формах, о способах образования слов и их форм; 2) учение о словосочетании, о его формах и его типах; 3) учение о предложении и его типах, о компонентах (составных частях) предложений, о приемах сцепления предложений, о сложном синтаксическом целом (о фразе). Учение о грамматической структуре слов, о формах слов, об образовании слов и форм слов обычно называется морфологией и отделяется от синтаксиса как учения о словосочетании и предложении.

«Морфология представляет, так сказать, инвентарь отдельных категорий слов и их форм, а синтаксис показывает все эти слова и формы в их движении и жизни — в составе речи», — так формулировал эту точку зрения проф. В. А. Богородицкий[2]. Против такого деления грамматики есть серьезные возражения, так как границы между морфологией и синтаксисом очень неустойчивы и неопределенны. Часть грамматических явлений, относимых к морфологии, легко находит себе место в синтаксисе и лексикологии. Синтаксис не может обойтись без учения о слове как о составной части предложения. «Всякое изменение слова по заданию предложения понятно лишь на его общем фоне и не может рассматриваться отдельно от него»[3].

Другая часть морфологии, исследующая и излагающая методы образования слов, может войти в лексикологию, т. е. в учение о словаре, о закономерностях изменений лексической системы языка. Таким образом, положение морфологии как науки о строении и образовании слов и форм слов оказывается непрочным. Ф. де-Соссюр

---

* Ср. то же тяготение к пересмотру и более диференцированному определению основных грамматических категорий в работе акад. И. И. Мещанинова «Члены предложения и части речи», 1945.

писал: «Отделяя морфологию от синтаксиса, ссылаются на то, что объектом этого последнего являются присущие языковым единицам функции, тогда как морфология рассматривает только их форму... Но это различение — обманчиво... формы и функции образуют целое, и затруднительно, чтобы не сказать невозможно, их разъединить. С лингвистической точки зрения у морфологии нет своего реального и самостоятельного объекта изучения; она не может составить отличной от синтаксиса дисциплины»[4]. Мысль о том, что морфологию следует свести к синтаксису, стала общим местом некоторых направлений лингвистики. Так, например, С. Д. Кацнельсон заявляет: «Иллюзия независимости и автономности формы слова привела к отрыву морфологии от синтаксиса. Поддаваясь иллюзии, наука долго рассматривала слово как исходный пункт грамматического анализа. Между тем, форма слова есть лишь частный случай формы словосочетания, проявляющейся здесь лишь в более сложном и искаженном виде. Форма слова подлежит поэтому сведению к формам словосочетания, так же как морфология в целом подлежит сведению к синтаксису»[5].

На этой же почве возникает противопоставление синтаксиса лексикологии. С этой точки зрения происходит пересмотр отношений между синтаксисом и лексикологией. Некоторые лингвисты склонны и синтаксис и лексикологию считать частями грамматики. Акад. И. И. Мещанинов пишет: «Учение о слове, выделяемое в особый отдел (лексикология), не может быть изъято из грамматического очерка. Нельзя учение о формальной стороне слова с его значимыми частями (морфемами) отделять от учения о значимости самого слова... Изъятие лексикологии из грамматического очерка вредно отражается и на историческом понимании языковых категорий». Поэтому И. И. Мещанинов предлагает делить грамматику (за вычетом фонетики) на лексику (учение о слове в отдельности и о словосочетаниях лексического порядка) и синтаксис (учение о слове в предложении и о предложении в целом)[6]. Сама по себе мысль о тесной связи грамматики и словаря не нова.

Акад. Л. В. Щерба так проводил пограничную черту между описательной грамматикой и словарем: «В описательной «грамматике» должны изучаться лишь более или менее живые способы образования форм слов и их сочетаний; остальное — дело словаря, который должен содержать между прочим и список морфем»[7]. Однако эта схема слишком прямолинейна. Она не затрагивает общего вопроса о скрещении и взаимодействии грамматики и лексики, а только очерчивает автономные области той и другой.

Шире эта проблема освещена в «Курсе общей лингвистики» де-Соссюра. Де-Соссюр указывал на взаимопроникновение грамматических и лексических форм и значений в живой системе языка. «Логично ли исключить лексикологию из грамматики? На первый взгляд может показаться, что слова, как они даны в словаре, как будто бы не поддаются грамматическому изучению, которое обычно сосредоточивается на отношениях между словами. Но множество

этих отношений может быть выражено с таким же успехом словами, как и грамматическими средствами» (стр. 130).

С точки зрения функции лексический факт может сливаться с фактом грамматическим. Так, различение видов (совершенного и несовершенного) в русском языке выражено грамматически в случае *спросить — спрашивать* и лексикологически в случае *сказать — говорить* (ср. *брать — взять; ловить — поймать*). «Множество отношений, обозначаемых в одних языках падежами или предлогами (или производными прилагательными), выражается в других языках сложными словами (франц. royaume des cieux, церк.-слав. *царство небесное*, нем. Himmelsreich), или производными (франц. moulin à vent, русск. *ветряная мельница*, польск. wiatr-ak), или, наконец, простыми словами (франц. bois de chauffage и русск. *дрова*, франц. bois de construction и русск. *лес*)» (т а м ж е, стр. 130).

«Всякое слово, не являющееся простой и неразложимой единицей, ничем существенным не отличается от члена фразы, т. е. факта синтаксического: распорядок составляющих его единиц низшего порядка подчиняется тем же основным принципам, как и образование словосочетаний» (стр. 131). «Взаимопроникновение морфологии, синтаксиса и лексикологии объясняется по существу тожественным характером всех синхронических фактов» (стр. 131). Однако лексика не покрывается целиком грамматикой.

Лексика и грамматика — «как бы два полюса, между которыми развивается вся языковая система, два встречных течения, по которым направляется движение языка: с одной стороны, склонность к употреблению лексикологического инструмента — немотивированного знака, с другой стороны — предпочтение, оказываемое грамматическому инструменту — правилу конструкции»[8].

Еще решительнее зависимость грамматики от словаря утверждали Г. Шухардт и Н. Я. Марр. Акад. Марр писал: «Морфология ... включает в себя не только так называемые грамматические категории, но также и словарь ...». «Законы семантики затрагивают ближе всего сущность морфологии, потому что было бы недостаточно сказать, что в морфологии лишь отражается состояние общественной организации, — само состояние образования этой организации и ее общественных идей отлагается в морфологии»[9]. Г. Шухардт высказывался в том же духе, заявляя, что суть грамматики состоит в учении о значениях и что словарь является лишь алфавитным индексом к грамматике[10].

И все же безраздельное включение лексикологии в грамматику представляется недостаточно мотивированным. У лексикологии как учения о составе и системе словаря, о закономерностях исторических изменений систем лексики и их внутренних взаимоотношениях с условиями быта, производства, с формами материальной культуры и социальных мировоззрений — остается свой материал, свой метод и свой объект исследования. «Словарь овеществляет данную в языке и мышлении тенденцию к сознательному охвату отдельных предметов, свойств, явлений, процессов; грамматика же вырастает

на основе тех общих связей, которые объединяют предметы, явления и т. д. ... Вот почему такие конкретные значения, как *дом* или *дерево* и т. п., не могут по самой природе своей быть представлены в грамматике, а, с другой стороны, общие категории вроде *бытия* или *сущности* находят отражение в словаре исторически позже, чем в грамматике, на ступени, когда научная мысль открывает эти категории как отдельные конкретные моменты универсальной связи вещей и явлений в природе»[11]. Однако в реальной истории языка грамматические и лексические формы и значения органически связаны, постоянно влияют друг на друга. Поэтому изучение грамматического строя языка без учета лексической его стороны, без учета взаимодействия лексических и грамматических значений — невозможно.

Если признать права лексикологии на самостоятельность — за пределами грамматики, то область грамматики становится областью почти безраздельного господства синтаксиса. Но и в самом синтаксисе центральная его часть — учение об основных синтаксических категориях, об основных синтаксических единицах (о словосочетании, о предложении, о сложном синтаксическом целом, о синтагме как компоненте этого сложного целого), об основных синтаксических отношениях (об отношениях модальности, об отношениях между членами предложения и об отношениях между предложениями) — будет окружена со всех сторон побочными, вводными темами, задачами и проблемами, которые не связаны непосредственно с изучением словосочетания и предложения. Эти вопросы группируются вокруг своих центров — учения о слове и его формах, учения о морфологических элементах и категориях, управляющих их связью и т. п. Понятно, что и тут нередко вскрывается синтаксическая сущность морфологических категорий, но здесь выступают и другие формы и отношения, в которых сказывается синкретическая природа языка и которые лишь с большой натяжкой могут быть удержаны в системе синтаксиса.

В связи с этим само понятие синтаксиса становится расплывчатым, неопределенным.

Представляется более целесообразным при изложении грамматики современного русского языка исследовать и группировать грамматические факты, исходя из грамматического изучения основных понятий и категорий языка, определяющих связи элементов и их функции в строе языка. А такими центральными понятиями являются понятия слова и предложения. Они соответствуют «основным единицам языка»[12]. Эти единицы исторически изменчивы и во всякой живой языковой системе соотносительны и дифференциальны. Словосочетание как единица языка обладает меньшей самостоятельностью и определенностью, чем слово и предложение. Кроме того, понятие словосочетания не соотносительно с понятием предложения. Целые разряды словосочетаний, ставших устойчивыми фразеологическими единицами, структурно сближаются с словами (ср. *вверх дном*, *спустя рукава*, *бить баклуши* и т. п.). Напротив, в свободных

фразах основным конструктивным элементом оказывается то же слово с его разнообразными грамматическими формами и лексическими значениями. Словосочетание — это сложное именование. Оно несет ту же номинативную функцию, что и слово. Оно так же, как и слово, может иметь целую систему форм. В области лексики этому понятию соответствует понятие о фразеологической единице языка.

Ф. де-Соссюр заметил: «На первый взгляд кажется подходящим уподобить огромное разнообразие фраз не меньшему разнообразию особей, составляющих какой-нибудь зоологический вид; но это иллюзия: у животных одного вида общие свойства гораздо существеннее, нежели разъединяющие их различия; напротив того, в фразах преобладает различие, и если поискать, что же их связывает на фоне всего этого разнообразия, то натолкнешься, не желая этого, опять же на слово с его грамматическими свойствами»[13]. Однако это не значит, что теория словосочетания не может быть особым разделом грамматики. Типы словосочетаний, формы и правила их построения — необходимая часть грамматического учения. Но эта часть ближе к грамматическому учению о слове, чем к учению о предложении[14]. Таким образом, наиболее рациональным делением грамматики (если не включать в нее фонетику) было бы деление ее на: 1) грамматическое учение о слове, 2) учение о словосочетании, 3) учение о предложении, 4) учение о сложном синтаксическом целом и о синтагмах как его составных частях.

Впрочем, третий и четвертый разделы грамматики большинством лингвистов объединяются, хотя такое объединение чаще всего приводит к двусмысленности или неопределенности таких понятий, как «предложение», «фраза», «синтагма».

Понятно, что каждый из этих основных объектов грамматики должен изучаться одновременно со стороны форм и функций. «Материальная единица существует лишь в меру своего смысла, в меру той функции, которою она облечена»[15].

§ 3. Смысловая структура слова

Проблема слова в языкознании еще не может считаться всесторонне освещенной. Не подлежит сомнению, что понимание категории слова и содержание категории слова исторически менялись. Структура слова неоднородна в языках разных систем и на разных стадиях развития языка. Но если даже отвлечься от сложных вопросов истории слова как языковой категории, соотносительной с категорией предложения, в самом описании смысловой структуры слова еще остается много неясного. «До сих пор в области языка всегда довольствовались операциями над единицами, как следует не определенными», — заявлял Ф. де-Соссюр, касаясь вопроса о слове[16]. Лингвисты избегают давать определение слова или исчерпывающее описание его структуры, охотно ограничивая свою задачу указанием лишь некоторых внешних (преимущественно фонетических) или

внутренних (грамматических или лексико-семантических) признаков слова. При одностороннем подходе к слову сразу же выступает противоречивая сложность его структуры и общее понятие слова дробится на множество эмпирических разновидностей слов. Являются «слова фонетические», «слова грамматические», «слова лексические».

Фонетические границы слова, отмечаемые в разных языках особыми фонологическими сигналами (например, в русском языке — силовым ударением и связанными с ними явлениями произношения, оглушением конечных звонких согласных и отсутствием регрессивной ассимиляции по мягкости на конце), бывают в некоторых языках (например, в немецком) не так резко очерчены, как границы между морфемами (т. е. значимыми частями слов — корневыми или грамматическими элементами речи)[17]. С другой стороны, фонетическая грань между словом и фразой, т. е. тесной группой слов, во многих случаях также представляется неустойчивой, подвижной. Например, во французском языке «слова фонетически ничем не выделяются»[18], а в звуковом потоке обособляются «группы слов, выражающие в процессе речи единое смысловое целое», так называемые «динамические, или ритмические группы».

Если рассматривать структуру слова с грамматической точки зрения, то целостность и единство слова также оказываются в значительной степени иллюзорными.

A. Noreen определял слово так: это «независимая морфема (un morphème indépendant), которую наше языковое чутье воспринимает как целое по звуку и значению, так что она или ощущается неразложимой на более мелкие морфемы (например, *здесь*, *почти*, *там*), или — в случае, если это можно сделать, — она воспринимается независимо от значения этих более мелких, составляющих ее морфем». В этом последнем случае, при понимании и употреблении слова, по мнению Норейна, не думают или не хотят думать о значении его составных частей[19]. Но и это определение чересчур шатко. В высказывании *надо было приоткрыть сундук, а не открывать его совсем* приставка *при-* очень заметно выступает как значимая единица речи. Кроме того, под определение Норейна решительно не подходят служебные слова, но легко подводятся целые словосочетания. Проще всего в грамматической плоскости рассматривать слово как предельный минимум предложения (Sweet, Sapir, Щерба). «Слово есть один из мельчайших вполне самодовлеющих кусочков изолированного «смысла», к которому сводится предложение», — формулирует Сепир[20]. Однако не все типы слов с одинаковым удобством укладываются в эту формулу. Ведь «есть очень много слов, которые являются только морфемами, и морфем, которые иногда еще являются словами»[21]. Слово может выражать и единичное понятие, конкретное, абстрактное, и общую идею отношения (как, например, предлоги *от* или *об* или союз *и*), и законченную мысль (например, афоризм Кузьмы Пруткова: «Бди!»). Правда, глубокая разница между словами и морфемами как будто обнаруживается в том, что только слово способно

более или менее свободно перемещаться в пределах предложения, а морфемы, входящие в состав слова, обычно неподвижны [22] (однако ср., например, *лизоблюд* и *блюдолиз*, *скалозуб* и *зубоскал* или *любомудр* и *мудролюб;* но *щелкопер* и *перощелк* — величины разнородные). Способность слова передвигаться и менять места внутри предложения различна в разных языках. Следовательно, и этот критерий самостоятельности и обособленности слова зыбок, текуч. В таких языках, как русский, отличие слова от морфемы поддерживается невозможностью вклинить другие слова или словосочетания внутрь одного и того же слова. Но все эти признаки имеют разную ценность в применении к разным категориям слов. Например, *никто*, но: *ни к кому; ничему*, но: *не у кого; потому что*, но: *я потому не писал, что твой адрес потерял* и т. п. (ср. *есть где*, но: *негде; нездоровится*, но: *не очень здоровится* при отсутствии слова *здоровится* и т. п.).

Такие модальные («вводные») слова и частицы, как *знать* (*Ай, моська, знать, она сильна, что лает на слона*), *дескать*, *мол* и т. п., вовсе неспособны быть потенциальным минимумом предложения и лишены самостоятельного значения. В этом отношении даже союзы и предлоги счастливее. Например, у Тургенева в повести «Бреттер»:

«— Лучков неловок и груб—с трудом выговорил Кистер: — но ...

— Что: *но?* Как вам не стыдно говорить: *но*. Он груб *и* неловок, *и* зол, *и* самолюбив... Слышите: *и*, а не *но*».

Или у того же Тургенева в «Фаусте»:

«Вы говорите, — сказала она наконец: — читать поэтические произведения *и* полезно, *и* приятно... Я думаю, надо заранее выбрать в жизни: *или* полезное, *или* приятное, и так уже решиться раз навсегда. И я когда-то хотела соединить и то и другое... Это невозможно и ведет к гибели или к пошлости».

Таким образом, и с грамматической (а также лексико-семантической) точки зрения обнаруживается разнообразие типов слов и отсутствие общих устойчивых признаков в них. Не все слова способны быть названиями, не все являются членами предложения*.

Даже формы соотношений и отношений между категориями слова и предложения в данной языковой системе очень разнообразны. Они

---

* Emile Setälä в статье «Le mot» также указывает на то, что удовлетворительного определения слова нет. Пожалуй, большая часть таких определений исходит из ложного убеждения, будто слово — это языковое выражение отдельного понятия (l'expression linguistique d'une notion particulière). Но в этих определениях смешиваются языковые и логические категории. Ведь с этой точки зрения словом будет не только «треугольник», но и «фигура, ограниченная тремя взаимно пересекающимися прямыми, образующими три внутренних угла». Сказать же, что «слово — звук или звуковой комплекс, выражающий значение», было бы слишком мало. Точно так же бесплодны и малосодержательны все фонетические определения слова как «группы фонем, объединенных вокруг одного главного ударения». По мнению Э. Сетэлэ, ближе к реальной природе слова объяснения слова как морфологического единства, как самой маленькой независимой части (les plus petites parties indépendantes du language), как предельного минимума предложения, хотя этим сказано еще очень мало (Journal de Société finno-ougrienne, XLIII, 1932, pp. 21—22).

зависят от присущих языку методов образования слов и методов связывания слов в более крупные единства. «Чем синтетичнее язык, иначе говоря, чем явственнее роль каждого слова в предложении указывается его собственными ресурсами, тем меньше надобности обращаться, минуя слово, к предложению в целом»[23]. Но, с другой стороны, в структуре самого слова смысловые элементы соотносятся, сочетаются друг с другом по строго определенным законам и примыкают друг к другу в строго определенной последовательности. А это значит, что слово, состоящее не из одного корневого элемента, а из нескольких морфем, «есть кристаллизация предложения или какого-то отрывка предложения».

На фоне этих противоречий возникает мысль, что в системе языка слово есть только форма отношений между морфемами и предложениями, которые являются основными функциональными единицами речи. Оно есть «нечто определенным образом оформленное, берущее то побольше, то поменьше из концептуального материала всей мысли в целом в зависимости от «духа» данного языка[24]. Удобство этой формулы состоит в том, что она широка и расплывчата. Под нее подойдут самые далекие грамматические и семантические типы слов: и слова-названия, и формальные, связочные слова, и междометия, и модальные слова. Ей не противоречит и употребление морфем в качестве слов. Например, у Белинского: «Между русскими есть много галломанов, англоманов, германоманов и разных других «манов».

В русском переводе (Н. А. Шишмаревой) романа Ч. Диккенса «Наш общий друг»: «Насколько ему известно, он вовсе не расположен к централизации да и вообще к какой бы то ни было изации» (ч. I., 1896, стр. 39). Ср. у В. И. Ленина: «мерещится пугало... бакунизма, ткачевизма и прочих странных измов».

Однако формула Сепира удобна, но малосодержательна. Она не уясняет ни предметно-смыслового содержания слова, ни способов выражения и кристаллизации этого содержания в слове. Она лишь направляет и обязывает к уяснению всех элементов смысловой структуры слова. Очевидно, что, при всем многообразии грамматико-семантических типов слов, в их конструктивных элементах много общего. Различны лишь сложность и соотношение разных смысловых оболочек в структуре слов, а также функциональное содержание и связанное с ним грамматическое оформление разных видов слов. Недаром Ф. де-Соссюр писал: «Слово, несмотря на трудность определить это понятие, есть единица, неотступно представляющаяся нашему уму, нечто центральное во всем механизме языка»[25].

Не надо лишь придавать преувеличенное значение формальным противоречиям и переходным типам, а следует глубже вникнуть во все элементы смысловой структуры слова. Именно по этому пути шли такие замечательные лингвисты, как В. Гумбольдт, А. А. Потебня, Н. Я. Марр, Л. В. Щерба.

При описании смысловой структуры слова рельефнее выступают различия между основными семантическими типами слов и шире

уясняется роль грамматических факторов в разных категориях слов. Пониманию строя слова нередко мешает многозначность термина «значение». Опасности, связанные с недифференцированным употреблением этого понятия, дают себя знать в таком поверхностном и ошибочном, но идущим исстари и очень распространенном определении слова: «Словами являются звуки речи в их значениях» (иначе: «Всякий звук речи, имеющий в языке значение отдельно от других звуков, являющихся словами, есть слово») [26]. Если бы структура слова была только двухсторонней, состояла лишь из звука и значения, то в языке для всякого нового понятия и представления, для всякого нового оттенка в мыслях и чувствованиях должны были бы существовать или возникать особые, отдельные слова.

В действительности же дело обстоит не так. «Великим заблуждением, — говорит Ф. де-Соссюр, — является взгляд на языковый элемент просто как на соединение некоего звука с неким понятием. Определить его так — значило бы изолировать его от системы, в состав которой он входит; это повело бы к ложной мысли, будто возможно начинать с языковых элементов и из их суммы строить систему, тогда как на самом деле надо, отправляясь от совокупного целого, путем анализа доходить до заключенных в нем элементов»[27]. Но в языковой системе и звуки речи значимы, осмыслены. На это указывал еще В. Гумбольдт. Правда, «лишь в редких случаях, — говорил В. Гумбольдт, — можно распознать определенную связь звуков языка с его духом. Однако даже в наречиях (того же языка) незначительные изменения гласных, мало изменяющие язык в общем, по праву могут быть относимы к состоянию духа народа (Gemüthbeschaffenheit)»[28]. По мнению В. Гумбольдта, связь звуковой формы с внутренними языковыми законами достигает высшего предела в проникновении их друг другом[29].

Однако только в относительно редких случаях звукоподражаний, звуковых метафор и своеобразных звуковых жестов естественная связь звука и значения очевидна непосредственно[30]. Но опосредствованная внутренними отношениями языка как системы разнообразных смысловых элементов, она может быть открыта по разным направлениям. Само понятие фонемы и фонологической системы языка основано на признании громадной роли звуковой стороны в смысловой структуре языка вообще и слова в частности. В этом отношении даже эксперименты футуристов не лишены принципиального значения. Ведь В. Хлебников искал «способа изучать замену значения слов, вытекающую из замены одного звука другим»[31].

Итак, уже звуковая форма слова оказывается источником разнообразных смысловых оттенков.

Еще сложнее и разнообразнее те воплощенные в звуковой комплекс слова элементы мысли или мышления, которые прикрываются общим именем «значения».

Общеизвестно, что прежде всего слово исполняет номинативную, или дефинитивную функцию, т. е. или является средством четкого

обозначения, и тогда оно — простой знак, или средством логического определения, тогда оно — научный термин.

Слова, взятые вне системы языка в целом, лишь в их отношении к вещам и явлениям действительности, служат различными знаками, названиями этих явлений действительности, отраженных в общественном сознании. Рассматриваемые только под этим углом зрения, слова, в сущности, еще лишены соотносительных языковых форм и значений. Они сближаются друг с другом фонетически, но не связаны ни грамматически, ни семантически. С точки зрения вещественных отношений связь между *стол* и *столовая*, между *гостъ*, *гостинец* и *угостить*, между *дуб* и *дубина*, между *жила* в прямом номинативном значении и глаголами *зажилить*, *ужилить* и т. д. оказывается немотивированной и случайной.

Значение слова далеко не совпадает с содержащимся в нем указанием на предмет, с его функцией названия, с его предметной отнесенностью (gegenständliche Beziehung)[32].

В той мере, в какой слово содержит в себе указание на предмет, необходимо для понимания языка знать обозначаемые словами предметы, необходимо знать весь круг соответствующей материальной культуры. Одни и те же названия в разные эпохи обозначают разные предметы и разные понятия. С другой стороны, каждая социальная среда характеризуется своеобразиями своих обозначений. Одни и те же предметы по-разному осмысляются людьми разного образования, разного мировоззрения, разных профессиональных навыков. Поэтому одно и то же русское слово как указание на предмет включает в себя разное содержание в речи разных социальных или культурных групп.

Необходимость считаться, при изучении истории слов, с историей обозначаемых ими вещей общепризнана[33].

Как название, как указание на предмет слово является вещью культурно-исторической. «Там, где есть общность культуры и техники, слово указывает на один и тот же предмет; там, где она нарушается, дробится и значение слова»[34].

Функциональные и социально-бытовые связи вещей отражаются на исторической судьбе названий.

«Имя свидетельствует, что общественный разум уже пытался назначить этому предмету определенное место в единстве более общего целого», — сказал Лотце.

Однако легко заметить, что далеко не все типы слов выполняют номинативную или дефинитивную функцию. Ее лишены все служебные слова, в смысловой структуре которых преобладают чисто грамматические значения и отношения. Номинативная функция чужда также междометиям и так называемым «вводным» словам. Кроме того, местоименные слова, хотя и могут быть названиями, но чаще всего являются эквивалентами названий. Таким образом, уже при анализе вещественных отношений слова резко выступают различия между разными структурно-семантическими типами слов.

Переход от номинативной функции словесного знака к семантическим формам самого слова обычно связывается с коммуникативной функцией речи.

В процессе речевой коммуникации вещественное отношение и значение слова могут расходиться. Особенно ощутительно это расхождение тогда, когда слово не называет предмета или явления, а образно его характеризует (например, *живые мощи*, *колпак* — в применении к человеку, *баба* — по отношению к мужчине, *шляпа* — в переносном значении и т. п.).

В этом плане слово выступает как система форм и значений, соотносительная с другими смысловыми единицами языка.

Слово, рассматриваемое в контексте языка, т. е. взятое во всей совокупности своих форм и значений, часто называется л е к с е м о й [35].

Вне зависимости от его данного употребления, слово присутствует в сознании со всеми своими значениями, со скрытыми и возможными, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность. Но, конечно, то или иное значение слова реализуется и определяется контекстом его употребления. В сущности, сколько обособленных контекстов употребления данного слова, столько и его значений, столько и его лексических форм; при этом, однако, слово не перестает быть единым, оно обычно не распадается на отдельные слова-омонимы. Семантической границей слова является омоним. Слово как единая система внутренно связанных значений понимается лишь в контексте всей системы данного языка. Внутреннее единство слова обеспечивается не только единством его фонетического и грамматического состава, но и семантическим единством системы его значений, которое, в свою очередь, определяется общими закономерностями семантической системы языка в целом.

Язык обогащается вместе с развитием идей, и одна и та же внешняя оболочка слова обрастает побегами новых значений и смыслов. Когда затронут один член цепи, откликается и звучит целое. Возникающее понятие оказывается созвучным со всем тем, что связано с отдельными членами цепи до крайних пределов этой связи.

Способы объединения и разъединения значений в структуре слова обусловлены семантической системой языка в целом или отдельных его стилей. Изучение изменений в принципах сочетания словесных значений в «пучки» не может привести к широким обобщениям, к открытию семантических законов — вне связи с общей проблемой истории общественных мировоззрений, с проблемой языка и мышления. При иной точке зрения, «само значение слова продолжало бы оставаться темным и непонятным без восприятия его самого в общем комплексе всего миропонимания изучаемой эпохи»[36].

Русскому (как и другому) национальному языку свойственна своеобразная система образования и связи понятий, их группировки, их расслоения и их объединения в «пучки», в комплексные

единства. Объем и содержание обозначаемых словами понятий, их классификация и дифференциация, постепенно проясняясь и оформляясь, существенно и многократно видоизменяются по мере развития языка. Они различны на разных этапах его истории.

Характерной особенностью русского языка является тенденция к группировке слов большими кучками вокруг основных центров значений.

Слово как система форм и значений является фокусом соединения и взаимодействия грамматических категорий языка.

Ни один язык не был бы в состоянии выражать каждую конкретную идею самостоятельным словом или корневым элементом. Конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены. Язык оказывается вынужденным разносить бесчисленное множество значений по тем или другим рубрикам основных понятий, используя иные конкретные или полуконкретные идеи в качестве посредствующих функциональных связей. Поэтому самый характер объединения лексических и грамматических значений в строе разных типов слов неоднороден. Например, в формальных, связочных словах (как предлоги и союзы) грамматические значения составляют сущность их лексической природы. Структура разных категорий слов отражает разные виды отношений между грамматикой и лексикой данного языка.

В языках такого строя, как русский, нет лексических значений, которые не были бы грамматически оформлены и классифицированы. Понятие бесформенного слова к современному русскому языку не приложимо. В. Гумбольдт писал: «Грамматические отношения могут быть присоединены мысленно (hinzugedacht), если даже они не всегда имеют в языке знаки, и строй языка может быть такого рода, что неясность и недоразумения избегаются при этом, по крайней мере до известной степени. Поскольку, однако, грамматические отношения имеют определенное выражение, в употреблении такого языка существует грамматика собственно без грамматических форм»[37]. Тому же учил Потебня. Итак, понятие о слове как о системе реальных значений неразрывно связано с понятием грамматических форм и значений слова.

Лексические значения слова подводятся под грамматические категории. Слово представляет собою внутреннее, конструктивное единство лексических и грамматических значений. Определение лексических значений слова уже включает в себя указания на грамматическую характеристику слова. Грамматические формы и значения слова то сталкиваются, то сливаются с его лексическими значениями. Эту тесную связь, это глубокое взаимодействие лексических и грамматических форм и значений подчеркивали в последнее время все крупнейшие лингвисты, особенно настойчиво Шухардт[38], Н. Я. Марр[39], Л. В. Щерба (см. его предсмертную статью «Очередные проблемы языковедения», Известия АН СССР. Отд. литературы и языка, т. IV, вып. V, 1945) и А. И. Белич («О језичкој природи и језичком развитку», Београд 1941).

Семантические контуры слова, внутренняя связь его значений, его смысловой объем определяются грамматическим строем языка.

Эд. Сепир тонко заметил: «В аналитическом языке первенствующее значение выпадает предложению, слово же представляет меньший интерес. В синтетическом языке ... понятия плотнее между собою группируются, слова обставлены богаче, но вместе с тем обнаруживается общая тенденция ограничивать более узкими рамками диапазон конкретного значения отдельного слова». Понятно, что и семантический объем слова, и способы объединения значений различны в словах разных грамматических категорий. Так, смысловая структура глагола шире, чем имени существительного, и круг его значений подвижнее. Еще более эластичны значения качественных прилагательных и наречий. Широта фразовых связей слова также зависит от его грамматической структуры.

Различия в синтаксических свойствах слова, в особенностях его фразового употребления находятся в живой связи с различиями значений слова. Например, в современном языке слово *чорт* не имеет качественных значений. Но в простом разговорном стиле русского литературного языка конца XVIII — первой половины XIX в. слово *чорт* с особым предложным управлением обозначало: мастер, знаток, мастак на что-нибудь, в чем-нибудь. Например, у Державина:

(Я) горяч и в правде чорт.
(«К самому себе».)

В водевиле А. Шаховского «Два учителя или asinus asinum fricat»:

— Я уверен, что вы исправите его нравственность.
— О, мадам, я чорт на нравственность»[40].

В водевиле Л. Ленского «Стряпчий под столом» (1834):

Я сам чорт по дарованью,
Страшен в прозе и в стихах[41].

Ср. у П. А. Вяземского в «Старой записной книжке» анекдот о моряке и царице Екатерине: «По рассеянию случилось, что, проходя мимо его, императрица три раза сказала ему: «Кажется, сегодня холодно». — «Нет, матушка, ваше величество, сегодня довольно тепло», — отвечал он каждый раз. — «Уж воля ее величества, — сказал он соседу своему, — а я на правду чорт»[42].

Само собою разумеется, что семантическое развитие языка находится в зависимости от лексического и морфологического инвентаря его, инвентаря основ-корней, словообразовательных элементов и грамматических категорий.

Пути семантической эволюции слов нередко определяются законами развития морфологических категорий.

Акад. М. М. Покровский еще в ранней своей диссертации «Семасиологические исследования в области древних языков»[43] выставил такой тезис: «Всевозможные морфологические типы nominum actionis (т. е. обозначений действий), по мере своей продуктивности в языке, получают в конце концов все те значения, которые этому

классу имен свойственны, т. е. обозначения процесса, результата, орудия и места действия»[44].

Известно, что слово, принадлежащее к кругу частей речи с богатым арсеналом словоизменения, представляет собою сложную систему грамматических форм, выполняющих различные синтаксические функции. Отдельные формы могут отпадать от структуры того или иного слова и превращаться в самостоятельные слова (например, формы существительного становятся наречиями).

Грамматическими законами определяются приемы и принципы связи и соотношения морфем в системе языка, способы их конструктивного объединения в слова. Сдвиг в формах словообразования изменяет всю систему лексики.

Грамматические формы и отношения между элементами языковой системы определяют грань, отделяющую слова, которые представляются произвольными, не мотивированными языковыми знаками, от слов, значения которых более или менее мотивированы. Мотивированность значений слов связана с пониманием их строя, с живым сознанием семантических отношений между словесными элементами языковой системы.

«Не существует языков, где нет ничего мотивированного; но немыслимо себе представить и такой язык, где мотивировано было бы все. Между двумя крайними точками — наименьшей организованностью и наименьшей произвольностью — обретаются всевозможные разновидности»[45].

26.338

Различия между мотивированными и немотивированными словами обусловлены не только грамматическими, но и лексико-семантическими связями слов. Тут открывается область новых смысловых отношений в структуре слова, область так называемых «внутренних форм» слова.

«Внутренней формой» слова многие лингвисты, вслед за В. Гумбольдтом и Штейнталем, называют способ представления значения в слове, «способ соединения мысли со звуком».

«Слово как творческий акт речи и мысли, — учит Потебня, — включает в себя, кроме звуков и значения, еще представление (или внутреннюю форму), иначе «знак значения». Например, в слове *арбузик*, которым ребенок назвал абажур, признак шаровидности, извлеченный из значения слова *арбуз*, и образует его внутреннюю форму, или представление[46].

Представление — «непременная стихия возникающего слова». Слово с живым представлением — образное, поэтическое слово. «Представление — необходимая (для быстроты мысли и для расширения сознания) замена соответствующего образа или понятия»[47].

По определению А. Марти, внутренняя форма слова есть «сопредставление» или «созначение», которое образует посредствующее звено между звуками и значениями. Это — образный способ выражения того или иного значения, обусловленный психологическими или культурно-историческими особенностями общественной среды и эпохи[48]. Внутренняя форма слова ни в какой мере не

www.ruslang.ru

БИБЛИОТЕКА

совпадает со значением слова (ср. внутреннюю форму и значение слова *тупой* в выражении *тупое упорство*), хотя она и помогает уяснить идеологию и мифологию языка или стиля, связи и соотношения идей, образов и представлений в языке.

Ведь «язык состоит, наряду с уже оформленными элементами, главным образом из методов продолжения работы духа, для которой язык предначертывает путь и форму»[49].

Во внутренних формах слова отражается «толкование действительности, ее переработка для новых, более сложных, высших целей жизни»[50]. С этим кругом смысловых элементов слова связаны и сложные словесные композиции поэтического творчества. «Элементарная поэтичность языка, т. е. образность отдельных слов и постоянных сочетаний, ... ничтожна сравнительно с способностью языка создавать образы из сочетания слов, все равно, образных или безóбразных»[51].

«Внутренние формы» слов исторически изменчивы. Они обусловлены свойственным языку той или иной эпохи, стилю той или иной среды, способом воззрения на действительность и характером отношений между элементами семантической системы.

«Внутренняя форма» слова, образ, лежащий в основе значения или употребления слова, может уясниться лишь на фоне той материальной и духовной культуры, той системы языка, в контексте которой возникло или преобразовалось данное слово или сочетание слов.

Выбор той или иной «внутренней формы» слова всегда обусловлен идеологически, и, следовательно, культурно-исторически и социально.

«В зависимости от обстоятельств совершенно различные этимоны выражений (т. е. внутренние формы) могут образовать соединяющую связь между звуком и тем же значением», — писал А. Марти[52]. Внутренние формы потому и называются внутренними, что они не имеют постоянных чувственных индексов, они — подвижные и изменчивые формы смысла, как он передается или изображается.

Легко заметить, что «внутренние формы» в разных категориях слов проявляются по-разному. На такие типы слов, как слова служебные, слова модальные, до сих пор понятие внутренней формы, в сущности, и не распространялось, хотя и в их образовании и употреблении сказывается громадная роль внутренних форм.

Во внутренних формах слова выражается не только «толкование действительности», но и ее оценка.

Слово не только обладает грамматическими и лексическими, предметными значениями, но оно в то же время выражает оценку субъекта — коллективного или индивидуального. Само предметное значение слова до некоторой степени формируется этой оценкой, и оценке принадлежит творческая роль в изменениях значений.

Экспрессивная оценка нередко определяет выбор и размещение всех основных смысловых элементов высказывания. «Языком чело-

век не только выражает что-либо, он им выражает также и самого себя», — говорил Георг фон Габеленц.

Слово переливает экспрессивными красками социальной среды. Отражая личность (индивидуальную или коллективную) субъекта речи, характеризуя его оценку действительности, оно квалифицирует его как представителя той или иной общественной группы. Этот круг оттенков, выражаемых словом, называется э к с п р е с с и е й с л о в а, его экспрессивными формами. Экспрессия всегда субъективна, характерна и лична — от самого мимолетного до самого устойчивого, от взволнованности мгновения до постоянства не только лица, ближайшей его среды, класса, но и эпохи, народа, культуры.

Предметно-логическое значение каждого слова окружено особой экспрессивной атмосферой, колеблющейся в зависимости от контекста. Выразительная сила присуща звукам слова и их различным сочетаниям, морфемам и их комбинациям, лексическим значениям. Слова находятся в непрерывной связи со всей нашей интеллектуальной и эмоциональной жизнью.

Слово является одновременно и знаком мысли говорящего, и признаком всех прочих психических переживаний, входящих в задачу и намерение сообщения.

Экспрессивные краски облекают значение слова, они могут сгущаться под влиянием эмоциональных суффиксов. Экспрессивные оттенки присущи грамматическим категориям и формам. Они резко выступают и в звуковом облике слов, и в интонации речи.

Легко привести примеры экспрессивного напряжения слова при посредстве осложненных суффиксальных образований. У Вельтмана: «Слуги жили свинтусами, ходили замарантусами» («Приключения, почерпнутые из моря житейского»). У Д. И. Писарева в статье «Генрих Гейне»: «На развалинах старого феодализма утвердилась новая плутократия, и бароны финансового мира, банкиры, негоцианты, коммерсанты, фабриканты и всякие *надуванты* вовсе не были расположены делиться с народом выгодами своего положения»[53].

Экспрессивная насыщенность выражения зависит от его значения, от внушительности его внутренней формы, от степени его смысловой активности в общей духовной атмосфере данной среды и данного времени[54].

Ch. Bally («Le language et la vie», 1913), описывая борьбу двух тенденций в языке — интеллектуальной и экспрессивной, так разграничивает сферы и направление их действия: «Тенденция экспрессивная обогащает язык конкретными элементами, продуктами аффектов и субъективизма говорящего; она создает новые слова и выражения; тенденция интеллектуальная, аналитическая устраняет эмоциональные элементы, создает из части их формальные принадлежности».

Но в самих грамматических, особенно синтаксических, категориях также заложены яркие средства экспрессивного выражения.

Достаточно напомнить о тех тонких экспрессивных красках и нюансах, которые создаются употреблением — прямым и переносным — глагольных категорий времени, наклонения, лица или таких общих грамматических категорий, как род и число. «Аффективность проникает в грамматический язык, вынимает из него логическое содержание и его разрушает... Логический идеал всякой грамматики — это иметь одно выражение для каждой отдельной функции и только одну функцию для каждого выражения. Если бы этот идеал был осуществлен, язык имел бы такие же точные очертания, как алгебра... Но фразы — не алгебраические формулы. Аффективный элемент обволакивает и окрашивает логическое выражение мысли»[55]. Этот аффективный элемент, почти свободный от интеллектуальных примесей, больше всего дает себя знать в междометиях.

Все многообразие значений, функций и смысловых нюансов слова сосредоточивается и объединяется в его стилистической характеристике. В стилистической оценке выступает новая сфера смысловых оттенков слов, связанных с их индивидуальным «паспортом». Стилистическая сущность слова определяется его индивидуальным положением в семантической системе языка, в кругу ее функциональных и жанровых разновидностей (письменный язык, устный язык, их типы, язык художественной литературы и т. п.). Дело в том, что развитой язык представляет собою динамическую систему семантических закономерностей, которыми определяются соотношения и связи словесных форм и значений в разных стилях этого языка. И в этой системе смысловых соотношений функции и возможности разных категорий слов более или менее очерчены и индивидуализированы.

Индивидуальная характеристика слова зависит от предшествующей речевой традиции и от современного соотношения смысловых элементов в языковой системе и в ее стилевых разновидностях.

В этом плане слова и их формы получают новые квалификации, подвергаются новой группировке, новой дифференциации, распадаясь на будничные, торжественные, поэтические, прозаические, архаические и т. п. Эта стилистическая квалификация слов обусловлена не только индивидуальным положением слова или соответствующего ряда слов в семантической системе литературного языка в целом, но и функциями слова в структуре активных и живых разновидностей, типов этого языка. Развитой литературный язык представляет собой весьма сложную систему более или менее синонимичных средств выражения, так или иначе соотнесенных друг с другом.

Кроме того, необходимо помнить, что «периоды развития языка не сменяются поочередно, как один караульный другим, но каждый период создает что-нибудь новое, что при незаметном переходе в следующий составляет подкладку для дальнейшего развития. Такие результаты работы различных периодов, заметные в данном состоянии известного объекта, в естественных науках называются

слоями; применяя это название к языку, можно говорить о слоях языка, выделение которых составляет одну из главных задач языковедения»[56]. Эти различные лексические и грамматические слои в каждой системе языка также подвергаются переоценке и приспособляются к живой структуре литературных стилей. Понятно, что стилистическую переквалификацию проходят и лежащие за пределами литературного языка разные диалектные пласты речи. Конечно, указанием всех этих функций и оттенков смысловая структура слова не исчерпывается. Так, не приняты в расчет «приращения смысла», которые возникают у слова в композиции сложного целого (монолога, литературного произведения, бытового диалога) или в индивидуальном применении, в зависимости от ситуации. Широкая область употребления слова, разные оттенки эмоционального и волевого воздействия, жанрово-стилистические различия лексики — все это сознательно оставлено в стороне. Все разнообразие присущих слову возможностей фразеологического распространения также не было предметом настоящего рассмотрения. За норму взято слово, свободно перемещаемое из одного словесного окружения в другое, в совокупности его основных форм и значений. От значений слова необходимо отличать его употребление. Значения устойчивы и общи всем, кто владеет системой языка. Употребление — это лишь возможное применение одного из значений слова, иногда очень индивидуальное, иногда более или менее распространенное. Употребление не равноценно со значением, и в нем скрыто много смысловых возможностей слова.

Однако для грамматического учения о слове этот общий очерк смысловой структуры слова достаточен. Необходимо лишь дополнить его описанием типов устойчивых словосочетаний, которые располагаются рядом со словом как семантические единицы более сложного порядка, эквивалентные слову.

§ 4. Основные типы фразеологических единиц в русском языке

Акад. А. А. Шахматов в своем «Синтаксисе русского языка» настойчиво подчеркивал чрезвычайную важность вопроса о неразложимых сочетаниях слов не только для лексикологии (фразеологии), но и для грамматики. «Под разложением словосочетания, — писал А. А. Шахматов, — разумеем определение взаимных отношений входящих в его состав элементов, определение господствующего и зависимых от него элементов. Между тем, подобное разложение для некоторых словосочетаний оказывается невозможным. Так, например, сочетание *два мальчика* с точки зрения современных синтаксических отношений оказывается неразложимым»[57]. В неразложимых словосочетаниях связь компонентов может быть объяснена с исторической точки зрения, но она непонятна, не мотивирована с точки зрения живой системы современных языковых отношений. Неразложимые словосочетания представляют собою пережиток предшествующих стадий языкового развития. А. А. Шахматову было ясно тесное взаимодействие лексических и грамматических форм и значений в процессе образования неразрывных и неразложимых словосочетаний. Так, А. А. Шахматов отмечал, что «сочетание определяемого слова с определением во многих случаях стремится составить одно речение; но большею частью оба члена сочетания, благодаря, конечно, их ассоциации с соответствующими словами вне данных сочетаний, сохраняют свою само-

стоятельность. Например, в словосочетании *почтовая бумага* оба слова сохраняют свою самостоятельность вследствие тесной связи с употреблением их в сочетаниях типа: *почтовый ящик, почтовое отделение*, с одной стороны, и *писчая бумага, белая бумага* и т. п.—с другой»[58]. «Но часто такая раздельность нарушается, и наступает еще более тесное сближение обоих сочетавшихся слов» (ср. *ни синь пороха* вместо *ни синя пороха*). Указав на то, что от речений типа *железная дорога, Красная Армия* образуются целостные прилагательные *железнодорожный, красноармейский*, где *железно-, красно-* оказываются неизменяемой частью сложных слов, А. А. Шахматов ставит вопрос: «Можно ли считать *железная* в *железная дорога* определением? Не надлежит ли признать *железная дорога* и тому подобные сочетания неразложимыми по своему значению, хотя и разложимыми грамматически словосочетаниями?»[59]. Таким образом, А. А. Шахматов предполагает, что семантическая неразложимость словесной группы ведет к ослаблению и даже утрате ею грамматической расчлененности. В связи с семантическим переосмыслением неразложимой словесной группы находятся и ее грамматические преобразования. Например, выражение *спустя рукава*, ставши идиоматическим целым, превратилось из деепричастного оборота в наречие. «Но переход деепричастия в наречие имеет следствием невозможность определить *рукава* в данном сочетании как винительный падеж прямого дополнения»[60]. Следовательно, «исконные объективные отношения могут стираться и видоизменяться, не отражаясь на самом употреблении падежа». Вместо живого значения остается немотивированное употребление.

Изменение грамматической природы неразложимого словосочетания можно наблюдать и в выражении *от нечего делать*[61].

Вопрос о разных типах фразеологических единиц, сближающихся со словом, у А. А. Шахматова остается неразрешенным. Тесная связь этих проблем фразеологии с вопросами грамматики бросалась в глаза русским грамматистам и до акад. А. А. Шахматова.

Проф. Н. К. Кульман высказывался за необходимость разграничения «грамматического и фразеологического материала», так как в устойчивых, застывших фразеологических оборотах способы выражения синтаксической связи нередко бывают архаичными, оторванными от живых категорий современного языка. Так, например, можно было бы найти формы сослагательного наклонения в выражениях: *Я сказал, чтобы ты пришел; Не бывать бы счастью, да несчастье помогло; Приди мы, этого не случилось бы* и т. п. Но «правильнее в таких случаях становиться на точку зрения чистой фразеологии и не переносить в грамматику данного языка тех категорий, которые связаны в других языках с известными формами, а в данном языке только выражаются теми или другими фразеологическими оборотами»[62].

Необходимо пристальнее вглядеться в структуру фразеологических групп, более четко разграничить их основные типы и определить их семантические основы, их отношение к слову.

Несомненно, что легче и естественнее всего выделяется тип словосочетаний, абсолютно неделимых, неразложимых, значение которых совершенно независимо от их лексического состава, от значений их компонентов и так же условно и произвольно, как значение немотивированного слова-знака.

Фразеологические единицы этого рода могут быть названы ф р а з е о л о г и ч е с к и м и с р а щ е н и я м и. Они не мотивированы и непроизвольны. В их значении нет никакой связи, даже потенциальной, со значением их компонентов. Если их составные элементы одноручны с какими-нибудь самостоятельными, отдельными словами языка, то это их соотношение — чисто омонимическое.

Примером фразеологического сращения является разговорное выражение *собаку съел* (в чем-нибудь). *От собаку съел на это* или *на этом, в этом*, т. е., занимаясь таким-то делом, он мастер на это, или он искусился, приобрел опытность, искусство. В южновеликорусских или украинских местностях, где *собака* мужского рода, прибавляют: *сучкой вакусил* (с комическим оттенком). А. А. Потебня считал это выражение по происхождению народным, крестьянским, связанным с земледельческой работой. Только «тот,

кто искусился в этом труде, знает, что такое земледельческая работа: устанешь, с голоду и собаку бы съел»[63]. Этимология Потебни нисколько не уясняет современного значения этой идиомы и очень похожа на так называемую «народную этимологию». Неделимость выражения *съел собаку* (в чем-нибудь), его лексическая непроизводность ярко отражается в его значении и употреблении, в его синтаксических связях. Например, у Некрасова в поэме «Кому на Руси жить хорошо» читаем:

Заводские начальники
По всей Сибири славятся —
Собаку съели драть.

Здесь инфинитив *драть* выступает в роли объектного пояснения к целостной идиоме *собаку съели* в значении: мастера́ (что-нибудь делать). Такое резкое изменение грамматической структуры фразеологического сращения обычно связано с утратой смысловой делимости. Так, выражение *как ни в чем не бывало* в современном языке имеет значение наречия.

Между тем, еще в русском литературном языке первой трети XIX в. в этом словосочетании выделялись составные элементы и было живо сознание необходимости глагольного согласования формы *бывал* субъектом действия.

Например, у Лермонтова в повести «Бэла»: «За моею тележкою четверка быков тащила другую, как ни в чем не бывала, несмотря на то, что она была доверху накладена». У Д. Н. Бегичева в «Семействе Холмских»: «Князь Фольгин, как будто ни в чем не бывал, также шутил».

Кажется само собою понятным, почему неделимы те фразеологические сращения, в состав которых входят лексические компоненты, не совпадающие с живыми словами русского языка (например: *во всю Ивановскую, вверх тормашками, бить баклуши, точить лясы, точить балясы* и т. п.). Но одной ссылки на отсутствие подходящего слова в лексической системе современного русского языка недостаточно для признания идиоматической неделимости выражения. Вопрос решается факторами семантического порядка.

Чисто внешний, формальный, хотя бы и лексикологический, подход к фразеологическим сращениям не достигает цели. Изолированное, единичное слово, известное только в составе идиомы и потому лишенное номинативной функции, не всегда является признаком полной смысловой неразложимости выражения. Например: *дело не терпит отлагательства, совесть зазрила, мозолить глаза, мертвецки пьян* и т. п.

Точно так же грамматический архаизм может быть легко осмыслен при наличии соответствующей категории или соотносительных форм в современном языке; например: *положа руку на сердце, сидеть сложа руки, средь бела дня, на босу ногу* и т. п.

Грамматические архаизмы чаще всего лишь поддерживают идиоматичность выражения, но не создают его. Ср. (пуститься) *во все тяжкие* и т. п.

Основным признаком сращения является его семантическая неделимость, абсолютная невыводимость значений целого из компонентов. Фразеологическое сращение представляет собою семантическую единицу, однородную со словом, лишенным внутренней формы. Оно не есть ни произведение, ни сумма семантических элементов. Оно — химическое соединение каких-то растворившихся и с точки зрения современного языка аморфных лексических частей.

При этом семантической неразложимости целого иногда сопутствует сохранение внешних грамматических границ между частями фразеологического сращения. Это своеобразный след былой лексической расчлененности словосочетания.

Семантическое единство фразеологического сращения часто поддерживается синтаксической нерасчлененностью или немотивированностью словосочетания, отсутствием живой синтаксической связи между его морфологическими компонентами. Например: *так себе; куда ни шло; была не была; то и дело; хоть куда; трусу праздновать; диву даться; выжить из ума; чем свет; как пить дать* (ср. у Чехова в рассказе «Бабы»: «Дело было ясное, как пить дать»); *мало ли какой; из рук вон* (плохо); *так и быть; шутка сказать;*

себе на уме (у Чехова в «Скучной истории»: «Умышленность, осторожность, себе на уме, но нет ни свободы, ни мужества писать как хочется, а стало быть, нет и творчества»).

Таким образом, фразеологические сращения являются только эквивалентами слов, они образуют своеобразные синтаксически составные слова, выступающие в роли либо частей предложения, либо целых предложений. Поэтому они подводятся под грамматические категории как целостные семантические единицы. Но полного параллелизма между грамматическими и лексическими изменениями их состава нет. Однако сохранение грамматических отношений между членами фразеологического сращения — лишь уступка языковой традиции, лишь пережиток прошлого. В фразеологических сращениях кристаллизуется новый тип составных лексических и синтаксических единств.

Если в тесной фразеологической группе сохранились хотя бы слабые признаки семантической раздельности компонентов, если есть хотя бы глухой намек на мотивировку общего значения, то о сращении говорить уже трудно. Например, в таких разговорно-фамильярных выражениях, как: *держать камень за пазухой*, *выносить сор из избы*, (у кого-нибудь) *семь пятниц на неделе*, *стреляный воробей*, *мелко плавает*, *кровь с молоком*, *последняя спица в колесницe*, *плясать под чужую дудку*, *без ножа зарезать*, *язык чесать* или *языком чесать*, *из пальца высосать*, *первый блин комом* — или в таких литературно-книжных и интеллигентски-разговорных фразах, как: *плыть по течению*, *плыть против течения*, *всплыть на поверхность* и т. п. — значение целого связано с пониманием внутреннего образного стержня фразы, потенциального смысла слов, образующих эти фразеологические единства. Таким образом, многие крепко спаянные фразеологические группы легко расшифровываются как образные выражения. Они обладают свойством потенциальной образности. Образный смысл, приписываемый им в современном языке, иногда вовсе не соответствует их фактической этимологии. По большей части, это—выражения, состоящие из слов конкретного значения, имеющие заметную экспрессивную окраску. Например, *положить*, *класть зубы на полку* — в значении: голодать, ограничить до минимума самые необходимые потребности. Ср. у Тургенева в «Нови»: «Я еду на кондиции, — подхватил Нежданов,— чтобы зубов не положить на полку». Ср. выражение *уйти в свою скорлупу* и у Чехова — обнажение его образа: «Людей, одиноких от натуры, которые, как рак-отшельник или улитка, стараются уйти в свою скорлупу, на этом свете немало» («Человек в футляре»).

Понимание производности, мотивированности значения такого фразеологического единства связано с сознанием его лексического состава, с сознанием отношения значения целого к значениям составных частей.

Однако в этих сложных единствах возможны и такие элементы, которые являются упаковочным материалом. Они заменимы, тем более что фразеологические единства не всегда образуют застывшую массу неотделимых элементов. Иногда части фразеологического единства отделяются друг от друга вставкой иных слов.

Таким образом, от фразеологических сращений отличается другой тип устойчивых, тесных фразеологических групп, которые тоже семантически неделимы и тоже являются выражением единого, целостного значения, но в которых это целостное значение мотивировано, являясь произведением, возникающим из слияния значений лексических компонентов.

В таком фразеологическом единстве слова подчинены единству общего образа, единству реального значения. Подстановка синонима или замена слов, являющихся семантической основой фразы, невозможна без полного разрушения образного или экспрессивного смысла фразеологического единства. Значение целого здесь абсолютно неразложимо на отдельные лексические значения компонентов. Оно как бы разлито в них и вместе с тем оно как бы вырастает из их семантического слияния.

Фразеологические единства являются потенциальными эквивалентами слов, и в этом отношении они несколько сближаются с фразеологическими сращениями, отличаясь от них семантической сложностью

своей структуры, потенциальной выводимостью своего общего значения из семантической связи компонентов. Фразеологические единства по внешней, звуковой форме могут совпадать с свободными сочетаниями слов. Ср. устно-фамильярные выражения: *вымыть голову, намылить голову* (кому-нибудь) в значении: сильно побранить, пожурить, сделать строгий выговор — и омонимические словосочетания в их прямом значении: *вымыть голову, намылить голову*. Ср. *биться из-за куска хлеба* и *биться* (с кем-нибудь) *из-за куска хлеба; бить ключом (жизнь бьет ключом)* и *бить ключом* (кого-нибудь по голове); *взять за бока* (кого-нибудь), в значении: заставить принять участие в деле — и то же словосочетание в прямом значении; *брать в свои руки* в значении: приступить к руководству, управлению чем-нибудь и *брать в руки* (что-нибудь) и другие подобные.

Фразеологическое единство часто создается не столько образным значением словесного ряда, сколько синтаксической специализацией фразы, употреблением ее в строго фиксированной грамматической форме.

Например, шутливо-фамильярное, носящее отпечаток школьного жаргона выражение *ноль внимания* обычно употребляется в функции сказуемого. Ср. у Чехова в рассказе «Красавица»: «Медик пьян как сапожник. На сцену — ноль внимания. Знай себе дремлет да носом клюет».

Нередко внутренняя замкнутость фразеологического единства создается специализацией экспрессивного значения.

К числу фразеологических единств, обособлению и замкнутости которых содействуют экспрессивные оттенки значения, относятся, например, такие разговорно-фамильярные выражения: *ему и горюшка мало!; плакали наши денежки!; держи карман* или *держи карман шире!; что ему делается?; чего изволите?; час от часу не легче!; хорошенького понемножку* (ирон.); *туда ему и дорога!* Ср.: *жирно будет!* («Нет, жирно будет вас этаким вином поить. Атанде-с!» — Островский, «Утро молодого человека»); *чем чорт не шутит?; и пошел и пошел!; наша взяла!; ума не приложу!; над нами не каплет!; «и дешево и сердито!* (первоначально — о водке). Ср. у Салтыкова-Щедрина в «Помпадурах»: «Над дверьми нахально красуется вывеска: «И дешево и сердито».

Отдельно должны быть рассмотрены целостные словесные группы, являющиеся терминами, т. е. выступающие в функции названия. Прямое, логически оправданное отношение термина к обозначаемому им предмету или понятию создает неразрывность фразовой структуры, делает соответствующую словесную группу эквивалентом слова. С познавательной точки зрения, между составными терминами — научным или техническим — и таким же номенклатурным ярлыком, например, названием какого-нибудь явления, предмета, — большая разница, но в бытовом языке эта разница часто стирается. Естественно, что многие из такого рода составных названий, переходя, по закону функциональной семантики, на другие предметы, процессы и явления, однородные с прежними по функции, становятся не только неразрывными, но и вовсе немотивированными единствами. Многие составные термины превращаются в фразеологические сращения (ср.: *железная дорога; грудная жаба* и т. п.).

В фразеологических единствах грамматические отношения между компонентами легко различимы. Они могут быть сведены к живым современным синтаксическим связям. Это естественно. Потенциальная лексическая делимость как основной признак фразеологического единства естественно предполагает и синтаксическую разложимость словосочетания. Таким образом, и здесь грамматические формы и отношения держатся устойчивее, чем лексико-семантические. Здесь сохраняется, так сказать, морфология застывших синтаксических конструкций, но их функциональное значение резко изменяется. В той мере, в какой фразеологические группы этого типа являются семантически неделимыми единицами, приходится считать их и синтаксически несвободными, хотя и разложимыми, слитными словосочетаниями.

Это положение получит особенную ясность и выразительность, если применить его к тем группам фразеологических единств, которые представляют собою союзные или предложные речения.

Таковы, например, союзные речения, чаще всего образующиеся из непроизводного союза, предложной формы имени существительного со значениями времени, места или причины и указательного местоимения, или из союза и указательного местоимения с подходящим по значению предлогом: *до тех пор пока, с тех пор как, в то время как, с того времени как, ввиду того что, по мере того как, между тем как, после того как, потому что, до того что, несмотря на то что, вместе того чтобы* и т. п. Сюда же примыкают союзы, включающие в себя наречия образа действия, сравнения или сравнительной степени: *подобно тому как, прежде чем, так что, так чтобы, даром что* и другие подобные. Наконец, можно отметить составные союзы из модальных частиц: *едва только, лишь только, чуть лишь*. Ср.: *не то чтобы, добро бы, как будто бы* и т. п.

Все эти служебные слова семантически неразрывны, функционально неделимы, хотя с этимологической точки зрения производны. Эта аналогия бросает свет на синтаксическую природу фразеологических единств (ср. фразеологическое сращение *так как*).

Рядом с фразеологическими единствами выступают и другие, более аналитические типы устойчивых сочетаний слов. Фразеологические единства как бы поглощают индивидуальность слова, хотя и не лишают его смысла: например, в выражениях разговорной речи *глаз не казать, носу не казать* потенциальный смысл глагола *казать*, не встречающегося в других контекстах, еще ощутим в структуре целого.

Но бывают устойчивые фразеологические группы, в которых значения слов-компонентов обособляются гораздо более четко и резко, однако остаются несвободными. Например: *щекотливый вопрос, щекотливое положение, щекотливое обстоятельство* и т. п. (при невозможности сказать *щекотливая мысль, щекотливое намерение* и т. п.); *обдать презрением, злобой, взглядом; обдать взглядом ласкающего сочувствия* и т. п. (при семантической недопустимости выражений: *обдать восхищением, обдать завистью* и т. п.).

В самом деле, большая часть слов и значений слов ограничена в своих связях внутренними, семантическими отношениями самой языковой системы. Эти лексические значения могут проявляться лишь в связи с строго определенным кругом понятий и их словесных обозначений. При этом для такого ограничения как будто нет оснований в логической или вещной природе самих обозначаемых предметов, действий и явлений. Эти ограничения создаются присущими данному языку законами связи словесных значений. Например, слово *брать* в значении: овладевать, подвергать своему влиянию, и в применении к чувствам, настроениям — не сочетается свободно со всеми обозначениями эмоций, настроений. Говорится: *страх берет, тоска берет, досада берет, злость берет, ужас берет, зависть берет, смех берет, раздумье берет, охота берет* и некоторые др. Но нельзя сказать: *радость берет, удовольствие берет, наслаждение берет* и т. п.

Таким образом, круг употребления глагола *брать* в связи с обозначениями чувств и настроений фразеологически замкнут.

Фразеологически связанное значение трудно определимо. В нем общее логическое ядро не выступает так рельефно, как в свободном значении. Фразеологически связанное значение, особенно при узости и тесноте соответствующих контекстов, дробится на индивидуальные оттенки, свойственные отдельным фразам. Поэтому чаще всего такое значение не столько определяется, сколько характеризуется, освещается путем подбора синонимов, которые могут его выразить и заменить в соответствующем сочетании.

Едва ли нужно еще раз добавлять, что многие слова вообще не имеют свободных значений. Они лишены прямой номинативной функции и существуют в языке лишь только в составе фразеологических групп — их лексическая отдельность поддерживается лишь наличием словообразовательных родичей и слов-синонимов. Можно сказать, что лексическое значение таких слов определяется местом их в лексической системе данного языка, их отношением к синонимическим рядам слов и словесных групп, их положением в родственном лексическом или грамматическом гнезде слов и форм. Таково, например, в современном языке слово *потупить*. Оно выделяется из устой-

чивых словесных групп: *потупить взор, взгляд, глаза; потупить голову.* Оно утверждается наличием слова *потупиться*, которое обозначает то же, что *потупить глаза, голову.* Оно, наконец, воспринимается на фоне синонимических фраз: *опустить глаза, опустить голову.*

Различия в онтологическом содержании свободных и связанных значений настолько велики и существенны, что их неразличение приводит к искажению всей смысловой структуры слова. Можно думать, что степень свободы и широты фразеологических связей слова до некоторой степени зависит и от его грамматической структуры. Наиболее многообразно и свободно комбинируются номинативные значения существительных, особенно конкретного, вещественного характера. Затем идут переходные глаголы, вслед за ними непереходные. Необходимо отметить, что в русском литературном языке со второй половины XVIII в. все более широко распространяются сочетания глаголов с отвлеченными именами существительными в качестве субъектов действия. Почти на одном уровне с глаголами находятся свободные связи имен прилагательных в основных номинативных значениях. В категории наречия только наречия качества и степени, отчасти времени и места располагают более или менее широкими возможностями словосочетания; остальные разряды наречий очень связаны фразеологически. Фразеологические группы, образуемые реализацией несвободных, связанных значений слов, составляют самый многочисленный и семантически веский разряд устойчивых сочетаний слов в русском языке. Тип фраз, образуемых реализацией несвободных значений слов, целесообразнее всего назвать ф р а з е о л о г и ч е с к и м и с о ч е т а н и я м и. Фразеологические сочетания не являются безусловными семантическими единствами. Они аналитичны. В них слова с несвободным значением допускают синонимическую подстановку и замену, и д е н т и ф и к а ц и ю. Аналитичность, свойственная словосочетанию, может сохраняться и при ограничении контекста употребления несвободного слова лишь в одной-двух фразах.

Например, разговорное слово *беспросыпный* употребляется лишь в сочетании со словом *пьянство;* также возможно словосочетание *беспросыпно пьянствовать.* Синоним этого слова *беспробудный*, неся отпечаток книжного стиля, имеет более широкие фразовые связи: *спать беспробудным сном; беспробудное пьянство.* В этих примерах прозрачность морфологического состава слов *беспросыпный* и *беспробудный*, связь их с многочисленными морфологическими гнездами поддерживает их лексические значения, их некоторую самостоятельность.

Отличие синтетической группы или фразеологического единства от фразеологического сочетания состоит в следующем. В фразеологическом сочетании значения сочетающихся слов в известной степени равноправны и рядоположны. Даже несвободное значение одного из слов, входящих в состав фразеологического сочетания, может быть описано, определено или выражено синонимом. Во фразеологическом сочетании обычно лишь значение одного из слов воспринимается как значение несвободное, связанное. Для фразеологического сочетания характерно наличие синонимического, параллельного оборота, связанного с тем же опорным словом, характерно сознание отделимости и заменимости фразеологически несвободного слова. Например: *затронуть чувство чести, затронуть чьи-нибудь интересы, затронуть гордость* и т. п. (Ср.: *задеть чувство чести, задеть гордость* и т. п.)

Среди тесных фразеологических групп, образуемых реализацией так называемых «несвободных» значений слов, выделяются два типа фраз: а н а л и т и ч е с к и й, расчлененный, допускающий подстановку синонимов под отдельные члены выражения, и более с и н т е т и ч е с к и й, близкий к фразеологическому единству.

Фразеологические группы или фразеологические сочетания почти лишены омонимов. Они входят лишь в синонимические ряды слов и выражений. Для того чтобы у фразеологической группы нашлось омонимическое словосочетание, необходимо наличие слов-омонимов для каждого члена группы. Однако сами фразеологические сочетания могут быть омонимами фразеологических единств, или идиом (сращений). Например: *отвести глаза* (от кого-

нибудь) — фразеологическое сочетание; *отвести глаза* (кому-нибудь) — фразеологическое единство. Ср.: «Я с усилием отвел глаза от этого прекрасного лица»; «Александр долго не мог отвести глаз от неё» (Гончаров, «Обыкновенная история»). Но: «Г-н Спасович решительно хочет отвести нам глаза» (Достоевский, «Дневник писателя», 1876, февраль). «Обходительность и ласковость были не более как средство отвести покупателям глаза, заговорить зубы и всучить тем временем гнилое, линючее» (Гл. Успенский, «Книжка чеков»).

В фразеологических сочетаниях синтаксические связи слов вполне соответствуют живым нормам современного словосочетания. Однако эти связи в них воспроизводятся по традиции. Самый факт устойчивости и семантической ограниченности фразеологических сочетаний говорит о том, что в живом употреблении они используются как готовые фразеологические единицы, воспроизводимые, а не вновь организуемые в процессе речи. Следовательно, грамматическое расчленение ведет к познанию лишь этимологической природы этих словосочетаний, а не их синтаксических форм и функций в современном языке.

Таким образом, с учением о слове органически связаны наблюдения над сращениями слов, над фразеологическими единствами и фразеологическими сочетаниями. Эти наблюдения приводят к выводу, что в русском языке широко распространяются синтаксически составные слова («речения», фразеологические сращения) и разнообразные типы устойчивых фразеологических единиц, которые обособляются от свободных словосочетаний и примыкают к лексическим единицам[64].

§ 5. Основные структурно-семантические типы слов

Уже из предложенного описания слова видно, что структурно-семантические типы слов неоднородны и что эта неоднородность строя слов больше всего зависит от характера сочетания и взаимодействия лексических и грамматических значений. Семантические типы слов не размещаются в одной плоскости. Укрепившееся в русской грамматике с XVIII в. деление слов на знаменательные и служебные интересно как симптом сознания структурной разнородности разных типов слов.

Отмечались семь отличительных признаков служебных слов: 1) неспособность к отдельному номинативному употреблению; 2) неспособность к самостоятельному распространению синтагмы, или словосочетания (например, союз *и*, относительное слово *который*, предлоги *на*, *при* и т. п. неспособны сами по себе, независимо от других слов, ни конструировать, ни распространять словосочетание, или синтагму); 3) невозможность паузы после этих слов в составе речи (без специального экспрессивного оправдания); 4) морфологическая нерасчлененность или семантическая неразложимость большинства из них (ср., например, *у*, *при*, *ведь*, *вот* и т. п., с одной стороны, и *потому что*, *чтобы*, *затем что*, *хотя* и т. п. — с другой); 5) неспособность носить на себе фразовые ударения (за исключением случаев противопоставления по контрасту); 6) отсутствие самостоятельного ударения на большей части первообразных слов этого типа; 7) своеобразие грамматических значений, которые растворяют в себе лексическое содержание служебных слов. Это деление слов на знаменательные и служебные под разными именами — лексических и формальных слов (Потебня),

полных и частичных (Фортунатов)—было принято во всех работах по русской грамматике. Наряду с этими двумя общими категориями слов русского языка издавна намечалась исследователями и третья категория — м е ж д о м е т и я.

Традиционным решением вопроса об основных семантико-грамматических классах слов являются разные учения о частях речи. Но в этих учениях — при всей их пестроте — не учитываются общие структурные различия между основными типами слов. Все части речи размещаются в одной плоскости. Об этом еще В. А. Богородицкий писал: «Необходимо обратить внимание на соподчинение одних частей речи другим, что в школьных грамматиках игнорируется, причем все части речи ставятся на одну линию»[65].

Выделению частей речи должно предшествовать определение основных структурно-семантических типов слов.

Классификация слов должна быть конструктивной. Она не может игнорировать ни одной стороны в структуре слова. Но, конечно, критерии лексические и грамматические (в том числе и фонологические) должны играть решающую роль. В грамматической структуре слов морфологические своеобразия сочетаются с синтаксическими в органическое единство. Морфологические формы — это отстоявшиеся синтаксические формы. Нет ничего в морфологии, чего нет или прежде не было в синтаксисе и лексике. История морфологических элементов и категорий — это история смещения синтаксических границ, история превращения синтаксических пород в морфологические. Это смещение непрерывно. Морфологические категории неразрывно связаны с синтаксическими. В морфологических категориях происходят постоянные изменения соотношений, и импульсы, толчки к этим преобразованиям идут от синтаксиса. Синтаксис — организационный центр грамматики. Грамматика, имманентная живому языку, всегда конструктивна и не терпит механических делений и рассечений, так как грамматические формы и значения слов находятся в тесном взаимодействии с лексическими значениями.

Анализ смысловой структуры слова приводит к выделению четырех основных грамматико-семантических категорий слов.

I. Прежде всего выделяется категория с л о в-н а з в а н и й, по традиционному определению. Всем этим словам присуща номинативная функция. Они отражают и воплощают в своей структуре предметы, процессы, качества, признаки, числовые связи и отношения, обстоятельственные и качественно-обстоятельственные определения и отношения вещей, признаков и процессов действительности и применяются к ним, указывают на них, их обозначают. К словам-названиям примыкают и слова, являющиеся эквивалентами, а иногда и заместителями названий. Такие слова называются м е с т о и м е н и я м и. Все эти разряды слов образуют главный лексический и грамматический фонд речи. Слова этого типа ложатся в основу синтаксических единиц и единств (словосочетаний и предложений) и фразеологических серий. Они служат основными

членами предложения. Они могут — каждое в отдельности — составлять целое высказыванье. Слова, относящиеся к большей части этих разрядов, представляют собою грамматические объединенные комплексы, или системы, форм. С разными формами или видоизменениями одного и того же слова связаны разные функции слова в строе речи или высказывания.

Поэтому в применении к этим классам слов особенно уместен термин «части речи». Они образуют предметно-смысловой, лексический и грамматический фундамент речи. Это—«лексические слова», по терминологии Потебни, и «полные слова», по квалификации Фортунатова.

II. Частям речи противостоят частицы речи, с в я з о ч н ы е, с л у ж е б н ы е с л о в а. Этот структурно-семантический тип слов лишен номинативной функции. Ему не свойственна «предметная отнесенность». Эти слова относятся к миру действительности только через посредство и при посредстве слов-названий. Они принадлежат к той сфере языковой семантики, которая отражает наиболее общие, абстрактные категории бытийных отношений — причинных, временных, пространственных, целевых и т. п. Они ближайшим образом связаны с техникой языка, ее осложняя и развивая. Связочные слова не «материальны», а формальны. В них «вещественное» содержание и грамматические функции совпадают. Их лексические значения тождественны с грамматическими. Эти слова лежат на грани словаря и грамматики и вместе с тем на грани слов и морфем. Вот почему Потебня называл их «формальными словами», а Фортунатов — «частичными».

III. Заметно отличается от двух предшествующих структурных типов третий тип слов. Это м о д а л ь н ы е с л о в а. Они также лишены номинативной функции, как и связочные слова. Однако многие из них не принадлежат в той степени, как связочные, служебные слова, к области формально-языковых средств. Они более «лексичны», чем связочные слова. Они не выражают связей и отношений между членами предложения. Модальные слова как бы вклиниваются или включаются в предложение или же прислоняются к нему. Они выражают модальность сообщения о действительности или являются субъектно-стилистическим ключом речи. В них находит свое выражение сфера оценок и точек зрения субъекта на действительность и на приемы ее словесного выражения. Модальные слова отмечают наклон речи к действительности, обусловленный точкой зрения субъекта, и в этом смысле отчасти сближаются с формальным значением глагольных наклонений. Как бы введенные в предложение или присоединенные к нему, модальные слова оказываются за пределами и частей речи, и частиц речи, хотя по внешности могут походить и на те и на другие.

IV. Четвертая категория слов уводит в сферу чисто субъектных — эмоционально-волевых изъявлений. К этому четвертому структурному типу слов принадлежат м е ж д о м е т и я, если придать этому термину несколько более широкое значение. Интона-

ционные, мелодические своеобразия их формы, отсутствие в них познавательной ценности, их синтаксическая неорганизованность, неспособность образовать сочетания с другими словами, их морфологическая неделимость, их аффективная окраска, непосредственная связь их с мимикой и выразительным жестом — резко отделяют их от остальных слов. Они выражают эмоции, настроения и волевые изъявления субъекта, но не обозначают, не называют их. Они ближе к экспрессивным жестам, чем к словам-названиям. Вопрос о том, образуют ли междометия предложения, остается спорным [66]. Однако трудно отрицать за междометными выражениями значение и обозначение «эквивалентов предложения».

Итак, намечаются четыре основные структурно-семантические категории слов в современном русском языке: 1) слова-названия, или части речи, 2) связочные слова, или частицы речи, 3) модальные слова и частицы и 4) междометия.

Повидимому, в разных стилях книжной и разговорной речи, а также в разных стилях и жанрах художественной литературы частота употребления разных типов слов различна. Но, к сожалению, этот вопрос пока находится лишь в подготовительной стадии обследования материала.

§ 6. Слово и его грамматические формы

Различия между основными типами слов сказываются и в их грамматических функциях, в их грамматической природе, в их формах. Многозначность термина ф о р м а породила ряд научных недоразумений, гибельно отразившихся на развитии русской грамматической науки [67]. Понятие формы слова отождествлялось с формальным признаком грамматического значения. Иногда же форма слова просто смешивалась с окончанием. Чаще под формой слова понималось внешнее морфологическое выражение грамматического значения в строе отдельного слова. Форма слова, по Фортунатову, — это формальная примета грамматической функции в строении отдельного слова. Она заключается во флексии (внешней или внутренней), в ее отсутствии (отрицательная форма), если это отсутствие служит признаком грамматического значения слова, или в словообразовательном аффиксе. «Присутствие в слове делимости на основу и аффикс дает слову то, что мы называем его формой», — писал акад. Ф. Ф. Фортунатов [68]. Согласно такому пониманию формы, одни слова имеют форму (например, *вод-а*), другие бесформенны, лишены формы (например, несклоняемое существительное *пальто*, наречия *здесь*, *тут*, *дома*, *завтра* и т. п.). Слова, имеющие форму, являются грамматическими. Они-то и рассматриваются в морфологии как учении «о формах отдельных слов по отношению к отдельным словам». Все остальные слова, не имеющие форм, считаются неграмматическими. Они остаются за пределами морфологии, хотя и могут снова выплыть в синтаксисе — в связи с изучением форм словосочетания. Такое понимание формы

слова отражается и на содержании терминов: формы словоизменения и формы словообразования.

Формы словоизменения — это флексии падежей и спряжения, под которым понимается изменение глагола по лицам (а следовательно, и числам), временам и наклонениям, иначе говоря, это формы слов как частей предложения. Формы словообразования — это чередования звуков основы, суффиксы, приставки, посредством которых образуются новые слова или лексически видоизменяются уже существующие слова, иначе говоря: это формы слов как отдельных знаков предметов мысли, другие формы отдельных знаменательных слов, не формы словоизменения (например, *вод-а*, *во́д-ы*, *вод-ица*, *вод-ичка*, *вод-к-а* и т. п.). По различию форм слова устанавливаются и грамматические классы слов. С точки зрения Фортунатова, приходится признавать наличие языков, вовсе не имеющих форм, языков бесформенных. Но такое понимание формы слова как отдельного морфологического элемента в составе отдельного слова очень узко. Оно уже отвергнуто большинством лингвистов. С ним боролись еще В. Гумбольдт и Потебня. Его формализм и односторонность в современной лингвистике общепризнаны. Так, проф. Ж. Вандриес, пользуясь термином морфема для обозначения формы, в которой выражена грамматическая категория, относит к морфемам решительно все языковые элементы, выражающие грамматические отношения (аффиксы, их порядок в слове или во фразе, чередование гласных, внутреннюю флексию, ударение, тон, нулевые морфемы, служебные слова, порядок слов)[69].

Таким образом, здесь под понятие грамматической формы подводятся все средства выражения грамматических отношений в языке. Близкие к этому взгляды на грамматическую форму разделял и акад. А. А. Шахматов. Для Шахматова в содержание грамматической формы входили не только формы словоизменения и словообразования, не только порядок слов, ударение, интонация, связь с другими словами, но и служебные слова и даже корни слов в той мере, в какой они выражают не вещественные, реальные, а сопутствующие грамматические представления[70]. Быть может, целесообразнее вместо употребления термина форма в этом значении пользоваться термином формальный признак, или внешний выразитель грамматической категории. Так и поступает проф. Л. В. Щерба. В статье «О частях речи в русском языке» он пишет: «Внешние выразители категорий могут быть самые разнообразные: «изменяемость» слов разных типов, префиксы, суффиксы, окончания, фразовое ударение, интонация, порядок слов, особые вспомогательные слова, синтаксическая связь и т. д. Признаки, выразители категории, могут быть положительными и отрицательными: так, «неизменяемость» слов как противоположение «изменяемости» также может быть выразителем категории, например, наречия. Противополагая форму, знак содержанию, значению, я позволю себе называть все эти внешние выразители категорий формальными признаками этих последних.

Существование всякой категории обусловливается тесной и неразрывной связью ее смысла и всех ее формальных признаков»[71].

В связи с этими лингвистическими теориями развивается понимание форм слова как дополнительных формальных значений слова, сопровождающих основное (лексическое) его значение. С этой точки зрения уже нельзя говорить не только о языках, не имеющих формы, но в применении к языкам такого строя, как русский, и о словах, не имеющих формы, или бесформенных. Всякое слово оформлено уже тем, что оно несет известные грамматические функции, занимает определенное место в грамматической системе языка, подводится под ту или иную грамматическую категорию. Во многих философских теориях языка под формой разумеется заложенное в смысловой структуре слова представление его вещественного содержания в свете той или иной грамматической категории и в ее семантических пределах.

А. А. Потебня так формулировал эту мысль: «Слово заключает в себе указания на известное содержание, свойственное только ему одному, и вместе с тем указание на один или несколько общих разрядов, называемых грамматическими категориями»[72]. «Грамматическая форма есть элемент значения слова и однородна с его вещественным значением»[73]. Это грамматическое значение осознается на фоне системы языка в целом. «Нет формы, присутствие и функции коей узнавались бы иначе, как по смыслу, т. е. по связи с другими словами и формами в речи и языке»[74].

В русском языке нет бесформенных слов, так как лексическое значение всякого слова подводится под ту или иную грамматическую категорию, так как грамматическое значение органически входит в смысловую структуру каждого слова, находя выражение в его речевом употреблении. К этому кругу явлений применимы слова Гегеля (в «Науке логики»): «Содержание не бесформенно, а форма одновременно содержится в самом содержании и не представляет собою нечто внешнее ему». В связи с этим необходимо вспомнить и запись В. И. Ленина в «Конспекте книги Гегеля «Наука логики»: «Форма существенна. Сущность формирована так или иначе в зависимости и от сущности...»[75]. Этот принцип лежит в основе всего грамматического учения о слове.

Однако способы выражения грамматических значений и самый характер этих значений неоднородны у разных семантических типов слов. Так, междометия почти не связываются с другими словами. Они лишены флексий, суффиксов и префиксов. Они по большей части морфологически неразложимы. Являясь эквивалентами предложений, они обычно замыкаются в отдельное высказыванье, осознаются как своеобразный аффективный и логически нерасчлененный тип эмоционального высказыванья. Грамматическая природа модальных слов определяется отношением их лексического значения к модальности того предложения, в которое они «вводятся». Чем уже круг синтаксических связей слова, чем ограниченнее его грамматические видоизменения, чем неразложимее

его морфологический состав, тем синкретичнее его природа, тем неразрывнее в нем связь лексических и грамматических значений.

Связочные слова характеризуются явным преобладанием грамматических значений над лексическими. В этом отношении они однородны с морфемами. Многообразие выражаемых ими грамматических отношений между понятиями (ср., например, значения предлога *в* или союза *что*) расширяет их семантический объем так, что по своей многозначности они превосходят все другие типы слов. Однако их значения — особого рода. В них грамматические значения тождественны с лексическими. Внутренняя дифференциация частиц речи обусловлена различиями их синтаксических функций в составе простого предложения или сложного синтаксического целого.

Картина грамматических и лексических соотношений и взаимодействий резко меняется при переходе к частям речи. Легко заметить, что в некоторых частях речи как бы нарушен параллелизм в развитии грамматических и лексических значений и оттенков. В них лексические значения являются центром смысловой структуры слова и сохраняют свое внутреннее единство, несмотря на разнообразные грамматические видоизменения слова (например, *добрый*, *доброго*, *добрым*, *о добром* и т. п.). Прежде всего это наблюдение можно применить к тем частям речи, которые склоняются или спрягаются. Так, спрягаемое слово или глагол представляет собою сложную систему многочисленных грамматических видоизменений одного и того же слова (*пишу*, *пишешь*, *ты писал*, *я писал бы*, *пиши*, *писать*, *ты написал бы*, *напишу* и т. п.). Склоняемое слово, обозначающее предмет, обладает системой форм склонения (*сад*, *сада*, *саду*, *о саде*, *сады*, *садов* и т. п.). Следовательно, многие слова представляют собою систему форм, являющихся как бы видоизменениями одного и того же слова. Грамматическими формами слова называются те видоизменения одного и того же слова, которые, выражая одно и то же понятие, одно и то же лексическое содержание, либо различаются дополнительными смысловыми оттенками, либо выражают разные отношения одного и того же предмета мысли к другим предметам того же предложения. А. А. Шахматов в своем «Курсе истории русского языка» очерчивал круг форм слова более узко: «Грамматическими формами называются те видоизменения, которые получает слово в зависимости от формальной (не реальной) связи его с другими словами». По другому определению того же А. А. Шахматова, «разные виды слова, отличающиеся между собой своим формальным значением (познаваемым только из связи с другими словами), называются его грамматическими формами»[76]. Понятие форм слова было положено в основу грамматического учения о слове акад. Л. В. Щербой [77]. Л. В. Щерба, между прочим, указывал на то, что формами слова могут быть не только простые синтетические видоизменения слова, но и сочетания слов, сложные (аналитические) формы. Л. В. Щерба писал: «Надо отличать образования обозначений новых понятий и образование обозначений оттенков

одного и того же понятия или связанных с ним побочных представлений». «В каждой группе обозначений оттенков одного и того же понятия имеется слово (или форма), которое сознается основным». (Так, им. пад. ед. ч. существительного, например, *город*, *учитель* является такой же формой, как и остальные падежные формы того же слова. Но в силу своей назывной функции он воспринимается как представитель всей группы падежных форм, составляющей одно слово.) Формами следует между прочим считать такие сочетания слов, которые, выражая оттенок одного основного понятия, являются несвободными, т. е. в которых непеременная часть сочетания, выражающая оттенок, употреблена не в собственном значении. Здесь, как и везде в языке (в фонетике, в «грамматике» и в словаре), надо помнить, что ясны лишь крайние случаи. Промежуточные же в самом первоисточнике — в сознании говорящих—оказываются колеблющимися, неопределенными. Однако это-то неясное и колеблющееся и должно больше всего привлекать внимание лингвиста, так как здесь именно подготовляются те факты, которые потом фигурируют в исторических грамматиках, иначе говоря, так как здесь мы присутствуем при эволюции языка»[78]. О слове как системе или комплексе сосуществующих, функционально объединенных и соотносительных форм еще раньше учил проф. И. А. Бодуэн де-Куртенэ. Он настаивал на том, что даже те формы слова, которым традиционно присваивается роль представителей всех других форм слова (им. пад. существительных и прилагательных, глагольный инфинитив), не могут существовать вне связи и соотношения с другими формами. «Нельзя говорить, — писал И. А. Бодуэн-де-Куртенэ, — что известная форма данного слова служит первоисточником для всех остальных и в них «переходит». Разные формы известного слова не образуются вовсе одна от другой, а просто с о с у щ е с т в у ю т. Конечно, между ними устанавливается взаимная психическая связь, и они друг друга обусловливают и путем ассоциации друг друга вызывают. Но с одинаковым правом мы можем говорить, что форма *вода* переходит в форму *воду*, как и наоборот, форма *воду* — в форму *вода*»[79]. Таким образом, в кругу частей речи отдельные категории (или классы) слов представляют собою замкнутые, построенные по строгим правилам грамматики системы форм, чаще всего вращающихся в пределах п а р а д и г м ы (склонения, спряжения, степеней сравнения). Формы слов в русском языке образуются, в основном, теми же способами, что и слова: 1) посредством сложения слов или форм слов (например, *буду читать*—сложная, аналитическая форма будущего времени глагола *читать*; *самый красивый* — сложная аналитическая форма превосходной степени прилагательного *красивый* и т. п.); 2) посредством окончаний и суффиксов (например, *стена — стенка*; *выиграть — выигрывать*; *рука — руки — руке* и т. п.); 3) посредством префиксации (*делать — сделать*; *бледнеть — побледнеть*; *скверный — прескверный* и т. п.); 4) посредством комбинированного применения суффиксации и префиксации (например, в

выражении *предобрейшей души человек* форма *предобрейшей* принадлежит к системе форм слова *добрый*); 5) посредством звуковых чередований, чаще всего в связи с суффиксацией (включая сюда ударение), например, *год — го́да — года́*); *села — сёла*; *заподозрить — заподазривать*; 6) посредством изменений ударения: *избы́ — и́збы*; *руки́ — ру́ки* и т. п. Понятно, что формами одного слова могут стать и бывшие прежде совсем обособленными разные слова. Это седьмой способ образования форм слов. Например: *человек — люди; брать — взять; укладывать — уложить; садиться — сесть* и т. п. (Подробнее см. в моей статье «О формах слова», Известия АН СССР, Отд. литературы и языка, т. III, вып. I, 1944.)

Суффиксы, образующие формы слов (например, *вода — водица, водичка*; *убить — убивать* и т. п.), можно называть ф о р м о о б р а з у ю щ и м и в отличие от суффиксов, образующих новые слова (например, *учитель — учительский, учительство* и т. п.), т. е. от с у ф ф и к с о в с л о в о о б р а з у ю щ и х. Аффиксы, с помощью которых активно производятся новые слова и формы, являются живыми, п р о д у к т и в н ы м и; аффиксы, выделяемые в словах и формах, но не образующие новых форм и слов, считаются н е п р о д у к т и в н ы м и и иногда даже м е р т в ы м и — в зависимости от степени и характера своей выделяемости.

Не только к средствам словообразования, но и к средствам словоизменения или формообразования (к окончаниям, формообразующим суффиксам и префиксам) следует прилагать критерий продуктивности и непродуктивности.

Представителями женевской лингвистической школы очень остроумно было замечено, что в грамматике понятие «мертвого», непродуктивного почти отожествляется с понятием «считаемого», обнимаемого числом. То, что может быть сочтено, — непродуктивно. Например, группа глаголов *бороть, колоть, полоть, пороть* исчерпана приведенными примерами. Это — глагольная «пыль» (по выражению де-Соссюра). Новые глагольные типы не возникают по этому образцу. Напротив, то, что живо, — продуктивно, не подлежит числовому обозначению и выражению в грамматике.

Н. В. Крушевский различие между непродуктивными и продуктивными категориями словообразования и формообразования сводил к процессам «воспроизводства» и «производства». «Мы не можем сказать, что слово *волчий* имеет такую форму только потому, что оно постоянно воспроизводится; оно производится по образцу своих структурных, а не материальных родичей». «Что же касается до форм, которые воспроизводятся как члены рядов, то они мало-помалу эмансипируются от своих систем, теряя все более и более признаки сходства наружного и внутреннего с своими прежними родичами и приобретают самостоятельность» (например: *замуж, поделом*)[80].

С этой точки зрения целые большие серии синтетических форм в современном русском языке придется признать непродуктивными.

В современном русском языке грамматическая структура многих слов и форм переживает переходную стадию от синтетического строя к смешанному, аналитико-синтетическому, и как в лексике слова перерастают в идиомы и фразы, так и в грамматике слово может обрастать сложными, аналитическими формами, своего рода грамматическими идиоматизмами.

Вопрос об аналитических элементах в русском литературном языке был поставлен И. А. Бодуэном-де-Куртенэ на строго научную почву еще в семидесятых годах прошлого столетия[81]. Эта же проблема попутно затрагивалась неоднократно В. А. Богородицким, который очень остроумно связывал факты грамматического «аналитизма» с развитием идиоматических сращений, с «переходом целого выражения как бы в одно слово определенной формы, где смысл отдельных частей уже стушевывается (род опрощения)»[82]. В качестве иллюстрации проф. Богородицкий указывал на описательную форму превосходной степени прилагательных: *самый высокий*. Точно так же проф. Богородицкий — вслед за Бодуэном-де-Куртенэ — отмечал распад системы склонения имен существительных в русском языке (ср. рост и расширение употребления предлогов в соединении с падежными формами).

Очень наглядно очертил положение русского языка в системе аналитических и синтетических языков Н. В. Крушевский. В аналитических языках оттенки понятий выражаются преимущественно помощью префиксов.

В русском языке, по мнению Н. В. Крушевского, есть признаки смешанной, переходной стадии от синтетического строя к аналитическому. «На такие формы, как *о волке*, *наилучший*, *самый лучший*, где оттенок идеи выражается и префиксом и суффиксом, следует смотреть как на формы переходные от настоящих синтетических (ср. старинное *Кыевъ*) к аналитическим (ср. болгарское *добр*, *по-добр*, *най-добр;* франц. grand, plus grand, le plus grand и др.)»[83].

К сожалению, в последующей грамматической традиции вопрос о соотношении, смешении и взаимодействии аналитических и синтетических форм слов, об усилении и росте аналитизма в грамматической системе русского языка заглох. Между тем, распространение аналитических форм в русском языке связано с усложнением системы формообразования, с изменением грамматических границ слова и его объема, с ростом фразеологических единств и сращений. Из грамматического слова вырастают грамматические идиоматизмы и аналитические словосочетания. Флексии замещаются лексическими элементами, которые образуют новые грамматические формы[84]. Все это не может не отражаться и на структуре словаря. Аналитические формы слова, лексикализуясь, становятся самостоятельными словами или идиомами (ср., например, наречия *налету*, *наяву* и т. п.; ср. предлоги *по части*, *по линии*, *в отношении* и т. п.).

Итак, система грамматических форм неоднородна у разных типов слов.

Понятно, что слова, представляющие собою системы грамматических форм, резко отличаются от слов, в которых с морфологической точки зрения признаки слова и формы слова совпадают (таковы, например, наречия *верхом*, *сегодня*, *завтра*, *всегда* и т. п.).

Различия в грамматической структуре разных частей речи обусловлены различиями их синтаксических функций. А эти различия, в свою очередь, органически связаны с системой основных грамматических категорий, которые определяют строй предложения и его эволюцию. В зависимости от строя предложения находится и состав частей речи. Еще А. А. Потебня заметил: «Существенный признак предложения в наших языках состоит в том, что в предложение входят части речи: если их нет, то нет и нашего предложения» [85]. Различия в образовании, употреблении и значении слов и форм слов отражают диференциацию частей речи.

Все это взаимосвязано и находится в постоянном движении, отражая эволюцию языка и мышления. И. А. Бодуэн-де-Куртенэ писал об этом: «Жизнь слов и предложений языка можно бы сравнить с perpetuum mobile, состоящим из весов, беспрестанно осциллирующих (колеблющихся), но вместе с тем подвигающихся беспрестанно в известном направлении... Нет неподвижности в языке... Статика языка есть только частный случай его динамики или скорее кинематики» [86].

Грамматическое учение о слове прежде всего должно выделить те общие категории, которые намечаются или обозначаются в системе основных типов слов современного русского языка, особенно в системе частей и частиц речи как существеннейших конструктивных элементов предложения.

§ 7. Система частей речи и частиц речи в русском языке

Из общих структурно-семантических типов слов русского языка наиболее резко и определенно выступают грамматические различия между разными категориями слов в системе частей речи. Деление частей речи на основные грамматические категории обусловлено: 1) различиями тех синтаксических функций, которые выполняют разные категории слов в связной речи, в структуре предложения; 2) различиями морфологического строя слов и форм слов; 3) различиями вещественных (лексических) значений слов; 4) различиями в способе отражения действительности*; 5) различиями в природе тех соотносительных и соподчиненных грамматических

*Некоторые лингвисты, например O. Jespersen, И. И. Мещанинов, предлагают различать при изучении строя языка «понятийные категории» [в отличие от общих логических и психологических категорий] и «грамматические категории».

категорий, которые связаны с той или иной частью речи. Не надо думать, что части речи одинаковы по количеству и качеству во всех языках мира. В системе частей речи отражается стадия развития данного языка, его грамматический строй. При выделении основных частей речи необходимо помнить завет И. А. Бодуэна-де-Куртенэ:

«Крайне неуместно измерять строй языка в известное время категориями какого-нибудь предшествующего или последующего времени... Видеть в известном языке без всяких дальнейших околичностей категории другого языка не научно; наука не должна навязывать объекту чуждые ему категории и должна отыскивать в нем только то, что в нем живет, обусловливая его строй и состав»[87]. «Следует брать предмет исследования таким, каким он есть, не навязывая ему чуждых ему категорий».

В традиционной русской грамматике, отражающей влияние античных и западноевропейских грамматик, сначала насчитывалось восемь, затем девять, теперь же — со включением частиц — обычно выделяется десять частей речи:

1) имя существительное; 2) имя прилагательное; 3) имя числительное; 4) местоимение; 5) глагол; 6) наречие; 7) предлог; 8) союз; 9) частицы и 10) междометия.

Кроме того, причастия и деепричастия то рассматриваются в составе форм глагола, то относятся к смешанным, переходным частям речи*, то считаются особыми частями речи (в таком случае число частей речи возрастает до двенадцати).

Количество частей речи в учениях некоторых лингвистов еще более возрастает. Так, акад. А. А. Шахматов вводил в круг частей речи префикс (например, *пре-*, *наи-* и т. п.) и связку. У него получалось четырнадцать частей речи. Если этот перечень дополнить

«Понятийными категориями,— пишет академик И. И. Мещанинов,— передаются в самом языке понятия, существующие в данной общественной среде. Эти понятия не описываются при помощи языка, а выявляются в нем самом, в его лексике и грамматическом строе. Те понятийные категории, которые получают в языке свою синтаксическую или морфологическую форму, становятся ... грамматическими понятиями». «Понятийные категории могут выступать в лексике, синтаксисе и морфологии и, лишь выявляясь в формальной стороне синтаксиса и морфологии, они становятся грамматическими понятиями» («Члены предложения и части речи», 1945, стр. 196). Мысль о необходимости различать общие семантические категории, лежащие в основе всей системы языка, и категории грамматические («грамматически выраженные понятийные категории») очень плодотворна. И все же до тех пор, пока с этой точки зрения не будут исчерпывающим образом исследованы и описаны системы разных языков, остается еще очень много неясного в определении существа «понятийной категории» и ее соотношения с грамматической категорией, в методах исследования системы понятийных категорий, влияющей на строй языка. Самый термин — «понятийная категория» — не безупречен с логической точки зрения.

* Отмечается, что причастие совмещает в своей структуре грамматические свойства глагола и имени прилагательного, а наречие — грамматические свойства глагола и наречия.

разными другими претендентами на роль частей речи, выдвигавшимися в последнее время (например, категорией состояния, распознаваемой в словах: *можно*, *нельзя*, *надо*, *жаль* и т. п.[88], вопросительными словами и частицами[89], частицами уединяющими, вроде: *и—и*, *ни—ни*, *или—или*, относительными словами и т. п.), то число частей речи в русском языке перешагнет за двадцать.

Но с той же легкостью, с какой растет число частей речи в грамматических теориях одних лингвистов, оно убывает в концепциях других.

Многие грамматисты (например, Потебня, Фортунатов, Пешковский) отрицали у числительных и местоимений наличие грамматических признаков особых частей речи, указывая на то, что числительные и местоимения по своим синтаксическим особенностям близки к таким грамматическим категориям, как имена существительные, прилагательные и наречия. При этой точке зрения количество основных, самостоятельных частей речи уже уменьшается на две и сводится к восьми.

Однако и среди этих восьми частей речи также оказываются сомнительные, неполноправные. Легче всего оспорить право называться частью речи у междометий. «Как бы ни было велико значение междометия в речи, в нем есть что-то, что его обособляет от других частей речи, оно явление другого порядка... Оно не имеет ничего общего с морфологией. Оно представляет собой специальную форму речи — речь аффективную, эмоциальную или иногда речь активную, действенную; во всяком случае оно остается за пределами структуры интеллектуальной речи»[90].

Кроме междометий, из группы частей речи легко выпадают служебные слова. «Многие из частей речи наших грамматик не что иное, как морфемы» (т. е. выразители чисто грамматических отношений), — пишет Ж. Вандриес. — Таковы частицы, называемые предлогами и союзами»[91].

Исследователи (например, проф. Кудрявский), придерживавшиеся взгляда Потебни на полный семантический параллелизм частей речи и членов предложения, всегда отказывали в звании частей речи служебным, связочным словам, т. е. предлогу, союзу и частице. У таких исследователей количество частей речи ограничивается четырьмя основными: существительным, прилагательным, глаголом и наречием. Если лингвистический скептицизм простирается дальше, то подвергается сомнению право наречий на звание самостоятельной части речи. Ведь одни разряды наречий находятся в тесной связи с прилагательными (ср. включение качественных наречий на *-о* в систему имен прилагательных у проф. Куриловича), другие — с существительными, третьи не имеют ярко выраженных морфологических признаков особой категории. В основе некогда принятого последователями акад. Фортунатова грамматического деления слов по различиям словоизменения на: 1) падежные (*веселье*); 2) родовые (*веселый*, *-ая*, *-ое*, *весел*, *-а*, *-о*, *служил*, *-а*, *-о*) и 3) личные (*веселюсь*, *веселишься*

и т. п.) — лежало именно такое недоверчивое отношение к «грамматичности» наречия. Таким образом, уцелеют лишь три части речи: имя существительное, имя прилагательное и глагол. Но еще в античной грамматической традиции существительные и прилагательные подводились под одну категорию имени. И в современных языках они часто меняются ролями. «Между ними нет четкой грамматической границы; их можно соединить в одну категорию — категорию имени, — заявляет Ж. Вандриес и заключает:—продолжая этот отбор, мы приходим к тому, что существуют только две части речи: глагол и имя. К ним сводятся все остальные части речи»[92].

«Имена и глаголы — это живые элементы языка в противоположность его грамматическим орудиям»[93] (вроде предлогов, союзов и т. п.).

Из русских грамматистов никто еще не дошел до такого ограничения частей речи, но в фортунатовской школе высказывалось мнение, что глагол не соотносителен с именами существительными и прилагательными и что в морфологии можно управиться и без категории глагола. Проф. М. Н. Петерсон в своих ранних работах по русской грамматике в изложении словоизменения так и обходился без учения о глаголе как особом грамматическом классе[94]. Лишь в своих новых «Лекциях по современному русскому литературному языку» (1941) он вынужден был признать глагол как категорию, «обозначающую признак, протяженный во времени».

Таковы колебания в учении о частях речи. Между разными взглядами лингвистов по этому вопросу — «дистанция огромного размера». Поэтому многим авторам грамматик старое учение о частях речи кажется совершенно скомпрометированным. А между тем к какой-то системе классификации слов приходится прибегать при изложении грамматики любого языка. Поэтому в грамматиках не редкость — заявления вроде следующего: «Учение о частях речи принадлежит к числу наименее разработанных частей грамматики. Традиционная трактовка частей речи считается в современной лингвистике неудовлетворительной. Однако отсутствие сколько-нибудь у с т а н о в и в ш и х с я научно обоснованных новых точек зрения на этот вопрос заставляет нас в этом отношении держаться в рамках традиции»[95].

Выделение основных структурно-семантических типов слов помогает внести некоторую ясность в учение о частях речи. К частям речи не принадлежат ни модальные слова, ни междометия, ни связочные слова или частицы речи. Круг частей речи ограничивается пределами слов, способных выполнять номинативную функцию или быть указательными эквивалентами названий.

Среди этих слов «человек узнает одно слово как прилагательное, другое — как глагол, не справляясь с определениями частей речи, а тем же, в сущности, способом, каким он узнает в том или другом животном корову или кошку»[96].

Части речи, прежде всего, распадаются на две большие серии слов, отличающихся одна от другой степенью номинативной самостоятельности, системами грамматических форм и характером синтаксического употребления.

В одной серии оказываются категории имен, категория местоимений и категория глагола, в другой — категория наречия. В современном русском языке наречия соотносительны с основными разрядами имен и глаголов. Но связь наречий с именами теснее, чем с формами глагольных слов. В современном русском языке происходит непрестанное передвижение именных форм в систему наречий.

Изменения в строе русского языка, связанные с историей связки (так называемого «вспомогательного» глагола), привели к образованию особой части речи — категории состояния. Эта часть речи возникла на основе грамматического преобразования целого ряда форм, которые стали употребляться исключительно или преимущественно в роли присвязочного предиката. Под эту категорию состояния стали подводиться «предикативные наречия» (типа: *можно*, *совестно*, *стыдно* и др. под.), оторвавшиеся от категории прилагательных краткие формы (вроде: *рад*, *горазд*), некоторые формы существительных, подвергшиеся переосмыслению (например: *нельзя*, *пора* и т. п.).

Так как связка пережиточно сохраняла некоторые формальные свойства глагольного слова, то на развитии категории состояния заметно сказалось влияние категории глагола.

Что касается категории имен, то в русском языке ясно обозначаются различия между именами существительными и прилагательными. От этих категорий в истории русского языка (особенно с XII—XIII вв.) обособилась категория количественных слов — категория имени числительного. Напротив, древний богатый класс указательных слов, местоимений, в истории русского языка подвергся распаду, разложению. Большая часть местоименных слов слилась с категориями имен прилагательных и наречий или превратилась в частицы речи, в грамматические средства языка. В системе современного языка сохранились лишь реликты местоимений как особой части речи (предметно-личные местоимения). Таким образом, система семи основных частей речи, свойственных современному русскому языку, может быть представлена в такой схеме (см. чертеж на стр. 43):

I. Имена: 1) существительное, 2) прилагательное и 3) числительное.

II. 4) Местоимение (в состоянии разложения).

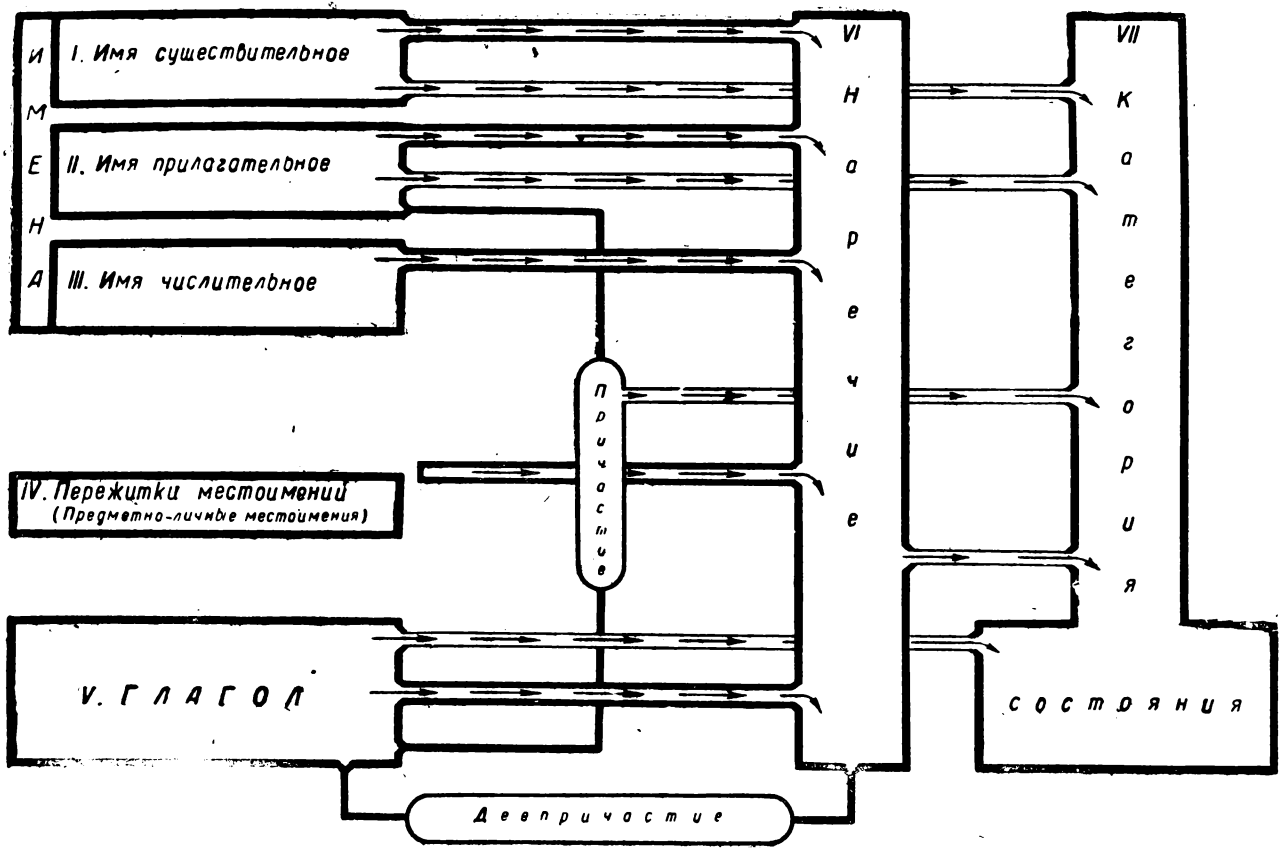
III. 5) Глагол.

IV. 6) Наречие.

V. 7) Категория состояния.

Система частей речи в структуре предложения сочетается с системой частиц речи (см. чертеж на стр. 44):

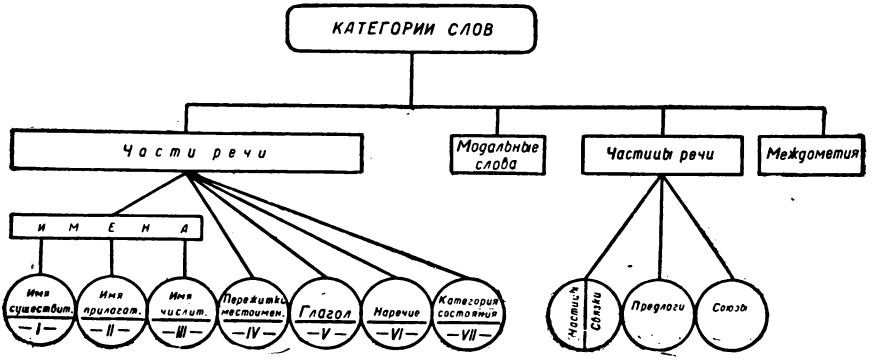
1) Частицы в собственном смысле.

И
М
Е
Н
А
I. Имя существительное
II. Имя прилагательное
III. Имя числительное
IV. Пережитки местоимений
(Предметно-личные местоимения)
V. ГЛАГОЛ
Деепричастие
Причастие
VI
Наречие
VII
Категория
состояния

2) Частицы-связки.
3) Предлоги.
4) Союзы.

К частицам речи примыкают одной стороной модальные слова, образующие особый структурно-семантический тип слов.

Проф. А. Белич[97] думает, что модальные слова следовало бы объединить с частицами, предлогами, союзами в категории реляционных (т. е. выражающих отношения) слов-частиц. Действительно, среди модальных слов наблюдается большая группа частиц с разнообразными модальными значениями. Однако эти модальные частицы не исчерпывают и не определяют грамматическую природу всех вообще модальных слов. Модальные слова находятся во взаимодействии как с частицами речи, так и с разными

категориями частей речи. Но синтаксические функции и семантическая структура большинства модальных слов иного рода, чем частей речи и частиц речи. В живом языке, как правильно заметил и проф. А. Белич, нет идеальной системы с однообразными, резкими и глубокими гранями между разными типами слов. Грамматические факты двигаются и переходят из одной категории в другую, нередко разными сторонами своими примыкая к разным категориям. Такие же сложные семантические взаимодействия наблюдаются и в кругу модальных слов.

Грамматико-семантическая диференциация внутри междометий также довольно разнообразна, как покажет дальнейшее изложение.

Задача последующего изложения — уяснить грамматическую природу основных типов слов в современном русском языке, описать систему частей речи с присущими каждой из них грамматическими формами и категориями, раскрыть функции частиц речи, наметить главные семантические разряды внутри категорий модальных слов и междометий.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ «ВВЕДЕНИЕ»

1. Критический разбор труда А. Дювернуа «Материалы для словаря древнерусского языка», СПБ 1896, стр. 8.
2. В. А. Богородицкий, Общий курс русской грамматики, 1935, стр. 207.
3. Акад. И. И. Мещанинов, Общее языкознание, Л. 1940, стр. 35.
4. Ф. де-Соссюр, Курс общей лингвистики, русск. перев., стр. 130.
5. Проф. С. Д. Кацнельсон, Краткий очерк языкознания, Л. 1941, стр. 34.
6. Акад. И. И. Мещанинов, Общее языкознание, стр. 37.
7. Л. В. Щерба, Некоторые выводы из моих диалектологических лужицких наблюдений, Пг. 1915 (приложение к книге «Восточнолужицкое наречие»).
8. Ф. де-Соссюр, Курс общей лингвистики, стр. 129.
9. Н. Я. Марр, Избранные работы, т. I, Л. 1933, стр. 189—190.
10. H. Schuchardt-Brevier, Halle 1928, стр. 135.
11. Проф. С. Д. Кацнельсон, Кратий очерк языкознания, стр. 24.
12. См. статью М. Калиновича «Поняття окремого слова», Мовознавство, Київ 1935, № 6.
13. Ф. де-Соссюр, Курс общей лингвистики, стр. 108.
14. L. Bloomfield, Language, 1933, стр. 177—178.
15. Ф. де-Соссюр, Курс общей лингвистики, стр. 133.
16. Там же, стр. 111.
17. N. Trubezkoy, Grundzüge der Phonologie, Prag 1939, S. 34, 241—242.
18. Проф. Л. В. Щерба, Фонетика французского языка, 1937, стр. 81, 77.
19. A. Noreen, Статья о «Словах и классах слов» в «Nordisk Tidsckrift», 1879, стр. 23 и след. Ср. его же «Vårt språk», VII, стр. 36 и след.
20. Э. Сепир, Язык, русск. перев., 1934, стр. 28. Ср. Л. В. Щерба, Восточнолужицкое наречие, 1915, стр. 75.
21. Ж. Вандриес, Язык, русск. перев., стр. 178.
22. D-r Wilém Mathesius, O potenciálnosti jewův jazykovych, Praha 1911. Ср. A. Noreen, Einführung in die wissenschaftliche Betrachtung der Sprache, 1923, SS. 433—438.
23. Э. Сепир, Язык, стр. 86.
24. Там же, стр. 26.
25. Ф. де-Соссюр, Курс общей лингвистики, стр. 111.
26. Ф. Ф. Фортунатов, Сравнительное языковедение. Литогр. курс 1899/1900 г., стр. 187, 186.
27. Ф. де-Соссюр, Курс общей лингвистики, стр. 113.
28. W. von Gumboldt, Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues, S. 272, ed. Pott.
29. Ср. С. А. Аскольдов, Концепт и слово, «Русская речь», под ред. Л. В. Щербы, 1928, вып. II, стр. 41.
30. A. Carnoy, La science du mot, Louvain 1927, pp. 21—22.
31. Велемир Хлебников, Неизданные произведения, М. 1940, стр. 329.
32. Р. О. Шор, Кризис современной лингвистики. Яфетический сборник, Л. 1927, т. V, стр. 67.
33. H. Schuchardt-Brevier, S. 117.
34. Р. О. Шор, Язык и общество, М. 1926, стр. 76.
35. В. В. Виноградов, Современный русский язык, 1938, вып. I, стр. 110—111.
36. Акад. И. И. Мещанинов, Новое учение о языке, Огиз, 1936, стр. 261.
37. См. статью В. Гумбольдта «Ueber das Entstehen der grammatischen Formen und ihren Einfluss auf die Ideenentwicklung». Ср. у Потта в книге «W. v. Humboldt und die Sprachwissenschaft», 1876, S. 297 и след.

38. H. Schuchardt-Brevier, S. 135.
39. Н. Я. Марр, Избранные работы, Л. 1933, т. I, стр. 189—190.
40. «Старый русский водевиль 1819—1849 гг.», ГИХЛ, 1936, стр. 73.
41. Там же, стр. 320.
42. П. А. Вяземский, Старая записная книжка, 1929, стр. 93.
43. М. М. Покровский, Семасиологические исследования в области древних языков, М. 1895.
44. Ср. М. М. Покровский, Несколько вопросов из области семасиологии, «Филологическое обозрение», 1897, т. XII, кн. I, стр. 64.
45. Ф. де-Соссюр, Курс общей лингвистики, стр. 128.
46. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. I—II, 1888, стр. 6—7.
47. Там же, стр. 7.
48. A. Marty, Untersuchungen zur Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie, Halle 1908.
49. W. v. Humboldt, Ueber die Verschiedenheit, S. 75.
50. А. А. Потебня, Из записок по теории словесности, 1905, стр. 21.
51. Там же, стр. 104.
52. Ueber Subjektlose Sätze. Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie, Bd. VIII.
53. Д. И. Писарев, Собр. соч., 1894, т. II, стр. 277.
54. H. Sperber, Ueber den Affekt als Ursache der Sprachveränderung, 1914. Ср. также Arm. Bachmann, Zur psychologischen Theorie des sprachlichen Bedeutungswandels, 1935.
55. Ж. Вандриес, Язык, стр. 146—148.
56. И. А. Бодуэн-де-Куртенэ, Некоторые общие замечания о языковедении и языке, СПБ 1871.
57. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, вып. I, стр. 271.
58. Там же, стр. 303.
59. Там же, стр. 303.
60. Там же, стр. 307.
61. Там же, стр. 399.
62. «Известия Отделения русского языка и словесности», Акад. наук, 1915, т. XX, кн. 2, стр. 329. Рецензия Н. К. Кульмана на книгу Р. И. Кошутича «Граматика руског језика», Облици. II, Београд 1914.
63. А. А. Потебня, К истории звуков русского языка, IV. Этимологические и другие заметки, Варшава 1883, стр. 83.
64. Подробнее см. в статье В. В. Виноградова «Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины» в «Учёных записках Ленинградского гос. университета» за 1946 г.
65. В. А. Богородицкий, Общий курс русской грамматики, изд. 5-е, стр. 104.
66. John Ries, Was ist ein Satz?, Prag 1936, SS. 114—115.
67. См. В. В. Виноградов, Современный русский язык, вып. I, 1938. Ср. также статью Е. М. Федорук-Галкиной, Понятие формы слова, «Труды Московского государственного института философии и литературы», 1941, т. IX, философский факультет.
68. Ф. Ф. Фортунатов, Сравнительное языковедение. Лекции, читанные в 1899/1900 г., стр. 88.
69. Ж. Вандриес, Язык, русск. перев., стр. 76—92.
70. См. статьи С. И. Бернштейна, Основные вопросы синтаксиса в освещении А. А. Шахматова, «Известия Отделения русского языка и словесности» Акад. наук, т. XXV, 1922; Грамматическая система А. А. Шахматова, «Русский язык в школе», 1940 г., № 4.
71. Сборник «Русская речь», 1928, вып. II, стр. 7—8.
72. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, вып. I—II, стр. 25.
73. Там же, стр. 29.

74. Там же, стр. 36.

75. В. И. Ленин, Философские тетради, 1936, стр. 142.

76. А. А. Шахматов, Курс истории русского языка (читан в СПБ университете в 1910/11 г.), литограф. изд., ч. 3, Учение о формах, стр. 4—5.

77. Л. В. Щерба, Восточнолужицкое наречие, Петроград 1915; приложение к этой книге «Некоторые выводы из моих диалектологических лужицких наблюдений; его же статья «О частях речи в русском языке», «Русская речь», 1928, вып. II.

78. Л. В. Щерба, Некоторые выводы из моих диалектологических лужицких наблюдений, тезисы 4, 5 и 7.

79. Рецензия на «Законы и правила русского произношения» В. И. Чернышева в «Известиях Отделения русского яз. и словесности Акад. наук, 1907, т. XII, кн. 2, стр. 495.

80. Н. Крушевский, Очерк науки о языке, стр. 116 и 123.

81. И. Бодуэн-де-Куртенэ, Глоттологические (лингвистические) заметки, вып. I, 1877, стр. 31.

82. В. А. Богородицкий, Очерки по языковедению и русскому языку, изд. 3-е, стр. 16.

83. Н. Крушевский, Очерк науки о языке, стр. 112—114.

84. Ср. статью В. М. Жирмунского «Развитие строя немецкого языка», «Известия Акад. наук СССР, Отделение общественных наук», № 4, 1935, и отдельно, Л. 1935, а также его статью «От флективного строя к аналитическому» в сборнике «Вопросы немецкой грамматики в историческом освещении», М.-Л. 1935.

85. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, вып. I—II, стр. 64.

86. С. А. Венгеров, Критико-биографический словарь, т. V, 1897. Ср. Л. В. Щерба, Некролог И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, «Известия Отделения русского языка и словесности» Акад. наук, 1930, т. III, кн. I, стр. 325—326.

87. И. А. Бодуэн-де Куртенэ, Некоторые общие замечания о языковедении и языке, СПБ 1871, стр. 26.

88. См. статью проф. Л. В. Щербы «О частях речи в русском языке», сб. «Русская речь», 1928, вып. II, стр. 18.

89. Л. В. Щерба, О частях речи в русском языке.

90. Ж. Вандриес, Язык, русск. перев., М. 1937, стр. 114.

91. Там же, стр. 116.

92. Там же.

93. Там же, стр. 130.

94. Проф. М. Н. Петерсон, Русский язык, пособие для преподавателей, 1935. Его же. Современный русский язык, М. 1929.

95. Л. В. Зиндер и Т. В. Строева-Сокольская, Современный немецкий язык, Учпедгиз 1941, стр. 65.

96. O. Jespersen, The Philosophy of Grammar, стр. 62.

97. См. рецензию проф. А. Белича на книгу В. В. Виноградова «Современный русский язык», вып. I—II, 1938 в журн. «Iужнословенски филолог», Београд 1938—1939, кн. XVII, стр. 259. Ср. также статьи проф. Куриловича (Dérivation lexicale et dérivation syntaxique. Contribution à la théorie des parties de discours, Bulletin de la société de linguistique de Paris, t. 37, 1936) и М. В. Сергиевского («Современные грамматические теории в Западной Европе и античная грамматика. Вопросы грамматики», «Ученые записки I Московского госуд. педагогического института иностранных языков», 1940, т. II).

ГРАММАТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О СЛОВЕ

Части речи

I. ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

I. ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ И ГЛАГОЛ

§ 1. Предметно-смысловая основа категории имен существительных

Грамматическим стержнем имен является категория имен существительных. Под эту категорию подводятся слова, выражающие предметность и представляющие ее в формах рода, числа и падежа. Относимое к категории имени существительного слово обычно представляет собою систему падежных форм единственного и множественного чисел, воспроизводящую определенный родовой тип склонения (ту или иную парадигму)[1]. Значение предметности служит тем семантическим средством, с помощью которого из названия единичной вещи возникает обобщенное обозначение целого класса однородных вещей или выражение отвлеченного понятия (ср. семантическую историю таких слов, как: *ампер, памфлет, бойкот, мансарда, альфонс, галифе, альмавива, макинтош, вольт, геркулес, гильотина, браунинг, зоил, дон-жуан, жокей, кюи, камелия, крез, лазарет, олух, ловелас, лукулл, меценат, кольт, маузер, рентген, сандвич, фефела, фиакр, фофан, хам, доберман, винчестер* и т. д., в основе которых лежало собственное имя лица)[2].

«Форма имени существительного предназначена для сбережения духовного материала при помощи языка»[3]. Категория имени существительного обеспечивает возможность мыслить предметно, в форме названия, даже отвлеченные понятия о качествах и действиях.

§ 2. Взаимодействие между категорией имени существительного и категориями прилагательных, числительных и наречий

Выражая предметность, являясь средством опредмечивания разнообразных понятий и представлений, имя существительное находится в сложном взаимодействии со всеми другими классами слов*. Ярче и выразительнее всего контраст между именами существительными и глаголами.

---

* Характерен тот факт, что половина корневых элементов русского литературного языка воспринимается как основы имен существительных. См. Г. Павский, Филологические наблюдения, СПБ 1842, Рассуждение второе, стр, 17 и след.

К. С. Станиславский в своей замечательной книге «Работа актера над собой» учил артиста определять стоящую перед ним сценическую задачу глагольным словом, а не именем существительным. Ведь «имя существительное говорит о представлении, об известном состоянии, об образе, о явлении. Говоря о них, имя существительное только образно или формально определяет эти представления, не пытаясь намекать на активность, на действия» [4].

Еще ярче противопоставлял семантические свойства имени существительного глаголу Герцен: «Названия — страшная вещь. Жан Поль Рихтер говорит с чрезвычайной верностью: если дитя солжет, испугайте его дурным действием, скажите, что *солгал*, но не говорите, что он — *лгун*... «Это — *убийца*», — говорят нам, и нам тотчас кажется спрятанный кинжал, зверское выражение, черные замыслы, точно будто убивать постоянное занятие, ремесло человека, которому случилось раз в жизни кого-то убить» [5].

Ближе и теснее всего связи имен существительных с категориями имен прилагательных и наречий. Имя существительное нередко выполняет те же синтаксические функции, что и наречие, и прилагательное. Между существительными и прилагательными, между существительными и наречиями намечаются переходные ступени. Взаимодействие имени существительного и наречия очень разнообразно. Но особенно ярко обнаруживается оно в тех случаях, когда имя существительное в форме косвенного падежа (чаще с предлогом) несколько ослабляет свое предметное значение и начинает употребляться в роли несогласуемого определения или обстоятельства. Таково, например, выражение: *в миниатюре*. Оно переступает за черту форм и значений слова *миниатюра*.

Слово *миниатюра* имеет три значения.

1. Небольшая картина, отделка которой отличается особенной тщательностью, тонкостью и изяществом (м и н и а т ю р ы Э р м и т а ж а), а в собирательном смысле: такие картины как род, жанр живописи (и с к у с с т в о м и н и а т ю р ы).

2. Переносно: произведение искусства небольших размеров, малой формы (т е а т р м и н и а т ю р).

3. Разрисованная красками прописная буква или вообще небольшой рисунок в красках в старинной рукописи.

В стороне от этих значений стоит выражение: *в миниатюре* (разговорн.) — в малом виде, в небольших размерах. Например: *Это — своеобразный университет в миниатюре.* (Ср. значения прилагательного *миниатюрный*: 1) относящийся к миниатюре, связанный по значению с миниатюрой: *миниатюрная живопись*; 2) переносно: маленький и изящный; вообще небольшой, очень маленький: *миниатюрный домик, миниатюрное личико.*)

Выражение *в миниатюре* занимает промежуточное положение между прилагательным *миниатюрный* и еще не определившимся наречием *в миниатюре*. Например: *Макет представлял в миниатюре внутренность старинного замка.* При сочетании с определительными словами это выражение может стать полноценным именем существительным. Ср. у Лескова в «Блуждающих огоньках»: «Ребенок есть тот же человек *в миниатюре, которая* все увеличивается».

Пути перехода форм имени существительного в наречия настолько разнообразны, что до сих пор еще никому не удалось всестороннее описание их.

Бо́льшая часть групп качественно-обстоятельственных и обстоятельственных наречий развивается за счет имен существительных (например: *волосы вскобку, прическа ежиком, езда шагом, впопыхах, на-днях, временами, современем, ощупью, наощупь, впроголодь* и т. п.). Многие имена существительные, еще не вполне сбросив с себя предметность, получают заметные оттенки адвербиальных значений (например: *до дна, грудь колесом, ноги колесом, на худой конец, без конца, на даровщинку, до востребования, со всячинкой, до неузнаваемости, до невозможности, на ногах* и т. п.). Между тем наречию иногда предоставляется право выступить в роли существительного (ср.: «Из моего чудного, прекрасного *далека* тебя вижу» — Гоголь; «Из премудрого *далека*» —

Тютчев и т. д.; ср. промежуточную форму: «не из очень далека» — Достоевский, «Идиот»). Наречие, само образовавшееся из формы имени существительного, нередко дает жизнь новому существительному, от которого, в свою очередь, опять производятся наречия. (Ср. существительные *нахрап* из наречия *нахрап*, которое в свою очередь образовалось в воровском жаргоне из сочетания *на храп*, *на храпок**, а от *нахрап* вновь возникает наречие — *нахрапом*; *заграница* — из наречий *заграницу*, *заграницей*** и т. п.)

По иным направлениям развиваются связи имен существительных с именами прилагательными. От имен существительных зависит состав и пополнение таких грамматических разрядов, как имена прилагательные притяжательные, относительные и качественно-относительные, например: *крокодиловы слезы*, *полевой цветок*, *кожаная куртка*, *черепаший шаг* и т. д.

Многие из этих прилагательных замещаются предложными или беспредложными формами имени существительного как синонимами (*жизнь человека — человеческая жизнь*, *переплет из сафьяна — сафьяновый переплет* и т. п.).

С другой стороны, категория имен существительных непрестанно вовлекает в свою систему бывшие формы имен прилагательных (ср. *портной*, *посыльный*, *верховой*, *вестовой*, *рядовой*, *рулевой*, *столовая*, *глухонемой*, *дежурный*, *часовой*, *уборная*, *жаркое*, *заливное*, *пирожное*, *второе*, *млекопитающее*, *беспозвоночные*, *рвотное*, *слабительное* и т. п.). Тем самым распространяется синтаксическое употребление имени прилагательного в роли заместителя существительного (ср. *встречный*, *сталинградский тракторный*, *третий решающий*, *посевная*, *уборочная*, *первая конная*, *непокупное*, *важитое*, *старое* и т. п.)***.

Многообразие синтаксических функций, выполняемых именами существительными, иногда ведет к осложнению и расширению значения предметности. Нередко в строе имени существительного предметность является лишь фундаментом, опорным пунктом, на котором воздвигаются близкие к имени прилагательному значения качественных признаков или состояний. Например, из прямого номинативного значения *мощи* выросло переносное употребление (в смысле: очень худой, исхудавший человек). В этом случае слово «мощи» не является названием. Оно служит лишь характеристикой состояния и обычно употребляется как сказуемое. Именно таково употребление фразеологического сочетания *живые мощи*. (Ср. следующий шаг на пути к отрешению от предметности в словах: *не чета*, *не промах*; ср. у Тургенева в «Фаусте»: «Г. Шиммель, в свое время, был *малый не промах*»).

Так намечается иная сфера соприкосновения имен существительных с прилагательными. Имя существительное само тянется к именам прилагательным, приобретая качественные значения. (Ср. различия в предметном и качественном значении слова *отец* в выражении: «отец — всегда отец».) Поэтому-то иногда вместо постановки качественно определяющих прилагательных перед существительным (а способность иметь при себе определяющее прилагательное — одно из основных синтаксических свойств имени

---

* Ср. в «Словаре жаргона преступников» С. М. Потапова (М. 1927): *на храпок* — схватить за горло (ср. *нахрапом* — насильно, усиленно) (стр. 102); *храп*, *храпок* — горло (стр. 180). Ср. в «Блатной музыке» В. Ф. Трахтенберга (СПБ 1908) статью под словом *храп* (стр. 64). Ср. в холмогорском говоре *храпом брать* — насильно брать, с великим усердием добиваться» (Грандилевский, Родина М. В. Ломоносова, Сб. Отд. русск. яз. и слов. Акад. наук, т. LXXXIII, № 5, стр. 294). Ср. у Асеева: «В Москве уже твердо закреплен облик академического нищего *без нахрапа*» (Н. Асеев, Проза поэта). Ср. в письме Г. Успенского к Гольцеву (от 12 октября 1889 г.): «В нем развивается *нахрап* завладевать местами, дающими жалованье» (Архив Гольцева, т. I, стр. 73).

** Ср. у Достоевского в «Бесах»: «Эти *«за кулисы»* были довольно узкое пространство, отгороженное от публики наглухо занавесью».

*** Семантическое соотношение категорий имен прилагательных и существительных изображено А. А. Потебней («Из записок по русской грамматике», т. III, гл. III—VII).

существительного) возможно употребление при нем количественных наречий. Например: «Почти портреты» (заглавие сборника шаржей Кукрыниксов); «очень не дрянь» (слова Чичикова в «Мертвых душах») и т. п.

Взаимодействие категорий имени существительного и местоимения настолько очевидно, что многие лингвисты не различают имен существительных и предметно-личных местоимений. Местоименные слова и основы глубоко проникают в круг именного словопроизводства и синтаксического употребления (например: *итог, себялюбие, отсебятина, тождество, ничтожество, всячина, лирическое «я», самость, самец, самка* и т. п.). Не менее ясны те пути и направления, где скрещивается грамматическое движение имен существительных и имен числительных. Не удержав в своей системе группы имен числительных от *пяти* до *тысячи* (бывшие собирательными существительными), имя существительное, однако, не уступает категории числительных обозначения больших чисел (*миллион, миллиард, биллион* и т. п.), заимствованные из западноевропейских языков, и возмещает свои старые утраты производством разнообразных количественно-предметных слов от основ числительных (*пятерка, пятерня, пяток, тройка, тройня, троица, троечка, сотня*, просторечные *сотняга, сотняжка* и т. п.).

Таким образом, центральное положение имени существительного в системе основных частей речи (кроме глагола) вырисовывается очень ясно. Но и за этими пределами существительные широко распространяют свои продукты, изменяя свои грамматические значения и пополняя инвентарь разных служебных категорий.

Отчасти через область наречий, а отчасти и непосредственно имена существительные переходят в предлоги (например: *вследствие, в силу, в течение, по части, вокруг, кругом* и т. п.). А отсюда один шаг и до союзов, главным образом причинных, временных и условных (например: *с тех пор как, вследствие того что;* ср. просторечные *добро бы, благо* и т. п.). Кроме того, имена существительные оказывают большое влияние на формирование разрядов модальных, так называемых «вводных» слов (ср.: *кстати, словом, наверняка* и пр.). Наконец, классы междометий в современном русском языке расширяют свой состав преимущественно за счет имен существительных, глаголов (императивные формы) и наречий (ср.: *тьфу, пропасть!; батюшки!; чорт!; чорта с два!; глупости!; красота!; эка важность!; дело — табак!* и т. п.).

Так в общих чертах определяется роль имен существительных в системе всех категорий, кроме глагола. (Ср. взгляд проф. А. И. Белича на слова со значением предметности как на единственный класс самостоятельных слов в человеческом языке вообще.)

§ 3. Имя и глагол

Грамматические отношения между именем существительным и глаголом лучше всего определяются общей формулой А. А. Потебни: «В русском языке, как и в других сродных, по направлению к нашему времени увеличивается противоположность имени и глагола» *. Эта формула сохраняет (впрочем, с очень существенными ограничениями) свою остроту и силу для современного русского языка. Правда, формула Потебни имеет в виду все категории имен. Но среди них наиболее продуктивны и многочисленны имена существительные и прилагательные. Имена числительные (а также местоимения), как покажет дальнейшее изложение, теперь находятся в состоянии грамматического распада. Понятно, что ярче всего антитеза глаголу выражена в именах существительных*. Следует наметить общий абрис соотношений имени и глагола, прежде чем детально изображать характеристические свойства имени существительного.

---

* Ср. «Все существующее в пространстве — предмет, все существующее во времени — действие» (К. С. Аксаков, Полн. собр. соч., т. II, стр. 1—2 и след.).

Грамматический и семантический объем имени (особенно имени существительного) у́же, теснее, чем у глагола. Характерно, например, что фонетические варианты форм одного слова (используемые для равличения форм фонетические чередования) в современном русском языке очень ограничены в грамматической системе имен (исключая, конечно, личные местоимения). В формах имен существительных распространены лишь чередования твердых и мягких согласных (например, *рыбы — рыбе);* переходы ударений (ср. диференциацию форм: 1) род. ед. *глáза* — им. мн. *глазá; сукнá* — *сýкна; воды́* — *вóды* и т. п.; 2) дат. и предл.: *ды́му—в дыму́; пы́ли—в пыли́* и т. п.); связанные с ударением замещения (субституции) ударных и неударных гласных (*гóда — годá* и т. п.); беглые *о* и *е*, употребление которых строго упорядочено. Чередования согласных вроде *к — ч; г — з* и т. п. наблюдаются у немногих имен существительных и притом только для различения основ единственного и множественного числа (*сук — суки — сучья).* Но категория числа имен существительных находится в особом положении сравнительно с категорией падежа. Она все болѣе и более лексикализуется, т. е. используется как средство разграничения лексических значений и оттенков слова (ср. *крюк — крюки* и *крючья; корень — корни* и *коренья*).

Формы множественного числа имени существительного иногда отрываются от форм единственного числа и превращаются в особое слово. Например: *бык* и *быки* — устои моста; *час* и *часы* — прибор для измерения и определения времени в пределах суток. Точно так же в формах имени прилагательного чередования согласных: *д — ж; т — ч; ст — щ; к — ч; г — ж; х — ш; з — ж; с — ш,* свойственны лишь сравнительной степени на *-е*, а *к — ч, х — ш, г — ж, з — ж* — также и превосходной на *-айший*, например: *молодой — моложе; густо — гуще; высокий — выше — высочайший; низкий — ниже — нижайший* и т. п. Но формы степеней сравнения тоже склонны к лексическому обособлению от соответствующих имен прилагательных, тем более что наречия располагают такими же, омонимными образованиями сравнительной степени (ср. *он ростом выше меня* и *подняться еще выше по склону горы*) *.

Совершенно иная картина фонетических соотношений открывается в системе форм глагольного слова. Здесь фонетические вариации форм очень широки (ср. *еду — ехать, жать — жму, лечь — лягу* и т. п.). Основа одного и того же глагола иногда настолько изменяется в разных его формах, что иногда становится фонетически неузнаваемой. Все это нисколько не нарушает семантического единства глагольного слова. Например: *лечь — лягу — лег; сесть — сяду — сел; взять — возьму; слать — шлю; жечь — жгу — жог; молоть — мелю; понять — пойму; учесть — учту — учел; мять — мну; жать — жну; прочесть — прочла; есть — ем — едим* и т. п. Среди глаголов оказывается даже такое слово, в котором вовсе нет этимологического «корня» — *вынуть* (нефонетически из более старого *вынять*, до сих пор широко употребляемого в диалектах; ср. форму несов. вида *вынимать*).

В современном русском языке парные видовые формы глагола относятся к системе форм одного слова, несмотря даже на то, что они иногда образуются от разных основ (например: *брать — взять; укладывать — уложить; говорить — сказать; ловить — поймать; класть — положить*; впрочем, в последних трех парах семантическое соответствие лишь частичное).

Таким образом, фонетическая структура форм различна у имени и глагола. Так, у глаголов в отличие от имен зубные чередования конечных согласных основы (чередования *д — ж; т — ч; ск — ст — щ; с — ш; з — ж*) являются очень живыми даже в формах одного слова, Например: *заплатить — заплачу, заплаченный; разбудить — разбужу, разбужен; спросить — спрошу, спрошен; нагрузить — нагружу, нагружен; хохотать — хохочу; глядеть — гляжу; вязать — вяжу; писать — пишу; хотеть — хочу* и т. п.; в видовых формах: *заметить — замечать; зарядить — заряжать; пригласить — приглашать; нагрузить — нагружать; угостить — угощать ; пово-*

* Ср. замечание акад. А. И. Соболевского: «Место степеней сравнения не в синтаксисе и не в морфологии, а в словаре» («Русский исторический синтаксис». Литогр. лекции 1892/93 г., стр. 21).

ротить — поворачивать; спросить — спрашивать; *омолодить — омолаживать* и т. п. Напротив, у имен не-отглагольного происхождения чередования зубных звуков ограничены не только в формах словоизменения, но даже и в формах словообразования, т. е. в разных словах, произведенных от одной и той же основы. Они встречаются лишь: 1) в непродуктивных формах (приблизительно от 32 основ) степеней сравнения: *худо — хуже; молодой — моложе; жидкий — жиже; короткий — короче; высокий — выше; близкий — ближе; чистый — чище; частый — чаще; поздно — позже* и т. п.; 2) в немногих родственных существительных и прилагательных: *высь — вышина*; ср. устар. *вышний; толстяк — толщина, толща; жижа — жидкость; низина — нижний; ближний — близкий, близость*; 3) в притяжательно-относительных прилагательных на *-ий, -ья, -ье*: *медвежий, говяжий, стерляжий* и т. п., в примыкающих к ним прилагательных на *-ячий*, соотносительных с названиями детенышей на *-ята: телячий, поросячий* и т. п.; 4) в рассеянных сериях слов: *господин — госпожа; город — горожанин; стыд — бесстыжий; француз — француженка; весна — вешний* и немногие другие.

Точно так же, в отличие от именных основ в глагольных основах продуктивны чередования: *п — пл, б — бл, ф — фл, м — мл*, в системе форм одного слова. Например, в неологизмах: *оформить — оформлю, оформлен; разграфить — разграфлю, разграфленный*; жаргонное *угробить — угроблю, угроблен* и т. д. Ср.: *сыпать — сыплю; спать — сплю; дремать — дремлю; щипать — щиплю; ушибить — ушиблен; затопить* (печь) — *затапливать; ослабить — ослаблять; обрамить — обрамлять* и т. п. (ср. отглагольные существительные: *капля, грабли, гребля* и т. д.; ср. единичные примеры этого чередования в чисто именных основах: *дешевый — дешевле; чернозем — земля*).

Показательны и другие резкие различия чередований согласных в формах именного и глагольного словообразования. Так, чередование *ц — ч* очень продуктивно в именном словообразовании (*лицо — личико — личный — личной; отец — отеческий — отечество — отчизна; овца — овечий — овчар — овчарка — овчарня* и т. п.), но глагольным основам оно не свойственно.

Конечно, в смешанных отглагольно-именных и отыменно-глагольных образованиях картина чередований сильно изменяется. Но и здесь чередования зубных или губных согласных продуктивны лишь в том случае, если процесс словообразования исходит из глагольных основ; напротив, чередования *к — ч, г — ж, х — ш*, а также *ц — ч* преобладают в отыменных образованиях. Вот примеры зубных и губных чередований в отглагольных именах существительных:

1) в существительных на *-ение* (от глаголов на *-ить*): *брожение, извещение, правление, постановление* и т. д.;

2) *пряжа* (ср. *пряду*); *стужа (студить); ноша (носить); купля, ловля, гребля* и т. д.

Вместе с тем в глагольных формах наблюдаются чередования гласных, совершенно чуждые именным основам. Таковы, например, чередования *а́ — е́* (*лечь — лягу, сесть — сяду, объять — объемлю*, ср. *лезть — лазить*); *о́ — а́* (*оформить — офармливать; заколет — закалывать* и т. п.). Только глагольным основам свойственны своеобразные беглые *и — ы* в образованиях несовершенного вида: *собрать — собирать; содрать — сдирать; созвать — сзывать; прислать — присылать; проспать — просыпать; оторвать — отрывать; подорвать — подрывать; подождать — поджидать; замкнуть — замыкать; проткнуть — протыкать* и т. п. (Ср. также: *прочесть — прочту — прочитать; умереть — умру — умирать* и т. п.; *нажать — нажму — нажимать; зажечь — зажгу — зажигать; начать — начну — начинать* и т. п.). Но ср. в отглагольных именах, производных от тех же основ, отсутствие форм без гласного (в нулевой степени): *задира, горлодер; зов — призыв; обжог; отрыв* и т. п. (ср. также: *замкнуть — замыкать — замок; послать — посылать — посол*).

Приемы выражения и функции некоторых чередований гласных очень различны в формах имени и глагола. Например, наличие, появление и исчезновение так называемых «беглых» гласных *е* и *о* в именах подчинено лишь принципу равносложности слова и не создает грамматического противопоставле-

ния форм (например: *рот — рта*; *рожь — ржи*; но ср. также *рожью; камень — камня*; *хитер — хитра* и т. п.; *письмо — писем*; *ведро — ведер*; *спальня — спален*; *сосна — сосен* и т. п.). В формах глагола появление беглых *о* и *е* (не перед j*) связано с дифференциацией: 1) основ инфинитива и настоящего времени (*драть — деру; брать — беру; стлать — стелю*; *гнать — гоню*; *звать — зову*); 2) основ настоящего-будущего времени и инфинитива прошедшего времени в глаголах на *-ереть* (*умру — умереть, умер; тру — тереть, тер; запру — запереть, запер; простру — простереть, простер*), а также в некоторых других типах: *прочту — прочесть, прочел; жгу — жечь жег* (ср. такую же функцию *а* в *мну — мять, мял*; ср. *жать, распять, начать* и т. п.); ср. также *толочь, толок* при *толку, толчешь*.

Таким образом, в системе глагола чередование *о* и *е* или *ы — и* с фонетическим нулем (с исчезнувшим гласным) служит средством различения форм, т. е. оно морфологизовано, между тем как у имен чередование беглых *о* и *е* с нулем ввука обусловлено лишь нормами благозвучия.

Между именами и глаголами наблюдаются и более общие различия в корневых элементах: чисто русские именные корни или непроизводные основы всегда оканчиваются на согласный (исключение — личное местоимение *я*, которое вообще не имеет для современного языкового сознания в им. пад. ни окончания, ни корня; ср. *ты, мы, вы*), между тем как глагольные корни нередко оканчиваются на гласный ввук: *зна-(ть), гни-(ть), ду-(ть)* и т. д. Конечно, эти различия несколько осложнены заимствованиями (вроде *боа, ажио, адажио* и т. п.) и сокращенными названиями (типа *врио, ОНО, МГУ* и т. п.).

Противопоставление имени существительного и глагола сказывается и в характере окончаний. В окончаниях имен существительных (кроме нулевого окончания) сменяются по большей части гласные (*у, о, а, е, и, ы*), далее губные согласные (*м, ми, в — ф*) и *х;* в глаголах гласные (*у, е, и, а*) в конечном открытом слоге сравнительно редки, чаще на конце форм — согласные *ш, с*, губной *м* и зубные *т, т'* (а также *л*).

Контраст имени и глагола поддерживается и морфологическими отличиями в приемах словообразования. В продуктивных классах имен существительных и прилагательных преобладает суффиксальное словообразование. Очень редко применяется комбинированный прием образования слов посредством суффиксации и префиксации (например *междуречье*). Творчество новых суффиксов за счет основ — господствующая тенденция развития именного строя[7]. Этот закон, открытый еще И. А. Бодуэном-де-Куртенэ и Н. В. Крушевским [8], сохраняет свою силу и для современного русского языка. Так, суффикс лица *-ец*, разрастаясь, дает жизнь потенциальному суффиксу *-енец* (ср. *беженец*, [9] заимствованное из чешского или болгарского языка; *невозвращенец, перерожденец* и т. п.), который к старому значению лица, подвергшегося какому-нибудь действию (*переселенец, выведенец* и т. п.), присоединяет новое значение — лица, причастного к какой-нибудь деятельности, действию или даже к учреждению (например: *примиренец, просвещенец, невозвращенец* и другие подобные). Ср. ответвления от суффикса *-ик*: *-щик, -овщик, -ировщик, -ник, -овник* и другие подобные; от *-ский*: *-овский, -ческий, -енческий, -инский, -ический* и т. д.

Между тем в системе глагола продуктивные суффиксы единичны: *-ыва-; -ива-; -ова-; -ирова-; -изирова-; -изова-; -нича-; -ствова-; -а-; -ка-; -и-; -е-* (ср. *военизировать, советизировать* и другие подобные).

В самых значениях суффиксов именных и глагольных наблюдается резкое различие. Глагольные суффиксы лишены многозначности, не создают разнородных семантических классов внутри категории глагола. Лишь суффиксы *-и(ть)* и *-е(ть)*, с помощью которых производятся глаголы от имен прилагательных, выражают грамматическое противопоставление двух разрядов:

* По законам современного русского языка слова не оканчиваются на согласный j без предшествующего гласного, в связи с чем и воспринимается наличие беглого *е* перед j в некоторых формах; ср. *свинья — свиней; ружье—ружей; пью—пей; вью—вей; лью—лей* и т. д.

делать каким *(темнить)* и делаться каким *(темнеть)*. Ср. в «Идиоте» Ф. Достоевского: «И позвольте вас спросить, почему вы давеча *остолбенели* на месте: что во мне такого *остолбеняющего?*» Остальные глагольные суффиксы определяют лишь общее направление и способ словопроизводства (глаголы на *-ничать*, *-ствовать*, *-евать* — отыменные образования; на *-кать* — отмеждометные и т. п.). Между тем значение именных суффиксов — «классифицирующее»: предметы при их посредстве распределяются по категориям лица, орудия, места, отвлеченности, собирательности, единичности и т. д. Именные суффиксы обозначают принадлежность предмета к тому или другому «классу представлений»[10].

В кругу имен приемы префиксального формообразования и словообразования мало распространены. Формы чистой префиксации здесь связаны главным образом со значениями степени, например: *сверхчеловек*, *раскрасавица*, *обер-бандит*, *ультра-правый*, *архиплут*, *прескверный*, *наилучший* и т. п. Реже значение префиксов отрицательное или противительное, выражающее враждебность, отсутствие, отрицание, исключение, фиктивность, мнимость. Например: *анти-*, *не-*, *экс-*, *квази-*, в именах прилагательных *без-* (например: *экс-граф*, *квазипатриот*, *антисемит*, *недруг*, *беззаконный* и т. п.).

Только в случаях комбинированного, префиксально-суффиксального словообразования ярко выступают и другие значения префиксов (*заречье*, *побережье*, *посмертный*, *зарубежный* и т. п.).

Напротив, в глаголах префиксы живут разнообразной и напряженной жизнью (*пить — запить*, *выпить*, *отпить*, *попить*, *допить* и т. п.)*. Те дополнительные значения, которые вносятся ими, изменяют лексическое содержание глагола и влияют на его грамматические функции. Господство префиксов придает системе русского глагола отпечаток агглютинативного строя. В глаголах непрерывно усложняются и видоизменяются приемы префиксального формообразования и словообразования. Между тем новых глагольных суффиксов не возникает (варианты *-овать*, *-ировать*, *-изовать*, *-изировать* явились единственным плодом западноевропейского влияния на русские глагольные суффиксы; укрепление и распространение *-овать* в заимствованных словах, отчасти связанное с влиянием польского языка, относится к концу XVII — началу XVIII в.).

Круг применения старых суффиксов глагола сокращается. Например, в незаимствованных словах суффиксы *-ева́ть*, *-ова́ть (зимовать*, *горевать*, *вековать*, *торговать*, *толковать)* и *-овать (требовать*, *сетовать*, *пользовать*, *расходовать* и т. п.) стали в общем непродуктивны. Более жизненен в книжной речи лишь производный вариант *-ствовать*. Напротив, продолжают возникать и распространяться новые сложные приставки глаголов. Таковы *обез-* (*обезлошадеть*, *обеспамятеть* и т. п.), *недо-* (*недоучесть*, *недосмотреть* и т. д.) и т. п.

В отличие от глагола у имен существительных приставки, если они не подчеркиваются соотносительными с ними суффиксами (как, например, в словах: *заречье*, *поречье*, *приморье*, *безлошадье)*, тяготеют к полному слиянию с основой (например: *огород*, *прибыль*, *убыток* и т. п.).

Обычно в отглагольном имени существительном, не имеющем суффиксов действия вроде *-ывани(е)*, *-ани(е)*, *-ени(е)* или даже *-к(а)*, приставка ассимилируется предметным значением корня и теряет свою морфологическую индивидуальность. Например: *замок* (но ср. *замкнуть—замыкать*; *сомкнуть—смыкать* — *смычка*; *отомкнуть — отмыкать — отмычка* и т. п.). У многих глаголов под влиянием родственных имен существительных приставки сливаются с корнем. Ср., например, с одной стороны, глаголы *зарядить*

* Грамматический контраст суффиксов и префиксов был очень ясно охарактеризован Н. В. Крушевским: «Они противоположны не потому только, что их объем и содержание находятся в обратном отношении: все существенные их черты противоположны. Суффиксы отличаются гораздо большей способностью сочетаться друг с другом, чем префиксы; суффиксу свойственна преимущественно вариация морфологическая, префиксу — фонетическая» («Очерк науки о языке», стр. 85).

(ружье) и *заложить* (вещи в ломбард) и, с другой—их омонимы *зарядить* (зачастить), *заложить* (за ухо) и т. п., где роль глагольных приставок жива и выразительна. Ср. *взглянуть* (взгляд), *вкусить* (вкус) и т. д.

Морфологическое противопоставление имени и глагола выражается и в методах словосложения. Принципы словосложения, отчасти развившиеся в самом русском языке, отчасти унаследованные от греческого и церковнославянского языков и поддержанные, особенно в научно-философских, технических и публицистических стилях, влиянием языка немецкого, утвердились преимущественно в продуктивных именных категориях (существительных и прилагательных). Если оставить в стороне калькированные по греческому образцу славянизмы (типа: *благодарить*, *благоговеть*, *благоволить* и т. п.), то сложные глаголы в большей своей части являются отыменными образованиями (например: *великодушничать*, *злорадствовать*, *славянофильствовать* и т. д.). При широком развитии составных новообразований в современном книжном языке (*хлебозаготовки*, *хлеботорговля*, *нефтелавка*, *вагонооборот*, *железобетон* и т. п.) сложных глаголов таким путем не возникает. Процесс производства сложных слов с основой существительного или прилагательного-наречия в первой части останавливается на границе глагола в сфере причастий (например: *товаропроводящий*, *хлеботоргующий*, *жаропонижающий* и т. п., но ср. отсутствие глаголов: *товаропроводить*, *хлеботорговать* и т. п.; ср. *душераздирающий* (крик), ср. *душеспасительный*, *сердцещипательный* и т. п.).

Наконец, можно отметить еще один контраст между строем глаголов и имен существительных. В категории современных существительных любая бессуфиксная тема, получая функцию названия, становится формой именительного падежа (*спец*, *зав*, *зам* и т. п.) В области же глагола чистая основа может быть только или междометной формой глагола, выражающей звучание или стремительное движение (например: *бац*, *трах* и т. п.), или же формой императива (т. е. опять-таки формой, близкой к междометию). Формы прошедшего времени мужского рода, совпадающие с глагольной основой (*греб*, *тек* и т. п.), свойственны лишь непродуктивным группам глагола (*течь*, *грести* и т. п.), и количество образований этого типа сосчитано.

Еще глубже и разнообразнее различия между синтаксическими функциями имени существительного и глагола. Эти различия сказываются как в построении именных и глагольных словосочетаний, так и в структуре разных типов предложений.

Глубоким грамматическим различиям имени существительного и глагола соответствует и резкая лексико-семантическая разница между глагольными и предметными словами. Глагол семантически более емок. В смысловой структуре глагола нередко объединяются значения таких предметных основ, между которыми в современном языке разорвана даже этимологическая связь. Например, в значениях глагола *вытравить* сочетаются отголоски значений трех разных и в современном языке очень далеких существительных: 1) *отрава* (ср. *вытравить всех мышей* — здесь *вытравить* значит: извести отравой; из того же значения *отравы* выводятся два профессиональных значения слова *вытравить:* а) уничтожить путем химического разложения: *вытравить пятна;* б) сделать изображение на каком-нибудь металле при помощи едкого вещества: *вытравить офорт*); 2) *потрава* и, может быть, даже *трава* (ср. значение глагола *вытравить* — произвести потраву чего-нибудь: *вытравить луг*) и 3) *травля* (ср. значение — выгнать травлей: *вытравить зверя из лесу*). Ср. также объединение значений слов — *звон* и *звонок* в глаголе *звонить* (произвести звон и приводить в действие звонок).

Впрочем, для современного русского языка характерно увеличение смыслового объема также имени существительного и прилагательного. Так как литературный язык все шире захватывает и все сильнее притягивает к себе сферы разных профессионально-технических диалектов, все теснее смыкается с языком науки и техники, а также с разными профессиональными говорами и бытовыми жаргонами, то, естественно, значения многих имен обогащаются, усложняются. Смысловая емкость имен существительных возрастает (ср., например, рост значений у слов: *база*, *квалификация*, *линия*, *лицо* и т. п.).

§ 4. Об основных грамматических категориях внутри категории имен существительных

Семантический строй категории имени существительного глубоко отпечатлевается и в основных грамматических формах имени существительного — в формах рода, числа и падежа. Теми же формами располагает и имя прилагательное. Но там смысл их отличен, почти диаметрально противоположен. В именах прилагательных эти формы целиком синтаксичны. В именах прилагательных это — формы грамматического отношения имени прилагательного к определяемому слову, формы согласования с ним. В имени существительном синтаксические функции этих форм осложнены оттенками лексических значений. Даже падежи имени существительного являются в большинстве случаев формами простого отношения, а формами соотношения. Зависимость падежа от глагола или другого имени мотивирована двусторонне — не только формой и значением управляющего слова, но и формой и значением самого падежа.

У имен существительных система склонения органически связана с категориями рода и числа. Взгляд на существительные только как на слова склоняемые механистичен. В этом случае формы и значения падежных изменений отвлекаются от системы связанных с ними значений числа и рода. Между тем выражение рода имени существительного спаяно с типом склонения единственного числа у всех слов, кроме некоторых обозначений лиц мужского пола (на *-а*) и кроме слов среднего рода (в косвенных падежах). Например, окончание *-у* в родительном падеже единственного числа является знаком мужского рода (*квасу*, *табаку*, *взгляду*, *виду* и т. п.). Формы числа независимо от падежных форм вообще не имеют никаких добавочных средств выражения. Ведь даже суффикс *-ин*, обозначающий единичное лицо, связан не только с единственным числом, но и с определенным склонением одушевленных имен существительных мужского рода (ср. *крестьянин*, *-а* и т. д., множественное число *крестьяне*, *крестьян* и т. д.). Эта структурная спаянность грамматических элементов ярко отражается не только в формах склонения, но и в формах словообразования существительных. Большая часть суффиксов имен существительных потенциально включает в себя указания и на тип склонения, и на категорию рода, и даже на категорию числа. Например, суффикс *-ин(ы)*, употребляющийся для обозначения событий рождения, наречения имени и связанных с ними бытовых обрядов и действий, влечет за собой сопутствующие указания на тип склонения (род. пад. мн. ч. с нулевым окончанием) и на формы множественного числа. Суффикс *-иц(а)* образует существительное женского рода, изменяющееся по типу женского склонения на *-а*.

Таким образом, так называемые «формы словоизменения» вплетены или вклинены в систему словообразовательных категорий имени существительного, как бы химически слиты

с ними*. В этом отношении снова намечается резкая грань между именами существительными и именами прилагательными. В именах прилагательных функции рода, падежа и числа тоже слиты в одном окончании. Но суффиксы имен прилагательных, кроме притяжательных *-ов*, *-ин* и отчасти *-ий*, *-ья*, *-ье*, не влияют на формы их склонения, хотя до некоторой степени предрешают вопрос о возможности или невозможности краткой формы; например, *-ин'-*, *-ск'-* (*домашний*, *сельский* и т. п.) не допускают образования кратких форм.

2. РОДОВАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

§ 5. Категория рода имен существительных и ее предметно-смысловое содержание

Категорию грамматического рода некоторые ученые не без основания считали и считают «наиболее характерным морфологическим признаком»[11] имен существительных. Ведь в некоторых группах имен существительных могут отсутствовать внешние признаки других категорий: падежа и числа (ср. *какаду*, *губоно*, *пари* и т. п.). Между тем отнесение к одному из трех соотносительных классов — мужского, женского или среднего (т. е. ни того ни другого — ни мужского ни женского) рода — обязательно для каждого имени существительного в единственном числе.

Все существительные, за исключением тех, которые употребляются только в формах множественного числа (pluralia tantum), распадаются на три формальных класса, известных под именем грамматических родов: мужской, женский, средний. Эти классы имеют обозначение и выражение в форме номинатива (им. пад.), в некотором количестве особых падежных окончаний для каждого из них и в формах суффиксального словообразования.

У подавляющего большинства имен существительных, у тех, которые не обозначают лиц и животных, форма рода нам представляется немотивированной, бессодержательной. Она кажется пережитком давних эпох, остатком иного языкового строя, когда в делении имен на грамматические классы отражалась свойственная той стадии мышления классификация вещей, лиц и явлений действительности. Теперь же форма рода у большей части существительных относится к области языковой техники. По крайней мере, таково наше непосредственное языковое восприятие. В современном русском языке род больше всего определяется по окончаниям. Так, существительные с основой на твердый согласный (кроме *ж*, *ш*) и с нулевым окончанием в именительном падеже единственного числа (вроде *совет*, *транспорт*, *самолет* и т. п.) относятся к классу

---

* Вот почему при анализе форм словообразования имен существительных целесообразно сочетать с суффиксами и окончания.

слов мужского рода. Существительные с окончанием *-а (-я)* и его фонетическими безударными эквивалентами (например: *страна, сеялка, работница, земля* и т. п.) воспринимаются, за исключением небольшого круга слов, относящихся к лицам мужского пола, как слова женского рода. Существительные на *-о, -е* (за исключением единичных слов и разрядов слов, относящихся к лицам и животным, например, *Резниченко, Гнедко* и т. п.) образуют класс слов среднего рода. Наконец, род существительных на мягкий согласный и также на *-ш, -ж* с нулевым окончанием именительного падежа единственного числа (*зверь, кость, нож, рожь, шалаш, чушь* и т. д.) определяется (исключая обозначения лиц, в которых родовые различия соответствуют половым различиям) только системой склонения единственного числа: слова с окончаниями, свойственными склонению *стол, -а* и т. д., входят в класс слов мужского рода, а те слова, которым присущи формы трех косвенных падежей на *-и* и творительного на *-ью*, присоединяются к классу слов женского рода*. Родовые различия в именах существительных, по морфологическому облику похожих на прилагательные (*портной, служащий, столовая* и т. п.), узнаются по тем же приметам, что и в прилагательных. В современном языке производство форм женского рода на мягкий согласный с нулем флексии в именительном падеже ограничено строго определенными грамматическими типами (*явный — явь; широкий — ширь; нечистъ, посещаемость* и т. п.). Новые же бессуфиксные слова, оканчивающиеся на *-ж, -ш*, почти автоматически присоединяются к классу слов мужского рода (*сельмаш* и т. п.). Исключения единичны даже среди сокращенных обозначений.

Роль этих внешних примет особенно ярко выступает в распределении сокращенных или заимствованных слов по родовым группам. Так, греческие слова среднего рода на *-ма* (*система, схема, тема, догма* и т. п.) русским языком (в отдельных случаях — через посредство латинского языка) воспринимаются как формы женского рода. Латинские слова среднего рода на *-ум* в русском языке становятся словами мужского рода (например, *аквариум*). Но и здесь — при освоении заимствований — большое значение имеют смысловые аналогии и предметные связи (ср. род чужих названий городов, рек, газет и т. п.). Заимствованные слова могут

---

* Список старых бессуффиксных имен существительных мужского рода мягкого склонения см. в «Русской грамматике» А. Х. Востокова, а перечень таких же слов и мужского и женского рода — в «Практической русской грамматике» Н. И. Греча (СПБ 1834, стр. 27—31). Г. Павский намечал такие семантические группы слов женского рода на мягкий согласный с нулевой флексией именительного падежа: 1) собирательные слова и отвлеченные, обозначающие качество, состояние и действие — женского рода. Поэтому сюда относятся отглагольные (а также отпричастные) слова на *-ль, -нь, -ть*, а также слова на *-знь, -ынь, -ость, -есть, -ель, -овь, -вь, -ядь, -адь*; 2) названия лиц женского пола и самок; 3) имена многих рек и областей («Филологические наблюдения», Рассуждение второе, Об именах существительных, СПБ 1842, стр. 351—353.)

включаться в родовой класс по смысловым связям с теми или иными русскими словами. Например, *криг* — с *война*; ср. «пресловутая *блицкриг*»; *рифма* — с *стопа*, *строка* (греч. ρυθμός; ср. *ритм*); *виолончель* (итал. violoncello, франц. la violoncelle) — с *скрипка*, *кепи* — с *шапка* (франц. le képi; ср. *кепка*), *паштет* (die Pastete) — по аналогии с *пирог* и т. п. Кроме того, родовая квалификация заимствованных слов может зависеть от того родового класса, к которому принадлежит в русском языке слово со значением соответствующего общего понятия (genus). Например, названия иностранных газет — женского рода (по роду слова *газета*); названия городов, если эти названия не соответствуют морфологическим нормам современного русского языка, зачисляются в класс слов мужского рода: *Туапсе*, *Баку*, *Токио* и т. п.; названия рек — женского рода и т. п.

Категория рода имен существительных, представляя собой во многих отношениях палеонтологическое отложение отживших языковых идеологий*, однако не является в современном русском языке только техническим шаблоном «оформления» существительных. Она еще знаменательна[12]. Правда, на основе современного языка и современного мышления нельзя непосредственно уяснить, почему слова: *потолок*, *сор*, *мор*, *сыр*, *жир*, *гроб*, *город*, *год* и т. п. — мужского рода; *стена*, *весна*, *плесень*, *плешь* — женского рода, а *поле*, *море*, *солнце*, *время*, *небо*, *лето* — среднего рода. Самые мотивы распределения слов одного вещного круга (например: *море*, *озеро*, *река*, *ручей*, *звезда*, *луна*, *солнце*, *месяц*) по разным родам представляются непонятными. Так же неясно, почему *живот* мужского рода, а *пузо* — или *брюхо* — среднего. Никто из говорящих на современном русском языке не осознает причины, почему из названий деревьев *вяз*, *клен*, *ясень*, *дуб* — мужского рода, а *липа*, *осина*, *береза*, *сосна*, *ива*, *ветла*, *черемуха* и др. —женского; или почему, например, кроме слова *дерево* (и *растение*), нет других русских обозначений деревьев среднего рода.

Один остряк в 20-х годах XIX в. считал непоправимым и непонятным противоречием русского языка то обстоятельство, что в нем слова: *доброта*, *надежда* и *снисходительность* относятся к женскому роду, а *гнев*, *сумасшествие* и *каприз* — к мужскому и среднему («Цефей», Альманах на 1829 г., стр. 150)**.

---

* Изложение разных теорий о происхождении категории грамматического рода см.: у O. Jespersen, Die Sprache, Kap. XIX: Entstehung der grammatischen Elemente (1924, стр. 378—381); его же, Philosophy of grammar (London, стр. 166, 266 и след.). Ср. также у Alfredo Trombetti, Elementi di glottologia (Bologna 1923, стр. 256 — 258); E. Kassirer, Die Begriffsform im mythischen Denken (1922, стр. 9 и след.). Ср. также замечания о категории рода в работах акад. Н. Я. Марра. Ср. гипотезы по вопросу о древнейших классификациях имен, легших затем в основу типов именного склонения, у Cuny (Etudes prégrammaticales), у Benveniste, у Royen и др.

** Можно думать, что эти остроумные замечания принадлежат юному Лермонтову.

Таким образом, внешние, чисто технические критерии родовой классификации как будто играют основную роль в системе имен существительных, не относящихся к лицам и живым существам. Ср.: *браслет — браслетка*; *жилет — жилетка*; *зал — зала* (в редких случаях — *зало*); *мотоциклет — мотоциклетка; санаторий — санатория; соусник — соусница* и т. п.

Правда, и в современном русском языке можно заметить некоторую последовательность в распределении отдельных групп имен существительных по родовым классам в зависимости от их значения. Так, к категории мужского рода относятся названия месяцев (*январь*, *февраль* и т. д.), металлических монет (названия бумажных денег — женского рода: *трехрублевка*, *пятерка*, *сотня* и т. п.), кустарников, ветров и др. К классу слов женского рода — названия сортов яблок, видов огнестрельного оружия (*двустволка*, *берданка* и т. п.). Но и тут мотивы родовой классификации могут быть вскрыты лишь историей языка. Во всяком случае, понятия м у ж с к о й, ж е н с к и й не вяжутся с соответствующими разрядами слов, принадлежащих к категории «неодушевленности».

Но рядом с грамматическими представлениями о роде в нас живет и сознание реальных родовых представлений, зависимых от наших представлений о естественном поле живых существ. «Эти реальные представления влияют на грамматические представления, подчиняя их себе»[13].

В современном литературном языке категория рода имен существительных выражается ярче всего в грамматическом противопоставлении названий лиц мужского и женского пола. Выстраивается такая вереница семантически соотносительных пар, коррелятивных слов, в которых женский род обозначается или одним окончанием, выполняющим функцию родовой форманты, или производящим суффиксом и окончанием: *кум — кума; раб — раба; чудак —чудачка; супруг — супруга; гость — гостья; сват — сватья — сваха; игумен — игуменья; болтун — болтунья; колдун — колдунья; мастер — мастерица; граф — графиня; господин — госпожа; плут — плутовка; чорт — чертовка; герой — героиня; комсомолец — комсомолка; ударник — ударница; конторщик — конторщица; свекор — свекровь; старик — старуха; старикашка — старушонка; внук — внучка* (устар. *внука*); *кассир — кассирша; милиционер — милиционерша; опекун — опекунша; великан — великанша; студент — студентка; курсант — курсантка; коммунист — коммунистка; крестьянин — крестьянка; учитель — учительница; купец — купчиха; ткач — ткачиха; портной — портниха* и т. п. Ср. *поп — попадья* (с греческого). Ср. у Чернышевского в романе «Что делать?»: «больше говорил с дочерью, чем с *управляющим* и *управляющихой*». Менее последовательно соответствие категории рода полу живого существа выступает в обозначениях животных: *волк — волчица; осел — ослица; тигр — тигрица; лев — львица; медведь — медведица; орел — орлица; заяц — зайчиха; павлин — пава; кот —кошка;*

голубь — голубка; гусь — гусыня; индюк — индюшка и т. п. Но ср. *крыса, мышь, собака, лошадь, жук, муха, щука, окунь, карась* и т. п. Любопытно, что при родополовой дифференциации имена лиц женского пола и самок животных являются производными от соотносительных существительных мужского рода.

Было бы односторонне и ошибочно находить в современной категории рода лишь отражение реальных половых различий живых существ. Показательны грамматические приемы распределения по родам заимствованных несклоняемых существительных, имеющих нарицательное значение. Все несклоняемые существительные, обозначающие неодушевленные предметы, относятся к среднему роду (*кабаре, манто, кино, коммюнике, рагу, амплуа, жюри, бра* и т. п.), кроме слова *кофе*, которое употребляется в мужском роде (пью *крепкий кофе*). Существительные, обозначающие лиц женского пола, относятся к женскому роду (*леди, мистрисс, мисс, мадам* и т. п.); заимствованные несклоняемые названия животных употребляются в женском роде лишь в том случае, если они подчеркнуто указывают на самок, например: *Шимпанзе кормила детеныша*. Вообще же все несклоняемые существительные, обозначающие живых существ, относятся к мужскому роду независимо от пола (например, *какаду, шимпанзе, гну* и т. п.).

Легко заметить, что и в чисто русских словах, являющихся названиями лиц, т. е. людей, формой мужского рода подчеркивается не столько идея п о л а, сколько общее представление о лице, отнесение к классу или разряду людей, обозначение социальной роли человека. Например, для общего логического обозначения понятия о людях, принадлежащих к классу крестьян, мы воспользуемся словом мужского рода *крестьянин*, отнюдь не подразумевая при этом мужчин, а имея в виду лиц обоего пола. Этот смысл очень ощутителен в таких выражениях, как: *Дом крестьянина*, газета «*Вузовец*», *работники просвещения* и т. п. Идея пола остро выдвигается лишь в тех обозначениях лиц мужского пола, в которых половой признак подчеркнут дополнительно лексическим значением основы, например: *евнух, усач, двоеженец, родитель* и т. п.; ср. *роженица, кормилица* и другие подобные. Однако в обозначениях лиц, в названиях человека (а не в характеристиках его) невозможны формы женского рода применительно к мужчинам в отличие от названий животных (*куница, белка, лисица, лягушка, змея* и т. п.). Все это говорит о том, что в категории мужского рода ярче выражена идея лица, чем идея пола (ср. *человек* и отсутствие формы *человечица*). В именах существительных, являющихся именами женщин, идея пола ощущается резче и определеннее. Но за пределами категории лица с родовыми классами сочетаются другие оттенки значений, не имеющие ничего общего или имеющие мало общего с идеей пола.

Таким образом, грамматическая форма рода может быть источником тонких семантических эффектов.

Даже в словах, обозначающих не живые существа, а вещи и отвлеченные понятия, с родовыми различиями связаны потенциальные смысловые оттенки. Речь идет не о семантических различиях между словами разного рода, имеющих общую основу (вроде: *метод* и *метода*, *манер* и *манера*, *карьер* и *карьера* и т. д.). Суть в том, что категория рода и теперь оказывает влияние на семантическую судьбу слова. Прежде всего, при отнесении или применении слова к лицу, при персонализации имени остро сказывается несоответствие рода и пола. Например, при наречении имени ребенку (если современные родители не хотят руководствоваться каталогом христианских имен) официальное (т. е. не фамильярно-домашнее) женское имя или выбирается среди слов женского рода, или строится по их образцу. Женщина, нормально, не бывает ни Миром Сидоровичем, ни Маем Дупаевичем (ср. новые мужские имена: *Владилен*, *Коммунар*, *Краснослав*, *Любомир*, *Пурпур* и т. п.; женские: *Октябрина*, *Декрета*, *Заря*, *Искра*, *Коммунара*, *Нинель*, *Эра*, *Лада* и т. п.)[14].

Но, понятно, при экспрессивном преобразовании слова, при превращении его в ласкательное имя «детеныша» половые представления нейтрализуются. Тут возможны и употребительны уменьшительно-ласкательные формы мужского рода и в отношении лиц женского пола: *Верунчик*, *Дусик* и т. п.

Проф. А. В. Миртов правильно заметил: «Если грамматический род не отождествлять с полом, то придется признать, что и в названиях неодушевленных предметов грамматический род — не просто формальный пережиток, а в основном явление живое и семантически не погасшее. Сила семантических моментов значительно сказывается в многочисленных случаях возникновения колебаний в роде (возникновение родовых дубликатов слов) и в способах грамматикализации слов, заимствуемых из других языков» (Тезисы к диссертации «Категория грамматического рода в русском языке»).

В связи с этим следует вспомнить слова А. А. Потебни: «О том, имеет ли род смысл, можно судить лишь по тем случаям, где мысли дана возможность на нем сосредоточиться, т. е. по произведениям поэтическим»[15].

Смысловые оттенки, потенциально заложенные в формах грамматического рода, ярко выступают при образном употреблении слова. Тут, конечно, играет особенно большую роль принцип олицетворения, метафорической персонализации. Так, в известном стихотворении Гейне «Die Lotosblume» месяц — der Mond — изображается любовником, который пробуждает возлюбленную (die Lotosblume) своим лучом*. Лотос — die Blume — стыдливая, кроткая девушка, дрожащая, краснеющая, льющая слезы. Понятно, что при буквальном переводе на русский язык этот строй образов не может сохраниться, так как слова *цветок* и *лотос*—мужского рода и, следовательно, не могут символизировать женственное начало.

* Пример заимствован из лекций проф. С. К. Булича по «Синтаксису русского языка».

Sie blüht und glüht und leuchtet,
Und starret stumm in die Höh',
Sie duftet und weinet und zittert
Vor Liebe und Liebesweh.

Поэтому М. Михайлов в своем переводе этого стихотворения изменяет весь строй образов, рисуя любовное томление лотоса по луне:

И лишь только выплывает
В небо кроткая луна,
Он головку подымает,
Пробуждаясь от сна.

На листах душистых блещет
Чистых слез его роса,
И любовно он трепещет,
Грустно глядя в небеса.

Ср:

Der Mond, er ist ihr Buhle.
Er neckt sie mit seinem Licht
Und ihm entschleiert sie freundlich
Ihr frommes Blumengesicht.

Для сохранения ситуации и общей семантической атмосферы стихотворения А. Майков вместо *лотоса* изображает *лилию*.

ЛИЛИЯ.

От солнца лилия пугливо
Головкой прячется своей,
Все ночи ждет, все ждет тоскливо,
Взошел бы месяц поскорей.
Ах, этот месяц тихим светом
Ее пробудит ото сна,

И всем дыханьем, полным цветом,
К нему запросится она...
Глядит, горит, томится, блещет,
И, все раскрывши лепестки,
Благоухает, и трепещет
От упоенья и тоски[16].

Еще более показательны смысловые вариации, обусловленные родовыми различиями тех слов, которыми передавалось немецкое ein Fichtenbaum в разных переводах стихотворения Гейне: «Ein Fichtenbaum steht einsam (Lyrisches Intermezzo, XXXIII). У Ф. И. Тютчева говорится о *кедре:*

На севере мрачном, на дикой скале,
Кедр одинокий под снегом белеет,
И сладко заснул он в инистой мгле,
И сон его буря лелеет.
Про юную пальму снится ему,
Что в краю отдаленном Востока
Под мирной лазурью, на светлом холму
Стоит и растет одиноко[17].

У Лермонтова — под влиянием женского рода слова *сосна* — решительно меняется вся семантика стихотворения:

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.
И снится ей все, что в пустыне далекой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горючем
Прекрасная пальма растет.

Л. В. Щерба замечает по этому поводу: «Мужской род («Fichtenbaum», а не Fichte) — не случаен, и в своем противоположении женскому роду — «Palme» — он создает образ мужской неудовлетворенной любви к далекой, а потому недоступной женщине. Лермонтов женским родом «сосны» отнял у образа всю его любовную устремленность и превратил сильную мужскую лю-

бовь в прекраснодушные мечты. В связи с этим стоят и почти все прочие отступления русского перевода»*.

Известно, каким превращениям подверглась лафонтеновская басня «Le cigal et la fourmi» в переводе И. А. Крылова «Стрекоза и Муравей», оттого что в русском языке у действующих лиц изменился и род, и пол. Ведь слово *муравей* в русском языке — мужского рода (франц. la fourmi), а в связи с этим *кузнечик* должен был превратиться в *попрыгунью стрекозу***.

Заложенные в форме рода потенциальные смысловые оттенки нередко реализуются и определяют путь метафорического употребления слова. Так, Н. В. Гоголь в «Петербургских записках 1836 г.» писал: «Москва женского рода, Петербург-мужского. В Москве все невесты, в Петербурге все женихи...».

«...Москва — старая домоседка, печет блины, глядит издали и слушает рассказ, не подымаясь с кресел, о том, что делается на свете; Петербург — разбитной малый, никогда не сидит дома, всегда одет и, охорашиваясь перед Европой, раскланивается с заморским людом».

Д. Н. Свербеев иронически отмечал несоответствие в форме рода между словом «Киев» и его прозвищем «*матерь* городов русских». «*Матерь городов русских*, как называют часто Киев, неизвестно почему переделывая его в женщину»[18].

Ср. в сказке Салтыкова-Щедрина «Добродетели и пороки»: «Произросло между ними в ту пору существо среднего рода, ни рак, ни рыба, ни курица, ни птица, ни дама, ни кавалер, а всего помаленьку. Произросло, выровнялось и расцвело. И было этому межеумку имя тоже среднего рода: «Лицемерие».

А. С. Шишков приводил любопытный пример толкования категории рода царской цензурой начала XIX в.: «Цензоры во все времена были у нас большею частию худы, то-есть не довольно сведущи в словесности. Я помню, давно уже, что один из них не хотел пропустить выражения *нагая истина*, сказывая, что истина женского рода, и потому непристойно ей выходить в свет нагой»[19].

Таким образом, в кругу обозначений лиц, а также при образном олицетворении, категория грамматического рода в современном русском языке имеет своей реальной базой представления об естественном поле живых существ, однако, и тут с очень существенными ограничениями. В живой языковой системе эти представления

---

* Ср. статью Л. В. Щербы в сборнике «Советское языкознание», вып. II: «Сосна» Лермонтова в сравнении с ее немецким прототипом». Ср. также А. А. Потебня, «Из записок по теории словесности» (1905, стр. 69).

** Для характеристики тех семантических оттенков, которые связаны в русском языке с категорией рода, интересны и обратные примеры перевода с русского на иностранные языки. Так, стихи Пушкина из «Пророка»:

Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы

— не могли быть буквально переданы на итальянском языке: итальянское aquila (орел) обозначает как самца, так и самку.

Граф Риччи перевел пушкинские стихи об испуганной орлице так:

Spalancaronsi gli occhi, uguali a quei
D'aquila che sul nido si spaventi

(т. е. как у «орла, испуганного в своем гнезде»). Он писал Пушкину, что отсутствие в слове aquila (орел) родовых различий побудило его «поставить орла в положение, которое указывало бы на его пол и на причину, по которой он испытывает страх — чувство, вообще говоря, не свойственное гордой и смелой породе этого благородного животного». См. «Неизданные письма к Пушкину» («Литературное наследство», № 16—18, стр. 567—568).

своеобразно перерабатываются в соответствии с грамматической традицией и с семантическими особенностями слов.

Так, хотя в названиях лиц различение грамматического рода чаще всего основано на различиях в поле (т. е. на реальной отнесенности форм слова к свойствам существа), однако здесь наблюдаются своеобразные оттенки родовых различий, отражающие грамматический строй и социальное мировоззрение предшествующих эпох. Целый ряд слов, которыми обозначаются лица по званию, должности, занятию, профессии, сохраняет форму мужского рода и в тех случаях, когда соответствующие обозначения применяются к женщинам. Таковы, например, слова: *доктор* (ученое звание), *доцент*, *профессор*, *инженер*, *архитектор*, *техник*, *математик*, *зоолог*, *философ*, *монтер*, *врач* (ср. *зубной врач Горохова*), *директор*, *агент*, *фининспектор*, *нотариус*, *бригадир*, *педагог*, *секретарь*, *вице-президент* и т. п.; ср.: *член общества*, *организации; председатель колхоза*; ср. сокращенные слова в применении к женщинам: *зав*, *зам*, *парторг*, *профорг*, *управдел* и т. п. Ср. у М. Горького в статье «Литературные забавы»: «Я была батрачкой, горничной, домашним животным моего мужа, — я стала *профессором философии*, *агрономом*, *парторгом*...» («Литературная газета», 1935, № 4). Ср. у Достоевского: «Старшая была музыкантша, средняя была *замечательный живописец*» («Идиот»).

Вот еще несколько литературных примеров: «*Молодец женщина!* Вот что называется ребром поставить вопрос!» (Л. Толстой, «Война и мир»). «А невесте скажи, что она *подлец*» (Гоголь, «Женитьба»). «Это была *женщина-классик*» (Достоевский, «Бесы»). Ср. отсутствие параллельных форм женского рода в словах: *удалец*, *храбрец*, *мудрец*, *товарищ* и т. п.

Точно так же в форме мужского рода остается большая часть сложных слов, означающих действующее лицо и в тех случаях, когда они применяются к женщинам, например: *водовоз*, *пивовар*, *винокур*, *скороход* (ср. у Островского в «Последней жертве»: «Я, было, крикнула, — не оглядывается, не бежать же мне за ней, я не скороход»), *дровосек*, *блюдолиз*, *буквоед*, *групповод*, *кружковод*, *садовод* и т. п. Но при пренебрежительной окраске характеризующего слова иногда образуются и формы женского рода с помощью суффикса *-к-*, например: *бузотерка*, *дармоедка*, *ротозейка* и другие подобные.

Отсутствие соотносительных слов женского рода во многих обозначениях лиц по профессии, должности, званию и — вследствие этого — применение слов мужского рода и к женщинам обусловлены разными причинами. Сюда относится: 1) преобладание мужского труда в кругу соответствующих должностей и профессий, особенно в дореволюционную эпоху (например: *доцент*, *профессор*, *инженер*, *поп*, *дьякон*, *кантор*, *шаман* и т. п.); 2) консерватизм, противодействие самой языковой системы, например: суффикс *-ша*, обязательный для большей части названий женщин по профессии и должности (особенно соотносительно с именами на *-ор*, *-ер*),

обозначает женщину не только в сфере ее труда, но и в ее семейной роли, как жену кого-нибудь (ср. *профессорша*, *инженерша* и т. п.); возможность двусмысленного понимания препятствует широкому распространению профессиональных обозначений с суффиксом *-ша;* 3) гораздо больший интеллектуальный вес и семантический объем, а также объективность, свобода от экспрессивных примесей и обобщенный характер официальных должностных обозначений мужского рода, сравнительно с экспрессивно окрашенными парными словами женского рода, имеющими суффиксы *-ша*, *-иха* (ср. *врачиха*) и *-к(-ичка*, *-ичка);* ср., например, *техничка*, *медичка*, *историчка* и т. п. для обозначения студенток соответствующих специальностей; 4) отсутствие живых, продуктивных образований женского рода от многих бессуффиксных слов, относящихся к категории лица и имеющих общее родовое значение, например, от слов: *человек*, *друг*, *враг*, *товарищ*; ср. *пловец* и отсутствие *пловица* в общем, не-профессиональном употреблении*. Ср. соотношение *борец-борчиха* — в профессиональной терминологии, но в переносном, отвлеченном смысле употребляется слово *борец*: *женщина — борец за свободу.*

---

* Курьезны осмеянные Н. А. Добролюбовым в «Свистке» рассуждения некоего землевладельца Поповцева о необходимости расширения и пополнения класса слов женского рода образованиями, параллельными официальным обозначениям мужчин. В эпоху буржуазной моды на эмансипацию женщин это казалось естественным (письмо «О женщинах» в «Журнале землевладельцев», 1858, № 8): «Журнал ваш (т.е. «Журнал землевладельцев. — *В.В.*) как будто не благоволит к прекрасному полу. Положим, что общее название «землевладельцев» относится к девицам, замужним и вдовам из помещиц, точно так же как и к сыновьям их и внукам, супругам и братьям, отцам и праотцам; тем паче под названием «крестьян», об улучшении быта которых теперь заботятся, надобно разуметь и крестьянок. Но вот в списках *«дворян-помещиков* разных губерний, подавших отзывы с изъявлением готовности упрочить быт своих крестьян», неужто ни одна губерния не упомянет и *«дворян-помещиц»*?

«Нельзя ли было напечатать списки хоть особой книжкою... Ошую могли бы быть мужчины, а одесную с пробелами — женщины и девицы. А уж если разделять да распределять, так можно было бы расписать имена и по классам супругов и отцов: *юнкерша* и *канцеляристша* точно так же заняли бы своё место, как и *действительные тайные советницы*, *графини* и *светлейшие княгини*. Не знаю, почему у нас нет слова *другиня*, т. е. друг женского пола... Это совсем не *подруга*, *подружка*, *подруженька*, которые веют на нас молодостью, и *друг* — не то, это мужчина. *Другиня*... могло бы быть самым почетным из всех званий женщины и даже девицы... У нас есть женские названия: *княгиня*, *героиня*, *богиня* от мужских *князь*, *герой* и *бог* (языческий). Почему же не быть *другине* от слова *друг*?»

Слово *другиня* употреблялось Тредьяковским. Ср. у Пушкина в «Тени Фон-Визина» ироническое применение этого же слова:

Твоя невинная *другиня*,
Уже поблекший цвет певиц,
Вралих Петрополя богиня,
Пред ним со страхом пала ниц.

Ср. у Чехова в повести «*Бабье царство*» (в речи Кужелицы): «Есть у меня знакомая девушка такая, *врагиня* моя лютая». *Врагиня* встречается и в стихотворном языке Бальмонта.

Дело в том, что слова мужского рода, относящиеся к категории лица, прежде всего выражают общее понятие о человеке — его социальную, профессиональную или иную квалификацию — независимо от пола. Формой мужского рода характеризуется имя человека вообще. Поэтому названия лиц в форме мужского рода могут относиться и к женщинам, если нет упора на половую диференциацию особей. В категории мужского рода очень заметно значение социально активного лица.

Поэтому в современном русском языке те суффиксы лица женского пола, которые обозначают женщин по их профессионально-общественному положению, по происхождению, кругу занятий и т. п. (например: *-ка*, *-ица*, *-чица*, *-щица* и др.), ограничены в своем применении некоторыми семантическими условиями и грамматическими нормами. Они соотносительны с строго определенными типами обозначений лиц мужского рода (ср. *знахарь — знахарка*, *свинарка*, *доярка*; *кулак — кулачка*; *конторщик — конторщица* и т. п., но невозможно — *врачка* или *врачица*; *рвачка* или *рвачица*; *человечица* к *человек; профессорка* или *профессорица; инженерка* и т. п.; ср. употребительное в начале XIX в. — до 40—50 гг. — *литераторка* к *литератор*).

Следовательно, в категории рода социальная действительность отражается лишь в перспективе прошлого *.

Однако ряд слов, служащих обозначениями лица по должности или по профессии, в современном языке оброс суффиксами женского рода, преодолевая сопротивление старых грамматических моделей и их изменяя. Возникли многие парные названия для лиц мужского и женского рода с тех пор, как в общественном быту соответствующие места, должности или занятия вошли в сферу женского труда. Например: *бухгалтер — бухгалтерша*; *кассир — кассирша*; *кондуктор — кондукторша*; *летчик — летчица* и многие другие подобные. Ср. *чемпион — чемпионесса* («Известия ЦИК», 1935, 17 февраля) **.

Несколько иного характера социальные мотивы отражаются

---

* См. замечание проф. М. Я. Немировского: «Прежнее угнетенное положение женщины, ее бесправие отразились и в языке отсутствием целого ряда терминов для обозначения женщины-специалистки, женщины, занимающей тот или иной административно-государственный или общественный пост и т. п. А когда раскрепощение женщины стало совершившимся фактом, в языке нехватило средств для создания новых терминов, необходимых для обозначения женщины в новых выпавших на ее долю ролях в общественной жизни, в производстве, в технике, науке и т. д.

Пришлось приспособлять старые, созданные для обозначения мужчин названия различных должностей, профессий, специальностей к новым функциям в качестве обозначений лиц женского пола, и это дело нередко наталкивалось на серьезные затруднения из-за отсутствия соответствующих средств. Язык отстал от общественного развития, и в старые формы он пытается вместить новое содержание» («Способы обозначения пола в языках мира», Сб. «Памяти академика Н. Я. Марра», 1938, стр. 224).

** Ср. замечания А. М. Пешковского в «Русском синтаксисе», стр. 192—193.

в неразличении рода у некоторых названий животных. В большей части названий животных родо-половая диференциация находит грамматическое выражение. При наличии производных названий для самки, общее название вида обычно выражается существительным мужского рода. Наиболее распространенные домашние животные (хозяйственно эксплоатируемые) имеют различные названия для самца и самки: *козел — коза*; *бык — корова* (ср. *теленок*); *баран — овца* (ср. *ягненок*); *боров — свинья* (ср. *поросенок*); *селезень — утка* (ср. *утенок*); *петух — курица* (ср. *цыпленок*); *индюк — индюшка*. Для других случаев рядом с общим названием для самца и самки также существуют — при несколько более специальном или профессиональном уклоне речи — отдельные обозначения самца и самки: *собака* и рядом: *кобель — сука*; *лошадь* — при *жеребец — кобыла* (ср. *жеребенок*); *гусь* и рядом: *гусак — гусыня*. Если же в общественно-хозяйственном обиходе половые различия животных не имеют практического значения, общее слово нередко обозначает и самца и самку, сохраняя одну грамматическую форму рода — мужского или женского. Например: *мышь*, *крыса*, *лисица*, *куница*, *белка*, *сорока*, *обезьяна*, *кукушка*, *лягушка*, *змея*, *ящерица*, *акула* (все — женского рода); *крот*, *горностай*, *соболь*, *носорог*, *бегемот*, *тюлень*, *ястреб*, *сокол*, *коршун*, *журавль*, *тетерев*, *глухарь*, и т. п. (мужского рода)*. Ср. *кролик — крольчиха* в связи с хозяйственным интересом к кролиководству.

Названия животных отличаются от названий человека тем, что среди них есть слова, обозначающие породу животного без родо-половой диференциации. При этом такими общими названиями породы животного могут служить имена в форме не только мужского, но и женского рода (*мышь*, *крыса*, *муха* и т. п.). В заимствованных именованиях животных, если эти имена по своему внешнему строению не соответствуют морфологическим моделям русского языка, возможно колебание в роде, например, в зависимости от семантических аналогий или от необходимости подчеркнуть половой признак. Например, *шимпанзе* — мужского и женского рода; ср. *колибри*, *какаду*.

«Пол как признак, общий всем видам и породам животного мира, не является существенным в наименованиях отдельных видов и пород, а потому в языке и не выражается, пока не окажется необходимым подчеркнуть, что речь идет об экземпляре определенного пола — мужского или женского» [20].

В этом кругу семантических отношений наиболее неопределенным и фиктивным кажется содержание формы среднего рода.

* Рассуждения K. Brugmann (Das Nominalgeschlecht in der indogermanischen Sprachen, Internationale Zeitschrift für vergl. Sprachwissenschaft, IV, H. I, 100 — 109) по поводу случаев этого типа очень формальны: «Здесь нет чутья грамматического рода, ибо если бы оно было, то при der Hase нужно думать только о самце, при die Maus — только о самке, и в der weibliche Hase, die mannliche Maus нужно бы чувствовать внутреннее противоречие». Между тем родовое безразличие в названиях животных социологически оправдано.

Однако не лишен значения тот факт, что как слова *дерево*, *растение* (ср. *насекомое*, *ископаемое*), так и слово *животное*, а по нему все общие обозначения зоологических видов, подвидов и родов (*пресмыкающееся*, *беспозвоночное*, *кишечно-полостное* и т. п.) относятся к категории среднего рода (ср. также: *живое существо*).

Все эти наблюдения говорят о том, что категория грамматического рода в классе имен существительных пока еще обнаруживает явные признаки жизни. Утверждения некоторых грамматистов (например, М. Н. Петерсона), будто родовая классификация имен существительных в современном литературном языке разрушается, основаны на недоразумении, на поспешном обобщении диалектальных данных, относящихся к русским крестьянским говорам и свидетельствующих только о поглощении форм среднего рода формами женского рода в части южновеликорусских акающих говоров и формами мужского рода в других говорах [21]. Можно лишь утверждать, что удельный вес и продуктивная сила всех трех родов неодинаковы в современном литературном языке. Категория среднего рода, по мнению Потебни, «идет на убыль»*. Однако с каждым из трех родовых классов имен существительных связан свой круг значений. Так, в классе слов среднего рода, производящем впечатление менее продуктивного, в современном русском языке наблюдается очень заметный рост абстрактных имен (особенно в области отглагольно-именного словообразования).

§ 6. Взаимоотношение классов мужского и женского рода и грамматическая выразительность категории женского рода

Значения мужского и женского рода реальнее, чем среднего рода. В названиях живых существ они связаны с представлением о естественном поле. Вместе с тем они крепче спаяны грамматически параллелизмом и соотносительностью форм словообразования. В общем употреблении формы мужского и женского рода активнее, чем формы среднего рода. Не подлежит сомнению, что грамматической базой, отправным пунктом родовых различий имен является в современном русском языке мужской род. Это выражается в том, что всякая тема или корневая морфема, оканчивающаяся на твердый согласный и указывающая на лицо, вещь, учреждение, словом, на предмет, может стать без суффикса именем существительным почти исключительно мужского рода (ср., например, сокращенные слова: *ширпотреб*, *домком*, *комсод*, *исполком*, *комвуз*, *пролеткульт*, *истпарт* и т. д.). Она непосредственно зачисляется в класс слов мужского рода, в то время как слова женского рода обычно нуждаются в дополнительных формальных средствах выражения рода. Новых бессуффиксных слов женского рода (кроме отвлеченных и собирательных

* Ср. замечание А. А. Потебни: «На род нужно смотреть, как на явление, порожденное временными (не всегдашними) потребностями национальной (не общечеловеческой) мысли — не первобытной, а уже предполагающей, быть может, тысячелетия существования языка и сознательной мысли» («Из записок по русской грамматике», т. III, стр. 574).

существительных на мягкий согласный от именных основ вроде *заумъ*, *бездарь* и т. п.) в современном русском языке не образуется. Так, вовсе нет бессуфиксных слов женского рода среди общеупотребительных сокращенных новообразований, вышедших за пределы условно-официальной номенклатуры. Женский род — сильный, подчеркнутый, наиболее четко оформленный из родовых классов. Это заметил еще К. С. Аксаков. Он считал форму женского рода на *-а* более «выразительной», «определенной и действительной» — в отличие от мужского рода — «неопределенного» [22]. «Именем мужского рода, неопределенным по своему значению, обозначается самый *род* вообще (*порода*, genus, т. е. общее логическое значение лица), все общее значение имени... самый пол не выступает ярко, не определяется в имени мужском. Вся определенность, ограниченность, положительность, а вместе и пол выступает в имени женском» [23], — писал К. С. Аксаков.

Для сравнительной оценки выразительности разных родовых классов показательно, что в современном русском языке названия детенышей (выражение незрелости), а также обозначения социально неполноценного человека относятся к мужскому роду. Слова мужского рода: *цыпленок*, *ягненок*, *жеребенок*, *теленок*, *волчонок*, *щенок* и т. п. (ср.: *ребенок*, *октябренок*, *негритенок*, *китайчонок* и др.), обозначают детенышей вообще, независимо от пола (а отсюда переносно может возникнуть и обозначение социальной неполноценности, ср.: *малыш*, *глупыш* и *оборвыш*, *последыш* и т. п.). Между тем слова женского рода, служащие для обозначения невзрослости, могут обозначать только детенышей-самок, например, *телка* (ср. *телок*).

Известно также, что слова с формальными признаками мужского рода не бывают словами общего рода, хотя свободно применяются к существам женского пола (например: *она — гений*, *талант*; *она — образцовый педагог* и т. п.; ср. у Достоевского в «Бесах»: «Давеча этот *иезуит предводительша* закинула тоже несколько саркастических намеков о вчерашнем»). Напротив, некоторым именам с формальными признаками женского рода свойственны значения лица мужского пола (например: *повеса*, *портняга* и т. п.). Многие разряды слов на *-а* относятся к лицам и мужского и женского рода: *мымра*, *жила*, *растрепа*, *пустомеля*, *сквалыга* и т. п. Ср. также разговорные конструкции типа: *он — такая пьяница* и *этот пьяница*; *какая неряха* и *невообразимый неряха; страшная каналья* и т. п. Ср. у Тургенева в рассказе «Муму» жалобы башмачника Капитона: «*Горемыка я, горемыка неисходная!*»

§ 7. Приемы выражения и изображения категории лица посредством грамматических признаков женского рода

Из системы родовых соотношений имен существительных несколько выделяется довольно многочисленная, разнообразная и очень экспрессивная группа слов общего (вернее: и того и другого,

и мужского и женского) рода, оканчивающихся в именительном падеже на *-а (-я)* и означающих лица не только женского, но и мужского пола.

Некоторые, правда, очень немногие из существительных, имеющих грамматические признаки женского рода, прямо указывают на лиц мужского пола (например: *вельможа*, *воевода*, *владыка*, *старейшина*, *вития*, *староста* и некоторые другие). Но разряд таких слов на *-а*, принадлежащих только к мужскому роду, архаичен и непродуктивен. Подавляющее большинство подобных слов — общего рода. Современная научная грамматика вслед за А. Х. Востоковым и А. А. Шахматовым видит в словах мужского рода на *-а* один из существеннейших грамматических признаков категории лица, выделившейся из общего значения предметности (быть может, под влиянием местоимений). Категория л и ц а противопоставляется категории н е-л и ц а.

Вопрос о словах мужского рода на *-а* не исчерпывается простым указанием на принадлежность их к категории лица. Из русских лингвистов последнего времени это понял проф. А. М. Пешковский. «Существительные типа *воевода*, *судья*, — писал он, — мы считаем особой синкретической родовой категорией, считаем, что сочетание женских окончаний с обозначением лиц мужского пола в основе и с мужским согласованием прилагательного есть особый факт речевого сознания, различающего эти противоречивые элементы и известным образом синтезирующего их, а в некоторых случаях даже намеренно, в порядке новообразования, сочетающего их. Другими словами, мы видим здесь нечто вроде «маскулинизированного женского рода» или, вернее, «феминизированного мужского...» (от masculinus — мужской и femininus — женский) «с особым сочетанием значений» [24].

Но проф. А. М. Пешковский не успел изложить свою точку зрения. Он даже упустил из виду, что эта «синкретическая родовая категория» давно привлекала внимание грамматистов [25]. Были попытки с разных сторон подойти к ней и осветить ее значение в русском литературном языке, а также ее генезис. Уже Востоков указал, что слова общего рода на *-а* «означают качества людей» («Русская грамматика», § 20, 4).

Павский в своих «Филологических наблюдениях» (II, 1842, гл. VI) не только связал слова общего рода на *-а* с категорией лица (стр. 182), но и отметил их яркую экспрессивную окраску: «Почти все они изображают лица мужского и женского рода с низкими качествами и если возвышают и увеличивают их, то увеличивают до безобразия» (стр. 188, примечание). Павскому бросилось в глаза и то, что «один вид с унизительными приняли имена властителей и лиц почтенных, как-то: *воевода*, *владыка*, *староста*, *старейшина*, *вельможа*, *судья*, *вития*, *предтеча*... и др.» (там же) [26].

Вслед за Павским пошел К. С. Аксаков в своем «Опыте русской грамматики». Он старался осветить вопрос о семантических основах категории общего (мужско-женского) рода с другой стороны:

«Взятые сами по себе имена эти — рода женского; в них выразилось понимание дела в женской форме слова. После понимание это (так как в таких именах выражается или более, или менее о т в л е ч е н н о е понимание, а не название предмета, или же п р е д м е т, в з я т ы й в м е т а ф о р и ч е с к о м с м ы с л е) перенесено было в действительности на лица мужского пола, в иных словах употребляясь и в женском смысле вместе — для лиц женского пола, а в иных уже только в мужском *(судья)**.

Таким образом, К. С. Аксаков обратил внимание на два обстоятельства:

1) Преобладающее большинство слов общего рода на *-а* представляет собою результат метафорического или вообще переносного применения отвлеченных или конкретных слов женского рода к лицам. Первоначально это слова женского рода.

2) Они являются собственно не названиями лиц, а их характеристиками, их прозвищами (за немногими исключениями).

Ф. И. Буслаев [27] и особенно А. А. Потебня [28] глубже вникли в причины перехода конкретных, абстрактных и собирательных понятий (вроде *слуга*, *служба*, *простота*, *старина*, *мужчина* и т. п.) в категорию лица. Они приоткрыли завесу над историей развития слов общего рода на *-а*. Ими же были выяснены приемы и принципы метонимического и метафорического применения слов женского рода к лицам мужского пола, например: *голова*, *сирота*, *юла* и т. п. Ср.: «Он — баба. Жалкая, впрочем, баба; его совсем не стоило бы любить женщине» (Достоевский, «Бесы»). «А ведь все кончится тем, что эта старая баба Петр Николаевич и его сестра попросят у него извинения» (Чехов, «Чайка»).

В специальном труде Э. А. Вольтера «Разыскания по вопросу о грамматическом роде» (СПБ, 1882) было собрано из русского литературного языка и областных диалектов большое количество слов общего рода на *-а* и сопоставлено с соответствующими явлениями других языков; здесь же рассмотрены предшествующие западноевропейские работы по этому вопросу. Выводы Вольтера таковы: «Имена мужского рода с женской формой возникли вследствие перенесения женских кличек, аттрибутов, прозвищ, качеств и абстракций на мужчин... Мужской род в целом ряде слов мог бы произойти от перемены внутренней формы и перехода значения отвлеченности в конкретность» (стр. 151). «Наши слова больше всего употребляются в оборотах ласкательных или ругательных. Они изображают людей с низкими качествами» (83). Сюда же примыкает замечание Потебни об этих словах: «Первоначально они выражают субъективное, одностороннее воззрение на животное, воззрение, по которому другой род, кроме грамматического, игнорируется» («Из записок по русской

---

* Полное собрание сочинений К. С. А к с а к о в а, т. III, «Сочинения филологические», ч. II, стр. 46, примечание 2. Ср. также замечание: «Все подобные слова, оканчивающиеся на *-а* или *-я*, суть имена рода женского и только могут употребляться в мужском роде. Это нисколько не изменяет их основной природы, и они принадлежат к именам женского рода» (т а м ж е, стр. 97).

грамматике, т. III, 614). Однако Потебня очень убедительно продемонстрировал односторонность и ошибочность попытки Вольтера объяснить почти все слова общего рода на *-а* как результат перехода отвлеченных значений в конкретные.

Исследованиями акад. А. И. Соболевского было показано*, что категория общего рода вобрала в себя ряд глагольных, например, причастных, и отглагольных образований: *разиня*, *пустомеля*, *рева*, *зева*, *зуда*, старинное *пройда (пройдоха)*, *непоседа* и т. д. [29]. Некоторые собственные имена и фамилии (*иуда*, *фефела* и т. п.), некоторые заимствованные слова (*коллега*, *каналья* и т. п.), а также формы субъективной оценки дополняют разряд слов общего рода на *-а* (ср. также слитные слова типа *дгржиморда)*.

Совмещение мужского и женского рода в большей части обозначений лиц на *-а* оправдывается их резкой экспрессивностью. В категории общего рода преобладают эмоционально окрашенные слова, проникшие в литературный язык из живой устной речи и иногда носящие резкий отпечаток фамильярного и даже вульгарного стиля. Количество славянизмов среди личных слов на *-а* незначительно. Большая часть архаизмов и славянизмов — мужского рода *(воевода*, *вельможа*, *судья*, *вития*, *старейшина*, *владыка*, *предтеча*, *юноша)*. К категории общего рода принадлежит несколько живых типов словообразования.

Выделяются следующие разряды слов внутри категории общего рода.

1. Малопродуктивен тип отглагольных образований с живым суффиксом разговорной речи *-ак(а)*, *-як(а)*. Слова этого типа имеют яркую окраску фамильярной иронии или пренебрежения (ср. у Маяковского индивидуальное образование — *читака*). Они характеризуют лицо по действию и производятся от глагольных основ с конкретно-бытовым значением. Например: *гуляка*, *писака*, *зевака*, *кусака*, *рубака*, *резака*, *ломака*, *кривляка*, *служака* и т. п. (*забияка* заимствовано из польского языка). Миклошич был склонен связывать с суффиксом *-ака* лишь значение энергичного проявления, усиления действия, по которому обозначается лицо [30]. Но уже Э. А. Вольтер отметил уничижительное значение этого суффикса [31].

2. Более продуктивен тип отглагольных образований с живыми суффиксами разговорной речи *-(а)л(а)*, *-(и)л(а)*. Слова этого типа очень экспрессивны и обозначают лицо по его постоянной деятельности: *вышибала*, *подметала*, *объедала*, *подлипала*, *запевала*, *меняла*, *зубрила*, *кутила*, *громила*, *воротила*, *заправила*, *форсила* и т. п. В них развивается увеличительный оттенок. Ср. у А. Чехова: *здоровила* («Хамелеон»). Это один из самых производительных в диалектах и жаргонах устной речи разрядов слов общего рода.

3. Неодинаковы по степени продуктивности образования с уничижительным суффиксом разговорной речи *-шк(а)*. Суффикс *-шк(а)*

---

* Ср. мнение Альфреда Людвига о глагольности слов на *-а*, обозначающих лицо по какому-нибудь характерному действию.

www.ruslang.ru

с этимологической точки зрения составной. Он включает в себя уменьшительно-ласкательный суффикс *-к-*, но облекает его оттенками фамильярного пренебрежения. Например: «Вошел старичок низенький и толстенький, из породы людей, называемых *коротышками* или карандашами» (Тургенев, «Затишье»). В суффиксе *-шк(а)*, кроме суффикса *-к-*, этимологически различаются разные экспрессивные суффиксы, содержащие звук *ш* и восходящие к суффиксам *-их-*, *-ух-*, *-ах-*. Среди слов общего рода, оканчивающихся на *-шка*, кроме *-ишк(а)*, выделяются еще два непродуктивных типа:

а) слова с суффиксом *-ушк(а)*: *болтушка*, *вертушка* и т. п.; этот суффикс соотносится с суффиксами лица *-ун*, *-унья* (ср. также слова на *-уха*) и присоединяется к глагольным основам;

б) слова с суффиксом *-ашк(а)*: *замарашка*, *побирашка*, *старикашка* и т. д. (суффикс *-ашка* частью соотносителен с суффиксом *-аха*, частью с *-ан*). Ср. у Л. Толстого в «Крейцеровой сонате»: «Про себя я думал, что я *милашка*, что я вполне нравственный человек».

4. Все теснее сливаются с категорией личных слов на *-а* презрительно-уничижительные формы с суффиксами *-ишк(а)* и *-енк(а)* (*мальчишка*, *актеришка*, *фанфаронишка*, *хвастунишка*, *старичишка*, *мужиченка*)[32].

Ср.: «И вот только что показался этот скверный *князишка*, этот дрянной *идиотишка*, и все опять взбаламутилось» (Достоевский, «Идиот»).

Образования с этими суффиксами свойственны преимущественно разговорной речи. В формах мужского рода продуктивен суффикс *-ишк(а)*, в формах женского рода *-енк(а)*.

Любопытно, что целый ряд суффиксов, связанных с категорией общего рода, принадлежит к уничижительно-ласкательным. Проф. И. Мандельштам, изучая уменьшительные суффиксы в русском языке, заметил: «С категориею имен уменьшительных, выражающих уничижение лиц, стоит в связи категория названий, характеризующих человека с отрицательной стороны». Присоединением уменьшительного суффикса придается оттенок презрения: *пьянчужка* и т. п.[33].

5. В кругу категории лица непродуктивен тип слов с увеличительным суффиксом *-ин(а)*: *купчина*, *дурачина*, *детина*, *молодчина*, *мужичина* и т. д. (Ср. в обозначениях неодушевленных предметов: *домина*, *голосина*, *носина* и т. п.)

6. Малопродуктивен тип разговорно-фамильярных слов общего рода с экспрессивным суффиксом *-яг(а)*: *бедняга* (ласкат. *бедняжка*), просторечн. *миляга*, *добряга*, *плутяга*, *портняга*, *здоровяга*, просторечн. *симпатяга*, *скупяга*, *бродяга*, *деляга*, *работяга*, *хитряга*; ср. *скряга*. Высказывалось мнение, что «суффикс *-яга* вносит унизительный оттенок значения»*. Но слова вроде *бедняга*, *добряга*

---

* См. «Русский филологический вестник», 1903, № 3—4, стр. 80. Ср. еще у А. А. Кунника определение *-яга* как «суффикса, означающего личность

указывают на возможность и ласкательной, одобрительной окраски суффикса, ср. *молодчага* (ср. также *сердяга* у Чехова в рассказе «Шведская спичка»).

7. Непродуктивен, но очень выразителен тип просторечных слов с презрительно-увеличительным или усилительным суффиксом *-уг(а), -юг(а): парнюга, подлюга, хапуга, ворюга, жад(н)юга, хитрюга, пьянчуга;* провинциальное *делюга;* ср. *зверюга* (совсем отдельно от этой группы стоят единичные образования женского рода с мертвым суффиксом *-уга, -юга: въюга, дерюга, белуга* и др.).

8. Непродуктивен тип разговорных слов с суффиксом *-ка* и с глагольными и отглагольными основами: *выскочка, лакомка, самоучка, сластоежка, тараторка, попрошайка, зазнайка, немогузнайка* и др. Ср. также *невидимка.* Ср. областное *битка* (бойкий человек); слово *битка* — в этом значении — в 40-е годы XIX в. временно соприкоснулось с литературным языком (ср., например, употребление его в «Петербургских вершинах» Я. Буткова). Но ср. также образования на *-ка* с именной основой: *белоручка, кривошейка, неженка* и т. п.

Повидимому, на суффикс *-ж(а)* оказывает влияние уменьшительно-ласкательный суффикс *-к(а)* (ср. *служка*). Ср. слова с пренебрежительно-ласкательным суффиксом *-енк(а).*

9. Единичны разговорно-фамильярные слова с непродуктивным презрительно-усилительным суффиксом *-ука, -юка: злюка, гадюка, подлюка* (ср. *холодюка* в письме О. Л. Книппер к А. П. Чехову).

10. Непродуктивен тип отглагольных слов с пренебрежительным суффиксом *-х(а),* например: *замараха, растеряха;* ср. *неряха.* Эти слова носят отпечаток просторечия. Ср. у Л. Сейфуллиной: «Ткнутся куда *неумехами,* осрамятся и скапустятся» («Преступление»).

11. Узок и тесен ряд слов с непродуктивным презрительным суффиксом *-ох(а),* присоединенным к глагольным основам: *запивоха, обироха,* областн. *побироха, пройдоха,* областн. *завироха* (ср. в применении только к женщинам: *дуреха, тетеха* и т. п.). Все эти слова, кроме разговорного бранного *пройдоха,* относятся к вульгарному просторечию.

12. Единичны просторечно-презрительные слова с мертвым суффиксом *-ыга: забулдыга, прощелыга, торопыга, сквалыга;* ср. областн. *шарамыга, фуфлыга;* ср. также: *Топтыгин* от областного *топтыга.* Ср. у Тургенева: «Мои предки были все страшные *мотыги*» («Три портрета»).

13. Малочисленна группа слов общего рода в разговорной речи с мертвым суффиксом *-са,* обозначающим человека, склонного к неприятному крику, плачу: *крижа, плакса, хныкса,* ср. областн. *кукса.* Ср. *грымза.*

и придающего основной форме значение бранного слова или клички» (Приложения к XXVI т. «Записок Акад. наук», стр. 410). О происхождении и истории русского суффикса *-яга*—-jaga см. статью A. Vaillant, Le suffixe russe -jaga в Revue des études slaves (1938, t. XVI, fasc. 1 et 2, pp. 77—79). A. Vaillant почему-то считает суффикс *-яга* в русском языке продуктивным.

14. Непродуктивен тип слов с суффиксом *-иц(а) (-йца)*, обозначающих лица по какому-нибудь действию (при глагольной основе): *убийца, самоубийца, пропойца*, устаревшее *винопийца*, или по какому-нибудь свойству, по склонности к чему-нибудь (при основе прилагательного)—с суффиксами *-иц(а), -ниц(а): пьяница, тупица, умница*, устаревшее *негодница* (см. о Митрофанушке в «Недоросле» Фонвизина). Слово *возница* несомненно заимствовано из польского языка (польск. woznica). Повидимому, суффикс *-ица*, первоначально не окрашенный эмоционально, приобретает при переносе на лица мужского пола (а затем, следовательно, и вообще в словах общего рода) яркий экспрессивный колорит (ср. в русском литературном языке XVIII в. *ветреница* — в применении к мужчине), отчасти под влиянием значений основ, отчасти под воздействием общей эмоциональной атмосферы, окружающей категорию общего рода[34]. В группе слов с суффиксом *-иц(а)* сталкиваются церковно-книжные отглагольные образования (*убийца, сыноубийца, матереубийца* и т. п.) с разговорными словами, произведенными от основ имен прилагательных (*тупица, умница* и т. п.; ср., впрочем, *пропойца*).

15. Непродуктивны презрительные клички, возникшие вследствие персонификации слов с живым отвлеченным и собирательным суффиксом *-щин(а): деревенщина, военщина* и др. Ср. *мужчина*.

16. Единичны просторечные слова с отвлеченным суффиксом *-ин(а)*, подвергшиеся переосмыслению и получившие значение лица, например, *старина*. «Эх ты, старина, старина, до седых волос дожил, а ума не нажил» (Н. Некрасов, «Жизнь и похождения Тихона Тросникова»).

17. Единичны слова с мертвым фамильярно-ироническим суффиксом *-ен(а): гулена, сластена*.

18. Известны отдельные разговорные слова с мертвым ласкательно-шутливым суффиксом *-он(я)*: *тихоня*, ср. областное *брюхоня*. В категорию общего рода входят и отдельные слова с ласкательно-фамильярными суффиксами *-уля, -уша* (*милуша, капризуля* и т. п.).

19. Немногочисленны (этимологически еще осмысливаемые) метонимические обозначения лиц по отвлеченным качествам и действиям с суффиксами: *-н(я), -от(а): родня* (ср. *он мне — родня*), *суета* (в значении *суетливый человек*) (ср. *сирота*)*. Ср. у Лескова в рассказе «Бесстыдник»: «А Евграф Иванович — *милота* бесценная — еще больше сконфузился и шепчет».

20. Единично просторечное *святоша* (ср. церковно-книжное по происхождению слово мужского рода *юноша*). Ср. также устаревшее *чинуша* (с суффиксом *-уш(а)*).

---

* Ср. грамматические и семантические замечания по этому вопросу в книге C. Collon., Le développement de sens du suffix -ata. Lund. 1918, главы III и IV. Ср. также у А. А. Потебни, Из записок по русской грамматике, т. III, стр. 621—622. А. А. Потебня неопровержимо доказал, что вовсе не обязательно было значение отвлеченности для перехода слов женского рода в категорию общего рода, даже по отношению к отдаленным эпохам (между прочим и в словах на *-ота*).

21. Изолированно стоит: *левша* (ср. областное *правша*).

22. Отдельные просторечные слова на *-да: балда, дылда.*

23. Одиноко бранное: *стерв-оз-а* (из жаргона бурсаков или медиков; ср. *нервозный субъект*).

24. Очень разнообразна, но в литературном языке непродуктивна группа слов с глагольной основой и суффиксом-окончанием *-а, -я: брюзга, горемыка, выжига, егоза, задира, заика, зуда, мехоноша, книгоноша* (отглагольный суффикс *-ноша*), *невежа, невежда, недотрога, недотепа, недотыка, непоседа, нуда, зануда, обжора, оглода, повеса, подлиза, пролаза, проныра, пустомеля, разиня, раскоряка, расстрига, растрепа, растяпа, рева, соня, сутяга, таранта* и другие подобные. Ср. *калека, рохля* и т. п.

25. Сюда же присоединяются отдельные бранные слова, презрительные клички, иронически-пренебрежительные характеристики: *дока, шельма, ханжа, фефела, простофиля, бука* и др. Ср. собирательные и лично-характеристические: *шантрапа, шушера, шпана, шатия* и некоторые другие.

К границам этой категории общего рода приближаются бранные обозначения мужчин, пренебрежительные или иронические клички, экспрессивные характеристики, вообще красочная вереница слов женского рода, метафорически или метонимически применяемых к человеку независимо от пола. Например: *шляпа, стерва, башка* (арго), *голова* (умная голова), ср. устарелое *городской голова*; *коломенская верста, душка* (буржуазно-институтск.), *змея* («не человек — змея»), *крошка, глухая тетеря, лиса, свинья, пила* и т. п. Ср. *бестия, каналья.*

В этом кругу обращает на себя внимание процесс индивидуализации бранных слов женского рода, имеющих собирательное значение, но свободно применяемых к единичным лицам обоего пола, например: *шантрапа, шпана, голытьба* и т. п.*.

Однако необходимо решительно отделять слова общего рода, в которых значение лица мужского пола выражается в формах мужского согласования (*несчастный горемыка*), от таких слов женского рода, применение которых к лицам мужского пола не вызывает изменений в их роде (*тупая пила* — в применении к человеку). На опасность смешения этих категорий указывал акад. А. И. Соболевский. Он предостерегал от попыток связать с категорией общего рода такие выражения: «ах ты баба, мокрая курица!» «Всякое слово на *-а* женского рода, — писал Соболевский в рецензии на книгу Э. А. Вольтера о грамматическом роде, — может быть прозвищем, фамилией: *этот Земляника, этот Яичница*, но нет никакого основания слова *земляника, яичница*, ставить на одну доску со словами *воевода, гулянка*» [35].

---

* Ср. статью Christiani о бранных словах в Archiv für slav. Philologie, XXXIV, стр. 348 и след. Характерно, что и в современном русском языке значение собирательности в применении к живым существам часто сопровождается яркой экспрессивной окраской слов и суффиксов. См. M. Braun, Das kollektivum und das plurale tantum im Russischen, 1930, стр. 98 и след.

Вся эта разнообразная гамма экспрессивно-смысловых оттенков развилась на основе слов женского склонения на *-а*.

В современном литературном языке категория общего рода в общем малопродуктивна. Слова женского рода на мягкий согласный с нулевым окончанием именительного падежа (вроде: *мразь*, *дрянь*, *рвань*, *голь*, *нечисть* и т. п.) не переходят в категорию общего рода (ср. вульгарно-бранное: *сволочь;* ср. употребление возникших в 20—30-х годах XIX в. слов: *бездарность*, *посредственность*, *знаменитость*, *невинность* и некоторые другие.; ср. *ничтожество*). В категории общего рода господствуют слова на *-а* с яркой экспрессивной окраской. Большая часть их принадлежит разговорному языку или фамильярному просторечию. В этом окружении отслоения старой церковно-книжной, высокой лексики подвергаются презрительно-иронической переоценке (ср. слова мужского рода на *-а*: *зазнавшийся вельможа*; ср. возможность лишь иронического применения к современным явлениям таких слов, как: *воевода*, *винопийца*, *вития* и т.п.). Или же славянизмы сохраняются как официальные термины (например: *судья*, *убийца*, *матереубийца* и т. п.). Яркая экспрессивная окраска, свойственная почти всем словам общего рода, подчеркивается несоответствием их строения и значения. Вся эта сложная гамма смысловых оттенков воздвигается на основе класса слов женского рода. Применение слов женского рода к мужчинам и порождает своеобразную экспрессивную окраску этих слов. В этом явлении пережиточно отражается социальное положение женщины, отношение к женскому полу*. Перенос слов с формальным признаком женского рода (с морфемой *-а*) на лица мужского пола стал красочным средством языковой изобразительности. Но это, конечно, не значит, что все слова общего рода на *-а* проходят непременно через класс женского рода. Таким образом, категория рода имеет в русской языковой системе не только прямые, но и переносные, экспрессивные значения (ср. закрепление некоторых слов на *-а* только за мужским родом, например, *молодчага*, *повеса* и другие подобные; ср. *мужчина*). Все эти языковые факты доказывают больший грамматический вес женского рода сравнительно и соотносительно с мужским (ср. *праздношатайка* у Гоголя в «Мёртвых душах», образованное из *праздношатай*; ср. *попрошайка*). В этих фактах заключается также наглядное доказательство живого содержания категории рода. Категория рода имен существительных (как и категория числа и падежа) по своему значению резко отличается от категории рода имен прилагательных

* А. А. Потебня справедливо видит в этом грамматическом процессе пережиток старых воззрений на женщину. Причина перенесения имен agentis и других женских на мужские лица в «унизительности»: «умысля тот Андрей подал на меня... явку... будто я, холоп твой, пришед к нему ко двору, и его, государь, будтось я, холоп твой, бесчестил и лаял, и называл будто я жонкою... и ко двору, государь, к нему, Андрею, я, холоп твой, не приживал и его не бесчесчивал и жонкою не называл. То на меня все он, Андрей, тебе, государю, являет ложно», 1617, Акты юрид., 86 («Из записок по русской грамматике», т. III, стр. 638).

и даже прошедшего времени глагола (форм на *-л-*), несмотря «на известную долю самостоятельности в роде глагола»*. Она является не только грамматической, но и лексической опорой значения предметности.

§ 8. Приемы образования ласкательно-личных имен мужчин и женщин

Анализ категории общего рода останется незаконченным и неполным, если не коснуться приемов образования ласкательных форм от собственных имен мужчин и женщин. Словообразовательные средства здесь одни и те же для мужских и женских имен. И те и другие формы одинаково относятся к категории слов на *-а*. Некоторые формы ласкательных имен являются общими для мужчин и женщин, например: *Саша, Шура* (от *Александр* и от *Александра*), *Паня и Паша* (от *Прасковья* и *Павел*), *Тоня* (от *Антон* и *Антонина*); ср. *Лёня* (от *Алексей* и *Леонид*), *Леля* (от *Елена* и *Ольга*) и т. п. В собственных именах людей ласкательные формы образуются от первого слога имени с помощью суффиксов *-ш(а)* и *-н(я)* (если первый слог открытый): *Мария—Маша; Яков—Яша; Тихон — Тиша; Дарья — Даша; Глафира — Глаша; Григорий — Гриша; Софья — Соня; Татьяна — Таня; Мария —Маня.* В двусложных ласкательных именах ударение всегда на начальном слоге (хореический размер): *Катя; Лиза, Таня* и т. п. Выбор суффикса определяется эвфоническими причинами. Избегаются омонимы и устраняются комические ассоциации с другими словами (например, не образуется *Троня* от *Трофим*, *Наша* от *Надежда* или *Настасья*, *Ваша* от *Василий* и т. п.). От имен с первым закрытым слогом, а также от имен, в которых выделение первого слога (без согласного следующего слога) повело бы к образованию двусмысленного названия, ласкательные формы производятся путем смягчения согласного, закрывающего первый слог, и присоединения женского окончания (*Надя* от *Надежда*). Но губные (например, *м, в, ф*) и заднеязычные *к, х, г* не подвергаются смягчению (например, *Рома* от *Роман*). Ср.: *Петр—Петя; Лев—Лева; Анна—Аня; Варвара—Варя; Василий —Вася; Виктор — Вика* и *Витя* и т. п. В собственных именах, начинающихся с безударных гласных, особенно если эти имена многосложны, выделяется не первый слог (недостаточно определительный и к тому же иногда существующий только в искусственно-официальном, а не в разговорно-бытовом произношении этих имен), а следующий слог или слог, находящийся под ударением: *Екатерина — Катя; Елизавета — Лиза; Анатолий—Толя* и т. д. Сюда же примыкают *Иван — Ваня; Николай* (ср. *Никóла*) — *Коля* (народное *Миколай*, от которого ласкательное образование *Миша* было невозможно из-за совпадения с ласкательным *Миша* от *Михаил*). Группа *-ст-* из полного имени переходит и в ласкательную форму: *Анастасия — Настя; Константин — Костя.*

Прием образования ласкательной формы от ударяемого слога полного имени применяется и в том случае, если выделение первого слога создает имя неблагозвучное или двусмысленное. Иногда же таким способом возникают двойные, параллельные формы: *Анастасия — Настя* и *Тася*; *Антонина—Тоня* и *Нина* и т. д.

Любопытно чередование *г—ж* в ласкательной форме *Женя* (от *Евгений* и *Евгения*); ср. *Геня* (от *Геннадий* и *Евгений*) едва ли не под влиянием французского языка (Eugenie). Ласкательные формы от мужских и женских имен одного корня обычно различаются или основами, или суффиксами. Например: *Степан — Степа, Степанида — Стеша; Федор — Федя, Федосья — Феня.*

---

* Ср. замечания А. М. Пешковского в «Русском синтаксисе»: *добрая товарищ* русский человек ни в каком случае не может сказать, а *товарищ вышла*, хотя и с некоторым стеснением, но может» (ср. *управдел сказала* и т. п.).

Необходимость различения ласкательных форм от *Александр (Александра)* и *Алексей*, которые в старину иногда совпадали в одной форме *Леша* или *Алеша*, привела к образованиям *Саша*, *Саня*, *Шура* (или *Сашура*) от *Александр — Александра* при сохранении *Леша*, *Леня* от *Алексей*.

В некоторых, немногочисленных случаях конечный согласный ласкательной основы не смягчается, и таким образом ласкательное имя получается как бы посредством отсечения конечных слогов или слога у полного имени: *Наталья — Ната; Зинаида — Зина.*

Некоторые двусложные женские имена не образуют особых ласкательных слов (конечно, если они не обрастают производными ласкательными суффиксами вроде *-уша*): *Вера*, *Нина*, *Зина* (ср. *Зизи*), *Зоя* и др. В приемах образования ласкательных форм наблюдаются отголоски социально-общественной и культурной диференциации. Ср. *Дмитрий — Дима* и *Митя* (ср. народное *Митрий*).

Давно отмечено, что в трех ласкательных именах сохранилась омонимность с названиями плодов и деревьев. Это — *Груша* от *Аграфена*, *Дуня* (в областных говорах *дуня* то же, что *дуля*) от *Авдотья* (*Евдокия*). Сюда же отчасти примыкает и *Липа* от *Олимпиада*[36].

Установившиеся в системе христианской номенклатуры приемы образования ласкательных форм переносятся и на новые собственные имена, которые, впрочем, в большом количестве еще не распространились (ср. от *Рур* уменьшительно-ласкательное *Руша*). К некоторым простонародным именам как бы прирастают суффиксы презрительно-уничижительной окраски, например: *Тереха*, *Матреха* (ср. нарицательное *матрешка*), *Тимоха.*

Таким образом, категория слов общего рода вбирает в себя и ласкательные формы человеческих имен, как женских, так и мужских. К этой же категории примыкают и дальнейшие экспрессивные видоизменения этих имен (например: *Ванька*, *Ванюшка*, *Ванюша; Сашура*, *Санька* и т. п.).

Выводы о значении форм мужского и женского рода.

Мужской и женский род имен существительных в категориях лица и живого существа ярко обнаруживает свою знаменательность. Материальной базой родовых различий в словах этих категорий являются отчасти представления о половых различиях живых существ, отчасти значения социально-активного лица или человека вообще. Категория одушевленности грамматически доминирует над категорией неодушевленности*. В категории неодушевленности родовая классификация слов определяется иной, этимологически производной, вторичной системой значений. Значения этих родовых групп полнее и разнообразнее выступят при изучении форм словообразования, которые в русском языке органически связаны с различиями типов склонения, отчасти обусловленными

* Известно, что, по учению некоторых лингвистов, в языках индоевропейской системы первоначально обозначились лишь различия между классами личным и неличным или классами неодушевленных вещей и одушевленных, живых существ. Позднее класс лиц (или шире одушевленных существ) — в зависимости от пола — распался на две группы имен — мужского и женского рода. Обозначения неодушевленных вещей образовали средний (предметный) род. См. статьи A. Meillet, Essai de chronologie des langues indoeuropeennes. La théorie du feminin (Bulletin de la société de linguistique de Paris, XXXII, pp. 1—52); Les formes nominales en slave (Revue des études slaves, III, 1923). Ср. также Revue des études slaves, IV, 1924, pp. 208—221. Ср. также А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, Л. 1938, стр. 205—207.

в свою очередь родовой классификацией имен существительных. Но уже непосредственно очевидно — по связи с категорией лица, что в классе слов мужского рода сосредоточены названия орудий — заменителей человека. Кроме того, класс слов мужского рода, вообще говоря, менее экспрессивен, чем класс слов рода женского. Так как в категории мужского рода представление о поле выражено менее определенно, чем в обозначениях лиц женского рода, то, естественно, слова, служащие для выражения невзрослости, названия детенышей входят в мужской родовой класс. К этой группе слов примыкают и экспрессивно окрашенные названия социально-неполноценного человека. Наконец, вследствие меньшей экспрессивности класса слов мужского рода общее нейтральное значение конкретной предметности в нем ощущается особенно устойчиво.

В классе слов женского рода, кроме обозначений лиц женского пола и самок животных, выделяются имена абстрактных понятий и имена собирательные. Кроме того, в кругу слов женского рода наиболее ярки, красочны и разнообразны экспрессивные оттенки значений.

Гораздо менее резко очерчена сфера значений слов среднего рода. Правда, общее, отвлеченное значение вещной предметности кажется наиболее близким к категории среднего рода. Точно так же обозначения абстрактных понятий, между прочим, действий и продуктов деятельности, — и притом особенно в стилях книжной речи — также заметно тяготеют к категории среднего рода. Но сама эта категория представляется «формальной», как бы фиктивной. Самое имя среднего рода намекает на негативный характер этой категории: она объединяет слова ни того, ни другого рода, не-мужского и не-женского.

§ 9. Расплывчатость категории среднего рода в современном русском языке

Положение среднего рода в современном русском языке очень своеобразно. Средства выражения среднего рода относительно бедны. Состав класса слов среднего рода постепенно сужался и продолжает сужаться. Например, уменьшительные, ласкательные и уничижительные слова и формы на *-ко* (типа *Демидко* и т. п.), *-я* (вроде *Ваня*, *теля* и т. п.), на *-ло* (типа *объедало*) и другие слова, относящиеся к людям и животным, перешли в класс слов мужского или общего (мужско-женского) рода. Категория лица не сочетается с средним родом. С средним родом сочетается самое отвлеченное представление о категории не-лица *(ср. существо, божество)*. Имена существительные среднего рода только метафорически или в функции сказуемого, или в качестве самой общей характеристики *(чудовище, чудище, страшилище)* могут быть применены к живым существам мужского или женского пола (ср. в вульгарном просторечии о врале и вралихе: *такое трепло* и т. д.). Ср. у Чернышевского в романе «Что делать?»: «Должно быть, тоже

нализался, как наше-то *золото*, по рассуждению Матрены. А *золото* уже храпело». Ср. *ничтожество* *. Неустойчивое, промежуточное положение среднего рода сказывается и в системе склонения существительных. В единственном числе слова среднего рода, кроме именительно-винительного падежа, изменяются как формы мужского рода. Совпадение именительного и винительного падежей в одной форме также подчеркивает близость категорий среднего рода к группе неодушевленных имен существительных мужского рода. Средний род выступает как отвлеченная форма обезличенной предметности.

Во множественном числе формы слова среднего рода колеблются между разными типами склонения, совсем утратив свою грамматическую индивидуальность (ср.: *ушки — ушков*; *делишки — делишек*; *поля — полей* и *моря — морей*, *зеркала — зеркал*; *окна* (обычно произносится: *окны*) — *окон* и т. п.). За исключением формы именительно-винительного падежа с ударением на окончании *-а*, они в основной массе ближе к женскому склонению.

Употребление среднего рода существительных в русском языке отчасти соответствует меткому замечанию Сепира о «категориях языка, образующих систему пережившей себя догмы, догмы бессознательного». «Они весьма часто лишь наполовину реальны как понятия: их жизненность все более и более тускнеет, превращаясь в форму ради формы» [37].

Своеобразная безличность, отвлеченная или фиктивная предметность формы среднего рода проявляется прежде всего в том, что другие части речи, употребленные в значении имени существительного, относятся к классу слов среднего рода. Например, *громкое «ура» огласило зал*; «Далече *грянуло «ура»* (Пушкин); *большое спасибо; отдать последнее прости* и т. п. Ср. у Жуковского: «Минутная сладость *веселого «вместе»*, помедли, постой» (изд. 1849, II, 143); «Он рехнулся» — *мелькнуло* у меня в голове» (Тургенев, «Несчастная»). Впрочем, ср. у Пушкина: «Понадеялся он на *русский авось*».

Форма среднего рода имени прилагательного, употребленная в значении существительного, приобретает широкое обобщенно-абстрактное значение. «Здесь средний род сознается не наряду с мужским и женским как их отрицание, а как бы вне самой идеи пола. Например, в пословице *Старое старится, молодое растет* слово *старое* не обозначает ни старика, ни старухи, а обозначает и стариков, и старух, и всю природу — все, что может вообще стариться, независимо от пола» [38].

Своеобразными особенностями отличаются формы среднего рода и в заимствованных именах существительных. Продуктивных суффиксов среднего рода, которые обозначали бы предмет вообще без всякого специального оттенка, в современном русском языке нет.

---

* Характерно, что слово *подмастерье* перешло в класс слов мужского рода.

Окончания *-о*, *-е* как примета среднего рода непосредственно к основе не присоединяются. Группа бессуффиксных слов среднего рода с окончанием *-о*, *-е* пополняется только заимствованиями из других языков. Между тем эти заимствованные слова на *-о*, *-е* (типа: *бюро*, *пальто*, *кофе* и т. п.), с этимологической точки зрения, имеют лишь наружное сходство со словами среднего рода. Ведь в них конечные *-о*, *-е* обычно относятся к основе, а не являются окончаниями. Еще Я. К. Грот отметил затруднение в употреблении иностранных слов, «которые по окончаниям своим не прививаются к языку... Сюда относятся особенно имена среднего рода на *-о* и *-е*, как-то: *депо*, *бюро*, *пальто*, *трюмо*, *кофе*, *алоэ*, *канапе*, *портмоне*, *преспапье*... Мы чувствуем, что в подобных иноземных словах *-о*, *-е* имеет совсем другое значение и не составляет приметы рода и склонения»[39]. Средний род становится складом для заимствованных слов, которые по своему звуковому или морфологическому облику не соответствуют типическим формам русских существительных. Например: *свое кашне* (Чехов), *интервью*, *коммюнике*, *рагу*, *амплуа*, *фойе*, *великолепное антре*, *глясе*, *клише* и т. п. Подавляющее большинство иностранных заимствований, не подходящих к русской системе словоизменения существительных, зачисляется в средний род, если только эти слова не обозначают живых существ. Это правило вытеснило старый прием распределения заимствованных слов по грамматическому роду их западноевропейских оригиналов. Ср., например, у Пушкина: *боа пушистый*; *но ты*, *бордо*, *подобен другу* и др.; у Тургенева: *мой какао*, *серый пальто*, *прелестный пианино* и т. п.

Впрочем заимствованные собственные имена не всегда укладываются в рамки господствующей грамматической системы. Будучи только названиями, они не нуждаются в твердой грамматической опоре. Иногда они как бы заменяют обозначаемые ими лица или вещи, как бы представительствуют за них. Поэтому род заимствованных географических имен, не подходящих по своему морфологическому облику под систему русских склонений и не склоняющихся, определяется родовой принадлежностью того общего нарицательного понятия, под которое они подводятся, например: *Тбилиси* — город (след., мужск. рода), *Колорадо* (река, женск. рода) и т. п. Для заимствований этого типа, а также для названий живых существ делается исключение: они не относятся к среднему роду.

Естественно, что форма, включающая в себе отступления от живой системы и покрывающая случайности употребления, не может быть особенно продуктивной (за исключением некоторых лексико-семантических разрядов).

Акад. С. П. Обнорский, изучавший эволюцию форм именного склонения в русском языке, пришел к выводу, что в русском литературном языке с его южновеликорусским по происхождению вокализмом категория среднего рода находится в начальном процессе разрушения и «должна быть признана наименее жизненной и жизнеспособной»[40].

В основном, этот вывод правильно отражает тенденцию общего языка. Но — по отношению к стилям книжного языка — в него необходимо внести существенные ограничения (ср. рост образований на *-ние*, *-ство* и с некоторыми другими суффиксами среднего рода).

Угасание среднего рода в категории имен существительных находится в соответствии с общим процессом семантического обезличения и опустошения форм среднего рода в современном русском языке. Из содержательной категории средний род в отдельных типах слов и форм низводится на роль упаковочного средства.

Это выражается:

1) в том, что безличные формы глаголов в прошедшем времени совпадают с формой среднего рода. Например: «В животе у него *перекатывало*, под сердцем *веяло* холодом» (Чехов, «Случай с классиком»). «Его *знобило* и *ломало*» (Л. Толстой, «Война и мир»). «Говорите, не бойтесь, у меня все одно что *умерло*» (Островский, «Гроза»). «От сердца *отлегло*» (Островский, «Бедность не порок»). «В это самое время меня сильно *кольнуло* в грудь пониже плеча» (Пушкин, «Капитанская дочка»). «Мой друг, мне уши *заложило*» (Грибоедов, «Горе от ума»). «Но бурею корабль *разбило*» (Крылов, «Старик и трое молодых»). Ср.: «Лаврецкому *стало* жаль старика» (Тургенев, «Дворянское гнездо»); «Но тут *стало* невмочь Лаврецкому» (там же) и т. п.;

2) в том, что безличные формы категории состояния (возникшие из причастий страдательного залога и из имен прилагательных и наречий) совпадают с соответствующими формами среднего рода: «Ей *душно*, *скучно*, *досадно*... так *досадно*, что даже плакать хочется, а отчего — опять *неизвестно*» (Чехов, «Аптекарша»). «*Стыдно*, и *горько*, и *больно* было ей» (Тургенев, «Дворянское гнездо») и другие подобные;

3) в том, что при безличных словах могут стоять местоименные частицы среднего рода *это*, *оно* (*что*)*. Ср.: «Ни о каких подробностях ее не спрашивал, и так *оно* и *вышло*, что не надо было беспокоиться» (Лесков, «Соборяне»).

4) Не лишено значения и то обстоятельство, что один из наиболее продуктивных разрядов наречий в русском языке оканчивается на *-о*, *-е*, т. е. на морфемы, обозначающие в классах имен существительных и прилагательных форму среднего рода, хотя, как известно, наречию совершенно чужда категория рода (так же как и падежа и числа). Ср.: «Да, конечно, *лучше*, если бы она была умней, а впрочем и дура тоже *хорошо*: были бы только статьи прибавочные в хорошем порядке» (Гоголь, «Женитьба»).

---

* Ф. И. Буслаев писал: «Отвлеченное и неясно представляемое язык отмечает большею частью средним родом» («Опыт исторической грамматики русского языка», ч. II, стр. 174).

§ 10. Процесс перехода слов с экспрессивными суффиксами среднего рода *-ишко, -енко* в парадигму женского склонения

Уменьшительно-ласкательные и уничижительные формы слов мужского рода на *-ишко*, *-енко* (ср. увеличительный суффикс *-ище*) все теснее объединяются с женским склонением на *-а*. Тут наметился вызванный отчасти фонетическими причинами явный сдвиг по направлению к категории общего рода, к категории эмоционально окрашенных слов мужского рода на *-а* (ср. формы женского рода *старушонка*, *клячонка* и т. п.).

В употреблении этих презрительно-уничижительных форм сказалось различие между категорией одушевленности и неодушевленности. Имена существительные мужского рода с суффиксами *-енк-* (*-енко*), *-ишк-* (*-ишка*), *-ко*, относящиеся к категории одушевленности, обычно целиком склоняются по женскому склонению (*хвастунишка*, вин. *хвастунишку* и т. п.; ср. склонение фамилий мужчин на *-ко*: *Шевченко*, *Шевченки* и т. п.). Напротив, в тех же формах слов, принадлежащих к категории неодушевленности, винительный падеж обычно совпадает с именительным (*увидел ветхий домишко*), хотя формы других падежей образуются по женскому склонению (*домишки*, *домишке* и т. д.). Правда, в этой черте могут отражаться и диалектальные влияния на литературный язык. Так, у уроженцев южнорусской территории есть склонность к переводу всех этих форм, даже из категории неодушевленности, в женское склонение (например, у Чехова в «Вишневом саде»; «на *вальсишку*»; в «Бабах»: «сунул ей в узел *рублишку*»; у Глеба Успенского: «кое-где видна крыша потопленного рыбачьего *домишки*» («В Казани»); у Маяковского: «с *умишкой* хилым» («Хорошо»).

Напротив, у северян эти формы, даже из категории одушевленности, колеблются между средним и женским склонением. И все же общая тенденция к переходу экспрессивных форм на *-енко*, *-ишко* в женское склонение и к различению категории одушевленности и неодушевленности по форме винительного падежа выражена в современном языке очень ярко. Например, у Ф. М. Достоевского: «Приезжаю лет семь назад в один *городишко*; были там делишки, а я кой-с какими купчишками завязал было *компаньишку*» («Братья Карамазовы», в речи Федора Павловича).

Лишь в суффиксе *-ище* крепко держится его чистый морфологический тип. Возможно, что здесь, с одной стороны, играет роль наличие омонимов *-ище* (например, со значением места: *кладбище*, *пожарище* и т. п., или со значением рукояти, к которой прикреплено какое-нибудь орудие: *кнутовище*, *топорище* и другие подобные), а с другой стороны, отталкивание мужско-среднего суффикса *-ище* от женского *-ища* (*ручища* и т. д.).

Увеличительный суффикс *-ищ-* (*-ище*) еще продуктивен*. Этот

* Попытку объяснить смысл распространения форм среднего рода на круг слов с увеличительным суффиксом *-ище* сделал К. С. Аксаков в «Опыте русской грамматики». По его мнению, в увеличительном суффиксе *-ище*

суффикс имеет на себе ударение (*-и́ще*) в формах, произведенных от слов с подвижным ударением или с ударением на окончании (например: *вози́ще* от *воз*; ср. *возы́*; *носи́ще* от *нос*; ср. *носы́*, *носо́в*; *утюжи́ще* от *утюг*, *утюга́*; *сапожи́ще* от *сапог*, *сапога́* и т. п.). Увеличительные формы от слов с постоянным ударением на основе сохраняют ударение производящего слова (*сту́лище* от *стул*, *стула*; *стака́нище* от *стакан*, *стакана*; *комо́дище* от *комод* и т. п.).

§ 11. Односторонность формально-синтаксической точки зрения на категорию рода

Формально-синтаксическое определение рода существительных как их «способности сочетаться с известными формами согласуемых слов (прилагательных и согласуемых в роде форм глагола)»* очень односторонне. Согласно этому старинному взгляду, еще бытующему в русских грамматиках, род имен существительных определяется только формами прилагательных и прошедшего времени глагола, которые с ними согласуются. Но как видно из предыдущего изложения, грамматические и лексико-семантические основы родовых различий имен существительных еще крепки в их строе, особенно в формах единственного числа. Во множественном числе родовые различия до предела ослаблены как в именах существительных, так и в именах прилагательных**.

«высказывается неопределенная странность, что-то чудное, необыкновеннсе, причем предмет принимает какой-то неестественный образ. Эта неопределенность вызывает окончание среднего рода» («Сочинения филологические», ч. II, стр. 54).

* Эта идея, как и большая часть идей так называемой «формальной» школы, не нова. В 20-х годах XIX в. И. Ф. Калайдович так определял функции грамматического рода имен существительных в русском литературном языке: «Грамматические роды служат только различению трех способов согласовать прилагательное с существительным, принимая первое слово в обширном его значении (т. е. включая в понятие прилагательного все так называемые «родовые» слова) (статья «Замечания о родах грамматических в языке русском». Сочинения в прозе и стихах, «Труды Московского общества любителей российской словесности», ч. V (XXV), 1824, стр. 171—172).

Ср. то же учение в грамматиках XVII в. Н. К. Никольский, Послание Агафоника к Кир. Иакову по грамматическим вопросам (XVII в.), «Историко-литературный сборник, посв. В. И. Срезневскому», 1924.

** См. Рад. Ив. Кошутич, Граматика руског језика, II. Облици. Београд 1914, стр. 21—22.

Акад. А. И. Соболевский писал: «Известно, что индоевропейские языки постепенно сокращают число грамматических родов. Романские языки, литовский, пракрит уже давно утратили средний род. Сверх того, формы множественного числа в индоевропейских языках становятся все более и более безразличными по отношению к роду... Русский язык идет по тому самому пути, который нам известен из истории родственных с ним языков. Часть его говоров (великорусские сильно акающие говоры) на наших глазах теряют средний род: все те их существительные среднего рода, которые имеют ударение не на конечном *о*, переходят в женский род: *моя дерево* и т. п. Впрочем, еще в начале XVII в. Ксения Годунова писала: *у нас моровая поветрея* (Буслаев, Историческая хрестоматия, стр. 987). Весь русский язык утратил признаки рода для значительной части форм множественного числа.

3. КАТЕГОРИИ ЛИЦА, ОДУШЕВЛЕННОСТИ И НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ В СТРУКТУРЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

§ 12. Категория лица

При анализе категории рода обнаруживаются грамматические категории лица мужского рода, одушевленности и неодушевленности.

Категория лица тесно связана с категорией одушевленности, которая широко развилась, поглотивши, вернее, вобравши в себя категорию лица. «История языка показывает, — пишет акад. А. А. Шахматов[41], — что первоначально категория одушевленности развивалась только в словах единственного числа мужского рода, распространяясь при этом от названий лиц на названия животных»*. В современном русском литературном языке категория лиц мужского рода обнаруживается как в форме именительного падежа единственного числа (на *-а* у слов мужского рода: *судья*, *вельможа*, *староста*, *старшина*, *воевода* и т. п.), так и в формах именительного падежа множественного числа:

1) в окончании *-е*, присущем только названиям лиц — с суффиксом *-ин* в единственном числе: *мещане*, *граждане*, *дворяне*, *крестьяне*, *англичане*, *лютеране* и т. п.;

2) в непродуктивном окончании *-ья́*, и *-овья́*, преимущественно в обозначениях лиц по родству и свойству: *сыновья*, *кумовья*, *сватья*, *зятья*, *шурья* и т. п. (также: *князья* и *друзья*);

3) в архаических формах именительного падежа множественного числа на *-и* у двух слов с основою единственного числа на твердый согласный: *черти*, *соседи* (форме им. пад. мн. ч. соответствуют и все другие формы мн. ч. этих двух слов: *чертей*, *соседей*, *чертям* и т. п.).

Категория лица выражается также в субстантивации имен прилагательных мужского рода. Субстантивированные прилагательные мужского рода за немногими исключениями (вроде устарелых названий монет: *целковый* и *золотой*) обозначают преимущественно лиц

Формы множественного числа прилагательных уже давно одни и те же для всех трех родов ... То же можно сказать о некоторых существительных: *гости*, *кости*, *гостей*, *костей* и т. д. Большая часть форм того же числа прочих существительных также уже давно имеет одни и те же окончания; единственная форма, которая еще сохраняет два разных окончания: одно — для мужского, другое — для женского и среднего родов, форма родительного падежа, не только в говорах, но даже и в литературном языке, начинает терять свой признак рода: мы слышим постоянно: *очков*, часто: *местов*, *делов*, *правов;* изредка: *баранков* (от баранка), *коробочков*. При этом надо иметь в виду, что окончание форм родительного падежа существительных женского и среднего родов лишено достаточной яркости, так как оно принадлежит также к архаическим формам родительного падежа существительных мужского рода: *сапог*, *чулок* и т. п.». («Из истории русского языка», Журнал министерства нар. просв.», 1901, № 10, отд. 2, стр. 404—405).

* B. Unbegaun в своем исследовании «La langue russe au XVIe siècle» доказывает, что в XVI в. названия лиц женского пола и названия животных еще не включались в синтаксическую категорию одушевленности (стр. 228 и след.).

мужского пола: *рулевой, дежурный, служащий, рабочий, глухонемой* и т. п. (но ср. также: *звеньевая*).

Впрочем, за последние годы в газетно-публицистических и официально-деловых стилях книжной речи широко развивается заместительное употребление имен прилагательных мужского, также как и женского, рода, входящих в состав какого-нибудь обозначения (*встречный промфинплан, сталинградский тракторный завод* и т. п.), в значении целого термина (например: *встречный, сталинградский тракторный* и т. п.). Таким образом, применение субстантивированных форм прилагательных мужского рода здесь выходит за пределы категории лица. Кроме того, категория лица находит яркое выражение в формах словообразования. Личные суффиксы имен существительных особенно продуктивны и многочисленны. Только в кругу обозначений лиц наблюдается ярко выраженный активный тип соотносительных (коррелятивных) слов мужского и женского рода, например: *ударник — ударница, стахановец — стахановка* и т. п.

§ 13. Соотносительные категории одушевленности — неодушевленности

Категория лица включается в более широкую категорию одушевленности, противопоставленную категории неодушевленности. Не приходится смущаться «мифологичностью» терминов «одушевленный» предмет и «неодушевленный» предмет — «категория одушевленности и неодушевленности». Языковая техника, отражая предшествующие стадии мышления, не всегда отвечает требованиям современной научной идеологии. Например, различение органической, живой, и неорганической природы не находит отражения в грамматике современного языка (*растение, дуб, клен, липа, тростник* и т. п. оказываются для языка «предметами неодушевленными»). В английском языке даже названия животных не включаются в категорию одушевленности, суживающуюся, таким образом, до границ категории лица. В самом русском литературном языке категория одушевленности в ее нынешнем виде сложилась не раньше XVI—XVII вв.

Категория одушевленности отличается от категории лица тем, что согласование в роде с словами, относящимися к категории одушевленности, всецело обусловлено формой этих слов, между тем как в категории лица есть тенденция к согласованию по смыслу, по полу лица, ярко проявляющаяся в формах прошедшего времени на *-л* (*управдел заявила*; *профорг выступила с предложением* и т. п.).

Наиболее ярким и постоянным признаком категории одушевленности в русском языке является совпадение винительного падежа с родительным в единственном (кроме слов на *-а*) и множественном числе у существительных мужского рода (*встретить знакомого, слушать знаменитого тенора* и т. п.) и только во множественном числе у существительных женского рода (в среднем роде только

у слов: *лицо, чудовище — лиц, чудовищ*: ср. также: *животных, насекомых*). Имена существительные женского рода, обозначающие лиц и животных, в единственном числе сохраняют форму винительного падежа (*жена — жену; мышь, рысь*) и остаются, таким образом, на положении прямого объекта действия, не отличаясь в этом отношении от категории неодушевленности.

Любопытны колебания и противоречия в выражении категории одушевленности, отчасти зависящие от понимания ее границ и состава. Например, слова *микроб, бактерия* (ср. формы вин. пад. мн. ч. *бактерии* и *бактерий*) колеблются между категориями одушевленности и неодушевленности. Названия рыб и амфибий, употребленные во множественном числе для собирательного обозначения какого-нибудь кушанья из них, образуют винительный падеж множественного числа одинаково с именительным падежом, т. е. относятся к категории неодушевленности, например, у Грибоедова: «К Прасковье Федоровне в дом во вторник зван я *на форели*»; «есть *устрицы*» (Тургенев); «Левин *ел* и *устрицы*» (Л. Толстой); «Искусство, не обдирая рта, есть артишоки и *глотать устрицы*, не проглатывая в то же время раковины» (Салтыков-Щедрин, «Признаки времени») и т. п.

Имена светил, лишенные своей мифологической одушевленности, рассматриваются как названия неодушевленных предметов. Например, *смотреть на Марс; видеть Сатурн, Юпитер* и т. п. (впрочем, возможны и формы винительно-родительного падежа). Но нарицательные обозначения бывших богов, перенесенные на людей, «одушевляются». Например: *поискать другого такого болвана; смотреть на своего кумира* (но ср.: *сделать из кого-нибудь себе кумир*); *этого идола ничем не проймешь* и другие подобные.

Своеобразные особенности наблюдаются и в употреблении слов, обозначающих то неодушевленные, то переносно-одушевленные предметы. Например, к категории одушевленности примыкают карточные обозначения — *туз* и *козырь: снять туза, покрыть козыря* и т. п. (но ср.: *играть в свои козыри*, также *играть в короли*). «Для обозначения некоторых карт, а именно так называемых «фигур», взяты были слова, обозначавшие предметы одушевленные, что соответствовало самому смыслу слова «фигура»; поэтому и склонение названий карточных фигур сбилось на склонение названий предметов одушевленных; а затем по этому образцу стали склоняться и такие названия карт и иные карточные термины, которые вовсе не обозначают предметов одушевленных»*. (Например, то же представление перенесено было и на название карты — *туз*. Ср.: *я сбросил туза; козырная двойка туза бьет;* ср. у Пушкина в «Пиковой даме»: «Игроки *понтируют на тройку, семерку и туза*»)[42].

* Ср. исторические данные о широком распространении винительно-родительного падежа у названий животных лишь со второй половины XVI в. (B. Unbegaun, La langue russe au XVI e siècle, 1935).

Для понимания тех смысловых преобразований, которым подвергаются неодушевленные предметы в игрецком языке, характерно олицетворение слова *шар* в жаргоне биллиардных игроков. Л. Славин, изображая в романе «Наследник» биллиардистов, пишет: «Такого *шара* промазали», — сказал студент с насмешкой. Подобно всем игрокам, он склонял *шар* в родительном падеже, как живое существо, ибо ни один биллиардист не может заставить себя видеть в шаре неодушевленный предмет, — так много в нем чисто женских капризов, внезапного упрямства и необъяснимого послушания».

Но, повидимому, прав акад. Л. А. Булаховский, утверждая, что «современный литературный язык решительно склоняется в сторону сохранения за словом с основным значением одушевленности, независимо от его переносного употребления, первоначальных морфологических особенностей»[43] (ср.: *высиживать болтуна*, т. е. яйцо; *плясать трепака* и т. п.). Напротив, слова с основным значением неодушевленности, примененные к конкретным лицам или к живым существам, приобретают в этом употреблении грамматические свойства названий одушевленных предметов, например: «Видел этого старого колпака». «Не время выкликать теней» (Ф. Тютчев) и т. д.[44]. Впрочем, это правило не относится к словам с абстрактным значением, заимствованным из научной терминологии, например, к словам: *характер*, *элемент* и т. п. (*вывести на сцену новый характер; разоблачить антиобщественные элементы* и т. п.).

Таким образом, различие между категориями одушевленности и неодушевленности сохраняет свою силу и в тех случаях, когда для метафорического или метонимического изображения лица применяется слово, обозначающее неодушевленный предмет, или, наоборот, когда слово, относящееся к категории одушевленности, переносится на обозначение предметов неодушевленных. Поэтому значения одушевленности и неодушевленности и формы их выражения нередко соединяются в одном и том же слове. Например: *вывести тип лишнего человека; встретить забавный тип;* но в разговорной речи: *Я давно знаю этого странного типа.* Возможны колебания и в употреблении винительного падежа при одном и том же значении слова. Например, в слове *лицо*: «Кити *называла* ему те *знакомые* и *незнакомые лица*, *которые* они встречали» (Л. Толстой); но едва ли не чаще встречается иное употребление: *Называть знакомых лиц по фамилии* и т. п. Интересна судьба слов с суффиксом *-тель*. Прежде даже от тех терминов на *-тель*, которые не обозначают лиц, иногда в значении винительного падежа употреблялась форма родительного, например в математических выражениях: *умножить числителя; найти общего знаменателя; разделить на множителя; умножить показателя подкоренного выражения* и т. п. Еще Бругманн заметил, что «nomina agentis» очень часто употребляются для обозначения орудия, ввиду того что это последнее рассматривается как одушевленный выполнитель действия»[45].

Но в современном языке — под влиянием широкого распространения суффикса *-тель* в профессиональных диалектах и научно-техническом языке для обозначения механизмов, приборов, сооружений и орудий — слова на *-тель* со значением орудия, механизма, снаряда сохраняют формы винительного падежа, сходного с именительным. Например: «Дедушка *раскрыл желтый скоросшиватель*» (Л. Славин, «Наследник»); *повернуть выключатель; заметить истребитель* и т. п. Ср.: *приобрести электрический счетчик; сбить вражеский бомбардировщик; потопить тральщик* и т. п. (но: *напасть на разведчика*).

Названия одушевленных предметов по формам своего образования отчасти совпадают с категорией лица (ср., например, общность суффиксов детенышей *-енок* и *-еныш* у обозначений лиц и животных; ср. совмещение значений лица и самца — самки в таких суффиксах, как *-ак*, *-ица*, *-иха*, и некоторых других). Впрочем в современном литературном языке приемы суффиксального образования слов, обозначающих представителей живого (животного), нечеловеческого, мира, крайне бедны. Общий язык обогащается лишь терминами зоологии и заимствованиями из народных говоров.

4. ГРАММАТИЧЕСКОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ПО ТИПАМ СКЛОНЕНИЯ В СВЯЗИ С ФОРМАМИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

§ 14. Основные типы склонения имен существительных, сложившиеся на основе родовой классификации

Категория рода, категория лица, категории одушевленности и неодушевленности тесно связаны с системой склонения существительных. К системе склонения тянутся нити, направляются токи от всех других категорий, определяющих грамматический строй имени существительного. Категория рода отражается в дифференциации основных типов склонения[46]. На различия типов склонения и даже на степень продуктивности каждого из них влияют и формы суффиксального словообразования. В классе имен существительных формы словоизменения обусловлены в некоторой мере приемами словопроизводства. Например, все имена существительные с суффиксом *-ств(о)* относятся к среднему роду, с суффиксом *-ш(а)* — к женскому и т. п. В современном русском языке в формах единственного числа различаются три основных типа склонения[47]:

1) склонение имен существительных мужского рода с нулевым окончанием именительного падежа (*топор*, *стол*, *дом*, *фонарь*, *зверь*, *зять* и т. п.) и примыкающее к нему склонение слов среднего рода на *-о*, *-е* (*село*, *зеркало*, *окно*, *поле*, *личико* и т. п.);

2) контрастирующее с первым типом женское склонение с нулевым окончанием именительного падежа (*кость*, *глубь*, *рысь*, *неожиданность* и т. п.);

3) противопоставленное среднему роду мужеско-женское (в основе своей — женское) склонение существительных на *-а* (*сестра, вода, похвала, неряха, громила* и т. п.) [48].

Существительные среднего рода обычно не выделяются в особый тип, так как их склонение мало чем отличается от мужского склонения (только формой именительно-винительного падежа единственного числа и отчасти именительно-винительного и родительного падежа множественного числа). Кроме того, формы субъективной оценки, образуемые от имен существительных мужского рода с помощью суффиксов *-ушко (хлебушко)* и увеличительного — *-ище*, склоняются так же, как слова среднего рода. Таким образом, склонение слов на *-о*, *-е* в литературном языке можно рассматривать как вариант мужского склонения, склонения слов с нулевым окончанием в именительном падеже. С некоторыми оговорками типы современного склонения сводятся к трем основным*. Внутри этой системы можно подметить подчеркнутый контраст женского и неженского склонения: слова женского рода на *-а (я)* и на мягкий согласный (а также на *-ж* и *-ш*) противостоят склонению слов мужского рода на твердый и мягкий согласный и склонению слов среднего рода на *-о (-е)* (с примыкающими к ним переходными случаями). Недаром Востоков в своей «Русской грамматике» различал только эти два общих типа склонения, сводя к ним все разнообразие форм единственного числа. Действительно, как показывают наблюдения над формами словообразования и статистический подсчет продуктивных категорий, особенно сильными и влиятельными типами склонений являются склонение на *-а* (женское по преимуществу) и склонение с нулевой флексией именительного падежа (мужское по преимуществу). Лишено больших жизненных сил женское склонение на мягкий согласный (а также на *-ж* и *-ш*) при нулевой флексии именительного падежа. На поверхности современного литературного языка еще сохраняются окаменелые реликты старых типов склонения (слова на *-мя*, *дитя*, *мать*, *дочь*, *путь* и некоторые другие). Не подлежит сомнению, что грамматической базой всей системы именного склонения является тип имен существительных мужского рода с нулевым окончанием в именительном падеже. Среди приемов бессуффиксного образования имен существительных продуктивны только формы образования сокращенных слов мужского рода на твердый согласный (*военком, исполком, райком, политрук, технорук, прораб, командарм, спец* и т. п.). Любой словесный знак, указывающий на предмет, становится именем существительным мужского рода, если он имеет в исходе согласный звук.

* Такие реликтовые формы, как формы склонения слова *путь* в единственном числе или десяти слов среднего рода на *-мя* (*темя, вымя, семя, бремя, имя, пламя, знамя, время, племя, стремя*), отличаясь в единственном числе от слов женского рода *кость, злость* и т. п. только формой творительного падежа на *-ем* (*-ём* в *путь: путём*), не образуют никакого особого грамматического типа. Во множественном числе формы слов *время, семя* и т. п. ничем не отличаются от форм слов на *-о* (*времена, знамена* и т. д.; ср. *небо — небеса; тело—телеса*). Ср. *дитя—дети.*

§ 15. Система словообразования в кругу мягкого мужского склонения

В мужском склонении, которое узнается по именительному падежу без окончания, при форме родительного падежа на *-а(-я)* (реже на *-у*, *-ю*), наиболее продуктивны твердые основы (так же как и в именах женского и среднего рода). В мягком мужском склонении, кроме слов непроизводных, выделяется только небольшое количество живых словообразовательных разрядов:

1. Имена действующих лиц с очень продуктивным суффиксом *-тель* (и производным от него суффиксом *-итель*, ср.: *спаситель*, *покровитель* и др.): *создатель*, *завершитель*, *соглашатель*, *замалчиватель*, *вредитель*, *распространитель*, *заместитель*, *производитель*, *строитель* (ср. *строить*), *мыслитель* и т. п. Эти слова — отглагольного происхождения. Значение активного деятеля у части этих слов, не имеющих дополнительного глагольно-видового суффикса *-ыва-*, *-ива-* или глагольной приставки, в современном языке несколько ослабевает. Эти слова являются по большей части официальными или книжными обозначениями лиц, принадлежащих к той или иной профессии, занимающихся той или иной деятельностью (*писатель*, *учитель*, *следователь*, *прихлебатель*, *содержатель* и т. п.). Значение действующего лица гораздо ярче выступает в профессиональных обозначениях лиц по действию с суффиксом *-щик* и *-льщик* (при глагольной основе): *сеяльщик*, *боронильщик*, *точильщик*, *гранильщик*, *тянульщик*, *сортировщик* (ср. *вышивальщица*, *вязальщица* и т. п.), *болельщик*. Ср. *гранитель мостовых* (у Салтыкова-Щедрина) и *гранильщик мостовых*. Ср. *сеятель* и *сеяльщик;* ср. *кормильщик*, *кормитель* и *кормилец*.

В книжном языке от каждой глагольной основы на гласные *-а* или *-и* с переходным значением потенциально образуется название лица по действию, по кругу деятельности или по характеру поступков с помощью суффикса *-тель*.

В образованиях на *-атель* сохраняется ударение глагольной основы: *мореплаватель*, *подделыватель*, *завоеватель*, *вымогатель;* в образованиях на *-итель* (ср. устар. *-етель: владетель)* ударение всегда (кроме *множитель*) переносится на *-и: строи́тель*, *граби́тель*, *представи́тель*, *спаси́тель*, *покрови́тель*, *наруши́тель*, *утеши́тель* (ср. церковнослав. *уте́шитель)* и т. п.

В научном языке и специальных технических диалектах суффикс *-тель* обозначает не только деятеля, но и орудие действия, например, в математике: *числитель*, *множитель*, *делитель*, *знаменатель;* в технике: *выключатель*, *предохранитель*, *двигатель* (внутреннего сгорания), *истребитель*, *измеритель*, *громкоговоритель*, *выпрямитель*, *испаритель*, *краситель*, *взрыватель* и т. п. Ср. *показатель (качественные и количественные показатели)*. Научно-технические слова этого типа широко вливаются в разные стили современного литературного языка. В профессиональных терминах на *-тель*, обозначающих приборы, инструменты, приспо-

собления, предназначенные для какого-нибудь действия, значение активного производителя действия подчеркнуто резче, чем в обозначениях лиц, образованных с помощью того же суффикса. По-видимому, это объясняется тем, что термины орудий действия образуются только от основ переходных глаголов (например: *выбрасыватель*, *загуститель*, *предупредитель*, *уравнитель* и т. п.), между тем как названия лиц могут быть произведены и во всяком случае производились раньше и от основ непереходных глаголов (ср.: *странствователь*, *благотворитель*, *соревнователь*, *заседатель*, *обитатель*, *мореплаватель*, *председатель* и т. п.). Слова на *-тель* не образуются от глаголов с суффиксом *-ся* (но ср. *соглашатель*).

2. Имена лиц с малопродуктивным суффиксом *-ич*, образованные от существительных и обозначающие:

а) людей по происхождению из той или иной местности, из того или иного города: *костромич*, *москвич*; ср.: *вятич*, *омич* (житель Омска), *томич* (житель или уроженец Томска), *южнович* и другие подобные;

б) по отчеству (от имен на *-а*): *Ильич*, *Саввич*, *Никитич*, *Лукич*, ср. также в словах: *родич*, *соотчич*.

3. Очень близко к словам на *-ич* подходят названия людей по отчеству, образованные от личных имен с помощью продуктивного суффикса: *-ович*, *-евич* *. В разговорной речи безударное *-ович* превращается в *-ыч*, *-евич* — в *-ич* (ср. *Палыч* из *Павлович*, *Михалыч* из *Михайлович*, *Игнатич* из *Игнатьевич*; ср. *Савельич* в «Капитанской дочке» Пушкина и т. п.). Ср. у Грибоедова в «Горе от ума»:

Алексей Степаноч,
Зашла беседа ваша за ночь.

4. Обозначения лиц, образованные с помощью малопродуктивного суффикса *-áч* (род. п. *-ачá*), не очень многочисленны. Суффикс *-ач* присоединяется как к глагольным *(толк-ач, рв-ач)*, так и к именным основам *(силач, бородач, ловкач)*. Слова с суффиксом *-ач* экспрессивны. Они обозначают лицо по преобладающему признаку, по характеристическому действию, по предмету, являющемуся профессиональным отличием или главной приметой: *бородач*, *носач*, *трюкач*, *циркач*, *скрипач*, *трубач*, *избач*, *кормач*, *рвач* и т. п.

Некоторые слова с суффиксом *-ач* носят отпечаток фамильярного пренебрежения или неуважительности: *носач*, *бородач*, *снохач*, *рвач*. Эта экспрессивная окраска создается смысловым взаимодействием основы и суффикса. Отдельные слова, образованные с помощью суффикса *-ач*, являются профессиональными обозначениями (ср. *скрипач*, *избач* и т. п.) и лишены всякого оттенка неодобрения.

5. Существительные со значением лица, одушевленного существа или предмета, имеющие в своем составе суффикс *-áрь*, *арь*. Эти слова образованы частью от глагольных основ (обычно — с ударением не на суффиксе: *пахарь*, *писарь*, *лекарь*, *пекарь*, *зна-*

* С этимологической точки зрения суффикс *-ович* представляет сращение притяжательного суффикса *-ов* и *-ич*.

харь; но ср. *звонарь*), частью от основ существительных и прилагательных (с ударением на суффиксе *-арь*, например: *дикарь*, *вратарь*, просторечн. *почтарь*, *штукарь*, *золотарь* и др.). Ср.: *глухарь*, *пескарь* и т. п.; ср. также: *словарь*, *букварь* и др. Суффикс *-арь* непродуктивен. Ср. у Марлинского в рассказе «Поволжские разбойники»: «любопытный *старинарь*».

К этой группе образований с суффиксом *-арь* примыкают заимствованные слова на *-арь* (ср. латинск. слова на -arius, французские на -aire), например: *секретарь*, *библиотекарь*.

6. Единичны слова, образованные от глагольных основ с непродуктивным суффиксом *-(а)ль* для обозначения лица по действию: *строгаль*, *каталь*, *враль*. Ср. областное *коваль*.

7. Немногочисленны разговорные названия лиц с мертвым суффиксом *-ень*: *баловень*, *увалень*, *оборотень*, *перевертень* (Лесков, «На ножах»); но ср. также: *дурень*, *прихвостень;* ср. *ливень*, *плетень*. Таким образом, большая часть слов на *-ень* образована от глагольных основ.

8. Непродуктивны разговорно-фамильярные образования с суффиксом *-яй* и производные на *-дяй*, *-тяй*, которые обозначают презираемого, вызывающего пренебрежение или отвращение человека: *слюняй*, *негодяй*, *кисляй*, *разгильдяй*, *скупердяй*, *лентяй*, *слюнтяй;* ср. *шалопай*. Слова этого типа были произведены от именных основ, обозначающих отрицательное свойство.

9. Единичны отглагольные образования на *-атай* с мертвым книжно-архаическим суффиксом *-тай*, обозначающие профессионального деятеля или лицо, постоянно занятое чем-нибудь: *глашатай*, *ходатай*, *соглядатай* (ср. иронически-просторечное образование первой половины XIX в. *завсегдатай*), устарелое *оратай* или *ратай;* ср. *хожатый* (ср. у Белинского: «хожатый по делам»).

Почти незнаменательны и неотделимы такие мертвые суффиксы слов мягкого мужского склонения, как:

10. Просторечный суффикс *-уй*, обозначавший презираемое лицо: *буржуй*, ср. *холуй*, *оболдуй*; ср. областное просторечное *фатюй*.

11. Суффикс *-ей* в просторечных словах: *грамотей*, *богатей;* ср. *дуралей*.

Заимствованных суффиксов в системе мягкого мужского склонения тоже немного. Они приобрели некоторую производительность в послереволюционное время. Таковы:

1) *-орий* — а) для обозначения места, где происходит какое-нибудь действие: *крематорий*, *лепрозорий*, *санаторий* (ср. изолированное: *кафетерий*); б) в медицинском языке — также для обозначения средства, орудия: *депиляторий*, *суспензорий* и т. п.

2) *-арий* — для обозначения собрания чего-нибудь или места, помещения: *аквариум*, *террариум*, *гербарий*, *абортарий*, *планетарий*, *солярий*, *инструментарий*; ср. *сценарий*.

Бросается в глаза явное преобладание категории лица в суффиксальном словообразовании существительных мужского рода мягкого склонения.

§ 16. Словообразовательные типы, промежуточные между твердым и мягким мужским склонением

На границе между мягким и твердым мужским склонением находятся имена существительные мужского рода, которые оканчиваются на лишенные парных мягких фонем *ж*, *ш* (эти существительные образуют род. пад. мн. ч. на *-ей*).

Сюда относятся следующие словообразовательные типы:

1. Слова с непродуктивным суффиксом *-ыш*, который в современном языке связан по преимуществу с тремя значениями:

а) Предмета или существа, характеризуемого каким-нибудь качеством и вместе с тем небольшого, маленького или эмоционально представляемого в уменьшительном виде в силу сочувствия, фамильярного покровительства или пренебрежения: *малыш*, *глупыш*, *несмысленыш*, *голыш*, *крепыш*, *поганыш*, *последыш* (ср. у Некрасова в поэме «Кому на Руси жить хорошо» в применении к последним крепостникам; ср. то же словоупотребление у Ленина: «крепостники-последыши»; ср. у Лескова: «литературные слепыши» («Смех и горе»). Это значение свойственно образованиям от именных слов, от основ имен прилагательных (но ср. обособленное, индивидуальное, с точки зрения системы живых морфологических отношений, нерегулярное соотношение основ: *крепк-ий — креп-ость — креп-ыш**; *мягк-ий — мяк-иш*; *послед-ний — послед-ыш*).

б) Предмета или существа, характеризуемого каким-нибудь действием или представляющего собою результат какого-нибудь действия: *приёмыш*, *оборвыш*, *подкидыш*, *выкидыш*, *выкормыш*, *поскрёбыш*, *заморыш*; ср. у Леонова: *недоделыш*; ср. *найдёныш*. Легко заметить, что большая часть образований этого рода имеет экспрессивную окраску пренебрежения или презрения. Это обозначения социально неполноценных разновидностей человеческого рода.

в) Результата или способа действия: *выигрыш*, *проигрыш*; ср. *актерский наигрыш*; *отыгрыш* (муз.).

Изолировано и уже неразложимо: *околыш*.

2. Образования с малопродуктивным суффиксом *-ёныш* для обозначения детенышей: *зверёныш*, *детёныш*, *змеёныш*, *тигрёныш*. Но ср. *будён-ыш* (сохранение *-ёныш* в этом слове было невозможно, так как сочетание звуков *-ен-* уже находилось в основе, иначе получилось бы *буденёныш*). Суффиксу *-ёныш* в обозначениях детенышей предпочитается продуктивный суффикс *-ёнок* с его вариантами (*тигрёнок*, *львёнок*, *зайчонок*, *арапчонок* и т. п.).

3. Единичные просторечные слова, образованные от именных основ с непродуктивным фамильярно-ласкательным суффиксом *-яш*: *кругляш*, *племяш*, *кудряш* и др. Обособлено по значению и экспрессии: *торгаш***.

---

* Ср. *узкий—уз-ость; низкий—низ-ость*.

** В «Опыте общесравнительной грамматики русского языка» значение этого суффикса определялось так: «Слоги *-аш* и *-яш* в словах *торгаш*, *кудряш* похожи на *-ак*, *-ач*, *-ас*, которыми означается большое количество того, что выражается корнем слова» (стр. 135).

4. Образования от глагольных основ с малопродуктивным суффиксом действия *-еж*, носящим отпечаток яркой разговорной экспрессии и подчеркивающим интенсивность действия: *делёж*, *грабёж*, *кутёж*, *платёж*, *галдёж* и т. п.

В отдельных словах этого типа уже застыло значение результата действия: *чертёж*, *рубеж* и др.

5. Слова с заимствованным суффиксом *-аж*, развивающим в современном литературном языке все большую производительность. Образования с суффиксом *-аж* обозначают действие: *массаж* (ср. *массировать*), *монтаж*, *пилотаж*, *зондаж*, *инструктаж*, *каптаж* и т. п., или имеют отвлеченное собирательное, количественное значение: *этикетаж*, *картонаж*, *листаж*, *метраж*, *резерваж*. Собирательное значение этого суффикса особенно активно в современных технических диалектах, близких к книжно-газетному языку.

Ср. у Максима Горького в статье: «О бойкости» («Литературная газета» 1934 г., № 24): «За годы революции нами созданы и освоены десятки чужих слов: листаж, типаж, вираж, монтаж, халтураж...».

У Дм. Ларухина «По следам героя»: «подхалимаж, метраж, листаж, типаж, холуяж, литраж, километраж, фигураж, бракераж». Показателен такой пародический отрывок из фельетона: «Как выражаются высокооплачиваемые специалисты: тоннаж, сокращая тираж и листаж, понижает строкаж... Учитывая ограниченный листаж и строкаж, следует честно отметить, что и проблемаж современной литературы еще весьма низок».

§ 17. Словообразовательная система твердого мужского склонения

Словообразовательные типы слов, принадлежащие к твердому мужскому склонению, по разнообразию и продуктивности превосходят даже словообразовательную систему женского склонения на *-а*. Среди форм словообразования, связанных с твердым мужским склонением, выделяются четыре основные категории суффиксов:

1) суффиксы со значением лица;

2) суффиксы со значением конкретного предмета, реже со значением орудия действия;

3) суффиксы с отвлеченными значениями действия, качества-свойства, состояния и т. п.

4) уменьшительно-ласкательные суффиксы.

I. Суффиксы лица

Наиболее многочисленные и продуктивные разряды слов в системе твердого мужского склонения относятся к категории лица. Можно наметить следующие словообразовательные типы названий, обозначающих лица:

1. Обозначения лиц по какому-нибудь предмету или действию (определяющему характер лица или его профессию, ремесло, занятие, звание), образуемые от основ существительных и глаголов по-

средством очень продуктивного суффикса *-щик*, а также суффикса *-чик* (после основ на *з*, *с*, *д*, *т*, *к*, *ц* и *ч*, причем конечные *к*, *ц* и *ч* замещаются через *т*)*.

I. а) Образования от именных и от глагольно-именных основ с суффиксом *-щик*: *суконщик*, *угольщик*, *каменщик*, *натурщик*, *барабанщик*, *конторщик*, *могильщик*, *факельщик*, *фонарщик*, *агитпропщик*, *политотдельщик*, *подпольщик*, *котельщик*, *кессонщик*, *туннельщик*, *забойщик*, *приемщик*, *наборщик*, *закройщик* и т. д.
б) Образования от глагольных основ с суффиксом *-щик*: *покупщик*, *застройщик*, *поставщик*, *выдумщик*, *зачинщик*, *прогульщик*, *зажимщик* (самокритики), *чеканщик* и т. д.; *бунтовщик*, *браковщик*, *лакировщик*, *танцовщик*, *дрессировщик*, *нормировщик*, *регулировщик*, *планировщик*, *полировщик*, *сортировщик*, *драпировщик*, *шлифовщик* и т. д.

II. а) Образования от именных и отглагольно-именных основ на *-чик*: *газетчик*, *подрядчик*, *извозчик*, *аппаратчик*, *волокитчик*, *политпросветчик*, *сельсоветчик*, *беседчик*, *докладчик*, *картотетчик* и т. д.
б) Образования от глагольных основ на *-чик*: *переводчик*, *подписчик*, *резчик*, *рассказчик*, *летчик*, *возчик*, *перевозчик*, *доносчик*, *разведчик*, *растратчик*, *переписчик* и т. д.

2. Образования с суффиксом *-овщик*, *-евщик* от основ имен существительных тоже имеют значение лица, профессия которого связана с предметом, обозначаемым основою (ср. относительные прилагательные на *-овый*, *-евый*): *гробовщик*, *весовщик*, *часовщик*, *ростовщик*, *ламповщик*, *меховщик*, *грязевщик*, *старьевщик* и др.

3. Обозначения лиц по роду деятельности, по занятию, по действию производятся посредством суффикса *-льщик* (*-альщик*, *-ильщик*, *-ельщик*) от глагольной основы (первоначально от формы на *-л* с помощью суффикса *-щик*): *гранильщик*, *боронильщик*, *сеяльщик*, *строгальщик*, *шлифовальщик*, *рисовальщик*, *чистильщик*, *носильщик*, *точильщик*, *копировальщик*, *тянульщик*, *паяльщик*, *купальщик*, *курильщик*, *болельщик*, *мелильщик* и т. п.; ср. *неплательщик* и *молельщик*, проникшие в литературный язык из областных севернорусских говоров.

В современном языке этот тип образования профессиональных обозначений рабочих (на *-льщик*) по роду работы особенно продуктивен.

4. Обозначения лиц по происхождению, по отношению к какому-нибудь месту, по принадлежности к какому-нибудь общественному, идейному течению, к какой-нибудь организации, по какому-нибудь действию, деятельности или по признаку, качеству, определяющему характер лица, при посредстве суффикса *-ец*.

В современном языке продуктивны лишь образования на *-ец* (от основ существительных) со значением лица, характеризуемого отношением к какому-нибудь предмету. Например.:

* См. статью А. А. Дементьева «Агентивные суффиксы *-щик*, *-чик* в русском языке» («Ученые записки Куйбышевского гос. пед. и учит. института им. В. В. Куйбышева», вып. 2, 1938).

а) *голландец, норвежец, шлиссельбуржец, ленинградец, кировец, ярославец, рязанец, тамбовец, горец*; ср. образования на *-анец*: *африканец, американец, мексиканец, республиканец;* ср. также образования на *-ианец*: *кантианец, шеллингианец* и т. п.; ср. образования на *-инец: ялтинец, бакинец*. Очевидно, основа в этих случаях однородна с основой относительных прилагательных на *-ский* (*американский, ялтинский* и т. п.). Следовательно, с точки зрения активных морфологических связей здесь устанавливается тройственное соотношение: основа существительного — основа прилагательного — образование на *-ец*.

б) *ленинец, сталинец, комсомолец, партиец, детдомовец, женотделец, твердозаданец, второступенец, оборонец, боец* и т. п.

Непродуктивны образования на *-ец* от основ глаголов и имен прилагательных. Таковы, например:

в) *купец, борец, ловец, гребец, певец, чтец, жнец* и т. п.

г) *храбрец, гордец, наглец, глупец, подлец, скупец, ленивец, красавец, знакомец, упрямец* и т. п.

5. В ряду образований с суффиксом *-ец* в современном языке совершенно самостоятельное место занимает продуктивный класс слов с отглагольной основой, близкой к основе отглагольных существительных на *-ние* (ср.: *поражение — пораженец; непротивление — непротивленец; иждивение — иждивенец* и т. п.).

Сюда относятся обозначения лиц по принадлежности к какому-нибудь учреждению, по роду общественной деятельности, по действию, являющемуся лозунгом или характерным признаком. Слова этого рода обычно образуются от отглагольных существительных на *-ение* (но ср. *твердозадан-ец*). Например: *просвещенец, обновленец, назначенец, перерожденец, выдвиженец, невозвращенец, примиренец, лишенец, отопленец* и т. п. Ср. также дореволюционные: *переселенец, выведенец* и т. п.*; ср. заимствованное в эпоху первой мировой войны болгарское или чешское *беженец* и др. Эти образования стали менее продуктивными в самое последнее время.

6. Гораздо более многочисленны и продуктивны обозначения лиц по происхождению из какой-либо местности, места, по отношению к какой-нибудь организации, учреждению, к какому-нибудь общественному направлению, течению, к какому-нибудь лицу, к какому-нибудь политическому деятелю — посредством суффикса *-овец, -евец*. Слова этого типа образуются от основ имен существительных (или субстантивированных слов) и могут быть подведены под общее значение лица, характеризуемого отношением к какому-нибудь предмету. Они тесно связаны с относительными прилагательными на *-овский, -евский*, например: *орловец, вузовец, кружковец, рабфаковец, напостовец, сменовеховец, толстовец, бундовец, впередовец, петлюровец, махновец, метростроевец, мхатовец, исполкомовец*

* До самого конца XIX в. в русском литературном языке в отглагольных именах существительных на *-енец* преобладало значение пассивного лица в силу тесного соотношения их с причастиями страдательными: *выведенец — выведенный* и т. п.

и т. п. В этом разряде слов *-овец* выступает как вариант суффикса *-ец*.

7. Обозначения лиц по какой-нибудь деятельности, по какому-нибудь действию, состоянию, образованные посредством суффикса *-лец* от глагольной основы (первоначально от формы на *-л* с помощью суффикса *-ец*): *давалец*, *владелец*, *кормилец*, *страдалец*, *сиделец* и т. п. Эти образования в современном языке непродуктивны.

8. Обозначения лиц по какому-нибудь признаку, определяющему общественную позицию, свойства, обязанности, назначение и специальность лица. Они образуются посредством суффикса *-ик* от относительных прилагательных на *-овый* (или суффикса *-овик*, *-евик* от основ имен существительных). Например: *передовик*, *фронтовик*, *массовик*, *кадровик*, *штурмовик*, *низовик*, *строевик*, *пищевик*, *правовик*, *трестовик*, *плановик*, *сетевик* и т. п. Этот тип словообразования в современном языке особенно продуктивен.

Основное значение новообразований этого рода — лицо, характеризующееся отношением к какому-нибудь предмету (от которого производится имя прилагательное на *-овый*, *-евый*).

Ср. также широкое распространение суффикса *-(ов)ик*, *-(ев)ик* в обозначениях предметов по относительным прилагательным на *-овый*, *-евый* (например, в названиях грибов: *березовик*, *боровик*, *дубовик* и т. п.; вообще в названиях разнообразных предметов: *грузовик*, *боевик* (сезона), *половик*, *дождевик*, *пуховик*, *паровик*, *дробовик* (ружьё) и т. п. (см. ниже стр. 107)[49].

9. Обозначения лиц по какому-нибудь свойству, признаку, связанному с отношением к предмету, занятию, кругу деятельности. Они характеризуются суффиксом *-ик*, сочетающимся с основой имени прилагательного на суффиксальное *-н(ый)*, или суффиксом *-ник* в сочетании с основой существительного: *отличник*, *ударник*, *пожарник*, *колхозник*, *единоличник*, *частник*, *культурник*, *физкультурник*, *водник*, *транспортник*, *полярник*, *сапожник*, *печник*, *мясник*, *чиновник*, *взяточник*, *картежник*, *противник*, *любовник*, *озорник*, *антирелигиозник*, *беспризорник*, *выпускник*, *отпускник*, *допризывник*, *дошкольник*, *вечерник*, *заочник*, *курортник*, *общественник*, *производственник*, *сезонник*, *хозяйственник*, *шкурник*, *пирожник*, *чертёжник*, *неудачник*, *крепостник*, *раскольник* и т. п. Ср.: *путник*, *вестник*, *дворник*, *данник*, *прихотник* и др. См. также предметные обозначения с помощью этого же продуктивного суффикса: *субботник*, *воскресник*, *чайник*, *дневник*, *песенник*, *передник* и т. п. (см. ниже)[50].

Легко заметить, что названия лиц на *-ик* от основ прилагательных, не осложненных суффиксом *-н-*, типа: *старик*, *головастик*, в современном языке совершенно непродуктивны. Ср. также образования от прилагательных на *-яный*: *жестяник*, *нефтяник*; *дровяник*; *-овный*: *виновник*, *духовник* и др.; ср. *ученик*. Точно так же больше не образуются имена лиц с помощью суффикса *-ник* от основ глаголов, вроде *наставник*, *заступник*, *шутник*, *истопник*, *проводник* и т. п. Единичны такие слова с основой прош. вр. (на *-л*) и

суффиксом *-ник: молчальник, отшельник*. Непродуктивны среди обозначений лиц образования на *-ник* и от основ имен существительных. Зато очень продуктивен способ образования новых слов посредством суффикса *-ик* от относительных прилагательных на *-ный*. Значение этих новообразований: лицо, характеризующееся отношением к тому предмету (от которого образуется прилагательное на *-ный*) или к тому предмету, в состав обозначения которого входит соответствующее прилагательное: *единоличник, заочник, вечерник, дошкольник, железнодорожник, скоростник* и т. п.

10. Обозначения лиц по привычному действию или по склонности к какому-нибудь действию — посредством малопродуктивного разговорного суффикса *-ун*, род. *-ун́а* (от глагольной или глагольно-именной основы): *летун, бегун, хвастун, говорун, болтун, драчун, крикун, хлопотун, ворчун, потаскун, сопун*, устар. *вещун* и т. п. С этим суффиксом связан по большей части оттенок пренебрежения или иронического снисхождения. Ср. у Ф. Достоевского в «Двойнике»: «*прыгун, лизун, хохотун*».

Единичны и непродуктивны обозначения лица по какому-нибудь предмету, образованные с помощью того же суффикса *-ун, -уна* от именной основы, например *горбун, горюн*.

Ср. также суффикс *-ун* в обозначениях орудий действия: *колун* и др.

11. Обозначения лиц посредством суффикса *-як, -ак* (род. *-яка́, -ака́*):

а) По месту происхождения (преимущественно от основ существительных женского рода, обозначающих город, территорию): *туляк, пензяк, сибиряк, тоболяк, пермяк* (ср. устарелое: *русак*). Ср.: *земляк, поляк, пруссак, остяк*. Этот словообразовательный тип непродуктивен.

б) По какому-нибудь признаку, определяющему социальное положение, родство, характер или внешние качества лица (от основ существительных и прилагательных): *чудак, простак* (ср. *простяк*), *добряк, остряк, холостяк, пошляк, сопляк, мозгляк, толстяк, свояк, чужак, бедняк, середняк, босяк, искряк* и др. Ср. у Тургенева в «Постоялом дворе»: «Какой-нибудь *голяк* в дрянной тележке и с тремя пятаками в мошне за пазухой... понукал свою усталую лошадёнку». Эта функция суффикса *-як* (т. е. со смягчением конечного согласного именной основы) в современном языке более или менее активна.

в) По профессии (от названия предметов, с которыми связано занятие лица): *моряк, рыбак*. Это применение суффикса *-ак, -як* непродуктивно.

Единичны обозначения лиц с мертвым суффиксом *-чак*: *весельчак, смельчак*.

Суффикс *-ак, -як* непродуктивен также в обозначениях животных и предметов: *червяк, гусак, светляк, рысак, пустяк, пятак, четвертак, медяк* и т. п.

12. Обозначения лиц по происхождению из какой-нибудь местности, по связи с какой-нибудь территорией или по принадлеж-

ности к нации, к какому-нибудь коллективу, организации — посредством малопродуктивного книжного суффикса *-анин, -янин*, присоединяемого к основам имен существительных: *южанин, северянин, киевлянин, витеблянин, курянин, римлянин, египтянин, горожанин, англичанин, политкаторжанин, лютеранин* и т. п.; ср. формирование и распространение суффикса *-чанин* в образованиях: *харьковчанин, горьковчанин, ростовчанин, сумчанин* (житель города Сумы), *серпуховчанин* и т. п.

Ср.: *мещанин, крестьянин, дворянин, гражданин* и пр. Суффикс *-анин* — производный. В нем выделяется суффикс единичного лица *-ин*. В современном языке суффикс *-ин* непродуктивен как средство словообразования, ср.: *грузин, татарин, господин, боярин* и т. п. Но, утратив свою словообразовательную продуктивность, он в большинстве слов отчетливо выделяется как признак форм единственного числа (ср. *крестьянин — крестьяне, крестьянский* и т. п.).

13. Обозначения лиц по предмету, который представляется типическим признаком или свойством, отличительной приметой кого-нибудь, с помощью экспрессивного, но непродуктивного суффикса *-ан* от основ существительных, например: *горлан, брюхан, пузан, губан, лобан;* ср. *смутьян, буян;* ср. *мужлан* (от устарелого уменьшительно-презрительного *мужло;* ср. *мурло*), *грубиян* (народная этимология под влиянием немецкого Grobian? но ср. *смутьян*), ср.: *интриган, политикан, критикан* и т. п. В слове *великан* пренебрежительное значение суффикса *-ан* парализуется значением основы *. Ср. *старикан.*

Легко заметить, что суффикс *-ан* встречается, преимущественно, в разговорных словах и связан с экспрессией презрения или осуждения.

14. Обозначения лиц по социальному положению, общественному направлению, по принадлежности к научному, идейному, художественному течению, по какому-нибудь бытовому явлению, по какой-нибудь сфере деятельности или какому-нибудь отвлеченному понятию (нередко выражаемому с помощью суффикса *-изм*) или по отношению к организации, к учреждению, учебному заведению — посредством очень продуктивного суффикса *-ист*, присоединяемого преимущественно к основам существительных: *капиталист, империалист, марксист, материалист, идеалист, оптимист, пессимист, активист, оппортунист, связист, планерист, радист, тракторист, пушкинист, очеркист, значкист, хвостист, отзовист, уклонист, чекист, парашютист* и т. д. Ср. *семинарист, гимназист, гитарист, велосипедист.*

---

* Ср. определение значения этого суффикса у акад. И. И. Давыдова: «Имена на *-ан* (*-ян*) большей частью изображают людей, имеющих с излишком то, что означается корнем слова» («Опыт общесравнительной грамматики», стр. 136).

В современном языке окончательно канонизировано сцепление этого заимствованного суффикса с чисто русскими основами. Зародыши этого процесса относятся к половине XIX в.*.

15. Обозначения лиц по какому-нибудь действию, процессу, деятельности — с помощью суффиксов *-ант* и *-ент* (в заимствованных словах) чаще всего соотносительно с глаголами на *-ировать*):

а) *квартирант*, *курсант*, *саботант*, *спекулянт*, *оккупант*, *капитулянт*, *диверсант* и т. д. Ср. «У нас есть *дискутанты*» («Правда», № 89, 1926).

б) *интервент*, *корреспондент*, *оппонент*, *референт* и другие подобные. Но ср. также в научно-техническом языке: *коэфициент*, *ингредиент*, *компонент* и т. д.

16. Обозначения лиц по отношению к какой-нибудь сфере науки, техники, искусства, к какому-нибудь идейному, общественному течению, по каким-нибудь свойствам, выражаемым прилагательным на *-ический*, по характеру, по физиологическому типу или психическому складу, а также в медицине для обозначения больных по роду их болезни — с помощью суффикса *-ик* — *-к* (греч.-ικος, латинск. -icus) — соотносительно с прилагательными на *-ический: академик*, *историк*, *электрик*, *механик*, *трагик*, *лирик*, *меланхолик*, *неврастеник*, *психастеник*, *паралитик*, *сифилитик*, *уретритик*, *дальтоник*, *малярик* и т. п.

17. Обозначения лиц по роду деятельности (обычно выраженному глаголами на *-ировать*, *-изировать* и отглагольными словами на *-ация*, *-изация*) — посредством продуктивного заимствованного суффикса *-атор* (латинск. -ator): *украинизатор*, *рационализатор*, *ликвидатор*, *новатор*, *кинооператор* и т. п. Этот суффикс в современном языке сочетается не только с заимствованными, но и с русскими основами.

Тот же суффикс обозначает технические орудия и приспособления: *экскаватор*, *эскалатор*, *перфоратор* и т. п.

18. Сюда же примыкают обозначения лиц по роду деятельности с выделяющимися, по непродуктивными суффиксами *-тор* (латинское -tor; ср. соотносительные с словами на *-тор* заимствованные слова на *-ция*) и *-ор*, а также с приобретающим производительность суффиксом *-ёр* (латинск. -or, франц. -eur): *директор*, *репетитор*, *фининспектор*, *инструктор*, *ревизор*, *прокурор*, *монтер*, *дирижер*, *режиссер*, *шофер*, *боксер* и т. п. Ср. вульгаризм: *ухажер*; ср. современное новообразование *киоскер* **. Ср. у Боборыкина в повести «Обручена» слово *скакер*: «В Москве так говорят. Там есть

---

* Павский в «Филологических наблюдениях» (Рассуждение второе, 1842, стр. 108) констатировал, что из русских имен приняло в начале XIX в. суффикс *-ист* одно—*гуслист*. Ср. образование слов: *клубист* и *службист* в середине XIX в. (ср. *службист* у П. Боборыкина в повести «Поумнел»). Ср. у Лескова в очерке «Печерские антики»: «*службист*, законовед и разного мастерства художник».

** Любопытен протест против употребления этого слова в докладе-статье К. Федина «Язык литературы» («Литературная учеба», 1933, № 3—4).

такой спортсмен... из общества... Давно прожился и ездит за деньги. Его все зовут Квашнин-*скакер*».

Суффиксы *-тор* и *-ор*, кроме того, наблюдаются в заимствованных словах, обозначающих техническое орудие, приспособление (ср. *-атор*): *трактор, репродуктор, рефрактор, мотор, компрессор* и т. п. [51].

19. В той же функции выступают заимствованные слова с суффиксом *-ер* (ср. немецкий, английский суффикс -er), означающие лица (а также аппараты): *культуртрегер, геллертер, снайпер, стайер, диспетчер* и т. п. Ср. *контроллер, экономайзер* и т. п.

20. Обозначение лиц по профессии, роду деятельности, по отношению к какому-нибудь учреждению, к коллективу (называемым иностранными словами на *-ция*) — с суффиксом *-ионер* или *-онер* (франц. -ionnaire) — соотносительно с именами прилагательными на *-ионный: милиционер, реакционер, революционер, комиссионер, акционер, селекционер, коллекционер* и т. д.

21. Обозначения лиц по отношению к организации, по профессии — с выделяемым суффиксом *-ир*: *бригадир, бомбардир, командир* и др.

22. Обозначения лиц по профессии, по званию, по предмету, связанному с производством, — с суффиксом *-ар, -яр*: *коммиссар, антиквар, столяр, коммунар* и т. п.

23. Обозначения лиц по роду, деятельности, по занятиям, по званию с потенциальными суффиксами *-т, -ет, -ат* (греч. -της, латинск. -atus): *поэт, апологет, экзогет, лауреат, лиценциат* и т. п.

24. Названия последователей культов, представителей племени, жителей с продуктивными книжными суффиксами *-ит, -ат*: *сунним, семит, хамит, абдерит, униат, авиат* и т. п.

25. Обозначения лиц, образованные с помощью продуктивного суффикса *-лог*, указывающего на специалиста по тому предмету, который выражен первой частью слова: *графолог, психолог, педолог, рефлексолог, биолог, зоолог, антрополог, диалектолог* и т. п.

26. Обозначения лиц, образованные с помощью продуктивного суффикса *-фил*, для указывания на сторонника, поклонника, приверженца того, что выражено первой частью слова: *славянофил, англофил, русофил* и т. п.

27. Обозначения лиц, образованные с помощью продуктивного суффикса *-фоб* для указания на врага, противника, ненавистника того, что выражено в первой части слова: *германофоб, юдофоб, женофоб* и т. п.

28. Сложные слова книжно-официального языка, образованные и вновь образуемые посредством суффигированного словоэлемента *-носец* для обозначения лица, наделенного правом постоянного ношения какого-нибудь предмета или обязанного носить что-нибудь (ср. *-носец* — *-носитель*, ср. суффикс прилагательных *-носный*): *оруженосец, орденоносец*, ср. *письмоносец, знаменосец, крестоносец*. Ср. устар. *рогоносец*. Ср. у Салтыкова-Щедрина: «...ибо и *белибердоносцы* враждуют и препираются между собою, и они

образуют партии, между которыми приходится выбирать» (т. VI, стр. 144). Ср. также применение *-носец* в технической терминологии для обозначения сооружения, приспособленного к ношению чего-нибудь: *миноносец*, *авианосец*, *торпедоносец*, *броненосец*.

29. Сложные слова, являющиеся профессиональными обозначениями специалистов-работников в какой-нибудь области сельского хозяйства и образованные с помощью словоэлемента *-вод*: *лесовод*, *садовод*, *скотовод*, *пчеловод*, *кролиководи*, *свиновод* и т. п. Но в другом разряде сложных слов *-вод* сохраняет свое этимологическое значение лица, руководящего чем-нибудь (ср. значение морфемы *-орг: парторг*, *профорг* и т. п.), например: *экскурсовод*, *групповод*, *кружковод*, *звеньевод* * и т. п. Ср. также: *счетовод* (немецк. Rechungsführer), *деловод*.

30. Образования от основ имен существительных с помощью продуктивного книжного словоэлемента *-вед* для обозначения лица, занимающегося научной разработкой какого-нибудь предмета, какой-нибудь отрасли знания. Например: *искусствовед*, *литературовед*, *языковед*, *музыковед*, *обществовед* и другие подобные.

31. Образования от основ имен существительных с помощью продуктивного книжного суффикса *-ман* для обозначения лица, имеющего какую-нибудь манию, пристрастие, например: *наркоман*, *балетоман*, *клептоман*, *англоман* и другие подобные. Ср. у В. Белинского: «Между русскими есть много *галломанов*, *англоманов*, *германоманов* и разных других *«манов»*.

32. Непродуктивны отглагольные образования с суффиксом *-ок* для обозначения лица, характеризуемого каким-нибудь действием или склонностью к действию: *вздок*, *игрок*, *ходок*, *вдок*, *знаток*, *седок;* ср. *стрелок*, *стрелка́*.

33. Единичны слова с мертвыми суффиксами *-ух* и *-тух*: *пастух*, вульгарн. *питух* (ср. *петух*), *конюх* (ср. неразлагаемое *олух*, этимология которого, несмотря на работы акад. Соболевского и Ляпунова, остается неясной); ср. областн. *овчух*.

34. Единичны заимствованные слова с суффиксом *-ал: индивидуал*, *провинциал;* ср. *национал*.

К названиям лиц близки названия детенышей; они формируются с помощью суффикса *-ёнок* (во множ. числе *-ята*), у которого складывается вариант *-чонок*: *котёнок*, *тигрёнок*, *октябрёнок*, *цыганёнок*, *китайчонок*, *татарчонок*, *арапчонок* и т. п. (Синоними-

---

* В русском литературном языке предшествующей эпохи не образовалось такого многообразия суффиксальных словоэлементов, как в немецком языке: ср. -beere— *-ика*: Erdbeere — земляника, Schwarzbeere — черника и т. п.; -macher — *-ник* и т. п. (ср. немецкие суффиксы: -haft,- tum,-tel,-lich и т. п.). Однако современный книжный язык унаследовал такие форманты: *-носец*, *-носный* (ср. немецк. -bar): *золотоносный*, *плодоносный* и т. п.; *-вод*,*-водство*; *-вед*, *-фил* (ср. суффикс прилаг. *-фильский*); *-фоб* (суффикс прилаг. *-фобский*); *-логия*, *-лог*, *-фикатор*, *-фикация* и т. п. Но ср. немецк. Schweinehirt, Schafhirt с русскими: *свинарь (свинарка)*, *овчарь — овчар* и т. п.; Schweinestall, Schafstall — с русскими: *свинушник*, *овчарня* и т. п.

чен непродуктивный суффикс *-ёныш: детёныш, звердныш, змеёныш, найдёныш.*)

Продуктивность суффикса *-ёнок* (множ. *-ята* и в нелитературном просторечии — *-ёнки*) может быть продемонстрирована такими стихами:

Их много юных *слесарят*,
Веселых *фабзайчонков*.

(«Фронт фабзавучника», 1932, № 7) *.

II. Суффиксы со значением предметности

Гораздо менее многочисленна и разнообразна серия суффиксов твердого мужского склонения, обозначающих предметы. Некоторые из этих суффиксов однородны с суффиксами лица. Таковы:

1. Непродуктивный суффикс *-ец*, посредством которого производились названия предметов по качеству, по материалу, по действию (если предмет представляется орудием или продуктом действия) и т. п.: *корец, шелк-сырец, рубец, резец, гостинец, вареиец, трезубец, леденец, холодец* и т. п. Слова этого рода образованы больше от именных, но иногда и от глагольных основ [52].

2. Непродуктивный суффикс *-ик*, производивший от основ имен прилагательных, не осложненных суффиксом *-н-*, названия предметов и от основ числительных — названия мер: *тупик, рыжик, четверик, восьмерик* и т. п. [53].

3. Продуктивный суффикс *-(ов)ик, -(ев)ик*, посредством которого образуются обозначения предметов по свойству-качеству или по отношению к другому предмету (соответственно значению основы относительного прилагательного на *-овый, -евый*): *грузовик, паровик, маховик, черновик, беловик, березовик, дубовик, подосиновик, боровик, половик, дождевик, пуховик* и т. п.

4. Продуктивный суффикс *(-н)ик*, служащий: а) для образования названий предметов, соответственно значениям основ относительных прилагательных на *-ный: пыльник, донник, сальник, бальник* и т. п.; и шире: для образования названий предметов вообще по какому-нибудь признаку, выраженному основой имени прилагательного (с суффиксом *-н-*): *утренник, декадник, субботник, воскресник* и т. п.; б) для обозначения места, вместилища, предмета, вмещающего что-нибудь (с ударением на *-ник* и с ударением на основе): *рудник, дойник, цветник, рассадник* (от *рассада*), *вопросник, задачник, справочник, сонник, словник* и т. п., *салатник, соусник, чайник, кофейник* и т. п. [54]; в) для обозначения помещения, обслуживающего каких-либо живых существ, животных (на кого указывает основа имени существительного): *коровник, свинушник, свинарник, пчельник* и т. п., ср.: *курятник, гусятник, голубятник* и т. п.; г) *-ник* — в сочетании с осно-

* Ср. в критическом разборе Б. Ш а б о л и н а («Литературная молодость»): «Вряд ли удачно слово *слесарята*, созданное по аналогии с фабзайчатами» («Литературная учеба», 1933, № 5, стр. 81).

вами, обозначающими деревья, кусты служит для собирательного обозначения рощи, группы кустов, деревьев: *березник*, *осинник*, *ельник*, *малинник*, *крапивник* и т. п.; д) в техническом языке — для обозначения орудий действия (при глагольной и отглагольно-именной основе): *подъемник*, *окучник*, *запарник* и другие подобные. Повидимому, от суффикса *-ник* готов был обособиться суффикс *-овник*, со значением кустарника и места пребывания живых существ; ср. *терновник*, *шиповник*, *клоповник*. Но в современном языке этот суффикс непродуктивен [55].

В современном русском языке употребительны приемы комбинированного, суффиксально-префиксального образования слов с помощью *-ник* и приставок: *под-*, реже *над-* и *на-*, например: *подзеркальник*, *подсвечник*, *пододеяльник*, *подстаканник*, *надглазник*, *наусник*, *наушник*, *нарукавник*, *набрюшник* и другие подобные; ср.: *ошейник*, *предбанник*.

5. Суффиксы *-щик* и *-чик*, которые в профессиональных диалектах начинают применяться все чаще для обозначения орудий действия, механизмов, приборов (в сочетании с глагольной основой), например: *бомбардировщик*, *пищик* (дудочка), *счетчик*, *передатчик*, *тральщик*, *разведчик* и т. п. Это значение суффиксов *-щик* и *-чик* вырастает из значения действующего лица.

6. Непродуктивный суффикс *-ун* для обозначений орудий действия: *колун*, *бегун* (жорнов) и др. Этот суффикс имеет гораздо большее распространение в профессиональных диалектах.

7. Непродуктивный суффикс *-ак*, *-як* для обозначения предметов по качеству, признаку (от основы имени прилагательного), по числу (от основы порядкового прилагательного) или по материалу (от основы существительного): *пятак*, *медяк*, *четвертак*, *пустяк*, *костяк* и т. п. Ср. обозначения животных: *черняк*, *светляк*, *прусак* (таракан), *рыжак*, *лошак*, *рысак* и т. п. Ср.: «Между бревнами и по косякам окон не скиталось резвых *прусаков*, не скрывалось задумчивых тараканов» (Тургенев, «Хорь и Калиныч»). Кроме того, обособляется небольшая группа слов, которые произведены от глагольной основы и в которых *-ак* означает орудие действия: *резак*, *тесак* и др.

8. Омонимические суффиксы *-о́к*, *-ок* (родительный — *-ка́*, *-ка*) — с очень разнообразным применением:

I. Суффикс *-о́к*, *-ок* производил имена существительные от основ прилагательных: *пяток*, *десяток*, *белок*, *желток* и др. С суффиксом *-ок* в этой связи сочетается общее значение предметности. Такой способ образования слов в современном языке непродуктивен.

II. Повидимому, от этого суффикса *-о́к*, *-ок* следует отделять как омоним, суффикс *-о́к* (род. *-ка́*) со значением действия, момента действия, отдельного акта: *хлопок*, *щелчок*, *толчок*, *зевок*, *швырок*, *рывок*, *бросок*, *пинок* и т. п.*.

---

* Ср. замечание А. А. Потебни: «Всяким говорящим по-русски чувствуется, что *мазок* и пр. уменьшительны и в силу того однократны, чем они

III. Другие способы образования слов с помощью суффикса *-ок* осложнены обязательной префиксацией. Так суффикс *-ок* выделяется в именах существительных, имеющих значение результата действия, реже самого действия и произведенных от глагольных основ с приставками: *осадок*, *огарок*, *отрезок*, *огрызок*, *отросток*, *обрубок*, *проступок*, *убыток*, *осколок* и т. п., ср. pluralia tantum: *выжимки*, *высевки*, *объедки*, *опилки*, *отжимки* и т. п. Новые слова этого типа в современном языке — за пределами профессиональных диалектов — почти не образуются. Следовательно, этот способ именного словопроизводства в литературном языке непродуктивен.

IV. От этих словопроизводственных типов следует отличать иной тип комбинированного, суффиксально-префиксального словообразования посредством суффикса *-ок* и приставки пространственного значения в сочетании с основами существительных. Образованные этим способом слова обозначают место, например: *загривок*, *простенок*, *застенок*, *перешеек*, *переулок*, *перелесок*, *пригорок*, *подсумок* и т. п.

9. Интернациональный суффикс *-ит* для обозначения минералов, взрывчатых веществ, а в химии — окислов, в медицине — воспалений: *гранит*, *антрацит*, *меланит*, *метеорит*, *мелинит*, *иприт*, *лиддит*, *бронхит*, *менингит* и т. д.*.

10. Интернациональный суффикс *-ин*, преимущественно для обозначения химических веществ, препаратов, медицинских средств, лекарств: *аспирин*, *фенацетин*, *никотин*, *маргарин*, *вазелин*, *глицерин*, *нитроглицерин*, *новокаин*, *пинецилин* и т. п.

Сюда же примыкает ряд интернациональных суффиксов, обозначающих орудия действия и наблюдаемых преимущественно в профессиональных и научно-технических терминах:

11. Непродуктивный суффикс *-ар*, *-яр* в немногих заимствованных словах: *формуляр*, *циркуляр*, *окуляр* и т. п.

12. *-ор*, *-тор*: *мотор*, *трактор*, *компрессор* и т. п.

13. *-атор*: *рубрикатор*, *экскаватор*, *вулканизатор*, *обтюратор* и т. п.

14. *-ер* (почти исключительно в техническом языке): *экономайзер*, *контроллер*, *линтер*, *лихтер* (морск. голландск. lichter) и т. п.

Общи с категорией лица и такие суффиксы предметности, выделяемые в заимствованных словах:

резко отделяются от имени действия на *-ка*1 (один) *мазок кисти* и *мазка* (маванье) хаты» («Из записок по русской грамматике», т. III, стр. 599). Между тем М и к л о ш и ч (Vergl. Grammatik der sl. Sprachen, II, стр. 261) объединяет слова типа *мазо́к*, *скачо́к*, *зево́к* и т. п. с такими, как *отрывок*, *огарок*, *сколок*, *свиток* и т. п.

* Ср. у Ф е т а в «Моих воспоминаниях» рассказ Григоровича о спорах Тургенева и Л. Толстого: «Тургенев пищит, пищит, зажмет рукою горло и с глазами умирающей газели прошепчет: «Не могу больше! у меня бронхит!»— и громадными шагами начинает ходить вдоль трех комнат. — «Бронхит, — ворчит Толстой вслед, — бронхит — воображаемая болезнь. Бронхит — это металл» (т. I, стр. 107).

15. *-ат:* а) со значением продукта действия: *фабрикат*, *препарат* и др., ср.: *плагиат*, *диктат*, *экспонат* и т. д. (ср. обозначения препаратов: *нитрат*, *опиат* и т. п.); б) со значением какого-нибудь общественного установления, обычая, учреждения, социальной группы, коллектива лиц: *докторат*, *левират*, *халифат*, *пролетариат*.

Продуктивным и вошедшим в строй русского языка может быть признано лишь применение суффикса *-ат* в отвлеченно-собирательном значении: *старостат*, *нотариат*, *секретариат*.

16. Специально книжные или научно-технические суффиксы *-ант*, *-ент* в терминах, обозначающих предмет или событие, действие, а также вообще отвлеченное понятие: *диктант*, *коэффициент*, *ингредиент*, *инцидент*, *прецедент* и т. п.

На основе некоторых из суффиксов, общих категориям лица и предмета, развиваются специфические производные суффиксы для обозначения предметности. В современном языке выделяются:

17. Продуктивный суффикс *-льник* (в двух вариантах: *-альник* и *-ильник)*, с помощью которого от основ переходных глаголов образуются названия орудий действия, приборов, механизмов, например: *паяльник*, *холодильник*, *утиральник*, *будильник*, *светильник*, *умывальник* и т. п.

Значение действующего лица в суффиксе *-льник* отмирает. Ср.: *целовальник* (историч.); *молчальник* (церковно-слав.); *гасильник* (книжн., риторич.) и другие подобные.

18. Суффикс *-няк*, который, сочетаясь с именными основами, обозначающими деревья, образует названия молодых рощ, группы деревьев, кустов: *сосняк*, *ивняк*, *лозняк*, *дубняк*, *молодняк* и т. п. (областной синоним этого суффикса *-ник*). Реже *-няк* образует названия минералов: *известняк* (ср. *песчаник*).

Слова со значением предмета, вещи, относящиеся к системе твердого мужского склонения, характеризуются серией интернациональных суффиксов, отличных от суффиксов лица, не похожих на них. Эти суффиксы встречаются в заимствованных словах. Таковы:

19. *-мент*, обозначающий орудие (или продукт) действия: *орнамент*, *документ*, *инструмент*, *аргумент* и т. п.

20. *-инг* (англ. -ing) — с разнообразными предметными значениями (орудий действия, места действия, продуктов): *блюминг*, *крекинг*, *демпинг*, *митинг*, *дансинг* и т. д.

21. *-ив*: *актив*, *пассив*, *массив*[56], *паллиатив*, *реактив*, *рецидив* и т. п.

22. В общем языке более выделяется суффикс *-ариум* для обозначения вместилища, места: *аквариум*, *розариум* и т. п. (ср. *-арий*).

III. Суффиксы отвлеченности

Присматриваясь к коллекции суффиксов мужского рода с общим значением предметности, нельзя не обратить внимания на одну их особенность: только немногие из них совмещают со значением конкретного предмета отвлеченные значения действия, состояния или

качества. Из чисто русских суффиксов сюда относится суффикс *-ок* (со значением конкретного движения или акта, момента действия: *бросок, щелчок* и т. п.), из интернациональных *-ат* (*докторат, левират* и т. п.) и почти невыделяемый интернациональный суффикс *-т* (*аффект, эффект, контакт* и т. п.).

Большая часть суффиксов, образующих отвлеченные слова, остается за пределами системы твердого мужского склонения. Из русских суффиксов конкретного действия с твердым мужским склонением связан лишь непродуктивный суффикс *-от, -ет* (без ударения). Он встречается в отглагольных существительных, обозначающих звучание, шум (иногда и движение, связанное с какими-нибудь звуками): *рокот, топот, хохот, грохот, лепет, трепет* и др. Для всех этих слов характерна гармония гласных [57].

Среди заимствованных суффиксов более глубокий отпечаток отвлеченности носят три суффикса:

1) Очень продуктивный суффикс *-изм* (непродуктивный вариант *-азм*), образующий обозначения отвлеченных понятий, названия учений, общественных, политических, научных взглядов и направлений, названия действий, состояний, качеств, склонности к чему-нибудь: *ленинизм, большевизм, марксизм, коммунизм, оптимизм, идеализм, макиавелизм, планеризм, туризм, расизм* и т. п.

Суффикс *-изм* в современном языке широко употребляется в сочетании с русскими основами иногда даже яркой разговорной окраски: *хвостизм, наплевизм* и т. п. (ср. у В. Белинского в «Литературных мечтаниях»: *глупицизм*).

Примеры на *-изм* из сочинений Ленина: «смешивать большевизм с «бойкотизмом» такая же ошибка, как смешивать его с «боевизмом» (Ленин, Тактика большевизма, М. 1923, стр. 198); «Идейному вождю новоискровства чудится тут «захват власти», мерещится пугало «якобинства», бакунизма, ткачевизма и прочих страшных измов» (там же, стр. 7); кадетизм (Ленин, Марксизм и ликвидаторство); революционизм (Ленин, Тактика большевизма, стр. 121); струвизм (Ленин, Соч., т. XV, 1922, стр. 446); хвостизм (Ленин, Тактика большевизма, стр. 7); циммервальдизм (Ленин, Соч., т. XV, стр. 427) и многие другие.

Более конкретны, но менее свободно выделяются еще два отвлеченных суффикса:

2) *-итет* (немецк. -ität), обозначающий отвлеченные или собирательные понятия: а) *авторитет, приоритет, нейтралитет*, ср. *пиэтет* и др.; б) *генералитет*, ср. *факультет* и т. п.

3) Мало осязательный интернациональный суффикс *-з, -зис*, обозначающий процесс, действие или состояние, продукт действия: *генезис, филогенезис* (ср. *онтогенез*), *тезис, диагноз, анализ* и др.

В медицине суффиксы *-оз, -ез, -азис* употребляются для обозначения различных заболеваний и ненормальностей: *невроз, психоз, фурункулез, элефантиазис* и т. п.

§ 18. Вопрос о «формах субъективной оценки» имен существительных

Перечню уменьшительно-ласкательных суффиксов необходимо предпослать анализ самой категории «субъективной оценки». Уже в первой половине XIX в. русские грамматики учили, что категория «субъективной оценки» имен существительных обычно находит выражение в формах одного и того же слова. Уменьшительные, ласкательные и другие формы субъективной оценки считались не самостоятельными словами, а формами производящего существительного. По мнению К. С. Аксакова, «при уменьшительных предмет является, как он есть, с наружным своим определением, вполне сохраняя себя, весь свой образ» [58]. Мысль, что уменьшительно-ласкательные и другие суффиксы этого рода относятся к средствам формообразования, а не словообразования, находила себе опору в общности грамматического рода у всех форм субъективной оценки, произведенных от одного слова (например, *дом — домишко — домище — домина; дурак — дурачище — дурачок — дурачина* и т. п.).

Кроме того, неоднократно отмечалось, что в формах субъективной оценки экспрессивные оттенки словоупотребления решительно преобладают над колебаниями самого лексического значения. «Милому свойственно быть малым, — писал Аксаков... — Самая ласка предполагает уменьшительность предмета, и вот почему для выражения милого, для ласки употребляется уменьшительное...». При этом «даже вовсе не берется иногда в расчет самый наружный вид предмета» (например, *сестрица*, *братец*). «Чтобы представить предметы милыми, чтобы высказать ласкающее отношение, на них как бы наводится уменьшительное стекло, и они, уменьшаясь, становятся милыми... Оттенки отношения к предмету уменьшенному многочисленны. Кроме милого, предмет принимает характер жалкого, бедного, робкого, возбуждающего о себе это сознание в говорящем...». «Кроме чувства, что этот предмет мне дорог, в говорящем высказывается часто и чувство собственного смирения, для чего и предмет представляет он в смиренном виде» [59].

На точку зрения К. С. Аксакова стал и акад. А. А. Шахматов. По мнению А. А. Шахматова, уменьшительные, ласкательные, увеличительные или уничижительные образования от какого-нибудь слова должны быть признаны не разными словами, не отдельными словами, а формами того же слова. «Суффиксальные образования, относящиеся сюда, не видоизменяют реального значения основного слова: *домик*, *домище*, *домишко* обозначают то же представление, что *дом;* следовательно, эти суффиксы имеют другое значение, чем другие словообразовательные суффиксы, при помощи которых выражаются представления, совершенно отличные от представления, выраженного соответствующим основным словом, представления самостоятельные от него»*.

* А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, вып. II, стр. 36. Правда, А. А. Шахматов оговаривается, что «некоторые из относящихся сюда

Итак, уменьшительно-ласкательные суффиксы — суффиксы не словообразующие, а формообразующие. При их посредстве выражаются самые разнообразные оттенки экспрессии: сочувствие, ирония, пренебрежение, злоба, пестрая и противоречивая гамма эмоций и оценок. Например, ироническая окраска видна в ласкательных формах поговорки: «Рюмочки доведут до сумочки». В речи следователя Порфирия Петровича из «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского уменьшительные формы создают язвительно-насмешливый тон речи, под маской «дружественного участия». Например: «я знаю, он моя *жертвочка*...», «он у меня психологически не убежит, хе-хе, каково *выраженьице*-то...», «говорит, а у самого *зубки* во рту один о другой колотятся, хе-хе, иронический вы человек...»; «*Губкато*, как и тогда, вздрагивает»,—пробормотал как бы даже с участием Порфирий Петрович» и т. п.

А. А. Потебня подчеркнул случаи отраженного распространения экспрессии, связанной с суффиксами субъективной оценки, на все детали высказывания: «Отличая объективную уменьшительность или увеличительность от ласкательности и пр., в коей выражается личное отношение говорящего к вещи, можно думать, что в последнем случае настроение, выразившееся в ласкательной форме имени вещи, распространяется в той или другой мере на ее качества, качества ее действий и другие вещи, находящиеся с нею в связи. Это и есть согласование в представлении» [60].

Таким образом, формы субъективной оценки заразительны: уменьшительно-ласкательная форма существительного нередко ассимилирует себе формы определяющего прилагательного, требует от них эмоционального согласования с собою (например, *маленький домик*, *седенький старичок* и т. п.).

При посредстве суффиксов субъективной оценки выражаются различия классовых, групповых стилей, своеобразия социальных характеров. Достаточно сослаться на функции уменьшительных форм в речи Молчалина («Горе от ума» Грибоедова), на создаваемое этими формами впечатление забитости и самоуничижения в письмах Макара Девушкина («Бедные люди» Достоевского).

Богатство и разнообразие экспрессивных оттенков, связанных с уменьшительно-ласкательными формами существительного, и их изменчивость были очень ярко охарактеризованы еще Я. Гриммом: «Уменьшительная форма выражает понятие не только немногого и малого, но и любезного, ласкательного. Поэтому уменьшительную форму придаем мы и великим, возвышенным, священным и даже страшным предметам для того, чтобы доверчиво к ним приблизиться

суффиксов могут образовывать и такие слова, которые нельзя не признать особыми от простых словами ввиду их соответствия другим реальным представлениям, например, *котенок*» (ср. *часть — частица; глаз —глазок; знак — значок* и т. п.). Акад. А. И. Соболевский считал все имена увеличительные, уменьшительные, ласкательные и т. п. не формами производящего слова, а самостоятельными словами: «Разница между именами простыми и именами увеличительными и т. д. не синтаксическая и уже, конечно, не морфологическая, а лексикальная» («Исторический синтаксис», стр. 20).

и снискать их благосклонность. Особенно в словах последнего рода первоначальное понятие уменьшения современем утрачивается и становится нечувствительным: так, французское soleil, славянское *солнце* — слова уменьшительные, хотя в теперешнем их употреблении уменьшения и не чувствуется»[61]. Таким образом, уменьшительно-ласкательное значение формы нередко стирается, изнашивается.

Широкая возможность превращения уменьшительно-ласкательной формы в особое самостоятельное слово общеизвестна (ср. *сеть* и *сетка; пузырь* и *пузырек; ручка двери; мужик* и *муж* и т. п.). Она свидетельствует о том, что формы субъективной оценки имен существительных занимают промежуточное, переходное положение между формами слова и разными словами (ср. совсем разные слова: *черепок* и *череп; вода* и *водка; чаша* и *чашка* и т. п.). Ср. *новичок* при утрате основного *новик*.

Процесс присоединения экспрессивных суффиксов к основе существительного происходит по такой схеме (как бы в параллель степеням сравнения прилагательных):

1) слово без суффикса субъективной оценки;

2) основа этого слова + уменьшительно-ласкательный суффикс (1-я степень оценки);

3) основа предшествующей уменьшительной формы + ласкательный суффикс (2-я степень). Значение второй степени не уменьшительное, а ярко эмоциональное — ласкательное или пренебрежительное.

Когда значение уменьшительного суффикса первой степени стирается (например: *ножик, носок, платок, мешок* (от *мех*), *булавка, блюдце, тетрадка, молоток, скамейка, чашка, сумка, корка, бумажка* и т. п.), тогда соответствующая форма обрастает своими собственными значениями и превращается в самостоятельную лексему. Это слово затем образует новые формы субъективной оценки. А исходное слово, от которого когда-то была произведена уменьшительная форма, иногда по отношению к ней получает как бы увеличительное значение (ср. значения слова: *тетрадь* в соотношении со словом *тетрадка; молот — молоток; скамья — скамейка; блюдо — блюдце* и т. п.). Субъективно-оценочные суффиксы второй степени (*-очек, -очка, -ечка, -ечко* и т. п.) в сочетании с такими словами, утратившими экспрессивные оттенки, приобретают уменьшительное значение, лишь слегка окрашенное ласкательной экспрессией (например: *девочка, сумочка* и т. п.). Иногда, впрочем, и у этих суффиксов ласкательное и уменьшительное значение стирается, например, *цепочка* (ср. *цепь*).

Особенно часты случаи отпадения или обособления начального звена в этой тройственной схеме у слов мягкого женского склонения с именительным падежом без окончания: *(сеть) — сетка — сеточка; (нить) — нитка — ниточка; (часть) — частица — частичка* и т. п.*.

* Морфология уменьшительных суффиксов в славянских языках исследована проф. А. Белича м в работе «Zur Entwicklungsgeschichte der slavischen Diminutiv- und Amplificativ-Suffixen» (Archiv für slav. Philologie, 1901, B. XXIII, S. 134—206).

Экспрессивное напряжение слова может выразиться в удвоении, утроении суффиксов субъективной оценки (например: *доч-ур-оч-ка, дев-ч-он-оч-ка, мам-аш-еньк-а, баб-ул-еньк-а* и т. п.). Все последующие за второй степени экспрессивного усиления связаны с выражением эмоционального отношения к предмету и далеки от уменьшительного значения.

§ 19. Уменьшительно-ласкательные суффиксы твердого мужского склонения

С твердым мужским склонением связаны следующие уменьшительно-ласкательные суффиксы:

1. *-ок, -ёк, -ек: голосок, лесок, домок, котелок, узелок, старичок, петушок, посошок, дружок, снежок, горбунок, конёк, человечек, чаёк, медок* и т. п. Вариант этого суффикса — ласкательно-уменьшительный суффикс *-шек, -шок*. Он присоединяется к именам, оканчивающимся на *-н* или *-нь: баран — барашек, камень — камешек; ремешок, корешок, кармашек* и т. п. Но ср. *кравешек*. Это очень продуктивная группа суффиксов.

2. *-ик* (без ударения): *листик, носик, ротик, лобик, караблик, домик, столик, соколик, котик, мячик, комарик* и т. п. Присоединяясь к простым основам, суффиксы *-ок* и *-ик* образуют иногда парные формы. Еще К. С. Аксаков заметил, что суффикс *-ик* по сравнению с суффиксом *-ок* более экспрессивен в тех случаях, когда параллельные формы на *-ик* и *-ок* не подвергаются лексической диференциации и не обозначают разных вещей (ср. *носок* и *носик, соколок* и *соколик, кусток* и *кустик, мосток* и *мостик, садок* и *садик* и т. п.). «В именах мужского рода уменьшительные *-ок* и *-ик* совершенно одинакового значения: но там, где встречаются оба окончания, есть оттенок. Тогда окончание на *-ок* выражает просто уменьшенный вид предмета, между тем как в окончании на *-ик* слышится уже шутка, и если еще не ласка, то любезность..., видно, что уменьшенный, миниатюрный предмет представляется милым» [62]. Ср.: *листок* и *листик; роток (на чужой роток не накинешь платок)* и *ротик; возок* и *возик; глазок* и *глазик; гвоздок* и *гвоздик; разок* и *разик; часок* и *часик;* ср. *домок* и *домик;* ср. *зубок (знать на зубок, выучить на зубок)* и *зубик*.

Однако от большей части слов двойные уменьшительно-ласкательные образования невозможны. Например от всех основ на заднеязычный *(г,к,х)* производятся лишь формы на *-ок: звук — звучок; пух — пушок; круг — кружок; бок — бочок; бог — божок* и т. п. От основ на шипящие и *ц* образуются уменьшительно-ласкательные с помощью *-ик*. Например: *дождик, ключик, экипажик* и т. п.*.

---

* Еще Г. П а в с к и й отметил, что свобода переходить в уменьшительные имена посредством *-ок* и *-ик* принадлежит основам, оканчивающимся на все согласные, кроме *г, к, х, ш, ж, щ, ч* и *ц*. Если производящая основа оканчивается на *г, к, х*, то уменьшительные образуются посредством суффикса *-ок, -ек* (с чередованием *к—ч, г—ж, х—ш*): *ерешок, человечек, рожок*

3. Ответвлением суффикса *-ик* является суффикс *-чик* (особенно часто присоединяемый к основам слов на *-ец* и к словам на *-ан* и *-ун*: *мальчик*, *любимчик*, *щелкунчик*, *чемоданчик*, *балаганчик*, *карманчик* и т. п.). Ср.: *рукавчик*, *коридорчик*, *моторчик*, *нарывчик* и т. п.

Вследствие яркой экспрессивной окрашенности суффиксов *-ик* и *-чик*, слова с этими суффиксами не подвергаются дальнейшему обрастанию ласкательными суффиксами.

4. Несколько в стороне от этих суффиксов находится ласкательно-уничижительный продуктивный суффикс *-ец*. В нем еще ярче, чем в суффиксе *-ик*, выступают оттенки ласкательности, сочувствия, смирения, унизительности, презрения, фамильярного участия. Например: *хлебец*, *закатец*, *морозец*, *уродец*, *товарец*, *народец*, *счетец*, *отказец* и т. п. Формы с суффиксом *-ец* также не возводятся во вторую степень субъективной оценки.

Экспрессивные суффиксы второй степени с ласкательным оттенком:

5. *-очек*, *-ёчек*: *голосочек*, *чаёчек*, *сучочек*, *кулёчек*, *листочек*, *старичёчек* и т. п. Этот суффикс представляет собой сочетание уменьшительных суффиксов *-ок* и *ек*.

Обратная комбинация — распространение уменьшительно-ласкательного суффикса *-ик* посредством *-ек*, *-ок* в русском языке невозможна.

6. Непродуктивный *-ышек*: *колышек*, *воробышек*, *пупырышек* и некоторые другие (ср. наречие: *рядышком*).

Обзор уменьшительно-ласкательных суффиксов твердого склонения приводит к выводу, что формы субъективной оценки здесь бедны. Экспрессивные суффиксы связаны главным образом с грамматическими классами среднего и женского рода.

§ 20. Живые типы словообразования в классе слов среднего рода

В формах образования слов среднего рода на *-о*, *-е*, примыкающих к мужскому склонению, обнаруживаются характерные особенности. Прежде всего бросается в глаза немногочисленность словообразовательных суффиксов среднего рода (особенно, если оставить в стороне формы субъективной оценки). Кроме того, эти суффиксы поражают своим фонетическим однообразием. Между тем новые слова среднего рода, кроме заимствованных, могут возникнуть в современном языке только по методу суффиксального или префиксально-суффиксального словообразования. Непосредственно к «корню» окончания *-о*, *-е* не присоединяются. Прием комбинированного префиксально-суффиксального словообразования применяется лишь в немногих обозначениях места. Сразу становится ясным, что склонение среднего рода — слабое и что средний род богаче представлен

и т. п. Если же производящее слово оканчивается на *ж*, *жд*, *ш*, *щ*, *ч*, а также *ц*, которое замещается через *ч*, то образующим суффиксом является *-ик*: *мячик*, *шалашик*, *пальчик* и т. п. («Филологические наблюдения». Рассуждение второе. Об именах существительных, стр. 76—77).

в книжном языке, чем в разговорном. Семантические группы слов, относящихся к среднему роду, замыкаются преимущественно в кругу четырех основных грамматических понятий: действия, состояния, собирательности и орудия действия.

I. Суффиксы, обозначающие действие

Значение действия выражается продуктивным суффиксом *-нъ(е), -ни(е), -ени(е)*. Теоретически почти от каждого глагола, кроме основ совершенного вида с приставками реального значения, можно с помощью этого суффикса образовать отглагольное существительное (ср. у Салтыкова-Щедрина: *подкузъмление* от *подкузъмить*, *рылокошение* и т. п.). Особенно распространены в современном книжном языке (больше всего — в его научно-технических и газетно-публицистических стилях) абстрактные отглагольные существительные на *-аньe, -еньe*, производимые от основ как несовершенного, так и — реже — совершенного вида (им соответствуют в общем языке и устных народных, а также профессиональных диалектах существительные, образованные от глагольных основ: 1) без суффикса — типа: *полет, прорыв, уклон;* 2) с суффиксом *-к(а); выработка, проработка, кладка, поливка* и т. д., тоже обозначающие действие и результат действия, реже орудие действия, но с меньшим отпечатком глагольности).

Примеры образований на *-(а)ньe, -еньe: гуляньe, выспрашиваньe, преуспеяньe, кипеньe, плаваньe, мышленьe, падение, приобретение, умножение, усвоение, уплотнение, развертываньe, распространение, просвещение, перевыполнение, напрашиваньe, разбазариваньe, сцепление, затемнение, оборудование, приземление* и т. п.

Ср. обозначения эмоций, настроений: *желаньe, ожиданьe, покаяньe, сожалвньe, раскаяньe, восхищеньe, умиленьe* и т. п.

Со значением действия тесно связаны понятия результата, продукта действия: *произведение, изобретение, воспроизведение, представление, окончание, проволочное заграждение, тиснение* и т. п., а иногда и места: *заведение, селение*. В техническом языке слова на *-ние* являются также названиями орудий, механизмов, установок, приборов, посредством которых производится какое-нибудь действие. Например: *сцепление, аккумуляторное или батарейное зажигание* (в автомобиле) и т. п. Отглагольные существительные на *-ание* и *-яние* сохраняют на себе ударение инфинитива (ср. *усовершенствование, состояние, пребывание, растягивание* и т. п.), а слова на *-ение*, по большей части, имеют ударение на *-е-* (*просвещение, распространение, удаление, выделение, сокращение* и т. п.). Но ср.: *сосредоточение, упрочение, обеспечение, намерение* и некоторые другие традиционные слова, в которых, впрочем, современное нелитературное просторечие склонно переносить ударение на *-ение* (ср. просторечн. *обеспечéньe*). Образования на *-ньё* (*спаньё, враньё* и т. п.) принадлежат устной речи и непродуктивны.

В именах существительных с суффиксом *-ньe*, производимых от глаголов на *-сл* (которые могут иметь и страдательное значе-

ние), понятие действия-процесса сочетается с понятием состояния. Например: *стараньe, колебанье* и т. п.; ср. *сокращенье*. Отглагольные существительные, обозначающие действие, «не имеют ясно выраженной идеи залога». Ср. *удаление* при *удалять* и *удаляться; отправление* при *отправить — отправлять* и *отправиться — отправляться* и т. д.; ср. *ссылка* при *ссылать* (кого-нибудь) и *ссылаться* (на кого-нибудь, на что-нибудь) [63].

В отглагольных существительных на *-ние*, не осложненных суффиксами *-ива-*, *-ыва-*, *-ва-*, стираются не только залоговые, но и видовые оттенки значения. Такие слова соответствуют в одинаковой мере инфинитиву совершенного и несовершенного вида. Так, *улучшение*: 1) действие по глаголу *улучшить — улучшать* (например: «надо стремиться к улучшению качества продуктов пищевой промышленности») и 2) состояние по глаголу *улучшиться — улучшаться*. Субстантивация действия, его «опредмечивание» парализует грамматические свойства глагола. Ср. значения таких слов, как: *увеличение* (соотносительно с *увеличить — увеличивать — увеличиться — увеличиваться*), *проведение* (*провести — проводить*), *укрепление* (*укрепить — укреплять — укрепиться — укрепляться*), *закрепление, сокращение* и т. п.

Многие думают, что в отглагольных именах существительных на *-ние* ещё сохраняются видовые оттенки глагола, хотя и в ослабленном виде (ср.: *формирование — сформирование, выдвиженье — выдвиганье, чтение — прочтение, взыскание — взыскивание, наказание — наказывание* и т. п.). Это представление обманчиво. Само значение процесса, даже предполагающего ту или иную степень длительности, еще далеко от соотносительных, коррелятивных видовых значений глагола. Правда, суффиксы: *-вани-*, *-и(ы)вани-*, *-ани-* обозначают длительное или кратное действие. Морфемы *-ва-*, *-ива-*, *-ыва-* (редко *-а-*) соотносительно с *-е(ни-)* и в системе существительных сохраняют оттенок кратности, длительности. Ср., например: *рассматривание* и *рассмотрение; расстреливание — расстрел*; ср. также: *приобретение* и *приобретание; падение* и *падание; приказание — приказывание; предсказание — предсказывание* и т. п.*. Ср. у Достоевского в «Идиоте»: «Дело в жизни, в одной жизни, — в *открывании* ее, беспрерывном и вечном, а совсем не в *открытии*». Однако большая часть слов на *-и(ы)вание, -ание* и на *-ение*, произведенных от одной глагольной основы, семантически не соотносительны (ср.: *растяжение* и *растягивание; настаивание* и *настояние; настраиванье* и *настроение*; ср.: *прожи-вание* и *прожитие; укрывание* и *укрытие* и т. п.). Легко заметить, что в именах на *-ние*, не содержащих в своем составе глагольно-видового суффикса *-и(ы)ва-*, *-ва-* (и даже *-а-* в противопоставлении с *-е-*), значение процесса, представляемого как своего рода «пред-

* Известно, что в приказном канцелярском языке почти до конца XVIII—начала XIX в. имена существительные на *-ние*, образованные от переходных глаголов, могли сочетаться с винительным падежом прямого объекта («об убиении купчиху Васильеву»).

мет», бывает лишено соотносительных оттенков недлительности-длительности, результативности и неограниченного течения. Можно говорить лишь о семантических осложнениях значения «определенного действия», вносимых в строй имен на *-ние* влиянием глагольно-видовых суффиксов и глагольных приставок (ср.: *течь — течение; стечься — стекаться — стечение; стекать — стекание;* ср.: *течка, утечка* и т. п.). Вся система живых семантико-морфологических соотношений, связанных с этим кругом явлений в современном русском языке, очень мало изучена.

Можно думать, что видовые оттенки в формах отглагольных существительных на *-ние* и *-тие* сильнее выступали в русском литературном языке XVIII и начала XIX в., особенно в его официально-канцелярских стилях [64]. А. Х. Востоков в своей «Русской грамматике» (1831, § 73) учил: «В существительном отглагольном теряется означение времени настоящего и прошедшего, принадлежащее причастиям и деепричастиям, но сохраняется вид глагола, неокончательный, совершенный и многократный, например *читание, прочтение, читывание*». Впрочем образования на *-ывание* со значением многократности признаются не очень употребительными (§ 78). Зато существительные с предложными основами совершенного вида рассматриваются как обычное явление (*обмытие, пропетие, сожитие, простертие* и т. п.).

Акад. Я. К. Грот в предисловии к Академическому словарю заметил, что «бесчисленное множество имен могут образоваться от страдательного причастия глаголов совершенного вида, составленных с помощью предлога *вы-*, как, например: *выгнание, выдержание, вырезание, выгнутие, вырытие, выжжение, выдрание*. Так как подобные имена могут считаться скорее только возможными, нежели действительно существующими, и образование их не представляет никакого затруднения, то они, за некоторыми исключениями, в словаре не приводятся. Но имена, таким же способом образованные от глаголов несовершенного или и от глаголов совершенного вида, но соединенных с другими предлогами, например, *изгнание, задержание, обрезание, прорытие*, являются весьма употребительными» [65]. Таким образом, в образованиях на *-ние* все острее дает себя знать процесс нейтрализации видовых и приставочно-глагольных значений. Он обнаруживается в сокращении возможностей производства имен на *-ние* от разных типов видовых основ.

Если обратиться за параллелями к словам на *-тель*, то и в этой группе приходится констатировать полное отсутствие соотносительных форм на *-итель* и на *-ы(и)ватель* — *-атель* (ср. *сшиватель, истребитель, выключатель* и т. п.).

Одинаковость грамматических значений у образований на *-итель* и *-атель* свидетельствует о том, что в существительных устраняются те видовые оттенки совершенности и несовершенности, которые связаны с суффиксами *-и-*, *-а-* в глаголе (ср.: *спасти — спасать* и *спаситель; произвести — производить* и *производитель; распределить — распределять* и *распределитель; укротить — укрощать* и

укротитель; просветить — просвещать и *просветитель; изобрести — изобретать* и *изобретатель* и т. п.).

А. А. Потебня констатировал: «В русском литературном языке необычны существительные от глаголов начинательных, как *сохнутие, мокнутие, зеленение*. Существительные от глаголов однократных, как *толкнутие*, хотя и встречаются, но имеют комический оттенок, так как разят деланным приказным или бурсацким языком. При многих глаголах совершенных длительных (неоднократных) вовсе нет этих существительных; так, например, нельзя или крайне неловко сказать... *запертие, починение платья... приписание*... При других таких же глаголах эти существительные сами по себе безразличны относительно совершенности и несовершенности. Так, *сохранение, сбережение, забвение* может значить и то, что некто забывает, забывал (или нечто забывается, забывалось) и то, что некто забыл, забудет (нечто забылось, забудется), смотря по контексту. *Для предупреждения разлития рек* может одинаково значить как «для предупреждения того, чтобы реки не разлились», так и «чтобы не разливались». *Падение государства* значит, что «государство пало» и что «оно падало...». То, что можно бы считать здесь за различение совершенности и несовершенности, на деле есть только различение степеней длительности и многократности действия, в «подавание помощи» обязательна только мысль о многократности действия, но не определено, состояло ли действие из незаконченных моментов («что помощь подавалась») или законченных («что бывала каждый раз подана») [66]. Я. К. Грот пришел к такому же выводу о стирании своеобразий видовых значений глагола в существительных на *-ение* путем наблюдений над ударением их.

Он устано́вил [67], что в бесприставочных отглагольных существительных на *-ение* ударение отражает колебания в ударении инфинитива (*вари́ть — варе́нье, упро́чить — упро́чение*), а в префиксальных типах их более или менее стабилизуется ударение на суффиксе *-ение* независимо от ударения инфинитива (*увеличе́ние, представле́ние, усвое́ние, изме́нение, одобре́ние* и т. п.). Грот отсюда заключил, «что окончание *-е́ние* с ударением встречается почти всегда в таких именах, которые происходят от глаголов, могущих принимать окончание *-а́ть* или *-я́ть*, например: *прославле́ние* от *просла́вить — прославля́ть*». Таким образом, ударение в отглагольных существительных на *-ение* приспособлено к формам несовершенного вида на *-ать— (-ять)*, хотя эти отглагольные существительные производятся от основ инфинитивов совершенного вида (ср.: *разба́вить — разбавля́ть—разбавле́ние; наста́вить — наставля́ть — наставле́ние* и т. п.).

Различия в оттенках действия у этих существительных зависят от лексических значений основ. «Большею частью бо́льшая отвлеченность имен на *-ние, -тие* совпадает с их большей длительностью и меньшею определенностью, законченностью» [68]. По степени отвлеченности и по способу выражения действия слова на *-ние, -тие* резко отличаются от бессуффиксных отглагольных существительных мужского рода. *Взгляд* и *глядение, взглядывание; выстрел* (Schuss) и *стре-*

ляние (Schiessen); *чох* и *чихание; вздох* и *вздыханье; обжиг* («фарфор по первому обжигу расписывается, а там идет во второй обжиг» — Даль) и *обжиганье; обхват, отдых, прилет, отлет* и *отлетание* и т. п.; *миг* и *миганье* — различаются не только оттенком длительности, но и конкретными значениями. Различия в длительности здесь не имеют ничего общего с видовыми значениями глаголов. Они — иного качества. Бессуффиксные отглагольные слова выражают еще большую степень опредмеченности действия. Ср. *крик* и *кричанье, вой* и *вытье, зажим* и *зажимание, загиб* и *загибанье* и т. п.

От глагольных основ, образующих причастия прошедшего времени страдательного залога на *-тый*, имена существительные производятся посредством суффикса *-ти(е), -ть(е) (-тьё)* с теми же значениями действия, состояния, продукта: *кровопролитие, разлитие, взятие, открытие, понятие, колотье, раскрытие, развитие* и т. п. Ср. в разговорной речи: *бритьё, литьё, шитьё, питьё, мытьё, вытьё, забытьё*. Ср. церковнокнижные слова: *бытие, житие*, из которых *бытие́* укрепилось в научном языке.

С понятием действия связаны частично и книжные суффиксы *-ств(о)* и устарелый *-ствн(е)*, хотя основным значением их является значение состояния и абстрактного явления.

II. Суффиксы, обозначающие состояние

Значение состояния в именах существительных среднего рода ярче всего выражается суффиксом *-ств(о) -еств(о)*. Правда, общее значение состояния в этом суффиксе и производных от него обрастает многими побочными отвлеченными значениями и оттенками (например, значением социального, профессионального, идеологического, психологического явления, характеристического качества и т. п.). Это многообразие значений обусловлено в значительно́й степени различиями основ, с которыми сцепляется суффикс *-ств-*. Значение состояния или свойства преобладает в образованиях от именных основ — как прилагательных, так и существительных. Например: *вдовство, девство, детство, юношество, господство, ко́варство, скопидомство, упрямство, довольство, могущество, первенство, молодечество, нахальство, удобство, одиночество* и т. п.

Вариант *-ство́* служит для обозначения состояния и свойства, по значению соответствующих прилагательных на *-ско́й*: *удальство (удальской), щегольство (щегольской), ханжество (ханжеской)* и т.п.

Понятно, что значение состояния в словах на *-ство*, образованных от именных основ, иногда покрывается общим значением отвлеченного понятия, например: *гражданство* (права гражданства), *единство, мещанство* (в переносном смысле: *внутреннее мещанство* и т. п.), особенно у таких слов с местоименными основами, как *качество, количество, свойство* и т. д.

Оттенки этого общего отвлеченного значения очень разнообразны. Сюда принадлежат обозначения идейных течений, политических направлений, общественных движений, принципиальных

установок, например: *славянофильство*, *вольнодумство*, *вольтерьянство* и т. п.

В словах, производных от названий лиц на *-ник* или от глаголов на *-ничать*, суффикс *-ств(о)* и варианты его *-ничеств(о)* и *-ичеств(о)* могут обозначать не только пребывание в каком-нибудь состоянии, но и занятие, дело, ремесло, профессию, характер деятельности, общественное направление: *плотничество*, *огородничество*, *сапожничество*, *мошенничество*, *хищничество* и т. п. Ср. *закладничество*, *народничество*, *местничество* (в современном, новом употреблении), *областничество*.

Значение состояния в этой группе слов (например, *ударничество*) остается основным. От этого типа слов обособился самостоятельный суффикс *-ничество* (ср. вариант *-ичество*), соотносительный с глагольным суффиксом *-нича-(ть)*. Ср. *бродяжничество*, *местничество*, *лодырничество*.

Суффикс *-ничество* в современном книжном языке иногда приобретает оттенок пренебрежения (под влиянием *-ничанье*), обозначая какое-нибудь явление с отрицательной или иронической квалификацией: *кустарничество*, *культурничество* (ср. «голос культурничества»), *шалопайничество*, *местничество*, *начетничество* и т. п. Но тут чаще всего отражается влияние лексических значений основы.

В сочетании с морфемой *-вод (-водство)* суффикс *-ств(о)* обозначает сельскохозяйственный промысел, отрасль сельского хозяйства, разведение чего-нибудь: *скотоводство*, *садоводство*, *кролиководство*, *животноводство*, *пчеловодство*, *оленеводство* и т. п. Ср. у Салтыкова-Щедрина: «И даже хреноводство, горчицеводство... Видит он, что штука эта идет на рынке бойко, и думает: сем-ка, я удеру штуку, прекращу празднование воскресных дней, а кроме того заведу клоповодство».

Можно указать и другие ответвления от суффикса *-ство* в сочетании с именными основами:

1) В советское время становится продуктивным суффикс *-чество* (в соответствии с обозначением лиц на *-енец* и с относительными прилагательными на *-ческий*) для обозначения состояния, общественного явления, направления: *оборончество*, *пораженчество*, *выдвиженчество*, *иждивенчество*, *упрощенчество* и т. п.

2) Очень продуктивен также сложный суффикс *-тельство*, соотносительный с названиями действующих лиц на *-тель* и с именами прилагательными на *-тельский*. Суффикс *-тельство* употребляется для образования отвлеченных существительных со значением деятельности, пребывания в каком-нибудь состоянии, продукта каких-нибудь действий, например: *издевательство*, *домогательство*, *попустительство*, *надругательство*, *стяжательство* и т. д.

Повидимому, чаще всего слова этого типа образуются не сразу от глагольных основ, с помощью суффикса *-тельств(о)* (как *домогательство*, *невмеша-тельство*), а посредством присоединения суффикса *-ство* к основам существительных на *-тель (поручительство)*. Именно этим последним способом образуются слова

с собирательными значениями типа: *учительство*, *правительство* и т. п. Собирательное значение вообще очень распространено у слов с суффиксами *-ств(о)*, *-еств(о)*, *-ничеств(о)*, *-тельств(о)*, образованных от именных основ со значением сословия, класса, группы, категории людей: *потомство, дворянство, купечество, чиновничество, рыцарство*, *человечество*, *юношество*, *семейство*, *начальство, студенчество* и т. п.*.

Отвлеченные значения суффикса *-ств(о)* в современном литературном языке отчасти синонимичны с значениями суффикса *-изм*.

Образования на *-ство*, произведенные от глагольных или отглагольно-именных основ, выражают также, кроме значения состояния, значения действия, поступка, деятельности: *убийство, бегство, устройство* и т. п.

Сюда же примыкает суффикс *-овств(о)* (ср. прилагательные на *-овский*) со значением действия, склонности к каким-нибудь действиям, характера поведения: *мотовство*, *шутовство, хвастовство*, *воровство, сватовство* и т. п.

Непродуктивен архаический церковнославянский суффикс *-ствие(е)*, бывший синонимом суффикса *-ств(о)* в кругу отвлеченных образований: *действие, противодействие, воздействие, сочувствие*, *предчувствие*, *спокойствие* и т. п.

Значение состояния свойственно также словам, образованным от основ существительных с помощью суффикса *-ье* и приставки *без-*: *бездорожье, безверие, бескультурье, бесправие, безлюдье, безлошадье, безрыбье* и т. п. Эти слова выражают состояние отсутствия чего-нибудь. Ср. в письме Н. А. Некрасова к А. В. Дружинину (от 6 августа 1855 г.): «Пугает меня также *безъязычие*, *бесknижие* и *безлюдие*, предстоящие мне за границей».

Другие приемы употребления суффикса *-ие*, *-ье* маловыразительны и непродуктивны. Выделяются лишь отдельные небольшие ряды слов, например, слова с отвлеченным значением на *-ие*, реже на *-ье*, образованные от основ имен и глаголов: *здоровье*, *веселие*, *величие*, *знаменье*, *условие*, *удушье*, *раздумье* и т. п.

III. Суффиксы со значением места

Имена существительные среднего рода, обозначающие место, образуются или посредством суффиксации, или посредством комбинированного использования суффиксов и префиксов.

1) Именно по методу суффиксально-префиксального производства образуются слова, обозначающие место, чаще местность по берегу, реке, горам и т. п. и производимые от соответствующих основ имен существительных, с помощью суффикса *-ь(е)* и приставок *по-*,

---

* Ср. замечание П о т е б н и о переходе отвлеченности в собирательность: «Чтобы качественность могла перейти в собирательность, нужно применение имени качества ко многим однородным особям, которые должны быть действительными, а не мнимыми субстанциями... Где это особенно удобно и часто, там значение качественности совсем заслоняется значением собирательности» («Из записок по русской грамматике», т. III, стр. 36).

при-, *за-*, *под-*, *пред-*: *побережье*, *поморье*, *поднепровье*, *поволжье*, *полесье*, *приморье*, *заволочье*, *заволжье*, *предгорье*, *преддверие* и т. п.; ср. также: *поднебесье*, *подножие*, *предплечье*, *изголовье* и некоторые другие.

2) Пространственное, местное значение суффикса *-ье* дает себя знать и в небольшой, но характерной группе слов на *-овье*, *-евье*: *кочевье*, *зимовье*, *верховье*, *низовье*, *становье* и др.

3) Местное значение доминирует и в непродуктивном суффиксе среднего рода *-ище*. Суффикс *-ищ(е)* — омоним увеличительного суффикса *-ищ(е)* — имеет несколько значений:

а) С его помощью некогда производились названия места от основ существительных, обозначающих предметы и действия: *пастбище* (т. е. место, где пасут скот), *стойбище*, *гульбище*, *пожарище* (место пожара), *логовище*, *торжище* и т. д. Повидимому, раньше ударение было чаще на *-и́ще*: *пепелище*, *становище*, *городище* и т. п. Но ср. *убежище*, *пристанище*.

б) В форме *-и́щ(е)*, *-ови́щ(е)* этот суффикс выделяется в названиях части, за которую держат предмет, обозначенный основой, например: *топорище*, *кнутовище* *.

4) В книжном языке является продуктивным суффикс *-лищ(е)*, производящий от глагольных основ существительные со значением места, вместилища, где происходит или производится какое-нибудь действие: *обиталище*, *жилище*, *судилище*, *вместилище*, *хранилище*, *училище*, *чистилище*, *святилище*, *зернохранилище* и т. п. Но ср. *зрелище (страшилище* — увелич. к *страшило)*.

IV. Суффиксы со значением собирательности

Значение собирательности в именах среднего рода, кроме книжного суффикса *-ств(о)*, выражается суффиксом *-ьё*, который вносит в большинстве случаев оттенок разговорности, соединенный нередко с экспрессией презрения: *бабьё*, *гнильё*, *старьё* и т. п. Но ср. *бельё*, *сырьё* и др.

Суффикс *-ьё* встречается в словах, обозначающих собирательную массу вещества, собранье предметов и живых существ.

Ср. широкое употребление и образование собирательных на *-ьё* в языке Маяковского:

Будут
месть
ступени лестниц
бородьём лохматым.

(«Чье рождество?», 1928.)

Дамьё от меня ракетой шарахалось...

(«Люблю», 1922.)

Гостьё идет по лестнице.

(«Про это», 1923.)

---

* Совсем обособлены и лексикализованы: *прозвище*, *сокровище*, устар. *рубище*, *поприще*.

Пусть их скулит *дя*ъё.

(«Марш комсомольцев», 1923.)

Над дохлым *лошадьём* вороны кружатся.

(«Два не совсем обычных случая», 1921.)

Машиньё сдыхало, рычажком подрыгав.

(«Рабочим Курска», 1924.)

V. Суффикс, обозначающий орудия действия

Суффикс *-ло*, обозначающий орудия действия, производит имена существительные среднего рода от глагольных основ. Ср. слова с ударением на *-ло́*, образованные от глагольных основ на согласный: *сверло*, *весло*, *седло;* также: *помело*, *крыло;* но: *шило*, *рыло*, *мыло*, *пойло*, *било* и т. п. В современном языке суффикс *-ло* является живым и продуктивным лишь в морфологически обусловленном положении (в сочетании с глагольными основами на *-а* и *-и:* *-ало*, *-ило*): *покрывало*, *черпало*, *одеяло*, *светило*, *точило*, *мерило* и т. п. Особенно широк круг употребления таких образований в профессиональных диалектах.

§ 21. Мертвые суффиксы, этимологически выделяемые в словах среднего рода

Суффиксами *-нъ(е)*, *-тъ(е)*, *-ъ(е)*, *-ъ(ё)*, *-ств(о)*, *-ищ(е)*, *-л(о)* исчерпывается живая словообразовательная система среднего рода. Бросается в глаза, что среди суффиксов среднего рода вовсе нет заимствованных (если не считать заимствованиями церковнославянские, а теперь книжные: *-ние*, *-ствие*, а может быть, и *-ство*, *-ество*).

Ряд суффиксов у слов среднего рода на *-о* умер. Слабые признаки жизни подает суффикс *-во* с его вариантами *-иво*, *-ево*, *-ово* со значением объекта и орудия действия, реже продукта действия (то, с чем что-нибудь делают или чем что-нибудь делают): *пиво*, *жниво*, *топливо*, *крошево*, *месиво*, *чтиво*, *варево*, *курево*, *логово*, *хлебово*. Ср. *зарево*, *марево*, *огниво*. Ср. у Н. А. Некрасова в романе «Жизнь и похождения Тихона Троспикова»: «Купи? Да где *куплево*-то? В одном кармане пусто, в другом ничего нет» (речь подрядчика из крестьян).

Решительно мертвы бывшие суффиксы, обозначавшие продукт и орудие действия и в современном языке вовсе не ощутимые: *-то — сито*, *жито;* *-ыто — корыто*, *копыто;* *-но — пшено*, *сукно* и другие подобные.

§ 22. Формообразующие (уменьшительно-ласкательные) суффиксы в классе слов среднего рода

Из общего числа суффиксов, связанных со склонением слов среднего рода, едва ли не половина падает на суффиксы субъективной оценки. Сюда же примыкают по внешнему облику уменьшительно-

ласкательные формы и от слов мужского рода (относящиеся к категории неодушевленности: *домишко*, *доходишко* и т. п.). В формах субъективной оценки особенно остро обнаруживается противопоставление женского и неженского (мужеско-среднего) склонения слов, не имеющих значения лица. Категория субъективной оценки в классе слов среднего рода выражается серией суффиксов. Таковы:

1. *-к(о́)* (преимущественно при односложной основе) и *-ко* (при многосложной основе) с уменьшительно-ласкательным значением: *ведерко*, *ушко*, *дитятко*, *озерко*, *облачко*, *яичко*, *яблочко* и т. п.*. Ср. *древко*, *молочко*. Суффикс *-к(о)* утратил продуктивность.

2. Непродуктивный суффикс *-ик(о)* с тем же значением (присоединялся к основам от слов на *-цо*, *-чо* и *-есо*): *плечико*, *личико*, *колесико* и др.

3. Продуктивный суффикс и его варианты *-ц(е,)*, *-ц(о)*, *-ец(о)* и *иц-(е)* со значением уменьшительно-ласкательным, но с более ярко выраженными оттенками сочувствия, участия, уничижения или другой эмоции.

Суффикс *-ц(е)*, *-ц(о́)* присоединяется к основам, оканчивающимся на один согласный (не заднеязычный и не на *ц*) или допускающим вставку беглого *о* перед твердым конечным согласным. Например: *зеркальце*, *тельце*, *рыльце* (в пушку), *дельце*, *шильце*, *оконце; словцо*, *мясцо*, *винцо*, *пивцо* и т. п. Ср.: «тонко обделать *дельце*», «ловкое *коленце* выкинуть» (Добролюбов). Суффикс *-ец(о́)* сочетается с основами слов, имеющих ударение на окончании и содержащих перед окончанием два или более согласных, из которых один мягкий, например: *бельецо́*, *письмецо́*, *пальтецо́* и т. п. Суффикс *-иц(е)* сочетается с основами слов, оканчивающихся на *-ье* или на группу согласных перед *о* и имеющих ударение на основе, например: *маслице*, *креслице*, *платьице*, *здоровьице* и т. д.

4. Малопродуктивный суффикс *-ышк(о)* (непродуктивный *-юшк(о)*, вымирающий вариант *-ушк(о)*: *хлебушко*) с еще более резко выраженными экспрессивными оттенками (от слов среднего рода на *-ро*, *-ло*, *-ле* или на группу согласных *+о*, *+е*): *перышко*, *зернышко*, *крылышко*, *ребрышко*, *солнышко*, *гнездышко*, *ведрышко*, *донышко*, *пятнышко*, *полюшко* и т. п.**.

Суффиксами *-ышк(о)*, *-юшк(о)*, *-ушк(о)* передается не «размер самого предмета, а личное чувство человека к нему» (К. Аксаков). В сущности, эти суффиксы уже выходят за пределы первой степени уменьшительности-ласкательности. Они связаны с экспрессивными суффиксами второй степени (или ступени) вроде *-ечк(о)*. Кроме суффикса *-ышк(о)*, сюда относятся:

---

* Уменьшительные формы от имен существительных среднего рода с основой на *-г*, *-к*, *-х*, *-ц* образуются только при посредстве суффикса *-ко* (а не *-це*): *ушко*, *яичко*, *лычко* и т. п.

** Ср. замечание Г. Павского о формах среднего рода на *-ышко* и *-ишко*: «В подобозвучных окончаниях *-ышко* и *-ишко* различие ударений так важно, что в случае недостатка гласной перед *-ышко* вносится беглое *о* для составления нового слога, который бы принял ударение» («Филологические наблюдения», Рассуждение второе, стр. 93—94).

5. Презрительно-уничижительный суффикс *-и́шк(о)*, *-ишк(о)*: *дели́шки*, *слови́шко* (замолвить), *письми́шко*, *име́ньишко*, *поме́стьишко*, *коры́тишко* и т. п.

6. Соотносительный с *-ц(о)*, *-ц(е)* ласкательный суффикс *-е́чк(о)*, *-ечк(о)*: *словечко*, *местечко* и др. Но ср. также от слов на *-мя*: *времечко*, *семечко*, *темечко*.

Присоединяясь к основам слов на *-це*, утратившим значение уменьшительности, этот суффикс образует новые формы этих слов с уменьшительным и ласкательным значением: *крылечко*, *колечко*, *блюдечко* и др.

К системе среднего рода, как уже было указано, примыкают слова мужского рода с презрительно-уничижительными суффиксами *-ёнк(о)* и *-ишк(о)* (если они не обозначают лиц) и с увеличительным суффиксом *-ище*.

§ 23. Способы образования слов женского «мягкого» склонения с нулевым окончанием именительного падежа

В классе слов женского рода выступают два типа склонения: 1) слабый — на мягкий согласный (а также на *-ж* и *-ш*) с нулевым окончанием именительного падежа и 2) живой и сильный — с окончанием именительного падежа на *-а* (и его безударными вариантами). С первым типом связаны единичные суффиксы. Он беднее словообразовательными формами. В этом морфологическом типе вовсе отсутствуют уменьшительно-ласкательные формы. Он пополняется в современном языке новообразованиями лишь двух разрядов. Оба эти разряда продуктивны преимущественно в стилях книжного языка. Таковы:

1. Образования с продуктивным суффиксом *-остъ* и производными от него суффиксами *-ностъ*, *-тельностъ*, *-мостъ*, *-(ани)остъ*, *(-енн)остъ*.

Это имена существительные с отвлеченным значением, преимущественно употребляемые в стилях книжной речи и произведенные или производимые главным образом от имен прилагательных качественных и от причастий страдательного залога. Например: *веселостъ*, *бодростъ*, *упрямостъ*, *готовностъ*, *неосмотрительностъ*, *чувствительностъ*, *неприемлемостъ*, *уязвимостъ*, *растерянностъ*, *засоренностъ*, *расхлябанностъ*, *захламленностъ* и т. п. Для современного языка характерен рост отглагольных образований на *-нностъ* (*-енностъ*, *-анностъ*) и *-мостъ* (*-емостъ* и *-имостъ*). Слова на *-мостъ* далеко не всегда соотносительны с соответствующими формами страдательных причастий на *-мый* или с прилагательными на *-мый*, обозначающими способность к какому-нибудь действию или возможность какого-нибудь действия (например, *решимостъ*, *успеваемостъ* и т. п.). Этот тип образований очень распространен в специально-технических диалектах и все больше и больше прививается к современному литературному языку. Слова на *-мостъ* (*-емостъ*, *-имостъ*) образуются от основ

переходных и непереходных глаголов, от глаголов без *-ся* и от глаголов на *-ся*. Ср. у Достоевского в «Идиоте»: «Эта наглость наивности, эта *несомневаемость* глупого человека в себе и в своем таланте превосходно выставлена Гоголем в удивительном типе поручика Пирогова». В словах на *-мость* развивается цепь отвлеченных значений: возможность, способность производить то действие, которое обозначается основой (например: *видимость*, *делимость*, *слышимость* и т. п.; ср.: *терпимость*, *решимость* и т. п.), степень, в какой осуществляется какое-нибудь действие (*посещаемость*, *успеваемость*, *рождаемость*, *выхождаемость*, *судимость* и др.), или степень, в какой можно подвергнуться какому-нибудь действию или состоянию (*угрожаемость*, *нуждаемость* и т. д.).

Еще в начале XIX в. И. Тимковский отмечал «удобство словопроизведения на *-остъ* и *-мостъ*... в изобретении слов по предметам наук, искусств и общего употребления» [69]. Семантика имен на *-остъ* во многом зависит от того, употребляются ли они «абсолютивно» или в сочетании с родительным падежом существительного, качество и внутреннее свойство которого они выражают (например: *решительность* и *решительность отказа; сухость* и *сухость почвы* и т. п.).

Впрочем, необходимо указать, что несколько слов на *-остъ* имеют значение не только отвлеченного качества, но и лица, характеризуемого этим качеством. Это — *посредственность*, *бездарность*, *известность*, *знаменитость*, *невинность*, *наивность*. Ср. устарелое *полезность* (фр. utilité).

В современном русском языке наблюдается также широкое развитие книжно-отвлеченных слов на *-(анн)ость*, *-(енн)ость*, образуемых от причастий прошедшего времени страдательного залога: *дисциплинированность*, *организованность*, *демобилизованность*, *неразработанность*, *сплоченность* и т. п. В газетном языке слова этой категории нередко смешиваются с отглагольными словами на *-нье*, вернее, иногда употребляются в значении отглагольных слов на *-нье*.

2. Образования от прилагательных, состоящие из бессуффиксной основы со смягчением или чередованием конечного согласного: *глубь*, *высь*, *ширь*, *удаль*, *даль*, *гнильь*, *нечисть*, *погань*, *тишь*, *сушь*, *ветошь*, *явь* и т. п. Ср. *треть*, *четверть*. Значение этих существительных почти всегда отвлеченное, значение свойства, качества, реже собирательности. Новообразования этого типа связаны с основами качественных прилагательных (*бездарь*, *ярь* и т. п.). Однородные образования от глагольных основ непроизводительны. Они обозначают действие и результат действия (например, *кладь*, *опись*). В сущности этот тип словообразования распространяется лишь в поэтической речи и в языке художественной прозы.

Ср. новообразования в стиховом языке Маяковского:

Но странная из солнца ясь струилась.

(«Необычайное приключение», 1920.)

... толщь непроходимых шей.

(«Сволочи», 1922.)

Верить бы в загробь...

(«Про это», 1923.)

Он к нам пришел, чтоб советскую нищь
На кабаки разбазаривать.

(«Взяточники», 1926.)

Наряду с такими словами, производными от качественных имен прилагательных, в языке Маяковского встречаются неологизмы этого же рода от основ имен существительных, противоречащие словообразовательным нормам общего языка:

Глядит в удивленьи небесная звездь.

(«Про это», 1923.)

Засадила садик мило,
дочка, дачка,
водь и гладь.

(«Во весь голос», 1930.)

Ср. ...осуществилась такая бредь...

(«Сергею Есенину», 1926.)

Крик, вгоняющий в дрожанье и ежь...

(«Рабочим Курска», 1924.)

Слова этого разряда могут оканчиваться в именительном падеже не только на мягкий согласный, но и на *ж*, *ш*: *блажъ*, *глушъ*, *ветошъ*, *тишъ*.

Все остальные суффиксы, связанные с этим типом женского склонения, непродуктивны или мертвы.

Непродуктивен суффикс *-ёжъ*, *-ежъ* в собирательном значении: *молодёжъ*, в просторечии — *ребятёжъ*. Ср. устарелое *холостёжъ*.

Мертвы суффиксы:

1. *-лъ* (при глагольной основе; ср. отглагольные прилагательные на *-лый*): *падалъ*, *невидалъ*, *прибылъ*, *убылъ*, *былъ* и др. Ср. *отраслъ*.

2. *-елъ*: *капелъ*, *мокрелъ*, *гибелъ*, *колыбелъ*, *качелъ*, *мятелъ*. Ср. *обителъ*, *купелъ*.

3. *-ынъ* (производивший от основ прилагательного имена существительные со значением качественного состояния, достигшего высокой степени): *теплынъ*. Ср. областное *жарынъ*, *светлынъ* [70].

4. *-знъ* (церковнославянский суффикс): *казнъ*, *кознъ*, *болезнъ*, *боязнъ*, *жизнъ* и соотносительный с ним просторечно-нелитературный суффикс *-стъ*: *болестъ*, *жистъ*; ср. мертвый суффикс *-снъ* в словах: *песнъ*, устар. *баснъ*.

5. *-ядь*, *-адъ*: *мокрядь*, *рухлядь*; ср. *площадъ* и некоторые другие.

§ 24. Словообразовательные типы в системе «мягкого» женского склонения на *-а(-я)*

Богата, красочна и разнообразна серия словообразовательных форм, относящихся к системе женского склонения на *-а*. В параллель с ней может стать только мужское склонение с нулевым окончанием в именительном падеже.

Однако мягкое склонение слов женского рода на *-а* бедно суффиксами (так же как мягкое склонение и в мужском роде).

В кругу суффиксов мягкого женского склонения единичны суффиксы лица женского пола *-унь(я)*, *-ык(я)*; ср. ласкат. *-ул(я)*; более ярко в формах словообразования здесь выражены значения действия и места действия, а также отвлеченного понятия; менее продуктивно значение собирательности.

Выделяются следующие суффиксы мягкого женского склонения:

1. Продуктивный суффикс *-льн(я)*, посредством которого производятся от глагольных основ слова, обозначающие помещение, где происходит какое-нибудь действие: *читальня*, *спальня*, *раздевальня*, *купальня*, *точильня*, *хата-родильня*, *говорильня*, *красильня*, *мыльня*, *парильня* и т. п.

2. Непродуктивный суффикс *-н(я)*, обозначающий помещение для кого-нибудь (в образованиях от основ имен существительных) или место какого-нибудь действия (в образованиях от глагольных или от отглагольных основ). Например: а) *пекарня*, *свинарня*, устар. *поварня*, *голубятня*, *колокольня*, *подворотня* и т. п.; ср. *деревня;* б) *солеварня*, *бойня*, *дойня*, *пашня*, *сходня* и другие подобные.

3. Непродуктивный разговорный суффикс *-н(я́)*, производивший от глагольной основы существительные со значениями хлопотливого, неприятного, длительного действия, орудия и продукта действия: *стряпня*, *мазня*, *суетня*, *размазня*, *западня*, *квашня* и другие подобные.

4. Еще менее производительный, в литературном языке вымирающий омоним *-н(я́)* (*-ня́*) с собирательным значением. Образования с *-ня́* иногда имеют презрительно-просторечный оттенок: *матросня́*, *солдатня́;* но ср. *четверня́*, *шестерня́*, *пятерня́;* ср. *дво́рня*, *со́тня*, *родня́*. Этот суффикс сочетается с основами имен существительных или собирательных числительных.

5. Малопродуктивный суффикс *-отн(я)*, присоединяющийся к глагольно-именной теме со значением шума, звучания и выражающий частое и энергичное проявление соответствующего действия: *стукотня*, *трескотня*, *толкотня*, *беготня*, *воркотня*, *топотня*, *пискотня*, *дерготня*, *пачкотня* и т. п.; ср. суффикс *-от(-ет)* в словах: *топот*, *шопот*, *хохот* и т. п.

6. Суффикс *-овн(я)* мертв: *болтовня*.

7. В революционную эпоху на короткое время стал продуктивным суффикс *-ия*, служащий преимущественно для обозначения края, местности, области в территориальном и коллективном отно-

шениях или для обозначения коллектива, группы лиц, объединенных принадлежностью к одной организации, к одной профессии. Этот суффикс сочетается с основами имен существительных. Например: *комсомолия*, *пионерия*, *рабкория*, *рабселькория* и т. п.

Этот суффикс был отвлечен от таких обозначений стран и местностей, как *Подолия*, *Италия*, *Полинезия*, *колония*, *провинция* и т. д. В настоящее время суффикс *-ия* не обнаруживает продуктивности.

8. Малопродуктивный разговорный суффикс *-ья* в комплексе *-унь(я)*, служащий главным образом для образования названий лиц женского пола, соотносительно с именами действующих лиц мужского пола на *-ун*: *хвастунья*, *болтунья*, *попрыгунья*, *крикунья*, *хохотунья*, *бегунья* и т. п.

9. В фамильярно-устной речи употребителен ласкательный суффикс *-ул(я)*, *-юл(я)* применительно к лицам: *капризуля*, *актрисуля* (А. Чехов), *хандрюля* и т. д. Но ср. *козуля*, *сосуля*.

10. К суффиксу *-ул(я)* примыкает ласкательно-домашний формообразующий суффикс *-ус(я)*: *Маруся*, *бабуся*, *мамуся* и т. п.

11. Полумертвый суффикс *-ын(я)*, выделяемый:

а) в названиях живых существ женского пола: *рабыня*, *гусыня*, *барыня*, *сударыня* и др. (вариант *-ин(я)*: *княгиня*, *графиня*, *инокиня*, *монахиня*);

б) в книжных названиях отвлеченных понятий: *милостыня*, *гордыня*, *твердыня*, *благостыня* и некоторые другие.

Все соответствующие отвлеченные слова принадлежат книжному языку. Многие из них являются архаизмами (по происхождению церковнославянизмами).

Кроме того, можно отметить еще ряд заимствованных интернациональных суффиксов мягкого склонения.

12. Продуктивный суффикс *-аци(я)*, *-изаци(я)* для обозначения процесса, действия (соотносительный с суффиксами глаголов — *-ировать(ся)*, *-изировать(ся)*, *-овать(ся)*, и с суффиксами действующего лица *-атор*, *-изатор*): *рационализация*, *коллективизация*, *машинизация*, *фордизация*, *пролетаризация*, *электризация*, *секуляризация*, *провокация*, *перфорация*, *моторизация*, *материализация*, *индустриализация*, *солидаризация* и т. п.

Для современного языка характерно распространение сферы применения суффикса *-изация* и на русские основы: *военнизация*, *советизация*, *большевизация*, *озимизация*, *яровизация*, *стержнизация*, *товаризация*, *коренизация* и т. п.

Ср. суффиксы *-ци(я)* (*оппозиция*, *реквизиция*, *дирекция*, *проекция* и т .п.) и *-зи(я)* (*ревизия*, *диффузия* и т. п.).

Необходимо отметить распространение в специальных стилях современного книжного языка интернационального суффикса *-фикаци(я)* (ср. глагольный суффикс *-фицировать*) со значением — оборудование чем-нибудь, воздействие чем-нибудь. Например: *электрификация*, *кинофикация*, *газификация*, *часофикация* и другие подобные.

13. Близок к этому суффиксу непродуктивный суффикс *-и(я)*, *-и́(я)*, наблюдаемый в заимствованных названиях отвлеченных понятий действия, состояния, а также результата, места действия или собрания деятелей (ср. варианты: *-зия*, *ция*, *-сия*)[71]: *гармония*, *симметри́я*, *анеми́я*, *революция*, *резолюция*, *милиция*, *ревизия*, *рецензия*, *миссия* и т. п. Ср.: *экспедиция*, *дирекция*, *инспекция*, *редакция* и т. п.

14. Суффикс *-тори(я)* выделяется в специальных обозначениях места действия: *аудитория*, *обсерватория*, *лаборатория* и некоторые другие.

15. Суффикс *-ере(я)* (немецкий — erei, французский — erie, итальянский — eria) наблюдается, но почти не выделяется в заимствованных названиях места, действия, предметов: *галантерея*, *галерея*, *оранжерея*, *лотерея* и т. д.

Вариант *-ери(я)* характерен для терминов, обозначающих роды войск (и реже — производств): *артиллерия*, *кавалерия*, устарелое *инфантерия;* но ср. *парфюмерия*, *костюмерия*.

16. Суффикс *-логи(я)* обозначает научную специальность или какую-нибудь сферу теории и практики: *психология*, *биология*, *космология*, *зоология*, *антропология* и т. п. Ср.: *болтология*, *вздорология*. Ср.: «...Ипполит зевает в своей комнате в ожидании урока какой-нибудь *вздорологии*» (А. Писарев, «Учитель и ученик или в чужом пиру похмелье, 1824)[72]. «Лунология это, если кто любит страдать при луне... Вообще, любовные дела» (Огнев, «Дневник Кости Рябцева»).

17. Суффикс *-анци(я)*, *-енци(я)* служит для обозначения действия, продукта действия: *интервенция*, *корреспонденция*, *аудиенция* и т. п. В буржуазном просторечии — под влиянием семинарского и чиновничьего диалектов — суффикс *-анци(я)*, *-енци(я)* употреблялся в фамильярных обозначениях лиц и действий: *старушенция*, *распеканция* и т. д.

18. Заимствованный суффикс собирательности *-илъ(я)* выделяется в единичных военных терминах: *эскадрилья*, *флотилья*.

19. Суффикс *-али(я)* выделяется в единственном слове, обозначающем действие разнузданное и безмерное: *вакханалия*.

§ 25. Богатство и разнообразие типов словообразования в системе твердого женского склонения на *-а*

В кругу имен существительных женского рода, относящихся к твердому склонению, должны быть признаны живыми и производительными до пятидесяти словообразовательных типов. Суффиксы твердого женского склонения очень разнообразны.

I. Суффиксы, обозначающие лиц женского пола

Группа суффиксов лица женского рода соотносительна с соответствующей группой личных суффиксов мужского склонения. Названия лиц женского пола производятся от соответствующих основ

имен лиц мужского пола (например: *знахарь — знахарка; француз — француженка; студент — студентка; хвастун — хвастунья; кассир — кассирша; большевик — большевичка* и т. п.). В категории лица особенно ярко выступают коррелятивные пары параллельных мужских и женских суффиксов: *-ик —-ица; -ец — -ица* и *-ка* и т. п. К категории лица принадлежат женские суффиксы:

1. Суффикс *-иц(а)* в обозначениях женщины по качеству, свойству или действию. Он соотносителен с суффиксами мужского рода *-ец, -ик**: *красавица, упрямица, ленивица, жрица, помещица* и т. п.

При посредстве суффикса *-иц(а)* образованы также названия лиц женского пола от бессуффиксных обозначений мужчин: *мастерица, фельдшерица, пророчица* и т. д. Суффикс *-иц(а)* в значении лица женского пола непродуктивен.

Суффикс *-иц(а)* обозначает также самок животных (*волчица, тигрица, медведица, львица, ослица, орлица* и т. п.). Кроме того, *-иц(а)* встречается и в неодушевленных именах с конкретно-предметным и отвлеченным значением (например: *петлица, пшеница, переносица, неурядица, бессмыслица* и т. п.; см. ниже).

К личному суффиксу *-иц(а)* примыкает длинная цепь производных продуктивных суффиксов, также образующих названия лиц женского пола.

2. *-ниц(а)* (соотносительно с мужским суффиксом лица *-ник*): *физкультурница, школьница, взяточница, картежница, клеветница, соперница, общественница, работница, начальница, покойница, вестница, спутница* и т. д.

3. *-щиц(а)* и *-чиц(а)* (соотносительно с *-чик* и *-щик*): *натурщица, конторщица, прогульщица, спорщица, уборщица, доносчица, переписчица, угадчица* и т. п.

4. *-льщиц(а) (-альщица, -ильщица, -ельщица)* — соотносительно с мужским суффиксом *-льщик (-альщик, -ильщик, -ельщик)*: *вязальщица, рисовальщица, вышивальщица, штопальщица, подавальщица* и т. п.

5. *-тельниц(а)* (соотносительно с суффиксом *-тель*): *жительница, учительница, распространительница, содержательница, писательница* и т. п.

Очевидно, в подавляющем большинстве эти слова образованы посредством осложнения основ имен мужского рода на *-тель* суффиксом *-ница* (ср. *сказительница*). Но, понятно, возможно и непосредственное производство названий лиц женского пола от глагольной основы с помощью суффикса *-тельница* (*очарователь-ница, отравительница*).

---

* Если имена существительные на *-ец* произведены от основы имени прилагательного или глагола, то соответствующее слово, обозначающее женщину, имеет суффикс *-ица*; *красавец — красавица, ленивец — ленивица* и т. п. Если же обозначение лица произведено от основы имени существительного, например: *партиец, ленинец, комсомолец*, то соотносительное слово женского рода образуется посредством суффикса *-ка*: *партийка, комсомолка, ижди-венка* и т. п.

Любопытно, что в литературном языке XIX в. суффикс *-тельниц(а)* применялся и к предметам, например: *плевательница* (встречается у Ф. М. Достоевского), *полоскательница*, *зажигательница* и др. Это значение суффикса *-тельниц(а)* мертво.

6. Малопродуктивны: *-овщиц(а)*, *-евщиц(а)* (соотносительно с *-овщик*, *-евщик* — при именной основе): *весовщица*, *вестовщица*, *ростовщица* и т. д.

7. Непродуктивен суффикс *-лица* (соотносительно с *-лец*): *кормилица*, *владелица*, *жилица*, *страдалица* и др.

8. В непосредственной функциональной близости к суффиксу *-иц(а)* находится суффикс лица *-к(а)*. Он

а) употребляется соотносительно с суффиксом *-ец* (в словах с именной основой): *комсомолка*, *партийка*, *рязанка*, *немка* и т. п.;

б) производит названия женщин от основ бессуффиксных или имеющих суффикс *-ин* обозначений лиц мужского пола: *шведка*, *грузинка*, *крестьянка*, *монашка*, *киевлянка*, *цыганка*, *националка* и т. п. Ср. *пролетарка*, *пастушка*. Ср. также образования с суффиксом *-к(а)* от слов на *-фил*, *-фоб*, *-ман*: *германофобка*, *славянофилка*, *наркоманка* и т. п.

в) живо ощущается в названиях женщин соотносительно с именами на *-енец*: *изгнанница*, *лишенка*, *беженка*, *выдвиженка* и т. п.

К суффиксу *-к(а)* примыкает цепь производных суффиксов.

9. *-енка* — выделяется в женских парных словах, соответствующих бессуффиксным обозначениям лиц мужского пола или (в единичных случаях) словам с суффиксом имен прилагательных *-ий*: *француженка*, *черкешенка*, *монашенка*, *нищенка* и т. п. Такое употребление суффикса *-енк(а)* уже не свойственно новообразованиям.

Можно говорить о морфологически обусловленных вариантах суффикса *-ка* и в следующих разрядах имен лиц женского пола, в которых происходит сцепление суффикса *-ка* с личными суффиксами мужского рода (или с элементами их) и которые имеют в исходе следующие морфологические части:

10. *-анк(а)* (соотносительно с суффиксами *-анин*, *-анец*): *парижанка*, *англичанка*, *лютеранка*, *республиканка* и т. п. Кроме того, суффикс *-анк(а)* встречается и в изолированных образованиях (например, *персианка*, *индианка*). Ср. буржуазное *содержанка* (от идиомы: *на содержании*).

11. *-истк(а)* (соотносительно с *-ист*): *дантистка*, *пианистка*, *артистка*, *очеркистка*, *уклонистка*, *оппортунистка* и т. п.

12. *-арк(а)* (соотносительно с *-арь*, *-ар*, но и независимо от этого соотношения): *доярка*, *свинарка*, *знахарка*, *дикарка* и др.

13. *-ачк(а)*, *-ячк(а)* (соотносительно с *-ах*, *-як* и *-ач*): *середнячка*, *беднячка*, *избачка*, *нэпачка* (ср. *нэпачиха*) и т. п. Но ср.: *гордячка*, разг.-жаргонн. *нервячка*. Ср. *техничка*, *математичка* и т. п. (при *техник*, *математик* и т. п.).

14. *-овк(а)* соотносительно с *-овец*: *вузовка*, *рабфаковка*, *мхатовка* и т. п.

Однако суффикс *-овк(а)* со значением лица гораздо менее продуктивен, чем *-овец* (ср. *толстовец*, но *толстовка* — рубашка). Повидимому, суффиксу *-овк(а)* приходится преодолевать сопротивление традиции. В дореволюционном языке выделялась группа слов на *-овк(а)* с пренебрежительным оттенком: *воровка, мотовка, чертовка, хрычовка, плутовка.*

15. *-ентк(а), -антк(а)* (соотносительно с *-ент, -ант*): *курсантка, студентка, корреспондентка, саботантка, капитулянтка* и т. п.

16. *-итк(а), -атк(а)* (соотносительно с *-ит, -ат*): *антисемитка, лауреатка* и т. п.

Кроме суффиксов *-иц(а)* и *-к(а)* с производными, категорию лица выражают такие суффиксы, не имеющие ответвлений:

17. Очень продуктивный суффикс *-ш(а)*, обозначающий жену представителя какой-нибудь профессии, например: *профессорша, докторша, учительша, директорша, комиссарша* и т. п., или образующий названия лиц женского пола по профессии, по роду деятельности (особенно часто соотносительно с обозначениями лиц мужского пола на *-атор, -ор, -ёр, -ыр, -арь*): *билетёрша, контролёрша, кассирша, бригадирша, кондукторша, секретарша, музыкантша;* ср. также: *маникюрша, педикюрша* и т. п. Ср. *паникёрша.*

18. Суффиксы: *-ич(ш)н(а), -иничн(а), -овн(а), -евн(а)* (в соответствии с *-ович* и *-ич*), служащие для обозначения лиц женского пола по отчеству: *Ильинична, Кузьминична, Фоминична,* но *Никитична, Ивановна, Петровна, Артемьевна, Пахомовна* и т. п.

19. Продуктивный суффикс *-их(а)*:

а) в обозначениях женщин, иногда жен, соотносительно с именами лиц мужского пола: *щеголиха, шутиха, трусиха, чудиха, купчиха, портниха, мельничиха, дворничиха, старостиха,* в просторечии — *врачиха, борчиха;* ср. у Чернышевского в романе «Что делать?»: *управляющиха** и т. п.; в фамильярной устной речи, особенно провинциальной, *-их(а)* употребляется также (правда, в очень ограниченном кругу лексико-морфологических образований) в названиях женщин по фамилии или прозвищу мужа (вместо суффикса *-ш(а)*: *Якобсониха* и т. п.;

б) в обозначениях самок животных: *волчиха, слониха, зайчиха, крольчиха* и т. п.

Обособлены и единичны в литературном языке образования: *шумиха* и *неразбериха.*

20. Непродуктивный просторечный суффикс *-уха***, имеющий

---

* Ср. замечание А. Шемшурина («Футуризм в стихах В. Брюсова», М. 1913, стр. 31), свидетельствующее о продуктивности суффикса *-их(а)* в этой функции: «Разве образованные чуждаются вставить в свою разговорную речь иногда: «попадьиха», «профессориха» и т. п.? Разве словообразование по этому примеру обозначает изобретение «новых слов» и забвение «попадьи» и «профессорши»?

** Проф. А. Белич почему-то связывал с этим суффиксом уменьшительное значение. А. А. Потебня находил, что *-ух(а)* «в нынешнем состоянии языка приводится в связь с nomina agentis на *-ун*» («Из записок по русской грамматике», т. III, стр. 146).

яркую экспрессивную окраску. Он выделяется в нескольких словах, образованных от глагольных основ, например: *стряпуха*, *шлюха*, *потаскуха*; ср. *горюха* (ср. слова на *-ун*). Ср. обособленное: *голодуха*. Кроме того, суффикс *-ух(а)* с оттенками ласкательно-иронического усилительного значения встречается в словах с основой качественного прилагательного, например: *вострУха*, *резвуха*, *толстуха*; ср. *старуха*. Ср. в обозначениях болезней: *желтуха*, *краснуха*, *золотуха*.

Большинство слов с этим суффиксом утрачены, а сохранились лишь производные от них уменьшительные слова с суффиксом *-ушк(а)*. Ср.: *потаскушка*, *побирушка*, *простушка* и т. п.

Разговорный суффикс *-ушк(а)* в современном языке чаще употребляется вне соотношения с суффиксом *-ух(а)* (например, *болтушка*, *вертушка* и т. п.) и с фамильярно-ласкательным суффиксом *-уша* (*втируша*, *завируша*, *милуша*, жаргонно-актерское *дорогуша*, *роднуша* и т. п.). Впрочем, в образовании ласкательных и уничижительных или пренебрежительно-фамильярных форм от собственных имен устанавливается тесный ряд соотносительных суффиксов: *-уха (-юха) — -уша (-юша) — -ушка (-юшка)*: *Ванюха* (просторечн.) — *Ванюшка* — *Ванюша*; ср. *Веруха — Веруша — Верушка*.

Суффикс *-ушка* также связывается с суффиксом *-ун — -унья*, например: *хвастунья — хвастушка*.

Кроме того, выделяются три заимствованных интернациональных суффикса лица женского пола:

21. *-есса* (французское -esse, итальянское -essa) — преимущественно в титулах или в профессиональных обозначениях артистического и спортивного характера: *принцесса*, *баронесса*, *догаресса*, *чемпионесса*, *поэтесса* и т. п.

22. *-иса* (соотносительно с *-тер* и *-тор*): *актриса*, *директриса*, *инспектриса* и др.; но ср. также: *автомотриса* и т. п.

23. *-ина* (французское -ine, итальянское -ina): *балерина*, *синьорина*.

В состав суффиксов категории лица входят и суффиксы, с помощью которых образуются названия самок животных (*-ица* и *-иха*). Кроме того, некоторые из личных суффиксов женского рода употребляются и для обозначения предметов, вещей.

II. Суффиксы со значением конкретного или отвлеченного предмета-вещи

Категория предмета в словах твердого женского склонения формируется такими суффиксами:

1. *-иц(а)*, *-и́ц(а)* и *-ниц(а)*, *-ни́ц(а)*.

Суффиксы *-иц(а)* и *-ниц(а)*, обозначающие лиц женского пола и самок животных, имеют довольно широкое применение и в словах с чисто предметным содержанием.

В этом кругу основное значение суффикса *-иц(а)* и производного от него суффикса *-ниц(а)* — это указание на предмет и на женский род слова. Слова с суффиксом *-ниц(а)* находят соответствие преимущественно в основах имен прилагательных на *-ный*, слова с суффиксом *-иц(а)* производятся от основ имен существительных и при-

лагательных. У некоторых основ имеются параллельные образования с суффиксом *-ник*, но с другим значением (*чайник — чайница; кофейник — кофейница* и т.п.). Некоторые слова с суффиксами *-иц(а)*, *-ниц(а)* объединяются в небольшие семантически однородные группы. Таковы, например, названия помещений и мест жительства: *светлица*, *теплица*, *станица*, *темница*, *гробница*, *больница*, *гостиница*, и некоторых других вместилищ, сосудов: *перечница*, *чайница*, *кофейница*, *сухарница*, *чернильница*, *пепельница* и т. п.; заведений: *мельница*, *кузница* и т. п.; обозначения растений, злаков: *свекловица*, *чечевица*, *лиственница* и др.; одежды и ее принадлежностей: *исподница*, *петлица*, *пуговица* и др. Небольшая группа слов имеет собирательное значение: *конница*, *вольница*.

Но, вообще говоря, предметное значение суффиксов *-иц(а)* и *-ниц(а)* во многих словах не вполне определенно (ср. *пятница*, *единица* и т. п.). Оно угасает, выветривается. По словам Я. К. Грота, суффикс *-иц(а)* «некоторым именам не придает никакого нового предметного значения» [73]. Например, *тряпка — тряпица*. В современном русском языке активным и продуктивным является лишь использование суффикса *-ница* для образования слов, обозначающих вместилища, сосуды: *пудреница*, *сахарница*, *папиросница*, *пепельница*, *плевательница* и т. п.

2. Суффикс *-иц(а)* (безударный), обычно в сочетании с приставками отрицательного значения, образует от существительных, прилагательных и причастий страдательного залога имена, «означающие какое-нибудь дурное состояние или недостаток, и потому большей частью отрицательные или предложные» (Грот). Например: *распутица*, *бессонница*, *безвкусица*, *безработица*, *невнятица*, *нелепица*, *нескладица*, *неурядица*; ср. *околесица*, *путаница*, *разноголосица*, *сумятица* и т.п. (ср. *безделица*).

3. Омонимичный суффикс *-иц(а)*, *-и́ц(а)* имеет сверх того уменьшительно-ласкательное значение: *землица*, *кашица*, *крупица* (ср. *крупа*), *просьбица*, *частица* и пр.

4. Гораздо более широки и разнообразны предметные значения суффикса *-к(а)*. Развив большую продуктивность во второй половине XIX в., суффикс *-к(а)* образует от основ имен прилагательных слова, являющиеся лексическими эквивалентами словосочетания из прилагательного и из определяемого этим прилагательным существительного. Например: *открытка*, *вечёрка* (вечерняя газета), *дешовка*, *ночлежка*, *агитка* (агитационное произведение), *дежурка* (дежурная комната), *нормалка* (нормальная школа), *чрезвычайка* (чрезвычайная комиссия), *столовка*, *многотиражка*, *однодневка* (однодневная газета), *зачётка* (зачётная сессия или книжка), *непрерывка*, *текучка*, *обезличка* и т. п. Ср. у Боборыкина в романе «Китай-город»: «Вы бываете в концертах? — В музыкалке? — Так их зовут? Я не знала. Да, в музыкалке?»

Этот продуктивный тип словообразования широко развился на основе отыменных и отпричастных образований с суффиксом *-к(а)*, вроде: *клеенка*, *вязанка*, *горячка*, *колючка*; ср.: *овсянка*, *жестянка*,

землянка, *ледянка*, *перчатка* и т. п.; ср. *болячка*, *спячка*; ср. *лежанка*, *стоянка*, областн. *гулянка* и другие слова этого рода, образованные от основ существительных на *-ание*.

Кроме того, с помощью суффикса *-к(а)* образуются имена существительные от числительных: *двойка*, *тройка*, *четверка*, *пятерка*, *шестерка*, *семерка*; ср. *девятка*, *десятка*; ср. *пятисотка*, *сороковка* и т. п. Ср. разговорное новообразование *авоська* (от *авось*).

5. К суффиксу *-к(а)* примыкает менее продуктивный суффикс *-овк(а)* с тем же значением: *стенновка* (стенная газета), *листовка*, *кличёвка*, *буденовка* (шапка кавалериста), *толстовка* (рубашка), *спецовка*, *курсовка* и т. п.; ср.: *рябиновка*, *малиновка*, *сороковка* и т. п.

6. Рядом с *-овк(а)* вырастает просторечный суффикс *-ловк(а)*, присоединяемый к глагольной основе и означающий какое-нибудь бытовое, общественное явление или учреждение, действие, место действия: *потребиловка*, *заградиловка* (заградительный отряд), *уравниловка*, и т. п. Ср. жаргонные: *грабиловка*, *заводиловка*, *обираловка*.

7. Продуктивный суффикс *-лк(а)*, с помощью которого производятся от глагольных основ фамильярно-разговорные слова, обозначающие место, где происходит какое-нибудь действие: *раздевалка*, *читалка*, *умывалка* и т. п. Ср.: *умывальная* (комната), *читальня* или *читальный зал* и т. п.

Тот же суффикс образует от основ переходных глаголов обозначения инструмента, орудия действия. Например: *зажигалка*, *качалка*, *вешалка*, *сеялка*, *молотилка*, *веялка*, *точилка* и т. п. Этот способ словообразования находит особенно широкое применение в профессиональных диалектах.

8. В русском языке, кроме увеличительного суффикса *-ин(а)* (*молодец — молодчина; купец — купчина; дом — домина; ветер — ветрина* и т. п.), есть еще три суффикса-омонима: *-ин(а)*, *-и́н(а)*.

Суффикс *-ин(а)*, *-и́н(а)* имеет значение единичности. Он производит от основ слов с вещественно-собирательным значением названия единичной вещи, единичного предмета, выделенного из какой-нибудь массы, из совокупности, например: *тесина*, *горошина*, *картофелина*, *штанина*, *хворостина*, *жемчужина* и т. п. Ср.: *песчинка*, *кофеинка*, *крупинка*, *соринка*, *росинка*, *изюминка*, *соломинка* и т. п.

9. Другой суффикс *-ин(а)*, *-и́н(а)* образует от основ существительных, обозначающих рыб, домашних и диких животных, названия мяса какого-нибудь животного как пищи: *баранина*, *свинина*, *говядина*, *солонина*, *белужина*, *лососина* и т. п.; ср. *мертвечина*.

10. От этого суффикса ответвляется производный суффикс *-ятин(а)*: *курятина*, *гусятина*, *телятина*, *поросятина* и т. п.; ср. просторечно-вульгарн. *стервятина*.

Суффикс *-ятин(а)* расширяет сферу своего применения, присоединяясь к основам прилагательных, определяющих качество мяса: *тухлятина*, *дохлятина* и т. п., ср. областн. *свежатина*. В сочетании с основами прилагательных, выражающих отрицательные вкусовые качества, в этом суффиксе развивается переносное отвлеченное зна-

чение: нечто такое, что в своем существе целиком характеризуется данным неприятным качеством: *дохлятина*, *тухлятина*, *рыхлятина*, *кислятина*, *пошлятина*; ср. *отсебятина*. «Вернешься после полуночи из театра или с бала, уж ты не человек, а *дохлятина*, хоть брось» (Чехов, «Трагик поневоле»). Ср. у Лескова в романе «На ножах»: «Вы — ряхлятина».

11. Совсем обособленно стоит малопродуктивный суффикс *-ин(а)*, *-и́н(а)* в сочетании с основами имен прилагательных и местоимений, служащий для обозначения отвлеченного понятия или обобщенного, собирательного явления с несколько пренебрежительной экспрессией: *всячина*, *мешанина*, *писанина*; ср. *окраина*, *убоина*; ср. *-овин(а)*: *штуковина*, *сердцевина*, *пустяковина* и т. п.

12. Кроме того, суффикс *-ина*, *-и́на* этимологически выделяется в нескольких небольших семантических сериях слов (например: *рябина*, *крушина*, *смородина*, *маслина* и т. п.; ср.: *калина*, *малина*; *плотина*, *долина*, *равнина* и т. п.; *впадина*, *рытвина*, *промоина*, *перекладина* и т. п.). Все эти разряды непродуктивны *.

13. С суффиксом *-ин(а)* соприкасается суффикс *-и́н(ы)*, служащий для образования названий торжественных событий и семейно-бытовых празднеств, выражаемых в формах pluralia tantum: *октябрины*, *звездины*, *крестины*, *именины*, *родины*, *смотрины* и т. п.

14. Ряд конкретно-предметных суффиксов женского рода замыкается суффиксом *-ик(а)* (*-овик(а)*, *-евик(а)*, *-яник(а)*). Суффикс *-ик(а)* преимущественно обозначает ягоды и растения: *земляника*, *костяника*, *клубника*; ср.: *черника*, *голубика*, *ежевика*, *брусника*, *гвоздика* и т. п.

К этим суффиксам следует присоединить один заимствованный суффикс с очень конкретным предметным значением. В современном книжном языке и связанных с ним производственных диалектах распространяется суффиксообразный элемент *-тек-а* в значении: хранилище, собрание чего-нибудь, например: *картотека*, *игротека*, *инструментотека*, ср. *библиотека*.

III. Суффиксы отвлеченных понятий

Богато представлены в системе твердого женского склонения и суффиксы отвлеченных понятий. Сюда относятся:

1. Малопродуктивный суффикс *-ин(а́)*: *тишина*, *глубина*, *вышина*, *ширина*, *толщина* и т. п. Ср. *седина́* — *седи́ны*.

2. Очень продуктивный суффикс *-щин(а)* (ср. *-овщина*), служащий для образования отвлеченных слов, которыми обозначаются характеристические общественно-бытовые явления, идейные течения с отрицательной окраской. Соответствующие слова произво-

---

* Характерно недифференцированное описание значений этого суффикса в старых грамматиках: «Много женских имен с окончанием *-ина*, и значение их разнообразно: они означают единицу вещей дробимых, деревья и кустарники, кожу и мясо животных, качество, действие и явление вещей, совокупность: *градина*, *малина*, *говядина*, *новина*, *дружина*» («Опыт общесравнительной грамматики русского языка», стр. 137).

дятся очень часто от имен лиц, деятельность которых служит характерным признаком эпохи, режима, общественных явлений, идейных направлений или выражает их сущность. Повидимому, суффиксы *-щина* и *-овщина* начинают быстро расширять сферу своего употребления около середины XIX в. (ср. *обломовщина*, *карамазовщина*, *аракчеевщина*; ср. у Белинского: *литературщина* (Письма, II, стр. 353) *.

Но наибольшей экспрессивной силы и продуктивности достигает этот суффикс в начале XX в. и в нашу революционную эпоху. Ср. у Ленина: *патриархальщина*, *обломовщина* (XVIII, I, стр.221), *кружковщина*, *пуришкевичевщина* (Ленин, «Марксизм и ликвидаторство»), *постепеновщина* (XV, стр. 225) и т. п. Ср.: *уголовщина*, *зубатовщина*, *вкусовщина* и т. п.

После зубных суффикс имеет форму *-чин(а)*: *солдатчина*, *рекрутчина*, *складчина* и т. п. Случаи изменения отвлеченного значения в индивидуально-личное и собирательное (*военщина*, *белогвардейщина*, *мастеровщина* и т. п.) у слов с суффиксом *-щин(а)* не очень часты.

Суффикс *-щин(а)* встречается также в географических названиях украинских областей: *Киевщина*, *Полтавщина*, *Черниговщина* и т. д. Ср. также: *Смоленщина*.

3. Непродуктивный суффикс *-от(а)*, *-о́т(а)* употребляется в нескольких значениях. Степень непродуктивности этого суффикса зависит от различия его функций.

I. В сочетании с непроизводными основами качественных прилагательных суффикс *-от(а́)* наблюдается у существительных, имеющих значения качества, свойства, абстрактного признака, состояния: *широта*, *высота*, *долгота*, *доброта*, *чистота*, *простота*, *тошнота*, *красота*, *краснота*, *слепота*, *немота*, *хромота*, *глухота* и т. п. Ср. *суета*, *нищета* **. Суффикс *-от(а́)* в этом значении малопродуктивен, но жив.

II. Сюда же примыкает применение суффиксов *-о́т(а)* — *-от(а́)* (часто с окончаниями множественного числа) для указания на обозначенный по качеству предмет: *мокро́та* (ср. другое значение у слова *мокрота́*), *длинноты*, *краснота*. Таких слов немного.

III. Также непродуктивно и редко употребление суффикса *-о́т(а)*, *-от(а́)* в собирательном значении: *беднота́*, *пехо́та*.

IV. Преимущественно суффикс *-о́т(а)*, реже *-от(а́)* наблюдается в сочетании с глагольными основами в словах, означающих

---

* Очень интересен такой пример: Н. П. Некрасов в своей работе «О значении форм русского глагола» написал: «Наш язык вообще не любит *отвлеченцины*» (стр. 18). А. А. Потебня возражал: «Было бы свидетельством нелюбви и неспособности русского народа к умственным усилиям, если бы точно русский язык не любил отвлеченности, к которой Некрасов, повидимому, питает презрение (отвлеченцина!)» («Из записок по русской грамматике», II, стр. 355. Примечание).

** Некоторые слова этой группы имеют параллельные формы с суффиксом *-ин(а́)*: *толстота — толщина; высота — вышина; широта — ширина* и т. п. Значение суффикса *-от(а́)* более абстрактно и более качественно,

неприятное, болезненное состояние, например: *зево́та, ико́та, рво́та, дремо́та, ломо́та, перхо́та.* Ср. также: *хрипота́, сипота́* *. В этой функции суффикс *-от(а)* легко осознается, но уже не производит новых слов.

4. Продуктивный суффикс *-изн(а́)* (*-и́зн(а)*) со значением абстрактного признака в словах, образованных от основы качественного прилагательного: *белизна, желтизна, голубизна, крутизна, новизна, прямизна, кривизна, левизна* и т. п. Ср. также парные образования: *дороговизна, дешевизна.* Обособленно воспринимаются книжно-архаические слова с суффиксом *-и́зн(а)*: *отчизна, укоризна* и некоторые другие.

5. Мертвый суффикс *-об(а)*: *худоба, злоба, жалоба*; ср. *учёба.* Суффикс *-оба* выделяется в немногих словах со значением психического состояния, эмоции, действия и качества.

6. Очень продуктивный суффикс *-к(а)*, производящий от глагольных основ существительные со значениями конкретного действия или производственного процесса (результата и орудия действия). Например: *ковка, рубка, побелка, сварка, закалка, вёрстка, промывка, топка* и т. д. Ср.: а) *сечка, терка* и т. п.; б) *краска, обшивка, обмотка* и другие подобные. Ср. у Некрасова:

> От частой *недосыпки*,
> От пыли, от свинца
> Мы [наборщики] все здоровьем хлипки.
>
> («Песни о свободном слове».)

Образования с суффиксом *-к(а)* особенно широко распространены в разговорной речи и профессионально-технических диалектах, например: *протравка, изолировка* и др.

7. Уже непродуктивен суффикс действия-состояния *-б(а́), -б(а).* Например: *борьба, косьба, ходьба, молотьба, пальба, стрельба, просьба, мольба, похвальба, служба, дружба* и др.

Суффикс *-б(а),* так же как суффикс *-об(а),* изредка встречается в обозначениях отвлеченных понятий (например, *судьба*), образованных из названий действий, а также в обозначениях результатов действия (*резьба*).

8. Непродуктивный суффикс *-тв(а),* употребляющийся в сочетании с основами инфинитива на гласные *-и* и *-а*, обозначает действие, реже — результат и орудие действия: *жатва, молитва, битва, клятва* и другие подобные; ср. вульгарное *жратва́;* ср. в обозначениях орудий действия, например, *бритва.*

С твердым женским склонением связано также несколько заимствованных интернациональных суффиксов, сочетающих абстрактные значения с конкретными и наблюдаемых в сцеплении исключительно с иноязычными основами. Таковы:

---

* Ср. замечание Г. П а в с к о г о : «Когда *-ота* появляется при глагольных корнях, тогда им означается действие и явление почти всегда болезненное» («Филологические наблюдения», Рассуждение второе. Об именах существительных, II, стр. 112).

9. Суффикс *-ур(а)*, *-юр(а)* (латинский — ura, французское — ure) с самыми разнообразными значениями. Этот суффикс встречается в названиях:

а) областей культуры и искусства: *культура*, *литература*, *скульптура*, *архитектура* и т. п.;

б) предметов: *мензура*, *брошюра*, *миниатюра* и др.;

в) действия, способа действия, продукта действия: *процедура*, *мануфактура* и т. п.;

г) профессии, звания: *адвокатура*, *профессура*, *кандидатура* и др.;

д) коллектива лиц какой-нибудь профессии, например: *аспирантура*, *доцентура*, *профессура*.

Повидимому, лишь последние два значения этого суффикса отчетливо осознаются в современном русском языке.

Ср. в просторечии: *верхотура*, *пехтурой*.

10. Продуктивный суффикс *-ик(а)*, сочетающийся с заимствованными основами, для обозначения научной дисциплины, отдела науки, искусства, сферы деятельности, круга каких-нибудь явлений, отвлеченного понятия: *грамматика* (ср. *грамматист*, *грамматический*), *евгеника*, *фонетика*, *оптика*, *практика*, *критика*, *периодика*, *керамика*, *мозаика*, *графика*, *героика*, *мистика*, *архаика* и т. п.

11. К суффиксу *-ик(а)* примыкает производный продуктивный суффикс *-истик(а)* — ср. *-астик(а)*, — служащий в книжном языке для обозначений научных дисциплин или областей искусства, литературы: *лингвистика*, *романистика*, *германистика*, *патристика*, *памфлетистика*, *юмористика* и др. Ср.: *гимнастика*, *фантастика* и др. В разговорной речи и в стилях публицистического языка посредством этого суффикса образуются обозначения бытовых явлений с оттенком пренебрежения: *шагистика*, *глупистика*, *врунистика*, *формалистика*, *хамелеонистика*. Ср. у П. Боборыкина: «Я враг всякой татарской *надувастики* и рутины» (в речи промышленника); «До аттестата зрелости сидит такой малый над *зубристикой*» («На ущербе»).

12. Малопродуктивный суффикс *-ад(а)* *(-иада)*, образующий названия длительных действий *(блокада, канонада)*, ряда одинаковых предметов *(аркада, баллюстрада, колоннада)*, музыкальных, театральных, литературных (эпических по преимуществу) произведений (*буффонада*, *арлекинада*, *серенада*, «*Россиада*» и т. п.), спортивных состязаний (*-иада*: *олимпиада*, *альпиниада*, *спартакиада*), а также иронически употребляемый для обозначения событий и явлений, связанных с жизнью и деятельностью какого-нибудь лица, например: *Гапонада*, *Бернштейниада* и др. Ср. *фанфаронада*.

13. Суффикс *-тив(а)*, *-атив(а)*, выделяемый в заимствованных научно-книжных словах, преимущественно с отвлеченными значениями: *прерогатива*, *инвектива*, *инициатива* и т. п.

Ср. также интернациональные научно-книжные суффиксы *-м(а)* в терминологических обозначениях отвлеченных понятий

(*догма*, *система*, *аксиома* и т. п.), *-ом(а)* (в медицинском языке) в названиях болезненных опухолей (*глиома*, *липома*, *миома*, *саркома*, *фиброма* и т. п.), *-ем(а)* в лингвистике (*фонема*, *морфема*, *лексема*, *семема* или *семантема*), в математике (*теорема*), в медицине (*эмфизема*) и т. п.

IV. Суффиксы субъективной оценки

Так же как в системе мужского и среднего родов, в женском склонении выделяется группа суффиксов субъективной оценки. Экспрессивных формообразующих суффиксов женского рода больше, чем у слов мужского и среднего рода.

Формы субъективной оценки здесь также бывают разных степеней (*рука — ручка — рученька*; *береза — березка — березонька*; *река — речка — речу́шка — ре́чушка — реченька — речонка* и т. п.).

Схожие по своему звуковому составу, различные по значению суффиксы дифференцируются ударением. Так, суффикс *-у́шк(а)*, *-ю́шк(а)* имеет оттенок фамильярной уничижительности или иронии, снисходительного пренебрежения: *Марфушка*, *Ванюшка*, *болтушка*, *резвушка*, *толстушка*, *вертушка* и т. п. Ср. *пивнушка*, просторечно-вульгарное *кынушка* (кино). Безударный суффикс *-ушк(а)*, *-юшк(а)* имеет ярко выраженное ласкательное значение: *коровушка*, *голубушка*, *матушка*, *тётушка*, *ре́чушка* (но уничижительно: *речу́шка*), *ивушка*, *головушка* и т. п.*.

Основное значение суффикса *-ёнка*, *-онка* уничижительно-презрительное: *старушонка*, *бабёнка*, *душонка*, *юбчонка*, *девчонка*, *клячонка*, *шубёнка*, *деньжонки* и т. п. Впрочем иногда это значение поглощается уменьшительно-ласкательным: *ручонка*, *рубашонка* и др.

Безударный суффикс *-енка*, лишенный экспрессивных оттенков, производит имена лиц женского рода: *француженка*, *черкешенка*, ср. также: *нищенка*.

Необходимо составить каталог основных уменьшительно-ласкательных и уничижительных суффиксов женского твердого склонения:

1. Продуктивный суффикс *-к(а)* с уменьшительно-ласкательным значением: *книжка*, *ручка*, *ножка*, *капелька*, *спаленка*, *купаленка* и т. п.**.

2. Непродуктивный суффикс *-ц(а)*, *-ц(а́)* с уменьшительным значением, присоединяющийся к основам на мягкий согласный типа *пыль*, *лень* и т. п.: *пыльца́*, *крепостца́*, *рысца́*, *дверца*, *грязца́* и подобные, а также к словам на *-от(а)*: *краснотца́*, *с грязнотцой* и др. Но ср. также: *с хитрецой* (от *хитрый*).

---

* О дифференциации суффиксов *-у́шк(а)*, *-ю́шк(а)* и *-ушк(а)*, *-юшк(а)* см. у Г. Павского («Филологические наблюдения». Об именах существительных, стр. 89).

** Слова на *-н(я)* образуют уменьшительно-ласкательные формы с помощью суффикса *-к-*; причем *н* обычно отвердевает (кроме *деревенька*): *песенка*, *спаленка*, *вишенка*, *басенка*. Но ср. также *милостынька* (от слов на *-ыня*).

3. Малопродуктивный суффикс *-иц(а)* с уменьшительно-ласкательным значением: *водица*, *земляица*, *кашица*, *вещица*, *просьбица* и т. п.

4. Продуктивный суффикс *-ечк(а)*, *-очк(а)* с ласкательным значением (вторая степень субъективной оценки): *ямочка*, *книжечка*, *иголочка* и т. п.

5. Непродуктивный суффикс *-ичк(а)* (вторая степень от уменьшительных на *-иц(а:)* *сестричка*, *водичка*, *земличка* и т. п.

6. Продуктивный суффикс *-ньк(а)*, *-енък(а)*, *-онък(а)* с ласкательным оттенком (вторая степень субъективной оценки): *реченька*, *тётенька*, *душенька*, *зоренька*, *подруженька*, *ноченька;* в собственных именах: *Наденька*, *Катенька;* ср. в собственных именах мужских: *Васенька*, *Петенька*, *Николенька* и т. п. После твердых *с*, *з* и губных основы присоединяется суффикс *-онък(а)*: *полосонька*, *березонька*.

7. Продуктивный суффикс *-ёнк(а)*, *-онк(а)* с экспрессией презрения: *речонка*, *лошадёнка*, *коровёнка*, *девчонка*, *избёнка*, *комнатёнка* и т. п.

8. *-шк(а)* с оттенком фамильярной, несколько пренебрежительной ласки (ср. *ашки*, *бешки* — бывшее фамильярное обозначение учащихся групп А, Б в средней школе).

9. Малопродуктивный суффикс *-ушк(а)*, *-юшк(а)* с ласкательным значением и в нарицательных именах нередко с оттенком народно-поэтической стилизации (почти исключительно в пределах категории одушевленности): *зазнобушка*, *головушка*, *нянюшка*, *Манюшка* и т. п.

10. Продуктивный суффикс *-у́шк(а)*, *-ю́шк(а)* с презрительным и уничижительным (редко с ласкательным) значением: *пивнушка*, *речушка*, *комнатушка*, *деревушка*, *избушка* и т. п. Но ср. *дочу́шка*, *девчу́шка* и т. п. Слова на *-у́шка* первоначально производились от слов с фамильярно-ласкательным суффиксом *-уша* при посредстве суффикса *-к-*. В настоящее время суффикс *-уш(а)*, за пределами образований от собственных имен, очень непродуктивен. Ср. *-уша* в немногих отглагольных образованиях: *кликуша*, *крикуша* (ср. суффиксы *-уха*, *-ун*, *-унья*). Ср. у Лескова в «Островитянах»: «Тут влево резвятся другие русалки — *хохотуши*, *щекотуши*». В образованиях от именных основ, не относящихся к собственным именам, суффикс *-уша* также непроизводителен. Ср. актерско-жаргонн. *дорогуша*, *роднуша*. Об оттенках экспрессии суффикса *-уша*, *-юш(а)* в собственных именах можно судить по такому замечанию Л. Толстого в «Воскресении»: «... полу-горничная, полу-воспитанница. Ее и звали так средним именем — не Катька и не Катенька, а Катюша».

11. Непродуктивный суффикс *-ёшк(а)*, *-ошк(а)* с резко выраженной экспрессией презрения: *головёшка*, *рыбёшка* и т. д.

12. Продуктивный суффикс — *-ишк(а)*, *-и́шк(а)* с презрительным значением: *работишка*, *страстишка*, *картишки*, *бородишка* и т. д.

13. Продуктивный суффикс *-ёночк(а)*, *-оночк(а)* (третья степень ласкательности) с оттенком фамильярной усиленной ласки: *девчоночка*, *ручоночка*, *рубашоночка* и т. п.*.

14. Мертвый суффикс *-урк(а)* с ласкательным значением: *дочурка*, *девчурка*, *печурка*. Ср. *снегурка*.

Таким образом, в системе форм субъективной оценки опорными суффиксами женского рода являются *-к(а)*, *-шк(а)*, *-чк(а)*, *н(ъ)к(а)*.

§ 26. Общие выводы из обзора основных морфологических типов имен существительных

Из обзора основных морфологических типов имен существительных можно сделать некоторые общие выводы:

1. Классы слов мужского и женского рода обнаруживают параллелизм в приемах образования категории лица и вещи. Для категорий лица особенно характерна коррелятивность слов мужского и женского рода. Большая часть названий лиц женского пола производится от слов, обозначающих лица мужского пола.

2. Класс слов среднего рода резко отличается по формам суффиксального образования от классов слов мужского и женского рода.

3. Класс слов среднего рода беднее всех суффиксами. Наиболее продуктивные суффиксы среднего рода свойственны преимущественно стилям книжной, особенно научно-технической речи. Таковы суффиксы: *-ни(е)*, *-ств(о)* с производными. В устно-бытовом просторечии жив собирательный суффикс *-ьё*. Показательно отсутствие вновь заимствованных и недавно составленных суффиксов в системе образования форм среднего рода.

4. С классом слов среднего рода связываются главным образом отвлеченные значения действия и состояния. К отвлеченным значениям отчасти примыкает и собирательное значение. Значения места и орудия действия в суффиксальном (а также префиксально-суффиксальном) образовании слов среднего рода выражены неярко.

5. Кроме того, категория среднего рода включает в себя абстрактно-собирательные, обобщенные имена на *-ое*, *-ее*, образуемые субстантивацией формы среднего рода имен прилагательных, а также названия общих видов и родов животного и растительного мира.

6. Система форм среднего рода в литературном языке сильно поддерживается влиянием стилей книжной речи (газетно-публицистических и научно-технических), в которых производные слова среднего рода более употребительны, чем в бытовом разговорном языке.

---

* Ср. замечание Г. П а в с к о г о: «Уменьшительное унизительное окончание может перейти в неунизительное, когда прибавлен будет еще новый уменьшительный суффикс» («Филологические наблюдения», Рассуждение второе, стр. 91).

7. В мужском и женском роде типы мягкого склонения (а следовательно, и мягкого суффиксального образования) слабы, бедны и неустойчивы, уступая по грамматическому весу типам твердого склонения.

8. Женское склонение на мягкий согласный типа *кость* не очень продуктивно (ср. в нем омонимичность форм родительного, дательного и предложного падежей). Книжный суффикс *-ость* (с вариантами) является главной опорой новообразований в системе этого склонения.

9. В классе слов мужского рода выразительны лишь категории лица и конкретного предмета. В формы мужского рода облечены также названия детенышей, малых предметов (категории невзрослости и социальной неполноценности). Разряды суффиксов отвлеченного значения в словах мужского рода пополняются главным образом заимствованиями из западноевропейских языков. Классу слов мужского рода в общем чужда идея морфологически выраженной собирательности.

10. Наиболее богат значениями и оттенками суффиксов класс слов женского рода. Кроме обозначений лиц женского пола, самок животных, кроме общего значения конкретного предмета, здесь сосредоточены значения качества, эмоции, действия и состояния, единичности и собирательности. По богатству отвлеченных значений категория женского рода превосходит средний род *.

11. Категория женского рода является наиболее экспрессивной. В ней сосредоточено больше всего форм субъективной оценки.

12. Перенос форм женского рода в класс слов мужского рода связан с очень разнообразными и очень яркими экспрессивными изменениями смысла.

13. Менее богат экспрессивными суффиксами класс слов среднего рода. Многие старые формы экспрессивных образований, относившиеся к среднему роду, перешли в систему форм мужского и женского рода. Только увеличительные суффиксы остаются в сфере внешних приемов словоизменения, свойственных среднему роду. Категория одушевленности почти целиком выпала из класса слов среднего рода (*мальчишка — мальчишку*). Лишь в категории неодушевленности возникают гибридные типы женско-среднего склонения (*домишко, домишки, домишке* и т. п.).

14. Беднее всего экспрессивными оттенками класс слов мужского рода.

15. Категория рода ярче всего обнаруживается в формах единственного числа. Во множественном числе родовые различия стираются. В образовании форм множественного числа заметно сильное ассимилирующее влияние женского рода **.

---

* Еще И. Ф. Калайдович заметил, что «имена отвлеченных предметов в русском языке бывают большею частью женского и среднего родов» (статья «Замечания о родах грамматических в языке русском» в «Трудах Общества любителей российской словесности», ч. V, М. 1824, стр. 176).

** Ср. у К. С. Аксакова в «Опыте русской грамматики»: «Язык

5. КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА В СИСТЕМЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

§ 27. Предметно-смысловые основы категории числа имен существительных

При самом зарождении русской исторической грамматики в первой половине XIX в. исследователям бросилось в глаза многообразие значений множественного числа в русском языке. Формы и значения множественного числа представлялись морфологически и семантически обособленными от форм единственного числа, не вполне соотносительными с ними. Функция форм единственного числа имени существительного вообще казалась неоднородной и неопределенной. В формы единственного числа облекались не только имена единичных вещей, но и названия предметов, мыслимых без отношения к счету, к идее числа, например, названия отвлеченных и собирательных понятий. Все это нарушало параллелизм и взаимосвязь форм единственного и множественного числа имен существительных. К. С. Аксаков пытался объяснить это явление «склонностью русского человека видеть во множественном как бы новое имя» [74], «стремлением к образности, стремлением понять множество как совокупность и множественное число имени обратить в новое имя» [75]. Наиболее яркими проявлениями процесса «лексикализации» множественного числа, по Аксакову, были: 1) широкое развитие собирательных значений во множественном числе и своеобразие их внешнего выражения (посредством окончаний *-á*, *-ья* в мужском роде, например: *друзья*; ср. другие морфемы множественной совокупности); 2) поглощение значений «личности» и «единицы» в формах множественного числа: «Самое множество отчасти поглощает личность, а, с другой стороны, отчасти устраняет родовое значение единственного» (ср. отпадение личностного суффикса единичности — *-ин* во множественном числе: *гражданин — граждане*); 3) устранение родовых различий во всех формах множественного числа (за исключением некоторых форм родительного и отчасти именительного-винительного падежей).

Категория множественного числа в строе имени существительного выступает как сильная, многознаменательная категория. По отношению к ней категория единственного числа является до некоторой степени категорией негативной, иногда даже как бы «нулевой». Мысли К. С. Аксакова о грамматических своеобразиях множественного числа существительных нашли дальнейшее развитие и глубокую самостоятельную разработку в исследовании А. А. Потебни: «Значения множественного числа в русском языке» («Филологические записки», 1885—1886 гг. и отдельный оттиск 1886 г.).

наш, — не признавая большой разности между предметами мужского, женского и среднего рода, как скоро они находятся во множестве, — принял для всех трех родов одно склонение: склонение имен женского рода как самое определенное и богатое» («Опыт русской грамматики», стр. 105).

Акад. А. А. Шахматов в «Очерке современного русского литературного языка» и особенно в «Синтаксисе русского языка» связал разнообразные значения множественного числа, установленные Потебней, с различиями в формах множественного числа. Кроме того, он дополнил и систематизировал намеченные А. А. Потебней значения множественного числа *. Таким образом выяснилось, что категория числа имен существительных представляет сложный предметно-смысловой узел, в котором сплетаются разнообразные грамматические и лексико-семантические особенности существительных [76].

§ 28. Виды грамматического соотношения между формами единственного и множественного чисел имен существительных

В формах множественного числа имен существительных обнаруживается ряд грамматических явлений, чуждых единственному числу. Во множественном числе стираются родовые различия слов (ср. *дитя — дети*; *телёнок — телята*; *конь — кони*; *кость — кости*; *зеркало — зеркала*; *город — города* и т. п.). В самом деле, формы дательного, творительного, предложного падежей множественного числа во всех склонениях одинаковы, за единичными исключениями (вроде *полечь костьми*) в творительном падеже у слов типа: *дверь*, *лошадь*. В именительном падеже множественного числа также у многих разрядов слов родовые различия исчезают (ср. окончания *-а*, *-ья* в мужском и среднем роде, окончания *-ы*, *-и* в мужском и женском роде, а в некоторых разрядах — у слов на *-ко* и *-це* при отсутствии ударения на окончании — и в среднем роде: *плечики*, *веки*, *колечки*; ср. также *очки*, *ушки*). В родительном падеже множественного числа только окончания *-ов*, *-ев* чаще всего прикреплены к мужскому роду, хотя изредка встречаются и в среднем (при именительном падеже на *-ья*: *деревьев*, *платьев*: на *-ики*: *плечиков*, *колесиков*; ср. также *облаков*, *озерков*; у слов с суффиксом *-це*: *зеркальцев*) **. В литературном языке это окончание абсолютно чуждо словам женского рода. Pluralia tantum вообще лишены формы рода. У названий домашних животных, при различных обозначениях самца и самки в единственном числе (*козел — коза*, *боров — свинья*, *петух — курица*), во множественном числе употребляется одна

---

* Ценные соображения и замечания, касающиеся истории категории числа в русском языке, можно найти также в работах акад. А. И. Соболевского, особенно в его «Лекциях по истории русского языка». Ср. также его «Русский исторический синтаксис».

** Ср. замечание Н. Н. Дурново о том, что русскому языку свойственна «тенденция к полному устранению во множественном числе родовых различий, не связанных с категориями одушевленности и неодушевленности или лица и не-лица; различие между мужским и немужским (женским или средним) родом во множественном числе сказывается, но не с достаточной последовательностью, и не везде лишь в присвоении genet. plur. на *-ов* только именам мужского рода» («Введение в историю русского языка», Brno 1927, стр. 218).

форма — общая (для выражения совокупности): *козы, овцы, свиньи, куры, утки, гуси.* В существительных, восходящих к формам имен прилагательных, родовые различия во множественном числе не сохраняются уже потому, что они утрачены во множественном числе и самими именами прилагательными.

Вместе с тем, грамматическое соотношение форм единственного и множественного числа у имен существительных все более и более осложняется дополнительными реальными значениями. Параллелизм падежных форм единственного и множественного числа разрушен. Для множественного числа характерна гибридизация разных типов склонения [77] (ср. *поля́, полей, полям; учителя́, учителей, учителям; друзья, друзей, друзьям* и т. п.). Акад. А. А. Шахматов с свойственной ему лингвистической проницательностью указал на необходимость в словах мужского рода (где особенно велико разнообразие форм множественного числа) решительно отделять классификацию типов склонения во множественном числе от единственного числа. В единственном числе (если не считать слова *путь*) существительные мужского рода с нулевым окончанием в именительном падеже слились в один тип склонения. Во множественном числе А. А. Шахматов предлагал у них различать четыре типа склонения по особенностям формы родительного падежа: 1) множественное число слов с основой на твердый согласный и на *-й (j)*: *сне́га, столы, водопады, воробьи*; 2) множественное число слов на *-ж, -ш* и на мягкий согласный: *ножи, родители, учителя*; 3) множественное число слов на твердый согласный, у которых именительный множественного оканчивается на *-ья*; 4) множественное число слов, имеющих в единственном числе суффикс единичности *-ин*: *бояре* [78].

Но эта классификация не безупречна. Она не учитывает различий между продуктивными и непродуктивными типами склонения (со́считаны формы им. мн. мужск. рода на *-ья́*, род. *-е́й;* непродуктивны образования на *-ья*, род. *-ьев*; лексически замкнута группа существительных на *-ин*, в им. множ. *-е*). Кроме того, в схеме Шахматова не всегда приняты в расчет различия форм именительного падежа множественного числа. Так, формы на *-а́, -я́* перемешаны с формами на *-и, -ы*. Между тем нет оснований сливать в один тип столь разнообразные формообразования [79]. В разряде слов с именительным падежом множественного числа на *-ья* сам А. А. Шахматов отметил две группы: «в первую, обнимающую как исконные собирательные женского рода, так и собирательные среднего рода, входят все те слова, которые оканчиваются на неударяемое *-ья*; в родительном падеже множественного они имеют *-ев*: *братья — братьев, сучья — сучьев, каменья — каменьев*; во вторую, обнимающую только (исконные. — *В. В.*) собирательные женского рода, входят слова, которые оканчиваются на ударяемое *-ья́*; в родительном падеже множественного они имеют *-е́й*: *мужья — мужей, друзья — друзей, сыновья — сыновей.* Таким образом, первая группа примыкает к словам с основами на твердую

согласную, а вторая — к основам на мягкую согласную»[80]. Следовательно, выделение этого разряда в самостоятельный морфологический тип вообще оказывается излишним. Кроме того, система падежных форм множественного числа мужского рода не является вполне обособленной от склонений разных разрядов слов среднего и даже женского рода. Так, нетрудно найти частичные, а иногда и полные совпадения в формах множественного числа между типами мужского и среднего склонения. В системе склонения слов среднего рода выделяются: 1) множественное число слов среднего рода с окончанием именительного падежа *-а(-ы)*, *-а́*; *-я-(и)*, *-я́*: *зарева*, *колеса*, *вина*, *покрывала*, *зерна* (ср. *хозяева*, *хитосы*, *уланы*, *грузины* и т. п.; *поля́*, *моря́*; ср. *учителя́*); 2) множественное число слов с непродуктивным окончанием именительного падежа на *-ья*: *перья*, *деревья* (ср. *клочья*, *крючья* и т. п.); 3) множественное число слов с неподвижным ударением на основе, оканчивающихся в именительном падеже на *-ки*, в родительном *-ков* и *-ек* (в именительном единственного числа на *-ко*): *плечики*, *колесики*, но ср. *облака;* ср. *веки*, *век* и *войска*, *войск* и т. п.

Таким образом, формы множественного числа у слов среднего рода не образуют обособленных типов склонения: они совпадают либо с системой женского, либо с системой мужского (твердого) склонения.

Имена существительные женского рода, во множественном числе слившиеся в одной парадигме, в одной системе падежных форм, кроме формы родительного падежа, по форме родительного падежа распадаются на два типа: а) *жена — шалунья* (ср. *скамья*, *бадья* и т. п.) и б) *кость — степь* (ср. *жены*, *шалуньи*, *кости*, *степи*; родительный падеж: *жен*, *шалуний; свеч — свечей* и *костей*, *степей*). Но эти типы женского склонения совпадают отчасти и с мужским-средним (ср. *камни — камней; калачи — калачей;* у двух слов среднего рода родительный тоже на *-ей*: *полей*, *морей;* ср. *жилищ*, *исследований*, *поветрий* и т. п.). Во множественном числе падежные формы таких разных слов, как *нож* и *пустошь; плетень*, *ремень* и *западня*, *тень*, образуются одинаково. Во множественном числе склонение форм: *каменья*, *уголья* и *перья*, *крылья* (ср. также поэтическ. *гроздья* и просторечно-областн. *дырья*), ничем не отличаются одно от другого. Кроме именительного падежа, формы слов *боярин* и *жена* (*бояре — жены*) не имеют во множественном числе никаких различий. Разницы между склонением *кружева* и *хозяева*, кроме ударения и различий в форме винительного падежа, нет никакой. *Яблоки* и *наволоки*, *зерна* и *таверны*, *колечки* и *полочки*, *плечи* и *свечи* принадлежат во множественном числе к одному типу склонения. Таким образом, во множественном числе нет прямой соотносительности с типами склонения единственного числа. Формы слов, принадлежащих в единственном числе к системе среднего рода, во множественном числе ближе к женскому склонению, чем к мужскому. Между склонением многих разрядов слов муж-

ского рода и между женской системой падежных изменений во множественном числе нет не только контраста, но нередко и вовсе никаких различий (особенно в мягком склонении; ср. *родители* и *добродетели*). Дифференциация форм множественного числа исчерпывается различиями именительного-винительного и родительного падежей.

При этом более или менее ощутительно только противопоставление форм именительного-винительного и родительного падежей между твердым мужским (к которому во множественном числе примыкают основы на j (й): *снега — снегов, водопады — водопадов, коренья — кореньев; воробьи — воробьев*) и твердым женским типом (*воды — вод*; *сестры — сестер*). Твердое мужское склонение в именительном падеже множественного числа все больше влияет на мягкое, передавая ему окончание именительного множественного числа *-á (-я)* *. К этому типу (*учителя́, слесаря́*) примыкают системы форм двух слов среднего рода с ударением во множественном числе на окончании (*моря́, поля́*). Склонение мягких основ мужского рода с формой именительного падежа множественного на *-и (кони, звери, аптекари;* ср. *пути*) ничем не отличается от склонения во множественном числе слов женского рода (типа: *кости, страсти, ступни, степени*). Таким образом, во множественном числе у имен существительных нет чистых и обособленных типов склонения. Родовые перегородки между формами склонения здесь разрушены.

По форме родительного падежа во множественном числе выделяются три основных типа:

1) *плоды — плодов; города — городов; облака — облаков; волки — волков; плечики — плечиков; очки — очков; воробьи — воробьев*; сюда же примыкает непродуктивный тип на *-ья, -ьев: коренья — кореньев*; *стулья — стульев; звенья — звеньев*.

2) *жены — жен; шалуньи — шалуний; свиньи — свиней; дули — дуль; жилища — жилищ; рассуждения — рассуждений; ружья — ружей; зеркала — зеркал* и т. п. Сюда же примыкают лексически связанные или морфологически изолированные группы слов мужского рода (с нулевым окончанием в форме род. мн.): *глаза — глаз; глазки — глазок; сапожки — сапожек; башкиры — башкир; гренадеры — гренадер* и т. п.) [81];

3) *кости — костей; добродетели — добродетелей; страсти — страстей; сани — саней; сопли — соплей; ноздри — ноздрей; вожжи — вожжей; ножи — ножей; кони — коней; звери — зверей; лыжи — лыжей* и т. п.; *учителя — учителей; писаря — писарей* и т. п. Сюда же примыкают непродуктивные группы женского и общего рода, а также единичные слова мужского рода на *-а, -я*: *ханжи* —

---

* Акад. С. П. Обнорский констатирует широкое распространение *-я́* со второй половины XIX в. и в мягких основах, особенно у слов на *-рь, -ль*. («Именное склонение в современном русском языке», вып. II, 1931, стр. 44. Ср. Г. Павский, Филологические наблюдения. II. Об именах существительных, стр. 327.)

ханжей; дяди — дядей; брони — броней; каланчи — каланчей; межи — межей и т. п.

Различия форм именительного падежа множественного числа не совпадают с границами типов склонения, устанавливаемыми по форме родительного падежа. Здесь обнаруживается более пестрое смешение и взаимодействие разных классов имен существительных:

1) Формы на *-ы*, *-и* от существительных мужского и женского рода и (в образованиях на *-ко*, а также в изолированных словах) от имен среднего рода: *плоды; сады; партийцы; марксисты; лингвисты; чайники; жены; сестры; сараи; воробьи; трещины; высоты; учительницы; кони; звери; гуси; гвозди; воспитатели; страсти; неожиданности; колечки; яблоки.*

2) Формы на *-а́*, *-я́* от имен существительных мужского и среднего рода: *мастера, города, снега, учителя, писаря, зеркала́, моря́* и т. п.; ср. *господа́*.

3) Формы на *-а* от имен существительных среднего рода: *окна, жилища* и т. п.; отдельно: *хозяева*.

4) Непродуктивные формы на *-ья(ъя)* от имен существительных мужского и среднего рода (*сучья, колья, поленья* и т. п., ср. также *братья*).

5) Формы на *-ья́* (мертвые) от нескольких слов мужского рода со значением лица: *друзья, князья, мужья, зятья, сватья, дядья;* ср. *сыновья, кумовья.*

6) Формы на *-е* от имен существительных мужского рода с суффиксом *-ин* в единственном числе.

Понятно, что особый тип склонения образуют те существительные, которые произошли из полных форм имен прилагательных и причастий (вроде: *ломовой, нищий, прохожий, приезжий, присяжный; горничная, закусочная, набережная, мостовая, пивная, приемная, прачечная; мороженое, подлежащее, сказуемое, приданое* и т. п.).

Таким образом, системы форм множественного числа существительных представляют собою сложное скрещение и пересечение разных морфологических типов, в которых отчасти сохраняется и связь, а иногда и соотношение с родовыми классами единственного числа. Однако параллелизм соотношений здесь резко нарушен.

Обособление форм склонения множественного числа от системы форм единственного числа выражается и в различии основ единственного и множественного числа у многих слов мужского и среднего рода:

1. У группы имен существительных мужского и среднего рода, оканчивающихся в именительном падеже множественного числа на *-ья*, основа множественного числа отличается от основы единственного числа появлением *j* и смягчением предшествующего согласного (а также в отдельных основах чередованием *к — ч*, *г — з*). Например: *луб — лубья; брат — братья; крюк — крючья* (ср. значение формы *крюки*); *клок — клочья* (ср. *клоки*); *друг — друзья; брус — брусья; обод — ободья; лоскут — лоскутья* (но ср. также *лоскуты*); *полоз — полозья; прут — прутья; струп — струпья; колос — коло-*

вья; ком — комья; стул — стулья; клин — клинья и т. п.; *крыло — крылья; дерево — деревья; дно — донья; звено — звенья; полено — поленья* и т. п.; ср. *князь — князья; муж — мужья; зять — зятья;* ср. также: *сын — сыновья; кум — кумовья* (в областной речи: *шурин — шурья* и др.) *.

2. У имен существительных на *-ин* основа множественного числа лишена этого суффикса единичности: *гражданин — граждане; крестьянин — крестьяне; англичанин — англичане* и т. п.

От слов: *татарин, болгарин* — форма именительного падежа множественного числа оканчивается на *-ы*. Но в некоторых словах, преимущественно с односложным корнем: *грузин, русин*, ср. *осетин* и т. п., суффикс *-ин* остается и в формах множественного числа (ср. *воин — воины*; ср. также от *семьянин — семьянины*, а не *семьяне*). Отдельно: *хозяин — хозяева* (ср. устар. *татарва*; ср. *листва*).

3. У существительных на *-ёнок*, означающих детенышей, в основе множественного числа этот суффикс замещается суффиксом *-ят(а); октябрёнок — октябрята; телёнок — телята*: и т. п. Ср. в некоторых словах суффикс *-енята*: *чертёнок—чертенята; бесёнок — бесенята* (ср. *лисенята*). Ср. также форму *внучата*, которая ближе связывается со словом *внук* и не имеет оттенка ласкательности и уменьшительности, свойственного слову *внучек;* ср. *щенята* — при *щенки* от *щенок*.

4. Существительные на *-мя* (*семя, стремя, племя, имя, знамя, время*) образуют формы множественного числа с суффиксом *-ен-* (в отличие от суффикса косвенных падежей единственного числа *-ен'-*): *имена, времена* и т. п.

5. У существительных среднего рода *небо, чудо* формы множественного числа осложнены суффиксом *-ес*: *небеса, чудеса* (ср. *тело* и *телеса*, ср. архаически-славянск. и иронич. *словеса*).

Формы единственного и множественного числа у многих слов отличаются и ударением. Например, в именах неодушевленных предметов мужского рода: *нос, но́са — носы́; гро́б, гро́ба — гробы́; сад, са́да — сады́; бой, бо́я — бои́; дар, да́ра — дары́; сыр, сы́ра — сыры́; чин, чи́на — чины́; плуг, плу́га — плуги́ (плуго́в); слой, сло́я — слои́; рой, ро́я — рои́; по́езд, по́езди — поезда́; го́род, го́рода — города́; дом, до́ма — дома́, по́греб, по́греба — погреба́* и т. п.; в названиях лиц мужского рода: *пе́карь — пекаря́; учи́тель, учителя́: до́ктор — доктора́; конду́ктор — кондуктора́; дире́ктор — директора́;* в словах женского рода: *жена́, жены́ — жёны; сестра́ — сёстры; волна́ — во́лны* и т. п.; *красота́ — краса́ты; глубина́ — глуби́ны; седина́ — седи́ны; высота́ — высо́ты;* ср. *сирота́ — сироты́* и т. п.; ср. *слюна́ — слю́ни;* в словах среднего рода: *ле́то — лета́; ме́сто — места́; о́зеро — озёра; весло́ — вёсла; се́рдце — сердца́; пра́во — права́; сло́во — слова́; ста́до — стада́; село́ — сёла; мо́ре — моря́; по́ле — поля́; о́блако — облака́; кру́жево — кружева́; колесо́ —*

---

* Существительные *чорт* и *сосед* имеют все формы множественного числа со смягчением конечного согласного основы: *черти, соседи*.

колёса; полотно́ — поло́тна; де́рево — дере́вья; перо́ — пе́рья; крыло́ — кры́лья; ср. в вульгарном просторечии в областных диалектах: *пальто́ — по́льта; кило́ — ки́ла.* (Отступления: 1) у слов среднего рода с серединным ударением типа: *коры́то — коры́та; свети́ло — свети́ла* и т. п.; ср. неподвижное ударение слов на *-и́ще, -и́ло, -а́ло;* 2) у отглагольных на *-анье, -енье, -тье: кушанье — кушанья; капиталовложение — капиталовложения; изъятие — изъятия* и т. п., ср. также у неглагольных слов на *-ье: платье — платья;* 3) у слов церковно-книжного происхождения: *правило, торжество, пиршество* и т. п., ср. весь разряд слов на *-ство, -ствие.*)

Обособление форм множественного числа еще более резко сказывается в образовании их у некоторых слов от совсем других основ (супплетивные формы): *человек — люди;* ср. *курица — куры; цветок — цветы; ухо — уши; око — очи; судно — суда* и т. д. У других слов оказываются двойные формы множественного числа, различающиеся значениями, например: *хлеб: хлебы — хлеба; зуб: зубы — зубья; крюк: крюки — крючья; лист: листы — листья; корень: корни — коренья; камень: камни — каменья; колено: колени — колена; мех: меха* (ср. *мехи*); *образ: образы — образа; цветы* — (в единственном числе *цветок*, но в специальном ботаническом языке употребляется в этом значении *цвет*) — *цвета; муж: мужи (государственные мужи, мужи науки)* — *мужья; сын: сыны (сыны народа, сыны отечества, сыны родины)* — *сыновья; кол: колья* (при устарелом *колы* в значении школьной отметки); ср. далекие омонимы: 1) *повод — поводы;* 2) *повод — повода* и *поводья.*

При овладении формами литературного языка категория числа имен существительных представляет особенные трудности. Например, В. А. Добромыслов указывает, что в языке обследованных им рабочих-подростков слова: *правило, занятие, развлечение, собрание, звание* — часто употребляются вместо множественного числа в единственном (*правило внутреннего распорядка; там было много развлечения* и т. п.), а слова: *воображение, время провождение, рождение* — вместо единственного числа во множественном (*с моих рождений, внешкольные времяпровождения* и т. п.)[82].

Таким образом, категория числа в русском языке осложнена разнообразными лексико-семантическими значениями и оттенками.

§ 29. Лексико-семантические различия, связанные с формами числа имен существительных

С грамматическими формами числа связаны разные лексические значения. Например, слово *атмосфера* лишено форм множественного числа во всех значениях, кроме одного — специального. Обозначая в физике и технике единицу для измерения давления газообразных тел (равную 1,033 *кг*, или 1 *кг* на 1 *см*^{2}), оно образует формы множественного числа. Слово *красота* в отвлеченно-качественном значении, а также в значении красивой, привлекательной наружности употребляется только в единственном числе. Во множественном числе форма *краса́ты* получает новое предметное значение: кра-

сивные места — то, что производит эстетическое впечатление (ср. *длинны́*). В слове *крайность* некоторые значения, а именно, значения: 1) тяжелое опасное положение, 2) бедность, нужда — связаны только с формами единственного числа. Напротив, значения крайней степени и крайней противоположности проявляются в формах единственного и множественного чисел (ср. *крайности сходятся*). *Устои* в смысле моральных основ — pluralia tantum. Напротив, в техническом значении *устой* имеет формы обоих чисел. Ср. *вес* и *весы*.

Итак, формы числа выступают как способ грамматической дифференциации разных значений слов. Распад слова на два или несколько самостоятельных слов — омонимов — нередко подчеркивается различиями в формах числа. Например, слово *долг* содержит два значения: 1) обязанность *(исполнить гражданский долг, чувство долга)*; 2) взятое взаймы *(отдать долг)*. Смысл таких фраз, как *остаться в долгу перед кем-нибудь, отдать последний долг кому-нибудь* — свидетельствует о былой тесной связи этих двух значений. Близость этих двух значений сказывается и в слове *должник*, которое употребляется не только в прямом, но и переносном значении. Ср. значения слова: *должен* (*должен большую сумму денег* и *должен завтра уехать*). Но производные слова: *должный* (*не на должной высоте, с должным вниманием* и т. п.), *долженствование, должно, должность* и т. п., направляются по руслу лишь одного из значений слова — *долг*, именно: значения — обязанность. Таким образом, намечается некоторая тенденция к превращению двух различных значений слова *долг* в омонимы, в два отдельных слова. Различия между ними углубляются фразеологически. Ср.: *отдать, вернуть долг, расплатиться с долгом, наделать долгов, долг чести* и т. п. и *исполнить долг, считать своим долгом, гражданский долг, чувство долга* и другие подобные.

Грамматические особенности содействуют разграничению двух омонимов. От слова *долг* (в значении взятое взаймы) легко образуются формы множественного числа: *долгей, долго́в* и т. п. Между тем *долг*-обязанность употребляется преимущественно в единственном числе. Если же к этому значению приспособляются формы множественного числа, то ударение в них остается на основе: *до́лги*. У Островского в пьесе «Красавец-мужчина» Окоемов говорит: «Потом, надо бросить все эти предрассудки, там *до́лги* разные, приличия и обязанности, которыми вы себя опутываете, как цепями»[83]. В церковнославянском языке ударение в этом слове тоже оставалось на основе *(и остави нам до́лги наши)*. В афоризме Кузьмы Пруткова: «Платя свои *долгй*, ты тем самым их выполняешь» — каламбурно слиты в одном звуковом комплексе два омонима — *долгй* и *до́лги*. Ср. противопоставление омонимов: *духй* — *ду́хи*.

Напротив, у некоторых слов формы единственного и множественного числа употребляются в одном значении, как синонимы, с некоторыми экспрессивными оттенками.

Например, слово *время* употребляется только в формах единственного числа при всех значениях, кроме двух: 1) грамматического: форма глагола, выражающая отношение действия к настоящему, прошедшему и будущему, например: *учение о временах русского глагола*, и 2) книжного: *эпоха, период (во времена Петра Великого)*. Но в этом последнем значении форма *времена* иногда обозначает множественность (например, *времена года*), иногда же употребляется просто как синоним формы *время* со своеобразными нюансами (например: *веселое время* или *веселые времена; с незапамятного времени* или *с незапамятных времен, во время оно* или *во времена оны* и т. п.).

В других словах различие форм единственного и множественного чисел создает оттенки значений слова, однако не числового, а количественного или интенсивно-качественного характера. Например: *небо* и *небеса* (*месяц плывет по ночным небесам); мозг* и *мозги* (*человек с мозгами; с твоими мозгами думать не безопасно* и т. д.); *излишек* и *излишки* (ср. *излишек храбрости;* но: *излишки производства*) и т. п.

Таким образом, в смысловой структуре имени существительного с формами числа связаны различия не только грамматические, но и лексико-семантические.

Категория числа в строе имени существительного, так же как и категория рода, является категорией лексико-грамматической (в отличие от форм числа имен прилагательных). При этом категория единственного числа, как категория слабая и до некоторой степени негативная, определяется в своих функциях лишь соотносительно с значениями множественного числа.

§ 30. Группы имен существительных, имеющих формы только единственного числа. Функции категории единственного числа

Большое количество имен существительных имеет формы словоизменения или только единственного, или только множественного числа. Только формы единственного числа присущи тем словообразовательным разрядам имени существительного, в которых с реальным значением слов не сочетается либо представление о числе вообще, либо представление о множественности вообще, либо представление о множественности, выраженной в числах, в количественном измерении.

Обзор этих разрядов можно начать с переходных типов. Сюда относятся слова, которые имеют формы обоих чисел, но которые во множественном числе употребляются почти исключительно в сочетании с числительными количественными: *два*, *три*, *несколько* и т. п. (а также со словами *весь*, *никакой*, *многие*) или с предлогами, означающими количество, обладание, лишение, а без предлогов — лишь в функции родительного количественного (кроме, конечно, указательно-номинативного или индикативного употребления со словом *этот*). Это слова с суффиксом *-ин(а)*, означающим отдельный, единичный предмет, обособленный от группы, массы или вещества. Например: *пять картофелин, несколько горошин; двумя хворостинами; не досчитаться многих тесин; все жемчужины оказались на месте* и т. п. Сюда же примыкают и уменьшительно-ласкательные образования с тем же суффиксом в форме *-инк(а)*: *несколько дробинок попали в голову*; ср. употребление слов: *песчинка*, *пылинка*, *крупинка*, *соринка*, *чаинка* и т. п. (но ср.: *ни одной кровинки в лице; с изюминкой* и т. п.; ср. употребление слов на *-инк(а)* с отвлеченным значением, например, у Лескова в очерке «Воительница»: «Была у нее, как у русского человека, и маленькая *лукавинка*»).

Сходные же оттенки развиваются в некоторых словах с суффиксом *-ин(а)*, имеющим в современном языке увеличительно-уничижительное значение, например: *бычина*, *детина*.

Далее следуют разряды слов, изменяющихся только по формам единственного числа, так как они не соединяются с представлением о счете. Это:

1) Слова, обозначающие совокупность лиц, предметов, мыслимых как коллективное или собирательное единство, как одно неделимое целое. Эти слова образуются или образованы с помощью разных суффиксов «собирательности»: разговорного *-ьё*, например: *старичьё*, *бабьё*, *воронъё*, *бельё*, *гнильё* и т. п. (ср. у Блока: «С *солдатьём* гулять ходила»); книжного суффикса *-ство* (*-ество*, *-енство*, *-инство*), например: *большинство*, *меньшинство*, *множество*,

купечество, *дворянство*, *учительство*, *чиновничество* и т. п.; непроизводительного *-отá*: *беднотá*, *мелкотá* (*все ушли в поле, дома — одна мелкота*); вымирающего просторечного *-ия*: *комсомолия*, *пионерия* и т. п. (но ср.: *кавалерия*, *гвардия*, *армия*); презрительно-просторечного *-ня* в единичных словах (*солдатня*, *матросня*); ср., впрочем, *родня*, а также устарелое *дворня*; презрительного *-щина*: *армейщина*, *деревенщина*, *военщина* и т. п. Ср. у К. А. Полевого в повести «Эмма» («Мечты и жизнь», 1834, ч. III, стр. 183) в речи лакея: «Ведь и с нашим братом, *лакейщиной*: как приглянулся кто, так вот голова и одуреет». Ср. несколько собирательных слов на *-ина*: *складчина*, *убоина*, *всячина*.

Ср. немногие слова с непродуктивным суффиксом *-ва*: *листва*, *ботва*, *плотва*, жаргонное *братва*, и с мертвыми суффиксами: *-ба*: *гурьба*, *голытьба*; *-ора*, *-ура*: *детвора*, *немчура*, *мошкара*. Ср. также слова с заимствованными суффиксами собирательности: *-ура*: *адвокатура*, *прокуратура*, *профессура*, *аспирантура* и т. п.; *-ат*: *пролетариат*, *старостат* и т. п.; ср. единичные: *вольница*, *конница*.

Категория собирательности находит свое грамматическое выражение* в отсутствии форм множественного числа. Поэтому формы единственного числа имен существительных, обозначающих лицо, животное или предмет, нередко — в синекдохическом употреблении — приобретают значение собирательности. «Единственное число существительного конкретного является образом сплошного множества»[84]. Например: «Всякого *зверя* и в степях и лесах было невероятное количество» (Аксаков, «Семейная хроника»). «*Литератор* — это народ все млекопитающийся» (Салтыков-Щедрин, «Губернские очерки»). «Не *чумазый* же... дал нам литературу, науку, искусство» (Чехов, «В усадьбе»).

«Это — синекдоха, если под этим словом не разуметь сознательного выбора единицы из множества. Между *лист* (*лист сухой валит-*

---

* О «семантическом комплексе собирательности» и эволюции этого понятия см. у А. А. Потебни («Из записок по русской грамматике», III, гл. II): «Предполагают ли существительные имена качества значение собирательности?» Ср. также B. Unbegaun, La langue russe au XVIe siècle, chap. V: Collectif et singulatif. Повидимому, в древнерусском языке (до XV—XVI вв.) было более ярко выражено различие между двумя соотносительными категориями: 1) единственного-множественного числа и 2) единичности-собирательности. Значения единичности-собирательности могли умещаться в пределах единственного числа и в этом случае диференцировались здесь посредством разных суффиксов (*литвин — Литва; русин — Русь; мордвин — Мордва* и т. п.). Понятно отсюда, что слова со значением единичности при наличии соответствующих суффиксов, поддерживающих это значение, не могли развивать сами по себе собирательных значений (ср. старинное *немчин* при *немец*). Ср. замечание К. С. Аксакова: «Имя без *-ин* часто означает и всегда может означать предмет как целый разряд, неопределенный и поэтому имеющий, если не собирательный, то родовой характер» («Опыт русской грамматики», Соч. филол., ч. 2, стр. 112). Во многих словах собирательные значения были связаны с формами множественного числа, например: *дети*, *люди*, *гусята*, *поросята* и т. п. Поэтому категория собирательности частично растворяется и в категории множественного числа.

ся осенью), *листы* и *листье*, во множественном числе *листья* — разница в образе, т. е. в исходной точке и способе, каким получается значение множественности: в одном случае — единица, служащая символом множества, в другом — раздельное множество, в третьем — сплошное множество, понятое как единица или как множество».

Таким образом, категория единственного числа имени существительного служит средством отвлеченного представления «предмета», как выразителя родового понятия или как заместителя целого класса, вида.

Особенно часто употребление форм единственного числа в собирательном значении у слов, которые обозначают маленьких животных: *домашняя птица*, *рыба*, *саранча*, *тля* и т. п.

2) Слова, обозначающие вещество (в том числе и минералы, металлы, химические элементы и соединения) или материал, имеют только формы единственного числа. Например: *тесто*, *молоко*, *табак*, *масло*, *мясо*, *медь*, *золото*, *серебро*, *фосфор*, *фарфор* и т. п.; *матрац из конского волоса; камень уступает место железобетону; ярославское полотно; продажа готового платья; мебель красного дерева; «Орешника*, *березника* и *вязу* мой Мишка погубил несметное число» (Крылов) и т. п.

Но те же слова со значениями сортов вещества, больших количеств вещества (*жиры*, *пески*), а иногда изделий из соответствующего материала могут употребляться и во множественном числе (особенно в специальных диалектах, например: *высококачественные стали*, *лаки* и т. п.). Ср. у Пушкина: «*Картины*, *мраморные статуи*, *бронзы* ... поразили его» («Египетские ночи»).

3) К кругу слов вещественного значения, располагающих формами только единственного числа, примыкают слова, означающие овощи, злаки, произрастания, ягоды: *репа*, *морковь*, *картофель*, *малина*, *крыжовник*, *овес*, *сено*, *зелень* и т. п.

Но некоторые из тех же слов со значением посевных площадей, сборов, вообще с сельскохозяйственным значением засеянных полей или совокупности сортов употребляются и во множественном числе: *овсы*, *ячмени*, даже *сена́* и т. п.

4) Особенно ярко негативная, лишенная непосредственного отношения к числу, счету функция единственного числа выступает у слов с отвлеченными значениями свойства-качества, действия-состояния, эмоции, чувства, настроения, физического явления или явления природы, идейного направления, течения, вообще у обозначений абстрактных понятий. Таким образом, категория отвлеченности находит свое грамматическое выражение в обладании только формами единственного числа. Например, не имеют форм множественного числа такие слова: *спасенье*, *бегство*, *тоска*, *ненависть*, *скука*, *желтизна*, *белизна*, *скрытность*, *угрюмость*, *борьба* *, *социализм*, *марксизм*, *коллективизм*, *военизация* и т. п.

---

* Ср., впрочем, в «Крейцеровой сонате» Л. Толстого: «Я слышал, что мои *борьбы* и *страдания* утишатся после этого».

Правда, в поэтическом языке от названий многих отвлеченных понятий образуются формы во множественном числе (ср., например, в языке В. Брюсова). Но функция этих форм не прямая, количественная, а экспрессивно-поэтическая.

Вообще, конкретизация и индивидуализация отвлеченных понятий, сопровождающаяся возникновением в соответствующих словах новых значений и оттенков, нередко обогащает эти слова формами множественного числа.

Однако у слов, образованных с помощью отвлеченного суффикса *-щин(а)*, формы множественного числа невозможны.

Точно так же отвлеченные имена существительные, восходящие к формам среднего рода имен прилагательных и оканчивающиеся на *-ое*, *-ее*, никогда не употребляются во множественном числе. Например: «Во всем близком, понятном он видел одно ограниченное, мелкое, житейское, бессмысленное» (Л. Толстой, «Война и мир»).

5) Формы множественного числа не свойственны собственным именам, если те употребляются в основном своем значении индивидуализующего прозвания. Например: *Москва*, *кино «Ударник»* и т. п.

6) Смешанное употребление единственного и множественного числа и даже — при стилистическом уклоне к общему отвлечению, к родовому обозначению — преобладающее использование форм единственного числа наблюдается в том случае, когда какой-нибудь предмет относится к нескольким лицам или предметам и присущ каждому из них порознь. Например: «Да прикажи в городе купить колокольчиков — моим коровам *на шею*» (Тургенев, «Нахлебник»). «Люди шли обвязавши *носы* и *рты платком*» (Лев Толстой, «Война и мир»). «Слуги в черных кафтанах, с гербовыми лентами *на плече* и со свечами в руках» (Пушкин, «Пиковая дама»). «Бунтовщики потупили *голову*» (Пушкин, «История Пугачева»). «Повелено брить им *бороду*» (Пушкин) и т. п.

Все привстали, важно хмуряся,
Низко, низко поклонилися
И, поправив *ус* и *бороду*,
Сели на скамьи дубовые.

(П у ш к и н, «Бова».)

§ 31. Разряды имен существительных pluralia tantum и их значения

Некоторые лексические разряды имен существительных не имеют форм единственного числа и употребляются или исключительно, или преимущественно во множественном числе. Многие из этих разрядов продуктивны. Одни продолжают пополняться вновь возникающими pluralia tantum. Другие — застыли, их лексический состав можно сосчитать.

Среди pluralia tantum выделяются следующие группы слов:

1. Слова, которыми обозначаются парные предметы. Значение парности ощущается в таких pluralia tantum как: *штаны*, *брюки*, *вожжи*, *очки*, *погоны*, *коньки* и некоторые другие. Ср. устарелое *перси*.

А. А. Шахматов считал наиболее ярким выражением категории парности форму множественного числа *рукава* * вместо ожидаемой *рукавы* (ср. *обшлага*). Ведь окончание *-á* во множественном числе невозможно у слов с ударяемым окончанием *-á* в родительном падеже единственного числа (ср. *снегá*, но родительный *снéга*)**. В форме *рукавá* (ср. род. ед. *рукавá*) окончание *-á* может восходить к двойственному числу.

На сохранение значения парности в словах вроде: *глаза*, *руки*, *ноги* и т. п., указывает сочетание их с собирательным числительным *двое*, которое в этом случае приобретает значение: две пары чего-нибудь: *В семье работает лишь двое рук* (т. е. два человека).

Таким образом, в некоторых современных формах множественного числа иногда распознается значение парности как след утраченного двойственного числа (ср. *очи*, *уши*, *плечи*). В отдельных случаях это значение сопровождается и морфологическими отличиями. Например, форма множественного числа *колени* (в отличие от формы *коленья* и *колена*) связана с такими значениями слова *колено*, которые относятся к парным предметам. Таково, например, значение: сустав, соединяющий берцовую кость с бедряной (голень с ляжкой), чашечка этого сустава. (Ср.: *ползать на коленях*, *стать на колени*.) Кроме того, форма *колени* употребляется в значении: нога от этого сустава до таза; ляжка (*сесть к кому-нибудь на колени; набрать чего-нибудь себе полные колени*). Но ср.: *коленья железной трубы; река течет коленами; узор коленами*; *выделывать колена* и т. п. К форме *колени* примыкает и форма множественного числа слова *ухо: уши*, ср. *плечи* от *плечо*; архаические *очи* при *око*.

Однако в современном литературном языке категория парности представляет собою пережиток прошлого. Она невыразительна. Слова, обозначающие парные предметы, примыкают к группе слов, обозначающих сложные, составные предметы. Ср.: *бакенбарды*, *близнецы*, *антиподы* и другие подобные.

2. Слова, которыми обозначаются составные предметы (части тела, принадлежности одежды, орудия, приборы и т. п.)***. Например: *легкие*, *жабры*, *икры*, *молоки*, *кудри*, *усы*, *помочи*, *подтяжки*,

---

* Ср. Я. К. Грот, Филологические разыскания, II, стр. 387. Ср. также примечание проф. Брандта к переводу «Сравнительной морфологии славянских языков» Фр. Миклошича (вып. III, М. 1886, стр. 412).

** Указание акад. С. П. Обнорского, что в формах единственного числа слова *рукав* ударение первоначально было не на окончании (*рукáв-а*), не меняет сути дела по отношению к литературному языку. См. «Именное склонение в современном русском языке», вып. II.

*** См. M. Braun, Das kollektivum und das Plurale tantum, Leipzig, 1930. M. Braun орудия, приборы и т. п. отделяет от частей тела в особый разряд. Ср. рецензию J. F. Lohmann в «Zeitschrift für slavische Philologie», (B. VIII, 1931, S. 490—494).

шаровары (ср. *штаны, брюки*), *панталоны, рейтузы, подштанники, кальсоны, онучи, боты, коты, подметки, бусы, сани, дрожки, дровни, розвальни, салазки, пошевни, передки* (в повозке), *весы, часы, счеты, плоскогубцы, пяльцы, раструбы, уста, уздцы, стропилы, складни, лыжи, ходули, вилы, ножницы, клещи, тиски, щипцы, ясли* (ср. первоначальное значение), *грабли, гусли, кандалы, оковы, квасцы, узы, вериги, козлы, латы, ножны, шпоры, судки, литавры, четки, нары, палаты, носилки, путы, ширмы, шоры, подмостки;* ср. *леса* (при постройке здания), *хоромы, перила, ворота, сени, хоры, двойни, тройни,* устарелое *клавикорды.* Ср.: *письмена, руны* и др.; ср. обозначения мастей карт: *пики, трефы, вини, бубны.* Этот разряд pluralia tantum продуктивен.

3. Слова, обозначающие массу, вещество, материал в его совокупности: *сливки, дрожжи, чернила, румяна, слюни* (ср. *слюна*), *дрова, харчи* (ср. *на хлебах*), *щи, помои, овощи, клецки, сласти, брызги* * и т. п.; ср.: *потроха, пенки, жмыхи, бели;* ср. отвлеченные понятия: *дрязги, зады (твердить зады), враки* и т. п. Ср. также: *лохмотья, отрепья, пожитки, космы,* просторечно-областное *патлы, охлопья* и т. п. Этот разряд также пополняется новыми формами или заимствуемыми словами.

4. Сюда же примыкают слова, обозначающие совокупность денежных сумм, сборов, взысканий: *деньги, поборы, материальные средства, финансы, прогоны;* ср.: *подати, доходы, ресурсы, бумаги (ценные бумаги)* и т. д.

5. Слова, обозначающие отбросы или остатки какого-нибудь вещества в результате какого-нибудь процесса. Например: *высевки, выжимки, выгребки, выморозки, вытопки, вывевки, вычески; очески, отруби, опилки, объедки, опивки; отбросы, отрезки, отжимки* и т. п. Ср.: *последки, поскребки, подонки* и др. Этот разряд pluralia tantum продуктивен.

6. Слова, обозначающие какую-нибудь местность, место (нередко метонимически при посредстве имени, названия находящегося там или соседящего предмета): *запятки*; ср. *в головах, в головы* (ср. у Лескова: «придвинул к *головам* постели»); *жить на задах, пройти задами* и т. п. Этот тип слов, повидимому, продуктивен лишь в кругу названий сел и деревень (*Бронницы, Сельцы, Боровичи* и т. п.).

7. Слова, обозначающие какой-нибудь промежуток времени: *сумерки, сутки, каникулы, будни* и др.

8. Слова, обозначающие сложный процесс, сложное действие, состояние, которое складывается из повторяющихся или вообще многих актов, движений, например: *роды, посиделки, перекоры, проводы, хлопоты, побои, шашни, поиски* и т. п.; ср.: *скачки, бега;* ср. *заморозки*; ср. *на заработках*; ср. *строить куры;* ср.: *бежать в перегонки, в запуски* и т. д.

---

* Но ср. у Достоевского в «Бесах»: «Один лишний *брызг* крови, что для вас может значить?»

9. Отдельную группу образуют названия игр: *прятки*, *жмурки*, *горелки*, устарелое *гулючки*, *пятнашки*, *снежки*, *бирюльки*, *шашки*, *шахматы*, *бабки*, *городки*, *кегли* и т. п. Ср. *карты*, *кости* и т. п.; ср. также: *играть в кошки-мышки*, *в казаки-разбойники*, *в свои соседи*, *в дурачки*, *в Акулины* и т. п.

10. Немногочисленна группа слов, обозначающих события, праздники или — с суффиксом *-ины* — торжества и обрядовые действия, связанные с рождением, наречением имени и свадьбой: *именины*, *крестины*, *родины*, *смотрины*, *октябрины*. Ср. также: *поминки*, *похороны*.

11. Единичны слова, обозначающие состояние: *ходить в потемках*, ср. *впотьмах; быть в силах*; *нелады*; *жить в ладах со всеми*; *быть на побегушках*. Ср. у Салтыкова-Щедрина: «на росстанях» («Развеселое житье»). Ср.: *быть в нетях*. Как видно, все слова этой группы перешли или переходят в наречия (кроме *нелады*).

12. Единичны слова, обозначающие эмоции, переживание, настроение, ощущение (в просторечии): *завидки берут*; *на радостях* и др. Ср. у Сухово-Кобылина в «Свадьбе Кречинского»: «курит так, что *страхи берут*». Это значение сохранилось лишь в немногих устойчивых сочетаниях слов.

Наблюдения над склонением pluralia tantum показывают, что процесс устранения родовых различий во множественном числе у этих слов распространяется и на форму родительного падежа. Следовательно, в pluralia tantum тенденция к полной унификации форм множественного числа проявляется особенно остро. Ведь формы дательного, творительного и предложного падежей множественного числа уже давно слились во всех типах склонения. Различия в формах именительного и винительного падежей, при отсутствии поддержки со стороны родительного падежа, теряют родовое значение и указывают лишь на разницу в морфологическом составе слов.

Pluralia tantum, оканчивающиеся на *-и*, тяготеют к форме родительного падежа на *-ей*, употребительной в словах мужского и женского рода (с мягким конечным согласным основы) и свойственной двум словам среднего рода: *полей*, *морей* (ср. *кудри — кудрей*, *дровни — дровней*, *шашни — шашней* и т. п.)[85]. В других словах наблюдаются характерные колебания именно в форме родительного падежа множественного числа, свидетельствующие об утрате родовых различий. Например: *опилок* и *опилков* (у Леонида Андреева); *между рельс* (Телешов, «Мама»), *поперек рельс* (М. Горький, «Сказка») и *рельсов* у Некрасова, Достоевского, Лейкина, Салтыкова и др. В связи с этим следует подчеркнуть, что у тех pluralia tantum, которые употребительны при счете и в обозначениях количества, форма родительного падежа чаще всего имеет нулевое окончание, например: *двое грабель*, *трое гусель*, *три пары оглобель*, ср.: *погон*, *бубен*, *кур* и т. п.[86].

Таким образом, в pluralia tantum живо развивается процесс полного слияния форм множественного числа в один грамматический тип, но с сохранением своеобразий родительного количественного падежа.

§ 32. Функции множественного числа в системе имен существительных

Уже из семантического анализа слов, имеющих формы только одного множественного числа, видно, что в русском языке привились различные переносные значения категории числа [87]. В самом деле, формы множественного числа употребляются для выражения почтительной вежливости к собеседнику, для выражения официальной далекости и корректной обходительности. Оттенок субъективной заинтересованности, также связанный с категорией множественного числа, очень ярко характеризуется Л. Толстым в описании семейного жаргона героев «Юности» (гл. 29): в этом жаргоне множественное число употреблялось для выражения «несправедливого пристрастия к данному предмету». Ср. также выражения разговорного языка: *все печенки отбило*; *животики подвело*; *животики надорвал от смеху* и т. д.

Однако экспрессивные значения множественного числа в современном литературном языке не очень развиты (ср. презрительный суффикс *-асы* в словах: *выкрутасы*, *ударить по мордасам*; ср. областн. *белендрясы*).

Гораздо ярче выражены те общие лексико-грамматические значения множественного числа, которые еще смутно распознаются в pluralia tantum. Уже давно принято различать в русском множественном числе два основных значения — разделительное и собирательное («множественное собственное, или множественное разделительное и множественное собирательное, совокупное») [88]. Эти различия значений связывались и с различиями в образовании форм множественного числа. Так, в русском литературном языке середины XIX в., по указанию К. С. Аксакова, окончания именительного множественного *-и*, *-ы* «показывали множество предметов удерживая их в раздельности, не сливая их в одно целое, а другие окончания множественного показывали множество предметов как совокупность, собирая их в одно целое» [89] (например: *угли* — *уголья*; ср. *уголье*; *камни* — *каменья*; ср. *каменье*). «Множественное число, получая значение чего-то, воедино собранного, соединенного или сомкнутого целого, носит на себе оттенок нового имени, собирательного, а иногда прямо переходит в новое имя».

В современном русском языке дифференциация разделительных и собирательных значений множественного числа лишь в сравнительно редких случаях выражена морфологически: различием окончаний. Так, оттенок совокупности заметен в некоторых образованиях на *-а́*, *- ья*, особенно при наличии параллельных форм с иным окончанием, например: *волоса* — при *волосы*; *клочья* — при *клоки* (ср. *шуба в клочьях*); *хлеба́* — при *хлебы* и т. п.

Но в преобладающем большинстве случаев окончание *-а́* в именительном падеже мужского рода множественного числа не имеет ярко выраженного собирательного значения (ср.: *профессора* и *профессура*, с одной стороны, и *аспиранты* и *аспирантура* —

с другой). Формы именительного падежа на *-а́* сравнительно с формами на *-ы* чаще всего носят стилистический отпечаток разговорной, фамильярной или — в отдельных словах — профессионально-народной речи. Лексико-грамматическое различие здесь перерождается в стилистическое (ср. *выборы* и просторечн. *выбора́*, *договоры* и *договора́* и т. п.). В большей степени собирательное значение сохранилось в окончании *-ья* (*коренья* и т. п.).

По мнению акад. С. П. Обнорского, формам на *-ья* «присущ особый оттенок в значении, отсутствующий в формах на *-а́*. Это именно представление не множественности, а известной совокупности предметов, мыслимой как неделимое целое» (ср.: *гроздья*, *колосья*, *лохмотья* и т. п.). Впрочем, С. П. Обнорский тут же заявляет, что «во многих словах это различие оттенков значения успело стереться»[90]. Однако в парных формах одного и того же слова на *-ы*, *-и* и на *-ья* это различие оттенков выступает более или менее рельефно (например: *камни — каменья; корни — коренья* и т. п.). Обычно эти оттенки связаны с различиями в самих лексических значениях слов. Категория собирательности в современном русском языке в сильной степени лексикализована.

Разные оттенки собирательного значения множественного числа являются живой опорой образования новых pluralia tantum. С теми же оттенками собирательности тесно связано употребление форм множественного числа для выражения различных лексических значений у таких разрядов существительных, которым в других значениях присущи формы обоих чисел.

1. Собирательное значение непосредственно обнаруживается в таких формах слов, как *дети* (ср. словосочетание: *двое детей*, но: *два ребенка*), *люди* (ср. *пятеро людей*, но: *пять человек*), *власти*, *народные массы*, *верхи* и *низы интеллигенции* и т. п.

2. На значении собирательности, совокупности основано употребление множественного числа для обозначения массы вещества. Соответствующие разряды слов — с вещественным или конкретно-предметным значением, — располагающие и формами единственного числа, употребляются для обозначения сплошной собирательной массы какого-нибудь вещества только во множественном числе: например: *жиры*, *мозги*, *кишки*, *почки* (*в мадере*) и т. п. Ср. *минеральные воды*, *грязи* (*лечиться грязями*) и т. п. Сюда же примыкают обозначения консервных изделий из мелких рыбок: *кильки*, *бычки*, *шпроты*, *сардины*, *сельди*, *омары* и т. п., но ср.: *треска*, *семга*, *белуга*, *сом* и т. п. Особый разряд составляют обозначения посевов, злаков, овощей, сборов и т. п., занимающих большую площадь, большое пространство: *маки*, *овсы*, *жита*, *кормы*, *всходы*, *озими*, южновеликорусское *зеленя* *

3. Из значения собирательности развилось также значение интенсивности, длительности или частой повторяемости при обо-

* *Зеленя* встречаются у Тургенева («Бурмистр», «Смерть»), у Л. Толстого («Анна Каренина», II, гл. 13; «Война и мир», II, 4, гл. 6 и др.); у Бальмонта («Жернова», т. VII, 84), у Есенина и других писателей.

значении явлений природы: *холода*, *морозы*, *жары*, *ветры*, *дожди* и т. п.

4. Формами множественного числа выражаются те значения слова, которые связаны с представлением о сложности состава предмета, о его многосоставности, о совокупности частей. Таковы, например, формы множественного числа — *записки* от слова *записка*, употребляемые в значениях: 1) дневник, мемуары: «Как жаль, что Грибоедов не оставил *своих записок*!» (Пушкин); 2) тетрадь с заметками, записями; записи; 3) название журнала. Ср.: *сплетни*.

5. Формами множественного числа характеризуются обозначения меха, шубы из шкуры какого-нибудь животного (метонимически через посредство названий самого животного во множественном числе): «иззяб в *энотах*-то» (Е. Карпов, «Зарево»); у Гоголя: «шинель на медведях»; *в бобрах* и т. п.

6. В формах множественного числа употребляются слова, обозначающие промежуток времени. Например: *времена (в наши времена)*, *рыцарские века*, *средние века* (ср. *средневековье)*, *в последних числах месяца*; ср. *на-днях* и др.

7. Формы множественного числа присущи тем обозначениям места, в которых основное значение осложнено оттенком пространственно тянущейся массы или совокупности предметов. Например: *горки*, *пески́*, *болота*, *солончаки*, *присутственные места* и т. п. Такое употребление форм множественного числа живо и продуктивно.

8. Множественное число служит для обозначения состояния: просторечные — *в сердцах*, *с сердцов*, *в грустях* (ср. *в эмпиреях*) и т. п. Однако это значение непродуктивно в словах, выражающих психические переживания.

9. С помощью множественного числа образуются словосочетания из форм слов, обозначающих социальное положение, занятие, промысел, ремесло (метонимически через обозначение лиц данной профессии, звания, ремесла), и предлога *в* (с винительным и местным падежами) при глаголах: *служи́ть в дворниках*, *в домработницах* и т. п.; *поступи́ть в студенты*; *пройти́ в аспиранты* и т. п.

10. Множественное число служит для обозначения сложного действия: *сборы*, *затеи*, *плутни*, *скачки* и т. п. Ср. значение совокупности событий, определяющих участь и бытие кого-нибудь, или суммы определений, решений судьбы, в книжной форме — *су́дьбы*:

> И всюду страсти роковые,
> И от судеб защи́ты нет.
>
> (Пушкин.)

Ср. *судьбы государства*, *судьбы родины* и т. п.

11. Из сочетания собирательного значения с разделительным развивается широко употребительное в профессионально-технических диалектах применение множественного числа для обозначения сортов, видов какого-нибудь вещества: *высокосортные стали*, *масла*, *нефти*, *извести* и т. п.

В формах одних и тех же слов иногда находят выражение разные значения множественного числа. Наряду с количественно-разделительными значениями множественного числа в тех же формах ярко выступают и собирательные оттенки множественности. Ср., например: *болота* (в значении *болотистая местность*) и *все болота края; номера* (в гостинице) и *номера* (сама гостиница); *ноты* (множество нотных знаков) и *ноты* (печатное музыкальное произведение) и т. п.

Слова, которыми обозначаются предметы, обычно рассматриваемые лишь во множестве, в совокупности, также употребляются преимущественно в формах множественного числа, составляя как бы переходную к pluralia tantum группу. Например: *обломки, спички, стружки, ботинки, штиблеты* и т. п. *.

Анализ категории числа еще ярче показывает, что сильной формой числа в современном русском языке является множественное число. С ним, а не с единственным числом связано больше всего переносных значений и оттенков в семантической системе существительных. В разнообразии употребления форм множественного числа выражается смысловое противопоставление разъединенного множества отдельных единиц и коллективной совокупности, или сплошной массы однородных предметов [91].

§ 33. О категориях отвлеченности и вещественности

Обнаружившиеся при анализе форм числа категории отвлеченности и вещественности грамматически не очень выразительны.

Так, категория отвлеченности, кроме отсутствия форм множественного числа и кроме ряда суффиксов, преимущественно женского рода, выражается у слов мужского рода с основой на твердый согласный только окончанием родительного падежа *-у* [92]. Однако и этот признак далеко не всегда обязателен. Наиболее последовательно он обнаруживается: 1) в сочетаниях отвлеченного существительного с предлогами *с, из*, образующих устойчивые единства: *с виду, из виду; со смеху* и т. п.; 2) независимо от сочетаний с предлогами у таких отвлеченных существительных, которые применяются для выражения количества, обозначая меру или степень предмета или количества, например: *шуму, визгу*. Ярче всего категория отвлеченности отражается в словообразовательных элементах языка.

Категория вещественности, кроме отсутствия форм множественного числа, также выражается окончанием родительного количества (меры, веса) на *-у* (как безударное, так и ударяемое) у слов мужского рода (с твердой и мягкой основой): *сахару, чаю, табаку, миндалю* **, *багажу, балыку, кирпичу, коньяку, мышьяку* и другие подобные.

---

* Ср. *конфеты* (но в единственном числе в фамильярно-разговорной речи чаще *конфетка;* впрочем при счете и при официальном обращении, например, к продавщице в буфете, употребительнее слово *конфета*).

** Согласно гипотезе С. М. Кульбакина, принятой и развитой С. П. Обнорским, окончание *-у* у слов мужского рода первоначально было свя-

6. КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА

§ 34. Понятие падежа

Понятие «падеж» (перевод греческого ptōsis), повидимому, взято из практики игроков в кости: это — «падение» брошенной кости той или другой стороной кверху *. Падеж — это форма имени, выражающая его отношение к другим словам в речи. Круг форм склонения, падежных словоизменений, присущих разным типам имен, ограничен. Уже соотносительность системы падежей у местоимений, имен существительных, числительных и прилагательных, несмотря на разнородность функций падежа в каждом из этих классов, неизбежно ведет к морфологическому ограничению склонения. Между тем круг значений падежной формы у существительных все расширяется. В падежных формах имени существительного отражается понимание связей между предметами, явлениями, действиями и качествами в мире материальной действительности. Тут объединяется множество грамматических категорий, выражающих семантические оттенки пространственных, временных, притяжательных, причинных, целевых и других отвлеченных отношений. Формы и функции падежей соотносительны с грамматической системой предлогов, с присущими им значениями. По выражению К. С. Аксакова, «значение предлогов объясняет и подтверждает (оправдывает) значение падежей». «В падеже выражается и осуществляется, определяется предлог» [93]. Сочетания с предлогом расширяют и обогащают разнообразными смысловыми оттенками круг значений падежной формы. Кроме того, двойственность употребления (беспредложного и предложного) падежной формы ведет к богатой синонимике падежных конструкций.

В языках переходного аналитико-синтетического строя, как в современном русском, одни и те же отношения могут выражаться формами падежей беспредложно и с предлогами. Например: *видный собой* и *видный из себя* (ср. у Гоголя в «Женитьбе»: «такой *видный из себя*, толстый»; ср. у Чехова «В бане»: «—А *какой* он *из себя?* — Худенький такой» и т. п.). Пушкин в «Пиковой даме» писал: «Он сын бывшего управителя *у старой графини*». Исключение предлога *у* лишь изменило бы некоторые смысловые оттенки зависимости. С развитием аналитических отношений, расширяющих функции предлогов и усложняющих значения падежей, груз грамматического выражения перекладывается с падежной формы на предлог. В современном русском языке, еще не достигшем аналитизма таких языков, как французский, падежная форма переобременена

зано с подвижным (т. е. нисходящим) ударением на корне. (С. П. Обнорский, Именное склонение, вып. I. Но ср. B. Unbegaun, La langue russe au XVIe siècle, pp. 119—122).

* А. Боголюбов, О частях речи. Сборник статей в честь Д. А. Корсакова. Предлагались и возможны другие объяснения первоначального значения термина ptōsis в применении к формам склонения. См. книгу «Античные теории языка и стиля».

значениями. Обостряется разрыв между бедностью внешних форм падежной системы и разнообразием включенных в нее грамматических функций. По словам К. С. Аксакова, «падежи имеют свой самостоятельный смысл, обнаруживающийся при всяком случае разными своими сторонами...». Падежи «могут и должны рассматриваться сами в себе, а не только в употреблении; следовательно, должны быть поняты с этой точки зрения, даже и вне синтаксиса, в котором, конечно, как в живой речи, полнее выступает смысл и падежей, и всех грамматических изменений» [94].

§ 35. Традиционное учение о значениях падежей

Современная европейская терминология, связанная со склонением, является осколком античной. Именительный (onomastikē, nominativus) как «начальный» падеж назывался orthē — прямой, в отличие от других, отклонившихся, склонившихся (klisis, declinatio — склонение), почему те и считались косыми, косвенными (plagiai, ptōseis). Родительный (genikē, genetivus — родовой) получил свое имя от того, что он иногда обозначал род, принадлежность, происхождение. Дательный (dotikē, dativus) своим названием выражал одну из своих функций (ср. употребление дательного падежа при глаголе *дать — давать*). Термин греческой грамматики, соответствовавший винительному падежу (aitiatikē), был очень узко переведен на латинский язык — accusativus (буквально: винительный), вернее было бы causativus. «У нас бы более подходило название предметный падеж» [95]. Творительный (instrumentalis — орудный) падеж введен в русскую грамматику Лаврентием Зизанием («Грамматика словенска», 1596)[96]. Мелетий Смотрицкий в своей «Грамматике» (1619) дополнил русскую падежную терминологию еще *сказательным* падежом (ср. *говорить — сказать о чем-нибудь*), который потом Ломоносовым был переименован в предложный. Русская грамматика в течение XVIII и XIX вв. еще не вполне осмыслила эту схему падежных форм применительно к русскому языку.

Западноевропейской лингвистикой главным образом на почве изучения так называемых индоевропейских языков выработаны общие формулы, схематически очерчивающие значение основных падежей. За родительным падежом признается определительное, «прилагательное» значение в приименном употреблении. В приглагольном употреблении родительный падеж противопоставляется винительному падежу, так как он означает, что понятие, выраженное глаголом, распространяется или относится не ко всему объему имени.

В отличие от родительного в винительном падеже ставится то имя, которое «ближе всего и полнее всего затрагивается (betroffen wird) глагольным понятием» (Дельбрюк). Еще красочнее определял значение винительного падежа Я. Гримм: «Accusativus обозначает самое полное, самое бесповоротное овладение предметом со стороны понятия, заключенного в глаголе...».

Дательный падеж служит для обозначения того, что понятие, выраженное глаголом или именем, имеет значение для другого предметного понятия, ему предназначается, к нему склонно (hinneigt), к нему направлено.

Творительному падежу приписывается преимущественно «орудное», инструментальное значение [97].

Акад. А. А. Шахматов, следуя Дельбрюку [98], так определяет функции падежей:

«Падежи распадаются на две главные группы: приименных и приглагольных падежей, ибо падежи приадъективные возникли, как кажется, под влиянием приименных и приглагольных падежей. Приименным падежом является родительный падеж, им означается зависимое состояние субстанции от субстанции господствующей; различные оттенки в значении родительного

падежа обусловлены характером тех отношений, в которых может стоять зависимая субстанция от субстанции господствующей... Приглагольными падежами являются винительный, родительный, дательный, творительный и старый местный падеж, в современном русском языке замененный предложным. Винительный падеж означает, что глагольный признак распространяет свое действие на всю зависимую от него субстанцию. Родительный, а именно, собственно родительный, означает, что глагольный признак распространяет свое действие только на часть или на поверхность зависимой субстанции. Дательный падеж означает признак, направляющийся к зависимой субстанции, но не достигший ее. Творительный означает, что признак испытывает на себе действие зависимой субстанции и таким образом влияет отраженно на субъект производителя признака. Местный падеж означал зависимую субстанцию, в пределах, внутри или на поверхности которой обнаруживается действие признака» [99]. По мнению А. А. Шахматова, эти основные значения падежей «обнаруживаются и теперь».

§ 36. Вопрос о многообразии значений разных падежных форм

Абстрактная схема падежных значений, выработанная сравнительно-исторической грамматикой индоевропейских языков, едва ли может покрыть все разнообразие значений современных русских падежей. Мало того, встает неизбежный вопрос: соответствует ли количество действительных падежей числу внешних форм склонения? *. Ведь нет ничего невозможного в том, что, например, в форме так называемого «творительного» падежа искусственно, по сходству внешнего облика объединяется несколько падежных омонимов (или омоформ). Так именно и думал А. А. Потебня, когда писал: «Мы привыкли, например, говорить об одном творительном падеже в русском языке, но на деле этот падеж есть не одна грамматическая категория, а несколько различных, генетически связанных между собою... Собственно у нас несколько падежей, обозначаемых именем творительного... Не зная числа падежей в истинном значении этого слова, конечно, нельзя правильно судить и о том, уменьшается ли их число или нет» [100]. Своим замечательным анализом категории творительного падежа А. А. Потебня доказал, по меньшей мере, тот факт, что целый ряд функций творительного падежа выделился из системы других, внутренне связанных между собой значений этого падежа, обособился от них и тяготеет к другим грамматическим категориям; ср., например, адвербиализацию творительного времени: *летом*, *зимой*, *вечером*, ср. *рано вечером* и т. п., или творительного образа: *грудь колесом*, *волосы ежиком*, *волосы дыбом;* творительного сравнения: *нестись стрелой* и т. п.

* Акад. А. И. Соболевский писал в своем «Русском историческом синтаксисе»: «Сколько падежей? Ответ на этот вопрос не только труден, но прямо невозможен. Если принять за основание звуковую форму имени..., то мы должны будем сказать, что одни имена (например, *кость*—только с 3 равными звуковыми формами единственного числа) имеют меньше падежей, чем другие..., и что число падежей неопределенно. Если же принять за основание грамматическое значение..., то мы должны будем насчитать большое количество падежей... Тогда, например, форма *хлеба* в разных предложениях (*я взял себе хлеба*, *мясо лучше хлеба*, *мягкость—свойство хлеба)* будет представлять 3 падежа: partitivus, ablativus и possessivus» (стр. 52—53).

Мысли А. А. Потебни не в одинаковой мере применимы ко всем другим падежам. Так, употребление дательного падежа представляет в современном литературном языке стройную и целостную семантическую систему.

Единство грамматической категории дательного падежа доказывается внутренней связью значений этого падежа в беспредложном употреблении, а также синтаксической определенностью, замкнутостью и однородностью функций тех предлогов, которые сочетаются с ним (*к*, *по*, *благодаря*, *вопреки*, *согласно* и некоторых других). По мнению проф. А. М. Пешковского, «дательный падеж гораздо более целостен по своим значениям, чем все остальные. В сущности он имеет только одно значение, именно то, которое принято называть значением дальнейшего объекта, или косвенного объекта»... (значение адресата, пункта, куда направлено действие). Поэтому, говорит А. М. Пешковский, «употребление дательного падежа может быть разделено не по значениям (значение у него одно, только иной раз оно редуцируется синтаксическими условиями до неуловимости), а по конструкциям, в которые он вступает» [101]. По отношению к категории винительного падежа могут быть сомнения лишь в том, не образуют ли винительные количества, времени и места особую адвербиально-именную категорию (например: *спал ночь и день*, *прошел версту*, *тысячу раз тверженую себе одно и то же* и т. п.); ср.: *будь хоть капельку справедливее*. Однако круг употребления винительного падежа времени, места и количества фразеологически и синтаксически ограничен. В целом ряде случаев формы винительного падежа времени, места и количества синонимически замещаются предложными конструкциями или превращаются в наречные выражения (например: *прошлый раз* и *в прошлый раз; тот год* и *в тот год;* ср. *сейчас*, *тотчас* и т. п.). Ср. наречия вроде: *капельку*, *чуточку*, *крошечку; он был капельку неуверен; чуточку нездоров;* возьмите первого мужика, хотя *крошечку* смышленого» (Пушкин); «потешьте меня *каплю*» (Достоевский, «Подросток»).

А. В. Попов в своих замечательных «Синтаксических исследованиях» (Воронеж 1881) показал многообразие значений винительного падежа, отражающих разные этапы сложной истории этого падежа. Следы так называемого «винительного независимого», употребляющегося для обозначения времени, места и их протяжений, меры вообще, образа, не вполне соответствуют представлению о винительном падеже как падеже прямого объекта.

В современном русском языке тяготение к концентрации всех падежных значений винительного падежа в одной грамматической категории настолько сильно, что обособляющиеся значения и употребления этого падежа, не связанные с основными функциями его, или становятся непродуктивными, фразеологически ограниченными, или сближаются с наречиями. Они образуют переходные от существительного к наречию группы и разряды [102].

Точно так же не вызывает больших сомнений внутреннее единство категории именительного падежа. Именительный падеж как

форма названия и форма субъекта действия выделяется очень резко из круга других падежей (ср. основные типы номинативных субстантивных предложений).

Таким образом, синтаксическая сфера употребления и семантические границы трех падежей: именительного, винительного и дательного очерчиваются более или менее ясно. Конечно, при предложном употреблении винительного и дательного падежей происходят некоторые грамматические сдвиги, которые, однако, не нарушают единства их синтаксической системы. Гораздо сложнее вопрос о содержании тех грамматических категорий, которые традиционная грамматика подводит под термины: родительного, предложного и творительного падежей. У современных грамматистов больше всего тревоги возбуждает категория творительного падежа (очевидно, потому, что значения творительного падежа блестяще разработаны А. А. Потебней). А. М. Пешковский, возражая против дробления категории творительного падежа на несколько грамматических категорий (как было предложено А. А. Потебней), писал: «Мы получили бы абсолютно однозвучные категории (например: *столом — водой — костью — столами — водами — костями*, как категорию орудности и те же формы как категорию сравнения и т. д.). А так как установить число значений одной и той же формы и далее распределить эти значения на оттенки и на самостоятельные значения — дело необычайно трудное и выполняемое обычно различными лингвистами различно, то понятие категории потеряло бы свою объективную значимость (связанную с звуковой стороной его)» [103]. Однако А. М. Пешковский — под влиянием А. А. Потебни — должен был признать, что в творительном падеже заключены частью однородные (переходящие друг в друга), частью совершенно разнородные значения [104]. Правда, расширение функций творительного падежа парализуется и ограничивается превращениями многих форм и употреблений творительного падежа в отдельные слова-наречия. Так, форма *стрелой* в выражении: *нестись стрелой* — тяготеет к категории наречия.

Вообще формы творительного падежа сравнения, образа и времени, т. е. именно те формы, которые могли бы обособиться в самостоятельные падежи, являются в современном языке гибридными наречно-субстантивными образованиями. Для нас *летом*, *зимой*, *залпом (выпить залпом)*, *рысью* и т. п. — уже не формы творительного падежа соответствующих существительных, а слова-наречия. Эволюция значений творительного падежа приводит не к образованию новых падежей имени существительного, а к возникновению новых, обстоятельственных и качественно-обстоятельственных разрядов наречий (например: *днем*, *вечером*, *временами*, *мигом* и т. д.; *авансом*, *стрелой*, *ощупью*, *бегом*, *шагом* и т. п., см. главу о наречиях). Из обособляющихся значений творительного падежа вырастают не новые падежные категории имени существительного, а новые типы наречий. Основные же значения творительного падежа удерживаются в рамках одной грамматической категории. Наречия

как бы приходят на помощь имени существительному, используя «излишки производства».

Однако разнообразие предложного употребления творительного падежа от этого не убывает, не сокращается. Напротив, ограничение значений у синтетической формы творительного падежа восполняется расширением функций у сочетаний его с предлогом (*с*, *под*, *над*, *перед* и др.). Семантическое обеднение окончаний падежа возмещается богатством предлогов-префиксов. В этом явлении отражается развитие аналитического строя.

Система аналитического, предложного употребления падежей по богатству и разнообразию функций далеко превосходит синтетическое их употребление.

В этом отношении особенно показателен так называемый «предложный» падеж. Большинство русских грамматистов (А. А. Шахматов, В. А. Богородицкий, А. М. Пешковский и др.) различают в том, что школьная грамматика называет предложным падежом, два падежа: изъяснительный (по терминологии проф. Богородицкого): *о доме*, *о лесе* (ср. *тосковать по лесе*), и местный (с предлогами *в* и *на*: *в углу*, *в лесу*, *на дому* и т. п.; *в грязи*, но ср. *о грязи* и т. п.). Эти формы являются аналитическими. Их употребление обусловлено значениями предлогов. Из этих предлогов *о* и *по* уже почти вполне слились с формой существительного в одно целое, стали падежными префиксами (ср. *тосковать о* ком и *по* ком), но с возможностью раздвижения для вставки имени прилагательного или определяющего местоимения (*тосковать по старом друге*; *скучать по уехавшем товарище*).

Необходимо подчеркнуть, что формами предложных — местного или изъяснительного — падежей слова *луг* являются префиксированные формы: *в лугу*, *на лугу*, *о луге*, *при луге*, *в луге*, *по луге* (*тосковать по зеленом луге*). Беспредложный же элемент *луге*, *лугу́* служит лишь частью аналитической, составной формы падежа, совершенно так же как в форме *он ушел бы* — *он ушел* представляет лишь морфологический компонент целого. Таким образом, круг значений изъяснительного (предложного) и местного падежей определяется соответствующими префиксами, «препозиционными флексиями» (по выражению проф. Богородицкого). Вопрос о грамматической структуре так называемого «предложного» падежа не отделим от изучения значений предлогов.

В самом деле, у всех существительных женского рода на *-а*, у всех существительных среднего рода, а также у слов женского рода на мягкий согласный с неподвижным ударением, наконец, у большей части слов мужского рода есть только одно окончание предложного падежа. Оно семантически опустошено. Оно наблюдается при любом предлоге, например: *в воде*, *на воде*, *при воде*, *о воде*. Следовательно, здесь различие падежных значений определяется различием предлогов. Здесь намечается столько же падежных категорий, сколько различается предлогов в составной предложной форме. Однако только полное разрушение флексии дало

бы для всех очевидное, неоспоримое право говорить о разных самостоятельных предложных падежах с особыми синтаксическими функциями (ср.: *о пальто*, *на пальто*, *в пальто*, *при пальто* и др. под.). В современном же языке разные категории предложных падежей еще не вполне выкристаллизовались. Но две из них — 1) с префиксом *о* в изъяснительном употреблении и 2) с *в* и *на* в местном значении (ср. функции *при*) — обозначались более явственно. Разграничение функций, определение круга употребления разных форм «предложного» падежа — задача синтаксиса.

Итак, остается нерассмотренной лишь категория так называемого «родительного» падежа.

§ 37. Структура так называемого «родительного» падежа

В том, что традиционная грамматика называет родительным падежом, большинство исследователей различает два падежа — родительный и количественно-разделительный (или иначе «исходно-достигательный», «отложительный») [105].

Различие падежей до некоторой степени связывается и с теми различиями внешней формы, которые наблюдаются у слов мужского рода, например: *вида* и *виду*, *чая* и *чаю*, *сахара* и *сахару* и т. п. Повидимому, во множественном числе к количественному падежу относятся формы так называемого родительного падежа с нулевым окончанием (типа: *килограмм*, *глаз*, *патрон* и т. п.) [106].

Анализ функций родительного падежа приводит к выводу, что в нем сталкиваются главным образом две грамматические категории. Значения родительного падежа, выступающие из рамок этих категорий, отчасти объясняются влиянием предлогов, отчасти же являются остатками прошлых стадий языкового развития, в настоящее время близкими к наречиям*.

В современном употреблении родительного падежа выделяются четыре основных круга падежных значений.

I. Родительный определительный падеж (родительный принадлежности, родительный субъекта, объекта, родительный обозначения, изъяснения, качественного определения). Например: *деньги сестры; правила игры; воспоминанье прошлых дней; книга французского романа; час свободного времени; час обеда; век покорности и страха; человек кроткого нрава; стол красного дерева; мальчик лет десяти* и т. п.

При этих синтаксических значениях окончание *-у* в формах мужского рода возможно лишь у очень небольшого круга слов, употребляющихся преимущественно в количественном значении (например, *курение табаку*, *питье чаю* и т. п.); ср. также в цельных словосочетаниях: *высокого росту* [107].

---

* См. об эволюции значений родительного падежа в работе R. de la Grasserie, De l'antériorité du génétif, Paris 1901.

Ср. с предлогом *у*: *дно у сосуда; борт у сюртука; рука у человека; дно у бочки; достать книги у кого-нибудь; у него была красавица дочь* и т. п.

Переходную ступень от родительного определительного к отложительному или количественному занимает родительный падеж при сравнительной степени прилагательных и наречий (родительный сравнения). Повидимому, с исторической точки зрения родительный падеж после сравнительной степени является разновидностью отложительного падежа [108].

II. Количественно-отделительный падеж (у имен существительных мужского рода окончания *-а* и *-у*). Например:

а) *пять дней; много работы;* «А что слышалось *птиц*!» (Тургенев, «Фауст»); *фунт табаку; горсть песку; за понюшку табаку;* «Только зачем ему было *правды*?» (Достоевский, «Подросток»); б) *натекло воды; набралось народу; скопилось денег; взять сахару;* «Отец, подай *ватрушечки*... не хочешь ли?» (Горький, «Мещане»); «Поддай *пару*» (Чехов, «В бане»); в) *начитаться книг; наслышаться хорошего; наговорить дерзостей; наделать скандалу; натворить бед; накупить книжек; заслушаться музыки;* г) *купить хлеба; выпить воды;* д) «Дай *шаечки*, когда вымоешься» (Помяловский, «Очерки бурсы»); е) придать *важности* (лицу).

Сюда же примыкает употребление количественного падежа после слов, обозначающих обладание, наполненность чем-нибудь: *глаза полные слез;* «Вся душа княжны Марьи была переполнена *этих страшных преступных искушений*» (Л. Толстой, «Война и мир»); ср.: *заслуживать похвалы; стоить многих усилий* и т. п.

С количественно-отделительным падежом связываются отрицательные и отложительные значения формы родительного падежа (у имен существительных мужского рода окончания *-а* и *-у*), значения удаления, лишения, исключения (ср. родительный падеж после глаголов: *дичиться, чуждаться, лишаться, беречься, остерегаться, опасаться, бояться, стыдиться, требовать;* после глаголов с отрицанием и т. п.). Например: а) *избегать опасности; чуждаться дурной компании;* б) *бояться, опасаться, остерегаться заразы;* в) *жаль напрасно потраченного времени; пожалел рубля;* г) *лишать, лишаться чего-нибудь; лишить себя жизни; лишен, чужд честолюбия;* д) *ослушаться приказа* и т. п.; е) *не терять времени; не слышно ни стона, ни слез; ничего в волнах не видно* и т. п.

Ср.: «Твой отец не даст мне *лошадей*» (Чехов, «Чайка»); «Не позволял себе малейшей *прихоти*» (Пушкин); «Я не тронул *ни волоса* чужого добра» (Пушкин, «Кирджали») и мн. др.

Эти же значения обнаруживаются в сочетании с предлогом *из*: а) *уехать из Москвы; приезжий из столицы; уйти из дому, из лесу;* б) *выйти из состояния задумчивости;* в) *из мещан, из крестьян* и т. д. (выделение по происхождению); г) *кофта из синего полотна; платье из белого шелку* (выделительная характеристика по материалу).

Таким образом, к отложительным значениям примыкает и выделительное значение «родительного» падежа с предлогом *из*. Ср. также:

1) *строить из кирпичей; лепить из глины, из воску; столы из мрамора;* 2) *сшить из клочков*; *склеить из кусков* и т. д.; 3) *отличнейший из учеников; один из двух* и другие подобные.

Ср. также отделительные значения «родительного» падежа с предлогами: *из-за (из-за гор взошло солнце)*, *из-под (из-под камня бил родник)* и другие подобные.

На тех же отложительных значениях основаны конструкции с предлогом *от*:

а) *от края до края; недалеко от города;* б) *влечение к искусству от колыбели;* «Какая-то глубокая печаль от самого детства его терзала» (Лермонтов); в) *письмо от жены;* г) *избавить от хлопот;* д) *идти от знакомых;* е) *бегать от людей;* ж) *далек от подозрений; свободен от постоя;* з) *плащ от дождя;* и) *происходить от бедных, но благородных родителей;* к) *услышать от кого;* л) *цепочка от часов* и т. п.

Ср. конструкции с предлогом *с*:

а) *с того берега;* б) *с верху до низу; с головы до ног; с утра до вечера;* в) *с боку на бок;* г) *с дерева на дерево; с севера на юг;* д) *со дня на день; с утра; с младенческих лет;* е) *с потолка;* ж) *слететь с дерева; подняться с места;* з) *взыскивать с кого-нибудь;* и) *возвратиться с работы;* к) *рисовать с кого-нибудь* и т. д.

Ср. отделительные значения «родительного» падежа в сочетании с предлогами: *кроме*, *мимо*, *вне* и другие подобные.

Сюда же примыкают как антонимы формы того же падежа с достигательным значением:

а) достигать цели: «Вот *Углича достиг* я» (Пушкин); *добиваться успеха;* «И скоро *слуха* Кочубея *коснулась* роковая весть» (Пушкин); *искать места; жаждать славы;* ср. *домогаться*, *спрашивать чего-нибудь;* б) *ждать случая; просить прощения*; *требовать ответа;* в) *слушаться совета; придерживаться мнения;* «Слушайтесь вашего сердца» (Тургенев, «Дворянское гнездо») и т. п.

Ср. конструкции в сочетании с предлогом *до*: 1) *дойти до города;* 2) *до города десять верст;* 3) *до обеда; до праздников;* 4) *собиралось до 10 тысяч человек;* 5) *дети до 12 лет;* 6) *есть дело до кого-нибудь;* 7) *охотник до книг* и др.

Ср. значения того же падежа в сочетании с предлогом: *прежде*, *после* и другими.

В связи с употреблением предлогов можно отметить еще оттенок достигательного значения — значение близости, соседства при предлогах: *у*, *около*, *возле*, *подле*, *близ* и некоторых других*.

---

* В XVIII в. с формой количественно-отделительного падежа грамматисты связывали экспрессивные оттенки: «покажи свою книгу» сказано как бы со властью; «покажи своей книги» — речь учтивее» (Ломоносов, Грамматика, § 503; то же у Барсона). См. также Ф. Буслаев, Опыт исторической грамматики, ч. II, стр. 284.

III. Родительный падеж в причинно-целевом значении или в значении внутреннего основания с предлогами: *из (из милости, из сострадания); из-за (поссориться из-за пустяков); от (похудеть от забот; от радости, от страха, от скуки); с (с радости, с горя, со страху, с отчаяния, со скуки).*

Ср. также условные значения, связанные с оттенком причинности, внутреннего основания: *с согласия, с дозволения, с разрешения начальства* и т. п.

Из этого же значения вытекает и значение способа, средства действия: *с аукциона, с молотка, с публичного торга* и т. п. Ср. значения предлогов: *для, ради* с родительным падежом.

Весь этот круг причинно-целевых значений, развившийся на основе отложительно-достигательных значений, чужд самой беспредложной форме родительного падежа. Здесь сказывается результат взаимодействия между функциями падежа и значениями предлогов.

IV. Как пережиток сохраняется родительный даты: *двадцать пятого марта 1935 года* и т. п. Эта форма родительного времени представляет собою синтаксический идиоматизм.

Не подлежит сомнению, что попытка объединить все эти значения в общей формуле обречена на неудачу. Например, едва ли может быть признана убедительной такая характеристика общего значения родительного падежа, предложенная А. А. Шахматовым: «Родительный падеж имени означает, что представление, соответствующее имени, находится в пределах действия, выраженного глаголом, затрагиваясь им лишь отчасти» [109].

Таким образом, в форме так называемого «родительного» падежа полуслиты две грамматические категории — собственно родительного падежа и количественно-отделительного падежа.

§ 38. Рост падежной омонимии в склонении имен существительных

В системе современного склонения имен существительных намечается восемь основных падежей: именительный, родительный, количественно-отделительный, дательный, винительный, творительный, местный и изъяснительный-предложный *. Ярко выраженная омонимия, или омоморфемность, падежных форм (ср. *кости* — род., дат. ед. и им., вин. множ.; ср. *пути, организации* и т. п.) свидетельствует об ослаблении роли окончаний и о росте значения префиксов-предлогов **. Омоморфемность меньше всего находит опору в формах мужского склонения, особенно твердого. В словах среднего рода и в женском склонении на *-а* родительный и количественно-отделительный флективно не различимы так же, как местный и

* Характерно, что во второй половине XVIII в., в эпоху расширения аналитических конструкций в русском языке, Ломоносов вводит термин предложный падеж вместо старого сказательного.

** См. мою статью «О грамматической омонимии в современном русском языке» («Русский язык в школе», 1939, № 1).

предложный. Еще дальше по пути омонимии ушли слабые типы склонений (слова женского рода на мягкий согласный и на *-ж*, *-ш* с нулевым окончанием в именительном падеже; слова *мать* и *дочь;* слова среднего рода на *-мя* и слово *путь*), в них, кроме формы на *-и* для родительного-отделительного, дательного и предложного-местного падежей, в единственном числе сохраняется лишь форма творительного падежа на *-ью* в женском роде и *-ем*, *-ём* в мужском и среднем.

В полном объеме картина употребления падежей имени существительного раскрывается лишь при синтаксическом описании грамматических отношений, выражаемых предлогами [110].

7. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГРАММАТИКИ И ЛЕКСИКИ

§ 39. Взаимодействие грамматических и лексических значений в структуре имени существительного

Все конструктивные формы имени существительного — формы рода, числа и падежа — основаны на взаимопроникновении грамматических элементов и лексических значений. В имени существительном грамматика не подчиняет себе лексику целиком, а вступает с ней в тесное взаимодействие, как бы не преодолевая сопротивление материала и не вполне его «формализуя». Поэтому-то и развитие аналитических отношений здесь встречает наиболее сильное и упорное противодействие в старой системе синтетического строя. «Формы словоизменения» у имен существительных вплетены в их словообразовательную, лексическую структуру. Обилие суффиксов вполне гармонирует с предметно-смысловым многообразием категории имен существительных. Многие из суффиксов имен существительных носят на себе резкий отпечаток предметности (ср.: *-фил*, *-фоб*, *-ман*, *-вод*, *-вед*, *-носец*, *-изм*, *-ист;* «ягодный» русский суффикс *-ика* и т. п.). Все это делает имена существительные не только вещественно-логическим стержнем всех классов слов-названий, но и опорой большей части синтаксических конструкций.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ «ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ»

1. Ср. статью E. S e t ä l ä «Le mot» в «Journal de la société finno-ougrienne» 1932, XLIII, pp. 26, 30, 32—34.

2. Ср. O. J e s p e r s e n, Language, its nature, development and origin, 1922. Ср. также статьи: Д. К. З е л е н и н а, О личных собственных именах в функции нарицательных в русском народном языке, «Филологические записки», Воронеж 1903; Б. М. Л я п у н о в а, О некоторых примерах имен нарицательного значения, «Академия наук СССР Н. Я. Марру», 1935 и В. И. Ч е р н ы ш е в а, Происхождение некоторых нарицательных имен из собственных, «Язык и мышление», III—IV. Ср. также очень общую статью Г. В. Т р о п и н а, О некоторых особенностях собственных личных имен в русском языке, «Ученые записки Иркутского гос. пед. института», 1940, вып V.

3. J. P o s, Zur Logik der Sprachwissenschaft, 1922, S. 166.

4. К. С. С т а н и с л а в с к и й, Работа актера над собой, стр. 255.

5. Г е р ц е н, Былое и думы, Соч., т. XII, стр. 223—224.

6. А. А. П о т е б н я, Из записок по русской грамматике, I—II, стр. 534. Ср. также освещение вопроса об отношении имени к глаголу у A. M e i l l e t, Linguistique historique et linguistique générale, 1926, стр. 125 и след.; у Ж. В а н д р и е с а, Le language, стр. 138 и след.; русск. перев., М. 1937, стр. 116 и след.; у S a p i r, Language, стр. 125 и след.; у H. D e l a c r o i x, Le language et la pensée, Paris 1924, стр. 214. Ср. также L. H j e l m s l e v, Principes de grammaire générale, 1928, стр. 298—304.

7. И. А. Б о д у э н д е-К у р т е н э, Заметка об изменяемости основ склонения, в особенности же об их сокращении в пользу окончаний, «Русский филологический вестник», 1902, № 3—4. Ср. еще раньше в его же разборе книги A. L e s k i e n, Handbuch der altbulgarischen Sprache, «Журнал министерства народного просвещения», 1876, ноябрь. Ср. статью Л. В. Щ е р б ы, И. А. Б о д у э н-де-К у р т е н э, «Известия по русскому языку и словесности Акад. наук», 1930, т. III, кн. I.

8. См. Н. В. К р у ш е в с к и й, К вопросу о гуне, 1881. Е г о ж е, Очерк науки о языке, Казань 1883. Ср. также статью В. А. Б о г о р о д и ц к о г о, О морфологической абсорбции, «Русский филологический вестник», 1881, № 3.

9. Ср. A. M a z o n, Lexique de guerre et de la révolution en Russie, Paris 1920, p. 44. С. К а р ц е в с к и й, Язык, война и революция, 1923, стр. 17.

10. В. А. Б о г о р о д и ц к и й, Общий курс русской грамматики, изд. 5-е, М.-Л. 1935, стр. 94.

11. И. П. Л ы с к о в, О частях речи, М. 1926, стр. 23.

12. Ср. А. А. П о т е б н я, Из записок по русской грамматике, III, гл. «Грамматический род».

13. А. А. Ш а х м а т о в, Синтаксис русского языка, т. II, стр. 30. Ср. также S. L o h m a n n, Genus und Sexus, Eine morphologische Studie zum Ursprung der indogermanischen nominalen Genus-Unterscheidung, Göttingen, 1932, S. 83—85 (Ergänzungshefte zur Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, 10).

14. «Новые имена», изд. «Советского юга», 1924.

15. «Из записок по русской грамматике», III, стр. 616.

16. А. А. М а й к о в, Полн. собр. соч., СПБ 1914, т. I, стр. 237.

17. Текст приводится по изданию Г. И. Чулкова: Ф. И. Т ю т ч е в, Полн. собр. стих., «Academia», 1933, стр. 127; также и стр. 301—302.

18. Записки Д. Н. С в е р б е е в а, М. 1899, т. II, стр. 16.

19. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Ш и ш к о в а, Berlin 1870, т. II, стр. 146.

20. М. Я. Н е м и р о в с к и й, Способы обозначения пола в языках мира, сб. «Памяти академика Н. Я. Марра», 1938, стр. 204.

21. М. Н. П е т е р с о н, Лекции по современному русскому литературному языку, М. 1941, стр. 54.

22. «Опыт русской грамматики», Полн. собр. соч. К. С. А к с а к о в а, т. III, М. 1880, Сочинения филологические, ч. II, стр. 52.

23. Т а м ж е, стр. 66.

24. «Русский синтаксис», стр. 111—112.

25. Замечания А. Б е л и ч а, Прилози историј у словенских језика, «Јужнословенски филолог», Београд 1924, книга IV, стр. 24—28. Ср. V o n d r a k, Vergl. slav. Grammatik, II, 64; D e l b r ü c k, Syntax der indogerm. Sprachen, I, S. 107—108.

26. Ср. работу Я. Г р и м м а, Ueber die Vertretung männlicher durch weibliche Namensformen, 1858.

27. «Историческая грамматика русского языка», ч. I, стр. 109.

28. «Из записок по русской грамматике», т. III, гл. «Грамматический род».

29. Ср. рецензию А. И. С о б о л е в с к о г о на книгу Э. А. Вольтера в «Журнале министерства народного просвещения», 1882, ноябрь. Ср. также «Лекции по истории русского языка» А. И. С о б о л е в с к о г о.

30. Fr. Miklosich, Vergl. slav. Grammatik, B. IV.

31. Э. А. Вольтер, Разыскания о грамматическом роде, стр. 135.

32. «Об уменьшительных суффиксах в русском языке», «Журнал министерства народного просвещения», 1903, № 7, стр. 42.

33. Там же.

34. Ср. А. Х. Востоков, Русская грамматика, 6-е изд., стр. 14.

35. «Журнал министерства народного просвещения», 1882, ноябрь.

36. См. статью В. И. Чернышева. Les prénoms russes: formation et vitalité. Revue des études slaves, 1934, t. XIV, fasc. 3 et 4.

37. Э д. Сепир, Язык, стр. 73.

38. А. М. Пешковский, Русский синтаксис, стр. 147—148.

39. Я. К. Грот, Филологические разыскания, т. II, стр. 353.

40. С. П. Обнорский, Именное склонение в современном русском литературном и народном языке, вып. I, стр. 65—66.

41. «Синтаксис русского языка», вып. II, стр. 27. Ср. A. Meillet, Recherches du l'emploi du génétiv-accusativ en vieux slave, Paris 1897; Мюллен бах, Об употреблении родительного падежа вместо винительного, «Известия Отделения русского языка и словесности Акад. наук», 1899, IV; А. И. Томсон, Родительный-винительный падеж при названиях живых существ в славянских языках, «Известия Отделения русского языка и словесности Акад. наук», 1908, т. XIII, кн. 2; ср. там же, т. XIII, кн. 3; т. XIV, кн. I; т. XVIII, кн. 4. Ср. также E. Berneker, Der Genetiv-Accusativ bei belebten Wesen im Slavischen, Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, XXXVII, 1904, стр. 364—368.

42. См. А. И. Маркевич, Отступления от грамматических правил в карточных играх, «Известия Отделения русского языка и словесности Акад. наук», 1904, т. IX, кн. I, стр. 360—361.

43. Л. А. Булаховский, Курс русского литературного языка, 1937, стр 165.

44. Ср. в «Российской грамматике» Ломоносова: «ежели имена бездушных вещей приложатся к животным, в винительном кончатся на *-а*: «посмотри на болвана»... «нашего мешка обманули».

45. Brugmann, Grundriss, II, стр. 432.

46. Ср. замечания B. Unbegaun, La langue russe au XVIe siècle, Paris 1935, pp. 36—42.

47. См. статью С. Карцевского, Sur la structure du substantif russe, Charisteria Guilelmo Mathesio quinquagenario oblata, Prague 1932. Ср. также С. П. Обнорский, Именное склонение в современном русском языке, Л. 1927, вып. I, стр. 1.

48. Ср. статью А. И. Белича Principes du classement des substantifs en serbo-croate, Revue des études slaves, 1922, t. II, fasc. 1 et 2.

49. См. статью А. А. Дементьева Суффикс *-ик* и его производные в современном русском языке, «Ученые записки Куйбышевского гос. пед. и учит. института им. В. В. Куйбышева», вып. 5, 1942.

50. Ср. W. Doroszewski, Monografie słowotworcze. Formacje z podstawowem-K-części suffiksalnej, Prace filologiczne, 1928.

51. См. Н. В. Юшманов, Грамматика иностранных слов, прилож. к «Словарю иностранных слов», Огиз, 1933, стр. 1466.

52. См. статью К. И. Смирнова, О взаимном отношении по ударению имен существительных с суффиксом *-ец* и их «производящих» в русском языке, Казань 1883, отд. оттиск из «Учёных записок Казанского университета».

53. См. ст. А. Александрова, Ударение имен существительных с суффиксом *-ик* в русском языке, отд. оттиск из «Русского филологического вестника», 1882.

54. Ср. Я. К. Грот, Филологические разыскания, т. I, стр. 352.

55. См. статью А. А. Дементьева, Суффикс *-ик* и его производные в современном русском языке, «Ученые записки Куйбышевского педагог. и учит. института им. В. В. Куйбышева», вып. V, 1942.

56. См. Н. В. Юшманов, Грамматика иностранных слов. Глава «Словообразование».

57. См. статью В а н - В е й к а О rzeczownikach typu trepet. Symbolae grammaticae in honorem Joannis Rozwadowski, Cracoviae 1928, vol. II.

58. К. С. А к с а к о в, Опыт русской грамматики, стр. 61.

59. Т а м ж е, стр. 63—64.

60. «Из записок по русской грамматике», III, стр. 92.

61. «Deutsche Grammatik», 1848, III, стр. 664.

62. «Опыт русской грамматики», стр. 62.

63. См. М. М. П о к р о в с к и й, Материалы по исторической грамматике латинского языка, М. 1898, стр. 59—61.

64. См. статью В. Д. Л е в и н а, Имена действия в русском языке, «Ученые записки Ивановского гос. пед. института», 1941, т. I, вып. 2.

65. Словарь русского языка, составленный 2 Отделением имп. акад. наук, 1895, т. I, стр. VIII—IX.

66. А. А. П о т е б н я. Из записок по русской грамматике, II, стр. 352.

67. «Филологические разыскания», т. I.

68. А. А. П о т е б н я, Из записок по русской грамматике, III, стр. 120.

69. «Опытный способ к философическому познанию Российского языка», Харьков 1811, стр. 17.

70. См. статью А. А л е к с а н д р о в а, Ударение имен существительных женского рода, оканчивающихся на суффиксы *-ынь*, *-ива* и *-ева* в русском языке, отд. оттиск из «Русского филологического вестника» за 1882 г.

71. См. Н. В. Ю ш м а н о в, Грамматика иностранных слов, стр. 1466 и 1471.

72. «Старый русский водевиль», ГИХЛ, 1936, стр. 195.

73. Я. К. Г р о т, Филологические разыскания, т. I, стр. 359.

74. К. С. А к с а к о в, Опыт русской грамматики, ср. 106—107.

75. Т а м ж е, стр. 110.

76. См. работы: C a r l M a g n u s S t e n b o c k, Zur Kollektivbildung im Slavischen, Uppsala 1906; M. B r a u n, Das Kollektivum und das Plurale tantum im Russischen, Leipzig 1930; I. F. L o h m a n n, Das Kollektivum im Slavischen, Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, 1929, LVI и 1931, LVIII; B. U n b e g a u n, La langue russe au XVI-e siècle, Paris 1935.

77. См. B. U n b e g a u n, La langue russe au XVIe siècle, 1935, pp. 38—40.

78. А. А. Ш а х м а т о в, Очерк современного русского литературного языка, стр. 86.

79. Ср. статью N. D u r n o v o, De la déclinaison en grand-russe littéraire moderne, Revue des études slaves, t. II, 1922, fasc. 3 et 4.

80. А. А. Ш а х м а т о в, Очерк современного литературного русского языка, 4-е изд., стр. 130.

81. Л. А. Б у л а х о в с к и й, Исторический комментарий к русскому литературному языку, 1939, изд. 2-е, стр. 100—102.

82. В. А. Д о б р о м ы с л о в, К вопросу о языке рабочего-подростка, стр. 44, 58—59.

83. А. Н. О с т р о в с к и й, Полн. собр. соч., X, стр. 344.

84. А. А. П о т е б н я, Из записок по русской грамматике, III, стр. 27.

85. Ср. С. П. О б н о р с к и й, Именное склонение, вып. II, стр. 204—205. Ср. также рецензию С. П. Обнорского на «Грамматику русского языка» Р. И. К о ш у т и ч а в «Известиях Отделения русского языка и словесности» 1916, т. XXI, кн, I, стр. 328.

86. См. С. П. О б н о р с к и й, Именное склонение, вып. II, стр. 205.

87. Ср. также D e l b r ü c k, Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen, B. III, Strassburg 1893.

88. Ср. работу К. B r u g m a n n, Die distributiven und die kollektiven Numeralia der indogermanischen Sprachen, Leipzig, 1907.

89. «Опыт русской грамматики», Полн. собр. соч., ч. 2, стр. 106 и след. Ср. также B. U n b e g a u n, La langue russe au XVIe siècle, pp. 262—264.

90. «Именное склонение», вып. II, стр. 88—89.

91. Ср. также вышеназванные работы Б р у г м а н а, Л о м а н а, С т е н б о к а и М. Б р а у н а.

92. В. И. Чернышев, Правильность и чистота русской речи, изд. 3-е, вып. II, стр. 73.

93. «Опыт русской грамматики», Конспект последних двух отделов первой части русской грамматики, стр. 128, 130.

94. «Опыт русской грамматики», стр. 80.

95. В. К. Поржезинский, Из истории русской грамматики и грамматической терминологии, сб. статей, посвященных В. О. Ключевскому, М. 1909; А. А. Добиаш, Синтаксис Аполлония, Дискола, стр. 72—73; проф. Н. К. Грунский, Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков, 1911, т. II, стр. 186—187. Ср. также статью В. В. Данилова, Этимология грамматических терминов, «Русский язык в школе», 1937, № 4.

96. Ср. С. К. Булич, Очерк истории языкознания, стр. 173.

97. Ср. в «Опыте семазиологии частей речи» у А. А. Добиаша.

98. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen III, 185, 187, 33.

99. «Синтаксис русского языка», вып. I, стр. 307—308.

100. «Из записок по русской грамматике», I—II, стр. 56.

101. А. М. Пешковский, Русский синтаксис, стр. 280—282.

102. См. замечания А. В. Попова, Синтаксические исследования, Воронеж 1881, стр. 110—123.

103. А. М. Пешковский, Русский синтаксис, стр. 56, 57.

104. Там же, стр. 282.

105. Ср. замечания акад. А. А. Шахматова, Синтаксис русского языка, вып. I, стр. 311.

106. Ср. замечания акад. С. П. Обнорского о том, что большая часть форм родительного падежа множественного числа типа *глаз, патрон* «употребительна только после числительных или разделительных местоимений и количественных наречий». «Ряд примеров... относится к словам, означающим денежные единицы, или единицы веса, длины и под.». «В отношении ряда слов, употребляемых в родительном множественного обычно со значением количества, как, например, в именах существительных: *апельсин, бергамот, гранит, погон, аксельбант, патрон* и под. или *гардемарин, гренадер* и т. д. можно думать об отражении на них в образовании формы родительного множественного без флексии аналогичных форм от ... слов типа *пуд, аршин* и под.». «Именное склонение», вып. II, стр. 164—168.

107. Проф. В. А. Богородицкий, Очерки по языковедению и русскому языку, Учпедгиз, 1939. Статья «Синтаксис родительного падежа в русском языке».

108. H. Ziemer, Vergleichende Syntax der indogermanischen Comparation, insbesondere der Comparationscasus der indogermanischen Sprachen und seine Ersatz, Berlin 1884. Ср. Ф. Корш, Способы относительного подчинения, М. 1877, стр. 4—8. Ср. также обзор теорий о функциях родительного падежа у Е. К. Тимченко в исследовании «Функции генетива в южнорусской языковой области», Варшава 1913.

109. А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка, стр. 83.

110. Ср. замечания о функциях предлогов у Миклошича, Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, IV, гл. 5.

II. ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

1. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КАТЕГОРИИ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 1. Понятие качества и своеобразия грамматических форм имен прилагательных

В тесной грамматической связи с именами существительными находятся имена прилагательные. Имя прилагательное — это грамматическая категория, формирующая и объединяющая слова, которые означают признак предмета (качественный, относительный или указательно-определительный) и которые являются определяющими имена существительные и обычно согласуемыми с ними в роде, числе и падеже частями речи. Семантической основой имени прилагательного является понятие качества*. Слово, подводимое под категорию имени прилагательного, представляет собою комплекс форм, которые все вместе образуют своеобразную парадигму именного склонения, отличную от парадигмы склонений существительных. Эти формы имени прилагательного — синтетические, объединяющие в своей структуре указание на род, число и падеж (так же как у имен существительных). Однако формы рода, числа и падежа имен прилагательных выражают не внутренние оттенки качественных значений, а лишь указывают на синтаксическую связь прилагательных с именами существительными в процессе речи. Эти основные формы имен прилагательных являются формами синтаксических отношений, формами грамматического согласования.

Таким образом, грамматические формы имени прилагательного — в отличие от форм имени существительного — не выражают никаких дополнительных лексических значений, кроме общего значения согласуемого признака. Они вполне синтаксичны и — в силу этого — более абстрактны.

На этом фоне понятна прозрачность и бедность окончаний имен прилагательных. Внешние приемы изменения слов здесь унифицированы. Окончания имен прилагательных свободны от

* Некоторые грамматисты предлагали заменить термин «имя прилагательное» термином «имя качественное». Ср., например, статью В. Ф. Андреева «Знаменательные и служебные слова в русском языке» («Журнал министерства народного просвещения», 1895, сентябрь).

иной семантической нагрузки, кроме обозначения синтаксического согласования признака с определяемым именем существительным.

Эта общая грамматическая функция прилагательных накладывает свой отпечаток и на их морфологическую природу, на самый способ выражения и отражения значения признака в формах имени прилагательного.

Легко заметить, что большая часть прилагательных в русском языке выражает качество или признак не непосредственно, а опосредственно, через отношение к предмету и действию (например: *производственный, организаторский, идейный, непримиримый, угрожающий, знающий, непревзойденный* и т. п.) *. Еще Г. Павский, характеризуя круг качественных понятий, подводимых под категорию имени прилагательного («внешний вид, цвет, внутренние свойства, состояние, происхождение и разные отношения вещей»), писал: «Многие из сих понятий, например, понятия о происхождении и разных отношениях вещей могут быть выражаемы и выражаются посредством падежей, предлогов и взаимного сочетания имен существительных. Поэтому многие прилагательные могли бы и не существовать в языке. Вместо *писчая бумага, деревянный стол, весенний месяц*, легко можно сказать: *бумага для письма, стол из дерева, месяц весны*. И точно: есть языки, или вовсе не имеющие прилагательных имен, или имеющие их чрезвычайно мало» [1].

В современном русском языке имена прилагательные — это самая многочисленная после имен существительных армия слов. При этом больше всего имен прилагательных, производных от основ существительных или глаголов. Качественность ищется в формах о т н о ш е н и й между лицами, предметами, отвлеченными понятиями. Она выводится из отношения к предмету или действию (ср. у Достоевского в «Идиоте»: «На ногах его были *толстоподошвенные* башмаки»). Не подлежит сомнению, что этот сложный процесс формирования отвлеченных качественных значений имени прилагательного не мог не отразиться и на судьбе тех форм имени существительного и глагола, которые были способны обозначать качество. Именно в связи с этими изменениями языка и мышления находится живой, быстрый рост родительного качества или родительного определительного в системе имен существительных и расширение его семантических функций: «Человек большого ума, большой наблюдательности, он бездну видел, слышал, помнил» (Герцен, «Былое и думы»). «Все теми же шагами, однообразными, равномерными шагами долгих ожиданий ходил я взад и вперед» (Л. Андреев). В широком употреблении этого родительного качества, который представляет конструкцию, синонимическую имени прилагательному (*высокой цены — высокоценный; большого ума — очень умный* и т. п.), рельефно выступает тенденция «заменить определение указанием на отношение определяемого к тому отвлеченному представлению, с которым связывается представление о тех или иных качествах, свойствах» [2]. Чаще всего форму родительного определительного принимает целое словосочетание из имени существительного и прилагательного (*люди сороковых годов; специалист высокой квалификации*). С помощью родительного определительного выражаются более сложные, тонкие и разнообразные свойства, характеристические признаки, чем посредством имени прилагательного. Однако и в том и другом случае качество отыскивается в отношении предмета

---

* Слово *качество*, вошедшее в русский литературный язык не позднее XI в., в древней Руси относилось к числу отвлеченно-книжных славянизмов, требующих толкования, к числу «неудобь познаваемых речей». Оно объясняется в русских глоссариях с XV в. (см. Новгородский словарь 1431 г.). В азбуковниках XVI—XVII вв. читаем: «Качество — естество каково есть. Аще речеши: видех человека, вопрошу тя о качестве его, рекше, о каковстве лица и образа, еже есть черн или бел, стар или млад. Сице качество глаголется и при древех, птицах, зверех, камнех, питий и явствий и прочих вещех. Различно бо лица естество имуть» («Сказания русского народа, изданные И. С а х а р о в ы м», СПБ 1849, т. II, стр. 164). Ср. А. К а р п о в, Азбуковники, или алфавиты иностранных речей, Казань 1877, стр. 188.

к предмету. Отношение к предмету ложится в основу качественной характеристики. Ленин писал: «Многие различные вещи состоят в существенном взаимодействии через свои свойства; свойство есть самое это взаимодействие» («Ленинский сборник», IX, стр. 144—145).

В самом деле, из громадного числа русских имен прилагательных сравнительно небольшая часть выражает качество или свойство непосредственно, лексическим значением своей основы. Таковы, например, прилагательные, обозначающие цвет: *алый, бежевый, бледный, белый, бурый, вороной, гнедой, голубой, желтый, карий, палевый, пегий, русый, рыжий, сивый, сизый, синий, седой, серый, черный, смуглый* и т. п.; пространственные и временные качества и отношения: *прямой, правый, левый, малый, тесный, большой, плоский, глубокий, далекий, долгий, короткий, узкий, широкий* и т. д.; вообще воспринимаемые чувствами свойства и качества вещей *: *пряный, кислый, прочный, ровный, мокрый, острый, теплый, горький, жидкий, легкий, мелкий, мягкий, редкий, сладкий, тонкий, тяжелый, густой, частый* и т. д.; внешние или физические, телесные качества людей и животных: *босой, голый, нагой, лысый, сытый, молодой, старый, дюжий, хилый, косой, глухой, слепой, тощий, полный, быстрый, толстый* и т. д.; внутренние качества, качества характера, психологического склада: *хороший, злой, живой, резвый, глупый, грубый, дикий, гордый, косный, бодрый, добрый, мудрый, хитрый, храбрый, щедрый, наглый, подлый, жестокий, кроткий* и т. п.

Количество таких рубрик и примеров, конечно, можно значительно увеличить. И все-таки, если собрать все прилагательные, которые выражают качество непосредственно, то окажется, что таких слов немного по сравнению с массой прилагательных, обозначающих качество как признак относительный, т. е. выводимый из отношения к предмету, обстоятельству или действию, например: *железный, жилистый, болотистый, вертлявый, пропащий, закоптелый, здешний, домашний, вчерашний* и т. п.

Быстрое и разностороннее развитие категории качества в русском литературном языке XVII—XVIII вв. было вызвано стремительным процессом национализации русского языка и сближением с западноевропейскими языками. Круг качественных определений — жизненно-бытового, гражданского и общественно-психологического характера — отвлеченных и эмоциональных — в церковнославянском языке был не очень широк. Все усиливающийся приток народных выражений и эпитетов в русскую литературную речь с XVI—XVII вв. значительно расширил в ней область эмоциональных и живописных, красочных определений. Влияние западноевропейских языков и особенно французского языка в XVIII в. лишь осложнило и обогатило сферу выражения качественных оценок внутреннего и внешнего мира и привило русскому языку изощренные приемы отвлеченно-оценочного и пластического изображения свойств и признаков предметов. В течение XVIII—XIX вв. класс имен прилагательных пополняется и расширяется с поразительной быстротой — соответственно общему темпу роста великого русского языка. Как лексический материал для творчества качественных определений используются главным образом основы имен существительных и глаголов. Иллюстрацией может служить развитие прилагательных, обозначающих цветовые качества. Из французского языка в XVIII—XIX вв. пришли к нам: *бордовый, палевый, оранжевый, розовый, лиловый, фиолетовый, фрезовый, кремовый, пунцовый*, (ponceau — цвет мака) и т. п. Ср. в XX в. *бежевый* (франц. beige).

В предшествовавшем бытовом запасе качественные оттенки цветовых названий определялись главным образом посредством указания на сходство с цветом какого-нибудь предмета. Имена прилагательные этого рода имели очень конкретное значение. Эта бóльшая конкретность значений древнего имени прилагательного и в связи с этим меньший объем его смысловых связей с именами существительными ярко выступают в обозначениях лошади-

* Известно, что в европейских языках — при богатстве и разнообразии прилагательных, выражающих зрительные, слуховые и отчасти вкусовые ощущения, — очень беден состав прилагательных для выражения обонятельных и осязательных ощущений.

ных, отчасти собачьих мастей. Соответствующие обозначения, в значительной своей части восходящие к тюркским заимствованиям, вследствие исключительности своего применения имеют до сих пор сильный привкус предметности. *Вороной, буланый, гнедой, каурый, мухортый, пегий, саврасый, соловый, чалый, чубарый* — употребляются непосредственно как клички лошадей.

Другие прилагательные тоже были прикреплены к обозначению цветовых оттенков определенного круга предметов, например, волос — *рыжий, русый*, или глаз — *карий*. Большая часть прилагательных, обозначавших цвет, выражала сходство с предметом по окраске. Круг тех именных основ, от которых производились прилагательные, менялся в истории языка и не все из соответствующих имен прилагательных были одинаково способны к широкому обобщению своего качественного значения. Например, характерны такие цветовые обозначения в древнерусском языке: *жаркий* (от *жар* — горящие угли; ср. «чужими руками жар загребать»); *крапивный* (т. е. зеленого отлива; ср. «крапивное семя» в применении к чиновникам с намеком на зеленый цвет мундиров); *маковый* (ср. «словно маков цвет»); *осиновый, сливный, смородинный, червчатый* (красный) и другие подобные [3]. Ср. более поздние образования для обозначения цвета: *кофейный, фисташковый, бутылочный, янтарный, шоколадный, сиреневый, оливковый* и т. д. [4].

Таким образом, и в группе цветовых прилагательных рядом с словами, теперь представляющимися непосредственным обозначением цвета (например: *белый, серый, синий, сизый, желтый, черный* и т. п.), выделяется длинный ряд прилагательных, выражающих понятие цвета через отношение к предмету.

Итак, качественные значения имен прилагательных чаще всего выводятся из отношения к предмету и действию, соответственно значениям тех именных или глагольных основ, от которых они образуются *. Прилагательные в подавляющем большинстве своем имеют основу или существительного, или глагола, осложненную суффиксами (например: *комсомольский, вузовский, обобществленный* и т. п.).

Необходимо глубже вникнуть в процесс развития качественных значений из предметных отношений. Качество, грамматически обозначаемое в форме имени прилагательного системой окончаний *-ый, -ий, -ая* и т. п., отыскивается в свойствах того предмета или действия, которые выражаются основой прилагательного. Качественное значение в производных прилагательных является вторичным. Оно вытекает из качественной оценки предметного отношения или из качественного осмысления действия.

Например, *митинговый* прежде всего обозначает отношение к митингу: *митинговый оратор, митинговая речь*. Но на это значение наслаивается иное, качественно-оценочное, которое заключает в себе буржуазную квалификацию предмета, как бы выросшую из суждений о связи его с митингом: развязный, небрежный, недостаточно чинный, демагогически-грубый (об изложении, манере поведения, с оттенком пренебрежения): *митинговые выпады, митинговые замашки*.

Таким образом, прилагательные, определяющие соотношение предметов, переходят затем к выражению качественной оценки.

Эта семантическая связь прилагательных с существительными выражается в том, что нередко прилагательное следует за всеми изменениями лексических значений существительного, их отражая. Например, слово *минор*, кроме обозначения известного музыкального лада, в разговорно-фамильярной речи употребляется в значении: грустное, меланхолическое настроение («Почему вы сегодня в таком миноре?»). Та же двойственность значений свойственна прилагательному *минорный*. С одной стороны, оно является музыкальным термином: *минорная гамма, минорная тональность, минорный лад;* с другой стороны, оно имеет переносное значение в разговорной речи: груст-

* «Качество, — пишет К. С. Аксаков, — есть отвлеченная и понятая та общая сторона предмета, которая в нем находит осуществление, но которая не принадлежит ему непременно и как общее может принадлежать всякому явлению» («Сочинения филологические», ч. 2. Конспект двух последних глав первой части русской грамматики, стр. 112).

ный, меланхолический, печальный: *минорное настроение, говорить в минорном тоне.*

Неудивительно, что лексические значения множества прилагательных почти всецело обусловлены предметными значениями производящего имени существительного. Например: *березовый, библиологический, бивачный, биржевой, бирюзовый, бисквитный, бобровый, боковой, болевой, бомбовый, брачный, броневой, бронзовый, бронхиальный, бубновый, бузиновый, букетный, булочный, бумажный, бумазейный, бутовый, бухгалтерский, былинный, бязевый;* все производные с приставкой *без-*: *беспритютный, беспроцентный* и т. д.; *вагонный, веревочный, вазелиновый, валерьяновый, валютный* и т. д. — вся эта масса производных прилагательных соотносительна с беспредложными конструкциями, включающими в себя родительный падеж соответствующего существительного или с предложными конструкциями, состоящими из любого косвенного падежа существительного и предлога. Имя прилагательное отличается от этих оборотов лишь общим грамматическим значением относительного признака, из которого могут затем развиться новые качественные значения. Например, в слове *карманный:* 1) по форме и размеру приспособленный для ношения в кармане *(карманные часы)* и 2) обслуживающий повседневные мелкие нужды, мелкий *(карманные расходы).*

Но в целом ряде случаев выражение отношения к объекту не осложняется качественными значениями. А. А. Потебня так писал об этом: «Нынешний язык сохранил выражения, как *часовой мастер, рыбный, винный торговец*, т. е. представляет постоянным свойством субъекта его отношение к объекту; но, во-первых, избегает в этих случаях прилагательных относительных, получивших качественное значение (необычно было бы: *железный кузнец, деревянный мастер*), во-вторых, не вносит в субъект атрибутов объекта, так что в нем было бы невозможно: *часовой степной мастер, свежий рыбный* или *винный крымский и заграничный торговец*» [5].

Однако значение качества в имени прилагательном становится все определительнее, резче и отвлеченнее. К. С. Аксаков отметил: «При постепенном освобождении от предмета, при постепенном превращении предмета в качество, мысль все еще опирается на предмет; наконец она доходит до понятия общего независимого значения, независимого от предмета, и доходит до понятия качества: здесь уже нет предмета. Здесь является одно чистое качество. Мысль доходит до него, и вместе, в слове, до области прилагательных, в полном смысле» [6]. Те же идеи позднее развивал А. А. Потебня: «По мере того как связь прилагательного относительного с его первообразным становится в сознании более и более отдаленною, увеличивается его отвлеченность, безотносительность, качественность, ибо качественность прилагательного есть лишь другое имя его безотносительности. Вместе с тем это прилагательное становится выражением качества постоянного» [7].

Развитие качественных значений у имен прилагательных находит себе опору в качественных оттенках значений имен существительных. То имя существительное, которое употребительно главным образом в функции приложения или сказуемого, выражает не столько предметность, сколько качественную характеристику или состояние*. Но то, что в производном прилагательном кристаллизуется как отдельное значение, в соответствующем существительном еще брезжит как своеобразный метафорический ореол слова, как намечающееся переносное значение. Например, прилагательное *мраморный* имеет три значения: 1) сделанный из мрамора — *мраморный умывальник, мраморная статуя, мраморный столик;* 2) похожий на мрамор рисунком, узором поверхности, имитирующим его: *мраморная бумага, мраморное мыло;* 3) переносное, выражающее: белый и гладкий, как мрамор (книжн., поэт.):

* Об эволюции имени прилагательного от апозитивного выражения предметности к выражению качественных оттенков можно найти много интересных замечаний, кроме трудов Потебни, также в работе F. Sommer, Zum attributiven Adjectivum. Munich. 1928 (Sitzungsberichte der Bauerischen Akademie Phil. Klasse 1928, 7). Ср. также работу Hans Hartmann, Studien über die Betonung der Adjectiva im Russischen, Leipzig 1936.

мраморное чело. В существительном *мрамор* намеки на это поэтическое, чисто качественное значение обнаруживаются только в очень ограниченном фразеологическом и синтаксическом контексте. Ср. «мрамор чела», «руки — мрамор» и т. п. Ср. такого же рода соответствие в переносном употреблении слов *железный* и *железо*. Например, у А. Н. Островского в комедии «Свои собаки грызутся, чужая не приставай»: «Ты каменная какая-то... железо, просто железо» (Пионова).

Таким образом, само имя существительное, даже являющееся названием конкретного предмета, может стать (при метафорическом осмыслении или экспрессивной оценке внутренних свойств этого предмета) переносным выражением качественного состояния или отвлеченного свойства. Тут наблюдаются разные семантические явления. Например, слово *мираж*, превращаясь из термина известного оптического явления в метафорическое обозначение обманчивого призрака, иллюзии, чего-нибудь, созданного воображением, не соответствующего действительности, теряет абсолютивное употребление и требует при себе обязательного определения в форме родительного падежа имени существительного: *мираж славы*, *мираж войны*, *мираж любви*. Этим путем слово *мираж* приобретает оттенок качественного значения: выражение *мираж славы* ведет к признанию миражности славы; слово *мираж* становится качественным определением, эпитетом славы. Ср. также: *гром аплодисментов — громовые аплодисменты; блеск остроумия — блестящее остроумие* и т. п. Развитие качественных значений на основе взаимодействия предметов приводит к углублению семантических связей между именами существительными и прилагательными.

Иначе протекают процессы качественного преобразования глагольных форм причастия *. Превращение причастий в имена прилагательные затрудняется видовыми и залоговыми значениями глагола, противоречащими понятию признака — постоянного, вневременного, отвлеченного. Поэтому причастия с формообразующим залоговым суффиксом *-ся* лишь в очень редких случаях приобретают чисто качественное «безглагольное» значение (ср.: *выдающийся ученый*, *опустившийся человек* и немногие др.). Напротив, страдательные причастия, в той мере, в какой они обозначают состояние или результативный признак, иногда даже теряют прямую связь с глаголом (ср.: *начитанный*, *заплаканный*, *угрожаемый*, *необитаемый; конченный человек*, *надтреснутый голос*, *смотреть влюбленными глазами* и т. п.) и тяготеют к семантическому сближению с именами прилагательными. Процессы «окачествления» причастий этого типа представляют необычайный семантический интерес (например: *потерянный вид*, *рассеянный человек*, *смущенное лицо*, *избитая острота*, *набитый дурак* и т. п.). Этому окачествлению содействует то обстоятельство, что значение времени в причастиях страдательного залога почти вовсе стерлось. Значение времени сохраняет свою выразительность лишь в соотносительных бесприставочных формах причастий на *-мый* и *-нный* от основ несовершенного вида: *читаемый — читанный*, *слышимый — слышанный* и т. п. Но образования на *-нный* от основ несовершенного вида непродуктивны и немногочисленны. Больше всего склонны к окачествлению страдательные причастия с основами совершенного вида. Двойственность значений суффиксов *-енный* и *-(а)нный* (ср. *вдохновенный*, *желанный*, *воздержанный*, *усиленный*, *сочувственный*, *неопределенный* и т. п.) ускоряет этот процесс превращения причастия в прилагательное.

---

* Вопрос о близости глагола к прилагательному оживленно обсуждался в русских философских грамматиках начала XIX в. См. О р н а т о в с к и й, Новейшее начертание правил российской грамматики на началах всеобщей основанное, Харьков 1810, стр. 53. Ср. Ф а т е р, Praktische Grammatik der russischen Sprache, 1808, стр. 82. Ср. также Ф. И. Б у с л а е в, О преподавании отечественного языка, М. 1844, ч. 2, стр. 142 и J. G r i m m, Deutsche Grammatik, 1837, S. 254—255. Известно, что понятия движения и качества сближались между собою и в грамматической концепции Вильг. Гумбольдта (см. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues, § 17; ср. S t e i n t h a l, Sprachwissenschaft W. v. Humboldts).

Необходимо заметить, что общие различия основ совершенного и несовершенного видов, если они не подчеркнуты суффиксами, выражающими кратность вроде *-ыва-*, *-ива-* или *-ну-*, не очень мешают переходу причастий в прилагательные (ср. *искомый* и *изысканный*; *любимый* и *излюбленный*; *невесомый* и *взвешенный*: «вещество во *взвешенном* состоянии» и т. п.).

В действительных причастиях процесс качественного преобразования затруднен тоже главным образом количественными оттенками видовых значений. В самом деле, глагольные причастия с суффиксами, выражающими количественные оттенки видов, например, с суффиксами моментальности *-ну́-*, *-ну-*, иногда с суффиксами интенсивной повторяемости *-ыва-*, *-ива-* и даже с суффиксами усиливающегося состояния *-ну-* и *-е-* (от глагола типа: *глохнуть*, *зеленеть*), почти не развивают качественных значений. Но ср.: *угрожающее положение*, *вызывающий вид*, *многообещающий мальчик*, *умоляющий голос*, *смягчающие обстоятельства*, *предостерегающий окрик*, *торжествующая любовь*, *испытующий взгляд*, *протестующее лицо*, *удручающее впечатление*, *подавляющее большинство* и т. п. Во всяком случае для превращения причастия настоящего времени действительного залога в качественное прилагательное необходимы ослабление видовых значений и устранение переходности. При наличности этих условий возможно развитие качественных значений и у причастий с суффиксами *-ива-*, *-ыва-* (ср. *заискивающий* от *заискивать*: *заискивающий взгляд*, *заискивающая улыбка* и т. п., так как глагол совершенного вида *заискать*, встречающийся, например, у Ф. Достоевского, был узко-жаргонным, чиновничьим словом; ср. *дать исчерпывающие объяснения;* слово *исчерпывающий* имеет книжно-официальную окраску: *изложить с исчерпывающей полнотой факты*, *исчерпывающий ответ* и т. п., да и самый глагол *исчерпывать* в соответствующем значении мало употребителен).

Характерно, что эти ограничения сохраняют свою тормозящую силу и при производстве отглагольных прилагательных на *-лый* (ср.: *облезлый*, *пухлый*, *исхудалый*, *закоптелый*, *загорелый* и т. п.). Формы на *-лый* вовсе не образуются от переходных глаголов.

Естественно, что причастия на *-ший* и особенно на *-вший*, сохраняющие семантико-грамматическую соотносительность с деепричастиями на *-в*, *-вши* и *-ши*, в которых формы времени выражены довольно ярко, редко переходят в качественные прилагательные. В отдельных случаях качественные значения образуются лишь у причастий на *-ший* (ср. *сумасшедший день*, архаические *усопший*, *падший* и т. п.; см. ниже главу о причастиях).

Таким образом, переход причастий в прилагательные зависит от степени яркости временных, видовых и залоговых значений основы глагола. Чем менее в форме причастия выражены эти чисто глагольные значения, чем свободнее она от связи с объектами, тем легче она сближается с именами прилагательными.

Количество непроизводных качественных основ прилагательных в современном русском языке невелико. И оно мало возрастает. Основы производных прилагательных восходят главным образом к категориям имен существительных и глаголов (реже — наречий).

2. О ФОРМАЛЬНЫХ ПРИМЕТАХ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО И ОБ ОСНОВНЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ РАЗРЯДАХ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

§ 2. Разряды имен прилагательных

Система склонения у имен прилагательных, так же как и у имен существительных, основана на совмещении признаков рода, числа и падежа в одном окончании. В формах множественного числа имен прилагательных отсутствуют родовые различия. Ведь

они здесь стираются и у имен существительных. Но — в отличие от существительных — система склонения имен прилагательных унифицирована. Она не зависит от различий словообразовательных суффиксов, не связана с ними. Прилагательные располагают только одним живым типом склонения в его «твердом» и «мягком» вариантах. Различия наблюдаются лишь в окончаниях именительного единственного числа (*добрый, -ая, -ое; кроткий, -ая, -ое; синий, -яя, -ее; волчий, -ья, ье*); именительного-винительного множественного числа: *добрые (=добрыи); кроткие (=кроткии); синие (=синии), волчьи* и отчасти винительного падежа единственного числа (*волчью, волчье*). Склонение большей части местоименных прилагательных также отличается лишь основами, формами именительного падежа обоих чисел и винительного падежа единственного числа (*тот, та, то, ту, те; весь, вся, всё, всю, все* и т. п.; но ср. также творительный падеж единственного числа *всем, тем*). Только так называемые нечленные, или краткие, прилагательные на *-ов, -ин* (*отцов, мамин* и т. п.), обозначающие принадлежность одному определенному существу (лицу или животному), выделяются, кроме форм именительного и винительного падежей, также формами родительного и дательного падежей единственного числа мужского и среднего рода, совпадающими по окончаниям с системой склонения имен существительных.

Таким образом, устанавливаются три основных типа прилагательных по различиям системы склонения: 1) основной, качественно-относительный; 2) притяжательный и 3) местоименный.

§ 3. Об основном формальном признаке качественных прилагательных

В разряде качественно-относительных имен прилагательных окончания *-ый (ой, -ий), -ая (-яя), -ое (-ее)* (в их графическом или фоническом выражении — безразлично) приходится рассматривать и как формальную примету рода, числа и падежа и как основной аффикс, выражающий общее грамматическое значение качественного признака.

Вся падежная система имени прилагательного, органически связанная с аффиксом *-ый, -ая, -ое (-ий, -яя, -ее)* и образующая замкнутый круг соотносительных и взаимосвязанных окончаний, служит морфологическим выражением «понятийной категории» качества. Окончания прилагательного, попадая в категорию предметности, там функционально преобразуются. Они становятся окончаниями-суффиксами существительного, переставая быть знаками качества. Ср.: в рассказе В. Каверина «Нигрол»: «*Рулевой* открыл глаза. Тогда я увидел, что вовсе не *рулевой* это был, а *рулевая*».

Родовые и числовые функции прилагательного в именительном падеже непосредственно связаны только с морфемами: 0, *-а -о: глух, -а, -о; отцов, -а, -о;* ср.: *добр-ый, добра-я, добро-е* и т. п. Те грамматисты, которые видят в аффиксе *-ый, -ой (-ий), -ая (-яя,) -ое (-ее)*

только указание на род и по этому признаку относят имена прилагательные к классу «родовых слов» (наряду с формами прошедшего времени глагола), не замечают в аффиксе *-ый* самого главного, т. е. его собственной, индивидуально грамматической функции, связанного с ним общего значения качества или оттенка качественности. Это категориальное значение качества или качественности лежит в основе всей системы «форм словоизменения» имен прилагательных.

Таким образом, значение аффикса *-ый (-ой, -ий), -ая (-ля), -ое (-ее)* во всех его падежных вариантах отнюдь не исчерпывается указанием на падеж, род и число. Система падежных окончаний полных прилагательных — вся в целом — является выражением значения качества как семантической основы категории имени прилагательного. Еще К. С. Аксаков видел в аффиксе *-ый (-ой, -ий), -ая (-яя), -ое (-ее)* выражение качества, которое «имеет значение само по себе и может быть понято как нечто отдельное, хотя также проявляющееся на предмете»[8].

Вслед за К. С. Аксаковым это было отмечено А. М. Пешковским, который рассуждал так: «Если в *туманный* простая основа обозначает предмет *(туман-)*, а суффикс — отношение к этому предмету *(-н-)*, то, очевидно, значение качества может быть заключено только во флексии *-ый*, т. е. в том аффиксе, который именно и делает его прилагательным. Таким образом, даже и в относительных прилагательных, поскольку они именно прилагательные, вскрывается оттенок качественности»[9].

В самом деле, значение качественности только в редких случаях выражается самим корневым элементом прилагательного. Даже такие морфологически неразложимые качественные основы, как: *смел-, рыж-, добр-, быстр-, прост-, храбр-, груб-, худ-, хил-* и т. п., в современном русском языке уже не являются чистыми и прямыми формами имен прилагательных. Ведь краткие формы прилагательных не склоняются и включают в себя категорию времени, а следовательно, тяготеют к выходу за пределы категории прилагательного. В связи с этим возрастает многообразие и семантический вес суффиксов имени прилагательного. В связи с этим приобретают особенную выразительность полные окончания прилагательных во всех падежах. Но само по себе окончание *-ый, -ая, -ее* со всеми его падежными вариантами в современном русском языке уже не является продуктивным средством образования новых прилагательных. Его значение слишком обще и отвлеченно. Оно содержит в себе лишь самое общее указание на качество, относимое к предмету. Оно несет синтаксическую функцию согласования. Поэтому перевод основ имени существительного или глагола в категорию качества нуждается, кроме присоединения окончания, в дополнительных средствах выражения в виде суффиксов. Одного аффикса *-ый (-ая, -ое)* без поддержки суффикса стало уже недостаточно для образования формы прилагательного от основ имени существительного или глагола. Сам по себе аффикс *-ый (-ий), -ая*

(-ая), *-ое (-ее)* выражает значение вневременной качественности только в чисто качественных, непроизводных прилагательных — и при том в их полных формах — в отличие от соотносительных кратких форм, выражающих качественное состояние во времени. Ср. *жив (чем люди живы; не одним хлебом жив человек)* и *живой* (например, *живой труп*). В относительных же прилагательных, т. е. в прилагательных, обозначающих признак как отношение к предмету, аффикс *-ый* придает этому признаку отвлеченный оттенок качественности. Он служит средством качественного обобщения предметно-относительных значений. При отсутствии соотносительных кратких форм общее качественное значение аффикса *-ый (-ой)* выступает более рельефно и непосредственно в именах прилагательных с непроизводными основами: *любой*, *голубой*, *полный* и т. п. Таким образом, сердцевину категории имени прилагательного составляют качественно-относительные прилагательные. На периферии этой категории имен прилагательных различаются прилагательные притяжательные и местоименно-указательные.

§ 4. Притяжательные имена прилагательные

Притяжательные прилагательные вроде: *сестрин*, *-а*, *-о*; *отцов*, *-а*, *-о* и т. п. имеют в именительном и винительном падежах всех родов и чисел, а также в родительном и дательном падежах мужского и среднего рода единственного числа только краткие формы. В этих прилагательных отсутствует живой аффикс качественности *-ый*. Формы склонения резко отличают эти прилагательные от несклоняемых кратких форм качественно-относительного разряда: притяжательные прилагательные употребляются в функции определения предмета и в функции предиката. Тип их склонения смешанный, совмещающий окончания имен существительных и прилагательных. Естественен вывод: притяжательные прилагательные лишены оттенка качественности, и сама прилагательность их условна.

Необходимо глубже вникнуть в грамматическую природу притяжательных прилагательных. Прежде всего бросается в глаза некоторое сходство между ними и такими местоименными прилагательными, как: *мой*, *твой*, *наш*, *ваш*, *тот*, *этот*. Между обоими этими разрядами обнаруживается тесная смысловая связь. Оба они не только выделяют предмет, но и индивидуализируют его посредством непосредственного указания на него самого или посредством указания его владельца. Этой особенностью притяжательные и указательно- или притяжательно-местоименные прилагательные резко отличаются от всех других. Они выполняют функцию указания (в широком смысле этого слова), а не качественного определения. Сущность этого индивидуализирующего указания легко понять, сопоставив, например, значение таких слов, как: *женин*, *сестрин*, *дядин*, *папин*, *нянин*, *старостин*, *бедняжкин*, *курицын* и т. п., с словами вроде: *лошадиный*, *гусиный*, *комариный*, *соловьиный*, *куриный*, *крысиный*, *львиный* и т. п., или слова типа:

отцов, *приятелев*, *швейцаров* и т. д., с прилагательными на *-овский*, *-ский* или *-овый*, *-овой*: *отцовский*, *приятельский*, *кротовый*, *садовый*, *полевой*, *домовый* и т. д.

Формы с членными окончаниями *-овый*, *-иный* обозначают не притяжательность, а качественное отношение к кому-нибудь, чему-нибудь или свойственность кому-нибудь, чему-нибудь (ср. также значения прилагательных на *-ий*, *-ья*, *-ье*, вроде: *заячий*, *телячий*, которые в современном языке также принадлежат к типу членных прилагательных)*.

Уже в грамматиках первой половины XIX в. (например у Н. И. Греча) притяжательные личные (или частные), происходящие от имени одного определенного существа (*женин*, *львов* и т. п.), противополагались родовым, или общим (*львиный*, *женский* и пр.)[10].

Павский настаивал на необходимости решительно отделять прилагательные усвоительные, т. е. притяжательные, от качественных и относительных прилагательных.

Павский ясно и точно охарактеризовал указательную природу прилагательных на *-ов*, *-ин*: «Окончание *-ов* (и *-ев*, *-а*, *-о*) образует имена прилагательные, означающие принадлежность или усвоение лицам и животным и притом усвоение ближайшее, относящееся к одному известному лицу и животному... Когда усвоение относится не прямо к лицу или известному животному, а к целому обществу лиц или к породе животных, тогда окончание *-ов* переходит в двоечленную форму и принимает вид *-овый*, *-ая*, *-ое* или *-евый*, *-ая*, *-ое*... Собственные имена лиц не могут переходить в эту двоечленную форму, потому что собственное имя не может принадлежать многим, но имена названий и должностей человеческих легко принимают окончание *-овый*»[11]. И о суффиксе *-ин* Павский писал: «Это окончание *-ин* во всех отношениях по значению своему похоже на окончание *-ов*, которым означается ближайшее усвоение»[12].

Таким образом, прилагательные притяжательные, подобно указательным местоимениям, несут функцию индивидуализирующего, обособляющего указания на принадлежность одному существу, единичному обладателю. Общности качества, выражаемого прилагательным качественно-относительным, здесь противостоит значение индивидуализирующего выделения предмета.

Анализ значений притяжательных суффиксов *-ов*, *-ин* может точнее уяснить общее содержание категории притяжательности в современном русском языке.

Суффикс *-ов*, *-ев*, производящий имена прилагательные от существительных мужского рода на твердый и мягкий согласный и очень редко — в просторечии — от существительных среднего рода и выражающий принадлежность одному определенному (обо-

* Достаточно сопоставить значения слов: *пастухов* и *пастуший*, *кошкин* и *кошачий*, *петухов* и *петуший*, чтобы понять резко выраженную качественность форм на *-ий*. Об этом же говорит широкое развитие в них переносных значений, например: *рыбий темперамент*, *кошачья живучесть*, *телячьи нежности*, *петуший* (или *петушиный*) *задор* и т. п. (см. ниже).

значенному основой имен существительных) существу, в книжных стилях литературного языка угасает. Он вытесняется родительным падежом имени существительного, выражающим как единичную, так и коллективную притяжательность. Неудобство притяжательных на *-ов* состоит в том, что они указывают на принадлежность только единичному лицу и не могут обозначать множественного владетеля. Между тем, в русском языке установился полный параллелизм между посессионной (притяжательной) функцией множественного и единственного чисел. Индивидуальная, единичная принадлежность уже не выделяется грамматически как основной признак, как отличительное свойство предмета. Выражение отношений притяжательности между предметом и лицом или коллективом, группой лиц синтаксически закреплено за формой родительного падежа имени существительного и единственного и множественного чисел (родительный владетеля). В этом отношении нет соответствия между собственно притяжательными и местоименными прилагательными (ср. употребление: *мой*, *твой*, *свой*, *наш*, *ваш* в притяжательном значении, и отсутствие значения принадлежности у родительного: *меня*, *тебя*, *себя*, *вас*, *нас*). Семантический объем притяжательных местоимений гораздо шире. Они имеют целый ряд дополнительных указательных и качественных значений (сверх оттенка прямой притяжательности).

Суффикс *-ов* все больше специализирует свое значение как суффикс официальных фамильных имен (*Петров*, *Иванов*, *Горев*, *Стеклов*, *Морева* и т. п.). Угасанию и во всяком случае ограничению притяжательных на *-ов* способствовало семантическое обособление прилагательных на *-овый* (ср. *крокодилов* и *крокодиловый*). Впрочем, в языке художественной литературы и в устной речи суффикс *-ов* еще очень живуч*.

Ср. у М. Горького: «Неужто *отцовы* слова так тяжко слушать?» («Мещане»); у Л. Сейфуллиной: «Старуха... глянула прямо в *сынов лицо*» («Старуха»); у К. Федина: «Черными дырками нор рябила голая, плоская степь, и только с *Евграфовым* чутьем можно было выбрать в этой ряби настоящее *сусликово* жилье» («Братья»); у Л. Леонова: «Он уже оплывал, все глубже уходя в *тестеву* коммерцию» («Скутаревский») и т. п.

Развитие качественности в притяжательных формах связано с устранением в них оттенка личной (или единичной) принадлежности. А это достигается переводом их в разряд членных полных прилагательных (ср. *отцов* и *отцовский*: *отцовское отношение; женихов* и *женихо́вский: женихо́вский вид; братнина поддержка* и *братская помощь* и т. п.).

Давно замечено, что для обозначения отношения к целому обществу лиц или к породе животных вместо *-ов* употребляется *-овый*, *-ая*, *-ое* или *-евый*, *-ая*, *-ое*. Например: *писцовый* («писцовые книги»),

---

* Однако ср. замечание В. И. Чернышева, Правильность и чистота русской речи, вып. II, стр. 158.

китовый, *тигровый*, *бобровый*, *моржевый*, *осетровый*, *раковый* («раковые шейки») и т. п.

В этих случаях значение принадлежности растворяется в общих оттенках — относительной качественности (свойственный кому-нибудь, чему-нибудь, относящийся к кому-нибудь, чему-нибудь, приготовленный, выделанный из кого-нибудь, чего-нибудь и т. п.)[13].

Другой притяжательный суффикс *-ин* образует краткие прилагательные от названий лиц и животных с окончанием на *-а*, *-я* (и реже от слов женского рода на мягкий согласный с нулевым окончанием в именительном падеже): *мамин*, *тетин*, *дядин*, *кошкин*, *курицын*, *свекровин* и т. п. (Ср. суффикс *-нин* в трех словах, обозначающих принадлежность лицам из родни: *братнин*, *мужнин*, провинциальное *зятнин*, а также устарелое *дочернин*.) *.

В современном русском языке суффикс *-ин* служит для обозначения индивидуальной принадлежности, преимущественно в фамильярно-бытовых и семейно-домашних отношениях. Он стойко держится в словах, производных от обозначений родственников и родственниц, от ласкательных личных имен, а также от официальных женских и мужских имен на *-а*, *-я*: *тетин*, *теткин*, *мамин*, *мачехин*, *папин*, *дядин*, *нянин*, *женин*, *сестрин*; *Танин*, *Надин*, *Колин*, *Ванин*, *Варварин*, *Надеждин* и т. п. Например: «Только съезди ты, поклонись гробу матери твоей да и *бабкину* гробу кстати» (Тургенев, «Дворянское гнездо»). «На то есть воля *батюшкина*, чтобы я шла замуж» (Островский, «Бедность не порок»); ср. у Чернышевского: «Из *хозяйкина* кармана было тут тысячи три, не больше» («Что делать?»).

Не подлежит сомнению, что устойчивости этого суффикса способствует ясность его состава: с *-ин* живо связывается значение единичности, индивидуализирующего обособления (ср. суффикс *-ин* в форме единственного числа существительных типа: *гражданин*, *дворянин*, *крестьянин* и т. п., или *-ина* в *хворостина*, *тесина*, *картофелина* и т. д.).

А. А. Потебня так писал об эволюции категории притяжательности в русском языке: «Первоначально всякое притяжательное предполагает существительное в значении особи и есть притяжательное личное... Позднее особь синекдохически принимается за образец рода, мыслится при производном прилагательном все неопределеннее, причем это прилагательное переходит к значению притяжательного родового и относительного, т. е. приближается к безотносительному, качественному. Чем древнее строй языка и чем образнее в этом языке обычное мышление, тем обычнее употребление суффиксов, присвоенных потом притяжательным личным, там, где нынешний литературный язык требует притяжательных родовых и относительных» [14].

---

* К ним примыкает областное просторечное *сынин*. Ср. употребление этого суффикса в русском языке XVI—XVII вв. (B. Unbegaun, La langue russe au XVIe siècle, Paris 1935, pp. 328—332).

Обособление или угасание продуктивности суффикса *-ов* и сужение круга образований на *-ин* свойственны преимущественно книжному языку (ср. замечания Р. И. Кошутича и А. М. Пешковского)[15].

В языке художественной литературы (особенно в драматической речи, в сказовых и диалогических формах прозы) и в устном просторечии еще употребительны оба типа. Ср. у Ф. Сологуба в повествовательном стиле: «Внезапное *цыганкино* появление испугало его» («Мелкий бес»). Но тенденции расширить их функции, особенно в сторону вещных образований, не привились. Например, у Маяковского: *ребровы дуги*, *стеганье одеялово*, *губы вещины*, *постановление исполкомово* и т. п. «Самогоном упился метраннаж. Лишь свистят под ротационкой ноздри *метраннажины*» («Газетный день»). Ср. у него же «скрипкиной речи»* и т. п.

Однако не подлежит сомнению, что употребительность отдельных форм притяжательных неодинакова. Совсем вымирают нечленные формы родительного и дательного падежей мужско-среднего рода у слов с суффиксом *-ов* и *-ин*. По отношению к другим падежам наблюдается разница в употреблении прилагательных на *-ов* и на *-ин*. Притяжательные на *-ов*, повидимому, применяются преимущественно в формах именительного и винительного падежей единственного и множественного числа, очень редко в формах женского рода единственного числа с окончанием *-ой*, главным образом в предложном падеже *(в отцовой шубе)*, и еще реже в косвенных падежах множественного числа. От притяжательных на *-ин* широко употребительны не только краткие формы именительного и винительного падежей, но и полные членные формы всех косвенных падежей.

В русском литературном языке XIX в. под влиянием просторечия краткие формы родительного и дательного падежей мужского и среднего рода единственного числа у притяжательных на *-ин* вытесняются членными, полными образованиями, например, у Л. Толстого: «Три версты... отделяли церковь от *тетушкиного* дома» («Воскресенье»); у Салтыкова-Щедрина: «Порфиша и себя, и семью — все вверил *маменькиному* усмотрению» («Господа Головлевы»); у Ф. Достоевского: «В углу установлен был большой глиняный таз с водою, приготовленный для ночного мытья детского и *мужниного* белья» («Преступление и наказание») и т. п. Ср. также у И. С. Тургенева: «возле *матушкиного* кресла» («Первая любовь») и др. В современном языке у Безыменского: «И вот недавно заехал к маме из нового *ячейкиного* дома» («Партбилет») и т. п.

Как в суффиксе *-ов*, так и в суффиксе *-ин* переход в членную форму (*-иный*, *-ая*, *-ое*) связан с устранением притяжательного значения. Слова на *-иный* имеют значение качественно-относительное

---

* Слова с суффиксом *-ий*, *-ья*, *-ье* (вроде: *вопли автомобильи* и т. п.), несмотря на своеобразие форм именительного и винительного падежей, являются характерным примером синкретического притяжательно-относительно-качественного имен прилагательных.

и образуются только от названий животных: *воробьиный*, *голубиный*, *гусиный*, *журавлиный*, *звериный*, *змеиный*, *куриный*, *лебединый*, *лосиный*, *лошадиный*, *львиный*, *муравьиный*, *орлиный*, *ослиный*, *пчелиный*, *соколиный*, *утиный*, *ястребиный* и т. п. Ср. у Тургенева в «Дневнике лишнего человека»: «возбужденный *гусиным* выражением моего лица».

С категорией индивидуальной притяжательности тесно связаны продуктивные фамильные обозначения лиц на *-ов*, *-ин* (*Иванов*, *Блохин* и т. п.). Круг их производства шире, чем притяжательных. Они образуются не только от названий живых существ, но и от имен существительных, принадлежащих к категории неодушевленности. В этом случае «имя неодушевленное или имя среднего рода становится прозвищем человека и, таким образом, делается как бы уже названием одушевленного существа», — писал К. С. Аксаков [16].

Между тем, вообще, от имен существительных среднего рода (за исключением обозначений фамилий) не образуются притяжательные на *-ов* и *-ин*, так как имена среднего рода, не обозначая лиц, не мирятся с понятием «личного права собственности» [17].

Известно, что в древнерусском быту вплоть до эпохи западноевропейского влияния прозвища имели широкое распространение рядом с христианскими именами. Бытовое употребление даваемых церковью имен было ограничено всякого рода религиозными табу. Не подлежит сомнению, что прозвища отразились в фамилиях. Фамилии на *-ов*, *-ев* производятся преимущественно от имен существительных одушевленных и неодушевленных мужского (не на *-а*) и среднего рода, реже от слов женского рода, еще реже от основ прилагательных и глаголов, например, *Карпов*, *Виноградов*, *Садовников*, *Терпигорев*, *Малышев*, *Горохов*, *Горев*, *Солнцев*, *Кирпичев*, *Золотов* и т. п.; ср. *Акулов*, *Широков*. Фамилии на *-ов* в мужском роде, кроме формы творительного падежа на *-ым* (безударное и поэтому близкое к *-ом*), закрепили за собою окончания склонения существительных. То же явление наблюдается и в фамилиях на *-ин*, образуемых преимущественно от слов женского рода на мягкий согласный и от слов на *-а* (как мужского так и общего, и женского рода), например: *Воеводин*, *Володин*, *Громилин*, *Костин*, *Анашкин*, *Федин*, *Дурылин* и т. п. Фамильные имена на *-ин* отличаются от притяжательных и ударением. Притяжательные имеют неподвижное ударение: слова с суффиксом *-ов* имеют ударение или на основе существительного, если в производящем имени существительном ударение неизменно сохраняется на том же слоге (*приятель—приятелев*), или на самом суффиксе *-ов*, если производящее существительное переносит ударение на окончания (*отцо́в*; ср. *отец* — *отца́*, *царёв* — ср. *царь*, *царя*); в притяжательных на *-ин* ударение обыкновенно падает на коренной слог независимо от места ударения в производящем имени существительном (например, *се́стрин*, но *сестра́*; *же́нин*, но *жена́*). Между тем в фамилиях на *-ин* место ударения обусловлено положением ударения в формах производящего имени существительного (*Блохи́н*, *Блохина́* от *блоха́*; *Свиньи́н* от *свинья*; *Га́ршин* от *Га́рша*, т. е. ласкательной формы имени *Герасим* — *Гарасим* и т. п.). Фамильные имена на *-ов*, за единичными исключениями, отражающими древнее или областное ударение (например, *Ивано́в* от *Ивана́*), имеют то же ударение, что и притяжательные прилагательные. Фамилии мужского рода на *-ин* склоняются так же, как и фамилии на *-ов*.

Но фамилии лиц женского пола теперь гораздо ближе к именам прилагательным. В них родительный, дательный, творительный и предложный падежи имеют окончания *-ой* в соответствии с членным склонением прилагательных. Характерно резкое грамматическое отличие женских фамилий от обозначений отчества, которые как в мужском, так и в женском роде изменяются по системе склонения существительных (*Васильевич*, *-а*, *-у*, *-ем*, *-е*; *Петровна*, *-ы*, *-е*, *-ой*, *-е*). Отличия в склонении фамилий женского рода

объясняются не только поздним переходом их в существительные, но и социальными причинами — положением женщины в дореволюционном обществе. Так как фамилия жены определялась фамилией мужа (как фамилия детей фамилией отца), то, повидимому, женская фамилия долго рассматривалась как форма притяжательного прилагательного, производная от соответствующей мужской фамилии: фамилия *Петрова* собственно значила — принадлежащая Петрову и т. п. Необходимо прибавить, что во множественном числе фамильные имена склоняются так же, как имена прилагательные: *Ивановы, Ивановых, Ивановым, Ивановыми, Ивановых.*

Гораздо раньше субстантивировались названия городов и поселений на *-ов.* Правда, в русских грамматиках XVIII и первой четверти XIX в. эти собственные имена относятся к тому же разряду, что и фамилии. В творительном падеже для них указывается окончание *-ым, -им* (*под Азовым*). Но уже в «Практической русской грамматике» Н. И. Греча отмечается, что «имена Киев и Псков и кончающиеся [т. е. оканчивающиеся] на *-ск, -цк, -вль* (*Тобольск, Бежецк, Ярославль*) склоняются, как существительные» [18], т. е. в творительном падеже имеют окончание *-ом. (-ем).* В «Русской грамматике» А. Х. Востокова также говорилось, что «имена городов *Киев, Псков, Ростов, Гдов* и некоторые другие склоняются и в творительном падеже, как существительные: *Киевом, Псковом* (вместе *-вым*)» (§ 42). В «Исторической грамматике» Ф. И. Буслаева дается общее и определенное указание, что «краткие прилагательные имена относительные, сохранившиеся в названиях городов, склоняются, как существительные (например, *за Киевом, Полоцком* и т. п.)» [19]. Но тут же находится противоречащее замечание, что все прилагательные на *-ов* и *-ин*, обращенные в имена собственные лиц и городов и пр., имеют в предложном падеже окончание *-е*, а в творительном *-ым, -им.* А. А. Шахматов в «Очерке современного русского литературного языка» стремился устранить это противоречие и точнее определить правила образования творительного падежа от названий городов в книжном языке. По наблюдению А. А. Шахматова, имена городов на *-ов, -ев* и *-ин* (так же как и все на *-ск* и на мягкий согласный), целиком переходят в склонение имен существительных, если они утратили связь с притяжательными прилагательными (например: *под Глуховом, под Черниговом, с Киевом, с Ростовом, с Гдовом, под Кашином* и т. п.). В этом случае именное окончание является и в творительном падеже. Повидимому, то же правило относится и к названиям городов и селений среднего рода на *-ово (Сормово, Колпино).* Но «названия городов, стоящие в сознании говорящих в прямой связи с тем или другим именем, склоняются так же, как фамилии: *Романов, Борисов, Юрьев, Царицын* имеют именные окончания во всем склонении (ед. число), кроме, однако, творительного падежа: *с Романовым, с Царицыным*» [20].

В современном языке, отчасти под влиянием живого произношения, в котором заударные окончания *-ом* и *-ым* совпадают, отчасти под влиянием стремления избежать омонимии *(с М. И. Калининым*, но *с городом Калининым)*; укрепляется тенденция — обобщить в письменном языке окончание твор́ит. пад. *-ом* за всеми названиями городов с суффиксами *-ов, -ин, -ово*, именительного *-ино* (если они склоняются, а не консервируются искусственно в форме имен. падежа).

Таким образом, совершенно очевидна хилость группы нечленных притяжательных на *-ов, -ин.* Находясь на периферии класса имен прилагательных, эти притяжательные синтаксически тяготеют к слиянию с качественно-относительными словами (ср. членные формы косвенных падежей женского рода, творительного и предложного мужского и среднего рода, членные формы косвенных падежей множественного числа). Но этому объединению мешает оттенок индивидуализирующей, личностной принадлежности, так ярко окрашивающий притяжательные прилагательные. А. М. Пешковский очень тонко заметил: «В прилагательных типа *братнин*,

отцов суффиксы *-ин*, *-ов* обозначают прямую принадлежность (не просто отношение), а значение это само по себе связано с отвлечением от тех или иных качеств; мы ими указываем, что предмет всецело, со всеми своими качествами, каковы бы они ни были, принадлежит другому предмету» (вернее: указанному основой имени существительного данному единичному лицу [21]).

Притяжательные на *-ов*, *-ин* застывают на стадии указательных слов, обозначающих единичного владельца. Этот узкий круг употребления кладет резкую грань между ними и качественно-относительными прилагательными. Отдаляются от них и местоименно-указательные прилагательные, в которых все более развиваются разнообразные оттенки качественных значений.

Для того чтобы закончить обзор притяжательных прилагательных, следует рассмотреть еще относительные прилагательные с суффиксом *-ий*, *-ья*, *-ье*, которые и по лексическому значению, и по формам (именительного и винительного падежей) частично примыкают к кратким притяжательным *(-ья*, *-ье*, *-ью*, *-ье)*; ср. архаические формы в идиоматизмах: «По *щучью* веленью все тебе готово» (А. Кольцов, «Первая песня Лихача Кудрявича»); ср. в дореволюционном официально-школьном выражении — *закон божий;*» преподавание *закона божия»;* «получить двойку *по закону божию»;* ср. у Ф. М. Достоевского в «Униженных и оскорбленных»: «Как ангела *божия* ждала вас» и другие подобные *.

Акад. А. А. Шахматов указывал на то, что у прилагательных на *-ий*, *-ья*, *-ье* совпали членные и нечленные формы именительного и винительного падежей всех родов и чисел. Стяжение звуков в членной форме именительного падежа мужского рода имело следствием совпадение этой формы с формой именительного падежа склонения именного, нечленного (*кози-й* вм. *козиии*). Это уже в древнерусском языке повело к тому, что в именительном и винительном всех родов и чисел вместо форм местоименного, членного склонения стали употребляться формы склонения именного, вместо *козјаја*, *козјују*, *козјеје*, *козиии* и т. п. стали употребляться формы *козја*, *козју*, *козје*, *козји*. Ср. современное *лисья*, *лисью*, *лисье*, *лисьи* в именительном и винительном падежах при *лисьего*, *лисьем* и т. д. в других падежах [22]. Таким образом, все формы прилагательных на *-ий*, *-ья*, *-ье* в современном языке А. А. Шахматов, на основании окончаний *-его*, *-ему* и т. п. в косвенных падежах, возводил не к именному, а к местоименному, членному склонению, а в формах именительного и винительного падежей видел результат «гаплологии», т. е. упрощения двух тождественных сочетаний: *козья* вместо *козьяя*, *козье* вместо *козьее* и т. д. [23].

Однако существует и другое, не менее вероятное объяснение

---

* Ср. у Пушкина:

«Веленью *божию*, о муза, будь послушна»,
«Прокрасться в ночь ко *вражью* стану»

Ср. B. Unbegaun, La langue russe au XVI siècle, Paris 1935, pp. 338—340.

системы склонений *козий* и т. п. Согласно этому объяснению, именительный и винительный падежи сохранили свои старые именные, нечленные формы, а другие падежи пошли по пути аналогии с формами склонения членных прилагательных вроде *синий* [24]. Общим и достоверным в той и другой гипотезе является указание на то, что в системе словоизменения прилагательных *козий — лисий* и т. п. слились два морфологических типа — нечленный и членный. Но это слияние двух систем формообразования не могло не отразиться и на функциях этого разряда прилагательных. В самом деле, прилагательные на *-ий*, *-ья*, *-ье* употребляются в притяжательном значении, но в них совершенно отсутствует оттенок конкретно-единичной притяжательности, оттенок принадлежности данному единичному существу. Н. И. Греч относил прилагательные с этим суффиксом к разряду «родовых притяжательных» [25]. Однако основное значение их — относительное: они обозначают разнообразные отношения к людям и животным (с возможностью качественного переосмысления этих отношений).

В современном языке суффикс *-ий* прежде всего обозначает типичное для кого-нибудь (чаще: для какого-нибудь животного) свойство. Он образует относительные имена прилагательные от основ имен существительных, обозначающих живое существо (при этом в основах существительных заменяются конечные *г*, *к*, *х*, зубные *т* и *д* и аффриката *ц* — чередующимися с ними шипящими согласными): *медвежий* (ср. *медведь*), *верблюжий*, *лебяжий* (ср. *лебедь*), *волчий*, *заячий*, *птичий*, *рачий (рачьи глаза)*, *белужий;* ср. *бараний*, *павлиний*, *коровий*, *олений*, *рыбий* и т. п. Но ср. *лисий*, *крысий* (от *крысиный*), ср. архаические формы *воловий*, *слоновий;* ср. также *беличий* (к *белка* от исчезнувшего слова *белица*), *говяжий* (от старинного *говядо*, ср. *говядина*).

В том же значении, но исключительно в применении к животным, употребляется *-иный*: *соловьиный*, *козлиный*, *орлиный*, *львиный*, *лошадиный*, *совиный*, *мышиный*, *крысиный*,* *куриный;* ср. *утиный* *. Ср. *петуший* и *петушиный*.

С суффиксом *-ий (-ья, -ье)* в этом значении генетически связан суффикс *-ячий* (в значении: свойственный каким-нибудь детенышам или каким-нибудь животным). Он некогда был соотносителен с суффиксом имен существительных *-ят-*, сохранившимся в формах множественного числа на *-ята*: *поросята — поросячий*, *телята — телячий; ребята — ребячий; крысята — крысячий* и т. п. В настоящее время это соотношение у некоторых слов нарушено, ср. *кошачий* (при *кошечий* от *кошка*); *гагачий*, несмотря на отсутствие форм *кошата*, *гагата*, и, например, при форме *орлята* отсутствие слова

---

* Ср. у Маяковского:

Невыносим человечий крик,
но *зверий* душу верёвкой сворачивал.
Я вам переведу *звериный* рык,
если вы не знаете языка *зверячьего*.

(«150 000 000».)

орлячий (ср. также значение слов *индюшачий* при *индюшечий*, *бычачий*, *свинячий* при неупотребительности *свинята* и др. под.).

Кроме того, образования с суффиксом *-ий*, *-ъл*, *-ье* имеют значение: приготовленный, выделанный из чего-нибудь (в соответствии с производящим именем существительным): *лисья шуба*, *мерлушечий тулуп*, *рыбий жир*, *соболий воротник* и т. п.

Наконец, с помощью суффиксов *-ий*, *-ья*, *-ье* когда-то производились вообще от имен существительных, обозначающих лица, преимущественно по профессии, социальному положению, возрасту, должности, прилагательные со значением — свойственный кому-нибудь, например: *мужичий* (ср. у Шолохова в «Тихом Доне»: «Григорий с щемящим любопытством разглядывал их простые *мужичьи* глаза»), *помещичий*, *сапожничий*, *пастуший*, *девичий*, *вдовий*, *старушечий*, *вражий*, *княжий*, *охотничий*, *человечий* (только в физическом, материальном смысле: *человечий глаз*, *человечья голова*, но ср. *человеческий*: *человеческое отношение*) и т. п. *.

Относительные прилагательные с суффиксом *-ий*, *-ья*, *-ье* легко развивают и качественные значения, так как грань между качественными и относительными прилагательными очень подвижна и условна. Например, «жизни *мышья беготня*» (Пушкин); *прийти в телячий восторг; волчий аппетит; медвежья услуга; петуший задор оппонента*; *собачий холод* и т. п.

Морфологические и семантические различия между притяжательным разрядом имен прилагательных и качественно-относительным очевидны. Судьба притяжательных лишена перспектив[26]. Притяжательные характеризуются, кроме своеобразной «смешанной» системы склонения (нечленные формы в именительном и винительном падежах обоих чисел, в родительном и дательном единственного числа мужского-среднего рода; членные формы в творительном и предложном единственного числа мужского-среднего рода, в родительном, дательном, творительном, предложном падежах женского рода единственного числа и в косвенных падежах множественного числа), безусловным отсутствием степеней сравнения и невозможностью производства «уменьшительно-ласкательных» форм, вообще форм субъективной оценки. Кроме того, для притяжательных прилагательных характерна несоотносительность с наречиями: наречные образования от притяжательных форм на *-ов*, *-ин* невозможны. Некоторые из этих признаков как будто роднят притяжательные прилагательные с разрядом местоименных прилагательных.

Повидимому, это сближение имел в виду акад. А. А. Шахматов, отмечая в притяжательных прилагательных «название отношения» и подчеркивая совпадение суффиксов притяжательности с «указа-

* Расширение функций этого суффикса в языке Маяковского и применение его в образованиях от основ неодушевленных имен существительных (например: *штычий блеск*, *флажьи веки*, *домовьи леса* и т. п.) связаны с общей тенденцией стиля Маяковского к олицетворению, к персонификации предметов и понятий.

тельными основами»: *-ов* (ср. старославянское местоимение *овъ, овый*), *-ин* (ср. *иной, ин-ок*, суффиксы существительных *-ин, -ина*) [27].

Однако связь притяжательных прилагательных с местоименными очень внешняя и односторонняя.

§ 5. Местоименно-указательные имена прилагательные

В категории имен прилагательных местоименные слова образуют особую морфологическую группу. Они выделяются не только своим лексическим значением, но и грамматическим строением. Только среди этой группы наблюдаются корни-основы, состоящие из одного или двух согласных (например, *т-а, т-о, т-ого, т-ому* и т. п.; *ч-ей, чъ-его, вс-его, вс-ему* и т. п.; ср. устарелые *с-ей, с-его, с-ему* и т. д.). Большая часть основ у местоименных прилагательных односложна (*мой, твой, свой, ваш, наш, эт-ого, так-ой, как-ой, всяк-ий, кажд-ый, сам* и т. п.). В этом отношении они примыкают к тем разрядам имен прилагательных, которые для современного литературного языка являются непроизводными (*белый, хромой, слепой, глухой, левый, правый* и т. п.).

Действительно, часть местоименных прилагательных слилась с непроизводными качественно-относительными. Таковы: *этакий, такой, какой, никакой* (ср. просторечное выражение «поэт он — *никакой*»; ср. у Лескова в «Островитянах»: «А какой ему Роман Прокофьич был друг? — Да *никакой*»; ср. у К. Станиславского в книге «Работа актера над собой»: «Я *никакой* музыкант в некотором смысле и играю дома потихоньку, когда бываю совсем-совсем один». Ср. у того же Лескова в очерках «Смех и горе»: «Требуется наблюдательность, а у меня ее *никакейшей*», и далее: «Наблюдательности у него *никакейшей*»); *какой-нибудь, какой-то, какой-либо* (ср. *любой*); *сякой* (употребляющееся только в просторечно-идиоматическом выражении: *такой-сякой*); *каждый, всякий, некоторый*, ср. *одинаковый;* ср. также *иной, другой, целый*. Конечно, остаются обособленными формальные слова *самый* и *который*. (Ср., например, *самый* в составе сложной, аналитической формы превосходной степени — *самый неприятный;* ср. вообще для обозначения степени: *по самому верху).* У этих прилагательных во всей системе склонения ударение остается или на основе, или на окончании так же, как у всех других разрядов имен прилагательных, кроме местоименного в собственном смысле [28].

Остальные местоименные прилагательные отличаются от качественно-относительных прилагательных формами именительного и винительного падежей единственного и множественного числа. Ср. *тот, та, то, те;* винительный: *ту; этот, эта, это, эти*; винительный: *эту*; *весь, вся, всё, все;* винительный: *всю*; *сам, сама, само, сами;* винительный: *самоё* и разговорное: *саму*; *один, одна, одно, одни; одну; мой, моя, мое, мои; мою* и т. д. Некоторые местоименные прилагательные, сверх того, резко выделяются и особенностями в образовании форм косвенных падежей. Например,

у слов *весь* и *тот* характерны: форма творительного единственного — *всем*, *тем;* формы косвенных падежей множественного числа — *все-х*, *все-м*, *все-ми; тех*, *тем*, *теми*.

Кроме того, большая часть местоименных прилагательных (кроме *наш*, *ваш*, *этот*, *некий*, устарелое *кой*) переносит в косвенных падежах ударение на последний слог окончания: *того́*, *тому́; моего́*, *моему́* (ср. наречие *по-мо́ему*); *всего*, *всему* и т. п. Впрочем, эти своеобразия основ и форм склонения — лишь пережитки древних грамматических систем, когда эти местоименные слова еще составляли особый грамматический класс местоимений.

Некоторая обособленность отдельных местоименных форм сказывается и в своеобразиях их синтаксического употребления. Так, местоимение *сам*, сохраняя формы согласования, употребляется в функции выделительно-усилительной частицы или наречия (*сам чорт ногу сломит в этом деле; в этом вопросе я разберусь сам; я сделаю это сам* и т. п.). Точно так же *весь* тяготеет и к субъекту действия и к самому действию, имея усилительно-обобщительный смысл. На этой почве в формах *весь*, *вся*, *всё* развиваются значения согласуемого наречия и категории состояния (например: *сахар вышел весь; сахар у нас весь; класс отличился весь* и т. п.).

Главный морфологический признак современных местоименных прилагательных состоит в том, что, примыкая к разрядам притяжательных и качественно-относительных слов, они в то же время лишены их словообразовательных примет. Лишь единичные местоименные прилагательные, и притом свойственные только просторечию, осложнены суффиксами относительных имен прилагательных. Например, производные качественно-относительные — *свойский*, *ихний*. Ср. у Л. Андреева: «Давно неотступно шел по *ихнему* пути» («Иуда»); «Покоренная красотою и самоотречением *ихней* жизни, волновалась до краски в лице» («Тьма») и т. п.

Все первоначальные местоименные прилагательные с точки зрения современного литературного языка являются непроизводными. Притяжательные: *мой*, *твой*, *свой*, *наш*, *ваш*, *чей*, в своем прямом притяжательном значении, по своим корневым согласным (*м-*, *т-*, *св-*, *н-*, *в-*, *ч-* (*чj-*), ср. *наш — нас; ваш — вас*) соотносительны с группой личных и предметных местоимений (*меня*, *тебя*, *себя* и т. п.). Но они очень далеки от притяжательных прилагательных на *-ов*, *-ин* и резко отличаются от них формами косвенных падежей. Местоименные слова с суффиксом *-ов*: *таков*, *каков* — включают в себя значение времени, относятся к категории состояния и тоже ничего общего не имеют с притяжательными. Кроме того, и лексические значения слов *мой*, *твой*, *свой*, *ваш*, *наш* далеко выходят за пределы прямой притяжательности *. Например, *ваш* имеет значение: угодный вам, близкий вам. «Я думаю, он просто якобинец, *ваш* Чацкий» (Грибоедов). Да и в притяжательном употреблении *ваш* носит ярко выраженный

* Ср. замечания А. А. Потебни о понимании принадлежности как качества определяемого слова («Из записок по русской грамматике», III, стр. 495—496).

оттенок качественности. Например: «И вы не смоете всей *вашей* черной кровью поэта праведную кровь» (Лермонтов). Ср. *наш*: «Пусть мы в борьбе сжигаем наши дни» (Безыменский); «Тесней, о милые друзья, тесней наш верный круг составим» (Пушкин).

Все эти местоименные прилагательные, так же как указательные *тот*, *этот*, архаическое *сей*, неопределенное *некий*, совокупное *весь*, усилительно-выделительное *сам*, обнаруживают в своем составе непроизводные основы, по своему значению и строению резко отличающиеся от основ качественно-относительных прилагательных.

Показательно также, что в группе местоименных прилагательных полные, членные и краткие, нечленные формы лишены соотносительности и в современном языке образуют бесспорно разные слова. Например, *сам* и *самый; каков* в сравнении с устарелым книжно-канцелярским *каковой*. Ср. также устарелое субстантивированное *всяк* в соотношении с живым *всякий*, которое развило оценочные, качественные значения: плохой, не заслуживающий уважения и т. п.

Эта замкнутая группа местоименных прилагательных и по своим значениям выделяется из общей массы прилагательных, обозначая свойства и качества, возникающие на основе личнопритяжательных, указательно-пространственных, количественно-обобщающих, эмоционально-оценочных, абстрактно-типизующих, неопределенно-отвлеченных, или других субъективно-указательных отношений говорящего к лицам, предметам и явлениям.

Группа местоименных прилагательных непродуктивна. Она является морфологическим и лексическим пережитком в строе современного русского языка. Характерно, что развитие местоименно-отвлеченных указательных значений у прилагательных другого типа, например: *определенный*, *известный*, *первый*, *последний*, *древний* и т. п., не оказывает никакого влияния на грамматическую судьбу местоименных прилагательных.

Подлинно живым и продуктивным является разряд качественно-относительных имен прилагательных, все сильнее и глубже ассимилирующий себе все другие смежные морфологические типы, в том числе и причастия.

3. КАЧЕСТВЕННО-ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ И ПРИЕМЫ ИХ ОБРАЗОВАНИЯ

§ 6. Прилагательные относительные и качественные, их взаимодействие и текучесть границ между ними

Разряд качественно-относительных прилагательных характеризуется аффиксом *-ый (-ой, -ий)*, *-ая (-яя)*, *-ое (-ее)* и связанной с ним нормальной системой склонения — с двумя устойчивыми типами неподвижного ударения (на основе или на окончании во всех формах). Этот разряд включает в себя два вида прилагательных:

1) прилагательные качественные и 2) прилагательные относительные. Качественные прилагательные в основной своей массе отличаются от относительных: 1) наличием кратких форм; 2) способностью изменения по степеням сравнения; 3) возможностью производства уменьшительных и усилительных форм, форм «субъективной оценки» и 4) образованием соотносительных наречий на *-о*, *-е*. Кроме того, некоторые суффиксы имен прилагательных связаны только с качественными значениями (например, суффиксы *-ив-*, *-лив-*, *-чив-*, *-ист-*, *-аст-* и др.).

Однако грамматическая граница между качественными и относительными прилагательными очень подвижна и условна. Она, по большей части, проходит внутри одного и того же слова, будучи обусловлена диференциацией его значений. Например, *кустарный* в его прямом терминологическом значении, указывающем на отношение к кустарю, на домашний, не фабричный способ производства (ср. *кустарная мастерская*, *кустарная промышленность*, *кустарные изделия*, *кустарный магазин* и т. п.), принадлежит к относительным прилагательным. Но в русском языке последних десятилетий возникло новое, чисто качественное значение этого слова, соединенное с оттенком пренебрежения: примитивный, неискусный, бессистемный (например, *кустарный способ производства*, *кустарные приемы в работе* и т. п.; ср. *кустарщина*, *кустарность*, *кустарничество*). Ср. *кустарно работать*, *дело велось кустарно* и т. п.

В слове *концертный*, кроме относительных значений — 1) *концертное отделение*, *концертная программа*, 2) *концертный рояль*, *концертный зал* — есть и качественное значение, делающее из этого слова антоним прилагательного *камерный*: *концертное исполнение*.

Еще более яркий и сложный узор переплетающихся качественных и относительных значений открывается в прилагательном *золотой*. Относительные значения. 1) относящийся к золоту, содержащий золото: *золотые прииски*, *золотые россыпи;* 2) сделанный из золота: *золотая монета*, *золотое кольцо;* 3) исчисляемый на золото, по курсу золота: *золотая валюта*, *золотой размер*, *золотой стандарт*. Качественные значения: 1) такого же цвета, как золото: *золотые волосы*, *золотые кудри;* 2) счастливый, блаженный, блестящий: *золотое время*, *золотая пора,* 3) прекрасный, драгоценный, замечательный по достоинствам: *золотой человек*, *золотое сердце*, *золотые слова*. В кругу фразеологических выражений связанных с этим словом, замечается такое же расслоение (ср. с одной стороны: *золотых дел мастер*, *золотое дно*, *сулит золотые горы* и т. п.; с другой: *золотая осень*, *золотая середина*, *золотая молодежь* и т. п.). Однако слово *золотой* в относительных и качественных значениях лишено кратких форм в общелитературном употреблении (Но ср. в стихотворном языке. «Весенний день горяч и *золот*» (Игорь Северянин); «Плод осенний *золот*» (В. Брюсов). Оно не имеет и форм сравнительной степени; от него не производится наречие.

Ср. еще примеры: *железная цепь, железная решетка, железная руда* и т. п. — и: *железное здоровье, железная воля, железная дисциплина, железная логика* и т. п.; *душевная тревога, душевные движения, душевные переживания* и т. п. — и: *душевный человек, душевное отношение; детский дом, детские игрушки, детская литература* — и: *детское рассуждение, детская наивность; стальные ножницы, стальной шлем* и т. п. — и: *стальные мускулы, стальной характер, стальной большевик; молочный кисель* — и: *молочная шея; деревянный дом* — и: *деревянное лицо; вишневое варенье* — и: *вишневое платье; воздушная почта, воздушный насос* — и: *воздушная походка, воздушное платье, воздушный пирог* и другие подобные; *классная доска, классная работа* — и употребление слова *классный* в спортивном оценочно-качественном значении: *классный удар, классный бегун* и т. д.; *поверхностная оболочка* (тонкий слой жидкости у поверхности) — и: *поверхностный человек, поверхностное отношение; братская могила, братское чувство* — и: *братский союз, братское заступничество; уличное движение* — и: *уличный мальчишка, уличная ругань* и много других.

Таким образом, во всех относительных прилагательных потенциально заложен оттенок качественности, который часто раскрывается и развивается в серию самостоятельных значений. С другой стороны, в самих качественных прилагательных нередко содержатся оттенки значений, мало чем отличающиеся от значений относительных прилагательных. Таково, например, применение слова *живой* в значении — образуемый чем-нибудь одушевленным, живым: *живой инвентарь, живая сила* (сила людей или животных, не механическая), *живая изгородь* (ограждение, забор из сплошного ряда часто посаженных кустов, деревьев) и т. п. Таково же употребление слова *звонкий* в качестве фонетического термина со значением — производимый с участием голоса: *звонкий согласный;* ср. *глухой звук.* Таково же в слове *кислый* значение химического термина: содержащий кислоту, обладающий химическими свойствами кислоты или дающий кислоту, получаемый при помощи кислоты *(кислые растворы, кислое брожение);* в слове *бешеный* — основное значение: больной водобоязнью *(бешеная собака)* и т. п.

Понятно, что и морфологические отличия качественных прилагательных от относительных не абсолютны, а условны и изменчивы. Например, качественное прилагательное *круглый* — с смысловым оттенком: полный, совершенный — употребляется применительно к глупости и невежеству в узком кругу фразеологических единств. В таком употреблении оно не может иметь ни кратких форм, ни степеней сравнения. Если сказать о *круглом болване* или о *круглом дураке*, что он кругл или круглее другого болвана или дурака, то это определение будет относиться только к внешности этих дураков или болванов, к форме их тела, а не к степени глупости. Точно так же от качественного прилагательного *коренной* не производятся ни формы субъективной оценки, ни

формы степеней сравнения; кратких форм оно также не имеет. В других случаях могут отсутствовать лишь отдельные морфологические признаки качественных прилагательных. Например, у слова *больной* есть краткие формы, по крайней мере, для основного значения, например: *он психически болен.* (Но ср. отсутствие этих форм у слова *больной* в другом употреблении: *больной вагон, больной вопрос, больное место, больное воображение.*) Степеней же сравнения прилагательное *больной* (в отличие от наречия *больно*) не образует. Естественно, что и уменьшительные или усилительные формы от слова *больной*, даже в разговорной речи, производятся редко и с трудом (ср. *больнёхонек:* «Воротился сам *больнёхонек*» (Некрасов). Сама соотносительность прилагательного *больной* и наречия *больно* сомнительна (ср. разницу значений и развитие особого слова *больно* с формами времени, с своеобразным синтаксическим управлением и отличиями в лексическом значении: *больно руку, мне было больно за вас* и т. п.). От слова *бешеный* возможны степени сравнения («трудно себе представить что-нибудь *бешеней* его характера»), но у этого слова в современном языке почти неупотребительны краткие формы *. А. М. Пешковский констатировал: «Прилагательные *слепой, хромой, глухой* в их основных значениях лишь с огромным трудом образуют степени сравнения — мы затрудняемся сказать про человека, что он *слепее, хромее, глуше* другого. И это потому, что сами качества-то эти представляются нам абсолютными, не могущими изменяться количественно. Точно так же мы уж ни в коем случае не скажем: «этот человек *зрячее* того» **.

Соотносительность с наречиями на *-о* и *-е* также не является постоянным и обязательным признаком качественных прилагательных. Наречия обычно не образуются от качественных прилагательных, которые обозначают качество абсолютное, мыслимое без оттенков или степеней (например, *пеший, хромой, седой* и т. п.), или качество, приписываемое лишь узкому кругу предметов и представляемое более или менее предметно (например, *карий, буланый, гнедой* и т. п.).

---

* Ср., однако, в «Молотове» Помяловского: «Мы никого не наказываем, у нас нет виноватых, а есть больные. Мы не казним больной член, когда отрезываем его; волка бешеного убиваем не за то, что он виноват, а за то, что он *бешен*». Ср. у А. С. Пушкина в письме к П. А. Вяземскому от 10 июля 1826 г. «Моя эпиграмма остра и ничуть не обидна; а другие, сколько знаю, глупы и *бешены*».

** «Русский синтаксис», стр. 101.

Отсюда ясно, что ошибочны определения и рассуждения А. М. Пешковского в книге «Наш язык» (ч. III, 107—108): «Те из признаков, выраженных основами прилагательных, которые могут быть больше или меньше, называются качественными признаками, потому что они по большей части обозначают качество предметов (хотя, например, сами прилагательные «малый», «большой» обозначают не качество, а количество, и признаки эти тоже могут быть больше или меньше). И сами прилагательные этого рода называются к а ч е с т в е н н ы м и. А признаки, не могущие быть больше или меньше, называются относительными признаками, потому что весь признак-то состоит тут по большей части только в отношении к какому-нибудь предмету... и сами такие прилагательные называются о т н о с и т е л ь н ы м и».

Таким образом, морфологические отличия качественных прилагательных от относительных условны, непостоянны и необязательны. Развитие качественных оттенков у относительных прилагательных также может сопровождаться расширением круга их форм, образованием от них степеней сравнений и наречий. Например, в «Лестнице» В. Брюсова:

Все *каменней* ступени,
Все круче, круче всход.
Желанье достижений
Еще влечет вперед...

У Салтыкова-Щедрина читаем: «О вы, *немазанно-колеснейшие*, о вы, скрипяще-мыслящие прорицатели сороковых годов!» (Полн. собр. соч., 1906, VII, 323).

С другой стороны, морфологический облик относительных прилагательных часто не подвергается никаким изменениям, несмотря на употребление их в качественном значении (например: *львиная доля*, *орлиная зоркость*, *материнская любовь* и т. п.) *:

Все эти факты убеждают в том, что качественные и относительные прилагательные в современном языке не образуют резко обособленных, самостоятельных грамматических разрядов. Они являются лишь разветвлениями одного более широкого и общего грамматико-семантического типа. Во всяком случае, традиционному делению прилагательных на три группы: 1) качественные; 2) относительные и 3) притяжательные — следовало бы противопоставить деление всех прилагательных на: 1) притяжательные; 2) местоименные и 3) качественно-относительные, а этого последнего разряда — на: а) качественные; б) относительные и в) действенные (причастные и отпричастные).

Анализ способов словообразования в системе прилагательных может лишь подтвердить целесообразность такого деления.

В современном русском языке активно действует сложный аппарат суффиксов для прямого производства качественных прилагательных от основ имен существительных и глаголов. Но есть смешанные и переходные зоны: некоторые суффиксальные образования сочетают качественные значения с относительными (например, образования с суффиксами *-н-*, *(-ьн-)*, *-ов-*, *-ев-*; ср. *-ск-* и т. п.); другие объединяют (иногда только омонимически) качественные значения с действенными, причастными (например, образования, имеющие

* Широта семантического объема качественных прилагательных и разнообразие их оттенков ведет к широкому развитию синонимов и антонимов в категории прилагательных. Обилие антонимов выделялось старыми грамматиками как отличительная черта именно класса имен прилагательных: *большой — малый; длинный — короткий; старый — молодой; добрый — злой; толстый — жирный — худой; жесткий — мягкий; богатый — бедный; храбрый — трусливый; холодный — жаркий; тяжелый — легкий; сухой — мокрый; тупой — острый* и т. п. «Когда недостает в языке прилагательного противоположного, тогда употребляется отрицание: *благородный — неблагородный, опасный — безопасный* и т. д.» (Акад. Ю. И. Давыдов, Опыт общесравнительной грамматики русского языка, стр. 175).

суффиксы *-м-*, *-им-*, *-ем-*, *-енн-* и др.).Словом, по всем направлениям видны признаки экспансии качественных значений в смежные области предметно-относительных и действенно-причастных образований. Однако некоторые формы словообразования свойственны лишь относительным прилагательным.

§ 7. Методы суффиксального словообразования качественных имен прилагательных

В современном русском языке численно преобладают суффиксы, при посредстве которых образуются качественные имена прилагательные. По продуктивности они сильно уступают суффиксам предметного отношения. Качественные суффиксы распадаются на две группы. К одной принадлежат словообразовательные суффиксы, посредством которых качественные прилагательные производятся от основ имен существительных и глаголов. К другой относятся формообразующие суффиксы, выражающие субъективно-окрашенное видоизменение качества, обозначенного основным прилагательным, суффиксы субъективной оценки. Суффиксы субъективной оценки по большей части служат средством образования экспрессивных форм слов от тех же самых имен прилагательных (например: *здоровый — здоровенький ребенок; ребенок был здоров — ребенок был здоровехонек*). А. А. Потебня очень тонко подметил, что в употреблении суффиксов субъективной оценки наряду с значениями ласки, иронического пренебрежения или уменьшения, изменяющими представление самого качества (ср. в рассказе Н. Ляшко, «Крепнущие крылья»: «Советую *пьяненькому* старику-хозяину отремонтировать станок»), гораздо чаще выступает своеобразный принцип экспрессивно-смыслового согласования. В этом случае уменьшительно-ласкательная форма имени прилагательного как бы вызывается уменьшительно-ласкательной формой определяемого существительного. Имя прилагательное согласуется с существительным не только в роде, числе и падеже, но и в экспрессивной окраске (например, *аленький цветочек*, *беленькая кошечка*)[29]. Тогда суффиксы субъективной оценки «обозначают ласку или уменьшение только по отношению к тому предмету, к которому относится данный признак, а не к самому признаку, почему такие прилагательные и употребляются главным образом с уменьшительными существительными»[30]. Все это побуждает к выделению образований с суффиксами субъективной оценки в особый морфологический тип.

Суффиксами качественных прилагательных в современном языке являются:

1. Суффикс *-ив-* и производные от него *-лив-* и *-чив-*. Сам суффикс *-ив-* непродуктивен. Он обнаруживается в основах имен прилагательных, произведенных от существительных и обозначающих постоянное свойство, качество, склонность к чему-нибудь, обладание каким-нибудь качеством в большой степени. Например: *ленивый*, *лживый*, *фальшивый*, *спесивый*, *милостивый*, *вшивый*, *паршивый*,

льстивый, плешивый, червивый, честолюбивый, плаксивый, красивый, игривый и т. п. Ср.: *учтивый, ретивый, юродивый.*

Вторичные, образованные от *-ив-* суффиксы *-лив-* и *-чив-* очень продуктивны. С помощью суффикса *-лив-* чаще всего от глагольных основ, а также и от основ имен существительных, преимущественно отглагольных, отвлеченных, обозначающих состояние, действие и свойство, производятся прилагательные с значением: склонный к какому-нибудь действию или обладающий каким-нибудь качеством, свойством*: *молчаливый, терпеливый, хвастливый, болтливый, говорливый, бодливый, брезгливый, податливый, понятливый, надоедливый, пугливый, трусливый, заботливый, приветливый, чванливый, совестливый, шумливый, торопливый, сварливый, насмешливый, неряшливый, бережливый, драчливый, изворотливый, увертливый, уродливый, жалостливый, завистливый, талантливый, счастливый, удачливый, сонливый, обжорливый, прожорливый, тоскливый, пискливый, крикливый, прихотливый, похотливый* и т. п. Ср. *назойливый* (из *назольливый*), *вежливый, справедливый* и другие подобные. Ср. у Тургенева в «Постоялом дворе»: «Женский пол *ломлив* и *прихотлив*».

Посредством суффикса *-чив-* образуются от глагольных основ (первопачально от основ отглагольных существительных с суффиксом *-ка*) качественные прилагательные с тем же значением: способный, склонный что-нибудь делать, проявлять какое-нибудь свойство. Например: *бранчивый* (ср. также *бранчливый*), *вспыльчивый, отходчивый, доходчивый, заносчивый, запальчивый, уклончивый, ужившчивый, переменчивый, переимчивый, сговорчивый* и т. п. Ср. *опрометчивый, застенчивый.*

У прилагательных с суффиксами *-лив-* и *-чив-* в одних словах (с двусложной и многосложной основой) ударение падает на корневой элемент, в других (преимущественно с односложной, реже с двусложной основой) — на суффикс.

2. В параллель с суффиксами *-ив-* и *-лив-* следует поставить суффиксы *-ав- (-яв-)* и *-ляв-*, оба в современном языке непродуктив-

---

* Переход имен прилагательных из отыменных образований в отглагольные и обратно — из отглагольных в отыменные прекрасно освещен акад. М. М. Покровским: «Прилагательные, произведенные от глагольных имен, главным образом от nomina actionis (т. е. от названий действия), будучи деноминативными (т. е. отыменными) в морфологическом отношении, приближаются по своему значению к именам первичным, произведенным от глагольной основы. Они ассоциируются не только с тем глагольным именем, от которого они произведены, но и с глаголом, а это может служить причиной перехода суффикса «деноминативного» в суффикс «девербальный» (отглагольный)... «Становятся возможными образования прямо от глагола, без посредства nomen actionis. Та же самая ассоциация может привести к обратному явлению, именно к переходу суффикса от девербативных образований к деноминативным. Ход развития здесь первоначально таков: имя образовано от глагола, при котором существует nomen actionis; производное от глагола имя вступает в ассоциацию с nomen actionis и может представляться деноминативным; отсюда может развиться употребление данного суффикса в чисто деноминативных образованиях» («Материалы для исторической грамматики латинского языка», М. 1898, стр. 94, 101—102).

ные. Суффикс *-ав- (-яв-)* обособляется сравнительно легко, но значение его довольно расплывчато: характеризуемый, наделенный довольно большой дозой, большим количеством чего-нибудь (что обозначается производящим именем): *кудрявый* (ср. *курчавый*), *кровавый*, *гнусавый*, *дырявый*, *прыщавый*, *слюнявый*. Ср:. *худощавый*, *сухощавый*, *моложавый*. Ср. также *величавый*. В некоторых словах суффикс *-ав- (-яв-)* уже вообще неощутим, например: *лукавый*, *шепелявый*.

Непроизводителен также суффикс *-ляв-*, ответвившийся от суффикса *-яв (-ав-)* и производивший от основ как имен существительных так и глаголов прилагательные со значением: характеризуемый особенною склонностью к чему-нибудь, обнаруживающий или производящий много чего-нибудь (с оттенком порицания или пренебрежения): *костлявый*, *писклявый*, *вертлявый*, *трухлявый*, *мозглявый* и др.

3. Суффикс *-к-* производит от глагольных основ качественные прилагательные со значением: характеризуемый каким-нибудь действием, такой, что легко, постоянно делает что-нибудь, или такой, с которым легко или часто делается что-нибудь, или можно легко делать что-нибудь (в зависимости от значения производящего глагола). Например: *ломкий*, *броский* (который сразу бросается в глаза), *тряский*, *топкий* (такой, что топит, такой, что можно утонуть), *вязкий*, *варкий*, *плавкий*, *ходкий*, *падкий*, *липкий*, *ковкий*, *ноский*, *шаткий* и т. п. Но в некоторых словах суффикс *-к-* уже несколько утратил свою морфологическую индивидуальность, например: *крепкий*, *резкий* и т. п.

Семантическое омертвение суффикса *-к-* явственнее определилось в словах с глагольно-именной основой, например: *бойкий* (ср. *бой-баба*), *звонкий* и т. п. Прилагательные с суффиксом *-к-* производятся от беспрификсных глагольных основ разного типа (*липнуть — липкий; шататься — шаткий; ломать — ломаться — ломкий; носить — носиться — ноский; ходить — ходкий* и т. п.), причем залоговые различия совершенно нивелируются в формах имени прилагательного (ср.: *цепкий*, *броский*, *веский*, *тряский* и т. п.) *.

4. Продуктивный разговорный суффикс *-аст-*. Он соотносителен с утратившим продуктивность качественно-относительным суффиксом *-ат-*. Суффикс *-ат-* первоначально означал: характеризуемый наличием чего-нибудь, обладающий чем-нибудь (тем, что обозначает производящее имя существительное), например: *крылатый* — с крыльями; *рогатый* — с рогами *(рогатый скот); женатый; брюхатый* (в просторечном значении — беременный, ср. у Пушкина в письмах к жене), *пузатый*, *хвостатый*, *перпатый*, *усатый*, *бородатый*, *веснушчатый*, *полосатый*, *лохматый* и т. п. Свой-

* С суффиксом *-кий* не надо смешивать мертвого суффикса *-окий* в словах *высокий*, *широкий*, *далекий*, *глубокий*, а также *-к-* — варианта суффикса *-ск-* в фономорфологически обусловленном положении: *бедняцкий*, *кабацкий* и т. п.

ство, которое подчеркивается этим суффиксом, мыслится как выделяющийся, основной и, следовательно, резкий признак. Отсюда развилось в суффиксе *-ат-* чисто качественное значение: обладающий в изобилии, с излишком чем-нибудь, наделенный чем-нибудь чрезмерно или чем-нибудь чрезмерным (что обозначается основой производящего существительного). Например: *волосатый*, *носатый*, *косматый*, *брюхатый* (о мужчине) и т. п. Распространению этого значения содействовал смысловой параллелизм с продуктивным суффиксом *-аст-*, свойственным разговорной речи и обозначающим избыток, чрезмерность какого-нибудь признака (в соответствии со значением производящего существительного). Например: *носастый*, *грудастый*, *брюхастый*, *губастый*, *глазастый*, *голенастый*, «*угрястое лицо*» (Л. Сейфуллина), *скуластый*, *зубастый*, *клыкастый*, *зобастый*, *лобастый*, *головастый*, *очкастый*, *горластый* и т. п. (ср. *коренастый*). Как видно из примеров, эти прилагательные с суффиксом *-аст-* образуются преимущественно от обозначений членов тела человека или животного или внешних качеств человека, аксессуаров его наружности.

Смешение суффиксов *-атый* и *-астый* было отмечено уже Ф. И. Буслаевым: «Теперь нужно уже объяснять, чем различаются между собою окончания *-тый* и *-стый*, сказав, что первое собственно означает принадлежность, а второе — избыток и превосходство, например: *рогатый* значит с рогами, а *рогастый* — с большими рогами». Ср. у Н. С. Лескова в «Печерских антиках»: «Он был широкорожего великорусского обличья, *мордат* и *губаст*».

5. Близок по значению к суффиксу *-ат-* суффикс *-чат-*, особенно продуктивный в профессиональных и специально-научных диалектах. Например: *узорчатый*, *решетчатый*, *сетчатый*, *клетчатый*, *сборчатый*, *створчатый*, *лапчатый*, *гребенчатый*, *коленчатый*, *дымчатый*, *обрывчатый* и др. Ср. также: *дудчатый*, *крапчатый*, *брусчатый*, *бугорчатый* и т. п. Повидимому, в этом суффиксе более рельефно выступают три значения: 1) имеющий в большом количестве или в большой степени что-нибудь (что обозначается производящим именем существительным), состоящий из множества чего-нибудь: *коленчатый*, *бугорчатый*, *створчатый*, *бревенчатый*, *пузырчатый*, *решетчатый* и т. п.; 2) напоминающий каким-нибудь качеством, свойством то, что обозначается производящим существительным, похожий на что-нибудь, выделанный по образу и образцу чего-нибудь: *дудчатый*, *дымчатый*, *зубчатый*, *репчатый*, *клеенчатый* и т. п.; 3) характеризующийся способностью проявить какое-нибудь действие (которое обозначается основой производящего глагола), склонный к какому-нибудь действию: *рассыпчатый*, *обрывчатый*, *переливчатый*, *заливчатый смех* (Достоевский). Ударение у слов с этим суффиксом находится на основе в слоге, непосредственно предшествующем суффиксу.

6. К суффиксам *-ат-* и *-аст-* близки по значению суффиксы *-ит-* и *-ист-* (ср. у Достоевского в «Идиоте»: «*лицо скулистое*»). Но взаимоотношение этих суффиксов сложилось несколько иначе, чем

у суффиксов *-ат-*, *-аст-*. Суффикс *-ит-*, производивший когда-то качественно-относительные прилагательные от основ существительного, в современном языке является непродуктивным и мертвым. Он может быть выделен этимологически в узком кругу качественных слов, например: *знаменитый*, *именитый*, *маститый;* ср. также: *сердитый*. Но если самый суффикс *-ит-* сравнительно легко отделяется от основ, то значение его (обладающий чем-нибудь и иногда даже в большой степени) осознается уже очень смутно. Ответвление этого суффикса — непродуктивный суффикс *-овитый* выступает более отчетливо: *домовитый*, *сановитый*, *даровитый*, *деловитый*, *плодовитый*, *толковитый*, *ядовитый*, *ледовитый* и др. Здесь и оттенок значительной степени качества выражен резче.

Напротив, живым и очень продуктивным является суффикс *-ист-*, обозначающий обилие чего-нибудь, обладание множеством чего-нибудь (что обозначается основой производящего существительного, реже — глагола) и свободный от того оттенка просторечной фамильярности и, следовательно, некоторого пренебрежения, которым характеризуется суффикс *-аст-*. Например: *каменистый (каменистая почва)*, *росистый (по росистой траве)*, *голосистый (голосистая птица)*, *болотистый*, *бугристый*, *ветвистый*, *глинистый*, *гористый*, *душистый*, *жилистый*, *землистый (землистый песок* и: *землистый цвет лица)*, *зернистый (зернистая икра)*, *лесистый*, *льдистый*, *мозолистый*, *мясистый*, *плечистый*, *пятнистый*, *речистый*, *тенистый*, *ухабистый*, *мещанистый* и т. п.; ср. у Тургенева в «Дневнике лишнего человека»: «слезистый оршад». При глагольной или отглагольно-именной основе суффикс *-ист-* обозначает: склонный что-нибудь делать, или такой, которому присуща в сильной степени склонность, способность к какому-нибудь действию. Например: *разгонистые строчки;* в «Постоялом дворе»: «табак чрезвычайно забористый»; в «Нови», в речи Паклина: «Эти господа *размазисты*, как тюря»; ср. разговорные: *задиристый*, *обделистый*, *развалистая походка*, *развесистое дерево*.

Ударение стоит на суффиксе, если производящее имя существительное имеет подвижное ударение или неподвижное на окончании (*ветви́стый*, *леси́стый*, *тени́стый*, *игли́стый*, *плечи́стый*, *струи́стый*, *льди́стый* и т. п.). Напротив: неподвижное ударение на основе производящего существительного сохраняется в прилагательном (например: *ти́нистый*, *жи́листый*, *уха́бистый*, *боло́тистый)*. Это господствующие группы слов с суффиксом *-истый*. Сюда же примыкают по значению и ударению слова, производные от глагольных или отглагольно-именных основ: *прижимистый*, *убористый*, *развесистый*, *напористый*, *увесистый*, *поджаристый* и т. п.

Две другие группы прилагательных с суффиксом *-ист-* немногочисленны и стабильны. Это: 1) слова, производные от относительных прилагательных (чаще всего на *-яный*, реже на *-ный*). Здесь суффикс *-ист(ый)* сохраняет значение излишнего количества чего-нибудь (что обозначено основой), указывает на наличие боль-

шой примеси чего-нибудь: *водянистый*, *кровянистый*, *маслянистый*, *травянистый*, *сернистый*, *мучнистый*, ср. *приземистый;* 2) слова, производные от основ существительных и имеющие значение: похожий на что-нибудь, напоминающий своими качествами то вещество, тот предмет, которые обозначены основой: *золотистый*, *серебристый*, *пушистый*, *бархатистый*, ср. *шелковистый*, ср. *струистый*, *волнистый (волнистая черта)*, *кряжистый* (подобный кряжу)*. Ср. у О. Форш в романе «Казанская помещица»: «В челюстях он стал тяжел и *лошадинист*»; у Л. Леонова: «Сергей Андреич видел, кроме дачи, — выезд, весьма *сараистую* квартиру» («Скутаревский») и другие подобные.

7. С суффиксами *-аст* и *-ист-* по контрасту связывается продуктивный суффикс *-оват-* (ср.: *мещанистый* и *мещановатый*). Суффикс *-оват-* находится на границе между суффиксами, производящими новые качественные прилагательные от слов других категорий, и между суффиксами, видоизменяющими качественное значение самого имени прилагательного. Вернее, этот суффикс сочетает обе функции.

Так, прежде всего продуктивный суффикс *-оват-*, *-еват-*, присоединяясь к основам самих качественных прилагательных, вносит оттенок смягчения, уменьшения качества. Он соответствует наречию — несколько, слегка: *желтоватый*, *глуповатый*, *плоховатый*, *трудноватый*, *белесоватый*, *красноватый*, *синеватый*, *широковатый*, *грубоватый* и т. п. Ср. в «Шинели» Гоголя: «Чиновник, нельзя сказать чтобы очень замечательный: низенького роста, несколько *рябоват*, несколько *рыжеват*, несколько даже на вид *подслеповат*».

Но, сверх этого суффикс *-оват-* производит от основ имен существительных качественные прилагательные со значением: несколько или отчасти, слегка похожий на кого-нибудь какими-нибудь качествами. Например: «щуковатый полицеймейстер» (Салтыков-Щедрин), *мещановатый* (у М. Горького), *мужиковатый*, *вороватый*, *плутоватый*, *дубиноватый*, *мешковатый*, *крючковатый*, *клочковатый* и т. п. В этом морфологическом типе имен прилагательных ощущается также оттенок ослабленности качества, указание на некоторое приближение к свойствам чего-нибудь; ср. «войлоковатые волосы» (Лесков, «Островитяне»). Ср. у Чехова: «На ее красноще-ком, *весноватом* лице было написано столько тупой важности» («Последняя могиканша»).

Можно думать, что суффиксу *-оват-* свойственно и третье, почти угасающее значение: имеющий в какой-нибудь степени что-нибудь (на что указывает основа имени существительного). Например, *угреватый*, *поздреватый*, *узловатый*, *угловатый* и т. п. (ср. также *виноватый*). Ударение у слов с суффиксом *-оват-* последовательно сохраняется на суффиксе. Суффикс *-оват-* не присоединяется

* О связи значений: «полный чего» и «похожий на что» в именах прилагательных см. у М. М. Покровского («Материалы для исторической грамматики латинского языка», М. 1898, стр. 30—37).

к основам качественных прилагательных, уже содержащих другой суффикс (например: *-ив-*, *-чив-*, *-лив-*, *-ав-*, *-альн-*, *-енн-*).

8. От суффикса *-н-*, *-ьн-*, производящего как качественные, так и относительные прилагательные, исторически ответвилась группа суффиксов *-тельн-*, *-ичн-*, *-абельн-* с преобладающим качественным значением. В современном языке они представляются уже вполне обособившимися, самостоятельными формантами.

1) В книжном языке резче всего выделяется суффикс *-тельн-*, производящий прилагательные от глагольных основ (ср. существительные на *-тель* и *-тельница*). Например: *успокоительный*, *пленительный*, *вопросительный*, *подготовительный*, *предупредительный*, *слабительный*, *томительный*, *непростительный*, *старательный*, *наблюдательный*, *замечательный*, *очаровательный*, *удовлетворительный*, *настоятельный*, *упоительный*, *утвердительный*, *сногсшибательный* и т. п.

Образования с суффиксом *-тельн-* колеблются в границах трех основных значений:

а) Активного, близкого к значению окачествленного причастия на *-щий**: *спасительный* (несущий спасение, спасающий), *возмутительный* (возмущающий, способный вызвать возмущение), *бдительный*, *наблюдательный*, *живительный*, *одобрительный*, *заключительный*, *прохладительный*, *презрительный*, *убедительный*, *головокружительный*, *душещипательный* и т. п.

б) Пассивного: достойный чего-нибудь, такой, что обязывает что-нибудь сделать (именно то, что обозначается основой производящего глагола), или такой, что постоянно подвергается какому-нибудь действию, носит на себе отпечаток какого-нибудь действия. Например: *замечательный* (достойный быть замеченным), *уважительный*, *простительный*, *непозволительный*, *употребительный* и т. п.

в) Относительного, указывающего на определительную связь с действием, обозначенным основой глагола, на отношение к действию, например: *подготовительный период (период подготовления)*, *избирательное право*, *оборонительный союз*, *испытательный стаж* и т. п. Ср. у Салтыкова-Щедрина: «подслушивательный интерес», «обуздывательный проект», «головоушибательные увеселения» и т. п.

Очевидно, это относительное значение суффикса *-тельн-* особенно широко распространено в языке науки и техники. В специальных и профессиональных технических терминах суффикс *-тельн-* в относительном значении является синонимом суффикса *-льн-*. Но, повидимому, с суффиксом *-тельн-* связан более книжный стилистический оттенок, и на нем лежит более явственный отпечаток активного значения. Понятно, что в отдельных случаях эти отличия могут становиться почти вовсе неощутимыми. Например: *промы-*

* По поводу этого значения прилагательных на *-тельный* А. А. Потебня заметил: «По значению им соответствуют немецкие от причастия настоящего: schlagend, treffend, reizend, zwingend, auffassend, bedeutend, aussprechend и пр.» («Из записок по русской грамматике», III, стр. 400).

вальный (промывальная машина) и *промывательный (промывательный барабан); зажигальный* и *зажигательный* и т. п.[31]

Конечно, многие прилагательные с суффиксом *-тельн-* в современном языке уже непосредственно выражают качественные значения и не ассоциируются с представлением о глаголе и со значением действия. Например: *исключительный, значительный, последовательный, знаменательный, непритязательный* и т. п.

2) Суффикс *-ичн-* (вариант *-тичн-*) в заимствованных словах соответствует франц. -ique (греч. -ikos). Он образует качественные прилагательные со значением: проникнутый чем-нибудь, обнаруживающий то свойство, на которое указывает основа (по большей части в соответствии с отвлеченными понятиями на *-изм, -ость, -ика, -ия* и т. п., но ср. также: *катастрофичный, анекдотичный, героичный* и т. п.): *драматичный, артистичный, догматичный, проблематичный, анемичный, энергичный, аллегоричный* и т. д. Ср.: *синонимичный, омонимичный, метафоричный, синтаксичный* и другие подобные.

Часто суффикс *-ичн-* служит для более наглядного выражения тех качественных значений, которые развиваются в прилагательных на *-ический* (от заимствованных основ; ср.: *критический, героический, драматический, артистический* и т. д.), и для образования от слов с суффиксом *-ический* соотносительных кратких форм и степеней сравнения (например: «положение было в высшей степени *трагично*», «польза от этого нововведения довольно *проблематична*» и т. д.).

3) Суффикс *-абельн-* (франц. -able, немецк. -abel) имеет значение: обладающий каким-нибудь свойством, способный к чему-нибудь: *рентабельный, комфортабельный, респектабельный, читабельный* (разговорно-шутливое)*. Круг употребления этого суффикса очень узок, но яркость его осознания несомненна**.

9. Обособляются в самостоятельный словообразовательный разряд качественные прилагательные с суффиксом *-н-*, произведенные от глагольных и от глагольно-именных основ. В этом морфологическом типе смешались и слились имена прилагательные, производные от именных отглагольных основ (например: *скрытный, понятный, занятный* и т. п.), и прямые отглагольные образования *(вырезной, отрывной, неподкупный)* и т. д. В современном литературном языке слова этого типа непосредственно ассоциируются с глагольными основами. Они большей частью понимаются как чистые отглагольные типы качественных прилагательных — с оттенком значения возможности, потенциальности.

В этом разряде наиболее рельефно в современном языке выделяется группа слов, обозначающих невозможность или возможность какого-нибудь действия (соответственно со значением основы): такой, что может или не может что-нибудь сделать, или такое, что можно

---

* Англ.-able только в устарелом: фешенебельный (fashionable).

** Для полноты коллекции можно отметить еще непродуктивный суффикс с общим качественным значением *-овный, -евный*: *верховный, виновный, греховный, сановный, чиновный, душевный* и некоторые другие.

или нельзя чего-нибудь сделать. Например: *невылазный, непробудный, неуемный, неуклонный, необъятный, неутешный, непреклонный, неприступный, внятный, очевидный, заметный, составной, раздвижной, покупной* и т. п. Ср. у Пушкина в «Евгении Онегине»:

Я знал красавиц недоступных,
Холодных, чистых, как зима,
Неумолимых, неподкупных,
Непостижимых для ума.

К прилагательным этого типа примыкают очень продуктивные в профессионально-технических диалектах слова с суффиксом *-н-*, производные от отглагольных существительных и имеющих широкое относительное значение: связанный с каким-нибудь действием (которое обозначается основой отглагольного существительного), относящийся к какому-нибудь действию. Например: *мойный, промывной, углерезный, набивной, подъемный* и т. п.

10. В системе современных прилагательных очень укрепились качественные варианты некоторых глагольных суффиксов. Сюда прежде всего относятся качественные прилагательные с суффиксом *-м-* и глагольной основой.

Суффикс *-м-* служит средством образования причастий настоящего времени страдательного залога. Но качественному преобразованию подверглась лишь небольшая часть причастий от непроизводных (с точки зрения современного сознания) глагольных основ. Например: *любимый, видимый* (чаще *невидимый;* но ср. *видимое дело*), *мнимый, уважаемый* и др. Причастия на *-мый* от непроизводных глагольных основ, утратив соотносительность с страдательными причастиями на *-нный*, в XIX в. постепенно вымирают. Их угасанию содействовало и то обстоятельство, что во второй половине XVIII в. стал очень продуктивным способ образования качественных прилагательных от глагольных основ совершенного и несовершенного вида посредством суффикса *-м- (-им-, -ем-)* со значением: такой, что можно сделать что-нибудь (то, что обозначает производящее слово), пригодный для какого-нибудь действия: *достижимый* (такой, что можно достигнуть), *растяжимый, преодолимый* (такой, что можно преодолеть) и т. п.*. Заключенный в этих словах оттенок потенциального значения легче всего сочетался с отрицанием *не* или с наречиями, выражающими степень возможности (*легко, едва* и т. п.): *невознаградимый, недостижимый, неумолимый, неизгладимый, неистощимый, неистребимый, неизбежимый* (ср. *неизбежный*), *нерастворимый, трудно растворимый, неуловимый, незаменимый, неощутимый, неоспоримый, невообразимый, недопустимый, неодолимый, невыразимый, неукротимый, несоизмеримый, нестерпимый, легко исполнимый* и т. п. У некоторых из этих слов в

* См. у Карамзина примечание к слову *достижимый*: «цель бытия нашего, равно *достижимая* для мудрых и слабоумных»... «то-есть, до которой достигнуть можно: я осмелился по аналогии употребить это слово» (Смирдинск. изд., т. 2, стр. 243).

соответствующем контексте можно усилить оттенок глагольности (хотя бы посредством присоединения творительного падежа существительного для обозначения орудия действия). Оттенок глагольности в словах на *-имый* был значительнее, ярче в русском литературном языке первой половины XIX в. Ср., например, у Пушкина в «Каменном госте»: «Как небо тихо; *недвижим* теплый воздух». Гораздо раньше и сильнее качественные оттенки значения проникли в группу отглагольных прилагательных на *-емый* (произведенных, по большей части, от непереходных глаголов): *неподражаемый*, *неувядаемый*, *неосязаемый*, *несгораемый*, *непромокаемый*, *непререкаемый*, *непроницаемый*, *неописуемый* и т. п. [32].

11. Более пеструю и смешанную картину соотношения и взаимодействия качественных и глагольных оттенков представляет обширная и производительная группа отглагольных прилагательных на *-лый*. Суффикс *-л-*, родственный глагольному суффиксу *-л-* в форме прошедшего времени, в этих формах обособился от системы глагола (ср. историю слов: *пошлый*, *дошлый*, *взрослый*, *рослый*, *смелый*, *гнилой*, *зрелый* и т. п.).

Прилагательные с суффиксом *-л(ый)* некогда отделились, оторвались от причастий на *л* и получили значение: находящийся в каком-нибудь состоянии (в соответствии с результатом действия, обозначаемого основой того непереходного глагола, от которого образовано прилагательное) или такой, каким стал под влиянием какого-нибудь действия: *беглый*, *облезлый*, *пришлый*, *прошлый*, *поблеклый*, *обрюзглый*, *обвислый*, *разбухлый*, *остылый*, *протухлый*, *прелый* и т. п.

Среди прилагательных этого типа прежде всего выделяется замкнутая группа слов, образованных от основ непереходных глаголов на конечный согласный (вроде: *облезть* и т. п.) или гласный корня — *гнить*, *зреть*, без тематической, соединительной морфемы в инфинитиве и от глаголов на *-нуть*, обозначающих состояние, пребывание в каком-нибудь состоянии (*мерзнуть* и т. п.) и теряющих *-ну-* в форме на *-л*.

Так как эти классы глаголов непродуктивны, то и произведенные от них прилагательные составляют окаменевшую группу слов, относящуюся, по крайней мере наполовину, не к грамматике, а к словарю. Суффикс *-л-* в образованиях этого рода является уже непродуктивным, а иногда даже мертвым, и часть произведенных при его посредстве слов уже утратила связь с соответствующими глаголами. Ср.: *смелый*, *кислый*, *дряблый*, *дряхлый*, *вялый*, *мерзлый*, *промозглый*, *сиплый*, *тусклый*, *хриплый*, *чахлый* и т. п. Но ср. в сочетаниях с глагольной приставкой:

> Рысиха смачно тушу [лося] распорола,
> Вползла в кожух, *облипая* от брюзг.
>
> (Ранний Сельвинский, «Рысь», стр. 192.)

Напротив, живым и продуктивным является суффикс *-л-* в сочетании с основой непереходных глаголов на *-еть*, *-ать*, *-ять*. Он

производит от глагольных основ этого типа, обычно осложненных приставками и подводимых под категорию совершенного вида, имена прилагательные с тем же значением: такой, каким становятся под влиянием какого-нибудь действия (соответственно производящей основе): *залежалый*, *поседелый*, *обледенелый*, *загорелый*, *оторопелый*, *осовелый*, *очумелый*, *устарелый*, *отверделый*, *окаменелый*, *остервенелый*, *запустелый*, *возмужалый*, *обветшалый*, *обруселый*, *полинялый*, *заплесневелый*, *исхудалый* и т. п. Ср. также слово *бывалый*.

Все прилагательные этого типа образуются только от непереходных невозвратных глаголов. От основ несовершенного вида переходных глаголов производятся прилагательные только с суффиксом *-льн-* (*родильный*, *точильный*, *умывальный* и т. п.). Ср. образования от основ переходных глаголов имен существительных, обозначающих действующие лица (суффиксы *-(и)ла*, *-(а)ла*) или орудия действия (суффиксы *-ло*, *-ало*, *-ило*).

Еще более показательно, что прилагательные на *-лый*, *-елый*, *-алый* производились и производятся лишь от тех непереходных глагольных основ, в которых не выражены количественно-видовые различия. Следовательно, они не образуются от глаголов с суффиксом однократности *-ну-*, с суффиксом длительности и итеративности *-ыва-* и *-ва-* (но ср. *бывалый*) [33].

Тут пролегает глубокая пограничная черта между категорией имени прилагательного и категорией глагола. Категории вида и залога являются основными организационными формами глагольного словообразования.

Кроме того, для характеристики отношений между глаголом и именем прилагательным необходимо отметить, что у прилагательных на *-лый* нечленные формы употребляются лишь в тех случаях, когда они не омонимичны с формами прошедшего времени глагола или когда эта омонимия не создает неудобств для понимания, не ведет к двусмыслице (например: «Как он молод и *смел!*» и «Как он *смел* сделать вам такое предложение!»; «Это яблоко не совсем *зрело*» и «В нем долго *зрело* это решение»; «Лицо было *пухло*» и: «Сочинение *пухло*, обрастая множеством ссылок и цитат» и т.п.). В формах женского рода омонимия парализуется акцентологическим противопоставлением форм (*прела́* — прилагательное, *пре́ла* — глагол; *кисла́* — *ки́сла*; *вяла́* — *вя́ла*; *пухла́* — *пу́хла*; *тускла́* — *ту́скла* и т. п.) *.

В прилагательных на *-лый*, образованных от глагольных корней-основ на согласный, краткие формы единственного числа мужского рода отличаются от соответствующих глагольных форм прошедшего времени и по своему звуковому облику (например: *хрипл*, но: *хрип*; *кисл*, *кисел* — *кис*; *пухл*, но: *пух* и т. п.). Краткие же формы множественного числа у всех прилагательных на *-лый*

* Ср. указание А. А. Потебни: «Прилагательные: *дохла́*, *тухла́*, *пухла́*, *бегла́*, *волокла́*, *блекла́*, *тускла́*, *мерзла́*, *хрипла́*, *дряхла́*, *смела́*, *спела́*, *зрела́*, *вяла́*, при причастиях в сказуемом до́хла, ту́хла, сме́ла и пр.» («Из записок по русской грамматике», II, стр. 233).

отличаются от соответствующих форм прошедшего времени глагола окончанием, а при односложности основы — и ударением (ср. *кислы*, но: *ки́сли*; *пухлы́*, но: *пу́хли*; *загоре́лы*, но: *загоре́ли* и т. п.).

12. Не менее ярко выражено качественное значение, носящее полустершийся налет глагольности, в отглагольных прилагательных с суффиксами *-уч- (-юч-)*, *-ач- (-яч-)*. Выбор того или другого суффикса (*-уч-* или *-яч-*) зависит, прежде всего, от того, на какой согласный оканчивается корневой элемент производящего глагола. Если он оканчивается на губной или заднеязычный, то к нему присоединяется только суффикс *-уч-* (*гремучий*, *шипучий*, *сыпучий*, *пахучий*, *жгучий*, *толкучий*).

В других положениях употребление суффиксов *-уч-* и *-яч-* определяется таким правилом. Суффикс *-яч-* (*-ач-*) сочетается лишь с корневыми элементами (оканчивающимися не на губной и не на заднеязычный) тех глаголов, которые образуют формы 3-го лица мн. ч. на *-ят* (т. е. принадлежат ко второму спряжению), например: *лежачий*, *бродячий*, *сидячий*, *ходячий*, *стоячий* и т. п. Во всех остальных случаях применяется суффикс *-уч- (-юч-)* (например: *падучий*, *ползучий*, *вонючий*, просторечное *приставучий* и т. п.).

Суффиксы *-уч-* (*-юч-*), *-ач-* (*-яч-*), исторически восходящие к древнерусским суффиксам причастных форм, обозначают: характеризуемый каким-нибудь действием или состоянием как постоянным и отличительным признаком, склонный к какому-нибудь действию (соответственно значению глагольной основы): *певучий*, *кипучий*, *пахучий*, *текучий*, *толкучий (толкучий рынок)*, *зыбучий*, *сыпучий (сыпучий песок)*, *трескучий («жгуч мороз трескучий»)*, *линючий*, *вонючий*, *лежачий*, *сидячий*, *висячий*, *стоячий*, *ходячий* и т. д. Но некоторые слова этой группы уже утратили прозрачность своего морфологического состава (ср. *зрячий*); в других уже нет прямой соотносительности с формами глагола, например: *могучий* (ср. *могущественный*), *трескучий* (ср. существительное *треск*), *летучий* (ср. *лет*) и др.

Среди этих отпричастных образований нет производных от переходных глаголов, от глаголов с суффиксом *-ся*, от глагольных основ с ярко выраженными видовыми оттенками, например, от основ отыменных глаголов на *-еть*, *-еют (темнеть)* и *-нуть (мерзнуть)*, в которых ощущается видовой оттенок постепенного роста, усиления действия [34]. В отличие от прилагательных на *-лый* в прилагательных на *-ячий*, *-учий* все основы бесприксны.

13. В группу качественно-отглагольных форм словообразования входят и непродуктивные суффиксы *-(а)н-*, *-ен-*. По происхождению это бывшие суффиксы русских причастий страдательного залога. Как известно, русские причастия были вытеснены церковнославянскими образованиями на *-анный*, *-енный* (нечленные формы на *-ан*, *-ен*). Прилагательные, в которые превратились бывшие страдательные причастия, имеют в современном языке такое значение: подвергшийся какому-нибудь действию в достаточной степени, такой, что

является результатом какого-нибудь действия: *печеный*, *жареный*, *мороженый*, *соленый*, *моченый*, *ученый*, *драный*, *рваный*, *дареный* и т. п.

14. Понятно, что в круг этих качественно-отглагольных прилагательных должны быть включены и те причастные образования на *-ящий*, *-ющий*, *-ущий* и особенно страдательные на *-нный* и *-енный*, которые тесно сблизились с прилагательными или даже перешли в них. Но отделять анализ качественных значений причастий от исследования общих приемов и принципов их образования и употребления нецелесообразно (см. главу о причастиях).

15. Именам прилагательным, так же как и существительным, свойственны книжные суффиксы очень конкретного значения. Эти суффиксы состоят из семантем, образующих вторую часть сложных слов. Таковы, например, составные суффиксы качественных прилагательных.

а) *-видн-(ый)*: похожий на кого-нибудь, на что-нибудь, имеющий вид кого-нибудь, чего-нибудь, например: *стекловидный*, *шаровидный*, *яйцевидный*, *щитовидный* и т. п. Ср. у Глеба Успенского: «Чародей был маленькая фигурка с *птицевидною* физиономией» («Растеряевские типы», сцена «Нужда песенки поет»).

б) *-образн-(ый)*: *порошкообразный*, *дугообразный*, *слонообразный*, *клинообразный*, *волнообразный*, *конусообразный* и т. д.

в) *-подобн-(ый)*: *ангелоподобный*, *обезьяноподобный*, *звероподобный*, *мужеподобный*, *женоподобный* и т. п.

г) Менее распространен и более связан с лексическим значением основы элемент *-носн-(ый)*: *орденоносный*, *победоносный*, *золотоносный* и т. п. Ср. *-творный*: *плодотворный*, *тошнотворный*, *снотворный*, *животворный* и т. п.

16. Разряд качественных (так же, впрочем, как и относительных) прилагательных значительно пополняется разными типами сложных слов. (Ср. разные типы словосложения в категории имен прилагательных, в большей своей части зависящие от приемов словосложения имен существительных:

1) *водовозный (водовозная кляча)*, *пылесосный;*
2) *ситценабивной*, *самолетостроительный;*
3) *самодержавный*, *иносказательный;*
4) *многоопытный*, *многочисленный;*
5) *труднопроходимый*, *скоропортящийся*, *высокообразованный;*
6) *железнодорожный*, *древнерусский;*
7) *грудобрюшный*, *плодоовощный*, *садовоогородный;*
8) *потусторонний*, *повсеместный* и некоторые другие).

Но подробное описание методов сложения и совмещения нескольких семантем в строе составного слова — задача лексикологии, задача семантики. В общем очерке приемов образования качественных прилагательных целесообразно лишь подчеркнуть разнообразие типов словосложения в этой области и отметить те виды сложных прилагательных, которые не опираются на суффиксы с качественным значением.

Количество несамостоятельных слов-морфем, которые служат для образования сложных имен прилагательных непосредственно с помощью окончания *-ый*, *-ий (-ая, -ое)*, в современном языке очень ограничено: *-ногий*, *-кожий*, *-лицый*, *-мордый*, *-палый*, *-рукий*, *-носый*, *-глазый*, *-пузый*, *-задый*, *-лобый*, *-зубый*, *-волосый*, *-бородый*, *-бокий*, *-ротый*, *-шёрстый*, *-грудый*, *-бёдрый*, *-ухий*, *-бровый*, *-голосый* и некоторые другие (Ср. у Маяковского: *жирно-животый*).

Как видно, эти морфемы, по большей части, восходят к обозначениям членов человеческого тела или тела животных.

В первой части таких составных слов могут быть: приставка *без-*, форма родительного падежа числительных или основа имени прилагательного (наречия), а в поэтической речи—и существительного, ср. в индивидуальном поэтическом стиле Маяковского: «звонконогие гимнасты»; «кино американолицее»; «массомясая быкомордая орава»; «крикогубый» и др.; ср. у Всеволода Иванова: «алогрудое солнце» («Андрейша») и другие подобные *. Едва ли удачно новообразование Л. Леонова: «стремглавый человек» («Скутаревский»).

§ 8. Методы суффиксального словообразования в пределах общего качественно-относительного типа прилагательных

В процессе развития качественных значений из значений притяжательных и относительных, в процессе взаимодействия их у имен прилагательных выработалась серия живых, продуктивных суффиксов общего качественно-относительного типа. При их посредстве производятся от имен существительных как относительные, так и качественные прилагательные.

Очень большое количество слов, образованных с помощью этих суффиксов, совмещает качественные и относительные значения. Но вся эта активная и богатая оттенками система словопроизводства имеет своей семантической основой выражение отношения к предмету. Обозначение отношений к производящему имени существительному не нуждается в многообразии суффиксов. Оно связано главным образом с тремя основными суффиксами (и производными от них): 1) *-н-*, *-ьн-*, 2) *-ск-* и *-к-* и 3) *-ов-*, *-ев-*.

Суффиксы *-(ъ)н(ый)* и *-ск(ий)* обросли множеством ответвлений. Ни у одного другого суффикса имен прилагательных нет такого богатства и разнообразия производных форм, как у этих двух суффиксов. Именно они больше всего способствуют продуктивности категории имен прилагательных. Суффикс *-н-*, *-ьн-* [образования на *-ный*, *-ной*, *-(ъ)ный*, *-ьн-(ой)*] производит от основ имен существительных мужского и женского рода (обычно не относящихся к категории одушевленности), реже от основ среднего рода (ср. *зеркальный*, *жилищный*, *училищный* и т. п.) имена прилагательные, которыми обозначаются качества и отношения, связанные с значением производящего существительного. Например: *верный*, *честный*,

* Ср. у И. Сельвинского в «Рыси»: «Багровобурый и широколапый».

лестный, злостный, злобный, любовный, задорный, ненавистный, отважный, интересный, стройный, грустный, печальный, спорный, очередной, льготный, кляузный, каламбурный, отборный, народный, общинный, халатный, фигурный, потный, просторный, дымный, угарный, конечный, коренной, начальный, глубинный, серединный, желудочный, кишечный, именинный, ячменный, яблочный, шоколадный, товарный, оперный, картинный, кухонный, оконный, эстрадный, школьный, уличный, тюремный, клубный, корабельный, якорный, шахматный, штабной, квартирный, чумный, заразный, холерный, ушной, глазной, ножной, зубной, кулачный, мозольный, черепной, головной, железный, чугунный, стальной, медный, цементный, кирпичный, каменный, мучной, сахарный, миндальный, нашатырный, сюртучный, фрачный, жилетный, дынный, арбузный, грибной, моторный, машинный, автомобильный, тракторный, троллейбусный, хозрасчетный, озерный, веретенный, пшенный, зрелищный, скотный, пехотный, конный (конная армия), картежный, канительный и т. п.

Вообще говоря, прилагательные на *-ный (-ьный)* образуются или могут быть образованы (за исключением строго и ясно очерченных категорий) почти от половины основ имен существительных. Например: *комплекс — комплексный; ремонт — ремонтный; транспорт — транспортный; железобетон — железобетонный; камин — каминный; сорт — сортный; пропуск — пропускной; колхоз — колхозный; оборона — оборонный; мандат — мандатный; кислота — кислотный; скорость — скоростный; молодёжь — молодёжный; катер — катерный; зарплата — зарплатный; директива — директивный; сказуемость — сказуемостный; авария — аварийный* и т. п.

В новых словах основное относительное значение легко обрастает побегами качественных значений*.

В современном языке производство имен прилагательных на *-ный* сопровождается некоторыми фонетическими и морфологическими ограничениями. Кроме основ, по своему значению относящихся к категории одушевленности (ср., однако: *конный, человечный*), с суффиксом *-н-* не сочетаются основы существительных, имеющие стечение согласных на конце, особенно в простых, несоставных и немногосложных (чаще всего односложных и двусложных) словах (например: *блюминг, митинг, скэтч, рубль, залп, бронза, цирк, фонд, домра, ковш, цынга, натр, полк, толк* и т. п.), и основы (по преимуществу заимствованные), в которых чередование конечных согласных могло бы повести к семантическим недоразумениям или к образованию неудобных омоморфем (например: *металлический*, а не *металльный;* ср. *металльный; роза — розовый*, а не *розный; мех — меховой*, а не *мешной; порох — пороховой; бак — баковый; навага — наваго-*

* Акад. М. М. Покровский, изучавший значения русских прилагательных на *-ный*, пришел к выводу, что основное значение суффикса *-ьн-* «относящийся к чему», значение же «соединенный с чем, полный чего», которое столь ясно во многих русских прилагательных, — вторичное («Материалы для исторической грамматики латинского языка», стр. 67).

вый, а не *наважный* и т. д.). Кроме того, прилагательные с помощью суффикса *-н-* не образуются от многих разрядов имен существительных, осложненных суффиксами. Так в современном языке обычно не производятся прилагательные на *-(ъ)ный* от существительных с суффиксами *-ьё* (*бельевой*); *-няк; -тва, -ва* (суффикс *-енный*); *-изм;* от уменьшительно-ласкательных слов с суффиксами *-ик, -ико-, -чик, -ок, -ец* и другими подобными. Понятно, что суффиксы имен существительных, оканчивающиеся стечением согласных (например, *-ств-, -тв-* и т. п.), кроме *-ость* (ср. *скоростный, плоскостный, жалостный, радостный* и т. п.), также не сочетаются с суффиксом прилагательных *-н-* (ср. образования на *-енный*). Кроме того, от названий лиц, учреждений, идейных, политических направлений и т. п. прилагательные, обозначающие отношение или качественную связь с соответствующими темами, образуются посредством суффикса *-ск(ий)* и производных от него.

С помощью суффикса *-н-* (и его разновидностей) переводятся в систему прилагательных сочетания имен существительных с разнообразными предлогами: *под, над, за, до, без, по, при, между* (ср. *меж*), *внутри, вне, пред;* например: *подземный, подследственный, поднадзорный, подмосковный* и т. п.; *надпочвенный, надземный, надгробный* и др.; *загробный, заречный, застольный, зарубежный, загородный* и т. д.; *досрочный, допризывный, дошкольный, дословный* и т. п.; *беззаботный, беспредельный, безбрежный, безвыездный, бессрочный, беспризорный, беспартийный, беспрогульный, безоговорочный, беспредметный* и т. д.; *поденный, помесячный, поспектакльный, поочередный, посменный, поголовный, пограничный* и т. п.; *междуведомственный, межреберный: междупланетный, международный, междуатомный* и др.; *внутрипартийный, внутрисоюзный, внутрикомнатный, внутриатомный* и т. п.; *прибрежный, приречный* и т. д.

Таким образом, суффикс *-н-, -ьн-* является (кроме суффикса *-ов-, -ев-*) единственным суффиксом, который вступает в соотношение с разнообразными префиксами (не считая префиксов отрицания и степени вроде: *а-, раз-, пре-, сверх-* и др. под.) и широко участвует в методах комбинированного, суффиксально-префиксального образования имен прилагательных.

Суффикс *-н-* с его разновидностями, а также суффикс *-ск-* с его вариантами с XVIII в. служили основным морфологическим средством руссификации западноевропейских заимствований [35].

Например: *идеальный, деликатный, наивный, серьезный* (оба эти слова укрепились в начале XIX в.), *курьезный, гуманный, солидный, компетентный, либеральный, рельефный, конкретный, абстрактный, дефицитный, активный, атомный, лимитный, стабильный, стандартный, алиментный, бюджетный, генеральный, декретный, кооперативный, лимитрофный, массивный, буржуазный, телефонный* и т. д.

На основе суффикса *-н-* возникла целая серия сложных суффиксов, связанных с элементами интернационального словообразования.

Повидимому, раньше всего определился

1. суффикс *-альн-* (в соответствии латинскому -alis, французскому -al, немецкому -al).

а) Образования с суффиксом *-альн-* совмещают качественные и относительные значения, например, *театральный* (ср., с одной стороны: *театральное искусство*, *театральная жизнь*, *театральный зал* и т. п., а с другой: *театральная поза*, *театральный жест*, *театральная сцена* и т. п.), *музыкальный*, *патриархальный* и т. п. Таким образом, суффикс *-альн-* служит для обозначения обладания каким-нибудь свойством, склонности к какому-нибудь качеству: *докторальный*, *маньякальный*, *легальный*, *орнаментальный*, *гениальный*, *субстанциальный*, *персональный*, *потенциальный*, *колоссальный*, *документальный*, *социальный*, *церемониальный* и т. п.;

б) кроме того, он служит для обозначения отношения к предмету или связанности с каким-нибудь предметным значением: *бронхиальный*, *премиальный*, *эмбриональный*, *дилювиальный*, *кафедральный*, *суффиксальный*, *спектральный*, *нотариальный*, *горизонтальный* и т. п.

2. Ответвлениями суффикса *-альн-* являются суффиксы: *-ональн-* (французско-немецкий -onal), производящий прилагательные от заимствованных слов на *-ия* (французское -ion): *национальный*, *региональный*, *профессиональный* и т. п., и суффикс *-уальн-*: *процессуальный*, *виртуальный*, *эвентуальный*, *сексуальный*, *актуальный* и т. п.

3. Суффикс *-арн-*, *-ярн-* (в заимствованных словах) — с теми же значениями, что и *-альн-* [36].

а) *фрагментарный*, *дисциплинарный*, *авторитарный*, *тоталитарный*, *регулярный*, *ординарный*, *комплиментарный*, *элементарный*, *легендарный* и т. п.;

б) *молекулярный*, *капиллярный* и т. п.

Как показывают примеры, *-арн-* в большинстве случаев присоединяется к основам, имеющим в своем фонетическом составе звук *л*.

4. Суффикс *-ивн-* (франц. -if, лат. -ivus) также двузначен. Образования с этим суффиксом имеют и качественные, и относительные значения: способный к чему-нибудь, способный произвести, вызвать, обнаружить что-нибудь или относящийся к чему-нибудь. Например: *продуктивный*, *импульсивный*, *эффективный*, *прогрессивный*, *абортивный* и т. д.

5. Ответвлениями суффикса *-ивн-* является суффикс *-тивн-* и его варианты: *-итивн-* (франц. -tif, лат. -tivus) и *-ативн-* (франц. -atif, лат. -ativus) с теми же значениями. Например, *сенситивный*, *аудитивный* и т. п. Особенно широко распространены образования с суффиксом *-(а)тивн-*. Суффикс *-(а)тивн-*

а) близок по значению к русскому *-тельн-* и нередко находится в соотношении с существительными на *-ация* или *-атив* (ср. глаголы на *-ировать*): *декларативный*, *демонстративный*, *предикативный*, *административный*, *агглютинативный* и т. п.;

б) близок по значению с русским суффиксом *-(е)ственн-* (ср. *царственный*, *величественный*, *ответственный* и т. п.) и находится в соответствии с латинским отвлеченным суффиксом качества -itas (немецкий -ität): *квалитативный*, *факультативный* и т. п.;

в) обозначает отношение к чему-нибудь: *корпоративный*, *мелиоративный* и т. д.

6. Суффикс *-онн-* (*-ионн-*, *-ционн-*, *-ационн-*) обозначает отношение к действию, деятельности, к событию или к предмету, которые выражены иностранными словами на *-ия*, *-зия*, *-ция*, *-ация*, или же указывет на качественную связь с ними:

а) *дивизионный*, *диверсионный*, *ревизионный*, *концессионный*, *комиссионный*, *дискуссионный* и т. п.;

б) *революционный*, *эволюционный*, *традиционный*, *конституционный*, *дистанционный*, *оппозиционный*, *композиционный*, *проекционный*, *редакционный* и т. п.;

в) *агитационный*, *провокационный*, *эксплоатационный*, *демобилизационный*, *капитуляционный*, *рекреационный*, *аттестационный*, *колонизационный*, *комбинационный* и т. п.

7. Суффикс *-озн-*, *-ёзн-* (лат. -osus, франц. -eux, -euse) в общелитературной речи употребляется преимущественно с качественным значением: содержащий что-нибудь в изобилии, наделенный чем-нибудь в большой степени или снабженный, обладающий данным свойством. Например: *грандиозный*, *грациозный*, *помпёзный*, *скабрёзный*, *нервозный* и т. п.; ср. *религиозный;* ср. у Боборыкина в повести «Изменник» рассуждение «аристократа и эстетика» Симцова: «Надо вообще воздерживаться от слов, составленных бог знает как... Что такое это прилагательное *шикозный*? Корень тут — слово *шик*, а окончание *-озный*, опять-таки противное духу русского языка».

В медицинском языке суффикс *-озный* имеет ярко выраженное относительное значение, он указывает на отношение к болезни: *скарлатинозный*, *тифозный*, *гангренозный*, *гриппозный* и т. п.

8. Суффикс *-ильн-*, *-бильн-* обозначает отношение к действию или способность к чему-нибудь, или возможность чего-нибудь: *мобильный*, *стабильный*, *тактильный* и т. д.

9. Суффикс *-орн-* обозначает отношение к какому-нибудь предмету, действию и обладанию каким-нибудь свойством: *сенсорный*, *иллюзорный*, *рефлекторный* и др.

Кроме этой серии производных суффиксов, тесно связашных с интернациональными элементами русского словаря, от суффикса *-н-* ответвилось несколько составных суффиксов, образующих чисто русские слова. Таковы:

10. Суффикс *-енн-*, имеющий те же значения, что и *-н-*, но находящий применение в узком морфологическом кругу. Он образует прилагательные главным образом от тех основ имен существительных, которые оканчиваются стечением двух или нескольких согласных (кроме *ст*). Например: *мысленный*, *восторженный*, *буквенный*, *клюквенный*, *тыквенный* и т. п. (но ср. *соломенный*, *обеденный*).

Понятно, что именно с этим суффиксом *-енн-* образуются имена прилагательные:

а) от книжных существительных с суффиксами *(-е)ств(о), -ствие(е)*: *родственный, семейственный, естественный, производственный, торжественный, существенный, бедственный, действенный, бесчувственный, множественный, единственный* и т. д.; ср. *насильственный*;

б) от книжных существительных с мертвым суффиксом *-зн-*: *жизненный, безбоязненный, болезненный;*

в) от существительных с суффиксом *-тв(а)*: *молитвенный, жатвенный, бритвенный* и др. Ср.: *письменный*, а также *семенной, теменной, временный, пламенный, именной.*

11. Наиболее продуктивным и живым из всех чисто русских суффиксов, ответвившихся от *-(ъ)н-*, является суффикс *-льн-*. Он производит от глагольных основ инфинитива — прошедшего времени прилагательные со значением: служащий, предназначенный для какого-нибудь действия: *танцовальный, прощальный, умывальный, погребальный, брошюровальный, копировальный, носильный, купальный, дубильный, точильный, сушильный, родильный* (родильный дом), *игральный* (игральные карты) и т. п. Но ср. *бумагопрядильный.* Этот суффикс находит очень широкое применение в профессионально-технических диалектах, в технической терминологии. Например: *волочильный станок, выдувальная трубка, застегивальный крючок, калильная печь* и т. п. Повидимому, в техническом языке образования на *-льный* вполне синонимичны соответствующим образованиям на *-тельный* с относительным значением и производятся главным образом от глагольных основ несовершенного вида с переходным значением.

12. Ответвлением суффикса *-н-* является потенциальный суффикс *-очн-* в прилагательных, произведенных от основ отглагольных имен существительных на *-ка.* Например: *уборочный, закупочный, скупочный, упаковочный, разборочный, смазочный, явочный, разведочный, закусочный, свалочный, недоимочный, красочный, проверочный, промывочный, полировочный, сварочный.*

Можно было бы и не выделять *-очн-* как ответвление суффикса *-н-*. Ведь в большей части прилагательных на *-очный* словообразующим суффиксом является *-н-* (например: *красоч-н-ый* от *краск-а, добавоч-н-ый* от *добавк-а, ориентировочный* от *ориентировка* и т. п.). Но наличие таких случаев, как *распивочный* (при отсутствии в современном языке слова *распивка*) и др., заставляет обособить *-очн-* как потенциальный суффикс.

13. Непродуктивный и по существу мертвый суффикс *-ебн-* выделяется в нескольких прилагательных, производных от глагольных основ (первоначально — от отглагольных существительных на *-ба*) со значением: связанный с чем-нибудь (что обозначается производящим словом): *судебный, лечебный, хвалебный, учебный, целебный* и др. Ср.: *внеселитебный* (в официальном языке: *внеселитебные городские земли*), *волшебный.* Суффикс *-ебн-*

потенциально обособляется при отсутствии в современном языке соотносительных имен существительных на *-ба*. В тех же именах прилагательных на *-ебный*, которые соотносительны с отглагольными существительными на *-(ъ)ба*, выделяется как суффикс прилагательного *-н-*, например: *служебный*, *свадебный;* ср. *усадебный*.

14. В узком кругу прилагательных, связанных преимущественно с основами порядковых прилагательных, а иногда и с основами существительных, обозначающих срок, обнаруживается непродуктивный суффикс *-ичн-* (не смешивать с омонимом *-ичный* в иностранных словах): *единичный*, *первичный*, *вторичный*, *третичный*, *четвертичный*, *десятичный*, *годичный*, *двухгодичный;* ср. *будничный* и др.

(Не имеют отношения к этому суффиксу *-ичн-* прилагательные, образованные с помощью суффикса *-н-* от основ существительного, содержащих суффиксы *-ик-*, *-ица*, *-ика* и т. п., например: *черепичный*, *гвоздичный*, *клубничный*, *праздничный* и т. д.).

Рядом с суффиксом *-(ъ)н* и производными от него стоит по степени продуктивности в современном языке суффикс *-ск-* (с производными от него). Основное значение этого суффикса и его ответвлений — относительное, иногда с оттенком типической принадлежности кому-нибудь, чему-нибудь. Но — при малейшей возможности качественного осмысления основы — прилагательные этого типа широко развивают качественные значения (ср.: *нищенский оклад*, *наплевательское отношение*, *хвостистские настроения*, *издевательский тон* и т. п.). С суффиксом *-ск-* по преимуществу связывается значение отношения, свойственности кому-нибудь, чему-нибудь (какому-нибудь общественно-политическому, идеологическому и тому подобному течению, разряду людей, организации, какому-нибудь учреждению, какому-нибудь роду поведения, какому-нибудь научному направлению, мировоззрению и т. п.).

Общий суффикс *-ск-*, выражающий разнообразные оттенки предметного отношения и качественной оценки, наиболее употребителен. Он производит прилагательные от основ имен существительных, обозначающих лица, конкретные предметы и отвлеченные понятия. Например: *октябрьский*, *октябрятский*, *политотдельский*, *казахский*, *комсомольский*, *пионерский*, *январский*, *ленинский*, *сталинский*, *исполкомский*, *министерский*, *университетский*, *инструкторский* и т. п. Ср.: *женский*, *мужской*, *конский*, *городской*, *сельский*, *деревенский*, *февральский*, *делегатский*, *испанский*, *французский* и т. д.

После конечных *ж*, *ч*, *ш*, *щ* в основе существительного употребляется вариант *-еск-*: *проповеднический*, *посреднический*, *ханжеский*, *вражеский*, *дружеский*, *ребяческий*, *пастушеский*, *товарищеский* и т. п.

В именах прилагательных, производных от существительных на *-ец-*, стабилизовались три морфологических типа:

а) от *-е́ц* — *-е́ческий* (при *-е́чество*): *отец — отеческий; купец — купеческий; молодеческий* и т. д. Но ср.: *творчество — творец — творческий*; *старчество — старец — старческий* и т. п.;

б) от *-ец* — *-ческий*: *земледельческий*, *владельческий*, *страдальческий* и т. д.;

в) непродуктивно от *-éц* и *-ец* — *-(ц)кий*: *немецкий*, *ловецкий*, *игрецкий*, *молодецкий*, просторечное *купецкий*.

Тот же вариант *-(ц)к* наблюдается в прилагательных, производных от существительных на *-ак*, *-як*, *-ач*: *казацкий*, *бедняцкий*, *батрацкий*, *середняцкий*, *бурлацкий*, *босяцкий*, *кабацкий*, *ткацкий* и других подобных; реже в производных от слов на *-ик*: *мужицкий*, *плотницкий*, *дворницкий* и т. п. Ср. также: *грецкий (грецкие орехи)*, *турецкий*. Легко заметить, что *-цкий* свойственно главным образом словам разговорным, просторечным и народно-поэтическим.

Суффикс *-ск-*, *-еск-* чаще всего присоединяется к основам имен существительных строго определенного морфологического строя. Например, он систематически сочетается с именами существительными на *-тель*, *-ник*, *-ист*. Вследствие этого в индивидуальной речи как потенциальные суффиксы иногда осознаются *-тельск-*, *-истск-* и даже *-ническ-* (ср. *издевательский*, *наплевательский*, *наплевистский* и т. п.).

1. Суффикс *-тельск-* обнаруживается в прилагательных, содержащих глагольную основу: *издевательский*, *очковтирательский*, *грабительский*, *вредительский*, *попустительский*, *угнетательский* и т. п. Понятно, что в этом разряде слов в преобладающем большинстве случаев выделяется как словообразовательный суффикс не столько *-тельск-*, сколько *-ск-*, который и служит средством образования имен прилагательных от отглагольных существительных на *-тель* и *-тельство* (например: *учительский*, *писательский*, *просветительский*, *предательский* и т. п.). Но ср. также: *наплевательский*. Он обозначает: свойственный какому-нибудь типу, какой-нибудь категории людей. На основе этого общего относительного значения развиваются в словах этого типа разнообразные качественные значения и оттенки.

2. Суффикс *-истск-* обнаруживается у прилагательных от основ существительных на *-ист* и *-изм*: *чекистский*, *цекистский*, *марксистский*, *оппортунистский*, *отзовистский*, *центристский*, *хвостистский*, *наплевистский* (ср. выражение газетного языка: *наплевистская распущенность*) и т. п.

Большевистский, *меньшевистский*, образованные от вышедших из употребления *большевист*, *меньшевист*, соотносятся теперь непосредственно с словами: *большевик*, *меньшевик*.

3. Меньше возможности и оснований выделять как потенциальный суффикс *-ническ-* (в соответствии с продуктивным суффиксом лица имен существительных *-ник* и суффиксом состояния-качества *-ничеств-*): *захватнический*, *угодничество*, *насильнический*, *отступнический*, *шкурнический*, *подкулачнический*, *пакостнический* и т. п.

От суффикса *-ск-* (*-еск-*) ответвилось несколько производных суффиксов, ставших самостоятельными.

1. Суффикс *-ческ-* образует прилагательные от существительных, обозначающих действие, состояние, отвлеченное понятие и деятеля

и оканчивающихся на *-енец*, *-ение*, *-вод*, *-вед*, *-водство*, *-ведение*. Например: *языковедческий*, *литературоведческий*, *групповодческий* и т. п.; *выдвижэнческий*, *лишенческий*, *просвещенческий*, *перерожденческий*, *ижднвенческий*, *пораженческий*, *приспособленческий*, *невозвращенческий*, *упрощенческий* и т. п. Так как слова на *-енец* находятся в тесной лексической связи с существительным на *-ение*, то и от этих существительных на *-ение* в современном языке часто производятся имена прилагательные с помощью *-ческ-*: *мировоззренческий*, *учрежденческий*, *направленческий*, *поведенческий* и т. п., ср. газетное: *наслажденческий*.

2. Особенно же продуктивен в современном языке производный суффикс *-овск-*, с ярко выраженным относительным значением: *вузовский*, *мопровский*, *месткомовский*, *нарпитовский*, *довъездовский (довъездовское паенакопление)*, *съездовский*, *рабкоровский* и т. п. Но ср.: *мартовский*, *августовский*, *стариковский*, *отцовский*, *дедовский*, *жениховский*, *воровской*, *плутовской*, *шутовской* и т. п.

3. Суффиксы *-енск-* и *-инск-* непродуктивны в образованиях от нарицательных существительных, но продуктивны в прилагательных, относящихся к собственными именам главным образом со значением места.

а) *-енск-*: *кладбищенский*, *зареченский*, *междуреченский* (от *междуречье*), *нищенский* и некоторые другие. Ср.: *Керченский*, *Пензенский*, *Грозненский*, *Орджоникидзенский*, *Мытищенский* и т. п.

б) *-инск-*, например, *сестринский*, простореченное *нашинский*. Ср.: *Сочинский*, *Гагринский*, *Ялтинский*, *Бакинский* и т. п. Ср.: *Аннинский*, *Мариинский*, *Александринский*.

В связи с широким употреблением суффикса *-ск-* возникло несколько вариантов его, обслуживающих интернациональную терминологию в составе русского языка. Таковы:

4. Суффикс *-ическ-* (генетически связанный с греческ. -ikos, с франц. -ique):

а) *идеалистический*, *материалистический*, *спиритуалистический*, *артистический*, *коммунистический*; в сущности здесь уже обозначается новый производный суффикс *-истическ-* (в соответствии суффиксам существительных *-изм*, *-ист*); ср.: *классицистический*, *психологистический*, *логистический*, *субъективистический* и т. п.;

б) от имен существительных на *-ик*: *трагический*, *комический*, *исторический*, *практический*, *политический*, *драматический*, *скептический*, *паралитический* и т. п.;

в) от существительных на *-ика*: *пропедевтический*, *лингвистический*, *евгенический*, *акустический*, *фонетический*, *графический*, *грамматический* и т. д.

г) от заимствованных слов на *-ия* и бессуффиксных: *философический*, *географический*, *биологический*, *энергический*, *гимназический*, *идиллический*, *гигиенический*, *платонический*, *семитический*, *сценический* и т. п.

5. От заимствованных слов на *-с, -з (-зис)* имена прилагательные образуются посредством замены конечных звуков основы суффиксом *-тическ-* (прилагательные, производные от слов на *-зм*, имеют суффикс *-стическ-*): *хаос — хаотический; кризис — критический; генезис — генетический; эмфазис* или *эмфаза — эмфатический;* ср. *сарказм — саркастический; фантастический* и т. п.

Заимствованные греческие имена на *-а* и *-ма* (при наличии слов от той же основы на *-атик*) образуют прилагательные с суффиксом *-атическ-*: *лимфатический, догматический* и т. п.

Из этого общего обзора функций суффикса *-ск-* и его ответвлений видно, что, в отличие от суффикса *-н-*, суффикс *-ск-* обозначает свойственность, типическую принадлежность. Отсюда уже вырастают разнообразные качественные значения этого суффикса и производных от него.

Гораздо ближе к суффиксу *-н-* по своим функциям суффикс *-ов-*, *-ев-* *. В некоторых случаях можно наблюдать параллельные образования на *-ный* и *-овый* без особенно резкой дифференциации значений. В таких случаях образования на *-ный* нередко имеют заметный оттенок разговорности. Кроме того, они теснее связаны с родительным определительным имени существительного. Например: *керосинный (керосинный запах, керосинная бутылка)* и *керосиновый (керосиновое освещение, керосиновая лампа, керосиновый двигатель); антрацитный* и *антрацитовый; апельсинный (апельсинные корки)* и *апельсиновый (апельсиновое варенье* и *апельсинное варенье); балансный* и *балансовый; пурпурный* и *пурпуровый; альбуминный* и *альбуминовый (альбуминный* или *альбуминовый клей)* и т. п.

Однако значение суффикса *-ов-*, *-ев-* почти всегда в этих случаях несколько предметнее и раздробленнее, чем суффикса *-(ь)н-*. Оно обнимает круг разнообразных предметных отношений (ср. *жировой* и *жирный, снеговой* и *снежный*). Вообще в суффиксе *-ов-* оттенок предметного отношения или отношения к материалу выступает более внушительно, чем в суффиксе *-н-* (ср. *круговой* и *кружный*). Повидимому, в профессиональных диалектах значение сделанный, изготовленный из чего-нибудь осознается как характеристическая черта именно суффикса *-ов-* (ср. *баббитный завод* и *баббитовые подшипники*).

Употребление суффиксов *-(ь)н-* и *-ов-* чаще всего в современном языке служит средством семантической дифференциации или способом избежания и предупреждения омонимии. Например: *конный*, но *коновый* (в спортивном диалекте от *кон*); *массный* и *массовый; береговой* от *берег*, но *бережный* от *беречь* (однако ср. в сложных, словах: *правобережный, левобережный* и т. п.); *вековой* и *вечный* **;

---

* Некоторые соображения из истории отношений между суффиксами *-ьн-*, *-н-*, *-ов-* см. в книге Hans Hartmann, Studien über die Betonung der Adjektiva im Russischen, Leipzig 1936, S. 3—10.

** См. попытку наметить генетическое соотношение суффикса *-ьн-* и *-ов-* в разных морфологических типах прилагательных в книге Hartmann, Studien über die Betonung der Adjektiva im Russischen, 1936.

ср. также: от *вече* — *вечевой*, а не *вечный; видовой* от *вид*, но от *видеть*— *видный; вкусовой*, но *вкусный; родной*, но *родовой; классовый* и *классный* (ср. у К. Федина в «Городах и годах»: «Чугун [креста] отошел в предание вместе с классными или классовыми похоронами»). Ср. также: *верховый* (или *верховой*) и *верхний; низовой* и *нижний*.

Повидимому *-ов-* чаще, чем *-н-*, присоединяется к основам существительных среднего рода, к существительным с суффиксами *-ок*, *-ик*, *-ник* (со значением вещи, предмета), *-няк* и некоторым другим.

Значение суффикса *-ов(ый)*, *-ев(ый)* очень широко. Это самое общее значение относительной прилагательности. Чаще всего этот суффикс производит от имен существительных относительные прилагательные, обозначающие свойственность кому-нибудь (животному), отношение к кому-нибудь—чему-нибудь, выделанность из кого-нибудь — чего-нибудь, или же выражающие конкретные отношения и связи между предметами. Например: *березовый*, *осиновый*, *ольховый*, *еловый*, *дубовый*, *домовый (домовый трест)*, *дворовый (дворовые постройки)*, *садовый*, *луговой*, *паровой (паровой двигатель)*, *ключевой (ключевая вода)*, *гороховый*, *свинцовый*, *духовой*, *буревой*, *деловой*, *лицевой*, *тканьевой*, *ситцевый*, *пороховой*, *строевой*, *войсковой*, *баржевый*, *промысловый*, *бязевый;* ср. *оранжевый*, *палевый;* ср. *бежевый*, *пурпуровый*, *розовый*, *багровый* и т. п. Ср. *коричневый*, *гречневый* и т. п.

Ударение может быть на основе, на суффиксе *-ов-* и на окончании *-о́й*, *-а́я*, *-о́е* (*березовый*, *буковый*, *гороховый*, *осиновый*, *сосновый*, *гробово́й* и т. п.).

Отношение к некоторым предметным сферам, например, к деревьям, животным (в тех словах, которые образуются не с помощью суффикса *-иный*), минералам и т. п., преимущественно выражается с помощью этого суффикса *-ов-*, *-ев-*.

§ 9. Методы суффиксального словообразования в кругу относительных имен прилагательных

Суффикс *-ов-*, *-ев-* по большей части, суффиксы *-ск-* и *-н-* частично в современном словотворчестве являются средствами образования относительных прилагательных. Но с этими суффиксами связаны и качественные значения. Круг чисто относительных суффиксов, т. е. таких, в которых значение предметного отношения является основным и господствующим, не очень широк. Некоторые из этих суффиксов уже были названы. Это:

1) суффикс *-ий (-ья*, *-ье)*. В современном языке как словообразовательный элемент здесь ощущается *j* (ср. *волч-ъ-его*, *лис-ъ-я* и т. п.), но форма именительного падежа мужского рода совпадает с формами типа *синий*. Значение суффикса — отношение к животному, реже к лицу. Этот суффикс производителен в разговорной речи и в стилях художественной литературы. Ср., например, у Сельвинского:

Туша битюжьего тяжеловоза,
Не легкий аллюр кавалерийской птицы.
(«Улялаевщина».)

2) суффикс *-ин-*, обозначающий принадлежность и свойственность животному (*гусиный*, *воробьиный*, *лошадиный* и т. п.). Ср.: «худощавый мещанин с *ястребиным* носом и *мышиными* глазками» (Тургенев, «Поездка в Полесье»). Остается указать суффиксы: 3) *-ян-*, *-ан-*, *-янн-*; 4) *-н'-* и 5) *-шн(ий)*.

Отношение к материалу (сделанный, изготовленный из чего-нибудь) специально обозначается суффиксом *-ан-*, *-ян-*, производящим прилагательные от названий какого-нибудь вещества: *жестяной*, *лубяной*, *ржаной*, *льняной*, *серебряный*, *кожаный*, *вощаной* и т. д. Этот суффикс под ударением иногда принимает форму *-янн-*: *деревянный*, *оловянный*, *стеклянный*, но *овсяный*, *полотняный*. Тоже значение выделанности из какого-нибудь материала, например, из металла, может быть выражено и синонимическим суффиксом *-н-*: *стальной*, *железный*, *чугунный* и т. д.

Некоторые слова с суффиксом *-ян-* *(-яно́й, -яный)* могут обозначать вообще отношение к производящему имени без указания на соответствующий предмет как на материал. Например: *кровяное давление*, *платяной (платяной шкаф)*, *дровяной (дровяной сарай)* и т. д.

Суффикс *-н'-(-ний)* образует прилагательные от имен существительных, обозначающих время и место: *весенний*, *летний*, *осенний*, *зимний*, *утренний*, *вечерний* и т. п.; *верхний*, *нижний*, *задний*, *дальний*, *сторонний*; ср.: *посторонний*, *передний*, *средний*, *крайний*, *пригородний* и т. п. Он же производит прилагательные от предметно-обстоятельственных наречий места и времени: *ближний*, *прежний*, *ранний*, *последний*, *давний* (ср. областное *даве*), *прошлогодний*, архаическое *горний* (от церковнославянского наречия *горе́* — вверху, на высоте; ср. «и *горний* ангелов полет» (Пушкин) и т. п. Только это значение суффикса *-н'-* продуктивно в современном языке. При посредстве этого суффикса закрепляется связь относительных прилагательных с предметно-обстоятельственными наречиями.

Из других случаев употребления суффикса *-н'-* следует отметить наличие его в небольшой группе архаических прилагательных, которые образованы от существительных, обозначающих родственные отношения или близкую связь: *сыновний*, *дочерний* (устарел.), *братний* (устарел.), *супружний* (устарел.), *мужний*, *соседний*. Притяжательное значение здесь осложнено качественно-относительными значениями (ср. *замужний*).

От суффикса *-н'-* в его обстоятельственно-временном значении отделился суффикс *-шн'-*. Он тоже обозначает отношение к месту и времени, производя прилагательные от предметно-обстоятельственных наречий места и времени: *нынешний*, *тогдашний*, *вчерашний*, *домашний*, *всегдашний* и т. д. Любопытны самые приемы словопроизводства. Чаще *-шний* присоединяется к наречию по принципу агглютинации: *сегодня-шний*, *завтра-шний*, *ныне-шний*, просторечно-

областное *утрошний* (ср. *утрешний*). Ср. *теперешний*, *тутошний* (ср. *тамошний*). Отдельно: *давнишний*. Совершенно обособленно стоят образования, давшие начало суффиксу, вроде *здешний*. Некоторые слова, расширив свои значения, порвали связь с этой группой прилагательных, например *внешний*.

§ 10. Группа порядковых относительных прилагательных

К относительным прилагательным принадлежит также замкнутая группа порядковых прилагательных (*первый*, *второй* и т. п.), выражающих отношение к числу, определяющих положение предмета в порядке счета. Порядковые прилагательные выстраиваются в один семантический ряд соответственно порядку чисел, цифр. Древние грамматисты и их новые последователи, указывая на тесную лексическую связь между этой группой имен прилагательных и обозначениями чисел, часто связывают порядковые прилагательные с категорией имен числительных. Так поступали, например, акад. Д. Н. Овсянико-Куликовский, акад. А. А. Шахматов, проф. Р. И. Кошутич и др. Однако отнесение порядковых прилагательных к категории числительных не может быть грамматически обосновано. Оно опирается только на формы лексической связи. Но считать *третий*, *четвертый*, *пятый*, *шестой* и другие порядковые определения числительными — то же самое, что находить в относительных прилагательных *вчерашний*, *сегодняшний*, *завтрашний*, *послезавтрашний* и т. п. наречия времени или отглагольные прилагательные на *-лый* (типа *полинялый*) называть глаголами прошедшего времени.

На смешение порядковых прилагательных с категорией числительных могла повлиять и однородность их цифрового обозначения (например: *в 1935 году*, число — 1935 и т. п.). На этой арифметической почве в специальных диалектах (под воздействием канцелярского языка или условного чтения цифр) даже возникает своеобразное определительно-прилагательное употребление имен числительных (например: *дом № 17* — номер семнадцать). Однако условные формы арифметического выражения не могут быть использованы как аргументы в пользу отождествления порядковых прилагательных с числительными.

Порядковые слова имеют не только все морфологические приметы имени прилагательного, но и все его основные грамматические значения. В самом деле, *третий (-ья, -ье)* имеет относительный суффикс *-ий (-ья, -ье)*, хотя и остается одиноким, морфологически изолированным словом среди живых типов суффиксального словообразования на *-ий*, *-ья*, *-ье*. Слово *сороковой* выделяет относительный суффикс *-ов-; тысячный*, *миллионный*, *миллиардный* и т. д. образованы при посредстве суффикса *-н-*. Все другие порядковые слова представляются бессуффиксными образованиями с окончанием *-ый*. Отношение их к соответствующим числительным кажется вполне однородным с соотношением: *грудь — грудый (красногрудый снегирь, слабогрудый мальчик* и т. п.), *бровь — бровый (чернобровый)*,

шерсть — шёрстый (тонкошёрстый и т. п.) и других подобных. Аффикс *-ый, -ая, -ое* обеспечивает порядковым словом устойчивую и вполне совпадающую с словоизменением прилагательных систему склонения. Бросается в глаза у подавляющего большинства этих слов одинаковость конечного согласного основы *-т-* (от *четвертый* до *девятисотый*, за исключением слов: *седьмой*, *восьмой* и *сороковой*). Сюда же отчасти примыкает со смягчением *т'* в *третий* (ср. *треклятый*, *тре-волнение*, *тре-звон* и т. п.). Лишь смежные *седьмой-восьмой* и *первый-второй* выступают из этого морфологического ряда *. Однако, кроме *первый* и *второй* и отчасти *третий*, *четвертый* (ср. *треть*, *четверть*), все остальные порядковые слова находятся к соответствующим числительным (*пятый* к *пять*, *шестой* к *шесть*, *восьмой* к *восемь* и т. д.) в таком же отношении, как *синий* к *синь*, *черный* к *чернь*, *белый* к *бель*, *тихий* к *тишь*, *нечистый* к *нечисть* и т. п.

Г. Павский и К. С. Аксаков совершенно правильно указывали на то, что с порядковыми прилагательными тесно связаны прилагательные от *двое*, *трое* и т. п. — *двойной*, *тройной*, *четверной* и т. д., образованные с помощью качественно-относительного суффикса *-н-* и обозначающие: увеличенный во столько-то раз (сколько обозначено основой собирательного числительного) или состоящий из какого-нибудь количества однородных частей, предметов. Сюда же отчасти примыкают прилагательные: *двойственный*, *тройственный* (суффикс *-ственн-* или *-енн-*), от вышедших из употребления существительных *двойство*, *тройство*. Неотделимы от этих серий и прилагательные: *двоякий*, *троякий*, обозначающие: существующий в двух, трех разных образах, формах, в двух разных проявлениях, или способах. «*Четвероякий* говорится с насилием, и от следующих чисел (5, 6 и т. п.) форма эта не образуется вовсе» [37].

Таким образом, в порядковых прилагательных рельефно выступают все типические черты имени прилагательного: его словообразовательные формы, система склонения, синтаксические функции. Мало того: даже способы производства составных порядковых вполне соответствуют особенностям категории прилагательных. Подобно сложным относительным прилагательным (вродѐ: *двухвесельный*, *четырехпудовый*, *сорокаведерный*, *стопроцентный* и т. п.), и составные порядковые прилагательные, обозначающие отношение к десяткам (от *пятидесяти* до *восьмидесяти*) и к сотням (от *двухсот* до *девятисот*), складываются из родительного падежа числительных (кроме *сто*, *девяносто*) и простого порядкового прилагательного (*пятидесятый*, *семидесятый*, *трехсотый* и т. п.; ср. также *пятитысячный*, *стомиллионный*, *пятимиллиардный* и т. п.). Неизменяемость всех элементов, кроме последнего, в таких сложных порядковых словах, которые соотносительны с составными числами,

* Ср. сравнительно-исторические замечания об образовании порядковых числительных в индоевропейских языках в статье A. Meillet, Des noms des nombres ordinaux en indoeuropéen, Bulletin de la Société de linguistique de Paris, t. XXIX, fasc. 1 (Numéro 86), Paris 1928.

содержащими единицы (вроде: *сто двадцать пятый, тысяча сто пятьдесят девятый* и т. п.), не может служить основанием для выделения их в особую категорию. Ведь если бы от составного имени существительного было произведено прилагательное, то и оно также сохранило бы в своей основе первые компоненты неизменными.

При отнесении порядковых слов к категории числительных невозможно обойтись без грамматических натяжек и противоречий. Например, для тех, кто считает порядковые прилагательные именами числительными, характерна такая непоследовательность: не признавая *тысячу, миллион, миллиард, биллион, триллион* и т. п. числительными, они, однако, не могут отказать в порядковом значении словам: *тысячный, миллионный, миллиардный* и т. п.

Итак, нет никаких грамматических оснований отделять порядковые слова от категории прилагательных. Впрочем, этот вывод не помешал проф. А. М. Пешковскому поставить такой недоуменный вопрос: «Как же, однако, быть с такими прилагательными, как *двадцатый, третий*? Ведь тут уж совершенно невозможно говорить о качестве» [38]. А. М. Пешковский находил выход из этого недоумения в том, что в порядковых прилагательных «основа обозначает нечто прямо противоположное качеству, именно количество». Следовательно, в них возникает своеобразный конфликт лексических и грамматических значений.

Но вопрос ясней и лингвистически проще. Понятие качественно-относительного признака, выражаемого категорией имен прилагательных, не ограничено только кругом чисто предметных отношений. Категория предмета без остатка стирается и поглощается в смысловой структуре имени прилагательного. Поэтому-то и возможно образование прилагательных от обстоятельственных наречий. Тем более естественны типы прилагательных со значением числового отношения. К. С. Аксаков, сопоставляя порядковые прилагательные с притяжательными, писал: «Предмет по отношению к числу — *один, два* и т. д., но по отношению числа к нему, по потому что это число становится его отличительностью, он — *первый, второй* и т. д. Таким образом образуется особый род числительных прилагательных, обозначающих то же число, но принадлежащее предмету как его место или степень в порядке счисления» [39]. В той мере, в какой математическая точность расчета, выраженного в цифрах, мирится с качественным пониманием числового определения, порядково-относительные прилагательные могут приобретать оттенки качественных значений. Те порядковые слова, которые связаны с круглыми цифрами (например, *десятый, тысячный*), или те, которые соотносительны с самыми первыми единицами счета (*первый, второй, третий*), легче всего развивают качественные значения (например: *первый сорт; первейшего качества; на вторых ролях; на втором плане; второе отечество; третий сорт; это — дело десятое;* ср. у Салтыкова-Щедрина в сказке «Самоотверженный заяц»: «бежит — земля дрожит ... болото — он с пятой кочки на

десятую перепрыгивает»; ср.: «в сотый раз тебе говорю»; «Правдой-то я ее до седьмого пота пробью» (Салтыков-Щедрин, «Карась идеалист»); ср.: «тридевятое царство» и мн. др. под. Мало того: *первый*, *второй*, *третий* и т. п. могут при классификации, связанной с перечислением, нести часто указательные функции (ср. местоименное употребление слов: *первый-второй*, *первый-последний* и т. п. в книжной речи).

Что же касается степени качественной насыщенности порядковых прилагательных, связанных с точным арифметическим определением чего-нибудь, то она в них не ниже, чем в такого рода относительных словах, как: *шестивесельная лодка*, *стопудовый груз*, *пятипроцентный заем*, *внутрикомнатные излишки*, *довъездовское паенакопление* и т. п.

Такой сложной и богатой представляется даже в бледном и беглом очерке картина морфологических разветвлений качественно-относительных прилагательных, и так пестра и многообразна гамма смысловых оттенков, различимых в этой картине. Но эта картина еще не полна. Она не закончена. В именах прилагательных наблюдаются резкие различия качественной окраски. Имена прилагательные качественные допускают возможность широких экспрессивных колебаний оттенков качества. В них ярко выступают разные виды качества или субъективной оценки степени качества по отношению к мыслимой его норме. С другой стороны, качественным прилагательным свойственны особые формы, выражающие объективное сравнение степени какого-нибудь качества в однородном кругу предметов. В старых грамматиках (например, у А. Х. Востокова, Н. И. Греча, И. И. Давыдова и других) все эти явления объединялись под именем учения о «степенях сравнения» имени прилагательного.

4. СТЕПЕНИ КАЧЕСТВА И ИХ ВЫРАЖЕНИЕ У ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

§ 11. Формы субъективной оценки качества и формы степеней сравнения прилагательных

Вопрос о степенях качества и о формах их выражения у прилагательных не может считаться вполне уясненным*. В «Российской грамматике» Ломоносова вопрос о степенях сравнения имен прилагательных был решительно отделен от вопроса об умалительных и увеличительных именах прилагательных (типа: *плоховат*, *близехонек* и т. п.), т. е. от вопроса о категории субъективной оценки. Но в русских грамматиках первой половины XIX в. — под влиянием французских грамматических теорий — эти вопросы сбли-

---

* Ср. работу А. С. Никулина «Степени сравнения в современном русском языке» (изд. Акад. наук СССР, 1937) и разбор этой работы в статье И. А. Фалева «К вопросу о степенях сравнения в современном русском языке» («Язык и мышление», 1940, IX).

зались. В руководствах этого времени нередко устанавливались две категории степеней качества: «неотносительные, в коих нет сравнения между предметами (например, *староватый*, *старенький*, *старехонек*), и относительные, или степени сравнения, в коих качество определяется по сравнению предметов между собою»* (например, *старейший из ученых*, *один другого старее*). Понятие степеней сравнения иногда распространялось и на все разновидности степеней качеств.

В таком случае обе эти группы форм объединялись под именем безотносительных и относительных степеней сравнения. (При этом безотносительные степени сравнения иногда сопоставлялись со «степенями» глагола). Получались три безотносительных степени сравнения:

1) начинательная степень, образуемая от основы имени прилагательного, обозначающего физические качества предметов, с помощью суффикса *-оват-*, *-еват-* (*желтоватый*, *красноватый*, *синеватый* и т. п.);

2) длительная и учащательная степень от тех же прилагательных, образуемая с помощью суффикса *-оньк-*, *-еньк-*: *желтенький*, *красненький*, *сухонький*. Эту форму имеют не все прилагательные со значением физического качества. Так, она не свойственна прилагательным на *-кий* с предшествующею согласною, которые выражают способность неодушевленного предмета к какому-нибудь действию: *ломкий*, *звонкий*, *скользкий*, *тряский;*

3) совершенная степень, употребляемая только в краткой форме и образуемая с помощью суффиксов *-ёхонек*, *-охонек* и *-ёшенек*, *-ёшенек: краснёхонек*, *белёхонек*, *здоровёшенек*.

«Совершенной безотносительной степени лишены прилагательные качественные, показывающие принадлежность предмету каких-либо частей или свойств и оканчивающиеся на *-авый*, *-атый*, *-астый*, *-оватый*, *-ивый*, *-итый*, *-истый*, *-ный*, *-кий*: *моложавый*, *душистый*, *плодовитый* и пр. Все эти прилагательные не представляют постепенного развития и напряжения деятельности в предметах» [40].

Таким образом, все безотносительные степени качества, иначе говоря, формы субъективной оценки качества ставились в один грамматический ряд. Между этими тремя степенями усматривалось прямое соотношение. Казалось, что безотносительное к сравнению предметов различение степеней одного и того же качества ведет к образованию трех форм одного и того же слова [41]. Например: *слабоватый*, *слабенький* и *слабёхонек* с этой точки зрения должны

---

* Н. И. Греч, Практическая русская грамматика, стр. 78. Ср. статью И. Ф. Калайдовича «О степенях прилагательных и наречий качественных» (Соч. в прозе и стихах, «Труды Московского общества любителей российской словесности», ч. XXIII (III), 1823, стр. 107—132). Здесь, повидимому, впервые на русской почве различаются «степени значения» и «степени сравнения». Ср. «Филологические наблюдения» Г. Павского, Рассуждение третье, О глаголе, стр. 48 и след.

быть признаны формами слова *слабый*, так же как *слабее* и *слабейший*. Сопоставление с видами глагола является искусственным и внешним. Стремление установить полный параллелизм между тремя степенями субъективной оценки и между тремя степенями сравнения сужало круг грамматико-семантического исследования и вело к искусственным грамматическим построениям. Поэтому Ф. И. Буслаев в своей «Исторической грамматике» отошел от этого надуманного учения о двух соотносительных типах степеней сравнения, введя вопрос о степенях сравнения в его традиционное русло, в котором он в общем пребывает и до сих пор. Лишь так называемая «формальная» грамматика нашего времени попыталась оторвать форму сравнительной степени от категории имени прилагательного и выделить ее даже в особый грамматический класс. Формы же безотносительных степеней качества обычно помещались в один общий ряд со всеми суффиксальными образованиями имен прилагательных. Еще К. С. Аксаков бегло коснулся вопроса о «разных оттенках качества, которые показывают его свойство, количество и тому подобные отношения в нем самом со стороны внешней». Он указал, что формы этого рода, в основном, обособлены от категории степеней сравнения, выражающей внутреннее распределение качества в предметах. Уменьшительно-ласкательные и усилительные формы прилагательного, «определяя качество с его наружной стороны, еще не определяют самого качества», а выражают лишь его субъективную оценку. Они «группируются около общего качества и составляют его переливы» [42].

Таким образом, русская грамматика к середине XIX в. в вопросе о формах субъективной оценки вернулась к правильной точке зрения, намеченной еще Ломоносовым. Стало ясно, что значение степеней сравнения и форм субъективной оценки в отдельных оттенках сближаются. Но на фоне этих семантических связей еще рельефнее выступили различия, расхождения между двумя категориями. При ближайшем изучении тех образований, которые причислялись к безотносительным степеням качества, открылось, что между ними в живой речи нет ни грамматической соотносительности, ни логической симметрии.

Суффикс *-оват- (-еват-)* обозначает неполноту, недостаток качества «против обыкновенного» (Греч), наличие качества лишь в некоторой слабой степени, далекой от нормы. Образования с этим суффиксом иногда очень сильно отличаются своим значением от производящего прилагательного (ср.: *дубовый* и *дубоватый; прыщавый* и *прыщеватый; илистый* и *иловатый; глухой* и *глуховатый*, не совпадающие по кругу значений; ср. невозможность сказать: «сытое брюхо к учению глуховато»; или: «ходила глуховатая молва», «испытывать глуховатое недовольство» и т. п.; ср. образования типа: *плутоватый, вороватый, мещановатый* и т. п.; ср. также *одутловатый*).

Последовательность безотносительных «степеней качеств» оказывается мнимой. Суффикс *-оват-* лишь в узком кругу слов может

рассматриваться в параллель с суффиксом *-енък-*, *-онък-* и то как его неполный морфологический синоним. К. С. Аксаков в разборе «Исторической грамматики» Ф. И. Буслаева останавливался на различиях в значении и экспрессии между: *беловатый — беловат* и *беленький — беленек*, *белёхонек*, *белёшенек*. «*Белёхонек*, *белёшенек* (кругом бел, совершенно бел) и пр. выражают личное впечатление говорящего, поэтому сравнительная степень здесь невозможна, ибо здесь является не качество *бел* само по себе, а особое впечатление, им производимое. Слово *беленек* не имеет значения: совершенно бел, а скорее: слегка бел; но, выражая личное ощущение, не может иметь сравнительной степени. *Беловат*, *белесоват* не выражают личного впечатления, а обозначают самое качество и потому могут иметь сравнительную степень» *.

О том же явлении позднее писал проф. Мандельштам: «Как в обыденной речи, так и в народной поэзии и в литературных произведениях слышится часто в уменьшительных суффиксах нечто, соответствующее суффиксам *-оватый*, *-атый*, т. е. присутствие качества в некоторой степени. Но над этим значением ложится отношение говорящего — то симпатии, то антипатии, в зависимости от содержания самого слова (ср. *пошленький*, *подленький* и *глупенький*, *слабенький*)» [43].

Уменьшительно-ласкательный суффикс *-енък-*, *-онък-* присоединяется к основам прилагательных, как осложненным суффиксами, так и бессуффиксным. Однако далеко не все осложненные суффиксами основы качественных имен прилагательных могут соединяться с суффиксами субъективной оценки. Обычно не образуют уменьшительных форм на *-енък-*, *-онък-* качественные имена прилагательные, включающие в себя суффиксы: *-тельн-*, *-ист-*, *-льн-* и некоторые другие. Кроме того, вообще качественные прилагательные, носящие отпечаток книжности, не имеют форм субъективной оценки. Точно так же прилагательные с живой глагольной основой обычно не принимают уменьшительно-ласкательных суффиксов. Это можно наблюдать даже в прилагательных на *-кий*, если в них жива связь с глаголом (например, *броский*, *хваткий*, *ломкий* и т. п.). При утрате же или ослаблении связи с глаголом эти прилагательные сочетаются с уменьшительными суффиксами. Впрочем, прилагательные с суффиксом *-к-* (но не на *-окий*, *-ёкий*) «отбрасывают» *-к-* перед уменьшительным суффиксом: *гладенький*, *жиденький*, *коротенький*, *легонький*, *мягонький*, *низенький*, *реденький*, *тоненький*, *меленький*, *узенький* и т. п.; но: *высоконький*, *глубоконький* и т. п. Лишь в тех случаях, когда суффикс *-к-* уже неотделим от основы прилагательного, уменьшительный суффикс *-онък* непосредственно примыкает к нему (ср. разговорн. *мелконький*,

* К. С. Аксаков, Сочинения филологические, ч. I, стр. 490. Ср. такое же утверждение Ломоносова («Российская грамматика», § 254). Но Востоков, а также Буслаев в 1-м издании «Исторической грамматики» («Опыт исторической грамматики», I, 1858, стр. 123) указывали, что от прилагательных на *-оват-* нельзя образовать степеней сравнения.

жалконький и др.). Ударение ставится на слоге, непосредственно предшествующем суффиксу *-оньк-*, *-еньк*.

Функция суффикса *-еньк-*, *-оньк-* довольно точно была определена еще грамматиками первой половины XIX в.; это — «смягчение или уменьшение качества». По толкованию Н. И. Греча, качественные прилагательные, сочетаясь с этим суффиксом, «принимают вид уменьшительных для смягчения, для приветствия или для согласования с существительным уменьшительным» [44]. В своем основном, чисто экспрессивном уменьшительно-ласкательном или несколько пренебрежительном значении формы на *-еньк-*, *-оньк-* принадлежат к системе форм производящего имени прилагательного (*слепой — слепенький*, *хромой — хроменький* и т. п.). Относясь к имени существительному в уменьшительно-ласкательной форме, прилагательные на *-енький*, *-онький* выражают своеобразное экспрессивное согласование с ним (ср.: *голубое платье*, *голубенькое платьице**; *веселый день — веселенький денек* и т. п.). В таком сочетании эти формы лишь обостряют и усиливают эмоциональную окраску определяемого предмета. Например, *маленькая лошадка*. А. А. Потебня и вслед за ним проф. И. Мандельштам отметили, что в некоторых случаях формы прилагательных на *-енький* лишены прямого уменьшительно-ласкательного значения и употребляются лишь для общего экспрессивного «освещения речи» [45].

Все это подтверждает ту мысль, что *слабенький* является скорее экспрессивным видоизменением слова *слабый*, его формой, чем самостоятельным, новым словом. Но экспрессивные оттенки, присущие этим формам, крайне разнообразны и противоречивы. Эти формы могут выражать меньшую, смягченную степень качества в субъективном освещении (например: *смазливый* и *смазливенький*, *легкий* и *легонький* и т. п.). Иногда, напротив, им свойственен оттенок субъективного усиления качества (например: *простенький* и *простой; паршивенький* и *паршивый* и т. п.). Это усиление качества особенно ярко выступает в устном употреблении (правда, не частом) кратких форм вроде: *тяжеленек*, *далеконек* и т. п., или однородных полных с предикативным значением: *путь показался нам долгоньким*. Ср. у Достоевского в «Бесах»: «Варвара Петровна... стала в последние годы излишне, как говорили, расчетлива и даже *скупенька*».

В силу этого многообразия экспрессивной окраски у многих форм на *-енький*, *-онький* изменяется лексическое содержание. Этот смысловой сдвиг ведет к отрыву их от исходного имени прилагательного (например: *хороший* и *хорошенький*, *малый* и *маленъ-*

* Ср. у С. Кирсанова:

Та *в беленьком* и узком,
Почти что в детском *платьице*...
Беленьком и *хорошеньком*,
Светлом, как аллилуя.

(«Последний современник».)

кий и т. п.). В современном языке есть несомненная тенденция к превращению многих форм с суффиксом *-оньк-ий*, *-еньк-ий* в отдельные слова.

А. А. Шахматов указывал, что «уменьшительные образования могут возникать и независимо от определяемых существительных» [46] и подчеркивал склонность этих форм к обособлению в самостоятельные слова (ср.: «она очень мила» и «она очень миленькая»; «*маленький* да удаленький»).

Крестьянско-фольклорные суффиксы *-ёшеньк-*, *-ёхоньк-*, *-охоньк-*, связанные преимущественно с краткой формой прилагательных, выражают усилительное, увеличительное значение [47]: *рад-радёшенек, один-одинёшенек*, *тяжелёшенек*, *здоровёшенек* и т. п. Повидимому, в *-ёшенек* преобладает оттенок сочувствия (иногда даже ласкательной окраски), в *-ёхонек-* —оттенок предельного усиления. Формы на *-ёшенек (-ёшенький)* явно вымирают. Они расцениваются в устной речи как архаизмы или как фольклоризмы. Формы на *-ёхонек*, в устной речи потенциально образуемые от многих качественных прилагательных (например, *тяжелёхонек*, *глупёхонек* и т. п.), все же мало употребительны в интеллигентско-разговорном языке. На тех и других лежит отпечаток «народно-поэтического» стиля. Приходится признать их еще не отжившими, но лишь «запасными» формами соответствующих качественных слов.

Итак, в современном языке отчетливо проявляется тенденция к экспрессивному распылению «безотносительных степеней качества». Формы субъективной оценки не только безотносительны к сравнению предметов, но и не соотносительны друг с другом. При этом границы стилистического использования форм на *-еньк-ий*, *-оньк-ий*, а особенно форм на *-ёшенек (-ёшеньк-ий)*, *-ё (о) хонек (-ехоньк-ий)* не совпадают с областью употребления производящего имени прилагательного.

Такому стилистическому расслоению форм субъективной оценки содействовала волна экспрессивных образований, первоначально бытовавших в мещанских и просторечных диалектах и начавших широко двигаться в русский литературный язык с 20—40-х годов XIX в. Эти формы находились, а частично и возникали под влиянием книжных причастий [48]. Сюда относятся экспрессивно-окрашенные суффиксы:

1. *-ущ-*, *-ющ-*, с усилительно-увеличительным значением: очень, в высшей степени: *завидущий*, *загребущий*, *злющий*, *жаднющий*, *толстущий*, *здоровющий* и т. п., ср. *большущий*. Ср., например, у Маяковского:

Если встретите человека белее мела,
худющего,
Худей, чем газетный лист, —
умозаключайте смело:
или редактор
или журналист.

(«Газетный день».)

В образованиях этого типа в современном языке явно преобладают производные от основ качественных прилагательных. Ср. в мещанском диалекте образования с суффиксом *-е́ющ-* (*-а́ющ-*), носящие на себе печать влияния формы сравнительной степени: «сильнеющая буря» (Садовников, 302); «самому стареющему волку» (173); «превеличающий камень»[49], «первеющее дело» (Мельников-Печерский, «В лесах»).

2. *-я́щ-*, тоже с усилительным значением: *гуляющий*, *заваляющий*, *работящий;* ср. областное *зрящий* (от наречия *зря*). Образования этого рода отглагольны и непродуктивны.

От этих ударяемых суффиксов *-ущ-*, *-ю́щ-*, *-я́щ-*, конечно, необходимо отличать суффиксы причастий и развившихся из них качественных прилагательных.

Быть может, прав был проф. С. К. Булич, предполагая, что формам на *-ю́щий*, *-я́щий* «значение превосходной степени легко могло быть придано влиянием такого увеличительного суффикса, как, например, *-ища*, *-ище*: *ручища*, *домище* и т. д.» [50].

3. *-енн-*, присоединяющийся к основам имен прилагательных, преимущественно обозначающих величину или силу*. Этот суффикс имеет увеличительное значение и употребляется главным образом в просторечии: *здоровенный*, *страшенный*, *тяжеленный*, *широченный*, *высоченный* и т. п. Ср., например, у Л. Сейфуллиной: «Крепченной золотой жилой в жизни проляжем» (в речи интеллигента; рассказ «Преступление»); «На сеновале страшенная темень» (Шолохов, «Поднятая целина»). Ср. *здоровенный* (Пушкин, «История села Горюхина»: «баба здоровенная»; в языке Тургенева, Писемского, Л. Толстого и др.).

Такова система суффиксов субъективной оценки и таково их употребление. Термин «степеней качества» приложим к образованиям, полученным с помощью этих суффиксов, лишь в очень условном смысле. В большей части их (кроме *-оват-*) значение степени качества лишь наслаивается на очень разнообразные экспрессивные оттенки субъективного отношения к качеству. Ср.: *тяжёлый*, *тяжёленький*, *тяжеле́нек*, *тяжелёшенек*, *тяжелёхонек*, *тяжелющий*, *тяжеленный*.

От этих форм, обозначающих субъективную оценку качества или меры качества по отношению к норме этого качества, но безотносительно к сравнению предметов, обладающих этим качеством, следует решительно отделять формы степеней сравнения. Формы субъективной оценки, выражающие «смягчение, усиление и уменьшение качества», сами по себе никакого сопоставления предметов по степени качества не обозначают. Их значение состоит не в выражении соотношений между качествами предметов, а в выражении отношения субъекта к качеству предмета. Если признать это разграничение, то придется отнести к категории субъективной оценки

* Но ср. у Достоевского в «Идиоте» (в речи чиновника) образование на *-енный* от основы имени существительного: «ужастенная сука».

и формы прилагательных с приставками: *пре-*, *раз-* и *наи-* *, а также: *сверх-*, *архи-*, *ультра-*. Ср.: *прехорошенькая девочка;* «погода прегнуснейшая» (С. Аксаков); *разлюбезное дело*, *наиглупейшее положение*, *общий наибольший делитель*, *наименьший*, *наилучший* и т. п.

Любопытно, что прилагательные с приставками *пре-*, *раз-* (и естественно *наи-*) не имеют кратких форм. Некоторые из этих приставок, например, *пре-*, *раз-*, сочетаются не только с основной формой имени прилагательного, но и с формой превосходной степени. Приставка *наи-* присоединяется только к формам на *-ейший*, *-айший* и *-ший*. Формы прилагательных, осложненные приставками этого рода, выступают как синонимы форм превосходной степени в безотносительном значении, в значении предельной степени качества (ср. *преглупое положение — глупейшее положение*). Анализ этих образований целесообразнее связать с изложением грамматического учения о степенях сравнения.

5. СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

§ 12. Описательные, аналитические формы степеней сравнения

В современном грамматическом учении о степенях сравнения, прежде всего, представляется не вполне осмысленной сама терминология, особенно название п о л о ж и т е л ь н а я с т е п е н ь. Старая грамматика разъясняла этот термин в том смысле, что в основной форме на *-ый*, *-ая*, *-ое* качество, само по себе взятое, — качество отвлеченное, неопределенное в отношении степени, меры, выражается положительно, вне сравнения предметов по степени этого качества. Форма положительной степени непосредственно и безотносительно характеризует предмет. Она «есть как бы первый камень, положенный в основание для прочих степеней» [51]. Между тем в сравнительной степени качество уже получает относительное значение. «Так, например, выражение: *этот добрее того* еще не значит, чтобы этот был добр; этот добр только относительно того, по сравнению с ним, само качество как бы теряется, исчезает в бесконечном сравнении проявлений» [52]. В превосходной же степени «является полное осуществление качества, как общего понятия: здесь качество как бы находит себе достойное осуществление вне всякого сравнения»; превосходная степень «выражает превосходство одного предмета в известном качестве над всеми прочими» (Греч).

---

* См. у К. С. А к с а к о в а: «В приставках *пре-*, *раз-* и *на-* качество определяется таким образом, что уже не допускает сравнения; пожалуй, в этих приставках выражается степень качества, но не степень сравнения; эти приставки то же, что и наречия: *очень*, *совершенно* и т. д. ... Если же видеть тут степени сравнения, то должно видеть их и в формах: *беловат*, *беленек*, *белёшенек*» («Сочинения филологические», ч. I, стр. 491).

«Понятно, — добавлял К. С. Аксаков, — что ни местоименные, ни отвлеченные, ни предметные (т. е. притяжательно-относительные) прилагательные не имеют степеней...». Относительные прилагательные, «служа оттиском самого предмета, того или другого, а не предмета вообще, неся на себе известный его образ, с ним связаны и не могут двигаться вперед и определяться: они определены уже самым предметом; подчинены ему» и, следовательно, не могут характеризоваться количеством качества [53]. Местоименные, притяжательные и относительные прилагательные обозначают такие признаки, которые не обнаруживают различий в степени. *Каменный* (дом), *сестрин* (рисунок), *наш* (сад) не мыслятся со стороны количественных различий своих свойств.

На основе этих теоретических соображений о степенях качества как средства сравнения предметов был выстроен в грамматике первой половины XIX в. такой ряд форм: 1) форма положительной степени на *-ый (-ой)*, *-ий;* 2) форма сравнительной степени на *-ее (-е*, *-ше)* или описательная с префиксом *более* *; 3) промежуточное положение между чисто сравнительной степенью и превосходною занимала «сравнительная превосходная» форма с суффиксом *-ейший*, *-айший* и 4) форма превосходной степени — описательная с приставкой *самый*.

Различие между формами превосходной степени с приставкой *самый* и с суффиксом *-ейший*, *-айший* разъяснялось К. С. Аксаковым таким образом: форма на *-ейший*, *-айший* в литературном языке XIX в. все более и более теряет значение сравнительной степени и получает значение степени превосходной, которая, однако, «обращена лицом к сравнению и высказывает мысль об окончательном сравнительном превосходстве такого-то качества» [54]. В форме же описательной превосходной степени с *самый* выражается внутреннее безотносительное значение высшего качества. Тут «вопрос об отношении и сравнении удален». «Поэтому форма на *-ейший* и *-айший*, в свою очередь, может еще получить другое, внутреннее значение через *самый*; можно сказать: *самый добрейший*» [55].

Все эти формы степеней сравнения в той или иной мере живы и в современном русском языке, но функции и соотношение их существенно изменились. Несомненно, что во второй половине XIX в. усилилось грамматическое значение описательных, аналитических форм степеней сравнения. Современная «формальная» грамматика часто их игнорирует, и на них следует прежде всего остановиться [56]. Они образуют симметрическую и вполне соотносительную группу форм, в которых форма положительной степени на *-ый*, *-о́й*, *-ий*, как «нулевая» и в то же время как отправная, исходная форма,

---

* Г. Павский писал: «Если бы какое-либо прилагательное имя не имело сравнительной степени или допускало ее неохотно, а между тем имело бы право возвышаться по степеням, то в таком случае к положительной его степени следует приложить *более*, и оно станет на сравнительную степень, например, *более робок*, *более дерзок*. Ср. *робче*, *дерзче*» («Филологические наблюдения», Рассуждение второе, 1850, стр. 111).

входит в состав двух других, аналитических форм с усилительными префиксами *более* и *самый (удобный, более удобный, самый удобный; жаркий, более жаркий, самый жаркий)* [57].

§ 13. Значения аналитических форм превосходной и сравнительной степени

Не подлежит сомнению, что *самый* в сочетании с прилагательными отнюдь не является определением существительного, т. е. вовсе не является самостоятельным словом, а образует вместе с формой имени прилагательного грамматический идиоматизм*, одну составную форму. *Самый* в сочетаниях типа: *самый удобный момент, самый изящный стиль* и т. п., в сущности, согласуется не с существительным, а с формой прилагательного, т. е. со словами *удобный, изящный* и т. п. В этом отношении *самый* резко отличается по своей функции даже от слов *какой, такой* в сочетаниях с прилагательными**. В самом деле, *какой, такой* в выражениях вроде: «Какой миленький носик у твоего барина!» (Гоголь), несмотря на свое значение степени качества, все же сохраняют тесную и прямую смысловую связь с определяемым словом (чего нет у *самый*, например, в словосочетании *самый даровитый ученик*). Ср., например: «Какие перышки, какой носок, и верно ангельский быть должен голосок!» (Крылов).

С описательной формой превосходной степени (*самый* + имя прилагательное) связаны в современном русском языке два значения. В абсолютивном употреблении, независимо от сравнения предметов, эта форма (*самый* + имя прилагательное) обозначает решительное превосходство качества, предельную степень качества. Повидимому, именно это значение описательной формы было первичным в русском литературном языке середины XIX в. К. С. Аксаков подчеркивал именно это значение описательной формы превос-

---

* К. С. Аксаков, для того чтобы обнажить этимологические основы этого грамматического единства, прибегал к сопоставлению с другими языками: «Привычка употребления затемнила для нас смысл этой формы, но скажите это на другом языке, и непривычное нам, в этом смысле, употребление, освежаясь, возвратит слову его значение, например: der gute selbst, ipse bonus; или скажите по-русски с именем существительным: «сама доброта». Смысл делается ясен» («Сочинения филологические», ч. I, стр. 493).

** Для того чтобы вникнуть глубже в причины отнесения конструкций с префиксами *самый* и *более* к аналитическим формам степеней сравнения, следует вспомнить один из тезисов докторской диссертации проф. Л. В. Щербы: «Формами следует, между прочим, почитать такие сочетания слов, которые, выражая оттенок одного основного понятия, являются несвободными, т. е. в которых непеременная часть сочетания, выражающая оттенок, употреблена не в собственном значении» («Некоторые выводы из моих диалектологических лужицких наблюдений», Положение 7). Трудно согласиться с безапелляционным утверждением акад. И. И. Мещанинова, что описательный оборот типа *более быстрый* «в русском ошибочно относится к степеням сравнения прилагательных» («Члены предложения и части речи», стр. 216).

ходной степени: «Мы можем сказать: *добрейший из всех*, но не должны говорить: *самый добрый из всех;* впрочем, тонкость этого употребления чувствуется немногими» [58]. Ср., например, у Пушкина: «Зло *самое горькое*, *самое нестерпимое* для стихотворца есть его звание и прозвище». У Гоголя: «Нельзя было видеть без внутреннего движения, как все отдирало танец *самый вольный*, *самый бешеный*, какой только видел когда-либо свет, и который, по своим мощным изобретателям, назван казачком».

В современном языке такое употребление этой формы очень распространено. Например, у Ленина: «Кулаки знают, что тут приходит момент *самой решительной*, *самой последней*, *самой отчаянной* борьбы за социализм» (Ленин, т. XV, 1922 г., стр. 342) *.

Другое значение описательной формы превосходной степени — это значение высшей степени качества, присущей какому-нибудь предмету (лицу) или группе предметов, которые по этому признаку выделяются из круга всех остальных предметов данной категории. Это значение осуществляется при посредстве конструкции с предлогом *из* и родительным падежом существительного («самый талантливый из молодых писателей»).

Точно так же и форма описательной сравнительной степени с *более* представляет собой целостное грамматическое единство, хотя и менее тесное, чем форма превосходной степени с *самый*. Слово *более* вне связи с прилагательным постепенно выходит из употребления, сохраняясь лишь в книжно-публицистических и официально-канцелярских стилях литературного языка в качестве синонима для некоторых значений слова *больше*. Ср. примеры употребления *больше* у Тургенева: «Собак *больше* для важности, так сказать, держать следует» («Малиновая вода»); у Писемского: «Адвокат гораздо *больше* его герой; тот живой человек, он влюбляется, страдает» («Тысяча душ») и т. п.

Обычное в толковых словарях XIX и XX вв. полное семантическое приравнение *более* и *больше* объясняется тем, что лексикографы не столько отражают современный им язык, сколько воспроизводят содержание предшествующих словарей.

Во всяком случае, *более* для нас не является формой сравнительной степени ни к *большой*, ни к *великий*. Следовательно, оно сохраняет семантическую связь лишь со словом *много*. Но *много* в сочетании с прилагательным служит главным образом первой частью сложного слова, например: *многоводный*, *многоземельный*, *многозначительный*, *многолетний*, *многолюдный*, *многосложный*, *многочисленный* и т. п. (конечно, от этих сочетаний необходимо отделять разговорно-просторечное употребление *много* в значении гораздо —

---

* То обстоятельство, что *самый* употребляется в усилительном значении, в значении высшей или крайней степени качества или количества и в сочетании с именами существительными, нисколько не колеблет того факта, что в описательных формах превосходной степени *самый трудный* и т. п. *самый* используется лишь как строевой элемент грамматической формы. Ср.: *самый густой* лес и *самая гуща* или *чаща* леса.

при сравнительной степени: *он много умнее, много красивее, чем...* и т. д.). Итак, в сочетании: *более* + качественное прилагательное следует видеть одну составную форму [59]. Неосновательно традиционное мнение об этой аналитической форме, будто она «выходит за обычные рамки морфологических образований, представляя синтаксическое сочетание двух неоднородных слов».

Некоторые грамматисты (например, Р. И. Кошутич) склонны думать, что описательная форма сравнительной степени употребляется предпочтительно от членных прилагательных (*более свежий, более гибкий* и т. п.). Однако те же грамматисты признают полную корректность и широкую распространенность литературного употребления таких форм в функции сказуемого и от нечленных прилагательных (*более резка, более нежна*). Форма описательной сравнительной степени представляется современному языковому сознанию несколько более книжной, чем форма описательной превосходной степени (ср. *более смелый* и *самый смелый*). Она лежит на одном стилистическом уровне с формами на *-ейший, -айший* и, следовательно, больше употребляется в книжном языке.

Впрочем, для употребления сравнительной формы с *более* существуют и иные стилистические ограничения. Скопление однородных прилагательных в форме описательной сравнительной степени явно избегается. В этих случаях предпочтение отдается простым формам на *-ее, -е* и *-ше*. Например, у Тургенева: «Ее рука была немногим *меньше* его руки, но гораздо теплей, и глаже, и мягче, и жизненней» («Вешние воды»); у Салтыкова-Щедрина: «Он был и испуганнее, и тощее, и слабосильнее, и малорослее» («Пошехонская старина»). Ср. «Заглушить эти воющие голоса чем-нибудь еще более их безобразным» (Лесков, «Леди Макбет Мценского уезда»).

Так устанавливается один ряд степеней сравнения — сравнительная: *более* + форма прилагательного (*более удобный*) и превосходная: *самый* + форма прилагательного (*самый удобный*)*. Эта серия форм степеней сравнения должна быть признана очень живой и продуктивной в составе современного русского литературного языка. Грамматическое удобство их употребления состоит в том, что они могут быть образованы от любого качественного прилагательного, даже от такого, от которого нельзя образовать простые формы степеней сравнения (например, от прилагательных с суффиксами *-ский, -ний, -овый* и т. п.). Описательные формы степеней сравнения последовательны, универсальны и логичны. Напри-

* Любопытно, что в некоторых грамматиках до второй половины XIX в. круг употребления формы сравнительной степени с *более* искусственно суживался. «Когда же сравнивается напряженность не одной и той же деятельности в различных предметах, а напряженность различной деятельности или качественности в одном и том же предмете, тогда употребляется сложная форма сравнительной степени, например: *он более умен, нежели справедлив*; *в нем более учтивое, нежели дружеское обхождение*» («Опыт общесравнительной грамматики русского языка», 1852, стр. 192). В современном русском языке в этих случаях употребляется выражение: *скорее — чем*.

мер, от прилагательных на *-ский* простые формы степеней сравнения невозможны. Для выражения качественных оттенков, развивающихся в словах на *-ический*, приходится приспособлять синонимические образования от той же основы на *-ичный*. Дело в том, что от прилагательных на *-ичный* производятся не только формы степеней сравнения, но и краткие формы. Так лексическая синонимия возмещает грамматическую ущербность. Например, *комический — комичный; комический* или *комичный вид, комическая (комичная) история* и т. п.; ср. *ничего комичнее этой сцены я не видал;* ср. *драматический — драматичный: драматические (драматичные) жесты, драматическое (драматичное) положение; ароматичный запах; аллегоричный рассказ* и т. п.

Однако такие словообразовательные синонимы с суффиксом *-ичн-* обычны лишь в иностранных словах. Их нет у других прилагательных на *-ский (торгашеский), -овский, -истский* и т. п., которые, между тем, нередко приобретают качественную окраску и нуждаются в формах степеней сравнения. Равным образом некоторые качественные прилагательные на *-кий* (например, *тяжкий, краткий, кроткий, липкий*) в современном литературном языке не образуют простой сравнительной степени; другие (например, *бойкий, робкий, веский, меткий, едкий, жесткий, жуткий, маркий, чуткий, узкий*) — превосходной степени на *-айший;* третьи вообще лишены простых форм степеней сравнения. Таковы, например, *топкий, ломкий, плавкий, падкий, шаткий, громоздкий* и т. п. Ср. у Горького: «Вы только шли и не умели сохранить мужества на путь *более долгий*» («Старуха Изергиль»). Если бы было сказано: *дольше* (вместо *более долгий*), смысл был бы иной. Ср. невозможность образования простых форм превосходной степени от *дорогой* (ср. *дражайший*), *молодой, отлогий, плоский, сухой, тугой* и т. п. Между тем аналитические формы степеней сравнения возможны от прилагательных самого разнообразного морфологического состава *.

Кроме того, аналитические формы сравнительной степени (особенно в силу своего переходного — полуграмматического, полулексического — характера) имеют то семантическое преимущество, что допускают логическое противопоставление: *более — менее* [60]. Например: «Эти парные формы (*более — больше, менее — меньше*,

---

* Конечно, свободные сочетания прилагательных с наречиями *очень, весьма, сугубо* (а тем более с наречиями: *слишком, особенно, чрезвычайно, чрезмерно, безмерно, необыкновенно, необычайно, неимоверно, неизъяснимо, крайне, совершенно, совсем, страшно, ужасно, удивительно, дьявольски, адски, донельзя, в высшей степени*, ср. просторечное *больно, крепко* и т. п.) не образуют никаких степеней сравнения, так как соответствующие наречия, сохраняя всю свою знаменательность, сами по себе обозначают степень качества и действия безотносительно к сравнению с чем-нибудь (ср. *крайне, чрезвычайно*, устарелое *отменно* и т. п.). Впрочем, и здесь современная школьная грамматика остается на традиционной точке зрения (ср. А. С. Никулин, Степени сравнения в современном русском языке, стр. 33—41).

более — долгше, позднее — позже и др.) отличаются друг от друга по своему значению, в одних случаях *более резко*, в других *менее*»*. Конечно, сочетания прилагательных со словом *менее* (вследствие отсутствия соотносительных форм превосходной степени) не сливаются в грамматическое целое, не «морфологизируются». Они сохраняют характер свободного синтаксического сцепления**. *Менее* выступает лишь как антоним к *более*. (Ср. фразовые сращения: *более или менее* — до известной степени, несколько, отчасти; *не более и не менее как* — как раз, именно; ср. *тем более, тем не менее*.) Отсюда ясно, что в аналитических формах сравнительной степени *более* еще не вполне потеряло свою лексическую индивидуальность. Форма *более красивый* менее слитна, чем *самый красивый*.

Описательные формы с *более* и *самый* подготовляют возможность аналитического употребления степеней сравнения от имен существительных с качественным значением и от обстоятельственных наречий. Ср., например, у А. Ф. Кони («Судебные речи»): «Ярошевич должен был обратиться к лицу *более опытному, более в летах*»; у Л. Толстого: «Лицо, его, бледное и забрызганное грязью, белокурое, молодое, с дырочкой на подбородке и светлыми, голубыми глазами было *самое не для поля сражения, не вражеское лицо*» («Война и мир») [61].

Такое употребление, естественно, сближает *более* и *самый* с количественно-усилительными наречиями (ср. у Гоголя: «Вспомни, что ты человек не только не молодой, но даже и *весьма в летах*» («Выбранные места из переписки с друзьями»). В официально-канцелярских, публицистических и научно-технических стилях книжной речи употребляется и составная форма превосходной степени с словом *наиболее*: *наиболее вероятный исход, наиболее желательный результат*. Только соотносительность аналитических форм степеней сравнения с синтетическими сдерживает этот ряд образований в строго определенных рамках системы грамматических форм имени прилагательного.

---

*Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров, Русский язык, М., 1934, стр. 55. Ср. своеобразную антитезу *мало — много* у Горького (в статье «Ещё о грамотности»): «Мало художественно», «далеко от художественности», «мало интересна». А почему «мало художественно», «далеко от художественности» — комиссия умалчивает. Умолчание — недопустимое. Если комиссия хочет видеть книги для детей «много художественными», она должна бы объяснить, как «много» и какой художественности она требует от бракуемых ею книг».

**Ср. рассуждение К. С. Аксакова, стремившегося ограничить круг описательных, аналитических форм в русском языке: «Сравнительность качества высказывается всеми наречиями, выражающими относительное значение и достоинство качества: *мнеее, более, также, настолько* и пр. Так как здесь уже нет формы сравнительной, а есть одно употребление сравнительное, зависящее от личного произвола, то оно простирается и на прилагательные предметные, кроме собственных. Но это — уже употребление; язык не дал им сравнительной степени, образуя ее лишь для прилагательных качественных» («Опыт русской грамматики», Прибавление, стр. 121).

§ 14. Простые формы степеней сравнения

Грамматическая стройность и логическая последовательность соотношений несколько нарушены в синтетических формах степеней сравнения. Сюда относятся образования превосходной степени с продуктивным суффиксом *-ейш (-ий)* и непродуктивным *-айш (-ий)* (при чередовании звуков *к\ч, г\ж, х\ш, з\ж* в основе): *глупейший, чистейший, глубочайший, редчайший, тишайший, строжайший, нижайший, ближайший* и т. п. и образования сравнительной степени с продуктивным суффиксом *-ее (-ей)* и *-ée (-éй)* (в зависимости от ударения краткой формы женского рода: *краси́ва — краси́вее, бели́ — белée*), а также с мертвыми суффиксами *-е* (при чередовании конечного согласного основы: *к\ч, г\ж, х\ш, т\ч, д\ж, з\ж, с\ш, ст\щ, в\вл*) и *-ше*: *ближе, богаче, бойче, выше, гаже, гибче, глаже, громче, гуще, дешевле, дороже, жарче, ниже, звонче, короче, круче, легче, мельче, моложе, мягче, ниже, реже, слаще, суше, строже, тверже, толще, туже, шьре, чаще, чище, ярче* и некоторые другие; *дальше, дольше, тоньше, старше*; ср. также: *больше, меньше, лучше* *.

К формам на *-айший, -ейший* примыкают лексикализованные образования с мертвым суффиксом *-ший*: *лучший, худший, низший, высший, горший, больший, меньший*. Например: *табак высшего сорта; лучший ударник производства; худшие качественные показатели; горшая участь*.

В русском литературном языке с начала XVIII в. и вплоть до современности аналитический ряд степеней сравнения оказывает влияние на простые синтетические формы. Возникают гибридные формы, порицаемые нормативной стилистической грамматикой, но не выходящие из употребления. Так, Н. И. Греч считал непозволительным употреблять *самый* в сочетании с формой превосходной степени на *-ейший, -айший*: «например, нельзя говорить: *самый сладчайший*» [62]. Запрет Греча не оправдывался языковой практикой того времени и времени предшествовавшего. (Ср., например, употребление таких сочетаний у Кантемира, Фонвизина, у Карамзина и т. д.). Поэтому уже в 40-х годах XIX в. Ф. И. Буслаев заметил: «В некоторых языках, например, в славянском, нет формы превосходной степени, или, например, в французском — ни превосходной, ни сравнительной; такие языки принуждены употреблять описание, например, в русском *самый* для превосходной степени: *самый полезный;* эту превосходную степень можем мы гиперболически увеличить, изменяя положительную степень прилагательного в сравнительную: *самый нежнейший*. Хотя против такой будто бы излишней формы восстают некоторые наши грамматики, но лучшие наши писатели, употребляя опую, уничтожают всякое

---

* В наречиях, имеющих две параллельные формы сравнительной степени (*более* и *больше; далее* и *дальше; старее* и *старше; менее* и *меньше; красивее — краше* и некоторые другие), эти двойные формы диференцированы семантически.

сомнение, например, Карамзин («История Государства Российского», ч. 1, 177): «[Ольга] давала уставы самые простые и самые нужнейшие» [63]. Ср. у Гоголя в «Мертвых душах»: «по самой выгоднейшей цене»; у Достоевского в «Бесах»: «В середине самой возвышенной скорби он вдруг зачинал смеяться самым простонароднейшим образом»; в «Идиоте»: «Этот случай считаю, по совести, самым сквернейшим поступком из всей моей жизни»; в «Дневнике писателя»: «Молодой восторг над своим успехом бывал свойствен даже самым древнейшим народам в мире»; у Писемского в «Тысяче душ»: «Вот как, — сказал Чиркин, и опять самым равнодушнейшим тоном»; «самое убедительнейшее доказательство» (Белинский); у Льва Толстого в «Крейцеровой сонате»: «Одно из самых мучительнейших отношений для ревнивцев — это известные светские условия, при которых допускается самая большая и опасная близость между мужчиной и женщиной». Сочетания превосходной степени на *-айший*, *-ейший* с *самый* избегаются в стилях современного книжного языка, но встречаются. Ср.: «самым наглейшим образом» (Новиков-Прибой, «Цусима», кн. II, «Главная опора», IV); «граждане самых отдаленнейших мест» (Маяковский); «один из самых талантливейших современных писателей» («Правда», от 29 января 1939 г.) и другие подобные. Однако сочетания этого рода в современном языке малоупотребительны и расцениваются как погрешности стиля. Характерно, например, что Горький, правя рукописи начинающих писателей, выбрасывал при встрече с такими сочетаниями форму *самый*. И. Макарьев так комментирует этого рода поправки: «Слово *мельчайший* есть превосходная степень слова *мелкий*...». «*Самого мельчайшего* быть не может» [64].

В связи с формами типа *самый нужнейший* находилось употребление устарелого усилительного префикса *само-* при формах превосходной степени в официально-канцелярском языке, вроде: *самонужнейший*, *самомалейший* и т. п.; *самолучший* (ср. у Горького в рассказе «Орел»).

§ 15. Значения форм на *-айший*, *-ейший* и на *-ший*

Формы на *-ейший*, *-айший* имеют в современном литературном языке три значения *.

Первое — с яркой экспрессивной или риторической окраской — это значение предельной степени признака или безотносительно большой меры признака ** (это значение в специальной лингвисти-

* Слово *дальнейший* целиком, а *ближайший*, *малейший*, *полнейший* — в части своих значений выпали из системы форм степеней сравнения слов: *дальний*, *близкий*, *малый*, *полный*. Ср. также значение выражений: *милейший*, *любезнейший* и т. п.

** Г. Павский писал: «Превосходная степень указывает такое превосходство вещи, что она по своему преимуществу перед всеми даже не идет в сравнение. Поэтому при сравнительной степени всегда стоит имя той вещи, которая входит в сравнение, а прилагательное имя превосходной степени может стоять отдельно» («Филологические наблюдения», 1850, Рассуждение второе, стр. 142—143).

ческой литературе называется элятивным). Повидимому, форма на *-ейший*, *-айший* в этом значении *(погода чудеснейшая)* отличается от соответствующей описательной формы с приставкой *самый (погода самая чудесная)* более сильной экспрессивностью*. Проф. Р. И. Кошутич довольно точно очертил сферу применения формы на *-ейший*, *-айший* в элятивном значении, указав, что она применяется чаще всего в стилях книжного языка, а в обычной разговорной речи встречается лишь в сравнительно узком кругу фразеологических сочетаний, например: *вернейший путь*, *вернейшее средство*, *добрейшая душа*, *мой злейший враг*, *он честнейший человек*, *чистейшая ложь*, *умнейшая голова*, *до мельчайших подробностей*, *тончайшие кружева*, *строжайший выговор* и т. п.[65]. Ср. в языке XIX и начала XX в. «чистейшей прелести чистейший образец» (Пушкин); «Комедия напечатана на серейшей бумаге» (Белинский, VI, 177); «Над всем этим царит беспримерная бесталанность и неслыханнейшая бедность миросозерцания» (Салтыков-Щедрин, «Признаки времени»); «У нас погода просто замечательная, изумительная, весна чуднейшая, какой давно не было» (Чехов, «Письма к О. Л. Книппер», 18/II, 1901, т. II, стр. 368); «Город сквернейший,— сказал некто, похожий на Джона Фальстона» (Горький); «Весенний сев — важнейший этап на пути к подъему урожайности» (из газет); «Ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии» («Правда», 1926, № 66); «Собрать семена в кратчайший срок» (из газет) и др. Ср.: «широчайшие массы страны», «колоссальнейшее строительство» и т. п.**.

Синонимами элятива, кроме описательной формы с *самый*, являются прилагательные с приставками *пре-*, *раз-*, *наи-* (церковнокнижное и официально-канцелярское *все-* — окончательно устарело), *сверх-*, *архи-* (*архитяжкий*, *архинервный*, «архиевропейский» — Боборыкин) и *ультра-* (*ультралевый*, *ультраправый*; ср. *ультрафиолетовый*)***.

---

* На экспрессивно-риторическую окрашенность этой формы элятива указывает и O. Jespersen: «При употреблении суперлятива для выражения очень высокой степени вместо высшей (the highest), бывает естественная склонность преувеличения» (The philosophy of grammar, 1924, стр. 247—248).

** Широта и разнообразие экспрессивно-семантических функций форм степеней сравнения имен прилагательных приводят некоторых лингвистов к переоценке лексической самостоятельности этих форм. «Изменение по степеням сравнения и в современном состоянии языка носит более лексический характер, чем синтаксический, и образует новую лексическую единицу, содержащую количественное изменение качественного признака, ср. *умный* и *умнейший*. В этом отношении степени сравнения в некоторой мере сближаются с уменьшительными и увеличительными изменениями имен существительных» (И. И. Мещанинов, Члены предложения и части речи, стр. 216—217).

*** Современный язык для «чистой» сравнительности не допускает комбинированных показателей, по крайней мере избегает их.

Приставки *пре-*, *раз-*, *наи-* обозначают предельное субъективное усиление меры качества сравнительно с нормой. В экспрессивной речи за норму гиперболически может быть принята даже превосходная степень, например: *разлюбезнейшее дело; предобрейший человек;* «пренеприятнейшая неожиданность» (Гоголь, «Мертвые души»); «человек преостроумнейший» (Салтыков-Щедрин, «Губернские очерки»); «к преогромнейшему дому» (Достоевский, «Преступление и наказание»); «преполезнейшее животное» («Идиот») и т. п. *.

Приставка *наи-* вообще в литературном языке присоединяется лишь к формам на *-ейший*, *-айший* и *-ший* **, например: *наистрожайший запрет*, *наиглупейшее предложение*, *наилучший*, *наименьший*, *наивысший*, *наисложнейший* и т. п. Ср. у Гоголя: «шпоры, каких не может дать наисильнейшему честолюбцу его ненасытимейшее честолюбие» («Выбранные места из переписки с друзьями»); у Ф. М. Достоевского: «С хозяйкой у них наибеспрерывнейшие раздоры» («Преступление и наказание»). Ср. «выступление одного из наикрупнейших современных изобретателей» (из газет). Сочетания *наи-* с формой положительной степени (ср. *наисильный; наиглавный;* у Даля — *наивелик*, «Толковый словарь», II, 1091) не входят в норму литературного употребления.

Приставка *раз-* сочетается обычно с формой положительной степени. Образования типа *разлюбезнейшее дело* единичны. Это связанные фразеологические сочетания. Но зато *раз-* в эмоциональной разговорной речи, иногда с оттенком шутливости, может присоединяться к словам, уже осложненным приставкой *пре-*, например: *распремилый*, *распреподлый* и некоторые другие. Ср. в письме А. Ф. Писемского к Н. А. Некрасову (от 15 апреля 1854 г.): «Я имею крайнюю и распрекрайнюю нужду в деньгах» [66]. Ср. также такое индивидуальное образование: «будь он распрофидиасовский Аполлон» (Достоевский, «Черновые наброски речи о Пушкине»); «распренаиглавный» (Маяковский, «Баня»); «распренаидостаточно» (из письма). Ср. у Слепцова: «пьяный-распьяный»; у Салтыкова-Щедрина: «— Цена, кажется, настоящая. — Хоть разнастоящая, да нельзя» (Собр. соч., IX, 47).

Необходимо заметить, что экспрессивно-стилистическая окраска всех этих образований разнородна. На приставке *наи-* лежит налет

---

* А. Х. Востоков пытался было запретить соединения «усилительной приставки *пре-* с превосходной степенью» («Русская грамматика», стр. 31). Но жизнь взяла свое, и Буслаев должен был признать эти образования нормальными.

** В приставке *наи-* обычно за Ломоносовым, а иностранцы вслед за Vondrak (Vergleichende slav. Grammatik, B. II. Formenlehre und Syntax, 1908, S. 74) видят заимствование из польского языка. Но К. Меуег не без основания указывает на употребление (рядом с префиксом *все-*) этого префикса в церковнославянском языке (ср. *все-* в дореволюционном официально-канцелярском языке: *всепокорнейший слуга*, *всеподданнейший отчет*, *всемилостивейший государь* и т. п.), «Historische Grammatik der russischen Sprache», B. I, 1923, S. 167. Ср. также замечания Никулина, Степени сравнения, стр. 28—32. Ср. Slavia, 1924, ч. II, seš. 4, стр. 724).

письменно-официального и канцелярского стиля, отпечаток книжной риторики. Образования с *пре-* в современном языке свойственны стилям разговорной речи и не очень продуктивны. *Пре-* присоединяется к формам положительной и превосходной степени, а также к уменьшительно-ласкательным формам. Например: «Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам препеприятное известие» (Гоголь, «Ревизор»); «Это презамечательная вещь, — сказал мне седой старик» (Герцен, «Былое и думы»); «говорил префантастические вещи» (Достоевский, «Бесы»); «Вечером вдруг поднялся страшный, прехолодный ветер». Ср. *прехорошенький, премиленький, превеселенький* и др.; *преглупейшее положение, презабавнейшая история* и т. п.

Малопродуктивная приставка *раз-* еще более богата экспрессивными нюансами. Она имеет фамильярную, иногда народно-поэтическую окраску. Нередко она сочетается с эмоциональным повторением прилагательного и сливается с повторенным словом (так же как иногда и *пре-: глупый-преглупый*). Ср. в письме О. Л. Книппер к А. П. Чехову: «Получила от тебя хорошее, расхорошее письмо» («Переписка», 1, стр. 398). Употребление *раз-* в общем языке ограничено немногими словами, выражающими внешние достоинства, эмоциональные качества и свойства характера: *развеселый, разудалый, разлюбезное дело* (ср. стилизованные народные выражения: *распроклятый, распрекрасный*). Ср. в письме Книппер к Чехову: «Получай крепкий, разгорячий поцелуй» («Переписка», 1, стр. 275)*.

Впрочем, приставка *раз-* для выражения усиления степени качества сочетается и с основами имен существительных. Ср. *красавица-раскрасавица;* ср. у Достоевского: «Хоть будь ты раз-Брюллов» (Записки из «Мертвого дома»); «Вообще я сделал замечание, что будь разгений, но в публичном легком литературном чтении нельзя занимать собою публику более двадцати минут безнаказанно» («Бесы»); «помещиком и раскапиталистом, членом компаний и обществ» («Идиот»).

Все другие приставки, означающие предельную степень качества, относятся в книжной речи. Употребительность их неодинакова. Приставка *архи-*, получившая довольно широкое распространение с 80-х годов XIX в. в периодической печати, из публицистических стилей перешла в разговорную интеллигентскую речь. Ср. в «Ли-

---

* С формами прилагательных, выражающих безотносительную предельную степень признака, синонимичны усилительные обороты с повторением формы прилагательного: *тихий-тихий, простой-простой* и т. п.; ср. разговорные обороты с повтором прилагательного, осложненного приставкой *пере-*. Например, «дело известное и переизвестное» («Повести» П. Машкова, 1833, ч. I, стр. 11); «все это мне знакомо-перезнакомо» и др. под. Ср. в народной и народно-поэтической речи: «зеленым я зеленешенька» (Шейн, «Великорусс», 400); «Лежит родна матушка трудным-то труднешенька» (Соболевский, «Народные песни», V, 550); «Как вчера мой-то батюшка веселым-то был веселешенек, и моя родима матушка веселым же была веселешенька» (Шейн, 766) и др.

тературных воспоминаниях» Кугеля (Л. — М. 1923, стр. 55): «Газета должна была быть архи-живая, архи-городская, архи-разухабистая, архи-бульварная, на французский лад». Но на ней еще лежит печать газетно-книжного стиля. Ср. у В. И. Ленина в языке работы «Тактика большевизма»: «архиреволюционные резолюции»; «архизаконное недовольство и возмущение масс»; «архиоппортунистическая тактика»; «надо быть архиосторожным» и др. под. Ср. у Достоевского употребление *архи-* даже при глаголе: «Я соврал, архи-соврал» * («Подросток»). Приставки *сверх-*, *ультра-* так и не вышли за пределы публицистического и научно-технического языков, да и в политической литературе приставка *ультра-* связана, по большей части, с очень узкой группой слов (*ультралевый*, *ультрареакционный*, *ультрарадикальный*, *ультраконсервативный* и т. п.). В книжно-публицистических и научно-технических стилях современного русского языка гораздо более продуктивна приставка *сверх-*. Она получила особенное распространение в эпоху социалистической революции под влиянием немецкого über- или ober-. Например: «сверхкаторжная работа» (Луначарский), *сверхобычная тупость; сверхнизкие температуры; сверхмощная электростанция; сверхкрупные совхозы; сверхскоростные полеты; сверхкурьезное приключение* и т. п. [67].

Таким образом, элятивное значение формы превосходной степени очень близко подходит к категории субъективной оценки. Форма элятива все больше втягивается в круг экспрессивных синонимов, служащих для субъективного выражения предельной степени качества **.

Другое значение формы на *-ейший*, *-айший* — значение с у п е р л я т и в а (superlativus) — однородно с значением описательной формы превосходной степени (*самый* + имя прилагательное), но имеет больший оттенок книжности. Это — значение высшей степени качества, присущей какому-нибудь выделенному (или выделенным) из группы, ряда, среды лицу (лицам) или предмету (предметам) по сравнению с другими. Употребление формы превосходной степени в этом смысле не вполне синтетично. Качественное превосходство лица и предмета над той категорией, из которой они выделяются, выражается посредством предлога *из* и родительного падежа имени существительного (например, *талантливейший из пианистов*), реже — посредством предлога *между* с творительным падежом и предлога *среди* с родительным падежом. Предлог *из* служит наряду с суффиксом *-айш-*, *-ейш-* формальным признаком превосходной степени в собственном смысле. *Из* является не только п р е д-

---

* Необходимо отметить, что в разговорной речи возможно присоединение приставки *архи-* к форме превосходной степени на *-ейший*, *-айший*, например: *архискучнейший*, *архигнуснейший* и т. п.

** Ср. замечания об употреблении форм сравнительной степени на *-ейший* и *-айший* в значении превосходной степени у А. В. Б о л д ы р е в а в статье «Нечто о сравнительной степени» («Труды Общества любителей российской словесности», 1819, ч. XV, стр. 119—141).

л о г о м в отношении существительных, обозначающих превосходимые по качеству предметы и лица, но и п о с л е л о г о м для самой формы суперлатива. Лишь совокупность синтаксических признаков отделяет это употребление формы превосходной степени от элятивной (т. е. от выражения предельной степени качества безотносительно к сравнению). Например: «После трехлетней, мучительнейшей и реакционнейшей из войн» (Ленин, XV, 1922, 257) и т. п. Это значение грамматической традицией закреплено за формой превосходной степени как основное.

Третье, редкое, почти вымершее в современном литературном языке, даже в его канцелярских стилях, значение формы на *-ейший*, *-айший* — это значение сравнительной степени. В этом значении форма на *-ейший*, *-айший* синонимична с описательной формой сравнительной степени (*более* + прилагательное), но отличается от нее резким отпечатком книжной архаистичности, устарелости. Это значение формы на *-ейший*, *-айший* древнее. Оно выражалось и раскрывалось не только общим контекстом, но и лексико-синтаксическими средствами в виде усилительных или количественных наречий (например, *еще*, *гораздо*, *значительно*) или союза *чем*, или — при особенно архаическом стиле — в виде формы родительного падежа существительного, обозначающего тот предмет, с которым сравнивается другой по степени качества. Например: «Образ Пушкина является в новом и еще лучезарнейшем свете» (Белинский). «Тавля... залепил оглушительную плюху своему врагу, но в ответ получил еще здоровейшую» (Помяловский, «Очерки бурсы»). «Это создание... несравненно чистейшее и безупречнейшее, чем мы с вами» (Достоевский). «Ко мне нельзя, — вскричала она еще в сильнейшем испуге» (Достоевский, «Униженные и оскорбленные»). «Не только полнейшего (т. е. большего. — *В. В.*) безобразия трудно было встретить, но и такого большого» (т. е. такого растянутого). «Лицо его было в полтора раза больше обыкновенного» (Герцен, «Былое и думы»). «Вкусная налимья уха и еще вкуснейшие пироги с налимьими печенками» (С. Аксаков, «Семейная хроника»). «После второго, еще сильнейшего дуновения, он вскочил, как сумасшедший» (Помяловский, «Очерки бурсы»). «Инстинкты его достигали размеров гораздо страшнейших» (Лесков, «Смех и горе»). «Я поступил в острог зимой и еще не имел понятия о летней работе, впятеро тяжелейшей» (Достоевский, «Записки из Мертвого дома»). «Я... легкомысленно разбил сосуд, в тысячу раз драгоценнейший» (Тургенев, «Фауст») и т. п. В стилях современной газетной и научной речи такие формы еще встречаются, хотя и очень редко. В высшей степени показательно, что уже в первой четверти XIX в. консервативный поклонник сентиментального стиля кн. П. И. Шаликов должен был защищать употребление форм сравнительной степени на *-айший*, *-ейший* («Я не видел мест красивейших» и т. д.) против распространявшейся замены их несклоняемыми формами на *-ее* («Я не видел мест красивее» и т. д.) [68]. Пуристы второй половины XIX в., напротив, осуждали употребление форм на *-айший*,*-ейший*

в значении сравнительной степени, особенно в сочетании с родительным падежом зависимого существительного, как «крайне неутешительный» церковнославянизм [69].

Таким образом, семантико-синтаксическая структура превосходной степени переживает сложный процесс. Происходит отчасти семантическое сближение формы на *-ейш-*, *-айш-* с категорией субъективной оценки (элятив), отчасти аналитическое распространение ее предложными конструкциями.

Несколько иную картину представляет употребление непродуктивных, сохранившихся в скудных остатках форм на *-ший*, которые (если не считать архаизма *горший*) располагаются антонимическими, контрастирующими парами. Одни из этих форм, как *бо́льший*, *меньший* (а также архаическое *горший*), употребляются только в значении сравнительной степени и притом обычно в узком, ограниченном фразеологическом контексте, например, в сочетании с абстрактными словами: *с бо́льшим вниманием; из двух зол выбирать меньшее* и т. п.; со словом *часть: проводить бо́льшую часть времени за работой, в большей части районов;* ср. *по большей части; меньший* — очень часто с отрицанием *с неменьшей тщательностью* и т. п. Любопытны идиомы: *самое большее, самое меньшее.* Они выступают как разговорные синонимы слов *максимум, минимум* в модальном (количественно-определительном) их употреблении. Некоторые другие слова на *-ший*, кроме всех трех значений: элятива, суперлятива и сравнительной степени (компаратива), обладают дополнительными лексическими значениями, выходящими из круга степеней сравнения. Таковы слова: *высший, низший.* Ср., например, у слова *высший* значения: 1) следующий за средним: *высшая школа, высшее образование* и т. п., 2) аристократический (устарел.): *высший тон, высшее общество* и т. п. Ср. также у слова *высший* отсутствие соотносительности с *высокий* в значении — самый главный: *высшее начальство, высшее командование, высшая власть* и т. п. Ср. *низшее духовенство, низшая школа.* С другой стороны, вот примеры употребления форм *высший* и *низший* для выражения безотносительной превосходной степени качества: *папиросы высшего качества, высшая честь, высшая похвала, высшая мера наказания, низший сорт чая* и т. п. Значение сравнительной степени отчетливо выступает только при противопоставлении или сопоставлении: *высшие и низшие сорта чая* и т. п. В других условиях употребляются описательные формы сравнительной степени: *более высокий сорт, более низкие качественные показатели* и т. д.

Слова *младший, старший* совершенно утратили оттенки степеней сравнения. Они не соотносительны с *младой (молодой)* и *старый.* Ср., например: *младший помощник надзирателя, старший хранитель, старший научный сотрудник, младший сын* (если сыновей больше двух), *старший сын, старший в команде, в старших классах, книги для детей старшего, среднего и младшего возраста* и т. п. Но ср. у Герцена в «Былом и думах»: «У моего отца был еще брат, старший обоих»; также у Пушкина в «Братьях разбойниках»:

«Я старший был пятью годами» и т. п. Впрочем, при подчеркнутом сопоставлении и сравнении значение сравнительной степени, поддерживаемое формой *старше*, может и теперь выступить в словах *старший*, *младший*. Например, при наличии только двух сыновей в семье, выражение *старший* (или *младший*) *сын* приобретает в определенной ситуации сравнительное значение (но при многих детях за *старшим* следует *второй*, *третий* и т. п., вплоть до *младшего*; при трех за *старшим* — *средний*, следовательно, в этих случаях *старший* и *младший* совсем теряют оттенок сравнительной степени).

Наконец, слова *худший* и *лучший*, совмещая все три значения форм на *-ейш-*, *-айш-*, легко сочетаются с усилительной формой *самый*, например: *привет и самые лучшие пожелания; самое худшее, что только можно себе представить* и т. п. [70]. По отношению к *лучшему* и *худшему* никакое усиление качества не кажется преувеличенным.

Кроме того, необходимо подчеркнуть отсутствие полного смыслового параллелизма между *лучший* и *хороший* — *лучше;* между *худший* и *плохой* — *хуже* (так же как и между *большой*, *великий*, *больше* и *больший;* между *малый*, *маленький*, *меньше* и *меньший;* между *высокий* — *выше* и *высший;* между *низкий* — *ниже* и *низший*)*. Ср. *лучший ударник;* ср. *лучший из людей* и *хороший человек* и т. п.

§ 16. Формы сравнительной степени на *-ее (-ей), -е, -ше*

Между формами на *-ейший*, *-айший* (а также на *-ший*) и формами на *-ее*, *-ей* и *-е* (а также на *-ше*) нет прямого грамматического и стилистического соотношения. В формах сравнительной степени на *-ее (-ей)*, *-е*, *-ше* отсутствуют признаки не только падежа, но и числа, рода, т. е. формы согласования. Эти формы сравнительной степени не заключают в себе ни малейшего привкуса книжности. По своей стилистической окраске они ближе всего подходят к описательным формам превосходной степени с *самый*. В формах на *-ее*, *-е*, *-ше* значение сравнительной степени не осложнено никакими дополнительными оттенками. Эти формы могут сочетаться с приставкой *по-*. Приставка *по-* обычно смягчает степень преобладания какого-нибудь качества в одном из сравниваемых предметов. Например, *люди победнее нас*, *ученики помоложе*. Но при безотносительном употреблении сравнительной формы, при отсутствии конкретных объектов сравнения приставка *по-* может значить: насколько возможно, с большей степенью чего-нибудь, чем обычно. Это значение особенно часто выступает в наречной форме сравнительной степени. Например: «Я поскорее выбрался из кибитки» (Пушкин, «Путешествие в Арзрум»).

* Ср. в «Молотове» Помяловского: «Лучших людей нет на свете; один худ, а другой лучше, а третий еще лучше; и наоборот, один хорош, другой хуже, а третий еще хуже — так без конца и без начала. Только самого худого не отыщешь и самого лучшего не отыщешь. Все лучшие и хорошие».

В сочетании с родительным падежом — *всего* или *всех*, форма сравнительной степени приобретает значение превосходной. Это фразеологическое сочетание выражает высшую степень качества посредством сравнительного противопоставления чего-нибудь или кого-нибудь всем прочим предметам в совокупности, и притом отнюдь не из одной и той же категории. Так возникает своеобразная сложная форма сравнительного элятива, не соотносительная с элятивом на *-ейш-*, *-айш-* [71]. К ней очень близко по значению употребление формы сравнительной степени в обобщенно отрицательных оборотах. Например: «Счастливей меня человека нету» (Чехов, «Три сестры»). «Ибо нет на земле ничего печальнее и противнее человека, подающего милостыню ближнему своему» (Горький, «Мещане»). «Добрее, великодушнее, лучше вас я не знаю человека и не может быть» (Л. Толстой, «Война и мир»). Следует заметить также, что при обобщенном, абсолютивном (т. е. независимом от прямого указания объектов сравнения) употреблении сравнительной степени количество признака вообще мыслится предельно высоким. Степень качества как бы усиливается до границ мыслимой возможности. Например: «Зиму и лето барон ходил в больших калошах, чтобы сапоги были целей» (Чехов); «Погода к осени дождливей, а люди к старости болтливей» (Крылов) и др.

Так как формы простой сравнительной степени не имеют ни рода, ни числа, ни падежей, то формальная грамматика то относит их к наречиям, то выделяет в самостоятельный класс слов. Это неверно. Выступая в функции имени прилагательного, формы сравнительной степени понимаются всеми как формы того же слова, что и положительная степень. На фоне этой соотносительности в них ярко выступают грамматические значения имени прилагательного. Кроме того, как среди существительных, так и среди прилагательных есть слова, лишенные внешних морфологических примет своей категории, но синтаксически и семантически настолько определенные, что отнесение их к той или иной части речи не вызывает никаких сомнений. Таковы имена прилагательные несклоняемые и не изменяющиеся по родам и числам. Например: *платье беж*, *цвет беж*, *цвет хаки*. Ср. у Тургенева: «Рядом с нею сидела сморщенная и желтая женщина лет 45, декольте, в черном токе» («Дворянское гнездо»; ср. *декольте* в значении существительного, а также ср. причастие *декольтированный*); у Писемского: «В пике безукоризненной белизны жилете» («Тысяча душ») и т. п. Точно так же несомненно, что формы сравнительной степени на *-ее*, *-е* и *-ше* — это формы имени прилагательного, если они выполняют все синтаксические функции прилагательного. Однако вопрос о грамматическом существе формы сравнительной степени гораздо сложнее. Эти формы гибридные, скрещенные. Они отходят на периферию категории имен прилагательных.

Своеобразное грамматическое положение форм сравнительной степени, вроде *моложе*, *ярче*, *красивее* и т. п., определяется не только тем, что они несогласуемы и омонимически совмещают функции

имени прилагательного и наречия, но и тем, что они — в отличие от кратких форм имен прилагательных — не имеют значения времени. В самом деле, в формах сравнительной степени, употребляемых в качестве имен прилагательных, синтаксические функции полных и кратких форм имени прилагательного объединяются. Достаточно сопоставить два таких примера: «Сила, сильнее его воли, сбросила его оттуда» (Тургенев) и «Испытание было сильнее его терпения». Сначала может показаться, что формы сравнительной степени по своему синтаксическому употреблению ближе к кратким формам имени прилагательного, употребляемым в значении сказуемого (ср. однородность ударений: *краси́ва — краси́вее, стара́ — старе́е* и т. п.). Однако при более глубоком грамматическом анализе становится ясно, что краткие формы прилагательного тесно связаны с категорией времени, между тем как формы сравнительной степени сами по себе не имеют значения времени. Синтаксическое значение форм сравнительной степени, когда они употребляются в роли предиката, однородно с синтаксическим значением полных форм имени прилагательного. В выражении: *Что слаще меду?—слаще* вовсе не относится к настоящему времени, а обозначает вневременные отношения. Совершенно те же оттенки наблюдаются и в употреблении таких степеней сравнения: *уговор дороже денег:* «Лучше всего в поступке Безухого это то, что он сам оденется в мундир и поедет верхом перед полком» (Л. Толстой, «Война и мир»).

Твои пленительные очи
Яснее дня, чернее ночи.

(П у ш к и н, «Бахчисарайский фонтан».)

Связка *быть*, сочетаясь в прошедшем и будущем времени с формами сравнительной степени, выполняет в этой связи те же функции, что и в сочетаниях с полными формами имен прилагательных.

А ночь была тюрьмы черней,
И на дворе шумела буря.

(П у ш к и н, «Гусар».)

Ср. «День был ясный, солнечный после дождя» (Л. Толстой, «Война и мир»); ср. также: «Только смотри, дело вот какое: секретнейшее» (Сухово-Кобылин, «Свадьба Кречинского») и т. п. Яснее всего эти синтаксические свойства форм сравнительной степени проявляются в их определительном, аттрибутивном употреблении («Картины одна другой краше и соблазнительней затеснились в моем воображении» — Чехов, «Ночь перед судом»).

Таким образом, формы сравнительной степени чаще всего сохраняют в чистом виде свой прилагательный и наречный (т. е. свободный от грамматических форм времени) облик. Сочетаясь с формами «вспомогательного глагола» *быть*, они разделяют синтаксическую участь всех других категорий имен, но обычно не сливаются с этими фор-

мами от *быть* в неразложимое или неразрывное грамматическое целое, подобно кратким именам прилагательным (кроме случаев безличного употребления, например: *В лесу было еще страшнее*). Следовательно, они грамматически неотделимы от полных имен прилагательных и наречий. Эта двойственность их природы, обусловленная отсутствием форм согласования, ярко обнаруживается в их синтаксическом употреблении. Полное включение их в категорию наречий вступило бы в непримиримый конфликт с их синтаксическим употреблением в роли определений имени существительного. Порядок слов, синтаксические связи, оттенки интонирования и смысловые соотношения помогают различать два грамматических омонима: форму сравнительной степени прилагательного и форму сравнительной степени наречия. Ср., например: «Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни» (Пушкин, «Путешествие в Арзрум»). «Я с отчаянием думал, что нет на земле человека глупее и бездарнее меня» (Горький). «Один — статский, сухощавый и очень изящный, другой — военный, полный и попроще» (Чернышевский, «Что делать?»). «Молодой человек вскочил на ноги, но другой офицер, постарше, остановил его движением руки» (Тургенев, «Вешние воды»). «Из детей мне больше понравились самые маленькие: очень были милы и развязны. Постарше уже развязны с некоторой дерзостью» (Ф. Достоевский, «Дневник писателя»).

Живому, непредубежденному языковому сознанию трудно смешать эти формы прилагательных с наречиями (ср.: *говори попроще; противник поступил глупее и бездарнее, чем можно было ожидать* и т. п.).

Из обследования степеней сравнения можно сделать один общий вывод о грамматической системе современного языка. Распространение аналитических приемов в образовании степеней сравнения обеспечило качественно-относительному типу имен прилагательных широкую возможность изменения по степеням сравнения. Это говорит о тесном взаимодействии качественных и относительных значений в категории имен прилагательных. Но — вместе с тем — в этом явлении можно усмотреть доказательство того, что в современном русском языке предметные и отчасти глагольные основы приобретают все более сложные качественные оттенки. (Ср. выражения такого рода: *он более специалист, чем ты; самый опустившийся вид* и т. д.). Грамматическое господство имени существительного и глагола покоится не столько на процессе опредмечивания и оглаголивания других категорий (например, имен прилагательных, наречий), сколько на процессе все большего качественного усложнения самих понятий предмета и действия-состояния. Именно на этой почве вырастает в русском языке новая грамматическая категория — к а т е г о р и я с о с т о я н и я. На этой почве развиваются сложные семантические процессы в категории кратких имен прилагательных.

6. КРАТКИЕ (НЕЧЛЕННЫЕ) ФОРМЫ И ПРОЦЕССЫ ИХ ОТРЫВА ОТ КАТЕГОРИИ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

§ 17. Семантические основы категории кратких имен прилагательных в современном языке

Краткие формы присущи лишь тем качественным прилагательным, которые допускают видоизменение качества и превращение его в качественное состояние, протекающее во времени и приписываемое лицу или предмету. Качества, являющиеся неподвижными, постоянными, вневременными свойствами предметов или лиц или служащие терминологическими обозначениями признаков тех или иных родов и видов предметов, не могут выражаться краткой формой имени прилагательного. Грубо говоря, в кругу имен прилагательных лишь временные эпитеты, лишь обозначения временных свойств имеют полную и краткую форму. Например, *глухой* в специальном терминологическом значении: закрытый наглухо, сплошной, без отверстий и щелей (*глухой ворот рубашки*, *глухая стена*, *глухие* — т. е. не решетчатые — *ворота*, *глухое окно*) не имеет краткой формы. И в другом терминологическом значении: произносимый без голоса (*глухой звук*), *глухой* тоже не допускает краткой формы. Мало того: в несвободных фразеологических сочетаниях типа *глухая провинция* или *глухая пора* тоже нельзя употребить краткую форму вместо полной (ср. *пора была глухая*). Лишены кратких форм и такие прилагательные, как *живой*, в значении: обладающий жизнью, одушевленный (*живая природа*, *живое существо*); *глубокий* — как постоянный эпитет к осени, зиме, ночи, старости (ср. *глубокая старость*; но в словосочетании *старость глубока* — слово *глубокий* выражает иной смысл: глубокомысленен, серьезен, содержателен); *жидкий* — в отличие от твердого и газообразного (т. е. в значении: имеющий свойство течь, например, *жидкие тела*); *косой*—в роли постоянного эпитета: с идущим наискось разрезом глаз (например, *косой заяц*); *известный* — в местоименных значениях: 1) кое-какой, некоторый, тот или иной (например, *при известных условиях*, *после известного колебания* и т. п.) и 2) некоторый, такой, что нежелательно назвать (ср. у Пушкина в «Выстреле»: «Кто-то писал ему, что известная особа скоро должна вступить в законный брак»); *голый* — в значении: беспримесный, чистый, один только (например: *голый спирт*, *голые цифры*, *голая истина*, *голые факты*); *дикий*: 1) в разговорно-фамильярном употреблении со значением: очень сильный, например, *прийти в дикий восторг* от кого-нибудь или от чего-нибудь (в выражении: *его восторг был дик* — слово *дикий* получает иное значение: необузданный, неистовый); 2) в профессиональном, политическом языке со значением: не входящий ни в какую профессиональную организацию (например, *дикие артели*). Бессчетное множество других качественных прилагательных не соотносительно с краткими формами или вовсе не имеет их. Ср. *злой* (для обозна-

чения высшей степени какого-нибудь отрицательного явления), например: *злая бессонница, злая ругань;* ср. также качественно-относительные значения слова *злой* (связанный со злом или проникнутый злом), например: *злое начало, злая воля, злой умысел, злое чувство.* В одном и том же имени прилагательном диференцированы лексические значения полных и кратких форм.

Имена прилагательные со значением эмоционально-качественной оценки и с яркой экспрессивной окраской обычно не образуют кратких форм. При эмоциональном отношении к лицу или предмету качество предоставляется вневременно присущим ему, характеризующим его природу. Например: *славный* (в значении: симпатичный, приятный); *бедный* (в значении: несчастный); *дорогой* (в значении: любезный, милый, любимый); *милый* (в значении: любезный, внушающий расположение) и многие другие.

Различия лексических и лексико-синтаксических значений и оттенков, связанных с предикативным употреблением одних и тех же прилагательных в членной и нечленной форме, очень велики. Краткие формы обозначают качественное состояние, протекающее или возникающее во времени; полные — признак, мыслимый вне времени, но в данном контексте отнесенный к определенному времени. В сущности, при предикативном употреблении полных форм имен прилагательных происходит подведение тех или иных предметов под известные категории качества или признака, которыми определяются различия родов и видов вещей и лиц. Например: «Масти были любимые и нелюбимые, счастливые и несчастливые» (Л. Андреев, «Большой шлем»); совершенно иной смысл имеют те же слова в нечленной форме, например: «Он был счастлив и несчастлив». «Пчелы ему дались, рука у него была легкая» (Тургенев, «Хорь и Калиныч»); ср. *рука у него была легка.* «Да, мы, женщины, — жалкие существа, бедные мы», — сказала Верочка» (Н. Чернышевский, «Что делать?»); ср.: *мы бедны.* «Моя горничная сегодня какая-то бестолковая» (Тургенев, «Вешние воды»); ср. *она сегодня как-то бестолкова.* «Вот и этот тоже... какой славный, красивый офицер, и как добр» (Л. Толстой, «Война и мир»); ср.: *как славен и красив он!* «Все разошлись; дом пустой» (Гончаров, «Слуги старого века»); ср.: *дом пуст.* Ср. также: *он живой* и *он жив; он мертвый* и *он мертв* (ср. у К. Федина в «Городах и годах»: «Я больше всего боюсь, что пишу мертвой. Что ты — мертвая. Я не так выражаюсь. Что ты умерла уже...». И там же: «Небо стояло необычно высоко, и звезды на нем мертвы»). Ср. *хороший* и *хорош собой*: «Она и собой хороша» (Тургенев, «Дворянское гнездо»); *недурной* и *недурен собой*: «Настенька, напротив, была очень недурна собой» (Писемский); *свободный* и *свободен* (в таком, например, употреблении: «Вы — свободны, — сказал судья подсудимому». Ср. у Гончарова во «Фрегате Палладе»: «Писатель свободен пробираться в недра гор, или спускаться в глубину океана, или, пожалуй, на крыльях вдохновения скользить по ним быстро и ловить мимоходом, на бумагу, их образы»); *согласный* и *согласен*:

«Я согласен с мнением докладчика» или: «Я вот что предлагаю... Я согласен. — А я не согласна. — Почему же вы не согласны?» (Тургенев, «Завтрак у предводителя»); *плохой* и *плох*: «Он был очень плох, и по всему было видно, что теперь уже умрет скоро» (Достоевский, «Идиот»). Между краткими и полными формами имен прилагательных образуется все более глубокая семантическая грань. В краткой форме имени прилагательного значение качества переходит в значение качественного состояния. Краткие формы, при наличии известных условий, могут оторваться от полных форм имен прилагательных и переходить в другую грамматическую категорию (см. ниже главу о категории состояния). Таким образом, во многих случаях разрушается и лексическая цельность имени прилагательного, ранее объединявшего и полные и краткие формы.

Этому процессу грамматического обособления кратких форм не мешает даже развитие предикативности полных форм, наметившееся в XV—XVI вв. и особенно усилившееся с середины XVII в. [72]. Грамматическая и лексическая разница углубляется стилистическими различиями форм. Проф. Р. И. Кошутич обратил внимание на то, что в русском языке последнего времени употребление кратких форм прилагательных свойственно главным образом книжному языку, а в разговорной речи интеллигенции они обычно заменяются полными даже в функции сказуемого [73]. Например: *он — добрый* чаще говорится, чем *он добр; он весь красный* гораздо лучше, чем *он весь красен*. Эти мысли были затем развиты и углублены проф. А. М. Пешковским: «Краткая форма в ее исключительно предикативном значении есть явление чисто литературное. Это придает краткой форме оттенок большей книжности, отвлеченности, сухости, иногда категоричности, чем это свойственно полной форме» [74]. Эту большую книжность краткой формы А. М. Пешковский иллюстрировал очень ярким примером: «В «Трех сестрах» Чехова есть три однородных реплики: Ирина говорит Маше (во 2-м акте): «Ты, Машка, злая». Ольга говорит ей же (в 3-м акте): «Ты, Машка, глупая. Самая глупая в нашей семье. Извини, пожалуйста». Наконец, Маша говорит немного спустя (не в связи с предыдущим) Ольге: «Э, глупая ты, Оля». Все три реплики отнюдь не враждебны. Это — по-родственному, по-дружески. Но сказать *ты зла, ты глупа* есть уже оскорбление. *Ты зла* — это голое констатирование факта, к которому не идет дружеский тон и небрежно разговорный стиль. А все это связано с исключительной книжностью данной формы».

В это рассуждение следует внести существенную поправку. Утверждения Пешковского верны лишь в применении к таким случаям, когда полные и краткие формы вполне совпадают по своим лексическим значениям: «Ночи темные, собаки по переулкам лихие. Ой, лихи, лихи!» (Островский, «Бедность не порок»). Но и тут значение краткой формы может быть усиленным, более категорическим, так как ею выражается не постоянный, пассивный признак, мыслимый как общая, отвлеченная категория бытия, а

признак конкретный, переменный, развивающийся во времени, эволюционирующий. Если же обе эти формы семантически разорваны и лексически обособлены, оттенок книжности для краткой формы вовсе не обязателен. Кроме того, А. М. Пешковский не учитывает своеобразий обособленного и приглагольного употребления членных форм, тоже иногда носящего отпечаток книжности. Ср., например, у Л. Андреева: «Бледными тенями проходило прошлое, и было оно простое и странное до ужаса» («Весенние обещания»).

Сила в ней скажется
Несокрушимая.
(Некрасов.)

Грамматические особенности кратких форм прилагательных разрушают семантический и стилистический параллелизм между ними и полными формами. В кратких формах отсутствуют многие из основных значений полных прилагательных и развиваются свои особые значения, не находящие соответствий в полных формах. Ср. *подобный (подобное нарушение правил порядка нетерпимо)* и *подобен.*

§ 18. Грамматическое своеобразие категории кратких форм имени прилагательного

Семантический и стилистический отрыв кратких форм от полных, склонность кратких форм замкнуться в особую категорию обусловлены своеобразиями их грамматической природы. Прежде всего они не склоняемы. Четыре формы их — три родовых для единственного числа с окончаниями: нулевое, *-а*, *-э (-е)*, и одна для множественного числа: *-ы*, *-и (добр, -а, добро, добры; певуч, -а, -е, -и; живуч, -а, -е, -и; предостерегающ, -а, -е, -и)*, могут быть названы номинативами лишь в том условном смысле, в каком этот термин, например, приложим к формам прошедшего времени глагола (*я шел, ты шла, оно шло, они шли*). Близость кратких прилагательных в этом отношении к формам прошедшего времени на *-л* не случайна. Ведь они тоже имеют формы рода, числа и времени. Принадлежность кратких прилагательных к словам с формами времени (Zeitwort) и составляет их отличительную грамматическую черту. Формами времени краткие прилагательные больше всего отличаются от полных*. С этим отличием у кратких прилагательных связано отсутствие склонения. Таким образом, морфологические и синтаксические признаки категории прилагательного в кратких формах находятся в полуразрушенном состоянии. Не изменяясь по падежам, краткие прилагательные не могут определять другие формы существительных, кроме формы именительного падежа. Формы времени кладут резкую грань между ними и полными прилагательными, употребленными в той же функции.

* Проф. В. А. Богородицкий правильно указал на резкие тональные различия между высказываниями: *пример заразителен* и *пример заразительный* (в отсутствии и наличии паузы сказуемого).

Ср. значение соотносительных полных и кратких форм в предложениях: «И веселая, Верочка, я всегда веселая, и когда грустная, все-таки веселая, — правда» (Чернышевский, «Что делать»). Ср. «Ну пальцем не трону, только завтра чтоб была весела» (Чернышевский). Ср. «Она больная, капризная, нежная» (Пушкин.) «Да, вот хорошо будет, когда бедных не будет... все будут веселые, добрые, счастливые» (Чернышевский, «Что делать?»). Ср., например, *мать больна* и *мать больная*; *ногти у него грязны* и *ногти у него грязные*. «*Больна*, *грязны*, — пишет акад. А. А. Шахматов, — означают признак во времени (теперь, в настоящее время), *больная*, *грязные* означают признак постоянный, тесно сочетавшийся с субстанцией» [75]. По словам А. А. Шахматова, «представляется вероятным, что такая диференциация вызвана отчасти влиянием форм прошедшего времени, возникающих из причастий, форм прошедшего времени действительного залога на *-л* и страдательного на *-н*, *-т*» [76].

Сближение кратких форм прилагательного с глаголом и, наоборот, резкое отличие их от полных форм прилагательного обнаруживается и в приемах согласования их с местоимением *вы* при вежливо-уважительном обозначении одного постороннего лица. Для современного языка общее правило такое: сказуемое, выраженное существительным или членным прилагательным, ставится при местоимении *вы*, обращенном к одному лицу, в единственном числе; а сказуемое, выраженное глаголом или нечленным прилагательным, согласуется с *вы* во множественном [77]. Например: «Вы сегодня не такой, каким я Вас видела до сих пор» (Тургенев, «Дворянское гнездо»). Но: «Она хороша собой, вы влюблены в нее?» (Чернышевский, «Что делать?»).

Прежде — до середины XIX в. — в устной речи, при известной экспрессии, и существительные и полные формы прилагательного в сказуемостном их употреблении могли облекаться в формы множественного числа. Например:

Вы повели себя исправно,
Давно полковники, а служите недавно.

(Грибоедов, «Горе от ума».)

«Вы — насмешники, лишь бы только посмеяться над провинциальными» (Гоголь, «Ревизор»). «Вы и до скотины охотники? — «Охотник» (Сухово-Кобылин, «Свадьба Кречинского»).

Уже Востоков выделял нечленные формы качественных прилагательных и страдательных причастий в особую группу спрягаемых прилагательных («Русская грамматика», § 32), отмечая, что «качественные *рад*, *горазд* имеют одно спрягаемое окончание» (стр. 41). Вместе с тем Востоков решительно отличает от спрягаемых прилагательных прилагательные с усеченным окончанием (например, народно-поэтические: *бел горюч камень*, *част ракитов куст*): «Сих усеченных окончаний не должно смешивать со спрягаемыми окончаниями имен качественных, которые от усеченных окончаний отличаются по большей части и ударением. Например:

спрягаемые:	усеченные:
красно́	кра́сное солнце
сине́	си́не море
белы́ руки	бе́лы руки

Ср.: *светел месяц*, *ясен сокол*» (§ 43, стр. 62) *.

---

* Взгляд Востокова не нашел сочувствия у русских грамматистов, кроме Ф. И. Буслаева и Я. К. Грота. Но несомненно, что в поэтическом языке XVIII в. и первой трети XIX в. различались стяженные (усеченные) и нечленные в собственном смысле формы имен прилагательных. Востоков очень упрощает и схематизирует отношения между спрягаемыми и усеченными прилагательными. Повидимому, эта диференциация, поддерживаемая различиями в уда-

Востоков же указал и на значение категории спрягаемых прилагательных — «показывать состояние или качество предмета, не зависящее от действий» (§ 58, стр. 80).

Акад. А. А. Шахматов в своем «Очерке современного русского литературного языка» идет по стопам Востокова. Он включает краткие «спрягаемые» прилагательные и причастия в систему глагола [78]. Он сопоставляет предикативно-именные формы на *-о (здесь весело, мне тошно, ему больно)* с безличными глаголами (стр. 154). А. А. Шахматов находит в этих разрядах слов категории лица и времени. Настоящее время именных спрягаемых слов определяется отсутствием формы вспомогательного глагола: *они веселы, он тронут, она ранена.* Прошедшее и будущее время их «определяется наличностью при спрягаемом слове вспомогательных глаголов в формах соответствующего времени» [79] *(он был тронут, он будет тронут, мы были рады этому событию).* Таким образом, грамматическим признаком этого разряда слов А. А. Шахматов признал формы времени и находящуюся в связи с ними синтаксическую функцию сказуемости. А. А. Шахматов применяет к кратким формам прилагательных термин «прилагательные-сказуемые» (стр. 140). Этим прилагательным-сказуемым свойственны формы лица. Об этом А. А. Шахматов вслед за А. А. Востоковым писал так: «В спряжении имен прилагательных и причастий различаются десять лиц, семь — для единственного числа и три — для множественного, причем в единственном числе три лица мужского рода, три лица женского рода и одно (третье) лицо среднего рода. Различия между этими формами образуются посредством присоединения к прилагательным и причастным формам восьми местоименных форм (*я* — для мужского и женского, *ты* — для мужского и женского, *он, она, оно, мы, вы, они*)».

Вместе с тем А. А. Шахматов подчеркивал формальные отличия этого типа слов от форм прошедшего времени глагола, заключающиеся: 1) в наличии форм всех трех времен, 2) в окончании множественного числа *-ы (веселы, пухлы)*, обозначающем пассивное состояние, в отличие от *-и (веселились, пухли)*, обозначающем активно-личное действие [80].

рениях, была обусловлена синтаксически. «Спрягаемые» имена противопоставлялись «склоняемым». Любопытно такое противопоставление у А. К. Толстого: «Днепра ж светлы́ стремнины», но:

И све́тлы, как заря,
Два славные предстали пред ним богатыря.

(ср. В. И. Чернышев, Русское ударение, СПБ 1912, стр. 68).

Естественно, что грамматическое влияние полных форм на морфологический облик усеченных особенно сильно должно было сказываться, когда они выступали в функции согласованного определения, не зависимого от форм времени. Ср. у Пушкина: «версты полосаты», «печальны тучи», «коварны очи», «знаменья небесны», «проснулись рощи молчаливы» и т. п.; у Лермонтова: [Скалы] «таинственной дремоты полны»;

Идут все полки *могучи*,
Шумны, как поток («Спор»).
Но, *полно* думою преступной,
Тамары сердце недоступно
Восторгам чистым («Демон»).

Употребление косвенных падежей от кратких форм в современном стиховом языке ощущается как стилизация археологического или этнографического, народно-поэтического характера. Ср., например, у И. Сельвинского в «Улялаевщине»:

У Четыхи шапка — соболья душа,
На плечах кафтан — *ала* бархата.

Этот же взгляд ярко отразился и в «Синтаксисе русского языка» А. А. Шахматова. Указав на то, что нечленная форма прилагательного (не считая притяжательного) является почти исключительно в функции сказуемого, А. А. Шахматов прибавлял: «Вот почему нечленные формы прилагательного в именительном падеже носят название с п р я г а е м о й ф о р м ы; она грамматически сближается с причастиями на *-л*, получившими значение личных глагольных форм прошедшего времени, а также с причастиями страдательного залога на *-н*, *-т*, точно так же употребляющимися как личные глагольные формы. Различие между сказуемым-прилагательным в нечленной форме и членной зависит от того, что прилагательное в членной форме вызывает представление не только о наличности сочетания признака в тот или другой момент времени, но также о том, что этот признак характеристичен для субъекта вообще, почему он может быть выражен как его определение» [81].

Таким образом, А. А. Шахматов склонен был видеть в кратких формах имени прилагательного особую грамматическую категорию. Но влияние А. А. Потебни и Ф. Ф. Фортунатова* направило последующих грамматистов по более традиционному пути.

Определяя грамматические функции кратких, нечленных, предикативных прилагательных в русском языке (сравнительно с немецким), А. А. Потебня пришел к выводу, что в нечленных формах сохраняется основная черта категории имени прилагательного — согласование: «Когда же язык уничтожает согласование, то тем самым он отвлекает признак от субъекта. Говоря a priori, в русском такое отвлечение могло бы произойти двояко: или посредством превращения прилагательного в существительное, или посредством перемещения центра его тяготения от субъекта к предикату, т. е. посредством отнесения признака к категории наречия (adverbium). Последнее действительно находим в сравнительной степени *(снег белее бумаги*, как *бумага белее снега)* и в деепричастиях» [82]. Но русские краткие формы, не теряя согласования, остаются в рамках категории имени прилагательного.

Вслед за Потебней пошел А. М. Пешковский. Характеризуя краткие формы как имена прилагательные беспадежные и присвязочные (т. е. употребляемые только в значении сказуемого), проф. Пешковский заявлял, что краткое прилагательное «предикативно само, по самой форме своей, морфологически предикативно». «И ни порядок слов, ни ритм, ни интонация, ни какие-либо другие вспомогательные признаки не играют здесь уже ровно никакой роли. В сочетании, например, и *равен был неравный спор* полная форма создала бы бессмыслицу»**.

А. М. Пешковский отмечал такие признаки сказуемости в кратких формах имен прилагательных:

1) сочетание с «обстоятельством» (*был так добр*, но *был такой добрый*; ср. *какой он был добрый*, но: *как он был добр*) [83];

2) развитие предложных способов управления: *он был готов на все*; *он был способен на обман; он был склонен к пьянству* и т. п.;

3) оттенки значений времени [84]. «В сочетаниях *он был способный*, *он был больной* и т. п. форма времени в связке указывает на целый период деятельности подлежащего, а отдельного момента этой деятельности обозначать не может. Сочетания же *был болен*, *был способен* и т. д. одинаково подходит и для того и для другого: можно сказать и *он был болен* и *он был в тот момент болен*; значит, полное прилагательное своей прилагательностью, своей

---

* Впрочем, последователи Фортунатова, не задумываясь над сущностью разных грамматических категорий, сбили в кучу «родовых» слов и членные и краткие прилагательные, и формы прошедшего времени глагола.

** Мне кажется правильной мысль, что в предикативном значении «полные прилагательные несколько субстантивируются; они получают какой-то оттенок предметности»; ср. сочетание их с местоименным прилагательным *какой*; например: «Тьфу, какой ты безотвязный!» (Крылов). Ср. также: «Он такой рассеянный» (Пушкин).

пассивностью уменьшает активность формы времени в связке, краткое же прилагательное такого влияния не оказывает».

Анализ синтаксических функций кратких форм приводит Пешковского к тому выводу, что краткое прилагательное «осказуемилось», но не «оглаголилось». «В сочетании *был ленив* прилагательность слога *ленив* мощно дает себя знать... Как человек, летящий на аэроплане с помощью посторонней силы, вложенной в его машину, не превращается в птицу, а остается все тем же тяжелым, не способным к полету человеком, так и прилагательное, подкрепленное глагольной силой слова *был*, остается все тем же прилагательным, с тем же значением постоянства и неподвижности» (стр. 218). Но, с другой стороны, в тех же формах А. М. Пещковскому чудились иные грамматические горизонты: «Здесь язык начинает выходить за пределы глагольности и начинает выражать в своей мысли отношение сосуществования, обычно открываемое только надъязыковым мышлением»[85]. Так, противореча самому себе, А. М. Пешковский находит в кратких формах имени прилагательного «новый способ выражать человеческую мысль», иными словами: новую грамматическую категорию. Проф. Л. В. Щерба назвал ту категорию, к которой склоняются краткие формы имен прилагательных, категорией состояния. Таким образом, большинством ученых отмечалась в кратких, или нечленных формах имен прилагательных двойственность грамматических признаков. Одни из этих признаков (приемы словообразования и формы согласования) являются общими у кратких и полных форм и неразрывно связаны с категорией имени прилагательного. Другие грамматические признаки (несклоняемость, формы времени, близость к глаголу в приемах синтаксического употребления) резко отличают и отдаляют нечленные, краткие формы от категории имени прилагательного. Понятно, что те краткие формы, в которых эти диференцирующие признаки получают перевес, отпадают от категории имени прилагательного и образуют самостоятельный грамматический класс. Таковы, например, слова: *горазд*, *рад* (ср. отсутствие членных форм типа *горазды́й*, *ра́дый*) и другие подобные (см. главу о категории состояния). Другие же краткие формы, сохраняющие свою связь и соотносительность с членными, не выпадают из категории имен прилагательных, хотя и располагаются на ее периферии, далеко от центра. Они являются грамматически гибридным разрядом форм, в которых синтаксические свойства имени прилагательного не только ограничены, но и осложнены ростом новых функций. Большая часть кратких прилагательных не перестает быть формами одного слова с прилагательными полными. Кроме соотносительности в основах, в формах рода и числа, их удерживает в пределах категории прилагательных способность быть «обособленным» определением к существительному. В этой функции краткие формы тесно связываются с соответствующими полными. Больше того: сами полные, членные формы, выступая в функции полупредикативных, обособленных слов, как бы приближаются к кратким формам. Иллюстрацией могут служить такие параллели в употреблении полных и кратких форм:

И солнце, *кругло* и *бездушно*,
Как желтое око совы,
Глядело с небес равнодушно
На тяжкие муки вдовы.
(Некрасов, «Мороз — Красный нос».)

Ср.: *солнце, круглое и бездушное...* или: *круглое и бездушное солнце.*

Такое полупредикативное употребление кратких форм сближает их с полными и является ярким грамматическим признаком их прилагательности. До тех пор пока соответствующая краткая форма употребляется не только как сказуемое, владеющее формой времени (Zeitwort), но и как качественное определение (хотя бы приглагольное и интонационно обособленное), она еще не порывает связей с классом имен прилагательных. Только полная невозможность употребить такую форму в иной функции, кроме сказуемостной, является симптомом окончательного разрыва ее с категорией имени прилагательного и перехода в другую грамматическую категорию. Обособленно-

приглагольное употребление кратких форм имени прилагательного сохранилось преимущественно в книжном языке и особенно в стиховых его стилях, но оно не вполне чуждо и разговорной речи. Вот несколько примеров из разных стилей:

И смотришь — она
Жемчужиной крупной застынет,
Бела, и *кругла*, и *плотна*.

(Некрасов.)

Как исполин в ночном тумане,
Встал новый год, *суров* и *слеп*.

(Брюсов.)

Зардели, *красны*, *буры*,
Клоки косматых трав, как пряди рыжей шкуры.

(М. Волошин.)

Могил и крушений сосчитано много,
А полюс стоит *неприступен* и *стар*.

(Всев. Рождественский, «Викинг».)

Я вот
хожу
весел и ленив.

(Маяковский, «Протестую!»)

Ср. у Ф. Достоевского: «Да чего ты грустен сидишь?..» («Братья Карамазовы»). «Обладатель плаща с капюшоном был молодой человек, тоже лет двадцати шести или двадцати семи, роста немного повыше среднего, *очень белокур*, *густоволос*, со впалыми щеками» («Идиот») и т. п.

§ 19. Морфологические ограничения в образовании кратких прилагательных

Судьба кратких имен прилагательных показывает, что понятие качественного признака в современном русском языке тонко дифференцировано. Выражение постоянного, мыслимого вне ограничений времени признака — основная функция имени прилагательного. Значение качественного состояния, мыслимого в формах времени, уже несколько выходит за пределы имени прилагательного. Полные прилагательные даже в предикативном употреблении обозначают, что признак в предмете пребывает постоянно, что существование признака охватывает весь период бытия предмета. Напротив, краткие прилагательные выражают, что признак в предмете пребывает непостоянно, является временным его состоянием.

Это разграничение понятий постоянного признака и временного качественного состояния было связано с развитием разряда имен прилагательных синкретического, качественно-относительного типа. Именно в этом типе взаимодействие и смешение полных и кратких форм было особенно разнообразным и сложным. Различия лексических значений определяли круг употребления краткой и полной форм одного и того же слова.

Таким образом, разряды имен прилагательных, совмещающих качественные и относительные значения, стали семантическим центром категории имени прилагательного. В связи с этим роль отно-

сительных прилагательных возросла. На это были и свои морфологические причины. Ведь относительные прилагательные, означая постоянное, неподвижное свойство, вытекающее из самой природы предмета, употребляются преимущественно в членной форме. Это наблюдение было сделано еще Ломоносовым и вошло во все русские грамматики. В истории русского языка типы имен прилагательных, которые не образуют нечленных, кратких форм по своей, так сказать, морфологической природе, переживали сложную эволюцию. Так, в середине XIX в. К. С. Аксаков выделял из среды «прилагательных предметных сходственных» (т. е. относительных. — *В. В.*), не имеющих формы первообразной (т. е. краткой), группу прилагательных «свойственных» с суффиксом *-ск-* (*человеческий*, *дружеский* и т. п.). «Они также употребляются только в форме производной, членной, хотя первообразное (т. е. краткое), которое всегда как будто в уме, в идее воображается, здесь, по большему отдалению от имени, отчасти возможно» [86]. Любопытно, что у Гоголя в публицистическом стиле краткие формы прилагательных на *-ск-* еще употребительны. В современном языке они уже совершенно невозможны.

Таким образом, соотносительность полных и кратких форм имени прилагательного нарушается не только лексико-синтаксическими и стилистическими факторами, но и морфологическими. Некоторые морфологические типы имен прилагательных, имеющих качественно-относительное значение, не допускают параллельных кратких форм. Таковы, например, многие качественные прилагательные с суффиксом *-но́й: продувно́й*, *проливно́й*, *площадно́й*, *наживно́й* (есть, однако, и качественные прилагательные на *-ный*, не имеющие кратких форм, особенно в женском и среднем роде, например: *дельный*, *цельный*, *старинный* и др.). Таковы же прилагательные с суффиксами *-ов-* и *-ск-* (кроме обозначений цвета на *-овый*, например, *багровый*, *пунцовый* и т. п.). В подавляющем большинстве случаев они сохраняют основное относительное значение или след этого значения. Им присущ семантический оттенок типической «свойственности» лицам, предметам, даже при широком развитии качественных значений (например, *теневой*, *страдальческий* и т. п.). От них краткие формы вовсе не производятся.

Наиболее последовательны в этом отношении чистые типы относительного словообразования. Совсем не образуют кратких форм основные морфологические разряды относительных прилагательных, оканчивающихся на:

1) *-ий*, *-ья*, *-ье* (*волчий*, *лисий*, *рыбий*, *вдовий* и т. п.);

2) *-ний* (*летний; передний* и т. п.);

3) *-иный* (*воробьиный*, *соловьиный*, *гусиный*);

4) *-шний* (*сегодняшний*, *здешний* и т. п.);

5) *-янный*, *-яный* и *-енный* для обозначения отношения к веществу, материалу (*овсяный*, *кожаный*, *стеклянный*, *соломенный*) и т. п.

Таким образом, процесс выпадения кратких форм из состава категории имени прилагательного, процесс обособления их в

самостоятельную грамматическую категорию находит опору в этой типизации полного, членного облика прилагательного (на *-ый, -ая, -ое; -ий, -яя, -ее).*

7. ПРИЧАСТИЯ КАК КАТЕГОРИЯ ГИБРИДНЫХ ГЛАГОЛЬНО-ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ФОРМ. ПРОЦЕССЫ ОКАЧЕСТВЛЕНИЯ ПРИЧАСТИЙ

§ 20. Приемы и принципы смешения грамматических признаков глагола и имени прилагательного в строе причастий

Качественность имени прилагательного вневременна. Категория времени может быть лишь синтаксически вовлечена в круг значений имени прилагательного. Краткие формы имен прилагательных, сочетавшись с категорией времени, оказались в переходной грамматической зоне, смежной с глаголом. Между тем, непосредственно от глагола шел поток форм, внедрявшихся в класс имен прилагательных. Это — причастия, в которых глагольность выражается как окачествленное действие, приписанное предмету и определяющее его наподобие имени прилагательного. Естественно, что в причастии, которое не оторвалось от системы форм глагола, сохраняются основные семантические признаки глагольности, т. е. вид и залог. Принято также думать, что в разных типах современных причастий — в соответствии с различиями их глагольных основ и суффиксов — выражены значения настоящего и прошедшего времени (ср.: *пекущий* и *пекший; пишущий* и *писавший; надеваемый — надетый; развертываемый — развернутый* и т. п.). Итак, со стороны глагола в грамматическое строение причастий входят категории вида, залога и времени. Со стороны же имен прилагательных присоединяются сюда формы согласования в роде, числе и падеже, выражаемые аффиксами *-ый, -ий, -ая, -яя, -ое, -ее* и связанной с ними системой склонения. Так значение признака — относительного или качественного — сталкивается и сочетается с значением действия-процесса. Взаимодействие этих значений по-разному отражается в структуре разных грамматических типов причастий*.

§ 21. Словообразовательные типы причастий

Различия типов причастий обусловлены их глагольными свойствами, так как грамматические признаки имени прилагательного у всех причастий более или менее однородны. В причастиях система склонения подведена под общеприлагательный знаменатель. В зависимости от разных комбинационных сочетаний форм вида, времени и залога различаются шесть основных типов причастий, с подразделениями:

* Причастие многими современными грамматистами совсем отделяется от форм глагола, от его системы. Например, Louis Hjelmslev, Principes de grammaire générale, p. 308.

I. Типы причастий без аффикса *-ся:* 1) с суффиксом *-ащ- (-ящ-), -ущ- (-ющ-)* от основ несовершенного вида; 2) с суффиксами: а) *-вш-* и б) *-ш-* от основ как совершенного, так и несовершенного вида.

II. Типы причастий того же морфологического строения, но с конечным аффиксом *-ся* (т. е. *стыдящийся, стыдившийся, выдыхающийся, выдохшийся*).

III. Типы страдательных причастий: 1) с суффиксами *-м- (-им-, -ем-, -ом-)* от основ несовершенного вида; 2) с суффиксами *-нн- (-енн-, -анн-)* и *-т-* от основ как совершенного, так и несовершенного вида.

Вовлеченные в систему прилагательных, эти типы располагаются таким образом:

I. Действительные и возвратные типы причастия: 1) а) на *-ущий, (-ющий), -ащий (-ящий)* и б) на *-ущийся (-ющийся)* и *-ащийся (-ящийся);* 2) а) на *-вший, -ший* и б) на *-вшийся, -шийся.*

II. Страдательные причастия: 1) на *-мый (-емый, -имый, -омый),* 2) на *-нный (-анный, -енный)* и на *-тый.*

Нестрадательные причастия сравнительно редко образуют краткие формы. Правда, в современном книжном языке, в стилях художественной речи как будто начинают учащаться случаи употребления невозвратных причастий на *-щий* в краткой форме, например: «Штык его остр и предостерегающ» (А. Н. Толстой); «Евграф Жмакин, учитель танцев, был неизменно весел и летающ» (Леонов, «Барсуки»); ср. у Достоевского в «Идиоте»: «Взгляд... был что-то уж слишком пристален и испытующ»; у А. И. Левитова в отрывке «Заведение мужской, дамской и детской обуви»: «Как ни был мал и *дрожащ* этот свет, в его мигании все-таки замечалось нечто утешительное, веселое».

Впрочем, причастные прилагательные на *-щий* (т. е. окачествленные причастия) уже издавна обрастают краткими формами, но тоже главным образом в книжном языке и преимущественно в его литературно-художественных стилях (ср. *знающ, цветущ* и т. п.).

Напротив, краткие формы страдательных причастий широко употребительны в самых разнообразных стилях литературной речи.

Итак, прежде всего обозначается различие между невозвратными (действительными), возвратными и страдательными причастиями.

§ 22. Процесс окачествления возвратных и невозвратных причастий

В разряде нестрадательных причастий необходимо раньше всего выделить образования на *-ся*, возвратные формы причастий. Их резкое морфологическое отличие от прилагательных (т. е. конечное *-ся*), их залоговые значения служат препятствием к их окачествлению. Лишь полная грамматическая изоляция такого причастия от других форм того же глагола, включение его в круг чисто качественных значений может повлечь за собой нейтрализацию его глагольных свойств (ср., например, *выдающийся, опустившийся*

и особенно формы причастий с отрицанием *не-*, придающим слову ярко выраженный оттенок потенциального качества: *невытанцовавшаяся повесть*, *незадавшееся предприятие*, *неудавшийся актер;* ср. *неразорвавшаяся бомба;* «В нем кипела молодая, неуходившаяся кровь» (Шеллер-Михайлов, «Гнилые болота»). Ср. роль отрицания *не* в других типах причастий: *немудрящий; неунывающий обыватель; неприкрашенная нагота* и т. п.).

Употребление причастий на *-ся* в страдательном значении способно лишь укрепить и подчеркнуть их глагольный характер (особенно форм прошедшего времени несовершенного вида на *-вшийся*, *-шийся*, так как соответствующие страдательные формы с суффиксами *-нн*, *-т-* неупотребительны). Ср., например, *воздвигавшееся горсоветом здание.* Для суждения о силе глагольного начала в причастиях на *-ся* могут служить хотя бы такие примеры:

Немолчный, алчный, скучный хрип,
Тоскливый лязг и стук ножевый,
И *сталкивающихся* глыб
Скрежещущие пережевы.

(Пастернак, «Ледоход».)

«Скорчившаяся, с поношенным и вылинялым лицом старушонка» (Герцен, «Былое и думы»).

Понятно, что причастия на *-вшийся*, *-шийся* особенно редко поддаются качественному преобразованию.

Причастия без *-ся* также ярче всего выражают и крепче всего сохраняют свою глагольность в формах на *-вший*. В этих формах ощутимо отношение к прошедшему времени (ср. *минувший*). Прошедшее время как сильное время глагола сохраняет свое значение и в глагольных образованиях смешанного типа. Отношение к прошлому, при ярко выраженных видовых оттенках значения, усиливаемых приставками, устраняет возможность качественного преобразования*. Например: «Секретарь у фельетониста, пропотевшего до сорочки, делает из пятисот — полторы строчки» (Маяковский,

* О значениях времени в формах причастий хорошо сказал С. И. Соболевский: «Русское причастие, относительно обозначения времени, отчасти сходно с деепричастием, отчасти с изъявительным наклонением. Именно причастие настоящего времени по большей части означает действие, современное действию управляющего глагола, но иногда означает действие, современное моменту речи говорящего. Причастие прошедшего времени недлительного вида по большей части означает действие, предшествующее моменту речи говорящего, т. е. прошедшее. Впрочем, если управляющий глагол поставлен в настоящем или прошедшем времени, то причастие прошедшего времени недлительного вида означает вместе с тем и действие, предшествующее действию управляющего глагола. Но если управляющий глагол поставлен в будущем времени, то причастие прошедшего времени недлительного вида лишь в исключительных случаях может означать будущее действие, но предшествующее будущему действию управляющего глагола, а нормально оно в этом случае означает действие прошедшее, предшествующее моменту речи говорящего. Причастие прошедшего времени длительного вида употребляется в обоих указанных значениях, а именно: при управляющем глаголе прошедшего времени оно может указывать на действие, современное его дей-

«Газетный день»). «В эту ночь, как нарочно, загорелись пустые сараи, принадлежавшие откупщикам» (Герцен, «Былое и думы»). «Поцеловав его, наконец, в *покрасневшее* от наклоненного положения и синющее нежностью лицо, девочка разняла руки и хотела бежать назад» (Л. Толстой). Ср.: «Круглое лицо его было иззябшее и помятое» (А. Н. Толстой). Повидимому, причастия прошедшего времени на *-вший*, образующиеся от основ инфинитива на гласный (*чита-вший*, *написа-вший*, *усну-вший* и т. п.), а также от единичных глагольных основ на *д-*, *т-* (*упавший*, *напавший*, *приобревший*, *севший*, *укравший*, *евший* от *есть* и некоторые другие, но ср. *расцветший*, *приведший* и т. д.), выражают глагольные значения ярче, чем причастия прошедшего времени на *-ший*. В самом деле, большая часть окачествленных причастий прошедшего времени падает именно на формы с *-ший* от основ совершенного вида непереходных глаголов: *сумасшедший*, *падший*, *умерший*, архаическое *уснувший*, *прошедший*, *увядший* (*увядшее лицо*), *истекший* (*в истекшем году*, *за истекший день*) и т. п. Ср.: «Рот его был приоткрыт, и с отвислых полей шляпы на *промокшие* плечи капала вода» (Федин, «Города и годы»); «Парень, лет 40, с багровым, несколько *опухшим* и обрюзглым лицом» (Достоевский, «Бесы»).

Причастия на *-ший*, образующиеся от глагольных основ на согласный (в инфинитиве), непродуктивны. Они прикреплены к строго ограниченному кругу глагольных основ. Они все более и более утрачивают соотносительность с формами деепричастия, так как в разговорной речи, а под влиянием ее и в стилях книжного

ствию (наряду с причастием настоящего времени); но оно может указывать и на действие, предшествующее моменту речи говорящего, к какому бы времени ни относилось действие управляющего глагола. Примеры выражения одновременности с помощью формы причастия настоящего времени: *Я вижу, видел, увидел, увижу мальчика, несущего молоко.* Но в предложении *Я увидел* или *увижу мальчика, носящего нам молоко*, — *носящего* уже не обозначает действия, современного прошедшему или будущему, означает действие, современное моменту речи говорящего (т. е. настоящее в смысле постоянно совершающегося действия): *Я (у)видел* или *увижу мальчика, который носит нам молоко.* В предложении *Я вижу* или *(у)видел*, или *увижу мальчика, принесшего нам молоко* — *принесшего* обозначает действие, предшествующее моменту речи говорящего, т. е. прошедшее: *Я вижу* или *(у)видел*, или *увижу мальчика, который принес нам молоко.* Также и в предложении *Я вижу* или *(у)видел*, или *увижу молоко, принесенное нам мальчиком*, — *принесенное* означает действие прошедшее: *которое (было) принесено мальчиком.* Но в форме *Завтра мальчик принесет нам молоко, и я попробую принесенное им молоко* — *принесенное* означает действие будущее: *которое будет принесено мальчиком.* Но это случай исключительный: только из общего смысла фразы видно, что это действие предшествует действию управляющего глагола (*попробую*), но является будущим по отношению к моменту речи говорящего. В предложении *Я (у)видел мальчика, несшего молоко* — *несшего* обозначает действие, современное прошедшему *(у)видел*, и потому равно прошедшему: *Я (у)видел мальчика, который нес молоко*; здесь *несшего* = *несущего.* Но в предложении *Я вижу* или *увижу мальчика, несшего вчера молоко* — *несшего* не означает действия, современного настоящему или будущему, а означает действие, предшествующее моменту речи говорящего: *Я вижу* или *увижу мальчика, который нес вчера молоко*» (С. И. Соболевский, Грамматика латинского языка, 1939, стр. 318—319).

языка, деепричастия на *-ши* становятся малоупотребительными или вытесняются формами на *-я* типа: *привезя*, *выметя*, *сплетя*, *придя*, *унеся* и т. п. Словом, эти причастия все больше обособляются от системы других форм глагола. Это содействует их сближению с именами прилагательными, превращению в отдельные слова с качественным значением.

Однако легко заметить, что качественные значения развиваются лишь в тех причастиях на *-ший*, которые образованы от основ н е п е р е х о д н ы х глаголов совершенного вида (*обрюзгший*, *иссохший*, *опухший*, *раскисший вид* и т. п.). В причастиях категория времени тесно связана с категорией вида и до некоторой степени подчинена ей. Значение причастий видо-временное. Время причастий на *-вший* и *-ший* зависит не столько от времени основного глагола предложения, сколько от времени самого обозначаемого ими действия-качества. Но употребление причастий прошедшего времени от основ несовершенного вида синтаксически ограничено. Причастия прошедшего времени несовершенного вида в современном языке чаще употребляются при наличии в предложении глагольной формы прошедшего времени любого вида или формы будущего времени совершенного вида в значении прошедшего времени, реже при наличии форм настоящего времени и простого будущего в прямом значении и совсем редко — при форме будущего времени несовершенного вида. Например: «В другой раз желчь хлынет к сердцу и поднимет со дна недавно *бушевавшую* там ненависть» (Гончаров, «Обыкновенная история»).

Причастия прошедшего времени совершенного вида обозначают активный признак как результат осуществленного, законченного действия. Выражаемое этими причастиями действие-качество носит яркий отпечаток результативного значения совершенного вида. Вследствие этого причастия прошедшего времени совершенного вида могут свободно сочетаться с любым временем глагольного сказуемого [87].

Понятно, что чем резче выражено в причастии на *-вший* переходное значение, чем острее выступают в нем видовые оттенки действия, подчеркиваемые приставками и суффиксами, тем более преобладает в нем глагольность.

Глагольные значения очень сильно дают себя знать в причастиях на *-вший*, даже от глаголов с непереходным значением, и притом не осложненных количественными видовыми приставками и суффиксами (вроде *-ну-*). В причастиях же с переходным значением наличие объекта действия совершенно парализует возможность развития качественных значений.

Понятно, что причастия прошедшего времени не имеют кратких форм. Прошедшие причастия не могут мириться с категорией времени в том ее выражении, которое свойственно кратким формам имени прилагательного.

Совершенно иную картину представляют причастия на *-ущий*, *-ющий* и *-ащий*, *-ящий*, образующиеся от 3-го лица множественного

числа настоящего времени (но с переносом ударения на *-ащий (-ящий)* — соответственно ударению инфинитива, кроме слов *любящий, дышащий* и просторечно-областного *служа́щий*; но ср также *могущий*)*. При отсутствии резких количественно-видовых примет (например, суффиксов *-ыва-*, *-ива-*, особенно в сочетании с такими приставками, как *под-*, *при-*, *по-*: *покашливающий, позевывающий, приторговывающий* и т. п.), причастия на *-щий* легко приобретают качественные оттенки значения. Ведь они, в сущности, лишены формы времени. Обычно говорится, что причастия на *-щий* выражают одновременность с действием основного глагола или в сравнительно редких случаях — расширенное значение настоящего времени (т. е. значение неопределенно длящегося промежутка времени). Но этот взгляд вытекает лишь из отрицательного свойства самой формы: причастия на *-щий* сами по себе ни на прошедшее, ни на будущее время указывать не могут, они обозначают лишь наличный процессуальный признак. Соотносительно с причастиями на *-вший* их значение кажется значением настоящего, т. е. непрошедшего времени.

Особенно широко и свободно развиваются качественные значения в образованиях на *-щий* с непереходным значением или при устранении переходного значения. Например: *одуряющий запах, вызывающий вид; пронизывающий ветер; раздражающий тон; удручающее, ошеломляющее впечатление; блестящие способности; умоляющие глаза; угрожающее положение*; *испытующий взгляд*; *отталкивающий вид; ласкающие звуки; начинающий писатель*; *чарующая улыбка*; *волнующий (волнующие события, волнующий голос)*. Ср.: «Пикеты, разъезды, посты и отряды несут радостно свой блистательный, блестящий, *блещущий* долг» (К. Федин, «Братья»). Ср. у Тургенева в «Дневнике лишнего человека»: «Я вечно буду помнить это *пожирающее* внимание, эту нежную веселость, это невинное самозабвение, этот взгляд, еще детский и уже женский, эту счастливую, словно *расцветающую* улыбку, не покидавшую полураскрытых губ и зардевшихся щек».

---

* В стилях книжного языка, особенно официально-канцелярских и научно-деловых, которые склонны поддерживать прямолинейный логический параллелизм между употреблением причастных конструкций и употреблением личных форм глагола в относительных предложениях, были попытки образования причастий от основ совершенного вида на *-ющий, -ящий* (*-ющийся, -ящийся*) для выражения оттенков будущего времени, а на *-вший, -вшийся* (*-ший, -шийся*), с частицей *бы*, для выражения оттенков условного наклонения. Известно, что еще Гоголь пытался перенести такие формы из канцелярского языка на почву литературной речи. Проф. Д. Кудрявский писал во «Введении в языкознание» (1912, стр. 95): «В настоящее время в русском языке, повидимому, создается категория причастия будущего времени (совершенного вида); в языке оно уже нередко встречается, например:

Неумолима глубина
Под вами вскроющейся бездны».

Однако форма причастия будущего времени в норму литературной речи не вошла.

От причастий этого типа при ярко выраженном качественном значении иногда образуются и краткие, нечленные формы *.

Близость причастий на *-щий* к имени прилагательному проявляется и в усиливающейся склонности книжного языка к образованию сложных причастных слов с основой имени существительного в первой части, вроде: *товаропроводящая сеть; жаропонижающие, болеутоляющие средства; душераздирающий крик; хлеботоргующие организации* и т. п. Ср. у Салтыкова-Щедрина: «скотоутучняющий характер цивилизации». Этот способ словообразования поддерживается в литературном языке влиянием специальных, профессиональных диалектов. В чисто глагольных формах словосложение в русском языке может быть явлением лишь вторичного происхождения: оно может или отражать метод точного морфологического калькирования чужого, например греческого, слова (ср.: *благоволить*, *благоговеть* и т. п.), или перейти из именных основ (например: *благодетельствовать*, *руководить* и т. д.), или возникнуть в результате превращения синтагмы в одно слово *(заблагорассудиться)*.

§ 23. Процессы изменения страдательных причастий и их распадения на омонимы — причастия и прилагательные

Особенно далеко зашел процесс окачествления страдательных причастий. При этом причастия на *-нный* и *-тый* гораздо больше поддаются качественным изменениям и гораздо ближе к прилагательным, чем причастия настоящего времени на *-мый*.

Проф. Е. С. Истрина [88] указала на то, что страдательные причастия на *-мый* в современном русском языке продуктивны только в некоторых типах глаголов. Именно: эти причастия свободно образуются и довольно широко употребляются в стилях литературно-письменной речи от таких разрядов глаголов:

1) от переходных глаголов несовершенного вида на *-ать (-ять)* и *-вать*, чаще в сложении с приставками (например: *насаждаемый*, *перевыполняемый*, *подстрекаемый*, *собираемый*, *занимаемый*, *перечисляемый*, *объединяемый*, *засылаемый* и т. п.; *создаваемый*, *размываемый*, *издаваемый*, *перепродаваемый*, *сбиваемый* и т. д.);

2) от бесприставочных глаголов на *-овать* с формой 1-го лица единственного числа на *-ую* (вроде: *ликвидируемый*, *рекомендуемый*, *военизируемый*, *формулируемый*);

3) от небольшой группы кратных или «неопределенных» глаголов движения, осложненных приставками, но сохраняющих значение несовершенного вида (вроде: *ввозимый*, *привозимый*, *приносимый*, *произносимый* и некоторых других).

Гораздо менее употребительны причастные образования от глаголов несовершенного вида на *-ывать*, *-ивать* (вроде: *разбрасывае-*

---

* Ср. протест против их употребления в 70-х годах XIX в. у Николича («Филологические записки», 1877, вып. I, стр. 13).

мый, взвешиваемый, закладываемый, высокооплачиваемый, восстанавливаемый, вырабатываемый и т. п).

В других глагольных классах, например, от глаголов на *-итъ* (вроде *графитъ, белитъ* и т. п.), а тем более в непродуктивных глагольных группах причастные образования малоупотребительны. *Несомый, везомый, влекомый* и некоторые другие на *-омый* (ср. Пушкина: «грызомый») в живой речи почти совсем вымерли. Многие переходные глаголы вообще не образуют причастий на *-мый* (например: *шитъ, пороть, колотъ, мятъ* и т. п.). В книжной речи эти причастия на *-имый, -емый, -омый* употребляются обычно в таком синтаксическом контексте, который устраняет или ослабляет возможность их качественного понимания. Так, полные формы их нередко выступают в роли обособленного определительного члена и очень часто в сочетании с творительным падежом деятеля. Краткие же их формы употребляются преимущественно в газетно-публицистических, научно-технических и канцелярских стилях книжного языка. Однако и тут они применяются главным образом в сочетании с формою прошедшего времени «вспомогательного глагола» *быть*. *Франция была опустошаема войной и голодом* стилистически лучше, чем *Франция опустошаема войной и голодом* (ср. *Франция опустошается войной и голодом*). Сочетания кратких форм причастий на *-м(ый)* с будущим временем вспомогательного глагола также не очень употребительны и свойственны лишь книжному языку. Вообще же причастия на *-мый* представляют собою такой морфологический тип, в котором категория действия-состояния явно преобладает над оттенками качественной оценки и даже качественного состояния. Причастия на *-мый* означают длящийся пассивный признак — процесс. Осознание видо-временных оттенков причастия на *-мый* обостряется соотносительностью форм типа: *исполняемый, исполнявшийся, исполненный*, особенно в сочетании с творительным падежом деятеля *. Связь с творительным падежом деятеля или орудия действия усиливает глагольность этих форм **, которая, впрочем, и без того выражена ярко. Например: «Собираемая при убое кровь может быть перерабатываема или в пищу для изготовления колбас, или на выработку светлого и черного альбумина, клея, пуговиц» (Ю. Олеша, «Зависть»).

Нами ты была любима
И для милого хранима.

(П у ш к и н.)

---

* Ср. замечание проф. Н. К. Г р у н с к о г о: «Обозначение времени причастием при выражении этого времени формою глагола-сказуемого было в сущности лишним. На отсутствии необходимости обозначать причастными формами в подобных случаях временные оттенки основывается, мне думается, смешение в древнеславянском языке причастий на *-м-* и *-н-*, а также и потеря в причастии прошедшего времени страдательного залога его причастного характера и обращение в прилагательные» («Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков», Юрьев 1911, II, стр. 53).

** Ср. пример окачествления причастия на *-мый*: «На что похожи руки наши? Разве так машина уважаемая машет?» (Маяковский, «Протестую!»).

Страдательные причастия на *-нный* образуются от следующих глаголов: причастия на *-анный*, *-янный* от переходных глаголов на *-ать*, *-ять* (наст. вр. *-аю*, *-аю*), на *-енный* от глаголов на *-еть* (*видеть*, *просмотреть* и т. п.), на *-енный* и *-ённый* от основ на согласный в инфинитиве (с чередованием *г—ж*, *к—ч*), на *-енный* и *-ённый* с чередованием *ф*, *п*, *в*, *м—фл*, *пл*, *вл*, *мл*; *с—ш*; *з—ж*; *т—ч*; *т—щ*; *д—ж*; *д—жд*; *ст—щ* от глаголов на *-ить* (а также от глаголов с приставкой, произведенных от *-сидеть*: *высидеть*, *засидеть*, и т. п.; *-вертеть*: *навертеть*, *завертеть* и т. п. и *обидеть*). Причастия на *-тый* образуются от глаголов на *-оть*, *-нуть*, *-ыть*, а также на *-ать*, *-ять* при основе настоящего времени с носовым согласным (ср. так же *сдутый*) и от некоторых глаголов с односложным корневым элементом на *-еть*, *-ить*, а также от основ на *-р-* (в глаголах *простереть*, *тереть*, *перетъ* и производных). Например: ср. *колотый*, *вышитый*, *прожитый*, *простертый*, *спертый*, *расторгнутый*, *смятый*, *петый*, *надетый*, *тертый*.

В страдательных причастиях давно уже нарушен параллелизм между формами настоящего и прошедшего времени. А. А. Потебня так охарактеризовал этот процесс: «На свойственной нынешнему языку степени развития категорий совершенности и несовершенности глаголы совершенные не имеют причастия настоящего страдательного (равно как и действительного), вследствие чего мысль языка начинает роднить самое понятие о причастии прошедшем страдательном с совершенностью. Поэтому-то и, наоборот, причастие прошедшее страдательное от глаголов несовершенных более длительных как бы начинает выходить из употребления, по крайней мере в отдельных случаях; можно сказать: *был укоряем*, *упрекаем*, *обвиняем*, *распространяем*, *устраняем*, *сберегаем; было приобщаемо*, *сообщаемо к сведению*, но нельзя сказать: *был укорян*, *упрекан*, *было приобщано*» [89].

В современном языке причастия на *-нный* и *-тый* от основ несовершенного вида непродуктивны. Живые формы таких причастий немногочисленны: *читанный*, *писанный*, *надеванный*, *несенный*, *тертый*, *петый* и т. п. Основы несовершенного вида на *-а*, соотносительные с беспредложными основами вида совершенного на *-и*, не могут образовать такого причастия (ср. невозможность форм вроде: *бросанный*, *покупанный* и т. п., но: *брошенный*, *купленный* и т. п.) [90].

Проф. А. И. Томсон заметил, что в страдательных конструкциях «действие является скорее признаком состояния, получаемого от действия» [91]. По этой причине в страдательном спряжении настоящего и будущего времени глагол является обыкновенно в форме причастия прошедшего времени совершенного вида, так как обыкновенно только результат действия имеет значение для patiens [92].

Этими грамматическими причинами объясняется отсутствие соотносительных форм разного видо-временного значения у многих глаголов. Формы страдательных причастий часто оказываются не противопоставленными друг другу у одного и того же глагола.

Видо-временное значение таких форм легко стирается. В них усиливается тенденция к переходу в качественные прилагательные.

Причастия на *-нный* и *-тый* от основ совершенного вида в современном русском языке глубоко внедряются в грамматическую систему имен прилагательных. Многие из них ослабляют и даже вовсе утрачивают связь с глаголом. Известно, что причастия на *-нный* в книжной речи издревле находились во взаимодействии с прилагательными, образованными посредством суффикса *-н-*, *-ьн-*, вроде: *бездыханный*, *благоуханный*, *несомненный*, *отчаянный*, *намеренный*, *исступленный* и т. п. Ср. двойственность форм и значений: *вдохновенный* и *вдохновлённый*; *благословенный (благословенный край)* и *благословлённый;* ср. смешение в литературном языке XIX в. слов: *умильный* и *умилённый*; *воздержный* и *воздержанный; безоружный* и *обезоруженный*; ср. у Пушкина: «Я не привык целить в безоруженного» («Выстрел»); «обезоруженный старик» («Полтава») вместо *безоружный*; *крахмальный* и *накрахмаленный* (у Л. Толстого: «надев крахмаленную рубашку») и т. п.

Под влиянием прилагательных, оканчивающихся на *-нный*, в книжном языке образуются от бывших причастий краткие формы на *-енен*, *-анен*, *-енна*, *-анна*, *-енно*, *-анно* вместо *-ен*, *-ан*, *-ена*, *-ана*, *-ено*, *-ано*, как, например: *определенен*, *неопределенен* (ср. у Л. Толстого: «взор неопределенен и туп»); *священен* (ср. у Надсона: «священен трон ее») и т. п.[93]. Все это—симптомы близкой связи причастий и прилагательных, морфологически сходных.

В причастиях на *-нный* и *-тый* с основами совершенного вида временные значения почти вовсе стерты. Этому содействовала несоотносительность их ни с какими другими формами глагола. Даже связь этих причастий с основой инфинитива — прошедшего времени оказалась затемненной и запутанной фонетическими чередованиями в большой группе форм (вроде *родить — рождённый*; *смутить — смущённый*; *упростить — упрощённый* и т. п.). Напротив, все крепче и неразрывнее становилось их отношение к отглагольным существительным главным образом на *-ение*, *-ание*, *-тие*. Генетическая связь отглагольных существительных на *-ние*, *-тие* с причастиями перевертывалась в обратную сторону. Причастия становились к этим существительным в такое же отношение, как другие качественно-относительные прилагательные—к производящим словам. Например: *истощённый* по связи с отглагольным существительным *истощение* развивает качественно-относительные значения: 1) дошедший до полного истощения и изнуренный, исхудалый: *истощенная девочка*, *истощенное тело*; 2) обнаруживающий истощение, свидетельствующий об истощении: *истощенный вид*, *истощенное лицо*. В то же время причастие *истощенный* входит в систему форм глагола *истощить — истощать*. Ср. *тело, истощенное лишениями и голодом*. Эту двойственность функций можно проследить у большей части членных форм страдательного причастия, но особенно у таких, для которых есть семантические параллели среди отглагольных имен существи-

тельных. Ср., например: *испуганный* (*испуганный взгляд, испуганное выражение лица*—и: *испуганный неожиданностью, испуганный событиями* и т. п.); *испытанный* (*испытанный друг, испытанное мужество*, «гуляют с дамами испытанные остряки» (А. Блок) и т. д. — и: *машина, испытанная специалистами*); *изнуренный* (*изнуренный вид* — и: «трудами ночи изнурен, я лег в тени»); *ограниченный, отдаленный, образованный* и т. п.

Тенденция к окачествлению причастных форм все шире распространяет круг своего действия. Она развивается и независимо от соотношения причастия с отглагольным существительным. Например: *истасканный* (*истасканное лицо* — и: *туфли, истасканные мною за месяц*); *потерянный* (*потерянный вид, потерянный человек* — и: *кошелек, потерянный кассиршей*). Ср. также: *потрепанный* (*потрепанная физиономия, потрепанная внешность* — и: *человек, потрепанный жизненными бурями*); ср. *избалованный ребенок* и т. п. Ср. у Тургенева в «Дневнике лишнего человека»: «Я вернулся... тем же мнительным, подозрительным, *натянутым* человеком, каким я был с детства»; у Достоевского: «Нос широкий и *сплюснутый*» («Идиот»); *спертый воздух* и т. п.

Этот процесс окачествления и семантического преобразования причастий был усилен и поддержан влиянием французского языка, особенно во второй половине XVIII — в первой трети XIX в. Ср., например: *конченный человек* — l'homme fini; *потерянное время* — le temps perdu; *рассеянный вид* — l'air distrait, dissipé и т. п. Ср.: *растерянный вид*; «душа растеряна» (Островский)[94]; *сдержанный характер; изысканный вкус* и др. под.

Понятно, что качественные значения органически присущи тем причастным и отпричастным образованиям, которые утратили грамматическую соотносительность с глаголом, например: *надтреснутый голос, начитанный человек, заслуженный артист* и т. п.

Во многих случаях разрыв между качественно-прилагательным и глагольным значением формы причастия настолько велик, что приходится говорить о двух разных словах, об омонимах. Таковы, например: *избитый* (*избитая тема, избитое выражение, избитая истина* и т. п.)—и причастие *избитый* (*избитая девочка, избитая дорога*); *сложённый* (*хорошо сложённый человек, плохо сложён*) и *сло́женный* (*дрова сложены*) и т. п.

Еще Павский указывал на то, что ударение служило средством различения омонимов — прилагательных и причастий. Например, в 40—50-х годах различались: *уни́женный* (причастие) — *унижённый* (прилагательное); *прибли́женный* (причастие) — *приближённый* (прилагательное); *пре́зренный* (причастие) — *презре́нный* (прилагательное)[95].

Процесс распада глагольности в системе причастий на *-нный* очень жив и интенсивен в современном русском языке. Является потребность отметить возникающее раздвоение слов орфографическими средствами. Возникают двойственные написания в нечленных формах, например: *Все общество было взволновано новостью*—

и *Лицо девушки было взволнованно*; *Местность ограничена горами* — и «Утроба человеческая ограниченна» (Салтыков-Щедрин); *распущена* и *распущенна; Мысли были сосредоточены на одном* — и «Наталья снова стала сосредоточенна и грустна» (Шолохов, «Тихий Дон»); *Беседа была оживленна* — и *Лиза была оживлена* и другие подобные [96].

От качественных прилагательных этого типа образуются и степени сравнения (*затасканнейшая тема*, *оживленнейшее движение*, *взволнованнее* и т. п.) и наречия на *-о*.

Развитие качественных значений более свободно протекает в членных формах причастий. Конечно, оно передается и кратким формам. Но в кратких формах страдательных причастий (от основ совершенного вида) очень сильно значение состояния. В связи с процессом грамматического переосмысления причастий происходят семантические сдвиги в реальных значениях причастий.

Полная форма причастий на *-нный* и *-тый* является очень сложным, гибридным словесным образованием. Качественные значения в большей части таких причастных форм явно преобладают. Лишь причастия от глаголов со значением конкретного или специального действия (например, *подточенный*, *распиленный* и т. п.) или от глаголов, осложненных количественно-видовыми приставками и суффиксами (*избегнутый*; «Он заботливо осмотрелся, взял газету, только что швырнутую им» — Помяловский, «Молотов»), бывают менее насыщены качественными оттенками. Глагольность причастия напрягается, когда приходит в движение присущая соответствующему глаголу система глагольного управления. Например:

Первой в папке шла телеграмма...
За ней появился под почтой спрятанный
Доклад с облинованной рамой.

(Сельвинский, «Пушторг».)

«Запряженные в сохи и бороны лошади были сытые и крупные» (Л. Толстой).

Мной расточенное наследство
На ярком пире бытия.

(Брюсов.)

Но в кратких формах причастий грамматическое соотношение оттенков и свойств прилагательности и глагольности меняется. Своеобразное сочетание оттенков вида и времени, создающее у кратких причастий значение «перфекта» *; свойственное им пассивное, страдательное значение, которое при отсутствии творительного падежа деятеля явно перерождается в значение качественного состояния (например: *взволнован*, *растроган*, *угнетен*, *убит*, *тронут* и т. п.), — все это отделяет краткие формы причастий от категории

* Ср.: «Перфект означает действие, осуществившееся в результативной форме к настоящему моменту ... : *стол накрыт*, *письмо отослано*. Перфект выражается ... причастиями прошедшего времени страдательного залога

мени прилагательного и вместе с тем обособляет их от глагола. Краткие причастия на *-н* и *-т* участвуют в образовании своеобразной грамматической категории — категории состояния. Особенно отчетливо значение состояния в безличном употреблении этих форм. Например: *сказано — сделано; в комнате накурено* (ср. главу о категории состояния).

Таким образом, в формах причастий наблюдается необыкновенно острый и сложный процесс грамматической гибридизации. Смысловая структура этих форм подвергается глубоким изменениям. В причастной форме сталкиваются и объединяются противоречивые ряды значений. Полный распад формы на омонимы осуществляется не часто. Однако семантическое единство причастной формы становится колеблющимся и условным. Намечается новый тип «гибридной» лексемы, не вполне обычный в языке с преобладающим синтетическим строем.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ «ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ»

1. «Филологические наблюдения над составом русского языка», 1850, Рассуждение второе, стр. 1—2. Ср. также у А. А. Потебни, Из записок по русской грамматике, III, стр. 488 и след. Ср. также акад. И. И. Мещанинов, Члены предложения и части речи, 1945, стр. 209—218.

2. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, вып. I, стр. 312—313; ср. также некоторые исторические данные в статье Л. Н. Шатерниковой, Из истории синтаксической роли относительного прилагательного, «Ученые записки Вологодского государственного педагогического института», 1940, вып. I.

3. П. Савваитов, Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, разных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное, СПБ 1896, стр. 61. Ср. также список обозначений красок у Д. А. Ровинского, Обозрение иконописания в России до конца XVII в., СПБ 1903.

4. Ср., например, замечания о названиях цветов у Г. Пауля (H. Paul, Prinzipien der Sprachgeschichte, 1880, 207) и А. А. Потебни («Мысль и язык», «Из записок по русской грамматике», II, стр. 81—82).

5. «Из записок по русской грамматике», III, стр. 509.

6. К. С. Аксаков, Сочинения филологические, II, «Опыт русской грамматики», Прибавление, стр. 111.

7. «Из записок по русской грамматике», III, стр. 527.

8. К. С. Аксаков, Опыт русской грамматики, Прибавление, стр. 113—114.

9. «Русский синтаксис в научном освещении», стр. 102.

10. Н. И. Греч, Практическая русская грамматика, СПБ 1834, стр. 76—77.

11. «Филологические наблюдения», Рассуждение второе, 1850, стр. 2, 3, 41—42.

12. Там же, стр. 70.

13. К. С. Аксаков, Опыт русской грамматики, Прибавление, стр. 109.

14. «Из записок по русской грамматике», III, стр. 512—513.

15. Рад. Кошутич, Руска граматика, II, Облици, стр. 86.

на *-н, -т*» (А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, вып. II, стр. 78). Ср. в «Русском синтаксисе» С. Шафранова (Рига 1886, стр. 130): «Perfectum всего точнее может быть передано настоящим страдательного залога».

16. К. С. Аксаков, Опыт русской грамматики, «Сочинения филологические», ч. II, Прибавление, стр. 110.
17. Там же, стр. 107.
18. Н. Греч, Практическая русская грамматика, СПБ 1834, стр. 89.
19. «Историческая грамматика русского языка», изд. 3-е, Этимология, стр. 100.
20. «Очерк современного русского литературного языка», изд. 3-е, стр. 131.
21. «Русский синтаксис в научном освещении», стр. 103.
22. А. А. Шахматов, Курс истории русского языка, ч. III, Учение о формах, стр. 494—495.
23. Там же, стр. 187—188. Его же, Очерк современного русского литературного языка, Гиз, 1934, стр. 133.
24. Рад. Кошутич, Руска граматика, Облици, II, стр. 88. Ср. также B. Unbegaun, La langue russe au XVIe siècle, Paris, 1935, pp. 338—340.
25. Н. И. Греч, Практическая русская грамматика, стр. 77.
26. Ср. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, вып. II, стр. 82.
27. Там же.
28. Ср. А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка, стр. 143.
29. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, III.
30. А. М. Пешковский, Наш язык, III, стр. 121.
31. Ср. статью Г. О. Винокура, О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии, «Труды Московского института истории, философии и литературы», 1939, т. V, стр. 39—42.
32. См. работу B. Havránek, Přispěvek k tvoření slov ve spisovnych jazycich slovanských, Slavia, 1929, ročn. VII, seš. 4, стр. 771 и след.
33. Ср. замечания Потебни, Из записок по русской грамматике, II, стр. 234.
34. Ср. Павский, Филологические наблюдения, Рассуждение второе, 1850, стр. 117—119.
35. Ср. Я. Грот, Филологические разыскания, 1876, II, стр. 349—350.
36. Ср. проф. Н. В. Юшманов, Грамматика иностранных слов, М. 1933, Приложение к «Словарю иностранных слов, вошедших в русский язык», ОГИЗ, М. 1933, стр. 1443.
37. К. С. Аксаков, Сочинения филологические, ч. II, Прибавление, стр. 100.
38. «Русский синтаксис», стр. 102.
39. К. С. Аксаков, Опыт русской грамматики, Прибавление, стр. 98.
40. «Опыт общесравнительной грамматики русского языка», стр. 177, 187—189.
41. Ср. Н. И. Греч, Практическая русская грамматика, стр. 83.
42. «Опыт русской грамматики», Прибавление, стр. 127.
43. И. Мандельштам, Об уменьшительных суффиксах в русском языке, «Журнал министерства народного просвещения», 1903, № 8, стр. 323.
44. «Практическая русская грамматика», стр. 78, 85.
45. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, III,стр. 92.
46. «Синтаксис русского языка», II, стр. 84.
47. А. А. Потебня, К истории звуков русского языка, III, стр. 107—108.
48. Ср. С. П. Обнорский, К истории словообразования русского литературного языка, «Русская речь», ч. I, 1927, стр. 78. Ср. также статью Ю. Поливки Hrstka vypisků do ruské Gramatiky, Slovansky zbornik věnovany jeho magnificentci prof. Františku Pastrnkovi. Redig. Milos Weingart, Praha 1923, стр. 41 и след. Ср. рецензию того же Поливки на «Историческую грамматику русского языка» К. Мейера в Slavia, 1924, ročn. II, seš. 4, стр. 724. Иначе у А. И. Соболевского «Лекции по истории русского языка», стр. 110 и «Известия отделения русского языка и словесности», 1925, т. XXX, стр. 441.

49. См. Slavia, 1924, г. II, seš. 4. Рецензия Ю. Поливки на «Историческую грамматику русского языка» К. Мейера, стр. 724.

50. Литографированные лекции по морфологии русского языка, курс 1903/4 г., стр. 70.

51. И. Калайдович, О степенях сравнения прилагательных и наречий качественных, «Труды Общества любителей российской словесности», 1823, ч. XXIII, стр. 115.

52. К. С. Аксаков, Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева, «Сочинения филологические», ч. I, стр. 492—493.

53. Его же. Опыт русской грамматики, Прибавление, стр. 122.

54. Там же, стр. 120.

55. Там же, стр. 121.

56. Ср. изложение вопроса о степенях сравнения имен прилагательных в «Очерке грамматики русского литературного языка» Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова, М. 1945, стр. 131—133 и 135.

57. Ср. И. Ф. Калайдович, О степенях сравнения..., «Труды Общества любителей российской словесности», ч. XXIII, 1823.

58. «Опыт русской грамматики», Прибавление, стр. 121.

59. Ср. В. И. Чернышев, Правильность и чистота русской речи, вып. II, стр. 191; Р. И. Кошутич, Граматика руског језика, II, Облици, стр. 108.

60. Ср. Ferd. Brunot, La pensée et la langue, 1927, pp. 682 и 688, изложение вопроса о les degrés и соображения акад. И. И. Мещанинова в его книге «Члены предложения и части речи», стр. 217.

61. В. И. Чернышев, Правильность и чистота русской речи, вып. II, стр. 192. Ср. описание однородных оборотов во французском языке у Ferd. Brunot, La pensée et la langue, pp. 684, 691.

62. Н. И. Греч, Чтения о русском языке, II, стр. 210.

63. Ф. И. Буслаев, О преподавании отечественного языка, ч. II, стр. 136.

64. И. Макарьев, Пометки Горького на книжках начинающих писателей, ГИХЛ, 1932, стр. 15.

65. Р. И. Кошутич, Граматика руског језика, Облици, стр. 116.

66. А. Ф. Писемский, Письма, М. — Л. 1936, стр. 66—67.

67. И. А. Фалев, К вопросу о степенях сравнения в современном русском языке, «Язык и мышление», IX, стр. 173.

68. «Труды Общества любителей российской словесности», ч. XII, 1818, стр. 39, 42—46. Статья «Об уравнительных степенях в русском языке».

69. Ср. Желтов, Грамматические заметки, О степенях сравнения, «Филологические записки», 1862, вып. II, Ср. «Филологические записки», 1877, I, стр. 4.

70. Ср. Р. И. Кошутич, Граматика руског језика, II, Облици, стр. 113—114.

71. Ср. замечания об этой форме превосходной степени у Востокова (§ 34, разд. VI), у Павского, Давыдова, у Стоюнина («Высший курс русской грамматики», § 100) и других грамматистов.

72. Ср. кандидатскую диссертацию моей ученицы Н. Ю. Шведовой: «Возникновение и распространение предикативного употребления членных прилагательных в русском литературном языке XVI—XVIII вв.», 1946.

73. Р. И. Кошутич, Граматика руског језика, II, Облици, стр. 94.

74. А. М. Пешковский, Русский синтаксис, стр. 222.

75. «Синтаксис русского языка», вып. I, стр. 285; ср. вып. II, стр. 83.

76. Там же, вып. I, стр. 300—301.

77. Там же, стр. 242.

78. «Очерк современного русского литературного языка», стр. 150.

79. Там же, стр. 154—155.

80. Там же, стр. 153—154.

81. «Синтаксис русского языка», вып. I, стр. 178.

82. «Из записок по русской грамматике», I, стр. 108.
83. «Русский синтаксис», стр. 221.
84. Там же, стр. 221.
85. Там же.
86. «Опыт русской грамматики», Прибавление, стр. 110—111.
87. Н. А. Каганович, О временных функциях причастий в русском литературном языке, «Науков. записки Харьківської науково-дослідчої» катедри мовознавства, 1929, № 2.
88. Е. С. Истрина, Грамматические заметки, «Ученые записки кафедры русского языка Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена», 1939, т. XX.
89. «Из записок по русской грамматике», II, стр. 144.
90. Ср. «Очерк современного русского литературного языка» акад. А. А. Шахматова.
91. А. И. Томсон, Родительный-винительный падеж при названиях живых существ в славянских языках, ИОРЯС, 1908, XIII, кн. 2, стр. 250.
92. Там же, стр. 251.
93. Ср. замечания К. С. Аксакова в Критическом разборе «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. Буслаева, Полное собр. соч., т. II, стр. 458.
94. А. Н. Островский, Дневники и письма, 1937, стр. 34.
95. «Филологические наблюдения», Рассуждение второе, 1850, стр. 64. Ср. также у Аксакова, Полное собр. соч., т. II, стр. 475.
96. С. Г. Бережков, К вопросу о переходе причастий в прилагательные, «Ученые записки кафедры русского языка Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена», 1939, т. XX.

III. ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

1. КАТЕГОРИЯ ИМЕН ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ И ИДЕЯ ЧИСЛА

§ 1. Трансформация системы числительных под влиянием математического мышления

В современном русском языке слова, являющиеся отвлеченными обозначениями чисел и выраженного в числах количества, счета, образуют обособленную грамматическую категорию имен числительных, или счетных. Соответствующие ряды слов в истории русского языка объединились в самостоятельный грамматический класс, порвав старые связи с классами существительных (*пять — пяти* и т. д.) и отчасти (*два — две, оба — обе, три, четыре*, а также собирательные формы: *двое, трое, четверо* и т. п.) местоимений и прилагательных*. Пережитки старинных морфологических отношений, видоизмененных, но не до конца переосмысленных, еще сохранились в грамматической системе современных числительных. Поэтому при наличии явных признаков самостоятельной грамматической категории современные русские имена числительные представляют довольно пеструю морфологическую картину. В грамматических формах числительных — при господстве синтетизма — наблюдаются явления аналитического строя и обозначаются своеобразные приемы агглютинации компонентов (при образовании составных именований: *с тысяча двести пятидесятью бойцами*). Грамматические судьбы класса имен числительных в русском языке связаны с эволюцией идеи числа в европейских языках**.

* Ср. замечание Ф. Энгельса в статье «Философия» («Анти-Дюринг», 1945, стр. 36—37) о происхождении понятия числа: «Понятия числа и фигуры взяты не откуда-нибудь, а только из действительного мира. Десять пальцев, на которых люди учились считать, т. е. производить первую арифметическую операцию, представляют собой все, что угодно, только не продукт свободного творчества разума. Чтобы считать, надо иметь не только предметы, подлежащие счету, но обладать уже способностью отвлекаться при рассматривании этих предметов от всех прочих их свойств кроме числа, а эта способность есть результат долгого, опирающегося на опыт исторического развития». Ср. также статью С. Д. Кацнельсона «Энгельс и языкознание» («Известия Академии наук СССР по Отделению литературы и языка», 1941, № 1).

**Ср. замечание А. А. Потебни: «Общие языки, как математический, только стремятся стать общечеловеческими, а на самом деле суть европейские» («Из записок по русской грамматике», III, 1899, стр. 5).

Категория числа (по крайней мере в пределах счета до тысячи) в западноевропейских языках освобождена от предметности. Понятие числа здесь математизировано, если можно так выразиться. Название числа является абстрактным показателем количества однородных предметов, обозначением их счета [1]. Во многих языках, например, латинском и греческом, французском, немецком, английском, числительные имена (по крайней мере с 4) не имеют ни форм рода и числа, ни форм падежей, а следовательно, сами по себе не определяются прилагательными*. Они замкнуты в своеобразную категорию количественных слов, которые лишены морфологического разнообразия и могут быть лишь определяющими членами предметных словосочетаний. В самом деле, французские cinq, six, sept, huit, neuf, dix, onze, douze, treize и т. д., немецкие vier, fünf, sechs, sieben, acht, neun и т. д. (ср. латинские quattuor, quinque и т. д., греческие pente и т. д.) не имеют морфологических примет ни существительности, ни прилагательности**. Они ограничены не только морфологически, но и синтаксически обязательной связью и соседством с теми предметными именами, счет и количество которых в пределах множества они выражают в точных цифрах. В сущности, в европейских языках имена числительные (до определенного предела) — это абстрактные показатели выраженного в цифрах числа однородных предметов. Это, прежде всего, — своеобразные определяющие слова — морфемы в обозначениях сосчитанных предметов***. Функция большей части счетных слов в европейских языках графически может быть представлена в таком виде: sept cents =7 cents; fünf Kinder =5 Kinder. Таким образом, математическое отвлеченное мышление вторглось в общий язык и трансформировало систему числительных имен, лишив их отчетливых форм имени, оторвав их от структуры существительных и прилагательных****.

---

* Ср. более разнообразные примеры употребления имен числительных в языках разных систем у И. И. Мещанинова («Члены предложения и части речи», стр. 218—222).

** А. Будилович заметил: «В числительных выражаются не объективные признаки предмета, а соотношение его с другими в категории количества» («Начертание церковнославянской грамматики применительно к общей теории русского и других родственных языков», Варшава 1883, стр. 234). Ср. Б. А. Ильиш, Современный английский язык, 1940, стр. 120.

*** В. Классовский в книге «Нерешенные вопросы в грамматике» (1870) писал: «То, что мы называем числом, есть не более как или одна из сторон выразимости формы предметов (например, *четыре ноги у лошади*), или соизмерение одной величины с другою, принимаемой за масштаб (например, деньги соизмеряются с рублем, считаются на рубль). Следовательно, число через себя и для себя не существует в природе. Этим числительное имя как часть речи сходится с местоимением, служащим также к указанию несуществующего чрез себя и для себя» (стр. 61). Но «если числительное связывается с именем в одном общем синтаксическом построении и само в отдельности не дает законченного содержания высказывания предметного характера, то в то же время числительное не снижается до роли служебного слова. Оно своим содержанием количественного признака сохраняет свое собственное значение слова» (И. И. Мещанинов, Члены предложения и части речи, стр. 221).

**** В этой связи уместно вспомнить теорию Потебни «об устранении в мышлении субстанций, ставших мнимыми», или «о борьбе мифического мышления с относительно научным в области грамматических категорий». «Например, — пояснял Потебня, — математика, оперирующая с отвлеченным числом, отвлеченною величиной, возможна лишь тогда, когда язык перестает ежеминутно навязывать мысль о субстанциональности, вещественности числа, а в противном случае величайший математик и философ, как Пифагор, должен будет остаться на этой субстанциональности» (из автобиографии Потебни, напечатанной у Пыпина в «Истории русской этнографии», III, стр. 423—424).

В самом деле, что можно считать характерным признаком математических знаков с грамматической точки зрения? Они имеют синтаксис, но лишены морфологии. 5, 6, 7, 0 и т. п. меняют свое значение в зависимости от своего места в ряду чисел. Особенно разительно эта синтаксическая обусловленность значения арифметического знака демонстрируется нулем, который становится выразителем сложных арифметических изменений при присоединении к другим числам (ср.: 0, 1 и 10).

Подчиняясь влиянию математического мышления, числительные унифицируют свои формы. В своих сцеплениях, в своих сложениях они воспроизводят математический порядок чисел. В числительных синтаксис явно преобладает над морфологией. В самом синтаксисе их при употреблении составных названий чисел приобретает особенную важность самый порядок следования цифровых обозначений (ср. падежную неизменяемость всех числительных, кроме последнего, в составных обозначениях чисел на русском языке). Их структура в значительной степени аналитична. Еще Ф. И. Буслаев писал:

«Имена числительные хотя могут восходить до бесконечности, но отличаются от прочих частей речи тем, что вращаются повторением немногих основных названий» [2].

Влияние математического мышления ярко отражается на употреблении некоторых математических терминов в современном русском языке. Математическое выражение иногда сохраняет признаки своей морфологической обособленности. Иллюстрацией может служить слово *минус*. Оно имеет такие значения: 1) знак вычитания в математике, обозначаемый горизонтальной чертой (—); 2) только в единственном числе: отрицательная величина (в математике), например, *минус на минус дает плюс;* 3) переносно: убыток, недостаток, ущерб, например: *У этой книги много минусов; Наша квартира имеет один очень существенный минус: в ней нет ванны;* 4) за вычетом, если вычесть, отнять, без: *Мне следует получить пятьсот рублей минус семьдесят пять рублей аванса.*

Вот это последнее употребление, перенесенное из языка математики, не умещается в систему грамматических категорий русского языка. *Минус* здесь не существительное, не прилагательное, но и не наречие, так как не определяет ни глагола, ни имени прилагательного, ни существительного. Скорее всего это — количественное слово новой формации, это — математический показатель при названии числа или предмета. Совершенно аналогичную картину представляет употребление слова *плюс* в соответствующем значении (ср. выражение Ленина: «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны» (Соч., т. XXVI, стр. 46)*.

С другой стороны, некоторой параллелью к употреблению слов *плюс, минус* может служить и применение таких слов, как *минимум, максимум.* В слове *минимум* рядом с предметным значением: наименьшая величина, в противоположность максимуму *(минимум атмосферного давления, минимум заработной платы, прожиточный минимум)* развилось количественное значение: самое меньшее, не меньше чего-нибудь, по крайней мере. Например: *Здесь работает минимум тысяча человек.* В этом значении слово *минимум* теряет все морфологические приметы существительного. Оно переходит в категорию неизменяемых модальных слов, служащих для выражения субъективно определяемого количества. В предложении *Эта работа потребует для своего выполнения минимум два дня* слово *минимум* нельзя считать за наречие (но ср. скрещение категорий наречия и модальности в слове *минимально*, например: *Лекциями он занят минимально* и *Он выступает в театре минимально пять раз в месяц*).

---

* Анализ значений математического выражения «плюс» см. в статье Г. Риккерта «Одно, единство и единица» (журн. «Логос», 1911—1912, кн. 2 и 3, стр. 160—167).

2. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КАТЕГОРИИ ИМЕН ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 2. Отсутствие грамматического рода в числительных от *трех* до *тысячи*

Категория имен числительных в русском языке еще не достигла той степени абстрактности, которая характерна для западноевропейских языков*. Но и в современном русском языке имена числительные (во всяком случае, до слова *тысяча*), в общем, лишены оттенка предметности. Поэтому они (от *трех* до *тысячи*) не имеют грамматического рода (ср.: *три*, *четыре*, *десять*, *пятьдесят*, *сто* и т. п.). Нельзя сказать *круглый пять* или *круглая пять*. Разговорное выражение *круглое пять* обозначает не число, а школьную отметку, «балл 5» как оценку знаний (по какому-нибудь предмету или по всем предметам). Процесс субстантивации числительных сопровождается резкими семантическими сдвигами (ср. выражение, встречающееся в вульгарном просторечии: *вся пять*, т. е. все пять пальцев, рука)**. Отсутствие родовых различий, неспособность сочетаться с прилагательным решительно отличают имена числительные от количественных существительных***. Поэтому приходится признать в корне ошибочным мнение А. А. Шахматова, что существительные *пара*, *пятак*, *десятак*, *половина*, *сотня* и т. п. следует относить к числительным «совокупительным», «как только они вызывают количественное представление не само по себе, а в сочетании с существительным: *пара лошадей*, *пара сапог*, *сотня яиц*, *дюжина ложек*, *осьмушка табаку* и т. п.»[3]. Ведь существительные *пара*, *десяток* и т. п. в этом сочетании свободно соединяются с согласуемым именем прилагательным: *разрозненная дюжина ложек*, *парадная пара сапог*, *вторая сотня яиц* и т. п.

---

* Некоторые общие соображения по истории русских числительных см. в «Заметках по русским числительным» С. П. Обнорского (сборник «Академия наук Н. Я. Марру», 1935).

** Еще Н. И. Греч писал: «Имена числительные *пять*, *шесть*, *семь*, *восемь*, *девять*, *десять* и сложные с сим последним (*двадцать*, *тридцать*, *пятьдесят*) родов и чисел не имеют» («Практическая русская грамматика», 1834, изд. 2-е, стр. 100).

*** Ср. замечание В. Ф. Андреева: «Имя существительное есть такое самостоятельное понятие, которое означает субстанцию, реальную или отвлеченную; следовательно, оно (то-есть существительное) может означать и число, но неопределенное: «количество», «сумма», «часть», «множество», «итог», «свет», «тьма» (т. е. бесчисленное множество) и пр. Все эти слова, будучи понятиями числа, потому не считаются числительными, что они число выражают неопределенно... Весьма близки к только что перечисленным существительным по значению и форме следующие настоящие числительные: *миллиард*, *миллион*, *тысяча*, *сотня*, *десяток*, *единица* и пр.» (статья «Знаменательные и служебные слова в русской речи», «Журнал министерства народного просвещения», 1895, сентябрь, стр. 250—252).

§ 3. Следы родовых различий в числительных *один, два, оба, полтора*

Среди числительных есть четыре слова, в которых обнаруживаются родовые различия. Прежде всего, это местоименное прилагательное *один*, входящее и в разряд числительных. Будучи формой, в которой скрещиваются две грамматические категории, числительное *один* сохраняет морфологическую систему местоименного прилагательного. Ср.: *один, одна, одно* и именительный множественного *одни* (так же как *этот, эта, это, эти)* при косвенных падежах: *одного, одной, одному, одних, одним* и т. п. Система форм слова *один* та же, что у слов *этот, сам.*

Совсем по-иному род выражается в числительном *два*. Формы рода различаются в именительном и винительном падежах: *два — две*; форма *две* — женского рода, форма *два* — мужско-среднего. Но грамматический род здесь выражается так необычно, что в этом отношении слово *два — две* ближе к другим числительным, лишенным форм рода, чем к именам существительным или прилагательным. В самом деле, слово *два—две* в именительном и винительном (неодушевленном) падежах заимствует свой род от следующего за ним в форме родительного падежа имени существительного, с которым оно не согласуется ни в числе, ни в падеже (например, *два солдата, две колхозницы* и т. п.). В косвенных падежах у этого числительного родовых различий нет: формы *двух, двумя* и т. д. лишены рода. К слову *два — две* примыкает числительное *оба — обе*. В этом числительном книжный язык искусственно поддерживает родовые различия и в косвенных падежах (в женском роде основа *обеи-* и в мужско-среднем *обои-*), но в разговорной речи формы косвенных падежей женского рода с основой *обеи-* употребляются все меньше, вытесняемые формами *обоих, обоими* и т. п.*.

Остается еще одно родовое имя числительное: не-женское *полтора*, женское — *полторы (полтора дня, полторы недели)*. Но для непосредственного языкового сознания строй слова *полтора, полторы* ни на что не похож. Это слово представляется изолированным (ср. *полтора, полутора* и т. п.). Неясен и самый морфологический принцип выражения родовых различий в формах этого слова, так как окончания *-а, -ы*, исторически восходящие к форме родительного падежа именного склонения, для современного языкового

---

* К. С. Аксаков в статье «Несколько слов о нашем правописании» («Московский сборник», 1846) писал: «Употребление различия: *обоих, обеих* (следовало бы употреблять одно, а именно: *обоих*) кажется нам совершенно ложным и неуместным». Павский в «Филологических наблюдениях» (Рассуждение второе: Об именах прилагательных, 1850, стр. 222—223) выражается еще резче, приписывая формы *обеих* и т. п. «мудрованию немудрых грамматистов»: «Зачем же выдумали и внесли в грамматику *обеих, обеими, обеим?* Не зараженные грамматическими выдумками простолюдины всегда скажут: *с обоих сторон*, а не с *обеих сторон*; *обоим дочерям*, а не *обеим дочерям*, и в этом случае инстинкт научил их лучшему склонению, нежели учит школа».

сознания в *полтора — полторы* грамматически не осмыслены. Наблюдения над синтаксическим употреблением этого слова не оставляют сомнений, что здесь формы рода — полуразрушенный пережиток прошлого. Род этого числительного приспособляется к роду следующего за ним в родительном падеже единственного числа имени существительного (так же как в словах: *два — две, оба — обе).* Однако *полтора* с переносом ударения на первую часть сочетается и с существительными pluralia tantum, не имеющими родовых различий. Например,. *Ребенок прожил только по́лтора суток* (но ср. у Гончарова: «из каюты, в которой просидел *полторы суток...*», «Фрегат Паллада»).

С другой стороны, в качестве косвенных падежей этого слова обычно употребляется без различения родов одна общая форма непрямого падежа — *полутора* в сочетании с косвенными падежами множественного числа имени существительного [4].

§ 4. Взаимодействие имен числительных и существительных в сфере категории рода

Миллион, миллиард и другие обозначения больших величин не принадлежат к категории числительных, так как мыслятся как предметно-собирательные обозначения множества. Они обладают всеми признаками существительных, между прочим и грамматическим родом. Промежуточное между существительными и числительными положение занимает слово *тысяча*. Оно все сильнее и сильнее втягивается в орбиту имен числительных. Ср. употребление творительного падежа *тысячью* по аналогии с *пятью, десятью** и т. п., а также конструкции вроде: «невеста с тысячью душами» (Писемский, «Тысяча душ»)— вместо ожидаемого с *тысячью душ***.

Но признаков женского рода слово *тысяча* не теряет (в силу окончания *-а*). К тому же оно имеет и формы числа.

Сближение количественных имен существительных с числитель-

---

* Форма *тысячью* отмечена как нормальная еще в Anfangsgründe der russischen Sprache (1731, S. 32). Возможно, что в этой двойственности форм отражается и древняя двойственность морфологических типов и склонений — *тысяча* и *тысячь* (С. П. Обнорский, Именное склонение, вып. I, стр. 278—279).

** Ср. широкое распространение согласования слова *тысяча* в косвенных падежах (при наличии обозначения числа тысяч) с определяемым существительным:

Тут был француз К. М., женатый
На кукле чахлой и горбатой
И *семи тысячах* душах.

(«Евгений Онегин», 8, XXV.)

«Я в *девяти тысячах* милях от отечества» (Гончаров, «Фрегат Паллада»). Но ср. синтаксические особенности употребления форм слова *тысяча* вне связи с другими числительными: «Накалыватель должен был *тысячью* мелких уколов усиливать кровообращение» (Короленко, «История моего современника»). «Внутри его все стонало, гремело и выло *тысячью* буйных и огненных голосов» (Л. Андреев, «Иуда») и т. п.

ными проявляется в ослаблении у них категории рода и, следовательно, значения предметности. Эти процессы наблюдаются в своеобразном синтаксическом сочетании некоторых существительных, обозначающих счет, количественные или числовые понятия и различия, с формой прошедшего времени глагола среднего рода: *прошло четверть часа; настало половина второго; осталось треть работы*; «Прошло полчаса, час..., и я не спал» (Чехов, «Ночь перед судом»); ср. «Мы переезжаем туда в июне, а до июня осталось еще... февраль, март, апрель, май... почти полгода» (Чехов, «Три сестры»).

Однако род у имен существительных этого типа завуалирован лишь в количественных сочетаниях с глаголом. Он ярко обнаруживается при присоединении к ним определяющего имени прилагательного (ср.: *осталось четверть часа* и *осталось добрая четверть часа до отхода поезда*). Необходимо иметь также в виду, что отношения между глагольной формой на *-ло* и количественными обозначениями в форме именительного падежа не-среднего рода могут получить и иное синтаксическое объяснение.

§ 5. Отсутствие грамматических форм числа в категории имен числительных

Обозначая числовые различия, счет в пределах множественности, имена числительные уже своим лексическим значением выражают понятие числа. Поэтому числительные не имеют грамматических форм числа. Соотносительность форм единственного и множественного числа в них отсутствует. Все имена числительные — или pluralia или singularia tantum, т. е. формы склонения имени числительного напоминают систему окончаний или единственного или множественного числа. Иными словами: грамматическая категория числа в структуре имен числительных является лишь фикцией, пережитком, вымирающей формой употребления (ср. им. над. *пятьдесят*, *шестьдесят*, где в морфеме *десят* отражаются старые формы мн. ч. род. п. — но род. и дат. *пятидесяти*, *шестидесяти* — с окончаниями ед. ч. *-и* и т. д.). Функции множественного и единственного числа в числительных не только стерты (всюду, кроме тех составных слов, в которых второй частью являются формы от слова *сто*: *двести*, *триста*, *четыреста*, *пятьсот* и т. п.), но и грамматически обессмыслены. В самом деле, числительные, склонение которых напоминает множественное число (*два*, *три*, *четыре*; ср. *дву-х*, *дву-м*, *тре-х*, *тре-м*, *четыре-х*, *четыре-м*), в именительном и винительном падежах сочетаются с формами существительных родительного падежа единственного числа: *два стола*, *три сестры*, *четыре яблока*. Как известно, форма *два стола* представляет собою видоизмененный пережиток именительного-винительного падежа двойственного числа. В сочетаниях *два*, *оба*, *три*, *четыре* с так называемым «родительным» падежом единственного числа правильнее видеть грамматические идиомы, неразложимые грамматические обороты. В этих оборотах форма суще-

ствительного остается за пределами системы живых падежных функций. Ее единственное число противоречит лексическому значению определяемых числительных. При наличии определяющего имени прилагательного в родительном падеже множественного числа (например: «Воображение уже рисовало *три окровавленных трупа*», Чехов) единственное число имени существительного представляется вовсе не мотивированным. Все это — явные признаки идиоматичности выражения. Возможность употребить прилагательное вместо родительного в именительном-винительном падеже множественного числа (например: «Вдруг на них он выменял *борзые три собаки*» — Грибоедов, «Горе от ума»; «*В последние лет десять*» — Чернышевский, «Что делать?»; «Вдали показались *три огненные глаза*» — Чехов, «Дачники») — также доказывает, что такое сочетание числительного с существительным понимается как неразложимое грамматическое целое.

Акад. А. А. Шахматов так и писал об этих синтаксически неделимых словосочетаниях: «Они составляют одно грамматическое целое, ибо с точки зрения современного языка форма родительного падежа не может зависеть от числительного»[5].

Кроме того, числительное *два* самую форму свою заимствует от следующего за ним существительного мужского (или среднего) рода, так как при существительном женского рода является *две (две женщины)*[6].

Итак, *два*, *три*, *четыре* идиоматически спаяны с формой имени существительного, которая омонимична родительному падежу единственного числа (*два года* и т. п.). Между тем, в других падежных формах те же числительные имеют окончания множественного числа *(дву-х, дву-м, тре-х, тре-м, четыре-х, четыре-м)* и сочетаются с формами имен существительных множественного числа *(сидеть между двух стульев)*. В отличие от слов *два*, *три*, *четыре*, числительные от *пяти* до *двадцати* и обозначения десятков от *тридцати* до *восьмидесяти* пользуются именными окончаниями единственного числа. Между тем присоединяющееся к ним имя существительное ставится в формах множественного числа (при именительно-винительном падеже числительного в форме родительного множественного числа)*.

---

* Идиоматичность сочетаний всех вообще числительных с родительным падежом имени существительного доказывается: а) архаическими формами родительного падежа существительных в этих сочетаниях, например, родительного множественного без окончания *-ов* в мужском роде: *килограмм* (ср. устарелое *аршин*), *сапог*, *чулок*, *раз*, *грамм* (ср. также в названиях частей войск: *солдат*, *рекрут*, *улан*, *гренадер* и т. п.; ср. также: *глаз*, *погон;* б) архаическим ударением выражений: *два шага́*, *три ряда́*, *четыре часа́*. Ср. у Блока в поэме «Двенадцать»):

Ничего кругом не видно
На четыре на шага́;

в) сохранением при счете исчезнувших из языка форм, например, родительного падежа *человек: «Человек пять* мужиков сидело по лавкам» (Слепцов, «Ночлег»).

Кроме того, в составных числительных, обозначающих сотни от *пятисот* до *девятисот* включительно, первая часть изменяется соответственно склонению единственного числа, а вторая образует формы падежей множественного числа от слова *сто*, отдельно не употребляемые.

Так в категории числительных обнаруживаются две разных системы: *два, три, четыре* (а также *оба*, ср. *двести, триста, четыреста*) противостоят числительным от *пяти* до *тысячи*.

§ 6. Противопоставление прямых (именительного и винительного) и косвенных падежей в склонении имен числительных

Сама система склонения у имен числительных деформирована сравнительно со склонением имен существительных и прилагательных. Значение падежных форм сильно затемнено, по крайней мере в некоторых группах числительных. Склонение всех числительных распадается на два неравных ряда форм: формы именительного-винительного падежа, с одной стороны, и формы родительного-дательного-творительного-предложного падежей — с другой. В именительном и винительном падежах (*прошло две, три, четыре недели; истекло десять дней; съесть пять булок*) имя числительное выступает в функции определяемого, сочетаясь с родительным падежом существительного. В косвенных падежах (*не прошло еще двух, трех, четырех недель; по истечении десяти дней*; *встретиться с пятью знакомыми*) имена числительные играют роль определяющих членов, согласуясь в падеже со следующим именем существительным.

Что значит это противопоставление? Русская грамматика не вдумывается в этот вопрос, констатируя самый факт и стараясь объяснить его исторически. Объяснение сводится к указанию на то, что в категории современных числительных смешались прежние прилагательные (*два, три, четыре*), согласующиеся в падеже с определяемыми существительными, и прежние существительные (*пять, шесть, семь, десять* и т. п.), управляющие родительным падежом дополнения. Отсюда развилось противопоставление (сохранивших грамматическое значение былой субстантивности) именительного и винительного падежей числительного, которые сочетаются с родительным падежом существительного (*две задачи, пять вопросов* и т. п.), и косвенных падежей, в которых числительные, подобно прилагательным, согласуются в падеже с определяемым именем существительным[7]. Однако это объяснение происхождения грамматического факта нисколько не уясняет смысла его в современном русском языке. Между тем, едва ли не здесь скрыт ключ к пониманию смысловой структуры современных русских числительных. Формы косвенных падежей — управляемые формы. Но эти формы несут непосредственную тяжесть зависимости лишь в том случае, когда обозначают предметность, т. е. являются формами существительных или выступают в их функции. Синтаксическая логика этого явления легче всего уясняется в конструкциях с глаголом — выразителем действия, которое может быть направлено только на предметы и лица и только ими может объектно разъясняться. (Ср.: *изменять мужу, жениться на молодой девушке, издеваться над собеседником, надеяться на помощь, разбить чашку* и т. п.). Отсюда можно сделать вывод, что у имен числительных процесс отвлечения от предметных значений достиг высшего предела в косвенных падежах, где числительные стали простыми абстрактными арифметическими определителями существительных, чуждыми всякого оттенка предметности. Правда, есть одна конструкция, где

предметное значение будто бы слегка просвечивает в числительных: это разделительные сочетания с предлогом *по: по пяти рублей, по пятидесяти копеек* и т. п. Объясняется эта конструкция тем, что здесь разделительное значение заложено именно в числовом обозначении, которое делается единицей счета, мерой и тем самым ставится в непосредственную зависимость от предлога. Числительное тут выступает в значении собирательной единицы распределяемых, группируемых предметов. Таким образом, значения собирательности и разделительности как бы поддерживают, консервируют предметность числительного*. Но грамматическая непоследовательность, немотивированность этой конструкции с предлогом *по* сказывается, с одной стороны, в том, что в сочетаниях с числительными *два, три, четыре* дательный падеж невозможен *(по два, по три, по четыре рубля;* ср. *по двести, по триста, по четыреста рублей);* с другой стороны, все больше и больше прав приобретает в разговорной речи конструкция: *по пять рублей, по двадцать штук, по сто рублей (по сту рублей* — понимается уже как архаическое выражение). Ср., например, в романе Льва Славина «Наследник»: «Случалось, что я произносил в день по шесть-семь речей».

Таким образом, и в этих словесных сочетаниях иллюзия предметности погасает. Эта общность, однородность функций всех косвенных падежей у числительных, определительное, беспредметное значение их дали толчок к утрате различия между ними, к созданию одной общей формы косвенных падежей у слов: *сто, сорок* и *девяносто.*

Впрочем, есть еще одна область выражений, где формы косвенных падежей числительных не являются простыми числовыми определениями предмета, а становятся как бы его заместителями, включают предмет в себя. Это разговорные обозначения времени. Чаще всего это — указания при посредстве предлога *без* на то, сколько минут (после половины часа) недостает до следующего часа: *без двадцати шесть, без десяти час, без двенадцати десять, без пяти двенадцать* и т. п. Ср. *было около одиннадцати* (но ср. также: *двадцать пять шестого* и т. п.). Эти разговорные выражения обыкновенно исключают слова: *минут* и *часа* (хотя в более дробных, точных и более литературных сочетаниях может явиться и форма *минут*: *без семнадцати с половиной минут три, без одиннадцати минут двенадцать* и т. п.). Ср. также в разговорных обозначениях возраста: *ей за тридцать, за сорок; ему под сорок, за пятьдесят* и т. п.

Однако все эти эллиптические выражения вращаются в кругу разговорных обозначений времени. Тут внимание целиком концентрируется на числовых обозначениях, так как названия самих единиц времени (года, часа, минуты) представляется само собою разумеющимися. В этих случаях числительные вовсе не опредмечиваются. Напротив, можно думать, что в синонимическом кругу предметно-количественных выражений *(без четверти три, было половина пятого* и др. под.) сами существительные, обозначающие меру времени, как бы теряют наполовину свое предметное значение и присоединяются к категории числительных.

Своеобразия бытовых операций над числами и влияние математического мышления ведут к тому, что названия чисел, употребляясь вне сочетания с именами существительными, несколько выходят за пределы грамматической системы русского языка. Особенно ярко это аграмматическое употребление числительных наблюдается в словесной передаче арифметических формул и вычислений. Например: *двадцать пять минус семнадцать будет восемь; девятью девять—восемьдесят один; восемь да три—одиннадцать; один пишем, один в уме; три из семи—четыре; двадцать восемь на семь—четыре;*

* Ср. замечание Г. Павского: «Предлог *по* подчиняет себе все другие числа, поставляя их в дательном падеже, а над числами *два, три, четыре* не имеет никакой силы. При них он стоит в виде наречия. Еще странность предлога *по:* имена числительные *пять, шесть* и т. д. при нем остаются существительными и требуют после себя падежа родительного, тогда как при других предлогах они сочетаются с именами на праве прилагательных» («Филологические наблюдения», Рассуждение второе, стр. 214—215).

вычитаем из двадцати трех двадцать один: один из трех — два, два из двух — ничего и т. п. Здесь числительные выступают в своей подлинной отвлеченной числовой сущности, не отягченной предметными именами.

В этой арифметической функции вне связи с существительными широко употребляются числительные во всех падежах *(вычесть из пятнадцати восемь, к пяти прибавить шесть, сложить сорок один с пятьюдесятью тремя, вычесть триста шестьдесят семь из семисот восьмидесяти одного* и т. п.). В этих случаях при сочетании с глаголом к понятию числа присоединяется в русском языке некоторый смутный оттенок «субстанциональности». И все-таки, несмотря на то, что тут числительные выступают в синтаксической роли прямых и косвенных объектов, они не переходят в сферу имен существительных. Они и здесь лишены рода, числа и подлинной предметности, так как не могут определяться именами прилагательными. Но в бытовой речи такое употребление имен числительных как абстрактных обозначений математических величин — вне всякого отношения к миру вещей — встречается сравнительно редко.

Что же касается жаргонно-школьного употребления числительных в значении балльных отметок *(получить два, три по русскому языку)*, то здесь субстантивация очевидна: *два, три, четыре, пять* в этом значении равносильны *двойке, тройке, четверке, пятерке.*

В таком виде выступают общие принципы взаимодействия между категориями имен числительных и существительных в современном русском языке. Это взаимодействие в косвенных падежах строго ограничено (разделительным управлением с предлогом *по* и обозначениями времени, возраста, абстрактных числовых величин). В косвенных падежах более ярко, чем в именительном и винительном, выступает количественно-определительное, беспредметное значение числительных *. Оно приводит к образованию единой формы общего косвенного падежа у некоторых числительных.

§ 7. Форма общего косвенного падежа у числительных *сорок, девяносто, сто* и тенденция к ее образованию в системе других числительных

Антитеза прямых (именительного и винительного) и косвенных падежей достигает своего крайнего выражения в числительных *сто* и *сорок*, которые располагают лишь двумя формами: одной — для именительного-винительного падежа *(сто, сорок)*, другой — для косвенных падежей *(ста, сорока)* **. К числительному *сто*, естественно, примыкает и *девяносто* (в письменном языке *девяносто — девяноста*, в устной речи обе формы совпадают). Входя в состав сложных форм: *двести, триста, пятьсот* и т. д. с собирательным значением, производные от *сто* формы множественного числа могут изменяться и по косвенным падежам *(около трех-сот шагов, в трех-стах шагах, тремя-стами шагами дальше*, а в просторечии: *триста шагами*

---

* Ср. замечание А. А. Потебни в IV т. его труда «Из записок по русской грамматике»: «Собирательность и субстанциальность числительных в падежах, кроме именительного, винительного, исчезли, послуживши ступенью к аттрибутивности числительных 5 и пр. (N. B. Miklosich, IV, 57—58; 479). Это доказывает, что субстанциальность в именительном, винительном, с одной, и в других падежах — с другой стороны, не одинакова» (стр. 249).

** Но ср. устарелое употребление дательного падежа *сту* с предлогом *по*: *по сту*, например, у Крылова («Дикие козы»): «К ним на день ходит по сту раз». Ср. у Тургенева в рассказе «Постоялый двор»: «Его считали в сороках или пятидесяти тысячах».

дальше и т. п.). Идиома: *сорок сороков*, в составе которой второе *сорок* склонялось во множественном числе («Ходил по всем сорока сорокам московских церквей»)*, стала архаизмом в революционную эпоху.

Та же тенденция к обобщению и унификации форм косвенных падежей намечается и у других числительных. Она выражается, с одной стороны, в том, что функции определительного слова принимает на себя форма родительного падежа, которая и становится первой частью составных слов типа: *двухлетний*, *пятиконечный*, *семиглавый*, *пятидесятиметровый* и т. п., а с другой стороны, в том, что в просторечии распространяются такие формы употребления косвенных падежей: *с пяти рублями*, *с двадцати солдатами* и т. п. Ср. *с пятидесятью***, *шестидесятью* и т. п. Ср., например, у Пушкина в «Истории Пугачева»: «Бошняк остался с шестидесятью человеками офицеров и солдат»; у Тургенева: «Сельцо Бессонова с тридцатью пятью душами мужеска и семидесятью шестью женска пола» («Чертопханов и Недопюскин»). В. И. Чернышев констатировал: «Для нас уже невозможно употребление форм: *стом*, *стами*, необычно: *во сте;* вполне возможно: *пятидесятью*, *шестидесятью* вместо *пятьюдесятью*, *шестьюдесятью* и подобных, которые еще рекомендуются современными грамматиками и которые нередко мы видим в книжном языке[8]. Проф. Р. И. Кошутич первый из новых грамматистов поместил в парадигму склонения слова *пятьдесят* формы творительного падежа: *пятьюдесятью* и *пятидесятью* как равноправные дублеты[9]. У числительных от *пяти* до *девяноста* (исключая *сорок*) вообще есть только две формы косвенных падежей: родительный-дательный-предложный с окончанием *-и́* (у слов: *пять*, *шесть*, *семь*, *восемь*, *девять*, *десять*, *двадцать*, *тридцать*) и *-и* (у числительных *одиннадцать*, *двенадцать*, *пятьдесят*, *шестьдесят* и т. д.) и творительный *-ы́* и *-ью* (с тем же различием групп от 5—10, 20—30 и остальных).

Таким образом, образование единой формы косвенного падежа в этой группе числительных зависит лишь от утраты формы творительного падежа единственного числа (на *-ью*).

§ 8. Своеобразия форм и функций номинативов у имен числительных

Противопоставление косвенных падежей именительному-винительному в категории числительных выражено и другими грамматическими средствами, которые свидетельствуют о своеобразном

---

* Ср. в «Русских народных сказках» Афанасьева (IV, стр. 37—38), в «Сказке о Козьме Скоробогатом»:

Поклонилась царю сороком сороков серых волков,
Поклонилась царю сороком сороков черных медведей,
Поклонилась царю сороком сороков соболей и куниц.

** Ср. «Филологические наблюдения» Г. Павского (Рассуждение второе, 1850, стр. 239): «Вместо *пятьюдесятью* в разговорах чаще слышно *пятидесятью*» и т. п.

положении формы именительного падежа («номинатива») в системе числительных. У числительных *два — две, оба — обе* противопоставление именительного-винительного падежа формам косвенных падежей выражается в том, что различие женского *(две, обе)* и неженского *(два, оба)* рода в косвенных падежах исчезает. (Ср. также в этих словах различие основ именительного и косвенных падежей.) В числительных *пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят* морфема *-десят* в косвенных падежах переходит в систему мягкого склонения *десять*. В старом московском просторечии слова *семьдесят, восемьдесят* употреблялись и в аналогической южнорусской форме им. пад. — *семьдесять, восемьдесять**. Ср. у Пушкина: «Сегодня *семьдесят* мне било» («Руслан и Людмила»); у Тургенева: «Лет через пятьдесят, много *семьдесят*, эти усадьбы... исчезали с лица земли» («Мой сосед Радилов») и т. п.

В склонении составных числительных выступают и другие оригинальные черты, свидетельствующие о своеобразном положении формы номинатива. Так, числительные с суффиксами *-дцать* и *-надцать* склоняются посредством слияния окончаний с суффиксами (т. е. совершенно так же, как имена существительные и прилагательные). Числительные же, обозначающие десятки, от *пятьдесят* до *восемьдесят* включительно, склоняются в обеих частях сложения, при этом так, что обнаруживается резкий разрыв между формами именительного падежа и косвенных падежей (*пятьдесят*, но: *пятидесяти, пятидесятью* или *пятьюдесятью*). Морфологическое единство слова здесь цементируется ударением. Числительные *двести, триста, четыреста*, именительный падеж которых синтаксически не разложим, в косвенных падежах изменяют обе части сложения по множественному числу в отличие от *пятьсот — девятьсот*, в которых первая часть склоняется по системе единственного числа и в которых родительный падеж отличается от именительно-винительного лишь формой первой составной части (*пятьсот*, но: *пятисот*). На этом грамматическом фоне именительный падеж числительных, оторванный от форм косвенных падежей и отличающийся от них и по способу синтаксической связи с существительными, выступает в своеобразном свете. Еще К. С. Аксаков сближал числительно-количественные слова в форме «именительного падежа» с наречием [10]. Точно так же акад. А. А. Шахматов относил к категории наречия «все те числительные, которые в сочетании с существительными не заимствуют от них своей падежной формы, например, *пять книг*». «Названия количественных отношений, — пишет А. А. Шахматов, — вообще являются синтаксическими наречиями (*один, два, три, сто)*; названия количественных отношений в сочетании с существительными являются в именительном и винительном падежах наречиями (начиная с *три* и кончая *девятьсот*)» [11].

* Эти формы приведены уже в Anfangsgründe der russischen Sprache (1731, стр. 32). Они внесены в «Словари Академии Российской» и в «Словарь церковнославянского и русского языка» (1847).

Однако нетрудно убедиться, что А. А. Шахматов объединяет в этой характеристике грамматически разнородные явления.

Прежде всего, необходимо выделить случаи употребления числительных имен вне сочетаний с существительными. Можно говорить о наречном употреблении числительных применительно к счету, к числовому последовательному обозначению моментов независимо от называния самих моментов, а также и действий: *раз*, *два*, *три*, *четыре* и т. п. Правда, в этом случае числительные не примыкают ни к какому другому слову — ни к глаголу, ни к имени, и даже грамматическое значение наречия *раз* здесь несколько видоизменено. Но в соотносительных конструкциях вроде: «Ударь раз, ударь два, но не до бесчувствия же» (Сухово-Кобылин, «Свадьба Кречинского») и т. п. — *раз*, *два*, *три* явно употреблены в значении наречий *дважды*, *трижды* или в значении наречных идиом: *два раза*, *три раза* и т. п.

Однако уже затруднительно видеть количественные наречия в последовательных обозначениях считаемых предметов: *один*, *два*, *три*, *четыре*.

Еще более далеко от наречий абсолютивное употребление числительных (вне сочетаний с существительными) в математических формулах и вычислениях (*двадцать пять плюс сорок два* и т. п.). Как уже было указано, этому употреблению наивное бытовое сознание готово приписать некоторый оттенок субстанциональности. Но эта числовая субстанциональность имеет мало общего с предметностью существительных. Ведь она бескачественна, лишена числа и рода. Она не может быть источником, производителем активного действия. Она брезжит в числительных как смутное воспоминание, как пережиток предшествующей стадии мышления, как абстрактное понятие числовой сущности, еще не вполне «математизированное» в бытовой речи*. *Пять*, *шесть*, *десять*, *сто* и т. п. — это обозначения чисел, замкнутых в свою систему связей и соотношений, понимаемых как своеобразные отвлеченные сущности, которые не заложены в предметах, подобно качествам, а лежат над ними и только в сочетаниях с существительным могут определять количества и количественные соотношения однородных предметов. Когда существительные (в косвенных падежах) выступают в роли приглагольных или приименных объектов, то, соединяясь с числительными и подчиняя их себе, они образуют вместе с ними цельные количественно-предметные единства и несут на себе всю тяжесть

---

* Ср. у А. П. Боголепова в любопытной по-своему статье «Пропавшая часть речи» («Русский язык в советской школе», 1930, № 2) справедливое замечание: «... количества, обозначенные числительными *два*, *три* и т. д., мы отнюдь не можем себе «представить» как предметы; стоит только представить себе числа как предметы — и вся арифметика с ее действиями превратится в совершенную бессмыслицу» (стр. 51). Ср. также мысль Потебни: «Если язык... дает возможность представлять число только вещью, вместилищем, то 2 × 2 = 4, в смысле группировки отвлеченных единиц, в нем невозможно («Из записок по русской грамматике», III, стр. 6).

синтаксических воздействий (например, *лишиться пяти рублей* и т. п.). В этом случае количество является как бы включенным в предмет. Имя числительное становится характеристическим восполнением и определением грамматического числа имен существительных*.

Напротив, в сочетаниях именительного падежа числительных с существительными количественная группировка предметов, создаваемая обозначением точного числа их, еще только как бы устанавливается, возникает (*пять лошадей*, *десять тетрадей* и т. п.). Здесь числительное является опорным словом синтагмы, которое семантически раскрывается и распространяется посредством определения его именем существительным. В этой функции числительные имена выступают как абстрактные обозначения числового или количественно-собирательного понятия, которое требует предметного определителя**. Так мотивируется обособление исходной номинативной формы числительных от их косвенных падежных форм. Заслуживают полного внимания соображения А. П. Боголепова, стремившегося доказать, что основная форма числительных только условно может быть названа именительным падежом, по существу же это беспадежное образование. Это — номинатив, лишенный своих прямых грамматических функций. Не имея значения ни числа, ни рода, не выступая в роли субъекта действия или состояния, эта форма является лишь «голым» лексическим именем числовых величин. Падежная функция именительного падежа у числительных разрушена: у них это область условного синтаксического у п о т р е б л е н и я, а отнюдь не з н а ч е н и я. Итак, синтаксис держит имена числительные в русле грамматической традиции, сближая их с идиомами и мешая полному распаду их морфологической системы, и в то же время он затемняет значение некоторых форм, например, именительного падежа, номинатива в сочетании с формой так называемого «родительного» падежа существительного (ср. *Пять человек ушло*).

§ 9. Употребление идиоматических сочетаний числительных со счетной формой имен существительных

Как уже сказано, формы именительного-винительного падежа числительных *два*, *три*, *четыре* сочетаются с такой формой имени

* Ср. замечание К. С. А к с а к о в а: «Счет производится собственно только в именительном и винительном падежах... Склонение численного прилагательного в других падежах прямого счета не допускает и являет внимание, остановившееся уже на отношениях косвенных предметов» («Сочинения филологические», ч. 2, конспект последних двух отделов первой части «Русской грамматики», стр. 90).

** «Число есть мысль, но оно есть мысль, как некое совершенно внешнее самому себе бытие. Оно не принадлежит к области созерцания, так как оно есть мысль, но оно есть мысль, имеющая своим определением внешнее созерцание» (Г е г е л ь, Энциклопедия философских наук, ч. I, Логика, стр. 179).

существительного, которая не находит семантического оправдания в системе живых падежных форм и функций существительных. По внешнему облику она обычно совпадает с формой родительного падежа*.

Представляет необыкновенный интерес словосочетание: *на все четыре сто́роны*, где ударение *сто́роны* указывает на форму винительного падежа множественного числа, а не на ожидаемую форму родительного падежа единственного числа (ср. *взял его за обе ру́ки***, *уписывает за обе щёки* и некоторые другие). Проф. Р. Ф. Брандт подчеркивал «ту странность, что в женском роде числовка (т. е. числительное. — *В. В.*) *оба — обе* расходится с числовкой *два — две*, допуская при себе множное (т е. множественное. — *В. В.*) число имени существительного». Ср. у Авенариуса в «Детских сказках»: «Выросли большие обе *сёстры*, сделались невесты» («Морозко»)***.

В поэтическом языке XIX в. можно найти и другие случаи сочетания числительных — *два*, *три*, *четыре* и *оба* с формами именительного-винительного падежа множественного числа (а не род. пад. ед. ч.):

Из-под него до груди нежной
Две ко́сы темные небрежно
Бегут...

(Лермонтов, «Измаил-бей», 1932.)

Справедлива весть эта: на *три сто́роны* света
Три замышлены в Вильне похода.

(Пушкин, «Будрыс и его сыновья», 1833.)

Но царевна в *обе руки*
Хвать — поймала...

(Пушкин, «Сказка о мертвой царевне», 1833.)

Беретец черный бархатный,
Вся в кисточках спина,
И *ко́сы три* фальшивые,
И вся насюрмлена.

(Мятлев, «Комеражи», 1836.)

Там, где форма женского рода родительного падежа единственного числа совпадает по ударению с именительным или именительным-

---

* И. Ф. Анненский приводит из былинного языка яркие примеры сочетаний числительных, *два*, *три* с формой родительного падежа:

Ай же ты, калека, калека перехожая!
Молодца в тебя *в два меня*,
А силы то у тебя *в три меня*,
А смелости нет и в пол-меня.

(Гильфердинг, I, № 144.)

(«Журнал министерства народного просвещения», 1903, май, Рецензия на «Синтаксис» Овсянико-Куликовского).

** Еще Барсов в XVIII в. отмечал своеобразие ударения в сочетании *обе ру́ки* (а не *руки́*). См. Н. Грунский, Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков, т. I, вып. 1—2, стр. 38.

*** Роман Брандт, О двоинных формах и об ограниченном числе. Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламенского, СПБ 1909, стр. 40.

винительным падежом множественного числа, в сочетаниях с числительными *два*, *три*, *четыре* она представляется сознанию говорящих формой множественного числа, особенно применительно к лицам (например: *три бедные девушки*, *четыре дряхлые старушки* и т. п.). В таких случаях определяющее прилагательное ставится и в форме именительного, и—чаще—в форме родительного падежа множественного числа[12]. Ср. также в сочетаниях с *полтора — полторы* и в женском и в мужском-среднем роде: *целых* (или *целые*) *полтора года*; *добрых* (или *добрые*) *полтора часа*; «старинные полторы копейки» (Чехов). Во всех других случаях (в том числе и при словах мужского и среднего рода) падежная форма существительного в сочетании с *два*, *три*, *четыре* этимологически понимается как изолированная счетная форма существительных, в большинстве случаев омонимичная с формой родительного падежа единственного числа (ср. однако: *два шага́*, *три раза́*, *в два ряда́* при родительном падеже *ша́га*, *ра́за*, *ря́да*), по определяемая прилагательными во множественном числе. Повидимому, в этих конструкциях перед существительными мужского и среднего рода определяющее имя прилагательное ставится почти исключительно в родительном падеже множественного числа (*четыре сладких пирожка*, *два белых хлеба*, *три веселых детских личика*, *мои два громадных окна* и т. п., но: *мои две талантливые ученицы* и т. п.)*.

Идиоматическое своеобразие родительного падежа множественного числа существительных в сочетаниях с формами именительного и винительного падежей числительных от *пяти* до *девятьсот* подчеркивается не только грамматической опустошенностью этой падежной формы существительного, т. е. отсутствием в ней живых значений родительного падежа, но и отклонениями, «неправильностями» в приемах образования этой формы: *пять человек* (но *пять людей*); *десять цветков* (но ср.: *цветы — цветов*); *двадцать лет* (но ср. *к двадцати годам*) и т. д.

Еще более ярко выступают особенности форм этого счетного падежа в сочетаниях числительных с теми существительными, которые изменяются по системе склонения прилагательных (например: *портной*, *столовая*, *осьмая*, *парикмахерская*, *жаркое* и т. п.). Такие существительные даже после числительных *два*, *две*, *три*, *четыре* ставятся в форме родительного падежа множественного числа. Например: *две столовых*, *три восьмых*, *четыре портных*, *три борзых*, *четыре парикмахерских*, *два жарких* и т. п. (но: *два стола*, *две сестры* и т. п.)**.

---

* О происхождении этих оборотов (под влиянием словосочетаний типа: *двое красивых мужчин*, *трое прилежных учеников* и т. п.) см. у А. А. Шахматова, Исследование о двинских грамотах XV в., 1903, стр. 129.

** Любопытно у Л. Толстого употребление выражения *три рубля* в значении трехрублевый: «К осени собрались у сапожника деньжонки: *три рубля бумажка* лежала у бабы в сундуке» («Чем люди живы»).

§ 10. Приемы агглютинации в образовании составных имен числительных

Способы образования и синтаксического употребления составных числительных свидетельствуют о некотором отходе современных числительных от флективного строя. В сложных обозначениях чисел, начиная от *двадцати* с приложением единиц (*двадцать один*, *двадцать два* и т. п., *сто двадцать один*, *тысяча пятьсот тридцать пять* и т. п.), числительные сцепляются, склеиваются одно с другим в порядке следования чисел и цифр, в порядке счета и по большей части остаются в косвенных падежах неизменяемыми, кроме конечного, которое и несет на себе тяжесть синтаксической зависимости*. (Ср. примеры Р. И. Кошутича: *с шестьсот семьдесят двумя рублями*; *с двумя тысячами пятьсот пятьдесят двумя солдатами*)[13]. Так же и в составных порядковых именах прилагательных изменяется лишь конечное слово, а все остальные составные элементы приклеиваются друг к другу, выполняя роль количественных префиксов (например, *в тысяча девятьсот тридцать пятом году*)**.

Таким образом, в области образования составных числительных развивается своеобразный принцип агглютинации элементов. В самом деле, в морфологическом составе числительных от *одиннадцати* до *девятнадцати* обнаруживается склейка тематических обозначений единиц (*один-*, *три-*, *две-* и т. п.) посредством инфикса *-на-* с склоняемым суффиксом *-дцать* (10): *один-на-дцать*, *две-на-дцать*, *три-на-дцать*, *пят-на-дцать* и т. п. (Ср. у Маяковского: *сорок-надцать*). Эта агглютинация скорее префиксальная, чем суффиксальная; она нарушает арифметический порядок десятков и единиц. Ведь в цифрах единицы следуют за десятками (11, 12, 13 и т. д.)***, а в образовании числительных от *одиннадцати* до *девятнадцати* включительно названия единиц выдвинуты в зачин как основа слова (ср. тот же прием сцепления, но без инфикса, в немецком языке: vierzehn, fünfzehn и т. п.). Этим достигается цельность системы словообразования числительных (ср. *два-дцать*, *три-дцать*, *пять-десят* и т. п.). Еще Г. Павский писал: «Дав особенные имена только десяти первым и немногим последним числам (ср. *сорок*, *девяносто*, *сто*, *тысяча*), наш язык наравне с другими индоевропейскими, дальнейшее счисление десятков, сотен, тысяч производит посредством соединения единиц и десятков» [14].

---

* Ср. замечание В. И. Чернышева: «Числительные количественные частью как будто приближаются к частям речи неизменяемым» («Правильность и чистота русской речи», вып. II, стр. 196).

** Необходимо констатировать в этом случае разрыв русского языка с традициями церковнославянского (а следовательно, и греческого) языка.

*** Ср., например, в современных турецких языках, где самая распространенная и общеупотребительная система обозначений 11, 12, 13 и т. д. такова: сначала ставятся десятки, а потом единицы, например: un dürt (т. е. десять четыре — четырнадцать) и т. п. Ср. у Пушкина в «Путешествии в Арзрум» описание разговора с калмычкой: «Сколько тебе лет?» —«Десять и восемь».

Характерен морфологический параллелизм, хотя и нарушенный, между обозначениями единиц, десятков и сотен. Как в пределах названий единиц *два*, *три*, *четыре* выделяются в особую группу, так и среди обозначений десятков *двадцать*, *тридцать*, а также в именах сотен *двести*, *триста*, *четыреста* образуют небольшие обособленные морфологические группы. Слово *сорок* стоит одиноко среди числительных, хотя и сближается с словами *сто* и *девяносто* по характеру склонения. *Двадцать*, *тридцать* примыкают к системе склонения числительных *пять*, *шесть* и т. д. как неразложимые единства. На этом фоне морфема *-на-* в строе числительных от *одиннадцати* до *девятнадцати* легко выделяется как своеобразный инфикс (ср. *три-на-дцать* и *три-дцать*). Числительные *двести*, *триста*, *четыреста* тесно ассоциируются со словами *два*, *три*, *четыре* и выделяют в своем сложном составе падежные формы множественного числа *-сот*, *-стам*, *-стами*, *-стах*.

Однако в строении русских числительных способы агглютинации смешиваются с приемами синтетического строя (ср. склонение обоих составных частей в числительных *пятьдесят — восемьдесят* и *двести — девятьсот*).

§ 11. Множественность и раздробленность типов словоизменения в категории имен числительных

Смешанный характер морфологического строя русских числительных наглядно проявляется в разнообразии и пестроте их склонения. На фоне стройных систем склонения существительных и прилагательных раздробленность и множественность типов склонения числительных выступает как несомненный симптом «лексикализации» их, т. е. как симптом выпадения числительных из грамматики в словарь. Наличие изолированных групп в два-три слова или даже отдельных, единичных слов с своей собственной манерой склонения подчеркивает грамматическую омертвелость форм словоизменения числительных. Черты разрушения, ярко выступающие в формах отдельных числительных, углубляются отсутствием соотносительности между разными типами склонения числительных. Вместо живых систем — кучки «лингвистической пыли».

Выделяются такие основные типы:

1. Числительное *один* — с формами рода и с схемой местоименного склонения в единственном числе (ср. склонение местоимений *сам*, *этот*). Не подлежит сомнению, что употребление слова *один* подверглось сильному влиянию со стороны неопределенного члена немецкого и французского языков (un, einer).

2. *Два-две*, *три*, *четыре*. Формы этих слов характеризуются своеобразной серией окончаний родительного, дательного и предложного падежей, несколько напоминающих склонение прилагательных (особенно местоименных): *дву-х*, *-м*, *тре-х*, *-м*, *четыре-х*, *-м*. Но конечными гласными основы косвенных падежей и особенно формой творительного падежа их словоизменение резко отличается от

склонения прилагательных (*двумя*, *тремя*, *четырьмя*; ср. *ливмя́*, *стоймя́* и т. п.).

3. *Пять*, *шесть*, *семь*, *восемь*, *девять*, *десять*, *двадцать*, *тридцать*. Все эти числительные следуют однообразной системе склонения, напоминающей женское мягкое склонение существительных с нулевым окончанием в именительном падеже (типа: *кость*, *тень*). Но резкое отличие в ударении, которое в косвенных падежах этих числительных неизменно падает на окончание, как бы прикреплено к нему, подчеркивает их обособленность. Вообще у числительных ударение тяготеет к флексии (в составных словах — к окончанию не только второго составного слова, как, например, *двумста́м*, *тремста́м*, *тремяста́ми*, *о шестиста́х* и т. п., но и первого, например, *пяти́десяти*, *пятьюдесятью* или *пяти́десятью* и т. п.).

К этой системе отчасти примыкают еще две группы:

4. Числительные от *одиннадцати* до *девятнадцати*. Их отличие от группы *пять — десять* сводится лишь к сохранению ударения на втором (у всех, кроме слов *восемна́дцать* и *девятнадцать*) и третьем от начала (у слов *восемнадцать* и *девятнадцать*) слоге основы (слова *четы́рнадцать*, *оди́ннадцать* имеют ударение на корневом элементе, в остальных ударение падает на аффикс *-на́-*).

5. Числительные *пятьдесят*, *шестьдесят*, *семьдесят*, *восемьдесят*. В них склоняются обе части, причем косвенные падежи суффикса *-десят* превращаются в формы слова *десять*. Главное ударение сохраняется на окончании первой части (*пяти́десяти*, *семьюдесятью* и т. п.).

6. Отдельную морфологическую группу образуют числительные *двести*, *триста*, *четыреста*. В них склоняются оба составных элемента, причем в косвенных падежах суффиксы *-сти*, *-ста*, превращаются в формы множественного числа слова *сто*: *сот*, *стам*, *стами*, *стах* (с переносом ударения всего сложного слова на окончания, кроме родительного падежа — *двухсо́т*).

7. Близко к предшествующей группе стоят числительные *пятьсот — девятьсот*. Их отличия обусловлены грамматическими свойствами числительных: *пять*, *шесть*, *семь*, *восемь*, *девять*, составляющих первую часть этих сложных слов. В них изменяются обе части сложения с сохранением ударения на окончаниях второго компонента во всех падежах, кроме родительного (*пятисо́т*, *пятиста́м* и т. п.).

8. Обособленно стоят два соседа в числовом ряду десятков: числительные *девяносто* и *сто*, каждое из них располагает единственной формой косвенных падежей: *девяноста* и *ста*.

9. Параллель к ним представляет *сорок* с косвенным падежом *сорока*.

10. Совсем изолировано числительное *полтора — полторы*, сочетающееся с родительным падежом единственного числа имени существительного. Общий косвенный падеж *полу́тора* сочетается с формами существительных множественного числа (*эти полтора килограмма*, *этим полу́тора килограммам*). Впрочем при родительном падеже

полу́тора, очень редко при женской форме *полу́торы* (в просторечии же *полтора* — *полторы*, т. е. как в им. п.) имя существительное — без прилагательного — может стоять в родительном единственного числа: *От нас до ближайшей деревни не более полутора часа ходьбы*; *в течение какого-нибудь полутора часа*; *От нас до ближайшей деревни будет не более полуторы версты*[15]. Форма родительного единственного женского рода *полу́торы*, мало употребительная еще в самом начале XX в., повидимому, совсем исчезает. Вместо *полу́торы* в просторечии применяется *полторы́*. Повидимому, здесь частично намечается тенденция к употреблению *полтора* в качестве общей формы косвенного падежа без различия родов.

11. Морфема *пол-* с косвенным падежом *полу-* (в просторечии *пол-* неизменно), при этом *пол-* требует родительного падежа, а косвенный падеж *полу-* является согласуемой морфемой (*полдня потратить на поиски*; ср. *около полудня*). Впрочем, *пол-* и *полу-* все более превращаются в неизменяемую первую часть составных слов со значением половины или середины чего-нибудь: *полукруг*, *полдень*, *полночь* и т. п.*.

12. Промежуточное положение между группами количественных числительных и собирательных занимают формы слова *оба* — *обе*, косвенные падежи которого с основами *обои-* и *обеи-*** следуют системе склонения местоименных прилагательных, общей для всех собирательных числительных.

§ 12. Группа собирательно-разделительных имен числительных

К категории имен числительных наряду с обозначениями чисел относится группа собирательно-разделительных числительных***, распадающихся на два разряда: 1) *двое*, *трое*; 2) *четверо*, *пятеро*, *шестеро*, *семеро*, *восьмеро*, *девятеро*, *десятеро* (где явственно вы-

---

* Необходимо отметить морфологические своеобразия сложения числительной морфемы *пол-* с именами существительными. Номинатив образуется соединением *пол-* с родительным падежом существительного: *полминуты*, *полведра*, *полчаса* (ср. *эти полминуты*, *за эти полчаса*, *прошло целых полминуты*). К косвенным падежам существительного присоединяется количественный префикс *полу-* (*в течение этой полуминуты*, *в продолжение первого получаса*, *этого полуведра*), но иногда возможно в разговорной речи и неизменное *пол-* (*не забуду этой полминуты*; *полудня* и *полдня*, но *к полудню*; *пополудни*; *в полверсте* и *полуверсте* и т. п.; *полночь*, *полночи*; но: *по-полуночи*). Ср. также: *полгода*, *в течение полугода* и т. п., но множественное *полугодия*, *полугодий* и т. п. (Р а д. К о ш у т и ч, Граматика руског језика, II, 135). Ср. формы согласования: «У тебя *полголовы седая*, а между тем куда ты ни оборотишься, всюду у тебя скандал» (Лесков, «Соборяне»).

** Ср. остаток местоименного прилагательного *обой*—в идиоме *обоего пола*.

*** М и к л о ш и ч в Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen (IV, гл. III) называет числительные типа *двое*, *трое* и т. п. distributiva (разделительными). В современном русском языке собирательное значение возобладало в этих словах над разделительным. Однако употребление *двое*, *трое* и т. п. в сочетании с pluralia tantum (*двое ножниц*, *трое саней* и т. п.) явно основано на старом дистрибутивном значении этих числительных.

ступает суффикс *-еро*). В индивидуальной речи возможны новообразования с этим суффиксом *-еро*, вроде *восемнадцатеро* и т. п. Принадлежность этих собирательных слов к категории числительных доказывается совокупностью морфологических примет: 1) отсутствием форм рода; 2) неспособностью иметь в качестве определяющего слова имя прилагательное (кроме *весь*); 3) отсутствием форм числа, так как их номинативы своим внешним видом вызывают представление о форме единственного числа среднего рода, а косвенные падежи их заимствуют свои окончания из склонения прилагательных во множественном числе: *четверо*, *четверых*, *четверым*, *четверыми** и т. п.; 4) резким контрастом между формой именительного-винительного падежа, с которой сочетаются существительные в родительном падеже множественного числа, и формами косвенных падежей, в которых эти собирательные слова согласуются с определяемыми существительными: *четверо сыновей*, но: *лишился троих сыновей;* 5) смешанным характером системы словоизменения, сочетающей номинатив на *-е*, *-о*, с формами косвенных падежей по склонению прилагательных множественного числа.

Собирательно-разделительные числительные гораздо «субстанциональнее», предметнее, чем прямые обозначения чисел (ср. *пятеро* и *пять*, *двое* и *два* и т. п.). В применении к лицам собирательные числительные приобретают яркий отпечаток субстантивности (вне связи с родительным падежом): *семеро одного не ждут;* «И вместе *трое* все в него [в воз] впряглись» (Крылов); у Тургенева в рассказе «Муму»: «Одаренный необыкновенной силой, он работал *за четверых*» и т. п. Ср. в «Чапаеве» Д. Фурманова: «Вот кинулись *все четверо*, поплыли; *двоих убило* в тот же миг, лишь только коснулись воды. *Плыли двое*, уже были у самого берега, — и в этот момент хищная пуля ударила Чапаева в голову».

В значении и употреблении собирательно-разделительных числительных обнаруживаются категории лица и совокупности, характерные для имен существительных. Эти собирательно-количественные слова сочетаются главным образом с обозначениями лиц. Например: «У ней было *четверо сыновей*, в том числе и мой отец, *все четверо* были отчаянные игроки» (Пушкин, «Пиковая дама»).

Однако категория лица у них не совпадает с категорией лица имен существительных. В этих числительных сохранились отражения более древнего понимания категории лица. Числительные *двое*, *трое*, *четверо* и т. п. сочетаются с именами лиц только мужского рода: *двое военных*, *тров друзей*, *четверо крестьян* (но ср. также: *двое детей*, *двое ребят;* однако *дети* и *ребята* здесь надо понимать как формы, подводимые под категорию собирательности). «Имена женского рода, так же как имена животных и неодушевленных, не могут иметь при себе таких числительных:

* Впрочем, в современном языке формы творительного множественного *четверыми*, *пятерыми*, *шестерыми* и т. д. малоупотребительны; вместо них говорится: *четырьмя*, *пятью*, *шестью* и т. п.

ср.: *две женщины, два вола, три волка* [16]. Очевидно, что в оборотах *двое мужчин* (но: *две женщины*), *трое крестьян* (но: *три крестьянки*) и т. д. пережиточно отражается та стадия в развитии языка, когда категория одушевленности еще не сложилась, а категория лица охватывала названия лиц только мужского пола. Впрочем, в современной разговорной речи иногда употребляются и сочетания: *четверо женщин* («в комнате нас было четверо женщин»), *пятеро студенток* и т. д. Любопытно, что и числительные *два, три, четыре* в сочетании с названиями животных (очевидно, под влиянием таких случаев употребления составных числительных, как: *Колхоз насчитывает двадцать две коровы, сорок две лошади* и т. п.) употребляются в разговорном языке в винительном падеже прямого объекта вместо ожидаемого родительного одушевленности: *Я видел две коровы; Я встретил три кошки* [17].

Намечавшееся в газетных стилях второй половины XIX в. распространение этого оборота и на категорию лица встретило решительный отпор со стороны пуристов [18] (но ср., например, в составных количественных обозначениях: *Можно принять сто четыре студента* и т. п.). Проф. Р. И. Кошутич констатировал, что слова из категории лица (в противоположность названиям животных) в языке образованных людей первой четверти XX в. не были охвачены этим процессом нивелировки лиц и предметов при счете. Нормой и теперь остаются конструкции с родительным падежом прямого объекта: *Я видел двух детей, трех сестер* и т. п.

Собирательно-разделительные имена числительные — *двое, трое, четверо* — сочетаются также с существительными pluralia tantum. Например, *двое суток, трое саней* и т. п.*. Повидимому, это употребление к половине XIX в. вытеснило в литературном языке старые формы числительных-прилагательных *двои, трои* и т. п. Ср.: «Остановимся, может быть, сутки на двои» (Фонвизин); «Он мог так пробыть хоть трои сутки» (Гончаров).

В первой трети XIX в. еще употреблялись обе формы: *двое* и *двои*, но уже в «Практической русской грамматике» Н. И. Греча обнаруживается склонность к смешению этих двух типов (т. е. *двое, трое, четверо* и т. п. с *двои, трои, четверы* и т. п.). Указывая на то, что *двое, трое, четверо, десятеро, семеро* «служат для обозначения числа предметов одушевленных, личных, а *двои, трои, четверы* — для исчисления имен, употребляемых только во множественном числе», Греч предписывает сочетать и те и другие формы с родительным падежом множественного числа: *двои часов, трои саней, четверы ножниц* [19]. Ср. у Пушкина: «Сделаны были трои триумфальных ворот» («Материалы для истории Петра I»); у Гончарова: «Знаменитые отпиратели всяких дверей и сундуков...

* Любопытно, что *двое, трое, четверо* и т. п. в применении к парным предметам могут обозначать, в отличие от числительных *два—две, три, четыре*, две, три пары чего-нибудь: *двое брюк, двое сапог, двое перчаток* и т. п. (Рад. Кошутич, Граматика руског језика, II, 129; P. Boyer et N Spéranski, Manuel pour l'étude de la langue russe, p. 265).

пробились *трои суток*... и объявили замок неотпираемым» («Фрегат Паллада») и т. п. *.

Однако А. Х. Востоков («Русская грамматика», § 44, I, 6), а за ним и Павский стремятся разграничить употребление *двое*, *трое* и т. п. и *двои*, *трои* и т. п.: «*двое* прикладывать к одушевленным существам и сочетать с родительным падежом, а прилагательные *двои* прикладывать к неодушевленным и сочетать с ними в одном падеже и числе. Например: *двое товарищей*, *двое слуг*, *двои сапоги*, *двои рамы*, *двои очки*»[20].

Позднее К. С. Аксаков констатировал: «Мы употребляем *двое*... Мы не смеем употребить *двои*..., но народ употребляет обе формы, он говорит: *двои ключи*. Образованный или лучше испорченный наш язык оскорбляется таким выражением и называет его простонародным... Наше употребление: *двое* — не смело и даже смешно, мы говорим: *двое молодцов*, но не скажем *двое человек*, не скажем *двое женщин*, *двое ведер*, предаваясь какому-то темному и прихотливому такту слуха, привычки»[21].

Формы *двои*, *трои*, *четверы* и т. п., вытесненные омонимическими формами *двое*, *трое* и т. п., вымерли, так как противоречили основному принципу категории числительных — принципу грамматического разрыва между номинативом и косвенными падежами. Но в современном языке при pluralia tantum собирательные числительные, кроме *двое*, *трое*, *четверо*, употребляются наряду с простыми числовыми обозначениями. В сочетании *двое*, *трое*, *четверо суток*, *ворот* и т. п. совсем недопустима замена *двое*, *трое*, *четверо* через *два*, *три*, *четыре*. Начиная с *пяти* возможны параллельные конструкции: *пять суток* и *пятеро суток*, *шесть ворот* и *шестеро ворот* и т. п. Повидимому, *пять*, *шесть ворот* и т. п. гораздо нормальнее, чем *пятеро*, *шестеро ворот*. В косвенных падежах употребление простых числительных при pluralia tantum явно предпочитается: *при помощи двух щипцов*, *с тремя ножницами*, *на четырех воротах*[22], *с семью дверями* и т. п. Формы косвенных падежей от *пятеро*, *шестеро* и т. п. в связи с существительными pluralia tantum, повидимому, вовсе неупотребительны.

§ 13. Группа неопределенно-количественных имен числительных

Кроме собирательно-количественных слов, в категорию числительных входят также слова, обозначающие неопределенное количество: *сколько*, *столько*, *несколько*, *много*, *немного* (и в основной форме слова: *мало*, *достаточно*)**.

---

* О возникновении оборотов *двои*, *трои* с родительным падежом множественного числа см. у А. А. Шахматова («Исследование о двинских грамотах XV в.», СПБ 1903). А. А. Шахматов видел здесь результат взаимодействия оборотов *два часа* и *двои сутки*, т. е. перенос родительного падежа из конструкций с *два*, *три* и т. п. на формы с *двои*, *трои* и т. п. (стр. 128—129).

** Еще Г. Павский относил *сколько*, *столько*, *несколько* к числительным («Филологические наблюдения», Рассуждение второе, стр. 311).

По поводу сближения таких слов, как *много, мало, немного*, с классом числительных проф. А. А. Добиаш писал: «Количество, заключающееся собственно в величине измеряемой «вещи», значит — в чем-то геометрическом, легко превращается в нечто арифметическое, т. е. число» [23]. Несколько иначе изображал семантические основы этого процесса А. А. Потебня: «Понятие количества получается отвлечением от понятий измеряемого. На ступени конкретности количество должно было качественно изменяться вместе с изменением измеряемого... Формально этот взгляд на количество сказывается в языке более древнего строя в том, что неопределенное точно количество многих вещей или одной, представляемой собирательно, выражается прилагательным..., т. е. атрибутом, содержание коего мыслится в самых этих вещах. При этом разница между количеством вещей и величиной каждой из них формально не выражена и устанавливается контекстом: *малые люди* может значить не только parvi homines (когда каждый мал ростом или мал в общественном, нравственном отношении) но и pauci homines, в новом языке: *мало людей*. Новый язык ставит этот последний оборот» [24]. Ср. в современном языке: *много людей*, но: *с многими людьми, многих людей, многим людям* и т. п. По мнению Потебни, числительные *много, мало* и т. п. произошли из «донаречных существительных» [25].

Все эти слова: *сколько, несколько, много, немного, столько* (ср. *мало*) — характеризуются тем, что они совмещают значение числительных с функциями наречий, а некоторые из них — и прилагательных. В этом совмещении нет ничего удивительного. Качество и количество внутренно связаны. А наречия ведь соотнесены со всеми категориями имен, в том числе и с числительными. Однако самый принцип объединения разных категорий, принцип грамматического синкретизма в этих словах проявляется очень своеобразно. Пример — слово *много*. Оно имеет такие значения:

1) Наречие. В большом количестве, очень: *много пить; Много будешь знать — скоро состаришься* (поговорка).

2) В значении категории состояния: о чем-нибудь имеющемся, предлагаемом или требуемом в слишком большом количестве, например: *Пять рублей за одни подметки—это слишком много*; *Двадцати пяти рублей мне много, достаточно и пятнадцати.*

3) В значении количественного наречия: значительно, гораздо — усиливает степень качества (при сравнительной степени прилагательных и наречий) (разговорно), например: *много больше, много меньше* и т. п. (в просторечии также с префиксом-предлогом *на— намного меньше*).

К этим наречным значениям примыкает и неизменяемое разговорное выражение с оттенком модальности—*ни много ни мало* (в значении: именно так много, ровно столько): *Запросил ни много ни мало сто рублей.*

4) В значении числительного количественного: большое количество чего-нибудь, например: *Я нашел там много друзей;*

Много лет прошло с тех пор; Мне предстояло очень много хлопот.

Переход слова *много* в категорию числительных связан с отрывом его от роли наречия и от функции сказуемого, с вовлечением его в круг количественно-предметных отношений. *Много (шуму)* — это наречие в функции названия и, следовательно, в положении определяемого. Возникновение номинатива превращает количественное наречие в имя числительное.

Вовлекаясь в круг имен числительных, слово *много* должно было прислониться к какой-нибудь системе склонения. Числительному *много* противостоят прилагательное *многие* и существительные: *многое* — нечто значительное по объему содержания, многие вещи (*во многом я не согласен с вами, многое было скрыто от меня*) — и *многие* — неопределенно большое количество людей. Этими словами выражаются понятия качественной множественности и понятие множества вещей и понятие множества лиц. Слово *много*, следуя традиции всех имен числительных (а особенно имен числительных *двое, трое, четверо, несколько)*, для косвенных падежей адаптирует формы склонения прилагательного *многие*. Слово *многие (многий)* под влиянием своего лексического значения потеряло формы единственного числа. Сочетаясь с существительными множественного числа, оно значит: взятый в большом числе, количестве, многочисленный (по отношению к части, ряду предметов одной категории). Возникает вопрос: есть ли какое-нибудь смысловое различие между косвенными падежами множественного числа от прилагательного *многий* и от числительного *много*? Иными словами, можно ли определить по значению, какие случаи употребления форм *многих, многим, многими* относятся к системе склонения имени прилагательного *многие* и какие — к имени числительному *много*? В фразе *Мне нехватает многих сведений* само значение глагола как будто указывает на количественно-числительную функцию формы *многих*. В предложении *Со многими друзьями я рассорился*, напротив, ощутим качественный оттенок, присущий употреблению слова *многие*.

Однако в обоих случаях формы *многих, многими, многим* сохраняют все синтаксические свойства прилагательного: 1) формы согласования и 2) способность определяться наречием (количественным — *очень многих, весьма многим*). Правда, и числительное *много*, вследствие своей связи с наречием, тоже не теряет возможности количественно-наречного определения: *Я видел так много горя; Он испытал очень много несчастий на своем веку; Очень много забот у меня* и т. п. При этом чувствуется разница между *Многие люди* (рассматриваемые порознь) *думают, что...* и *Много людей* (взятых вместе) *гибнет на войне* [26].

Следовательно, различение функций имени числительного и прилагательного в формах косвенных падежей *(многих, многим, многими)* не может быть произведено по чисто грамматическим признакам. Все другие признаки такого различения также оказываются

случайными и неопределенными. Итак, в слове *много* категория имени числительного для своего выражения могла приспособить лишь наречную форму на *-о* в качестве «номинатива», так как образованию форм косвенных падежей этого слова мешала омонимия с формами прилагательного *многие* (ср. слово *достаточно*, к которому косвенные падежи явно не притягиваются из системы прилагательного *достаточный*, или слово *мало*, к которому косвенные падежи прилагательного *малый* вовсе не подходят по значению). Отличие числительных *много*, *немного* от прилагательных *многие*, *немногие* в основной форме *(немного усилий — немногие усилия; мало знаний — малые знания; много трудов — многие труды)* не отражается на системе их косвенных падежей. Все же тесная связь форм *много — многих*, *немного — немногих* и т. п., особенно на фоне соотношений *несколько — нескольких*, *столько — стольких*, *сколько — скольких*, сильно давит на форму *многие*, и при наличии добавочных указаний на счет *(Я не досчитался многих книг)* формы *многих*, *многим* и т. п. тяготеют к имени числительному *много*.

Итак, в словах *много*, *мало*, *немного** нет полного комплекта строго очерченных форм, характерных для категории числительных. Чрезвычайно интересно, что одна форма номинатива *много*, *мало*, *немного* со всеми грамматическими особенностями ее употребления как бы гарантирует переход этих слов в имена числительные и обеспечивает соотносительность их с другими грамматическими группами числительных (ср. однотипность *много* и *несколько*). Конечно, само лексическое значение слов *много*, *немного*, *мало* играло существенную роль в этом процессе грамматического переосмысления. Тем не менее здесь очень рельефно выступает удельный вес основной формы («номинатива») в категории числительных. Это — лишнее доказательство функциональной слабости системы склонения числительных.

В неопределенных числительных *сколько*, *столько*, *несколько* специфические особенности и свойства числительных выражены полностью. Слова *сколько*, *столько* в областных диалектах, следуя акцентологической норме числительных, переносят даже ударение на флексии косвенных падежей *(столько — столько́х*, *сколько — сколько́х* и т. п.**.) Омонимия с наречиями здесь не создает «морфологических двойников», так как употребление наречий и числительных четко разграничено синтаксически и функционально. В выражениях *Я несколько удручен отсрочкой летнего отпуска* и *Я хотел бы сказать несколько слов* никто не отнесет оба случая

* Ср. также: *видимо-невидимо*. У Герцена: «Он перевез видимо-невидимо денег в Америку» («Былое и думы»).

** По поводу склонения форм *сколько*, *столько*, *несколько*, *двое*, *трое* и т. п. Г. Павский заявлял: «Закон санскритского языка, по которому числительные имена среднего рода сохраняют только именительный и винительный падежи единственного числа, а во всех прочих падежах склоняются по множественному числу, господствует и в нашем языке» («Филологические наблюдения», Рассуждение второе, стр. 243—244).

употребления *несколько* к одной категории. Однако любопытно, что при именах лиц и животных одинаково возможны две конструкции: *Я видел несколько детей* и *Я видел нескольких детей.*

§ 14. «Нумерализация» существительных женского рода, имеющих отвлеченное значение неопределенно-большого количества

Кроме всех этих разрядов имен числительных: 1) счетных, 2) количественно-собирательных и 3) неопределенно-количественных, к категории числительных притягиваются отвлеченные существительные, обозначающие неопределенно-большое количество чего-нибудь: *бездна, гибель, уйма, масса, пропасть, тьма**. Ср.: «Народу съехалось тьма-тьмущая» (Тургенев, «Однодворец Овсяников»). Однако эта «нумерализация» существительных еще не ведет к утрате ими форм рода и синтаксических свойств имени существительного. Она сказывается лишь в ослаблении у этих слов предметного значения и в сочетании их с формами глаголов прошедшего времени единственного числа среднего рода**. (Ср., например, у Пушкина: «Таких, как он, такая бездна!»; у Достоевского: «Публики сегодня приходило целая бездна» и т. п.)

§ 15. Гибридный грамматический строй числительных в современном русском языке

Грамматическое строение современных русских числительных ярко отражает приемы приспособления архаической морфологии к новым формам мышления. Разрыв употребления и значения указывает на переходную стадию в истории числительных. Древние синтетические формы числовых существительных и прилагательных подверглись в категории числительных разрушительному натиску отвлеченного математического мышления. Старая техника языка вступает в противоречие с новыми принципами понимания и выражения отвлеченных понятий числа и количества.

---

* В сущности, слово *тьма* по происхождению является архаическим существительным, обозначавшим в церковнославянском языке: десять тысяч (греч. myrias), непостижимое множество *(тьма тем).*

** Для того чтобы еще рельефнее выступило глубокое различие между именами числительными и существительными и прилагательными, можно сопоставить употребление и строение числительных и тех групп имен существительных и прилагательных, которые имеют общие основы с числительными. Например, в категории существительных: а) *треть, четверть* (соотносительно с *пять, шесть, семь, восемь, девять* и т. п.); б) *двойка, тройка, четверка, пятерка* и т. п. (соотносительно с *два—двое, три—трое* и т. п.); в) *единица, троица, ср. пятница;* г) *четверня, пятерня, шестерня*, ср. *сотня, двойня, тройня*; д) *десятина, осьмина*, ср. *четвертинка;* е) *пяток, десяток;* ж) *четверик, осьмерик, девятерик* и т. п.; з) *четвертак, пятак.* Ср. еще: *десятник, тысячник* и т. п.

В категории прилагательных: 1) *первый, второй, третий, четвертый, пятый* и т. п.; 2) *двойной, тройной, четверной* и т. п.; 3) *двоякий, трояким;* 4) *двойственный, тройственный* и т. п.

Кроме того, *пятая, восьмая* (доля) и т. п. субстантивируются, сочетаясь с числительными: *две пятых, три восьмых* и т. п.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ «ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ»

1. Статья М. Я. Выгодского, Понятие числа в его развитии, «Естествознание и марксизм», 1929, № 2.
2. «О преподавании русского языка», 1844, ч. 2, стр. 6.
3. «Синтаксис русского языка», вып. II, стр. 91—93.
4. Ср. В. И. Чернышев, Правильность и чистота русской речи, вып. II, стр. 202.
5. Ср. акад. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, вып. I, стр. 14, примечание, стр. 42.
6. Там же, стр. 271.
7. Ср. объяснение этого процесса у А. А. Шахматова в литографированном курсе «Истории русского языка», ч. III, История форм.
8. В. И. Чернышев, Правильность и чистота русской речи, вып. II, стр. 196.
9. Рад. Кошутич, Граматика руског језика, II, Облици 1914, стр. 123.
10. «О грамматике вообще (по поводу грамматики г. Белинского), «Сочинения филологические», ч. I, стр. 10.
11. «Синтаксис русского языка», вып. II, стр. 91—92.
12. Ср. Рад. Кошутич, Граматика руског језика, II, стр. 125.
13. Рад. Кошутич, Граматика руског језика, II, стр. 124.
14. «Филологические наблюдения», Рассуждение второе, стр. 190.
15. P. Boyer et N. Spéranski, Manuel pour l'étude de la langue russe, p. 269.
16. А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка, стр. 92.
17. Рад. Кошутич, Граматика руског језика, II, 125.
18. Ср. статью И. Николича в «Филологических записках», 1878, вып. I.
19. Н. И. Греч, «Практическая русская грамматика», 1834, стр. 102.
20. «Филологические наблюдения», Рассуждение второе, стр. 245.
21. «Опыт русской грамматики», «Сочинения филологические», ч. II, Прибавление, стр. 93.
22. B. Unbegaun, La langue russe au XVIe siècle, p. 444. Ср. также P. Boyer et N. Spéranski, Manuel pour l'étude de la langue russe, p. 265.
23. А. А. Добиаш, Опыт симазиологии частей речи, стр. 204.
24. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, III, стр. 498.
25. Там же, IV, стр. 245.
26. Там же, III, стр. 498.

IV. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПЕРЕЖИТКИ МЕСТОИМЕНИЙ КАК ОСОБОЙ ЧАСТИ РЕЧИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. КАТЕГОРИЯ МЕСТОИМЕНИЙ В ЕЕ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ

§ 1. Грамматические судьбы класса местоимений

Древний грамматический класс местоимений как субъективно-указательных слов, определяющих действительность в ее отношении к говорящему лицу, к данной обстановке речи, в истории русского языка пережил глубокие изменения своего строя. Большая часть местоимений слилась с категориями имен прилагательных, наречий, союзов и частиц. Согласуемые в роде, числе и падеже определительные местоимения, оказав громадное формирующее влияние на всю категорию членных имен прилагательных, объединились с ней и функционируют в ее пределах как особый грамматико-семантический и словообразовательный тип (с некоторыми своеобразиями в системе склонения). Другие местоимения превратились в наречия и частицы. Но небольшая группа местоимений, указывающих на лица и предметы, до сих пор остается вне системы живых грамматических классов*. Близость к именам существительным не могла стереть у этих слов грамматических своеобразий, свойственных особому классу местоимений. Группа личных и предметных местоимений обременена чисто формальными функциями, ослабляющими их лексическую знаменательность и синтаксическую самостоятельность. Например, личные местоимения вовлечены в круг глагольных категорий и выступают в качестве показателей лица («личных префиксов») в формах прошедшего времени и условно-желательного или сослагательного наклонения (*я знал, ты знал, мы знали* и т. п., *я знал бы, мы знали бы* и др.), оказывая влияние и на употребление форм настоящего-будущего времени в сочетании с теми же личными местоимениями. Местоимение *кто* —

* Любопытно, что еще И. Ф. Калайдович в своей «Грамматике языка русского» (ч. I, «Познание слов», М. 1834), относя местоименные прилагательные к категории имен прилагательных, выделяет предметно-личные местоимения в особый класс «названий» лиц.

что одной своей стороной примыкает к относительным союзным словам. Вот полный состав* этой группы «бесприютных» местоимений: *я, ты, мы, вы, себя, он — она — оно — они, кто — что, никто — ничто*, употребляемые лишь в именительном падеже *некто* и в именительном-винительном *нечто* (в качестве косвенных падежей употребляются формы *кого-то, чего-то, кому-то, чему-то*, и т. д.)**, не имеющие именительного падежа *не́кого — не́чего*, составные *кто-то, что-то, кто-нибудь, что-нибудь, кто-либо, что-либо, кое-кто, кое-что*. Сюда же, конечно, отчасти примыкают своими компонентами *кто — что* синтаксические идиоматизмы: *не кто иной как, не что иное как* (ср. *кто бы ни, что бы ни*).

---

* Некоторые лингвисты (например, проф. Л. В. Щ е р б а в статье «О частях речи») сближают с этой группой местоимений субстантивированные формы местоименных прилагательных, обнаруживающие с нею кое-какую общность морфологических особенностей и синтаксических свойств: *все* (мн. ч.): «Все ахнули» (Пушкин); *всё* (ср. р.) и архаическое выражение *всё* и *вся:* «Это заговор, в котором принимают участие не одна литература, а всё и вся» (Салтыков-Щедрин); «Всё мгновенно, всё пройдет» (Пушкин); *всякий* (архаич. *всяк*): «Всякий мешается, всякому хочется показать, что он тоже умный человек» (Гоголь); «И всяк зевает да живет — и всех вас гроб, зевая, ждет» (Пушкин); *каждый*: «каждому — свое»; *это, то:* «Герман не обратил на то никакого внимания» (Пушкин); *тот:* «Тот хотел арбуза, а тот — соленых огурцов» (Державин). Действительно, эти слова в субстантивном употреблении обнаруживают все признаки переходного состояния. Однако они не сливаются с классом предметно-личных местоимений. Всякая субстантивация местоименных слов (например: *все мое — твое, твердить свое, поставить на своем* и т. п.) ведет к образованию промежуточных форм. Нет оснований обособлять их от других субстантивированных прилагательных вроде: «Сейте разумное, доброе, вечное» (Некрасов) и т. п. Так, прилагательные *тот, этот*, субстантивируясь, сохраняют почти все черты субстантивированных прилагательных. Любопытно, что слово *этот* в прямом указательном значении не может быть подлежащим при сказуемых, выраженных существительными. Ср.: *это — мой брат, та—моя сестра*. Точно так же прилагательное *сам*, субстантивируясь, не переходит в местоимение. Прав акад. А. А. Шахматов, который в случаях, как: *сам знаю, сами знаем*, видит только пропуск или невыраженность личного местоимения, вызванные наличностью данной глагольной формы («Синтаксис» II, стр. 89). Для социальной истории слова *сам* — в значении хозяин — представляет интерес такой разговор действующих лиц в пьесе А. Н. Островского «Сердце не камень»: Аполлинария Панфиловна: «Что это вы, Вера Филипповна, точно русачка из Тележной улицы, мужа-то «сам» называете?» — Ольга: «Тетенька всегда так». — Вера Филипповна: «Мы... люди не модные, немножко старинки придерживаемся. Да не все ли равно? Как его ни называй: муж, хозяин, сам, — все он большой в доме». — Аполлинария Панфиловна: «Ну, нет, разница. «Хозяин» — уж это совсем низко: у нас кучерова жена своего мужа «хозяином» зовет; а и «сам» тоже, разве уж которые еще в платочках ходят».

** Впрочем в книжном языке иногда наблюдаются случаи употребления косвенных падежей местоименного прилагательного *некий* в функции косвенных падежей местоимения *некто*. Ср. у Л. Андреева: «Видит как бы впервые нежный лик некоего в сером» («Искупитель века»). «Вследствие такого сближения местоимений, — пишет В. И. Ч е р н ы ш е в, — при *некий* получаем родительный *некого*, известный в старом и современном языке» («Правильность и чистота русской речи», 1915, вып. II, стр. 215).

Прежде чем приступить к анализу этой группы местоимений, необходимо рассеять некоторые недоразумения, связанные с вопросом о местоимениях в русской грамматике*.

§ 2. Механическое смешение классической и романтической (субъективно-идеалистической) точек зрения в учении о местоимениях

За исключением предметно-личных местоимений, составляющих небольшую грамматически обособленную группу, другие разряды местоимений рассеяны по разным грамматическим категориям. Они не образуют самостоятельного грамматического класса.

Традиционное, восходящее к греко-римской грамматике определение всего класса местоимений как заменителей или заместителей имени, основанное на этимологии термина м е с т о и м е н и е (греч. antonymia, латинск. pronomen=вместо имени), было забраковано в русской грамматике еще в первой половине XIX в. [1].

Г. Павский начинал свое рассуждение о местоимении такими словами: «Имя, данное м е с т о и м е н и я м, не вполне выражает их значение в языке. Местоимения не заменяют имен, а служат только указанием на них или напоминанием об них, вовсе не выражая качества, вида, числа вещей..., только намекают на них... Местоимение не только не заменяет имени, но даже прямо противоположно ему. Имя, какое бы оно ни было,—существительное, прилагательное или числительное—прямо указывает на вещь или на ее качество или определительно именует известное число и, следовательно, имеет в себе внутреннее содержание, наглядное, осязаемое, а местоимение служит только формою для умственного созерцания и распределения вещей на категории. Так, например, под оглавление *кто*, *что* подходят все имена существительные, под оглавление *какой*, *чей* — все прилагательные, под оглавление *сколько*... или *который* — все числительные. Как номер или заглавие книги не может заступить место самой книги, так точно и местоимение не заступает места имени» [2].

Акад. И. И. Давыдов вторил Павскому: «Местоимение неправильно называют частью речи, поставляемою вместо имени предмета. Поэтому все тропы, например, часть вместо целого, причина вместо действия, особливо все метафорические выражения должны бы относиться к местоимениям, и, наоборот, местоимения указательные, притяжательные и неопределенные не принадлежали бы к этой части речи»**. Итак, вопреки традиционному учению, унаследованному от античных грамматик, местоимение, по большей

---

* Моя точка зрения на русские местоимения целиком принята проф. Д. В. Б у б р и х о м: «Местоименные слова — это в основном семантический разряд слов, отнюдь не грамматический... Они могут тянуть и к существительным, и к прилагательным, и к наречиям и к счетно-измерительным словам (которые сами тянут к разным частям речи), и вообще к чему угодно. Исключительное их семантическое своеобразие приводит к появлению исключительных синтаксических и морфологических особенностей. Особенно ярко это сказывается у тех личных местоименных слов, которые тянут к существительным (*я*, *ты* ...). По отношению к языкам типа индоевропейских, финноугорских и т. п. не приходится колебаться в выделении их в особую часть речи. Вот здесь-то и годится термин «местоимение». Довольно ярко то же сказывается у некоторых других местоименных слов именного склада, чаще всего у тех, которые отвечают на вопросы *кто* или *что*» («Вестник Академии наук СССР», 1946, № 4, стр. 103).

** «Опыт общесравнительной грамматики русского языка», 207. Ср. заявление К. С. А к с а к о в а: «Если исходить из этимологии слова м е с т о и м е н и е, то *он* есть единственное местоимение, только в этом случае нисколько не составляющее особой части речи». (См. «О грамматике вообще», «Сочинения филологические», ч. I, стр. 9. Ср. «Филологические наблюдения»

части, не является заменительным словом, не употребляется вместо имени. К этому выводу пришла научная русская грамматика еще в 40-х годах XIX в.

На фоне складывавшейся (под влиянием Г. Павского, И. И. Давыдова, К. С. Аксакова) субъективно-идеалистической системы русской грамматики местоимения ликвидировались как особая часть речи. «Местоимение никак не составляет отдельной части речи», — писал в 1838—1839 гг. К. С. Аксаков по поводу грамматики В. Г. Белинского*. В русской грамматике 40—50-х годов XIX в., отчасти опиравшейся на идеалистическую философию, местоимения становились семантической основой имен существительных и прилагательных. Местоимения рассматривались как первые имена. На местоимениях иллюстрировались (например, Г. Павским и

Г. Павского, Рассуждение второе, стр. 266. Ср. W. Wundt, Völkerpsychologie, II, 2, стр. 164). Ср. употребление среднего рода *оно* как заместительного указания на *то* у Жуковского в переводе «Эммы» Шиллера:

То, что нас одушевляло,
Эмма, как то пережить?
Эмма, то, что миновало,
Как тому любовью быть?
Небом в сердце зажжено,
Умирает ли *оно*?

Ср. указательное значение местоимения *оно* в конструкциях такого типа: «Старайся жить, оно не так легко, как кажется» (Тургенев, «Фауст»). «Меньше иллюзии будет... Оно полезнее» (Боборыкин, «Обречена»). Понятно, что местоимение *он* может употребляться в качестве указания не только на предыдущее, но и на последующее. Например, у Пушкина в «Евгении Онегине»:

Татьяна, русская душою,
Сама не зная почему,
С *ее* холодною красою
Любила русскую зиму.

Тут *ее* относится к *зиме*. В этом случае местоимение служит средством живого представления того, что еще не высказано, что еще не названо.

В сущности ярче всего в этом смысле «местоименное» значение обнаруживается в словах: *то-то* и *то-то*, *такой-то*. Ср. в письме А. А. Блока к матери передачу его разговора со школьным учителем словесности Суровцевым:

«Суровцев: Что вы делали летом по русскому языку? — Я: Читал Достоевского.

Суровцев: Что именно? — Я: То-то и то-то».

(Письма Ал. Блока к родным, 1927, стр. 32).

Ср. стихотворение Пушкина «В альбом кн. П. П. Вяземскому».

Душа моя Павел!
Держись моих правил:
Люби *то-то*, *то-то*,
Не делай *того-то*,
Кажись, это ясно,
Прощай, мой прекрасный.

Ср. об указательной функции местоимения 3-го лица в разных языках у И. И. Мещанинова («Члены предложения и части речи», стр. 224 и след.).

*К. С. Аксаков, Полное собр. соч., т. II, «Сочинения филологические, ч. I, стр. 7, М. 1875. Ср. также в «Критическом разборе грамматики Ф. И. Буслаева» (ч. 2, стр. 596—597). Любопытно, что Н. И. Греч еще признавал местоимение особой «частью и частицей речи»: «Местоимение есть часть речи, заменяющая имя предмета или качества и в то же время означающая отношение всего предмета или качества к бытию» («Практическая русская грамматика», 1934, стр. 23, 105).

К. С. Аксаковым) «чистые идеи» предметности и качества (ср. сходные замечания о местоимениях в «Русском синтаксисе» А. М. Пешковского). Личные местоимения рассматривались как источник категорий лица, предмета и рода (*он*, *она*, *оно*), как выражение акта человеческого самосознания, сознания *я* и противопоставления *я* и *не-я*. «Природа имеет свое общее имя, — поучал Белинского К. Аксаков, — это имя *он* (*-а*, *-о*), все то, что существует вне *я* и вне *ты*» [3]. Сами имена существительные освещались как восполнение и развитие личных и предметных местоимений. «*Я*, *ты*, *он* бесспорно относятся к имени. В грамматиках же наших слова эти называются местоимениями. Хотя очень странно вообразить *я*, *ты* местоимениями — вместо какого имени употребляются они? — но, однако, самое слово местоимение указывает на разряд имени», — отмечал К. С. Аксаков в своем «Опыте русской грамматики» [4].

Итак, идеалистическая философия, а за нею и русская грамматика 40—50-х годов XIX в. видела в акте самосознания «я», в возникновении местоимения 1-го лица зарождение самой категории имени. Эта точка зрения отражается в грамматических концепциях Павского, И. И. Давыдова, К. С. Аксакова. Здесь всюду история имени начинается с возникновения местоимения 1-го лица*.

Нетрудно заметить, что современная русская грамматика целиком остается во власти этих двух точек зрения: античной, «классической», и романтической, субъективно-идеалистической. Ныне местоимения или, по традиции, во всем своем составе, несмотря на полную грамматическую разобщенность отдельных групп, сохраняются как особая грамматическая категория, как самостоятельная часть речи (например, у акад. А. А. Шахматова), или же, лишаясь звания особой части речи, механически распределяются по классам имен существительных и прилагательных. (Наречные местоимения обычно не отделяются от наречий даже теми, кто признает местоимения особой частью речи.) Между тем, если все местоимения собрать в один класс, то нарушится цельность системы частей речи: в классе местоимений окажутся слова разной грамматической природы. Объединение местоимений возможно лишь на основе лексико-семантических признаков. Но тогда к местоимениям придется отнести и некоторые из тех слов, которые являются существительными, прилагательными, наречиями, союзами и даже глаголами. Если же упразднить класс местоимений и рассортировать местоимения по другим категориям, то окажется необходимым не только среди прилагательных, но и среди существительных выделять местоимения в особые разряды. Целесообразно ли это? Ответить на этот вопрос поможет анализ смысловой структуры местоимений.

---

* К. Маркс в «Капитале» так иронизировал по поводу этой фихтеанской философии: «В некоторых отношениях человек напоминает товар. Так как он родится без зеркала в руках и не в качестве фихтеанского философа: «Я есмь я», то человек сначала смотрится, как в зеркало, только в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку. Вместе с тем и Павел, как таковой, во всей его павловской телесности, становится для него формой проявления рода «человек» («Капитал», т. I. изд. 8-е, 1936, стр. 17). Иронизируя над живучестью этой субъективно-идеалистической концепции местоимений как основной и первичной формы самосознания, Есперсен вспоминал Фихте старшего, который, по рассказам, выделял как праздник не день рождения своего сына, а тот день, в который тот впервые назвал самого себя «я» (O. Jespersen, Die Sprache, ihre Natur, Entwicklung und Entstehung, Heidelberg 1925, S. 102. Ср. также E. Kassirer, Philosophie der symbolischen Formen, Bd. I. Die Sprache, S. 224—228).

Гумбольдт полагал, что первым актом в развитии языка является осознание личности говорящего, выражаемое местоименными словами. Исходя из этого априорного положения Гумбольдта, идеалистические учения об языке доказывали, что личные местоимения во всех языках принадлежат к древнейшему и наиболее устойчивому слою речи.

§ 3. Местоимения как особый лексико-семантический тип слов

Семантическая характеристика местоимений в современной русской грамматической литературе односторонняя. Она уводит, если не назад, то в сторону, от плодотворных идей Потебни. А. А. Потебня, вслед за Штейнталем, учил, что когда-то все слова делились на два лексико-семантических типа: 1) на слова «качественные», отражавшие действительность в ее конкретных признаках, и 2) на слова «указательные», означавшие явления и восприятия указанием на их отношение к говорящему лицу*. Указательные слова составляли особый грамматический класс местоимений. Но затем в процессе эволюции грамматического строя местоимения слились с такими частями речи, как глагол, существительное, прилагательное, наречие и растворились в них. Потеряв свою грамматическую определенность, местоимения, по Потебне (и его первоисточнику — Штейнталю), сохранили своеобразие своей семантической природы как слова относительные, указательные и субъективные. Они не называют предметов, качеств, обстоятельств и других явлений действительности, а указывают или намекают на них. И все же местоимения, по словам Потебни, нельзя безоговорочно объявить формальными словами. Среди местоимений есть слова и вещественные, конкретные, и вещественно-формальные (например, указательные *тот*, *этот*), и чисто-формальные (например, *я*, *ты* и т. д. при прошедшем времени глагола). Потебня подчеркивал возможность и позднейшего образования местоимений от имен с «качественными корнями; ср. немецкое man в man spricht, французское on в on parle [5]. Таким образом, Потебня думал, что местоимения не составляют особой части речи, но представляют собою своеобразный лексико-семантический тип слов, в котором — при ближайшем анализе — можно наметить отдельные, более мелкие лексические классы и группы. Акад. Овсянико-Куликовский — вопреки Потебне — вернулся к мысли Ф. Беккера о «формальности», «малознаменательности», «незнаменательности» всех вообще местоимений. Эта точка зрения нашла дальнейшее развитие в синтаксических системах акад. А. А. Шахматова и проф. А. М. Пешковского. А. М. Пешковский писал, что у местоимений совсем нет вещественного значения, а что у них и основное значение формальное и добавочное — формальное. Получается, так сказать, «форма на форме» [6]. При характеристике местоимения А. М. Пешковский смешивал понятия формальности и отвлеченности. Он доказывал отсутствие резких границ между местоимениями и неместоименными словами (ср., например, выдвинутые Пешковским параллели: *иной*, *другой* и *оригинальный*, *особенный*, *исключительный*; *сам* и *отдельный*, *изолированный* и т. п.; *всякий*, *каждый* и *общий*, *подобный*; *весь*, *целый* и *совокупный*, *совместный* и т. п.) и отсюда заключал: «Местоимениями принято называть просто слова с предельно-отвлеченным значением субъективно-объективного типа... Поскольку эта «предельность» исчезает и отвлеченность убывает, слово из местоимения делается неместоименным (ср. *собственность*, *особняк*, *особо*; *таковский*, *потакать*); поскольку же отвлеченность возрастает, слово неместоименное приближается к местоименным и при достижении предела делается местоименным. И всегда между той и другой областью живут «кандидаты» на ту или другую должность».

Непримиримая двойственность этой характеристики очевидна. «Субъективность» местоимений не согласована с их формальностью. Формальность затем подменена общим понятием отвлеченности. Местоимения как особый лексический тип слов в современном русском языке лишены не только грамматического, но и лексико-семантического единства.

---

* А. А. Потебня возражал Фику (Fick, Vergleichendes Wörterbuch, S. 934), который писал о местоимениях: «С большим основанием можно видеть в них настоящие древние имена, так что, наоборот, позднейшие имена можно бы назвать заместителями местоимений, усиленными прибавкою глагольного значения (Verbalbegriff), а местоимения — чистыми именами, без глагольной примеси» («Из записок по русской грамматике», I, стр. 82).

С семантической точки зрения местоименные слова отчасти должны быть включены в группу «указательных» слов с меняющимся применением и, следовательнс, с меняющимся конкретным содержанием в зависимости от субъекта, обстановки, ситуации речи (Wechselwörter, по определению О. Есперсена) [7]. В этом отношении они сближаются с указательным употреблением таких слов, как: *отец*, *мать* (вернее: *папа*, *мама*), *правый*, *левый* (в пространственном значении), *домой*, *дома*, *сегодня*, *вчера*, *завтра*, *данный*; просторечные идиомы: *наш брат*, *наша сестра*, *ваш брат*, *ваша сестра* (ср. у Чехова: «Будь я министром, запретил бы я вашему брату ятем людей морочить» («Мыслитель»)), *следующий* (*в следующем номере журнала*), *предшествующий*, *предыдущий*, *первый*—*последний* (в книжно-указательном значении: прежде и после названный, указанный), *определенный*, *сосед*, *соседний*, *вдешний*, *тамошний* и т. д.*. «Остроумно сравнивают иногда отношение местоимений к неместоименным словам с отношением геометрического тела к физическому. Быть может, можно сравнить его с отношением переменной величины к постоянной»[8]. Ср. у Лескова в романе «На ножах» разговор Лары с больным Подозеровым: «Назовите же меня, назовите, кто я?» — «Вы?.. — Больной вдруг вперил глаза в лицо Лары и после долгого соображения ответил: — Вы — не она».

В разговорной речи обстановка и синтаксико-фразеологические связи, в книжной речи контекст определяют смысл местоименных слов, их отношение к конкретным предметам и явлениям. В употреблении их наиболее ярко проявляется основная сущность языка — его социальная обусловленность. Иллюстрацией может служить отрывок из романа Д. Фурманова «Чапаев», описывающий гибель Чапаева: «Чапаеву пробило руку. Он вздумал утереть лицо и оставил кровавые полосы на щеке и на лбу... Петька был все время подле... Они шаг за шагом отступали к обрыву... Не было почти никакой надежды — мало кто успевал спастись через бурный Урал. Но Чапаева решили спасти. — «Спускай *его* на воду!» — крикнул Петька. И все поняли, *кого* это надо спускать. Четверо ближе стоявших, поддерживая бережно окровавленную руку, сводили Чапаева тихо вниз по песчаному обрыву».

Не менее интересно собирательно-указательное значение слова *он*, вызванное запретом, «табу», на слово *враг*, *неприятель*, в рассказе А. Яковлева «Мужик» (ср. то же употребление в военных рассказах и в «Войне и мире» Л. Толстого): «Враг, или, как говорят солдаты, «он», был где-то рядом. Еще не успевали дотлеть костры, зажженные им, еще четко виднелись в дорожной пыли следы кованых сапог, и чудилось порой, что в воздухе носится запах гари и пота, оставленный австрийцами. «Вот, вот он». К вечеру стало известно, что «он» остановился, может быть, готовый завтра дать бой». Ср. употребление местоимения *он* в значении: возлюбленный, герой романа. Ср. в романе Ю. Тынянова «Пушкин»: «В присутствии Василия Львовича, щадя его, Анна Львовна никогда не называла золовку «злодейка», а говорила просто: «она». Ср. у Чехова в повести «Моя жизнь»: «Пьесы привлекали его (маляра Редьку) и содержанием, и моралью, и своею сложною искусною постройкой, и он удивлялся *ему*, никогда не называя *его* по фамилии: «Как это *он* ловко все пригнал к месту!» Ср. у Лескова в романе «На ножах»: «Сторож полез было по лесенке, чтоб открыть окно, но лесенка была плоха, и он, не долезши, упал. Глафире казалось, что это так и следует. В народе заговорили, что «*он* не пущает», ее интересовало, кто это «*он*».

Но А. М. Пешковский справедливо подчеркивал, что в онтологическом плане местоимения, несмотря на широту субъективного применения, на меняющуюся предметную отнесенность, всегда обозначают одно и то же «и притом нечто такое, чего никаким другим словом не выразишь» [9]. Место-

* «Затруднение остается при решении вопроса: к прилагательным ли (как это делается) или к местоимениям (по аналогии с *этот*, *тот*, *мой*, *твой*, *всякий*) разумнее отнести слова *здешний*, *тамошний*, *близкий*, *далекий*, *собственный*, *чужой*, *общий* и т. д.? Последнее едва ли не лучше» (К л а с с о в с к и й, Нерешенные вопросы в грамматике, 1870, стр. 63).

имения — слова указательные и, вместе с тем, субъективно-объективные.

Другой семантической особенностью местоимений считается широта их применения. Они характеризуются неопределенностью вещественного значения корня — основы. В них отсутствует номинативное отношение к постоянным предметам, качествам и обстоятельствам (например: *какой-то, некоторый, кое-кто, никто, никакой, откуда, куда* и т. п.). Они обладают такой субъективной растяжимостью своего содержания, которая делает их лексическое значение условным, всеобщим, как бы «беспредметным»*.

Конспектируя лекции Гегеля по истории философии, В. И. Ленин писал о местоимениях: («Это»? Самое общее слово.) «Кто *это*? *Я*. Все люди я. Das Sinnliche? Это есть о б щ е е etc. etc. «Этот»?? Всякий есть «этот» [10]. Эта смысловая всеобщность местоимений приводит к тому, что иногда их функции бывают однородны с функциями формальных слов-частиц.

В качестве примера смысловой всеобщности и абстрактности местоимений можно указать, например, на то, что местоимение *какой* в риторическом вопросе служит лишь презрительным выражением категорического отрицания *(какой он ученый!)*, что местоимение *один* в ответе Чичикова (на вопрос Ноздрева, куда тот едет): «а к человечку к одному» — равносильно неопределенному члену. Ср. многосмысленную неопределенность фразы *Мне нужно зайти в одно место.*

Значение слова *какой-нибудь* в выражении *Осталось пройти каких-нибудь два километра* передается простым порядком слов в синонимическом обороте *Осталось пройти километра два* или предлогом *с* во фразе *Осталось пройти с два километра.*

Однако и в этом отношении нет глубокой пропасти между местоимениями и именами в современном языке. Так, существительные, лишаясь конкретно-предметной знаменательности, иногда становятся чисто-формальными словами, частями составных аналитических форм. А. А. Шахматов сопоставлял употребление личных неударяемых местоимений при глаголе с «прономинализованными» (т. е. приобретшими местоименное значение) именами существительными: «Мы находим при 3-м лице единственного и множественного числа такие существительные, которые настолько ослаблены в своем значении, что, так сказать, только грамматически поддерживают значение сказуемого (слова, как: *человек, люди*, областное *крещеные*, слово *дело* и др.)». Акад. А. А. Шахматов указывал также на «переход существительных в местоимения» в случаях, как: *друг друга*; на «ослабленное значение слова *человек* в сказуемых, как: *он человек хороший.* Сюда же примыкают и сочетания слова *человек* с числительными, а иногда с прилагательными (не в составе сказуемого). Например: «Однажды человек десять наших офицеров обедали у Сильвио» (Пушкин, «Выстрел»); «В темноте человек двадцать людей окружили Пьера» (Л. Толстой, «Война и мир»); «Каждый человек из них желал одного — отдаться в плен, избавиться от всех ужасов и несчастий» («Война и мир»).

А. А. Шахматов отметил и случаи заместительного употребления слов *человек, люди* в значении неопределенного или совокупного, или личного местоимения *(он)*: «Не в себе человек. Уведите же вы его» (Л. Толстой, «Власть тьмы»); «Уж пускай бы говорил человек, да не ты» (Островский, «Бедность не порок»); *Если не веришь, спроси у людей, люди научат; Люди говорят: его здесь и не было***. Ср. у Тургенева: «Вдруг говорят мне: человек вас спрашивает» («Уездный лекарь»).

---

* Ср. замечание проф. Н. К. Г р у н с к о г о: «Местоимения отличаются от существительных и прилагательных тем, что определяют предмет, не выдвигая какое-либо качество или свойство, а указывая на предмет» («Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков», т. II, Юрьев 1911, стр. 179).

** А. Ш а х м а т о в, Синтаксис русского языка, вып. I, стр. 18. Ср. «Синтаксис», вып. II, стр. 40. Шахматов сравнивает это употребление слова *люди* с переходом латинского homo, немецкого Mann в местоимения; ср.

Такая утрата лексического значения свойственна, конечно, не всем существительным, а лишь сравнительно немногочисленной их группе, куда относятся: *человек*, *народ*, *вещь*, просторечн. *малый*, *женщина*, вульгарн. *баба;* фамильярн. *парень*, *душа*, *животное* и некоторые другие. Например: «Родители Валентины Михайловны были люди небогатые» (Тургенев); у Гоголя в «Мертвых душах»: «А как вы нашли нашего губернатора? — сказала Манилова. — Неправда ли, что препочтеннейший и прелюбезнейший человек...? — «Очень обходительный и приятный человек», — продолжал Чичиков. — «А вице-губернатор, не правда ли, какой милый человек?» — сказал Манилов, опять несколько прищурив глаза». Ср. также: «А ведь обед — вещь приятная» (Чернышевский, «Что делать?»). «Бал — вещь хорошая, неволя-то горька» (Грибоедов, «Горе от ума»).

Может показаться что в этих случаях происходит и грамматическое преобразование имен в местоимения и что соответствующие слова теряют связь со своими прежними классами. Но это не так. Между древними местоимениями и новыми грамматическая разница все же сохраняется. Новые местоименные существительные сохраняют все грамматические признаки своей категории (т. е. класса существительных), все особенности своих систем, форм, своих парадигм. Вторичные лексические местоимения резко отличаются по своей морфологической природе от «пережиточной» группы старых местоимений. Например, не раз отмечался процесс «прономинализации» целого ряда существительных в современной газетно-публицистической речи. Таковы слова *вопрос*, *дело*, почти теряющие свое конкретное значение в таких выражениях: «На дело организации и развития электротехнического факультета положено много тяжелой работы» (из газет); «Поставить дело государственного хозяйства и науки» (то же) и др. Ср. также в классической литературе: «Дело идет о жизни человека» (Гоголь, «Ревизор»). Ср. немецкое es geht um das Leben; «Дело было в начале сентября» (Тургенев, «Льгов»); «А дело уж идет к рассвету» (Грибоедов, «Горе от ума») и т. п.

Повидимому, в современном языке сюда же примыкает слово *момент* *: «В деле борьбы с моментами местного патриотизма» (из газет) и многое др. Но и *дело* и *момент*, сближаясь по своеобразию своих лексических значений с местоимениями, остаются именами существительными со всем комплексом свойственных им форм.

К числу слов, получающих в некоторых контекстах неопределенно-предметное значение, могут быть отнесены также существительные: *субъект*, *тип*, *существо*, *штука*, *факт*, *вещь* и другие подобные. Слово *вещь* может служить прекрасной иллюстрацией процесса развития «местоименных» значений в категории имен существительных. Это слово совместило в себе исконные русские и церковнославянские значения со значениями немецкого Ding (ср. *вещь в себе*) и французского chose. На почве влияния французского языка и распространилось неопределенно-местоименное значение этого слова (quelque chose). Например: «Воспитание — важная вещь, очень важная вещь» (Тургенев, «Холостяк»); «Терпимость сама по себе вещь хорошая» (Пушкин, «Путешествие в Арзрум»); «Остроумие — великолепная вещь» (Достоевский).

французское on, немецкое man. Ср. статью A. Mazon, L'emploi indéfini du nom de l'homme en slave, Annales Academiae Scientiarum Fennicae, t. XXVII, Mélanges de philologie offerts à M. J.J. Mikkola.

* Слово *момент* в этом газетном значении, повидимому, вышло из сферы военного языка, в котором оно укрепилось во второй половине XIX в. Так, Н. С. Лесков писал в «Печерских антиках»: «Слово «момент», впоследствии основательно истасканное нашими военными ораторами, кажется, впервые было пущено Берлинским и с его легкой руки сделалось необходимым подспорьем русского военного красноречия». В философско-публицистических стилях 30—50-х годов это слово было тесно связано с терминологией гегельянства. Ср. в «Рудине» Тургенева: «Эти господа [Рудин и подобные ему] все развиваются: другие, например, просто спят или едят — а они находятся *в моменте развития спанья или еды*» (слова Пигасова, гл. XII).

В русской лексике непрерывно происходит развитие «местоименных» значений у имен. С другой стороны, старые местоимения обрастают именными значениями или производят лексемы и идиоматические выражения, лишенные оттенка местоименности (например, буржуазно-купеческое и мещанское *сам* — в значении хозяин, глава дома); *итого, итог; всякий* (в значении плохой, не заслуживающий уважения); *вне себя* (от радости); *не в себе;* просторечное *во всю: бежать во всю; таковский;* ср. *тыкать — выкать* и т. п. *.

Лексическое взаимодействие облегчается тем, что местоимения у нас грамматически уже не обособлены от других частей речи, а распределились по разным грамматическим категориям. Таким образом, понятие местоименности в современном языке — понятие лексико-семантическое. Большая часть древних местоимений вросла в систему других грамматических классов. Лишь небольшая группа слов *я, ты, он (-а, -о, они), мы, вы, себя, кто, что, кто-то, что-то, кто-нибудь, что-нибудь, некто, нечто, никто, ничто, кое-кто, кое-что* сохраняет яркие признаки своего грамматического своеобразия, своей грамматической изолированности, не слившись с категорией имен существительных **.

2. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТНО-ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 4. Отражения грамматического рода в классе предметно-личных местоимений и их непоследовательность, двойственность

На обособленное положение группы предметно-личных местоимений указывают, прежде всего, своеобразия выражения и отражения грамматического рода в их строе. Местоимения личные *я* и *ты*, не имея родовых форм, могут иметь значение любого рода. Однако это значение обусловлено двойственной «предметной отнесенностью» этих местоимений. Они могут непосредственно обозначать лицо (говорящего субъекта или собеседника), и тогда их род определяется полом лица. Например: «Не про *тебя одного* говорю, все мы, друг ты мой, обездушели» (Гл. Успенский, «Разоренье»); «Ведь *я этакий* только *один* и есть» (Ф. Достоевский, «Подросток») и т. д.

---

* Проф. А. И. Зарецкий находит в русском языке и «суррогат глагольного местоимения», описательное глагольное местоимение *что делать?* Что это выражение, действительно, представляет одно целое местоимение, видно из того, что в ответе на этот вопрос слово *делать* не повторяется и не подразумевается, например: *Что ты делаешь? — Читаю*, а не *делаю чтение* или *делаю читать* («О местоимении», «Русский язык в школе», 1940, № 6, стр. 21).

** Alb. Sechehaye в книге «Essai sur la structure logique de la phrase» (Paris 1926) заявляет, что «местоимение — это вид существительного», что «логически и психологически — это субстантив», но тут же признается, что «грамматически оно более или менее отличается от существительного» (стр. 48). Попытка Louis Hjelmslev отстоять принадлежность всех местоимений, кроме наречных, к особой грамматической категории (на основании своеобразия их отношений к члену) совершенно несостоятельна. (См. «Principes de grammaire générale» par L. Hjelmslev, 1928, pp. 331—339.) Ср. работы R. de la Grasserie, De la véritable nature du pronom, Louvain, 1888; De la conjugaison pronominale, Paris 1900.

Те же местоимения могут относиться к лицам не непосредственно, а через посредство их названий, их имен, и тогда род их определяется родом того имени существительного, на которое они указывают, от лица которого они выступают. Например, в русском переводе повести Гофмана «Чудесное дитя» дитя говорит о себе: «я пришло, я было»; так же говорит о себе и бутылочное горлышко в книге Пешковского «Наш язык». Акад. А. А. Шахматов вводил в самое определение местоимений как существенный признак этой части речи их способность «заимствовать в некоторых своих образованиях представление о роде от соответствующего представления о субстанции или о существительном» [11].

Возвратное местоимение *себя*, относящееся к субъекту действия, тоже не имеет ни родовых форм, ни числовых различий. Оно характеризуется к тому же отсутствием номинатива. Это понятно: ведь оно может относиться только к тому лицу, которое сознается субъектом действий или состояний, выраженных в слове, «подчиняющем (прямо или косвенно) данное местоимение» (Пешковский)*. Характерно, что *себя* через посредство рода того субъекта, к которому оно относится в словосочетании, может определяться формами всех родов и чисел *(самого себя, себя одну, самих себя)*.*

Местоимение 1-го лица множественного числа *мы* лишено родовых различий, как и все вообще имена, или облеченные в формы множественного числа, или являющиеся pluralia tantum.

Местоимение *вы* (если оно выступает в функции экспрессивно окрашенного местоимения 2-го лица единственного числа) согласуется — при наличии членного имени прилагательного в функции определяющего слова — с полом обозначаемого лица. Например: «Вы сами не знаете, *какой вы*. И вы не смеете просить» (К. Федин, «Братья»). Ср.: *Какая вы строгая*. Если же *вы* имеет свое прямое множественное значение, то с ним также не связаны родовые различия.

Сходные рассуждения можно повторить и о местоимении *он, она, оно*. И здесь сохраняется та же двойственная предметная отнесенность, что и в употреблении *я* и *ты*, — или непосредственно к указываемым лицам, или же к предметам через посредство рода их названий, имен существительных. Ср. в «Бесах» Достоевского:

«— Слушайте, я намерена здесь открыть переплетную...

— Эх, Marie, у нас и книг-то не читают, да и нет их совсем. Да и станет *он* книгу переплетать?

— Кто *он*?

— Здешний читатель и здешний житель вообще.

— Ну так и говорите яснее, а то: *он*, а кто *он* — неизвестно. Грамматики не знаете.

---

* Ср. замечание Г. Павского: «Местоимение *себя* не имеет именительного падежа, потому что оно не самостоятельно, а только указывает отношения всех трех лиц к самим себе» («Филологические наблюдения», Рассуждение второе, СПБ 1850, стр. 265).

— Это в духе языка, Marie, — пробормотал Шатов».

Ср. в «Поединке» А. И. Куприна (в отзыве Сливы о Ромашове): «В-вся рота идет, к-как один ч-человек, — ать! ать! ать! — говорил Слива, плавно поднимая и опуская протянутую ладонь, — а *оно одно* — точно на смех — о! о! Як тот козел».

По мнению акад. А. А. Шахматова, в употреблении родовых форм «3-го лица предметного» обнаруживается синтаксическое согласование (так же как в формах рода прилагательных). Между тем, личное местоимение 3-го лица в единственном числе сообразуется в своих родовых изменениях с реальным полом заменяемого им субъекта *. Форма *они* характеризуется тем же родовым безразличием, что и *мы*.

Родовые значения получают еще более своеобразное выражение в парных местоимениях: *кто — что*; *некто — нечто*; *никто — ничто* (*кто-нибудь — что-нибудь; кто-то — что-то; кто-либо — что-либо*). Здесь значения родов мужского и среднего сливаются с различиями категорий лица или живого существа и предмета-вещи, которые как бы противопоставляются одна другой. Формами *кто*, *никто*, *некто* обозначаются живые существа мужского и женского пола. Однако в сочетаниях с вопросительным *кто*, а также с отрицательным *никто* и неопределенным *некто* родовые формы глагола, слов, принадлежащих к категории состояния (а также краткие формы имен прилагательных, входящих в состав глагола или примыкающих к глаголу), ставятся преимущественно в мужском роде (ср.: *кто другой, кто иной; кто из женщин входил сюда? кто* из вас *обронил* сумку? и т. п.). Полные же прилагательные в предикативном или полупредикативном употреблении, относясь даже к вопросительному *кто*, согласуются с полом обозначаемого лица, т. е. приспособляются к полу живого существа.

Вообще же, когда местоимение *кто* употребляется в вопросительном значении и относится к неизвестному лицу, то оно обычно не сопровождается указанием на различия лиц по полу. Здесь *кто* чаще всего имеет при себе мужской род (в формах согласования). К. С. Аксаков отмечал в вопросительном *кто* «неопределенный вопрос, следовательно, неизвестность, простирающуюся на род и число» [12]. «Вопросительное местоимение — неизбежно эквивалент

---

* «Синтаксис русского языка», вып. II, стр. 86. Ср. у К. С. Аксакова: «Так называемое «третье лицо»: *он, она, оно*, есть обыкновенное местоимение и обозначает вообще предмет, следовательно, здесь нет вопроса об одушевленности, о сознательности: это не личное местоимение. Зато так называемое «третье лицо» — это местоимение в собственном смысле, ибо оно одно только в настоящем смысле употребляется вместо имени» («Сочинения филологические», ч. I, стр. 541). Мысль о необходимости обособить местоимения 1-го и 2-го лица («личные») от местоимений 3-го лица (третье-личных или безлично-родовых») высказывалась очень давно проф. И. А. Бодуэном-де-Куртенэ. См., например, его статью: «Несколько случаев психическиморфологического уподобления или уподобления в терско-славянских говорах северо-восточной Италии» («Известия Отделения русского языка и словесности», изд. Академии наук, т. X, кн. 3, 1905).

неопределенного» (ср. совмещение в слове *кто* вопросительных, относительных, разделительных и неопределенных значений) [13]. Точно также, повидимому, исключительны случаи употребления форм женского рода глагола или краткого прилагательного при местоимениях *никто* и *некто*. Впрочем, акад. А. А. Шахматов считал нормальными фразы вроде: *Некто в белом подошла к моей кровати*; *Никто из нас не успела с нею проститься* [14].

В других значениях местоимение *кто* (и производные *кто-нибудь*, *кто-то*, *кто-либо*), подобно личным местоимениям *я* и *ты*, сопровождается сопутствующим представлением о мужском и женском роде. Например: «*Была ли кто-нибудь из нас довольна своей судьбой?*». «Есть кого любить, толстомордую-то» (Л. Толстой, «Власть тьмы»).

Предметное *что* (*что-нибудь*, *что-то*, *что-либо*, *нечто*, *ничто*) неизменно сочетается с представлением о среднем роде, хотя бы оно относилось к животному (например, *Что-то возилось в углу*).

Итак, родовое значение личных местоимений *я* и *ты* в непосредственном диалоге определяется реальным полом живого существа. В местоимениях *кто* (и составных *кто-то*, *кто-либо*, *кто-нибудь*), *никто* и *некто* явно преобладает значение мужского рода.

Впрочем, показательно, что имена прилагательные, связанные непосредственно (т. е. не через посредство глагола) с местоимениями *кто*, *никто* и с составными неопределенными *кто-то*, *кто-нибудь*, *кто-либо*, могут стоять и в мужском и в женском роде — в зависимости от пола лица, к которому относятся местоимения. При отнесенности личных местоимений к названиям предметов, родовое значение их согласуется с родом соответствующего имени существительного. Таким образом, грамматическому классу местоимений чужды те принципы родовой классификации слов, которые составляют типическую особенность имен существительных.

§ 5. Своеобразия в приемах выражения категории лица у местоимений

С своеобразиями родовых значений у предметно-личных местоимений сочетаются особенности в приемах выражения категории лица. Местоимения делятся на личные и предметные. «Деление на личные и предметные местоимения, — замечает акад. А. А. Шахматов, — не соответствует вполне той грамматической категории одушевленности и неодушевленности, которую мы видели в именах существительных; это деление проводит резкое различие между лицами и не-лицами; лица — это говорящий, его собеседник и все им подобные; к не-лицам относятся и животные, и предметы, и явления. Это видно, например, из того, что, заметив животное, мы не спросим: *это кто?*, а скорее *это что?*» [15]. В самом деле, местоимения *я*, *ты*, *мы*, *вы* служат показателями лица при формах прошедшего времени глаголов. Применение этих местоимений к животным

и предметам связано с олицетворением их. Личное местоимение 3-го лица *(он, она, оно, они)* означает не только лица, но и живые существа вообще и даже предметы. Однако у этого местоимения в синтаксическом употреблении форм винительного-родительного падежа не обнаруживается тех отличий, которые обязательны для имен существительных в зависимости от их принадлежности к категории одушевленности или неодушевленности. В современном языке форма *его* является родительным-винительным падежом от *он* и *оно*, относясь безразлично к лицам, животным и неодушевленным предметам. То же придется сказать о форме *её (неё)* от *она* (с тем лишь исключением, что форма *ней* с предлогом употребляется только в значении родительного падежа: *у ней, около ней*). Таким образом признаки категории лица даже при отношении местоимений к предметам неодушевленным тут выступают очень рельефно. Еще характернее и индивидуальнее противопоставление лица-живого существа — и предмета-вещи — выражено в местоимении *кто — что* (и производных). Здесь отличия местоимений от существительных обнаруживаются с особенной рельефностью: Противопоставление значений лица и вещи в *кто — что* выражено самим корнем, чередованием согласных *к — ч*. В именах существительных категории одушевленности и лица являются лишь разновидностями, подразделениями общей категории предметности. В местоимениях, напротив, предмет мыслится или как отклонение от категории лица, или как ее противоположность. Самый прием противопоставления значений лица и вещи посредством чередования согласных корня в форме местоимений *кто — что, некто — нечто, никто — ничто* — грамматическое явление, необычное для других категорий.

§ 6. Грамматические и экспрессивно-стилистические отражения категории числа в классе местоимений

Не менее индивидуальны приемы выражения категории числа у предметно-личных местоимений. Эти местоимения, в сущности, лишены форм числа. *Я, ты* не имеют множественного числа. М н о г о *я*, м н о г о *ты* — эти понятия не могут быть непосредственно выражены грамматическими средствами. Местоимения *мы, вы* имеют другие значения [16]. *Мы* (если это слово не относится к одному *я*) обозначает: я и еще кто-нибудь другой или другие. Так, еще Ф. И. Буслаев, ссылаясь на Боппа, писал: «*Я*, собственно, не способно к принятию на себя множественного числа, ибо только одно *я* и понятие *мы* содержат в себе не только меня, но и множество других неделимых различного рода» [17].

Местоимения *мы* и *вы* имеют три разных значения:

1. При наличии особой экспрессии они могут обозначать то же лицо, что *я* и *ты*. *Мы* — это я, которое говорит от лица коллектива или которое скрывает себя за другими, или, наконец, облекает себя атмосферой скромности, авторского величия, торжественной

важности. П. А. Каратыгин писал в предисловии к своим «Запискам»: «Не будет ли проглядывать сквозь эту болтовню мелочное самолюбьишко мое, где *я* необходимо будет тут на первом плане? Но и то сказать: лучше употребить это короткое местоимение, нежели говорить *мы*, которое как-то неприятно напоминает наших глубокомысленно мычащих журналистов, а вместе с ними и муху из басни Крылова: «Мы пахали». Итак, чтобы не походить ни на тех, ни на другую, лучше говорить *я*: оно и короче и яснее»[18]. Ср. в письме Н. Шелгунова В. А. Гольцеву (от 1 сентября 1887 г.): «В *мы* много фальши, и из-за *мы я* торчит иногда еще больше. Теперь, впрочем, *мы* оставлено» (Архив В. А. Гольцева, I, 267). ***Вы*** — это посторонний собеседник, это *ты*, но с оттенком официальной вежливости и светской, общественной далекости*.

2. ***Мы*** и *вы* означают группы лиц, в составе которых находятся первое и второе лицо. В таком случае эти местоимения говорят не о *я* и другом *я* (или о других *я*), не о *ты* и других *ты*, а о *я*, *ты* вместе с другими, в совокупности с ними.

3. В сочетании с предлогом *с* и творительным падежом других местоимений и существительных *мы* и *вы* могут обозначать *я* и *ты*, объединенные с кем-нибудь. Например: *мы с тобой* (= я и ты); *мы с ним* (= я и он); *мы с братом* (= я и брат); *вы с товарищем* (= вы или ты и товарищ) и т. п.

Кроме того, *мы* в обращении ко второму лицу — при выражении участия или насмешки — применяется иногда в значении *вы*. Например: «Мы, кажется, улыбаемся? Будьте добры, соблаговолите еще раз улыбнуться» (Чехов, «Иванов»).

Могут быть и иные, более сложные, хотя и более индивидуальные приемы переносного употребления личных местоимений. Таков, например, в драме А. Н. Островского и Н. Я. Соловьева «Дикарка» разговор между Марьей Петровной и Варей, в которую влюблен муж Марьи Петровны:

«Марья Петровна: А *мы* как скучали по тебе!

Варя: Кто *мы*?

Марья Петровна: Будто не знаешь?

Варя: *Он*... твой...»

---

* Характерно постановление революционного комитета департамента Тары от 24 брюмера 2-го года (1793) в эпоху буржуазной Французской революции:

1. Слово vous — *вы* при обращении в единственном числе считается изгнанным из языка свободных французов, и место его заступает tu и toi.

2. Во всех официальных и частных документах tu и toi будет ставиться впредь вместо vous в единственном числе.

Для социальной истории форм обращения на *вы* и на *ты* небезынтересен диалог между помощником режиссера Нароковым и мещанкой (вдовой оркестранта) Домной Пантелеймоновной в пьесе А. Н. Островского «Таланты и поклонники»:

Домна Пантелеймоновна: Неужто всякому «вы» говорить?

Нароков: Да, в простонародье все на «ты».

Домна Пантелеймоновна: В простонародье! Скажите, пожалуйста. А ты что за барин?»

Таким образом, *я* и *мы*, так же как *ты* и *вы*, — не формы одного слова, а разные слова.

Лишь отчасти похожие, но более смешанные и тесные отношения наблюдаются между формами: *он — она — оно* и *они*. Множественное число здесь может обозначать и множество однородных предметов или лиц, и совокупность разнородных лиц и предметов. И все же это — формы одного и того же местоименного слова *он*.

Таким образом, понятия единственного и множественного числа в отношении личных местоимений наполняются совсем другим содержанием, не похожим на то, какое они имеют в именах существительных.

Местоимения, *кто*, *никто*, *некто* (*кто-нибудь*, *кто-либо*, *кто-то*) имеют формы только единственного числа, но они могут обозначать и нескольких лиц. В таком случае при них возможно множественное число глагола и имени. Например: «И я при всех, кто были в кабинете, торжественно прочел пародию» (С. Аксаков). «Кто такие и какие они, эти компаньонки, Пьер не знал и не помнил» (Л. Толстой, «Война и мир»). Ср. у Пушкина в стихотворении «Рифма — звучная подруга»:

И никто, страшась Зевеса,
Из богинь или богов
Навещать его не смели,
Бога лиры и свирели.

Ср. также: «Кто болтает ногами, кто ковыряет в носу, перемигиваются, передают друг другу разные знаки руками, выделывают разные акробатические штуки» (Помяловский, «Очерки бурсы»). «Все, кто мог ехать, ехали сами собой, те, кто оставались, решали сами собой, что им надо было делать» (Л. Толстой, «Война и мир»). «По средам у ней собираются кое-кто из старых знакомых» (Гончаров, «Обыкновенная история»).

Интересно в «Войне и мире» Л. Толстого сочетание местоимения *кто-то* в винительном падеже с формами множественного числа определяющего прилагательного и приложения-существительного: «Мерзавцы, изменники», — думал он, не определяя хорошенько того, кто были эти мерзавцы и изменники, но чувствуя необходимость ненавидеть *этих кого-то изменников*» («Война и мир»).

§ 7. Грамматические отношения супплетивных форм в склонении местоимений

В склонении предметно-личных местоимений характерно противопоставление формы именительного падежа формам косвенных падежей (*я — меня*, *мне* и т. п.; *ты — тебя*, *тебе* и т. п.; *он*, *она*, *оно — его*, *ее*, *ему*, *ей* и т. п.; *мы — нас*, *нам*; *они — их*, *им*; *кто — кого*; *что — чего* и т. п.). Кажущееся исключение — местоимение *вы*. Однако форма *вы* также резко противостоит формам *вас*, *вам*, *вами* (ср. *ваш*). Этот тип противопоставления необычен

для имен существительных (ср., впрочем, единичное слово, состоящее из одного согласного в корне: *щи*, *щей*, *щам* и т. п.) [19]. (Различие основы именительного и косвенных падежей в именах существительных типа: *время — времени*, *дитя — дитяти; мать — матери; дочь — дочери* и т. п. — не разрушает общности корневого элемента во всех формах одного слова: *врем-*, *дит-*, *мат-*, *доч-* и т. п.).

Эта особенность местоимений побудила А. М. Пешковского заявить, что в местоимениях «или совсем нельзя или весьма трудно различить основу и окончание, так что со стороны звуковой это слова неизменяемые [20].

Формы словоизменений у местоимений очень разнородны. Основы склонения также подвергаются разным необычным фонетическим чередованиям и изменениям (ср. *тебе — тобою; меня — мною; его — им* и т. п.).

Таким образом, для местоимений типичен сборный характер форм одного и того же слова. В этой черте отчасти отражается древняя супплетивность падежей личных местоимений, отчасти же объединение разных местоимений в формах одного слова.

§ 8. Особенности синтаксических связей местоимений с определяющими именами прилагательными и существительными

Отличия местоимений от имен существительных обусловлены в современном русском языке не только морфологическими, но и синтаксическими свойствами местоимений. Так, в противоположность именам существительным, местоимения не могут быть определены впереди стоящими прилагательными (кроме *весь* в сочетании с *мы* и *вы* и *один* в сочетании *я*, *ты*, *мы*, *вы*. Ср. у Достоевского: «Все мы остальные и не знали, в каком положении дело»). Впрочем, относительно местоимений *кто-то*, *что-то*, *кто-нибудь*, *что-нибудь* приходится делать некоторые оговорки.

В общем разговорном и книжном языке личные местоимения могут иметь позади себя в качестве непосредственно примыкающих, не «обособленных» определений единичные местоименные прилагательные *один*, *сам*, *весь* [21] и *первый* (ср. также своеобразную определительную связь числительного *оба* с личными местоимениями *мы оба*, *вы оба*, *они оба*); *все мы*; «Одна лишь я до смерти трушу» (Грибоедов); «Я одна виновата» (Тургенев). Обычно же прилагательные стоят позади местоимений и только в обособленном, полупредикативном положении. Впереди определяемых местоимений обособленные прилагательные ставятся почти исключительно при формах именительного падежа.

Скажи, что делать мне с тобой,
Недостижимой и единственной,
Как вечер дымно-голубой.

(Блок.)

Беспечные, мы в чувстве бытия
Что было, есть и будет, заключали,
Грядущее надеждой укрепляли.

(Жуковский.)

«Сколько я, бедная, плакала, чего уж я над собой не делала» (Островский, «Гроза»). «Ее вчера тихонько толкнули и — слабая — она сегодня упала... вот и все» (М. Горький, «Мещане»).

... Угрюмый,
Неловкий, он едва, едва
Ей отвечает.

(Пушкин, «Евгений Онегин».)

«Измученные, грязные, мокрые, мы достигли, наконец, берега (Тургенев, «Льгов»). «Было странно, что, маленький такой, он может кричать столь оглушительно» (М. Горький, «Детство»).

Препозитивные прилагательные сочетаются с этой группой местоимений в косвенных падежах только в языке художественной литературы. Этот прием ощущается как черта индивидуально-поэтического стиля.

Такой порядок слов часто встречается в языке Гоголя и А. Белого.

С этой инверсией определений связан оттенок «субстантивации» самих местоимений. Например, у И. С. Тургенева в письме к М. Г. Савиной от 1(13) ноября 1880 г.: «... но увидимся ли мы иначе как в театре — вот вопрос. Во всяком случае — мы увидимся не как *прежние мы*» [22]. Ср. у О. Руновой в романе «Лунный свет»: «Как будто в меня вселялась другая женщина, а я, настоящая я, только с ужасом прислушивалась и приглядывалась к ней».

При местоимениях *некто, кто-нибудь, кто-то, нечто, что-то, что-нибудь* определение также обычно ставится позади этих слов, хотя и без интонации обособления: *некто черный* (ср. *некто в сером*), *нечто удивительное, что-то странное, кто-то низенький.* Ср. инверсии устной речи: «Другого любите кого-нибудь?» (Островский, «Бедность не порок»).

Однако местоимения *что-то, что-нибудь* в разговорной речи (но не в литературно-книжном языке), подвергаясь некоторой субстантивизации, могут иметь определение впереди себя. Например, в «Женитьбе Белугина» А. Н. Островского.

«Нина Александровна: Знаете, в вас нет этого «чего-то»...

Андрей: Да чего «чего-то»?

Нина Александровна: Вот этого, что нравится женщинам, что покоряет их».

В «Слугах старого века» Гончарова: «Так он читал все больше из той же хрестоматии Греча или другое что-нибудь, лишь бы звучное и мало понятное ему»; у Тургенева в рассказе «Ермолай и мельничиха»: «Смотрим, у старосты девочка, дочь, прехорошенькая, такое даже, знаете, подобострастное что-то в манерах».

Понятно, что когда эти местоимения решительно субстантивируются и становятся обозначениями отвлеченных понятий или конкретных предметов, они приобретают способность сочетаться с препозитивным именем прилагательным. Тогда они ничем не отличаются от всякой другой субстантивированной части речи, будет ли это глагол, наречие, междометие или что-нибудь иное.

Например: «Все старательно подготовленное им дело теперь испорчено кем-то и... *этот кто-то* будет нести всю ответственность за то, что произойдет теперь» (Л. Толстой, «Война и мир»).

Сверх того, местоимения отличаются от существительных тем, что они не сочетаются непосредственно с определяющим существительным в родительном падеже (не в составе сказуемого). Для синтаксического употребления имени существительного сочетание с родительным определительным (*признаки жизни*, *время расцвета* и т. д.) так же характерно, как сочетание с согласованным прилагательным (*коммунистический долг — долг коммуниста*).

Проф. Л. В. Щерба склонен «обязательное отсутствие определения в виде родительного падежа или прилагательного» считать одним из основных синтаксических признаков класса местоимений [23].

§ 9. Отсутствие у всех местоимений (кроме местоимения 3-го лица) родительного падежа в значении принадлежности

Группа местоимений в отличие от существительного не имеет родительного принадлежности, кроме *его*, *ее*, *их* (ср. *чей*, *мой*) *. Форма же *его*, *ее*, *их* употребляется и в значении притяжательных прилагательных, но с тем важным грамматическим отличием от употребления имени существительного в форме родительного принадлежности, что нормальной для *его*, *ее*, *их* в притяжательном значении является постановка перед определяемым именем (ср.: *его шуба исчезла*, но: *шуба гостя исчезла*) **.

Любопытно противоположение притяжательного *их* и качественно-относительного *ихний* у Тургенева в «Нови»: «Фабричные... много смеялись, не без гордости: «Вот, мол, наш-то каков! наш-то!» И он (Соломин) *точно был их и ихний*».

В связи с этой синтаксической функцией форм *его*, *ее*, *их* находится употребление *его*, *ее*, *их* в роли сказуемого, например, у Пушкина в «Братьях разбойниках»:

Тот их, кто с каменной душой
Прошел все степени злодейства.

---

* Ср. С. П. Лыскова, О частях речи, стр. 11. Но ср. при противопоставлении: «Это мнение не одного меня, но всех, которые слушали эту комедию, а их было человек десять, — между прочим, Дружинин, которого я знакомил с Анненковым» (письмо Н. А. Некрасова И. С. Тургеневу от 12 сентября 1848 г., Письма, Собр. соч., 1930, т. V, стр. 121).

** О других намечающихся отличиях местоимения 3-го лица ср. также замечания С. Кацнельсона, К генезису номинативного предложения, стр. 19 и 25, примечание.

Ср. у Тургенева в «Дневнике лишнего человека»: «Да, Лиза теперь его. Теперь уже ничто ее не может спасти, удержать на краю пропасти».

§ 10. Особенности предложного употребления местоимений

В связи с неспособностью местоимений иметь впереди себя определяющее прилагательное находятся и своеобразия их предложного употребления. Между предлогом и местоимением (в отличие от существительного) невозможна вставка прилагательного (или ряда прилагательных с подчиненными членами). Единственное исключение допускается для слов *сам* и *один (к самому тебе; для самого меня это известие было полной неожиданностью)*, но и в этом случае более употребителен обратный порядок слов: *к тебе самому; для тебя одного; для меня самого* [24].

Не лишено значения и то обстоятельство, что в современном языке предложные формы косвенных падежей местоимения *он, она, оно, они* (*ней, него, нему, ним, них* и т. п.) противополагаются беспредложным формам (*ей, его, ему, им, их* и т. п.), зависящим непосредственно от имен существительных и прилагательных, от глаголов и от тех предложных наречий, в которых еще преобладают грамматические черты наречия, а не предлога. Ср.: *у него, у ней, над ним, при нем, мимо него, против него, возле них* и т. п.; но: *наперекор ему, вопреки ему, на зло ей* и т. п. Характерно, что еще у Чехова встречается употребление такого типа: «против их сидел». Ср. у Пушкина: «между ими», «около его»; у Лермонтова: «пробежала мимо его» и т. п. [25].

§ 11. Своеобразие местоименных конструкций с предлогом *по*

На обособленное положение местоимений личных и местоимений вопросительных *кто, что* (ср. *некого, нечего, никто, ничто*) указывают своеобразия их употребления с предлогом *по*. В тех значениях, которые присущи предлогу *по* в сочетаниях с дательным падежом имен существительных, этот предлог управляет предложным падежом местоимений: *по нем, по ком, по чем, по нас, по вас*. Например: *По берегу трудно ходить; Этот берег крут, по нем трудно ходить; Это не по нас.* (Ср. у Востокова, Русская грамматика, ч. II, § 136, стр. 241—242 и § 139, 259) [26]. «Где-где вьется прихотливым извивом проселок, и бойко проскачет по нем телега» (Салтыков-Щедрин, «Губернские очерки»); «Иван... стал колотить напуганных животных по чем попало» (Короленко, «История моего современника») и др.

§ 12. Противоречивое положение местоимений в грамматической системе современного русского языка

Нельзя не обратить внимания на то, что группа местоимений, при всем различии пережитых ею процессов, при всем своеобразии своих лексических значений и своих синтаксических функций,

обнаруживает некоторую морфологическую общность с классом имен числительных (ср., например, отсутствие различий в формах рода и числа, противопоставление прямых и косвенных падежей).

В местоимениях пережиточно сохранились, хотя и в сильно измененном виде, следы древнейших стадий грамматического строя. В силу своеобразий своей лексической и грамматической природы местоимения до сих пор не вполне слились с живой системой продуктивных частей речи и не перешли целиком в разные синтаксические частицы.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ «МЕСТОИМЕНИЯ»

1. А. Добиаш, Синтаксис Аполлония Дискола, Киев 1882, стр. 80 и след.
2. «Филологические наблюдения над составом русского языка», СПБ 1850, Рассуждение второе: «Об именах прилагательных, числительных и о местоимениях», стр. 249 и след.
3. «Сочинения филологические», ч. I, стр. 9. Ср. С. Кацнельсон, К генезису номинативного предложения, 1936, стр. 22.
4. Полное собрание сочинений, т. II, ч. 2, стр. 22.
5. «Из записок по русской грамматике», I—II, стр. 26, 83, 84, 93.
6. «Русский синтаксис в научном освещении», стр. 164.
7. «Die Sprache», S. 101—103.
8. Проф. А. И. Зарецкий, О местоимении, «Русский язык в школе», 1940, № 6, стр. 17.
9. «Наш язык», ч. III, 81.
10. «Ленинский сборник» XII, стр. 223.
11. «Синтаксис русского языка», вып. II, стр. 3.
12. «Опыт русской грамматики», «Сочинения филологические», ч. II, стр. 76.
13. Ср. «Essai sur la structure logique de la phrase par Alb. Sechehaye, Paris 1926, p. 185.
14. «Синтаксис русского языка», вып. II, стр. 87.
15. Там же, стр. 85—86.
16. Ср. Fr. Bopp, Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Zend, Griechischen, Lateinischen, Litthauischen, Altslavischen, Gothischen und Deutschen, 1833—1842, S. 472. Ср. также в брошюре «Ueber einige Demonstrativstämme», 1830. Ср. J. Grimm, Kleinere Schriften, B. III, S. 240.
17. «О преподавании отечественного языка», ч. II, 80. Ср. у А. А. Шахматова, Синтаксис русского языка, вып. II, стр. 48 и 86.
18. П. А. Каратыгин, «Записки», 1929, т. I, стр. 3.
19. См. в работе С. Кацнельсона «К генезису номинативного предложения» (М.—Л. 1936), главу I: «Супплетивность падежей личных местоимений в германских языках».
20. «Наш язык», ч. II, изд. 2-е, стр. 173.
21. Ср. замечания А. А. Шахматова, «Синтаксис русского языка», вып. I, стр. 296.
22. «Тургенев и Савина», Петроград 1918, стр. 19.
23. Л. В. Щерба, Восточнолужицкое наречие, СПБ 1915, стр. 83, ср. статью «О частях речи», сборник «Русская речь», вып. II.
24. А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, стр. 167.
25. Рад. Кошутич, Граматика руског језика, II, Облици, Београд, 1914, стр. 55.
26. См. также у В. И. Чернышева, Правильность и чистота русской речи, 1911, стр. 177.

V. НАРЕЧИЕ

1. ВОПРОС О НАРЕЧИЯХ В РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ

§ 1. Традиционные точки зрения на наречие. Определение категории наречия

Категория наречия определяется совокупностью морфологических, синтаксических и семантических признаков.

Видимая распыленность, разнородность морфологических примет русских наречий заставила грамматистов искать внутреннего единства этой категории на путях семантического и синтаксического ее изучения. При этом сначала — под влиянием древней традиции, шедшей от античных грамматик,— возобладало голое вещественно-логическое определение «наречия как качества или обстоятельства другого качества или действия»*. Отвлеченный, логический характер этого определения не удовлетворил представителей сравнительно-исторической школы языковедения уже в первой половине XIX в. К середине XIX в. в русских грамматиках при анализе наречий получили решительный перевес синтаксические критерии. Наречие признается синтаксической категорией по преимуществу. Эту грамматическую традицию возглавляет К. С. Аксаков: «Наречие не есть часть речи. Часть речи то, что получило в слове особую форму, особый отдел; наречие своей особой формы (в слове. — *В. В.*) не имеет. Оно выражает отношение, оно есть уже синтаксическое явление. Наречием могут быть разные части речи, в разных отношениях употребляемые»**. Интерес к синтаксическим функциям наречия помог точнее определить место наречия среди других частей речи.

А. А. Потебня, углубив синтаксическую точку зрения на наречие как на несогласуемый «признак признака» и увидав в нем «особую форму, присвоенную обстоятельственным словам», вернул наречие в систему основных знаменательных частей речи[1]. Концепция Потебни нашла дальнейшее, хотя и не однородное, обоснование и развитие в грамматических системах акад. А. А. Шахматова и проф. А. М. Пешковского.

А. М. Пешковский сначала колебался в выборе между этимологической и синтаксической точкой зрения на наречие. Потом — под влиянием Потебни и Шахматова — склонился к признанию наречия категорией «целиком син-

---

* Слово наречие (греч. epirrēma, латинск. adverbium) собственно значит приглаголие (от rēma, verbum —глагол). Но еще Барсов в своей грамматике (XVIII в.) отмечал, что этимологический смысл термина наречие не соответствует позднейшим функциям этой категории: наречия относятся не только к глаголам, но и к другим частям речи (проф. Н. К. Грунский, Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков, СПБ 1911, т. I, вып. 1—2, 45).

** «Несколько слов о нашем правописании» (1846). Полное собр. соч. К. С. Аксакова, т. II, «Сочинения филологические», ч. I, стр. 402. Ср. также в разборе «Исторической грамматики» Ф. И. Буслаева: «Наречие не есть особая часть речи; это понятие синтаксическое, которое может быть выражено целым предложением» (ч. I, стр. 540).

таксической» *. По словам Пешковского, в наречиях изображаются признаки того, что высказано в глаголе и прилагательном. Значение «признака признака», свойственное наречию, выражается целой серией морфологических примет (например, формами на *-о*, на *-ски* и *-цки* без префикса и с префиксом *по-*; формами на *-ьи* с префиксом *по-* и без него; формами, состоящими из предлога-префикса *по-* и дательного падежа единственного числа среднего рода прилагательного), но больше всего — синтаксическим употреблением. «Наречие отличается от всех остальных частей речи тем, что в нем огромное место занимают бесформенные слова, которые можно бы назвать синтаксическими наречиями» [2].

Акад. А. А. Шахматов в своем «Синтаксисе русского языка» расширяет объем понятия наречия. По мнению Шахматова, наречие в известном смысле занимает центральное место в системе частей речи. «Наречие может быть определено, во-первых, как отвлеченное название признака и отношения, во-вторых, как название признака и отношения в их сочетании с другими признаками. Отсюда тесная связь наречия с другими частями речи, переход их в наречие, их адвербиализация» [3]. Об адвербиализации свидетельствует морфологический состав наречий, среди которых легко найти бывшие существительные, прилагательные, глаголы, местоимения, числительные. Особенно близки наречия к прилагательным и существительным: «По существу своему наречие тождественно с прилагательным и отличается от него лишь отсутствием форм согласования» [4]. Но, в отличие от прилагательного, «наречие переходит при благоприятных условиях в служебные части речи, т. е. в предлог и союз, оно занимает таким образом середину между прилагательными, с одной стороны, служебными частями речи — с другой» [5]. «Наречием становится и существительное в именительном и косвенных падежах, когда получает в предложении значение обстоятельства» [6].

Таким образом, категория наречия выступает во всем разнообразии своих морфологических признаков, синтаксических функций и семантических особенностей.

Мысли А. А. Шахматова о синтаксической природе наречия легли в основу статьи проф. А. П. Рифтина «Об образовании наречий» [7]. А. П. Рифтин исходит из предположения, что «первоначально действия и состояния, выражаемые в глаголе, не мыслились отвлеченно, но всегда включали в себя определенную характеристику, выступая с этой характеристикой как одно понятие». То, что теперь у нас выражено наречием, «входило в качестве неразрывной составной части в семантику самого действия или состояния». Но затем «характеристика действия или состояния выделяется из семантики глагола и выражается особым словом». Глагол получает возможность употребляться со многими характеристиками. Так возникает наречие как чисто синтаксическая категория. «Синтаксическая форма предшествует морфологической», но затем развиваются и разные способы морфологического выражения категории наречия. «Анализ морфологически оформившихся наречий в различных типах языков показывает, что наречия возникли из имени в косвенном падеже, реже в прямом». Между тем, «древнейшие наречия представляют морфологически неоформленные приглагольные частицы с пространственным значением, конкретизирующим действие глагола» [8]. Переход из дополнения в обстоятельство есть главнейший путь образования наречий из имени существительного или иных субстантивированных слов.

«Под обстоятельством же следует понимать семантическую характеристику глагола, прилагательного, наречия, реже — существительного, которая выступает одновременно и как синтаксическое отношение». Таким образом, в наречии как обстоятельстве на первое место выступает грамматическое значение отношения. В связи с этим меняется и лексическое содержание

---

* Ср. также в статье В. Ф. Андреева «Знаменательные и служебные слова в русской речи»: «Наречие есть синтаксическое, но не этимологическое понятие» («Журнал министерства народного просвещения», 1895, сентябрь, стр. 263—264).

наречий, которые выпадают из системы именного склонения и приобретают значение неизменяемого обстоятельственного слова.

Синтаксической точке зрения на наречие в русском языкознании была противопоставлена морфологическая точка зрения.

В фортунатовской школе с класса наречий были совлечены все его семантико-синтаксические оболочки. К анализу наречия применялся обнаженный принцип абстрактного морфологизма. Фортунатовская «грамматическая форма», форма отдельного слова («способность слова выделять в своем составе основу и формальную принадлежность»), обнаруживалась далеко не у всех наречий. Наречия оказались разделенными на два разряда — грамматических (с формой словообразования, например: *громко*, *дружески*, *по-старому* и т. п.) и неграмматических («бесформенных») наречий, например: *вчера*, *здесь*, *долой* и т. п. Так синтаксическая точка врения на наречие нашла свой антитезис. Время синтеза наступило, и для него сделаны все подготовительные работы *.

Наречия — это грамматическая категория, под которую подводятся несклоняемые, неспрягаемые и несогласуемые слова, примыкающие к глаголу, к категории состояния, к именам существительным, прилагательным и производным от них (например, к тем же наречиям) и выступающие в синтаксической функции качественного определения или обстоятельственного отношения. Наречия морфологически соотносительны с именами существительными, прилагательными, глаголами, с местоимениями и именами числительными.

2. ФОРМЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ НАРЕЧИЙ

§ 2. Морфологические особенности наречий

Морфологическими особенностями категории наречий являются: 1) словообразовательная соотносительность наречий с именами и с глаголами; 2) опирающаяся на эти соотношения система грамматических разрядов наречий с свойственным им инвентарем особых морфем; 3) резкие отличия в значении тех грамматических элементов, которые общи (омонимичны) у наречий с другими классами слов **; 4) узость грамматического объема слова в категории наречия, отсутствие форм словоизменения у наречий (кроме степеней сравнения у группы качественных наречий); 5) своеобразная внутренняя динамика форм в пределах категории наречия, ограничивающая передвижение слов из одного разряда наречий в другой кругом резко очерченных значений (качественных, количественных,

* Предлагаемая ниже морфологическая и семантическая классификация наречий впервые была намечена мною в докладе, прочитанном в Ленинградском лингвистическом обществе в 1927 г. Ср. ссылку на этот доклад в статье Л. В. Щербы «О частях речи» («Русская речь», 1928, вып. II, стр. 15). См. также работу Е. М. Федорук-Галкиной «Наречие в современном русском языке» (М. 1939).

** Ср. замечание Потебни о наречиях: «Потеря склоняемости не связана в них с уничтожением специального значения, как в предлогах и союзах, а есть только средство обозначения категории наречия» («Из записок по русской грамматике», т. I—II, стр. 27).

обстоятельственных). Все эти морфологические особенности сдерживаются в русле одной грамматической категории единством их семантики и однородностью их синтаксического употребления.

§ 3. Основные морфологические разряды наречий

Морфологический строй наречий определяется, прежде всего, их отношением к другим грамматическим категориям. Наречия соотносительны с именами, местоимениями и глаголами. Эта соотносительность обусловлена не только исторически, но и функционально*. Известно, что наречия пополнялись и пополняются из резервов имен существительных, прилагательных, числительных, глаголов; что в составе наречий выделяются как наиболее архаические и обычно утратившие свою морфологическую делимость группы местоименных наречий. Само происхождение наречия как грамматической категории тесно связывается исследователями с исторической судьбой местоимений, имен и некоторых глагольных форм. Распространяясь и умножаясь за счет других категорий русского языка, наречия не теряют с ними функциональной связи. Лексическая природа, морфологическое строение и синтаксические функции наречий содействуют укреплению непосредственных соотношений между наречиями и именами-глаголами. Аналитичность наречий отражает синтетический строй других категорий. «Аморфность» наречий — функционально преобразованная система форм. Наречия представляют собою не только морфологические остатки исчезнувших или исчезающих грамматических разновидностей, но и вновь возникающий продукт борьбы между живыми формами в составе других частей речи. На этой тесной грамматической связи наречий с другими частями речи основано различение четырех основных лексико-морфологических разрядов в системе наречий. В кругу наречий выделяются:

1) наречия предметно-обстоятельственные, соотносительные с именами существительными и по корневым и по суффиксальным морфемам;

2) наречия качественные или качественно-относительные, связанные с именами прилагательными;

3) наречия числовые, количественные, соотносительные с именами числительными;

---

* В грубом виде это положение было выставлено В. Ф. Андреевым в статье «Знаменательные и служебные слова в русском языке»: «В составе наречий есть: 1) самостоятельные понятия, означающие предметы: *дома, сегодня, вчера, вблизи, сначала, впотьмах, наземь, например;* 2) самостоятельные понятия со значением числа: *заодно, вдвоем, втроем* и пр.; 3) зависимые понятия, означающие: а) качество: *умно, хорошо, бойко, красиво;* б) порядок действия: *во-первых, во-вторых, в-третьих* и пр.; 4) заменяющие как самостоятельные, так и зависимые понятия: *сколько, несколько, столько, тут, там, тогда, так, потому, оттого* и пр. Из рассмотренных видов наречий видно, что они являют собою смешанную категорию слов» («Журнал министерства народного просвещения», 1895, сентябрь, стр. 262).

4) наречия процессуальные, действенные, соотносительные с глаголом.

Эти четыре грамматических разряда наречий являются основными. Каждый из них сочетает с формальными особенностями строго определенный круг значений, а в совокупности эти разряды исчерпывают грамматическое содержание категории наречия. Поэтому все другие принадлежащие к наречиям группы слов вливаются в какой-нибудь один из этих разрядов.

Внутренние сдвиги среди наречий, переходы их из одной группы в другую, одновременное употребление наречного слова в разных смысловых оттенках — замыкаются в рамках этих четырех разрядов. Эта грамматическая определенность класса наречий, четкость его семантических границ доказывает, что идея наречия как живой грамматической категории, служащей несогласуемым определением к именам и глаголам и характеризующейся отсутствием или омертвением флексий склонения и спряжения, глубоко гнездится в системе современного русского языка.

Точное определение семантического объема, морфологических признаков и синтаксических функций наречия позволит избежать одного распространенного лингвистического предубеждения. Принято думать, что выпадение слов из строя так называемых изменяемых частей речи равносильно их адвербиализации, их превращению в наречия. На этой почве у акад. А. А. Шахматова сложилось расширенное понимание значений наречия. Наречие определялось не только как «название признака и отношения в их сочетании с другими признаками», но и как «отвлеченное название признака и отношения». По учению Шахматова, в наречия превращаются имена существительные, когда они означают «признак, мыслимый отдельно от субстанции», например: *шутка сказать; пора вставать;* «равным образом в наречия переходят существительные, как *беда*, *страсть*, *страх*»; адвербиализуется инфинитив, как только он теряет отношение к лицу, к субъекту, например: *он видать болен;* адвербиализуется повелительное наклонение при отсутствии субъекта: *глядь*, *будто*, *мол;* адвербиализуется настоящее время изъявительного наклонения при тех же условиях: *вишь*, *ишь;* адвербиализуется числительное вне сочетаний с существительным (см. «Синтаксис», II, 92—93).

Эта теория универсальной адвербиализации[9], восходящая в своих истоках к глубокой древности, противоречит живым грамматическим процессам современного русского литературного языка. Параллельно с категорией наречия и даже отчасти на ее основе и во взаимодействии с ней в русском языке развились новые грамматические классы слов, которых уже никак нельзя смешивать с наречиями. Необходимо описать формы современных наречий и выстроить их в группы.

§ 4. Морфологические типы качественных наречий и их связь с именами прилагательными

В современном русском языке больше всего наречий качественных, соотносительных с именами прилагательными. Это — очень продуктивный разряд.

Близость наречия к именам прилагательным нередко кладется в основу понимания всей категории наречия. Возможны две точки зрения на связь качественных наречий с именами прилагательными. Одна опирается на живое современное языковое сознание, которое готово признать качественные наречия формой соответственных прилагательных. Акад. Л. В. Щерба писал: «Такие слова, как *худой* и *худо*, мы очень склонны считать формами одного слова, и только одинаковость функций слов типа *худо* со словами вроде *вкось*, *наизусть* и т. д. и отсутствие параллельных этим последним прилагательных создают особую категорию наречий и до некоторой степени отделяют *худо* от *худой*» [10]. (Ср. сходные соображения у проф. Куриловича в его рассуждении о частях речи.) Конечно, в нашем сознании наречия на *-о*, *-е* отнюдь не сближаются с какой-нибудь другой, схожей по внешнему виду формой имени прилагательного, например, с нечленной формой имени прилагательного среднего рода. Вопрос стоит в иной плоскости: образуют ли наречия на *-о*, *-е* отдельные, самостоятельные слова, или же они являются своеобразными беспадежными и несогласуемыми формами имен прилагательных? Другой точке зрения на качественные наречия, тоже подчеркивающей их однородность с именем прилагательным, чуждо понимание живых современных грамматических отношений. Эта точка зрения грешит анахронизмом. В соответствии с давним взглядом на генезис наречий типа *хорошо*, *внимательно* и т. п., нашедшим отражение еще в «Российской грамматике» Ломоносова, а затем в грамматике Востокова, она прямо объявляет наречия на *-о*, *-е* краткими прилагательными среднего рода единственного числа*. Например, Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров в своем учебнике «Русский язык» писали: «От качественных прилагательных вообще наречия не образуются. В роли наречий от них употребляются краткие прилагательные среднего рода (на *-о*, *-е*). Последние могут определять глагол и тогда обозначают уже не свойство предмета, а признак действия, т. е. приобретают значение наречия. Сравним: *блюдце чисто* и *блюдце чисто вымыто; описание интересно* и *он интересно описал; движение быстро* и *он быстро двигался*» **.

---

* О генезисе наречий на *-о* можно найти много интересных замечаний в труде А. А. Потебни «Из записок по русской грамматике» (I—II) и в книге А. В. Попова «Синтаксические исследования» (Воронеж 1881, стр. 94—97, 139 и др.).

** Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров, Русский язык, 1934, стр. 68. Ср. это же толкование в грамматиках Ломоносова и Востокова. «Наречия, которые принимают уравнения, суть по большей части имена прилагательные в среднем роде и неправедно к оной части слова причита-

Только предвзятая, оторванная от живой речи мысль лингвиста может не заметить пропасти между этими грамматическими омонимами в современном русском языке (а таких омонимов может быть и больше, например: *сберегать тепло*, *тепло одеть ребенка* и в *доме тепло; причинить*, *делать зло*, *зло издеваться*, *зло посмеяться над кем-нибудь*, *лицо было зло и вульгарно* и т. п. Ср. также другие типы омонимов: *больно ударить*, *мне больно руку* и *сделать больно*). Ведь для нас непосредственная связь определяющего, но несогласованного имени прилагательного среднего рода с глаголом была бы непонятной, так как для нас имя прилагательное — синтетическая категория, располагающая формами согласования. Кроме того, категория кратких имен прилагательных в современном русском языке связана с формами времени.

Наконец, средний род краткой формы имен прилагательных немыслим в русском языке вне соотношения с мужским и женским родом, а все вместе — вне соотношения с членными формами. Между тем, наречия на *-о*, *-е* не только не соотносительны с краткими формами имени прилагательного (ср., например, историю возникновения и развития отпричастных наречий типа *угнетающе*, *вопрошающе*, *исчезающе* и т. п.), но иногда отличаются от них даже ударением (ср. различие ударений в наречии *ста́ро* и прилагательном *старо́; в* наречии *ма́ло* и прилагательном *мало́; в* наречии *здо́рово* и прилагательном *здоро́во; в* наречии *о́стро* и прилагательном *остро́*; в наречии *бо́льно* и прилагательном *больно́; в* наречии *красно́* и прилагательном *кра́сно* и т. п.).

Да и обращение к другим языкам за параллелями может лишь вконец подорвать теорию приравнения качественных наречий к среднему роду имен прилагательных.

Близость наречий к прилагательным особенно ощутительна в языках с развитым или развивающимся аналитическим строем. «В таких языках, — пишет проф. Булич, — различие наречий от прилагательного с помощью естественного формального языкового чутья уже подорвано. В предложениях вроде er spricht gut и er ist gut уже незаметна первичная разница между наречием и прилагательным. Отсутствие различения сказывается особенно ярко в употреблении превосходной степени наречия с вспомогательным глаголом там, где в положительной степени стоит несклоняемая форма прилагательного, тождественная по форме с наречием: du bist schön, du bist am schönsten wenn и т. д.». Наоборот, некоторые наречия в сочетании с прилагательным в различных языках, даже аналитических, склоняются, как прилагательные: по-французски говорят «toute pure, toutes pures» — совсем чистая, совсем чистые *.

ются» (Ломоносов, Российская грамматика, § 77). Ср. ту же точку зрения у В. Н. Сидорова в «Очерке грамматики русского литературного языка», 1945.

* Наречие может функционально сблизиться с именем прилагательным, выступая в роли определения к имени существительному, например: «И понемногу становится похож на человека, *так себе*, не хорошего, но и не дур-

Если в современном русском языке искать параллелей для такого типа наречий, то их скорее всего можно найти среди слов, связанных с местоимениями и числительными. Таковы, например, (этимологически разлагаемые на элементы) идиоматические выражения: *сам-друг*, *сам-третей*, *сам-четверт*, *сам-пят*, *сам-шест*, *сам-сем* и т. п. (*овес уродился сам-третей; пшеница уродилась сам-десят; урожай сам-шост* и др.). Из местоименных оборотов сюда, повидимому, подойдет: «*Вот он я!*»

Ср. у Л. Толстого в «Войне и мире»: «Проходя мимо зеркала, она заглянула в него. — Вот она я!» — как будто говорило выражение ее лица при виде себя». Но в русском языке, в котором еще не очень богаты приемы аналитизма, такого типа наречий немного. Они представлены главным образом застывшими оборотами речи.

В русском языке краткое прилагательное более тесно сближается с категорией наречия не тогда, когда оно приглагольно и согласуемо, а когда оно употребляется в качестве безлично-временной формы. Синтез имен прилагательных и наречий осуществляется внутри категории состояния.

Широкое развитие качественных наречий на *-о*, *-е* свидетельствует о растущей потребности качественной диференциации оттенков действия. Качественные наречия чаще всего определяют действие. Сочетания их с именами прилагательными, с категорией состояния и с наречиями, в общем, ограничены довольно определенными семантическими категориями (о которых удобнее говорить в курсе русской лексикологии). Например: «Впервые он почувствовал, что живет в *неизмеримо* громадном мире и что мир этот *непонятно* суров» (К. Федин, «Братья»). «Небо стояло *необычно высоко*» (К. Федин, «Города и годы»). «Нет, это я его маленько ушиб второпях», — ответил Тихон *глупо громко* и шагнул в сторону» (Горький) и т. п.

Круг наречных образований на *-о*, *-е* в русском литературном языке продолжает расширяться. Так, распространение отпричастных наречий на *-е* (*-юще* и реже *-яще*), начавшееся с 60—70-х годов XIX в., не прекращается и в современном языке*. Наречия этого типа примыкают не только к глаголам, но и к прилагательным и другим качественным наречиям. Например: «Жена... была очень элегантна и заманчива, *беспокояще* красива» (Л. Толстой, «Крейцерова соната»).

«Число слов с этим суффиксом исчезающе мало» (Л. В. Щерба, «Восточнолужицкое наречие»).

ного» (Чернышевский, «Что делать?»). «Участвовали настоящие певцы с голосами *не чета* моему» (К. Станиславский, «Моя жизнь в искусстве»). «Тут много было и хохоту, сиплого, дикого и *себе на уме*» (Достоевский, «Бесы»); «Приданое для Аглаи предназначалось колоссальное, *из ряду вон*» (Достоевский, «Идиот»).

* Ср. «Глаза прислуживающе бегают» (В. Вересаев, Воспоминания, 1936, стр. 100).

«Весна-недоноска, а такая всегда бойка, нахальна, то *подкупающе* ласкова или вдруг холодна, сонна» (Д. Лаврухин, «Невская повесть»).

В самом конце XIX в. обозначается тенденция к образованию наречий на *-о*, *-е* и от относительных имен прилагательных, не имеющих ни краткой формы, ни степеней сравнения. В современном русском языке этот процесс протекает очень интенсивно. Например, получают широкое распространение наречия от относительных прилагательных на *-овый*, *-евый*: «Профессор ... ввинчивал чеканно, *маршево*, восторженно короткие звонкие шажки в мокрые плиты» (Федин, «Города и годы»). «Сэр Фальстаф старается отожествить хотя бы *звуково* «good words» (образные слова) с «good warts» (разросшаяся трава) («Литературный критик», 1935 г., № 2); *работать планово*; *рассуждать делово* и другие подобные.

Итак, в современном русском языке заметно расширяется круг наречного словопроизводства не только от качественных*, но и от относительных имен прилагательных.

В процессе морфологического перевода имен прилагательных в категорию наречия особенно велика роль группы слов с суффиксом *-(ъ)н-* (с ударением не на флексии). От прилагательных на *-(ъ)ный* образуются формы наречий на *-о* даже в тех случаях, когда имя прилагательное имеет ярко выраженное предметно-относительное значение**. Таковы, например, группы наречий, обозначающих время, число и порядок: производные от прилагательных на *-ный* с приставкой *по-*: *повзводно*, *поротно*, *поочередно*, *помесячно*, *поминутно*, *поденно* и т. п. (ср. также наречия, производимые от относительных прилагательных с приставками *до-*, *за-* и другими: *досрочно*, *заглазно*, *заочно* и т. п.).

Приставка *по-* играет основную организующую роль и в непосредственном предложном производстве наречий от относительных имен прилагательных.

Очень продуктивен и другой морфологический тип наречий: на *-ски*, *-цки*, соотносительный с разрядом имен прилагательных на *-ский* и, следовательно, включающий в себя, наряду с качественными значениями, и оттенки предметного отношения. Например: «Он *мастерски* об аде говорит» (Пушкин, «Пир во время чумы»). Ср.: *братски*, *дружески*, *отечески*, *страдальчески*, *предательски*, *захватнически*, *идеалистически*, *марксистски*, *пролетарски*, *лингвистически*, *мещански*, *барски*, *рабски*, *приобретательски*, *вредительски*, *зверски*, *ритмически* и т. п., а также: *по-татарски*, *по-польски*, *по-ученически*, *по-кулацки*, *по-казацки* и т. п.

---

* К качественным наречиям на *-о* примыкает непродуктивный тип составных наречий, образуемых путем слияния форм на *-ым* с формой на *-о* от одной и той же основы прилагательного, например: *полным-полно*, *темным-темно*, *голым-голо* (Писемский); ср. *давным-давно*.

** Ср. наречные образования вне соотношения с прилагательными: «Мужик готовно согласился» (Федин, «Трансвааль»). Ср. широкое распространение наречных образований от других групп относительных прилагательных.

§ 5. Степени сравнения и формы субъективной оценки у качественных наречий

В разряд качественных наречий на *-о* из системы имен прилагательных переносится целый арсенал форм, через которые проходит и которыми характеризуется наречие со значением чисто качественного определения. Это, прежде всего, формы степеней сравнения:

1) сравнительной степени, совпадающей с соответствующей формой имени прилагательного на *-ее (-ей)* *-е* и *-ше*: «Теперь *вольнее всякий* дышит» (Грибоедов); *ярче*, *легче*, *моложе*, *выше*, *тоньше* и т. п.; ср. употребление описательной сравнительной степени с *более* при формах не только на *-о*, но и на *-ски*: «Рогожин... в собеседничестве нуждался, казалось, более *механически*, чем нравственно» (Ф. Достоевский, «Идиот»);

2) описательной превосходной степени, состоящей из той же формы сравнительной степени и родительного падежа *всего* и *всех*: *работать лучше всех*, *любить больше всего* и т. п.;

3) превосходной степени на *-е* от форм прилагательных на *-айший*, *-ейший* (ср.: *глубочайше*, *покорнейше*, *нижайше*, *почтительнейше* и т. п.). Эта форма наречия почти отмирает. Она встречается главным образом в риторических стилях книжной речи и в канцелярском языке (ср.: *строжайше*, *наистрожайше*).

В разговорном языке от наречий на *-о* образуются также формы субъективной оценки с помощью суффиксов:

1) продуктивного *-оньк*, *-еньк-* со значением субъективно окрашенной усилительности или увеличительности: *давненько*, *скоренько*, *хорошенько*, *тяжеленько*, *легонько* и т. п.; ср.: «Старался он одеваться *чистенько*, несмотря на чрезвычайную свою бедность» (Достоевский, «Бесы»);

2) менее продуктивного *-онечк-*, *-енечк-* с обостренным оттенком ласкательности: *тихонечко*, *хорошенечко*, *легонечко*, *маленечко* и т. д.;

3) непродуктивного *-охоньк-*, *-ёхоньк-*, *-ёшеньк-* с усилительно-ласкательным значением: *тихохонько*, *ранехонько*, *равнешенько* и др. Формы на *-ешенько*, *-ошенько* свойственны главным образом народно-поэтическому стилю.

Ср. также формы типа: *рановато*, *маловато*, или формы с усилительными префиксами: *прескверно*, *преглупо* и т. п. (реже: *предурацки*, *предьявольски*); *архи- (архиневерно)*, *сверх- (сверхударно)* и т. п.[11].

Первые два из суффиксов субъективной оценки *-оньк-*, *-еньк-* и *-онечк-*, *-енечк-* наблюдаются и в наречиях, восходящих к кратким именным формам дательного падежа с предлогом *по-*: *потихоньку*, *полегоньку*, *помаленьку*, ср.: *понемножечку*, *потихонечку*, *полегонечку*, *помаленечку* и т. п. Любопытно, что бессуффиксных наречий этого типа — именно от этих слов (кроме *понемногу*, ср. *мало-помалу*), т. е. *по-тиху*, *по-легку* и др., — нет.

Так как эта группа наречий на *-о*, *-е* особенно богата семантическими оттенками и грамматическими формами, то нередко она и рассматривается в русской грамматике как выражение сущности всей категории наречия. Но этот взгляд узок и неверен.

§ 6. Связь качественных наречий с количественными

К качественным наречиям на *-о* (и отчасти на *-ски*: *адски*, *дьявольски*, *чертовски* и др.) примыкает группа наречий, обозначающих степень и количество. В системе наречий значение степени и количества (как определений качества и действия) становится, повидимому, средством качественной характеристики. В этом отношении очень показательно наличие форм субъективной оценки (т. е. образований с уменьшительно-ласкательными суффиксами) у количественных наречий, например: *немного — немножко — немножечко; понемногу — понемножечку*, при отсутствии соответствующих форм у прилагательного *немногий* (ср. разговорное *нисколечко*). Целый ряд наречий на *-о* в современном языке употребляется для субъективного или объективного выражения степени качества и действия. Таковы, например, наречия: *довольно*, *достаточно*, *много*, *немного*, *мало*, *крайне*, *совершенно* и т. п.

С ними сближаются по значению, с одной стороны, эмоциональные определения степени, вроде: *чрезвычайно*, *замечательно*, *необыкновенно*, *поразительно* и другие подобные им, а с другой стороны, наречия количественные, генетически восходящие к другим категориям (например, к местоимениям, глаголам, частицам) или уже потерявшие этимологическую связь с именами прилагательными: *очень*, *весьма*, *чуть-чуть*, *совсем*, *вполне* и т. д. В некоторых наречиях количества и степени развивается своеобразный оттенок модальности, сближающий их с модальными словами и частицами, например: *далеко не*, *вовсе не* и т. п. (о них см. в главе о модальных словах и частицах).

§ 7. Морфологические типы качественно-относительных наречий, производных от имен прилагательных

У наречий, так же как и у прилагательных, ярко обнаруживается связь качественных и относительных значений. В категории наречий преодолевается и стирается грамматическая грань между категориями качества и предметности. Живой иллюстрацией этих процессов может служить словообразовательная роль предлога *по* в системе качественных наречий. Прежде всего, префикс *по-* участвует в образовании форм сравнительной степени имен прилагательных и наречий, которым он обычно придает оттенок смягчения, уменьшения степени преобладания сравниваемого качества (*побелее*, *похуже*, *покраснее* и т. п.; *по-* здесь соответствует наречию *несколько*. Кроме того, при посредстве предлога-префикса *по-* образуются три больших разряда наречий с суффиксами *-ьи*,

-ски и *-ому,-ему*). А. М. Пешковский правильно указывал, что оттенок, вносимый в этих случаях в наречие префиксом *по-*, «сводится, повидимому, к большему напоминанию о предмете, от которого образованы данные прилагательное и наречие, чем это имеет место в беспрефиксных словах»*. При этом между формами с префиксом *по-* и без него на *-ски* наблюдается такое соотношение: чем реальнее и конкретнее предмет, от имени которого образованы прилагательное и наречие (на *-ски*) или с которым соотносятся эти слова, тем больше к ним подходит префиксный тип наречного словообразования (с *по-*); чем отвлеченнее и качественнее предмет, тем больше подходит беспрефиксный тип.

Итак, вырисовываются еще три морфологических типа качественных «отприлагательных» наречий с сильным отпечатком предметно-относительных значений:

1. Формы на *-ски*, *-цки* с префиксом *по-*, например: *по-пролетарски*, *по-большевистски*, *по-женски*, *по-немецки*, *по-французски*, *по-английски*, *по-анархистски*, *по-дилетантски*, *по-мальчишески*, *по-детски*, *по-приятельски* и т. п.

Наречия на *-ски*, *-цки* в связи с префиксом *по-* приобретают новый оттенок: так, как полагается кому-нибудь, в соответствии с нормами чего-нибудь, с сущностью чего-нибудь, кого-нибудь.

Этот оттенок ослабляет качественное значение наречия (ср. *детски наивные глаза* и *глаза ее были по-детски наивны*. Ср. у Горького: «Поднял на него голубые глаза, большие, глубокие, не по-детски задумчивые»; *дружески жму вашу руку* и *я обошелся с ним по-дружески; обывательски* и *по-обывательски;* «карие, женски-ласковые глаза» (М. Горький) и *поступить чисто по-женски* и т. п.). Ср. каламбурное столкновение качественного и относительного значений в наречии *по-братски* у Достоевского в «Бесах».

«—Сударыня, я приехал отблагодарить за выказанное [сестре] на паперти великодушие по-русски, по-братски...

— По-братски?

—То-есть не по-братски, а единственно в том смысле, что я брат моей сестре...».

Сфера синтаксического употребления наречий этого типа очень широка: они получают способность определять не только глагол, наречие, имя прилагательное, но и имя существительное (впрочем, особенно часто в кулинарных обозначениях). Например: *кофе по-варшавски*, *шницель по-венски*, *судак по-польски*, *фаршированная рыба по-еврейски*, *разговор по-русски* и т. п.

---

* «Русский синтаксис», стр. 114—115. В связь с этим усилением предметности А. М. Пешковский ставит неупотребительность наречий с префиксом *по-* от прилагательных на *-ический*: «не говорят *по-идеалистически*, *по-рационалистически*, *по-теоретически*, *по-практически* и т. п. Дело в том, что эти прилагательные либо дальше отошли от своих существительных из-за вставки суффикса *-ич-* (ср. *идеалист—идеалистический*, *рационалист — рационалистический*), либо образованы от существительных с отвлеченным значением (*логика — логически*, *практика — практически* и т. д.)».

2. Формы наречий на *-ьи*, соотносительные с группой прилагательных на *-ий*, *-ья*, *-ье*, также сочетаются с префиксом *по-*: *по-лисьи*, *по-птичьи*, *по-волчьи*, *по-медвежьи* и т. п. Ср. *он был по-собачьи предан своему хозяину*. С этими формами в современной разговорной речи конкурируют наречия, образованные из формы дательного падежа тех же прилагательных на *-ему* с приставкой *по-*: *по-собачьему*, *по-волчьему* и т. п. [12].

3. Слитные формы наречий, образуемые сочетанием формы дательного падежа единственного числа среднего рода прилагательных (на *-ому*, *-ему*) с префиксом *по-* (*по-здешнему*, *по-старому* и т. п.). Наречная неразрывность предлога и формы прилагательного в образованиях от притяжательных местоимений подчеркивается переносом ударения: *по-мóему*, *по-твóему*, *по-свóему* (но ср. *по-инóму*, *по-другóму*). Этим способом производятся наречия от всех разрядов имен прилагательных, хотя и с лексическим отбором. Например: *по-домашнему*, *по-летнему*, *по-весеннему*, *по-всегдашнему*, *по-настоящему*, *по-утиному*, *по-разному*, *по-старому*, *по-новому*, *попрежнему**; ср. разговорн.-фамильярн. *по-хорошему*, *по-серьезному*. Наречия этого типа сравнительно редко образуются от относительных прилагательных с суффиксами *-ский*, *-овый* (ср. *по-деловому*, *по-городскому*). Вместе с двумя предшествующими типами (на *-ски* без префикса и с префиксом *по-*, на *-ьи* с префиксом *по-*) наречия с префиксом *по-* и формой дательного падежа прилагательного на *-ому*, *-ему* исчерпывают все виды возможной адвербиализации относительных прилагательных.

В тех случаях, когда наречия на *-ому* с префиксом *по-* образуются от чисто качественных прилагательных, качественное значение в них идет на убыль, а усиливается оттенок адвербиально-относительного значения (например: *по-старому*, *по-новому*, *обойтись по-хорошему*, *по-родственному* и т. д.).

Такова система морфологических типов качественно-относительных наречий. Она неоднородна. К качественным оттенкам в этих группах наречий постепенно все гуще и гуще примешиваются значения предметного отношения. Это незаметно сближает разряд качественных наречий с разрядом предметно-обстоятельственных наречий.

§ 8. Переходные типы наречий от качественно-относительных к предметно-обстоятельственным (с окаменелой флексией имени прилагательного, превращенной в наречный суффикс)

Качественно-относительные наречия притягивают к себе группы предметно-обстоятельственных наречий, если в тех развиваются качественные значения. Напротив, от качественно-относитель-

* Ср. у Пушкина в сочетании с именем существительным в «Послании к кн. А. М. Горчакову»:

Попрежнему остряк небогомольный,
Попрежнему философ и шалун.

ных наречий некоторые группы могут передвигаться в разряд предметно-обстоятельственных наречий. Уже наречия типа: *по-хорошему, по-вчерашнему, по-прошлогоднему* и т. п. — скользят по грани качественно-относительного и предметно-обстоятельственного разрядов. Можно указать еще несколько групп наречий, соотносительных с другими предложно-падежными формами прилагательных и также занимающих промежуточное положение между качественными и обстоятельственными типами наречий. К этому переходному типу относится большая часть наречий, исторически сложившихся из падежных форм имени прилагательного с предлогами. Прилагательное, сочетаясь с предлогом, неизбежно субстантивируется. Поэтому в наречиях, образовавшихся из форм имени прилагательного с предлогом, отсутствуют живые грамматические свойства прилагательных. Тут оттенки чисто качественного значения почти совсем стираются (ср.: *часто* и *зачастую; удало* и *наудалую; плотно* и *вплотную; слепо* и *вслепую; пусто, попусту* и *впустую* и т. п.). Те смысловые оттенки, которые свойственны наречиям этого типа, можно назвать качественно-обстоятельственными.

Таковы наречия, образованные с помощью формы винительного падежа единственного числа женского рода полных имен прилагательных с предлогами *в, на* и *за*, например: а) продуктивный (в профессиональных диалектах) тип: *врассыпную, врукопашную, вплотную, вручную (пилить вручную), вкрутую, впустую, вслепую (действовать вслепую, сыграть шахматную партию вслепую), втемную, вчистую* (устарелое: *уволить вчистую*), *всухую, вничью, вхолостую;* «Шампанское оказалось замерзнувшим вгустую» (Герцен, «Былое и думы») и другие подобные. Непродуктивные типы: б) *напропалую, наудалую; на боковую;* в) *зачастую* и г) смежный с модальными (вводными) словами: *в общем, в целом.*

Кроме того, сюда примыкает наречие из предлога *в* и формы винительного падежа множественного числа: *впервые* (ср. простореч. *не в первой*).

§ 9. Морфологические типы наречий с основой имени прилагательного и окаменелой флексией существительного

Еще более рельефно оттенки предметно-обстоятельственных значений выступают в разрядах наречий, которые состоят из предлога и основы прилагательного с окончаниями существительного. Эти пережитки так называемого нечленного, т. е. именного, склонения кратких имен прилагательных. Сюда относятся наречия, в составе которых этимологически выделяются:

1. Предлоги с формой родительного падежа краткого, как бы субстантивированного прилагательного:

а предлог *с* и форма родительного падежа мужского-среднего рода: *справа, слева, сперва, смолоду**, *свысока, сгоряча,*

* Ср. у Достоевского в «Подростке»: «У него была... одна странность с самого молоду».

неспроста, *спьяна*, *сполна*, *сослепу*, *сдуру*, *слегка* и некоторые другие;

б) предлог *из* и форма родительного падежа мужского-среднего рода: *издавна*, *изредка*, *издалека*, *искоса* и др.; осознается живым, продуктивным тип: *изжелта*, *искрасна*, *иссиня* и т. п.;

в) два предлога *с* и *из* и форма родительного падежа мужского-среднего рода: *сызнова*, *сызмала;* ср. *сызрана* у Лескова в повести «Островитяне»;

г) предлог *до* и форма родительного падежа мужского-среднего рода нечленного прилагательного. Этот тип осознается как живой, продуктивный: *докрасна*, *добела*, *дочерна*, *дочиста*, *досыта*, *донага* (раздеть), *догола*, *досуха*, *допьяна* и др.; «проспал допоздна» (А. Вельтман, «Приключения, почерпнутые из моря житейского»). Ср. у Достоевского: «Лицо... до-синя иззябшее» («Идиот»).

2. Предлоги с формой винительного падежа краткого, нечленного прилагательного:

а) предлог *на* и форма винительного падежа среднего рода: *направо*, *налево*, *надолго*, *набело*, *начерно*, *наголо*, *насухо*, *намного*, ср. *навечно;* продуктивен тип с усилительным префиксом *на-*: *накрепко*, *насухо*, *начисто*, *наглухо*, *наскоро*, *настрого* (ср. у Марлинского: «Он и пьяный мог говорить чепуху, с равным успехом, как и на-трезво» («Фрегат Надежда»), ср. *строго-настрого*, *туго-натуго;*

б) предлог *за* и форма винительного падежа среднего рода: *заново*, *запросто*, *замертво*, *заживо*, *задолго*, *незадолго*, *засветло*, *заочно* и др.;

в) предлог *в* и форма винительного падежа среднего рода: *вправо*, *влево.*

3. Предлоги с формой предложного падежа краткого, нечленного прилагательного:

а) предлог *в* и форма предложного падежа: *вдалеке*, *вчерне*, *вскоре*, *вкоротке*, *внове*, *вчуже*, *вдвойне*, *втройне* и др.

б) предлог *на* и форма предложного падежа: *налегке*, *наготове*, *навеселе;* ср. *наедине.* Ср. также: *наравне с кем-нибудь.*

Необходимо отдельно отметить наречные образования, представляющие собою сращение числительных с окаменелыми формами прилагательных: *втридорога*, *втридешева*, *вполпьяна*, *вполсыта* и т. п.

Бросается в глаза, что нет наречий этого типа, обнаруживающих в своем составе нечленные формы множественного числа и нечленные формы женского рода единственного числа. Кроме того, в большей части этих наречий этимологически различается форма среднего рода единственного числа. Все это говорит о том, что наречия такого типа возникли из субстантивированных именных форм прилагательного.

Таким образом, в категории наречия как бы снимается, преодолевается то противопоставление категорий качества и предмета, которое нашло выражение в своеобразиях грамматической струк-

туры имен существительных и имен прилагательных. Разряд качественных наречий постепенно смыкается с разрядом предметно-обстоятельственных наречий. Семантическое расслоение наречий должно было пересечь в разных направлениях и смешать морфологическую группировку их. Изменения значений наречия обусловлены не только его морфологическим составом, но и его лексическими связями и синтаксическими функциями (ср., например, сближение качественных наречий *рано*, *поздно* с группой обстоятельственных наречий времени *утром*, *вечером*, *ночью* и т. п., объединение наречий типа *справа*, *слева*, *прямо* и т. п. с наречиями места *вкось*, *в сторонке* и т. п.). Взаимодействие качественных и предметно-обстоятельственных значений ярко проявляется и в группах предметных, т. е. производных от имен существительных, наречий на *-ом*, например: *нагишом*, *босиком*, *тайком* и т. д.

§ 10. Морфологические типы наречий, производных от имен существительных с предлогами

В разряде предметно-обстоятельственных наречий наиболее многочисленными являются типы приставочных (или предложных) наречий. Предлог, сочетаясь с падежной формой существительного, может слиться с ней в одно слово. Значение предлога как бы всасывается в вещественное значение существительного. Возникают новые обстоятельственные слова, образуемые посредством префиксации разных падежных форм существительного.

Сюда относятся:

1. Наречия, распадающиеся на предлог и формы родительного падежа единственного числа существительного. В этом разряде несколько типов. Эти наречия состоят:

а) из предлога *без* и формы родительного падежа существительного единственного числа (с отвлеченным значением), например: *бестолку*, *без умолку*, *без удержу*, *без ума*, *без устали*, *беспросыпу*, *без спросу;*

б) из предлога *из* и формы родительного падежа единственного числа существительного: *издали*, *изнутри*, *исполу;* устарелые: *искони*, *исстари;* ср. *исподлобья*, *исподтишка;*

в) из предлога *с* и формы родительного падежа единственного числа существительного: *сразу*, *снизу*, *сразмаху*, *сбоку*, *сверху*, *сроду*, *сряду*, *сзади*, *спереди*, *снаружи*, *со зла*, *с ветру*, *сначала* и др.*; ср.: *сплеча*, *спросонья*, *спозаранку;*

г) из предлога *до* и формы родительного падежа единственного числа существительного, например: *доверху*, *донизу*, *дозарезу*, *доотказу*, *до упаду*, *доотвалу;* ср. *дотла;*

д) из предлога *от* и формы родительного падежа единственного числа существительного, например: *отчасти*, *отроду.*

2. Наречия, распадающиеся на предлог и формы дательного падежа единственного числа существительного. Они состоят:

* Ср. у Тургенева в «Фаусте»: «с-избоку посматривая...».

а) из предлога *к* и формы дательного падежа единственного числа существительного, например: *кверху, книзу, кстати, к спеху;* ср. в медицинском диалекте наречия: *кзади, кпереди, кнаружи, кнутри;*

б) из предлога *по* и формы дательного падежа единственного числа существительного: *посредине, понаслышке, по случаю (купить по случаю);* (не) *по нутру, поверху, позади, посреди* и др.

3. Наречия, распадающиеся на предлог и форму винительного падежа существительного. Они состоят:

а) из предлога *на* и формы винительного падежа единственного числа существительного: *набекрень, навыворот, наспех, насмех, надиво, наотрез, напрямик, наугад, наповал, наперекор, напоказ, наперевес, напролет, наперечет, нарасхват, наперебой, наутек, навзрыд, насмерть, напрокат, нараспашку, наудачу, наизнанку, наискосок, назло, назад, наперед, набок, наверх, навстречу, навек, насилу, наудачу* и т. п. (разряд очень продуктивный). Сюда же с этимологической точки зрения примыкают отдельные примеры наречий, теряющих или утративших связь с именными основами: *наружу* (ср. *снаружи*), *наотмашь, настежь, наизусть* и т. п.;

б) из предлога *в* и формы винительного падежа существительного: *вверх, вниз, вряд, вбок, вмиг, ввек, влет, вслух, взасос, впух, впупик, вразброд, врвень, въявь, всласть, встарь, вновь, вдаль, ввысь, вширь, вглубь, вволю, впору, вдогонку, вприкуску, внакладку, вразбивку, вразрядку, всмятку, втихомолку* и т. п. (разряд очень продуктивный). Ср. *невпопад, невтерпеж, невдомек, невмочь, не в счет* и т. п.

В этимологическом плане сюда же примыкают изолированные наречные слова, вроде: *врасплох, вдрызг, вровень, впросак, впрямь, впредь, внутрь, врозь, врозь, вкривь, вкось, вдосталь, вплавь, вскачь.*

Ср. у Дм. Лаврухина в «Записках рабкора» («По следам героя») «Слово вподборку, внакатку; слово идет встречь, впригибку, вприхрустку, вприкатку, вприклейку, вприхлебку, вприрезку, вприливку, впристружку, вприковку, вприжимку, вприключку, вприкрышку, в пригвоздку, вприторку, вприглядку, враскрутку, впридрайку, вприкормку, в прижовку, в отбойку и еще тысячу «впри» и «впре» можно найти слов»;

в) из предлога *за* и формы винительного падежа, например: *зараз; за границу;* ср. *заполночь;*

г) из предлога *про* и формы винительного падежа: *про запас;*

д) из предлога *под* и формы винительного падежа: *подчас, подстать, подряд;* ср. *не под силу.*

Ср. также отдельные примеры наречий, возникших из формы винительного падежа существительных с другими предлогами: *черезмеру, чересчур; оземь, обок.*

4. Наречия, распадающиеся на форму творительного падежа существительного и предлог *с*, например: *с оглядкой, с ленцой, с прохладцей, с развальцем* и т. п.

Как видно, многие из этих выражений являются лишь потенциальными наречиями. Ср. *слишком*, *совсем*.

5. Наречия, соотносительные с формами предложного и местного падежей существительного. Эти группы наречий продуктивны. Они состоят из:

а) предлога *в* и формы местного падежа: *вверху*, *внизу*, *вдали*, *вблизи*, *внутри*, *впереди*, *взаперти*, *вначале*, *втайне*, *впоследствии*, *втиши*, *въяве*, *вкупе*, *влюбе* и др.;

б) из предлога *на* и формы предложного-местного падежа: *наверху*, *навесу*, *налету*, *наяву*, *находу*, *начеку*, *набоку*, *на счету*, *навыкате*, *настороже*, *накануне* и т. п.

В кругу этих морфологических типов обнаруживаются сравнительно немногочисленные следы форм множественного числа существительного, преимущественно от слов, обозначавших составные предметы, сложные действия и состояния. Сюда относятся наречия, распадающиеся на:

I. а) предлог *на* и форму винительного падежа множественного числа, например: *наперегонки*, *на корачки*, *на четвереньки*, *на кулачки*, *навеки* и др.; *напрямки* (обл.);

б) предлог *в* и форму винительного падежа множественного числа, например: *вдребезги*, *взапуски*, *взаймы*. Ср. *за* и вин. мн.: *заглаза*.

II. Предлог *с* и форму родительного падежа множественного числа: просторечное *с сердцов*, разговорное *спросонок* и др.

III. Предлог *по* и форму дательного падежа множественного числа: *пополам;* ср. *поделом*.

IV. Более продуктивны наречные образования от форм предложного-местного падежа множественного числа с предлогами *в* и *на*. Они состоят:

а) из предлога *в* и формы предложного падежа множественного числа: *впотьмах*, *второпях*, *впопыхах*, *в бегах*, *в гостях*, *всердцах*, *в летах*, *в нетях*, *впросонках*. Ср. у Пушкина:

..... и дружество зевало
И сонные стихи впросонках величало («Шишкову»);

б) из предлога *на* и формы предложного падежа множественного числа: *на-днях*, *на корачках*, *на побегушках*, *на рысях*, *на четвереньках*, *на цыпочках*, *на радостях* и др.

§ 11. Процессы адвербиализации предложных именных конструкций

Если вникнуть глубже во внутренний строй наречий, образованных и образуемых из форм имен существительных с предлогами, то откроется довольно стройная и последовательная система. Наиболее многочисленны и продуктивны группы наречий, обнаруживающих в своем составе предлоги *в* и *на* (с винительным и местным-предложным падежами). Правда, *в* и *на* — это вообще наиболее

употребительные и функционально нагруженные предлоги. Однако в наречных выражениях, связанных с ними, наблюдается не случайное единство грамматических отношений.

Выделяются, прежде всего, два основных продуктивных разряда наречий с предлогами *в* и *на* и формами местного-предложного падежа:

1) Для обозначения места и времени посредством *в* и *на* с местным-предложным падежом (*вдалеке*, *вдали*, *вверху*, *внизу*, *наверху*, *на ходу*, *на-лету*, *на-днях* и т. п.).

2) Для обозначения состояния посредством *в* и *на* с предложным падежом:

а) Для обозначения пребывания в каком-нибудь состоянии или вообще для обозначения качественного состояния какого-нибудь лица или предмета посредством предлога *в* с предложным падежом (*второпях*, *впопыхах*, *втайне*, *втиши*, *в гостях* и т. п.).

Любопытно, что конструкция с предлогом *в* и предложным падежом множественного числа от названий лиц по их служебным обязанностям, должностям и профессиям уже давно превратилась в грамматический идиоматизм (*служит в дворниках*, *в сторожах* и т. п.). Характерно также распространение выражений типа: *в духе*, *не в духе*, *не в себе* (ср. *вне себя*), *в памяти*, *в сознании* и т. п.

б) Сюда же примыкают формы предложного падежа с предлогом *на* для обозначения пребывания в каком-нибудь состоянии, положении, в какой-нибудь деятельности (*настороже*, *навыкате*, *на побегушках* и т. п.).

Характерно, что, несмотря на распространенность этой конструкции, многие из относящихся сюда выражений имеют все признаки грамматического единства, своеобразного идиоматизма (например: *быть на посылках*, *состоять на иждивении*, *находиться на излечении*, *быть на испытании* и т. п.).

Приходится признать, что переход соответствующих падежных конструкций имени существительного в наречия находится в связи с развитием особых грамматических форм для выражения специальных оттенков качественного состояния, качественного отношения. Здесь устанавливается новый тип связи между функцией предлога и лексическим значением слова.

Значение предлога, связанное с значением падежной формы, и лексическое значение имени вступают в новое отношение друг к другу [13]. Это новое отношение является результатом того нового синтаксического значения, которое приобретает эта падежная конструкция в целом. Она становится выражением обстоятельственного или качественно-обстоятельственного отношения к глаголу, прилагательному, наречию или существительному (ср. *в гостях были видны какая-то нерешительность и беспокойство* и *он и полчаса не просидел в гостях*).

Тем самым значение самого предложного падежа специализируется и индивидуализируется. Между тем, в склонении имен существительных сохраняют свое место лишь те формы и функции,

которые подходят под основные категории падежной семантики, которые соответствуют живой цепи грамматических отношений, выражаемых падежами и предлогами (см. главу о предлогах). Специализация падежа, осложнение его обстоятельственными значениями ведет к адвербиализации соответствующих форм. В русском языке устанавливается особый тип наречной префиксации. Некоторые префиксы в специальном значении, например, префикс *на* в значении пребывания в каком-нибудь состоянии, сочетаясь с падежной формой существительного, становятся словообразовательными приметами наречий*. Развиваются продуктивные способы образования наречий из предложных конструкций существительных.

Похожие грамматические процессы наблюдаются и среди наречий, распадающихся на предлоги *в* и *на* и форму винительного падежа. Кроме немногочисленной группы слов с значениями места и времени (*наверх*, *назад*, *набок*, *вниз*, *вбок*, *навек*, *вмиг* и т. п.), подавляющее большинство наречий этого типа выражает образ и способ действия (*вслух*, *всласть*, *вволю*, *впору*, *вскачь*, *вприкуску*, *взапуски*, *наудачу*, *назло*, *надиво* и т. п.). Предлог *в* с винительным падежом в значении способа и образа действия, иногда с примесью оттенков цели (в качестве чего-нибудь — и отсюда: для чего-нибудь), становится средством адвербиализации имен существительных, создавая грамматические единства, не вмещающиеся в привычный строй отношений между значением падежа и значением предлога. Например: *в диковинку*, *говорить в нос*, *сказать в шутку*, *скакать в карьер*, *кричать во все горло*, *бежать во всю мочь* и т. п. (Ср. *поступить в дворники*, *пойти в домработницы*, *наняться в сторожа* и т. п.). Легко заметить в некоторых из этих предложных конструкций функциональную связь с творительным падежом (ср. *сказать шуткой*, *нестись карьером*, *ехать рысью* и т. п.).

Однородный круг отношений выделяется и в наречиях, состоящих из предлога *на* и формы винительного падежа. Предлог *на* с винительным падежом в значении способа и образа действия (иногда с примесью разнообразных оттенков сопутствующего обстоятельства или внутреннего назначения) также постепенно превращается в средство префиксального образования наречий (ср.: *на беду*, *выучить на зубок*, *жить на широкую ногу*, *поесть на скорую руку*,

---

* Возможность закрепления некоторых падежных форм имен существительных за категорией наречия реализуется и в других языках, например, в венгерском.

Ср. S. Szinnyei, Ungarische Grammatik, стр. 57 и след. Ср. также замечания Hjelmslev'a, Principes de grammaire générale, pp. 311—318. О склоняемых формах наречий в русском языке еще М. Катков писал: «У нас ходят некоторые наречия, умеющие склоняться» («Об элементах и формах славяно-русского языка», М. 1845, стр. 156—159). Ср. также замечание Каткова: «В памятниках качественные наречия принимают, вопреки нынешнему употреблению, местный падеж: куда? *на право*, *на лево*; где? *на правѣ*, *на левѣ* и пр.; следовательно, живее чувствовали свое грамматическое значение». Ср. в просторечии: *до завтрава*, к *завтраму*.

обуться на босу ногу, на голодный желудок; ср. *натощак, на свежую голову* и т. п.*.

Из других типов предложной адвербиализации существительных близко к этим функциям образа действия подходят наречия, распадающиеся на предлог *с* и форму родительного падежа тоже со значением способа действия (например: *с размаху, сразу;* ср. *свысока, неспроста* и т. п.).

Среди остальных, более или менее рельефно выступающих типов предложного образования наречий обнаруживаются еще три словообразовательные категории:

1) тип наречий, выражающих пространственно-временные обстоятельственные отношения, состоящих из предлога *из* и формы родительного падежа единственного числа (*исстари, издавна, издали, изнутри* и т. п.);

2) тип наречий, выражающих причинно-целевые обстоятельственные отношения и обнаруживающих в своем составе предлог *с* и форму родительного падежа существительного или нечленного прилагательного (*сослепу, сдуру, сгоряча, спросонок* и т. п.; ср. *с голоду, с жиру беситься* и т. п.);

3) тип наречий, выражающих отношения лишения и достижения и распадающихся на:

а) предлог *без* и форму родительного падежа (*безумолку, без ума* и т. п.; ср. качественные наречия: *безумолчно, безумно* и т. п.);

б) на предлог *до* и форму родительного падежа (*доотвала, дозарезу* и т. п.; ср. *досыта* и т. д.).

В качестве комментария можно заметить следующее:

1. Живой предлог *из* в современном языке не выражает временных отношений (ср. функции предлогов *с* и *от*).

2. Предлог *с* с родительным падежом в причинном значении постепенно превращается в наречный префикс, так как его функции замещаются предлогами *от* и отчасти *из, из-за* (ср. значение предлогов: *в силу, по причине, вследствие* и т. п.).

3. Наряду с предлогом *без* очень употребителен также в системе прилагательных и наречий качественно-отрицательный префикс *без-* (ср. *безуспешный, безуспешно, безустанный, безустанно, безупречный; безупречно* и т. п.). В соответствующих отыменных наречиях *без* из предлога превращается в префикс, в приставку.

4. Наконец, предлог *до*, служащий для обозначения предела, степени качества и действия, также становится грамматическим средством префиксального образования качественных наречий и наречных выражений со значением степени (ср. *напиться до чортиков, надоело до чортиков* и т. п.; *до ужаса; до невозможности,*

---

* Сюда же примыкает тип образования наречий с помощью предлога *на* и кратких форм прилагательных (*набело, начерно, наглухо* и т. п.). К этому типу в современном языке приближаются наречия, в которых приставка *на-* имеет усилительное значение (*настрого, накрепко* и т. д.); ср. *крепко-накрепко, строго-настрого* и т. п.

до невероятности; измениться до неузнаваемости; покраснеть до корня волос; упиться до зеленого змея и т. п.).

Таким образом, ряд предлогов со специальными значениями выпадает из круга свободных сочетаний предлогов с падежными формами существительного. Происходит процесс лексикализации соответствующих форм*, превращения их в особые слова-наречия. Развивается своеобразный тип префиксов — приставок, выступающих в роли словообразовательных форм наречия. Разные виды префиксальных наречий объединяются двумя основными грамматическими понятиями: обстоятельственного отношения (ср., например, пространственно-временные и причинно-целевые наречия с предлогами *из*, *с* и родительным падежом, или наречия места и времени с предлогами *в*, *на* и винительным, а также предложно-местным падежом) и качественного отношения, иногда с модальными или количественными оттенками (ср. наречия образа действия с предлогами *в* и *на* и винительным падежом, наречия качественного состояния с предлогами *в* и *на* и предложным падежом, наречия степени с предлогом *до* и родительным падежом и др.). Вместо разнообразных именных значений и оттенков, связанных с категориями качества и предмета, в системе наречий возникают различия качественного и обстоятельственного отношений.

§ 12. Типы наречий, состоящих из беспредложных форм существительных. Причины адвербиализации этих форм

В кругу наречий, восходящих к беспредложным формам имени существительного, обнаруживается тесная связь с функциями таких именных падежей, которые склонны к выражению обстоятельственных отношений. Таким падежом является преимущественно творительный падеж. В самом деле, беспредложных наречий, соотносительных с формами творительного падежа имени существительного, больше всего в современном русском языке. Этот разряд беспрефиксных наречий особенно продуктивен: *кубарем*, *кувырком*, *живьём*, *авансом*, *чудом*, *рядом*, *градом*, *даром*, *летом*, *утром*, *гужом*, *порожняком*, *разом*, *ничком*, *бочком*, *молчком*, *пешком*, *торчком*, *рысью*, *шагом*, *битком*, *ползком*, *силком*, *целиком*, *дыбом*, *нагишом*, *босиком*, *калачиком* и т. п. (в этом случае иногда различие между формой творительного падежа существительного и наречием обозначается перемещением ударения: *бегóм*, *верхóм*, *кругóм*); женского рода: *зимой*, *весной*, *порой*, *рысью*, *волей-неволей*, *гурьбой*, *украдкой*, *стороной* и т. п.

Есть единичные наречия, соотносительные с творительным падежом множественного числа имен существительных: *временами*, *верхами* (устарелое), *саженками* (плыть). Ср. у Пушкина: «Чиновники разъезжали верхами на карабахских жеребцах»; «Они

---

* Ср. замечание H. P a u l об образовании наречий из лексикализованных падежей имен («Prinzipien der Sprachgeschichte», 5-е изд., 1920, стр. 366).

(татарки) сидели верхами, окутанные в чадры»; у Достоевского: «Явились..., но не в экипаже, а верхами» («Бесы») [14].

Среди других типов беспредложно-отыменных наречий, соотносительных с формами существительного, выделяются следующие группы:

1. Непроизводительная группа разговорных наречий, соотносительных с именительно-винительным падежом имени существительного и имеющих яркую эмоционально-качественную окраску: *смерть*, *ужас*, *страсть*, *страх* (нередко в сочетании с *как*) в значении: очень сильно (ср. в том же значении: *страшно*, *ужасно*, *адски*, *чертовски*, *дьявольски*, *бешено* и некоторые другие). Например: «Я ужас как ревнив» (Пушкин). «Иван Иванович... уходился страх и прилег отдохнуть» (Гоголь). «Когда же им случалось оставаться вдвоем, Маше становилось страх неловко» (Тургенев, «Бреттёр»). «И весело мне страх выслушивать о фрунтах и рядах» (Грибоедов, «Горе от ума»). «Я смерть пить хочу». «Ему самому было смерть смешно» (Лесков, «Соборяне»). «Когда же она не говорит ни глупостей, ни гадостей, а красива, то сейчас уверяешься, что она чудо как умна и нравственна» (Л. Толстой, «Крейцерова соната») *.

2. Ограничена узким кругом группа наречий, состоящих из формы винительного падежа времени: *сейчас*, *тотчас*, ср. *посейчас*. Ср. вообще формы винит. места, времени и количества (*капельку*, *чуточку* и т. п.).

3. Непроизводительна группа наречий, «омонимных» с родительным падежом имен существительных. Ср.: *дома*.

Сегодня необходимо сопоставлять с родительным падежом времени, вообще приобретающим в современном языке адвербиальный оттенок. Ср.: *третьего дня*, *пятого июня* и т. п.

Уже из этого обзора беспредложных наречий совершенно ясно, что падежи имен существительных, приименные по преимуществу, как родительный, или же выражающие непосредственную зависимость объекта от глагольного действия, как, например, винительный и отчасти родительный, или обозначающие косвенное воздействие глагола на объект, направленность к объекту, как дательный, — не склонны к адвербиализации. Это сильные падежи имени существительного. Между тем, творительный падеж является основным средством и источником образования наречий от имен существительных.

С необыкновенной остротой охарактеризовал своеобразное положение творительного падежа в ряду других падежей акад. А. А. Шахматов: «Дополнение в творительном падеже вообще, за немногими

---

* О распространении эмоциональных наречий, вроде *страсть какой ловкий* и т. п. в женском языке см. O. Jespersen, Die Sprache, ihre Natur u. s. w., 1925, стр. 233—234.

А. В. Попов — в соответствии с своими общими взглядами на генезис двучленных и трехчленных предложений — выводил происхождение этих наречий из слияния двух предложений в одно: *Он смерть бьется* (он бьется смерть) первоначально значит: «Он бьется так, что может произойти смерть». *Он страх (страсть, ужас) любит* значит: «Он так любит, что делается страшно (страх, ужас)» («Синтаксические исследования», стр. 89).

исключениями, означает независимое от глагола представление, не объект, испытывающий на себе действие, влияние глагольного признака, а, напротив, представление, способствующее развитию этого признака, видоизменяющее или определяющее его проявление: в этом существенное отличие творительного падежа от родительного, винительного и дательного» [15].

Еще раньше А. А. Потебня, характеризуя разнообразные функции творительного падежа, особенно выделял творительный падеж образа действия по его близости к адвербиальному значению. «Для творительного образа, — писал Потебня, — характеристична именно его разносоставность по происхождению; в него втекают различные творительные при легком изменении своего значения по направлению к потере субстанциональности; он есть момент, предшествующий переходу дополнения в наречие, так что предполагается и наречиями места и времени»*. В силу этой малозаметной или фиктивной субстанциональности творительного образа он становится основной категорией, производящей беспредложные наречия.

Любопытно, что в романских языках суффикс наречий -ment, -mente (vraiment, absolument, pleinement, итал. pienamente и т. п.) является по происхождению формой творительного падежа имени существительного (латинск. mente).

Кроме того, необходимо вспомнить, что форма творительного падежа имен существительных в русском языке соединяется лишь с такими предлогами, из которых одни, например, *с*, *под*, *за* вообще не теряют в этой связи своего лексического значения, а другие, например, *над*, ослабляют или утрачивают это значение очень редко и притом только после строго определенной, замкнутой семантической группы глаголов (*смеяться*, *насмехаться*, *издеваться*, *иронизировать* и т. п.).

Поэтому наречий, возникших из форм творительного падежа с предлогом: *современем*, *совсем*, *слишком*, *с прохладцей*, *за границей*, *под мышкой* и т. п., — немного.

Симптоматично также, что форма творительного падежа переобременена значениями — и притом преимущественно приглагольными (за исключением творительного падежа «отношения» — *невысок ростом;* качественного пояснения—*рубль серебром*, и творительного пространственной ориентации: *шириною*, *длиною*, *глубиною* и т. д.). Акад. Л. А. Булаховский заметил: «В некоторых случаях синтаксическое целое, ввиду многообразия возможных творительных падежей, оказывается не сразу понятным; ср:

Еще в полях белеет снег,
А воды уже весной шумят.
(Тютчев.)

— *весной* мы связываем с *шумят* как творительный содержания,

* А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, I-II, стр. 484. Ср. также замечание об «обстоятельственности» творительного падежа у Н. П. Некрасова в книге «О значении форм русского глагола» (стр. 210).

но при первом впечатлении форму эту можно принять за творительный времени; или:

На зло жестоким испытаньям
И злобе гаснущего дня
Ты очертаньем и дыханьем
Весною веешь на меня.

(Фет[16].)

Широта семантического объема формы творительного падежа облегчает процесс ее изоляции и адвербиализации. Так как категория творительного падежа представляет замкнутую систему грамматических значений и отношений, то замутнение в какой-нибудь конкретной форме творительного падежа ее основных функций, закрепление за этой формой только одного из присущих ей значений равносильно отпадению ее от системы склонения данного существительного (например: *отдать даром*, *уцелеть чудом* и т. д.). Исключение формы из системы склонения (например, употребление *градом* только в значении образа действия: *наподобие града*) означает лексикализацию данной формы, превращение ее в особое обстоятельственное слово. Выпадая из системы форм имени существительного (например, *градом* из комплекса форм слова *град*; ср. *гусем* или *гуськом; прахом* и т. п.), эта форма становится отдельным словом и подводится под категорию наречия.

«Нередко, между наречием отыменным и падежом нет внешнего различия, и граница между ними проводится лишь тем, что падеж как дополнение связан со всем склонением, а наречие из падежа — для обыкновенного сознания вне этой связи» [17].

§ 13. Категория субъективной оценки в кругу предметно-обстоятельственных наречий

Произведенные от имен существительных наречия в некоторых случаях сохраняют способность образования уменьшительных форм (например: *рядом — рядком*, *сядем рядком — потолкуем ладком*; ср. *рядышком; шагом — шажком; шопотом — шопотком; гусем — гуськом; втихомолку — втихомолочку* и т. п.).

Категория субъективной оценки в наречиях ограничена уменьшительно-ласкательными формами первой и второй степени. Кроме того, она производна — в том смысле, что круг ее действия зависит до некоторой степени от норм, установившихся в категории имен существительных (например, *вечером — вечерком*; ср. *вечерок; со всячиной — со всячинкой*; ср. употребление суффикса *-инка* и т. п.). Понятно, что далеко не все наречия могут иметь формы субъективной оценки. Чаще всего образуются эти формы в трех продуктивных типах наречий:

1) в наречиях, восходящих к формам творительного падежа единственного числа имен существительных: *утром*—просторечное *утречком; свернулся калачом — калачиком; порожняком — порожнячком; пешком — пешочком* и т. п.;

2) в наречиях, состоящих из предлога *в* и формы винительного падежа женского рода *втихомолку — втихомолочку; всмятку — всмяточку* и т. п;

3) в наречных сочетаниях формы творительного падежа с предлогом *с* для обозначения характеристического состояния: *работать с ленцой; с кислинкой, со всячинкой, с грязнотцой* и т. п.

Так же как и в именах существительных, у многих наречий суффиксы субъективной оценки окаменели и утратили экспрессивное значение. При отсутствии соотносительной основной формы эта утрата протекает быстро и безболезненно, например: *исподтишка, на цыпочках, на четвереньках* и т. п.

§ 14. Идиоматические типы наречий, составленных посредством повторения форм одного и того же существительного в различных падежах или в различных предложных комбинациях

Процесс адвербиализации форм имени существительного является процессом двусторонним, т. е. он определяется не только грамматическими отношениями существительного к управляющему глаголу или имени, но и синтаксико-семантическими соотношениями между соответствующим существительным и его словесным окружением. Ср. наречия из творительного усиления: *ходуном ходить, бегом бежать, есть поедом* и т. п. Ср. также: *давным-давно; полным-полно* и т. д. Ср.: *чин-чином; марш-маршем; честь-честью.*

Любопытен ряд идиоматических наречных выражений, состоящих из повторения форм одного и того же существительного в разных синтаксических комбинациях. Например:

1) *нос к носу, лицо к лицу; носом к носу, лицом к лицу;*

2) *рука об руку; бок о бок; рука с рукой; голова с головой;*

3) *нога в ногу; душа в душу; капелька в капельку;* ср. *точь-в-точь; слово в слово;*

4) *время от времени; час от часу; день ото дня; год от году; раз от разу;*

5) *шаг за шагом; год за годом; час за часом; день за днем;*

6) *крест-накрест; один-на-один; глаз на глаз;* ср. *слово за слово* *.

7) *с часу на час; со дня на день; с глазу на глаз; с боку на бок;*

8) *изо дня в день; из году в год* и другие подобные.

---

* А. В. Попов видел в этих наречных оборотах следы древнего употребления «именительных самостоятельных, чередующихся с винительным», для обозначения места, времени. «Еще и в настоящее время в русском довольно распространены обыкновенно игнорируемые грамматиками обороты, как: *он попал точка в точку; они идут рука об руку; нога в ногу; шаг за шагом; учить слово в слово; они ударились голова об голову;* «*Двор обо двор* с ним жил охотник до огородов и садов» (Крылов); *стоять бок о бок; глаз на глаз* (часто у Достоевского и Толстого вместо обыкнов. *с глазу на глаз*); *час от часу не легче;* в древнерусском: *день от дни, а к смерти ближе* (пословица XVII в.) (Буслаев, Историческая грамматика, § 95).

«Такие независимые обороты, стоящие в предложении обыкновенно вне всякой грамматической зависимости, состоят из повторений одного и того же

§ 15. Морфологические типы наречий, соотносительных с именами числительными

Разряд количественных наречий, соотносительных с именами числительными, очень беден. К нему принадлежат следующие морфологические типы:

1. Наречия, состоящие из предлогов *в*, *по* и *на* с винительным падежом собирательных числительных:

а) *вдвое*, *втрое*, *вчетверо*, *впятеро* и др.;

б) *подвое*, *потрое*, *по-четверо* и т. п.;

в) *надвое*, *натрое* и т. д.

2. Наречия, состоящие из предлога *в* и формы собирательного числительного на *-ом* (формы местного-предл. пад. склонения прилаг.): *вдвоем*, *втроем*, *вчетвером*, *впятером*, *вшестером*, *вдевятером*, *вдесятером* и т. д.

3. Наречия с непродуктивным книжным суффиксом *-жды*: *однажды*, *дважды*, *трижды*, *четырежды*; ср. устарелое *единожды*.

4. Наречия, омонимичные с формой творительного падежа количественного числительного, но с ударением на основе: *пя́тью*, *ше́стью*, *се́мью* и т. п.*.

5. Единичные наречия, этимологически распадающиеся на приставку *в* и именную форму предложного падежа: *вдвойне*, *втройне*.

6. Наконец, сюда же примыкают неопределенно-количественные наречия на *-о*: *много*, *мало*, *немного*, *сколько*, *столько*, *несколько* (ср. *довольно*, *достаточно* и некоторые другие).

Ср. также: *заодно*, *один на один*.

Присматриваясь к строению и функциям этого разряда слов, легко увидеть, что он представляет лишь грамматическую вариацию основных видов наречия, определившихся при анализе двух предшествующих разрядов — качественно-относительного и предметно-обстоятельственного. Так как в категории наречия теряются и формы согласования и формы предметности, то, естественно, здесь стираются грамматические грани между бывшими формами имен существительных, имен прилагательных и имен числительных. Часть наречий, производных от числительных, примыкает к разряду качественно-относительных наречий, например, *много*, *мало*, *несколько* и т. п. (ср. уменьшительно-ласкательные формы: *немножко*, *немножечко*, *понемножку*, *понемножечку*, *помаленьку*, *маленько*). Группа *вдвое*, *втрое* и тому подобных слов, арифметически определяющих степень качества или действия, также по функции родственна качественно-количественным наречиям (обозначаю-

---

слова в именительном падеже и в косвенном с предлогом. В некоторых случаях на месте именительного находится другой косвенный с предлогом, например, *от слова до слова* и т. п. Эти последние обороты, несомненно, позднейшего происхождения» (А. В. Попов, Синтаксические исследования, стр. 63).

* См. заметку акад. А. И. Соболевского, Редкая форма местного падежа, «Лингвистические и археологические наблюдения», вып. III, Варшава 1914, стр. 1—4.

щим количество, степень на основании общего, субъективного представления) вроде *чрезвычайно* (ср. *чересчур*), *гораздо*, *частично* и т. п. *По-двое*, *по-трое* и т. п. легко сливаются с группой: *попарно*, *повзводно*, *поротно* и т. п. В наречиях вроде *надвое* также различаются качественные оттенки (ср. *бабушка надвое сказала*). Другие типы числовых наречий вливаются в разряд предметно-обстоятельственных наречий. Таковы, например, *впятером*, *вшестером* и т. п.; *на́трое*, *дважды*, *трижды* и др. Единственное отличие кратных числовых наречий от прочих наречий состоит только в том, что они могут определять количественные числительные: *дважды пять*, *пя́тью шесть* и т. п. В этих наречиях очень отчетливо выступает функция обстоятельственного отношения (см. ниже § 21).

§ 16. Типы отглагольных наречий

Разряд наречий, соотносительных с глаголами, еще менее многочислен, чем разряд числовых наречий. Большую часть его составляют деепричастия, совсем или почти совсем лишившиеся оттенков глагольности, т. е. значений вида, времени и залога. Такому изменению не могли, конечно, подвергнуться деепричастия на *-в*, *-вши*, *-ши*, так как видо-временные значения являются их основным грамматическим признаком. Различаются две группы отглагольных наречий:

1) наречия на *-а*, *-я*: *лежа*, *стоя*, *сидя*, *нехотя*, *неглядя*, *невидя*, *молча*, *походя*, *загодя*, *шутя*, *любя*, *немедля* и т. п. В этом типе обозначилось акцентологическое отличие наречий от деепричастий (ср. наречие *мо́лча*, но деепричастие *молча́*). К этому разряду примыкают идиоматизмы: *спустя рукава*, *сломя голову*, *очертя голову*, *высуня язык*, *повеся нос*, *положа руку на сердце*, *сложа руки*, *немного спустя*, *немного погодя*, *разиня рот*. Понятно, что глагольные формы на *-ся* подвергаются адвербиализации лишь в случае полной изоляции (ср. *не обинуясь*, *отродясь* и др.);

2) наречия на *-учи*, *-ючи*: *глядючи*, *припеваючи*, *сидючи*, *играючи*, *умеючи*, *жалеючи*, *крадучись*. Как известно, эти наречия тоже восходят к русским формам кратких причастий, ставших в связи с утратой склонения деепричастиями (ср.: *Жалость берет на тебя глядючи*).

Несомненно, что в современном языке с этими группами наречий сближаются и глагольно-именные формы на *-мя*, *-ма*: *ливмя*, *лежмя*, *стоймя* — *стойма*, *ревмя* и др.; ср. *плашмя*. Ср. у Пастернака:

Из ночи в ночь валандавшись,
Гормя горит душа.

Ср. у А. В. Кольцова в стихотворении «Молодая жница»:

Всю сожгло её
Поле жаркое,
Горит горма всё
Лицо белое.

У Лескова: «Сама дрожмя дрожит, бедная старуха» («Воительница»). У Гончарова: «Она чаще бывала у него: обедала, завтракала, — словом, как говорят, живмя жила» («Иван Савич Поджабрин»).

Даже если видеть в суффиксе *-мя* отложение древних именных флексий двойственного числа (ср. *двумя*, *тремя*), все же трудно отрицать для современного языкового сознания их морфологическую близость к наречиям типа: *лежа*, *сидя* и т. п.[18]. Функционально же они не отделимы от фразеологических сочетаний, возникающих из творительного усиления: *есть поедом*, *ходить ходуном* и т. д.

Все эти отглагольные группы наречий сближаются с наречиями образа действия. В них очень ощутительны качественно-обстоятельственные оттенки (ср. *крадучись* и *украдкой*, *умеючи* и *умело* и т. п.). Оттенок усиления, свойственный словам *ливмя*, *стоймя* и т. п., объясняется их тавтологическим или плеонастическим употреблением при словах той же основы или сходного значения (ср. *стоном стонать*, *бегом бежать* и т. п.). Однако ср. у Лескова: «Причесать по форме, с хохлом стоймя и с височками» («Тупейный художник»).

§ 17. Грамматическая определенность и структурное единство системы наречия

Четыре основных морфологических разряда наречий: качественно-относительных, предметно-обстоятельственных, количественных (счетных) и отглагольных — функционально объединяются в двух синтаксических категориях — обстоятельственного отношения и качественного определения действия, предмета или свойства; при этом из последней категории несколько выступает тип наречий со значением количественного определения и отношения. Функция синтаксического отношения, типичная для категории наречия в целом, отчасти обусловлена морфологическим составом тех наречий, которые включают в себя предлоги-префиксы и, следовательно, вбирают в себя обозначения грамматических отношений, выражаемых предлогами (ср., например: «щегольские лосиные панталоны в обтяжку» (Тургенев, «Дворянское гнездо»); *походка вприпрыжку; вытянуться в струнку; мозги набекрень* и т. п. Но — прежде всего и главнее всего — значение отношения (качественного или предметно-обстоятельственного) является основной синтаксической принадлежностью самой формы наречия. Грамматические функции наречия как несогласуемого и флексивно-неизменяемого определяющего слова, которое, выражая качественные и обстоятельственные отношения, примыкает к глаголу или к имени прилагательному (а следовательно и к наречию), или, наконец, к имени существительному, очерчены очень ясно. Этим определяется положение категории наречия в системе других грамматических категорий,

других частей речи. Категория наречия выражается синтаксической функцией слова, иногда комплексом форм (например, субъективной оценки, степеней сравнения), чаще лексическим значением или морфологическим строем слова и особенно — его грамматическим отношением к другим категориям. Без этой грамматической оформленности наречного слова невозможно было бы его понимание. Например, *аллегро* (от итальянского allegro — весело) как музыкальный термин непосредственно связывается или с обозначением темпа исполнения музыкальной пьесы (т. е. с значением образа действия) и тогда осмысляется как качественное наречие: *скоро, оживленно*, или же относится к музыкальной пьесе (а также к какой-нибудь ее части), исполняемой в таком темпе, и, следовательно, осмысляется как несклоняемое имя существительное. Напротив, слово *аллегри* (от итальянского allegri — будьте веселы, не огорчайтесь; так гласила шуточная надпись на проигрышных билетах лотереи) непосредственно осознается как определение слова *лотерея*, с которым оно чаще всего и сливается в сложное речение: *лотерея-аллегри*, т. е. лотерея с немедленной выдачей выигрышей. Следовательно, в слово *аллегри* включена, несмотря на его неизменяемость, функция имени прилагательного.

Соотносительность наречия с другими грамматическими категориями и своеобразие его синтаксических значений определяют место наречий в морфологической системе современного русского языка. Категория наречия настолько определенна, что никто не смешает слов *кашне, туше* со словами *вотще, втуне* или *ужé*, не свалит в одну кучу слов *хаки* и *паки* (несмотря на устарелость этого наречия) и т. п. и не отнесет их к одной грамматической категории.

§ 18. Группы наречий, функционально однородных с предметно-обстоятельственными наречиями

В силу грамматической определенности категории наречия осознаются как наречия и те группы слов, которые утратили ясную морфологическую соотносительность с живыми грамматическими классами и разрядами. Большая часть таких обособленных наречных групп — местоименного происхождения. В этих группах яркость синтаксических и лексических признаков наречия возмещает неполноту и ущербность морфологических признаков. В силу однородности синтаксических функций эти группы сливаются с системой основных грамматических разрядов наречия. Поэтому нет ничего более произвольного, искусственного и ошибочного, чем применение наименования «бесформенных» к этим группам наречий. Вот некоторые их типы:

1. Обозначения времени: *вчера, завтра, послезавтра, позавчера, на завтра, до завтра, до сегодня* (ср. у Достоевского в «Бесах»: «Неисследима глубина женского сердца даже и до сегодня») и другие подобные. Способность сочетаться с предлогами-префиксами времени и однородность этих наречий с адвербиализованными

формами родительного времени: *сегодня*, *третьего дня* и т. п. — приближает их к разряду отыменных обстоятельственных наречий (ср. областное и просторечное *к завтраму*, *к завтрему*).

Сюда же примыкают местоименные обозначения времени: *тогда*, *когда*, *некогда*, *иногда*, *всегда* (ср. *навсегда*, областн. *завсегда*), *никогда*, *пока*, *покамест*. Ср.: *теперь*, *ныне*, *поныне*, *до-ныне*, *уже*, *после* *.

2. Обозначения места: *вон*, *прочь*, *во-вне* (ср. *со-вне*, *из-вне*); *здесь*, *где*, *нигде*, *возле*, *подле*, *около*, *там*, *тут*, *туда*, *сюда*, *куда*, *куда-нибудь*, *никуда* (ср.: *откуда*, *оттуда*, *отсюда;* просторечное *досюда*), *всюду* (ср. *отовсюду*). Ср.: *домой*, *долой* и устар. *дóлу*.

3. Обозначения образа действия: *как*, *так;* ср. *иначе*.

4. Обозначения степени качества: *столько* (устарел. *столь*), *сколь*, *сколько*, *так*, *как*, *очень*, *почти*, *едва*, *еле*, *чуть* и др.

Местоименных наречий было гораздо больше в русском литературном языке до середины XIX в. Многие из них вымерли или устарели, например: *доселе (досель)*, *отселе (отсель)*, *дотоле (дотоль)*, *оттоле (оттоль)*, *отколе*, *столь*, *толь*. Ср. простонародные: *откудова*, *отсюдова*, *покудова*, *инде* и др.

§ 19. Гибридные грамматические типы, внедряющиеся в категорию наречия

По периферии категории наречия располагаются смешанные, гибридные типы слов. Среди них ощутительно выделяются семь разновидностей:

1. Типы промежуточные между классами имен существительных и наречий (например: *с развальцем*, *на скаку*, *на ходу* и т. п.).

2. Деепричастия как смешанная глагольно-наречная категория.

3. Морфологические типы слов, совмещающих наречные функции с характерными особенностями модальных слов (например, *решительно*, *объективно*, *нормально* и т. п.).

4. Лексико-морфологические типы слов, употребляемых то как наречия, то как частицы (например, *уже́*, *еще*, *всё* и т. п.).

5. Смешанные типы наречий-предлогов (например, *кругом*, *около*, *против*, *после* и т. п.).

6. Смешанные союзно-наречные типы (например, *пока*, *едва* и т. д.).

7. Кроме того, от некоторых типов наречия ведет прямой путь к категории состояния (например, *тепло*, *уютно*, *тихо*, *шумно* и др.).

Понятно, что разновидности смешанных типов, промежуточных между наречиями и модальными словами, между наречиями и частицами, между наречиями и предлогами, между наречиями и союзами, вполне уясняются лишь после анализа категорий модальных слов, частиц, союзов и предлогов. Необходимо описать прежде всего основные функции чистых, главных типов наречия.

---

* Ср. у Л. Толстого: «Уже гораздо после Пьер узнал» («Война и мир»).

3. СЕМАНТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ НАРЕЧИЙ И ИХ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ

§ 20. Вопросы о грамматико-семантических классах наречий в научной традиции

В русской грамматике с самого начала XIX в. установилось деление наречий на два основных, грамматико-семантических класса: на наречия качественные и наречия обстоятельственные. Еще Н. Орнатовский в «Новейшем начертании правил российской грамматики» (1810) довольно точно очертил границы между этими семантическими классами наречий (adverbia qualitatis и adverbia circumstantiarum). Позднее к этим двум классам иногда присоединялись деепричастия (см., например, грамматику Н. И. Греча). Классификация наречий на качественные (или определительные) и обстоятельственные дожила до настоящего времени. Ее придерживался, например, А. М. Пешковский. Лишь акад. А. А. Шахматов пытался внести в нее некоторые поправки.

Акад. А. А. Шахматов различал три основных синтаксических типа наречий (соответственно видам «обстоятельств»): наречия определяющие, дополняющие и сопутствующие. В разряд сопутствующих наречий он относил и те группы слов, к которым больше всего подходило бы название «вводных слов». Таковы слова, выражающие оценку, придающие субъективную окраску тому или другому обозначению или высказыванию в целом, например: *авось*, *небось*, *поди*, *право*, *просто* и т. п. (Сюда же примыкают в концепции А. А. Шахматова и выражения, отмечающие стилистический характер соседних слов: *собственно говоря*, *говоря вообще* и т. п.) [19].

Вместе с тем А. А. Шахматов делил наречия на обстоятельственные и формальные [20]. К формальным относятся те наречия, которые выражают «утверждение, вопрос, приказание, восклицание, отрицание, пожелание, заключение, домысел» [21]. Категория наречий в концепции А. А. Шахматова понимается слишком широко. Но если исключить группу «сопутствующих обстоятельств», выходящую за пределы наречий в собственном смысле, то и у Шахматова останутся три разряда наречий: 1) наречия определяющие или качественные; 2) наречия обстоятельственные и 3) наречия формальные. Однако «формальные наречия» принадлежат к смешанным, гибридным грамматическим типам, вклинивающимся в категорию наречий. Таким образом, перед нами снова оказываются два основных разряда наречий: качественные, или определительные, и обстоятельственные.

Может возникнуть новый вопрос, не правильнее ли было бы присоединить к классам качественных и обстоятельственных наречий еще особый класс наречий количественных. Хотя этот тип наречий очень близко подходит к качественным наречиям, иногда даже вливается в них, однако уже проф. Пешковский отмечал

грамматическое обособление этого разряда: «Наречия эти замечательны тем, что, в отличие от всех остальных, не связаны неразрывно с глаголами (или словами, образованными от глаголов)... Они даже, можно сказать, больше «любят» именно прилагательные, а не глаголы, и не со всяким глаголом всякое такое наречие можно соединить; нельзя сказать *очень читает*, *очень гуляет*, *очень спит*, *весьма лежит* и т. д. (говорится иногда в шутку)... Это объясняется, конечно, их значением, так как они обозначают степень, а всякое качество может изменяться по степеням»[22].

Необходимо подвергнуть количественные наречия синтаксическому анализу.

§ 21. Семантические разряды и синтаксические функции количественных наречий

В группах количественных наречий наблюдается сложная гамма переходов от качественно-оценочного, иногда очень эмоционального и субъективного понимания степени и количества до точного объективного обозначения степени и количества, иногда выраженных даже в числах (ср., с одной стороны: *очень*, *крайне*, *совершенно*, *чрезвычайно*, *замечательно* и т. п., а с другой стороны: *вдвое*, *втрое*, *много*, *трижды* и т. п.).

Одни из количественных наречий, преимущественно те, которые обозначают степень, сочетаются с глаголами, прилагательными и наречиями, а также изредка — с существительными, имеющими оттенок качественного значения. Например: *очень сильный*, *очень громко*, *очень похудел*, «очень не дрянь» (Гоголь), *очень не дурак; крайне мстительный*, *крайне встревожен; много больше*, *много спит; меньше жаль*, *меньше ленится;* у Л. Толстого: «всякий из нас, ежели не больше, то никак не меньше человек, чем всякий Наполеон». (С именами прилагательными сочетается только форма *менее*, а не *меньше: менее живой*, *менее значительные результаты* и т. п.); «приближалась довольно скучная пора» (Пушкин); *довольно потрудился* и мн. др.

Другая группа количественных наречий, преимущественно те, которые указывают меру или числовое выражение степени, сочетаются только с глагольными и отглагольными словами, обозначающими уменьшение, увеличение, или с прилагательными и наречиями в форме сравнительной степени. Например: *вдвое больше*, *втрое больше, брак в производстве уменьшился вдвое*, *уменьшение цен вдвое* и т. п.; ср.: *гораздо больше*, *цены снизились вдвое* и т. п.

Наконец, третья группа количественных, вернее, числовых наречий, преимущественно те, которые обозначают обстоятельство, выраженное в числах, сочетаются почти исключительно с глаголом и отглагольными существительными, например: *вдвоем*, *впятером*, *надвое*, *натрое*, *по-двое* и т. п.; *раз*, *два*, *три* и др.

Все это говорит о том, что количественные наречия образуют лишь переходный, промежуточный тип между качественными и

обстоятельственными классами наречий, примыкая то к тому, то к другому. Они еще не приобрели резких признаков самостоятельного грамматического класса в системе наречий. К тому же выводу привел морфологический анализ словообразовательных типов наречия.

Там же, где в количественных словах намечаются новые морфологические признаки и новые грамматические значения, они сближаются с модальными словами и должны быть рассматриваемы как смешанный, переходный тип слов *, совмещающий функции наречий и модальных слов.

В современном русском языке среди количественных наречий несколько обособляется по своему синтаксическому употреблению группа слов, которые служат для указания на степень точности количественных обозначений. Это своеобразные качественные определители количественных обозначений или количественные уточнители числовых указаний. Примыкая к названиям меры и количества, они приобретают своеобразные оттенки значений. Например: *ровно в два часа*, *весом ровно в килограмм*, *приблизительно пять верст*; или в устной речи: *километров пять приблизительно;* «И прожил премудрый пискарь двадцать слишком лет» (Салтыков-Щедрин). (Ср. чисто наречное употребление этого слова: *он слишком самонадеян; слишком чувствителен; слишком понадеялся на что-либо* и т. п.); *прошло почти два года; точно в два часа раздался звонок* и т. п. Во многих из этих слов наряду с наречными, обстоятельственными значениями ощущается оттенок модальности. Например, у М. Горького: «Он вздрогнул, алчно оскалил *чуть не* сотню плотных, здоровых зубов» («Мой спутник»). (Ср.: *Я чуть не подавился.)* Эту группу количественно-определительных слов также необходимо относить к смешанным наречно-модальным типам слов (ср. главу о частицах и модальных словах). В некоторых из этих слов наречные значения уживаются рядом и вместе с модальными, другие распадаются на омонимы (ср.: *вычертить ровно*, *провести линию ровно* и *ровно в пять сантиметров*); третьи специализируются в модально-количественном значении.

§ 22. Синтаксические функции качественных наречий

Деление наречий на качественные и обстоятельственные соответствует двум основным морфологическим разрядам наречий, соотносительным с именами существительными и с именами прилагательными. Наиболее рельефно синтаксическая разница между

---

* Старые грамматисты (от А. Х. Востокова до И. И. Давыдова) связывали с количественными наречиями слова, определяющие, «действительно ли происходит действие»: *в самом деле*, *действительно ли*, *не*, *ни*, *вовсе не*, *отнюдь*, *ничуть*, *нимало*, *никак;* выражающие предположение: *авось*, *едва ли*, *чуть ли*, *вряд;* ограничение: *только*, *разве*, *лишь*, *едва*, *чуть*, *несколько*, *отчасти*, *почти*» («Опыт общесравнительной грамматики русского языка», стр. 201—202).

качественными и обстоятельственными наречиями обнаруживается при сопоставлении их крайних типов. Чисто качественные наречия на *-о*, *-е* и *-ски* (без приставки *по-*) определяют только глагол (включая причастия и деепричастия) и имя прилагательное (а следовательно, и наречие). Например:

Кокетка судит *хладнокровно*,
Татьяна любит *не шутя*
И предается *безусловно*
Любви, как милое дитя.

(Пушкин, «Евгений Онегин».)

Школа *глухо* заперта.

(Пушкин, «Пир во время чумы».)

Утопим *весело* умы.

(Там же.)

«*Восторженно* административная личность» (Достоевский).

Ср.: *мертвецки пьян; дружески улыбнулся; зверски проголодался* и т. п.

Случаи определения имен существительных наречиями этого типа не соответствуют нормам современного русского языка. Единичные примеры такого синтаксического употребления (преимущественно в просторечии) воспринимаются как незаконное расширение глагольных функций у отглагольных имен существительных. Ср., например, у Гоголя в «Мертвых душах»: «Ты сочинитель, да только, кажется, *неудачно*» (ср. *неудачно сочинять*); у Пушкина в стихотворении «Мадонна»: «Одной картины я желал быть *вечно* зритель».

С чисто качественными наречиями синтаксически сближаются качественно-количественные, обозначающие степень или неопределенное количество. Они также нормально стоят впереди определяемого слова и определяют как глагол, так и имя прилагательное и наречие. Но в отличие от чисто качественных слов они могут относиться и к имени существительному с качественным значением. Ср., например, у Островского в речи свахи: «Чуть маломальски жених... прямо и тащи ко мне» («Свои люди сочтемся»). С качественно-количественными наречиями отчасти сближаются и наречия, обозначающие предел или степень качества и действия и стоящие обычно позади определяемых слов (вроде: *до чортиков*, *дозарезу*, *досыта* и т. п.). Но они лежат уже на рубеже между качественными и качественно-обстоятельственными разрядами наречий (ср.: *докрасна*, *добела* и т. п.).

§ 23. Семантические разряды и синтаксические функции качественно-обстоятельственных наречий

Из других морфологических разрядов наречий по своему синтаксическому употреблению близко подходят к качественному типу отглагольные наречия (типа *молча*, *немедля* и т. п.). Но в них очень заметны оттенки значения образа действия, а к этим качественно-обстоятельственным значениям примешивается еще значение действия, процесса, как бы сопровождающего другое, основное действие (ср. *молчаливо* и *молча;* ср. также *молчком;* ср. *шутливо* и

шутя; ср. также: *в шутку; неохотно* и *нехотя;* ср. также: *поневоле; немедля* и *немедленно; умело* и *умеючи* и т. п.). Поэтому круг грамматического употребления таких отглагольных наречий сужен: он ограничивается примыканием к глаголу и в редких случаях к кратким формам имени прилагательного (ср. *моя строгость — от любви; я строг любя; он остроумен шутя*). Так как значение качественного состояния может развиться у существительного, выполняющего функцию сказуемого, а обозначение действия, процесса вообще присуще отглагольным существительным, то отглагольные наречия изредка примыкают и к таким существительным (ср., например, у Гоголя в «Ревизоре», в характеристике Осипа: «молча плут». Ср. у Л. Толстого в «Крейцеровой сонате»: «Иногда бывали слова, объяснения, даже слезы, но иногда... Ох, гадко теперь и вспомнить — после самых жестоких слов друг другу, вдруг молча взгляды, улыбки, поцелуи, объятия»). Повидимому, отглагольно-именные наречия на *-мя* в усилительном значении (*лицмя, ревмя, стоймя* и т. п.) нормально стоят п е р е д определяемым глаголом, но п о с л е определяемого отглагольного имени существительного. Другие группы отглагольных наречий ставятся предпочтительно позади определяемого слова, хотя могут без заметного оттенка инверсии помещаться и впереди. Например: «Уши врозь, дугою ноги и как будто *стоя спит*». Ср.: *сказать нехотя, взять не глядя; пройти молча; писать стоя* и т. п. Идиоматические наречия типа: *сложа руки, сломя голову, очертя голову* — стоят позади определяемого глагола. Например, *сидеть сложа руки, скакать сломя голову, поступить очертя голову, работать спустя рукава* и т. п.

Далее располагаются ряды наречий, сочетающих качественное значение с обстоятельственным. Сюда относятся все типы отприлагательных наречий с приставкой *по-*.

Степень качественности в трех группах наречий с приставкой *по- (по-детски, по-волчьи* и *по-змеиному)* не вполне одинакова. Она ниже всего в наречиях типа: *по-летнему* и т. п. В наречных образованиях *по-... -ому, -ему*, даже от качественных прилагательных, оттенки обстоятельственного значения выступают очень рельефно (ср. *поступить нехорошо* и *поступать не по-хорошему*). Ср. также значения наречий *старо* и *по-старому*, например: *выглядел старо* и *выглядел по-старому*, т. е. как прежде, в старое время.

Во всех этих типах наречий оттенки сравнительного значения, указание на соответствие нормам чего-нибудь, значение образа и способа действия — все эти семантические нюансы наслаиваются на качественное значение и образуют вместе с ним сложную смысловую амальгаму. Вследствие этой сложности значений качественно-обстоятельственные наречия определяют не только глагол и, реже, прилагательное и наречие, но и имя существительное.

В сочетании с глаголом качественно-обстоятельственные наречия с приставкой *по-* могут стоять и впереди определяемого слова (в силу инверсии), чаще же помещаются позади него. Это их нормальное положение (ср.: *заговорить по-французски, поступить*

по-дружески и т. д.). Ср.: «Она озорно, по-девичьи, взглянула на него снизу вверх» (К. Федин, «Братья»). «Опять потянулось время среди занятий домашних, но теперь как-то скучно и вяло, день за днем, по-черепашьи» (Помяловский, «Молотов») и т. п. В сочетании с прилагательными они обычно, кроме наречий типа *по-старому*, стоят впереди определяемого слова. Например: *не по-детски задумчивые глаза; церемонный по-старому* и т. п. При существительном наречия этого типа ставятся всегда позади, например: *шницель по-венски, кофе по-варшавски.*

К семантическому разряду качественно-обстоятельственных наречий принадлежат и все наречия, обозначающие сравнения, образ и способ действия. Сюда, например, относятся наречия с приставкой *на-* и бывшими именными падежными формами кратких прилагательных вроде: *налегке, наготове, навеселе;* наречия с префиксами *на-* и *в-*, образовавшиеся из существительных (вроде: *нараспашку, набекрень, наизнанку, впору, всмятку, навыкате, втайне* и т. п.); наречия с приставкой *без-* (ср. *безумолку* и *неумолчно, без ума* и *безумно* и т. п.); наречия, морфологически соотносительные с творительным падежом имен существительных (*тайком, авансом* и т. п.). Ср.: *огулом* и *огульно; тайком* и *тайно.* Своеобразной особенностью этого типа наречий является их способность определять преимущественно глагол и имя существительное и только в исключительных случаях имя прилагательное и наречие. Степень и характер обстоятельственного значения наречий определяется их связями не только с глаголами, но и с именами существительными, как отглагольными, так и чисто предметными. Повидимому, некоторые из префиксированных наречий сравнения, образа и способа действия сочетаются исключительно с именами существительными или непосредственно, или при посредстве связки *быть*, образуя своеобразные фразеологические единства, или идиоматизмы. Например, *глаза навыкат* или *навыкате;* устарелое: *на возрасте* (ср. у Мельникова-Печерского: «девки на возрасте»; у Кохановской: «Было нас три родные сестрицы, и все-то мы, значит, на возрасте»); *мастер на все руки** (ср. у Салтыкова-Щедрина: «он был малый на все руки и имел бойкое перо»; у Гоголя: «Ноздрев во многих отношениях был многосторонний человек, т. е. на все руки») и другие подобные.

Однако большая часть наречий этого типа сочетается и с глаголами и с именами существительными. Например, *нараспашку* в современном языке употребляется с именами существительными: *пальто нараспашку, душа нараспашку* (ср. у Гончарова в «Обыкновенной истории»: «прекрасный человек, и душа нараспашку») и т. п. Но ср. также: *надеть нараспашку что-нибудь.* Повидимому, раньше круг приглагольного употребления этого наречия был шире. Ср. у Писемского: «Рискую говорить с вами совершенно нараспашку о предмете, довольно щекотливом» («Тысяча душ»);

* *На все руки* необходимо рассматривать как фразеологическое единство.

у Салтыкова-Щедрина: «произносились имена нараспашку» («За рубежом»); у Гончарова: «все живут вольно, нараспашку, никому не тесно» и т. п.

Ср. *набекрень: надеть набекрень шапку* и *с шапкой набекрень* и т. п.; *всмятку: сварить яйца всмятку* и *яйцо всмятку; сапоги всмятку* (у Гоголя в «Мертвых душах»: «Это выходит просто: Андроны едут, чепуха, белиберда, сапоги всмятку»; у Глеба Успенского в очерках «Из деревенского дневника»: «Бывают, однако, невероятные случаи, когда получаются стеариновые свечи и сапоги всмятку») и другие подобные. Ср. еще несколько примеров сочетания качественно-обстоятельственных наречий с существительными (сочетания их с глаголами многочисленны и легко иллюстрируются литературными примерами): *сны наяву; жизнь настороже;* «литература на лету» (П. А. Вяземский); *мысли вслух* (ср. *мысли налету); ружье наизготовку; вихры торчком; волосы ежиком; чай внакладку, вприкуску, вприглядку* и т. п.; *панталоны в обтяжку; земля дыбом; губки бантиком; грудь колесом*, «уши врозь, дугою ноги» и т. д. [23].

Качественно-обстоятельственные наречия этого типа, определяя имя существительное, всегда ставятся позади него. В сочетании с именем прилагательным они могут инверсивно предшествовать определяемым словам (*вдребезги пьяный, влоск пьяный, вволю сытый* и др.), хотя обычное их место — позади определяемых прилагательных.

Примыкая к глаголу, качественно-обстоятельственные наречия, повидимому, нормально стоят позади глагола («с бедняжки пот катился градом»; *получить авансом; стоять дыбом; набить битком; ехать рысью; выучить на зубок, на изусть; ползать на корачках; бежать наперегонки* и т. п.).

§ 24. Семантические разряды и синтаксические функции обстоятельственных наречий

Вслед за качественно-обстоятельственными идут обстоятельственные наречия. Они определяют или предложение в целом, или отдельные его члены: чаще всего глагол, слова из категорий состояния, краткие формы имени прилагательного (полные — преимущественно в обособленном положении), обстоятельственные наречия, реже имена существительные, еще реже членные имена прилагательные в их основной, качественно-определительной функции и качественные наречия.

Среди обстоятельственных наречий различается несколько семантических разрядов.

Современный русский язык очень богат наречиями, обозначающими пространственные и временные отношения. Между этими двумя группами наречий тесная связь и постоянное семантическое взаимодействие. Многие наречия места совмещают свое первоначальное пространственное значение с временным (как многие имена существительные и прилагательные, а также предлоги). Например, *тут*

(ср. *тут как тут*), *отсюда*, *оттуда*, *там* во временном и местном значении и т. п. (Ср. *впереди*, *позади* — со значением времени) [24].

Наречия времени формируются словами, составленными из префиксов *из-* и *с-* с формой родительного падежа имени существительного и нечленного прилагательного (*издавна*, *изредка*, *смолоду*, *сперва*, *искони*, *исстари*, *сначала*), из префикса *за-* с винительным падежом (*засветло*, *задолго*, *незадолго*); из префиксов *в-* и *на-* с винительным (*навек*, *вмиг*, *ввек*) и предложно-местным падежом (*вскоре*, *вначале*, *накануне*, *надпях* и т. п.); из творительного беспредложного (*летом*, *зимой*, *вечером*, *днем* и др.). Сюда же относятся многие идиоматические выражения: *чуть свет*, *ни свет ни заря* и т. п. и наречия, которые в современном языке воспринимаются как непроизводные (*всегда*, *завтра*, *рано*, *давно* и т. п.). В этом семантическом разряде продуктивны лишь наречия с префиксом *на-* и предложно-местным падежом (ср. *на лету*, *на ходу* и т. п.). Круг наречий времени, восходящих к беспредложному творительному падежу, ограничен словами, обозначающими время суток и времена года. В группе наречий времени довольно активны приемы префиксации: *завтра*, *до завтра*, *на завтра*; *ныне*, *доныне*, *поныне* и другие подобные.

Наречия места включают в себя такие типы: наречия с префиксами *с-* и *из-* и формой родительного падежа имени (*справа*, *слева*, *издалека*, *изнутри*, *издали*; *снизу*, *сзади*, *спереди*, *снаружи* и т. п.); с префиксами *в-* и *на-* и винительным падежом (*вправо*, *влево*, *направо*, *налево*, *набок*, *назад*, *наперед*, *наверх*, *вверх*, *вряд*, *вбок*, *вниз*, *вширь*, *вглубь* и т. п.), с теми же префиксами *в-* и *на-* и местным-предложным падежом (*вверху*, *внизу*, *вдали*, *вблизи*, *впереди*, *наверху* и т. п.). Продуктивны в этой категории формы бывших имен существительных, составленные из префиксов *в-* и *на-* как с винительным, так и с предложно-местным падежом.

Понятно, что к наречиям места относится много непроизводных слов местоименного и именного происхождения, например: *здесь*, *там*, *тут*, *везде*, *всюду*, *возле*, *нигде*, *куда*, *никуда*, *прочь* и т. п.

Некоторые из местоименных наречий осложнены префиксами, имеющими пространственное значение, например: *всюду* — *повсюду*, *отовсюду*; *туда* — *оттуда* и т. д.; ср.: *вправо*, *направо*, *справа*; *влево*, *налево*, *слева* и другие подобные.

Группа обстоятельственных наречий времени и места притягивает к себе функционально близкие и семантически однородные формы из разряда наречий на *-о*, *-е*, произведенных от имени прилагательного. Например: *рано*, *поздно*, *раньше*, *позже* (обстоятельства времени); *далеко*, *дальше*, *выше*, *близко*, *ближе* (обстоятельства места; ср. *высоко*, *глубоко* и т. п.).

Наречия причины в русском языке выражены менее ярко.

Некоторые лингвисты, например, проф. А. С. Будилович, вообще отрицали в русском языке существование наречий причины и цели. Для категории причины и цели, по словам Будиловича, нет специ-

ального оформления в наречиях. «Отношения причины и цели находятся в слишком непосредственном и наглядном взаимодействии с предметами и феноменами мысли и словесного выражения, чтобы не тяготеть к ним своими флексиями. Оттого последние не окаменевают в означенной роли, как это бывает при отношениях пространственных, временных и образных» [25]. Но это решение чересчур поспешное.

В русском языке причинные отношения выражены богаче и разнообразнее, чем целевые. Нередко целевые отношения означаются причинными словами. Впрочем, в причинных отношениях разные смысловые оттенки начинают диференцироваться сравнительно поздно (особенно интенсивно в XVI — XVII вв.). В XVIII и в начале XIX в. значительно расширяется круг грамматических показателей причинности как среди форм словоизменения, так и в области служебных, формальных слов. Но развитие разнообразных приемов выражения причинных отношений в русском языке идет мимо наречий и охватывает преимущественно союзы и предлоги. Причинных наречий сравнительно немного. Сюда относятся группы наречий, состоящих: 1) из префикса *с-* и формы родительного падежа имени (*сослепу*, *сдуру*, *сгоряча*, *со зла* и т. п.); 2) из префикса *по-* с дательным падежом (*поневоле*; ср. *по случаю*, *потому*, *поэтому*, *почему* и др.). Формы образования причинных наречий не очень продуктивны (ср. непосредственное превращение предложных конструкций имен существительных со значением причины-следствия в причинные предлоги: *по причине*, *вследствие*, *в силу*, *ввиду* и т. п.).

Больше оснований сомневаться в выразительности целевого значения у русских наречий.

Наречия цели (если оставить в стороне местоименные слова: *зачем*, просторечное *чего* и некоторые другие) единичны и почти всегда колеблются между обстоятельством причины и образа действий (ср.: *в насмешку*, *в шутку*, *на зло*, *нарочно*, *невзначай* и т. п.) *. Поэтому-то соответствующие слова примыкают или к глаголу, или к существительному, обозначающему действие-состояние.

К этим основным разрядам обстоятельственных наречий иногда русские грамматисты присоединяют небольшие группы со значением «совокупности», совместности (*вдвоем*, *втроем*, *вчетвером*, *впятером* и т. п.) или разделительности, распределительности (*по-двое*, *по-трое* и т. п.). Эти группы примыкают к глаголам и отглагольным существительным, стоя позади них.

В этом общем обзоре обстоятельственных функций наречия более мелкие, частные виды опущены. Обстоятельственные наречия в современном языке все шире и глубже закрепляют свои синтаксические связи не только с глаголами и категорией состояния, но и с именами существительными как отглагольными, так и чисто вещественными. Ср.: *парк летом; филды сбоку; с головою на бок; трагик поневоле;*

* Значения цели и следствия расчленяются очень поздно. «Цель есть предполагаемое впереди следствие; первоначально они тождественны, как видно из одинаковости способов их выражения» (А. В. Попов, Синтаксические исследования, стр. 91).

«со шпагою подмышкой» (Пушкин) и т. п. Ср. у Герцена: «Я так любил длинную, тенистую аллею, которая вела к нему [дому], и одичалый сад возле» («Былое и думы»).

Обстоятельственные наречия нормально занимают место в начале предложения, если они относятся ко всему высказыванию. Если же они относятся только к глаголу, то стоят позади него (особенно наречия с предлогами-префиксами), но могут помещаться и впереди определяемого слова, иногда с оттенком логически или эмоционально подчеркнутой инверсии. Например: «Никогда не выверну прежних своих слов наизнанку» (Герцен).

Всегда так будет, так бывало,
Таков издревле белый свет.

(Пушкин.)

Кругом белеются палатки.

(Лермонтов.)

Если обстоятельственное наречие примыкает к прилагательному, то ставится впереди него.

При сочетании с существительными обстоятельственные наречия всегда стоят позади определяемых слов (*Москва сегодня; парк летом* и т. п.).

§ 25. Расширение синтаксической способности наречия примыкать к имени существительному

В современном русском языке у наречий расширяется способность примыкать к имени существительному, особенно в именных словосочетаниях. Наречие все чаще выступает в роли несогласуемого именного определения, образуя конструкции, синонимичные сочетаниям имени прилагательного и существительного. Эти новые приемы употребления наречий ломают традиционное понимание наречия как «признака признака», т. е. как части речи, обозначающей признак глагольного действия или качества имени прилагательного.

Легко понять и объяснить широкую возможность сочетания наречия с отглагольными именами существительными (например: *бег взапуски, разговор по-немецки, переписка набело* и т. п.). Но разнообразные случаи соединения имен существительных не-отглагольного типа с наречными определениями представляют, несомненно, новый этап в эволюции грамматической системы русского литературного языка XIX—XX вв. Это явление находит себе частичную параллель в широком развитии определительных грамматических отношений между существительными, выражаемых предлогами (ср.: *боксер в легком, тяжелом весе; дети до двенадцати лет; деньги на ремонт; машина на свободном ходу* и т. п.). Приименные наречия являются грамматическими синонимами одновременно и прилагательных и предложных конструкций с именем существительным. Ср.,

например, у Достоевского в «Записках из мертвого дома»: «Были здесь убийцы невзначай и убийцы по ремеслу, разбойники и атаманы разбойников». Ср. семантические оттенки выражений: *цветы весной* и *весенние цветы*. Широкое употребление наречий в роли определений имени существительного, несомненно, содействует функциональному сближению наречий с прилагательными (ср. «Сталин — это Ленин сегодня»). Категория наречия вторгается в сферу функций имени прилагательного (ср.: *обед даром* и *даровой обед*; *Москва сегодня* и *сегодняшняя Москва; парк летом* и *летний парк* и т. п.)*. Это явление отчасти вызвано развитием новых семантических оттенков в характере связи прилагательного с существительным. Имя прилагательное, стоя на своем нормальном месте перед определяемым существительным, все теснее и теснее сливается с ним в грамматическое единство. Оно образует вместе с определяемым существительным семантически целостное «потенциальное слово», фразеологическую единицу. Эта тенденция выражается в увеличении числа таких фразеологических единиц, таких составных терминов, как: *лошадиная сила*, *белая горячка*, *рабочий день*, *лакмусова бумага*, *бабье лето* и т. п. (ср. тип сокращенных обозначений с прилагательно-определительной «темой» в первой части: *соцсоревнование*, *актеатр*, *комвуз*, *агитпункт*, *мединститут* и т. п.); в росте образований типа *вечёрка*, вместо *вечерняя газета*, и в невозможности инверсивной постановки прилагательного при словах полунаречного, полусуществительного типа, например, *ранним летом* (для современного языка невозможно: *Летом ранним и душистым мы сидели в лесу*).

Сочетания наречий с существительными более аналитичны, более богаты оттенками обстоятельственных отношений, чем сочетания существительных с прилагательными (ср. *губки бантиком; душа нараспашку*, ср. *открытая душа; город ночью* и *ночной город* и т. д.)**.

Итак, происходит двусторонний, диалектический процесс: наречия синтезируют в своем морфологическом составе некоторые виды предложно-аналитических отношений или беспредложных именных связей и в то же время содействуют ограничению синтетической

---

* О. Jespersen доказывал, что вследствие вымирания согласования имен прилагательных и вообще согласования (ср. лат. opera virorum omnium bonorum veterum рядом с англ. all good old men's works) язык приобретает более абстрактный характер, облегчающий выражение мыслей (Otto Jespersen. Progress in language with special reference to english, London 1894, стр. 39).

** Проф. А. А. Добиаш подчеркивал способность наречий примыкать не только к глаголам, но и к именам существительным и прилагательным, а также и к наречиям или ко всему предложению в целом. Поэтому он предлагал, устранив термин наречие, делить несклоняемые слова (axcita) на: а) именные несклоняемые места, времени, способа и степени; б) наклонительные, т. е. модальные («Синтаксис Аполлония Дискола», стр. 170, «Известия Историко-филологического института им. Безбородко в Нежине», т. VIII, 1883).

системы прилагательных (ср. видимую однородность с наречными конструкциями сочетаний вроде: *цвета хаки*, *цвета электрик*, *цвета «сомо»*, *лотерея-аллегри* и т. п.; ср. общность формы сравнительной степени у прилагательных и наречий).

1. ПРОЦЕССЫ АДВЕРБИАЛИЗАЦИИ ДРУГИХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

§ 26. Адвербиализация имен существительных и гибридные наречно-субстантивные типы форм

Процессы превращения падежных форм имен существительных в наречия протекают в современном языке очень активно. Разные именные формы, вступившие на путь адвербиализации, находятся на разных этапах этого пути. По отношению ко многим словам трудно решить вопрос, осуществят ли они с течением времени весь путь адвербиализации или же сразу перейдут в предлоги, минуя наречия. Например, бывшее слово *ведомо* в выражениях *без ведома*, *с ведома*, не имеет форм ни числа, ни склонения, ни даже рода в собственном смысле, хотя оно явно не женского рода (ср.: *с моего ведома*, *без вашего ведома*). Но признать выражения *без ведома*, *с ведома* наречиями невозможно. Этому противоречит их способность иметь при себе в качестве определения местоименное прилагательное и возможность отделения от них предлога посредством вставки определяющего слова (ср. *с их ведома*). Так как выражения *с ведома* и *без ведома* сочетаются только с родительным падежом *(с ведома начальства, без ведома родителей)* и согласуемые формы родительного падежа местоименных прилагательных здесь равносильны родительному определительному падежу имен существительных (ср. *с моего ведома*, но: *с его ведома*), то, повидимому, перед нами — обороты, застывшие на промежуточной стадии между именем существительным и предлогом*.

Необходимо отказаться от распространенного предрассудка, будто имена существительные и прилагательные на пути к деноминализации и к превращению в связочные слова непременно проезжают через станцию наречий (ср. постепенный, но непосредственный переход в предлоги таких сочетаний: *ввиду чего-нибудь*, *вроде чего-нибудь*, *по случаю чего-нибудь*, *по части чего-нибудь*, *по линии чего-нибудь* и т. п.; но ср. гибридный тип наречий-предлогов: *впредь до чего-нибудь*, *кругом чего-нибудь* и многие другие). То же пришлось бы повторить и о деепричастно-предложных сочетаниях (например: *невзирая на что-нибудь*, *несмотря на что-нибудь*, *смотря по чему-нибудь*, *глядя по чему-нибудь* и т. п.; ср. *на ночь глядя* и т. п.). Эти сложные предлоги в отдельных случаях соприкасались с наречиями; но многие из этих слов и идиоматических выражений прошли, не задерживаясь в категории наречия и даже минуя ее, к предложным словам.

И все же больше всего и прежде всего процессы исторических изменений и распада системы форм имени существительного (и отчасти имени прилагательного) обогащают категорию наречий. Ср. образование таких наречий, как: *поделом*, *наспех*, *вкратце*, *на лету* и т. п.

Синтаксическое ограничение области употребления того или иного существительного или отдельной его падежной формы выражается в сужении круга согласующихся с ним определений. Полная утрата способности определяться именем прилагательным означает переход формы существительного

---

* Ср. замечания об истории этой формы у П о т е б н и: «*Ведомо*, синонимичное по отношению к *известно*, будучи формой явно причастной, по направлению к наречности переходило через субстанциальность, заметную в *без ведома* (без вести): «а тогда на них (переветников) не было ведома никакого» (Пск. I, 233), что предполагает «какое ведомо» (т. е. имя существительное среднего рода)» («Из записок по русской грамматике», III, стр. 470).

в наречие. Резкое понижение этой способности является симптомом переходного состояния. Ср.: *во всеуслышание, до востребования, во всеоружии, со всячинкой, на ощупь, ощупью* и т. п.

Уже А. А. Потебня указывал, что все вообще формы творительного падежа имени существительного в функции сравнения и образа действия находятся на полпути к адвербиализации (ср., например, *нестись стрелой*). Еще ближе к наречию формы творительного времени. Но и здесь двойственность очевидна. Например: *рано утром* и *ранним летом; поздно вечером* и *румяным вечером; ночью* и *темной ночью* и т. п.

Полунаречные формы предложного-местного падежа единственного числа мужского склонения на *-у* с предлогами *в* и *на* (типа: *на носу, на корню, в ладу*) находятся на разных стадиях адвербиализации. Некоторые формы на *-у*, сочетаясь с именами прилагательными, заменяют окончание *-у* обычным окончанием предложного падежа *-е* и приобретают иную семантическую окраску (например, *на свету*, но: *на ярком свете; в роду*, но: *во всем роде Пушкиных* и некоторые другие)*. Другие формы на *-у* вообще не допускают вставки определяющего слова между предлогом и именем, решительно примыкая, таким образом, к наречиям (например: *на корню, на виду, на весу; на дому*, ср. иной смысл: *на доме*; *на носу* — близко, но ср. *на носе; не в ладу, в ладу*, но также: *в полном ладу; в цвету, яблони в цвету; во хмелю* и другие подобные).

Не лишено значения обилие промежуточных застывших выражений полу-идиоматического типа, например: *на хорошем, на плохом счету*** (ср. *каждая копейка на счету*), *на каждом шагу, на своем веку* (но ср. у Никитина: «Много видел он кручины на веку своем»), *в соку, в полном соку* и т. п. У ряда слов смешанное употребление формы, совмещающей значения имени существительного и наречия, ведет к тонким и изменчивым смысловым нюансам. Происходит своеобразное колебание формы между функциями имени существительного и наречия. Например, *на ходу:* «На скором ходу мы сбросили телегу и не слыхали толчка» (Л. Толстой); «Он на ходу шатался от изнеможения» (Тургенев), но: «*Бросил несколько слов находу*» (т. е. мельком, торопливо) и т. п.; *на бегу:* «И свист саней на всем бегу» (А. Толстой); «Алешка, щелкая на бегу подсолнухи, скрылся за воротами» (Чехов, «Бабы»). Ср. «Успел *набегу* перекусить и ушел на вечернюю работу»; «перекинуться словами *набегу*» и т. п. Ср. *налету* и *на лету*.

Показательно также, что формы родительного падежа с предлогом *с* и флексией *-у* от имен существительных мужского рода вроде: *с голоду, с испугу, со смеху, со страху, с холоду* и другие — при сочетании с именем прилагательным заменяются конструкцией с предлогом *от* и родительным падежом на *-а*. Ср. например: «Вся семья валялась со смеху» (Аксаков, «Семейная хроника»); «Фадеев так с радости и покатился со смеху» (Гончаров, «Фрегат Паллада»). Но невозможно сказать: *от гомерического смеху* (или даже *с гомерического смеха)* вместо: *от гомерического смеха он так и повалился*. Или: «Куры бездомные с голоду ежатся» (Некрасов, «Пожарище»); но: «От сильного голода сосало под ложечкой». «Со страху сам себя не помнит» (Л. Толстой, «Охота пуще неволи»); но: *от неожиданно охватившего страха* и т. п.

Степень близости именной формы к наречию определяется степенью ее изоляции, характером ее обособления от живой системы падежей и функций соответствующего имени существительного***. Ср. *навытяжку* (ср. *вытяжка)*, *всласть* (ср. *сласть*) и т. д.

---

* Ср. «Лес только был да съежившийся на ветру грач» (И. Шмелев), но: «Отворяешь двери, садишься на сквозном ветре—ничего не помогает» (Гончаров, «Фрегат Паллада»).

** Ср. у Тургенева: «Была на виду и на хорошем счету» («Новь»).

*** Еще в 20-х годах XIX в. П. И. Шаликов напечатал свои «Замечания о наречии», в которых жаловался на грамматическую неразграниченность наречий и некоторых предложно-падежных форм имени существительного. По его словам, многие авторы тогда писали сложные с предлогами наречия, например: *вслух, вмиг, втайне, наконец, подконец, вконец, навек, подчас, кстати, поутру* и т. п., не вместе, а раздельно, превращая, таким

Кроме того, степень лексической употребительности отдельных падежных форм имени существительного не одинакова. Поэтому какое-нибудь слово может вымереть, исчезнуть, а те или иные формы его в определенных сочетаниях продолжают жить. Понятно, что случаи предложного употребления таких форм — при наличии подходящих условий — превращаются в наречия. Именно таким образом складываются продуктивные морфологические типы образования наречий. Например, наречие *вприпрыжку*, относящееся к продуктивному типу наречных образований из предлогов *в* и *на* с винительным образа действия, представляет собой остаток имени существительного — *припрыжка*. Ср. у Пушкина в «Евгении Онегине»:

Но в городах, по деревням
Еще мазурка сохранила
Первоначальные красы:
Припрыжки, каблуки, усы
Все те же...

Эти простейшие грамматические случаи, позволяющие проследить весь ход адвербиальной изоляции именной формы, конечно, не уясняют происхождения разнообразных типов наречия. Но общие закономерности, которые вытекают отсюда, помогают раскрыть образование и других видов наречия. Так, например, понятно, что распад системы именного склонения прилагательного не мог не оставить следов и отложений в категории наречия. Предложные и беспредложные формы кратких прилагательных (*спроста*, ср. *с проста ума; смолоду*, ср. *молодо-зелено; на босу ногу; средь бела дня* и т. п.) застревают здесь как остатки старой системы. Таким образом, наряду с выпадением формы какого-нибудь падежа из системы склонения (например: *со смеху, на дому*), наряду с обособлением какой-нибудь функции падежа (например, творительного образа действия), образованию наречий содействует разрушение всей системы склонения какого-нибудь именного типа (пример — именное склонение кратких прилагательных). Можно наметить и еще целый ряд причин чисто грамматического характера, способствующих превращению отдельных именных форм в наречия. Так, адвербиализация существительных тесно связана с изменениями значений предложных конструкций, со смысловой изоляцией отдельных предложных форм (ср., например, наречие *через силу*, в котором предлог *через* имеет нелитературное значение — сверх). В связи с предложным употреблением имени существительного иногда возникают акцентологические дублеты, устанавливаются акцентологические различия именных и наречных форм. Двойственность ударений, связанных с одной формой, содействует диференциации имени существительного и наречия. Например: *с утра́, поутру́* (но ср. *радоваться у́тру;* «в утра час златой» и т. п.), *во́-время, на́смех, на́крест, на́смерть, на́верх, о́троду* и т. п. Вообще же у наречий, производных от имен существительных, намечается тяготение к наконечной акцентовке (ср. *ве́рхом* и *верхо́м, бе́гом* и *бего́м;* ср. *вачасту́ю, вплотну́ю, напропалу́ю*), в то время как у наречий качественных на *-о*, местоименных на *-ому, -ему* с предлогом *по* и в отдеепричастных на *-а, -я* наблюдается противоположное стремление к различительному переносу ударения с конечного слога (ср. *мо́лча, не́хотя, ма́ло, по-мо́ему* и т. п.).

Принцип грамматической диференциации играет существенную роль в адвербиальной изоляции формы. Слабые грамматические дублеты легче всего переходят в категорию наречия (ср. просторечное *на дно́*, ср. *на корню́*).

Кроме того, адвербиальная изоляция именных форм может быть результатом действия сложных и многообразных синтаксико-фразеологических факторов. Так, разные конструкции с плеонастическим или тавтологическим

образом, несклоняемое наречие в имя существительное с предлогом. «В таком случае по одному только смыслу можно знать, та ли должна быть часть речи, или другая». В то же время Шаликов указывает на акцентологические различия между формами имени существительного и однородными наречиями, например: *поутру́* и *по у́тру, то́тчас* и *тот ча́с* («Труды Общества любителей российской словесности», 1820, ч. XVII, стр. 145—147 и ч. XX, стр. 61).

повторением основ имен существительных и прилагательных (вроде творительного усиления), как уже было отмечено А. А. Потебней[26], обычно ведут к образованию наречий. В них реальное значение слова поглощается функцией эмоционального усиления. Например: *давным-давно, полным-полно, слыхом не слыхать, видом не видать* и т. п.; ср.: *болван болваном, дурак дураком* и т. п. Уже из этих примеров ясно, что идиоматичность оборота очень часто бывает связана с разными синтаксическими формами лексических повторов. На этой почве возникают многочисленные типы наречных идиоматизмов. В качестве иллюстрации можно привести наречную фразеологию, связанную со словом *день: день ото дня, изо дня в день, со дня на день (Они ждали приезда сына со дня на день), день в день, день за день;* ср.: *из года в год, год от году; время от времени, от времени до времени; с часу на час, час от часу* и другие подобные. В образовании и судьбе наречных идиоматизмов очень ясно видно взаимодействие грамматических явлений с лексическими. Это естественно. Грамматический строй наречий, как и всех других категорий, складывается и изменяется в тесной связи с социальной историей словаря, со сменой семантических систем. Так, уже процесс вымирания какого-нибудь существительного, сопровождающийся консервированием отдельных его форм в определенных фразеологических контекстах или синтаксических конструкциях, ведет к адвербиальному переосмыслению остатков (*дотла, пойти прахом, на попятный, встать на дыбы, с норовом, под мухой* и т. п.)*.

Сохранение тех или иных слов и выражений только в некоторых конструкциях и адвербиализация этих недостаточных форм не могут быть уяснены без изучения их семантических возможностей, без анализа их лексического употребления (ср., например: *на корачки — на корачках; на четвереньки — на четвереньках; на цыпочки — на цыпочках* и другие подобные).

Метафорическое переосмысление одной падежной формы слова, связанное с определенным фразеологическим контекстом, превращает эту форму в отдельное слово, если новое значение не распространяется на все прочие формы слова. Так, под влиянием шутливо-метафорического применения военной терминологии и фразеологии к выпивке (ср.: *на втором взводе, зарядиться* и т. п.), слово *залпом* тесно связывается с глаголом *выпить*. Повидимому, это сближение первоначально наметилось в жаргонах военной среды. Форма *залпом* в функции приглагольного обозначения образа действия приобретает значение: сразу, разом, без передышки. Это переносное значение отрывает форму *залпом* от слова *залп* и превращает ее в отдельное наречие. Ср.: «Она залпом хватила стакан водки» (Писемский, «Тысяча душ»).

Изоляции формы, превращению ее в наречие содействуют и социально-диалектные странствования слова. Особенно богат последствиями переход слова или формы из одной социальной среды в другую. Нередко за пределы своего прямого профессионального употребления выходит не все слово, а лишь отдельные его формы, которые в новой языковой обстановке становятся самостоятельными словами, если их не ассимилирует себе какая-нибудь семантически или фонетически родственная группа слов. Например, просторечное *силом* по своему происхождению — творительный падеж от профессионально-диалектального слова *сило* — силок для ловли птиц. Ср. «силом женить *велят*» (Л. Толстой, «Власть тьмы»). Ср. наречие *на племя*, в котором Ф. И. Буслаев[27] и Р. Ф. Брандт видели областную крестьянскую форму винительного падежа множественного числа от слова *племя*.

Но еще рельефнее выступает процесс семантической изоляции именной формы и ее адвербиализации при фразеологическом сращении ее с другим словом или со строго замкнутой группой слов. В таких закрытых фразеоло-

* Ср. современную наречную форму *исподтишка* и такие выражения в литературном языке XVIII и первой половины XIX в., как *под тишком*. Например, в «Душеньке» Богдановича:

Но только по утру приметили амуры,
Что нимфы меж собой смеялись под тишком.

Ср. также: «Во храм вошла тишком...».

гических сочетаниях и фразеологических единствах слова приобретают новые смысловые оттенки (например: *вверх ногами, вверх дном;* ср. *вверх тормашками* и т. п.). При таких условиях падежные формы, сочетающиеся с определяемым словом по принципу примыкания или при посредстве предлогов, обычно переходят в наречия и превращаются в отдельные слова и выражения. Например: *под градусом* (навеселе); *в корне* (*в корне неправильная точка зрения*); *ни в жизнь; не на живот, а на смерть; заглаза; с глазу на глаз; на скорую руку; на зубок* и т. п.

Фразеологические сочетания обычно не уничтожают раздельности компонентов, и наречие может вырваться из плена одной фразы или серии фраз, отделиться от своего тесного фразеологического окружения и стать самостоятельной свободной или фразеологически связанной лексемой с новым значением. (Ср., например, просторечное выражение *до чортиков* в значении усилительного наречия — очень, в высшей степени *(устал до чортиков)*, оторвавшееся от фразы *напиться до чортиков.)* Кроме того, необходимо помнить, что множество наречий является продуктом тех семантических изменений, которым подверглись слово или группа слов в процессе калькирования или перевода чужеязычной, преимущественно западноевропейской лексики и фразеологии. Таковы, например; *разбить наголову, на дружеской ноге, раз навсегда, подшефе* и т. п.

Итак, в разных явлениях адвербиализации имен наблюдается столкновение диаметрально противоположных тенденций. С одной стороны, наречие выступает как грамматическая категория, притягивающая к себе остатки и вымирающие, слабые типы именных форм и конструкций и на их основе воздвигающая свою собственную систему грамматических форм и функций. Но, с другой стороны, и некоторые продуктивные категории имен существительных (например, творительный образа действия или конструкции с местным-предложным падежом и предлогами *в* и *на* для обозначения состояния, назначения и т. п.) оказываются свежими грамматическими резервуарами, из которых льется широкий поток форм в класс наречий*. Кроме того, категория наречий широко пополняется идиоматизмами и фразовыми сочетаниями. А навстречу этому течению снова движется живая струя лексических неологизмов и заимствований в форме наречий, несущихся в литературную речь из разных социальных диалектов или чужих национальных языков.

§ 27. Деепричастия как гибридная наречно-глагольная категория

I. Образование и употребление деепричастий несовершенного вида

Гораздо менее глубок и силен процесс адвербиализации глагольных форм, из которых (кроме отпричастных наречий на *-юще*, (реже *-яще*), *умоляюще*, *потрясающе* — обычно со значением: с каким-нибудь видом или каким-нибудь образом) к наречию тяготеет лишь категория деепричастия. В современном русском языке живы лишь две формы деепричастий: 1) на *-я*, *-а*, 2) на *-в* (реже *-вши*). Непродуктивна, замкнута в узкий круг основ на согласный третья форма на *-ши*. В образованиях от основ несовершенного вида господствует форма на *-я*, *-а*. Она соотносится с формами настоящего времени, именно с формой 3-го лица множественного числа *(портят — портя; гремят — гремя; кричат — крича; везут — везя* и т. п.), кроме глаголов с основами: *-знавать*, *-давать*, *-ставать*, *-создавать* (*сознавать*, *придавать* и др.). Если ударение в

* Ср. наречие *впопыхах* и: «Гаврило прибежал в страшных попыхах» (Тургенев, «Муму»).

какой-нибудь форме настоящего времени (например, в 1-м лице) переносится на окончание, то ударение непременно становится наконечным и в деепричастии (за исключением адвербиализованных форм: *гля́дя*, *ле́жа*, *си́дя*, *сто́я*, *мо́лча*, *су́дя* и т. п.). Глаголы с односложной основой на *-а-* в инфинитиве, образующие настоящее время без этого *-а-* (например: *брать — беру*, *звать — зову*, *рвать — рвут*, и производные от них), глаголы с односложной основой инфинитива на *-а-*, чередующееся с носовыми согласными в форме настоящего времени (вроде: *мять — мну*, *жать — жну* и т. п., и производные от них), с односложной основой на *-и-* (*бить*, *вить*, *пить*, *шить* и производные от них), с основами (корнями) на *-к-*, *-г-* (*мочь — могу*, *печь — пеку*, *стричь — стригу* и т. п.)*, на *-ере-* и *-оло-* в инфинитиве (например: *мереть*, *тереть*, *переть*, *молоть*, *колоть* и т. п.), все глаголы на *-ну-* (*киснуть*, *вянуть*, *мерзнуть*, *зябнуть* и т. п.), глаголы *ковать*, *плевать* и некоторые другие совсем не образуют формы деепричастия настоящего времени на *-а*. Повидимому, прав акад. А. А. Шахматов, выставивший правило, что «обычно деепричастие образуется только от тех основ настоящего времени, которые звуковой стороной не отличаются существенно от основы инфинитива». Деепричастия на *-а*, *-я* от основ несовершенного вида не имеют форм времени, а выражают только видовые и залоговые значения. В русских грамматиках принято определять временное значение этих форм как значение относительное, как значение одновременности с временем главного действия, к которому примыкает форма деепричастия настоящего времени**. Но ведь всякая глагольная форма, выступающая в функции определяющего члена предложения, если она не имеет форм времени (например, инфинитив), обычно располагается — при отсутствии дополнительных указаний — в той же временной плоскости, что и определяемый глагол. Таким образом, сама по себе форма деепричастия на *-а*, *-я* от основ несовершенного вида, в сущности, не имеет своего времени, т. е. морфологически не выражает временных оттенков, так же как и причастие настоящего времени. В предложении же вневременность этой формы понимается как одновременность с главным действием. Впрочем, в тех случаях, когда в высказывании подчеркивается видовое значение повторяемости, кратности, обычности, деепричастие несовершенного вида может выражать побочное действие, не одновременное основному действию, а лишь всегда сопутствующее ему, хотя бы в порядке предшествования. Например:

«Вставая на рассвете, она спускалась в кухню и вместе с кухар-

* Акад. С. П. Обнорский считал на свой слух «вполне возможными деепричастия *рвя*, *пекя*, *стригя*, *мня*, *жня* и т. п. («Известия Отделения русского языка и словесности», 1916, XXI, кн. I, стр. 334).

**Учение о временах предшествования и одновременности в формах причастия и деепричастия перенесено в русский язык из греческой грамматики. Ср. у Акена, Grundzüge der Lehre von Tempus und Modus im Griechischen, 1861, стр. 7 или у Курциуса, Erläuterungen zu meiner griechischen Schulgrammatik, 1870, стр. 187.

кой готовила закуску к чаю» (Горький). «Иногда Илья целые дни не замечал отца и, вдруг являясь в контору, влезал на колени, приказывал...» (Горький). «Раза два в год бывал в Москве и, возвращаясь оттуда, шумно рассказывал сказки о том, как преуспевают столичные промышленники» (Горький)*.

Таким образом, лишь залоговые и видовые значения, лишь особенности глагольного управления противодействуют превращению этой формы деепричастия (от основ несовершенного вида) в наречие, с которым ее роднит функция качественно-действенного отношения к глаголу.

Не подлежит сомнению, что особенно сильный налет наречности лежит именно на деепричастиях несовершенного вида—и притом на формах без *-ся (-сь)* в большей степени, чем на формах с *-ся (-сь)* (конечно, если те и другие деепричастия имеют непереходное значение). Например: «Случалось, что сторож обладал способностью альбатроса: он спал ходя и кланяясь, а спросонья бил ложный всполох» (Лесков, «Однодум»).

«Собачка вдруг начала пить с жадностью, фыркая, трясясь и захлебываясь» (Тургенев, «Муму»).

Из мертвой главы гробовая змея,
Шипя, между тем выползала.

(Пушкин.)

И всяк зевает да живет —
И всех вас гроб, зевая, ждет.

(Пушкин.)

Ср.: *говорить не думая; она тратит деньги не считая; говорить не переставая; волнуясь и спеша* и т. п.; ср. в идиомах: *работать не покладая рук* и т. п. Ср. также сближение деепричастий с предлогами и модальными словами: «Состраданье ведь на тебя глядя берет» (Достоевский, «Братья Карамазовы»); «Меня иногда досада разбирала на них глядя» (Тургенев, «Яков Пасынков»); «Говоря по совести, это дело темное» и т. п. [28].

В отвлечении от форм глагольного управления и деепричастия на *-ся (-сь)* носят яркий отпечаток адвербиально-качественных значений, если они семантически сопряжены с определяемым глаголом, включены в его действие. Особенно тесно они примыкают к нему, стоя позади него. Например: *говорить заикаясь; действовать открыто, не таясь; необинуясь* и т. п. Но. ср: «Сонливо щурясь и косясь на огонь, [собаки] изредка рычали с необыкновенным чувством собственного достоинства» (Тургенев, «Бежин луг»).

Однако резко выраженное активное отношение к объекту, даже

---

* Ср. статью Г. В. Валимовой, Деепричастные конструкции в современном русском языке, «Ученые записки Ростовского на Дону государственного педагогического института», 1940, вып. II, стр. 94—95.

непрямому, яркие видовые оттенки или залоговые значения стоят как препятствия на пути адвербиализации деепричастий. Например: «Подь-ка, сунься!» — кричал мужичонка, *одергивая рубаху* и помимо *нахлобучивая картуз*, словно перед кулачками» (К. Федин, «Трансвааль»). Система глагольного управления нейтрализует всякий привкус «наречности» в форме деепричастия. Деепричастие связано с формами глагола гораздо крепче, чем причастие.

Особенно интенсивно мешают адвербиализации деепричастий видовые значения и оттенки. В некоторых разрядах глаголов они сильнее всего противодействуют сближению деепричастий с наречиями. Так, глаголы несовершенного вида с суффиксами *-ыва-*, *-ива-* почти не обнаруживают тенденции к адвербиализации. Даже отыменные непереходные глаголы на *-еть* (типа *болеть*, *светлеть* и т. п.), в которых выражается постепенное развитие процесса, адвербиализуются с трудом. Ср., например, у Пушкина:

Меж нив златых и пажитей зеленых
Оно [озеро], синея, стелется широко.

Итак, деепричастия несовершенного вида теснее связаны с глаголом, чем с наречием*. Своеобразие их синтаксического употребления, например, отношение к субъекту действия, подчеркивают их глагольность. Акад. Д. Н. Овсянико-Куликовский тонко заметил, что глагольность деепричастий увеличивается, когда они стоят перед определяемым ими глаголом, и, напротив, понижается, облегчая адвербиализацию их, когда они стоят позади определяемого глагола. Ср.: *Не оглядываясь, он медленно шел по улице* и *идти не оглядываясь***.

Деепричастные образования на *-ши*, *-в* и *-вши* от основ несовер-

---

* Необходимо заметить, что в языке художественной литературы или в прозе, стилизующей народно-поэтическое творчество или областное просторечие, встречаются еще формы деепричастий на *-учи*, *-ючи*, которые с точки зрения современной литературной нормы уже являются архаизмами или диалектизмами. Во всяком случае, употребление их всегда связано с своеобразными стилистическими оттенками (конечно, исключая наречия вроде: *умеючи*, *крадучись* и т. п.).

** Вопрос о синтаксическом употреблении деепричастий, о деепричастных конструкциях лежит за пределами грамматического учения о слове. Он входит и в учение о словосочетании и в учение о сложных синтаксических структурах и синтагмах как их компонентах. До сих пор разрабатывались лишь некоторые стороны этого вопроса: главным образом изучалось отношение деепричастия к сказуемому (простому глагольному или составному, в том числе и выраженному краткой формой имени прилагательного), а также к инфинитиву (в личном и безличном предложении), к причастию и деепричастию. Есть кое-какие замечания и о независимых деепричастных конструкциях, о «деепричастии при разных подлежащих». Во всем же объеме вопрос о деепричастных оборотах и о функциях деепричастных конструкций в разных условиях их синтаксического употребления остается еще неисследованным.

См. соответствующие разделы и параграфы в русских грамматиках, начиная с «Российской грамматики» М. В. Ломоносова (у А. Х. Востокова, Н. И Греча, И. И. Давыдова, Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, Д. Н. Овсянико-Куликовского, А. М. Пешковского, А. А. Шахматова и других).

шенного вида в живом языке неупотребительны. Они вымирают. В них уже, в силу их непродуктивности, обостряющей этимологическое чутье, сильнее ощутима глагольность, далекость от категории наречия. Ср. примеры, приведенные проф. А. Mazon: «Лежавши на диване, Петр Иванович не заметил, как наступили сумерки». «Встречавшись с знакомыми, он всегда вежливо с ними здоровался»[29]. Ср. у Тургенева в рассказе «Постоялый двор»: «Наум, удачно хозяйничавши лет пятнадцать, выгодно сбыл свой двор другому мещанину».

Употребление деепричастий на *-в*, *-вши*, *-ши* от основ несовершенного вида вообще было синтаксически ограничено. В русском литературном языке XIX в. оно было возможно лишь при глаголе-сказуемом в форме прошедшего времени. Такого рода синтаксическое употребление, как в басенном языке Крылова: «Волк, евши, (т. е. во время еды) никогда костей не разбирает» — отклонялось от литературной нормы в сторону областного просторечия (впрочем, ср. невозможность образовать от глагола *есть* деепричастие на *-я*).

II. Образование и употребление деепричастий совершенного вида

От основ совершенного вида образуются три формы деепричастий:

1) на *-а*, *-я* от основ совершенного вида, оканчивающихся в инфинитиве на согласный (кроме основ на *-г-*, *-к-* и основ с суффиксом *-ну-*); кроме того, деепричастия на *-ясь* производятся от глаголов совершенного вида, оканчивающихся на *-иться*: *устремясь*, *простясь*, *расходясь* и т. п.*;

2) на *-в*, реже на *-вши* от основ совершенного вида, оканчивающихся в инфинитиве на гласный, а также от основ на согласный *д* при инфинитиве на *-сть*, *-сти* (*давши*, *купивши*, *украв*, *упав* и т. п.);

3) на *-ши* от основ совершенного вида с суффиксом *-ну-*, если он устраняется в формах прошедшего времени, а также от основ на заднеязычные *г*, *к*, на *з*, *с*, на *р* (инфинитив на *-ереть*): *испекши*, *изнемогши*, *запершись*, *замерзши*, *принесши* и т. п.; ср. несколько устарелые: *пришедши*, *приобретши* и некоторые другие образования от глагольных основ на *д* и *т*.

Все эти формы деепричастий совершенного вида обозначают относительное прошедшее время со значением совершенного вида. Значение прошедшего времени совершенного вида, соотнесенного с формой времени определяемого глагола, чаще всего становится значением предшествования. Например: «Жена!— говорил он медленно, не вставая с места и слегка повернув к ней голову» (Тургенев,

---

См. также статью Г. В. Валимовой «Особые случаи употребления деепричастий» («Ученые записки Ростовского на Дону государственного университета им. В. М. Молотова», т. IV. «Русское языковедение», вып. I, 1945).

* В «Синтаксисе русского языка» (II, стр. 79) акад. А. А. Шахматов указывал, что деепричастие на *-а*, *-я* (*отступя*, *положа*, *отнеся*, *помолясь* и т. д.), весьма распространенное в старом языке, «в современном все более уступает место образованиям на *-ив*, *-ивши*, *-ши*».

«Однодворец Овсяников»). «...возопил вдруг Обалдуй, выпив духом стакан вина и сопровождая свое восклицание... странными размахиваниями рук» (Тургенев, «Певцы»). «Наконец-то пришел!» — крикнула она, бросив карты и радостно здороваясь с Алешей» (Ф. Достоевский, «Братья Карамазовы»).

Однако далеко не всегда деепричастие совершенного вида обозначает действие предшествующее. «Категория преждевременности ассоциируется с категорией результативности», — заметил А. А. Шахматов. А результативное значение формы прошедшего времени в современном русском языке связано с выражением отношения к настоящему времени или ко времени другого действия. Поэтому — при наличии благоприятных семантических условий — результативное значение деепричастия совершенного вида может превратиться в значение состояния, возникшего как результат осуществленного действия и в то же время сопровождающего другое действие (глагол-сказуемое) как обстоятельство способа или образа этого действия* — в известных синтаксико-стилистических условиях. В этих случаях деепричастие обычно стоит позади глагола-сказуемого, хотя может стоять и впереди него. Например: «На валу подле маленькой пушки сидел караульный, поджав под себя ноги» (Пушкин). «Этот Афанасий стоял обыкновенно у двери, скрестив руки» (А. Чехов). «Анна шла, опустив голову и играя кистями башлыка» (Л. Толстой). «Я плохо тебя понимаю, — сказал Павел, пожав плечами» (Горький). Ср. иной порядок слов: «Хохол и Весовщиков, тесно прижавшись друг к другу, стояли в углу» (Горький). «Скрестив руки, вцепившись пальцами в плечи себе, он стоял спокойно, прижимая ногой к палубе какой-то узел» (Горький). «На пороге кухни, подплывая кровью, неловко запрокинув голову, лежала Прокофьева жена» (Шолохов). Ср. еще: «[Матвей] о чем-то думал, уставивши глаза и сдвинувши брови» (Короленко). «Несколько раненых офицеров сидели на лавке, подобрав костыли, — бледные, грустные» (Лермонтов). «На краю болота, около воды, в которой распустились белые кувшинки, лежит девочка, широко разметав во сне руки» (Куприн). «Иван Игнатьевич выслушал меня со вниманием, вытараща на меня свой единственный глаз» (Пушкин).

Легко заметить, что деепричастия совершенного вида со значением одновременного — совокупного или сопряженного — действия-состояния чаще всего относятся к таким глаголам, с которыми они семантически сочетаются как их обстоятельственная характеристика**. Формы времени и наклонения глагола-

---

* См. интересные примеры и анализы употребления деепричастий от основ совершенного вида у Эм. Черного в работе «Об отношении видов русского глагола к греческим временам» (1877, стр. 21—28).

** См. статью Л. Я. Браве, К вопросу о значении деепричастий совершенного вида, «Русский язык в школе», 1940, № 6, стр. 25—26. Ср. также статью Г. В. Валимовой, Деепричастные конструкции в современном русском языке, «Ученые записки Ростовского на Дону государственного педагогического института», Факультет языка и литературы, 1940, т. II.

сказуемого безразличны для такого употребления деепричастия. Именно в этом кругу семантических связей деепричастные формы чаще всего ослабляют свои видо-временные и залоговые значения и оттенки, приближаясь к фразеологическим сочетаниям наречного типа.

Синонимической конструкцией для многих из этих деепричастных оборотов была бы конструкция из страдательного причастия и существительного в творительном падеже с предлогом *с* для выражения сопровождающего обстоятельства или же конструкция из предикативного причастия при глаголе. Например: «Лежала запрокинув голову» — «лежала с запрокинутой головой». «По ночам лежал в подводе, укрывшись шинелью, закинув над головой руки» (Шолохов). Ср. «По ночам лежал в повозке, укрытый шинелью, с закинутыми над головой руками». Ср.: «Как бык, покорно опустив голову, он ждал обуха, который, он чувствовал, был над ним поднят» (Л. Толстой). «Пантелей Прокофьевич израсходовал всю приваду и, недовольно подобрав губы, тупо глядел на недвижный конец удилища» (Шолохов). Ср. также близость значений деепричастий к значениям наречий образа действия в таких выражениях: «Анна, прищурившись, смотрела на нее» (Л. Толстой). «Свахи, обнявшись, сидели на сундуке» (Шолохов). «Облокотясь, Татьяна пишет» (Пушкин).

В этих случаях деепричастие выражает скорее признак основного действия, чем параллельное, хотя и второстепенное, действие. В качестве основного глагола, к которому примыкает деепричастие совершенного вида со значением сопровождающего обстоятельства, чаще всего бывают или глаголы состояния: *сидеть*, *лежать*, *стоять*, *ходить*, — или глаголы речи и чувства*. Особенно ярко значение сопутствующего признака или сопровождающего обстоятельства выступает в деепричастиях, когда они примыкают к глаголам несовершенного вида. Например: «Мальчик не отвечал ни слова и стоял, потупя голову и приняв на себя вид настоящего дурачка» (Пушкин).

Окна разинув,
Стоят магазины.

(Маяковский.)

Кроме этих случаев, наблюдается и другая серия конструкций, в которых деепричастие совершенного вида обозначает побочное одновременное действие, сплетенное с действием глагола-сказуемого, включенное в него как его составная часть или образующее вместе с ним один сложный акт. В этих случаях деепричастия также чаще ставятся позади глагола-сказуемого, выраженного формой совершенного вида, но могут стоять и впереди него. Например: «Мать

---

* См. названную статью Валимовой, Деепричастные конструкции в современном русском языке, стр. 91—92. Ср. в послании Ивана IV кн. Курбскому: «А князь Иван Васильевич Шуйский седит на лавке локтем опершися, о отца нашего постелю ногу положив».

уложила его в постель, накрыв бледный лоб полотенцем» (Горький). «Сухо чмокнув, лопнула тонкая леса» (Шолохов). «Солнце... укрылось в серых облаках, зарывшись в пухлую мякоть их» (Горький). «Дело-то какое, а? — сказал Тихон и, хлопнув себя по шее, убил комара» (Горький). «Но, право, право, я не виновата или виновата немножко, — сказала она тонким голосом, протянув слово «немножко» (Л. Толстой). «Он заплакал и свалился в ноги полицейского чиновника, загремев своими цепями» (Пушкин). «Рослый вороной конь качнулся, подняв на стремени седока» (Шолохов). Ср.: «Дверь... распахнулась, оглушительно хлопнув о стену» (Куприн).

В третьей группе деепричастных конструкций, не выражающих предшествования, деепричастие совершенного вида, примыкая к глаголу, облеченному в форму прошедшего времени совершенного вида, и стоя позади него, обозначает действие, не предшествующее и даже не одновременное, а как бы непосредственно последующее, являющееся органическим следствием основного действия. Деепричастие в этих случаях обозначает следствие, сопутствующее основному действию, выражает результат, осуществление которого обусловлено совершением основного действия. Например: «Он зажег серную спичку, осветив синим огнем свое лицо хорька, измазанное сажей» (Горький). «У нее [часовни] провалилась крыша, продавив потолок подземелья» (Короленко). «Упал, ударившись головой о ступеньки лестницы». «Муж у нее давно умер, оставив ей одну только дочь, Феничку» (Тургенев). «Он быстрыми костлявыми пальцами расстегнул сюртук, открыв рубаху на выпуск, медные пуговицы жилета и цепочку часов» (Л. Толстой). «Старуха сурово улыбнулась, удивив Христоню густым рядом несъеденных мелких зубов» (Шолохов).

В этих условиях деепричастия сохраняют все свои глагольные значения и остаются далеко за пределами категории наречия. Таким образом, сила и яркость видо-временного значения, осложненного иногда залоговыми оттенками, а также значениями приставок, парализует и тормозит движение деепричастий прошедшего времени в сторону наречий. Правда, постановка одинокого деепричастия совершенного вида с непереходным значением позади глагола несколько смягчает его глагольность и затушевывает видовые и временные оттенки. Например: *сидел облокотясь* или *облокотившись; стоял вытянувшись* и т. п.*. Ср.: «Старик долго ходил задумавшись» (С. Аксаков, «Семейная хроника»); «сидел сгорбившись» (Тургенев).

Во всяком случае, яркие оттенки «наречности», т. е. образа действия, затушевывающие, стирающие глагольность (ср. *сидеть развалясь*, *говорить насупясь*, *читать пригорюнясь* и т. п.), развиваются только при наличии сопутствующих семантических условий, которые нейтрализуют видо-временные и залоговые значения формы

* Ср. в рассказе Н. Успенского «Деревенская газета», в речи помещика: «У вас это своя комната: приехали вы выпивши — никто вас не видит... жена моя пьяных не шибко боится. Я сам частенько приезжаю к ней *подгулявши*».

деепричастия, ее глагольные свойства*. Ср. также: «Конечно, прилгнул немного, да ведь не прилгнувши не говорится никакая речь» (Гоголь, «Ревизор»)**.

Некоторые деепричастия на *-а*, *-я* (на *-ясь*, *-ась*) от приставочных основ совершенного вида, выпадая из структуры продуктивных деепричастных типов, приобретают более ощутительный оттенок «наречности», если они сбрасывают с себя систему глагольного управления и развивают значение качественного состояния или становятся неразложимыми идиоматическими сочетаниями (*повеся голову*, *разиня рот*, *высуня язык*, *сложа руки* и т. п.).

Таким образом, процесс адвербиализации деепричастий в современном русском языке более активно протекает внутри форм несовершенного вида. Формы прошедшего времени совершенного вида еще настолько глубоко и органически слиты с системой глагола, что наречия бессильны широко втянуть их в свою орбиту.

5. ПРОЦЕССЫ ПЕРЕХОДА НАРЕЧИЙ В ДРУГИЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

§ 28. Переход наречий в модальные слова

Своеобразие синтаксической связи наречия с определяемым словом состоит в том, что наречие, не будучи согласовано с определяемым глаголом или именем, в то же время явно примыкает к ним как обстоятельственная характеристика, видоизменяя и осложняя их значения. Однако связь наречий с теми словами, к которым они примыкают, может ослабнуть, непосредственное синтаксическое отношение наречий к определяемым словам может прерваться. Тогда наречие становится вводным словом. Ср., например, наречное употребление *наверняка: бить наверняка; действовать наверняка* — и, с другой стороны, модальное применение этого же слова: «И с ним играть было все равно, что ходить на медведя без рогатины: наверняка сломает» (Писемский, «Тысяча душ»). В последнем примере слово *наверняка* осмысляется как вводное, как модальное слово.

Или: *Он решительно отказался от предложения* и *Он, решительно, сошел с ума*. Ср. у Тургенева (в «Вешних водах»): «Реши-

*В некоторых случаях, например, при отрицании, временные и видовые различия деепричастных форм становятся почти неощутительными. Например, можно употребить деепричастие — как совершенного, так и несовершенного вида — в таком сочетании: «Он вернулся поздно и, ни к кому *не заходя* (или *не зайдя*), прямо прошел к себе». Ср. S. Karcevski, Système du verbe russe, Prague 1927, p. 160.

** Понятно, что форму деепричастия отделяет от наречия отношение к лицу, к субъекту действия; при этом в некоторых синтаксических условиях (например, при примыкании наречия к инфинитиву или причастию) в качестве такого субъекта действия при деепричастии могут выступать обозначения объектов основного глагола.

тельно, он прелесть, — промолвила она», и у Ф. Достоевского: «Генерал был решительно пьян» («Идиот»)*.

Иллюстрацией может служить также изменение значений наречия *определенно* в современном просторечии. Тут *определенно* бывает не только наречием, но и модальным словом, усилительной частицей и утвердительным междометием.

Переход наречий в модальные слова связан с коренным изменением их синтаксических функций в составе предложения. Между тем, множество наречий остается на одной из переходных стадий. Акад. А. А. Шахматов причислял наречия этого рода к синтаксической группе «сопутствующих» обстоятельств» [30]. Например:«Новые формы нужны, а если их нет, то *лучше* ничего не нужно» (Чехов, «Чайка»).

В современном русском языке очень распространен прием синтаксического обособления наречий на *-ски*. Это обособление сопровождается развитием в них модальных оттенков. Обособленные наречия этого рода приобретают значение: с такой-то точки зрения, в таком-то отношении. Например: «Лингвистически *й* — звук определенно гласный» [31]. «Но технически, он оказался слишком для этого слаб» [32]. «Практически это означает сбережение сотен тысяч рублей» (из газет).

Ср. такое же модальное употребление слов: *объективно*, *субъективно*, *конкретно*, *нормально*, *положительно*, *минимально*, *максимально*, *относительно*, *сравнительно* и т. п.

Связь наречий с модальными словами во всей ее глубине может раскрыться лишь при ознакомлении с разрядами модальных слов и их значениями. Сближению наречий с модальными словами содействовало также наличие промежуточных типов между наречиями и частицами, которые в русском языке наделены по преимуществу модальными значениями и оттенками.

§ 29. Наречия и частицы

Старая грамматическая традиция сближала наречия с частицами. «Все частицы, первоначальные наречия, предлоги, союзы составляют одну только частицу речи, разнящуюся употреблением», — писал Н. И. Греч. В русском языкознании признание наречий промежуточной, переходной областью от «знаменательных» частей речи к служебным, формальным, составляло общепризнанный тезис грамматических систем почти до эпохи Потебни [33]. Отдельными русскими лингвистическими течениями этот взгляд на наречия донесен до современности. Достаточно сослаться на книгу

---

* Кроме того, *решительно* имеет еще значение усилительной частицы, например: «Избавлю вас от описания гор; от возгласов, которые ничего не выражают, от картин, которые ничего не изображают... и от статистических замечаний, которых решительно никто читать на станет» (Лермонтов, «Герой нашего времени»).

А. А. Добиаша «Опыт семасиологии частей речи» и на «Синтаксис русского языка» А. А. Шахматова.

Впрочем, взгляд на наречие как на промежуточную сферу между частями речи и частицами речи вообще присущ специалистам по индоевропейским языкам [34].

Акад. А. И. Соболевский в своем курсе «Русского исторического синтаксиса» учил, что «в русском языке различаются три основные группы слов: имя, глагол и частицы. Частицы делятся на наречия, предлоги, союзы и собственно частицы; значительная часть наречий произошла от имен; о ряде слов трудно сказать, имена они или наречия. Вместе с тем предлоги и союзы в свою очередь происходят от наречия. Например, союз *и* некогда имел значение в м е с т е или что-нибудь подобное, а союз *но* значил что-нибудь вроде п р о ч ь» [35].

Точно так же проф. С. К. Булич видел в наречии «один из видов обширного класса частиц» [36]. Однако в такой общей форме этот взгляд не может найти ни малейшей опоры в современном русском языке, в котором наречие — одна из наиболее продуктивных и семантически полновесных, хотя и очень широких грамматических категорий. Ее центр составляют морфологические типы, соотносительные с именами, отчасти с глаголами. И лишь на ее периферии наблюдаются переходные типы слов, близких к частицам, союзам и предлогам.

Конечно, семантический вес наречия, его морфологический состав влияют и на устойчивость его грамматического значения. Так, наречия, не соотносительные с живыми грамматическими типами именных или глагольных форм, а также местоименные наречия нередко очень расширяют свои синтаксические возможности, сближаясь с частицами, или совмещают функции наречия со значениями частиц (обычно с оттенком модальности). Таково, например, слово-частица *еще* (ср. в наречном употреблении: *он еще не женат* (т. е. до сих пор); *мы еще повоюем; он еще поживет; он стал еще ворчливее* и т. п.). Наряду с наречными функциями *еще* выполняет роли частицы с усилительными или другими модальными значениями, например, в таких сочетаниях: *Где еще нам с этим возиться? Это тот самый, который, помните, все еще мечтал о карьере мирового певца.*

Ср. смешанный характер таких наречий-частиц, как *уже́, всё, исключительно, единственно, только, прямо, просто* и т. п. (см. главу о частицах).

Не менее интересны факты функциональных изменений наречий в частицы в бытовом просторечии*. Близость некоторых групп наречий к частицам поддерживается наличием смешанных типов наречий-предлогов и особенно наречий-союзов.

---

* Ср. употребление идиомы *только что* в значении наречия (*я только что вернулся*) и в значении союзной частицы: «Ах, ты, обжора, ах злодей, — тут Ваську повар укорнет, — не стыдно ль стен тебе, не только что людей?» (Крылов).

www.ruslang.ru

§ 30. Предложные наречия

Наречие с трудом и в сравнительно редких случаях несет на себе тяжесть управления. Случаев зависимости других слов от наречий относительно немного (например: *сказать что-нибудь курам насмех*, *приходиться подстать кому-, чему-нибудь*). Круг наречных словосочетаний тесен. Характерно, что деепричастия, распространенные зависимыми объектами, обычно отходят далеко от наречий в глубь системы глагола. Чаще же всего наречие, если позволяют его лексические значения, передает свое управление глаголу, а само выступает лишь в роли грамматического выразителя падежного отношения, правда, почти всегда с более конкретным лексическим содержанием, чем предлог. Таким образом, возникает целая серия форм переходного типа от наречия к предлогу. Конечно, переход наречия в предлог, степень его сближения с предлогом обусловлены лексическим и грамматическим значением наречия. Они зависят от смысловой близости наречия к значениям предлогов. Например, *втайне от кого-нибудь* не утрачивает своего наречного значения, так как оно не соответствует семантике русских предлогов. Значение этого слова не только слишком конкретно (ср. *тайком*, *тайно*, которые тоже могут сочетаться с предлогом *от*), но и слишком далеко от тех грамматических отношений, которые выражаются предлогами.

Но наречия *сравнительно с чем* или *независимо от чего* (ср. *впредь до*, *вплоть до* и т. п.), *согласно с чем-нибудь* уже гораздо ближе к предлогам. Так вырабатываются сложные типы предложных идиом (ср. *глядя по*, *несмотря на* и т. п.).

Переходное состояние от наречий к предлогам можно наблюдать и на наречиях вроде: *в угоду*, *назло*, *наперекор*, *соответственно* и т. п.

Такие слова, как *спустя* с винительным падежом *(спустя пять лет)*, *тому назад* с препозитивным винительным падежом, *подобно* с дательным падежом и др., уже совсем готовы превратиться в предлоги (ср. употребление *относительно* в функции наречия, модального слова и предлога с род. пад.).

Наконец, известна большая группа слов, употребляемых с одинаковым правом и в роли наречий и в роли чистых предлогов. Таковы, например: *близ*, *вдоль*, *вне*, *внутрь*, *возле*, *вокруг*, *кругом*, *мимо*, *напротив*, *насупротив*, *около*, *окрест*, *поверх*, *подле*, *позади*, *после*, *посреди*, *прежде*, *против*, *сверх*, *сзади*, *сквозь*, *среди* и другие подобные.

В исключительных случаях и предлоги могут приблизиться к значениям наречия. Тогда они перестают быть падежными префиксами имени существительного и становятся определяющими глагол наречными частицами. Но такое употребление может выпасть на долю лишь тех предлогов, которые и в сочетании с именем существительным никогда не теряют своего собственного лексического значения, например, *через*. Ср.: «Очень многие люди на

единичное зло не смотрели, а шагали через» (Ф. Достоевский, «Преступление и наказание»). «Я взял в руки хворостину и загородил ею дорогу. Надо было видеть, как одни [муравьи], презирая опасность, подлезали под нее, другие перелезали *через*, а некоторые... совершенно терялись и не знали, что делать» (Л. Толстой, «Детство и отрочество»). Ср. употребление предлога *без*: «Есть некоторая общность вкусов, присущая эпохе: футбол, фокстрот, конструктивизм, газетно-телеграфный стиль, световые рекламы, мюзик-холл, «прустианство» или «джойсизм», различные поветрия 20—30-х годов XX в. проникли в Советский Союз, одни — с визой, другие — без» (И. Эренбург, «Советская литература на Западе», «Литературный критик», 1934, № 1, 156). Ср.: *Ничего не имею против* (перевод немецкого Ich habe nichts dagegen); *взвесить все доводы за и против* (pro et contra, pour et contre) и другие подобные. Ср.: «Я не убивал и был против, но я знал, что они будут убиты, и не остановил убийцу» (Достоевский, «Бесы»).

§ 31. Наречия и союзы

Тесная связь категории наречия с частицами приводит к образованию промежуточных типов между наречиями и союзами. Это указывает на активный процесс превращения наречий в союзы. Конкретная лексическая природа многих производных русских союзов зависит, между прочим, от того, что многие из этих союзов одновременно являются и наречиями (ср. такие сравнительные союзы, как *точно*, просторечное *ровно;* временные: *пока*, *покамест*, *лишь*, *только*, *едва;* ср. историю причинного союза *так как* и т. п.). Наречия играют громадную роль в образовании союзов. Известно, что большая часть так называемых относительных союзных слов (*где*, *куда*, *откуда*, *зачем*, *почему* и т. п.) состоит из местоименных наречий. А. А. Шахматов, в своем «Синтаксисе», несколько преувеличивая роль наречий в процессе образования союзов, писал: «Повидимому, наиболее тесна связь союза с наречием; откуда вероятность, что все вообще союзы восходят к наречиям» [37]. Процесс перехода наречий в союзы легко наблюдать, изучая историю таких слов, как *впрочем*, *лишь*, *едва*, *благо* и т. п. Ср. повторные союзы-наречия: *частью — частью; отчасти — отчасти* и др. Среди гибридных слов, еще не вполне оформившихся как союзы, встречается множество таких, которые совмещают союзные функции с грамматическими значениями наречий [38]. «Есть в языке, — говорит А. М. Пешковский, — немало слов, приобретших союзный оттенок сравнительно недавно и сбивающихся еще то на наречие, то на вводное слово» [39]. Таковы, например, *затем*, *потом*, *притом*, *так*, *потому*, *поэтому*, *тогда* и другие подобные.

Таким образом, наречие в современном русском языке выступает как широкая, богатая значениями и пестрая категория, которая — при всей ее грамматической определенности — включает в себя сложную систему довольно далеких друг от друга типов слов

и является сферой взаимодействия между частями и частицами речи. Тем грамматическим горнилом, при помощи которого наречия переплавляются в частицы речи, прежде всего является глагол.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ «НАРЕЧИЕ»

1. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, I—II, 1888, стр. 119—121.
2. А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, стр. 6.
3. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, вып. II, стр. 94.
4. Там же, стр. 6.
5. Там же.
6. Там же, стр. 7.
7. «Ученые записки Ленинградского государственного университета», Серия филологических наук, 1940, вып. VII. Ср. также книгу: «120 лет Ленинградского государственного университета», Тезисы докладов, 1939.
8. Ср. В. М. Жирмунский, История немецкого языка, стр. 172, § 36.
9. Ср. также широкое понимание содержания и состава категории наречия у O. Jespersen, Philosophy of Grammar, 1924, 84—90. Ср. еще у L. Hjelmslev, Principes de grammaire générale, 302—319.
10. Л. В. Щерба, О частях речи в русском языке, «Русская речь», 1928, вып. II, стр. 19. Ср. статью Л. Курилович а, Dérivation léxicale et dérivation syntaxique (Contribution à la théorie des parties de discours), «Bulletin de la société de linguistique de Paris», 1936, t. 37.
11. Ср. книжку А. С. Никулина, Степени сравнения в современном русском языке, 1937.
12. Ср. P. Boyer et N. Spéranski, Manuel pour l'étude de la langue russe, p. 286.
13. См. А. П. Рифтин, Об образовании наречий, «Ученые записки Ленинградского государственного университета», вып. VII, 1940, стр. 55.
14. См. В. И. Чернышев, Правильность и чистота русской речи, 1911, стр. 74.
15. «Синтаксис русского языка», вып. I, стр. 336.
16. Л. А. Булаховский, Курс русского литературного языка, 1937, стр. 244—245.
17. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, I—II, стр. 489.
18. Ср. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, I—II, стр. 442—490.
19. Ср. «Синтаксис русского языка», вып. I, стр. 217—422.
20. Ср. A. Krasnowolski, Systematyczna składnia języka polskiego, Warszawa 1897.
21. Ср. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, вып. I, стр. 434.
22. «Русский синтаксис»[6], стр. 118.
23. Ср. М. И. Михельсон, Русская речь и мысль, 1912, стр. 473.
24. Ср. E. Kassirer, Philosophie der symbolischen Formen, B. 1, S. 168.
25. А. С. Будилович, Начертание церковнославянской грамматики, Варшава 1883, стр. 339.
26. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, I—II, стр. 490.
27. «Историческая грамматика», 1868, § 95, 14-а, стр. 231. Ср. замечание Н. В. Шлякова и Р. Ф. Брандта при переводе «Сравнительной грамматики славянских языков» Фр. Миклошича, вып. III, стр. 433.
28. Ср. Д. Н. Овсянико-Куликовский, Синтаксис русского языка[2], стр. 71—72.
29. A. Mazon, Emplois des aspects du verbe russe, Paris 1912, стр. 235.
30. «Синтаксис русского языка», вып. I, стр. 417—418.

31. А. М. Пешковский, Сборник статей, 1925, стр. 173.

32. И. И. Мещанинов, Основные лингвистические элементы, «Язык и мышление», II, стр. 18.

33. Ср. точку врения M. Bréal, Les idées latentes du langage, Paris 1868, стр. 28.

34. Ср. O. Jespersen, The Philosophy of Grammar, 1924, стр. 87—90. Ср. A. Sweet, New English grammar, vol. I, стр. 36 и след.

35. А. И. Соболевский, Русский исторический синтаксис, литографированные лекции 1892/93 г., стр. 10—12. Ср. А. Будилович, Начертание церковнославянской грамматики, 1883, стр. 273.

36. С. К. Булич, Синтаксис русского языка, литографированные лекции 1906/7 г., стр. 255. Ср. Н. В. Крушевский, Очерк науки о языке.

37. «Синтаксис русского языка», II, стр. 99.

38. Alb. Sechehaye, Essai sur la structure logique de la phrase, p. 66.

39. «Русский синтаксис», стр 424.

VI. КАТЕГОРИЯ СОСТОЯНИЯ

§ 1. Вопрос о категории состояния в русских грамматических трудах XIX — начала XX века

С первой трети XIX в. в русских грамматиках последовательно выделялся разряд слов, промежуточных между именами и глаголами и выражающих главным образом с о с т о я н и е. В качестве грамматических признаков этого разряда слов отмечались: употребление их или исключительно, или преимущественно в функции сказуемого, их неизменяемость по падежам — при близости к именам прилагательным и существительным — и значение времени, неотрывное от их грамматических форм. От наречий эти слова отличались наличием своеобразных «номинативов» — иногда с формами рода, подобно прошедшему времени глагола, значением времени, отношением к лицу или оттенками безличности, а главное тем, что эти слова не обозначали признака качества и действия. В отдельных группах этих слов бросалось в глаза сходство с краткими формами имен прилагательных. А. Х. Востоков в своей «Русской грамматике» присоединяет весь этот разряд слов к категории глагола*. Он относит сюда все вообще краткие формы имен прилагательных, считая их «спрягаемыми словами»**. Еще ярче, по Востокову, оттенок глагольности, спрягаемости выступает в некоторых безличных словах, которые похожи на существительные или на наречия, и в некоторых родовых и личных предикативных (сказуемостных) словах, которые похожи на краткие прилагательные, но которые не имеют соотносительных полных форм среди имен прилагательных. Так, слова *льзя* (ср. *нельзя*), *жаль*, *лень* (в таком разговорном употреблении: *лень было так рано вставать*) Востоков относит к безличным глаголам (§ 74, стр. 92). Перечисляя глаголы, управляющие инфинитивом, Востоков помещает в их число: *рад*, *готов* (среди глаголов, означающих расположение к действию), *горазд*, *можно*, *должно* (среди глаголов, означающих возможность и потребность действия) (ч. II, § 115, стр. 206.)

* Еще раньше Востокова И. Ф. К а л а й д о в и ч противополагал краткие формы имен прилагательных как «согласные» полным, «соименным» (статья «О степенях прилагательных и наречий качественных», «Труды Общества любителей российской словесности», XXIII, Сочинения в прозе и стихах, ч. III, стр. 113—114). А слова типа: *жаль*, [не] *льзя*—относил к безличным глаголам ученик Ломоносова и учитель Карамзина проф. Барсов в своей грамматике (Н. Г р у н с к и й, Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков, т. I, вып. 1—2, стр. 43). Точно так же Н. К о ш а н с к и й в статье «О русском синтаксисе» относил к безличным глаголам не только *жаль*, *жалко*, но и *стыдно* и *совестно* («Труды Общества любителей российской словесности», 1819, ч. XV, стр. 110).

** Ср. в «Опыте общесравнительной грамматики русского языка» И. И. Д а в ы д о в а: «Первообразные, или спрягаемые прилагательные, отличающиеся от глаголов тем, что не имеют наклонения, времен и лиц, преимущественно употребляются в значении сказуемых» (стр. 179).

Однако точка зрения А. Х. Востокова показалась слишком радикальной большинству русских грамматистов первой половины XIX в. Во имя историко-генетических предпосылок о родстве кратких форм имен прилагательных с существительными она была отвергнута Павским и затем К. С. Аксаковым*. А. А. Потебня примкнул к этой традиции. Лишь М. Катков мельком выразил согласие с востоковским определением кратких имен прилагательных как спрягаемых форм[1].

Кроме того, смягченные отголоски концепции Востокова можно найти в грамматических трудах обобщающего и в то же время учебного типа вроде «Опыта общесравнительной грамматики русского языка» И. И. Давыдова или «Исторической грамматики» Ф. И. Буслаева.

Так, Ф. И. Буслаев писал: «К средним глаголам принадлежит существительный или вспомогательный *быть* как один, так и в соединении с именем прилагательным, для означения сказуемого. ... Например, *он долго был болен*»[2].

Только Н. П. Некрасов в книге «О значении форм русского глагола» (1865) выступил решительным и даже крайним последователем концепции Востокова, придя к ней с другой стороны: «Как глагол через прилагательную форму может усвоить себе значение чисто-прилагательного имени, например, *родить — родимый...*, *уметь — умелый*, *гореть — горелый...* и др., так, наоборот, прилагательное имя, через краткую форму с окончанием среднего рода или с безразличным окончанием, может принимать значение глагола, например:

И, *полно*, что за счеты!..
Лишь стало бы охоты.

Здесь *полно* от прилагательного *полный*, *-ая*, *-ое* имеет значение глагола в абсолютно-личной форме на *и* (т. е. в форме повелительного наклонения. — *В. В.*).

Нет, не смешно, когда маляр негодный
Мне пачкает мадонну Рафаэля.

Здесь *смешно* от прилагательного *смешной*, *-ая*, *-ое* имеет также значение глагола, потому что качество, выражаемое им, по смыслу речи представляется присущим предмету — под условием известной продолжительности. Известно, что каждое прилагательное имя с кратким окончанием может иметь значение глагола, когда стоит на месте сказуемого в предложении. «Таким образом, глагол в развитии своих форм преобразуется в имя прилагательное (ср. формы причастий и их эволюцию. — *В. В.*), имя прилагательное в сокращении своих форм преобразуется в глагол»[3].

До «Очерка современного русского литературного языка» А. А. Шахматова вопрос о категории состояния оставался в таком неопределенном положении. Например, проф. В. А. Богородицкий указывал на то, что «безличные выражения именного происхождения, вроде *жаль*, *можно*, *нужно*, теперь являются для чутья глаголами или глагольными частицами», и ссылался на формы времени, им присущие (ср. прошедшее время *жаль было*, *нужно было*)[4].

Акад. А. А. Шахматов утвердил открытие Востокова своим авторитетом

---

* Ср. у К. С. Аксакова изложение соображений о происхождении имени прилагательного и существительного из одной категории в «Критическом разборе «Исторической грамматики» Ф. И. Буслаева» («Сочинения филологические», ч. II, стр. 595—596). Ср. протест против отнесения Востоковым к глаголам слов *можно*, *должно*, *жаль* и т. п. у Павского («Филологические наблюдения», Рассуждение третье, О глаголе, СПБ 1850, стр. 227).

также признав краткие формы прилагательных спрягаемыми словами. Но А. А. Шахматов в своем «Очерке современного русского литературного языка» и в «Синтаксисе русского языка» касался преимущественно отдельных морфологических и синтаксических своеобразий краткой формы имени прилагательного. Он не ставил «категории состояния» в ряд других «частей речи»*. Этот шаг был сделан проф. Л. В. Щербой в его статье «О частях речи в русском языке»[5].

§ 2. Грамматические особенности категории состояния

Под категорию состояния подводятся несклоняемо-именные и наречные слова, которые имеют формы времени (для прошедшего и будущего времени аналитические, образованные посредством присоединения соответствующих форм связки *быть*) и употребляются только в функции сказуемого**. Понятно, что многие из слов (особенно безличного, наречного типа), подводимых под категорию состояния, могут сочетаться и с другими наиболее отвлеченными вспомогательными глаголами, кроме *быть* (например: *стало жаль*, *становится больно*; *делается досадно*, *стыдно*; *бываю рад* и т. п.).

Таким образом, слова из категории состояния по внешнему облику отличаются от прилагательных и существительных отсутствием форм склонения и наличием форм времени, от наречий — формами времени и неспособностью качественно или обстоятельственно определять глагол и имя прилагательное ***.

Естественно, что и значения предмета, качества или качественно-обстоятельственного отношения совершенно чужды категории состояния. Слова, относящиеся к категории состояния, выражают «недейственное» состояние, которое может мыслиться безлично *(досадно, стыдно)* или приписываться тому или иному лицу как

---

* Необходимо вспомнить слова Г. Шухардта: «Неразрывная связь между процессом (Vorgang), состоянием (Zustand), свойством (Eigenschaft) очевидна (liegt am Tage)... Что прилагательное трактуют (behandelt) не соответствующим образом, а стараются подчинить (unterzuordnen) его имени, объясняется тем, что в наших языках оно склоняется; но во многих других оно спрягается» (и это также возможно у нас: например, der Himmel blaut)» (H. Schuchardt-Brevier, стр. 275—276).

** Ср. замечание А. А. Потебни: «*Он прав*, несмотря на опущение глагола, имеет настоящее время, так как место его в языке в этом отношении определено оборотами *он был, будет прав*» («Из записок по русской грамматике», II, стр. 405).

*** Ср. замечание И. Ф. Анненского: «Есть ли безусловное основание считать формы *весело (ему стало весело)*, *душно (в комнате душно)* наречиями? Обращу внимание на распространенность описательной замены подобных форм (например: *нетрудно доказать; нетрудное дело; мудрено ли доехать; мудреное ли дело* и т. п.).

Нет ли также аналогии между *Воздух душен*, *Ночь душна* и просто *душно?*» (Рецензия на «Синтаксис русского языка» Д. Н. Овсянико-Куликовского, «Журнал министерства народного просвещения», 1903, май, стр. 230—231.

субъекту, испытывающему это состояние (*я рад*, *ты должен* и т. п.) *.

Так как формы времени в категории состояния аналитичны, то вся эта категория в целом носит яркий отпечаток аналитического строя. Формы: *я был рад* и *буду рад* (*будешь рад* и т. п.) — являются чистыми формами времени и наклонения, без всякой примеси видовых и залоговых значений **. Историю категории состояния необходимо ставить в связь с исторической судьбой глагола *быть* *** и с историей категорий: глагола, кратких форм имени прилагательного и наречия.

§ 3. Сближение кратких прилагательных с категорией состояния

Категория состояния развивается в современном языке преимущественно за счет наречий и имен прилагательных. Краткие формы имен прилагательных, утратив склонение и укрепившись в позиции сказуемого, приобретают оттенок времени. Они перестают быть названиями, а становятся предикативными характеристиками. Форма времени неотрывна от понимания таких слов, как: *мал* (ср. *малый*), *велик* (ср. *великий*), *рад*, *должен*, *намерен*, *горазд*, *солон*, *прав*, *здоров* (в значении: мастер, искусен), *виден* (ср. *видный*), устарелое и народно-поэтическое *люб* и т. п. Ограничение синтаксических функций этих форм привело к изменению их смысловой структуры. В кратких прилагательных развиваются значения, не свойственные полным прилагательным, и складываются новые синтаксические связи. Например, *готов*, в фамильярно-просторечном употреблении, значит: пьян («К трем часам Опенкин был готов совсем и спал крепким сном» — Гонча-

---

* Очень неудачна характеристика значения этих слов, предложенная проф. Д. В. Бубрихом: «Эти слова сами по себе не составляют отдельного члена предложения, являясь долевыми (?) словами. Они не имеют ничего общего с глагольностью, но в связи с вспомогательным глаголом выступают осененные глагольностью и в этой связи обслуживают обозначение недейственного положения вещей, недейственной ситуации» («Вестник Академии наук СССР», 1946, № 4, стр. 102).

** Акад. А. А. Шахматов писал: «Смысл связки, ее основная задача состоит в том, чтобы выразить те временные отношения, которые не могут быть выражены неглагольными сказуемыми самими по себе; в русском языке настоящее время выражается отрицательно, именно отсутствием связки...» («Синтаксис русского языка», вып. I, стр. 167).

*** Термины, служащие для обозначения понятия «быть», первоначально имели более конкретное значение, выражая определенную форму «бывания», т. е. «пребывания в определенном состоянии» и, в особенности, «пребывания в том или ином месте». Лишь на почве длительного процесса дифференциации постепенно образуется абстрактное значение «бытия» в смысле «существования» или же в смысле «присущности» той или иной совокупности свойств или состояний независимо от конкретного содержания последних. На этой почве устанавливается использование глагола «быть» в качестве связки (служащей лишь для присвоения предмету того или иного свойства или состояния) (E. Kassirer, Philosophie der symbolischen Formen, I, 287 и след.; «Sprache und Mythos», 1927, стр. 61.)

ров); ср. своеобразия значения и синтаксического употребления таких слов: *расположен (я не очень расположен сегодня идти в театр)*, *повинен* (сделать что-нибудь); «*растерян* мыслями... чего-то ожидаю» (Грибоедов, «Горе от ума»); «обо всем *известен*-с» (Ф. Достоевский, «Преступление и наказание»); *способен на все*; *властен*, *не властен в ком-чем* или с инфинитивом (ср. у Баратынского: «Не властны мы в самих себе») и т. п.

Таким образом, многие краткие формы прилагательных резко отличаются от соотносительных полных не только своими значениями, но и конструктивными возможностями. Русским грамматистам из школы Потебни казалось, что краткие прилагательные, в силу своей предикативности, подвергаются сильному синтаксическому влиянию со стороны глагола и усваивают некоторые его конструктивные свойства. Так, многие краткие прилагательные (особенно в разговорной речи) приобретают способность сочетаться с инфинитивом. Например: «Эка врать здоров ты, Киселев» (Лев Толстой). «Ну, тоже дьячкову сыну много верить нельзя. — Почему ж так? — А потому — врать здоров» (Слепцов, «Вечер»). «Озорничать лют» (Слепцов). «Деньги вы брать охочи» (Писемский). «Али ты думаешь, что я не властен над тобой приказывать» (Островский, «Свои люди сочтемся»). Ср. те же конструктивные особенности слов: *рад*, *горазд*, *должен* (в значении долженствования), *готов*, *способен*, *достоин*, *склонен*, *волен*, *привычен*, *ретив*, *ленив*, *скор* и т. п.[6]. Ср.: «Мы рады голову сломать» (Пушкин). «Я больно плясать горазд» (Островский). «Слаб был тоже и выпить» (Достоевский, «Подросток»).

У некоторых кратких прилагательных (тоже преимущественно в разговорной речи) возникает своеобразное значение чрезмерной степени обладания каким-нибудь признаком, качеством (*слишком...*) в сочетании с инфинитивом или отдельно (например, *велик*, *мал*, *молод* и другие подобные). Ср.: «Молод ты меня учить». «Бедному жениться и ночь коротка» (Л. Толстой). Синонимична конструкция: *слишком* (краткая форма прилагательного) + *чтобы* с инфинитивом.

Легко заметить, что у значительной части кратких прилагательных развиваются типы падежного управления, однородные с глаголами той же основы. Например: *зол на кого-нибудь*, *на что-нибудь* (в значении: сердит); ср. *злиться на кого-нибудь*, *на что-нибудь*; *сердит на кого-нибудь*, *на что-нибудь*: «Но я сердита на вас. — За что? — Я оскорблена вами» (Тургенев); ср. *сердиться на кого-нибудь*, *на что-нибудь*; *согласен с кем-нибудь*, *с чем-нибудь*; ср. *согласиться с кем-нибудь*, *с чем-нибудь*; *жив чем-нибудь* («Чем люди живы»); ср. *жить чем-нибудь* и т. п.

На этом фоне не удивительно, что отдельные слова этого типа приобретают даже способность управлять винительным надежом, например: *я должен ему большую сумму денег*.

Но лексические значения многих кратких форм не настолько далеко отошли от значений соотносительных полных форм, чтобы можно было видеть в них самостоятельные слова, оторвавшиеся

от категории имени прилагательного. С именем прилагательным сближает эти формы общность словообразовательных признаков, у некоторых — наличие сравнительной степени. Кроме того, у многих кратких форм синтаксический отрыв от категории имени прилагательного не сопровождается изменением их лексических значений (ср. *кроток — кроткий; задумчив — задумчивый* и т. п.). Возникает своеобразное несоответствие между лексическими и грамматическими границами слов. Нечто подобное наблюдается и в отношениях многих качественных наречий на *-о*, *-е* и *-ски* к лексически однородным именам прилагательным. Однако в категории состояния есть целый ряд и таких слов, которые в современном русском языке уже не могут быть связаны ни с каким другим определенным грамматическим классом. Они не имеют соотносительных полных форм, хотя грамматически однородны с краткими формами имени прилагательного. Они образуют грамматическое ядро категории состояния. Например: *рад*, *горазд*, *должен*, *солон*, *намерен* (в слове *намерённый* значение: имеющий намерение — почти умерло, а в значении: сознательный, заранее обдуманный — *намеренный*, конечно, является особым словом); *прав* (ср. *правый*); *виден* (ср. *видный*) и некоторые другие (ср. *квит*, *мы квиты*). Таким образом, категория состояния все более эмансипируется от других категорий.

Причина развития и распространения категории состояния кроется в противоречии между морфологическими и синтаксическими свойствами имен. Морфологически имя противопоставлено глаголу, а синтаксически имя так же может быть сказуемым, как и глагол. Однако имя в русском языке не может приобрести основные семантические свойства глагола, даже если оно употребляется только как сказуемое. Устанавливается глубокое грамматическое различие между понятием действия, протекающего во времени, наделенного сложными оттенками пространственно-видовых значений и иногда предполагающего разнообразное предметное окружение, и между понятием качественного состояния, в котором являются лица и предметы или которое может быть у лиц и предметов. Но, конечно, сложная и тонко развитая система глагола с его категориями лица, времени и наклонения, с его разнообразными формами управления должна была оказать громадное организующее воздействие на новую категорию состояния.

Несомненно, что значение качественного состояния все усиливается в кратких формах страдательных причастий, особенно тех, в которых глагольность ослаблена или полустерта*. Например: «Дела все запутаны» (Островский, «Бедная невеста»). «Мне ли

* Ср. замечание А. А. Потебни: «В новом языке выражения *он любим*, *он осужден*, по степени грамматической слитности, могут быть поставлены на одну доску не с выражением *он любил*, заключающим в себе наиболее предикативное из причастий, а скорее — *он прав*» («Из записок по русской грамматике», II, стр. 149).

уж нежности заводить? Загнан, убит» (Островский, «Гроза»). «Я убита, уничтожена» (Островский, «Не от мира сего»). Ср. у Достоевского в «Идиоте»: «Не он польстил, а я польщена»; в «Подростке»: «Пусть я отплачу ему великодушием, но с тем, чтобы это он почувствовал, чтобы он это понял — и я отмщен». Ср.: *взволнован*, *рассеян*, *угнетен*, *расстроен*, *плохо настроен*, *растроган*, *тронут*, *влюблен*, *привержен*, *обязан*, (хорошо, плохо) *сложен*, *наслышан о ком-нибудь*, *о чем-нибудь* и т. п.

Предикативные слова с формами рода, лица и времени представлялись академикам Востокову и Шахматову с п р я г а е м ы м и. Действительно, категории лица, времени, а следовательно, и наклонения (и—с большими оговорками: возможные оттенки видовых значений, присущие сочетаниям предикативных слов с вспомогательными глаголами; ср.: *Город стал виден как на ладони*, *Я останусь должен вам три рубля*, *Я был бы рад быть вам полезен* и т. п.) — все это приближает категорию состояния к грамматической системе глагола. Но глубокая грань между категориями состояния и действия сохраняется. В грамматической категории состояния нет залоговых различий; видовые оттенки сюда привносятся лишь вспомогательными глаголами. Ярче всего здесь выступают формы времени и лица. Наличие категории лица ведет к параллелизму и соотносительности личных и безличных форм. Этот параллелизм ярко проявляется, например, в таком грамматическом соотношении: *должен — должно* (ср. *можно*, *надо*, *нельзя*) *; *нужен — нужно; виден — видно* (ср. *из-за деревьев было видно зеленую крышу дома*); *тошен — тошно* и т. д.

§ 4. Распространение безличных форм в категории состояния

Безлично-именные формы особенно широко распространены в категории состояния. Их здесь больше, чем слов типа *рад*, *горазд*, и они гораздо более резко порвали связь с прилагательными и наречиями (ср. Востоков, Русская грамматика, § 74, пункт 4). Между полными и краткими формами имен прилагательных и между соответствующими безлично-предикативными формами наблюдаются очень значительные грамматические и лексические расхождения. Очевидно, это разные слова в современном русском языке. Например, *завидный — завиден* означает: такой заманчивый, что можно позавидовать (*завидное положение*, *завидная участь*, *завидная карьера* и т. п.). Между тем, безличное *завидно* в значении

---

* Ср., впрочем, у Л е с к о в а: «Это так выходило нужно по их соображению» («Блуждающие огоньки»). Ср. также у П у ш к и н а следы наречного употребления слова *нельзя*:

Хоть он глядел нельзя прилежней,
Но и следов Татьяны прежней
Не мог Онегин обрести.

(«Евгений Онегин», 8, XIX.)

сказуемого говорит о чувстве зависти, испытываемом кем-нибудь *(мне завидно)* или возникающем под влиянием какого-нибудь действия (в конструкции с инфинитивом: *завидно смотреть на такое счастье*).

Безличное *хорошо*, которым обозначается состояние внутреннего удовлетворения, счастья, хорошего самочувствия *(у меня хорошо на душе, мне хорошо)*, уже отдалилось от слова *хороший — хорош*. Ср.: *дурной* и *мне дурно; душный* и *душно; легкий* и *на душе легко* и т. п.

В сущности, отношение *хорошо* (в сочетании *хорошо на душе*) к *хорошо* в предложении *Мое здоровье хорошо* такое же, как *рвет* в *его рвет* к *рвет* в предложении *Он рвет цветы* (ср. *Пахнет резедой* и *Резеда недурно пахнет*). Это — омонимы. Таким образом, между безлично-предикативными словами на *-о* и краткими формами имен прилагательных с той же основой часто нет ни грамматического, ни лексико-семантического параллелизма. Другие же разряды безлично-предикативных слов, входящих в категорию состояния, еще более далеки и по своему значению и по своему синтаксическому употреблению от кратких форм имен прилагательных (например, *боязно, стыдно, совестно* и т. п.).

Нельзя не отметить громадного влияния глаголов на формирование основных типов безличных выражений в категории состояния. Так, среди безлично-предикативных слов на *-о*, соотносительных с краткими формами имен прилагательных, выделяются четыре основных разряда, находящих полный параллелизм в группах безличных глаголов.

1. Прежде всего, это слова, обозначающие чувство, эмоциональное состояние, психологическое переживание: *грустно, весело, радостно, печально, страшно, смешно, скучно, стыдно, досадно, покойно, тревожно, совестно, тоскливо, боязно* и т. д. «Все время было гадко, стыдно и скучно» (Л. Толстой, «Крейцерова соната»). «На душе тяжело и страшно» (Тургенев, «Фауст»). «В толпе мне было всегда особенно легко и отрадно» (Тургенев, «Ася»). Ср. безличные глаголы: «Взгрустнулось как-то мне в степи однообразной» (Кольцов); «И верится и плачется, и так легко, легко...» (Лермонтов) и т. п.

2. Слова, обозначающие физическое состояние иногда как результат внешних восприятий и ощущений: *голодно, щекотно, дурно, плохо, горько, больно, душно, мне тепло, холодно* и т. п. «Плохо мне. Я чувствую, что разлагаюсь» (Тургенев, «Дневник лишнего человека») и т. п. Ср. соответствующую группу глаголов: «Я сама в чаю пригубила [порошка], чуть горчит» (Л. Толстой, «Власть тьмы»).

3. Слова, обозначающие состояние природы: *сухо, тепло, темно, светло, тихо, холодно, в воздухе парно*; «Было солнечно и жарко» (Л. Толстой); «Было так сыро и туманно, что насилу рассвело» (Достоевский, «Идиот»); *знойно, прохладно;* «Читать было темно» (Л. Толстой, «Крейцерова соната»). Ср. глаголы: *потеплело, темнеет, светлеет, подсохло;* «Уже совсем стемнело и начинало холо-

дать» (Тургенев, «Ермолай и мельничиха»); «Еще только мутно серело от первых лучей рассвета» (Л. Андреев, «Жили-были») и т. п.

4. Слова, обозначающие состояние окружающей среды: *кругом было пьяно и шумно; уютно, удобно, пустынно;* «днем светло и людно» (Тургенев, «Первая любовь») и другие подобные.

Понятно, что среди этих безлично-предикативных слов есть и такие выражения состояния, которые, в силу своеобразия своего качественного, оценочного значения, не могут иметь прямых соответствий в кругу безличных глаголов (например: *мне хорошо, на душе покойно, мне дурно* и т. п.). Но общая картина влияния глагола на категорию состояния ясна. Повидимому, в самой системе глагола усиливается встречное течение по направлению к категории состояния. Во всяком случае, видимое отмирание залогового значения у страдательных причастий и развитие в них значений качества, а в кратких формах и качественного состояния — в высшей степени показательны. Очень знаменательно также, что в разряде безличных глаголов типа: *нейдется, неможется, нездоровится, не терпится* и т. п. — все заметнее становятся значения и оттенки не действия, а состояния. К категории состояния примыкает и слово *будет* в значении: довольно, с родительным падежом и предлогом *с: Сколько тебе надо денег? Двухсот рублей с тебя будет?* Ср.: *Ну, будет с него.* Ср.: *хватит с него; со старухи и этого хватит.*

§ 5. Грамматические особенности безличных слов в категории состояния

Разряды безличных слов, подводимых под категорию состояния, неоднородны. Те из этих слов, которые не имеют омонимов в кругу наречий или прилагательных, и те, которые не соотносительны с наречиями и с краткими формами имен прилагательных, не могут быть отнесены ни к какой другой грамматической категории, кроме категории состояния*. Таковы: *можно, должно, надобно, нужно, нельзя, любо, стыдно, боязно, совестно, тошно, щекотно* и другие. Точно так же смысловая структура слов: *завидно, жалко, больно, плохо, дурно* (о полуобморочном состоянии), резко отличающихся от своих омонимов, носит яркий отпечаток категории состояния. Естественно, что в словах этого типа развиваются синтаксические свойства, аналогичные глаголам. Например: «Стыдно, и горько, и больно было ей» (Тургенев, «Дворянское гнездо»); ср.: *Мне стыдно за вас;* «Мне стыдно ваших поздравлений, мне страшно ваших гордых слов» (В. Брюсов); «Не стыдно ли тебе так долго мучить

---

* Ср. замечание А. М. Пешковского по поводу таких слов: «Некоторые из них бесформенны и не относятся и по значению ни к какой части речи (*нельзя, жаль*), а некоторые, примыкающие внешне по своему окончанию *-о* и по основе к наречиям и кратким прилагательным среднего рода (*можно, должно, стыдно, больно*), не совпадают по значению ни с теми, ни с другими» («Русский синтаксис», стр. 324).

меня пустым, жестоким ожиданьем?» (Пушкин, «Русалка»). Ср. *Как тебе людей не стыдно?*

Поминутно места надо,
И могилы меж собой,
Как испуганное стадо,
Жмутся тесной чередой.

(Пушкин, «Пир во время чумы».)

Иную месть родной стране,
Иную славу надо мне.

(Лермонтов, «Измаил-бей».)

Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет...

(Пушкин, «Евгений Онегин».)

Полно вам меня казнить,
Хоть казнь я заслужил, быть может.

(Пушкин, «Каменный гость».)

Ср. *будет тебе болтать;* ср. устарелое *надобно*: «Не надобно благодеяний, когда они даются с презрением и с целью задушить ими облагодетельствованных» (Герцен, «Дневник», 1844, В марте).

Некоторые слова этой группы приобретают даже способность управлять винительным падежом прямого объекта. Например: *Мне нужно метр шелку* (разг.); «Им нужно дрова и свечи» (Лесков, «Смех и горе»); *тропинку еле заметно; с горы было видно весь город; слышно крик петуха; надо веревку* (разг.); *жаль, жалко кого-нибудь;* ср.: «Скучно мне да жалко сторону родную» (Н. Огарев); *больно руку* (разг.); «Как ноги больно, — тоскливо думала она» (Вересаев, «Два конца»); «В комнату вползла бабушка и ... тихо, по-детски жалобно, сказала: «Рученьки мои, рученьки больно» (Горький, «Детство»); «А то не нужно ли вам кофейник? — обратился он к эсаулу» (Л. Толстой, «Война и мир») и другие подобные.

Невозможность отожествлять эти безлично-предикативные слова с формами среднего рода прилагательного иногда подчеркивается различием ударений; ср. *бóльно* и *больнó; вольнó* и *вóльно; пóлно* и *полнó* и т. п.

§ 6. Вопрос об отношении безлично-предикативных слов в краткой форме прилагательных среднего рода

Положение тех безлично-предикативных слов, которые омонимичны с наречиями или с краткими формами имен прилагательных, гораздо более спорно, сложно, а иногда и двусмысленно. В этих группах слов границы между разными синтаксическими функциями иногда представляются расплывчатыми, нечеткими. В этой области открываются интересные и разнообразные виды взаимодействий между категориями наречий, имен прилагательных, глаголов и категорией состояния. Безлично-предикативные слова на *-о*

в абсолютивном употреблении, т. е. независимо от сочетания с инфинитивом, не возбуждают сильных сомнений. В предложении *В поле было ветрено* слово *ветрено* нельзя признать краткой формой имени прилагательного. Ведь тут нет и намека на формы согласования. Трудно тут рассматривать слово *ветрено* и как наречие. К чему бы относилось такое наречие? Здесь нет ни глагола, ни имени прилагательного. Ср. *На душе тоскливо;* «Было душно от жгучего света»; «Мне грустно и легко» и т. п.

Но в предикативных формах на *-о*, омонимичных с краткими формами имен прилагательных и сочетающихся с инфинитивом, многие из современных грамматистов склонны видеть средний род имени прилагательного. Ср., например, у Достоевского в «Бесах»: «Я согласен совершенно, что либерально и красноречиво болтать чрезвычайно *приятно*, а действовать — немного кусается» (слова Верховенского). В этих конструкциях инфинитиву невольно грамматиками присваивается значение подлежащего при предикативном слове на *-о*. Например:

Теперь уж мне влюбиться трудно,
Вздыхать неловко и смешно,
Надежде верить безрассудно,
Мужей обманывать грешно.

(Пушкин.)

«Любовь он презирал — на словах... а внутренно чувствовал сам, что трудно и хлопотно заставить полюбить себя» (Тургенев). «Весьма легко и просто прикидываться равнодушным, молчаливым гордецом» (Тургенев, «Бреттер»).

«По-моему, и участвовать в дуэли, и присутствовать на ней, хотя бы в качестве врача, просто безнравственно» (Чехов, «Три сестры»).

«Снег на прощанье с землей переливал такими алмазами, что больно было глядеть» (Чехов, «Кошмар»).

«Шутить либерализмом было опасно» (Герцен, «Былое и думы»).

Прежде чем объяснять употребление и значение предикативных форм на *-о* в сочетаниях с инфинитивом, очень поучительно проследить колебания в этом вопросе и сомнения проф. А. М. Пешковского, который настойчиво и в разное время возвращался к анализу этих конструкций [7].

А. М. Пешковский думал, что в разговорной речи преобладают в этом безлично-сказуемостном употреблении наречия, а в книжной — формы кратких прилагательных среднего рода. «При инфинитиве, — писал он, — вероятность безлично-наречного толкования всегда повышается, так как огромное большинство инфинитивных сочетаний носит живой, разговорный характер *(Вам легко говорить! Как тут весело работать!* и т. д.), и о среднем роде прилагательного тут думать не приходится. Но и тут есть чисто книжные сочетания, вроде *человеку свойственно ошибаться*, где форма на *-о* явно не наречна... (так как нет наречия *свойственно*)... Вообще чем живее фраза,

тем форма на *-о* ближе к наречию, чем литературнее, — тем ближе к среднему роду прилагательного» *.

Но искусственность и ошибочность этого субъективно-стилистического объяснения очевидна. Наречие в современном языке настолько отлично по своим грамматическим функциям от среднего рода имени прилагательного, что смешать их синтаксическое употребление нельзя. Тем более трудно предполагать, чтобы в совершенно одинаковых синтаксических условиях фигурировало, в зависимости от степени разговорности, то наречие, то согласуемое прилагательное **. Можно лишь допустить скрещение категорий наречия и имени прилагательного в какой-то новой грамматической категории. Впрочем, и сам А. М. Пешковский тут же себе противоречит, признавая, что «среди этих форм в языке есть несколько образований на *-о*, как раз самых употребительных, которые не могут быть ни прилагательными, ни обычными наречиями», например: *можно*, *должно*, *нужно* (ср. *нельзя*, *надо*, *жаль* и т. п.). Ср. также: *совестно*, *стыдно*, *боязно* и другие подобные. Все эти слова также сочетаются с инфинитивом. Да и в других случаях, по словам А. М. Пешковского, «всегда есть разница в значении этой формы на *-о* по сравнению с наречиями и краткими формами имен прилагательных». А. М. Пешковскому, особенно после указаний Л. В. Щербы на категорию состояния, стало казаться более вероятным, что «мы имеем здесь особую грамматическую категорию».

С течением времени, все больше и больше проникаясь этой идеей, А. М. Пешковский, тем не менее, все свое лингвистическое остроумие направляет на доказательство того, что эти сказуе-

---

* Объяснение конструкций типа *кататься — весело, весело кататься* в «Синтаксисе» акад. А. А. Шахматова не очень убедительно, так как слишком психологистично. Не признавая *кататься* подлежащим, А. А. Шахматов все же думает, что здесь «господствующим представлением является представление об активном признаке, о действии, движении, зависимым — представление об его осуществлении, о результате действия, его обнаружении или вообще представление о состоянии». Поэтому А. А. Шахматов рассматривает эти конструкции среди двусоставных предложений, не входя ближе в рассмотрение функций самих форм на *-о* в этих сочетаниях («Синтаксис русского языка», вып. I, стр. 119—121). Ср. также рассуждения Л. А. Булаховского по поводу этих конструкций в «Курсе литературного языка».

** Ср. в «Русском синтаксисе» (изд. 2-е) наивно-психологическое, опирающееся на личный субъективный вкус, объяснение: «Тут все дело сводится к ассоциациям данного предложения с той или другой формой сочетания. Такие предложения, как: *бесчестно было так поступать со мной; глупо было бы не воспользоваться случаем; интересно было бы знать...; полезно отметить* и т. д., а тем более такие, как: *так поступать — бесчестно; не воспользоваться случаем было бы глупо; гулять полезно* и т. д. (с инфинитивом перед сказуемостным сочетанием) — всегда колеблются между безличным и личным смыслом, смотря по тому, ассоциируем мы их в момент произнесения с типом *мне холодно кататься, мне больно прикоснуться* и т. д. или с типом *твое поведение бесчестно, такой поступок был бы глуп, моцион полезен* и т. д. Определенного «правила» здесь дать нельзя, так как каждое сочетание глубоко индивидуально» (362).

мостные формы на *-о*, за очень немногочисленными исключениями, являются не краткими формами имени прилагательного, а наречиями (как будто бы от приложения к ним этого грамматического ярлыка вопрос становится яснее). А. М. Пешковский исходил из аксиомы, что «особой формы с потерей согласования наподобие безличных глаголов у прилагательных нет»[8]. Отсюда вытекало, что несогласуемую форму на *-о*, например, *холодно* в предложениях: *Мне было холодно в летнем пальто; Сегодня очень холодно; Холодно идти против ветра* — никак нельзя относить к категории прилагательных (ср. совсем иное значение краткой формы прилагательного в предложении *Все общество было очень холодно со мною*). Ср. в разговорной речи: *Дожидаться трамвая было очень холодно; Слушать выговор было очень стыдно; Совестно тебе не верить мне* и т. п. Однако и при таком подходе, по мнению А. М. Пешковского, останется в стороне ряд предикативных безличных форм на *-о*, вызывающих мысль о «прилагательности». Ведь есть «определенная грань» между рассматриваемым типом безличности и такими неполными личными предложениями, как: *было известно, было очевидно, ясно* (не о погоде, конечно), *достоверно, несомненно, понятно, уместно, свойственно, прилично, полезно, здорово, подло, честно, дурно* (не о тошноте, конечно), *умно, глупо* и т. д.»*. По отношению к тем из этих форм, которые употребительны в разговорной речи, А. М. Пешковский находит кое-какую лазейку в область наречия: «Возможно, что формы краткого прилагательного среднего рода уже и нет в литературно-разговорном языке, и только неверно направленная грамматическая рефлексия мешает нам видеть это. А если так, то в разговорном, по крайней мере, языке все эти предложения безличны. Правда, на это можно возразить, что... в предложениях типа *гулять полезно* инфинитив может быть заместителем подлежащего... Но дело в том, что инфинитив вообще очень плохая замена для подлежащего — он слишком характерен и глаголен для этого, и эту роль можно признавать за ним только по нужде, только тогда, когда определяющие формы непререкаемо указывают на личный характер предложений...»[9]. Таким путем А. М. Пешковскому удается установить безличность или оттенок безличности для подавляющего большинства предикативных форм на *-о* и, следовательно, вывести их за границы категории имен прилагательных. Но А. М. Пешковский тут же спешит направить все безличные слова типа *бесчестно, полезно*

---

* А. М. Пешковский, Русский синтаксис, стр. 326. Ср. также замечание на стр. 328: «В таких сочетаниях, как: *это хорошо, это полезно, это мне очень приятно:* «Но ведь что, главное, в ней хорошо? — Хорошо то, что она сейчас только... выпущена из какого-нибудь пансиона или института» (Гоголь); «Не хорошо, что у вас больные крепкий табак курят» (он же) и т. д. — мы, в сущности, сознаем в первый момент наречие и, только призвав на помощь школьные грамматические воспоминания или другие языки, соображаем, что здесь должно быть прилагательное. Возможно что формы краткого прилагательного среднего рода уже и нет в литературно-разговорном языке, и только неверно направленная грамматическая рефлексия мешает нам видеть это».

вредно и т. п. на склад наречий, как будто категория безличности, соотносительная с категорией лица, в наречиях присутствует в большей степени, чем в именах прилагательных. Все же представляется очень ценной аргументация А. М. Пешковского в защиту того положения, что эта группа безлично-предикативных слов на *-о* относится к какой-то другой категории, а не к именам прилагательным. Правда, А. М. Пешковскому так и не удалось преодолеть свою нерешительность в этом вопросе. Как типичный эклектик, он считал наиболее безопасным и осторожным часть предикативных форм на *-о* (хотя бы очень небольшую) оставить на долю имени прилагательного, отожествив их с краткими формами (например, *известно, что...; человеку свойственно ошибаться*). «В тех случаях,— писал проф. Пешковский, — когда вещественный смысл одинаково допускает и личное и безличное понимание, а форма на *-о* тоже одинаково может пониматься и как наречие и как прилагательное, форма сочетания неизбежно двоится. Тут все сводится к ассоциациям данного предложения с той или другой формой сочетания... Можно указать только определенную грамматическую пропорцию: чем дальше форма на *-о* от среднего рода прилагательного, тем безличнее связка и тем дальше инфинитив от функции подлежащего..., например, «Мне было весело подъезжать в первый раз к незнакомому месту» (Гоголь); чем ближе форма на *-о* к среднему роду прилагательного, тем более лична связка и тем ближе инфинитив к функции подлежащего» [10]. Например, *Бесчестно было так поступать со мной;* ср. *Твой поступок был бесчестен.*

Таким образом, А. М. Пешковским на живую нитку скрепляется средний род кратких имен прилагательных с наречием. Но большая часть противоречий и неясностей в анализе этих форм у А. М. Пешковского отпала бы, если бы он посмотрел на положение вещей с точки зрения категории состояния. В самом деле, если отдельные краткие формы имен прилагательных уже перешли в категорию состояния, а остальная масса их находится на пути к слиянию с этой категорией, то нет ничего удивительного, что в этой области развиваются, наряду с формами родовыми и личными, разные типы безличных форм. Естественно, что под влиянием глагола разные группы предикативно-именных слов на *-о* образуют сложную и пеструю гамму переходных типов от полной безличности до безличности мнимой или потенциальной. Таким образом, при допущении категории состояния находят рациональное объяснение и все колеблющиеся, двусмысленные случаи употребления предикативных слов на *-о* [11]. Между тем, перед А. М. Пешковским— с его теорией перманентного колебания этих слов между категориями наречия и имени прилагательного — предстало новое, так и не побежденное им препятствие: куда же отнести безличные формы страдательных причастий на *-о* типа: *велено доложить;* «Уж *послано* в погоню» (Пушкин); «Возле того забора *навалено* на сорок телег всякого сору» (Гоголь, «Ревизор»); «Для всего этого *предпо-*

ложено было собраться у полицеймейстера» (Гоголь, «Мертвые души») и т. п.? *.

Ведь по своему значению они так близки к «безлично-предикативным наречиям», как назвал Пешковский слова вроде: *можно, должно, видно* и т. п. А. М. Пешковский с недоумением признавался: «Хотя о понимании формы на *-о* как наречия здесь уже не может быть и речи, однако и эти предложения имеют большой наклон к безличности». Между тем, эти формы представляют полную аналогию к таким безлично-предикативным словам, как *стыдно, совестно, боязно* и т. п. Ведь в них «форма на *-о* потеряла свое значение согласования со средним родом существительного, и вследствие этого стали возможны страдательные сочетания и от непереходных глаголов в качестве специальной безличной формы: *было сижено, хожено, езжено, плакано* и т. д.». В исключительных случаях здесь возможен даже винительный падеж прямого объекта. Например: «Советов тысячу надавано полезных» (Крылов); «Грош заплочено, да пять раз ворочено» (Н. Некрасов, «Жизнь и похождения Тихона Тросникова»); ср. *больно руку, видно гору* и т. п. Любопытно далее, что, по словам проф. Пешковского, «в отдельных случаях и здесь возможен еще личный смысл, особенно в оборотах книжного характера» (ср. *предположено, что...*; *приказано, чтобы...* и т. п.; ср. также: *не приказано принимать; не велено пускать* и другие подобные).

Аналогия между безличными формами кратких страдательных причастий и другими безлично-предикативными словами настолько тесна и поразительна, что невольно возникает общее предположение о сильном организующем влиянии кратких страдательных причастий на категорию состояния.

Следовательно, и в группе бывших кратких форм имени прилагательного на *-о* протекает стремительный процесс грамматических изменений, вызванный ростом категории состояния, поддерживаемый влиянием глагола и регулируемый им. Одни из этих слов получили отчетливую форму новой категории (*больной дурно;* просторечное *моркотно;* «Мне грустно, потому что весело тебе» (Лермонтов) и т. п.). В других еще сохранились в разной степени признаки переходной стадии (ср.: *мне было смешно* и *смешно было видеть* и т. п.). Часть безлично-предикативных слов синонимична с глагольными формами и близка к ним по своим синтаксическим свойствам (ср., например, *Мне желательно получить твердый ответ* и *Мне хочется получить твердый ответ* и т. п.). В безличных формах на *-о* распространено влияние глагольного управления. Например: «С меня же довольно и того, что мне придется вскрывать тебя» (Чехов, «Дядя Ваня»), ср. *с меня хватит; досадно на кого-нибудь;* ср. *досадовать на кого-нибудь; стыдно кого-нибудь, чего-*

* Ср. замечание Миклошича: «В бессубъектном предложении выражается событие, т. е. состояние без обозначения действующего предмета» («Subjektlose Sätze», стр. 25).

нибудь; ср. *стыдиться кого-нибудь, чего-нибудь; страшно кого-нибудь, чего-нибудь*; ср. *страшиться кого-нибудь, чего-нибудь; обидно на кого-нибудь*; ср. *обижаться на кого-нибудь* и т. д.

Таким образом, не только безличные слова вроде *горько на душе*, но и однородные конструкции с инфинитивом типа: «Тебе приятно слезы лить» (Пушкин) — очень далеки от категории имен прилагательных и наречий. Они ближе к категории состояния.

§ 7. Категория состояния и качественные наречия

Для всестороннего освещения вопроса о связях и взаимодействиях между категорией состояния и другими грамматическими категориями необходимо глубже вникнуть в отношение категории состояния к наречиям. Согласно распространенному мнению, наречие близко к имени прилагательному не только потому, что наиболее продуктивные группы качественных наречий образуются от прилагательных, но и потому, что «наречие может являться в той же функции как прилагательное, а именно в функции предиката» [12].

Обозначение бытия, состояния акад. А. А. Шахматов считал синтаксическим свойством паречия. В предложении *Здесь холодно* он понимал *холодно* как наречие и относил его к признаку бытия, проявления, оставшемуся невыраженным [13].

Это убеждение в способности любого наречия стать сказуемым таит в себе много опасного. Повидимому, этот грамматический предрассудок покоится на смешении грамматических систем разных эпох, на переносе прошлых языковых отношений в современность. Ведь если бы способность непосредственно сочетаться с формами времени и превращаться в сказуемое была в современном языке присуща природе качественных наречий на *-о* (ср. единичность выражений вроде *ум — хорошо, а два — лучше* * и невозможность говорить и писать такими предложениями, как *жизнь — коротко, работа — быстро* и т. п.), то это означало бы или распад системы словоизменения прилагательных, или ослабление связи качественного наречия с глаголом и именем прилагательным, т. е. полное слияние категорий наречия и прилагательного. Между тем, в современном русском языке способность предикативного употребления ощутительнее в обстоятельственных наречиях, чем в качественных на *-о, -е* (ср.: *до города недалеко, было еще рано, уже поздно* и т. п. — при невозможности сказать *было вечно, будет медленно, было поспешно, будет трусливо* и т. п.).

---

* Ср. статью В. И. Чернышева «О нарушении согласования в русском языке» (сб. «Памяти И. Я. Марра», 1938). В. И. Чернышев очень убедительно доказывает, что в конструкциях типа: «грех — сладко, а человек — падко», «лев — страшно, обезьяна — смешно» и т. п., синтаксические формы сказуемых — не русские по своему происхождению. Это эллинизмы, т. е. обороты, сложившиеся под влиянием греческого языка.

Несомненно, что в древнерусском языке возможности сказуемостного употребления наречий были гораздо шире[14]. Между тем, в современном русском языке качественные наречия на *-о* и на *-ски* «как раз не могут быть предикативными». «Повидимому, значение признака действия в них так сильно, что не может сочетаться с отвлеченностью связки», — заметил проф. А. М. Пешковский.

Рост категории состояния был связан с теми внутренними грамматическими противоречиями, которые обозначились в употреблении наречий в сочетаниях с вспомогательными глаголами. Эти противоречия особенно резко выступали в сочетаниях наречий с связкой *быть*. Эти сочетания соответствовали синтаксическим функциям наречия лишь до тех пор, пока глагол *быть* еще не превратился в связку, в морфему времени и наклонения. Превращение же глагола *быть* в отвлеченную связку усиливало «предикативность» наречий. В сочетании *совестно было* слово *совестно* уже не могло осознаваться как наречие к глаголу *было*. Оно сливалось с связкой-морфемой *было* в одну составную грамматическую форму, форму прошедшего времени от слова *совестно*. Но такое употребление наречий не мирилось с их функцией качественного и обстоятельственного отношения (ср. также развитие аналогичных процессов в сочетаниях кратких имен прилагательных со связкой). Ослабление и выветривание в связке *быть* лексических значений глагола приводило к переходу «предикативных наречий» в категорию состояния.

А. А. Потебня впервые наметил основные этапы этого грамматического перерождения «предикативных» наречий. По мнению Потебни, существительные *жаль*, *пора* и т. п., примыкая к глаголу *быть*, сначала превратились в наречия. В сочетаниях: *страх было*, *жаль было* — слова *страх* и *жаль* когда-то были наречиями (но ср. в языке XIX в.: «Ленив — подумать ужас» — Грибоедов)[15]. А. А. Потебня отрицательно отнесся к мысли Миклошича, «что наречие несовместимо с глаголом существования»[16]. Он доказывал, что в *было стыдно* в период лексической и грамматической полновесности глагола *быть* слово *стыдно* не могло быть ничем иным, как приглагольным наречием. Но затем, в связи с грамматическим переосмыслением глагола *быть*, с превращением его в вспомогательную частицу, *было стыдно* стало пониматься как аналитическая форма прошедшего времени от слова *стыдно*, которое перешло в категорию состояния *.

Невозможность понимать безлично-предикативные слова (оканчивающиеся на *-о*) как наречия доказывается и тем, что большая часть качественных наречий в сочетаниях с инфинитивом лишена свойства «обратимости» (т. е. способности иметь при себе инфинитив в качестве определяющего слова). Например, в сочетании *напря-*

---

* Ср. замечание К. С. Станиславского: «Слово *быть* определяет статическое состояние. В нем нет активности» («Работа актера над собой», стр. 256).

женно думать наречие *напряженно* неизбежно понимается как определение инфинитива (т. е. нельзя сказать: *думать было напряженно;* ср. *сердечно относиться* и т. п.). Правильно указывалось, что, если бы *весело* в предложении *играть было весело* было наречием, то соотношение между *играть — весело* и *весело играть* («Дети успокоились и стали весело играть») было бы параллельно соотношению между *весел* и *веселый*. Но такого параллелизма нет. Говоря *играть— весело*, мы утверждаем совсем не ту связь, которая представляется данной в сочетании *играть весело* (*Играть весело им редко удавалось*); вторая предполагает возможность и скучной игры, первая ее устраняет.

Вместе с тем, грамматические функции таких безлично-предикативных форм, как *сладко*, *легко*, *весело* и т. п., ничем не отличаются от функции таких слов, как: *можно*, *должно*, *надо*, *полезно*, *простительно*, *тошно*, *грешно*, *недосужно*, *совестно*, *любо*, *стыдно* и др., которые уже никак нельзя признать наречиями. Сюда же примыкают и формы страдательных причастий вроде: *велено*, *принято*, *суждено*, *воспрещено*, *дозволено*, *запрещено*, *позволено*, *поручено*, *предписано*, *предположено*, *приказано*, *разрешено*, *рекомендовано* и т. п. Таким образом, грамматические различия между категорией состояния и разрядами качественных наречий на *-о* очевидны.

Но обособление «безлично-предикативных слов» на *-о* от системы наречий еще не решает общего вопроса о взаимодействии категории состояния и категории наречия в современном русском языке.

§ 8. Тесная связь между категорией состояния и разрядами качественно-обстоятельственных наречий, выражающих характер, образ действия и состояния

Вопрос о тесной связи категории состояния с категорией наречия заслуживает специального изучения. У некоторых видов наречий, обозначающих главным образом оттенки качественного состояния, все сильнее развивается способность замещать сказуемое, употребляться в функции сказуемого. Эта черта особенно наглядно проявляется в разговорном языке, в котором категория состояния выражена более резко. Например, выражение *без памяти* (в значениях: 1) вне себя, в полуобморочном состоянии: «И я без памяти бегом, куда глаза глядят, от этого урода» (Крылов); 2) почти до потери сознания, чрезвычайно сильно, например: *любить без памяти что-нибудь*), будучи наречием, легко переходит в категорию состояния и получает значение: в восторге, вне себя (например, *Я без памяти от ее голоса*).

Ряд идиоматических выражений, обозначающих состояние, функционально связан с категорией наречия и в своем употреблении обнаруживает двойственность грамматических значений. Например, выражение *кому-нибудь на руку* (в значении: соответственно чьим-нибудь интересам, выгодам, согласно с чьими-нибудь выгодами, потребностями) употребляется и как наречие и как предика-

тивная форма, подводимая под категорию состояния: *Это случилось мне на-руку* и *это мне на-руку;* ср. *завалился без задних ног спать* и *я — без задних ног* (в очень усталом состоянии); *я им не ко двору* и как наречие: *не ко двору пришелся* (ср. у Писемского: «Покуда у нас не вод поэтам и художникам..., не ко двору они нам пришлись»); *он — сродни мне*: «Ведь я ей несколько сродни» (Грибоедов, «Горе от ума») и «Они доводились сродни моей матушке» (Тургенев).

Широкому развитию слов и идиоматизмов этого рода, тяготеющих к категории состояния, содействует распространение глагольно-именных оборотов так называемого «составного» сказуемого. Обилие наречных слов и выражений, обозначающих качественное состояние (сюда относятся преимущественно предложные или приставочные типы наречий: *навеселе, в духе, вправе, не в себе, вне себя, не у дел, в бегах, на побегушках у кого-нибудь*, разговорное: *в положении* (т. е. беременна), *на помочах у кого-нибудь, на посылках, в состоянии, на мази* и т. п.), и почти исключительное употребление их в сочетании с формами связки *быть* (а для выражения настоящего времени — и без всякой глагольной поддержки) — содействуют массовому переходу наречий в категорию состояния (ср.: *не чета* и *не прочь*).

Ср.: «Полюбил ее, вижу. И она, заметно, ничего» (Чехов, «В бане»). «Но это уже чересчур» (Чернышевский, «Что делать?») Ср. переход в категорию состояния слова *не прочь:* «Не прочь мы были и от городских сплетен» (Достоевский, «Бесы»).

§ 9. Процесс обеспредмечивания имен существительных и пути движения их в категорию состояния

На почве тех грамматических изменений, которым подвергаются имена существительные в сочетании со связкой *быть* (и с глаголами полузнаменательного характера), сложился и в настоящее время все более распространяется новый тип слов и форм в составе категории состояния: это бывшие формы именительного падежа имен существительных, утратившие основные свойства категории существительного и сблизившиеся по своим функциям с безлично-предикативными словами. Ср., например, синонимические обороты: «Над старостью смеяться грех» (Грибоедов) и «над старостью грешно смеяться».

В этом употреблении имена существительные теряют не только формы падежей, но и формы рода и числа. Самый оттенок предметности в них ослабевает. В качестве иллюстрации могут служить параллельные разговорные выражения: *уже пора было уезжать — пора была уезжать; лень было заниматься — лень была приниматься за уроки;* ср. у Чехова в «Брожении умов»: «С обывателей лил пот..., лень было вытирать»; *охота было спорить с ним — охота была тебе с ним спорить;* ср. у Пушкина: «И охота было не слушаться». Ср. предикативное употребление слов: *время, грех,*

недосуг, *неволя*, *досада*, *неслед*, *смех*, *невек*, *невидаль* и другие подобные. Ср. у Пушкина («Городок»):

Писать тебе посланье
Мне было недосуг;

у Л. Толстого: «Недосуг мне теперь в твой дом идти» («Крестник»); ср. еще у Ломоносова: «Тебе недосуг было» (Соч., III, стр. 306); «Досуг мне разбирать вины твои, щенок» (Крылов, «Волк и ягненок»); «Невидаль, что он придворный советник» (Гоголь, «Женитьба»); «Просто мука глядеть на нее» (Островский, «Гроза») и т. п.

Грамматическое перерождение имен существительных, вовлекаемых в категорию состояния, семантические основы этого явления нуждаются в тщательном изучении. Здесь видны еще неисследованные грамматические пути, на которых сближаются в понятии состояния категории предмета и действия.

Имя существительное, склонное к развитию качественных значений, в функции сказуемого приобретает не только новые грамматические свойства, но и новые лексические оттенки. Например, слово *грусть* (чувство томного уныния, тоскливой печали) при употреблении в функции сказуемого может выражать своеобразную экспрессивную оценку всего того, что вызывает разочарование, неудовольствие. В этом случае оно обозначает уже не чувство и не настроение, а внутренние свойства, внутреннее состояние той вещи, которую определяет как предикат. Таковы фразеологические сочетания разговорной речи: *сплошная грусть*, *одна грусть; погода — сплошная грусть; разговаривать с ней, убеждать ее — одна грусть* и т. п. Ср.: *прямо жуть*, *жуть одна*. На почве такого предикативного употребления имени существительного вырастает особый переходный разряд субстантивных форм, близких к категории состояния и выражающих не действие, не процесс, а бывание, состояние, качественно-временную характеристику предмета *.

В словах, имеющих формы времени, заложено диалектическое восприятие действительности в двух аспектах: динамическом — как мира действий, движений, и эволюционном — как мира качественных состояний, «бываний», в которых могут являться лица и предметы. Подобным же образом названия лиц или предметов, т. е. имена существительные, служат не только действующими субъектами или испытывающими те или иные воздействия объектами. Они могут выражать также разнообразные характеристические свойства или состояния. Это значение качественной характеристики очень рельефно выступает во многих существительных, когда они специализируются в роли сказуемого (например, *тертый калач*, *не промах*; ср. у Лескова в романе «На ножах»: «Хитра ты, да ведь и я не промах»). В этом случае существительное является выражением состояния другого предмета в его развитии. Так схема-

* Всю сложность этих процессов и их внутреннее грамматическое единство — при кажущейся морфологической разнородности относящихся сюда явлений — недостаточно оценили акад. И. И. Мещанинов и вслед за ним проф. Д. В. Бубрих. См. «Вестник Академии наук СССР», 1946, № 4, стр. 102.

тически очерчивается путь грамматического движения имен существительных в категорию состояния.

Если какое-нибудь существительное сохраняется в языке только в одной функции, в функции сказуемого, то это грамматическое ограничение обычно связывается со смысловой деформацией слова, с потерей им форм падежа и рода и с зарождением в нем оттенков времени. Впитывая в себя значение времени, имя существительное ослабляет или утрачивает свое значение предмета, субстанции. Оно начинает выражать внутренние качества или состояния другой вещи, становится отражением тех качественных состояний, через которые может проходить предмет, или тех безличных, бессубъективных состояний, которые вообще свойственны действительности. Так, имя существительное может постепенно ассимилироваться с категорией состояния *.

Во многих существительных современного русского языка уже непосредственно заложена эта функция качественной характеристики. Есть множество предикативных имен существительных, которые не являются обозначениями предметов, но выражают качественное состояние предметов **. Например, слово *колпак*, помимо своего прямого, номинативного значения, употребляется как образная характеристика простака, недалекого, ограниченного разини (ср. значения глагола *околпачить*): «Ты, мол, отсталый колпак» (Тургенев, «Отцы и дети»); «Натурально вы, сплетники городские, лгуны проклятые... колпаки...» (Гоголь, «Ревизор»); «Дрянь! Колпак! — завопил Биндасов» (Тургенев, «Дым»); «Я не замечал, что он ездит каждый день, не заметил, что он сегодня приехал в карете. И я не видел. Колпак!» (Чехов, «Враги»).

Едва ли можно сомневаться в том, что для современного языкового сознания внутренняя форма этого употребления слова *колпак* наполовину утрачена. Ведь шутовскóй, дурацкий колпак, из которого выросло метонимическое именование дурака, шута (а затем и всякого простофили) колпаком, в обстановке современного культурного быта уже потерял свою экспрессивную внушительность. Но переносное значение слова *колпак* еще очень ощутимо. Оно поддерживается глаголом *околпачить*. Ср. народные поговорки и пословицы: «По Сеньке шапка, по таковскому и колпак»; «Все люди, как люди, один чорт в колпаке» и т. п.

---

* Очень интересны вскользь брошенные замечания П о т е б н и о таких именах существительных, которые сохраняют в большей или меньшей мере аттрибутивность в силу того, что, так сказать, сохраняют память о своих прежних предикатах и аттрибутах: выражение *этот человек — рыба*, т. е. плавает, как рыба, или нем, холоден, как она, понятно в силу того, что помнятся сочетания: рыба плавает, рыба нема и пр. Степень аттрибутивности (и вместе степень приближения к предикативности) существительного изменяется по языкам и ступени их развития («Из записок по русской грамматике», III, Об изменении значения и заменах существительного, стр. 101—102).

** Ср. замечание Г. П а у л я: «Если имя поставлено как предикат или приложено к имени вещи как определение, то оно уже не может быть именем вещи и с этой точки зрения тем самым есть прилагательное» («Prinzipien der Sprachgeschichte», 1880, стр. 205).

Вот такого-то рода имена существительные, которые не называют предмет или лицо, а говорят о них, характеризуют их, выступая только или в указательной (*этот колпак, этого колпака* и т. п.) или предикативной функции, тянутся к категории состояния (ср. фразеологические единства и сращения: *с боку припека, плоть и кровь, палка о двух концах, ни пава ни ворона, притча во языцех, живые мощи, кровь с молоком, тертый калач*; ср.: «Это тёртый калач, который знает людей и умеет ими пользоваться» (Тургенев, «Певцы»); «Я знаю свет наизусть, я сам тёртый калач» (Фонвизин, «Недоросль»); *седьмая вода на киселе, последняя спица в колеснице* и т. п.).

В грамматическом употреблении таких слов резко обозначаются оттенки времени. Они всё сильнее окрашивают семантическую структуру их и парализуют в них способность склонения и родовые различия. Например, выражение *не жилец* в значении: человек, обреченный на смерть, человек, который не долго проживет, — применяется, как к мужчине, так и к женщине (*не жилец она на белом свете*). Ср. у Лескова в «Островитянах»: «Марья Ивановна не жилец на этом свете, так я за это голову свою дам на отсеченье, что она не жилец»*. Ср. *он, она — не промах*.

§ 10. Грамматическое оформление фразеологических сочетаний и единств при посредстве категории состояния

К категории состояния тянется масса окаменелых фразеологических единиц, выступающих в функции сказуемого и выражающих качественную оценку или характеристику кого-нибудь или чего-нибудь. С этимологической точки зрения в составе этих выражений можно обнаружить разные другие части речи. Но в живом речевом употреблении эти неразложимые фразеологические единства непосредственно подводятся под категорию состояния.

Так, формы будущего времени 2-го лица с обобщающим значением в составе многих устойчивых словосочетаний служат для характеристики свойств вещи. Выражения этого рода легко вовлекаются в категорию состояния. Например, *пальчики оближешь, -ете* (о чем-нибудь очень вкусном или очень соблазнительном): «Вот, дядя, дамочка-то — пальчики оближете» (Салтыков-Щедрин, «Круглый год ... 1-го апреля»).

§ 11. Роль категории состояния в грамматической системе современного русского языка

Итак, на почве сложного грамматического переплетения свойств и функций имени, глагола и наречия складывается и разви-

---

* Ср. значение выражений: «Вон из Москвы! сюда я больше не ездок»; «Я глупостей не чтец, а пуще образцовых» (Грибоедов) и т. п. Ср. замечание Потебни: «По типу обороты *я не ездок, жалоба моя* — древнее, чем *не езжу, жалуюсь*» («Из записок по русской грамматике», III, стр. 352). Но ср.: *я — пас*.

вается категория состояния. Она носит на своих формах яркий отпечаток аналитизма. В ее грамматическом строе скрыты зародыши, источники новых грамматических сдвигов (особенно в области имен существительных и прилагательных). Категория состояния отражает воздействие глагола. Но так как в языковой системе все взаимно связано и взаимно обусловлено, то образование категории состояния не проходит бесследно и для самой системы глагола (ср. историю причастных страдательных оборотов предикативного типа). Вместе с тем своеобразная идиоматичность части лексического материала, подводимого под категорию состояния, свидетельствует о расширяющемся в литературной речи фонде предикативных идиом и фраз с грамматическим значением состояния. Все это выделяет категорию состояния как новую для русского языка, но очень активно развивающуюся часть речи.

ПРИМЕЧАНИЕ К ГЛАВЕ «КАТЕГОРИЯ СОСТОЯНИЯ»

1. «Об элементах и формах славяно-русского языка», Рассуждение, написанное на степень магистра кандидатом М. Катковым, М. 1845, стр. 65.
2. «Опыт исторической грамматики русского языка», ч. II, стр. 121.
3. Н. Некрасов, О значении форм русского глагола, СПБ 1865, стр. 248.
4. В. А. Богородицкий, Общий курс русской грамматики[5], стр. 195.
5. «Русская речь», II, 1928.
6. Ср. у А. А. Потебни, Из записок по русской грамматике, II, стр. 379.
7. А. М. Пешковский, Наш язык, ч. 2, изд. 2-е, стр. 270.
8. См. «Русский синтаксис»[6], стр. 325 и след.
9. Там же, стр. 328.
10. Там же, стр. 327.
11. Д. Н. Овсянико-Куликовский, Синтаксис русского языка, 1912 и особенно статью «К вопросу о классификации бессубъектных предложений», «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», 1900, т. V, кн. IV.
12. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, вып. II, стр. 80.
13. Там же, стр. 95.
14. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, I—II, стр. 109—110.
15. «Из записок по русской грамматике», III, стр. 464.
16. «Vergleichende slav. Grammatik», IV, стр. 159. Ср. Потебня, Из записок по русской грамматике, II, стр. 122.

VII. ГЛАГОЛ

1. СОСТАВ ГЛАГОЛЬНОГО СЛОВА И ЕГО ГРАНИЦЫ

§ 1. Пути изучения и принципы истолкования глагола в грамматической традиции

Глагол — самая сложная и самая ёмкая грамматическая категория русского языка. Глагол наиболее конструктивен по сравнению со всеми другими категориями частей речи. Глагольные конструкции имеют решающее влияние на именные словосочетания и предложения.

Антитеза имени и глагола как структурная особенность многих языков была осознана еще в античной философии и лингвистике. Платон, Аристотель, Аполлоний Дискол, Донат учили об имени и глаголе как о двух главных частях речи. Эта теория была воспринята русской грамматикой еще в XVIII в. На этой почве сложилось своеобразное учение о глаголе как о центральной категории языка, присвоившей себе основные формы и функции других грамматических категорий и создавшей свои особые «колонии» в области всех главных частей речи (кроме имен числительных и местоимений) *. Так, Павский, считая глагол «словом по преимуществу» и находя в нем «изображение мыслей» (в отличие от «изображения понятий», присущего именам), различал в категории глагола четыре типа слов: «а) глагол в полном виде; б) глагол в виде имени существительного — неопределенное наклонение; в) глагол в виде имени прилагательного — причастие; г) глагол в виде наречия — деепричастие» [1]. С этой точки зрения открывались два грамматических пути. Прежде всего, представлялось возможным выделить из глагола группу форм, наиболее далекую по своему строю от имен (личные формы: *вижу, видишь* и т. д.), и объявить их особым грамматическим классом. В этом случае все остальные глагольные формы отходили к другим частям речи. Они рассматривались как особая система отглагольных словообразовательных категорий. По этому пути и пошла фортунатовская школа. Она даже упразднила было

---

* Самый термин г л а г о л некоторые русские грамматики предлагали заменить каким-нибудь более понятным названием. Так, В. Ф. Андреев в статье «Знаменательные и служебные слова в русской речи» писал: «Термин г л а г о л есть перевод латинского слова verbum (греч. rhēma); вместо славянского слова «глагол» по-русски следовало бы употреблять речение «слово». Речение «глагол» (verbum) показывает, что он есть главное слово в речи или предложении, то-есть как бы он преимущественно с к а з ы в а е т или г о в о р и т мысль предложения. Название «глагол» употребляется, очевидно, в соответствии термину с к а з у е м о е (praedicatum). По нашему мнению, термин «глагол» неудачен, и его лучше бы заменить... более подходящим термином... «имя действия» или «имя действенное» («Журнал министерства народного просвещения», 1895, сентябрь, стр. 256).

понятие глагола в области морфологии. Она разбила систему форм глагола на отдельные грамматические группы, отнеся причастия и формы прошедшего времени на *-л* к родовым словам, признав инфинитив особым грамматическим классом. Из круга глагольных форм на первый план выступили «личные слова» (т. е. формы спряжения, изменяющиеся по лицам). Но — по естественной диалектике научного поведения — одна крайность порождает другую, ей противоположную. Упраздненный в морфологии, глагол со всей своей системой форм вида, залога, времени, наклонения и лица (включая сюда и инфинитив), со всеми своеобразиями своего управления возрождается у тех же лингвистов в синтаксисе. В конце концов, без «глагольного слова» не могли совсем обойтись и ученики Фортунатова. Сначала они допускали понятие глагола лишь в синтаксисе. Так, друг против друга — в морфологии и синтаксисе — оказалось две странные картины. На одной — морфологической — в разных грамматических клетках, как разные «грамматические слова», размещались такие формы: 1) личные: *читаю, — ешь, -ет, -ем, -ете, -ют; читай, -те;* 2) родовые: *читал;* ср. *читал бы; читающий, читавший, читанный, читавмый;* 3) инфинитив: *читать;* 4) деепричастие: *читая, читавши (прочитавши).* Правда, более осторожные грамматисты и тут соединяли формы: *я читал — я лежал* и *я читал бы — я лежал бы* (т. е. формы прошедшего времени и условно-сослагательного наклонения на *-л*) — с личными, спрягаемыми словами (*читаю* и т. п.) в систему спряжения одного и того же слова. На другой картине, отнесенной к синтаксису, выступала — под названием «глагольного слова» — такая многочисленная, но грамматически объединенная группа форм: *читаю, читай, я читал, я читал бы, читать, читая, читающий, читавший,* ср. *читаемый, читанный.* «Можно было бы,— пишет А. М. Пешковский, назвать эту группу «глагольным словом», но есть опасность, что в нее прокрадутся тогда и такие «глагольные» слова как *облезлый, четкий, спешный, спешка, писание, битва* и т. д.» [2]. Объединялись ли этими грамматистами под термином «глагол» или «глагольное слово» только одни глагольные формы, или сюда же относились и все отглагольные образования (типа: *учитель, ученье, чтение, читатель, читаемость* и т. п.), от этого дело не менялось. И в том и в другом случае под любым глаголом (или «глагольным словом») понималась группа родственных слов, а не одно слово, взятое в совокупности его форм. Впрочем, в последнее время все представители фортунатовской школы постепенно вернулись к признанию глагола самостоятельной грамматической категорией. Глаголу были возвращены все права и в морфологии[3]. Оказалось, что другой путь изучения русского глагола шире и надежнее.

Этот второй путь был намечен еще Ломоносовым, Востоковым, Буслаевым, К. С. Аксаковым и проторен А. А. Потебней. А. А. Потебня, опираясь на взгляды В. Гумбольдта и Штейнталя, создал своеобразную философию глагольности, являющуюся опорой его учения об исторической эволюции основных категорий языка и мышления. Глагол, по Потебне, — это высшая, наиболее отвлеченная, наиболее конструктивная и прогрессирующая категория языка. С организацией глагола был связан переход от древнего именного строя предложения к глагольному. В своей эволюции глагол все более и более развивает энергию отвлеченности. Обозначая действие, процесс, он выделяется из синкретизма первобытного слова уже после имени существительного и прилагательного и, пройдя через стадию причастий и инфинитива, формы, промежуточной между именем существительным и глаголом, обрастает категориями лица, вида, времени, наклонения и залога. Дальнейшая история глагола — история вытеснения им имен с основных грамматических позиций, история оглаголивания других категорий, история роста глагольных типов предложения за счет номинативных, именных. Категория действия, процесса, силы, энергии все более и более ограничивает сферу именных категорий. Она содействует логической концентрации речи, устраняя раздробленность элементов предложения. Ведь именное предложение в эпоху господства имени, в эпоху господства категории существительности, субстанциальности было лишено надлежащей связности и единства. Таким

образом, по Потебне, процесс усиления глагола, роста его грамматического влияния сопровождается распространением глагольной энергии на те группы слов, которые прежде примыкали к имени существительному как антиподу и антагонисту глагола (ср. историю кратких форм имени прилагательного).

Теория Потебни, утверждавшая главенство глагола в системе частей речи, видела в развитии языка процесс непрерывного оглаголивания. Эта теория в применении к русскому языку была принята Овсянико-Куликовским, поддерживалась проф. Пешковским[4] и в той или иной форме оказала громадное влияние и на современную грамматическую традицию и на ходячие стилистические оценки и приемы синтаксического и лексико-морфологического анализа *.

Между тем, эта теория, особенно в ее одностороннем развитии, противоречит самым простым и очевидным фактам современного русского языка **. Прежде всего бросается в глаза не только глубокое взаимодействие между категориями имени и глагола, но и широкое развитие отыменных форм в самой системе русского глагола. Кроме заимствованных слов на *-изировать*, *-ировать*, *-овать*, кроме разряда глаголов с суффиксом моментальности *-ну-* (*-ану-*) и производных видовых форм на *-ывать*, *-ивать*, кроме отглагольных приставочных образований (*лить — залить*, *налить*, *влить*, *вылить*, *долить*, *полить*, *пролить*, *перелить*, *слить*, *облить*, *разлить*), все остальные глагольные группы живут и пополняются преимущественно отыменными образованиями (*сапожничать*, *бездельничать*, *белить*, *седеть*, *гоpевать* и т. п.). Именные основы все шире и шире вливаются в область глагола и производят в ней резкие изменения. Их влияние отчасти сказалось на вытеснении и резком сокращении форм так называемого «многократного» вида, а также вообще на ослаблении значений и оттенков кратности. В непереходных отыменных глаголах суживается сфера употребления приставок (например, *светлеть* только с приставкой *по-*: *посветлеть; краснеть — покраснеть* и *раскраснеться; хорошеть — похорошеть; свирепеть — освирепеть* и *рассвирепеть* и т. п.) и ограничивается разнообразие видовых оттенков. Причастия настоящего времени действительного залога и страдательные причастия — при наличии благоприятных условий — все более и более освобождаются от элементов глагольности и развивают качественные значения (ср.: *растерянный вид*, *убитая физиономия*, *истасканное лицо*, *недосягаемая высота*, *раздражающее впечатление* и т. п.). Страдательные формы спряжения, сложившиеся на основе нечленных причастий (типа: *накрыт*, *был накрыт*, *будет сказано*), все сильнее вовлекаются в категорию состояния и теряют залоговый оттенок пассивности. Они становятся выражением безобъектного состояния. Залоговые значения страдательности в них под-

---

* Отсюда даже несколько сенсационные названия отдельных статей, вроде статьи Г. О. Винокура «Глагол или имя?.. («Русская речь», III); ср. его же статью «О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии» («Труды Московского института истории, философии и литературы», 1939, т. V).

** Очень показателен протест А. А. Шахматова против грамматического «дифирамба глаголу». Шахматов «не обнаружил ни малейшей склонности к столь распространенному взгляду на глагол как на существенный признак предложения. Точно так же не признавал он усмотренного Овсянико-Куликовским «оглаголения» и в главном члене безглагольного односоставного предложения. Ссылаясь на работу Meillet, он считал именные предложения унаследованными из индоевропейского праязыка. Во всех современных синтаксических системах — у Потебни, Фортунатова, Пешковского, у Дельбрюка, Пауля и Вундта он слышал незаслуженный «дифирамб глаголу» (С. И. Бернштейн, Основные вопросы синтаксиса в освещении А. А. Шахматова, «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. XXV, стр. 224—225); ср. также вводную статью С. И. Бернштейна «А. А. Шахматов как исследователь русского литературного языка» к четвертому изданию «Очерка современного русского литературного языка» акад. А. А. Шахматова.

держиваются аналитически — присоединением формы творительного падежа для обозначения производителя или орудия действия (ср., например, *взволнован, угнетен, забит* и т. п.), а также — соотносительностью с активными, действительными оборотами. Рост качественных значений в страдательных формах причастий несомненен. Семантико-грамматический параллелизм их с активными глагольными оборотами все более и более нарушается. Во всем своем объеме эта картина взаимодействия глагола с другими категориями может раскрыться только после анализа всех грамматических форм глагола. Ясно лишь одно, что борьба разных грамматических классов в современном русском языке вовсе не отражает абсолютного перевеса глагола. Учение о первенстве глагола среди знаменательных частей речи покоится на убеждении, что предикативность — основной признак предложения и что предикативность является синонимом глагольности. Между тем, вопрос о предикативности как синтаксической категории — вопрос спорный и еще недостаточно разъясненный [5]. Вопрос о структуре глагольного слова необходимо разрешать, не руководствуясь предвзятыми идеалистическими теориями (как Потебня) и не увлекаясь логической прямолинейностью классификационной схемы, механически кромсающей живую ткань языка (как ученики Фортунатова).

§ 2. Структура современного глагола и широта его семантического объема

Семантическая структура глагола более емка и гибка, чем всех других грамматических категорий. Это свойство глагола зависит от особенностей грамматического строя глагола. В глаголе префиксы играют бо́льшую роль, чем суффиксы. Еще проф. Н. В. Крушевский отметил в употреблении глагольных приставок «тот же принцип сочетания, что в языках агглютинационных» [6]. На формах суффиксальной агглютинации (на прицепке *-ся, -сь*) основана система «залогового» словопроизводства глаголов. Таким образом, в системе русского глагола флексивный строй осложнен агглютинативным построением отдельных форм. Кроме того, в глагольном словоизменении есть и аналитические составные формы (формы будущего несовершенного, формы сослагательного наклонения и т. п.). Этому сложному, гибридному строю русского глагола соответствует лексическое своеобразие глагольного слова. Например, в глаголах *занести* или *зайти* различия основных значений и их многообразие обусловлены многозначностью приставки *за-* *.

Еще ярче эта смысловая емкость, как бы уплотненность структуры глагола, выступает в сопоставлении трех омонимов *занимать* и пяти омонимов *заниматься*.

I. Один из глаголов *занимать* I соотносителен с словами *заем, взаймы* и имеет значение: брать взаймы. Сюда же притягивается по контрасту областное значение слова *занимать:* давать взаймы. Ср. у Гоголя в «Мертвых душах»: «И все оттого, что не задаю обедов и не занимаю им денег».

II. Другой глагол *занимать* II выделяется своей морфологической недостаточностью (безличная форма) и узостью фразеологических связей. Он

* Вот значения слова *занести:* 1) *что* — проходя мимо какого-нибудь места, принести туда что-нибудь: *занести по дороге книгу товарищу;* 2) *кого, что* —унести, принести куда-нибудь очень далеко или издалека (разговорн.): «*Что ты ночью бродишь, Каин? Чорт занес тебя сюда*» (Пушкин); 3) *что* — поднять кверху с целью произвести известное действие: *занести ногу в стремя;* 4) *что* — поднявши, отвести в сторону, чтобы не задеть чего-нибудь: *занести конец бревна;* 5) *что* — записать во что-нибудь, отметить записью в чем-нибудь (книжн., офиц.): *занести в протокол, в дневник;* вписать, включить фамилию кого-нибудь в какой-нибудь официальный список; 6) *кого, что чем* — засыпать целиком, закрыть чем-нибудь мелким, сыпучим; 7) *что* — начать нести (чушь, вздор, пустяки; употребляется в фамильярной речи).

представляет собою потенциальное слово, так как встречается лишь в обособленном фразеологическом сочетании: *Дух занимает* (разговорн.) — чувствуется стеснение в груди, перерыв дыхания.

III. Напротив, в третьем омониме *занимать* III, богатом значениями и оттенками, намечаются сложные семантические деления. Прежде всего выстраивается такой ряд значений:

1. *что.* Заполнять собой какое-нибудь пространство, место, помещаясь где-нибудь: *Комод занимал большую часть комнаты. Занимать выгодную позицию.* | Располагаться, помещаясь на каком-нибудь пространстве; жить, помещаясь на каком-нибудь пространстве: *Занимать квартиру из трех комнат. Занимать ложу во втором ярусе.* | Переносно: заполнять собой какой-нибудь промежуток времени: *Правка корректур занимала у него весь день.*

2. *что.* Временно брать в свое пользование, временно пользоваться чем-нибудь для каких-нибудь надобностей (так, что на это время предмет становится недоступным для других): *Занимать стол для чертежных работ.*

3. *что.* Закреплять за собой какое-нибудь место (в очереди, в зрительном зале, в многолюдном собрании, где места заранее не распределены между присутствующими): *Занимать стул для знакомой. Занимать место в очереди.*

4. *что.* Замещать какую-нибудь должность, служить в какой-нибудь должности (употребляется в сочетании со словами: *пост, должность, место, положение): Занимать высокое положение.*

5. *что.* Овладевать, захватывать вооруженной силой (какую-нибудь территорию, город): *Неприятель занимал город за городом.*

6. *что.* Переносно: заполнять собой, всецело поглощать (о мыслях, чувствах, воображении): *Мое воображение занимала мысль о новом изобретении.*

Тут, в этом последнем значении, последовательность смыслового развертывания слова *занимать* несколько нарушается. Тут еще заметно сильное притяжение к другим основным значениям. Но семантический скачок ощутителен. Смысловой перенос в сферу актов духовной жизни слишком отвлечен от конкретных, основных значений глагола *занимать*. Дальнейшая цепь оттенков этого (6) значения, воспринятых из западноевропейских языков (преимущественно из французского), обладает большой центробежной силой. Эти значения и оттенки склонны выделиться в особое слово. Эти оттенки следующие: а) *занимать кого, что.* Интересовать, привлекать внимание, волновать: *Меня очень занимают эти мысли;* б) не давать скучать, развлекать: *занимать гостей.* К этим оттенкам отчасти примыкает новое «каузативное» (7) значение глагола *занимать:* давать кому-нибудь какое-нибудь занятие, заставлять кого-нибудь что-нибудь делать, например: *занимать нового служащего какой-нибудь работой, занимать чем-нибудь детей.* Это значение соотносительно с таким значением глагола *заниматься:* что-нибудь делать, быть занятым чем-нибудь; выполнять какую-нибудь работу, составляющую предмет постоянной деятельности.

Таким образом, в глаголе *занимать* III обнаруживается склонность к распадению на два омонима. Однако это распадение задерживается и отчасти преодолевается однородностью форм, способностью глагола совмещать множество разошедшихся значений, семантической сложностью глагольного слова.

Сходные черты и явления можно наблюдать в соотносительных формах пяти омонимических глаголов *заниматься.*

I. *Заниматься* I — форма средне-страдательного залога к *занимать* I: *Деньги мной занимались всегда на очень короткий срок.*

II. Омоним *заниматься* II соотносителен с глаголом *занимать* II. *Дух, дыхание занимается* — чувствуется стеснение в груди, остановка дыхания.

III. Третье слово *заниматься* III тоже небогато значениями: 1. Об огне: разгораться (в книжной и областной речи: *пожар занимается).* 2. Переносно: брежжить, загораться, появляться над горизонтом (о заре, утре, дневном свете).

IV. Четвертый омоним — *заниматься* IV имеет такие значения:

1. *чем.* Что-нибудь делать, быть занятым чем-нибудь в данную минуту: *Заниматься туалетом. Заниматься упаковкой вещей.* | Выполнять какую-нибудь работу, составляющую предмет постоянной деятельности: *Заниматься хозяйством, наукой, торговлей, музыкой.* | В пределах своей специальности работать над каким-нибудь отдельным вопросом: *Заниматься историей средних веков.*

2. *без дополнения.* Работать (об умственном труде, преимущественно научном): *Сегодня у нас в учреждении не занимаются. Заниматься всю ночь.* | Учиться, готовить уроки (с оттенком устарелости): *Заниматься в университете.*

3. *с кем — с чем.* Учить, руководить чьим-нибудь обучением (педагог. арго): *Заниматься с учениками.*

4. *кем — чем* или *с кем — с чем.* Избирать кого-нибудь предметом своего внимания, оказывать кому-нибудь особое внимание, развлекать, любезничая: *Заниматься детьми.*

Легко видеть, что в *заниматься* IV выступают на передний план именно те значения, которые в глаголе *занимать* III склонны выделиться в особое слово.

Формы страдательного залога ко всем значениям глагола *занимать* III, кроме 6 и 7 значений, явно обособляются в самостоятельное слово — пятый омоним *заниматься* V. Ср.: *Город занимается войсками с бою.*

Различия слов-омонимов, а также семантические разрывы между разными значениями глагола *занимать* III отражаются и в строе производных слов. Так, обособляющиеся в особое слово 6 и 7 значения глагола *занимать* III порождают группу производных слов: *занимательность* (повествования); *занимательный* (возбуждающий интерес, внимание: *занимательный рассказ, занимательный человек); занятность, занятный* (забавный, интересный, возбуждающий любопытство: *занятный человек, занятная книжка), занятой* (лишенный досуга, свободного времени вследствие множества дел, работы: *занятой человек); занятость* (ср. *занятый:* быть очень занятым, быть занятым только собой). Смысловая определенность и замкнутость этого гнезда слов является новым доказательством того, что переносные, отвлеченные значения глагола *занимать* III склонны выделиться в самостоятельное слово.

Точно так же различия в значениях глаголов *занимать* III, *заниматься* IV и *заниматься* V отражаются в двух омонимах, в двух отглагольных существительных — *занятие:* I. *Занятие* I — действие по глаголу *занять — занимать* III в 3, 4 и 5 значениях: *Занятие неприятельского города войсками. Занятие должности.*

II. Омоним *занятие* II имеет гораздо более широкое значение: 1) преимущественно во м н о ж е с т в е н н о м ч и с л е. Действие по глаголу *заниматься* IV во всех значениях, кроме 4: *Занятия по хозяйству. Занятия по канцелярии. Занятия в вузах начинаются с сентября. Занятия с учениками.* 2) В е д и н с т в е н н о м и м н о ж е с т в е н н о м ч и с л е. Труд, работа, дело, ремесло: *Выбрать себе занятие по вкусу. Род занятий.* 3) Т о л ь к о в е д и н с т в е н н о м ч и с л е. Времяпрепровождение (в разговорной речи): «Удивительно приятное занятие лежать на спине в лесу и глядеть вверх» (Тургенев).

На этих примерах рельефно выступает семантическая сложность глагола с его видовыми и залоговыми вариациями, огромная роль приставок в развитии системы его значений и развитая омонимичность производных глаголов.

Многозначность глагольного слова усиливается разнообразием живых значений приставок, сложным взаимодействием их с значениями основ, различиями в морфологическом составе и морфологической делимости производных омонимов. В глаголе способы объединения и диференциации значений разнообразнее, чем в именах. Даже глаголы-омонимы — при благоприятных условиях — легче сливаются в одно слово. Тенденции к слиянию омонимов в одно глагольное слово ярко выражены в слове *заполонить.* Есть два таких глагола-омонима.

Одно слово *заполонить* I значит: переполнить, занять целиком все пространство, наводнить: *Толпа заполонила всю улицу, все выходы и входы.* Это слово связывается с формой прилагательного *по́лон* (т. е. *полный*). Однако с глаголом *заполнить* глагол *заполонить* семантически не сливается*. Омоним *заполонить* II (от *полон* — плен) значит: завладеть, подчинить своему влиянию, обаянию (книжн., устар., поэт.): *Заполонить всю душу. Красавица всех заполонила.* Внутренняя форма здесь — *поло́н*, т. е. плен (ср. *пленить*). Ср. у Достоевского в «Подростке»: «Что ты, старик, об уме моем говоришь; а, может, ум мой меня же заполонил, а не я его остепенил» (слова Макара Долгорукого).

Однако оба эти слова в современной системе лексики тесно прилегают одно к другому. Они, во всяком случае, уже не образуют вполне обособленных и резко разграниченных лексем.

Богатство значений глагола обусловлено также многообразием его синтаксических возможностей, его конструктивной, организующей силой. Например, разные значения глагола *состоять* связаны с различием его объектных связей: 1) состоять из кого, из чего; 2) состоять в ком, в чем; 3) состоять кем, чем; 4) состоять на чем (состоять на военной службе); 5) состоять при ком, при чем. Точно так же глагол *дуть* в непереходном значении (*дул холодный северо-восточный ветер; дует из всех щелей*), в сочетании с предлогами *в* и *на* (*дуть на горячий чай, дуть в трубу*), с винительным падежом вещного прямого объекта (в профессиональном значении: *дуть бутылки* — изготовлять из стекла, выпуская ртом струю воздуха; и в вульгарном просторечии: *дуть водку* — пить в большом количестве), с винительным падежом одушевленного объекта (просторечное *дуть кого-нибудь* в значении: бить), в связи с различиями синтаксического употребления, выражает разные значения.

§ 3. Система грамматических форм одного глагола

Глагольное слово с богатством и разнообразием значений сочетает богатство и разнообразие форм. Все формы лица, числа, времени и наклонения какого-нибудь глагола (*строю, строим, я строил, мы строили, я строил бы, стройте* и т. п.) являются формами спряжения одного слова. Даже при резком фонетическом различии этих форм (например: *я лег — лягу — ляжем — ляг; я сел — сяду — сядь; пою — я пел — пой; пью — я пил — пей; я мял — мну — мни; я взял — возьму — буду брать; иду — я шел* и т. п.) не возникает сомнения в том, что это — грамматические формы одного и того же глагола. Ведь думать, что формы *понимаю, буду понимать, я понимал* (а также *я понимал бы*) образуют отдельные слова, значило бы вступить в противоречие с живым языковым сознанием, со всем речевым опытом. Семантическое расстояние между этими формами не больше, чем между формами склонения существительного, например: *сад* и *в саду*; *коренъ* и *на корне; долг* и *о долге; друг* и *друзья; перо* и *перья; глухой* и *глухие; четыре стиха* и *четырьмя стихами* и т. п. Поэтому не удивительно, что формы лица, числа (а также рода), времени и наклонения большинством грамматистов охотно признаются за

* Ср. *заполнить*: 1) *что.* Наполнить целиком, без остатка: *Посетители заполнили всю приемную. Заполнить свое время работой.* Заделать, наполнить что-нибудь пустое: *Заполнить брешь. Заполнить выбоину щебнем.* 2) *что.* Вписать все требуемое в пустые места чего-нибудь (анкеты, бланка — канц.).

формы одного глагола. Иначе обстоит дело с видовыми образованиями и инфинитивом. Многим казалось, что видовые различия глагола уже выходят за пределы форм одного слова, что *делать* и *сделать* — разные глаголы. Так, Ф. И. Буслаев относил залоги, виды и инфинитив не «к спряжению, а к словопроизводству». Но К. С. Аксаков в «Критическом разборе «Опыта исторической грамматики Ф. И. Буслаева» писал об этом [7]: «Но что называть спряжением? Если изменения по лицам и при них по числам, — тогда, нет слова, всякий вид будет спряжением отдельного глагола; но правильно ли такое воззрение?.. Ведь придется исключить таким образом и самое понятие времени. Почему же за спряжением остается одно какое-нибудь голое изменение по трем лицам единственного и множественного числа и каждое новое изменение будет представлять уже новый глагол? На это не дано удовлетворительного объяснения. Если же под спряжением понимать ряд тех изменений, которые предстоит проходить каждому глаголу, — тогда, если не залоги, то виды, причастия, деепричастия и неопределенное наклонение должны относиться к спряжению» [8].

Грамматическая структура и грамматическое употребление причастий и деепричастий как смешанных форм глагольно-именного и глагольно-наречного характера, как «аттрибутивных форм» глагола были в общих чертах описаны уже А. А. Потебней. Не подлежит сомнению, что многие причастия, подвергшись окачествлению, превратились в отдельные слова или дали жизнь самостоятельным словам (см. выше главу VII, §§ 22—23). Точно так же некоторые адвербиализованные деепричастия (ср. *нехотя*, *походя* и др.) оторвались от системы глагола. Но те причастия и деепричастия, которые сохраняют свою глагольную силу и глагольные свойства, остаются гибридными формами-словами: они лежат в смешанной глагольно-именной или глагольно-наречной зоне (см. выше гл. II, § 20 и гл. V, § 27). Входя в систему форм глагольного слова, они в той или иной степени тяготеют к отрыву от него.

Совсем иное положение инфинитива (неопределенной формы) и видовых форм глагола. Вопрос об инфинитиве особенно волновал грамматистов. Часть их (фортунатовская школа, кроме А. М. Пешковского [9]) решительно отделяла инфинитив от глагола, ссылаясь на то, что по своему происхождению инфинитив является именем с глагольной основой (ср.: *знать* — *знаю* и *знать*, *знати*; *стать* — *стану* и *стать*, *стати*; *пасть* — *паду* и *пасть*, *пасти* и т. п.), что инфинитив не принадлежит к числу ни предикативных, ни аттрибутивных форм глагола. Инфинитив был объявлен особой частью речи и рассматривался как слово, не причастное к спряжению *. Лишь акад. Д. Н. Овсянико-Куликовский, акад. А. А. Шахматов и лингвисты бодуэновской школы настойчиво подчеркивали, что инфинитив в современном русском языке — это «гла-

* Необходимо вспомнить, что инфинитив под именем «отглаголия» выделял из глагола в самостоятельную категорию И. Ф. Калайдович (см. его «Грамматику языка русского», ч. I, Познание слов, М. 1834).

гольный номинатив», т. е. основная, исходная форма глагола. «Для того чтобы данная форма, — убеждал Д. Н. Овсянико-Куликовский, — могла быть названа глаголом, ей вовсе не нужно иметь определенное личное окончание, а вполне достаточно иметь отношение к лицу, хотя бы и неизвестному вне контекста... Отношение к лицу делает инфинитив спрягаемою частью речи»[10]. Известно, что и А. А. Потебня, считая инфинитив особой частью речи, все же приписывал ему отношение к неопределенному лицу. Инфинитив, по Потебне, «не заключает в себе своего субъекта, но требует его как прилагательное и глагол... Отличие неопределенного наклонения от личного глагола (verbum finitum) состоит в том, что этот последний заключает в себе определение своего лица (1-го, 2-го или 3-го), тогда как в неопределенном наклонении, вырванном из связи, лицо остается неопределенным. В живой речи лицо неопределенное всегда определяется тем или другим способом»[11].

Точно так же акад. А. А. Шахматов вслед за А. А. Потебней настаивал на том, что «представление об инфинитиве вызывает представление о производителе соответствующего действия-состояния; это подобно тому, как имя прилагательное вызывает представление о носителе соответствующего качества-свойства»*. Невозможно — без насилия над языком и над своим сознанием — увидеть в форме *жить* отдельное слово, не связанное с формами *живу*, *я жил* и т. д. Нельзя также безоговорочно противопоставлять инфинитив всем другим «предикативным формам» глагола.

В необработанных заметках А. А. Шахматова по синтаксису есть очень тонкая и глубокая мысль о том, что инфинитив безличных глаголов как отдельная форма самостоятельно не существует[12]. Действительно, инфинитив безличных глаголов лишь входит в состав сложных аналитических форм, образуемых сочетанием вспомогательных глаголов с инфинитивом (например: *будет тошнить*, *начнет смеркаться*, *стало подмораживать* и т. п.). Отдельно, как особая форма, инфинитив безличного глагола не употребляется. Отсюда можно сделать косвенный вывод, что отношение к лицу потенциально заложено в форме инфинитива. Иначе остается непонятной синтаксическая ограниченность употребления этой формы у безличных глаголов. Итак, инфинитив не отделим от других форм глагола[13]. Даже А. М. Пешковский, долгое время считавший инфинитив особой, хотя и смешанной частью речи, вынужден был признать его глагольным «nominativus'ом»: «Как именительный падеж (по большей части притом единственного числа) принимается нами за простое голое название предмета без тех осложнений в процессе

---

* А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, вып. II, стр. 43. «Впрочем, — писал А. А. Шахматов, — при известных условиях инфинитив, оставаясь названием глагольного признака, может и не вызывать представления о производителе признака; это имеет место там, где инфинитив является в качестве дополнения, где он имеет значение объекта» («Синтаксис русского языка», вып. II, стр. 44, 51).

мысли, которые вносятся формами косвенных падежей, так неопределенная форма благодаря своей отвлеченности представляется нам простым голым выражением идеи действия, без тех осложнений, которые вносятся в нее всеми другими глагольными категориями»[14].

С возвращением инфинитива («неопределенной формы») в систему спряжения вопрос о составе форм глагольного слова еще не может считаться исчерпанным и решенным. В современном языке соотносительные (коррелятивные) формы совершенного и несовершенного видов глагола также являются формами одного и того же слова, например: *хорошеть — похорошеть; слабеть — ослабеть; заменить — заменять; вообразить — воображать; надеть — надевать; разрисовать — разрисовывать* и т. п. Еще К. С. Аксаков в брошюре «О русских глаголах» (1855) настаивал на том, что «все эти формы — формы одного и того же глагола, но формы — не времени, а качества действия»[15]. Однако вопрос о том, какие именно видовые варианты могут быть признаны формами одного и того же слова (ср., например, *занимать — занять; отставать — отстать* и др.), а какие — разными словами (ср., например, *праздновать — отпраздновать; бежать — побежать; мылить — намылить* и т. п.), у нас еще не исследован. Этот вопрос возникал не раз, особенно в связи с изучением значений глагольных приставок и префиксов. Например, И. П. Лысков в своей работе «О частях речи» пытался выяснить, какие приставки образуют лишь парные видовые формы тех же глаголов и какие приставки изменяют реальное значение глагола и служат средством образования новых слов. Он предостерегал от мысли, будто «все глаголы, имеющие одну основу и сложенные с разными приставками, должны считаться формами одного слова», и заявлял, что «все зависит, во-первых, от характера приставки и, во-вторых, от полноты форм времени»[16]. Далее И. П. Лысков перечислял префиксы, не видоизменяющие значения глагольной основы: «*за-*, обозначающий начало действия, предлоги *про-* и *с-*, обозначающие конец действия, предлог *по-*, обозначающий ограниченную продолжительность действия» (стр. 55; ср. также определение значений совершенного вида на стр. 52). «Другие приставки: *из-*, *воз-*, *раз-*, *вы-* — изменяют основу глагола, и поэтому глаголы с этими предлогами надо считать отдельными словами»[17].

Эти замечания не являются новыми и оригинальными. Они не основаны на детальном анализе категории вида. Они возрождают старую точку зрения. Например, Н. И. Греч еще в своей «Пространной русской грамматике» (1827) отличал «предлоги» (т. е. приставки), изменяющие только вид глагола (без изменения реального значения), от предлогов, изменяющих и вид и реальное значение глагола. Чисто видовыми приставками Греч считал: *за-*, *по-*, *про-*, *до-*, *с-*, *от-*, *раз-*. Точно так же в «Опыте общесравнительной грамматики русского языка» акад. И. И. Давыдова (1852) к числу предлогов, выражающих чистые видовые оттенки, относились: *за-* (начало действия — *запеть*), *по-* (продолжение, а иногда начало, также движе-

ние поступательное — *пописать*, *пойти*, *подвинуть*), *про-* (продолжение в течение известного времени — *проговорить*), *раз-* (учащение — *разбе́гаться*), *с-*, *до-* (совершение или окончание — *сделать*, *дописать*), *от-* (прекращение — *отобедать*)[18]. Остальные предлоги характеризовались как присоединяющие к глаголу постороннее, побочное, реальное значение.

Но эти и другие подобные им замечания не решали вопроса о категории вида и соотносительности видовых форм. Еще с начала XIX в. стало ясно, что категория вида играет исключительную роль в системе современного русского глагола: внутри этой категории проходит семантическая граница между отдельными глагольными словами, образованными от одной и той же основы. Категория вида как бы устанавливает словоразделы между глаголами, произведенными от одной и той же основы (ср., с одной стороны, видовые формы одного глагольного слова: *решать* — *решить*; *выходить* — *выйти*; *засунуть* — *засовывать* и т. п. — и разные глаголы разных видов: *спать* — *уснуть*; *лежать* — *залечь* и т. п.)*.

С категорией вида частично соприкасается категория залога. Вопрос о том, можно ли считать все соотносительные залоговые формы (например: *мыть* и *мыться*; *брить* и *бриться*; *писать* и страдат. *писаться*) формами одного глагола, еще сложнее. Однако трудно сомневаться в том, что соотносительные формы действительного и страдательного залогов (*толковать* и *толковаться*; *изучать* и *изучаться* и т. п.) слиты в лексическое и грамматическое единство. «Действительный залог и страдательный различаются не только своим оформлением, но и строем предложения, а именно то, что при первом является грамматическим объектом, оказывается при втором подлежащим (*рабочие строят дом*, *дом строится рабочими*). Категория залога, в данном случае, устанавливается как различное оформление одного и того же глагола, требующее каждое различ-

---

* Разнообразие морфологических выражений вида не мешает живому грамматическому осознанию парных видовых форм одного глагола как форм того же слова. Несправедливо суждение А. М е й е: «Если бы совершенный и несовершенный виды имели каждый простую и постоянную морфологическую примету, то они, без сомнения, вошли бы в спряжение. Но материальное выражение обоих видов представляет собою нечто сложное, оно варьируется в зависимости от отдельных глаголов и потому оба соотносительные по виду глагола остаются самостоятельными» («Le slave commun», Paris 1924, «L'aspect», pp. 240—258). Вопрос о категории вида крайне сбивчиво и противоречиво излагается в большей части грамматик современного русского языка. Например, в «Очерке грамматики русского литературного языка» Р. А. А в а н е с о в а и В. К. С и д о р о в а (Учпедгиз, 1945) на стр. 168 читаем: «Глаголы разных видов, как бы ни были они близки по значению, являются не формами одного и того же глагола, а различными словами... Приставки и суффиксы вносят в реальное лексическое значение глагола добавочные смысловые оттенки, в результате чего получаются производные глаголы со значением, отличным от значения основного глагола, т. е. того глагола, от которого они образованы». На стр. же 173 и 174 говорится о видовых парах глаголов, различающихся друг от друга «только своим видом, так как реальное их значение остается по существу тем же самым».

ного построения предложения согласно особенностям его содержания»[19].

Таким образом, границы глагольного слова широки, но еще не вполне ясны. Дальнейшее изложение должно очертить их более точно. Однако общие контуры глагола определились. Глагол — это категория, обозначающая действие и выражающая его в формах лица, наклонения, времени, вида и залога.

Слово, подводимое под категорию глагола, обычно представляет собою сложную систему многочисленных форм, которая образует парадигму спряжения и включает в себя причастия с их видоизменениями, деепричастные образования, а также видовые и отчасти залоговые варианты.

2. СИСТЕМА ГЛАГОЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ КЛАССЫ ГЛАГОЛОВ

§ 4. Грамматические способы производства глаголов от других частей речи

В современном языке наблюдаются два разных типа образования глаголов.

1. Глаголы производятся по способу суффиксального (и значительно реже — комбинированного, префиксально-суффиксального) словообразования от основ других частей речи. Чаще всего и больше всего глаголы образуются от основ имен существительных, прилагательных и числительных. В особую небольшую группу замыкаются глаголы, производные от междометий и от слов, близких к междометиям по функции.

2. Кроме того, очень продуктивны способы внутриглагольного словопроизводства. Внутриглагольное словообразование бывает префиксальное *(бить, разбить, пробить)*, комбинированное, префиксально-суффиксальное (*поглядывать, приплясывать, выспаться* и т. п.) и суффиксальное (*плакать — плакаться* и т. п.). С приемами словообразования отчасти совпадают и приемы глагольного формообразования.

Каждый из этих двух типов глагольного словообразования должен быть рассмотрен отдельно[20]. Формы производства глаголов от основ других частей речи очень прозрачны. Отыменные глаголы особенно многочисленны.

Глаголы, образованные от основ имен существительных, опираются на такие словопроизводственные суффиксы:

1) *-а-(ть), -я-(ть)* (1-е л. ед. ч. наст. вр. *-аю, -яю;* 3-е л. множ. ч. *-ают, -яют*). Этот суффикс непродуктивен. Например: *козырять, завтракать, обедать, ужинать, свистать* и т. п.

Под влиянием сближения с непроизводными глаголами типа *знать, гулять, лишать, решать* и т. п. многие отыменные глаголы, например: *делать, работать, грохотать, лепетать* и т. п.— стали

осознаваться тоже как непроизводные, а соотносительные с ними имена существительные (*дело*, *работа*, *грохот*, *лепет* и т. п.), от которых были произведены эти глаголы, теперь сами представляются отглагольными образованиями (ср. *хохотать* и *хохот; хлопотать* и *хлопоты* и т. п.). Произошло смещение грамматических отношений.

Суффикс *-а-* (осознаваемый в данном случае как вариант суффикса *-нича-(ть)* выделяется и в некоторых глаголах на *-ничать: сапожничать*, *плотничать*, *мешочничать*, *мошенничать* и т. п.[21].

2) *-нича-(ть)* (1-е л. ед. ч. наст. вр. *-аю;* 3-е л. множ. ч. *-ают*). Этот глагольный суффикс часто соотносителен с суффиксами существительных: *-ник* (суффикс лица) и *-ничество* (суффикс состояния): *бездельничать*, *полуночничать*, *кустарничать* (ср. *кустарничество*), *разбойничать*, *ёрничать*, *умничать* и т. п. Ударение всегда или на последнем слоге этого суффикса, или перед суффиксом. Понятно, что при отнесении *-нич-* к основе в качестве суффиксальной приметы может выступать *-а-*, например, *скромничать*.

Однако наличие существительных на *-ник* и *-ничество* вовсе не является обязательным условием для образования отыменных глаголов на *-ничать*. Соответствующие глаголы могут непосредственно производиться от разных именных основ (с качественным или характеристическим, квалифицирующим значением), например: *либеральничать*, *халтурничать*, *повесничать*, *попрошайничать*, *обезьянничать*, *слесарничать*, *столярничать*, *лизоблюдничать*, *жадничать*, *откровенничать*, *лентяйничать*, *миндальничать;* ср. *сумерничать* и т. п.

Естественно, что в глаголах, производных от основ имен прилагательных и существительных со стечением согласных и *-н-* на конце, в качестве варианта суффикса *-нича-(ть)* может выступать также суффикс *-ича-ть*, например: *подличать*, *нагличать*, *вольничать*, *сплетничать*, *озорничать*, *сводничать* и т. п.

Глаголы этого образования имеют непереходное значение: быть или вести себя кем-нибудь (соответственно значению имени), заниматься деятельностью, содержание которой определяется значением производящей основы, или обнаруживать склонность к чему-нибудь, к какой-нибудь деятельности.

3) *-ствова-(ть)* (1-е л. ед. ч. наст. вр. *-ствую*; 3-е л. множ. ч. *-ствуют*). Этот книжный суффикс обычно соотносителен с существительными действия-состояния на *-ство* (устар. *-ствие*): *пьянствовать*, *бедствовать*, *блаженствовать*, *бесчинствовать*, *хулиганствовать*, *кадетствовать*, *буржуйствовать* и т. п. Но возможны глагольные образования и независимо от этого соотношения: *умствовать* (ср. *безумствовать* при *безумство*), *усердствовать*, *здравствовать*, *заимствовать*, *наличествовать* и т. п. Следовательно, можно говорить о морфологических вариантах одного и того же суффикса: *-ствова-* и *-ова-* (при именной основе на *-ств-*).

Глаголы этого образования имеют непереходное значение: находиться в каком-нибудь состоянии или предаваться какой-нибудь деятельности, какому-нибудь состоянию.

4) *-ова-(ть), -ева-(ть)* (1-е л. ед. ч. наст. вр. *-ую, -юю;* 3-е л. множ. ч. *-уют, -юют*). С помощью этого суффикса производятся глаголы от бессуффиксных имен существительных: *горевать, рисковать, торговать, воровать, плутовать, тосковать, столоваться, пировать, расходовать* и т. п. Этот суффикс *-овать, -ова́ть, -ева́ть* расширил (в конце XVII—в начале XVIII в.) свои функции под влиянием польского языка, где был широко распространен глагольный суффикс *-ować*. В результате этого толчка, произведенного воздействием польского языка, суффикс *-овать, -ова́ть, -ева́ть (-ую, -юю; -уют, -юют)* сделался активным средством приспособления к русской глагольной системе именных и глагольных основ, заимствованных из других языков, например: *рекомендовать, командовать, электризовать, атаковать, интриговать, диктовать, танцовать, штурмовать, шиковать, митинговать, бастовать* и т. п.

5) В XIX в. под влиянием немецких -ieren, -izieren явились еще два составных варианта этого суффикса *-изировать, -ировать: бальзамировать, музицировать, абонировать, дирижировать, экспроприировать, провоцировать, интернировать, бронировать, эксплоатировать, реквизировать, конкретизировать, канонизировать, стабилизировать, автоматизировать, капитализировать, механизировать, иронизировать* и т. п.

Из скрещения суффиксов *-овать* и *-изировать* возникает суффикс *-изова́ть*, сочетающийся с заимствованными основами, например: *электризова́ть, канонизова́ть, локализова́ть, организова́ть* и т. п. На почве взаимодействия этих суффиксов имеются случаи параллельных образований: *локализировать — локализовать; канонизировать — канонизовать* и т. п. Суффиксами *-ова-(ть), -изова(ть), -ирова-(ть), -изирова-(ть)* исчерпывается круг полузаимствованных суффиксов русского глагола.

В современном языке при посредстве суффикса *-изировать* производятся глаголы также от русских незаимствованных именных основ (соотносительно с употреблением суффиксов *-изация, -изатор*): *советизировать, военизировать, коренизировать, яровизировать, озимизировать* и т. п. Ср. также: *бронировать*.

6) *-и-(ть)* (наст. вр. *-ю, -ят* при чередовании согласных: *т—ч, д—ж, з—ж, с—ш, п, в, ф, м— пл, вл, фл, мл*): *пылить, серебрить, золотить, молотить, полонить* (от *полон* — плен), *графить, грузить, кормить, мылить, заземлить, телефонить, телеграфить, насобачиться, церемониться, судачить, рыбачить, разбазарить, парусить, сахарить, боронить, городить, женить, занозить, клеить, косить, прудить, скобить, судить, трубить, хвалить* и т. п. Ср. также образования от основ собирательных числительных: *удвоить, утроить, учетверить* и т. д.

Глаголы этого типа (без *-ся*), особенно при наличии префиксов, чаще имеют переходное значение (но ср.: *халтурить, телефонить* и т. п.). Глаголы на *-ить* широко образуются от существительных (особенно бессуффиксных), за исключением имен существительных на *-ник, -тель, -ство* (но ср.: *обожествить, отожествить, овеще-*

ствить, *осуществить* и *обобществить*), *-ствие*, *-ист*, *-изм* и на некоторые другие суффиксы. Ударение у этих глаголов бывает или на суффиксе *-и-*, или на именной основе (чаще всего—на последнем слоге се).

7) *-е-(ть)* (наст. вр. *-ею*, *-еют*) с непереходным значением: становиться кем-нибудь, каким-нибудь: *советь*, *дуреть*, *балдеть*, *потеть*, *звереть*, *каменеть* и т. п.

В современном языке укрепляется комбинированный метод суффиксально-префиксального образования глаголов на *-еть* с помощью приставки *обез-*: *обезлошадеть*, *обессилеть*, *обезглазеть*, *обеспамятеть*, *обескроветь*, *обезлюдеть*. Ср. также образования на *-ить*: *обеспокоить*, *обесчестить*, *обесславить*, *обезболить*, *обескровить*, *обезвредить* и т. п.

С двумя последними разрядами глаголов, образуемых от основы существительных, сливаются два продуктивных типа глаголов, производимых от основы имени прилагательного:

1) на *-ить* со значением: делать таким, какого обозначает производящее имя прилагательное, например: *белить*, *темнить*, *зеленить*, *светлить*, *осквернить*, *глушить*, *слепить* и т. п.; все глаголы этого типа имеют переходное значение;

2) на *-еть* со значением: становиться, казаться, быть таким, какого обозначает производящее имя прилагательное, например: *хорошеть*, *темнеть*, *светлеть*, *прыщаветь*, *постылеть*, *богатеть*, *вдоветь*, *свирепеть* и т. п.

Еще Павский указал на то, что в глаголах на *-еть* ударение падает на морфему *-е(ть)*, за исключением слов, производных от имен прилагательных с суффиксами *-ав-*, *-ив-*, *-ов-*, *-ат-* [22] (исключение — *богате́ть*).

К тому же кругу форм словообразования примыкают суффиксы: *-ать*, присоединяющийся к основам на согласный, кроме *в*, и *-кать*, присоединяющийся к основам на гласный и *в* (наст. вр. *-аю*, *-ают*). Посредством этих суффиксов образуются глаголы от междометий, звукоподражаний и от слов в омеждомеченном употреблении, например: *хихи-кать*, *ох-ать*, *ух-ать*, *бац-ать*, *ши-кать*, *мяу-кать*, *чири-кать*, *кукаре-кать*, *чав-кать* и т. п. Ср.: *тыкать*, *выкать*.

В образовании глаголов от междометных слов замечается прием приклеивания морфем одна к другой, прием агглютинации суффиксальных элементов, предшествующих флексии. Ср.: *под-хихи-к-ива-ть*, *под-да-к-ива-ть*, *от-не-к-ива-ться* и др.

Такова в современном русском языке система продуктивных способов производства глаголов от других частей речи. Эта же система определяет приемы освоения заимствованных глагольных слов, а также методы образования новых глаголов от иноязычных основ. Поток словесных элементов, двигающийся со всех сторон — из области имен, местоимений и междометий — в категорию глагола, очень широк и стремителен.

Продуктивные классы глаголов базируются преимущественно на отыменных типах.

В строе отыменных глаголов бросается в глаза все усиливающаяся тенденция сочетать прием суффиксального словообразования с префиксальным. Ср.: *углубить*, *разбазаривать*, *приземлиться*, *заземлить*, *обобществить*, *уплотнить*, *раскулачить* и т. п.

§ 5. Способы внутриглагольного суффиксального формообразования и словообразования

Кроме способов производства глаголов от имен и междометий, современная глагольная система располагает несколькими типами внутриглагольного — суффиксального и префиксального — словообразования и формообразования. Сюда прежде всего относятся два продуктивных способа образования форм и слов посредством суффиксов *-ива-*, *-ыва-* и *-ну-*.

Живой суффикс несовершенного вида *-ыва-*, *-ива-* вторичен по сравнению с другими суффиксами несовершенного вида *-а- (-я-)*, *-ва-* (*бросать*, *давать*, *девать* и т. п.). Непродуктивный суффикс *-ва-* присоединяется для образования форм несовершенного вида к глаголам 1-го спряжения с инфинитивной основой на *а-*, *е-*, *и-*, *ы-*, *у-*, *ея-*: *согревать*, *выдувать*, *застывать*, *вставать*, *вылавливать*, *навевать* и т. п., а также к разговорному *застрять* (ср. просторечное *встрять*)[23].

Суффиксы *-а́-*, *-я́-* выражают значение несовершенного вида чаще всего соотносительно с суффиксом *-и-*. Соотношение *-а́(-а)* — *-и* в современных новообразованиях возможно лишь у префиксированных отыменных глаголов: *заземлить* — *заземлять*; *приземлить* — *приземлять*; *оформить* — *оформлять*; *разграфить* — *разграфлять* и т. п.

Суффикс *-ыва-*, *-ива-*, обозначающий длительность или длительную повторность действия, в настоящее время является основным средством производства форм несовершенного вида от приставочных глаголов: *выиграть* — *выигрывать*; *приготовить* — *приготавливать*; *переварить* — *перевáривать*; *растопить* — *растапливать*; *задержать* — *задерживать*; *прожевать* — *прожевывать*; *разбросать* — *разбрасывать* и т. п. Таким образом, сам по себе суффикс *-ыва-*, *-ива-* в современном языке является суффиксом формообразующим. Однако совместно с префиксацией он образует самостоятельные глаголы (например: *полеживать*, *постукивать*, *приплясывать*, *подпрыгивать* и т. п.).

Кроме *-ыва-*, *-ива-*, продуктивен еще глагольный суффикс *-ну-*, *-ну́-* с его вариантом *-ану-*. Суффикс *-ну́-*, *-ну-* присоединяется к таким глагольным основам, которые обозначают конкретное длительное действие, состоящее из множества отдельных актов, действие, мыслимое как цепь моментов и разложимое на составные акты*.

---

* Ср. замечание Г. П а в с к о г о: «В сей однократной породе находятся большею частью глаголы, изображающие действие и явление, ощутимое для внешних чувств. Потому что тут глаз и ухо могут различать мгновения» («Филологические наблюдения», О глаголе, стр. 70).

Суффикс *-ну-* ограничивает такое действие пределами одного акта, одного момента, мига, т. е. придает глаголу значение недлительности, мгновенности, одноактности, моментальности. Например: *толкать — толкнуть; шевелить — шевельнуть; рисковать — рискнуть; мазать — мазнуть; колоть — кольнуть; зевать — зевнуть; клевать — клюнуть; скрипеть — скрипнуть; стучать — стукнуть* и т. п. Ср. у М. Шолохова в «Поднятой целине»: «Всадник жадно хватнул ноздрями морозный воздух».

Ср. простореч но-вульгарные новообразования: *спекульнуть, телеграфнуть, агитнуть, мобилизнуть, стабилизнуть* (*-ся*), *кредитнуться* и т. п. Ср. отмеждометные глаголы: «Киргиз айдакнул, хлестнул тройку своих диких степных коньков» (М. Пришвин, «Солёное озеро»); «Потом, гармонь потуже подтянув к плечу, айдакнет Егор Иванович к Митьке в гости» (Л. Леонов, «Барсуки») и т. п.

В сочетаниях с разными основами суффикс *-ну-* получает разнообразные смысловые нюансы.

В русском языке есть непродуктивный омоним этого суффикса моментальности — суффикс *-ну-* (всегда без ударения), обозначающий постепенное усиление какого-нибудь состояния: *киснуть, сохнуть, слепнуть, тухнуть, хрипнуть, чахнуть, мёрзнуть, липнуть* и т. п. (всего, по подсчету проф. А. Mazon'a, сочетается с этим суффиксом около 60 глагольных основ)*.

В этой непродуктивной группе глаголов форма прошедшего времени (*чах, мёрз, сох, кис, мок, хрип* и т. п.) обычно не имеет суффикса *-ну-*, особенно от основ с приставками: *поблек, обрюзг, погиб, забух, повис, оглох, погряз, продрог* и т. п.

Часть глаголов с непродуктивным суффиксом *-ну-* вообще сохранилась лишь в сложении с приставками (например: *привыкнуть, погрязнуть, исчезнуть, замолкнуть, иссякнуть, заскорузнуть, достигнуть* и др.). Другие малоупотребительны, так как не выдерживают конкуренции с отыменными глаголами на *-еть* (с тем же корнем в основе, например: *слабнуть* и *слабеть*; *жолкнуть* и *желтеть* и некоторые другие). Разрушительно действовала на употребление этого суффикса *-ну-* и омонимия с суффиксом моментальности *-ну́*, *-ну-*. Кроме того, глаголы несовершенного вида с суффиксом *-ну-* вытеснялись глагольными синонимами, образованными от того же корня с приставками: *липнуть — прилипать; вязнуть — увязать; вянуть — увядать; дохнуть — издыхать; сохнуть — засыхать* и т. д. Грамматическое противопоставление об-

---

* С исторической точки врения оба суффикса являются расщеплением одного суффикса. Объяснение процесса расщепления см. у Г. К. Ульянова («Значения глагольных слов в литовско-славянском языке», I—II) или у А. Mazon («Morphologie des aspects du verbe russe», 1908). Ср. скрещение этих суффиксов в омонимах: 1) *дрогнуть—дрог, дрогла* и 2) *дрогнуть — дрогнул, дрогнула*.

разований с суффиксами-омонимами *-ну-* иллюстрируется значениями таких слов, как *пáхнуть* и *пахнýть* (ср. *дрогнуть — дрогнул* и *дрогнуть — дрог*). Экспрессивный суффикс *-ону-*, *-ану-*, проникший в литературный язык из народных говоров, обозначает ослабленность мгновенного действия или, чаще, резкость, грубость, напряженность такого действия[24]: *толкануть*, *садануть*, *резануть*, *пугануть* и т. п. Например: а) со значением ослабленности действия: «Паром толканешь, он уже и на другой стороне» (Короленко, «Убивец»); б) со значением резкости, силы действия: [Андрейка] «успел до прихода милиции стрекануть» (Сейфуллина, «Два друга»); «Озноб захватил его — трепанул» (Яковлев, «Терновый венец»)[25].

Г. Павский думал, что экспрессивный суффикс *-ану-*, *-ону-* возник путем морфологического переразложения от таких образований как *рва-ну-ть* (от *рва-ть*), *кашля-ну-ть* и других подобных. Отсюда *-ану-* распространилось и на другие случаи: *стук-ану-ть*, *прыг-ану-ть* и т. п.[26]. Но в опровержение этой теории указывалось, что суффикс *-анý-* в севернорусских окающих говорах произносится как *-онý-*. Ту же звуковую форму он имеет и в украинском языке. Поэтому казалось, что при объяснении форм типа *хлестануть*, *садануть*, *стегануть* и т. п. надо исходить из суффикса *-ону-*. Акад. А. А. Шахматов предполагал, что глагольный суффикс *-онуть* восходит к древнему *-ѣнѫти*, а проф. Г. А. Ильинский находил в нем отголоски суффикса *-онити*, изменившегося в *-онути* под влиянием глаголов на *-нути*[27], ср. областн. великорусск. *горонить* — горчить; пудожск. *рячконет* — загремит, *ляпонет* — ударит и т. п.

Но проф. А. И. Стендер-Петерсен в специальной работе об этом глагольном новообразовании в русском языке[28] доказывает, что украинские и севернорусские формы на *-онути* вторичного происхождения и что толчок к их распространению был дан южновеликорусскими образованиями типа *плескануть*, *брызгануть*, *рвануть* и т. п., которые были восприняты как «акающие», т. е. подверглись ложной этимологизации. Подстановке *-онуть* на место *-ануть* в севернорусском наречии (*шорконуть*, *ляпонуть*, *рячконуть* — *гром рячконул*; *торконуть* и т. п.) могло содействовать и сближение этих образований с глагольными формами типа *глонуть* (из *глотнуть*), *холонуть* (из *холод-нуть*) и другие подобные.

Что же касается южновеликорусских форм со значением одновременности на *-ануть* (*стегануть*, *трепануть* и т. д.), глубоко проникших около середины XIX в. в русский литературный язык, то Стендер-Петерсен объясняет их так же, как и Г. Павский (на которого он не ссылается), аналогией с формой *рвануть* к *рвать*. Ведь закономерное образование *рвнуть* (из **гъvnѫti*) было фонетически невозможно, *ровнуть* же (ср. *дохнуть* из *dъchnѫti*), обособленное от *рвать—рву*, не могло укорениться в силу омонимической близости к *ровный — ровнять*. Поэтому А. И. Стендер-Петерсен готов форме *рьванѫти* (*гъvnѫti*) приписать чуть ли не общеславянскую древность.

А. И. Стендер-Петерсену казалось вероятным, что по тем же основаниям, что и *рванутъ*, могли возникнуть *жранутъ*, *лганутъ* и другие подобные формы. Сюда же примыкают и формы типа *кашлянутъ* (из *кашльнутъ* — под влиянием *кашлятъ*) и *игранутъ* (из *игрнутъ* — под влиянием *играть*). Действительно, большая часть форм с суффиксом *-анутъ* образуется от глаголов на *-ать*: *брызганутъ* (брызгать), *дерганутъ* (дергать), *ерзанутъ* (ерзать), *маханутъ* (махать), *резанутъ* (резать), *стеганутъ* (стегать), *страданутъ* (страдать), *толканутъ* (толкать), *черканутъ* (черкать), *чесанутъ* (чесать), *шаганутъ* (шагать), *щелканутъ* (щелкать) и др.

После того как этот тип образований укрепился, могли возникать однократные формы на *-анутъ* и от глаголов других классов и групп (*грести — гребанутъ; трясти — тряхануть*; *давить — дабанутъ; долбить — долбанутъ; рубить — рубанутъ*; *садить — саданутъ* и т. п.).

Можно заметить, что гипотеза А. И. Стендер-Петерсена слишком легко расправляется с украинскими и севернорусскими образованиями на *-онутъ*; между тем, географические границы распространения этих форм недостаточно выяснены, и объяснение их южновеликорусским влиянием является очень спорным[29].

§ 6. Спаянность глагольных суффиксов с окончаниями

На продуктивных способах словообразования основана стройная система живых морфологических классов современного глагола (ср.: *темнетъ*, *-ею*, *-еешь; темнитъ*, *-ю*,*-ишь* и т. п.). Эти продуктивные классы вбирают в себя значительную часть непроизводных глаголов. К продуктивным классам относятся глаголы, имеющие в своих формах такое соотношение основ, которое свойственно производным глаголам, образуемым посредством продуктивых суффиксов. Различия классов глагола связаны с различиями не только словообразовательных суффиксов, но и систем спряжения.

В современном русском языке морфологический механизм спряжения, парадигмы, система окончаний, выражающих значения лица, числа, времени и наклонения спаяны с словообразовательными суффиксами. В спряжении каждого глагола различаются две взаимодействующих системы форм и связанных с ними основ: система инфинитива — прошедшего времени: *писатъ — писал*, и система настоящего времени (настоящего времени — повелительного наклонения): *пишу — пиши*. Наружным ключом к морфологии спряжения являются формы инфинитива и формы настоящего-будущего времени. Акад. Я. К. Грот доказал, что в формообразовании глагола особенно важную роль играют формы 3-го лица множественного числа настоящего времени, так как их окончания и ударение в связи с особенностями инфинитива определяют строй других форм настоящего времени и повелительного наклонения (например: *горе́тъ — горя́т; горю́, гори́шь* и т. п.,

повелительное наклонение — *гори́; хорони́ть — хоро́нят; хороню́ — хоро́нишь* и т. п., повелительное — *хорони́-те* и т. п.)[30]. Окончания спрягаемых форм глагола, спаиваясь с суффиксами (ср.: *крив-и-ть, кривл-ю, крив-и-шь* и т. п.), становятся формальными приметами разных типов спряжения и в то же время разных словообразовательных классов глагола. В спряжении глагола формы словоизменения еще глубже и органичнее вклиниваются в формы словообразования, чем в склонении имен существительных. Например, в классе глаголов с инфинитивом на *-ить* (при *-ят* в 3-м л. множ. ч. наст. вр.; ср. *белить — белят*) окончания настоящего времени частично сливаются с суффиксом *-и-* (*бел-ю, -ят*, но *бел-и-шь, -и-т, -и-м* и т. п.). Этот класс глаголов на *-ить* по преимуществу отыменный (однако ср: *хранить, валить, гасить* и т. п.). Производные от имен прилагательных глаголы этого класса имеют переходное значение. Они соотносительны с непереходными глаголами другого класса на *-еть* (3-е л. множ. ч. *-еют*: *белеть — белеют*; *светлеть — светлеют; темнеть — темнеют* и т. п.). И в этом классе суффикс *-е-* (*-еть*) тоже вовлекается в систему словоизменения, определяя строй форм настоящего времени (*-ею, -еешь, -еет, -еют* и т. п.). Функции суффикса *-е-* станут яснее при сопоставлении глаголов класса *белеть* с глаголами типа *вертеть* (*верчу, вертишь, вертят* и т. п.) *храпеть, хрипеть, шелестеть* и т. п. Спаянность всех морфологических элементов, «фузионность» морфем в структуре глагольного слова особенно ярко выступают, если привлечь к сравнению еще глаголы типа *рдеть (рдею, рдеют), сметь, млеть* и т. п. В них как примета класса выступает не суффикс *-е-*, а соответствующий конечный гласный основы (*сме-ю, тле-ю, -еешь, -еют* и т. п.). Таким образом, суффикс *-е-* и гласный корневой морфемы выполняют одну и ту же формообразующую функцию. Эти явления характеризуют, с одной стороны, спаянность всех морфологических элементов, примыкающих к глагольной основе «сзади», а с другой стороны, неразрывную слитность с ними самой основы. Эти черты типичны для синтетического строя. Морфологические различия в формах времени и в формах лица и числа настоящего и будущего времени органически связаны с различиями словообразовательных классов и групп глаголов (ср. глаголы на *-овать, -ую, -уешь* и т. п.).

Вместе с тем, даже в пределах одного и того же глагольного класса структурные соотношения элементов неоднородны. Они видоизменяются и в разных группах слов, так как и здесь происходит то же вклинивание одних морфем в другие, та же спайка их. Вместе с тем, сами морфемы (так же, как и фонемы) могут представлять собою сложные и изменчивые единства, включающие в себя основной тип и варианты[31].

На противопоставлении морфем (*-а-, -е-, -и-*) основано различие трех классов глаголов (*сапожничать, -ают*; *белеть, -еют; белить, -ят*). Но каждый из этих классов не представляет собою однообразного и неизменного, неподвижного морфологического типа. Живой морфологический класс — это поле действия грамматической

энергии, сила которой ослабевает по направлению от центра класса к его периферии. В границах одного и того же класса на *-ать*, *-ают* наблюдаются разнообразные колебания этого общего морфологического типа. Так, в многочисленных глаголах типа *выигрывать* суффикс *-ыва-*, *-ива-* (на фоне сложных соотношений: 1) *выигрывать*, *выталкивать*, *разгуливать*, *укладывать* и т. п.; 2) *игра — игр-а-ть — проигр-а-ть*, *проигр-ыва-ть; выигр-ыш — выигр-ыва-ть — выигр-а-ть* и т. п.) — понимается как примета формы несовершенного вида и в то же время как показатель класса глаголов первого спряжения на *-ать*, *-ают*. Но то же самое значение показателя глагольного класса принадлежит одной морфеме *-а-*, представляющей собою отдельный словообразовательный суффикс (например в глаголах *ах-а-ть*, *обед-а-ть*, *ужин-а-ть* и т. п.). В той же грамматической роли выступает конечное *-а-* у ставших непродуктивными и непроизводными основ таких глаголов, как *гуля-ть* (ср. *гульба*, *гульбище*), *куса-ть* (ср. *кус-ну-ть*, *укуси-ть*) и т. п. Наконец, ту же функцию выполняет в глаголе *знать* фонема *-а*, представляющая собою неотделимую часть «корня».

Морфологическое строение всех этих групп очень различно, различна и продуктивность их (ср. ряды слов: *затоплять — орошать; дорожать — крепчать; ахать — охать; обедать — работать — делать — завтракать; гулять — желать — знать*). Глаголы вроде *знать* располагаются на периферии данного глагольного класса. Они представляют собой осколки старых типов. Продуктивность же этого класса в целом, а следовательно, и система первого спряжения (*-аю*, *-аешь* и т. п.) поддерживается продуктивными типами формообразования и словообразования (ср. формы на *-ывать*, *-ивать*, глаголы на *-ничать* и т. п.).

В строе глагола все способы образования форм и слов внутренно связаны и соотнесены.

Флексия распространяется и живет силою форманты. Флексия прирастает к суффиксу, как паразит. Оторванная от источника питания, она хиреет и может совсем умереть. Вот почему пришлось в первую очередь выделить типы суффиксального словообразования: в них схематически раскрываются и отдельные стороны системы спряжения.

Система глагола в целом основана на сложном взаимодействии разных приемов формообразования и словообразования. Например, глаголы на *-ить*, производные от прилагательных, переходны. Но производные от имен существительных глаголы этого класса далеко не всегда имеют переходное значение, например: *рыбачить*, *портняжить*, *халтурить*, *парусить* и т. п. Одного суффикса оказывается недостаточно, чтобы придать всем отыменным глаголам на *-ить* значение переходности. Является подкрепление в виде приставок (например: *заземлить*, *приземлить*, *напортняжить*, *нахалтурить*, вульгарно-жаргонное *угробить* и т. п.). Эта структурная сочлененность всех морфологических элементов в строе глагола никогда не должна выходить из поля зрения исследователя.

§ 7. Продуктивные морфологические классы в системе современного глагола

На основе взаимодействия продуктивных суффиксов с окончаниями спряжения слагается система живых глагольных классов.

Таких живых глагольных классов пять*. Они следующие:

I. Класс глаголов с инфинитивом на *-ать* и с 3-м лицом множественного числа настоящего времени на *-ают*.

Сюда принадлежат: 1) все глаголы несовершенного вида с непродуктивными суффиксами *-а-*, *-ва-*, малопродуктивным *-я-* и продуктивным суффиксом *-ива-*, *-ыва-*, например: *засыпать*, *срезать*, *увядать*, *пропадать*, *обольщать*, *приготовлять*, *заземлять*, *заострять*, *являть*, *надевать*, *овладевать*, *согревать*, *обувать*, *укрывать*, *расстраивать*, *разыгрывать*, *уписывать*, *вычитывать*, *поджаривать*, *разбазаривать*, *раскулачивать*, *разрисовывать*, *поддакивать* (ср. *отнекиваться*), *наусъкивать* и т. д.;

2) все отыменные глаголы с суффиксами *-нича-ть*, *-ича-ть*, (*-нич-*) *а-ть* и непродуктивным *-а-ть*, *-я-ть*: *халтурничать*, *сентиментальничать*, *сплочничать*, *завтракать*, *обедать*, *козырять* и т. п.;

3) имитативные глаголы на *-кать*, *-ать*: *баюкать*, *нукать*, *пилikать*, *чихать* и т. п.

Все глаголы этого класса имеют неподвижное ударение во всех формах, кроме форм причастий страдательного залога на *-нный*: *потéрянный* (при *потерять*, *потеряю*, *потерял* и т. п.), *сосчитанный* и т. п. За исключением глагола *знать*, все они имеют не меньше двух слогов.

II. К этому классу тесно прилегает, объединяясь с ним по типу спряжения, и продуктивный разряд глаголов на *-еть*. Отношение основы настоящего времени к основе инфинитива в обоих классах одинаково: основа инфинитива на гласный, основа настоящего времени на тот же гласный + j; ударение в обоих классах постоянное; последний гласный основы в обоих классах различен только при ударении на нем; при ударении не на нем в обоих классах, если предшествует мягкий согласный, произносится однородный редуцированный звук (например, *выровнять* и *вызреть* и т. п.). Таким образом, выделение продуктивного разряда глаголов на *-еть* в особый класс более или менее условно.

Итак, класс II — глаголы с инфинитивом на *-еть* (при

---

* Система живых словообразовательных классов глагола была в основных чертах намечена Г. Павским («Филологические наблюдения», Рассуждение третье, О глаголе, СПБ 1850). Л. В. Щерба своим анализом глагола в «Восточнолужицком наречии» предуказал дальнейший путь изучения русской глагольной системы. Но наиболее детально, четко и убедительно раскрыта система русского глагола в работах руссистов, принадлежащих к так называемой «женевской лингвистической школе». См. книгу С. Карцевского «Système du verbe russe» (Prague 1927). О традиционных системах классификации русских глаголов см. критическую статью M. Guihomard «Des systèmes traditionnels de classement des verbes russes» (Mélanges publiés en l'honneur de M. Paul Boyer, Travaux publiés par l'Institut d'études slaves, II, Paris 1925).

3-м л. множ. ч. наст. вр. на *-ют*). К этому классу относятся отыменные глаголы типа: *синеть*, *толстеть*, *очуметь*, *околеть* и т. п.

Ударение неподвижно. Оно не падает на классную морфему *-е (-еть)* только в тех глаголах, которые произведены от имен прилагательных с суффиксами *-авый*, *-ивый*, *-атый* и *-овый*, например: *опрыщаветь*, *запаршиветь*, *заплесневеть*, *ржаветь* и т. п., или в глаголах, осложненных приставками *обез-*, и *вы-**, например: *обезлошадеть*, *обезуметь* и т. п. Отыменные глаголы, по крайней мере, двусложны. Кроме отыменных, в состав этого класса входит несколько однотипных непроизводных глаголов. Большая часть их имеет односложную основу: *владеть*, *говеть*, *греть*, *жалеть*, *зреть*, *иметь*, *млеть*, *треть*, *рдеть*, *сметь*, *спеть*, *тлеть*, *уметь*.

III. Глаголы с инфинитивом на *-овать* (*-евать*), *-ова́ть* (при 3-м л. множ. ч. на *-уют*).

Этот класс глагола пополняется: 1) заимствованными глаголами на *-изировать*, *-ировать*, *-изовать*, *-овать*, *-ова́ть*: *ликвидировать*, *стабилизировать*, *электрифицировать*, *кооперировать*, *акклиматизировать*, *коллективизировать*, *национализировать*, *реализовать*, *страховать* и т. п. Сюда же относятся новообразования по их типу: *военизировать*, *украинизировать*, *товаризировать* и т. п.;

2) глаголами, производными от имен существительных и оформляемыми при посредстве суффиксов *-овать*, *-ова́ть* (*-ева́ть*) и *-ствовать*: *бедствовать*, *перелицевать*, *согласовать* и т. п.

Если ударение в инфинитиве падает на глагольную тему и вообще не на последний слог, то оно остается неподвижным во всей системе спряжения. Если же ударение падает на последний слог суффикса *-ова́ть*, то оно в основе настоящего времени ставится на *-у-* (*-у́ю*, *-у́ешь* и т. п.)[32].

В системе современного литературного языка намечается внутри этого класса явное противопоставление двух акцентологических типов: 1) книжного, к которому относятся слова на *-изировать*, *-ировать*, *-ствовать* с ударением на основе (исключение: *торжествовать*) и около 25 основ на *-овать*** тоже с ударением на основе; но ср.: *враждова́ть*, устарел. *врачева́ть* и некоторые другие глаголы.

2) общего «нейтрального», иногда даже с оттенком разговорности на *-ова́ть* (в заимствованных словах иногда *-ирова́ть*): *торговать*, *рисковать*, *тосковать*, *горевать* и т. п.

---

* Исключения: *богате́ть*, *ве́треть*, *и́ндеветь*, *па́смурнеть*, *опусте́леть*, *опроти́веть*. Ср. Paul Boyer, De l'accentuation du verbe russe («Livre du Centenaire de l'Ecole des langues orientales vivantes», Paris 1895, pp. 435—436). Ср. Г. Павский, «Филологические наблюдения», О глаголе (стр. 37).

** Вот эти слова: *беседовать*, *веровать*, *досадовать*, *жаловать(-ся)*, *жертвовать*, *завидовать*, *заведовать*, *изобиловать*, *исповедовать*, *командовать*, *орудовать (оборудовать)*, *памятовать*, *пользовать(-ся)*, *потчевать*, *праздновать*, *пробовать*, *радовать*, *расходовать* (ср. *заприходовать*), *следовать*, *соболезновать*, *советовать*, *сетовать*, *требовать*, *уродовать*. Большая часть этих слов церковно-книжного происхождения (ср. *соборовать*, *христосоваться*).

Противопоставление этих типов сказывается и в образовании видовых форм. Лишь в словах, принадлежащих ко второму типу (*-ова́ть*), возможны вторичные образования несовершенного вида на *-о́вывать* (*приторго́вывать*, *рассорти́ровывать*, *замаски́ровывать*, *сгруппи́ровывать* и т. п.). Современное просторечно-вульгарное образование *использовывать* противоречит грамматическим нормам литературного языка.

Впрочем, в заимствованных словах на *-и́ровать* наблюдается колебание между обоими акцентологическими типами, чаще без смысловой дифференциации (например: *баллоти́ровать*, *бомбарди́ровать* и др.; ср. также *брони́ровать*). Но в некоторых словах, заимствованных (с суффиксом *-и́ровать*) и исконно русских на *-ова́ть*, противопоставление двух типов ударения служит средством различения омонимов. Например: *планирова́ть* и *плани́ровать* (в авиации); *ми́ловать* и *милова́ть*; *ба́ловать* и *балова́ть* и некоторые другие.

Выделяются в особую замкнутую группу несколько (7) глаголов, в которых сочетание *-ова(ть)*, *-ева(ть)* не составляет суффикса. Оно возникло в результате соединения *-а-ть* с последними звуками основы на *-ов*: *ковать*, *блевать*, *плевать*, *жевать*, *клевать*, *сновать*, *совать* (формы настоящего времени: *-ую*, *-юю*, *-уешь* и т. п.; 3-е л. множ. ч. *-уют*, *-юют*). Эти 7 глаголов находятся на периферии III класса, лишь примыкая к нему.

IV. Глаголы с инфинитивом на *-ить* (при 3-м л. множ. ч. наст. вр. на *-ят*, *-ат*; в неударяемом положении — при орфографических *-ат*, *-ят* — произносятся *-ут*, *-ют*). Этот класс расширяется отыменными новообразованиями на *-ить* типа: *халтурить*, *приземлить*, *батрачить*, *раскулачить*, *орабочить*, *уплотнить*, *самоуплотниться*, *оказёнить*, *обобществить*, *озвездить* и т. п.

Небольшая группа глаголов в разговорной речи колеблется между IV классом и II: *стареться*, *-еюсь -еешься*, *-еются* и *стариться*, *старюсь*, *старишься*, *старятся*; *выздороветь*, *-ею*, *-еешь*, *-еют* и *выздоровить*, *-влю*, *-вишь*, *-вят*; *опротиветь*, *-ею*, *-еешь*, *-еют* и *опротивить*, *-влю*, *-вишь*, *-вят*.

В этом классе суффикс *-и-*, спаиваясь с флексией, вызывает чередование *в—вл*, *п—пл*, *м—мл*, *ф—фл*, *с—ш*, *з—ж*, *т—ч*, *д—ж* (*разграфить — разграфлю*, *обобществить — обобществлю* и т. п.). В части глаголов этого класса (в 127 основах)[33] ударение подвижно. Морфологические особенности этого класса сложнее, чем предыдущего (ср. образование форм страдательных причастий на *-нный*: *оплати́ть—опла́ченный*; ср. наст. вр. *оплачу́*; *позолоти́ть—позоло́ченный*, наст. вр. *позолочу́*; *осудить—осужденный*; наст. вр. *осужу́* и т. п.). Впрочем, тип глаголов с подвижным ударением (вроде: *хоронить*, *хвалить*, *сушить*, *душить*, *явить*, *учить*, *платить*, *сердить*, *тащить*, *кормить* и т. п.) непродуктивен. Новообразования имеют постоянное ударение (или на основе или на суффиксе).

Кроме находящихся на периферии этого класса слов: *длить*, *злить*, *льстить*, *мстить*, *чтить* (3-е л. множ. ч. *чтут* и *чтят*)

и устарелых *тщиться*, *тлить*, *мнить*, — все другие глаголы на *-ить*, *-ять* имеют не меньше двух слогов.

V. Глаголы с суффиксами недлительности, мгновенности, однократности *-ну́-*, *-ну-*, *-ану́-*, с инфинитивом на *-ну́ть*, *-нуть* (при 3-м л. множ. ч. наст.-буд. вр. на *-ну́т*, *-нут*), например: *бацнуть*, *крикнуть*, *стрельнуть*, *шмыгнуть* и т. п. Ударение неподвижное.

К этому же классу примыкает несколько глаголов, в которых суффикс *-ну-* уже не выделяется. Таковы: *минуть* в форме *минет* и *минул* (*минуло* и *минула;* ср. *миновать* — *миновал*) и *гнуть* (ср. *гинать; запнуться* — *запинаться*).

Сюда же тяготеют единичные глаголы на *-нуть* с подвижным ударением: *помяну́ть*, *обману́ть* (ср. также акцентологическое взаимодействие *гля́нуть* и *взгляну́ть*).

Совсем в стороне, на периферии этого класса располагаются четыре глагола несовершенного вида, два — с подвижным ударением: *тону́ть* и *тяну́ть* и два — с неподвижным ударением: *гнуть* и *лгнуть*.

§ 8. Общие морфологические черты в строе продуктивных классов глагола. Обособление непродуктивных групп

В продуктивных классах глагола грамматически влиятельны и активны лишь те производные слова и формы, которые легко разлагаются на основы и аффиксы. Периферийные, бессуффиксные типы основ в тех же классах непроизводны и малочисленны (например, *знать*, *гулять* и т. п.; *хранить*, *копить* и т. п.). Для всех продуктивных классов характерна прозрачность, наглядность системы окончаний и формообразующих суффиксов. В продуктивных классах глагола флексия или легко отделяется от суффикса (например, *шикаю*, *темнею*, *сортирую* и т. п.), или, напротив, частично растворяет, поглощает его в себе (например, *заземлю*, *стрельну*), сохраняя за его счет свой индивидуальный вес и вид. Флексия съедает форманту. Поэтому в системе живых глагольных классов ощутительна борьба с моносиллабизмом слова. Односложный тип слога (обычный в системе имен и местоимений и пополняемый «сокращенными существительными») непродуктивен в строе глагола. Живые типы современного глагола стремятся к унификации основы и к объединению, к «уподоблению» систем настоящего времени и инфинитива-прошедшего времени. В первых двух классах (I — *выигрывать*, *либеральничать* и т. п.; II — *светлеть* и т. п.) эта тенденция к унификации основ инфинитива и настоящего-будущего времени особенно ощутительна. Правда, в других классах глагола противопоставление этих основ очевидно (*рисовать* — *рисую* и т. д.). Однако и там это противопоставление не прямолинейно, не строго (ср. *заземлить* — *заземлил* — *заземлишь*, повел. *заземли;* ср. *стрельнуть*, *стрельнул* и наличие суффикса *-н-* в формах настоящего-будущего времени — *стрельнет* и т. п. у всех глаголов совершенного вида на *-ну-*; ср. фонологическую прозрачность чередования *-ов-* и *-у-* в *рисовать* — *рисую* и т. п.).

В непродуктивных группах глаголов, напротив, морфологические элементы слова не всегда расчленены и не всегда приведены в систему. Основы, их звуковые видоизменения, суффиксы, соединительные гласные окончаний тут слиты в такие фонетические, морфологические и лексические единства, компоненты которых с трудом распознаются и то иногда лишь при этимологическом анализе. Тут наблюдается множество реликтовых, остаточных морфологических чередований основ. В большей части непродуктивных групп глаголов основа инфинитива совсем оторвана от основы настоящего времени. В некоторых их них, наряду с инфинитивом и настоящим временем, выступает и форма прошедшего времени как равноправный с ними опорный пункт системы спряжения (например: *блюсти — блюду — блюл; брести — бреду — брел; сесть — сяду —сел; привыкнуть — привыкну — привык; толочь — толку — толок; беречь — берегу — берёг; лечь — лягу — лёг; запречь — запрягу — запряг — запрёг* и т. п.).

Впрочем, в части непродуктивных групп глагола обнаруживается некоторый параллелизм с продуктивными классами. Непродуктивные типы воспринимаются как выброшенные за борт живой грамматической системы, но еще цепляющиеся за нее остатки былых («исторических») морфологических соотношений. Среди этих непродуктивных грамматических групп находятся слова, наиболее употребительные в быту, обозначающие круг привычных и необходимых человеческих действий (*дышать, сидеть, сесть, лечь, лежать, спать, глядеть, видеть, слышать, есть, глодать, брать, дать, бежать, ехать, идти, звать, искать, лизать, мять, плакать, сосать, чесать, знать, расти, жечь, печь, бить, брить, мыть* и т. п.). Старый арсенал непроизводных глагольных слов, относящихся к простым и обычным бытовым действиям, постепенно выпадает из системы живых грамматических отношений. Становясь грамматически немотивированными, эти небольшие группы слов или даже отдельные слова еще глубже погружаются в живую систему лексики. Грамматика и лексика не только взаимодействуют, но и борются друг с другом. Отживающие морфологические типы уходят из грамматики в словарь. Они лексикализуются.

§ 9. Непродуктивные группы в морфологической системе русского глагола

За пределами продуктивных глагольных классов остаются такие непродуктивные группы русского глагола:

1. Глаголы на *-а-ть* (при отсутствии морфемы *-а-* в настоящем времени) с 3-м лицом множественного числа на *-ут*. Например: а) *алкать—алчут; бормотать—бормочут; вязать—вяжут; глодать—гложут; гоготать—гогочут; грохотать—грохочут; дремать—дремлют; жаждать—жаждут; искать—ищут; казать—кажут* (ср. с приставками: *вы-, до-, на-, от-, при-, по-,*); *клеветать—клевещут; клепать—клеплют; кликать—кличут; клохтать—*

клохчут; клокотать—клокочут; колебать—колеблют; лаять—лают; лизать—лижут; мазать—мажут; мыкать—мычут; низать—нижут; обязать—обяжут; пахать—пашут; писать—пишут; плакать—плачут; плескать—плещут; плясать—пляшут; опоясать—опояшут; прятать—прячут; прыскать—прыщут; резать—режут; рокотать—рокочут; роптать—ропщут; рыскать—рыщут; свистать—свищут; сеять—сеют; скакать—скачут; скрежетать—скрежещут; смеяться—смеются; стрекотать—стрекочут; сыпать—сыплют; таять—тают; тесать—тешут; топтать—топчут; трепать—треплют; трепетать—трепещут; тыкать—тычут; хлестать—хлещут; хохотать—хохочут; хлыстать—хлыщут; хлопотать—хлопочут; хныкать—хнычут; чесать—чешут; чуять—чуют; шептать—шепчут; щебетать—щебечут; щекотать—щекочут; щипать—щиплют и некоторые другие*; б) *врать—врут; ждать—ждут; жрать—жрут; лгать—лгут; орать—орут; рвать—рвут; ржать — ржут; сосать — сосут; стонать — стонут; ткать — ткут;* в) *брать —берут; драть — дерут; звать — зовут.*

Эта группа не пополняется новыми словами,—напротив, от нее постепенно откалывается ряд слов, которые переходят в продуктивный класс глаголов типа: *делать — делают.* Некоторые глаголы образуют двойные, параллельные формы настоящего времени вроде: *кудахтать—кудахтают* и *кудахчут; мурлыкать — мурлыкаю* и *мурлычу; брызгать — брызгаю* и *брызжу; махать—машу* и *машу; тыкать(ся) — тычу(сь)* и *тыкаю(сь); хныкать — хнычу* и *хныкаю; мыкать — мычут* и *мыкают; рыскать — рыскают* и *рыщут; хлестать — хлестает* и *хлещет* и т. п.

Ср. уже закончившийся переход глаголов *двигать, икать, лобзать, лакать, черпать, рыкать, страдать* (ср. устарелое *страждут*), *стругать, тягаться, фыркать* и т. п. в продуктивный класс I.

В некоторых глаголах двойственность формы используется как средство различения омонимов или разных значений одного слова. Так: *метать* (петли) — *мечут; метать* (бросать) — *метают* и *мечут; метать* (икру) — *мечут; капать* (в значении протекать, пропускать сквозь себя жидкость) — *каплю — каплешь*, например, *потолок каплет;* но *капать, капаю* — в значении: ронять капли на что-нибудь, например: *Он капает вином на скатерть* и т. п.

2. Небольшая (около 35 основ) группа глаголов на *-ать* (с основой настоящего времени без *-а*) при 3-м лице множественного числа на *-ат.*

---

* К этой группе сторонней примыкает замкнутая серия комбинированных форм от слов: *внять — внимать — внемлют — внимают*, малоупотребительное *внимут; изъять — изымать — изъемлют — изымают*, малоупотребительное *изымут; поднять — поднимать — подымать — подъемлют — подымают — подымут; объять — обнимать — объемлют — обнимают — обымут; отъять — отымать — отъемлют — отымают — отымут; приемлют — примут; разъять — разъемлют — разымут.*

Например: *бояться, бренчать, брюзжать, бурчать, верещать, визжать, ворчать, гнать, держать, дребезжать, дрожать, дышать, жужжать, журчать, звучать, кричать, лежать, молчать, мчать, мычать, пищать, рычать, слышать, спать, стоять, стучать, торчать, трещать, урчать* и некоторые другие.

Глаголы этой группы как бы сочетают форму инфинитива I класса *(-ать)* с формой настоящего времени IV класса: *спать*, но *сплю, спишь, спит* и т. п. Кроме глаголов: *бояться, гнать, мчать* (ср. *бежать)*, *держать, лежать, спать, молчать, слышать, стоять, торчать*, — все остальные слова этого типа обозначают звучание (*брюзжать, бурчать, визжать, ворчать, дребезжать, пищать, трещать* и т. п.). Ударение неподвижно (за исключением слов: *гнать, держать, дышать*).

3. Группа (около 45 основ) глаголов на *-еть* (с устранением морфемы *-е-* в формах настоящего времени) при 3-м лице множественного числа настоящего времени на *-ат, -ят*.

Например: *бдеть — бдят*; *блестеть — блестят (блещу, блестишь*, ср. *блещешь, блещут)*; *болеть — болит — болят* (ср. *болеть — болеют*); *велеть, вертеть, видеть, висеть, галдеть, глядеть, гореть, греметь, гудеть, дудеть, зависеть, звенеть*, устар. *зреть, зудеть, кипеть, кишеть, коптеть, корпеть, кряхтеть, лететь, ненавидеть, обидеть, пыхтеть*, областн. *свербеть, свирестеть, свистеть, сидеть, сипеть, скорбеть, скрипеть, смердеть, смотреть, сопеть, тарахтеть, терпеть, хотеть* (ср. *хочешь, хочет*, но: *хотим, хотите, хотят*), *храпеть, хрипеть, хрустеть, шелестеть, шипеть, шуметь* и некоторые другие*.

Глаголы этой группы сочетают форму инфинитива II класса *(белеть)* с формами настоящего времени IV класса. Некоторые исследователи объединяют все эти три группы глаголов в один класс.

4. Глаголы (60) с суффиксом состояния *-ну-* (в прошедшем времени обычно без *-ну-*): *-бегнуть* (с приставками: *из-, при-*), *блекнуть, брюзгнуть, бухнуть* (с приставками *на-, раз-*), *-вергнуть* (с приставками: *в-, из-, низ-, от-, по-, под-, опро-, с-*), *виснуть, вязнуть, вянуть, гаснуть, гибнуть, глохнуть, горкнуть, грузнуть, дохнуть, дрогнуть, дрыхнуть, жухнуть, зябнуть, киснуть, крепнуть, липнуть, мерзнуть, меркнуть, мокнуть, мякнуть, никнуть, пахнуть, пухнуть, сипнуть, слабнуть, слепнуть, сохнуть, стынуть, тускнуть, тухнуть, хрипнуть, чахнуть* и др. Ср. глаголы, сложенные с приставками: *воздвигнуть, воскреснуть, разбухнуть, извергнуть, повиснуть, погрязнуть, отвыкнуть, привыкнуть, свыкнуться, заскорузнуть, достигнуть, настигнуть, иссякнуть, исчезнуть, стихнуть, исторгнуть, разверзнуть, за-*

*Павский отмечал, что эта группа преимущественно «включает глаголы среднего залога, которыми изображаются по большей части внешние явления света, звука, запаха, перенимаемые глазом, ухом, обонянием, и изредка внутренние сердечные ощущения» («Филологические наблюдения», О глаголе, стр. 63).

тихнуть и т. п. Ударение у глаголов этой группы всегда предшествует суффиксу *-ну-*.

В индивидуальном употреблении некоторые из глаголов этой группы еще иногда сохраняют *-ну-* в формах прошедшего времени на *-л* и причастия прошедшего на *-вший*. Таковы: *погрязнул—погрязнувший; избегнул—избегнувший; прибегнул—прибегнувший, низвергнул—низвергнувший; завязнул—завязнувший; заглохнул—заглохнувший; дрыхнул—дрыхнувший; окрепнувший*, но *окреп; померкнул—померкнувший; умолкнул—умолкнувший; поникнул—поникнувший; достигнул—достигнувший; вторгнулся—вторгнувшийся; иссякнул—иссякнувший; затихнул—затихнувший.*

5. Группа (7 основ) глаголов с инфинитивом на *-ть, -ти* без соединительной морфемы, с формами настоящего времени на *-у, -ут* и с бессуффиксной формой прошедшего времени в мужском роде единственного числа (на *-з, -с*): *везти — везут* (прошедшее *вез*); *грызть — грызут* (прошедшее *грыз*); *лезть — лезут (лез); нести — несут (нес); пасти — пасут (пас); ползти — ползут (полз); трясти — трясут (тряс*, произносится *трёс).*

6. Группа (16 основ) глаголов с инфинитивом на *-ч (-чь)*, которому соответствуют заднеязычные *г* и *к* в основе прошедшего времени (*печь —пёк; мочь — мог* и т. п.), а также в основе 1-го лица единственного и 3-го лица множественного числа настоящего времени: *беречь, влечь, волочь, жечь, лечь (лягут — лег), мочь, облечь, печь, пренебречь, запрячь (выпрячь, отпрячь), изречь (обречь, наречь, отречься, заречься), сечь, стеречь, стричь, течь, толочь.* Противопоставление основ настоящего и прошедшего времени в глаголе *жечь* выражается «беглостью» гласного: *жгу — жег*, в других (кроме *лечь*) глаголах, у которых есть в основе звук *е*, — чередованием *е—о*: *берегу — берёг, пеку — пёк* (но: *выпек*), *теку — тёк* (но: *вытек*) и т. п.

7. Группа (около 20 основ) глаголов с инфинитивом на *-сть, -сти*, с основой настоящего времени на зубной (при 3-м л. множ. ч. на *-ут*) и с формой прошедшего времени на *-л* (без предшествующего зубного): *блюсти — блюдут (блюл); брести — бредут (брел); вести — ведут (вел); гнести — гнетут* (прошедшее время *гнел* не употребляется); *грясти* (неупотр.). — книжное *грядут* (прошедшего нет); *гудет — гудут* (инфинитив *густи* не употребляется; форма прошедшего времени *гул* давно исчезла под влиянием омонимии с существительным *гул*; ср. у Некрасова: «Идёт-гудёт зеленый шум»); *класть, красть, мести, обрести, пасть, плести, прясть, рассвести (рассветет), сесть (сядут*, прошедшее время *сел*); *цвести, -честь (прочесть, зачесть, вычесть, счесть, начесть, обчесть, перечесть, учесть, причесть).*

Обособленно стоят два глагола на *-сти* с основой на губной в настоящем и прошедшем времени: *грести — гребут* (прошедшее *грёб;* ср. *погребут*); *скрести — скребут* (прошедшее *скрёб*) и два изолированных глагола: *клясть — кляну — клял* и *расти — расту — рос.*

Конечно, *расти* исторически образовалось из *раст-ти*, а *клясть* заменило *клять* по какой-то аналогии.

8. Изолированная группа (4 основы) глаголов с инфинитивом на *-еретъ*, с формой прошедшего времени на *-ер* и с основой настоящего времени на *-р-* без предшествующего *е*: *умеретъ — умру (умер); переть — пру (пёр); теретъ —тру (тёр); простеретъ — простру (простёр).*

Глаголы 5-й, 6-й и 7-й группы некоторыми исследователями (например, Н. Н. Дурново) объединяются в один класс. (Сюда же иногда включаются и глаголы 10-й группы: *мереть, теретъ, переть, простеретъ.)*

9. Группа (5 основ) односложных глаголов на *-итъ*, в которых корневому звуку *-и-* инфинитива соответствует *j* в основе настоящего времени и *е* в форме повелительного наклонения: *битъ, витъ, литъ, питъ, шитъ.* Отдельно: *брить — бреют; гнить — гниют;* ср. также устарелое *почить — почиют.*

10. Примыкающая к предшествующей группа (5 основ) глаголов с односложным корнем инфинитива на *-ы(тъ)* при основе настоящего времени на *-oj* и при 3-м лице множественного числа *-ают: выть, нытъ, крытъ, мытъ, рытъ.* Отдельно: *петъ — поют.*

11. Изолированная группа (4 основы) глаголов на *-олоть, -оротъ* при 3-м лице множественного числа настоящего времени на *-олют, -орют: колоть, боротъ(ся), полоть, пороть;* отдельно: *молоть — мелют.*

Кроме того, можно наметить еще несколько окаменелых групп из трех-двух основ:

12. *дуть — дуют; разуть —разуют; обуть — обуют.*

13. *жить — живут; плыть — плывут; слыть — слывут.*

14. *давать — дают; знавать — знают (дознаваться, зазнаваться, познавать, признавать, сознавать, узнавать); -ставать — -стают (ср. недостает, вставать, восставать, заставать, наставать, отставать, переставать, приставать, уставать, расставаться, оставаться* и т. п.); *создавать — создают* (ср. *создать —создам*).

15. *деть — денут; стать — станут; завять — завянут; застрять — застрянут.*

16. *взять — возьмут; занять — займут; нанять — наймут; унять — уймут; понять — поймут; принять — примут* и т. п. (все сложные с *-н(ять);* ср. *начать — начнут; зачать — зачнут; почать — почнут* (все глаголы сложные с *-чать*); *жать — жмут; жать — жнут; мять — мнут; распять — распнут.*

17. *живописать — живописуют; притязать — притязуют*, ср. архаическое *указуют* от *указывать;* ср. *обязуют(ся), наказуют, испытуют (*ср. *испытующий взгляд*).

Наконец, выступают поодиночке, редко — парой, изолированные основы глаголов: *слать — шлют; -шибить, -шибу, -ешь*, например: *ошибиться — ошибусь (ср. ошибся)*, ср. сложные: *зашибить, отшибить, ушибить, перешибить* и т. п.; *реветь — ревут; быть — будут.*

Так, среди непродуктивных глагольных групп и среди изолированных глаголов оказываются глаголы с двойными основами, например: *блестеть — блещут — блестят; гнать — гонят; петь — поют* и т. п.

Сюда же примыкают глаголы с комплексом разнотипных форм: *дать — дам — дашь — даст — дадим — дадите — дадут*, прошедшее *дал* (ср. *создать — создам*); *есть — ем — ешь — ест — едим — едите — едят*, прош. *ел*; ср. *надоесть*; ср. *идти — иду — идешь — идут*, прош. — *шел; ехать — еду — ехал*; ср. *чтить — чту*.

Так непродуктивные группы глаголов, уменьшаясь в объеме, постепенно выходят за пределы грамматики. Грамматические ряды слов, размельчаясь, превращаются в «лингвистическую пыль» и рассеиваются поодиночке. Глагольные слова из системы грамматически однородных форм, образуемых от одной и той же основы, превращаются в систему разнотипных форм, образованных от разных основ, а иногда и от разных корней. Отдельные глаголы типа *ехать, идти, быть* и т. п. выступают как замкнутые системы форм, восходящих к разным словам.

§ 10. Связь системы глагольного словообразования с системой спряжения

Морфологические особенности основных продуктивных классов и непродуктивных групп глагола отражаются в системе спряжения (ср. разные виды отношения основы инфинитива к основе настоящего времени в разных классах глагола; ср. различия в образовании форм прошедшего времени в разных непродуктивных группах глагола и т. п.). Анализ общих приемов словообразования и формообразования глаголов — необходимое введение в учение о системе спряжения. С системой спряжения связаны все основные категории глагола — категории лица, числа (а также рода для форм прошедшего времени и условно-сослагательного наклонения), времени, наклонения, вида и залога.

3. КАТЕГОРИЯ ЛИЦА (а также ЧИСЛА И РОДА)

§ 11. Категория лица как фундамент сказуемости

Категория лица в глаголе обнаруживает тесную связь с категорией лица в классе местоимений (ср. *вижу* и *я видел, видишь* и *ты видел* и т. п.). Лиц в системе глагола столько же, сколько личных местоимений. Здесь сохраняет всю свою силу принцип противопоставления говорящего субъекта (*я*), автора речи, собеседнику (*ты*) и кому-то или чему-то третьему (*он, она, оно, они*). Но между категорией лица у глагола и категорией лица у имен существительных — большая разница. В области имен существительных категория лица подчинена категории одушевленности, а категория оду-

шевленности входит в общую категорию предмета (предметности). В глаголе, напротив, предмет, являющийся источником действия, грамматически изображается как личный деятель. Он подчинен категории лица. Особенно ощутителен этот оттенок грамматического «олицетворения» предметов при сопоставлении таких конструкций: *оленя ранило стрелой* и *оленя ранила стрела*. Однако грамматическое различие между лицом в собственном смысле (1-м и 2-м лицом) и лицом-предметом (или предметом в роли лица) выступает очень заметно. И тут также есть аналогия между категорией лица в глаголе и категорией лица в классе местоимений (ср. предметно-личное значение местоимения 3-го лица). В грамматическом значении деятеля, производителя глагольного действия, сказывается это различие категорий лица и не-лица. Формы так называемого 3-го лица глагола существенно отличаются от форм 1-го и 2-го лица (так же как в классе местоимений). Категория лица справедливо выдвигается грамматистами в ряд основных синтаксических категорий глагола (наряду с формами времени и наклонения). Синтаксическое изучение глагольных конструкций должно выяснить роль глагольных форм в строе разных типов словосочетаний, предложений и синтагм. С понятием предложения во многих синтаксических концепциях сочетается вопрос о формах сказуемости. Едва ли не большая часть современных синтаксических теорий самое понятие предложения ставит в зависимость от наличия verbum finitum[34], т. е. глагольных форм, имеющих значения лица, времени и наклонения (это и есть, по традиционному учению, формы сказуемости). Однако грамматическое выражение времени отсутствует в высказываниях, синтаксическим центром которых является повелительное или сослагательное (условно-желательное) наклонение. «Прощай, свободная стихия» (Пушкин). «Шуми, шуми, послушное ветрило, Волнуйся подо мной, угрюмый океан» (Пушкин). «О, хоть бы ты издохла» (Л. Толстой, «Крейцерова соната»). «Да это бы еще куда ни шло» (Тургенев, «Однодворец Овсяников»). Основное организующее значение «сказуемости» приходится приписывать формам лица и наклонения. Некоторые грамматисты, ссылаясь на безличные или бессубъектные предложения, готовы видеть фундамент сказуемости в формах наклонения и шире: в категории модальности, которая может иметь не только морфологическое, но и разнообразное синтаксическое (в том числе и интонационное) выражение.

В защиту этого мнения можно привести многое. Понятие предложения, действительно, связано с признаком модальности высказывания. Модальная окраска присуща и неглагольным предложениям (например: *Пожар! так ли это?* и т. п.). Можно думать, что значение модальности неотделимо от понятия предложения. Типы предложений обусловлены модальными различиями. Естественно, что в предложениях глагольного строя модальность высказыванья выражается прежде всего формой наклонения (а также интонацией, как и в других типах предложений). Но в русской лингвистике еще

со второй половины XIX в. укрепилась вера в синтаксическое главенство формы лица. «Личный глагол, — писал В. Ф. Андреев,— выражает независимое понятие конкретно, наглядно. Из всех формальных признаков verbi finiti наиболее способствующий конкретности, или наглядности, есть обозначение лица и числа...». Глагол «служит сказуемым не потому, что он имеет время, вид и залог, а главнейше потому, что он способен указывать лицо; словом, в глаголе, служащем в предложении сказуемым, мы считаем главнейшим признаком лицо»[35].

§ 12. Синтетические и аналитические приемы выражения лица

Приемы выражения категории лица в русском глаголе основаны на том же противопоставлении форм настоящего времени и повелительного наклонения инфинитиву и формам прошедшего времени, которое явственно отражается и в системе глагольного словообразования и формообразования.

В настоящем времени и повелительном наклонении формы лица (по крайней мере, в настоящем времени 1-го и 2-го, в повелительном наклонении 2-го) выражаются окончаниями (в настоящем времени: *-у(-ю)*, *-шь*, *-м*, *-те;* в повелительном наклонении 2-го лица *-ь*, *-и*, *-те)*. Здесь категория лица носит яркий отпечаток синтетического строя. Но те же личные формы употребляются и в сочетании с личными местоимениями. Тут сказывается влияние аналитических личных форм глагола (ср. формы прошедшего времени и условно-сослагательного наклонения), а отчасти влияние тех случаев, когда логический или эмоциональный акцент вызывал присоединение личных местоимений к личной форме глагола («я говорю: промчатся годы»; «ты вянешь и грустишь» и т. п.).

Не подлежит сомнению, что в стилях современного книжного языка формы настоящего времени 1-го и 2-го лица в сочетании с личными местоимениями являются более нормальными и нейтральными, чем соответствующие формы без личных местоимений. Сознательное, намеренное устранение местоимений выражает разнообразные экспрессивные оттенки. Вот иллюстрация из патетической речи человека, проглоченного крокодилом, в «Крокодиле» Ф. М. Достоевского: «В результате — я у всех на виду, и хоть спрятанный, но первенствую. Наученный опытом, представляю из себя пример величия и смирения перед судьбою. Буду, так сказать, кафедрой, с которой начну поучать человечество. Даже одни естественно-научные сведения, которые могу сообщить об обитаемом мною чудовище, — драгоценны. И потому не только не ропщу на давешний случай, но твердо надеюсь на блистательнейшую из карьер». Эта манера повторного употребления личных форм глагола без местоимения объясняется и комментируется таким образом: «Всего более обозлило меня то, что он почти уже совсем перестал употреблять личные местоимения — до того заважничал».

Ср. у того же Достоевского в повести «Село Степанчиково и его обитатели»: «Подхожу сегодня к зеркалу и смотрюсь в него, — продолжал Фома, торжественно пропуская местоимение *я*. — Далеко не считаю себя красавцем, но поневоле пришел к заключению, что есть же что-нибудь в этом сером глазе, что отличает меня от какого-нибудь Фалалея».

Напротив, в обычной разговорной речи и в повествовательном стиле простые формы 1-го и 2-го лица настоящего времени (без местоимений), повидимому, преобладают или во всяком случае равноправны с формами, осложненными местоимением. Необходимо внести стилистические ограничения в такой вывод А. М. Пешковского: «Присутствие личных слов можно рассматривать в русском языке как норму, а отсутствие их как отступление от нормы, имеющее всякий раз свои причины и свой смысл»[36].

Анализ форм лица в строе повелительного наклонения, вследствие экспрессивных своеобразий этого наклонения, не следует отделять от общего анализа функций повелительного наклонения в русском языке (см. § 63).

Напротив, формы лица в прошедшем времени (и в условном наклонении) выражаются аналитически присоединением личных «префиксов», личных местоимений 1-го и 2-го лица (*я ходил*, *ты ходил*, *мы ходили*, *вы ходили*)*.

Таким образом, категория лица в системе русского глагола имеет двойственную морфологическую структуру (синтетическую и аналитическую). Однако эта двойственность обнаруживается лишь в формах 1-го и 2-го лица. Форма 3-го лица и в этом отношении резко отделяется от них**.

§ 13. Грамматические отличия форм 1-го и 2-го лица от формы 3-го лица

В русском глаголе вырисовываются следующие соотношения и противопоставления внутри категории лица:

1. Личные и неличные формы. Как неличная

* Понятно, что на фоне синтетических форм лица настоящего времени — во вполне ясном устно-бытовом контексте или при наличии соответствующих экспрессивно-стилистических мотивов — и формы прошедшего времени и условного наклонения могут употребляться без личных префиксов в значении 1-го и 2-го лица. Например: «Да ведь сам собою дошел, собственным умом» (т. е. я дошел) (Гоголь, «Ревизор»). «А видел ли слона? Каков собой на взгляд?» (Крылов, «Любопытный»). «Ишь нарезался! — крикнул кто-то ему, когда он вышел на канаву» (Достоевский, «Преступление и наказание»). «Назвался груздем — полезай в кузов» (пословица). «Войдя в номер, зажгли свечу и в самом деле увидели гроб» (т. е. мы) (Чехов, «Страшная ночь»). «Пошли бы погуляли, а мы подождем» (Островский, «Гроза»). «Бить тебя? Била бы, да где же мне сил взять?» (Чехов, «Случай с классиком») — и многие другие.

** Возможно, что в этом функциональном обособлении формы 3-го лица сказываются своеобразия ее исторической судьбы и происхождения. Повидимому, некогда форма 3-го лица единственного числа представляла необосложненную личным суффиксом основу и таким образом морфологически

форма, выступает форма 3-го лица, особенно в единственном числе. Ее личное значение только потенциально. Оно обусловлено обязательным наличием или подразумеванием субъекта. Оно целиком синтаксично. С этой точки зрения безличные глаголы должны расцениваться как неличные формы, выведенные за пределы категории лица (и категории рода), а следовательно, и числа.

2. В личных формах, в свою очередь, форма 2-го лица употребляется как обобщенно-личная. Контекст определяет, относится ли, например, форма 2-го лица единственного числа к любому лицу (*умрешь — похоронят*), или к самому говорящему, т. е. к 1-му лицу (*пойдешь, бывало;* «От утра до ночи всё на ногах, покою не знаю, а ночью лежишь под одеялом и боишься, как бы к больному не потащили» (Чехов, «Дядя Ваня»), или к конкретному собеседнику[37], т. е. к единичному *ты*. Повидимому, ближайшим переносным значением формы 2-го лица, прежде всего, естественно, связываемой с представлением о конкретном единичном собеседнике, является применение ее к самому говорящему лицу как к потенциальному представителю любого собеседника. При таком употреблении формы 2-го лица собеседник ставится в положение самого говорящего лица. Он делается эмоциональным участником его действий. Например: «И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, такая пустая и глупая шутка». Ср. «Я женщина беззащитная, слабая, замучилась до смерти... И с жильцами судись, и за мужа хлопочи, и по хозяйству бегай, а тут еще говею, и зять без места...» (А. Чехов, «Беззащитное существо»). Обобщенно-личное значение формы 2-го лица является дальнейшим логическим развитием ее переносных употреблений. Ср. в письме П. В. Анненкова к И. С. Тургеневу (от 16 ноября 1857 г.): «Со мной происходит под старость печальная чепуха: я перестал говорить, а стало и думать, о чем-либо серьезном: там подтвердишь, тут возразишь, здесь подшутишь, а собственная мысль, какая бы ни была, гниёт где-то в мозговом подвале и вытащить её не хочется ни для кого».

Эти соотношения и противопоставления форм лица были очень тонко и глубоко описаны еще Буслаевым, который сопоставил употребление форм лица с употреблением личных местоимений. Буслаев связывал грамматические отличия форм 1-го и 2-го лица от форм 3-го лица с различиями категорий лица и предмета: «1-е и 2-е лицо, означая отношение между говорящим и слушающим, принадлежат собственно одушевленным предметам, и преимущественно лицам». А 3-м лицом «можно означать и лица и неодушевленные предметы»*.

резко отделялась от форм 1-го и 2-го лица. Быть может, этим и объясняется употребление формы 3-го лица в качестве безличной формы (*морозит, светает, тошнит* и т. п.). Ср. Шахматов, Синтаксис русского языка, вып. II, стр. 51.

* «Опыт исторической грамматики», II, стр. 187. Интересно, что в XIX в. стерлось то синтаксическое различение местоимений 3-го лица и не-лица, которое отражалось в правиле о применении *его, ему, ее* и т. п. к лицу, а *оного, оной* и т. п. — к предмету.

Например, различие между формами 1-го и 2-го лица и формой 3-го лица прошедшего времени целиком определяется различием значений личных местоимений, которые выполняют здесь роль префиксов: личные местоимения 1-го и 2-го лица противостоят предметно-личным местоимениям 3-го лица. Характерно, что в других славянских языках (например, в чешском, польском, словацком) только форма 3-го лица прошедшего времени (перфекта) образуется без вспомогательного глагола[38].

Буслаев же отметил и потенциальную личную неопределенность форм 2-го лица: «У нас местоимение *ты* может употребляться вместо кого-нибудь вообще. Такое обозначение неопределенного лица 2-м дает общему понятию свежесть непосредственного отношения к лицу слушающему». Например, у Крылова: «Так души низкие, будь знатен, силен ты, не смеют на тебя поднять они и взгляда» (246); у Жуковского: «То вдруг целая стена, треснувши, наклонилась и грозится тебя задавить» (VII, 188)[39]. Буслаев указывал также, что и множественная форма 2-го лица *вы* при глаголе имеет такой же оттенок неопределенно-личного значения.

Иллюстрацией может служить отрывок из «Леса и степи» И. С. Тургенева: «... то велишь заложить беговые дрожки и поедешь в лес на рябчиков. Весело пробираться по узкой дорожке между двумя стенами высокой ржи. Колосья тихо бьют вас по лицу, васильки цепляются за колеса, перепела кричат кругом, лошадь бежит ленивой рысцой. Вот и лес. Тень и тишина. Статные осины высоко лепечут над вами... Вы едете по зеленой испещренной тенями дорожке...» Ср. у Пушкина в «Путешествии в Арзрум»: «Здесь [в Дарьяльском ущелье] так узко, — пишет один путешественник, — что не только видишь, но, кажется, чувствуешь тесноту. Клочок неба, как лента, синеет над вашей головой».

Акад. А. А. Шахматов в своем «Синтаксисе» отмечал, что глагольные формы 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа настоящего времени, непосредственно «означая сочетание субъекта с предикатом, субстанции с признаками» (так как указание на лицо, на производителя действия включено уже в их морфологическую структуру), являются формами, всегда господствующими в речи. Между тем «в литературном языке только в зависимой форме употребляется 3-е лицо единственного спрягаемого глагола, как сочетающееся с подлежащим в качестве сказуемого» («Жар пылает. Как пахарь, битва отдыхает. Кой-где гарцуют казаки. Ровняясь, строятся полки. Молчит музыка боевая» — Пушкин). «Форма 3-го лица множественного числа в одних соединениях имеет значение господствующего слова, означая сочетание неопределенного лица во множественном числе с глагольным признаком, в других — зависимого слова, а именно в сочетании с подлежащим»[40].

Грамматическая антитеза форм 1-го и 2-го лица и формы 3-го лица подтверждается еще и тем, что в страдательном значении возвратные «формы на *-ся* употребляются только в 3-м лице единственного и множественного» [41], а для выражения 1-го

и 2-го лица употребляются преимущественно причастные конструкции.

Итак, анализ грамматических форм и функций 1-го и 2-го лица необходимо отделить от изучения формы 3-го лица: с 3-м лицом глагола связан целый ряд своеобразных грамматических особенностей.

§ 14. Значения и употребления форм 1-го лица единственного и множественного числа

С грамматической точки зрения наболее устойчива и наименее многозначна форма 1-го лица единственного числа как форма субъекта речи. Правда, в некоторых случаях возможно экспрессивное замещение формы 1-го лица формой 3-го лица, когда субъект характеризует себя со стороны как постороннее лицо. Ср. у Л. Толстого в «Войне и мире» — о Наташе: «Это удивительно, как я умна, и как... она мила», — продолжала она, говоря про себя в третьем лице и воображая, что это говорит про нее какой-то очень умный, самый умный и самый хороший мужчина».

Кроме того, форма 1-го лица единственного числа иногда служит для обозначения обобщенного субъекта, и в этом случае индивидуально-личное значение ее ослабевает. Например: «Я мыслю — следовательно, существую». Особенно выразительно такое обобщенное употребление в рассуждениях, в общих сентенциях (например, в поговорках: *Чье кушаю, того и слушаю* и т. п.). Однако и в этих случаях прямое отношение к говорящему субъекту, к *я* все же отчетливо сохраняется.

Гораздо более сложны и разнообразны возможности непрямого, переносного употребления 1-го лица множественного числа. Так, на формах глагола отражается экспрессивное употребление категории множественного числа вместо единственного, свойственное именам и местоимениям. Оно ведет к замене форм 1-го и 2-го лица единственного числа формами 1-го и 2-го лица множественного числа.

С глагольной формой 1-го лица множественного числа сочетаются такие переносные смысловые оттенки, соответствующие употреблению местоимения *мы:*

1. Говорящий (или пишущий) может пользоваться формой 1-го лица множественного числа вместо формы 1-го лица единственного в интересах скромности, как бы скрывая свою личность за другими, или, напротив, выставляя свою личность, себя как выразителя мысли и воли группы, целого коллектива, или же манерно придавая своей речи экспрессию величия, торжественности и авторской важности.

2. Кроме того, 1-е лицо множественного числа имеет значение участливой совокупности, совместности — в обращениях к собеседнику (вместо 2-го лица единственного и множественного числа). А. А. Шахматов указал, что этот оборот развился под влиянием французского языка. Например, у Писемского в «Ипохондрике»

Канорич говорит про сестру, обращаясь к ней самой: «Исправническому учителю сюртуки дарить так есть на что; а брату вытертой шубкой каждый день тычем глаза». Но ср. в очерке Гончарова «Иван Саввич Поджабрин» в разговоре слуги Авдея с Иваном Саввичем:

«—Я забыл вам сказать: дворник давеча говорил, что на вас хотят жаловаться...

— Кто? Кому? — с испугом спросил Иван Саввич.

— Хозяину жильцы.

— Жильцы? хозяину?

— Да-с: слышь женскому полу *проходу не даем...*».

3. Наконец, в обобщенных сентенциях 1-е лицо множественного числа может означать неопределенную группу лиц, с которой говорящий объединяет себя в силу солидарности, общности характера или привычек. Это так называемое неопределенное 1-е лицо множественного числа: *поживем — увидим*; *что имеем, не храним, — потерявши, плачем* и т. п.

§ 15. Значения и употребления форм 2-го лица единственного и множественного числа

В отличие от форм 1-го лица единственного и множественного числа, в которых даже при переносном употреблении отчетливо сохраняется отношение к конкретному субъекту речи, значение форм 2-го лица гораздо более неопределенно и растяжимо. Формы 2-го лица абстрактнее форм 1-го лица. Теряя прямое отношение к данному конкретному собеседнику, они получают обобщенное значение.

Форма 2-го лица единственного числа широко употребляется в неопределенно-личном смысле. Например: «Криком да бранью ничего не возьмешь» (И. Тургенев, «Контора»). «На чужой роток не накинешь платок, — сказал хозяин» (Ф. Сологуб, «Мелкий бес»). «Любишь кататься — люби и саночки возить».

В себя ли заглянешь, — там прошлого нет и следа:
И радость, и муки, и все там ничтожно...

(Лермонтов.)

Ср. обобщенно-личное употребление формы 2-го лица при наличии местоимения *ты:* «Вот не доедем, да и только, домой. Что ты прикажешь делать?» (Гоголь, «Ревизор»). «Вот поди ж ты! Отыми у него деньги, вся цена ему грош, а везде ему почет» (Островский). «Наскучило идти, — берешь извозчика... а не хочешь заплатить ему — изволь: у каждого дома есть сквозные ворота, и ты так шмыгнешь, что тебя никакой дьявол не сыщет» (Гоголь, «Ревизор») и т. п.

Ср. неопределенно-личное употребление формы повелительного наклонения:

Безумец я. Чего ж я испугался?
На призрак сей подуй — и нет его.

(Пушкин, «Борис Годунов».)

Форма 2-го лица единственного числа при обращении к лицу, не родственному, не близкому и не связанному тесно и интимно с субъектом речи общностью семейных, бытовых или общественных интересов, заменяется формой 2-го лица множественного числа.

Форма 2-го лица множественного числа, как и форма 2-го лица единственного числа, может обозначать не конкретных собеседников, а неопределенных слушателей или читателей. Например: «За четверть часа до захождения солнца, весной, вы входите в рощу, с ружьем, без собаки. Вы отыскиваете себе место где-нибудь подле опушки, оглядываетесь, осматриваете пистон, перемигиваетесь с товарищем... Птицы болтливо лепечут; молодая трава блестит веселым блеском изумруда... вы ждете» (Тургенев, «Ермолай и мельничиха»).

Соотносительные формы 1-го и 2-го лица, указывающие на говорящего и его собеседника в определенно-личном и неопределенно-личном их понимании, противопоставляются предметно-личным формам 3-го лица.

§ 16. Определенное предметно-личное и неопределенно-личное употребление форм 3-го лица

Форма 3-го лица синтаксически сочетает признаки определенно-личного отношения к деятелю или производителю действия с возможностью полного устранения субъекта действия.

Обычно формы 3-го лица согласуются с обозначениями производителей действия, которыми могут быть названия лиц и предметов. Например:

Толпа жужжит, за стол садясь...
. . . . . .
На миг умолкли разговоры.
Уста жуют. Со всех сторон
Гремят тарелки и приборы,
Да рюмок раздается звон.

(«Евгений Онегин», 5, XXVIII — XXIX.)

Дробясь о мрачные скалы,
Шумят и пенятся валы,
И надо мной кричат орлы,
И ропщет бор,
И блещут средь волнистой мглы
Вершины гор.

(Пушкин, «Обвал».)

Обобщенно-личное (или, вернее, неопределенно-личное) употребление формы 3-го лица единственного числа вызывается необходимостью умолчания о субъекте действия *. Такое употребление возможно лишь при отсутствии прямых морфологических и синтаксических указаний на 3-е лицо. Неопределенно-личное или обобщенно-личное значение формы 3-го лица свойственно главным образом прошедшему времени и условно-желательному (или сослагательному) наклонению. Лицо в этих случаях не называется, но

* Ср. иного рода мотивы устранения названий субъекта действия: «Мать... быстро спросила:
— Что? что?
— Прислала... — сказал сын, подавая ей письмо. Имя Зины и даже слово «она» не произносилось в доме. О Зине говорили безлично: «прислала», «ушла»...» (Чехов, «Соседи»).

и не устраняется: оно усматривается из общего смысла сентенции и из форм рода (ср. связь среднего рода с безличностью).

Между тем флексия 3-го лица единственного числа настоящего времени в литературном языке допускает лишь два понимания, два осмысления. Она или выражает связь действия с определенным лицом и предметом, или же указывает на устранение лица и предмета из сферы действия, на безличность действия. Поэтому она не может (или может только в исключительных случаях) обозначать обобщенное представление о лице. Форма же прошедшего времени на *-л* без личного префикса может выражать действие, принадлежащее еще не названному или подразумеваемому лицу. Поэтому она и получает в сентенциях обобщенно-личный смысл. Например: *Либо пан, либо пропал; Метил в ворону, а попал в корову; Людей-то у нас один-другой—да и обчелся* и т. п.

Есть резкое грамматическое различие в употреблении форм 3-го лица единственного и множественного числа. Формы 3-го лица множественного числа любого времени, если при них не обозначен производитель или носитель действия, свободно относятся к неопределенному лицу, т. е. они в этих случаях не указывают на определенного производителя действия, а предполагают множественную неопределенно-личную массу в качестве действующей среды (ср. французское on, немецкое man). Например: «А в трактир, говорят, привезли теперь свежей семги» (Гоголь). «К купальщикам тихо подкрадывалась акула. Их всех выгнали из воды, а акуле сначала бросили бараньи внутренности..., а потом кольнули ее острогой» (Гончаров, «Фрегат Паллада»). «Я любил мартовские сумерки, когда начинало морозить и когда зажигали газ» (Достоевский, «Идиот»).

В этом неопределенно-личном употреблении форма 3-го лица множественного числа переходных глаголов является синтаксическим синонимом личных конструкций с причастием страдательного залога, в которых грамматическое лицо или действующий предмет является не настоящим производителем действия, а лишь «точкой приложения процесса» («point d' application du procès», по выражению А. Meillet)[42]. Например: *поле вспахали* и *поле вспахано*.

Этим синонимическим соответствием подчеркивается личное значение формы 3-го лица множественного числа, отношение ее к неопределенному лицу (*люди, кто-то*). При отсутствии такого отношения была бы невозможна синонимическая замена неопределенно-личной формы 3-го лица личной страдательной конструкцией. (Ср. оттенки выражений: *Ребенка убили топором, Ребенок был убит топором*, и полное изменение смысла в безличном предложении: *Ребенка убило топором.*)

Таким образом, хотя неопределенно-личное употребление глагольных форм резко отличается по своим значениям и оттенкам от собственно-личного их употребления, однако в них есть нечто общее: это наличие грамматического отношения — прямого или скрытого — к производителю действия.

§ 17. Процессы устранения 3-го лица и безличное употребление формы 3-го лица единственного числа от личных глаголов

Совсем иная картина грамматических соотношений вырисовывается в безличном употреблении форм 3-го лица. А. А. Потебня и Д. Н. Овсянико-Куликовский[43] установили градацию разных степеней безличности[44]. Переход от личного употребления к безличному намечается в формах 3-го лица с мыслимым, но неизвестным субъектом. Например, в рассказе «Собака» Тургенева: «И представьте вы себе, господа: только что я задул свечу, завозилось у меня под кроватью. Думаю: крыса? Нет, не крыса: скребет, возится, чешется... Наконец, ушами захлопало». Ср. у Л. Толстого в рукописном варианте «Войны и мира»[45]: «За занавесом, как мыши, таинственно и незаконно шуршало и шевелилось». Ср. у Достоевского в «Бесах» диалог между Marie и Шатовым перед родами:

«— Да неужто вы не видите, что началось?

— Что началось, Marie?

— А почем я знаю. Я разве тут знаю что-нибудь...

— Marie, если-б ты сказала, что́ начинается... а то я... что я пойму, если так?..

— Да неужели вы, наконец, не видите, что я мучаюсь родами?..».

Ср. у Лескова в «Соборянах» (в речи просвирни):

— Боже, кто это тебя, Варначок, так изувечил? — вскрикнула, встретив запоздалого сына, просвирня.

— Никто-с, никто меня не изувечил. Ложитесь спать. Это на меня впотьмах что-то накинулось.

— *Накинулось!*

— Ну, да, да, да, впотьмах что-то накинулось, и только.

Старушка-просвирня зарыдала... — Это *они*, *они* тебя мучат, — заговорила, всхлипывая, старушка. — Да, теперь тебе уж не жить здесь, больше, Варнаша.

— Кто *они*? — вскрикнул недовольный Препотенский.

Старушка указала рукой по направлению к пустым подставкам, на которых до недавнего времени висел скелет, и, прошептав: «мертвецы», она убежала, крестясь, в свою каморку».

Здесь как бы ищется, хотя и не всегда находится, производитель действия, «лицо». Здесь, по остроумному замечанию Овсянико-Куликовского, «неопределенность не обобщения, а неведения».

В этих случаях, по словам Meyer-Lübke, «говорящий... замечает одно лишь действие, не заботясь о творце этого действия или не имея возможности создать себе представление о таковом, и потому выбирает ту форму verbi finiti, которая грамматически является наиболее неопределенной»[46]. Ср. у С. Голубова в повести «Атаман и фельдмаршал»: «Со всех сторон доносились странные звуки: там скрипнет, словно пожалуется; там свистнет или загогочет. А то вдруг отзовется таким внятным откликом, будто позвал человек человека»[47].

Степень устранения лица может быть различна. Разнородны бывают и внутренние мотивы и исторические причины устранения или отсутствия лица. Вопрос о генезисе безличных глаголов слишком сложен, чтобы углубляться в него при общем описании безличных форм и их функций в современном русском глаголе[18]. В современном языке безличные формы — живая и продуктивная категория. При этом между глагольными формами с устраняемым лицом или отвергаемым производителем действия и между глаголами безличными в собственном смысле наблюдаются резкие семантические различия. Колебание, смешение и взаимодействие этих крайних типов приводит к разнообразным переходным формам безличного употребления, в которых открывается множество тончайших стилистических оттенков русского языка*.

Грамматика русского глагола органически сплетается с его стилистикой.

Ср. у Гоголя: «Тихо светит по всему миру: то месяц показался из-за горы». У Тургенева: «Но все тихо; это, верно, показалось ему. Вдруг где-то в отдалении раздался протяжный, звенящий, почти стенящий звук, один из тех непонятных ночных звуков, которые возникают иногда среди глубокой тишины... Прислушаешься — и как будто нет ничего, а *звенит*». Ср. у Чехова в рассказе «Случай с классиком»: «В животе у него перекатывало, под сердцем веяло холодом, само сердце стучало и замирало от страха перед неизвестностью»; в рассказе «Аптекарша»: «Сердце у нее стучит, в висках тоже стучит».

Глагольные формы этого рода со скрытым или устраненным лицом очень продуктивны. Они являются заменой полных личных форм, внося во фразу свойственный им оттенок завуалированности деятеля, производителя признака. «Когда нужно отвлечь внимание от деятеля, представить действие совершающимся само собою, фатально, или очертить силу, стихийность действия и т. д., тогда такие обороты всегда к нашим услугам»[19]. Например, у Л. Толстого: «Он ли вез, или его гнало, он не знал» («Война и мир»); «Догадало меня попросить Тимофея сходить в книжную лавку» (Глеб Успенский, «На старом пепелище»). Ср. изречение Пушкина: «Чорт догадал меня родиться в России с душой и талантом». Ср. *И дернуло меня ему об этом рассказать* и *Дернула меня нелегкая* или *Чорт дернул меня ему рассказать об этом.*

Для понимания сущности категории безличности в современном

---

* И. Ф. Анненский заметил: «Народная речь представляет не мало примеров искусственного заполнения идеи предиката или идеи субъекта». Интересен, например, случай, который наблюдается в одной онежской былине (Гильфердинг, № 48):

«Оставлен есть оставеш на дороженки» («Журнал министерства народного просвещения», 1903, май, стр. 227). Ср. в «Сборнике загадок» Садовникова:

Хода ходит,
В избу не входит (СПБ, 1876, стр. 8, ср. 97).

Ср. в «Белорусском сборнике» Романова: «Виса висит, хода ходя; придя хода да за вису цап» (т. I, стр. 2).

языке важно отметить, что безличное употребление формы 3-го лица иногда входит в систему форм личного глагола и понимается на фоне личных форм и значений того же слова. В этих случаях отрицание или устранение лица является как бы грамматическим видоизменением личных форм того же слова. С личным и безличным употреблением одного и того же глагола связаны разные его лексические оттенки. Так, по словам А. М. Пешковского, во многих случаях, «один и тот же глагол без резкого изменения своего вещественного значения может быть употреблен то лично, то безлично»[50]. Ср.: *голова трещит — в голове трещит; сердце щемит — на сердце щемит; дует сильный ветер — здесь дует; льет как из ведра — дождь льет как из ведра*; *метет* — «на дворе метелица метет» и т. п. Ср.: «Жар свалил... Повеяла прохлада» и «повеяло прохладой»; «Ручьи текли. Не парил зной» (А. Толстой) и «Уже с полудня парило и в отдалении все погрохатывало» (Тургенев, «Затишье»); «Ветер накренил лодку» и «Лодку слегка накренило»; «Я тоже вздрогнул, словно холодом меня обдало. Мне вдруг стало жутко, как преступнику» (Тургенев, «Фауст») и «Запах померанцев обдал меня волной» (Тургенев, «Призраки»); «Меня жгло как огнем в ее присутствии» (Тургенев, «Первая любовь») и другие подобные.

«Отрицание конкретности проявления действователя ведет к видоизменению представления его самого и к его отрицанию»,— замечает Потебня[51]. Например: *меня так и тянет; так и подталкивает; так и подбивает; как рукой сняло; в три погибели согнуло*; *разнесло;* «Из сада несло сладким запахом лип» (Тургенев, «Затишье»); *раздуло; на душе скребет; меня ко сну немного клонит* (ср.: «Его клонил к подушке сладкий сон» — Лермонтов); *от жары к лени клонит* (ср.: «Лета к суровой прозе клонят» — Пушкин) и т. п.

С другой стороны, характерная для современного научного мышления борьба с мифологическими, анимистическими представлениями также ведет к устранению указания на деятеля и к образованию безличных выражений, например: *его убило электричеством* или *электрическим током* вместо: *его убило электричество.* Точно так же ощущение несоответствия между действием и его непосредственной причиной, его производителем, в таких, например, выражениях, как: *брус проломил ему голову, река несет лед, гром убивает человека* и т. п. — тоже порождает безличные формы изображения с творительным орудным. Ср. у Тургенева в рассказе «Степной король Лир»: «Ему брусом затылок проломило, и грудь он себе раздробил, как оказалось при вскрытии».

Действующий предмет, «лицо», устраняется, превращаясь в орудие или средство действия. Ср.:

Как молотком, стучит в ушах упреком.

(Пушкин.)

Нет ни в чем удачи:
То скосило градом,
То сняло пожаром.

(Кольцов.)

Языковая техника здесь использовала как материал отжившую идеологию. Потебня так и писал об этом:

«Оборот *громом убило* логически последователен, пока понимается так, что подлежащее сказуемого *убило* представляется неизвестным, но существующим, причем творительный означает орудие неизвестного лица. Если же лицо вполне отрицается, на позднейших ступенях понимания, то выходит противоречие: орудие без действующего лица. Подобное противоречие заключено в оборотах, в коих подлежащее налицо, а сказуемое представлено неопределенно-субъектным (бессубъектным, например: *пришло их тьма*)»[52].

Будучи живой и продуктивной формой представления действия вне отношения к деятелю, категория безличности открывает возможности адэкватного изображения процесса с неизвестным производящим лицом. Например: *Вчера на постройке задавило человека*; ср. у Чехова в рассказе «Брожение умов»: «Кого раздавило? Ребята, человека раздавили». Ср.: «Какой шум в печке! У нас незадолго до смерти отца гудело в трубе» (Чехов, «Три сестры»); «Мы думаем, что, как нас выкинет из привычной дорожки, все пропало; а тут начинается новое, хорошее» (Л. Толстой, «Война и мир»).

Простое отрицание факта существования или присутствия производителя действия также легче согласуется с безличным способом воспроизведения действия. Например: «И не будет на свете ни слез, ни вражды» (Надсон); «Не здешний он, этот человек, да и здесь его теперь не находится» (Достоевский, «Братья Карамазовы»); «Или тебе жаль меня, или ты уж чуешь, что хозяина твоего скоро не станет» (Тургенев, «Дневник лишнего человека»).

Итак, безличные конструкции, в основе которых лежит употребление безличной формы глагола, служат средством преднамеренного изображения действий с неизвестным или неопределенным субъектом. Кроме того, в современном русском языке очень продуктивно безличное употребление глаголов ощущения, физического и психического состояния, глаголов судьбы, рока. Как указывал Потебня, с безличностью органически связаны оттенки залоговых значений, разные приемы выражения косвенного отношения действия к субъекту (ср.: *мне не терпится*; *уже было приступлено к постройке завода* и т. п.).

Детальная классификация всех случаев безличного употребления личных глаголов — дело синтаксиса. Описание функций безличности «уже не может ограничиться констатированием того факта, что личный глагол имеет безличное значение, а должно показать, какая именно конструкция, какая форма словосочетания вызвала такую перемену в значении глагола».

§ 18. Безличные глаголы

Категория лица и категория безличности соотносительны. Они нередко обнаруживаются в формах одного и того же глагола. Но сверх того, категория безличности может быть семантическим

центром особого глагольного слова. Безличные глаголы не кажутся недостаточными. К ним есть переходные ступени. Известны, например; личные глаголы, употребительные почти исключительно в форме 3-го лица (ср.: *причина кроется в том, что...*; *что-то мерещится;* «И снится чудный сон Татьяне»; ср. употребление глаголов: *мерзить, зыбаться* или *зыбиться*: «Тихо зыблется тростник» (Пушкин); *зиждиться*: «Наша дисциплина зиждется на революционно-марксистской идеологии» и т. п.).

Многие безличные формы, отколовшиеся от личных глаголов, стали самостоятельными глаголами, отдельными словами. Например: *рвёт, морозит, хватает* (т. е. достаточно); *везёт* (о счастье, удаче) («Ну, и везет вам сегодня» — Л. Андреев, «Большой шлем»); ср. *забирает* («Забрало меня за живое» — Златовратский) — при явном вымирании личных форм с этим значением (например: «Взял жену, чтобы жить вдвоем, и вдвое забрала забота» (Грибоедов); ср. *забрала охота что-нибудь делать*; ср. *эк его разбирает, разобрало* и т. п.).

Множество глаголов вообще известно только в безличной форме. Они не имеют омонимов среди личных глаголов. Ср.: «И как это тебя угораздило» (Чехов, «Оратор»)*; «В горле даже саднит» (Слепцов, «Спевка»); «Пряжкину опять от испуга пучит» (Тургенев, «Холостяк»); *тошнит* и т. п. Ср.: «Видали ль вы умилительную картину, когда юноша сидит среди старух, припоминающих за всю свою многострадальную жизнь, как их стреляло, кололо, тошнило, тянуло, ломало и коробило» (Помяловский, «Молотов»).

В современном русском языке выделяется несколько лексических типов безличных глаголов. Эти типы относятся к строго определенным семантическим категориям. В пределы этих категорий вмещаются и самостоятельные безличные глаголы и безличные формы личных глаголов. Это:

1) Глаголы бытия, существования, состояния: «Так есть и будет всегда» (Достоевский, «Преступление и наказание»); «Я надеялся, но вышло иначе» (Пушкин, «Путешествие в Арзрум») и т. п. С точки зрения современного русского языка здесь ощутим лишь непродуктивный способ безличного употребления личных глаголов. Особых, самостоятельных безличных глаголов этого семантического типа, повидимому, нет.

2) Глаголы, обозначающие явления природы: *светает, вечереет, похолодало, смеркается, морозит* и др. Круг относящихся сюда безличных глаголов не широк. Но возможно переносное употребление личных глаголов для выражения однородных смысловых оттенков. Ср. в «Войне и мире» Л. Толстого: «Дождик шел с утра, и казалось, что вот-вот он пройдет, и на небе расчистит».

3) Глаголы, означающие стихийные явления, например: «На лесопильном дворе горит» (Чехов, «Господа обыватели») и т. п.

---

* Ср. «Чорт угораздил тебя лезть сюда»; ср. «Догадало ж тебя вмешиваться в это дело» и «Чорт догадал меня...»

В этой семантической сфере также обычны безличные формы личных глаголов.

4) Глаголы, связанные с представлением о судьбе, роке: «Ну, и везет вам сегодня» (Л. Андреев, «Большой шлем»). Это отстоявшаяся и застывшая лексическая группа.

5) Глаголы, означающие внутренние физические ощущения и физиологические изменения в отправлениях организма, в его состоянии (*рвет, тошнит, пучит, саднит* и т. п.). Ср.: «От радости в зобу дыханье сперло» (Крылов, «Ворона и Лисица»); «Мой друг, мне уши заложило» (Грибоедов, «Горе от ума»); «Меня всего передернуло» (Достоевский, «Бесы»); *отлегло от сердца.*

6) Глаголы, означающие ощущения от внешних явлений (чувственные восприятия и внешние явления как объект этих восприятий): «От него несет чесноком»; «Пахло от него ветчиной и кофейной гущей» (Чехов, «Сирена»); «В детстве мамка его ушибла, и с тех пор от него отдает немного водкою» (Гоголь, «Ревизор»). Ср.: «От бесед с литераторами и чтения журналов определенно веет затхлостью злейшей «кружковщины», вредной замкнутостью в тесных квадратиках групповых интересов, стремлением во что бы то ни стало пробиться в «командующие высоты» (Горький).

7) Глаголы, означающие психические переживания человека, например: *стерпится — слюбится*; «Не поздоровится от эдаких похвал» (Грибоедов, «Горе от ума»).

8) Глаголы, означающие стихийную направленность действия на субъект или присущую кому-нибудь предрасположенность к действию, способность как бы невольного проявления какого-нибудь действия, а также, напротив, отсутствие в ком-нибудь волевых импульсов, расположения к какому-нибудь действию*. Например: «Два часа ночи... не спится... А надо бы заснуть, чтоб завтра рука не дрожала» (Лермонтов, «Княжна Мэри»**); «И верится и плачется» (Лермонтов); «Вы не верите слезам... Но я плачу не для вас: мне просто плачется» (Гончаров, «Фрегат Паллада»); «Туда, сюда, а дома не сидится» (Пушкин, «Русалка»); «Литвинов взялся за книгу, но ему не читалось» (Тургенев, «Дым»); «Правду сказать, отлично лежалось на этом диване» (Тургенев, «Два приятеля»); у Достоевского в «Бесах»: «Кажется, готов к

---

* С небольшими дополнениями и видоизменениями мною воспроизведена схема деления безличных глаголов, предложенная акад. А. А. Шахматовым и навеянная на него трудами Миклошича и Красновольского. Ср. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, вып. I, 81—84. Ср. Miklosich, Subjektlose Sätze und Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, B. IV; Krasnowolski, Systematyczna składnia języka polskiego, Warszawa 1909.

** Ср. замечание И. Ф. Анненского: «Рядом с бессубъектным употреблением слов *не спится, хочется* встречаем в народном языке и обычное: «А цару (т. е. чару) то пьешь, другая хочется» (Гильфердинг, I, № 225). «Темная ноченька не спится» («Сборник» Садовникова, стр. 4). («Журнал министерства народного просвещения», 1903, май. Рецензия И. Ф. Анненского на «Синтаксис русского языка» Овсянико-Куликовского, стр. 230).

труду, материалы собраны, и вот не работается. Ничего не делается». В этих образованиях значение безличности связано с присоединением аффикса *-ся*.

Значение безличной формы на *-ся* чрезвычайно ярко сказывается в такой крестьянской речи, записанной А. И. Эртелем:

— Вот штука! — говорит работник, возвращаясь со станции: — Кобыла пять раз выпрягалась. Измаялся.

— Гужи ослабли.

— Какие тебе гужи! А это я, признаться, встрелся с мужиком — он не сворачивает, и я не сворачиваю. Ну и поругались. Вот он, пес его дери, и напустил.

— Чего напустил?

— Да чтоб *отпрягалось*[53].

Безличные формы этого последнего разряда настолько продуктивны в современном языке, что возникает тенденция производить вторично такие формы даже от глаголов на *-ся*. А. М. Пешковский по этому поводу заметил: «В настоящее время категория эта уже всеобща, т. е. форму эту можно образовать от каждого глагола (*мне читается*, *говорится*, *работается*, *лежится*, *чихается* и т. д. и т. д., вплоть до любого, хотя и необычного, но всегда возможного новообразования), за исключением глаголов возвратных. От возвратных глаголов форма эта совсем не образуется: нельзя сказать: *мне сегодня торопится*, *мне умывается*, *мне веселится*, *мне смеется* и т. д.»[54]. Ведь надо было бы к форме возвратных глаголов прибавлять второе *-ся*, что противоречит фонетическим нормам русского языка, избегающего удвоения слогов (ср. *минералог*, а не *минералолог*). Кроме того, вообще образованию и распространению безличных форм на *-ся* от многих глагольных основ препятствует широкое употребление соответствующих личных омонимов или омоформ (ср. невозможность сказать: *мне сегодня не считается;* но ср. *я хорошо считаю* и т. п). Мнение А. М. Пешковского о возможности образовать безличную форму на *-ся* от любого невозвратного глагола ошибочно. Производство безличной формы на *-ся* ограничено строгими семантическими условиями (о них см. в исторической лексикологии русского языка). Но в индивидуальном говорении и писании замечаются бесплодные попытки производить безличные формы даже от возвратных глаголов. Так, Натан Венгров в своих «Песнях с картинками для маленьких» (М. 1935, стр. 13) пел:

Улыбнись на вечера,
Чтоб смеялось нам с утра [55].

§ 19. Виды аналитического выражения категории лица

Грамматическая двойственность выражения значений лица и безличности очевидна. Категории лица и безличности в формах настоящего и будущего времени выражаются окончаниями. Окончание 3-го лица единственного числа при отсутствии представления

о субъекте действия является приметой безличности. Это — синтетические формы лица и безличности. Аналитически категория лица выражается личными местоименными префиксами (и соотносительными с ними родовыми и числовыми окончаниями, например, *я читал*). В этом ряду прошедших форм безличность может выражаться лишь негативно — отсутствием личного префикса и формой среднего рода (*мне не спалось, ему не повезло*). Правда, в фамильярном просторечии есть тяготение к местоименной примете безличности — частице *оно*. Например: «Только все-таки хорошо оно, что так произошло. И дурно оно было, и хорошо оно было» (Достоевский, «Братья Карамазовы»); «Так оно и следует: порядочным людям стыдно говорить хорошо по-немецки» (Тургенев, «Дворянское гнездо»); «Оно вот так и вышло» (Чехов, «Случай с классиком»); «Конечно, если продать парочку лошадок, да одну из коров, да барашков, оно, может, хватит» (Герцен, «Былое и думы») и мн. др.*. Но такая безличная конструкция не является нормой. Аналитический способ выражения в русском языке присущ лишь личным формам. У нас аналитические формы в большей своей части еще не утратили раздельности компонентов и легко подвергаются морфологическому разложению на части (даже в составной форме будущего времени возможен синтаксический разрыв компонентов, например, *Завтра буду усердно заниматься*).

Во многих аналитических формах еще очень ясны следы и остатки синтетического строя. Аналитические формы прошедшего времени тоже не вполне свободны от элементов синтетизма. В них категория лица выражается аналитически, но род и число обозначаются окончаниями (*Ты приехала; Мы лето прожили в деревне*). Однако в системе русского глагола намечается иной тип безаффиксного, чисто аналитического спряжения. Речь идет о глагольных формах, омонимичных с формой повелительного наклонения (*возьми*, но ср. *случись* и т. п.), и о так называемой «междометной» форме глагола (*прыг, бух, хватъ, цап-царап* и т. п.), употребляемых в сочетании с личными префиксами или именными названиями субъектов действия.

А женщина, что бедная наседка,
Сиди себе да выводи цыплят.

(Пушкин, «Русалка».)

«Вам хорошо, а я сына в университете содержи, малых в гимназии воспитывай» (Л. Толстой); «Положил я его на стол, чтобы ему операцию делать, а он возьми и умри у меня под хлороформом» (Чехов, «Дядя Ваня»); «Я стряпай, ты будешь жрать, а сам ни с места» (Гончаров, «Слуги старого века»).

---

* Местоименное словечко *оно* здесь отчасти сохраняет указательное значение. Ср. у Чехова: «И все оно сыплет, и все оно сыплет, — бормотал Семен, вытирая с лица снег. — И откуда оно берется, бог его знает» («В ссылке»).

Щепотки волосков лиса не пожалей —
Остался б хвост у ней.

(Крылов, «Лиса».)

Глагольные формы этого рода, напоминающие по внешнему виду повелительное наклонение, обычно сочетаются с личными местоимениями и обозначениями живых существ и предметов, но они употребляются и безлично (безличные формы образуются от глаголов, которые не имеют повелительного наклонения). Например:

Случись кому назвать его,
Град колкостей и шуток ваших грянет.

(Грибоедов, «Горе от ума».)

Ср. у Крылова:

Случись тут мухе быть.

(«Муха и дорожные».)

Но ср. также:

А тут к беде еще беда!
Случись тогда ненастье.

(Крылов, «Охотники».)

Междометные же формы глагола в литературном языке почти вовсе лишены способности безличного употребления [56]. Например: «Вдруг старушка мать — шасть в комнату» (Тургенев, «Уездный лекарь»); «Тут рыцарь прыг в седло» (Крылов, «Рыцарь»).

Нагайка щелк — и, как орел,
Он кинулся...

(Лермонтов, «Демон».)

Н. П. Некрасов в своем замечательном исследовании «О значении форм русского глагола» (СПБ 1865) впервые* дал своеобразное истолкование такому употреблению «императивной формы» или, как он сам ее назвал, «абсолютно-личной формы глагола»:

«Мы видим, что к ней можно прибавить все личные местоимения: *читай я, ты, он* и т. д., т. е. что она употребляется для лиц, следовательно, есть форма личная. Наконец, что она остается неизменною для всех трех лиц, а следовательно, для родов и чисел... Если эта форма общая для всех трех лиц, то, понятно, она не выражает собою непосредственного отношения или непосредственной связи действия с тем или другим определенным лицом... Соединение или несоединение общей личной формы действия с известным лицом вполне зависит от лица говорящего: оно связывает то или другое действие с тем или другим лицом по своему желанию, по своей воле, а не потому что между действием и лицом находится уже сама по себе связь действительная, непосредственная... Так

* Интерес к этой глагольной форме возник еще в начале XIX в. Так, в анонимном письме, помещенном в «Трудах Общества любителей российской словесности» (ч. XVII, 1820), читаем: «Почему в разговорах часто вместо прошедших времен употребляется наклонение повелительное? Например: «Я отдаю ему трость, а он возьми и урони ее»; «Я прихожу к нему, а он уйди». Этого свойства также нет ни в одном из известных мне языков. Его можно причислить к достоинствам языка русского, ибо оно придает рассказу более силы и быстроты» (стр. 150).

как лицо говорящее распоряжается, так сказать, в этом случае д е й с т в и е м, приписывая его какому-либо известному лицу, а не лицом, которое само по себе с действием не имеет никакой непосредственной связи, то связь или отношение абсолютно-личной формы глагола с известным лицом становится действительною связью, действительным отношением только как выражение желания или воли лица говорящего... Если же этою формою не обозначается ни числа, ни рода, ни предметности, то, понятно, ею может обозначаться только лицо, но лицо без рода, без числа, без предметности, т. е. ею выражается л и ч н о с т ь действия, как его собственная, общая, неопределенная личность, без всякого отношения к какому-либо лицу как к предмету действующему. Другими словами, эта форма показывает только то, что действие, выражаемое темою глагола, — л и ч н о или что личность есть существенное свойство глагола как действия. Этим объясняется, с одной стороны, возможность употребления разбираемой нами формы глагола в выражениях общих или известных в грамматике под именем безличных..., с другой — причина, почему эта форма, будучи личною, не различает однако лиц: ни первого, ни второго (третье лицо в строгом смысле не лицо, а предмет вообще)»[57].

Это объяснение было принято в основном и А. М. Пешковским[58]. В личном употреблении этих «императивных форм» намечается новый тип аналитических конструкций в русском языке. В спряжении: *я пойди, он пойди, мы пойди* и т. д. — изменяются лишь префиксы, вся остальная часть формы остается неизменной.

Таким образом, приемы аналитического выражения категории лица в системе русского глагола обозначились очень резко. Они осложнили синтетический строй словоизменения, присущий формам настоящего-будущего времени и отчасти формам повелительного наклонения.

§ 20. Категория числа в глаголе и своеобразия ее выражения в формах 1-го и 2-го лица

С категорией лица в глаголе неразрывно связана категория числа. Значения лица и числа в настоящем-будущем времени и повелительном наклонении нераздельны. Они выражаются одними и теми же окончаниями. В формах других времен и наклонений числовые аффиксы указывают на лицо лишь косвенно. Так, безличность выражается в прошедшем времени и условно-желательном (сослагательном) наклонении окончанием среднего рода единственного числа (*стошнило, стемнело, рассвело* и т. п.). Можно сказать, что в безличных формах глагола категория числа является «грамматической фикцией». В неопределенно-личных формах множественного числа прошедшего времени или сослагательного наклонения (*говорили*; «Уж сколько раз твердили миру, что лесть гнусна, вредна» (Крылов); «Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова» (Пушкин) и т. п.) окончание множествен-

ного числа *(-и)* в связи с отсутствием личного префикса является признаком неопределенно-множественного лица. Но, с другой стороны, отношение к категории числа заключено в самих местоименно-личных префиксах (*я, ты, мы, вы*).

Органическая связь категории числа с категорией лица выражается и в том, что способы обозначения числа в глаголе не являются «чистыми» формами согласования, по крайней мере по отношению к 1-му и 2-му лицу. В формах настоящего-будущего времени (тем более повелительного наклонения) это очевидно. Здесь указание на число непосредственно заключено в личном окончании. Самостоятельное употребление этих личных форм без местоимений достаточно выразительно. Например: «Вижу сам, что виноват» (Пушкин, «Капитанская дочка»); «Теперь, Александр, не будешь на меня жаловаться, что отстаю от тебя в работе. Наверстаю» (Н. Чернышевский, «Что делать?»); «Бывало, сядем чай пить, выпьем по пятнадцати стаканов, и все торгуемся» (Чехов, «В бане») и т. п.

Даже и в тех случаях, когда формы настоящего-будущего времени употребляются в сочетании с личными местоимениями 1-го и 2-го лица, трудно говорить о согласовании глагольной формы в числе с личными местоимениями, о полной зависимости ее от них. Здесь роль местоимений, особенно при отсутствии ударения на них, формально-аналитическая; формы *я вижу*, *ты видишь* и т. п. вполне синонимичны с формами, не имеющими личных префиксов: *вижу*, *видишь* и т. п. А. А. Потебня доказывал, что формы *я хожу*, *ты ходишь* и т. п. также неразложимы грамматически. При таком понимании префикс *я* и форма *вижу* в *я вижу* поставлены в отношения совместности, а не согласования. Во всяком случае, в формах *я вижу*, *ты видишь* и т. п. показатели лица и числа двойственны. Указания на лицо и число заключены и в местоимении и в глагольном окончании[59]. Понятно, что эта двойственность синтаксически может быть использована и в сторону обострения признаков согласования. Например: «Ей ужасно странно, что *я*, *который* привык к хорошему обществу, *который* так короток с ее петербургскими кузинами и тетушками, *не стараюсь* познакомиться с нею» (Лермонтов, «Герой нашего времени»).

При двойственности числовых показателей (в окончаниях и в префиксах) перевес остается на стороне местоименного «префикса», не теряющего при этом ни форм отдельного слова, ни даже оттенков своего лексического значения. Значение числа включено в формы лица.

Лучшей иллюстрацией возможности полного «переключения» числовых значений на личные префиксы может быть «спряжение» форм типа: *я скажи*, *мы скажи* и т. п. «Знай я, что невеста с таким образованием, да я... да и нога бы моя просто не была здесь» (Гоголь, «Женитьба»). Ср. французское спряжение je parle, tu parles, il parle, ils parlent.

Таким образом, характеристика отношений между личными окончаниями глагола и личными местоименными префиксами как

«синтаксического параллелизма» была бы неверна. Внешние признаки согласования с местоимениями, при изменяемости глагольной формы, всегда присутствуют. Но это согласование иного рода, чем согласование имен прилагательных. Оно базируется на внутренней, органической связанности значений лица и числа в глагольных окончаниях и в местоименных префиксах. Все смысловые оттенки, присущие личным местоимениям, могут выражаться и самими личными формами глагола, и, наоборот, все своеобразия в употреблении личных форм глагола передаются и личным местоимениям (ср., например, употребление формы повелительного наклонения на *-те* при вежливом обращении к одному лицу: *скажите*, *приходите* и т. п.).

Может показаться, что синтаксическая роль категории числа в глагольных формах на *-л* совсем иная, что здесь числовые различия являются «формами чистого согласования», как и в других «родовых словах». Однако такому пониманию противоречит употребление формы множественного числа на *-ли* в неопределенно-личном значении *(его наградили)*, независимо от всякого согласования. Кроме того, местоименные личные префиксы срастаются с формами на *-л* (*-ла*, *-ло*, *-ли*) в одну целостную аналитическую форму, в которой все морфологические элементы и их значения семантически спаяны и слиты. Поэтому говорить о полном подчинении формы на *-л* личным префиксам (1-го и 2-го лица) в отношении числа было бы почти то же, что говорить о полном грамматическом подчинении морфемы *див* в слове *начдив* (начальник дивизии) или морфемы *бух* в слове *помбух* (помощник бухгалтера) первой части слова. (Но ср. родительный *начдива*, дательный *начдиву* и т. п.)

Внутреннее семантически неразложимое единство форм *я думал*, *ты думал*, *мы думали*, *вы думали* доказывается невозможностью в применении к единичному чужому лицу выразиться так: *вы говорил* или *вы говорила*, *вы думал* и т. п. Между тем, такое согласование в числе «по смыслу» оказывается возможным у кратких форм имени прилагательного и страдательного причастия в сочетании с местоимением *вы*, обозначающим одного собеседника. Например, в романе Чернышевского «Что делать?» встречаются такие конструкции: «Вы не были влюблена в вашего жениха?» (Пролог); «Вы прекрасно сложена»; «Вы сами должна помнить»; «Вы-то еще слаб»; «Разве вы таков?» и т. п. (но ср. «положим, вы правы» и др.). Таким образом, даже сочетания кратких имен прилагательных и страдательных причастий с личными местоимениями (не говоря уже о таких сочетаниях полных прилагательных) были гораздо более похожи на двучленные, на расчлененные, чем личные формы прошедшего времени.

Под влиянием синтетических форм настоящего-будущего времени в устной речи встречается употребление форм прошедшего времени без личных местоимений 1-го и 2-го лица. В этом случае значения числа и лица как бы эллиптически включаются в родовую форму на *-л*. Например: «И с собаками ездил? — Ездил и с собаками, да

убился: с лошадью упал и лошадь зашиб» (Тургенев, «Лгов»); «Работаю уже давно, и мозг высох, похудела, подурнела, постарела, и ничего, ничего, никакого удовлетворения» (Чехов, «Три сестры»).

Таким образом, формы числа в глаголе органически слиты с категорией лица. Число в глаголе менее «материально», чем в категории имен существительных, но менее абстрактно, менее формально, чем в категории имен прилагательных. В формах 1-го и 2-го лица оно не столько указывает на синтаксическую зависимость глагола от личного местоимения, сколько выражает реальные различия в отношении самого действия к количеству, числу действующих лиц.

§ 21. Подчиненное, чисто «согласуемое» положение формальных признаков числа в 3-м лице глагола

Значение категории числа несколько иное в формах 3-го лица всех времен и наклонений (не в безличном и не в неопределенно-личном их употреблении). В безличных формах отсутствует самое понятие числа, так как число в глаголах немыслимо без лица. При неопределенно-личном употреблении формы 3-го лица *(говорили)* окончание множественного числа *(-и)* выражает идею неопределенно-множественного лица. Но в определенно-личном употреблении форма 3-го лица глагола согласуется в числе с названием предмета, т. е. с именем существительным или с заменяющим его местоимением 3-го лица. В этом случае категория числа является «формой» согласования, хотя и не до такой степени лексически пустой, чисто синтаксической, как у имен прилагательных. Категория предмета в русском языке глубоко связана с категорией числа, которая не только зародилась в недрах предметности, но и до сих пор сохраняет следы связей с ней. Поэтому числовые различия в глагольных формах 3-го лица находятся в прямой зависимости от числовых различий названий действующего предмета, производителя действия. Меньшая зависимость категории числа в формах глагола от личных местоимений 1-го и 2-го лица лишний раз характеризует обособленность личных местоимений от имен существительных. Но, как известно, формы личного местоимения 3-го лица зависят от значений тех имен существительных, которые замещает это местоимение и на которые оно указывает. Следовательно, местоимение 3-го лица в современном русском языке менее слито с глагольной формой, чем местоимения 1-го и 2-го лица. Русские грамматисты не раз подчеркивали относительную самостоятельность числа в 3-м лице глагола, указывая на факты так называемого «согласования по смыслу», т. е. на употребление глагольной формы множественного числа в тех случаях, когда действие приписывается собирательному лицу, реже предмету, облеченному в форму имени существительного единственного числа (например, при словах *большинство*, *меньшинство*, *часть*, *масса* с родительным

падежом множественного числа и др.; ср.: *большинство сотрудников решили* и т. п.). В этих случаях форма множественного числа глагола, как бы независимо от формы «подлежащего», непосредственно обозначает количество деятелей. Она прямо относится к реальному действию и его производителям. Она согласована с лексическим значением «подлежащего». Согласования же с формой существительного, выражающего субъект действия, не происходит.

Однако правильнее, вслед за Шахматовым, видеть в таких словосочетаниях, как *большинство зрителей*, *часть колхозников* и т. п., фразеологические обороты, однородные с числовыми идиоматизмами типа: *пять человек*, *шесть крестьян* и т. п. Множественное число глагола при них поддерживается влиянием числовых конструкций вроде: *Десять учеников не выдержали экзамена.*

Таким образом, в категории числа глагола обнаруживается структурная спаянность форм числа с категорией лица. В способе выражения числовых различий намечается противопоставление между формами 1-го и 2-го лица и предметно-личными формами 3-го лица. Господство категории лица выражается в окончании множественного числа *-и* у форм на *-л (слышали)*. Окончание *-и* восходит к флексии древнерусского именительного падежа множественного числа мужского рода. Это окончание могло сохраниться лишь у форм, обозначающих активные лица или относящихся к лицам активным. В этом заключается отличие форм типа *мы читали*, *вы писали* от кратких форм прилагательных и страдательных причастий, в которых окончание *-ы* (*мамины*, *красивы*, *сыты*, *влюблены* и т. п., ср. *добрые* и т. п.) восходит к флексии винительного (пассивного) падежа, падежа прямого объекта действия.

§ 22. Категория рода и ее выражение в глагольных формах на *-л, -ла, -ло*

В глагольных формах на *-л* единственного числа (т. е. в формах прошедшего времени и условного наклонения) выражена категория рода. Родовые различия этих форм исторически объясняются происхождением их из причастия, т. е. из глагольно-именной формы (ср. *служил* и *служилый*, *бывал* и *бывалый*). С точки зрения современных грамматических отношений родовые различия этих форм спаяны с категорией лица. Категория рода в них отражает различия родовых значений личных местоимений. В личных местоимениях 1-го и 2-го лица категория рода совпадает с реальными различиями пола.

Поэтому-то и употребление глагольных форм 1-го и 2-го лица в среднем роде чрезвычайно редко. Форма среднего рода 1-го и 2-го лица появляется лишь в тех исключительных случаях, когда в роли говорящего лица или собеседника представляется предмет, выраженный существительным среднего рода.

В формах 3-го лица род ставится в зависимость не только от пола лица, которому приписывается действие, но и от родовой

формы, родового класса того имени существительного (подлежащего) и заменяющего его местоимения *(он, она, оно)*, с которым согласуется глагольная форма прошедшего времени. Таким образом, в родовых различиях форм 3-го лица также обнаруживается противопоставление л и ц а и н е-л и ц а. В применении к предмету как производителю действия род глагольной формы всецело определяется родом соответствующего имени существительного. Например:

Привычка усладила горе,
Неотразимое ничем;
Открытие большое вскоре
Ее утешило совсем.

(П у ш к и н, «Евгений Онегин».)

Напротив, в применении к лицу глагольная форма 3-го лица часто «согласуется» не столько с родовой формой имени существительного, сколько с полом обозначаемого им действующего лица. Например, в современном разговорном языке: *Товарищ ушла в соседнюю комнату; Управдел сказала; Наш парторг объявила; Директор заявила на собрании; Агроном уехала в колхоз* и т. п.

Однако все своеобразия выражения категории лица и рода у имен существительных отражаются и в глагольной форме 3-го лица на *-л*. В тех случаях, когда имя существительное, обозначающее субъект действия, подводится под категорию женского рода, глагол обязательно согласуется с формой имени существительного, хотя бы действие относилось к мужчине (например: *вас хвалила одна особа; эта бездарность осмелилась заявить* и т. п.). Женский род существительного как сильный, акцентированный род подчиняет себе родовую форму глагола, обязывает ее к безусловному согласованию. По отношению к словам общего рода принцип соответствия глагольной формы реальному полу лица снова проявляется во всей силе (например, у Квитки-Основьяненка: «Заботливая глава семейства сильно хлопотал...» («Ярмарка»); ср. у Салтыкова-Щедрина: «Прочитал борода наше веление, да так и обомлел» («Губернские очерки. Первый рассказ подьячего»)*. Тут ярко проявляется отличие категории рода в глаголе от рода имени прилагательного. У прилагательного инерция согласования допускает

* Ср. у Салтыкова-Щедрина в «Губернских очерках» каламбурно-ироническую игру колебанием родовых форм: «Да-с... аппетитная штучка *эта Флоранчик* была. Хе-хе,— проговорил Рогожкин. — А что... если бы *этот Флоранчик*..., так сказать, на место Марины Ферапонтовны... хе-хе. Сюжет был бы тово-с... подходящий-с». Ср. также: «Служил он, сударь, в одном полку с некоим Перетыкиным. Так, жалконький был офицеришка. Вот только и поклялись они промеж себя в счастье ли, в несчастье ли, вывозить друг друга. Брат вышел в отставку, а *Перетычка* эта полезла в гору, перешла, батюшка, к штатским делам и дослужилась там до чинов генеральских» («Губернские очерки», «Обманутый подпоручик»). Ср. реальное согласование в роде (в зависимости от пола называемого лица) в сочетаниях глаголов с собственными личными именами и фамилиями: «приходила Ворон и просила передать...»; «Федорчук заявила»; «пела Вырлан» и т. п.

возможность сохранения формы женского рода даже в сочетаниях с существительными общего рода, обозначающими мужчин, например: *он такая растяпа, большая пройдоха, он известная лакомка* и т. п. Для глагольной формы такое реальное несоответствие невозможно*.

§ 23. Субъектно-объектный характер категории лица и органическая связь ее с другими формами сказуемости

Категория глагольного лица основана на различении говорящего лица, собеседника и окружающего их мира «третьих» лиц и предметов. Категория лица относится к числу так называемых «субъектно-объектных» категорий глагола, иначе называемых «формами сказуемости». Она органически связана с субъектно-объектным строем современного глагольного предложения. Категория лица спаяна с категориями времени и наклонения, которые также обусловлены точкой зрения говорящего лица.

Но категории времени и наклонения в свою очередь настолько тесно связаны с категорией вида, что многие оттенки временных и модальных значений необъяснимы без учета видовых различий русского глагола. Следует рассмотреть категорию вида раньше, чем приступить к анализу форм времени и наклонения.

4. КАТЕГОРИЯ ВИДА

§ 24. Грамматическая борьба за признание категории вида и против старой теории времен в первой трети XIX века

Категория вида лежит в основе большей части процессов внутриглагольного формообразования и словообразования. Морфологический механизм категории вида сложнее и разнообразнее, чем других категорий глагола. Но его рисунок нем, невыразителен без освещения внутренних, семантических основ видовых различий.

Теория видов русского глагола — один из наиболее трудных, спорных и неразработанных отделов русской грамматики.

Эта теория при своем зарождении сплелась в сложный кубок вопросов. Сюда относились и учение о формах времени, и учение о правилах образования глагольных форм и слов, и вопрос о семантических границах глагола. Так, Иоган Фатер, признаваемый одним из инициаторов (после Юрия Крижанича и Мелетия Смотрицкого) учения о видах русского глагола, в своей

---

* Необходимо иметь в виду, что средний род глагола в современном языке всегда остается за пределами категории лица, т. е. является согласуемой формой. Ссылка проф. А. М. Пешковского на гоголевскую «Шинель», где выражение *значительное лицо* сочетается с формой глагола в мужском роде, основано на недоразумении. Гоголь употребляет выражение *значительное лицо* в функции собственного имени лица как выразителя целой социальной категории. Но ср. раньше, например, в языке Пушкина согласование по полу: «расплакался дитя» (так же как «балованый дитя природы»).

«Практической грамматике русского языка» (1809)* писал: «В русском языке обыкновенно от одного корня образуется несколько глаголов, из которых каждый имеет свои формы настоящего, прошедшего, будущего, повелительного, неопределенного, причастий и деепричастий. Пытались соединить эти разные глаголы тем, что рассматривали их неопределенные наклонения и времена как различные формы неопределенного наклонения и произведенные от них времена одного и того же глагола, сваливая все эти формы в один глагол. Между тем, однако, *двинул*, конечно, не находится в непосредственной формальной связи с *двигаю* и тем менее с *движем* — формой, признанной во всех грамматиках за причастие страдательного залога и настоящее страдательное (от неупотребительного *двигу*)».

Фатер предлагал считать видовые формы одной и той же основы разными словами **. Он различал, хотя и не вполне отчетливо, три основных вида — несовершенный (с тремя временами), совершенный (с двумя) и учащательный, или многократный. Впрочем, с учением о видах Фатер пытался согласовать ломоносовское учение о десяти временах русского глагола. Грамматические идеи Фатера о виде, как известно, были упорядочены и систематизированы учителем Выборгской гимназии Августом Вильгельмом Таппе, который также объявил виды соотносительными словообразовательными типами разных глаголов с одной и той же основой: «В русском языке имеется несколько родственных глаголов одного и того же корня, но с различными формами, окончаниями и значениями»[60]. Таппе различал четыре видовых типа глаголов: 1) простые, или неопределенные, несовершенные глаголы, высказывающие нечто о лице или предмете вообще, без ближайшего

---

* «Praktische Grammatik der russischen Sprache in Tabellen und Regeln nebst Uebungsstücken zur grammatischen Analyse», Leipzig 1809.

Ср. неразвитые, а иногда завуалированные указания и намеки на категорию вида в грамматиках Мелетия Смотрицкого, в грамматических трудах Ю. Крижанича, признававшего три вида в славянском глаголе: однократный, многократный и неопределенный (см. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. IV, 1941, стр. 16—18; Н. Грунский, Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков, т. I, вып. 1—2, стр. 19), Генриха Лудольфа, Ададурова (1731), Ломоносова, Курганова, Светова, Барсова, Соколова и особенно в «Российской грамматике», сочиненной Императорской Российской Академией (СПБ 1802, изд. 2-е, 1809). Впрочем, то, что называется видом у Смотрицкого, совсем не похоже на то, что теперь разумеется под этим термином. У М. Смотрицкого говорится, что видов два: 1) первообразный, иначе совершенный, 2) производный, разделяющийся на начинательный и учащательный. Примеры первого вида: *чту, стою;* примеры второго: а) *каменею, твердею* и б) *читаю, вставаю, поучаю*. Из этого видно, что Смотрицкий под видом собственно разумел этимологическую форму глаголов первообразных и производных, например, *чту* и *читаю*. Это деление восходит к латинской грамматике, в которой глаголы делились на первообразные и производные и к последним относились глаголы начинательные (inchoativa) и учащательные (iterativa). Ср. то же деление глагола в «Anfangsgründe der russischen Sprache» Ададурова (1731) и в грамматике Барсова (М. 1797). Впервые же теория видов положена в основу всей системы русского глагола проф. А. В. Болдыревым («Труды Общества любителей российской словесности», ч. II и III, 1812; ч. VI, 1816). О начальных этапах разработки теории видов в других славянских языках см. статью A. Mazon «La notion morphologique de l'aspect des verbes chez les grammairiens russes» («Mélanges offerts à M. Émile Picot», Paris 1913, I, pp. 343—367). Любопытно, что еще раньше Болдырева И. Тимковский различал «однократное, учащательное и неопределенное знаменование глаголов» («Опытный способ к философскому познанию Российского языка», Харьков 1811, стр. 19).

** См. изложение замечаний Фатера о видах у С. К. Булича («Очерк истории языкознания в России», стр. 734—736).

определения, например, *двигать*; 2) однократные, обозначающие только физическое действие, для которого необходимо проявление силы *(двинуть)*; 3) учащательные (то же, что многократные, например, *двигивать*); 4) совершенные, или сложные, выражающие понятие определенности и законченности *(задвинуть)* и образующиеся главным образом посредством приставок.

По мнению А. А. Потебни, такое решение вопроса о видовых формах глагола как об отдельных лексических единицах уже было предложено Ю. Крижаничем. «Возникший впоследствии времени спор о том, суть ли формы со значением однократным (и совершенным) и многократным самостоятельные глаголы, или же эти формы вместе с неопределенными составляют одно спряжение о десяти или восьми временах, с точки зрения Крижанича, решается таким образом: однокоренные глаголы, неопределенные и однократные суть глаголы самостоятельные, но лишь взятые вместе они образуют круг категорий, выражаемых славянским глаголом. Графически этот взгляд выражается у Крижанича тем, что спряжение каждого из этих глаголов занимает особый столбец, но все три столбца стоят рядом» («Из записок по русской грамматике», т. IV, стр. 16).

На взглядах Фатера-Таппе отразилось влияние проф. А. В. Болдырева[61]. В своих работах «Рассуждение о глаголах» [62] и «Рассуждение о средствах исправить ошибки в глаголе»[63] А. В. Болдырев выдвигает новое учение о видах и временах русского глагола. Он находит в русском языке только две формы времени — настоящее и прошедшее. Недостаток форм времени возмещается богатством видовых различий. А. В. Болдырев считает видовые формы глаголов разными словами, разными «парадигмами». Он протестует против смешения в одном спряжении разных глаголов вроде: *дуть*, *дунуть*, *сдуть*[64].

По мнению Болдырева, все недостатки старого грамматического учения о русском глаголе «проистекают от того, что спряжение состоит не из одного глагола, как бы должно было, но из многих. От сего-то явилось в спряжении больше времен, нежели глагол подлинно имеет»[65]. Таким образом, Болдырев борется против учения о десяти или восьми формах времени русского глагола, учения, выдвинутого Ломоносовым и слегка видоизмененного Академической грамматикой (1802 и 1909). *Дуть*, *дунуть*, *сдуть*, *дувать* — «четыре различных глагола», и нельзя от этих слов, имеющих различное значение, выстраивать разные формы времени в одно спряжение. «*Дунул* не значит просто: il souffla, но il souffla une fois. *Сдул* получает также новую идею, которая не была заключена в значении глагола *дуть;* ибо *он сдул* значит: il souffla de dessus, il emporta en soufflant; или, как немцы говорят: er hat weggeblasen. Форма *дувал* не значит: il avait soufflé, но il souffla plusieurs fois à plusieurs reprises»[66]. Русскому глаголу чуждо многообразие форм времени. Русский глагол утратил древнее богатство временных форм. Но «то, что язык теряет в формах, вознаграждается глаголами» (т. е. образованием разных глаголов с разными видовыми значениями). Иными словами: в связи с утратой форм времени сокращается число форм одного глагола, но с развитием видов «умножается количество самих глаголов». Новые правила «возвращают нам глаголы учащательные, однократные и множество сложных, которые прежде были, так сказать, отняты у нас грамматикою»[67]. У Болдырева различаются те же четыре основных вида, что и у Таппе (неопределенный, учащательный, однократный и совершенный). Но в один ряд с глаголами неопределенными, учащательными, однократными и совершенными поставлены также глаголы начинательные (например, *взлететь*)[68]. Болдырев ограничивает объем глагольного слова рамками одного вида.

Осознание категории вида должно было сузить пределы форм отдельного глагола. До тех пор, по образцу античных, а затем французско-немецких грамматик, под прикрытием десяти или восьми форм времени, почти все словообразовательные разновидности одной основы даже в ее сочетании с разными приставками объявлялись формами одного глагольного слова. Так, разные формы от *греть*, *согреть* и *гревать* или от *колоть*, *кольнуть*,

уколоть и *калывать* в «Российской грамматике», сочиненной Императорской Российской Академией (1802, 1809 и 1817), сливались в одно спряжение *. Самые разнородные, семантически очень далекие образования от одной основы, осложненные приставками, нередко рассматривались как разные временные формы одного и того же глагола (например, *дул* и *сдул; воюю* и *завоюю* в той же «Российской грамматике»). Учение о видах сначала было полемически заострено против старого учения ломоносовской школы о богатстве времен русского глагола, учения, основанного на смешении форм разных глаголов. Поэтому-то разные видовые образования даже одного и того же глагола были сразу же объявлены разными глаголами. Так, Болдырев учил, что по значению глаголы распадаются на четыре класса, которым впоследствии было присвоено значение видов.

Естественно, что грамматическая традиция не сразу смогла стать на точку зрения учения Болдырева и Фатера-Таппе о видах как о соотносительных типах разных глаголов, образованных от одной и той же основы. Так, Н. И. Греч в брошюре «Опыт о русских спряжениях с таблицею» (СПБ 1811), различая вслед за Таппе четыре основных видовых категории глагола, все же признает видовые образования от одной и той же глагольной основы формами одного глагола. Больше того: даже два совершенно разных этимологических глагола, как *иду и хожу*, у Греча считаются двумя формами (ограниченной и учащательной) одного и того же глагола (стр. 12)**. Но очень скоро русской грамматикой в этом вопросе была найдена примирительная позиция. Например, в критических «примечаниях» А. М. Б. на статьи А. В. Болдырева, напечатанных в тех же «Трудах Московского общества любителей российской словесности» [69], *дуть* и *сдуть* объявлялись разными глаголами, но *дуть* и *дунуть* рассматривались как формы одного глагола. По словам критика, А. В. Болдырев, «желая распутать глаголы, не разделяет их, но раздробляет». Так, он относит к разным глаголам соотносительные формы несовершенного и совершенного вида *(дуть* и *дунуть)*, «которые служат к изображению одного действия и составляют один глагол».

«*Подхожу, подходил* и *подошел* суть изображения одного действия и вместе составляют один глагол». Кроме того, по словам автора, от некоторых простых глаголов образуются «множественные» (т. е. многократные) формы, которые также не выходят за пределы того же глагольного слова.

Гораздо более сужает объем глагольного слова А. Чаплин в статье «О разделении глаголов» [70]. Он заявляет, что «в русском языке число глаголов определяется числом неокончательных наклонений» (т. е. инфинитивов), выражающих «разные понятия о действии», «различные образы самого действия» и соответствующих разным видам. Видов же три: 1) неопределенный (т. е. несовершенный); 2) многократный, или учащательный, и 3) «однократный, или вообще совершенный». Впрочем, по А. Чаплину, многократный вид располагает лишь формой одного («давнопрошедшего») времени: *сиживал, писывал, говаривал* и т. п. Поэтому целесообразнее соединять «многократный» вид с «неопределенным» (т. е. с несовершенным) в одно спряжение, т. е. следует видеть в *сидеть* и *сиживал* формы одного и того же слова. Таким образом, получается два класса глаголов — несовершенного и совершенного вида.

---

* Ср. «Замечания на новую теорию русских глаголов» («Труды Общества любителей российской словесности», ч. VI, 1816, стр. 105 — 106). По мнению автора, «разность между видовыми формами глагола та же, что между степенями сравнения имени прилагательного».

** Ср. С. К. Б у л и ч, Очерк истории языкознания, стр. 1011. Необходимо заметить, что Н. И. Г р е ч впервые точно отделил глаголы, вроде *ходить, бродить, летать* и т. п. (названные им «учащательными»), от категории многократного вида. Ср. М. К р ы г и н, Критический обзор литературы о видах и временах русского глагола, журн. «Гимназия», 1889, № 8, 10; 1890, № 2—3, 4 и 5, 6, 7).

Учение о видах русского глагола входит в грамматики Н. И. Греча и А. Х. Востокова. Но Н. И. Греч совсем запутался в этом вопросе. Правда, самый термин «вид» едва ли не под влиянием Греча утвердился в русской грамматике. Греч же впервые указал на необходимость различения приставок («предлогов»), изменяющих и видовое и реальное значение глагола, и приставок с чисто видовым значением. Однако Греч внес в учение о видах много лишнего, искусственного и схоластического, плохо отличая виды от времен, включая в понятие вида значения времени *.

Н. И. Греч признавал четыре основных вида у простых глаголов: неопределенный (*пишу, сижу, хожу*), определенный (*иду, бежал*), многократный (*хаживал, езжал*), однократный (*шагнуть*) и еще два вида у предложных глаголов: несовершенный (*вынашивать, выносить*) и совершенный (*вынести, вы́носить, вытолкнуть*).

«Из сих видов», по словам Н. И. Греча, «наиболее сходства имеют неопределенный и несовершенный: последний отличается от первого единственно для противоположения относительно вида совершенного». Итак, видов, по Гречу, в сущности — пять. Но наличие в предложных глаголах тех же видовых оттенков длительности и кратности, что и в простых, заставило Н. И. Греча говорить еще о пяти видах «второстепенных», или смешанных: «Кроме сих главных, есть еще виды второстепенные, происходящие от совокупления между собою главных. Сии второстепенные заключают значение обоих главных, оные произведших. Сии виды суть: а) несовершенный-неопределенный, в) несовершенный-определенный, с) совершенный-неопределенный, д) совершенный-определенный, е) совершенный-однократный».

Необходимо отметить, что термин однократный вид впервые вводится Гречем.

Понятие вида у Греча откровенно и грубо смешивается с категорией грамматического времени: «Времена в природе ограничиваются тремя: настоящим, прошедшим и будущим; но во временах грамматических, то-есть в формах языка, коими выражаются времена, могут быть выражены еще некоторые посторонние обстоятельства, коими ближе определяется значение и объем действия: неопределенность или определенность его, учащательность или однократность, длительность или окончание... Формы, служащие к выражению сих обстоятельств действия, именуются видами. Различие видов действия свойственно исключительно языкам славянского племени...». По поводу этого рассуждения С. Шафранов резонно заметил: «Если все те обстоятельства действия (длительность, окончательность и т. д.) выражаются в формах языка, называемых в грамматиках «временами», то как же после этих слов можно позволить себе тотчас следующее: «Формы, служащие к выражению сих обстоятельств, именуются видами» [71].

Взгляды Греча не оказали большого влияния на дальнейшую разработку учения о виде. Возобладало учение о трех видах глагола — неокончательном (несовершенном), совершенном и многократном. Оно было канонизировано Востоковым, который в своей «Российской грамматике» дал свод основных правил видового формообразования и списки исключений [72].

Однако в «Русской грамматике» А. Востокова, кроме трех основных видов, различались еще подвиды. Так, в категории неокончательного вида намечались различия между глаголами определенными (*везти* и *лететь*) и неопределенными (*возить, летать*). Совершенный вид делился на три подвида: совершенный-начинательный (*запеть, пойти, стану хвалить*) и совершенный-окончательный (*похвалить, дойти, пропеть*), в пределах которого в свою очередь

---

* «Практическая русская грамматика», 1834, стр. 117—118. Ср., напротив, включение видовых различий в систему глагольных времен в книге И. И. Мартынова «Предположение о глаголах языка российского» (СПБ 1829). Тут допускается 4 прошедших времени: несовершенное, совершенное, однократное и многократное.

выделялись оттенки длительного *(полюбить, догнать)* и мгновенного, или однократного *(двинуть)*, подвидов [73].

По Востокову, видовые формы соотносительны. Они принадлежат к формам одного глагола. Префиксы начинательности *за-* и *по-* и префиксы окончательности: *по-*, *до-* и *про-* имеют чисто видовое значение. С различиями видовых форм связаны различия форм времени. Востоков насчитывал в русском языке восемь форм времени.

Завершением этого периода в разработке учения о видах является статья Лангельшельда «О русских глаголах» [74]. В этой статье востоковская схема видов (1) несовершенный вид с подразделением на неопределенный и определенный, 2) совершенный, в пределах которого различаются длительный и однократный подвиды и 3) многократный) сочетается с учением о трех временах [75].

Таким образом, в первый период разработки теории видов определяется общее соотношение категорий вида и времени и схематически очерчиваются общие видовые различия русского глагола. Но внутренняя сущность категории вида, связь кратных, количественных значений с качественно-видовыми значениями оставалась невыясненной. Самый механизм образования видов не был исследован.

§ 25. Теория трех степеней как количественных или качественных видоизменений одной глагольной основы

Новая фаза в истории учения о видах начинается с «Филологических наблюдений» Г. Павского (Рассуждение третье, «О глаголе»). Здесь глубже осознаны национально-русские своеобразия категории вида. Виды по аналогии со степенями сравнения прилагательных названы степенями. Они сделаны грамматическим центром системы русского глагола. Особенно выдвинут количественный момент в видовых различиях глаголов. «Наш язык... взял на себя обязанность изображать самое количество времени, употребленного на действование, и бóльшую или меньшую величину пространства». «В глаголах степенями означается мера продолжительности и объем действия. Когда отмечается в глаголе самое определенное и тесное пространство или наималейшее продолжение действия и мгновенное явление, тогда я называю это первою степенью глагола (например: *мелькнуть*, *кончить*, *уйти*, *прочитать* и т. п. — *В. В.*). Когда же отмечается неопределенный, однако ж обширный круг действия и явления, тогда я называю это среднею степенью глагола (например: *мелькать*, *почитывать*, *поглядывать*, *летать*, *скакать*), и, наконец, более обширный и более неопределенный круг действия, где оно по своей неопределенности как бы теряется из виду, я называю последней степенью глагола (например: *читывать*, *видывать*, *хаживать*, *скакивать*). Глаголы первой степени иначе у нас называются однократными, глаголы второй степени — многократными, глаголы третьей степени я называю многократными дальними (а не давнопрошедшими)»*.

---

* Г. Павский, Филологические наблюдения, III, О глаголе, стр. 205—206, ср. стр. 49. Почти те же количественные отношения лежат в основе характеристики видов русского глагола у акад. Давыдова в «Опыте общесравнительной грамматики русского языка» (1852). Различаются по видам три категории глаголов: однократные *(тронуть, решить)*, многократные и неопределенно-кратные. Но в систему неопределенно-кратных глаголов И. И. Давыдовым механически, без разбору вмещаются начинательные *(краснеть, лететь)*, длительные *(летать, писать)*, окончательные *(покраснеть, написать)* (стр. 72). И. И. Давыдов пытается примирить точки зрения Греча, Востокова и Павского. А. А. Потебня прекрасно показал внутренние противоречия этой попытки. В самом деле, глаголы неопределенно-кратные вовсе не соотносительны с глаголами однократными и многократными. Чаще всего они

Подчеркивая количественные различия между видами, Павский очень тонко описал технику видового словообразования (суффиксального и префиксального). В книге Павского даны списки основ простых глаголов с распределением их по степеням и с указанием приемов предложного производства глаголов. «Знающему степени простых глаголов весьма легко определить и степень предложных. Всякий предлог стесняет пространство. И потому, если он будет приложен к простому глаголу последней степени, то переведет его на среднюю; а если будет приложен к глаголу средней степени, то переведет его на первую степень, т. е. теснейшую. Поэтому всяк узнать может, что предложные глаголы *проживать*, *перечитывать*, происшедшие от *живать*, *читывать* (3-й степени), принадлежат к средней степени и что глаголы *сделать*, *сработать*, происшедшие от второстепенных *делать*, *работать*, стоят на первой степени» [76]. Павский считал соотносительные глаголы разных степеней разными словами. «Глаголы всех трех степеней гораздо удобнее расставлять в словарях отдельно, потому что они состоят в зависимости только от корня, а сами между собой не всегда подчинены друг другу» [77]. Считая различия степеней основой русской глагольной системы, Павский упростил сложную ломоносово-востоковскую теорию времен. Он ставил формы времени в полную зависимость от видовых различий. Павский находил в глаголах средней степени (несовершенного вида) три времени: настоящее, прошедшее и будущее описательное, в глаголах первой степени — однократных и совершенных — два времени: будущее и прошедшее, и в глаголах третьей степени — многократных дальних — одно прошедшее [78].

Критики Павского упрекали его, что он в понятии степени смешал разные признаки. «Степень силы действия нельзя сопоставлять со степенью широты пространственной, а степень продолжительности нельзя сравнивать со степенью бливости или дальности проявления действия» [79].

Наиболее глубокая и вместе с тем сочувственная критика учения Г. Павского о видах принадлежит А. А. Потебне [80]. Потебня доказывает, что «деление на три степени неполно». В пределах одной и той же степени сталкиваются разные типы глаголов. Так, к первой степени у Павского относятся глаголы непроизводные вроде *дать*, *пасть* и моментальные, однократные с суффиксом *-ну-*: *мелькнуть*, и образованные посредством префиксации: *уйти*, *прочитать*. Между тем, глаголы «однообразные» (моторно-определенные) типа *лететь*, *брести*, *нести* и т. п., в сущности, не подходят ни под одну из трех степеней Павского. «*Лететь — лечу* не может быть глаголом однократным, подобно мгновенному *мелькнуть*, и не может принадлежать к первой степени Павского. Но глагол этот не может принадлежать и ни к какой другой степени, потому что он, очевидно, не может быть назван многократным». Павскому поневоле приходится все моторно-определенные глаголы (вроде *лететь*, *плыть*, *нести* и т. п.) причислить ко второй степени. «Таким образом, вторая степень, если оставить в стороне глаголы прерывистые *(почитывать)*, совмещает в себе две не идеальные, а явственно обозначенные языком степени: с одной стороны, *плыть*, *лететь*, *садить*, с другой — произведенные от них *плавать*, *летать*, *сажать*». Отсюда А. А. Потебня делает заключение «о недостаточности тройственного деления». Это заключение подтверждается и тем, что, по Павскому, «во многих глаголах есть по две первые и по две, по три вторые степени, совершенно различные по образованию и

«никаких крат не выражают» (ср. *колоть* и отношение этой формы к *кольнуть* и *калывать*). «Отождествление продолжительности и кратности оказывается ошибочным: остается разделить эти понятия» (А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. IV, стр. 19—20). Между тем, в описании вида неопределенно-кратного у Давыдова «заключены поразительные противоречия» (там же, стр. 20). «Если вид неопределенно-кратный не определяет ни начала, ни конца действия, то каким же образом он может заключать в себе глаголы начинательные и окончательные?» Кроме того, к неопределенно-кратным глаголам отнесены глаголы как совершенного, так и несовершенного вида.

значению, между тем как в других вовсе нет третьей степени, хотя есть форма, которая могла бы иметь значение ее». Например, *двинуть*, *сдвинуть* и *сдвигать* относятся Павским к первой степени. «Спрашивается, с какой же стати глаголы, как *вакинуть* и *вакидать* и множество других подобных, различных по форме и по степени длительности, соединяются в одну степень?» [81]. Ср. *сбросать* и *сбросить*. Необходимость втискивать в рамки одной степени глаголы разного морфологического строя и разных количественных значений и оттенков (например, среди глаголов второй степени: *ломить*, *ломать*, *выламывать; бежать*, *бегать*, *выбегать* и т. п.) лишает схему Павского единства и цельности.

Кроме того, Потебня подчеркивает, что «в степенях Павского мы не находим исторической последовательности». Но «постепенность не историческая, а такая, при которой первая степень названа первою по индивидуально-психологическим побуждениям, а в языке оказывается не первою, такая «идеальная» постепенность не имеет для языковнания никакой цены». Между тем, в учении Павского нарушена вся перспектива формообразования. «Глаголы мгновенные, принадлежа к первой степени *(кольнуть)*, производятся из первообразных *(колоть)*, которые по значению суть многократные неопределенные и принадлежат ко второй степени» (см. Павский, §§ 28 и 19). Точно так же глаголы окончательные, или решительные, как *прочитать*, принадлежат к первой степени, а простые, как *читать*, — ко второй. Глаголы прерывистые *(почитывать)* принадлежат ко второй степени, а простые (продолжительные дальние — *читывать*) — к третьей» [82]. Таким образом, схема Павского не соответствует ни исторической, ни этимологической последовательности явлений. Но она не отражает или во всяком случае отражает очень неполно и односторонне картину живых морфологических отношений в структуре глагола. Так, Павский допускает, что предлоги то «переводят» глагол из одной степени в другую (например, *петь* — *спеть*), то не имеют никакого влияния на степень длительности (ср., например, *ходить* и *выходить* — в отличие от *выходить*).

Наконец, Павский совсем упускает из виду основные понятия — с о в е р ш е н н о с т и и н е с о в е р ш е н н о с т и. «Совершенность и несовершенность не исключает степеней длительности». Глагол каждой из трех степеней Павского может быть несовершенным *(идти*, *ходить*, *хаживать)*. Но, по мнению Потебни, глагол каждой из трех степеней может быть также совершенным *(пойти*, *находить* — начать ходить, *нахаживать* — начать похаживать; ср. *понавыталкивать*, *повытолкать* и *вытолкнуть)*.

Мысли Павского послужили отправной точкой для новой теории видов, изложенной К. С. Аксаковым в брошюре «О русских глаголах» (1855). К. С. Аксаков воспринял учение Павского о трех степенях, но придал понятию степени более качественную окраску. «Здесь определяется самое действие в его существенных проявлениях, в его моментах...» [83]. «Русский глагол имеет три степени, выражающие разные определения (моменты) самого действия в его существенном значении: степень н е о п р е д е л е н н у ю, степень о д н о к р а т н у ю, степень м н о г о к р а т н у ю. Изменение глагола по этим трем степеням в лице и числе — есть спряжение» [84]. Категория вида кладется Аксаковым в основу всей системы спряжения. Видовые изменения глагола — центр спряжения. Естественно, что К. С. Аксаков признает разные видовые варианты одной и той же основы формами одного и того же глагола. «Все эти формы — формы одного и того же глагола, но формы не времени, а качества действия; понятие же о времени... есть выводное из качества действия...» * («Сочинения филологические», I, стр. 417);

* Выдвигание вида на первый план в системе спряжения русского глагола исторически обусловлено потребностью подчеркнуть национальные особенности русского языка, его отличия от западноевропейских языков. Показательно единодушие в этом вопросе между такими разными грамматистами пятидесятых годов, как К. С. Аксаков и С. Шафранов. Характерен протест Шафранова против отнесения разных форм вида *(колоть, кольнуть, калывать)* к разным словам: «Между формами

Теория К. С. Аксакова была углублена проф. Н. П. Некрасовым*. Проф. Некрасов старался устранить двойственность признаков — количественных и качественных в определении категории вида. «В русском глаголе качественность формы бросается в глаза с первого взгляда...» (стр. 149). «Качественность действия заключается в свойстве его проявляться кратко или быстро и медленно или продолжительно. Краткость и продолжительность проявления действия соответствуют сжатости и растяжению формы» (стр. 149) **. «Будучи свойством, продолжительность действия может проявляться в различной степени, т. е. она может быть меньшею и большею продолжительностью. Наименьшая продолжительность будет, конечно, та, в которой начало действия совпадает в сознании с концом его...». «Напротив, наибольшая продолжительность будет, конечно, та, в которой конец действия представляется для сознания наиболее удаляющимся от его начала». В этих случаях «сама продолжительность представляется сознанию повторяющеюся от времени до времени» (стр. 151). Эта «кратность, будучи степенью

колоть, *кольнуть*, *калывать* разница в значении не лексикографическая, а только синтаксическая» («О видах русского глагола в синтаксическом отношении», М. 1852, стр. 30). По Шафранову, образования с суффиксом *-ну-* для обозначения однократности и мгновенности действия не составляют самостоятельных слов, а являются лишь формами основного глагола (*двинуть — двигать* и т. п.). Точно так же производные формы на *-ывать*, *-ивать* относятся к числу форм основного глагола, а не образуют самостоятельного спряжения. «Приученные латинской грамматикой видеть в темах venire, venisse, venturum esse различие времени... и находя у себя в каждой простой форме неопределенного наклонения особый, самостоятельный глагол, иностранцы ... приступили к разъятию нашего спряжения, так, например, глагол *колоть* раскололи на три глагола: *колоть*, *кольнуть* и *калывать* и стали спрягать каждый из них отдельно» (стр. 66).

* Аксаковскую теорию видов разделял А. Гильфердинг (см. его исследование «Об отношении языка славянского к языкам родственным», М. 1853, стр. 115—119), но подчеркивал ту мысль, что славянская категория вида — это категория качества (в отличие от литовского языка, в котором видовые различия выражают категорию количества). Ср. критические замечания А. А. Потебни в т. IV «Из записок по русской грамматике».

Известный славянофил И. В. Киреевский писал К. С. Аксакову по поводу его брошюры «О русских глаголах»: «Формы спряжения русского глагола выражают не одно время, но еще и другие качества действия, и потому вы правы против Ломоносова и его последователей, смешавших эти другие качества с категорией времени, и против Фатера и Боппа, раздробивших один глагол на многие разные, смотря по различному его выражению различных качеств того же действия» (И. В. Киреевский, Полное собрание сочинений, 1861, т. I, стр. 103—104).

** Эта мысль о звуковом «символизме» видов русского глагола, о соответствии между расширенной формой глагола и «расширенным кругом самого действия» восходит к Каткову. («Об элементах и формах славяно-русского языка», стр. 205). «Действие ощутимое (определенное) любит форму краткую, спряжение быстрое, и потому глагол для его означения сокращает свою этимологическую форму; наоборот, для означения действия мысленного (неопределенного) глагол расширяет свою форму и переходит в класс, где образовательный характер сильнее» (стр. 198). «Для выражения отдаленности или давности действия язык прибегает к характеру *а*... глагол *дать*, распространяясь, принимает *а* — выходит *даять* и *давать* (эвфонич. вместо *да-áть*); расширяясь далее, для означения действия давнего, он принимал снова характер *а*, и выходит форма *давы-вать (давывал); был*, *бывáл*, *бывывал*... В подобных формах новый вес сообщается глаголу продолжением коренного слога, т. е. переходом ударения с конца к началу. Указанный нами символизм глагольных форм существовал с неменьшей силой и в древнем языке церковнославянском» (стр. 203—204).

продолжительности, главным образом имеет качественное значение, выражая особую силу, энергию действия в его проявлении» (стр. 152). Однако «таким пониманием кратности действия мы не хотим и не можем отрицать безусловно количественности ее значения для действия, но желаем лишь сохранить ее существенное значение, значение качественное, которое может легко переходить и в количественное» (стр. 154). «Качественность русского глагола представляет три главных степени своего проявления:

1) краткую *(двинуть, махнуть)*,

2) продолженную *(двигать, махать)*,

3) кратную *(двигивать, махивать)*» (стр. 155—160).

Основой видовых изменений глагола является «продолженная степень» (т. е. несовершенный вид). В форме продолженной степени продолжительность действия «представляется сознанию независимо от проявления действия на самом деле» (стр. 157), т. е. как свойство, которое может проявляться (например, *двигать, катать*). «Форма продолженной степени (т. е. несовершенного вида) существует у всех глаголов. Остальные две формы могут быть и не быть, смотря по смыслу действия, выражаемого продолженною степенью...». Но «вообще продолжительность легче может быть усилена, чем сокращена; ибо усиленная продолжительность есть все-таки не что иное, как та же продолжительность, а краткость есть как бы уничтожение, отрицание продолжительности...». Поэтому, по мнению Некрасова, в русском языке встречается гораздо менее форм краткой степени (т. е. совершенного вида), чем форм кратной степени» (стр. 160—161). Этот упор на «многократный» вид, свойственный по преимуществу устной речи и народной словесности, обличает народническую основу грамматических построений Н. П. Некрасова. И все же эти грамматические построения не находили поддержки в живых фактах русского литературного языка XIX века. Н. П. Некрасов, так же как и Аксаков, считал все соотносительные видовые варианты формами одного и того же глагола.

Теория трех степеней представляет собой оригинальную попытку осмыслить виды русского глагола как разные формы выражения степеней качества. Понятие степени раскрывалось или как сочетание количественно-временных и пространственных признаков действия (Павский), или как сочетание количественно-временных и качественно-временных признаков (Аксаков), или как сочетание качественно-временных признаков с признаками силы, энергии действия (Некрасов). Несмотря на ряд отдельных глубоких наблюдений, теории Павского, Аксакова, Некрасова не охватывали всех явлений видового соотношения и явно смешивали кратные значения и оттенки с качественно-видовыми.

Критика А. А. Потебни направлена в одинаковой мере была против всех этих теорий.

§ 26. Категория вида и ее история в изображении Потебни

А. А. Потебня не создал законченного учения о видах русского глагола. Его взгляды на этот вопрос менялись. Кроме того, черновые записки Потебни, относящиеся к учению о видах, перемешаны. Редакторам IV тома «Из записок по русской грамматике» не удалось восстановить последовательную эволюцию взглядов Потебни на категорию вида. Несомненно лишь одно, что различие в степенях длительности действия, выдвинутое Г. Павским, играло большую роль и в учении Потебни о видах русского глагола. Повидимому, сначала — под влиянием Г. Павского — Потебня именно в различиях степеней длительности действия видел сущность видовых значений. «Вид есть степень продолжительности времени, заполняемого действием или состоянием» [85]. «Совершенность или несовершенность глаголов тесно связана с видами, но тем не менее ее следует отличать от вида». Таким образом, хотя в понятии вида признак длительности обычно сочетается с представлениями о совершенности и несовершенности [86], но он может быть и независим от них. «Длительность действия не должна быть противопостав-

ляема понятию совершенности». «Совершение как оконченность противоположно неоконченности. Та и другая не подходят под понятие вида» [87]. «Язык находит связь между меньшею длительностью и совершенностью, большею длительностью и несовершенностью, из чего не следует, чтобы вообще эти две категории (вид совершенный или несовершенный) могли быть соединены в одну» [88]. Глаголы совершенного вида могут выражать разные степени длительности *(ср. вытолкать, вытолкнуть, повыталкивать)*. С другой стороны, «действие длительное и многократное может представляться оконченным, не переставая вместе с тем представляться длительным и многократным» *(ср. понатаскать, понавывертывать)*. Впоследствии Потебня, придавая большое значение различию по степени длительности, стал связывать понятие вида с категориями совершенности и несовершенности.

Под видом — писал А. А. Потебня — до сих пор разумеют две совершенно различные категории: совершенность и несовершенность — с одной, и степени длительности — с другой. Таким образом, «деля по виду, под покровом этого слова вносят двойственность деления. Во избежание сбивчивости было бы желательно оставить название вида за чем-нибудь одним: за совершенностью и несовершенностью или за степенью длительности, благо самое слово «вид» может быть приложено, по этимологическому значению и по прежнему употреблению, и к тому, и к другому, и ко множеству понятий» [89]. Категории совершенности и несовершенности сформировались и обобщились позднее, подчинив себе и различия по степени длительности. Это обстоятельство в конечном счете и заставило Потебню склониться к отождествлению понятия вида в его современном выражении с категориями совершенности и несовершенности. Дело в том, что, по мнению Потебни, «система видов должна быть не описанием, а историей их происхождения» [90]. «Путаница в понятиях о виде, на которую издавна и до сих пор жалуются, происходит не столько от неполноты наблюдений современного языка, а от недостатка обыкновенной или, что то же, исторической точки зрения, с которой можно бы было усмотреть постепенность и порядок в наслоении значений, называемых видами» [91]. «Различные виды появляются не одновременно, поэтому непростительно принимать за исходную точку деления такой вид, который по времени происхождения позже других» [92]. Образование равных степеней длительности предшествовало возникновению категорий совершенности и несовершенности. «Первоначально совершенность и несовершенность вовсе не обозначались» [93], т. е. не были грамматическими категориями. «Совершенность и несовершенность, с одной стороны, и степени длительности — с другой, не составляют одного ряда (continuum), но относятся друг к другу как два различные порядка наслоений в языке» [94]. Формирование степеней длительности также следует представлять как сложный процесс развития отвлеченных понятий о действии (понятий о собирательном и множественном действии). Когда-то «вида вовсе не было в языке славянском, как, например, нет его в настоящее время в немецком, в котором видовые оттенки действия или вовсе не существуют для мысли, или выражаются описаниями, так что, например, одно tragen заменяет нам *нести*, *носить*, украинское *ношати*, украинское *ношувати*, русское *нашивать*» [95].

«Действие, обозначенное глаголом *нести*, *несу*, есть то, которое выделяется мыслью непосредственно из чувственного воззрения, между тем как формы *носить*, *нашивать*, если устраним различие в их значении, имеют то общее, что обозначают действие как продукт большого отвлечения. Чтобы употребить выражение *ношу* в обыкновенном его смысле, нужно обнять несколько моментальных действий, порознь добытых из чувственного возврения, и представлять эти действия одним протяжением. Из этого уже видно, что язык, прибавляя к формам, как *нести*, такие, как *носить*, *нáшивать*, между прочим, стремится к своеобразной отвлеченности мысли» [96].

Впрочем, предупреждает Потебня, «о конкретности и отвлеченности следует говорить с оговорками. Отвлечение предполагает отрицание известных составных частей мысли, принимаемой за первичную... Содержание внутренних форм глаголов *несете* и *носите* различается не тем, что количественных признаков в первом больше, чем во втором, а тем, что действие

в первом представляется единичным (хотя и не однократным или мгновенным), а во втором — собирательным. В последнем единичные действия не сливаются в одно (как, например, все виденные мною дубы в содержании слова *дуб*), а строятся в непрерывный ряд (как отдельные образы хвойных деревьев в содержании собирательного *бор*)». «Если глаголы первых двух степеней *(нести, носить)* назовем единичнодлительными и собирательными, то глаголы третьей степени могли бы мы назвать множественными по сходству их значения со значением множественного числа существительных единичных, сравниваемых со значением существительных единственного числа собирательных» [97]. Четвертая степень длительности — это мгновенность или однократность. Итак, по мнению А. А. Потебни славянский глагол выражает четыре степени длительности: 1) определенное совершение действия (*плывет*), иначе конкретную длительность действия; 2) отвлеченную длительность, продолжающуюся без перерывов *(плавает)*; 3) продолжение действия с промежутками; 4) действие моментальное [98]. Различие всех четырех степеней действия свойственно не всем глаголам, а лишь «глаголам вещественного движения, сопряженного с переменою места» *(катить, катать, катывать, катнуть)*.

Обыкновенно формально различаются три или две степени. Употребление так называемых «многократных» форм в литературном языке по сравнению с древнерусским языком идет на убыль. «Глагол многократный обнимает больший период времени, чем глагол отвлеченно-длительный, подобно тому как вообще в воспоминании время, заполненное большим количеством впечатлений, кажется нам продолжительнее времени, менее обильного впечатлениями, хотя бы объективно первое и второе время были равны. Очевидно, длительность глаголов измеряется не объективно в строгом смысле этого слова, а, так сказать, народно-субъективно, т. е. мерою, данною самим языком, степенью глаголов, принятою за единицу» [99].

Значение многократности осложняется оттенками постоянства и всегдашности и частично, особенно в предложных образованиях, вытесняется ими. «Под понятие постоянства и всеобщности подходит отрицание, относящееся не к данному моменту совершения действия, а к продолжительному периоду времени, занимаемому действием или бытием» [100] (ср.: *Слыхал? — Не слыхивал. — Видал? — Не видывал.*).

«Глаголы однократные с внешней стороны обозначаются характером *-н-*, с лексической — тем, что это глаголы движения внутри определенного пространства, света, звука. Они не образуются: а) от глаголов движения, сопряженного с видимою переменою места: *полз-, бег-, шалить, валить, блудить, волок-, стерег-, ид-, ед-, вез-, нес-, лез-, плыв-, бред-, шед-, езн-;* б) от начинательных *(стану, сяду, лягу, сохну);* в) от глаголов, в коих действие представляется вне связи с пространством *(петь, говорить, думать, влезать, плести, писать)*» [101].

Потебня подчеркивает, что мгновенность или однократность нельзя смешивать с совершенностью. По мнению Потебни, совершенные беспредложные (вроде *дать, пасть, решить, женить* и т. п.) следует сопоставлять не с однократными глаголами, а с глаголами конкретно-длительной степени *(идти, нести* и т. п.). «Степень эта ближе всех подходит к мгновенным глаголам, потому что означает наименьшее после мгновенности продолжение действия» [102]. Об этом свидетельствует и история языка. «Однократность составляет степень длительности, но не потому, что глаголы однократные суть совершенные, а независимо от этого... Однократность и совершенность понятия не тождественные, так как последнее гораздо обширнее первого, и есть множество глаголов совершенных, но не однократных; категории эти для пользы разумения языка следует разделять, а не смешивать, так как и по времени происхождения они различны» [103].

«Значение производных на *-а* (большей степени длительности: *падать, -седать, -легать, давать* и т.п.), имеющих при себе первообразные совершенные, вовсе не предполагает совершенности, а вытекает из значения, не имеющего ничего общего с совершенностью и предшествующего ей. *Давать* образовано от *дать* в то время, когда последнее еще не было совершенным, так что со-

вершенность глагола *дать* (и всякого первообразного) не есть степень длительности по отношению к *давать*» [104]. Конечно, есть глаголы, вовсе не различающие степеней, по крайней мере в общелитературном языке, например: *гудеть*, *шипеть*, *рябить*, *сквозить*, *стараться* и т. п. [105].

Образование категорий совершенности и соотносительной с нею категории несовершенности связывается Потебней с «влиянием предлогов на виды». «То, что принято за влияние предлогов на вид, есть зависимость совершенности и несовершенности, между прочим, от присутствия или отсутствия предлога» [106]. Это влияние предлога на вид было вызвано внутренними изменениями функций предлогов. В значении предлогов заметны «два наслоения» (ср. *походить* — идти за, после, отсюда: быть похожим, и *походить* — провести некоторое время в ходьбе). Более древнее значение предлога — значение пространственное, значение направления; позднейшие значения — значения времени и степени интенсивности. С предлогами вторичных значений глаголы движения «получают значение: пройти до конца, обозначенное временным, а не местным предлогом или известным результатом; двигаться во времени, которое представляется средою и предлогом движения» [107]. Так развивается и выражается значение оконченности или совершенности действия. «На те глаголы, которые получили совершенное значение независимо от предлога, каковы однократные..., предлог обнаруживает лишь то влияние, какое он может иметь, например, в немецком, т. е. значение известного пространственного отношения и отношений, от него производимых или им представленных, в том числе отношения цели» [108].

Понятно, что «глаголы наиболее длительные (многократные 3-й степени) от присоединения одного предлога не становятся совершенными, несмотря на окончательное значение предлога. Это следует понимать так, что окончательный предлог обозначает предел каждого из моментов, входящих в значение многократного глагола, но никак не предел целого ряда крат» [109].

На основе различия понятий совершенности и несовершенности в глаголах сложных с предлогами, возникает сознание тех же различий и в глаголах беспредложных, но выражающих разные степени длительности: «Одновременно с появлением при *пасть* глагола *падать* (т. е. вообще глаголов, выражающих большую длительность или повторяемость действия) начинается видовое разграничение этих глаголов. Глагол предшествующего, более простого и древнего строения стремится стать совершенным, между тем как последующий становится более или менее длительным и отвлеченным. Первоначально это разграничение не резко» [110]. С понятием совершенности или совершенного вида А. А. Потебня связывает оттенки результата [111] и предела действия.

§ 27. Грамматическая стабилизация видовой системы. Спор о количестве видов и их иерархии

Работы Павского, Каткова, Аксакова, Некрасова помогли глубже вникнуть не только в систему образования видов, но и в грамматическо-семантический строй категории вида, в ее функции. Все отчетливее выступала соотносительность видовых форм. Все яснее обрисовывались качественные различия между видовыми значениями.

Понятие степени, выдвинутое Павским, Аксаковым, Некрасовым, в позднейших грамматиках привлекалось лишь для характеристики внутривидовых различий между глаголами; например, у Овсянико-Куликовского выделялись также разновидности несовершенного вида: а) длительный первой степени: *нести*, *везти*, *течь*, *идти* и т. п.; б) длительный второй степени: *носить*, *возить*, *водить*, *протекать* и т. п.; в) длительный третьей степени с различными оттенками: *прохаживаться*, *похаживать*, *нашивать* и т. п [112]. Быть может, здесь сказывалось влияние не только Павского, но и лекций Потебни.

Учение о видах как о соотносительных, но разных типах глагольных слов — то трех, как у Буслаева: 1) продолженный, 2) совершенный и однократный и 3) многократный *, то четырех — с выделением однократного в особый тип **, а затем все чаще двух основных — совершенного и несовершенного *** — дожило почти до современности ****. Основной задачей изучения видов становилось выяснение разнообразных видовых оттенков глагола и объединение их вокруг основных, центральных значений. Так, по мнению проф. А. Будиловича, длительность действия является «родовой характеристикой глагольной системы». Длительность эта может быть рассматриваема и изображаема либо без ближайших определений и оттенков, либо в соединении с таковыми. В первом случае получается вид неопределенный (например, *сидеть*, *лежать* и т. п.). Из оттенков же длительности особенно рельефно, по Будиловичу, выступают четыре: «Длительность определяется: 1) в ее усиленной экстенсивности или интенсивности (вид усиленный, например, *бирать*, *живать* и т. п.); 2) в ее начале и постепенном инертном возрастании (вид начинательный, например, *сохнуть*, *киснуть*, *худеть*, *белеть*); 3) в ее завершении, окончании (вид окончательный, например, *дать*, *купить*, *родить*, *сесть*); 4) в мгновенности своего проявления (вид мгновенный, например, *крикнуть*, *плюнуть*, *махнуть*)».

Три первые вида (неопределенный, усиленный, начинательный) объединяются в названии глаголов несовершенных; два последние (окончательный и мгновенный) называются глаголами совершенными. Наряду с обозначением пяти основных видов глагольной длительности в славянском глаголе отличаются и «некоторые другие аналогичные оттенки глагольной системы, например, фактичность и возможность действия (*плыть* и *плавать*), однообразие и разнообразие (*иду* и *хожу*), однократность и многократность, полнота и неполнота (*застрелить* и *подстрелить*), законченность и неза-

---

* Ф. И. Буслаев, различая те же три основные вида, что и Востоков и Лангельшельд (продолжительный, совершенный или однократный), не проводит четкой границы между категориями вида и времени. «Видами означается действие или 1) вообще, т. е. отвлеченно, или 2) наглядно, т. е. с означением времени настоящего, прошедшего или будущего и какого-либо направления действия» («Историческая грамматика», § 181).

** Учение о четырех видах русского глагола (неокончательном, или коренном, совершенном, многократном и однократном) защищал В. Г. Белинский. См. его рецензию на «Грамматику языка русского» И. В. Калайдовича (В. Г. Белинский, Соч., ч. I, М. 1872, стр. 156—157).

*** В. Добровский в работе «К учению о русском и славянском глаголе» («Филологические записки», 1883—1884) допускает два основных вида: длительный и мгновенный. Но затем в пределах каждого вида находит подвиды (дивергенты): в мгновенном — однократный, в длительном — многократный (глаголы «недостаточно-давние»: *читывал*, *хаживал* и т. п.).

**** В 1899 г. А. Вейсман в «Заметках к истории русской грамматики» писал: «Учение о видах является не вполне установленным... Учебники грамматики расходятся между собою частью в делении видов, частью в наименовании их. Так, одни принимают два, другие — три, третьи — четыре вида. Одни отделяют однократный вид от совершенного, другие делят и совершенный и несовершенный вид на два отдела, а именно, на: 1) несовершенный продолженный и 2) несовершенный многократный; совершенный — на: 1) совершенный однократный и 2) совершенный начинательный и окончательный» («Заметки к истории русской грамматики», «Журнал министерства народного просвещения», 1889, июль, стр. 120). Сам Вейсман предлагал различать три вида, исходя из предположения, что виды главным образом выражают кратность действия: 1) неопределеннократный, или длительный; 2) однократный, к которому относится и мгновенный, и 3) многократный.

конченность, ощутимость и неощутимость и т. п. Но все эти оттенки имеют уже второстепенное значение» *.

Соотносительные видовые образования от одной основы решительно объявлялись разными словами. Так, проф. Н. К. Грунский, выражая господствующую точку зрения, считает «более правильным» мнение Миклошича, что «глаголы равных видов в сущности разные глаголы» [113]. Между тем, на этой почве возникало множество недоумений, чаще всего связанных с вопросом, как относиться к формам так называемого «многократного» и «однократного» вида. В научной грамматике все более и более созревало убеждение, что выделение многократного и однократного «видов» несоотносительно с делением глаголов на основные виды — несовершенный и совершенный **. Ведь качественные видовые значения явно подчинили себе количественную диференциацию оттенков действия (по «кратности»). Различаемые по количественным признакам по «степени длительности» однократный и многократный виды, естественно, представлялись многим лингвистам лишь разновидностями основных видов — совершенного и несовершенного [114].

Л. П. Размусен в 90-х годах XIX в. писал: «Однократные глаголы, как *кинуть*, *блеснуть*, *лопнуть*, не составляют особого вида, ибо от других глаголов совершенного вида отличаются только в количественном отношении, означая действие, продолжающееся так кратко, что говорящему невозможно различать в нем более одного момента... Мы в этом случае рассматриваем как одно целое такое время, такое пространство, которого мы иначе рассмотреть не в состоянии. Разделяя же виды по категории единства, мы не можем сопоставить с ними какого-то «однократного» или «мгновенного» вида, ибо это значило бы внести в разделение посторонний принцип» [115].

---

* А. Будилович, Начертание церковнославянской грамматики применительно к общей теории русского и других родственных языков, Варшава 1883, стр. 249—250.

В грамматических статьях второй половины XIX в., исходивших не из среды профессиональных лингвистов, делались попытки умножить количество видов русского языка до пяти-шести. Авторы в этом случае опирались на такие лексические различия глагольных значений, в которых отражалось многообразие старинной видовой диференциации глагольных основ. Например, преподаватель М. Крыгин — вслед за А. С. Будиловичем — насчитывал пять видов русского глагола: 1) мгновенный, или начинательно-окончательный (с «неотметаемой приметой» *-ну-*: *моргнуть*, *стукнуть* и т. п.); 2) многократный, или усиленно-длительный (с приметою *-ива-*, *-ыва-*, *-ва-*, *-а-*): *читывать* и *почитывать* *хаживать*, *похаживать*, *знавать* и т. п.). Тут два подвида, или две группы: глаголы предложные, живописно-определенные в разных отношениях (*списывать*, *приплясывать*, *разгуливать*), и беспредложные односторонние определенные (*хаживать*); 3) начинательный, или начинательно-ингрессионный с отметаемою приметой *-ну-*, а иногда *-е-* (*вянуть*, *веленеть*); 4) неопределенно-длительный, характеризуемый приметами *-а-(-я-)*, *-и-*, *-е-* *-ова-*, *-ева-*: *писать*, *водить*, *кивать*, *теребить*, *горевать* и т. п.; 5) окончательный, или длительно-окончательный: *завянуть*, *написать*, *переколоть*, *растереть* и т. п. Сюда относятся также некоторые беспредложные глаголы с приметою *-и-* и менее 10 первообразных (*дать*, *сесть* и т. п.) (А. С. Будилович, Начертание церковнославянской грамматики, Варшава 1883; М. Крыгин, журн. «Гимназия», 1890, № 2—3, стр. 167). Отличие предложных глаголов несовершенного вида на *-ывать*, *-ивать* (вроде: *рассказывать*, *перепахивать*, *порасчесывать*) от простых типа: *кидать*, *пахать*, *чесать*, М. Крыгин описывал так: «При словах «раскидывать», «перепахивать», «порасчесывать» мыслю, конечно, не простое длительное действие, но, прежде всего, действие интенсивное, сосредоточенное, усиленное» (журн. «Гимназия», 1890, май, июнь, июль, стр. 476).

** Ср. замечание А. А. Потебни: «Совершенность и несовершенность, с одной стороны, и степени длительности — с другой, не составляют одного ряда (continuum), но относятся друг к другу как два различные порядка наслоений в языке («Из записок по русской грамматике», т. IV, стр. 62).

Проф. Г. К. Ульянов писал о глагольных основах со значением однократности: «Нельзя это значение данных основ рассматривать как значение соотносительное с кратным и противополагать значения многократное и однократное: однократное значение есть частный случай значения недлительности» [116]. «Русские основы с *-ну-* нельзя называть однократными вследствие того, что они ни по формам, ни по значению не стоят в связи с основами кратными: они производятся непосредственно от основ, обозначающих длительное время признака, но признака составного; вследствие этого значение недлительности в этих основах легко видоизменяется в значение моментальности. Однако это видоизменение не является необходимостью» [117]. «Если длительное время признака представляется как сложное или составное из отдельных моментов, то представление недлительности такого времени может быть именно представлением его отдельного момента. Этого рода значение недлительности удобнее называть значением моментальности, а не значением однократности, так как этот последний термин указывал бы на какое-то отношение данного значения к значению кратности, между тем как в действительности между тем и другим значениями нет никакого отношения» [118]. Сложные основы с моментальным значением производятся не только от кратных, но и от таких некратных основ, которые обозначают действия, состоящие из отдельных моментов (например: *толкнуть — толкать; прыгнуть — прыгать; плюнуть — плевать* и т. п.).

Точно так же и многократные глаголы стали рассматриваться как разновидность несовершенного вида. Л. П. Размусен писал: «К несовершенному виду принадлежит и особый разряд так называемых «многократных» глаголов (*говаривать, нашивать, бирать, знавать* и др.), которые собственно с усиленною степенью наглядности выражают то представление одной только вещественности, которое вообще выражается несовершенным видом, а затем уже употребляются при повторении действия».

Однако оставалось неясным, считать ли, например, *сидеть* и *сиживать* разными словами или формами одного слова, тем более что форма *сиживал* понималась как давнопрошедшее время к глаголу *сидеть*. Многократный вид еще очень долго ставился в параллель с несовершенным и совершенным как соотносительная с ними категория. Так, проф. В. А. Богородицкому в своем курсе грамматики приходилось настоятельно возвражать против признания многократного вида особой категорией. Проф. Богородицкий находил в беспредложных глаголах на *-ывать, -ивать* и на *-ать* (типа *бирать, видать* и т. п.) лишь особый оттенок значения «в смысле прошедшего обыкновения (напр., *едáл* = случалось есть)» [119].

Труды проф. Г. К. Ульянова, акад. Ф. Ф. Фортунатова, проф. А. Мазона, акад. А. А. Шахматова, проф. В. А. Богородицкого, А. М. Пешковского, С. О. Карцевского и др. [120] содействовали укреплению и распространению учения о двух видах русского глагола — совершенном и несовершенном.

Вместе с тем вошла в общий научный и учебный обиход (особенно под влиянием учения Потебни и фортунатовской концепции формы отдельного слова) мысль о том, что разные видовые образования от одной и той же основы всегда являются разными словами.

Однако в понимании значения и назначения двух основных видов — особенно совершенного — не было достигнуто единства, несмотря на то, что общее определение самого понятия вида не вызывало больших разногласий. Достаточно сопоставить определения категории вида у таких исследователей, как Фортунатов, Бругман, Шахматов, Мейе, Овсянико-Куликовский и Пешковский. По Фортунатову, понятие вида обнимает «такие образования основ в глаголах, которыми данные явления (т. е. действия — *В.В.*) обозначаются... по отношению к их существованию во времени» [121]. Это определение популяризируется А. М. Пешковским: «Категория вида обозначает, как протекает во времени или как распределяется во времени тот процесс, который обозначен в основе глагола» [122]. Очень близко к этому подходит и формулировка А. А. Шахматова: «Видами называются те различия в гла-

гольных образованиях, которыми обозначаются различия в способе прохождения (течения, совершения, выполнения) действия или состояния, выраженного глагольной основой» [123]. (Ср. у Бругмана: «Вид — это способ и путь прохождения действия, выраженного глаголом» [124]). В сущности о том же, но в форме описания, а не логического определения говорит и Овсянико-Куликовский: «Видами называются глагольные формы, изображающие действия (состояния) с их качественной стороны, по признакам длительности, медленности, скорости, мгновенности, повторяемости и т. д.» [125].

§ 28. Современные грамматические разногласия в определении сущности двух основных видов русского языка — совершенного и несовершенного

В общем определении категории вида у исследователей русского языка не было разногласий и друг с другом и с западноевропейскими лингвистами. Но до сих пор русским грамматикам не удалось найти то «главное различие, которое рассекает русский глагол на две равные части: совершенный и несовершенный виды». Было выдвинуто несколько теорий.

В синтаксисе славянских языков Миклошича нашло опору одно из традиционных и, кажется, до сих пор господствующих в русских (особенно школьных) грамматиках определений вида — несовершенного как выражающего продолжительность (или продолженность) течения действия, а совершенного — законченность (или оконченность) действия. (Ср. определение совершенного вида у Миклошича: «Eine Handlung wird... als vollendet ausgesagt».) Впрочем, Миклошич прибавлял к этой формуле, что совершенный вид означает достижение результата: «das Resultat als erreicht» [126]. Нетрудно заметить, что это определение вступает в прямое противоречие с разнообразными оттенками значений, свойственными сложным приставочным глаголам совершенного вида. Понятие оконченности приходится диалектически переносить и на начало действия, когда речь идет о глаголах совершенного вида с начинательным значением, вроде: *заговорить, защелкать, засвистеть, побежать* и т. п. (Ср. также значение ограничения длительности действия в глаголах с приставкой *по*, вроде: *поплакать, поспать, поиграть* и т. п.) Видоизменения и поправки, которые вносятся в эту схему разными лингвистами, мало ее улучшают. Например, проф. В. А. Богородицкий предлагал различать «глаголы совершающегося действия (категория несовершенного вида) и глаголы «исполненного действия» (категория совершенного вида). Но затем снова приходилось открывать в категории совершенного вида оттенки начала действия (*запеть, побежать* и т. п.) и оттенки «окончания или исполнения действия» (*вспотеть, выкрасить, остричь, поцеловать*) и т. п. *.

* См. «Общий курс русской грамматики» В. А. Богородицкого. Любопытно, что и Миклошич в славянских глаголах совершенного вида различал «unbedingt perfective Verba» и «bedingt perfective Verba», т. е. глаголы, обозначающие законченность без отношения к продолжительности действия, и глаголы, обозначающие законченность по отношению

Рядом с этой теорией в русской грамматике был распространен другой взгляд на виды, сложившийся, повидимому, под влиянием античных и западноевропейских грамматик. Виды рассматриваются как выражение разных этапов, разных моментов действия: совершенный обозначает начало и конец действия, несовершенный — середину действия[127]. Этот взгляд был укреплен А. Х. Востоковым и с тех пор повторяется до настоящего времени в школьной литературе (см., например, в «Русском языке» для педучилищ Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова). Однако эта точка зрения мало объясняет видовые оттенки, например, таких глаголов, как: *посмеяться*, *поиграть*, *посидеть* и т. п. Она исходит не столько из значений самой категории вида, сколько из наиболее общих значений глагольных приставок. Между тем задача грамматики состоит именно в отграничении, в отделении формальных видовых значений от реальных значений и оттенков, привносимых в категорию вида приставками.

Важность отделения «чистого» видового значения от значений (например, начала и конца действия), образуемых «представками», подчеркивал А. М. Пешковский: «В слове *разглядел* есть оттенок удачности, положительного результата действия (то же в *разбил*, *выстроил*, *поставил* и т. п.). Но и это не оттенок совершенного вида, а оттенок представок *раз-*, *вы-*, *по-* и т. д. Именно из-за представок и сложилось учение о «законченности» действия, хотя из-за этой ошибки приходилось прибегать и к оттенку «начала» действия (*закричал*, *затрясся*), что уничтожало общее значение вида» *.

Третья — наиболее распространенная — теория видов изображала различие между видовыми значениями при помощи графических, пространственных аналогий. Совершенный вид обозначает исполнение действия в точку времени, он выражает действие непротяженное, «точечное» (punktuell), в котором конец сливается с началом. Несовершенный вид выражает действие, длящееся, «линейное» (kursiv)**. Эта теория была канонизирована Бругманом, Дельбрюком и Мейе[128]. Она покоится на предпосылке о пространственных, «локальных» формах понимания времени у «примитивного

к продолжительности действия («Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen», IV, стр. 279.)

* А. М. Пешковский, Наш язык, ч. II, стр. 66—67. Еще А. Вейсман заметил: «Сомнительно, чтобы совершенный вид сам по себе означал начинательное действие... Так, в глаголах, сложенных с приставкой *за-*, начало действия совсем не означается самой формой совершенного вида. Ведь многие из этих глаголов имеют начинательное значение и в формах несовершенного вида, например: *затягивать — затянуть; засыпать — заснуть* и т. п. Очевидно, начало действия выражается приставкой *за-*» («Заметки к истории русской грамматики», «Журнал министерства народного просвещения», 1899, июль, стр. 120).

** См. книгу Смита «De verbis imperfectivis et perfectivis in linguis slavonicis» (Kjöbenhavn 1875). Ср. его же «Kortfattet Loere om de russiske Verber» 1871, стр. 14). Ср. у Каткова в его диссертации «Об элементах и формах славяно-русского языка» (1845): Определенный вид «выражает действие в самой точке его совершения» (224).

индоевропейца». «Глагольные виды не что иное, — писал проф. И. В. Нетушил, следуя за Бругманом, Дельбрюком и Курциусом, — как только выражение своеобразных представлений примитивного индоевропейца о времени действия». Всякое действие представлялось этому индоевропейцу в образе движения. Восприятие движения во времени зависело от представления пространства как исходной или заключительной точки движения или же как линии, пройденной каким-нибудь движением. На этой почве «возникает представление о двойном виде действий, причем понятие совершенного вида сводится к представлению о пространственной точке, в то время как в основании понятия несовершенного вида лежит представление о пространственной линии. Представление же о пространстве в применении к действиям, которые могут быть рассматриваемы как движения только в переносном смысле, получает само тоже переносный характер, из чего и развился обычный смысл видовых отношений. Совершенный и несовершенный виды употребляются сообразно с тем, желает ли говорящий отметить только исходный или заключительный момент какого-либо действия или же, наоборот, он намеревается обратить внимание на все протяжение времени, в течение которого развивалось это действие»[129].

Это учение о «точечности», «непротяженности» совершенного вида и о «линейности», «протяженности» несовершенного вида было воспринято Фердинандом де Соссюром и А. Мейе и от них перешло ко всем руссистам французской школы. В «Курсе общей лингвистики» де Соссюр писал: «Славянские языки последовательно различают в глаголе два вида: совершенный вид выражает действие в его завершенности как некую точку, вне всякого становления; несовершенный вид — действие в процессе совершения и на линии времени» (стр. 116).

Именно этим взглядом руководствовался проф. А. Мазон в своих работах, посвященных видам русского глагола[130]. Однако и он должен был признать наличие таких разрядов глаголов совершенного вида, в которых действие воспроизводится как составной или сложный процесс, достигающий предела путем постепенного развертывания или путем последовательного осуществления отдельных проявлений (ср., например, *попáдать*, *повыталкивать*, *понастроить*, *понавыдумывать*, *попризадуматься* и тому подобные «разнообразные», по терминологии Навского, глаголы)[131].

Поэтому проф. Мазон должен был сделать целый ряд оговорок, противоречащих представлению о «непротяженности», «точечности» совершенного вида. Так, по его словам, «точечность» совершенного вида не исключает дополнительных «линейных» представлений длительности и последовательности, т. е. протяженности (например, у глаголов *пересмотреть*, *обойти* и т. п.)[132]. В глаголах совершенного вида с приставкой *по-* (в ограничительно-уменьшительном значении: *поспать*, *погулять*, *позаниматься* и т. п.) значение совершенного вида напоминает «скорее круг, чем точку»[133]. Глаголы совершенного вида типа *перепáдать*, *повыталкивать* и т. п. (со-

www.ruslang.ru

вершенные неопределенные — perfectifs indéterminés, по терминологии Мазона) означают неопределенность, длительность, но в пределах законченного действия[134]. Они выражают действие «составное и разнообразное», которое разлагается на «неопределенное число последовательных действий». Их видовое значение можно изобразить «в форме круга, но круга с затушеванными контурами»*.

А. М. Пешковский, который также пользовался образами точки и линии для объяснения видовых различий русского глагола, не выдвинул в защиту этой теории никаких новых аргументов. «Несочетаемость идеи течения процесса с совершенным видом, — писал он, — абсолютно всеобща, т. е. нельзя указать ни одного инфинитива совершенного вида, который бы мог сочетаться с глаголами: *начинаю*, *продолжаю*, *бросаю*, *прекращаю*, *прерываю*, *кончаю* и т. д. Поэтому мы принимаем, что значение совершенного вида сводится к непротяженности, недлительности того процесса, который обозначен в корне глагола. Положительную сторону такого представления о «непротяженном» процессе удобно сравнивать с представлением точки по отношению к линии»[135]. Указываемый А. М. Пешковским факт сочетания глаголов *начинаю*, *прекращаю* и т. п. с инфинитивами только несовершенного вида вовсе не обязывает к признанию «непротяженности» совершенного вида. Не ограниченное никакими рамками времени начинание, попытка начинать или прекращать что-нибудь не мирится не только с понятием непротяженности, но и с понятием предельности, временной ограниченности действия, которое в этом случае может и не походить на точку, т. е. может иметь измерение (например: *нагуляться*, *перетаскать*; ср.: *перетащить*, *пересмотреть*, *пролежать* и т. п.).

А. М. Пешковский старается отвести противоречащие факты этого рода с помощью всяческих ухищрений, но его доводы в защиту значения «непротяженности», «точечности» совершенного вида носят казуистический или схоластический характер. Например, в словосочетании *проспать целую ночь*, по Пешковскому, *целую*[136] *ночь* обозначает «не протяжение, а объект со значением протяжения».

Ближе всего к истине теория видов акад. Ф. Ф. Фортунатова. По словам Фортунатова, «в славянском совершенном виде данное явление обозначается по отношению к ограниченному времени (недлительному или длительному) в его развитии, между тем как в несовершенном виде то же явление рассматривается без отношения к какому-либо определению времени в его развитии»**. Виды соот-

* Любопытно замечание М. К р ы г и н а, что «только мгновенные действия графически можно выразить точкою» («Критический обзор литературы о видах...», журн. «Гимназия», 1890, № 5—7).

** «Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Академии наук за 1910 г.» (1910, стр. 17). Ср. также «Отчет о присуждении Ломоносовской премии в 1895 г.» (СПБ 1897, стр. 90). По определению Т. К. Ульянова, различия между длительным и недлительным значением сводится к представлению действия в его развитии (длительное значение) или в его проявлении (недлительное значение). «Но обозначение признака в развитии

носительны. Точнее было бы говорить о видах «определенном» и «неопределенном» (ср. старое обозначение видов в русской грамматике, например, у Каткова: *определенный* и *неопределенный* вид). Акад. А. А. Шахматов думал, что это ограничение во времени, характерное для совершенного вида, связано с «полнотой проявления действия-состояния»[137].

Но в понятии совершенного вида основным признаком является признак предела действия, достижения цели, признак ограничения или устранения представления о длительности действия*.

Значение «предельности», обозначение абсолютной границы действия в категории совершенного вида отмечалось еще Л. П. Размусеном: «Глагол совершенного вида, мне кажется, означает первоначальное действие, как достигающее своей цели (своего предела), а затем вообще действие, рассматриваемое как одно целое (начало, середина и конец — совокупно). Глагол несовершенного вида означает первоначально действие как приготовление к достижению цели, а затем вообще действие, рассматриваемое только со стороны вещественных (знаменательных) своих признаков, без обозначения целости действия. При употреблении последнего вида пределы не отвлекают нашего внимания от спокойного созерцания этих свойств самого действия; таким образом увеличивается, прежде всего, рельефность, наглядность образа, а через это мы, конечно, будем и более ощущать продолжительность»[138].

На фоне такого понимания видов следует оценивать и те учения о виде, которые сводят значение совершенного вида к обозначению результата[139]. Результат — это частный случай предела действия. Ср.: «О, будьте уверены, что Колумб был счастлив не тогда, когда о т к р ы л Америку, а когда о т к р ы в а л ее; будьте уверены, что самый высокий момент его счастья был, может быть, ровно за три дня до открытия Нового Света» (Достоевский, «Идиот», исповедь Ипполита).

Обозначение результата является одним из основных значений совершенного вида, но не единственным. Даже те лингвисты,

---

само по себе не есть в то же время обозначение длительности его времени» (41). Оно становится выражением длительности лишь соотносительно с недлительным значением той же основы. «Наиболее общее различие в перфективных основах есть то, что одни из них обозначают ограничение длительного времени признака как недлительное» (Г. К. У л ь я н о в, Значения глагольных основ, ч. II, стр. 154, 251).

* В работе Эм. Ч е р н о г о «Об отношении видов русского глагола к греческим временам» (1877) значение совершенного вида определяется так: «Он представляет действие собирательно, сомкнуто, в совокупности, суммарно, в сжатом виде»; вместе с тем он «способен выражать действие отвлеченно»; он означает или первую (начинательную) или последнюю (конечную) точку линии развития действия, выражая или смысл собирательной сосредоточенности..., обозревающей будто одним взором весь предлежащий или оставленный за собой путь, или мгновенность действия». Между тем, несовершенный, или, по терминологии Э. Черного, п р о т я ж е н н ы й вид «представляет действие в протяжении, в растянутом, развернутом, раскрытом виде, в его продолжении и развитии».

которые подчеркивают результативность совершенного вида, не отрицают того, что основная функция совершенного вида — ограничение или устранение представления о длительности действия, сосредоточение внимания на одном из моментов процесса как его пределе. Обозначение действия в его течении, не стесненном мыслью о пределе процесса в целом, — основное, общее значение несовершенного вида. Оно представляется «обычным», естественным значением глагола, его грамматической нормой. Ведь даже в глаголах несовершенного вида с начинательными префиксами *заговаривать*, *запевать* и т. п. нет указаний на предел этих действий «заговаривания» и «запевания». Таким образом, несовершенный вид, обозначая «неквалифицированное действие-состояние» (Шахматов), является основой, нейтральной базой видового соотношения. Соотносительность видов — совершенного и несовершенного — выражается в том, что русский глагол обычно представляет собой систему взаимосвязанных форм, относящихся к двум параллельным «видовым» сериям.

§ 29. Взаимодействие лексических и грамматических значений в видовых формах глагола

Соотносительные парные формы совершенного и несовершенного вида — при отсутствии различий в лексических значениях — являются формами одного и того же глагола. Таковы, например: *возделать — возделывать; выиграть — выигрывать; выключить — выключать; группировать — сгруппировать; делать — сделать; решить — решать; дичать — одичать; дать — давать; согреть — согревать* и т. п.

Одним из доказательств того, что формы совершенного и несовершенного вида объединяются в составе одного и того же слова, является наличие глаголов, имеющих общие формы для обоих видов. Таковы, например, глаголы: *велеть*, *женить(ся)*, *казнить*, *крестить*, *ранить*, *родить*, устарелое *полонить*, *мольвить*, *рушить(ся)*, *даровать*, *миновать*, *ночевать*, *наследовать*, *исследовать*, *обследовать*, *расследовать*, *исповедовать*, *обещать*, *воздействовать*, *образовать*, *использовать* (ср. вульгарно-просторечное новообразование для выражения несовершенного вида — *использовывать*), *сочетать*, *военизировать*, *советизировать*, *большевизировать* и т. п., и длинный ряд заимствованных глаголов на *-ствать*, *-изовать*, *-ировать*, *-изировать*: *арестовать*, *атаковать*, *организовать*, *телеграфировать*, *конфисковать*, *парализовать*, *экспроприировать*, *пролетаризировать*, *коллективизировать*, *реквизировать*, *национализировать* и т. п. Однако некоторые из глаголов этого типа образуют формы совершенного вида и посредством префиксов, например: *арестовать — заарестовать* (ср. просторечную форму несовершенного вида *арестовывать*); *бальзамировать — набальзамировать* и т. п.

В незаимствованных же глагольных новообразованиях, кроме тех, которые производятся с помощью суффикса *-изировать(-изовать)*,

видовые различия вообще выражаются морфологически посредством суффиксов или префиксов (например: *выпечь—выпекать; сердиться — рассердиться; портить — испортить; слабеть — ослабеть* и т. п.). При этом чисто видовое соотношение форм часто нарушается и осложняется примесью лексических различий (ср., например, *выдергивать* как форму несовершенного вида к *выдернуть* и к *выдергать; насаживать — насажать; насаживать — насадить* и *насаждать — насадить* и т. п.).

Центральным вопросом изучения категории вида является выяснение тех семантических условий и закономерностей, какими определяется видовое расширение форм одного слова. Категория вида является ареной борьбы и взаимодействия грамматических и лексических значений. В грамматике укрепляется тенденция соединять глагольные образования от одной и той же основы в соотносительные (коррелятивные) видовые пары. Между тем, в лексике обнаруживается тенденция к производству от одной и той же основы множества разных глаголов, выражающих разные действия или разные оттенки какого-нибудь действия. Главным средством образования новых лексических значений и оттенков в глаголе являются приставки. Как противодействие этому лексическому дроблению однородных образований, в грамматике усиливается тенденция к «грамматикализации» приставок, к превращению их в инструмент чисто видового соотношения форм. Грамматика стремится внести стройный порядок в родственные связи слов, превращая подходящие слова в соотносительные видовые формы одного глагола (например: *чувствовать — почувствовать; петь — спеть; фиксировать — зафиксировать;* ср. *готовить — приготовить — приготовлять* и т. п.).

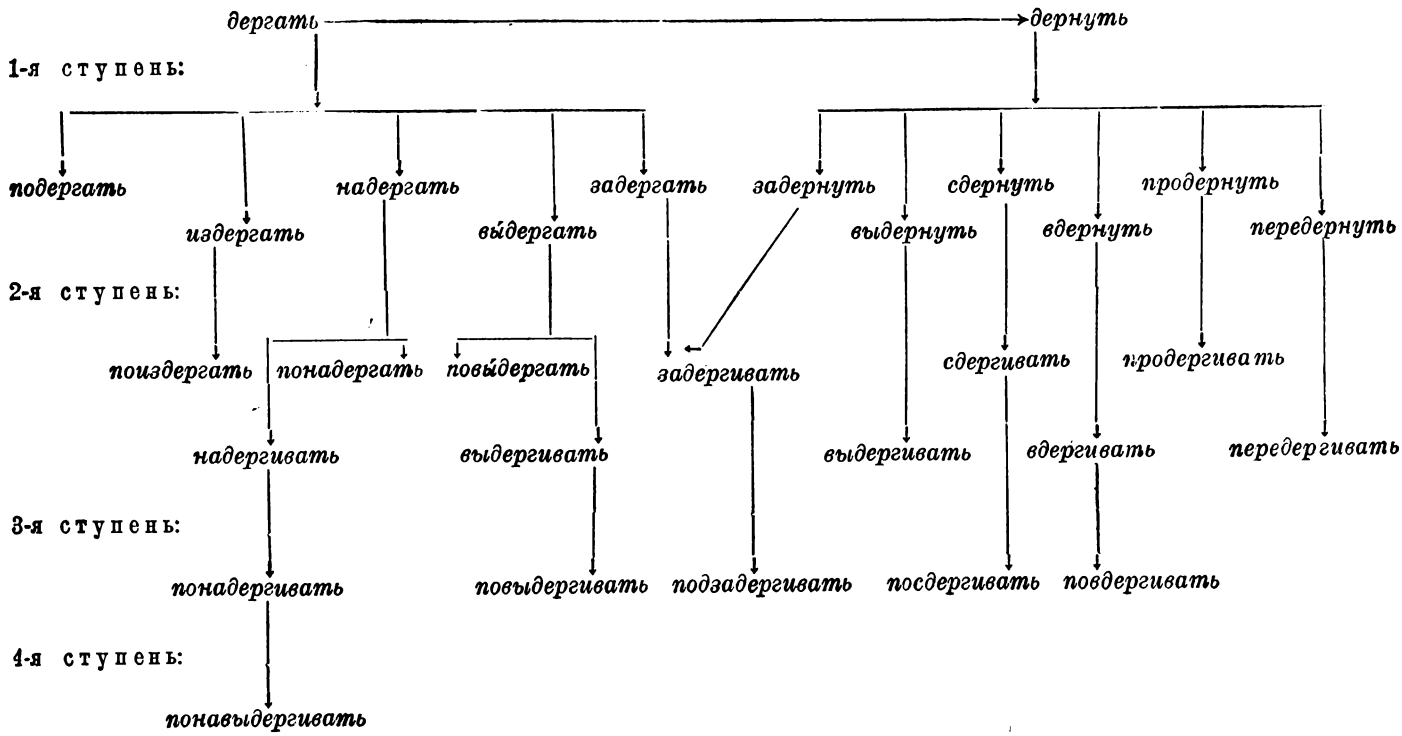
Лексические различия, основанные на словопроизводственных отношениях, напротив, оттягивают один глагол от другого, выстраивая их в цепной ряд (ср. *дернуть — выдернуть*). Возникает цепь глаголов с одной и той же основой, ответвляющихся друг от друга и примыкающих один к другому, но находящихся на разных ступенях близости по отношению к основному глаголу, от которого начался процесс словопроизводства*. Категория вида стягивает звенья этой цепи, переплетая их парами. Каждая пара стремится слиться в одно слово, образовать чисто видовое соотношение. Категория вида как бы сцепляет парные формы, находящиеся на смежных ступенях словопроизводства.

§ 30. Система внутриглагольного словопроизводства и формообразования и связь ее с процессом видовой корреляции

Схематически представим себе систему внутриглагольного словопроизводства в пределах одного лексического гнезда[140].

* См. статью А. И. Стендер-Петерсена «О функциях глагольных приставок в русском языке» (Slavia, 1933—1934, roč. XII).

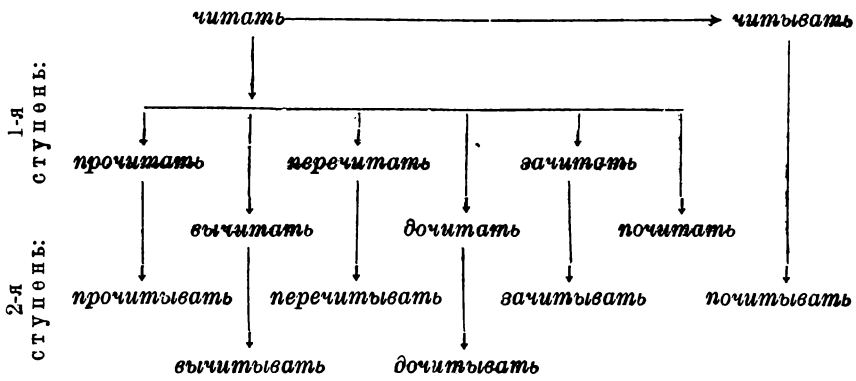
Схема внутриглагольного словопроизводства

Категория вида регулирует словопроизводственные отношения членов словарного гнезда, объединяя *выдернуть — выдергивать* и *выдергать — выдергивать* в видовые пары. Форма несовершенного вида *выдергивать* относится сразу и к *выдернуть* и к просторечному *вы́дергать* и сближает их. Различие между *выдернуть* и *вы́дергать* заключается в представлении действия либо как мгновенного и однократного *(выдернуть)*, либо как кратного, складывающегося из отдельных актов и доведенного до нужного предела. В форме несовершенного вида *выдергивать* эти количественные оттенки стираются, так как выступает общее значение длительности, иногда сопровождающееся дополнительными оттенками повторяемости. Таким образом, значения и оттенки кратности, собственно, уже выходят за пределы чисто видовых соотношений (ср. *катить — катать—катывать;* ср. *проблестеть—проблеснуть; выбалтывать—выболтать* и *выболтнуть* и т.п.). Парные видовые формы различаются только по характеру выражения в них соотносительных грамматических значений предельности или определенности и неопределенности действия. Так же сочетаются в пары формы *надергать — надергивать; сдернуть — сдергивать* и т. п. Напротив, остаются лишенными парных видовых форм глаголы: *понадергивать, понадергать, посдергивать, понавыдергивать* и т. п. В них выделяется яркое дополнительное лексическое значение постепенности, последовательности движений (постепенно одно или одного за другим *дергая)* — сравнительно с *надергать, сдернуть* и т. п.

Эта картина движения русского глагола по ступеням или степеням словопроизводства, впервые воспроизведенная во всей ее широте Павским, полна глубокого смысла и интереса. Но не надо смешивать и сливать с ней вопрос о видовых формах глагола. Видовые соотношения покоятся на качественных оттенках действия, а в схеме глагольного словопроизводства резко сказываются и количественные различия в проявлении действия. Вот почему Г. Павский и К. С. Аксаков (а вслед за ними и Потебня), отожествившие систему видовых соотношений с системой внутриглагольного словообразования, придавали такую большую роль количественным различиям действия, «степеням» глагола. Между тем, количественные оттенки, которыми определялось различие «степеней» у Павского и отчасти у К. С. Аксакова, в современном языке почти выпадают из живой системы видовых взаимоотношений. Они обнаруживаются у ограниченного числа глаголов или как пережиток грамматического прошлого, или как дополнительные оттенки лексических значений. Например, в схеме (см. след. стр.) видовые отношения между *читать — читывать* совсем иного характера, чем между *прочитать — прочитывать, перечитать — перечитывать*, а формы *читывать* и *прочитывать* и вовсе не соотносительны (так же как формы *почитать* и *почитывать*). «Степени» Павского и К. С. Аксакова не соответствуют в полной мере ни ступеням глагольного словопроизводства, ни системе видовых соотношений современного глагола. Категория вида производит перетасовку

слов в цепи словопроизводства, объединяя разноступенные глагольные образования на основе качественной видовой корреляции (ср., например, видовые соотношения форм: *делать — сделать*, *сжать — сжимать*, *брать — взять*, *приходить — пройти* и т. п.).

§ 31. Следы старых количественных отношений в современной системе видов и их качественное видоизменение

В современной системе видовой корреляции обнаруживаются два грамматических слоя, соответствующих разным стадиям в истории грамматического строя русского языка. При этом старые элементы частью приспособлены к выражению новых грамматических отношений, частью ощущаются как пережиток или воспринимаются как лексические различия слов.

Эта двойственность обнаруживается, прежде всего, в суффиксах несовершенного вида. Этих суффиксов три: непродуктивный *-ва́-*, малопродуктивный *-а- (-я-)* и очень продуктивный и живой *-ыва-*, *-ива-*. Эти суффиксы образуют два ряда соотношений, из которых один постепенно разрушается. Живой ряд соотношений, образуемых этими суффиксами, — это соотношения форм совершенного и несовершенного вида (например: *согреть — согревать; выпрямить — выпрямлять; увлечь — увлекать; разбазарить — разбазаривать* и т. п.). Другой непродуктивный ряд соотношений, образуемых теми же суффиксами от основ беспредложных глаголов, — это соотношения простых, бесприставочных форм несовершенного вида и форм с так называемым «многократным» значением (например: *жить — живать; говорить — говаривать; сидеть — сиживать; брать — бирать; знать — знавать; пить — пивать; бить — бивать; петь — певать; печь — пекать; ездить — езжать* и *езживать; бросать — брасывать; пускать — пускивать; спать — сыпать; курить — куривать; видеть — видать* и *видывать* и т. п.). Ср. у Крылова в басне «Синица»:

Охотники таскаться по пирам
Из первых с ложками явились к берегам,

Чтоб похлебать ухи такой богатой,
Какой-де откупщик и самый тароватый
Не давывал секретарям.

У Нарежного: «Неужели ты,— закричал он, — никогда не любливал прекрасных девушек?» («Аристион»). «Часто бирал я с бою то, что... следовало мне по праву» (Пушкин, «Станционный смотритель»). «И в его время господа дирывались» (Тургенев, «Отцы и дети»). «В Шепелевском сыпал у Жуковского» (Некрасов, «О погоде»). «Там, батюшка, я куривал сигарочки по двадцати пяти рублей сотенка» (Гоголь). «Бывало, писывала кровью она в альбомы нежных дев» (Пушкин). «У меня дядя был псовый охотник. Я с ним езживала весною» (Тургенев, «Вешние воды»). Ср. у Некрасова: «Скуку рассеять к сестрице езжали» («Про холопа примерного»). «Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранивался?» (Пушкин). «Елисей был старичок ни богатый, ни бедный, хаживал прежде по плотничной работе, а под старость стал дома жить и пчел водить» (Л. Толстой, «Два старика») и др.

Количественные оттенки, свойственные производным формам со значением многократности и подчеркивающие «раздельную», по выражению Фортунатова, повторяемость действия, чужды основным видовым значениям современного глагола. В таких формах, как *хаживать*, *говаривать* и т. п., еще К. С. Аксаков отмечал значение «неопределенного множества» отдельных «проявившихся моментов» в кругу действия прерывавшегося и уже давно прекратившегося (ср. *хаживал, приходилось хаживать*; ср. также употребление инфинитива с отрицанием: «не знавать мне» и т. п.)[141]. Г. К. Ульянов для освещения русских форм прошедшего многократного (как и параллельных им литовских форм на -davau — davęs) прибегал к понятию неправильной кратности. Неправильная кратность — это «последовательность отдельных цельных времен признака в преемстве непрерывном», нерегулярная повторяемость времени действия. «Представлять непрерывную смену отдельных времен признака мы можем только тогда, когда представляем отдельные времена — в порядке их действительного возникновения в прошедшие моменты; в моменты же настоящий и будущий мы представляем признак только в его целом времени... следовательно, основы, обозначающие кратность неправильную, не могут уже являться по своему значению в формах настоящего и будущего времени»[142].

В современном литературном языке формы со значением многократности — *сиживал*, *говаривал* и т. п. — как бы врезаются со стороны в систему качественных различий между формами совершенного и несовершенного вида. Они оказываются за пределами живой системы видовых соотношений. Отнесение форм многократного вида к категории несовершенного вида для современного языка является явной натяжкой, несмотря на то, что исторически оно оправдывается однородностью, «омонимией» суффиксов *-а-*, *-ва-*, *-ыва-*, *-ива-*. (Ср. у Гончарова в «Воспоминаниях»: «Прежде они *прихаживали* к обеду, а вечером *уходили* домой»; ср. также:

«В свободные часы от дел я *прихаживал* к нему: мы с ним очень *подружились*» (рассказ «Что скажут?», «Календарь муз» на 1826 г., стр. 15).

Кроме глаголов, вроде *помалкивать*, *захаживать* (с формами: *помалкиваю*, *помалкивал*, *захаживаю*, *захаживал*), которые никак не могут быть поставлены в одну плоскость с бесприставочными многократными формами (вроде *хаживал*, *видывал* и т. п.), все так называемые «многократные» глаголы теперь употребляются исключительно в форме прошедшего («давнопрошедшего») времени *. В современном языке *сиживал (сиживать)*, конечно, является формой глагола *сидеть*, а не отдельным словом.

Акад. А. А. Шахматов[143] и проф. А. А. Мазон очень убедительно показали, как и почему формы так называемого «многократного» вида поглощались и вытеснялись формами несовершенного вида. А. А. Шахматов поставил этот процесс в органическую связь с развитием качественного соотношения двух основных видов — совершенного и несовершенного. «Первоначально все сложенные с предлогами глаголы получали значение совершенного вида... Совершенный вид образовался не самостоятельно, а путем противоположения сложенного с предлогом глагола простому, беспредложному. Когда в ряде случаев (как: *делаю — сделаю; прошу — попрошу; пишу — напишу* и т. п.) возникло соотношение несовершенного вида с совершенным, такое же соотношение переносилось и на другие случаи... Сложенные с предлогами глаголы совершенного вида стали нуждаться в соответствующих, содержащих те же предлоги (с определенным реальным значением) глаголах несовершенного вида...»(ср.: *собрать — собирать; уговориться — уговариваться; выкурить — выкуривать; содрать — сдирать, надписать — надписывать* и т. п.)**. Таким образом, основы «многократного» вида, сложенные с приставкой, вовлекались в сферу несовершенного вида; при этом иногда в них значение длительности сочеталось со значением повторяемости. В глаголах, произведенных от этих основ с помощью приставок, видовое соотношение, образуемое суффиксами *-а-*, *-и-*, а также соотношением основ, обычно нарушается (ср.: *насобирать* и *пособрать; нарожать* и *народить; забросить* и *побросать; ухватить, расхва-*

---

* Употребление инфинитива «многократных» глаголов (в соединении с отрицанием, имеющим в этом случае значение «больше никогда не, ни разу», в безличных предложениях) явно вамирает. Еще в начале XIX в. проф. Тимковский писал: «Окончания на *-ывать*, *-ивать* в изъявительном наклонении прошедшего времени и в неопределенном наклонении глагола простого означают вместе и отношение к давнопрошедшему и учащательное состояние или действие» («Опытный способ к философическому познанию российского языка», Харьков 1811, стр. 19).

** На учение Шахматова о виде оказали большое влияние работы проф. Г. К. Ульянова, особенно его сочинение «Значения глагольных основ в литовско-славянском языке» (ч. I, 1891; ч. II, 1895, Варшава) и разбор этого сочинения, принадлежащий Ф. Ф. Фортунатову («Отчет о присуждении Ломоносовской премии в 1895 г.»).

тить и *расхватать* и т. п.). Те же парные «видовые отношения переносились и в глаголы простые, беспредложные, причем, под влиянием аналогии сложенных с предлогами, несовершенный вид получили из сходных по значению чередующихся между собой основ основы на *-а-*, а значение совершенного вида — основы на согласную или на *-и-* в инфинитиве (так явилось: *явить — являю, ступить — ступаю*)»[144]. Таким образом, большая часть форм «многократного» вида была преобразована в формы несовершенного вида. В современном языке сохранились лишь реликтовые формы с чистым значением многократности (т. е. «раздельнократной» повторяемости действия с промежутками времени).

§ 32. Малопродуктивные и непродуктивные типы видовой корреляции

Новая семантика приспособила к себе элементы старой языковой техники, включив их в новый строй видовых соотношений. Бесприставочных форм совершенного вида, соотносительных с формами несовершенного вида, в современном языке немного. Эти ряды соотношений образуют непродуктивный тип образований. В кругу бесприставочных глаголов форма несовершенного вида чаще всего выступает не как основная, а как вторичная, производная форма.

Тут есть небольшая группа простых глагольных основ, в которых видовое соотношение образуется противопоставлением морфем: *-и-*, *-а-* (*-я́*) при соответствующем чередовании согласных. Приставки, этимологически присущие некоторым из этих слов, в живом употреблении не ощущаются. Это глаголы: *благословить — благословлять; бросить — бросать; возвратить — возвращать; воскресить — воскрешать; встретить — встречать; выразить — выражать; залучить — залучать; кончить — кончать; лишить — лишать; облачить — облачать; обратить — обращать; отличить — отличать; осклабить — осклаблять; ответить — отвечать; отвратить — отвращать; ощутить — ощущать; пленить — пленять; получить — получать; победить — побеждать; посетить — посещать; простить — прощать; пустить — пускать; развратить — развращать; решить — решать; снабдить — снабжать; совратить — совращать; ступить — ступать; уличить — уличать; хватить — хватать; явить — являть* и некоторые другие; ср.: *купить — покупать, ошибиться — ошибаться.*

В глаголах, произведенных от этих основ с помощью приставок, видовое соотношение, образуемое противопоставлением суффиксов *-и-*, *-а-*, обычно нарушается. Ср., например: *забросить — забрасывать* (ср. формы совершенного вида: *забросать, побросать, перебросать* и т. п.).; *прощаться — попрощаться, распрощаться; охватить — охватывать* и др. Впрочем, в части слов и производные формы сохраняют то же соотношение основ (ср.: *разрешить — разрешать, отрешить — отрешать, переступить — переступать,*

наступить — наступать, разоблачить — разоблачать, напустить — напускать и т. п.

Более многочисленна группа предложных или приставочных глаголов, в которых соотношение видов также выражается противопоставлением морфем *-и-*, *-а́-*. У некоторой части этих глаголов приставки тоже теряют свой семантический вес и почти не выделяются. Например: *вырубить — вырубать* (*подрубить — подрубать, срубить — срубать* и т. п.); *поразить — поражать; освободить — освобождать; изменить — изменять; оживить — оживлять; закупить — закупать* (*накупить — накупать, окупить — окупать* и т. п.); *завершить — завершать* (ср. *совершить — совершать*); *восхитить — восхищать; похитить — похищать; приручить — приручать; обвинить — обвинять; укротить — укрощать; усыпить — усыплять; уснастить — уснащать; угостить — угощать; наделить — наделять* (*выделить — выделять, оделить — оделять* и т. п.); *употребить — употреблять; устремить — устремлять; укрепить — укреплять; украсить — украшать; наставить — наставлять; приготовить — приготовлять; заготовить — заготовлять; отправить — отправлять; справить — справлять; направить — направлять; управиться — управляться* и т. п.; *пригласить — приглашать; покуситься — покушаться; прославить — прославлять; отметить — отмечать; заметить — замечать; сложить — слагать; положить — полагать; предложить — предлагать; поместить(-ся) — помещать(-ся); вместить — вмещать* и многие другие.

Этот тип видового противопоставления обнаруживает заметные признаки жизни и даже продуктивности в отыменных глаголах на *-ить*, осложненных приставками, например: *заземлить — заземлять; приземлить — приземлять; затемнить — затемнять; наводнить — наводнять; заострить — заострять; разграфить — разграфлять* и т. д. Таким образом, новые глаголы, используя для видовых форм старое противопоставление суффиксов *-и-*, *-а-* (*-я-*), восполняют его префиксацией. Чередование глагольных суффиксов *-и-*, *-а-*, не сопровождающееся префиксацией, непродуктивно. Оно уже не является живым средством видового формообразования.

Такового же рода отношения наблюдаются и у глаголов с основами на согласный. Сюда принадлежит, прежде всего, группа глаголов более или менее изолированных, обнаруживающих ту же примету *-а-* в несовершенном виде и теперь воспринимаемых частично как бесприставочные, простые слова. С этимологической точки зрения, а иногда даже с точки зрения живых морфологических соотношений часть основ этих глаголов может быть разделена на приставку и корень: *облечь — облекать* (ср. отдельную группу: *навлечь — навлекать; увлечь — увлекать; привлечь — привлекать; совлечь — совлекать; завлечь — завлекать;* но ср. *повлечь*); *обрести — обретать* (ср. *приобрести — приобретать*); *обречь — обрекать* (ср.: *наречь — нарекать; заречься — зарекаться; отречься — отре-*

катъся); *помочь — помогать; занемочь — занемогать; пренебречь — пренебрегать; рассвести — рассветать;* ср. также ставшие непроизводными основы с суффиксом *-ну-*: *воскреснуть — воскресать, исчезнуть — исчезать* и некоторые другие *.

Гораздо более многочисленны и выразительны видовые соотношения основ на согласный с основами на *-а-* у глаголов, осложненных живыми приставками. Например: *вылезть — вылезать; залезть — залезать; влезть — влезать; долезть — долезать; прилезть — прилезать; слезть — слезать; улезть — улезать; запрячь — запрягать; выпрячь — выпрягать; расплесть — расплетать; заплесть — заплетать; вплесть — вплетать; наплесть — наплетать; сплесть — сплетать; вытрясти — вытрясать; стрясти — стрясать; натрясти — натрясать; потрясти — потрясать; налечь — налегать; увлечь — увлекать; присесть — приседать; разбрестись — разбредаться; высечь — высекать; погрести — погребать; загрести — загребать* и некоторые другие (ср. перечень глаголов непродуктивных групп 5, 6 и 7 с основой на согласный на стр. 450—451). Ср. *запасти — запасать, припасти — припасать;* ср. также сложившееся лишь к середине XIX в. соотношение беспрификсных форм: *пасть — падать*. Таким образом, и в этом кругу глаголов видовое соотношение поддерживается префиксацией.

Сюда же примыкают разряды приставочных глаголов на *-нуть* совершенного вида, имеющих соотносительные формы несовершенного вида на *-а́ть: избегнуть — избегать; разбухнуть — разбухать; набухнуть — набухать; повиснуть — повисать; привыкнуть — привыкать; отвыкнуть — отвыкать; увязнуть — увязать; погибнуть — погибать; прилипнуть — прилипать; слипнуться — слипаться; разверзнуть — разверзать* и т. п. (ср. перечень глаголов непродуктивной группы 4 на *-нуть* на стр. 449).

Выделяются и более мелкие группы глаголов, у которых в силу исторических причин обозначились резкие различия между основами совершенного и несовершенного вида и в которых несовершенный вид имеет тот же характерный признак: морфему *-а́-*.

а) Группа глаголов с корневым *и* или *ы* в основе несовершенного вида соотносительно с нулем звука (или с *е*) в основе будущего времени совершенного вида: *начать — начну — начинать; пожать — пожну — пожинать; пожать — пожму — пожимать* (*нажать — нажму — нажимать* и т. д.); *распять — распну — распинать; проклясть — прокляну — проклинать; простереть — простру — простирать; натереть — натру — натирать; умереть — умру — умирать; оборвать — оборву — обрывать* и т. п.; *счесть — сочту — считать; предпочесть — предпочту — предпочитать;* ср.: *собрать — соберу — собирать* и другие глаголы

* Любопытно, что в некоторых глаголах форма совершенного вида отличается от несовершенного вида с аффиксом *-а-* лишь местом ударения, например: *всы́пать — всыпа́ть; васы́пать — васыпа́ть* и т. п.; *отре́зать — отреза́ть* и др.

от *брать; содрать — сдеру — сдирать* и другие глаголы от *драть*; ср. *призвать — призову — призывать* и т. п.

б) Сюда же примыкает группа приставочных глаголов с суффиксом *-ну-* в совершенном виде и с своеобразным чередованием основ и гласных в основе: *заснуть — засыпать; засохнуть — засыхать; вздохнуть — вздыхать* и т. п.; ср. изолированные формы: *увянуть — увядать; утонуть — утопать*. Ср. также отдельные глаголы с чередованием *-е- -а́-*: *обидеть — обижать; догореть — догорать; залететь — залетать* и другие подобные.

в) Далее идут бесприставочные глаголы совершенного вида, у которых формы несовершенного вида образуются посредством суффикса *-ва́-*: *дать — давать; деть — девать; застрять — застревать; затеять-затевать*; *одолеть — одолевать*.

Не очень многочисленны также предложные глаголы, «корень» которых оканчивается на гласный *(-и-, -ы-, -у-, -а-, -е-, -ея-)* и которые образуют несовершенный вид с помощью суффикса *-ва́-*: *нажить — наживать; задуть — задувать; обуть — обувать; разуть — разувать; надуть — надувать; сознать — сознавать; затмить — затмевать; забить — забивать; покрыть — покрывать; загнить — загнивать; почить — почивать; допеть — допевать; согреть — согревать; истлеть — истлевать; овладеть — овладевать; заболеть — заболевать* и тому подобные глаголы с «первообразными» основами II класса: *созреть, сомлеть, упреть* и пр.

§ 33. Живой и продуктивный тип видовой корреляции того же происхождения

В современном языке живым и продуктивным является способ образования форм несовершенного вида от предложных (или приставочных) глаголов совершенного вида с помощью суффикса *-ыва-, -ива-* (при соответствующем чередовании согласных основы), например: *выкрасить — выкрашивать; закрутить — закручивать; расцветить — расцвечивать; накосить — накашивать* и т. п. Процесс образования этих форм обычно сопровождается изменением звука *о* основы в *а* («внутренняя флексия»), например: *приготовить — приготавливать; обусловить — обуславливать; вздрогнуть — вздрагивать; задобрить — задабривать; заготовить — заготавливать; успокоить — успокаивать; оспорить — оспаривать; облагородить — облагораживать; выработать — вырабатывать; заподозрить —заподазривать* и т. п. Но ср.: *обезволивать, опозоривать, обусловливать, отсрочивать, опорочивать, подытоживать, приохочивать, захлопывать, пришпоривать, приурочивать, сосредоточивать, узаконивать, ускоривать, упрочивать, уполномочивать*. В формах несовершенного вида ударение всегда падает на корень, т. е. на слог, непосредственно предшествующий суффиксу *-ыва-, -ива-* (ср.: *выстегать — выстёгивать; улепетнуть — улепётывать* и т. п.).*

В приставочных формах несовершенного вида на *-ывать, -ивать* выступает оттенок «интенсивной длительности» (Шахматов) или

потенциальной повторяемости (А. Мазон). Таким образом, несовершенный вид присваивает себе значение повторяющегося действия, прежде развивавшееся преимущественно в кратных основах. У некоторых глаголов образуются двойные формы несовершенного вида: с суффиксом *-ыва-*, *-ива-* и с суффиксом *-а́-*, например: *заползать* и *запалзывать* к *заползти*, при этом в *запалзывать* оттенок повторяемости, «кратности» выступает ярче*. К *марать* совершенный вид будет *замарать*, но от этой формы в разговорной речи образуется форма несовершенного вида *замарывать*, и в ней отчасти усиливается и значение приставки *за-*, но ярче всего подчеркивается оттенок интенсивной длительности и повторяемости (соотносительно с *марать*). Ср. *умолять* — *умаливать* [145]. Впрочем, во многих случаях параллельные формы несовершенного вида на *-ать (-ять)* и *-ывать*, *-ивать*, свойственные разным стилям современного русского языка (формы на *-ать*, *-ять* кажутся более книжными), употребляются без особенно резких различий в оттенках длительности и повторяемости. Ср.: *накоплять* — *накапливать*; *отряхать* — *отряхивать*; *приготовлять* — *приготавливать*; *простужаться* — *простуживаться*; *оздоровлять* — *оздоравливать* и т. п. Но ср. также: *подбодрять* — *подбадривать*; *засорять* — *засаривать*; *перерезáть* — *перерезывать* и др.**. Ср. у Тургенева в «Трех встречах»: «Казалось, избыток счастья утомлял и как бы *надломлял* ее слегка, вот как распустившийся цветок иногда *надламывает* свой стебель». Чрезвычайно любопытны «поправки» С. П. Обнорского к каталогу парных видовых форм, составленному Р. И. Кошутичем в его морфологии русского языка (Облици 1914): *удвоить* — *удвоивать* — *удваивать* (по Обнорскому: *удвоять*); *уловить* — *улавливать* (Обнорский предлагает: *уловлять*); *приноровиться* — *приноравливаться* (Обнорский: *приноровляться*); *приостановить* — *приостанавливать* (Обнорский: *приостановлять*); *устроить* — *устраивать* (Обнорский: *устроять*) и т. п. [146]

Во многих случаях предложные формы совершенного вида оказываются соотносительными не только с соответствующими предложными формами несовершенного вида на *-ывать*, *-ивать* (*выкорчевать* — *выкорчевывать*), но и с основными, беспредложными глаголами. Это бывает в тех случаях, когда реальное значение пред-

---

* Ср. замечание Ф. Ф. Фортунатова: «Значение несовершенного вида, принадлежащее словообразовательной форме сложно-производных основ, может быть определяемо как значение «длительно-несовершенного вида» («Отчет о присуждении Ломоносовской премии в 1895 г.», СПБ 1897, стр. 121).

** Н. И. Греч в своей «Практической русской грамматике» так определял различие между формами несовершенного вида на *-ывать*, *-ивать* и на *-ать*, *-ять*: «Если значение предложного глагола остается первоначальное, простое, физическое, то окончание бывает полное, например: *выбеливать*, *загащиваться*, *обгораживать*, *переполнивать*, *обрушивать*, *вытверживать*, *выламливать*; если же значение оного переходит в смысл отвлеченный, умственный, возвышенный, то окончание усекается, например: *убелять*, *угащать*, *ограждать*, *преломлять*, *исполнять*, *разрушать*, *утверждать*» («Практическая русская грамматика, стр. 196).

лога сливается с конкретным значением глагола и поглощается им. Например: *скопить — скапливать — копить.* В повести И. А. Крылова «Тюфяк»: «Конечно, ей было приятнее всего в жизни *скапливать* деньги». В таких условиях происходит синонимическое сближение простых глаголов несовершенного вида с вторичными предложными формами того же вида: *скапливать — копить.* Этот процесс чаще всего завершается вытеснением предложной формы несовершенного вида.

Таким образом, у приставочных форм в категории несовершенного вида значение кратности, количества, связанное с суффиксами *-а-*, *-ва́-*, *-ыва-*, *-ива-*, постепенно ассимилировалось или смешалось со значением интенсивной длительности.

Раздельно-кратное значение глагольной основы (с суффиксами *-а-*, *-ва-*, *-ыва-*, *-ива-*) устойчиво лишь у беспредложных глаголов при наличии параллельной основы с теми же реальными значениями, но без значения кратности (*брал — бирал*, ср. также: *тащил — таскал — таскивал; гнал — гонял — ганивал* и т. д.). Изменения значений кратной основы, нарушающие семантический параллелизм ее с соответствующей простой основой, ведут к утрате глаголом кратного значения. Показательно в этом отношении ослабление значения неопределенной кратности у глагола *носить*, когда он употребляется в смысле: носить на себе; быть одетым во что-нибудь, например, — *носить одежду.*

§ 34. Словообразовательные разряды несовершенного вида, не соотносительные с формами совершенного вида, и их значения

На фоне живых, качественно-видовых связей и отношений становится еще более понятным, почему формы так называемого «многократного вида» в современном русском языке могут иметь лишь не сложенную с приставками основу. При сложении с приставкой соответствующие основы (кроме, впрочем, глаголов «неопределенно-моторных»: *заходить — захаживать; заносить — занашивать* и т. п.) получают производное значение неограниченной длительности (иногда с оттенком неопределенной повторяемости), соотносительное с значениями глагольных форм совершенного вида: *выделывать — выделать; поливать — полить; набрасывать — набросить — набросать; просиживать — просидеть* и т. п. Между тем есть несколько продуктивных типов глаголов несовершенного вида, образованных или образуемых с помощью приставок и суффикса *-ыва-*, *-ива-*, но не соотносительных с формами совершенного вида. У всех этих глаголов наблюдается в той или иной степени примесь кратных или вообще количественных оттенков [147]. Следуя за А. Х. Востоковым, Г. К. Ульяновым, Ф. Ф. Фортунатовым и А. А. Шахматовым, можно выделить такие разряды производных глаголов несовершенного вида (с приставками и суффиксами *-ыва-*, *-ива-*), у которых нет соотносительных форм совершенного вида.

1. Разряд глаголов, имеющих длительно-комитативное значение (т. е. значение действия, сопровождающего другое действие) и образуемых с помощью приставок *при-* и *под-* и суффикса *-ыва-*, *-ива-*, например: *приплясывать*, *притоптывать*, *пристукивать*, *припевать*, *приговаривать* и т. п.; *подплясывать* и т. п. Ср. у Тургенева в «Дыме»: «Бамбаев только подмычивал одобрительно». Ср. в рассказе «Два приятеля»: «Казалось, она и пришепётывала оттого, что уж очень была добра». Само собой разумеется, что при соотносительности с формами совершенного вида у морфологически сходных глаголов несовершенного вида оказываются другие значения. Например, глагольной приставке *при-* свойственны еще значения действия дополнительного к другому, завершающего или усиливающего другое действие, или значение ослабленного действия. Ср.: *прирабатывать* — *приработать* (ср. *приработок*); *пригорюниваться* — *пригорюниться;* ср.: *подкапливать* — *подкопить* и т. п.

2. Разряд глаголов, имеющих длительно-дистрибутивное значение (т. е. значение действия, направленного в разные стороны или неопределенно распространяющегося в разных направлениях) и образованных с помощью суффикса *-ва́-*, *-ыва-*, *-ива-* и приставки *раз-*: *расхаживать*, *разгуливать* (в непереходном значении), *распевать*, *разговаривать* и т. п. Этот разряд непродуктивен. Его распространению мешает широкое развитие и влияние соотносительных парных форм совершенного и несовершенного вида в глаголах типа: *расписывать* — *расписать*, *разглядывать* — *разглядеть* и т. п.

3. Разряд глаголов, имеющих длительно-дистрибутивно-взаимное значение (т. е. значение длительного действия, происходящего между несколькими, по крайней мере между двумя, участниками и осуществляемого то с той, то с другой стороны). Это значение свойственно глаголам, образуемым или образованным с помощью приставки *пере-* и аффикса *-ся*, например: *перестреливаться*, *перекоряться*, *перебраниваться*, *переругиваться* (глаголы *перебраниться*, *переругаться* имеют совсем другое значение; это отдельные самостоятельные глаголы) и т. п.

4. Разряд глаголов, имеющих длительно-прерывистое значение или, по Фортунатову, «прерывисто-длительное», «прерывисто-кратное» [148] (т. е. значение кратного действия, перемежающегося, ослабленного и прерывистого в своем проявлении). Глаголы этого разряда образуются посредством суффикса *-ива-*, *-ыва-* и приставки *по-*: *посиживать*, *побаливать*, *покашливать* и т. п. Ср. у Тургенева в «Дыме»: «У Губарева была привычка постоянно расхаживать взад и вперед, то и дело подергивая и почесывая бороду»; в «Бреттере»: «В маленьком домишке (бывшей господской бане) жил дряхлый дворецкий и, покряхтывая да покашливая, каждое утро, по старой привычке, тащился через сад в барские покои»; в рассказе «Постоялый двор»: «Работник на телеге... только потряхивал головой и похлопывал по лошади вожжами»; «Старик с само-

го утра просидел на завалинке под окошком, понюхивая табачок и греясь на солнце» (т а м ж е); у Гончарова в «Обрыве»: «Кучер держал кнут в кулаке, вожжи лежали у него на коленях, и он изредка подергивал ими, с ленивым любопытством и зевотой поглядывая на знакомые предметы по сторонам»; в «Братьях Карамазовых» Достоевского: «Он на счетах постукивает, а я сижу — в книги вписываю»; у Льва Толстого в «Войне и мире»: «Погромыхивая рессорами...», «он..., похаживая, подрагивал на каждом шагу...».

Едва ли целесообразно предложенное впоследствии А. А. Шахматовым выделение этой группы глаголов в особый «определительный подвид» несовершенного вида («Синтаксис», вып. II, глава о категории вида).

П. К. Ковалев в работе «Функции глагольных префиксов в русском литературном языке»[149] высказал предположение, что необходимо различать еще три группы глаголов несовершенного вида, не имеющих соотносительных форм совершенного вида: 1) с приставкой *вы-* и суффиксом *-ыва-*, *-ива-* для выражения эффективности действия: *выплясывать*, *выделывать*, *вырисовывать*, *вытанцовывать* и другие подобные; 2) с приставкой *на-* и суффиксом *-ыва-*, *-ива-* для выражения ослабленности, неполноты действия: *наигрывать*, *насвистывать*, *накрапывать*, *напевать*, *нахлестывать* и т. п.; 3) с приставкой *от-* и суффиксом *-ыва-*, *-ива-* для выражения эффективности и интенсивности процесса: *отписывать*, *отвертывать*, *отламывать* и т. п.

Легко можно заметить, что все эти группы глаголов несовершенного вида, не имеющие соотносительных форм вида совершенного, образуются с помощью приставок с ярко выраженными реальными значениями. Ни приставки *при-*, *под-*, придающие глагольной основе комитативное значение, ни приставка *раз-* с дистрибутивным значением, ни приставка *по-*, сообщающая глаголу значение кратной прерывистости, ни префиксально-суффиксальное образование глаголов при посредстве *пере-* и *-ся* не могут быть отнесены к грамматическим средствам чисто видового различения глагольных форм. Отсутствие видовой парной корреляции у глаголов далеко не всегда является признаком превращения соответствующих приставок в видовые формальные префиксы, утратившие реальные значения. Эту истину нередко забывают при грамматическом анализе категории вида.

Итак, в современном русском языке есть несколько типов смешанного префиксально-суффиксального образования глаголов несовершенного вида безотносительно к формам совершенного вида.

§ 35. Два встречных течения в системе видового соотношения

В системе видовых соотношений сталкиваются два встречных течения. Одно течение, очень сильное, направляется от совершенного вида к несовершенному (*пропитать — пропитывать; настоять — настаивать*). Оно отчасти поглощает прежние количест-

венные различия между глагольными основами. Но как след старых отношений остаются формы давнопрошедшего времени «многократного вида». Кроме того, в производных формах несовершенного вида нередко сказываются дополнительные оттенки значений интенсивной длительности и повторяемости действия. В этой сфере соотношений совершенный вид обнаруживает себя как основная, производящая грамматическая категория. Акад. А. А. Шахматов считал эту сферу грамматических соотношений вторичной. Она была приспособлена к той системе видов, которая первоначально сложилась на основе противопоставления простых, бесприксных глаголов префиксальным образованиям совершенного вида. Это другое течение идет от несовершенного вида к совершенному. Именно здесь — в соотношении бесприставочных форм несовершенного вида с приставочными формами совершенного вида — особенно ярко обнаруживается «неквалифицированность» категории несовершенного вида. Несовершенный вид здесь — нулевая, слабая категория (*лгать — солгать; вербовать — завербовать; совершенствовать — усовершенствовать; потеть — вспотеть* и т. д.).

В этом кругу отношений глаголы совершенного вида нередко оказываются осложненными дополнительными реальными значениями, которые идут от приставок (например: *глядеть — поглядеть; мучить — измучить, замучить; хотеть — захотеть; обедать — отобедать* и другие подобные). Таким образом, намечаются две противоположных тенденции: одна — к различению и осложнению лексических значений и оттенков глаголов посредством приставок; другая — к превращению приставок в видовые префиксы, к ослаблению или устранению их реальных значений (например: *делать — сделать; гримировать — загримировать; бальзамировать — набальзамировать; морить — уморить; плутовать — сплутовать; штрафовать — оштрафовать* и т. п.). Так возникают наряду с приставками «полными», имеющими реальное, лексическое значение, «пустые префиксы» с чисто видовым значением*. К сожалению, русская грамматика до сих пор не пыталась определить вполне «грамматикализованные» типы префиксальных образований совершенного вида. Характерны колебания А. А. Шахматова, который недооценил вопроса о соотношении и столкновении лексических и грамматических значений в формах совершенного вида, образуемых приставками.

§ 36. Приставки и их роль в образовании форм совершенного вида по учению А. А. Шахматова

Вопрос о совершенном виде и его значениях тесно связан с вопросом о функциях глагольных приставок. Определяя совершенный вид, акад. А. А. Шахматов в «Очерке современного русского лите-

* Мысль о необходимости различения двух типов глагольных приставок подробно развивалась и обосновывалась Г. К. Ульяновым («Значения глагольных основ в литовско-славянском языке», ч. II, 1895, стр. 29—47). Еще М. Н. Катков заметил: «Новый богатый источник для

ратурного языка», вслед за Г. К. Ульяновым и Ф. Ф. Фортунатовым, заявлял: «Совершенный вид означает или законченность длительности действия (состояния): *посмотрю*, *похожу*, *посидит*, *побегал...**, или он обозначает результат действия (состояния) как нечто законченное... *он прибежал*, *он принес*»**. Механизм предложного образования форм совершенного вида рисуется так: «Глагол несовершенного вида, сочетаясь с предлогом, переходит в совершенный вид; предлог утрачивает при этом свое реальное значение и указывает только или наступление результата действия, выраженного глаголом, или его окончание, или полноту его проявления, или, наконец, прекращение длительности» (стр. 159)[150]. Далее приводится «ряд примеров с различными предлогами». Анализируя эти примеры, легко убедиться, что большая часть указанных Шахматовым приставочных глаголов совершенного вида по своим значениям вовсе несоотносительна с соответствующими бесприставочными, основными глаголами несовершенного вида. Иными словами: перед нами — новые производные глаголы, отличающиеся от основных не только своими видовыми, но и реальными значениями. Таково, например, отношение глагола *прождать* к *ждать* (ср. парные формы: *выждать* — *выжидать*; *подождать* — *поджидать*); *провздить* к *ездить* (между этими двумя глаголами нет лексического соответствия; ср. такие значения слова *ездить*, не находящие никаких параллелей в *проездить*: 1) постоянно, часто совершать поездки куда-нибудь; 2) быть подвижным, скользить; 3) постоянно соскальзывать, разъезжаться в стороны; 4) уметь пользоваться средствами передвижения); *слетать* к *летать*; *погнать* к *гнать* (ср., например, такие значения слова *гнать*, чуждые глаголу *погнать*: а) преследовать, притеснять, подвергать гонениям; б) добывать посредством перегонки, ср. *гнать самогон* и т. п.); *отстоять* (защищаться) к *стоять*; *отпеть* к *петь* (ср. хотя бы *отпеть покойника*); *застрелить* к *стрелять* (ср. *застреливать*) и т. п.

обозначения типов действия и бытия представляют предлоги. Их правильно разделяют на такие, которые, собственно, служат к видоизменению характера действия, и на такие, которые вносят в смысл глагола особое значение»; ср., с одной стороны, *строить* и *построить*, а с другой — *бежать* и *побежать* («Об элементах и формах славяно-русского языка», стр. 207). Указания на необходимость различать чисто видовые префиксы и приставки с реальными значениями уже находились в грамматиках Востокова и Греча.

* Ср. замечания Шахматова о видовом значении приставки *по-*: «Для выражения прекращения длительности глагола употребляется предлог *по-*: *поговорить*, *поиграть*, *полечиться*, *походить*, *почесаться*, *поторопиться*» (стр. 159). Ниже есть такое разъяснение: «Предлог *по-* в соединении с определенно-моторными (глаголами) означает начало действия, выраженного несложным глаголом: *понести* — *нести*; между тем тот же предлог в соединении с неопределенно-моторными означает прекращение непрерывного действия, прекращение длительности глаголов: *поношу ребенка* — *ношу ребенка*; вследствие этого *понести* и *поносить* не соотносительны между собой» (стр. 172).

** Ср. описание детерминативного и результативного значений совершенного вида у Фортунатова.

В учении о виде Шахматов явно смешивает грамматические понятия и значения с лексическими. Для него оказываются однородными два совсем разных типа связей — грамматические и лексические: 1) соотносительные парные видовые формы — предложные и беспредложные, отличающиеся друг от друга лишь видовыми оттенками (например: *будить — разбудить; богатеть — разбогатеть; делать — сделать*; *писать — написать; красть — украсть; краснеть — покраснеть; высечь* к *сечь* в значении *пороть* и т. п.); в этих случаях лексические значения парных форм совпадают; глагольная приставка выражает лишь категорию совершенного вида: она не имеет никаких дополнительных реальных значений; 2) разные непарные — беспредложные и производные от них предложные — глаголы, в которых лексические значения настолько далеки и отличны, что видовое различие их является лишь придатком к резкому реальному различию слов (например: *отсидеть* и *сидеть*; ср. *отсиживать; накурить* и *курить; снести* и *нести; нападать* и *падать* и т. п.). Таким образом, у А. А. Шахматова нет четкого различения отвлеченно-грамматических видовых префиксов и глагольных приставок с ярко выраженными реальными значениями. Поэтому Шахматов не различает видовых форм одного и того же глагола и разных глаголов, т. е. разных слов, принадлежащих к разным видам.

Положение вещей осложняется еще тем, что некоторые глаголы несовершенного вида соотносительны с разными глаголами совершенного вида (и наоборот). Например, в современном русском литературном языке есть два глагола-омонима: *валить*. От одного из них откололось как особое слово просторечное междометие *вали, валите!* (в значении побуждения к какому-нибудь действию). Этот глагол *валить* (со значениями: 1) идти, двигаться во множестве: «Толпа в гостиную валит» (Пушкин); 2) падать или подыматься густой массой) не имеет соотносительных форм совершенного вида. В глаголе совершенного вида *повалить*, который ближе всего к глаголу *валить* по своему значению (ср.: «народ повалил на площадь» — Пушкин; «дым повалил из трубы»; «пошел мелкий снег — и вдруг повалил хлопьями» — Пушкин), выделяется еще дополнительный оттенок начала проявления действия, вносимый приставкою *по-*: так называемое «ингрессивное значение» *по-* (ср. *бежать* и *побежать; идти* и *пойти* и т. п.). Омоним *валить* (для которого А. А. Шахматов указывает в совершенном виде только одну параллель *повалить*), на самом деле, синонимически связан одними значениями (например, значениями: сбрасывать вниз, опрокидывать) с *повалить*, другими значениями (1) беспорядочно сбрасывать, складывать, например, *валить как попало;* 2) слагать вину, ответственность на другого) — с глаголом *свалить — сваливать;* наконец, некоторые значения того же глагола *валить* не находят соответствий ни в каком глаголе совершенного вида, ср. просторечное значение: губить во множестве: *холера так и валит всех* (ведь если сказать: *грипп свалил много людей*, то возникает

новый оттенок значения: заставить лечь или заставить слечь больным).

Еще более показателен другой пример из числа тех, что приведены А. А. Шахматовым, — глагол *повенчать* (совершенный вид к *венчать*). Глагол *венчать* как глагол по происхождению церковнославянский в некоторых своих значениях может совмещать оттенки несовершенного и совершенного вида (например, в устарелых значениях: 1) возлагать или возложить венец, венок в знак высокой оценки заслуг; 2) наградить или награждать, признать достойным награды), хотя одновременно может пользоваться для этих значений в качестве совершенного вида и формой *увенчать* (но ср. также: *увенчивать*). В других значениях и оттенках (например, заканчивать, находиться на верху чего-нибудь: *дворец венчала статуя Ленина*) этот глагол подводится под категорию несовершенного вида и соотносителен с формой совершенного вида *увенчать*. Наконец, в значении «соединять браком по церковному обряду» он связан с глаголом совершенного вида *повенчать*.

Таким образом, процесс видовой «формализации» префиксов встречает противодействие со стороны словаря. На почве этой борьбы грамматики с лексикой возникают смешанные, перекрещивающиеся связи между видовыми и лексическими значениями глагола. Параллелизма форм совершенного и несовершенного вида в строе глагола не получается. Большая часть слов, произведенных с помощью приставок от основного глагола, с видовой точки зрения не соотносительна с ним. Чаще всего — это разные слова, относящиеся к разным видам (например: *играть — выиграть, проиграть, отыграть, сыграть, переиграть, наиграть, доиграть* и т. п.; ср.: *выигрывать, проигрывать, отыгрывать* и т. д.; *бежать — выбежать, вбежать, забежать, побежать, набежать, сбежать, перебежать, убежать, добежать*; ср.: *выбегать, вбегать, убегать, добегать; лететь — вылететь, влететь, улететь, долететь* и т. п.).

Но — при наличии благоприятных лексических условий — реальные значения приставок в сочетании с некоторыми глагольными основами ослабевают; они сливаются с оттенками видового значения, и приставки превращаются в чисто видовые префиксы (например: *сниться — присниться; ваять — изваять; топить — утопить; душить — задушить* и *удушить; сеять — посеять* и т. п.).

Учение о видах русского глагола складывалось в гораздо большей степени под влиянием очень спорных сравнительно-исторических гипотез, чем на основе всестороннего конкретного изучения грамматической системы современного русского глагола. На А. А. Шахматова повлияли те историко-генетические соображения и положения, которые он нашел в работах Г. К. Ульянова и Ф. Ф. Фортунатова о значениях глагольных основ в литовском и славянских языках[151].

§ 37. Взгляды проф. Г. К. Ульянова на категорию вида

Проф. Г. К. Ульянов учил, что соотносительными видовыми формами могут быть лишь те глаголы, у которых лексические значения одинаковы, однородны. Он писал: «Между *идти* и *прийти* не может быть прямого отношения по видовым значениям на том основании, что они представляют собой два разных глагола с различными реальными значениями». Видовое соотношение охватывает лишь те формы *(делать—сделать)*, в которых является одно и то же реальное значение [152]. Оно не должно быть смешиваемо с соотношением словопроизводным. Поэтому Г. К. Ульянов стремился установить те общие значения, которые выделяются в составе совершенного вида и которые, в сущности, выходят за пределы реальных значений приставок, т. е. являются значениями чисто видовыми. Эти значения выражаются или самими основами глагола или формальными приставками (префиксами), не изменяющими реального содержания глагола.

К числу формальных приставок, не производящих никакого изменения в реальном значении глагольных основ, а обозначающих в них лишь видовые различия, проф. Г. К. Ульянов отнес все приставки, видоизменяющие значение времени, «определяющие внутреннее направление глагольного признака». Он исходил из предположения, что видовая диференциация глаголов зависит не только от общего соотношения длительного и недлительного значения глагольных основ, но и от более частных различий видового значения. Проф. Ульянов различал следующие видовые значения, кроме длительного и недлительного: детерминативное, суммарное (чисто суммарное и дистрибутивно-суммарное), результативное, перфективное, моментальное и немоментальное. Значения детерминативное, суммарное, результативное и перфективное выражают известные различия в длительном времени признака (стр. 51). Они представляют собою специальные видоизменения видового значения (стр. 309). Детерминативное значение — это значение ограниченности длительного или сложного времени, вносимое приставкою *по- (пожить, посидеть, погулять, попеть* и т. п.*)*.

Суммарное значение сводится к обозначению того, что «длительное время признака как целое слагается из всех его отдельных моментов» [153].

Суммарное значение — это значение «цельности сочетания всех отдельных моментов времени признака». Это значение вносится приставками [154]: *из- (испоститься, изранить); на- (настрелять, наносить, навозить); вы- (выловить, выбелить); про- (просидеть, прождать, пробегать); пере- (переженится, переломать); раз- — роз- (разболеться, разгореться);* реже *за-* и *от- (забрать, отсидеть свой срок, отстоять* и т. п.*)*.

Ответвлением суммарного значения является значение дистрибутивно-суммарное (т. е. суммарное значение, осложненное представлением об отношении действия ко многим субъектам или объектам), например, в глаголах: *повыловить, поизъездить, понавозить* и т. п. (стр. 169); ср. *позавязывать* и *позавязать; попришивать* и *попришить; повыливать* и *повылить* (стр. 161); *посъехаться, поубивать, позавянуть* и т. п. (стр. 160).

Результативное значение — это значение «относительной законченности времени признака», «законченности по отношению к достижению результата проявления признака», — это значение достижения цели, к которой направляется действие. Оно связано с приставками *из- (износить, изнемочь, излечить, изучить* и т. п.); *с- (сыскать); вы- (вылечить, выучить, вырастить, выспаться* и т. п.) (стр. 161); *за- (зарезать, застрелить, задавить, залечить, загрызть); по- (побороть, познать* и т. п.*); у- (убить, удавить, упиться)*. Сюда же относятся суффиксально-префиксальные образования с приставкой *на-* и суффиксом *-ся (напиться, набегаться, наесться* и т. п.*);* с приставками *до-, при-* и *-ся (дознаться, дождаться, присмотреться)* (стр. 162—163).

Перфективное значение — это значение безотносительной законченности времени признака, т. е. без отношения к результату проявления признака [155] *(съесть, сжечь, сгореть, вымыть, вычистить, погубить, потопить, помереть* и т. п., *умереть, утонуть, заснуть, загубить)* (стр. 163).

Результативное и перфективное значения сближаются между собою общим оттенком законченности времени признака. В некоторых случаях перфективное значение почти совпадает с суммарным (стр. 46—47). «Далее можно заметить, что и значения перфективное и результативное являются, собственно, также значениями ограниченности длительного времени признака; но здесь ограниченность времени обозначается в другом отношении: между тем как детерминативное и суммарное значения выражают собой ограниченность времени как целого длительного времени признака, без отношения к его начальному или конечному пунктам, перфективное и результативное значения выражают собой ограниченность длительного времени признака именно по отношению к его конечному пункту» (280—281).

В кругу недлительного значения необходимо различать также значения — моментальное и ингрессивное. «Ингрессивное значение надо отличать от значения начинательного (инхоативного); ингрессивные основы обозначают наступление начального момента в длительном времени привнака» (стр.61, ср. 340). Ингрессивное значение образуется с помощью приставок: *воз-*, *за-*, *про- (возрыдать*, *прослезиться*, *прозреть*, *проблеснуть*, *прослышать*, *побежать* и т. п.*)*.

Таким образом, Г. К. Ульянов слишком широко очерчивает круг чисто видовых значений приставок. Легко заметить, что большая часть глагольных значений, отнесенных проф. Ульяновым к чисто видовым, на самом деле вытекает из реальных значений приставок.

Уже проф. А. Мазон должен был признать, что значения: ингрессивное, результативное *(выучиться*, *просверлить* и т. п.), суммарное *(пересмотреть* и т. п.*)* и детерминативное — выражаются «приставками полными» (préverbes pleins), нисколько не теряющими своего реального значения [156].

Сам проф. Г. К. Ульянов, в конце концов, вынужден был заявить, что среди формальных приставок некоторые совсем не сохраняют реальных значений и вместе с тем не придают ни суммарного, ни детерминативного, ни результативного, ни перфективного, ни какого другого из дополнительных «видовых» значений.

«Перфективные основы, сложенные с приставками, не сохраняющими реальных значений, если не имеют значений детерминативного, суммарного, результативного и перфективного, являются в славянских языках основами, обозначающими недлительность времени признака» (например, с приставками: *по- — повелеть*, *повести дело* и т. п.; *вз- — взять*, *взвидеть;* ср. *сделать*, *упасть* и т. п. (стр. 165—166)*.

Таким образом, в трудах Г. К. Ульянова смешаны формообразующие видовые префиксы и глагольные приставки, выражающие яркие реальные значения; спутаны видовые грамматические и лексические количественно-временные значения и оттенки глаголов.

§ 38. Учение акад. Фортунатова о значениях совершенного вида русского глагола

Теория видов, выдвинутая проф. Г. К. Ульяновым, в значительной степени определила отношение к видам русского глагола в учении акад. Ф. Ф. Фортунатова, хотя Ф. Ф. Фортунатов — в отличие от Г. К. Ульянова — без всяких колебаний признавал разными словами, отдельными глаголами все соотносительные видовые вариации глаголов, даже образуемые пустыми префиксами.

Под влиянием трудов проф. Ульянова смешение лексических значений приставок с чисто грамматическими оттенками видовых значений окончательно укрепилось в русской лингвистической литературе о видах. Так,

* «Впоследствии в класс недлительных основ этого рода в славянских языках (в отличие от балтийских) входят также все так называемые «перфективные» основы, сложенные с приставками, сохраняющими реальные значения» (стр. 167).

акад. Ф. Ф. Фортунатов к числу видовых значений относил, например, такие значения, вносимые в представление действия приставками: 1) детерминативное значение, связанное с представлением длительности действия, но в пределах ограниченного времени, например: *посидеть*, *поговорить;* 2) инхоативное значение, выражающее наступление начала в длительности явления (*забе́гать*, *заходить;* ср. отсутствие соотносительных форм несовершенного вида). Уже из этих двух значений видно, насколько ошибочен взгляд на совершенный вид как на обозначение момента законченности, завершения действия. И детерминативное и инхоативное значения связаны с представлением длительности. В первом выражается идея длительности в пределах ограниченного времени; во втором — наступление начала в длительности явления. Но наряду с этими значениями в категории совершенного вида, действительно, находит выражение момент завершения действия по отношению к достижению результата (ср. *сделать*, *написать* и т. п.). В связи с этим выделяются иные значения совершенного вида; 3) ингрессивное — достижение результата в процессе возникновения явления, иначе: «время результата в наступлении признака» (*побежать* — при отсутствии соотносительной, парной формы несовершенного вида); 4) финитивное, т. е. значение конца достижения цели (*отобедать*, ср. отсутствие соотносительной формы несовершенного вида); 5) общее результативное *(сделать*, *написать)* и 6) специальное результативное значение со своеобразным оттенком степени развития явления в разных отношениях (*изругать*, *искусать*, *замучить* и т. п.).

Итак, глаголы совершенного вида, по Фортунатову, могли означать момент наступления и момент завершения действия. Момент завершения явления определяется или по отношению к предшествовавшей длительности, и тогда получаются глаголы с детерминативным видовым значением, или по отношению к достижению результата явления, и тогда получаются глаголы или с результативным значением *(сделать*, *написать)*, или с финитивным (*отобедать*, т. е. кончить обедать, *отпахать*). В моменте наступления действия следует различать: достижение результата в процессе возникновения явления и наступление начала в длительности явления. Относящиеся сюда глаголы распадаются на два класса: ингрессивные—*побежать*, *полюбить*— и инхоативные — *забегать*, *заговорить* [157].

Приставки, связанные с этими «видовыми» значениями, акад. Ф. Ф. Фортунатов противопоставлял таким глагольным приставкам, которые не имеют прямого отношения к видовым изменениям глаголов, как, например, приставка *при-* в глаголах: *приехать*, *принести*. Этого рода приставки, обозначая пространственные отношения действий, изменяют реальное значение глагола. Они ставят глагол по виду (выражающему результативное значение) в соотношение не с простыми глаголами *(ехать*, *нести)*, а со сложными имперфективными типа *приезжать*, *приносить*. Фортунатов сам вынужден был признать, что специальное результативное значение уже не принадлежит к различиям собственно видовым и что, следовательно, соответствующие приставки имеют реальное значение (например, *поджарить*, *замучить*, *искусать* и т. п.) [158]. Таким образом, Фортунатов (так же как и Ульянов) смешал лексические оттенки времени, вносимые приставками, с чисто видовыми грамматическими значениями. Значения «начинательные»— ингрессивное и инхоативное *(забегать*, *побежать*, *заговорить* и т. п.*)*, или «окончательное», т. е. значения оконченности, исчерпанности действия, «значения прекращения признака» *(отобедать)*, отнюдь не являются простыми видоизменениями общего грамматического значения вида (ср. возможные соответствия для выражения этих оттенков в формах несовершенного вида, например, *заболевать*, *заговаривать* (начинать говорить), *запевать* и т. п.)*. Эти значения органически вытекают из лексических значений самих

---

* Ср. суждения А. А. Потебни о том, что «значения начинательности и окончательности выходят за пределы совершенности» («Из записок по русской грамматике», т. IV, стр. 16).

приставок. Глагол *отобедать* вовсе не находится в прямом соотношении с *обедать*, так как содержит дополнительное лексическое значение прекращения, отработанности процесса. О том, что значения начинательности и окончательности являются лексическими, дополнительными, а не грамматическими, видовыми, прекрасно и убедительно говорил А. А. Потебня: «Различия начинательности и окончательности слишком частны для грамматических категорий. Большинству предлогов начинательность значения не свойственна. Принадлежность глаголов предложных к начинательным или окончательным, подобно всем лексическим оттенкам значения слов, формально ничем не выражается, так как посредством грамматического разбора мы не в состоянии различить глаголов начинательных: *завозить ногами под столом* (начать возиться) — от глаголов окончательных: *завозить платье* (в том смысле, как говорят «заносить рубашку»), *завозиться до-нельзя* (замараться). Дополнение в том или другом падеже для начинательности и окончательности значения глагола вовсе не характеристично[159].

Отсутствие соотносительной формы несовершенного вида с той же приставкой далеко не всегда может служить признаком того, что данная приставка имеет чисто видовое значение. Достаточно сослаться на такие глаголы совершенного вида, вообще лишенные соотносительных форм несовершенного вида, как *повыталкивать*, *перевыталкивать*, *понавыталкивать* и тому подобные образования с приставками *по-*, *на-* и *пере-* (ср. также глаголы типа: *попризатихнуть*, *поприналечь* и т. п.). В этих глаголах настолько очевидны лексические отличия от основного глагола (ср. *думать*, *выдумать* и *понавыдумывать*), что еще никому не пришло в голову видеть в их семантических оттенках чисто видовые значения.

Ошибка Ульянова, Фортунатова и их последователей состояла в том, что они отождествляли с чисто видовыми значениями глагола функции всех тех предлогов, временные значения которых не сочетаются непосредственно с формами несовершенного вида, например, *отобедать* (ср. отсутствие несовершенного вида *отобедывать*), *побежать* и т. п. Некоторый схематизм, игнорирующий или, наоборот, смешивающий реальные, лексические и грамматические оттенки смысловых различий, обнаружился в искусственном приравнении *посидеть* к *сидеть*, *забегать* к *бегать*, *отобедать* к *обедать*, *искусать* к *кусать* и т. п. Недостаточная четкость в различении грамматических и лексических форм и значений характеризует всю фортунатовскую концепцию видов глагола*.

---

* В литовском и латышском языках часть приставок также превратилась в видовые префиксы. Префиксованные формы совершенного или недлительного вида у литовских и латышских глаголов этого рода соотносительны с простыми бесприставочными формами (так же как и в русском языке) (см. Г. К. Ульянов, Значения глагольных основ в лит.-слав. яз., II, 29 и след.). Другой разряд приставок сохраняет свое реальное значение. Эти приставки соответствующим образом изменяют конкретные значения простых глаголов. Фортунатов отметил, что этого рода приставки не изменяют значения времени признака в глагольной основе. Следовательно, сочетающиеся с ними глаголы не выражают соотносительных видовых значений длительности и недлительности. Но проф. И. Эндзелин указал, что и этого рода глаголы приобретают значение совершенного вида. Они соотносятся с простыми глаголами, осложненными наречием. Так, например, padarit (сделать) по видовому значению находится в прямом отношении к darit (делать), а, например, nùkâpt (сойти, слезть, спуститься) по видовому значению находится в прямом отношении не к kâpt (подыматься, идти), но к zemé kâpt (сходить, слезать, спускаться), где zemé имеет значение наречия (вниз) («Латышские предлоги», ч. II, 1905).

В статье «К вопросу о видовом значении латышских сложных глаголов» проф. И. Эндзелин подчеркнул, что словечки, сочетающиеся с простыми глаголами для выражения длительности, «имеют в таких случаях не только

§ 39. Влияние взглядов акад. Фортунатова на учение о видах у акад. Шахматова

Вслед за Ульяновым и Фортунатовым А. А. Шахматов (как показывает его определение совершенного вида) сначала выделял два основных значения совершенного вида: 1) р е з у л ь т а т и в н о е, охватывающее большую часть глаго́лов, и 2) д е т е р м и н а т и в н о е, т. е. ограничивающее или прекращающее длительность действия (с приставкой *по-*: *поиграть*, *полечиться*, *посидеть* и т. п.). Понятие результативности толковалось Шахматовым (вслед за Фортунатовым) сначала так широко, что в нем расплывались значения большей части глагольных приставок. «Результативность вносится, очевидно, предлогом, вошедшим в сложение, причем предлог не вносит в глагол нового реального значения, указывая только на начало, конец или полноту его проявления», — писал Шахматов («Очерк», стр. 174). Но далее приводятся в качестве примеров «предложные» глаголы, реальные значения которых резко отличаются от значений основных, беспредложных глаголов. Например, *покормить* и *кормить* (ср. *накормить;* ср. наличие в глаголе *кормить* таких значений, из которых некоторые вообще не находят соответствий и отражений в глаголах совершенного вида, произведенных от той же основы, например: 1) содержать на своем иждивении: *кормить целую семью;* 2) служить средством пропитания: *литературный труд плохо его кормит* и т. п.; другие значения у глагола *кормить* соотносительны только с значениями глагола *накормить*, например: *кормить обещаниями — накормить обещаниями* и др.); *ездить* и *проездить* и т. п. (стр. 174—175). Главным основанием для сопоставления таких видовых пар у Шахматова (так же как у Ульянова и Фортунатова) служило отсутствие соотносительных производных форм несовершенного вида (с суффиксами *-ыва-*, *-ива-*) типа *проезживать* и т. п. А. А. Шахматов вслед за Ульяновым и Фортунатовым настаивает на необходимости различать два разряда приставок: 1) сохраняющих свое реальное значение и передающих его глаголу; 2) теряющих свое лексическое значение и видоизменяющих лишь видовую форму глагола. «Основанием для различения обоих видов префиксов служит следующее: глаголы совершенного вида, сложенные с префиксом, вносящим реальное изменение в значение глагола, образуют при себе сложенные с этими же префиксами глаголы несовершенного вида: *приписать — приписывать;* между тем как глаголы совершенного вида, сложенные с префиксом, не вносящим реального изменения в значение глагола, не образуют при себе таких глаголов несовершен-

---

местное значение наречий, но и то значение формального элемента, которое имеет, например, в русском языке слог *-ва-* в *убивать* (по отношению к *убить*). От núkâpt (слезть) действительное настоящее время не nukapju (что употребляется как praesens historicum и в значении формы, не обозначающей субъективного времени) или kâpju (что значит: подымаюсь), но kâpju zemé («Известия Отделения русского языка и словесности», 1908, т. XIII, ч. 4, стр. 195-201).

ного вида»[160]. С глаголами этого (второго) типа Шахматов связывает основные беспредложные формы несовершенного вида. Этот вывод неверен. В современном языке есть и такие приставочные глаголы совершенного вида, которые вовсе не имеют парных соответствий в сфере форм несовершенного вида, образованных от тех же основ.

А. А. Шахматов полагал, что в той группе результативных глаголов, где приставочный (предложный) глагол совершенного вида непосредственно соотносится с производным приставочным же глаголом несовершенного вида (на *-ывать*, *-ивать*), образованным от той же основы, сохраняется большей частью «особый реальный оттенок» значений предлогов (например, *просить — выпросить;* ср.: *выпрашивать; простоять — простаивать; слизать — слизывать; утаить — утаивать* и т. п.). Поэтому А. А. Шахматов отличает разряд производных результативных глаголов типа *закричать*, *забить* (в значении: начать бить, например: *Вдруг забили часы* и т. п.), т. е. не имеющих соотносительной приставочной формы несовершенного вида, от класса результативных глаголов, имеющих производные парные приставочные формы несовершенного вида, например: *захвалить—захваливать*, *принести — приносить* и т. п. Первый тип А. А. Шахматову представлялся исторически более первоначальным.

Те же недостатки свойственны и учению о видах, изложенному в «Синтаксисе русского языка» А. А. Шахматова. Здесь Шахматов следует, в общем, той же ульяновско-фортунатовской схеме видов. Указывая на многообразие соотносительных видовых значений в русском языке, отчасти находящих себе морфологическое выражение, отчасти определяемых синтаксически, А. А. Шахматов все еще нечетко отделяет чисто грамматические видовые соотношения от лексических различий: «Возможность выразить полноту проявления действия в его начале или окончании предполагает возможность выразить и его обычное течение; возможность выразить определенность движения предполагает возможность выразить и его неопределенность»[161]. Морфологически наиболее выразительны, по Шахматову, два основных вида: несовершенный и совершенный. Их значения у Шахматова определяются чересчур обще. Эти определения не оправдываются дальнейшей классификацией видовых оттенков. «Несовершенный вид означает обычное неквалифицированное действие-состояние; совершенный вид означает полноту проявления действия-состояния». Прием префиксации выдвигается как «основное и исконное отличие между обоими видами». Однако в «Синтаксисе» А. А. Шахматов более тонко и строго отличает обозначение «полноты проявления признака» как грамматическую функцию совершенного вида от тех «реальных изменений в значении признака», в частности «локальных и других обстоятельственных представлений», которые относятся к сфере лексических значений приставок. Таково, например, отношение *запить* и *пить*. Здесь видовое различие «обосложнено» различиями лексических

значений. Для выражения этих новых значений, не связанных с представлением о «полноте проявления признака», «язык прибегнул к новообразованию, а именно создал при *запи-* производную основу *запива-*[162]. «Такие производные основы для выражения несовершенного вида возникают при всех основах совершенного вида, сложенных с такими префиксами, которые вносят изменение в реальное значение глагольной основы (некоторые префиксы не вносят в те или другие глаголы такого изменения)».

Все же и в «Синтаксисе» Шахматова видовые значения смешиваются с лексическими значениями и оттенками, вносимыми приставками, классификация видовых функций носит запутанный и смешанный полу-лексический, полу-грамматический характер. Все это отражается и в современных школьных грамматиках русского языка. Даже наиболее полная грамматическая классификация видовых значений далеко не исчерпывает всех тех семантических оттенков, которые вносятся приставками в обозначение «способа прохождения» того или иного действия.

§ 40. Вопрос о функциональных разновидностях совершенного и несовершенного видов у Шахматова

В своем «Синтаксисе русского языка» А. А. Шахматов сделал попытку очертить не только общие грамматические отличия видов совершенного и несовершенного, но и наметить основные грамматические разновидности внутри каждого из этих видов. Однако смешение лексических и грамматических значений отразилось и на этой концепции А. А. Шахматова.

Совершенный вид отличается от несовершенного следующими грамматическими особенностями:

1) Формы настоящего времени совершенного вида имеют значение будущего времени, например, *посмотрю* — при будущем описательном в несовершенном виде: *буду смотреть*.

2) У глаголов совершенного вида отсутствуют формы причастий и деепричастий настоящего времени.

3) От страдательных нечленных причастий на *-н-*, *-т-* с глагольными основами совершенного вида образуются формы перфекта, прошедшего и будущего времени: *стол накрыт*, *дело было испорчено*, *спектакль будет дан*.

4) У глаголов совершенного вида широко употребительны формы повелительного наклонения 1-го лица с особыми экспрессивно-смысловыми оттенками: *купим*, *пойдем*, *побратаемся; давай купим*.

5) При отрицании *не* формам повелительного наклонения у глаголов совершенного вида свойственно значение предостережения: *не упади*, *не поскользнись*.

6) Многие глаголы совершенного вида образуют своеобразную форму прошедшего времени, омонимичную с повелительным наклонением: *он пойди и скажи*.

Эти грамматические особенности неоспоримо доказывают наличие двух основных видов русского глагола. Но в границах каждого из этих двух видов намечаются более частные различия видовых значений. Эти различия уже обратили на себя внимание проф. Г. К. Ульянова и акад. Ф. Ф. Фортунатова. Под влиянием этих ученых А. А. Шахматов различает по четыре подвида совершенного и несовершенного видов:

1. Кратный и некратный подвиды несовершенного вида. Кратный означает действие, «раздробленное во времени, прерывистое», некратный — не прерывистое. Различие между ними выражается в том, что глаголы кратного подвида (*играть*, *прыгать*, *болтать* и т. п.) с приставкой *по-* приобретают «детерминативное», ограничительное значение совершенного вида (или, как теперь выражается Шахматов, образуют определительный подвид совершенного вида): *поиграть*, *поесть*, *попрыгать*, *поболтать* и т. п.; а глаголы некратного подвида (*селиться*, *венчать*) или вовсе не соединяются с приставкой *по-*, или получают в таком соединении «результативное» значение: *поселиться*, *повенчать*. Впрочем, А. А. Шахматов сам признается, что «отличия эти не так определенны» (ср. разные значения глаголов *поесть*, *поругаться*, *поделить* и т. п. в связи с разными значениями приставки *по-*).

Действительно, представляется совершенно непонятным, почему *сидеть*, *стараться* отнесены Шахматовым к кратным глаголам (повидимому, только на основании форм совершенного вида *посидеть*, *постараться*, которые вовсе не однородны по значению приставки *по-*). Еще менее ясно, почему *венчать*, *отвечать* — глаголы некратные. Анализ реальных значений, свойственных приставке *по-* в сочетании с разными глагольными основами, должен быть связан с изучением значений других приставок и с исследованием живых закономерностей, управляющих сцеплениями глагольных основ и приставок. Эта проблема, очень важная для понимания внутренних семантических основ категории вида, все же выходит за пределы изучения соотносительных парных видовых форм одного глагола. Анализ отношения *играть* к *поиграть* предполагает оценку отношений: *играть* к *сыграть; болтать* и *поболтать* вызывают представление о глаголе *сболтнуть* и т. п. Оттенки кратности и некратности осложняют соотношение видовых значений, но, по существу, выходят из рамок категории вида. Повидимому, в старой системе русского языка (до XVI—XVII вв.) значения кратности и оттенки количественных различий действия были более тесно связаны с видо-временными значениями*. Следы этих отношений более заметно отражаются в соотношении определенно-моторных и неопределенно-моторных глаголов.

---

* Ср. замечание акад. А. А. Шахматова в «Исследовании о двинских грамотах» об употреблении давнопрошедшего времени в двинских грамотах XV в. лишь от глаголов с многократным значением (стр. 133). Ср. систему форм прошедшего времени в изложении Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого.

Разновидностью кратного и некратного подвидов А. А. Шахматов считает моторно-кратный и моторно-некратный подвиды несовершенного вида в глаголах движения. Моторно-некратные глаголы: *вести, везти, нести, ползти, лезть, бежать, плыть, лететь, брести, ехать, идти.* Моторно-кратные: *водить, возить, носить, ползать, лазить, бегать, плавать, летать, бродить, ездить, ходить.* Ср. также соотносительные пары: *гнать—гонять; катить—катать; тащить — таскать.* Кроме основ, эти соотносительные группы глаголов различаются друг от друга следующими особенностями: 1) при присоединении приставки к моторно-некратным глаголам образуется новый глагол совершенного вида: *привести, залезть, побежать* и т. п.; напротив, префиксация глаголов моторно-кратных очень часто не меняет их вида: *привозить, заходить, уносить, прибегать, улетать;* 2) 1-е лицо множественного числа повелительного наклонения образуется только от моторно-некратных глаголов: *бежим, идем* и т. п.; 3) моторно-некратные глаголы в прямом значении соединяются с отрицанием *не* только в форме настоящего времени для обозначения будущего времени: *не везу его сегодня*, и в форме повелительного наклонения для выражения запрета, и то лишь при условии, если запрещение относится к наличному действию: *не беги так, не иди так скоро.*

Различение «определенного» и «неопределенного» подвидов несовершенного вида в глаголах движения (*идти — ходить; лететь — летать* и т. п.) намечено еще в русских грамматиках первой половины XIX в. (Востокова, Греча, Пагского и др. [163]). Это различие тоже опирается на различия лексических значений глаголов.

При употреблении этих глаголов в переносных значениях различие видовых оттенков стирается (ср.: *там часто идет* (а не ходит) *снег; нередко нёс* (а не носил) *на себе всю ответственность; эти свечки всегда плывут; он часто вел это дело; вел счет* или *вел себя худо; он всегда к ним лезет* и т. п.).

Некоторые лингвисты (например, Ван-Вейк) готовы искать в различении определенно-моторных и неопределенно-моторных глаголов историческое зерно категории вида.

2. Определительный подвид несовершенного вида, обозначающий «ограниченное проявление признака», проявление признака «только отчасти, немного» (с приставкой *по-*): *посматривать, похаживать.* Раньше А. А. Шахматов находил в этой группе слов длительно-прерывистое (или прерывисто-кратное) значение. Глаголы этого типа не имеют прямых соответствий в формах совершенного вида. Остается непонятным, почему в таком случае не выделены в особые видовые группы и глаголы типа *приплясывать, разгуливать* и другие подобные.

3. Далее следует у Шахматова многократный подвид несовершенного вида. Но этот подвид вообще не соотносителен ни с определительным, ни с усилительным подвидом. Правда, в русском литературном языке XVIII и XIX вв. формы многократного подвида иногда употреблялись в том же значении, что и формы

несовершенного вида, образуя с ними одну синтаксическую цепь. Например: у Вельтмана в романе «Приключения, почерпнутые из моря житейского»: «сроду ничего *не пил*, сроду карт в руки *не брал*, сроду *не кучивал*». Ср. у Лескова в «Островитянах»: «Она часто уходила ко мне и просиживала у меня целые дни, часто не сказав мне ни одного слова. Иногда, впрочем, мы беседовали, даже варили себе шоколад и даже *смеивались*, но никогда не говорили о прошлом».

Но со второй половины XIX в. такое употребление формы многократного вида избегается. Многократный подвид вообще лучше совсем отделять от несовершенного вида (см. § 31). Об этом убедительно говорили А. А. Потебня и Г. К. Ульянов.

4. У с и л и т е л ь н ы й подвид несовершенного вида, образуемый посредством повторения глагола, например, *он сидит себе и сидит*. Этот подвид характеризуется такими признаками, которые скорее могут быть отнесены к области стилистических форм речи, к области экспрессивной фразеологии и синтаксиса.

В совершенном виде А. А. Шахматов также различает четыре подвида:

1. О д н о к р а т н ы й, обозначающий однократное, или мгновенное, проявление признака. «Быть может, в некоторых глаголах недостаточно определенно различие между совершенным видом вообще и однократным в частности» (ср. *кинуться*, *ринуться*, *хлынуть*).

Однократный, или, лучше, мгновенный, моментальный подвид является лексическо-семантической разновидностью вида совершенного. Значения однократности или мгновенности нередко поглощаются общим значением совершенного вида, как бы растворяются в нем. Например, глагол *окунуть*, бывший образованием однократного вида к слову *окупать* (исчезнувшему вследствие омонимности с *окупать — окупить*), теперь понимается как форма совершенного вида, в параллель к которой образуется форма несовершенного вида *окунать*. Слово *кануть* (из *ка (п) нуть*) также вследствие фонетического изменения основы отошло от слова *капать*, которое теперь соотносительно с другой формой совершенно-мгновенного вида *капнуть*. Ср. также видовое значение глаголов; *взглянуть* (просторечное *глянуть*), *лопнуть* (ср. у Пушкина: «И лопал на огне печеный ростовщик... Тут звучно лопнул он...»), *кувырнуть*, *махнуть (на все махнуть рукой)*, *рухнуть*, *разинуть*, *треснуть (-ся)*, *тронуть*, *вспыхнуть* (ср. *вспыхивать)*, *очнуться*, *улизнуть* и т. п.; ср. *болтать — сболтнуть*.

На то, что в современном русском языке однократный подвид подчинен совершенному виду, указывают и значения суффикса *-ну-*. Основная его функция — служить средством образования основ совершенного вида. Например: *ахнуть*, *двинуть*, *кинуть*, *дунуть*, *лопнуть* (ср. *лопаться*), *улыбнуться*, *мелькнуть*, *мигнуть*, *нырнуть*, *попрекнуть*, *приткнуть*, *сунуть*, *сверкнуть*, *сморкнуться*, *хлопнуть*, *шагнуть*, *швырнуть*, *хлебнуть* и т. п.

Даже в тех случаях, когда суффикс *-ну-* придает глаголу ярко выраженное значение моментальности или однократности, очень часто это значение сливается или сочетается с общим значением совершенного вида. Например: *хлебнуть (хлебнул лишнее)*, *кивнуть*, *качнуть*, *икнуть*, *колънуть*, *чихнуть* и т. п. Ср. у А. Белого в стихотворении «Убийство»:

Красною струею прыснул
Красной крови ток.
Ножик хрястнул, ножик свистнул
В грудь, в живот и в бок.

Ср. у Достоевского в «Подростке»: «Он слегка вскрикнул, *скрежетнул* зубами, и, сильною рукою схватив меня за плечи, злобно-*оттолкнул*, так что я отлетел шага на три. В это мгновение ему подали шинель, он накинул, сел в сани, из саней еще раз грозно крикнул». Ср. там же: «Тебя-то что *дернуло* говорить ему. Тебя-то что *дергало* его дразнить?»

Уяснить роль однократного или мгновенного подвида в общей системе видовых соотношений помогают наблюдения над такими случаями, когда от одной и той же основы употребляются две соотносительные формы совершенного вида, различающиеся только по кратности. Например: *выдергивать — выдергать* и *выдернуть; разбрасывать — разбросить* и *разбросать; выбалтывать — выболтать* и *выболтнуть* и другие подобные. Легко заметить, что такого рода соотносительных парных форм совершенного вида в литературном языке осталось немного. По большей части, резкая разница лексических значений отделяет глаголы «однократные» от других однокоренных форм совершенного вида. Например, *проблестеть* и *проблеснуть; резать — резнуть*, но ср. *зарезать; рвать — рвануть*, но ср. *сорвать* и т. п.

В русском литературном языке XIX в. усиливается тенденция к устранению семантической соотносительности глаголов совершенного вида, отличающихся друг от друга оттенками кратности, к их лексической дифференциации. В «Практической русской грамматике» Н. И. Греча отмечался параллелизм форм совершенного вида, позднее устраненный: *забрызгивать — забрызгать* и *забрызнуть; сдувать — сдуть* и *сдунуть; засовывать — засовать* и *засунуть* и т. п. (стр. 175).

Кроме того, в просторечии с суффиксом *-ну-* (так же как и *-ану-*) все чаще соединяется экспрессивный оттенок энергичности, резкости проявления действия. Например, *критикнуть*, *спекульнуть* и т. п. Экспрессивные оттенки, окрашивающие *-ну-*, *-ану-*, поглощают и ослабляют значение кратности. Поэтому образования с *-ну-*, *-ану-* широко распространяются и в глагольных основах, не обозначающих составных, кратных действий (ср. *агитнуть* и т. п.).

2. О п р е д е л и т е л ь н ы й п о д в и д, обозначающий «ограниченное временем проявление признака». Он образуется с помощью приставки *по-* от основ кратных глаголов *(поиграть, поболтать)*,

при этом круг таких основ, сочетающихся с ограничительной приставкой *по-*, остается точно не очерченным. Этот подвид не однороден и не соотносителен с однократным подвидом. Скорее можно предполагать связь по контрасту между глаголами, обозначающими ограниченное проявление признака, и глаголами, выражающими полноту проявления признака (например, *поболтать* и *наболтаться; поиграть* и *наиграться* и т. п.).

3. Начинательный подвид, обозначающий начало действия и образуемый с помощью приставки *за-* от кратных основ: *заиграть, заболтать, заплакать;* ср. *побежать* и т. п.

Таким образом, и в этом случае выделение «подвида» диктуется главным образом своеобразиями в реальных значениях приставок.

4. Усилительный подвид совершенного вида, образуемый посредством повторения того же слова: *Уж я его увезу да увезу;* ср. *дай посмотрю; ну-ка скажу.* Этот подвид уже совсем несоотносителен с предыдущим.

Таким образом, А. А. Шахматов остается в кругу (несколько суженном морфологически, но расширенном синтаксически) фортунатовских характеристик вида.

Он лишь исключает при анализе «подвидов» те установленные Ульяновым и Фортунатовым «видовые значения», которые носили чересчур яркий отпечаток реальных значений приставок. Между тем, если принять в расчет разные синтаксические, т. е. аналитические, способы выражения видовых значений, то нельзя забывать о конструкциях с инфинитивом. Как известно, многие сочетания инфинитива с глаголами вроде *стать, начать* или *кончить, перестать, бросить* выражают видовые значения. Недаром Востоков сочетания инфинитива с вспомогательным глаголом *стать* относил даже к сложным формам времени. Конструкции с инфинитивом, служащие для аналитического выражения видовых значений и оттенков, возмещают и пополняют круг морфологических средств, выражающих видовые значения. При этом конструкции с инфинитивом, выражающие начало, возникновение действия, разнообразнее, богаче конструкций, выражающих прекращение явления[164] (ср.: *начал курить, стал курить; кинулся бежать, бросился бежать, ударился бежать* и т. п.; ср. также *перестал курить, бросил курить*). Понятно, что не все конструкции этого рода представляют собою одинаково тесные синтаксические единства.

Схема видов и подвидов, разработанная Г. К. Ульяновым и Ф. Ф. Фортунатовым, видоизмененная Шахматовым, является самой глубокой и влиятельной. Эта схема принимается и акад. Л. А. Булаховским[165] с кое-какими терминологическими заменами (по Ульянову). По мнению Л. А. Булаховского, различаются четыре основных значения несовершенного вида: 1) повторяемость *(прихожу — приходил; гоняю — гонял);* 2) незаконченность действия *(слушаю — слушал; рисую — рисовал);* 3) неправильная повторяе-

мость (значение «время от времени»: *захаживаю, посматриваю*; «покусываю яблоки, посасываю мед» (Моравская, «Апельсинные корки»); 4) неправильная кратность в давнем *(певал, говаривал)*. Последние два значения идут на убыль.

Точно так же Л. А. Булаховский отмечает четыре основных значения совершенного вида: 1) охват длительности *(посидел — просидел; полежал — пролежал)*; 2) наступление начала в длительности явления *(забарабанил, застучал)*; 3) достижение результата в процессе *(побить, разбить, спеть)*; 4) мгновенность действия.

Вариантом суффикса однократности *-ну-* признается суффикс *-ону-(-ану-)*, обозначающий или «особенную короткость, неожиданность и слабость действия» («Я его даванул в затылок» — Лесков, «Смех и горе»; «Соломин подошел не спеша к обоим посетителям, даванул молча руку каждого из них своей мозолистой костлявой рукой» — Тургенев, «Новь»), или же, чаще, «особенную короткость, неожиданность и резкость действия»: («Ка-ак он меня зубилом саданул по балде!» — Куприн, «Молох»)[166].

Ср. в современном русском языке: «Погляди, погляди!» — рыданул, проходя мимо него, прохожий» (А. Толстой, «Хождение по мукам»).

«И я ль страдала — страданула, с моста в реку сиганула» (Горький, «Городок Окуров»).

«Больно щипануло сердце» (А. Караваева, «Двор»).

«Не спеша положил Алешка Бровкин шапку, принял со стола барабан... и чесанул плясовую — ух, ты!» (А. Толстой, «Петр Первый»).

«Полковник трепанул усами, и скулы у него вздрогнули и набухли» (Ф. Гладков, «Цемент»).

«Он сиганул через комнаты и очутился в передней» (А. Белый, «Москва под ударом»).

Проф. А. Стендер-Петерсен отрицает наличие в этих формах видового оттенка интенсивности, резкости или ослабленности действия. По его мнению, эти формы отличаются от параллельных форм на *-нуть (толкануть — толкнуть)* лишь экспрессивно-стилистическими нюансами как формы народные или просторечные. Экспрессивность этих форм, их простонародная свежесть рядом с литературными формами на *-нуть* порождает иллюзию видовой интенсивности, усиленной моментальности или особой резкости действия (Intensität, gesteigerte Momentaneität, valeur isolative, acte fort, acte brusque, acte atténuatif — таковы характеристики этой формы в немецких и французских руководствах по русскому языку). Экспрессивно-стилистическое отношение *щипануть* к *щипнуть*, по мнению А. Стендер-Петерсена, такое же, как *прощавай* к *прощай* или *скидавай* к *скидай* (ср. у Ал. Блока в «Двенадцати»: «Он головку вскидавает, он опять повеселел»)[167].

Однако для нас более яркая экспрессивная окрашенность форм на *-ануть*, ставших продуктивными в фамильярно-разговорной речи,

тесно связана с обостренностью и подчеркнутостью значений мгновенности или однократности действия. Отсюда и побочные экспрессивные оттенки — резкости, силы, напряженности, неожиданности и т. д.

В этих схемах видовых значений и оттенков намечаются лишь некоторые общие семантические категории, под которые подводятся лексические значения глаголов каждого вида. Но в сравнении с живым разнообразием оттенков действия, вносимых в значение глагола приставками, эти схемы кажутся бедными и монотонными.

§ 41. Приставки совершенного вида с реальными временными и количественными значениями

Семантических оттенков времени или степени, свойственных глагольным приставкам, в русском языке гораздо больше, чем отмечено Ульяновым, Фортунатовым и Шахматовым. Полная картина относящихся сюда грамматических явлений может открыться лишь в результате исчерпывающего изучения всех связей разных глагольных основ со всеми продуктивными приставками в современном русском языке. Для общего предварительного обзора достаточно выделить хотя бы некоторые приставки и те их значения, которые связаны или с ограничением действия во времени, или с количественным определением способа проявления действия (приставки с пространственным, локальным значением остаются в стороне).

1) Таковы, прежде всего, приставки с «начинательным» значением:

а) Приставка *воз-*, *вз-* непродуктивная, выражает начало, возникновение какого-нибудь длительного действия и является в этом значении книжно-архаическим синонимом приставки *за-* (*возненавидеть*, *возмечтать*, *воспылать*, *возжелать*).

б) Приставка *за-* в том же начинательном значении свойственна всем стилям литературного языка (*запеть*[168], *залаять*). Востоков указывал, что приставки *воз-* и *за-* показывают «начало движения, совершающегося на одном месте или простирающегося в разных направлениях, например, *завонять*, *заиграть*, *заходить*»; ср. *зашагать*, *задвигать* и т. п.

Значение начала длительного действия (инхоативное значение), вносимое приставкой *за-*, чаще всего развивается в глаголах, обозначающих звуковые явления, речь, в глаголах движения (в разные стороны, в разных направлениях), в глаголах психических переживаний и их внешних проявлений. Например: *зашептать*, *зашуршать*, *заспорить*, *заговорить*, *заворочаться*, *зааплодировать*, *затосковать*, *зарыдать* и т. п. [169].

в) Между тем, третья приставка с начинательным значением, приставка *по-*, «показывает начало движения поступательного, или движения с места в одном направлении», например: *погнать*, *полететь*, *побежать* (но *забегать*), *покатить*, *поплыть* (но *заплавать*),

понестись, *повести* и т. п. (ср. инхоативное и ингрессивное значения совершенного вида у Фортунатова).

Востоков сопоставлял «начинательные» значения глаголов совершенного вида со значениями описательных оборотов из глагола *статъ* и инфинитива и находил различие между ними в том, что приставочные глаголы (с *за-*) преимущественно означают действие непроизвольное, а описательные обороты с *статъ* выражают действие произвольное, происходящее по собственной воле лица, и употребляются почти исключительно в связи с одушевленными субъектами (*Ребенок стал играть*, но: *Румянец заиграл на щеках*)[170]. Этот семантический оттенок, действительно, очень заметен в описательных оборотах с вспомогательным глаголом *статъ*. Но в метафорическом словоупотреблении тот же оборот сочетается и с названиями неодушевленных предметов. Например, у Пушкина в «Русалке»:

Ведь он не мельник, за него не станет
Вода работать...

У Кольцова в «Песне пахаря»:

Вырастет и колос,
Станет спеть, рядиться
В золотые ткани.

Понятно, почему глаголы с начинательными приставками не образуют производных форм несовершенного вида (ср., впрочем, коррелятивные формы несовершенного вида с приставкой *за-*: *заговаривать*, *запевать*, *зацветать* и некоторые другие): длительность нача́ла гораздо ярче выражается сочетанием глагола *начинать* с инфинитивом, чем простой формой несовершенного вида на *-ывать*, *-ивать* с начинательными приставками.

2) Более пестры и разнообразны результативно-временные значения глагольных приставок:

а) Приставка *от-* означает полное «окончание действия продолжительного», прекращение его вследствие исчерпанности (*отработать*, *отпраздновать*). «Дождя *отшумевшего* капли тихонько по листьям текли» (А. Толстой). Глаголы с приставкой *от-* в этом значении обычно не имеют соотносительных парных форм несовершенного вида (ср. *отпраздновать*, *отужинать*, *отзвучать* и т. п.). Однако это финитивное значение, образуемое приставкой *от-*, не может быть признано чисто видовым. Значение прекращения действия вследствие исчерпанности, свойственное приставке *от-*, слишком индивидуально и конкретно. Например, в предложении: «В текучей речной воде ты увидишь, как падают *отсветившие* миру звезды» — глагол *отсветить* не соотносится с глаголом *светить* (ср. *посветить* и т. п.). Ср. *прыгать и отпрыгать* в такой фразе: «Ваш дядюшка отпрыгал ли свой век?» (Грибоедов). Ср. также глаголы, произведенные посредством приставки *от-* и аффикса *-ся* (типа: *отоспаться*, *отлежаться* и т. п.).

б) Приставка *про-* выражает «продолжение действия до определенного конца», распространение действия на какой-нибудь

промежуток времени (*пролежать*, *проспать*, *проработать*, *проторговать*, *проходить*, *проплыть* и т. п. — почти всегда вне соотношения с формами несовершенного вида). И здесь оттенок охвата определенного промежутка времени сильно видоизменяет лексическое значение глагола.

в) Приставка *по-*, как уже отмечалось Г. К. Ульяновым, Фортунатовым, Шахматовым, вносит в представление действия уменьшительно-ограничительные оттенки («слегка», «некоторое время») (*посидеть*, *поработать*, *поиграть*, *попудрить*, *покрасить* и т. п.) — вне соотносительности с парной формой несовершенного вида. Ср. обозначение пространственно-количественной неполноты действия в приставке *при-*: *прилечь*, *прикрасить*, *припудрить* и т. п.

Однако еще Н. П. Некрасов указал на то, что «объем может определяться предлогом *по* относительно своих крайних пределов начала и конца. Так, в иных глаголах, повидимому, предлогом *по-* указывается преимущественно на конечный предел, например *позеленеть*, и в этом случае он противополагается по смыслу предлогу *за* — *зазеленеть* (ср., однако, в глаголах движения: *побежать*, *пойти* и т. п.)». «Но вообще предлог *по-*, определяя действие по объему относительно пределов последнего, скорее указывает на конец продолжительности действия, чем на начало» [171].

Приставка *по-* имеет разные, почти противоположные значения, иногда соответственно лексическим различиям глагольных основ, иногда же в сочетании с одной и той же основой. Ср. разные значения глаголов: *поспорить* (*поспорить с полчаса* и *поспорить из-за пустяков*); *позвонить* (*позвонить в чужую квартиру* и *часы позвонили и умолкли*) и т. п. Чаще всего реальные значения приставки *по-* у глаголов не отыменного происхождения непосредственно ощутимы.

г) Приставка *за-* может обозначать «осложнение действия каким-нибудь кратковременным уклонением, приостановкой», например, *зазимовать*, *замешкать* (обычно вне соотношения с формами несовершенного вида).

д) Приставка *вы-* (соотносительно с производными формами несовершенного вида) обозначает полную завершенность, законченность, исчерпанность действия (*выловить*, *выкорчевать*, *выстроить*, *вымыть* и т. п.). Ср. также *вы-* совместно с морфемой *-ся* в глаголах типа: *выспаться*, *вылежаться* и т. п.

е) Приставка *пере-* выражает завершение действия по истечении какого-нибудь промежутка времени, вернее — заполнение действием какого-нибудь промежутка времени (часто вне соотношений с несовершенным видом), например: *переночевать*, *перезимовать*, *перемучиться* и т. п.

ж) Приставка *до-* сочетает значения времени и степени. Она выражает достижение цели, завершение во времени, доведение действия до какого-нибудь предела (*дописать*, *договорить*, *доделать*, *дочитать*, *добежать* и т. п.). Она употребляется соотносительно с производными формами несовершенного вида (*дописывать* и т. п.).

Та же приставка вместе с *-ся* (тоже в соответствии с производными формами несовершенного вида) служит для обозначения доведения действия до отрицательного или абсурдного результата (*доиграться*, *допрыгаться*, *добаловаться*, *дошутиться* и т. п.).

з) Приставка *за-* в сочетании с *-ся* обозначает доведение действия до крайних пределов или всецелую погруженность в действие большой интенсивности (соотносительно с производной формой несовершенного вида: *завраться* — *завираться*).

и) Приставка *из-* (нередко соотносительно с производными формами несовершенного вида, но часто и вне соотношения с формами несовершенного вида) выражает крайнюю степень проявления действия, предельную полноту, исчерпанность, например: *иззябнуть*, *изломать*, *износить*, *измочалиться* и т. п.

Ср. также *из-...-ся* (*исхулиганиться*, *изолгаться*, *избегаться* и т. п.), по большей части соотносительно с производными формами несовершенного вида.

к) Приставка *у-* также может обозначать исчерпывающую полноту действия, доведение действия до нормы, преимущественно в сочетаниях с отыменными основами. Например: *укомплектовать* (ср. *комплектовать*), *удлаготворить*, *упитать*, *усадить цветник цветами* и т. п. Обычно этого рода глаголы имеют соотносительные с ними производные формы несовершенного вида.

Конечно, это лишь беглый и очень схематичный очерк временных и количественных функций приставок, рассматриваемых в отвлечении от семантического состава тех глагольных основ, к которым они прилепляются.

Реальные, лексические значения времени и степени, присущие этим приставкам, ощущаются не менее ярко, чем пространственные или переносно-изобразительные значения, связанные с теми же приставками (например: *восходить*, *возместить*; *зайти*, *затащить*; *порвать* и т. п.). Детальное определение всех значений приставок — задача лексикологии.

§ 42. Префиксы с чисто видовым значением (les préverbes vides), образующие формы одного и того же слова

Большая часть глагольных приставок сохраняет всю полноту своих реальных значений и служит средством образования новых слов. Значение совершенного вида, придаваемое глаголу этими приставками, является следствием тех лексических сдвигов, которые они производят в смысловом строе слова, сочетаясь с основами строго определенного семантического содержания. Однако некоторые глагольные приставки превращаются в чисто видовые префиксы и служат простым грамматическим средством образования форм совершенного вида. Из словообразующих приставок они становятся формообразующими префиксами. В этом кругу явлений следует различать процессы двух родов. В одних случаях ослабление и утрата реальных значений приставок является следствием

индивидуального изменения лексических значений данного глагола. Такого рода процессы не ведут к превращению приставки в видовой префикс, так как в сочетании с другими глаголами, с другими глагольными основами та же приставка сохраняет свои реальные значения (например: *сниться — присниться; грезиться — пригрезиться*, с одной стороны, и *мирить — примирить* — и *помириться; бить — прибить* и *побить* и т. п. — с другой).

В иных случаях утрата реальных значений приставки становится закономерной, обязательной для глаголов определенного морфологического строя или лексического состава. Здесь можно говорить о превращении приставки в формообразующий префикс совершенного вида. В качестве таких формообразующих префиксов выступают чаще всего приставки *о-* и *по-*, особенно в отыменных глаголах. Тут намечается параллелизм с судьбой соответствующих приименных предлогов в кругу значений времени. В предлоге *о* становятся непродуктивными временные значения. Ср., например, вымирание в литературном языке конструкций с винительным падежом существительного и предлогом *о* для обозначения времени, около которого или в пределах которого что-нибудь происходит: *о полдень, о полночь, о ту пору*. «Вдруг о полночь конь заржал» (Ершов, «Конек-Горбунок»). «Придет крестьянин о праздник в церковь» (Салтыков-Щедрин, «Сказки»). «Мало ли ребят мрет по деревням об эту пору» (Мамин-Сибиряк, «Неразвязанный грех») и т. д.

Малоупотребительны в современном языке и конструкции с предлогом *о* и предложным падежом существительного для обозначения времени, в один из моментов которого что-нибудь происходит.

Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой.

(Пушкин, «Руслан и Людмила».)

Когда-то о весне зверями
В надсмотрщики медведь был выбран над ульями.

(Крылов, «Медведь у пчел».)

Кроме того, известно, что предлог *о* является простым грамматическим показателем предложного падежа. Точно так же и глагольный префикс *о- (об-)* нередко служит простым формальным признаком совершенного вида, утрачивая лексическое значение круговой определенности действия. Особенно часто сочетается видовой префикс *о-* с именными основами. Например: *бесчестить — обесчестить; вдоветь — овдоветь; дичать — одичать; деревянеть — одеревянеть; дряхлеть — одряхлеть; слабеть — ослабеть; радоваться — обрадоваться; пьянеть — опьянеть; неметь — онеметь; плешиветь — оплешиветь; печалить — опечалить; костенеть — окостенеть; слепнуть — ослепнуть; сиротеть — осиротеть; тупеть — отупеть; шельмовать — ошельмовать;* ср.: *хрипнуть — охрипнуть; крепнуть — окрепнуть* и т. п.

Таким образом, префикс *о-(об-)* является продуктивным способом образования форм совершенного вида для бесприставочных отыменных глаголов. Например: *балдеть — обалдеть; звереть — озвереть; лысеть — облысеть; злиться — обозлиться* (ср. также *разозлиться*); *пустеть — опустеть* и т. п. Ср. у Маяковского: «Из фабричной марки две молнии яркие *омолнили* телефон».

Продуктивный префикс *по-* выступает в той же формообразующей функции у отыменных глаголов.

Префикс *по-*, как известно, вообще отличается крайней широтой и пестротой своих значений. Он встречается почти во всех частях речи. Характерно, что и в предлоге *по* временное значение (после) в литературном языке явно вымирает (ср. *тосковать, горевать по ком* и т. п. и канцелярский характер оборотов: *по истечении, по прошествии, по отбытии* и т. д.; ср. сочетание *по* во временном значении с дательным падежом еще в начале XIX в.).

Вот примеры видового соотношения форм одного и того же глагола, образуемого префиксом *по-*: *губить — погубить; бледнеть — побледнеть; желтеть — пожелтеть; любить — полюбить; щадить — пощадить; благодарить — поблагодарить; жалеть —пожалеть; чудиться — почудиться; ужинать — поужинать; обедать — пообедать; требовать — потребовать; сулить — посулить; нравиться — понравиться; строить — построить; тухнуть — потухнуть; ссорить — поссорить; худеть — похудеть; хвалить — похвалить; целовать — поцеловать; чувствовать —почувствовать; клясться — поклясться; сеять — посеять; тонуть — потонуть; седеть—поседеть* и др. под.

Чаще всего префикс *по-* приобретает чисто видовое значение в соединении с именными основами[172].

Следующее место среди «формальных» префиксов совершенного вида занимает приставка *с-*, функции которой также необыкновенно широки и разнородны*. Конечно, такая «формализация» приставки *с-*, превращение ее в видовой префикс возможны лишь у глаголов без ярко выраженного пространственного значения (ср. локальные значения предлога *с*)**. Например; *делать — сделать; грешить — согрешить; варить — сварить; верстать — сверстать; врать — соврать; лгать — солгать; петь — спеть; пеленать — спеленать; прятать — спрятать; тошнить — стошнить; статься — состариться; стряпать — состряпать; терпеть — стерпеть; трусить — струсить; хитрить — схитрить; комкать — скомкать;*

---

*Характерно, что *с-* иногда, даже в литературном языке, смешивается с *из-* и *вз-* (ср. *сполоснуть* вместо *всполоснуть*, *встать* вместо *стать: река встала; встать к станку* и т. п.).

**Ср. замечание Н. П. Некрасова: «Точку соединения в действии начала с концом язык ... выражает в предлоге *с*, сливая его с глаголом» («О значении форм русского глагола», стр. 232). По мнению Некрасова, префикс *с-* в чисто временном значении «служит к определению действия посредством связи, соединения крайних пределов продолжительности в одну точку» (там же, стр. 234).

петь — спеть; шить — сшить и многие другие. Префикс *с-* служит средством видового формообразования у глаголов как с отыменными, так и с непроизводными основами.

Реже случаи формализации приставки *за-*; неполна формализация приставок *на-*, *вз-* и *у-*; очень редко формальное ослабление значений приставок *из-*, *вы-*; еще реже наблюдается чистое видовое значение у лексически замкнутой приставки *при-*[173]. Необходимо привести хотя бы несколько иллюстраций, где эти приставки становятся префиксами совершенного вида:

1) *за-: арестовать — заарестовать; фиксировать — зафиксировать; гипнотизировать — загипнотизировать; гримировать — загримировать; вербовать — завербовать; свидетельствовать — засвидетельствовать; мутить — замутить; ржаветь — заржаветь; душить — задушить* (ср. *удушить*); *плесневеть — заплесневеть; жмурить — зажмурить; хмелеть — захмелеть* (ср. *охмелеть*) и т. п.;

2) *у-: топить — утопить; совершенствовать — усовершенствовать; жалить — ужалить; красть — украсть; морить — уморить; стыдить — устыдить* и т. п.;

3) *из-: ваять — изваять; насиловать — изнасиловать; печь — испечь; топить — истопить; пугать — испугать; портить —испортить; чахнуть — исчахнуть* и др.; ср. *купаться — искупаться* и *выкупаться*;

4) *на-: писать — написать; печатать — напечатать; вощить — навощить; бальзамировать — набальзамировать; именовать — наименовать; хмуриться — нахмуриться; точить — наточить* и т. п.; оттенок распространения или проявления действия на поверхности чего-нибудь все-таки остается, часто даже при ослаблении реального значения приставки *на-*;

5) *вз-: вспотеть (потеть); вспетушиться (петушиться); баламутить — взбаламутить; бунтовать — взбунтовать — взбунтоваться; будоражить — взбудоражить; волноваться — взволноваться; бесить (-ся) — взбесить (-ся); мужлть — возмужать; пользоваться — воспользоваться* и др.;

6) *при-: готовить — приготовить* (но ср. *приготовлять*); *грезиться — пригрезиться; сниться — присниться* и др.

В очень специфическом кругу глагольных основ несколько ослабляется реальное значение приставки *раз-*, именно в связи с глаголами чувства. Необходимо вспомнить мифологическое представление чувства в образе жидкости, разлитой по организму.

Ср.: *веселить—развеселить; сердить — рассердить; сердиться — рассердиться; гневаться — разгневаться; смешить — рассмешить; свирепеть — рассвирепеть; горячиться — разгорячиться* и т. п. Ср. *богатеть — разбогатеть*.

Почти никогда не теряют своего реального, лексического значения приставки с резким пространственным и временным значением: *про-*, *пере-* (ср.: *крестить —перекрестить; косить — перекосить*), *до-*, *над-*, *под-* и *от-* (впрочем, ср., *мстить—отомстить*)[174].

Сила взаимного грамматического притяжения коррелятивных, парных видовых форм особенно остро ощущается при сопоставлении их с омонимами, принадлежащими к разным видам.

Например, во «Встречах» В. Пяста («Федерация», 1929): «Мы... реализма не почитали, а реалистов и не почитывали» (стр. 57). Ср. *взыскать налоги* и устарелое *взыскать (искать)*, например, у К. Федина: «Люди ... рождались, умирали, любили, в тоске и злобе *взыскали* новой, чистой жизни» («Города и годы»).

Так, грамматика ведет наступление на лексику и обращает словообразовательные элементы в формообразующие префиксы видовых форм одного глагола.

В некоторых случаях видовая корреляция форм одного глагола выражается чисто лексическими средствами. Разные слова, сближаясь, превращаются в формы одного «гибридного», сросшегося из двух тем, слова. Происходит сплетение разных основ. Таковы случаи: *стать — становиться; лечь — ложиться; сесть — садиться; лопнуть — лопаться; ловить — поймать; брать — взять; класть — положить; говорить — сказать; приходить — прийти; уволить — увольнять; усомниться — сомневаться; разложить — разлагать* и *разложить — раскладывать* и другие подобные.

§ 43. Структура видов и сопротивление лексического материала

Всякий глагол подводится под категорию вида. Но далеко не все глаголы имеют формы обоих видов. Например, не имеют форм несовершенного вида глаголы: *очнуться, хлынуть, встрепенуться, ринуться, хлобыснуть, опомниться, очутиться, рехнуться, разговориться* и др. Лишены несовершенного вида глаголы с двойными и тройными приставками: *пона-, повы-, попри-, понавы-, попринавы-, поза-, пораз-* и другие подобные.

Ср.: «Они ухи уж понаелись» (Крылов); «Повыкинь вздор из головы» (Грибоедов); «Горлодеры малость приохрипли» (Шолохов) и другие подобные. Многие глаголы вошли в литературный язык из народных говоров в форме совершенного вида и не приспособили к себе вариантов вида несовершенного (например, *прочухаться; очухаться* и т. п.). Многие глаголы непосредственно образуются от именных и глагольных основ в форме совершенного вида для выражения такого действия, которое не мыслится без признака ограничения во времени. Например: *соснуть, прослезиться, осточертеть, натерпеться, размечтаться, полюбиться, понадобиться* и другие подобные.

Многие глаголы утратили формы несовершенного вида, например: *преставиться, заблудиться* и т. п. То же явление наблюдается и во многих глаголах несовершенного вида. Глаголы с приставками *при-* и *под-*, имеющие комитативное значение (*приплясывать, пристукивать, подпевать* и т. п.), глаголы с приставкой *раз-* в дистрибутивном значении (вроде: *расхаживать, распевать*), глаголы

префиксально-суффиксального образования типа *перестреливаться*, глаголы кратно-прерывистого значения с приставкой *по-* (например, *покашливать*, *потрескивать* и т. п.) и др. не имеют парных форм совершенного вида.

Кроме того, многие глаголы, среди них часть церковнославянского происхождения, имеют значение только несовершенного вида. Таковы: *бездействовать*, *восторгаться*, *домогаться* (*недомогать*, *перемогаться*), *долженствовать*, *издеваться*, *завидовать*, *зависеть*, *значить*, *мудрствовать*, *надлежать*, *подлежать*, *принадлежать*, *ненавидеть*, *нуждаться*, *недоумевать*, *обожать*, *обитать*, *обладать*, *обонять*, *ожидать*, *опасаться*, *обстоять*, *отстоять*, *обращаться* (в значении: иметь обхождение, обращение), *предстоять*, *состоять*, *обуревать*, *отсутствовать*, *присутствовать*, *повествовать*, *поносить*, *повиноваться*, *предвидеть*, *предзнаменовать*, *предчувствовать*, *предшествовать*, *преобладать*, *преследовать*, *пресмыкаться*, *проповедовать*, *силиться*, безличные *следует*, *подобает*, *содержать*, *сожалеть*, *сострадать*, *сочувствовать*, *стоить*, *чередоваться*, *чествовать* и др.

Соотносительные формы совершенного вида отсутствуют у безличных глаголов типа: *не сидится*, *сдается* и т. п. Вообще глаголы состояния вроде: *спать*, *лежать*, *стоять* и т. п.— не имеют парных форм совершенного вида. Кроме того, у многих глаголов часть значений связана исключительно с формами несовершенного вида, например: *отливать*, *переливать красками*, *золотом* и т. п.

Грамматика не может преодолеть сопротивления словаря, а иногда и фонетики. Влияние словаря обнаруживается и в том, что некоторые глаголы (преимущественно церковнославянского происхождения или «кальки» западноевропейских слов), сложенные с приставками и не имеющие парных форм другого вида, бывают теснее связаны по своим значениям не с соответствующими бесприставочными глаголами от тех же основ, а с именами существительными, осложненными той же приставкой. Соотносительность с этими существительными ослабляет глагольное значение приставок, содействует «опрощению» основ и поддерживает у глаголов значение несовершенного вида. Таковы: *преобладать* (ср. *преобладание*); *издеваться* (ср. *издевательство*); *сострадать*; *сожалеть*; *предвидеть*; *предчувствовать*; *сочувствовать*; *зависеть* (ср. *зависимость*, *зависимый*); *преследовать*; *содержать*; *обстоять* (ср. *обстоятельство*); *состоять* и некоторые другие.

Лишены соотносительных видовых форм и многие заимствования из западноевропейских языков, например: *игнорировать*, *ориентироваться* и т. д., и чисто русские образования, например: *заискивать*, *охорашиваться*, *ухаживать*, *волочиться* и др.

Кроме того, у глаголов-омонимов с видовыми различиями нередко связана резкая разница лексических значений; различием видов парализуется неудобство омонимии, например: *отстоять* (т. е. находиться на каком-нибудь расстоянии от чего-нибудь) и

отстоять (т. е. защитить); *выглядеть* (снимок с немецкого aussehen) и *выглядеть* (т. е. высмотреть).

Таков морфологический механизм категории вида в современном языке. С этой категорией пересекается категория залога; категория вида определяет многие пути развития залоговых значений. Из категории вида идут яркие излучения к системе времен и наклонений.

5. КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ

§ 44. Неразработанность вопроса о формах глагольного времени в русской грамматической традиции

В русской грамматике нового периода теория видов заслонила учение о временах глагола. Мысли М. Смотрицкого, Ломоносова, Курганова, Светова, Барсова, П. Соколова, «Российской грамматики, сочиненной Российской Академией» (1802 и 1809) о многообразии и многочисленности форм времени русского глагола, оказавшие влияние и на построение системы глагола в грамматике Востокова, в 20—40-х годах XIX в. уступили место учению о видовом богатстве русского глагола (ср. замечания о трех временах и четырех видах русского глагола у В. Г. Белинского) [175].

Взгляды А. В. Болдырева, Павского, К. С. Аксакова и Н. П. Некрасова в этом отношении оказали решающее влияние на последующую русскую грамматическую традицию. Признавалось более или менее единодушно, что в русском глаголе видовое значение всегда на первом плане, временное — на втором[176]. Грамматическое изучение форм времени русского глагола и их значений в литературном языке конца XIX и XX в. стало специальностью западноевропейских лингвистов. Результаты новых работ в этой области еще не вошли в широкий обиход русской грамматики (не только школьной, но и научной). Учение о формах времени в традиционной русской грамматике явно обеднено и схематизировано.

§ 45. Влияние идеалистической философии на грамматическое учение о формах времени

Традиционное учение о трех основных временах русского глагола — настоящем, прошедшем и будущем — сложилось на почве античной грамматики*. Курциус [177] так формулировал различие в функциях основных глагольных форм времени: «Различие между настоящим, прошедшим и будущим временем покоится только на отношении действия к говорящему» (т. е. к моменту речи). Временные различия Курциус противопоставлял видовым оттенкам, которыми определялись своеобразия течения действия внутри его самого [178].

* Учение о трех временах русского глагола впервые намечено в грамматиках Лудольфа (1696) и Ададурова (1731). Ср. мнение проф. А. В. Болдырева о двух (настоящем и прошедшем) временах русского глагола.

Учение о формах времени как о субъективной категории человеческого сознания обострило интерес к вопросу о субъективных перемещениях временной перспективы действия. В грамматиках стала особенно подчеркиваться субъективность форм времени.

Такое понимание форм времени характерно уже для грамматической традиции первой половины XIX в. Так, И. И. Давыдов в «Опыте общесравнительной грамматики» (1852) пишет: «Настоящее время поставляется, когда представляем сказуемое совпадающим с моментом, в котором говорится... Прошедшее время употребляется, когда действие представляется совершившимся прежде момента речи... Будущее время употребляется, когда действие представляется имеющим совершиться после речи» (стр. 284—285).

В таком общем виде — без учета соотношения объективного времени с приемами его субъективного представления — объяснялись грамматические формы глагольного времени в большей части русских грамматик. Субъективность категории времени была положена в основу грамматического объяснения.

«Категория времени обозначает... — пишет А. М. Пешковский, — отношение времени действия ко времени речи (или обратно: времени речи ко времени действия). Но что такое здесь «время речи»? Это прежде всего момент речевого сознания. Ведь говорящий при помощи категории времени определяет отношение времени действия ко времени своей собственной речи, а это время не может представляться ему только объективно...». В основе форм времени лежат, по Пешковскому, «субъективные соотношения речевого сознания и мыслимого действия», «субъективное представление о соотношении момента речи и момента мыслимого действия». Конечно, Пешковский предупреждает, что «эта субъективность, как и всякая речевая субъективность, может протекать только в абсолютно-объективных рамках, потому что каждый говорящий при помощи категории времени может выражать те же соотношения» [179].

На почве такого субъективно-психологического представления о формах времени сложилась абстрактная схема трех времен русского глагола — настоящего, прошедшего и будущего. В этой схеме не принимались в расчет ни различия грамматического выражения каждого из этих трех времен, ни синтаксические функции форм времени. Лишь значение «законченности», результативности, предельности, свойственное формам совершенного вида, ломало параллелизм трех времен в рамках каждого вида.

Совершенный вид, собственно, не имеет форм настоящего времени [180]. Понятие настоящего времени в плоскости совершенного вида представляется лишь точкой раздела между прошлым и будущим. Между тем в области несовершенного вида настоящее время — это параллельная психологическим планам прошлого и будущего сфера течения обычного или наличного действия *.

Таким образом, в грамматической традиции чаще всего речь идет не столько о языковых формах глагольного времени и их значениях, сколько о психологических планах времени, об абстрактных линиях и точках времени **. Система живых форм времени русского глагола в их основных

---

* Ср. замечание Франк-Каменецкого: «С точки врения научно-логического понимания, настоящее, строго говоря, остается неуловимым для непосредственного восприятия, являясь подвижной гранью между не существующим более прошедшим и еще не наступившим будущим. Для мифического мышления (как, впрочем, и для современного обыденного) настоящее есть наиболее осязаемая непреложная реальность, отнюдь не обладающая нулевой протяженностью» («Первобытное мышление в свете яфетической теории и философии», «Язык и литература», т. III, Л. 1929, стр. 104—105).

** Ср. у А. А. Добиаша: «Настоящее время есть в конце концов произвольная линия во временном пространстве, для каждого особого случая говорящим устанавливаемая; прошедшее время есть то временное простран-

значениях и в их сложном грамматическом взаимоотношении с другими глагольными формами почти никем из русских лингвистов последнего времени (кроме акад. А. А. Шахматова) не осмыслялась [181]. На этой почве складывается убеждение: время русского глагола психологично и субъективно. Оно не вполне «грамматикализовано». Оно определяется больше психологически, чем грамматически [182].

Учение современной грамматики о формах времени русского глагола является отчасти бледным и искаженным видоизменением старой теории «вневременности» русского глагола, отчасти воспроизведением упрощенных грамматических схем русского глагола, предназначавшихся для иностранцев и возникших еще в XVII в.

§ 46. Теория вневременности русского глагола

Теория вневременности русского глагола сложилась в 40—50-е годы XIX в. Борьба с смешением категорий времени и вида, борьба с учением о множестве и разнообразии форм времени, которых Ломоносов насчитал десять, Востоков * — восемь и число которых почти не уменьшилось в книге С. Шафранова «О видах русских глаголов в синтаксическом отношении» (1852) **, привела к полемическому отрицанию вообще факта наличия форм времени в русском глаголе ***.

М. Катков заметил в своей диссертации «Об элементах и формах славяно-русского языка» (М. 1843): «Нашему языку вовсе не важно различение времен, и от форм будущего времени наш язык отказался еще в допамятную пору» (стр. 210).

К. С. Аксаков («О русских глаголах», 1855) писал еще более категорически об отсутствии форм времени в русском языке: «Если мы вздумаем искать времен, известных нам из иностранных грамматик, — мы останемся неудовлетворенными. В самом деле, прежде всего поражает нас то, что прошедшего времени в нашем языке нет вовсе. Вместо формы глагола в прошедшем времени встречаются у нас отглагольное прилагательное или причастие прошедшее: *был — былой, служил — служилый*... Вся небольшая разница зависит от употребления («он уныл покуда», т. е. он унылый, или: «он от неудачи не уныл», т. е. не стал унывать)... Формы прошедшего времени у нас нет». Вместе с тем, «формы глагола, часто употребляемые для выражения будущего, не могут называться формами будущего времени, ибо часто употребляются и в прошедшем и в настоящем» (ср.: «Всякий день проходил у нас однообразно: я подойду к его двери, стукну раза два, он отворит...» или:

ство, которое предшествует начальной точке, а будущее — то, которое следует после окончательной точки произвольного, в каждом отдельном случае особо устанавливаемого говорящим настоящего времени» («Опыт симазиологии частей речи», стр. 117—118).

* Ср. статьи А. В. Болдырева «Рассуждение о глаголах» («Труды Общества любителей российской словесности, ч. II, 1812) и «Рассуждение о средствах исправить ошибки в глаголе» (там же, ч. III, 1812), статьи, в которых полемически доказывалось существование лишь двух форм времени в русском языке — настоящего и прошедшего.

** Отрицание «злополучного деления русских глагольных форм на виды» и возврат к учению о сложной системе времен (7 времен: praesens, imperfectum, iterativum — дергивал, aoristus — дернул; aoristus II — (по-) выдергал, futurum aorist. I — выдерну, II — повыдергаю) см. в статье Р. Г. Вестфаля «Об образовании основ и времен русского глагола» («Русский вестник», 1876, октябрь).

*** Ср. у Г. Павского ироническое замечание, направленное против ломоносовско-востоковской системы времен: «Странное дело! Десять времен

«Он не много теряет часов на разговоры, каждое утро он скажет мне: здравствуй, и пошел себе заниматься» и т. п.). «Эти так называемые будущие формы глагола независимы от времени. Следовательно, в русском языке нет формы будущего времени. Какое же время есть в русском глаголе? Одно настоящее? Но настоящее одно, без понятия прошедшего и будущего, не есть уже время, это бесконечность». «Времена настоящее, будущее и прошедшее — понятия выводные и не имеют для себя своих форм в русском языке: они суть дело употребления и являются по соответствию их с формами глагола и с смыслом речи». «Итак, мы должны прийти к заключению, что ни одна глагольная форма в нашем языке времени не означает. Очевидно, что сама категория времени теряется». Таким образом, по мнению К. С. Аксакова, в русском глаголе морфологически выражен лишь вид, время же — категория психологическая и синтаксическая. «Формами глагола обозначается самое действие, время же в нем есть дело употребления; это употребление основано на соответствии глагольных форм с временами» [183].

Вслед за К. С. Аксаковым Н. П. Некрасов («О значении форм русского глагола», 1865) доказывал способность любой русской глагольной формы выражать самые разнообразные временные значения. Он решительно отрицал в русском глаголе наличие постоянных грамматических форм времени. По мнению проф. Некрасова, время — лишь отвлеченная субъективная категория говорящего и слушающего. «Русскому глаголу не свойственны формы временные... русский язык осмыслил время как нечто постороннее для действия, как внешнее (по отношению к действию) условие, под влиянием которого скорее находится лицо говорящее и лицо слушающее, чем само действие» (стр. 133). Н. П. Некрасов сопоставлял выразительное «глубокомыслие», наглядность и изобразительную художественность системы русского глагола, основанной на категории вида, с структурой глагола в западноевропейских языках, в которых много форм времени: «Быстрота, краткость, продолжительность, кратность проявления действия не нуждаются во времени и им не измеряются. Продолжительность проявления есть сила, душа, живнь самого действия. Действие, проявляющееся под условием времени, отвлеченно, формально; действие же, проявляющееся под условием продолжительности (энергии), жизненно. Понятие о времени относится к понятию о продолжительности как нечто формальное, отвлеченное, условно существующее к тому, что живет на самом деле; потому что условие времени понимается отвлеченно; продолжительность же представляется конкретно (вещественно). Время есть условие, под влиянием которого мыслится действие; продолжительность есть свойство, без которого немыслимо действие в русском глаголе. Вот почему он отвергнул сухую формальную категорию времени и развил в себе формы, выражающие его живое свойство, — энергию, или, как мы назвали, продолжительность проявления. Насколько действительно сущее отличается от условного и формального, настолько продолжительность как свойство русского глагола отличается от времени как свойства глаголов иностранных» (стр. 139).

Эта точка зрения показалась слишком радикальной последующим грамматистам. Была восстановлена в правах старинная теория трех времен, подвергшаяся, однако, сильной психологизации. Анализ описательных форм времени в древнерусском языке, предложенный Потебней в его труде «Из записок по русской грамматике», лишь содействовал подрыву веры в объективность форм времени.

в языке русском, который даже для трех времен (настоящего, прошедшего и будущего) не имеет отличительных признаков. В нем, как и в других славянских языках, не различено и будущее время от настоящего, и причастие, которое мы ныне называем прошедшим временем..., есть не более как прилагательное имя» («Филологические наблюдения», О глаголе, стр. 201).

§ 47. Односторонность господствующих в русской грамматике представлений о соотношении форм и значений времени и вида

Объединение категории вида с категорией времени в последующих грамматических работах производилось чисто механически[184].

После указания на то, что в современном русском глаголе есть только три формы времени, обычно прибавляется: «Эта бедность — только кажущаяся: недостаток времен с избытком восполняется видами, благодаря которым русский глагол способен выражать тончайшие оттенки действий, в их течении, последовательности и взаимных отношениях, не уступая в гибкости, выразительности и точности никакому языку. Большинство форм времени, существовавших в старом русском, вышло из употребления — за ненадобностью. С развитием видов они оказались излишними»[185].

Различия значений форм времени, по большей части, суммарно выводились из видовых различий (см., например, у Ф. И. Буслаева, Л. П. Размусена, Д. Н. Овсянико-Куликовского, Р. И. Кошутича и др.). Почти полное отсутствие работ по истории русского глагола сказалось и на освещении вопроса о формах и функциях времени в современном русском языке. Как происходил процесс распада древнерусской системы времен, как влияло формирование категории вида на эволюцию категории времени, не отразились ли (в измененном и преобразованном виде) пережитки старых грамматических отношений в новой системе глагольных времен, как используются различия форм времени и их значений для выражения синтаксических отношений между предложениями — все эти вопросы привлекали внимание лишь единичных исследователей (проф. А. Мазона, акад. А. А. Шахматова, А. И. Белича, А. И. Стендер-Петерсена)[186]. Система форм времени и их значений в современном русском языке остается не вполне уясненной. Например, изучение относительного употребления времен русского глагола еще не начато.

§ 48. Грамматическое противопоставление форм прошедшего и непрошедшего времени. Прошедшее время как сильная категория в системе времен русского глагола

Для системы времен современного русского глагола характерно морфологически подчеркнутое противопоставление форм прошедшего времени и форм настоящего-будущего времени *. Грамматическая сфера прошедшего времени наиболее глубоко и резко очерчена в русском языке[187]. Это—сильная грамматическая категория. Поэтому-то формы прошедшего времени с трудом и сравнительно

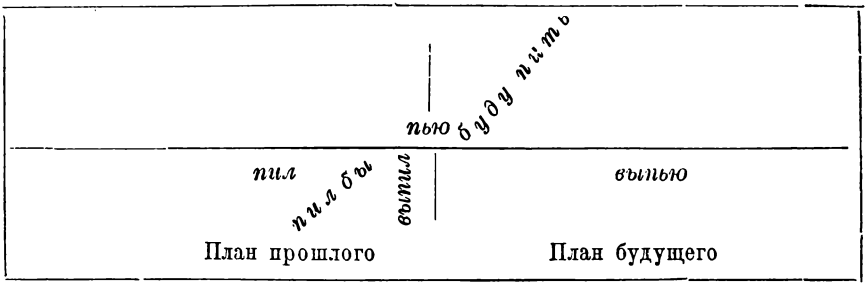
* Следует, не углубляясь в теоретически спорные предпосылки, признать чрезмерно упрощенной предложенную Gustave Guillaume схему соотношений форм времени русского глагола, графически изображаемую в таком виде (см. схему на стр. 544):

редко поддаются субъективному переносу в план будущего или активного настоящего.

Прошедшее время несовершенного вида — вне очень сложного синтаксического контекста — вообще не может выражать значений настоящего или будущего времени (ср. невозможность непосредственно отнести формы: *я гулял*, *я чистил*, *я спал*, *он любил*, *ты учил* и т. п., к настоящему или будущему времени).

Нередко приводятся в качестве примеров употребления формы прошедшего времени несовершенного вида в переносном значении такие эмоциональные предложения: *Плакали мои денежки* (т. е. «непременно пропадут», иногда — «уже пропали»), или: *Хотел я плевать на него!* Гораздо чаще употребляются с оттенком будущего формы прошедшего времени совершенного вида (*Пропала моя головушка!*).

Такое экспрессивное представление объективно-будущего действия в формах прошедшего времени совершенного вида, т. е. изображение будущего действия уже осуществившимся, достигшим цели, предела, всегда предполагает субъективную пережитость факта как прошлого. Такое употребление формы прошедшего совершенного основывается на субъективной убежденности в наличии результата. Этот временной сдвиг, мотивированный резкой экспрессивностью сообщения, свойствен либо эмоциональному, изобразительному языку, либо языку непреложных логических умозаключений, т. е. убеждающему, волевому языку. Во всяком случае, для такого экспрессивного переноса всегда есть особая стилистическая мотивировка. Например: *Мы погибли. — Если ваше предсказание исполнится, вы выиграли.* «Нас окружили немцы. Шлите помощь. Иначе мы погибли» (Вл. Стаевский, «Связисты»). Ср. у Л. Толстого в «Крейцеровой сонате»: «Предполагается, что болезнь можно лечить и что есть такая наука и такие люди — доктора, и они знают. Не все, но самые лучшие знают. И вот ребенок болен, и надо попасть на этого, самого лучшего, того, который спасает, и тогда ребенок спасен; а не захватишь этого доктора или живешь не в том месте, где живет этот доктор, и *ребенок погиб*».

(См. книгу «Temps et verbe. Théorie des aspects, des modes et des temps» par Gustave Guillaume, Paris 1929, pp. 105—109.)

Ср. здесь же употребление прошедшего времени вместо условного наклонения: «А вот у Петровых во́-время, по совету доктора, разъехались по гостиницам и остались живы, а не разъехались бы — и померли дети». Ср. у Чехова в рассказе «Исповедь или Оля, Женя, Зоя»: «Отнимите у меня перо — и *я помер*. Вы смеетесь, не верите... Клянусь, что так». Ср. у Тургенева в рассказе «Стучит» тоже о будущем действии: «Одно мне жаль, барин: пропала моя троечка,—и братьям-то она не достанется». Ср. у Чехова: «Ох, батюшки! — вздыхала за дверью старуха, — пропала твоя головушка! Быть беде, родимые мои, быть беде!» Ср. также: обращение к вознице: «Ну, поехали»; «Ну, я спать пошла» (Островский, «Не все коту масленица»); «Бери кулек, догоняй, я на рынок пошел» (Островский).

Ср. у Л. Толстого в «Войне и мире» — о французском генерале Бельяре: «Он клялся честью, что русские погибли, если император даст еще дивизию». Очень сложным переносом временных значений характеризуется разговорное употребление прошедшего времени совершенного вида в значении будущего с яркой экспрессией презрительного отрицания или отказа. Например: *Как же! Пошла я за него замуж!* (Ни за что не пойду); *Так я и отдал тебе эти деньги — держи карман шире!* В этом употреблении выступает ироническое изображение отрицаемого факта уже осуществившимся *.

Мысль о грамматическом противопоставлении прошедшего времени настоящему-будущему настойчиво развивал проф. Д. Н. Кудрявский [188], подчеркивая условность традиционного разграничения форм настоящего и будущего времени в русской грамматике. По его мнению, в современном русском языке можно говорить только о прошедшем и, соотносительно с ним, о непрошедшем времени. Форма «настоящего времени» может вовсе не иметь значения времени, «обозначая и то, что относится ко всякому времени». Употребление форм настоящего времени в описании прошедших событий также обусловлено тем, что «по первоначальному своему значению формы эти живописали события, не означая вовсе времени» (стр. 105). Будущее время тоже «часто употребляется без всякого оттенка времени, подобно настоящему, сохраняя неизменно лишь свое видовое значение. Так бывает чаще всего в описаниях...» (стр. 105). Например у С. Т. Аксакова: «Вечером также рыба берет охотнее ...,особенно поздно вечером: тогда и крупная рыба начнет смело ходить около берегов» (V, 1886, 34).

§ 49. Давнопрошедшее время

В современном русском языке четыре формы прошедшего времени. Из них две принадлежат совершенному виду, одна — несовершенному и одна — «многократному». Эти четыре формы прошед-

* Форма *пошел* в значении повелительного наклонения резко обособилась от системы форм прошедшего времени. Ср. у Гончарова в его произведении «Фрегат Паллада»: «Пошел все наверх!»

шего времени грамматически неравноправны и стилистически неравноценны. Про форму прошедшего времени «многократного вида», или лучше — про «давнопрошедшее время» (например, *я сиживал, бирал, гащивал* и т. п.), прямо надо сказать, что она непродуктивна, что она в русском литературном языке постепенно угасает, вытесняемая формами прошедшего времени несовершенного вида с наречиями количества или степени. Поэтому с «давнопрошедшего времени» целесообразно и начать анализ форм прошедшего времени.

Был период, когда форма давнопрошедшего времени ставилась грамматистами в центре всей системы прошедших времен русского глагола. Достаточно сослаться на «Российскую грамматику» М. В. Ломоносова, на «Российскую грамматику, составленную Академией Российской» (1-е изд. 1802 г., 2-е изд. 1809 г.). Из ломоносовского перечня глаголов, имевших форму давнопрошедшего времени, видно, что в XVIII в. эта форма была очень продуктивна и употребительна, особенно в разговорной речи.

Тогда-то и установился термин д а в н о п р о ш е д ш е е в р е м я. Его можно сохранить *.

А. М. Пешковский, бегло коснувшись этой формы в своем «Синтаксисе», склонился к старинному ее пониманию: «Категории вида и времени здесь оригинальнейшим образом переплетаются. Можно сказать, что у нас есть особое давнопрошедшее время, но только от многократного вида, или что у нас есть многократный вид, но употребляется он только в давнопрошедшем времени» [189].

Старые грамматики правильно указывали, что давнопрошедшее время употребляется, когда говорят «о многократном действии, происходившем давно... и притом в неопределенное время» [190], «ибо, когда мы говорим о чем-либо, происходившем многократно на прошлой неделе или в прошлом месяце, и вообще о времени, которое мы по недавности определить можем, тогда вместо *читывал, говаривал, делывал* и пр. скажем: *читал, говорил, делал неоднократно*».

Ф. И. Буслаев различал три значения в форме давнопрошедшего времени. Во-первых, эта форма выражает прошедшее многократное, «прошедшее давнего обыкновения», например: «Идол был пустой, и саживались в нем жрецы вещать миряпам» (Крылов). «Я за уши его дирала» (Грибоедов) и др. В этом случае прошедшее «давнего обыкновения» мыслится как цепь осуществлявшихся, возобновлявшихся и повторявшихся в отдаленном прошлом актов, которые в совокупности составляют один сложный давнопрошедший процесс. К этому значению близко и второе значение этой формы, значение п р е ж д е п р о ш е д ш е г о в р е м е н и, но тоже с оттенком давно минувшего действия. Например: «Ослы, не знаю, как-то знали, что прежде музы тут живали» (Крылов). Ср.:

---

* Конечно, в приложении к этой форме термин «давнопрошедшее время» не соответствует тому значению, которое связывается с ним в грамматиках античных и современных западноевропейских языков.

«Читать Карамзина не буду: я его читывал и прежде»[191] и др. Наконец, с отрицанием *не* форма давнопрошедшего времени выражает сильнейшее отрицание события в прошлом (т. е. *вовсе не, ни разу, никогда не)*, например: «Бедный отец насилу решился спросить у дьячка, была ли она у обедни. Дьячок отвечал, что не бывала» (Пушкин, «Станционный смотритель»[192]). «Ты не пьешь, сказывают?— продолжал я. — Нет-с, не пивал и не пью ничего, кроме чаю да воды!» (Гончаров, «Слуги старого века»). «Что слышал? — Ничего не слыхал. — Что видел? — Ничего не видал» (Короленко, «Сон Макара») *.

Любопытны свидетельства грамматистов середины и второй половины XIX в. об употреблении этой формы давнопрошедшего времени.

М. Катков о форме давнопрошедшего времени писал в своей диссертации: «Эта форма назначена преимущественно к изображению давности действия, и с этим новым назначением входит она в область прошедшего времени. Предлагаемая в грамматиках форма *давывать* есть один субститут; *буду давывать* невозможна ни в чутье современной речи, ни в памятниках. Зато встретим часто прошедшее *давывал* и т. п. В памятниках подобные формы давнопрошедшего времени дышат особенною прелестию, если представим себе движение голоса, каким, по всему вероятию, отличалось старинное произношение... Символическое изображение давности распространенною формою совершенно согласно с общим воззрением нашим на соответствие глагольного образования с представлением самого действия»[193]. К. С. Аксаков заметил: «Действие как ряд моментов *(двигивать)* необходимо является только в прошедшем *(двигивал)*»[194].

Но уже к половине XIX в. формы давнопрошедшего времени типа *я бирал, ты говаривал, он хаживал* и т. п. подвергаются подозрению и гонению со стороны разных кругов столичного общества, преимущественно со стороны петербургской чиновничьей бюрократии и со стороны разных слоев интеллигенции, тяготевших к книжному языку. Их литературное употребление сокращается. Стабилизация грамматической системы русского языка, опиравшаяся, преимущественно, на нормы книжного языка, привела во второй половине XIX в. к утеснению этой формы. Дуализм видов — совершенного и несовершенного — также содействовал ее постепенному вымиранию. Значения и оттенки кратности у параллельных форм, осложненных приставками, растворялись в категории вида несовершенного[195]. Правда, грамматические концепции Павского, К. С. Аксакова и Н. П. Некрасова, устанавливавшие видовую лестницу трех

---

* А. А. Потебня ставил в связь это употребление многократной формы при отрицании с «оттенком постоянства и всегдашности», присущим этой форме: «Под понятие постоянства и всегдашности подходит отрицание, относящееся не к данному моменту совершения действия, а к продолжительному периоду времени, занимаемому действием или бытием» («Из записок по русской грамматике», IV, стр. 85).

степеней глагола (*двигать — двинуть — двигивать; махать — махнуть—махивать*), свидетельствуют, что формы «прошедшего времени многократного вида» еще очень живо ощущались тогда в литературном языке. Однако за иллюстрациями их употребления чаще всего приходилось обращаться к народной словесности (преимущественно к былинному стилю) и к крестьянскому языку[196]. Даже у писателей, широко пользовавшихся формами устной народной речи и народной поэзии (например у Н. А. Некрасова), давнопрошедшее время встречалось не очень часто*. Книжные, в том числе и газетно-публицистические стили, определявшие во многих отношениях грамматическую систему русского литературного языка, со второй половины XIX в. во всяком случае избегали употребления этой формы.

Л. П. Размусен в 90-х годах писал о давнопрошедшем времени: «Без сложения с частицами они теперь, в образованном языке, употребляются почти только — и то редко — в значении повторения, и притом тогда только, когда речь идет о давних событиях. Усиление наглядности соответствует усилию, с каким стараются воскресить пред собою и другими образ давно минувшего»**.

Ср. у Чехова в «Чайке» (слова Шамраева): «Не забудьте навести справочку, где теперь актер Суздальцев? Жив ли, здоров ли? Вместе пивали когда-то».

В учебниках русского языка второй половины XIX в. для иностранцев рекомендовалось употребление форм типа *сиживал, гуливал* «в устной речи» «в воспоминаниях о давних событиях»[197].

Подводя итоги своим наблюдениям над употреблением времен русского глагола в конце XIX в., Л. П. Размусен констатировал: «Знаменательно, что в то время, когда в русском языке все более и более исчезает самое созерцательное из видовых обозначений, дитя патриархального быта, — «покойный дед мой говаривал», «мы в столице живали», к дверям литературного языка все ближе и ближе подступают простонародные времена предшествия» (т. е. формы типа: *он был выпивши* и т. п.)[198].

Проф. А. Mazon[199], акад. А. А. Шахматов, В. И. Чернышев и др. отметили вымирание этой формы в литературном языке конца XIX—начала XX в. [200]. Однако она еще довольно употребительна и в современном литературном языке, хотя и ограничена узким кругом беспрификсных глаголов наглядного, конкретного действия, легко поддающихся счету и учету. Например: «Он пошел в сад, сел

---

* См. статью Добровского («Филологические записки», 1883, IV, стр. 262), насчитавшего в стихотворениях Некрасова лишь 10 подобных форм.

** Л. П. Размусен, О глагольных временах, «Журнал министерства народного просвещения», 1891, июнь, стр. 386. Ср. замечание А. А. Потебни: «Древний язык и современный литературный нередко формально не различают категорий непрерывной длительности, с одной, и обычности и многократности, с другой стороны, там, где чешский и отчасти народные русские говоры различают» («Из записок по русской грамматике», т. IV, стр. 150).

на скамеечку над прудом, — здесь еще он никогда не *сиживал*» (Ф. Сологуб, «Мелкий бес»). «Теперь уж не бьют так, как раньше *бивали*» (Горький). «Вот странность, будто сроду я здесь не *хаживал* и никогда не глядел на эту Невскую зыбь» (Д. Лаврухин, «Невская повесть»). «Братья Пушкины, случалось, *гащивали* у генерал-цехмейстера» (Ю. Тынянов, «Пушкин»). Ср. «Арина будто слышала даже, как старушка сказала про себя, что до сих пор у арапов не *живывала*» (Тынянов, «Пушкин»). У Б. Пастернака во «Втором рождении»:

И гам ворвался. Ливень заслан
К чертям, куда Макар телят
Не ганивал... И солнце маслом
Асфальта б залило салат.

Ср. в языке классической литературы XIX в.:

Старушка ей: «А вот камин;
Здесь барин *сиживал* один,
Здесь с ним *обедывал* зимою
Покойный Ленский, наш сосед...»

(«Евгений Онегин»).

«... заснул тяжелым сном, как, бывало, *сыпал* в Гороховой улице» (Гончаров, «Обломов»). «Песельников держал, сам *певал* и *плясал* мастерски» (Тургенев, «Мой сосед Радилов»). «Вы знали Якова Ивановича? — продолжал я. — *Знавала-с*, — проговорила она...» (Тургенев, «Яков Пасынков»). «У меня дядя был псовый охотник,— продолжала она. — Я с ним *езживала* весною» (Тургенев, «Вешние воды»). «Здесь в необыкновенно жаркие дни, и то раз в год, и то в прежние времена, *пивали* чай» (Тургенев, «Дневник лишнего человека»). «В молодости он отлично *певал*» (Тургенев, «Постоялый двор»). «Ведь я знаю, как ты *живал*, как проводил ночи и с кем» (Л. Толстой, «Крейцерова соната»). «Давно ли, думал он, этот самый Батрищев *кучивал* с нами» (Л. Толстой, «Севастополь в августе 1855 г.»). «И Наташа тем быстрым бегом, которым она *бегивала* в горелки, побежала по зале, в переднюю» (Л. Толстой, «Война и мир»)[201]. «А ведь покойник не то что за десять тысяч, а за десять целковых на тот свет *сжившывал*» (Достоевский, «Идиот», слова чиновника Лебедева) и др.

§ 50. Прошедшее время мгновенно-произвольного действия

Другая форма прошедшего времени, еще живая в стилях разговорной речи, но обычно не выделяемая грамматиками русского языка (за исключением синтаксиса А. А. Шахматова), относится к категории совершенного вида. Она не имеет ни родовых, ни числовых различий. Лица обозначаются аналитически — местоименными префиксами или в 3-м лице — также существительными. Эта форма прошедшего времени очень экспрессивна и по внешнему

облику совпадает с формой повелительного наклонения единственного числа глаголов совершенного вида, но отличается от императивной формы особой интонацией неожиданности. Например: «Тотто на старости лет да *польстись* на его богатства» (Островский, «Бедность не порок»). «Я шутить ведь не умею и *вскочи* ему на шею» (Ершов, «Конек-Горбунок). «Я пришел к нему записаться на курс, а он, вдруг, *возьми* да *пригласи* меня к себе на вечер» (Тургенев, «Гамлет Щигровского уезда»). «Только довезли, он и отдал богу душу, а баба его в ту же ночь и *роди* двойню — вот этих девочек» (Л. Толстой, «Чем люди живы»). «В эту-то Дуняшу и *влюбись* Аким! Да так, как прежде никогда не влюблялся» (Тургенев, «Постоялый двор»). «Только вдруг она как *поскользнись*, да навзничь, да и *переломи* себе ногу» (Тургенев, «Холостяк»). «*Бабенка* она была молодая, из себя пригожая, белая, рассыпчатая. Только и *полюбись* она мне» (Салтыков-Щедрин, «Губернские очерки». «В остроге»). «На угощеньи, когда мы уже были все выпивши, и *расскажи* Иван Петрович купцу, как все дело было» (Салтыков-Щедрин, «Губернские очерки»). «Вот однажды и случилось какому-то чиновнику, совсем постороннему, проезжать мимо этой деревни, и *спроси* он у поселян, как, мол, живет такой-то» (т а м ж е). «А тут к беде еще беда: *случись* тогда ненастье» (Крылов, «Охотник»). «Но скворушка *услышь*, что хвалят соловья, и думает» (Крылов). Ср. в языке Фонвизина: «Теперь Игнатий Андреевич и *нападн* на меня ни за что ни про что» («Недоросль»); в языке начала XIX в. у И. И. Мартынова (умерш. в 1833 г.):

Внимал уроку — превнть все,
Беспечным быть; — но вдруг тоскою
Наполнись сердце с тем мое [202].

Акад. А. А. Шахматов неоднократно указывал на связь этих форм со старым аористом. «В русском языке, быть может, в связи с потерею им форм аориста, в звуковом отношении близкие к аористу формы повелительного наклонения, а также глагольные междометия получили значение прошедшего времени»*. Акад. А. А. Шахматов сюда же присоединял формы так называемого «глагольного междометия» (т. е. формы типа *прыг*, *скок*, *двиг*, *бух*, *бац*, *стук*, *хлыстъ*, *вертъ*, *хватъ* и т. п.), предположительно указывая на связь их с императивом** и видя в них реликты сильного аориста. «Обыч-

---

* А. А. Ш а х м а т о в, Синтаксис русского языка, вып. I, стр. 166. Ср. стр. 189: «Возможно, что употребление (императива) в значении прошедшего вызвано влиянием аориста... Ср., например, совпадение форм... в *поставн*, *прославн*, *увери*, *замети*».

** Ср. «Синтаксис русского языка», вып. II, стр. 57: «Связь с императивом *(хлыстъ)*». Из императива выводил эти формы Д е л ь б р ю к (см. «Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen», II, S. 347). Ср. также V o n d r a k, Vergleichende slavische Grammatik, II, S. 395 и Л. А. Б у л а х о в с к и й, Исторический комментарий к литературному русскому языку, 1937, стр. 226.

ным значением собственно глагольных, произведенных от глагольных основ междометий является значение прошедшего совершенного вида; быть может, это стоит в связи с родством таких междометий с древними образованиями несигматического или частью и сигматического аориста»[203]. «Возможно, что глагольное междометие и сложилось и образовалось под влиянием исчезнувших форм аориста, что, быть может, указывало бы на ту дифференциацию, которая установилась между формами прошедшего времени на *-л* и формами аориста. Быть может, именно сильный аорист и получил значение мгновенного вида» *. В отличие от прошедшего сложного «аорист стал означать действие результативное, быть может, во многих случаях со специальным значением однократности»[204].

Таким образом, в обеих этих формах русского языка — в формах на *-и*(*-ъ*) и в формах без всякого аффикса, совпадающих с чистой основой глагола, А. А. Шахматов видел особое прошедшее время с экспрессивным видовым значением мгновенности, быстроты, резкости действия, отличающееся от прошедшего времени на *-л* отсутствием результативного отношения к плану настоящего, т. е. полным отсутствием оттенков перфективности.

Оба ряда прошедших форм: 1) типа *возьми*, *поставь*, *хвати* и т. п. и 2) типа *хватъ*, *дрыг* и т. п., по Шахматову, восходят к разновидностям древнерусского аориста и до некоторой степени восприняли его функции.

Мысли акад. А. А. Шахматова нашли дальнейшее развитие и обоснование в статье А. И. Стендер-Петерсена «О пережиточных следах аориста в славянских языках, преимущественно в русском»[205]. Стендер-Петерсен тоже усматривает в этих формах пережитки аориста, совпавшего (в силу омонимии) с императивом **. Утратив синтетические формы числа и лица, функционально смешавшись с имперфектом и окаменев в форме 3-го лица, аорист (типа *роди*, *сократи*, *похвали* и т. д.) не исчез бесследно. Повидимому, формы аориста, омонимные с формами повелительного наклонения, уцелели в устной речи и подверглись грамматическому преобразованию. По аналогии с формами прошедшего времени на *-л* (*-ла*, *-ло*) они стали сочетаться с личными префиксами (*я*, *мы*) или существительными не только единственного, но и множественного числа (в качестве субъектов действия). Но форм 2-го лица, по мнению Стендер-Петерсена, у этого прошедшего времени нет (по крайней мере, в их прямом по-

---

* А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, вып. I, стр. 57. Необходимо отличать от этих форм книжно-архаические формы аориста, иногда употребляемые в литературных стилизациях древнерусского церковного или летописного изложения. Например, в «Идиоте» Достоевского: «С месяц назад тому *помре* и два с половиной миллиона капиталу оставил».

** На употребление формы 2-го лица повелительного в значении всех лиц аориста в сербском языке указывали Миклошич («Vergleichende slav. Grammatik», III, § 482) и Потебня («Из записок по русской грамматике», IV, 184).

ествовательном употреблении). Отсутствие форм 2-го лица у этого прошедшего времени является веским историческим доводом в пользу его генетической связи с аористом (на это не обратил внимания Стендер-Петерсен) *. Дело в том, что уже в XV—XVI вв. форма 2-го лица единственного числа аориста была вытеснена формой сложного прошедшего на *л-* (*был еси* и т. п.)**. Употреблению формы 2-го лица на *-и* прошедшего времени (в утвердительном высказывании), конечно, мешала и полная омонимия с формой повелительного наклонения (например, *ты пойди и скажи;* ср. *а ты пойди и скажи?*). Между тем, отсутствие формы 2-го лица усиливало разницу между этим прошедшим временем и императивом. Омонимическое слияние форм аориста с императивом (*просвети*, *роди* и т. п.) было обусловлено рядом экспрессивно-семантических и синтаксических причин. Любопытно, что в азбуковниках XVII в. (что также не указано Стендер-Петерсеном) встречаются предостережения против смешения аориста с повелительным наклонением***. В сущности, вопрос о том, из чего образовалась эта форма прошедшего времени — из аориста или из повелительного наклонения, безразличен для понимания ее функций в современном русском языке. История этой формы еще недостаточно изучена. К. С. Аксаков выводил значение таких форм, как *нападu* (например, в реплике из «Недоросля» Фонвизина: «Теперь Игнатий Андреевич *нападu* на меня ни за что ни про что»), из древних функций желательного наклонения, которое лежит в основе русского повелительного наклонения. По мнению Аксакова, форма императива на *-и*, *-ъ* употребляется трояко: как повелительное *(иди сюда)*, как сослагательное *(как месяц ни свети, но все не солнца свет)* и как желательное *(а он возьми и скажи)*[206].

---

* Впрочем, в вопросительном предложении возможно употребление и форм 2-го лица от этих образований. Например: «А ты пойди и скажи об этом бабушке?» «А вы и поверь ему?»

** См. в моих «Очерках по истории русского литературного языка», гл. I. Ср. замену форм 2-го лица аориста и преходящего времени формами на *-л (еси)* при исправлении книг Максимом Греком и его школой. Ср. парадигмы простых прошедших времен в грамматике Мелетия Смотрицкого (1648) (формы 2-го лица лишь: *читал*, *бил* и т. п.). Ср. также настойчивое прикрепление форм типа *показался*, *обрезался* и т. п. к 3-му лицу единственного числа и требование употребления в качестве форм 2-го лица прошедшего форм на *-л (еси)* в трактате «О исправлении в прежде печатных книгах минеях» (К. Никольский, Материалы для исправления богослужебных книг, Памятники древней письменности, вып. CXV) и многие другие. Ср. также работу Stanisław Słoński «Tak zwane perfectum w języcach słowan'skich» («Prace filologiczne» 1926. t.X).

*** Ср. А. В. Преображенский, Описание азбуковников, хранящихся в рукописном отделении Императорской публичной библиотеки, 1915, стр. 30. Ср. в грамоте из Нижнего на Вычегду, 1612 г. (П. Г. Любомиров, Очерки истории нижегородского ополчения, 1939, стр. 233): «востали мнози лжехристи, и в их прелести *смятись* вся земля наша и бысть разорение ея...»; в «Деле розыскном 1591 году про убийство царевича Димитрия Ивановича в Угличе» (изд. Вл. Клейна, М. 1913): «И пришла на него старая болезнь падучей недуг, и тут его *удари* о землю, и он бючися ножем сам себя поколол» (стр. 13—14) и другие подобные.

А. А. Потебня также связывал формы типа «а я и догадайся...» с повелительным наклонением. «Употреблением этой формы, как уже замечено проф. Буслаевым, достигается большая живость рассказа, изображение большой быстроты действия. Следует думать, что этот эффект вытекает из предположения, что за повелением немедленно следует исполнение». Но, по мнению А. А. Потебни, «так употребленное повелительное не должно быть смешиваемо с такими усеченными глагольными формами, как *хватъ*, *глядъ*... Последние вовсе не суть и никогда не были повелительными, хотя изредка действительно употребляются в повелительном значении; первые по происхождению суть повелительные, но повелительность в них только средство изображения изъявительного» [207].

Проф. Л. А. Булаховский также, вслед за Дельбрюком, возводит эту форму прошедшего к повелительному наклонению, причем сюда же относит и междометные формы глагола типа *хватъ*. По его мнению, Дельбрюк («Grundriss», II, 347) правдоподобно (ср. V o n d r a k, Vergleihende slavische Grammatik, II, S. 395) при толковании этой формы исходит из случаев вроде: «Издали увидит леща, да и *хватъ* его зубами»—и объясняет их из приблизительно такого первоначального движения мысли: увидит... и думает (говорит себе): «хвати его зубами»[208]. Все это очень гадательно и неясно.

А. И. Стендер-Петерсен находит в этом прошедшем времени, кроме значения мгновенного действия в прошлом, еще оттенки неожиданности, неумышленности, нечаянности, произвольности или неминуемости, предопределенности действия. В этих волевых оттенках он готов усматривать отражения значений императива. Несомненно, экспрессивно-волевое влияние повелительного наклонения просочилось в это прошедшее и придало ему своеобразные оттенки модальности. Ср. у Достоевского в «Идиоте» (в речи Рогожина): «Говорят, телеграмма была пущена. Да телеграмма-то к тетке и *приди*».

Но как бы ни объяснять происхождение форм типа *я и возьми*, *он приди* и т. п., в современном языке эти формы прошедшего времени не имеют ничего общего с повелительным наклонением. Это — особые аналитические формы глагола, лишь отчасти омонимные с формой императива. Они лишены повелительной интонации. Они образуются и от тех глаголов, которым чужда форма повелительного наклонения. Это прошедшее время имеет личные формы лица и может употребляться безлично. Безличное употребление свидетельствует о полном отрыве этих форм прошедшего от повелительного наклонения (если даже связь между ними когда-то была гораздо более крепкой). Например: «*Случись* же, что передо мной простирались гряды с арбузами, дынями и огурцами» (В. Нарежный, «Бурсак»). «*Случись* же под такую минуту, как будто нарочно в подтверждение его мнения о военных, что сын его проигрался в карты» (Гоголь, «Мертвые души»). «Нам ведь так бы важно узнать, не видал ли кто их в восьмом-то часу, в квар-

тире-то, что *мне и вообразись* сейчас, что вы тоже могли бы сказать» (Достоевский, «Преступление и наказание»). «*Покажись* молодому, будто молодая до него гуляла, он ее и поколотил» (Якушкин, «Путевые очерки»). «А ведь *покажись* мне сдуру-то, что ты хмельной приехал» (Островский, «Свои люди сочтемся», слова Фоминишны). Любопытны и другие типы безличных форм прошедшего времени: «*да и дерни меня, да и угоразди меня* (ср. *дернуло меня, угоразднло меня...;* ср. также: *да и дернула меня нелегкая (дернул меня чорт* и т. п.)[209]. Ср. у Салтыкова-Щедрина в «Губернских очерках»: «Вот ходил один инородец белку стрелять, да и *угоразди его* каким-то манером невзначай плечо себе прострелить». Ср. также: «Намеднись вот на жилетку подарили, а *меня угоразди нелегкая* ее щами залить» («Выгодная женитьба»).

В современном языке отношение прошедшего времени совершенного вида типа *я роди* (*я — роди, она — роди* и т. п.) к повелительной форме *роди* до некоторой степени аналогично отношению прошедшего времени *ты родил* к желательному *родил бы* (хотя с исторической точки зрения все формы совершенно различного происхождения).

На фоне этих соотношений становится понятным развитие однородных экспрессивных нюансов и в группе междометных форм глагола (типа *двиг, толк, стук, порх, трах, хлоп, шмыг* и т. п.). Они также обозначают в современном языке мгновенное действие в прошлом, с оттенком внезапности, но без оттенка неминуемости или предопределенности и с более слабым оттенком произвольности.

И. В. Киреевский еще в 50-х годах XIX в. заметил в письме к К. С. Аксакову. «Русский глагол имеет еще особенную форму для выражения той быстроты, с которою действие переходит в прошедшее. Разумеется, эта форма возможна только для тех глаголов, которых личный смысл вмещает возможность этой мгновенной быстроты. Этого времени, уже не однократного только, но мгновенно прошедшего, нет в других языках, и следовательно, нет в иностранных грамматиках... Этой формы не было прежде в наших грамматиках (и не могло быть, потому что искали только форм *общих для всех глаголов)*, и потому язык литературный ее избегает. Оттого она не развилась, как бы должна была развиться, и носит на себе какой-то оттенок неблагородного как свойственная больше народу, чем людям образованным. К этой форме мгновенно-прошедшего относятся слова: *глядь, хвать, прыг, щелк, стук, бряк, звяк, бух, шлёп, скок, миг, шмыг, бац, кех, плюх, пих* и пр. Эта форма хотя выражает прошедшее действие, однако еще так тепла пролетом настоящего, что животрепещет сердцу прошедшим и настоящим деепричастия, занимая от первого смысл, синтаксические права изъявительного наклонения, от второго — необходимость соединяться с другим глаголом, в отношении к которому определяется мгновенность выражаемого ею действия»[210].

Ср. у Пушкина в «Сказке о мертвой царевне»:

Прямо яблочко летит...
Пес как прыгнет, завизжит.
Но царевна в обе руки
— *Хвать* — поймала.

В «Евгении Онегине»:

. . . легче тени
Татьяна *прыг* в другие сени.

Ср. еще у Пушкина;

. . . на все призванья
Готов я как бы с неба пасть.
Довольно одного желанья —
Я как догадливый холоп:
В ладони по-турецки *хлоп*,
Присвистни, позвони, и мигом
Явлюсь. . .

(«Скажи, какие заклинанья...»)

У Крылова:

Подруги каждая тут тихо *толк* подругу...

(«Обезьяны».)

Что силы есть,
Хвать друга камнем в лоб!

(«Пустынник и медведь».)

Ср. у Салтыкова-Щедрина: «Секретарь пил чай, а стряпчий проходил мимо и вдруг ни с того ни с сего *хлыстъ* секретаря в самую матушку-физиономию» («Губернские очерки»: «Княжна Анна Львовна»).

У Достоевского в «Идиоте»: «Приближаюсь к болонке, беру деликатно за шиворот и *шварк* ее за окошко... Только взвизгнула» (из рассказа генерала Иволгина).

Легко заметить разницу между формами прошедшего времени типа *я, он, мы, они хлопни* и глагольными формами вроде *хлоп* не только в видовом значении *, не только в оттенках модальности, но

* Ср. анализ форм типа *хлоп* у А. М. Пешковского: «Мы назвали бы эту категорию ультрамгновенным видом русского глагола. К глаголам на *-нуть* с мгновенным значением (как *прыгнуть, скакнуть* и т. д.), от которых они почти исключительно образуются, они относятся как превосходная степень прилагательного к сравнительной. Когда мы говорим *прыг* вместо *прыгнул*, мы хотим выразить ограниченность проявления движения во времени и символизируем ее при этом обычно еще и особой артикуляцией звуков (напряженной) и особой интонацией. Но этот ультрамгновенный вид отличается от всех остальных русских видов тем, что стоит в стороне от системы спряжения, что не имеет ни лица, ни числа, ни рода (*я прыг; вы прыг; он прыг; она прыг*). Правда, время и наклонение за ним, до некоторой степени, можно признать, так как слова эти никогда не обозначают ни одновременности с речью, ни будущих фактов (если мы даже употребили бы их в картине будущего, например: *Я пойду к нему, задам ему этот вопрос, и если он не ответит — бац его по роже!* — то и тут было бы прошедшее в смысле будущего...) и никогда не означают нереальных фактов, предположения или приказания». Таким образом, и Пешковский признает эти формы прошедшим временем совершенного вида с ультрамгновенным значением («Русский синтаксис», 200).

и в самих значениях времени, в особенностях синтаксического употребления. Формы: *я, он скажи, зайди* и т. п., обозначая мгновенное прошедшее действие с оттенком внезапности и произвольности, являются полноценными глагольными формами прошедшего времени совершенного вида. Это прошедшее может быть образовано и от безличных глаголов. Формы же *хлоп, стук* и т. п. обычно ограничиваются глагольными основами, обозначающими только шум, звучание или резкие механические движения, связанные с шумом, звучанием*. Они приближаются к воспроизводящим междометиям. Так, они могут употребляться вне всякого отношения к формам сказуемости (например: «трах! — раздался звон разбитого стекла»; «и хлоп! — выскочила пробка из бутылки с шампанским» и т. п.). Кроме того, междометные формы глагола могут — при известных синтаксических условиях — синонимически замещать глагольные формы настоящего и будущего времени, так как они очень легко приспособляются к синтаксическому контексту. «Она это *дерг-дерг* себя за губенку-то, и хочет, вижу, что-то сказать, и заминается» (Лесков, «Воительница»). Ср.: «Эта полячка, бывало, даже руку на него подпимала: сделает, бывало, истерику, да *мах* его рукою по очкам» (там же). «А слезы *кап-кап*, — так и брызжут» (там же). «На цыпочках пройдет он в спальню, бесшумно разденется и — *бултых* в постель!» (Чехов, «Учитель словесности»). Следовательно, «ультрамгновенные» (по выражению Пешковского) формы прошедшего времени занимают промежуточное положение между глагольными формами времени и областью междометий[211]. А. А. Потебня указывал на то, что эти формы всегда остаются без определения, без обстоятельства образа действия[212]. Вместе с тем, «они никогда не бывают предложными, кроме того случая, когда вторая из удваиваемых частиц соединяется с *по-* для обозначения последования во времени: *хвать-похвать*... Другими словами: пространственные отношения действия и зависящие от предлогов (приставок) значения совершенности и несовершенности здесь никогда не обозначаются»[213].

Итак, прошедшее время типа: *я хлопни, он скажи, мы и хвати* и т. п.—можно назвать прошедшим мгновенно-произвольного действия. К этому прошедшему времени отчасти примыкают и глагольно-междометные формы типа: *хлоп, хвать* и т. п. Их можно назвать глагольно-междометными формами внезапно-мгновенного действия. И те и другие формы свойственны экспрессивной речи с яркой разговорной окраской.

---

* А. А. Потебня подчеркивал позднее происхождение этих форм: «Чистые корни такого значения в русском, несмотря на отсутствие внешних указаний, взяты из готовых глаголов» («Из записок по русской грамматике», IV, стр. 191.)

§ 51. Формы прошедшего времени совершенного и несовершенного вида на *-л*

Традиционная русская грамматика не признает форм давнопрошедшего времени и прошедшего мгновенно-произвольного действия. Она ограничивается указанием на соотносительные формы прошедшего времени совершенного и несовершенного видов с формообразующим суффиксом *-л (я делал, я сделал)*. У глаголов двойственного видового значения (*женить*ъ, *казнить*ъ, *телеграфировать* и т. п.) одна и та же форма на *-л* омонимически совмещает значения прошедшего несовершенного и прошедшего совершенного *(Я казнил себя за этот проступок; Мазепа казнил Кочубея за мнимую измену Петру)*.

В русской грамматике укрепилось убеждение, что смысловые различия между формами прошедшего времени совершенного вида и прошедшего времени несовершенного вида на *-л* исчерпываются их видовыми значениями. А если это так, то все дело сводится к уяснению приемов образования этих форм у разных классов и групп глаголов (*печь —пеку — пек; стричь — стригу — стриг; пасть — паду — пал; скрести — скребу — скреб; везти — везу — вез; видеть — видел* и т. п.). Изучение значений и оттенков этих форм времени, условий их употребления представлялось излишним. Ведь все сказано самим их названием: прошедшее время — это и есть прошедшее, тем более что для его выражения в русском языке употребляется почти только одна эта форма на *-л*, а что значат виды глагола, — известно.

Впрочем, иногда отмечается, что прошедшее время совершенного вида выражает результат действия, осуществившегося в прошлом (например, «пролегла — лежит дороженька»), а прошедшее время несовершенного вида выражает отношение действия — длившегося или повторявшегося — к плану прошлого, отрешенного от связи с настоящим (например, «тогда я учился в музыкальной школе»). Необходимо глубже вникнуть в грамматико-семантические, синтаксические и стилистические различия между формами прошедшего времени на *-л* совершенного и несовершенного видов.

Прошедшее время несовершенного вида, выражая отнесенность действия к плану прошлого, не устанавливает никакой синтаксической перспективы в последовательном развитии действий или в их смене, в их соотношениях. Прошедшее время несовершенного вида обозначает факт прошлого, безотносительно к его пределу, к его результату, к его последствиям для настоящего, в отрешенности от настоящего. Проф. А. Мазон, пользуясь аналогиями аориста и перфекта, очень удачно раскрывает различия в значениях форм прошедшего времени несовершенного и совершенного вида в таких параллельных конструкциях[214]:

Прошедшее время несовершенного вида, выражая отнесенность действия к плану прошлого, не устанавливает никакой синтаксической перспективы в последовательном развитии действий или в их смене, в их соотношениях. Прошедшее время несовершенного вида обозначает факт прошлого, безотносительно к его пределу, к его результату, к его последствиям для настоящего, в отрешенности от настоящего. Проф. А. Мазон, пользуясь аналогиями аориста и перфекта, очень удачно раскрывает различия в значениях форм прошедшего времени несовершенного и совершенного вида в таких параллельных конструкциях[214]:

Прочитали ли вы эту книгу? — Прочитал.

и

Читали ли вы эту книгу? — Читал

Кто построил этот дом?

и

Кто строил этот дом?

В последней паре фраз прошедшее результативное *построил* может относиться не только к архитектору, строителю, но и к инициатору, виновнику постройки («по чьей инициативе *построен* этот дом?»). Это еще больше подчеркивает оттенок перфективности в форме прошедшего времени совершенного вида. Между тем, форма *строил* лишь обозначает конкретный процесс строительства в прошлом, связывая его с фактическим производителем действия и не содержа никаких дополнительных указаний на связь этого процесса (в его результатах) с настоящим временем.

Прошедшее время несовершенного вида, представляя прошлое действие в его течении, а не в его результате, живописно и изобразительно. Оно употребляется в тех случаях, когда внимание привлекается не к движению и смене прошедших действий, а к воспроизведению самих этих действий в их течении. «Ну-ка, мужичок, — продолжала лиса, — покажи, как ты его завязывал» (Афанасьев, «Народные сказки»).

Оно часто встречается в описаниях прошлого. Оно обозначает действие, протекавшее, осуществлявшееся в прошлом, независимо от отношения его к настоящему. Употребление этой глагольной формы типично также для бытового сообщения о прошлом. При сообщении о таких повседневных действиях в прошлом, как *есть*, *пить*, *спать*, *видеть*, *слышать*, внимание чаще всего бывает направлено на утверждение или отрицание самого процесса, а не на обозначение его предела или результата. Поэтому соответствующие глаголы очень часто употребляются в форме прошедшего времени несовершенного вида. «А вы уж пили чай?»—спросил он меня. — «Пил» (Тургенев, «Петр Петрович Каратаев»).

Формой этого прошедшего времени часто обозначается лишь самый факт того, что действие происходило или что его не было, оно не имело места.

— «Чего мести? Я мел сегодня» (Гончаров, «Обломов»). «Скажут, что я Писарева читал, и ау!» (Сологуб,« Мелкий бес»).

Такое употребление формы прошедшего времени несовершенного вида от глаголов без ярко выраженного оттенка интенсивной повторяемости отчасти напоминает старинное значение и употребление аориста. Но не эта грамматическая функция прошедшего времени несовершенного вида является основной в повествовательных и описательных стилях современного русского литературного языка.

Прошедшее время несовершенного вида не двигает событий. Оно описательно и изобразительно. Само по себе оно не определяет последовательности действий в прошлом, а размещает их все в одной плоскости, изображая и воспроизводя их. Например, в романе Ю. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» описание мытья Грибоедова в тифлисских банях: «Ему ломали руки, ноги, колотили его по спине. Рот, лицо были в пене. Татарин бил его и мучил сосредо-

точенно, со старательным выражением лица, оскалив белые зубы, словно хотел из него сделать новую и редкостную вещь. Он быстро менял способы пытки: барабанил по спине кулаками, потом заворачивал руки за спину, тут же мимоходом толкал кулаком в бок. Потом он вытягивал ему длинные ноги, и суставы трещали. Грибоедов лежал обессиленный, ничего не понимающий. Он глубоко дышал. Его пугал только треск собственных костей, он его слышал как посторонний звук. Странно, боли никакой не было».

Или у В. Катаева в романе «Время, вперед!»: «Анархия скоростей, ритмов. Несовпадение. Стоял на переезде. Маневрировал товарный поезд. Трусила местная плетеная бричка. Обдавал пылью грузовик-пятитонка. Мигал ослепительно велосипед. Шел человек (между прочим, куда он шел?). Поджарые башкирские верблюды с длинными окороками волокли бревна. Летел аэроплан большой, трехмоторный. И у всех — разная скорость. Можно сойти с ума. Мы живем в эпоху разных скоростей».

Ср. у А. Н. Толстого в повести «Актриса»: «Огромное ржаное поле перед железнодорожной станцией, измятое ветром, ходило жёлтозелеными волнами, шуршало колосом, веяло горечью повилики и медовым запахом на межах мотающейся жёлтой кашки. Над полем, невидимо, точно комочки солнечного света, заливались жаворонки жаркими голосами. В палисаднике станции шумела висячими ветвями большая береза...».

Ср. также в «Бедных людях» Достоевского: «Старик бежал за ним и громко плакал; плач его дрожал и прерывался от бега... Голова его мокла от дождя; поднимался ветер; изморось секла и колола лицо. Старик, кажется, не чувствовал непогоды и с плачем перебегал с одной стороны телеги на другую. Полы его ветхого сюртука развевались по ветру, как крылья. Из всех карманов торчали книги; в руках его была какая-то огромная книга, за которую он крепко держался. Прохожие снимали шапки и крестились. Иные останавливались и дивились на бедного старика. Книги поминутно падали у него из карманов в грязь. Его останавливали, показывали ему на потерю; он поднимал и опять пускался в догонку за гробом».

Резкое отличие в значениях прошедшего времени несовершенного вида в этой его основной воспроизводящей и живописущей функции от значений прошедшего времени вида совершенного видно в таких примерах: «Вдруг пришел возвратившийся из города обломовский мужик, и уж он *доставал*, *доставал* из-за пазухи, *наконец*, *насилу достал* скомканное письмо на имя Ильи Ильича Обломова» (Гончаров). «Что же *делал* Бельтов в продолжение этих десяти лет? Все или почти все. Что он с*делал*? Ничего, или почти ничего» (Герцен, «Кто виноват»). У Достоевского в рукописных набросках к «Братьям Карамазовым»: «Хохлакова: — О боже! вы мне даете идею: ведь он меня мог убить. — Ну, вас-то он бы не убил. —*Убивал*, *убивал!*»[213]. Ср. в «Идиоте»: «Осмотрели бы вы еще раз комнаты и в ящиках! — озабоченно произнес князь после некоторой

задумчивости. — *Осматривал-с*, — еще умилительнее вздохнул Лебедев»*.

Понятно, что при отсутствии резких примет вида (например, суффиксов *-ыва-*, *-ива-* или *-ну-* для обозначения длящегося или все напрягающегося действия, состояния) формы прошедшего времени несовершенного вида могут приобрести чисто аористическое значение, в котором стираются оттенки несовершенности, длительности, «имперфективности». Например: «Куда ты девал книгу?» (ср. «Куда ты дел книгу?; но ср. также с подчеркиванием повторяемости, итеративности: «Куда он каждый раз девал деньги, неизвестно»).

Ср.:

Где ж девалася
Речь высокая?

(Кольцов, «Лес».)

«И ты смел так говорить обо мне?» Ср. в «Женитьбе Белугина» Островского: «Но ведь вы меня оскорбили! Как вы смели так грубо обойтись со мной? — Значит смел-с». «Я ему писал, но ответа не получил». «Он некогда был кучером у старой бездетной барыни, бежал со вверенной ему тройкой лошадей» (Тургенев, «Певцы»).

Князь Курбский от царского гнева бежал,
С ним Васька Шибанов, стремянный.

(А. К. Толстой.)

Но ср.:

Гарун бежал быстрее лани,

(Лермонтов.)

У некоторых глаголов «общего» вида, в которых значения настоящего и будущего времени различаются, несмотря на совпадение форм, значения прошедшего времени совершенного и несовершенного бывают неразличимы или различаются лишь в контексте сложного синтаксического целого. Например, если *миную* может обозначать как настоящее, так и будущее время, то форма *миновал* сама по себе (без присоединения соответствующих наречий — часто, несколько раз и т. п.) выражает лишь факт прошлого, вне всякого отношения к настоящему; она не имеет резких примет вида, например:

Ты, в алом сумраке ликуя,
Ночную миновала тень.

(Блок.)

Однако в таких случаях чаще всего с формой прошедшего времени сочетается оттенок результативности.

---

*Л. П. Размусен определял основную функцию прошедшего времени несовершенного вида так: «Говорящее лицо, обращая внимание только на время самого действия или состояния, останавливается над созерцанием этого действия или состояния и старается особенно рельефно выставить его на вид с материальной стороны его, показать, как оно тогда происходило, без указания на объединительные моменты пределов — начало и конец» («О глагольных временах», «Журнал министерства народного просвещения», 1891, июль, стр. 10).

Так, у глагола *согласовать* (при совмещении значений настоящего и будущего времени в *согласую*) в форме *я согласовал* выступает только аористическое результативное значение. Ср. «В одно прекрасное утро моя старая девица, не говоря худого слова, *велела* оседлать себе лошадь» (Тургенев, «Татьяна Борисовна и ее племянник»). Ср. также: «Но Чертопханову было не до дьякона; он едва *отвечал* на его поклон и, промычав что-то сквозь зубы, уже взмахнул нагайкой» (Тургенев, «Конец Чертопханова»). «Нет, нет, я с вас слово взяла, я должна умереть... ты мне *обещал*... ты мне сказал» (Тургенев, «Уездный лекарь»).

Таким образом, в форме прошедшего времени несовершенного вида глаголов, не выражающих кратности и интенсивной длительности, отчасти еще сохраняются отголоски старых ее связей и взаимодействий с аористом, обозначавшим факт прошлого без отношения к его длительности или повторяемости.

Но вместе с тем в форме прошедшего времени несовершенного вида отражаются и ее значения некогда бывшей составной формы «прошедшего сложного», т. е. формы, состоявшей из причастия на *-л* и настоящего времени вспомогательного глагола (*есмъ*, *еси*, *есть* и т. д.). «Где речь шла не о том, каков кто есть, в силу прежде совершенного действия, а только о том, что кто сделал, там, повидимому, *-лъ есмъ* было неуместно»[216],— замечает Потебня. Такого рода качественно-описательные значения свойственны и современной форме прошедшего времени несовершенного вида. В тесной связи с изобразительно-живописующей, воспроизводящей и — по своему видовременному значению — тоже описательной, «имперфективной» функцией прошедшего времени несовершенного вида находится другая качественно-описательная функция той же формы, проявляющаяся в определенных семантико-стилистических и синтаксических контекстах. Например, в «Тысяче душ» А. Ф. Писемского: «Ребенком она была страшная шалунья: целые дни бегала в саду, рылась в песке, загорала, как только может загореть брюнеточка, прикармливала с реки гусей и бегала даже с мещанскими мальчиками в лошадки».

При известных условиях, иногда чисто синтаксического характера (порядок слов, наличие паузы сказуемого и другие подобные), иногда же одновременно — и синтаксического и семантико-стилистического характера — качественно-описательный оттенок значения в форме прошедшего времени несовершенного вида выступает настолько рельефно, что она становится основным средством описательной характеристики свойств какого-нибудь лица или предмета. Например, у Чехова в «Рассказе неизвестного человека»: «С точки зрения настоящего лакея или повара, она была обольстительна: румяные щеки, вздернутый нос, прищуренные глаза и полнота тела, переходящая уже в пухлость. Она пудрилась, красила брови и губы, затягивалась в корсет и носила турнюр и браслетку из монет». В «Бедных людях» Ф. М. Достоевского: «С виду он был такой странный; так неловко ходил, так неловко раскланивался, так

чудно́ говорил, что я сначала на него без смеху и смотреть не могла». Ср. там же: «Хорошая была она женщина и недорого брала за квартиру».

Понятно, что степень и характер качественно-описательного оттенка в форме прошедшего времени несовершенного вида зависят и от того синтаксического контекста, в который вмещен соответствующий глагол, и от его собственной видовой структуры. В редких случаях этот качественный оттенок приближает форму прошедшего времени несовершенного вида к чисто перфектному, определительно-результативному значению и употреблению. Например, у Достоевского в «Подростке»: «Ты литературен, ты читал, ты умеешь восхищаться». Ср. у Д. Лаврухина в «Невской повести»: «Он песни любил: «Вихри враждебные»... Да с красной позиции так и не воротился» и т. п.

Это чисто качественное, перфектное значение в формах прошедшего времени несовершенного вида выражено слабо. В современном языке такое значение присуще главным образом формам прошедшего времени совершенного вида.

В формах совершенного вида на *-л* современные исследователи, вслед за Потебней, подчеркивают значение такого прошедшего действия, результат которого остается налицо*. Выражение «факта, совершившегося и пребывающего доныне» (Потебня), или выражение состояния как продукта осуществленного действия, обозначение «совершившегося результата», остающегося при отсутствии противопоказаний вплоть «до момента речи», — таково, по определению наиболее тонких лингвистов, основное значение формы прошедшего времени совершенного вида. В прошедшем времени совершенного вида элементы или оттенки «перфектного» значения, выражающего результат или состояние в настоящем, при отсутствии дополнительных видовых подчеркиваний мгновенности или однократности действия, а также при стилистическом упоре на описательную или изобразительную функцию речи — явно преобладают над аористическим значением, содержащим простое указание на факт в прошлом. Например: «Слетел я на землю, вижу: *лежит* одна жена — больна, *родила* двойню. *Копошатся* девочки подле матери» (Л. Толстой, «Чем люди живы»). Ср. у Чехова в рассказе «Актерская гибель»: [Вязьма] «Отличный, брат, город! Пряниками *прославился*. Пряники классические, но — между нами говоря — того... *подгуляли*». И. Ф. Анненский писал: «Иногда формы на *-л* и до сих пор сохраняют значение перфективных: *либо пан, либо пропал*. — *Купил* (карточное выражение) или в «Загадках» Садовникова: «Красна, в землю вросла» (стр. 774). Ср. в «Бедных людях» Достоевского: «Кто это говорит

* См. S. Karcevski, Système du verbe russe, 1927. Впрочем, еще Перевлесский замечал, что прошедшее сложное время употребляется для показания действия только что оконченного, «как бы в минуту речи или вообще неопределенно» (И. Перевлесский, Грамматика старославянского языка, СПБ 1854, стр. 225).

вам, что я похудел? Клевета, опять клевета. Здоровехонек и растолстел так, что самому становится совестно».

Даже в таких предложениях, как «Пушкин родился в 1799 г.» (не в ответе на вопрос: «Когда родился Пушкин?») результат прошедшего действия с грамматической точки зрения мыслится пребывающим доныне. Только в таком сочетании: «Пушкин родился в 1799 г. и умер в 1837 г.» — результат, выражаемый первым глаголом, отодвинут в план прошлого, потому что его место на линии настоящего времени занято результатом действия, обозначаемого следующим глаголом — *умер*[217]. В форме прошедшего времени совершенного вида как бы сталкиваются качественно-перфектное и динамически-результативное значения.

В повествовательном стиле движение форм прошедшего времени совершенного вида создает смену вытесняющих друг друга действий и их результатов в хронологической последовательности. Оно толкает — по разным линиям или по прямому направлению — сюжет к развязке, к заключительному финалу[218]. Прошедшее время совершенного вида, свойственное быстрому рассказу, повествованию, отличается динамизмом. Однако характеристика функций прошедшего времени совершенного вида этими приметами не исчерпывается. А. А. Шахматов[219] и А. А. Мазон[220] указали, что прошедшее время совершенного вида в современном русском языке совмещает древние значения бывшего прошедшего сложного (перфекта) и аориста, хотя, конечно, и в резко измененном виде. «Оно унаследовало значение не только сложного прошедшего времени совершенного вида *(пришелъ есмь)*, но также и аориста..., значение его сохранилось, хотя и в измененном сравнительно с древней эпохой виде. Древнейший аорист означал... прошедшее событие как факт, независимо от способа его проявления, т. е. независимо от видовых различий; но позже он получил значение результативного вида». Эта двойственность (или даже множественность) значений формы прошедшего времени совершенного вида ярко выступает в таком отрывке из «Баллады о синем пакете» Н. С. Тихонова:

Письмо в грязи и крови запеклось,
И человек разорвал его вкось,
Прочел, о френч руки обтер,
Скомкал и бросил на ковер.

Здесь форма *запеклось* имеет значение перфекта или даже плюсквамперфекта* (*было запекшееся*), а другие формы прошедшего —

---

* Проф. С. И. Соболевский, рассматривая значения латинского plusquamperfectum (который в соответствии с perfectum praesens может означать «состояние, последовавшее за действием как его результат и существовавшее в упоминаемое прошедшее время; ср. русские выражения: *вчера вечером он был пообедавши, к тому времени он уже успел пообедать*), отмечает: «Подобный тип прошедшего времени есть и в русском языке. «Моя хозяйка была пригожа и добра, а муж-то помер» (Пушкин, «Гусар»). Здесь автор хочет указать не на момент смерти мужа, а на то, в каком состоянии

разорвал, *прочел*, *обтёр*, *скомкал* и *бросил* — выражают сменявшиеся одно другим недлительные действия, т. е. имеют значения старого аориста.

Ср. также аористическое значение формы *выглянула* с перфектным (или плюсквамперфектным) значением формы *принесли* в таком отрывке из «Обломова» Гончарова.

«Хозяйка *выглянула* из двери, с предложением посмотреть полотно: *принесли* продавать»:

Ср. различия в значениях и функциях форм прошедшего времени совершенного вида в стихотворении Кольцова «Лес»:

Где ж теперь твоя
Мочь зеленая?
Почернел ты весь,
Затуманился...
Одичал, замолк...
Только в непогодь
Воешь жалобу
На безвременье...

Так то, темный лес,
Богатырь Бова,
Всю ты жизнь свою
Маял битвами.
Не осилили
Тебя сильные,
Так дорезала
Осень черная...*.

Но полностью чисто перфектное значение формы совершенного вида в современном русском языке выступает лишь при наличии подходящих фразеологических и синтаксических условий.

Проф. С. И. Соболевский, определяя значение и употребление латинского perfectum praesens или perfectum logicum (эта форма «означает состояние, последовавшее за действием как его результат и существующее в настоящее время»), замечает:

«Всего лучше по-русски передается perfectum praesens в просторечии прошедшим деепричастия в функции сказуемого: *Он — выпивши»* (ср. иные оттенки в *он выпил*). «Этим оборотом выражается, что упомянутый субъект в какое-то, ближе не определяемое, прошедшее время выпил вина и в настоящую минуту находится в состоянии опьянения, являющемся последствием этого прошедшего действия. Вообще же, в русском литературном языке perfectum praesens действительного залога переводится прошедшим недлительного вида, причем для ясности часто прибавляются слова *уже*, *теперь*, *в настоящее время* и т. п., или употребляется описание посредством глагола *(уже) успел* с неопределенной формой. Но для перевода этого типа перфекта страдательного залога в русском языке имеется вполне соответствующая форма, именно краткое причастие прошедшего времени недлительного вида в функции сказуемого: *Город разрушен* (urbs deleta est)» [221].

был он в упоминаемое время: «он был тогда мертв, его не было в живых», а умер он, может быть, за несколько лет до этого. Такое же прошедшее в фразе: «В гомерическое время личность уже *заявила* свои права» (Леонтьев, Мифическая Греция. Пропилеи, т. II, стр. 70); *уже заявила* — была уже заявившей» (С. И. Соболевский, Грамматика латинского языка, 1939, стр. 210).

* См. анализ этих форм в статье М. К. Милых «Вопросы грамматической стилистики» («Ученые записки Ростовского на Дону Гос. университета», 1945, Русское языкознание, вып. 1).

Итак, в современном русском языке прошедшее время совершенного вида хранит в себе пережитки давних соотношений форм времени, но приспособляет их к новой системе видов и времен. В прошедшем времени совершенного вида слились и смешались некогда дифференцированные значения перфекта и аориста[222]. Потебня указывал, что основное значение прошедшего сложного (предка современных форм прошедшего времени на *-л*) сводилось к обозначению качества, активно произведенного самим субъектом. Прошедшее сложное время говорило о том, каков кто есть[223]. В отличие от аориста, который обозначал факт прошлого, однажды происшедший или происходивший и «относящийся к цельному, не повторяемому промежутку времени»[224], форма на *-л* совершенного вида выражала результат произведенного самим предметом действия как уже готовый, данный. «Поэтому в ней легко могло ослабляться значение прошедшего момента действия и выдвигаться значение настоящего времени, к которому относится акт приписывания признака предмету»*. На этой исторической почве сложились разнообразные значения и оттенки современного употребления формы прошедшего совершенного вида на *-л*. Тут наблюдается целая гамма переходных оттенков от перфектного значения к аористическому. В некоторых случаях идея результата или состояния, относящегося к настоящему времени, решительно перевешивает мысль об исполнении действия в прошлом. Возникает значение, близкое к перфекту. Например: «Скалы нависли над морем» (т. е. висят); «Щеки у пьяницы обвисли» (стали обвислыми и являются обвислыми); но ср. «Щеки обвислы». Ср. «Одеколоны, спирты, у самой истерики, глазки опухли, носик покраснел» (слова Лотохина в пьесе А. Н. Островского «Красавец-мужчина»). Ср. у Достоевского в «Бесах»: «Редко я встречала более раскистую женщину, и вдобавок ноги распухли, и вдобавок добра» (слова В. П. Ставрогиной). Сюда же относится и приведенный выше пример народно-поэтической тавтологии: «Пролегла — лежит дороженька» **. Ср. у Горького в пьесе «Егор Булычев и другие»: «Она — тоже нравная. Захвалена, зазналась» (Ксения).

Еще ярче этот оттенок значения можно наблюдать в формах прошедшего времени совершенного вида глагола *залечь*. Применительно к залеганиям горных пород этот глагол в прошедшем времени совершенного вида значит: лежать, быть расположенным:

---

* Е. С. Истрина, Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи, стр. 105. Однако в новых работах о перфекте (В. Погорелова, Ван-Вейка, А. Белича, Ст. Младенова и др.) указываются и другие значения и оттенки формы перфекта в истории славянских языков.

** Впрочем, в областной народной речи форма на *-л*, примыкая к другому глаголу, может иметь значение предикативного определения и может быть частью составного сказуемого или «второстепенным сказуемым». Ср. А. Грандилевский, Родина М. В. Ломоносова (СПБ 1907), где отмечено такое употребление причастной формы на *-л* в холмогорском говоре: «Лежит моя баба, прихилилась не работать». А. Грандилевский так комментирует этот пример: «Здесь следует разуметь, что «лежит моя баба, притворившись больною из нежелания работать» (стр. 79).

Руда залегла здесь неглубоко. При сопоставлении с формой настоящего времени *залегает* ярко выступают индивидуальные отличия перфекта (ср. *Слой руды залег очень глубоко* и *Слой руды залегает очень глубоко).* Прошедшее *залег* близко по значению к форме настоящего времени *лежит*, но лишено ее оттенка длительности. Между тем, вневременное значение непрерывно продолжающегося действия, а также значение интенсивной длительности, свойственные форме *залегает*, кладут резкую грань между ней и формой *залег*. Некоторую грамматическую аналогию к выражению оттенков времени в форме *залег* можно найти лишь в формах вроде *расположен*, *убран*, *накрыт* и т. п., отнесенных акад. А. А. Шахматовым к перфекту *. Но между причастными формами типа *Письмо отослано* и формами прошедшего совершенного вида на *-л* большая разница: страдательные причастия всегда выражают пассивное состояние как результат действия иного, обычно не названного субъекта, а формы на *-л* имеют перфектное значение состояния как наличного результата действия того же субъекта и полнее всего осуществляют это значение лишь при наличии соответствующих семантико-синтаксических условий и притом особенно ярко в том случае, если они образованы от непереходных глаголов, а также в сочетаниях с неодушевленными субъектами действия. Ср. у Чехова в рассказе «Палата № 6»: «В больничном дворе стоит небольшой флигель, окруженный целым лесом репейника, крапивы и дикой конопли. Крыша на нем ржавая, труба наполовину обвалилась, ступеньки у крыльца сгнили и поросли травой, а от штукатурки остались одни только следы». Итак, чисто перфектные значения преобладают в формах прошедшего времени совершенного вида главным образом при отнесении их к «неодушевленным предметам».

Еще Ф. Буслаев указывал, что «в древнерусском и народном языке замечательно употребление прошедшего в описании природы там, где теперь употребляем настоящее время». Например: «Кама своим устьем впала в сине море» («Древние русские стихотворения», собранные Киршею Даниловым); «Пала в Дон река Красная Девица» («Книга, глаголемая Большой Чертеж,» стр. 48); «Близко от Дона вытекала река Царица и потекла к реке к Волге, пала в Волгу против Царицына острова» (т а м ж е, стр. 52) и др. Буслаев так комментировал это употребление прошедшего времени: «Формы настоящего времени, ныне принятые в географии: *идет*, *течет*, *впадает* — составляют более отвлеченное понятие, потому что означают постоянно и неизменно пребываемое, т. е. течет всегда, впадает

---

* Ср. замечание Ш а х м а т о в а: «Перфект обозначает действие, осуществившееся в результативной форме к настоящему моменту... *Стол накрыт*, *Письмо отослано*. Перфект выражается причастиями прошедшего времени страдательного на *-н*, *-т*» («Синтаксис русского языка», вып. II, стр. 78). Ср. в «Русском синтаксисе» С. Ш а ф р а н о в а (Рига 1866, стр. 130): «Perfectum всего точнее может быть передано настоящим страдательного залога».

постоянно. Старинные же выражения прошедшего времени указывают на факт, некогда совершившийся» *. В народных говорах и до сих пор сохраняется такое употребление формы на *-л***.

В этом употреблении оттенки результативного значения, связанные с настоящим временем, перевешивают значение прошедшего действия. Иногда же оба эти круга значений и оттенков находятся в состоянии равновесия.

Нередко бывает ощутителен самый момент перелома от прошлого действия к его настоящему результату. Чаще же оба круга смысловых оттенков — и оттенок осуществившегося, прошедшего действия и оттенок результата в настоящем одновременно присутствуют в понимании формы. Однако отношение к настоящему состоянию бывает несколько затушевано. Оно вытекает из общего контекста. Идея прошедшего совершенного действия как бы доминирует над выражением результата или состояния в настоящем. Например: «Видите этого толстого человека с бурым лицом и щетиной на голове, — вон, что шапку *сгреб в руку* да по стенке *пробирается* и на все стороны озирается, как волк?» (Тургенев, «Гамлет Щигровского уезда) ***.

Сюда примыкают примеры, где значение осуществившегося действия подчеркнуто сопоставлением с прошедшим временем несовершенного вида: «Встречали кого-нибудь? — «*Встречал*, да не *встретил*» (Островский, «Бесприданница»). «Людмила принялась хохотать, упала в кресло, откинулась на спинку и хохотала,

---

* «Историческая грамматика», т. II, стр. 152—153. Ср. в «Совершенном Егере» Левшина (СПБ 1779) в описании птицы-гоголя: «Конец самого носа загнулся (=загнут) вниз» (245). Ср. также Л. А. Булаховский, Исторический комментарий к литературному русскому языку, 1939, стр. 226.

** В. Мансикка в статье «О говоре Шенкурского уезда Архангельской губ.» писал: «Подобно старинному языку прошедшее время употребляется, когда говорят о морях, реках, озерах, болотах, дорогах, просеках и пр., имея в виду первый момент некогда совершившегося явления, результаты которого в неизмененном виде существуют доныне: *«Река обошла деревню и выпала в Вагу;* река недалеко этта взялась, наша Двина расположилась лесками, гора обошла кругом: нас отделило болотами, дорога рядом подошла». Ср. еще выражение «Под старость худо увидел» — худо стал видеть («Известия ОРЯС», 1912, т. XVII, кн. 2).

Тот же В. Мансикка в говоре северо-восточной части Пудожского уезда отметил «прошедшее время в значении существующего доныне»: «Гора обошла кругом болота; до нас озеро шло, а от нас река пошла; туда вода кругом обошла; изо мхов вышли такие руцьи; пошла есть, так это и есь «Уйма» и другие подобные.

Местами в таком же значении употребляются формы будущего времени: «Рика выпаде в Водлу»; «рика выдёт на Корбозёра» («Известия ОРЯС», 1914, т. XIX, кн. 4, стр. 167—168).

Ср. у В. А. Слепцова в очерках «Владимир и Клязьма». «[Перевозчик] на речке тут и живет. Речка Пекша прозывается... позади осталась. Речка она пустая, под Юрьевым *взялась* да в Клязьму и *пала;* ну, а весной тоже люта бывает» (в речи крестьянина).

*** Ср. у Куприна в рассказе «Вред»: «Лицо его сразу изменилось, точно постарело, коротко остриженная голова ушла в плечи, глаза потухли, полузакрылись с усталым, болезненным выражением».

хохотала» (Ф. Сологуб, «Мелкий бес»). «В этой портерной я обдумывал свою диссертацию и *написал* первое любовное письмо к Вере. *Писал* карандашом» (Чехов, «Скучная история») *.

Наконец, прошедшее время совершенного вида может выражать осуществившийся факт безотносительно к выражению его результата в настоящем, т. е. может выступать в чисто аористическом значении. Например, в рассказе Горького «Тоска»: «Где-то прокричал петух. — Неужели двенадцать уж? — спросил сам себя Тихон Павлович. Прокричал другой петух, третий...и еще и еще. Наконец, где-то за стеной во всю мочь гаркнул Рыжий, из птичника ему ответил Черный, и весь птичник всполошился, громко возвещая полночь».

Понятно, что в этом беглом очерке значений и употреблений формы прошедшего времени совершенного вида на *-л* не исчерпаны все ее синтаксические функции (так же, впрочем, как и значения формы прошедшего времени несовершенного вида).

Еще К. Бругман, за ним Шталь, а в последнее время А. И. Белич подчеркивали необходимость разграничения прямого и непрямого («индикативного» и «релятивного», по Беличу) употребления форм времени[225]. В прямом или индикативном употреблении «всякое действие определяется по отношению к настоящему», в релятивном — по отношению к тому временному плану (прошедшему или реже — будущему), который сделан основным фоном временных соотношений. Например, в «Египетских ночах» А. С. Пушкина: «Чарский был один из коренных жителей Петербурга. Ему не было еще тридцати лет; он не был женат; служба не обременяла его. Покойный дядя его, бывший вице-губернатором в хорошее время, оставил ему порядочное имение».

В этом контексте форма прошедшего времени совершенного вида означает «осуществление своего значения в то прошлое время, о котором говорится» (вне всякого отношения к настоящему моменту, т. е. моменту речи). Естественно, что в таком релятивном употреблении форма прошедшего времени совершенного вида с перфектным значением получает значение плюсквамперфекта, обозначая наличный в прошлом результат в отношении к совершившемуся или протекавшему позже действию (ср. «Я упал: пуля пробила мне ногу»). Например в «Пиковой даме» Пушкина: «Он стал думать

---

* Любопытно в этой связи вспомнить замечание К. Житомирского: «Мы не можем теперь отличить «он ушел» в смысле il s'en alla, er ging fort от «он ушел» в смысле «его здесь нет» (il s'en est allé, er ist fort) и в смысле «его здесь не было» (il s'en était allé; er war fort; abierat). Однако потребность в этих формах чувствуется в русском языке. Народ (а не писатели) уже и выработал необходимые формы. «Он ушел» у него уже значит только: il s'en alla (аорист), а для результативного вида он имеет уже формы, еще не признанные литературой: «он ушедши» (il s'en est allé), «он был ушедши» (il s'en était allé). Эти формы, без сомнения, не замедлят перейти в литературный язык, как видно из уже терпимых форм: *он был выпивши, он был уставши* и немногих других» («Молох XX века» (Правописание), Москва 1915, стр. 5—6).

об отставке и путешествии. Он хотел в открытых игрецких домах Парижа вынудить клад у очарованной фортуны. Случай избавил его от хлопот.

В Москве составилось общество богатых игроков, под председательством славного Чекалинского...Долговременная опытность заслужила ему доверенность товарищей, а открытый дом, славный повар, ласковость и веселость приобрели уважение публики. Он приехал в Петербург. Молодежь к нему нахлынула...».

Релятивное, относительное употребление форм прошедшего времени соприкасается, а иногда пересекается и даже сливается с соотносительным их употреблением для выражения одновременности, предшествования или последовательности по отношению к другой глагольной форме времени в составе сложного синтаксического целого (особенно разнообразно — в конструкциях с союзами времени, причины и условия.) Но детальное изучение всех этих синтаксических употреблений форм времени далеко выходит за рамки грамматического учения о слове и его формах: оно относится к синтаксису.

Формы будущего и настоящего времени

Сложной системе прошедших времен в русском языке противостоит система будущего-настоящего времени с очень разнообразными и субъективно изменчивыми, подвижными значениями и оттенками.

§ 52. Описательная («аналитическая») форма будущего времени несовершенного вида

Описательная форма будущего времени несовершенного вида, состоящая из *буду* + *инфинитив* (*буду учиться*, *будешь вести себя хорошо* и т. п.), обозначает течение действия в плане будущего, отрешенном от настоящего (ср., например, *сейчас буду одеваться*, т. е. еще не начинал, и *я сейчас оденусь*, т. е. буду одетым). В описательной форме будущего времени течение действия целиком относится к области будущего. Прямая противопоставленность этой формы будущего времени настоящему очевидна. В русском языке не укрепилось и не развилось других аналитических форм будущего времени. Правда, и в *буду говоритъ* форма *буду* обнаруживает некоторую синтаксическую самостоятельность (например, в предложении *Завтра я буду публично говоритъ об этом* наречие *завтра* относится непосредственно к *буду*, а *публично* — к *говоритъ*). В диалогической речи *буду* может быть употреблено эллиптически и без инфинитива. Например: «*Будешь хорошо учиться?*» — «*Буду*». Ср. «Ну, не буду, не буду», — торопливо произнесла Акулина» (Тургенев, «Записки охотника»). Кроме того, в морфологическом составе формы *буду* легко отделить основу и окончание настоящего времени (*-у*). Тем не менее *буду* не присоединяет никаких дополнительных лексических значений к сочетающемуся с ней инфини-

тиву, кроме значения будущего времени. Поэтому в *буду читать* нельзя видеть свободного сочетания двух слов или двух форм. Это одна сложная (аналитическая) форма будущего времени глагола *читать*, это — целостное грамматическое единство.

Между тем, в таких словосочетаниях, как *начну говорить*, *стану говорить*, раздельность и относительная самостоятельность составных элементов гораздо заметнее: оттенки приступа к действию, начала его течения или перехода в осуществление, выражаемые формами *начну* и *стану*, потенциально отделяются от обозначения самого действия в форме инфинитива. Ср. у Тургенева в «Фаусте»: «Я не стану жаловаться. Жалобы, раздражая, утоляют печаль, но не мою. Стану рассказывать». Ср. *завтра начну работу* и *завтра начну работать*.

Грамматическая целостность описательной формы будущего времени ярко обнаруживается в таких примерах: «*Боюсь завистить:* ваше счастье будет для меня зеркалом, где я все *буду видеть* свою горькую и убитую жизнь» (Гончаров, «Обломов»). «Да не я одна *убиваться буду:* убивайся же и ты до конца дней» (Тургенев, «Бежин луг»). «Что ж, будете портер пить?..» — «А пожалуй, выпью» (Л. Толстой, «Севастополь в августе 1855 года»).

В форме будущего времени несовершенного вида значение собственно будущего времени лишь в редких случаях (при наличии особой модальной окраски) бывает несколько завуалировано оттенком неопределенной длительности (впрочем, тоже простирающейся в план будущего). Например: «Так уж я буду на вас надеяться» (Сологуб, «Мелкий бес»). «Ну, возьми свои три с половиной, что с тобой будешь делать?» (Тургенев, «Контора»). «Как же, очень буду слушать, что Москва болтает» (Л. Толстой, «Севастополь в августе 1855 года»).

§ 53. Форма настоящего времени несовершенного вида и ее функции

Менее устойчива и однообразна смысловая структура форм настоящего времени несовершенного вида *(делаю)* и настоящего-будущего времени совершенного вида *(сделаю)*.

Грамматическое различие между формами *делаю* и *сделаю* на фоне видовых соотношений осознается как различие между данным, т. е. существующим действием, которое мыслится безотносительно к его пределу или результату *(делаю)*, и тем же действием, но ограниченным мыслью о его предстоящем пределе или результате *(сделаю)*. Значение будущего времени развивается из представления об ожидаемом результате. Это значение, естественно, становится основным грамматическим значением формы настоящего-будущего времени совершенного вида[226]. Между тем, форма *делаю*, собственно, обозначает независимую от ограничений вида и времени данность действия, его свойственность лицу или предмету, его сочетаемость с субъектом. Обозначение действия, осуществляющегося вне ограничений

времени при всяких вообще условиях, обычно постоянно, и вследствие этого как бы присущего, свойственного субъекту, и следует считать основным грамматическим значением формы настоящего времени несовершенного вида. Например: *Нужда плачет, нужда скачет, нужда песенки поёт. Науки юношей питают. Судьба играет человеком.* «Я говорю: отчего люди не летают так, как птицы?» (Островский, «Гроза») и т. п.

Совпадение действия с моментом речи — лишь разновидность, оттенок этого общего значения, возникающий при ограничении временной перспективы действия. (Ср. «Погода очаровательная, птички *поют*, *живем мы* в мире и согласии, — чего нам еще?» Чехов, «Дядя Ваня»). Но значение вневременности, заложенное в формах настоящего времени несовершенного вида, лексически ограничено. Оно проявляется не у всех глаголов. Это ярко обнаруживается при сопоставлении, например, двух рядов глаголов движения. Одни (неопределенно-моторные) обозначают движение как свойство или как неопределенно повторяющееся, совершающееся в разное время, в разных направлениях действие (например, *ходить*, *летать*, *бегать*, *катать*, *бродить*, *плавать*, и т. п.). В этих глаголах формы настоящего времени выражают вневременную данность действия (ср. *Птица летает*, *Рыба плавает*). Они обычно обозначают действие как постоянное, не ограниченное временем свойство (однако ср.: «Вон рыбка плавает»). Но другие глаголы («определенно-моторные», по терминологии Шахматова), обозначающие непрерывное и прямолинейное движение, обычно сочетают с формой настоящего времени представление о настоящем или будущем действии, направленном к пределу, о действии, двигающемся, так сказать, по прямой линии к конечному пункту. Ср.: «В реке бежит гремучий вал». «И туман, и непогоды осень поздняя несет...». «Кто к нам идет?»

Но ср. при отрицании *не*, например, в «Станционном смотрителе» Пушкина: «Погода несносная, дорога скверная, ямщик упрямый, лошади *не везут*, — а виноват смотритель».

У этих глаголов формы настоящего времени выражают и будущее время *(Я еду через два дня в командировку)*. В этом случае ограничение перспективы времени вытекает из противопоставления действия единичного и определенного действию составному, неопределенному и продолжительному.

При отсутствии таких ограничительных признаков в лексическом значении глагола или в контексте, в ситуации высказывания форма настоящего времени несовершенного вида обозначает сочетание или сочетаемость действия с субъектом вне отнесения его к какому-нибудь плану времени (ср. «Старость ходит осторожно и подозрительно глядит»).

Значение вневременности становится источником и основою употребления формы настоящего времени несовершенного вида в переносных значениях. Значение вневременности, конечно, ближе всего к настоящему времени, которое также включает в

себя и элементы прошлого и зародыши будущего[227]. При изображении конкретного, единичного действия значение вневременности метонимически сливается с представлением о настоящем времени. Кроме того, уже грамматическая соотносительность формы *делаю* с формами прошедшего времени *я делал* и с формами будущего *буду делать* побуждает нас эту вневременность понимать только как расширенное настоящее время. Таким образом, в форме настоящего времени диалектически совмещается объективное значение вневременности с субъективным значением настоящего времени. Ср.: *Человек дышит легкими, а рыба — жабрами.* И:

Теперь вольнее всякий дышит
И не торопится вписаться в полк шутов.
(Грибоедов, «Горе от ума».)

При совпадении действия с моментом речи в форме настоящего времени могут выступать оттенки начинания, попытки или усилия осуществить действие. Например: «Глаза горят (=начинают гореть.— *В. В.*) ярче, зубы сжимаются, голова с усилием поднимается выше» (Л. Толстой, «Севастополь в декабре 1854 года»).

Кроме того, в момент представления, совпадающий с моментом речи, может субъективно реализоваться или показаться осуществляющимся и будущее действие. Форма настоящего времени в этом случае выражает готовность действия совершиться или потенциальное наличие ближайшего будущего действия. Эти оттенки значения формы настоящего времени возникают на основе субъективного представления будущего действия, как уже осуществляющегося, реализующегося в сознании субъекта. (Ср. в «Чайке» Чехова слова Нины: «Борис Александрович, я решила бесповоротно. Жребий брошен, я поступаю на сцену. Завтра меня уже не будет здесь. Я ухожу от отца, покидаю все, начинаю новую жизнь... Я уезжаю, как и вы... в Москву».) Эти оттенки значения свойственны главным образом формам настоящего времени тех глаголов, основы которых не обозначают интенсивной повторяемости действия. Таковы некратные, в особенности моторно-определенные глаголы: *иду*, *везу*, *отправляюсь*, *еду*, *гуляю* и т. п. Например: «Я завтра целый день занимаюсь». «Да, это верно, она бежит с ним, но что мне делать? — думала Соня» (Л. Толстой, «Война и мир»). «Мне Москва снится каждую ночь, я совсем как помешанная... Мы переезжаем туда в июне, а до июня осталось еще...» (Чехов, «Три сестры»).

Форма настоящего времени несовершенного вида при субъективном смещении перспективы времени может быть применена и к плану прошлого (praesens historicum)*. Тогда она служит для

* Употребление настоящего времени в значении прошедшего в русском литературном языке, повидимому, распространилось под влиянием живой народной речи. Известно, что в старославянских переводах формы praesentis historici (настоящего времени в значении прошедшего) очень редки. В старославянском языке греческое praesens historicum обычно передается

изображения прошедших фактов как бы совершающимися в момент речи перед глазами слушателя или читателя. Такое употребление возможно лишь в широком контексте, когда в изложении уже ясно обозначился план прошлого. В этом случае форма настоящего времени выражает соотносительность с временем какого-либо события или процесса, которые произошли до момента речи в прошлом. Например: «Сидел я тогда дома, были сумерки, и только что хотел выходить, оделся, причесался, платок надушил, фуражку взял, как вдруг *отворяется* дверь и — предо мною, у меня на квартире, Катерина Ивановна» (Достоевский, «Братья Карамазовы»). «Сестры к ней нагнулись, спрашивают: «Что с тобою?» (Тургенев, «Уездный лекарь»).

Кроме того, форма настоящего времени в сочетании с модальной частицей *бывало* употребляется для обозначения повторяемости действия в давнем прошлом.

§ 54. Форма настоящего-будущего времени совершенного вида и ее значения

Значение предела, результата, свойственное формам совершенного вида, противоречит представлению о настоящем времени. А. А. Потебня так писал об этом: «Грамматическое время есть отношение действия или состояния ко мгновению речи и (так как мысль сознается мыслящими первоначально только в форме речи) сознательной мысли о них. Действие, занимающее одно неделимое мгновение или и более продолжительное, но оконченное (т. е. представляемое в пределе или результате.—*В. В.*), не может быть современным акту сознания этого действия. Удар грома поразил мой слух, вошел в мою мысль, но, когда я даю себе отчет в этом, этого удара уже не слышно, и мне остается сказать: *гром грянул*, или, если ожидается другой удар, — *грянет*. Я могу употребить настоящее время лишь в тех случаях, когда действие представляется настолько продолжительным, что, начавшись до минуты сознания, не прекращается и в течение самого акта речи и сознания *(дождь идет)*, т. е. теперь, когда я думаю об этом. Сказанным объясняется, почему появление видов и, в частности, глаголов кратчайшего действия, повлекло за собою потерю значения настоящего в этих глаголах»[228]. Основным грамматическим значением формы настоящего времени у глаголов совершенного вида становится

формой аориста (A. Meillet, Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave, I, p. 71. Ср. V. Vondrak, Vergleichende slavische Grammatik, II, S. 274. Ср. также А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. IV, стр. 158). Коснувшись вопроса об употреблении аориста вместо греческого настоящего исторического в старославянском переводе Библии, А. А. Потебня заметил: «Быть может, переводчик чувствовал, что настоящее историческое, столь обыкновенное теперь *(приходит он и говорит, ждет-пождет)*, дало бы повествованию слишком простонародный, сказочный тон».

значение будущего времени *(поживем — увидим)**. В русских грамматиках эта форма так и называется формой будущего времени.

В отличие от описательной формы будущего времени несовершенного вида форма будущего времени совершенного вида не противопоставляет будущего действия плану настоящего. Выражаемое ею действие как бы исходит из настоящего времени, простираясь в будущее в завершительных моментах процесса, в его результате, между тем как начало действия может относиться и к настоящему времени.

Эта тесная связь будущего совершенного с настоящим обнаруживается при сочетании этих форм в цепи глаголов, изображающих настоящее. Например: «Живем в одном городе, почти рядом, а *увидишься* раз в неделю» (Островский, «Гроза»). «Осторожен он, сору из избы не выносит, ни о ком дурного словечка *не скажет*» (Тургенев, «Лебедянь»). Тут легко заметить оттенок результативности привычного действия, отличающий формы будущего времени. В формах будущего времени совершенного вида выражены действия, достигающие предела или неллительные, хотя и вмещенные в план настоящего. Эти формы отмечают короткие эпизоды, осуществляющиеся на фоне длящихся действий. Форма будущего времени, если она заключает фразу, составленную из группы форм настоящего времени, указывает на край этой цепи, на ее предел.

«Она любит теперь, как вышивает по канве: тихо, лениво выходит узор, она еще ленивее развертывает его, любуется, потом положит и забудет» (Гончаров, «Обломов»).

Особенно рельефно значение результата, достижения цели, связанное с представлением о будущем времени совершенного вида, выступает в этой форме на фоне непосредственного сопоставления ее с формой настоящего времени несовершенного вида того же глагола: «Мне никогда не спится... Я засыпаю, сам не знаю отчего; лежу, лежу да и засну» (Тургенев, «Гамлет Щигровского уезда»). «Мы во Франции с утра до вечера говорим... говорим да говорим, а иногда что-нибудь и скажем» (Салтыков-Щедрин, «За рубежом»).

Наличие отрицания дает этой форме возможность стереть грани между настоящим и будущим. Ср. [Днепр] «не зашелохнет, не прогремит» (Гоголь). «Тишина, не шевельнется ни один лист» (Чехов, «Скучная история»).

Когда отрицается ожидаемый результат или предел, форма будущего обращена к настоящему. Является мысль, что в настоящее время нет возможности или способности осуществить действие.

При этом оттенке потенциальности действия, при модальном

---

* Ср. замечание Фортунатова: «Форма настоящего времени не может употребляться в глаголах совершенного вида, так как при обычном значении настоящего времени в глаголах сочетание признака с известным субъектом обозначается как относимое говорящим к продолжающейся теперь смене моментов речи, вследствие чего и оба разультативные значения и детерминативное значение совершенного вида не соединяются с обычным значением настоящего времени в глаголе».

подчеркивании мыслимости или немыслимости результата, форма будущего времени (обычно тоже с отрицанием) распространяется и на настоящее время. Например: *вас и не узнаешь; не придумаю, как выйти из этого положения;* «Словечка в простоте не скажет — все с ужимкой» (Грибоедов); *ничего не поделаешь; ничего не попишешь; всего не перескажешь; ума не приложу; в толк не возьму* и т. п. Ср. также в вопросе с оттенком отрицательной модальности: «Известное дело — пьяный человек! Что от него *узнаешь*? Либо пропил, либо потерял» (Салтыков-Щедрин, «Губернские очерки»).

Разнообразные оттенки предположительности, неопределенности также содействуют осознанию в форме будущего времени совершенного вида указаний на наличное настоящее. Например: «А кто ж такая будете? — спросила Татьяна» (Тургенев, «Новь»). «До меня верст пять будет» (Тургенев, «Хорь и Калиныч»). « — Чай, у вашей барыни дворни много?» — «Нет...человек, пожалуй что, полтораста набежит» (Тургенев, «Контора»). «Проезжаем мы раз через нашу деревню, лет тому будет — как бы вам сказать, не солгать — лет пятнадцать» (Тургенев, «Ермолай и мельничиха»).

Тут выделяются еще экспрессивные оттенки вежливости или приблизительности[229].

Отпечаток субъективной экспрессии лежит и на употреблении формы будущего времени совершенного вида для выражения решительной, категорической готовности субъекта к действию, воли к действию, для выражения привычности действия или, напротив, отказа от действия, сознания неспособности к действию или невозможности действия. Например: «Вы всегда испортите! — перебил его с досадою старший, — вы только мешаете мне» (Л. Толстой, «Севастополь в августе 1855 года»). «А в нашем городе сейчас из всего сделают преступление» (Ф. Сологуб, «Мелкий бес»).

Сочетание значения настоящего времени со значениями совершенного вида приводит к значению непосредственно предстоящего действия. В таких случаях форма будущего времени обозначает действие, наступление или исполнение которого совпадает с моментом речи. Ведь будущее иногда наступает так быстро, что осуществление результата действия может совпасть с самим моментом речи. Таковы, например, формы будущего времени в разговорных выражениях: *А я вам скажу, что ...; я позволю себе сказать, что...; доложу вам; попрошу вас; не пожелаете ли; не будет ли угодно* и т. п.[230].

«Я тебе всю правду скажу, Миша. У нас ни у кого денег нет» (Л. Толстой, «Севастополь в августе 1855 года»). «Вы меня интригуете, хотя скажу откровенно, я мало верю в возможность скандала в нашей гимназии» (Ф. Сологуб, «Мелкий бес»).

Кроме того, форма будущего времени совершенного вида может применяться для обозначения обычного, постоянного результата вне всяких временных ограничений. Например: *Как аукнется, так и откликнется. Прошлого не воротишь.* «Старый человек на ветер слова не скажет» (Островский, «Гроза»). «И уж это всегда

убьют того, кто напрашивается» (Л. Толстой, «Севастопольские рассказы»).

Идея постоянного результата соприкасается со значением непрерывной повторяемости. При наличии такого оттенка форма будущего времени совершенного вида может обозначать, что время совершения процесса безотносительно к моменту речи. Отсюда развивается значение быстро сменяющегося и повторяющегося действия на грани настоящего и прошедшего времени. Например:

Заглянет в облако любое,
Его так пышно озарит —
И вот уж перешла в другое.

(Пушкин.)

«Ляжет на постель, зароет голову в подушку и лежит долго, молча и неподвижно, а потом, как поднимет голову, видно лицо его красное, как будто он плакал, но глаза сухие». «Быстрые перемены в лице — то оно как будто завянет, то вдруг оживится и осветится» (Островский, «Невольницы»).

То же употребление форм будущего времени совершенного вида в значении быстролетных и как бы повторяющихся действий на линии настоящего находим в таких стихах Лермонтова:

...и бубен свой
Берет невеста молодая.
И вот она, одной рукой
Кружа его над головой,
То вдруг помчится легче птицы,
То остановится, — глядит,
И влажный взор ее блестит
Из-под завистливой ресницы;
То черной бровью поведет,
То вдруг наклонится немножко,
И по ковру скользит, плывет
Ее божественная ножка;
И улыбается она,
Веселья детского полна.

Проф. Г. К. Ульянов заметил, что формы будущего времени совершенного вида могут «обозначать наступление сочетания признака с субъектом без отношения к какому-либо субъективному моменту времени»[231]. Например: «Этот человек раз в год правду скажет» (Даль, «Пословицы русского народа»). Особенно часто такое употребление формы будущего времени в сочетании с наречиями «порой», «изредка».

Кроме того, форма будущего времени совершенного вида (1-го лица множ. ч.) служит для выражения категорического желания, требования, намерения или приглашения (ср. *ну, плывем* и *ну, поплывем;* ср.: *бросаем курить* и *бросим курить* и т. п.).

В глаголах типа *идти, ехать* и т. п. (моторно-определенных) различие между формами несовершенного и совершенного вида в этом употреблении минимально. Например, в «Севастопольских рассказах» Л. Толстого: «Так бери же свои вещи и едем сейчас,— сказал старший. — Прекрасно, сейчас и поедем, — сказал младший»[232].

Формы 2-го лица единственного и множественного числа будущего времени также употребляются для выражения приказания, не

допускающего ни возражений, ни отказа. Например: *К шести часам ты вернешься домой.*

Таким образом, синтаксическое употребление форм будущего времени совершенного вида отличается разнообразием модальных оттенков. Вместе с тем, формы будущего времени — при соответствующих синтаксических условиях — способны выражать значения не только настоящего, но и прошедшего действия.

Перенос формы будущего времени в план прошлого синтаксически ограничен.

В этом переносном употреблении она выражает два основных значения:

1. Значение повторяемости в прошлом каких-нибудь действий, представляемых в их осуществлении, в их пределе или результате. Это употребление выступает в таких синтагмах, «которые по своим значениям или взаимно предполагают друг друга, или же одна из них предполагает другую[233]. Например: «Все было тихо, волна не подымется, листок не шелохнет» (К. Аксаков). «Они посидели обнявшись, потом опять заплясали. И так несколько раз повторялось: то попляшут, то отдохнут под грушей» (Ф. Сологуб, «Мелкий бес»). «Кругом не слышалось почти никакого шума. Лишь изредка в близкой реке с внезапной звучностью плеснет рыба и прибрежный тростник слабо зашумит, едва поколебленный набежавшей волной... Одни огоньки тихонько потрескивали» (Тургенев, «Бежин луг»). «Стал он и поворовывать: отец жалованье получит — первым делом в кабак, целовальника с наступающим первым числом поздравить. Воротится домой пьянее вина, повалится на лавку, да так и дрыхнет; а Порфирка, между тем, подкрадется, все карманы обшарит, да и в чулан, в тряпочку и схоронит» (Салтыков-Щедрин, «Губернские очерки»).

Ср. у С. Т. Аксакова: «Хотя иногда набежит туча с грозой... и крупным дождем, которым забьет ваши поплавки под траву, в шумные брызги и пузыри изрубит гладкую поверхность воды, возмутит ее, если она не глубока, так изменит положение места, что вы сами его не узнаете. Но туча пронеслась, влажная парная теплота разливается в воздухе... все приходит в порядок» (1886, V, 35).

Особенно часто встречается такое употребление там, где речь идет о возможном или обычном. Например: «Он то войдет, то выйдет из комнаты (такой был непоседа)».

Замечательны суждения И. В. Киреевского об этом значении формы будущего времени русского глагола в письме к К. С. Аксакову по поводу его книги «О русских глаголах»[234]. Киреевский выдвигает как своеобразную особенность русского глагола употребление формы будущего «самостоятельного».

«Если вы несколько раз подходили к двери, то можете сказать: «Вчерашний день я несколько раз подойду к его двери, постучусь, и он отворит мне». Следовательно, здесь будущие времена относятся не к вчерашнему дню, а к нескольку раз, т. е. к понятию

о повторявшемся действии...Если бы это было не *ряд* действий, или, по крайней мере, не *два* действия, взаимно относящиеся одно к другому, а только одно действие, то хотя бы оно и повторялось несколько раз, но вы не могли бы выразить его формою будущего, когда оно совершалось в прошедшем. Вы не можете сказать: «Бывало, я подойду к его двери», и этим кончить. Вам непременно надобно прибавить другой глагол, с которым глагол *подойду* будет взаимно относиться: я подойду, он отворит и тому подобное. Следовательно, такого рода будущие зависят не от словечка *бывало*, так же как они не относятся ко времени, о котором идет речь, но выражают только порядок, в котором одно действие относится к другому. *Птица полетит, я выстрелю* — это может относиться ко всем временам. Такое будущее можно назвать будущим самостоятельным»[235]. А. А. Потебня так характеризовал «внутреннюю» форму будущего совершенного в значении прошедшего: «Изображая действие, обычное в прошедшем, посредством будущего, человек становится на точку ожидания будущего подобного случая»[236].

2. Повидимому, в непосредственной связи с этим значением находится употребление формы будущего времени совершенного вида в соотносительных предложениях для выражения того, что «одно сочетание признака с субъектом наступает всякий раз, как существует или наступает другое сочетание признака с субъектом»[237] (например, в былине: «Начал татар поколачивать: махнет рукой — улица, отмахнет назад — переулочек»). В сущности, здесь сама форма будущего времени не означает прошедшего действия. Это значение возникает в тех случаях, когда план прошлого времени указан в предшествующей фразе, дан контекстом.

Это прекрасно показано А. А. Потебней в IV томе «Из записок по русской грамматике». А. А. Потебня доказывает, что форма будущего совершенного в сложных конструкциях этого рода обозначает предшествование во времени[238]. Такое употребление более экспрессивно и чаще встречается в разговорной речи. «Живее сказать: «пнет ногой — изломал», чем «пнул ногой — изломал». Поэтому-то последние обороты более обыкновенны в книжном языке, чем первые». «Большая самостоятельность предшествующих предложений с прошедшим совершенным соответствует большей медленности движения мысли, большему спокойствию изложения»[239].

Понятно, что такое употребление будущего совершенного может относиться не только к плану прошедшего, но и к планам объективно-будущего и настоящего. Все дело — в контексте, в связи и соотношении синтагм. А. А. Потебня пишет: «Если по-русски скажем: «Тогда махнет булавою и убьет кузнеца» или «Как услышит об этом, станет ему жаль», то выражения эти необходимо будут отнесены к будущему объективному, если только особым словом (*было, бывало*) не будет обозначена их обычность в прошедшем. Есть только одно средство придать будущим *махнет, услышит* смысл прошедшего объективного — это поставить в последующих

предложениях другое время: *махнет — и убил*; *услышит — и стало ему жаль*»[240].

В сущности, об этом же позднее писал Л. П. Размусен. По его наблюдениям, русское настоящее-будущее время совершенного вида нередко «принимает на себя как будто значение действия, предшествующего каждому проявлению другого неоднократно совершающегося действия, именно в предложениях после союзов, означающих время, в условных и в неопределенных уступительных предложениях»[241]. Например: *Когда хлор улетучится, я наливаю раствор в банку.*

Форма будущего времени в этих случаях обозначает не объективно-будущее, а относительное время действия, предшествующего другому и его обусловливающего, или время действия, с наступлением которого связано другое действие. Например: «Чуть услышит что-нибудь новое или тревожное, — и уже лоб его наморщивается» (Сологуб, «Мелкий бес»). «Все может, что захочет» (т а м ж е). «Известно, так городят, зря, что в голову придет» (Островский, «Гроза»). «Она бедная вдова, живет только тем, что с дома получит» (Гончаров, «Обломов»)*.

Отсюда один шаг до такого же употребления формы будущего времени — соотносительно с прошедшим временем[242]. Например: «И садился писать — доносы на всех, кого только вспомнит» (Сологуб, «Мелкий бес»). «Казаки вламывались в квартиры, брали все, что приглянется» (Вересаев).

3. В другом контексте будущее совершенное выражает значение внезапного, стремительного наступления в прошлом какого-нибудь

---

* С. И. С о б о л е в с к и й, отмечая способы выражения предшествующего действия в латинских итеративных предложениях (посредством perfectum и plusquamperfectum), пишет: «В русском языке praesens и perfectum в итеративном предложении выражаются одинаково настоящим временем, а imperfectum и plusquamperfectum — одинаково прошедшим временем длительного вида» (т. е. в русском языке значение предшествования не передается формой времени). «Однако и русский язык может выразить эту разницу, а именно: латинский perfectum и plusquamperfectum могут быть выражены будущим недлительного вида, тогда как латинский praesens и imperfectum могут быть выражены только настоящим и прошедшим длительного вида. Например, у Пушкина:

Он знак подаст, и все хлопочут;
Он пьет: все пьют и все кричат;
Он засмеется: все хохочут;
Нахмурит брови: все молчат.

В трех из этих фраз придаточное предложение имеет будущее время, в одной — настоящее: это потому что в трех формах действие придаточного предложения в каждом отдельном случае недлительное (и потому предшествующее действию главного предложения), а в одной—действие придаточного предложения в каждом отдельном случае длительное (и современное действию главного предложения): в каждом отдельном случае все начинали хлопотать лишь *после того*, как он подаст знак и т. д.; но в каждом отдельном случае все пили и кричали в то же время, когда он пил» (С. И. С о б о л е в с к и й, Грамматика латинского языка, 1939, 2-е изд., стр. 283—284).

быстрого, мгновенного действия. «А больная ко мне лицом лежит, и руки разметала, бедняжка. Я подошел... *Как она вдруг раскроет глаза* и уставится на меня» (Тургенев, «Уездный лекарь»). Ср.: «Она посмотрела на меня — да *как возьмет* меня *вдруг* за руку» (там же). «Я было струсил, а Матрена-то *как ударит* вожжами, да *как помчится* прямо на возок» (Тургенев, «Петр Петрович Каратаев»). «Герасим глядел, глядел да *как засмеется вдруг*» (Тургенев, «Муму»). «И как порскал — так стон в лесу, бывало, и стоит... А то *вдруг заупрямится*, *слезет* с коня и *ляжет*» (Тургенев, «Однодворец Овсяников»).

В этом случае говорящее лицо как будто переносится в прошедший момент, «не теряя, однако, сознания того, что оно там находится только в воображении»[243].

Все эти значения формы будущего времени возникают только в сложных предложениях. Их приходится рассматривать как проявление относительности форм времени русского глагола. Употребление форм будущего времени «для утверждения о фактах прошедшего времени» находится в связи с тем, что формы настоящего-будущего времени совершенного вида могли «обозначать наступление сочетания признака с субъектом без отношения к какому-либо субъективному моменту времени»[244].

§ 55. Связь категории времени с категорией наклонения

Система форм времени современного русского глагола — при тесной связи ее с видовыми различиями и даже при глубокой зависимости от них — обнаруживает довольно ясные следы былого богатства глагольных форм времени в русском языке. Кроме того, бросается в глаза разнообразие модальных оттенков, связанных с формами времени (особенно с формами настоящего и будущего времени). Это разнообразие смысловых оттенков, связанных с формами времени, особенно настоящего и будущего, вызвало гипотезу, что в русском глаголе нет определенных значений и определенных форм времени. «Неопределенность» функций настоящего времени, по мнению Н. П. Некрасова, стерла границы и между формами прошедшего и будущего времени: «Стало быть, все понятие о времени сосредоточивается около одной настоящей минуты: она представляет границу или рубеж, по одну сторону которого есть только прошедшее, по другую — только будущее; и потому настоящую минуту можно считать встречей прошедшего с будущим. Но так как встреча эта беспрерывна, то между будущим и прошедшим существует постоянная смена: каждый момент будущего времени становится последовательно один за другим моментом прошедшего. Таким образом, настоящий момент в строгом смысле не существует, он является условным. Отвергнув же действительность настоящего момента, мы вместе с тем отказываемся и от того, что служит основанием для представления прошедшего и будущего момента...».

Все предшествующее изложение должно убедить, что эти рассуждения несостоятельны. Система форм времени органически связана с формами наклонений.

6. КАТЕГОРИЯ НАКЛОНЕНИЯ

§ 56. Определение категории наклонения. Грамматическая терминология, относящаяся к учению о наклонении глагола

Категория наклонения отражает точку зрения говорящего на характер связи действия с действующим лицом или предметом. Она выражает оценку реальности связи между действием и его субъектом с точки зрения говорящего лица или волю говорящего к осуществлению или отрицанию этой связи. Таким образом, категория наклонения — это грамматическая категория в системе глагола, определяющая модальность действия, т. е. обозначающая отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим лицом.

Учение о наклонении русская грамматика восприняла из античной, греко-латинской традиции, которой она обязана и самым термином наклонение (греческое enklisis, латинское inclinatio)[245]. В течение XVI—XVII вв. у нас установилась та славянская терминология, которая характерна и для современной русской грамматической теории наклонения. Наклонение — термин Мелетия Смотрицкого (1619)*. Название наклонений — изъявительное (уже у Л. Зизания в грамматике 1596 г.), повелительное, желательное — сложились еще раньше. Мелетий Смотрицкий ввел еще сослагательное наклонение (conjunctivus). К наклонениям относился и инфинитив, прозванный Л. Зизанием неопределенным образом, а М. Смотрицким неопределенным наклонением. Забракованное Ломоносовым желательное наклонение почти не упоминается в последующих грамматиках до К. С. Аксакова и Ф. И. Буслаева. В последнее время акад. А. А. Шахматов реставрирует и обновляет термин желательное наклонение. Под влиянием грамматик западноевропейских языков, преимущественно французского, в русских грамматиках с конца XVIII в. появляется и условное наклонение (conditionnel).

---

* Раньше вместо наклонения предлагались термины «изложение» или «образ» (modus). Термин наклонение (enklisis) не выражает сущности этой категории. Поэтому уже в древней греческой грамматике был предложен другой термин — diathesis psychikē (или просто diathesis) — «психическое или душевное расположение». Тут намекалось на то, что данная категория выражает отношение говорящего к действию, которое представляется либо действительным, либо предполагаемым, либо желаемым, либо требуемым. В латинской грамматике это значение яснее было определено термином modus (или modus agendi — «образ действия») (А. Вейсман, Заметки к истории русской грамматики, «Журнал министерства народного просвещения», 1894, июль, стр. 121—122).

§ 57. Грамматическая теория наклонений и формально-логическое учение о модальности суждения

Количество, состав наклонений и взаимоотношение между ними определялись в разных грамматиках по-разному.

До 20—30-х годов XIX в. в русских грамматиках господствовало учение о трех наклонениях — *изъявительном*, *повелительном* и *неопределенном*. Формы *сослагательного* наклонения как составные, аналитические считались синтаксическими формами словосочетания. Неопределенное наклонение тоже стало в 30-х годах обособляться от изъявительного и повелительного наклонений как «прямая форма глагола», соответствующая именительному падежу имен существительных (ср. «Практическую русскую грамматику» Н. И. Греча).

На то, что неопределенная форма не относится к наклонениям, указывалось уже древними греческими грамматиками, например, Херобском, который инфинитив не называет наклонением, а просто *неопределенною формой*, потому что она не определяет ни лица, ни числа (между тем как термин *наклонение* (enklisiso) означал собственно изменение по лицам и числам)[246].

Грамматические взгляды на категорию наклонения в начале XIX в. подверглись сильному влиянию учения формальной логики о модальности суждения. Здесь различались три категории модальности (возможность — невозможность, бытие — небытие, необходимость — случайность). В соответствии с этим в русской грамматике XIX в. укрепилось учение о трех наклонениях: изъявительном, повелительном и сослагательном — в зависимости от трех форм суждений (ассерторическое, аподиктическое и проблематическое суждение). Академик А. И. Давыдов в «Опыте общесравнительной грамматики русского языка» (1852) открыто сопоставлял эти наклонения с категориями модальности в учении Канта:

1. «Изъявительное (judicium assertoricum) для показания действия независимого и действительно совершающегося...

2. Повелительное (judicium apodicticum) для выражения воли, независимой и непосредственной, прямой...

3. Сослагательное (judiciun problematicum) для выражения действия предполагаемого и только возможного...».

Учение о трех наклонениях прочно вошло в обиход современной русской традиционной грамматики *, но его первоначальное логическое, философское обоснование уже давно забыто.

§ 58. Абстрактно-морфологические теории наклонения в русской грамматике XIX в. и их крушение

С половины XIX в. в связи с стремлением построить русскую национальную грамматику, свободную от рабского подражания западноевропейским образцам, намечаются и иные, более оригинальные взгляды на категорию наклонения. Так, К. С. Аксаков в критическом разборе «Исторической грамматики» Ф. И. Буслаева высказывается за необходимость различения морфологических и синтаксических наклонений. Он относит условное наклонение (с частицами *бы* и *былэ*) к числу синтаксических [247]. Среди морфологических наклонений К. С. Аксаков различает два основных: изъявительное и повелительное. «Если уже признавать *сослагательное* и *желательное*, то они суть не что иное, как оттенки к собственно-повелительному и вместе с ним составляют три вида одного и того же наклонения» [248]. Эта теория, в сущности, была углублением и

* Так, уже у Буслаева различаются, сверх неопределенного, три наклонения: изъявительное, повелительное и условное («Опыт исторической грамматики», 1863, ч. II, § 191, стр. 138).

развитием той чисто морфологической теории наклонения, которая раньше всего нашла выражение в грамматиках ломоносовской школы, а затем в грамматике Востокова и особенно в грамматике Н. И. Греча. Н. И. Греч учил, что в русском языке два основных наклонения — изъявительное и повелительное (сослагательное наклонение — составная, аналитическая форма, форма словосочетания). По словам Греча, отношение глагола к «действующему предмету речи» может быть или повествовательным (это выражается изъявительным наклонением), или повелительным. Соответственно античной грамматической традиции, формы наклонения глагола сопоставляются с формами склонения имени. Н. И. Греч противополагает изъявительному и повелительному наклонениям как «косвенным формам глагола» «неопределенное наклонение» как «прямую форму глагола», как глагольный «номинатив» [249].

Следующий шаг по пути критики заимствованных учений о наклонениях русского глагола был сделан проф. Н. П. Некрасовым в книге «О значении форм русского глагола» (СПБ 1865). Исходя из морфологической точки зрения, Некрасов доказывает отсутствие форм наклонения у русского глагола. «По форме невозможно делить изменения русского глагола на наклонения, по смыслу же и того менее» (стр. 101). По мнению Н. П. Некрасова, «вместо всех возможных наклонений» в русском глаголе выступают две основные формы глагола: существительная (инфинитив) и личная (спрягаемые личные формы глагола). «Существительная форма русского глагола соответствует неопределенному наклонению в других языках, а форма личная — наклонениям: изъявительному (indicatif), условному (conditionnel), сослагательному (subjonctif) и повелительному (impératif)» (стр. 117). Две основные формы русского глагола, по словам Некрасова, «дробятся в употреблении на множество частных значений, зависящих от смысла целой речи. Для этих последних русский язык не признал за нужное создавать особенные формы, а потому и мы не вправе навязывать ему, по примеру других языков, формы разных наклонений и возводить частные случаи употребления на степень общих типических форм русского глагола» (стр. 117). Итак, Н. П. Некрасов отрицает самостоятельные, морфологически отстоявшиеся формы наклонений в русском языке. Он подчеркивает разнообразие модальных значений русского глагола в речи, в разных синтаксических условиях и конструкциях, соответствующее формам наклонений в западноевропейских языках*.

§ 59. Мысли об аналитических и синтетических формах русских наклонений в русских грамматиках второй половины XIX в.

Взгляды проф. Н. П. Некрасова на категорию наклонения не нашли себе сторонников. Но передовым грамматистам второй половины XIX и начала XX в. стала ясна неудовлетворительность старого учения о наклонениях русского глагола.

Описательные, аналитические формы наклонений нуждались в тщательном изучении. При господстве морфологической точки зрения не учитывались синтаксические особенности в употреблении наклонений. В этом смысле К. С. Аксаков и даже Н. П. Некрасов были правы, подчеркивая многообразие «синтаксических наклонений» в русском языке — при бедности (или даже, как пытался доказать Некрасов, при отсутствии) особых синтетических форм глагола для выражения модальности действия.

В русской грамматике с конца XIX в. был единодушно вычеркнут из списка наклонений инфинитив. Кроме того, было отмечено, что так называемое «изъявительное наклонение» — собственно не наклонение, оно —

* См. полемику между Н. Богородицким, Н. П. Некрасовым и Н. Завьяловым по вопросам этимологии русского глагола в «Журнале министерства народного просвещения» за 1869—1872 гг.

«мнимое наклонение», или, вернее, «нулевая категория» наклонения (А. М. Пешковский). Проф. Овсянико-Куликовский писал в своем «Синтаксисе»: «Так называемое «изъявительное» не есть наклонение, потому что не выражает ничего, что должно выражаться наклонениями. Его можно определить как мнимое наклонение. Что же касается инфинитива, то оно (т. е. он.— *В.В.*) отнюдь не может быть понимаемо, как особое наклонение... оно... может выступать в роли то повелительного, то сослагательного, и тогда оно — наклонение, только не особое, а именно либо повелительное, либо сослагательное» [250]. Большинство грамматистов признавало, что аналитически выражаемых «оттенков или модальностей того, как лицо говорящее относится к высказываемому им, чрезвычайно много, особенно в эмоциональной речи». На основе различения этих модальностей и должно бы строиться учение о разных типах предложений.

Но эти оттенки модальностей почти еще не подвергались синтаксическому исследованию. Лишь А. А. Потебня и А. А. Шахматов пытались глубже вникнуть в аналитико-синтетический строй наклонений русского глагола и вывести русскую грамматику в этом направлении на новую дорогу.

§ 60. Конструктивная система наклонений в грамматической теории акад. А. А. Шахматова

Акад. А. А. Шахматов находил в современном русском языке шесть (в сущности, семь) наклонений, выражающих сложные и разнообразные значения:

1. Изъявительное наклонение. С формами этого наклонения в русском языке сливаются отрицательное наклонение (ср. в английском языке), а также восклицательное и вопросительное наклонения (ср. в английском языке), которые отмечаются лишь синтаксическими и интонационными средствами.

2. Повелительное наклонение.

3. Морфологически определяемое сослагательное наклонение, которое синтаксически расслаивается на два наклонения:

а) желательное наклонение (*сидел бы ты дома*) с союзами *хотъ, о, если бы;* в предложениях цели с союзами *чтоб, чтобы, лишь бы, как бы не* и др.;

б) условное наклонение с союзами: *если, если бы, ежели, когда бы* и др.

4. Недействительное наклонение, выражающее неосуществленность возможной связи действия с субъектом (посредством частицы *было*, иногда в сопровождении *чуть не, едва не* при прошедшем времени: *я было упал, я чуть не упал, я едва не упал*).

5. Предположительное наклонение (обозначается морфологически посредством употребления *будет* вместо *есть*: *он будет дома* = он, кажется, дома, а чаще аналитически посредством модальных слов; *кажется, вероятно, едва ли, чуть ли не, может быть* и т. п.).

6. Потенциальное наклонение (ср.: *не скажу, не вспомню* и т. п.).

Таким образом, А. А. Шахматов, признав, что категория наклонения в русском языке переживает сложный процесс перехода от синтетических форм выражения к аналитическим, разрушил традиционное учение о трех наклонениях русского глагола. Однако нетрудно заметить, что установленные акад. А. А. Шахматовым формы наклонений неравноценны, неравноправны, что некоторые из них выделены не по грамматическим признакам, а на основании общих семантико-психологических соображений или на основании разных значений сопутствующих модальных слов (таково, например, предположительное наклонение). Легко убедиться также, что так называемое «потенциальное» наклонение—не что иное, как форма будущего совершенного с своеобразными модальными оттенками значения.

Кроме того, А. А. Шахматов смешал аналитические формы слова с несвободными или полусвободными синтаксическими словосочетаниями. Далеко не все словосочетания такого рода слились в неразложимые по смыслу грамматические единства. Например, едва ли можно видеть в сочетании слов: *я едва ли вернусь* — аналитическую форму глагола *вернуться*. Однако выдвинутая акад. А. А. Шахматовым проблема о разных морфологических, чисто синтаксических, лексических, фразеологических и комбинированных способах выражения категории модальности в разных типах глагольных предложений является одной из центральных проблем русского синтаксиса.

§ 61. Грамматическая природа «предположительных» наклонений и их генезис в изображении А. А. Потебни

А. А. Потебня подошел к вопросу о наклонениях русского глагола с исторической точки зрения. Он блестяще разрешил одну проблему из истории форм наклонения в русском языке, однако такую, из которой вытекал целый ряд необычайно важных выводов. Сам Потебня этих выводов не сделал. Потебня изучал приемы и принципы образования «идеальных» (т. е. изображающих события не в действительности, а только в мысли) наклонений на основе распада системы старых прошедших времен глагола (ср. *я читал бы*). Древнейшим событием в этой области, по Потебне, является переход аориста *бых*ъ (ср. *бы*) к значению условному и желательному*. «Tertium comparationis (т. е. основание сходства) между прошедшими временами изъявительного наклонения и условностью и даже вообще идеальными наклонениями, каковы условное, сослагательное, желательное, состоит в том, что как идеальные наклонения изображают события существующими только в мысли, так и прошедшее может рассматриваться «со своей негативной стороны как отрицание

* А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, II, стр. 269. Ср. ссылку на отсутствие удовлетворительного исторического объяснения форм сослагательного (условного) наклонения у Л. А. Булаховского («Исторический комментарий к литературному русскому языку», стр. 152—153).

действительного присутствия (наличности) явления» (Вопр, Vergleichende Grammatik, § 520) в том смысле, что «если явление было, то стало быть его уже нет»[251]. Таким образом, признак отсутствия действия налицо — вот что роднит прошедшее время глагола с «идеальными» наклонениями. Поэтому-то в русском языке древнейшие формы наклонений, сверх изъявительного и повелительного, возникли на развалинах, так сказать, древних прошедших времен*. Кроме условного наклонения, легко объяснить и образование желательного наклонения из «изъявительного прошедшего». «В желании, рассматриваемом независимо от словесного выражения, осуществление, т. е. слияние возникающих в мысли образов желаемого, сложившегося из прежних восприятий, с новыми восприятиями, есть событие будущее. Согласно с этим в языке представление желательного прошедшим может рассматриваться как частный случай представления объективно-будущего прошедшим... Вообще будущее событие, которое вот-вот должно непременно совершиться, будет ли оно намеренное или нет, может изображаться прошедшим глаголов совершенных» (стр. 272—274). В связи с переходом формы аориста *бы* в частицу условно-желательного наклонения создаются другие аналитические формы наклонений. *Бы* начинает сливаться с другими частицами в грамматические идиомы (*чтобы*, *кабы* и т. п.). Ведь *бы* не было прикреплено исключительно к форме на *-л*. «Из этой отделимости *бы* от причастия,—предупреждает Потебня, — не следует, конечно, чтобы нынешнее русское *чтобы сделал* и т. п. не было одною грамматическою формою. Это в том же смысле одна форма, в какой падеж с предлогом есть в сущности один падеж» (стр. 280). Аналитический, или, вернее, «смешанный», аналитико-синтетический строй русских наклонений освещается Потебней ясно и убедительно.

Греко-латинское, а впоследствии западноевропейское влияние, как отмечает Потебня, содействовало распространению сослагательного наклонения, выражающего зависимость от главного предложения в относительных предложениях (типа: «нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов» — Гоголь) и в обороте с «*чтобы... -л*» при главном сказуемом с отрицанием (например: у Гоголя: «Я еще в жизни не слыхивал, чтобы собака могла писать»; у Лермонтова: «Сам стихов давно не читаю, не потому, чтоб не любил

---

* Г. К. Ульянов тоже ставил в связь с судьбами аориста образование русских форм сослагательного, условного и желательного наклонений. Именно он думал, что первоначально составные формы из аориста *бых*ъ с причастием на *-лъ* могли употребляться для обозначения наступления сочетания признака с субъектом без отношения к какому-либо субъективному моменту времени. На основе этого значения возникает вторичное значение гипотетического наклонения. Так, «условные предложения с *бых*ъ + причастия» на *-лъ* надо рассматривать как первоначальные относительные предложения, в которых обозначалось только наступление одного сочетания признака с субъектом при наступлении или существовании другого сочетания, без отношения к какому-либо субъективному времени» («Значения глагольных основ в литовско-славянском языке», ч. II, стр. 223).

стихов» и т. п.). Здесь развитие изнутри, из самой природы русского языка (ср. союз *будто бы*) встретилось с подражанием, с влиянием чужих языков. Потебня делает вывод, что «оттенок сослагательности... в русском литературном языке принялся только в одном случае, именно в *«чтобы... -л»* после отрицательных предложений» (стр. 285—291).

Таким образом, Потебня допускает в русском языке четыре наклонения: изъявительное, повелительное, условно-желательное и сослагательное. Своими теоретическими взглядами Потебня указал новый путь для исследования категории наклонения в современном русском языке.

§ 62. Система изъявительного наклонения с его модальными разновидностями

Грамматическим фоном, на котором понимаются и оцениваются модальные значения форм русского глагола, является так называемое «изъявительное наклонение». Это—нулевая, негативная грамматическая категория. Изъявительное наклонение служит для простого констатирования, утверждения или отрицания действия в настоящем, прошедшем и будущем. В нем сообщение о действии представляется прямым отражением действительности. В формах изъявительного наклонения никак не выражено эмоционально-волевое отношение субъекта к действию. Формы изъявительного наклонения «объективны». Но эта «объективность» бывает окружена разнообразными оттенками субъективного представления, которые присущи формам времени. Кроме того, выражение модальных оттенков действия переносится на модальные слова и частицы, сопутствующие формам изъявительного наклонения (ср., например, отрицательные модальные частицы и наречия: *вовсе не*, *отнюдь не*, *совсем не*, *ни черта не*, *едва ли не*, *чуть не* и т. п.).

Сочетание модальных слов и частиц с разными формами изъявительного наклонения выражают множество модальных оттенков высказывания. Возникает ряд модальных конструкций аналитического типа. В них изъявительное наклонение приближается по оттенкам своих значений к другим наклонениям глагола.

1. Прежде всего необходимо отметить оттенки модальности, находящиеся на границе значений времени и наклонения и образуемые присоединением частицы *бывало* ко всем формам изъявительного наклонения, кроме составной формы будущего времени несовершенного вида и формы прошедшего времени совершенного вида, а также причастия действительного залога прошедшего времени совершенного вида.

С помощью частицы *бывало* экспрессивно воспроизводятся давно минувшие события, много раз повторявшиеся в прошлом. Этот план прошлого времени настолько отодвинут от настоящего, что в его пределах представляется возможным изображать повторявшееся действие не только как протекавшее когда-то, но и как разверты-

вающееся перед мысленным взором говорящего лица. Формы несовершенного вида с их обозначением действия безотносительно к его результату особенно часто используются для этой аналитической конструкции. Но оттенок неопределенной длительности в будущем, присущий описательной форме будущего времени несовершенного вида, вступает в противоречие с представлением о давно минувшем и не раз повторявшемся действии. В плане давно прошедшего будущее время могло быть воспроизведено лишь с точки зрения начала или конца, предела, результата какого-нибудь действия. Для этого могли служить лишь формы будущего времени совершенного вида.

Так образуются три основные формы для выражения давноминувшего действия с оттенком итеративной (т. е. кратной) модальности: для плана настоящего времени — *читаю, бывало; говорю, бывало*; для плана прошедшего — *он говорил, бывало* («Слыхал я истину, бывало» — Пушкин); для плана будущего-начинательного — *бывало, стану говорить* («Бывало, стану я рассматривать его умное, красивое, светлое лицо..., сердце мое задрожит, и все существо мое устремится к нему» — Тургенев, «Первая любовь») и результативного — *бывало, скажу*.

Примеры:

Ждут, бывало, с юга: глядь —
Ан с востока лезет рать.
(Пушкин, «Сказка о волотом петушке».)

Бывало, он еще в постеле:
К нему записочки несут.
(Пушкин, «Евгений Онегин».)

«Бывало, часто говорю ему: «Ну, что, брат, Пушкин?» — «Да, так, брат,—отвечает, бывало,—так как-то все...» (Гоголь, «Ревизор»). «Так, бывало, и закричу в темноте» (Достоевский, «Братья Карамазовы»). «Съездишь, бывало, в год раз в губернский город, поклонишься чем бог послал благодетелям и знать больше ничего не хочешь» (Салтыков-Щедрин, «Губернские очерки»). «Бывало, мать давным-давно храпела, а дочка — на луну еще смотрела» (Пушкин, «Домик в Коломне»).

Любопытны примеры, когда *бывало* сочетается с формой давнопрошедшего времени. Возникает как бы усиленное, двойное выражение многократной повторяемости в прошлом. Например: «Лег на диван и заснул тяжелым сном, как, *бывало, сыпал* в Гороховой улице, в запыленной комнате» (Гончаров, «Обломов»). «... Да сколько раз, *бывало*, в неделю он на мельницу *езжал*» (Пушкин, «Русалка»).

Ср. сочетание *бывало* с причастными формами: «Я вспомнил о старушке, о невесте, бывало, тут сидевших под окном» (Пушкин, «Домик в Коломне»).

2. Присоединение *было* к форме прошедшего времени совершённого вида образует, по Шахматову, форму «недействительного наклонения». Однако по отношению к современному языку, кажется,

правильнее в этой составной форме, выражающей прерванность осуществления действия, видеть особый модальный оттенок изъявительного наклонения, переходный к ирреальному наклонению (ср. цепь выражений: *я согласился было; я чуть было не согласился; я чуть не согласился; я едва не согласился*; ср.: *еще немножко, и я бы согласился*). Например: «Я хотел было остаться дома, но не вытерпел» (Тургенев, «Фауст»)*. «Послы было уехали из Москвы; их воротили» (Карамзин). «Ваню я сперва было и не заметил» (Тургенев, «Бежин луг»).

В сравнительно редких случаях частица *было* сочетается с формой причастия действительного совершенного вида. Ср. у Салтыкова-Щедрина в «Губернских очерках»: «Князь, высунувшийся было из окна...»; «Река, покрывшаяся было льдом, снова разошлась».

Известно, что формы этого причастия изредка сочетаются также с частицей *бы*.

Все это говорит о намечающемся параллелизме между описательными формами с частицей *было* и описательными формами условно-желательного наклонения (ср. *я хотел было* и *я хотел бы*)**.

3. В сочетании с частицей *как* форма будущего времени совершенного вида (как уже было сказано) обозначает внезапное и мгновенное осуществление действия в прошлом (ср. значения «междометных форм глагола»: *шасть, прыг* и т. п., и форм прошедшего времени мгновенно-произвольного действия, типа: *я и прыгни, он и скажи* и т. п.).

4. Модальные слова и частицы могут превратить значение прямого утверждения или отрицания факта, присущее изъявительному наклонению, в значение недостоверности, сомнительности, даже ирреальности действия. Таким образом, значения форм изъявительного наклонения приближаются к сфере значений сослагательного и условно-желательного наклонения (ср. употребление изъявительного наклонения с частицами *будто, будто бы, яко бы*).

5. В сочетании с модально-императивными частицами *дай (дайте)* форма 1-го лица единственного числа и с *давай (давайте)* форма

---

* Примеры сочетания частицы *было* с формами причастия прошедшего времени совершенного типа («нашедший было») имеют то же значение аннулированного результата.

** Ср. замечание К. С. Аксакова: «*Я было пошел, я было сделал:* это совсем не то, что «несовершенное действие»; напротив: действие, о котором говорится, совершено, но должно быть опять или прекращено (например: *я было стал читать..., да печать очень мелка*), или уничтожено (например: *я было заснул, да меня разбудили*), или обращено назад, т. е. тоже уничтожено (например: *я было воротился с прогулки..., да вас увидел в саду и пошел к вам*). *Было...* стоит наравне с *бы:* прибавим, что если *бы* образует наклонение, именно условное, то и *было* так же образует наклонение и тоже, можно сказать, условное, но совершенно с особенным оттенком, которого нет, кажется, в других языках» («Сочинения филологические», ч. I, стр. 539). Любопытно также, что И. Ф. Калайдович рассматривал сочетание прошедшего времени на *-л* с частицей *было* как форму особого прошедшего несовершившегося времени («Грамматика языка русского», ч. I, «Познание слов», М. 1834).

1-го лица множественного числа будущего времени совершенного вида выражает побуждение, приглашение, совет сделать что-нибудь. Например: *давай поможем*, *дай посмотрю*, *давайте сходим*, *дайте устрою* и т. п. Таким образом, частицы модально-императивного типа приближают изъявительное наклонение и к области повелительного наклонения. Понятно, что экспрессивные оттенки побуждения, призыва, увещания могут быть приданы форме настоящего времени и соответствующей интонацией.

§ 63. Система повелительного наклонения с его агглютинативным строем

Категория повелительного наклонения резко отличается от изъявительного наклонения не только своими эмоционально-волевыми значениями, не только формами лица, отсутствием форм времени, но и ярко выраженными в нем чертами агглютинативного строя.

Повелительное наклонение, выражая волю говорящего, побуждающую собеседника стать производителем, субъектом какого-нибудь действия, принадлежит к эмоционально-волевому языку и характеризуется особой интонацией. Эта интонация — сама по себе — может превратить любое слово в выражение приказания. В системе повелительного наклонения эта интонация является органической принадлежностью глагольных форм. Вне этой интонации повелительного наклонения не существует. Эта особенность сближает формы повелительного наклонения с междометиями. Естественно, что те же глагольные формы, но без императивной интонации, могут быть лишь грамматическими «омонимами» повелительного наклонения.

Повелительное наклонение находится на периферии глагольной системы. Оно стремится отпасть от нее, так как его притягивают междометия. Сопоставление основной формы повелительного наклонения с звательною формой существительного, идущее еще от К. С. Аксакова, очень остроумно. Не только интонация, не только синтаксическое значение (ср. особые типы императивных предложений), но и морфологическое строение решительно выделяют повелительное наклонение из общей системы русского глагола. Приемы формообразования связывают повелительное наклонение с основой настоящего времени (ср. также тенденцию звательной формы существительного к совпадению с именной основой *мам*! *дядь*! и т. п.). В большей части основ исходная форма императива, форма 2 лица, совпадает с основой 2-го лица ед. числа настоящего (или будущего) времени (но ср.: *пеки*, *стереги* и т. п.).

Повелительное наклонение связывалось с основой 2-го лица настоящего-будущего времени уже в старых грамматиках[252]. Правила образования императива формулировались так:

1. Если основа настоящего времени (без соединительной морфемы *-е-*, *-ё-*, *-и-*) оканчивается на j (читај-у, читај-еш, стој-у), то она и образует форму 2-го лица повелительного наклонения (*читай*,

стой, *жуй*, *пой*). Лишь в глаголах на-*и́ть* повелительное наклонение оканчивается на *-и́*: *крои́* (от *крои́ть*, но *крой* от *крыть* — *кро́ю*), *напои́*, *клеи́*, *присуди́*, *помести́* и т. п.

2. Если ударяемая основа настоящего времени оканчивается на два согласных (из которых первым не является плавный *р*, а также не на *ст*), то форма повелительного наклонения обычно оканчивается на *-и* (например: *помедли*, *продолжи*, *не езди*, *кончи*, но ср.: *почисть*, *не порть*). В других случаях она совпадает с глагольной основой, если ударение не падает на флексию (*поставь*, *затрать* и т. п.). Лишь при глагольной приставке *вы-* наблюдается колебание. Это колебание состоит в том, что формы, имеющие при отсутствии приставки ударение на окончании, сохраняют конечное *-и* и при переносе ударения на приставку *вы́-* (например: *вы́вези*, ср. *вези́*; *вы́греби*, ср. *греби́*; *вы́потроши*, ср. *потроши́*; но: *вы́сунь*, ср. *сунь*; *вы́кинь*, ср. *кинь*; *вы́ставь*, ср. *ставь* и т. п.). В глаголах на *-ну-*, имеющих перед этим суффиксом согласный звук, форма императива, естественно, оканчивается на *-и*: *тресни*, *стукни*, *сохни* и т. п.

3. Если основа настоящего времени оканчивается на согласный и если ударение в настоящем времени не бывает на окончании, то повелительное наклонение совпадает с чистой основой; если же в каких-нибудь формах настоящего времени ударение переносится на окончание и в инфинитиве оно стоит на последнем слоге, то повелительное наклонение оканчивается на *-и́* (например: *пишу́* — *писа́ть* — *пиши́*; *судить* — *сужу́* — *суди́*; *гоню* — *гони́* и т. д.).

4. Глаголы *пить*, *лить*, *вить*, *бить*, *шить* имеют повелительное наклонение: *пей*, *лей*, *вей*, *бей*, *шей*.

5. Глаголы, теряющие слог *-ва* в основе настоящего времени (сравнительно с основой инфинитива), в повелительном наклонении сохраняют это *-ва́*, например: *даю* — *давать* — *дава́й*, *сознавайся*, *переставай* и т. п.

6. Глаголы с основой 1-го лица настоящего времени на *-к*, *-г* имеют в повелительном наклонении *-ки*, *-ги*: *теки*, *пеки*, *беги*, *выволоки* и т. п. (но ср. *ляг* от *лечь* — *лягу* по аналогии с *сядь*). Ср. изолированные формы императива: *ешь* от *есть* — *ем*; *поезжай* к *ехать*; ср. *дай* от *дать* — *дам*.

Основная форма повелительного наклонения, выражая обращение к «собеседнику», естественно, должна связываться со значением 2-го лица. Это значение ей, действительно, присуще, хотя и в очень осложненном и несколько завуалированном виде. «Форма единственного числа повелительного наклонения (*иди*, *стань*, *делай*), — писал А. М. Пешковский, — отличается такой универсальностью в отношении лица и числа, что с трудом можно здесь говорить, как это говорится обычно, о формах 2-го лица единственного числа»[253]. Задолго до Пешковского Н. П. Некрасов в работе «О значении форм русского глагола» (1865) называл эту форму «общей личной формой глагола в русском языке»[254]. Формою на *-и* (или на *-j*, *-ъ*),— замечал Некрасов,— «не обозначается никакого

определенного лица и, следовательно, никакого определенного числа... Ею обозначается возможность определяться лицом»[255]. При ее посредстве «глагол и без особенной формы относится ко всякому лицу или предмету как лицу второму, будь это одно или даже несколько лиц».

А еще раньше Н. П. Некрасова тот же взгляд на эту форму императива развивался Г. П. Павским и М. Катковым: «Справедливо замечает Павский, что здесь *-и* никак не служит к выражению 2-го лица. *Прочти, сделай* относится равно ко всем лицам (ибо *и* — знак наклонения, а не лица), и если мы, в своих грамматиках, приписываем сию форму исключительно 2-му лицу, то в этом, конечно, наша же вина, а не вина языка», — писал М. Н. Катков*.

Значение 2-го лица в форме повелительного наклонения определяется лишь интонацией и отсутствием указаний на иное действующее лицо. Между тем, эта форма может сочетаться и с существительными в качестве субъектов действия, получая значение 3-го лица, и может употребляться в неопределенно-личном значении. Известно, что до 20—30-х годов XIX в. в русском литературном языке способность этой формы относиться к 3-му лицу была гораздо активнее и шире. В современном языке употребление этой формы в значении 3-го лица живо, хотя и непродуктивно.

Ср.:

Спи, кто может, я спать не могу.

(Некрасов.)

Ах! тот скажи любви конец,
Кто на три года вдаль уедет.

(Грибоедов, «Горе от ума».)

«Пропадай моя телега, все четыре колеса!» «Не приведи бог служить по ученой части» (Гоголь, «Ревизор»). «Провались унтер-офицерша— мне не до нее» (Гоголь, «Ревизор»). «Что ты говоришь! Отсохни твой язык!» — сердилась бабушка» (Горький). «Какого туману напустил! Разбери, кто хочет!» (Гоголь, «Ревизор»). «Если он хотел мне высказать, то и говори прямо, а не пророчь сумбур туманный» (Достоевский, «Подросток»). «И никто, никто не смей приходить судить меня ко мне в дом и считать меня за младенца» (там же). Ср.: «Да и лучше поди ночью на Николаевскую дорогу, положи голову на рельсы, вот и оттяпали бы ее ему, коли тяжело стало носить» (там же). Ср.: «Ну, я допускаю, руби леса из нужды, но зачем истреблять их?» (Чехов, «Дядя Ваня»). Ср.: «Да, спрашивай ты толку у зверей» (Крылов). Ср.: «Провались они все» (Боборыкин, «Василий Теркин»).

---

* М. Н. Катков, Об элементах и формах славяно-русского языка, стр. 221. Г. Павский писал: «Такие формы, как: *исполни, дай, сядь* — равно и безразлично относятся к каждому из трех лиц, и если мы в своих грамматиках приписываем эти формы 2-му лицу, то в этом, конечно, наша же вина, а не вина языка» («Филологические наблюдения», Рассужденье III, «О глаголе», стр. 169).

Однако легко заметить, что в форме повелительного наклонения при употреблении ее не со значением 2-го лица преобладают модальные оттенки пожелания, заклинания, допущения, долженствования*. Таким образом, здесь происходит как бы перенос формы повелительного наклонения в сферу значений наклонения желательного. С исторической точки зрения, может быть, было бы правильнее видеть в таком употреблении формы повелительного наклонения следы и пережитки ее древних значений**, связанные с происхождением ее из оптатива (желательного наклонения).

Ср. употребление формы повелительного наклонения (со следующим за нею обозначением лица) в значении условного наклонения: «И будь не я, коптел бы ты в Твери» («Горе от ума»). «Ну, захоти я, например, да у меня просто ноги не поднимутся. Ну, сделай я антраша, — не сделаю ни за что» (Гоголь). «Умри кто-нибудь из маленьких, мы не стали бы тебя беспокоить» (Чехов, «Оратор») и т. п.

В русском языке, замечал А. А. Потебня, употребительно также «повелительное единственного числа в пожеланиях, обращенных к самому себе, исполнение коих поставлено в зависимость от условия: *будь я проклят, если...*; *провались я, если...*»[256].

Применение же основной формы повелительного наклонения ко 2-му лицу множественного числа («Прощай, хозяйские горшки» — Крылов, «Обоз») сопровождается резким изменением, фамильярным огрублением экспрессии. 2-е лицо множественного числа здесь понимается как недифференцированная масса, как собирательное множество, поставленное к говорящему лицу в отношение, если не подчинения, то, во всяком случае, повиновения.

Например: «Я затяну, а вы не отставай» (Крылов). «Нечего делать, ломай дверь, ребята» (Н. Чернышевский, «Что делать?»). «Берись по двое. Рычаг давай сюда!» (Л. Толстой, «Война и мир»). «Пожарные, лей!» (Чехов, «Брожение умов»).

Итак, при сохранении императивной интонации и при отсутствии дополнительных указаний на другие лица значение 2-го лица единственного числа в современном языке неотделимо от основной формы повелительного наклонения. Это — коренное и главное значение повелительной формы. Только устранение повелительной интонации делает из этой формы форму иных личных значений и иного наклонения (ср. *Ты веселишься, а я — сиди дома да пиши*).

А. А. Потебня держался того же мнения. Он возражал Н. П. Некрасову: «Отвлекаясь от того, что под одними и теми же звуками

---

* Ср. у Пушкина в «Полтаве»:

Ах, вижу я: кому судьбою
Волненья жизни суждены,
Тот стой один перед грозою,
Не призывай к себе жены.

** Ср. указания на более широкое употребление формы императива единственного числа в значении 3-го лица в древнерусском языке (Акад. Л. А. Булаховский, Исторический комментарий к литературному русскому языку, изд. 2-е, стр. 231).

скрываются две формы повелительного 2-го и 3-го лица единственного числа, и принимая это за одну форму, можем сказать, что эта форма не есть ни общая для всех лиц повелительного наклонения, ни тем менее общая личная форма глагола без наклонения. Для 1-го лица единственного и множественного числа она служит только в ограниченном значении пожелания, а не прямого повеления, непременно с местоимением 1-го лица, следующим за нею. Для 2-го и 3-го лица множественного форма эта употребительна в русском и литературном, но так, что каждый раз заметно основное значение единственного числа»[257].

Большая часть других, производных форм повелительного наклонения отличается от форм изъявительного наклонения своим агглютинативным строем, а некоторые формы императива образуются по методу анализа.

Прием агглютинации, приклеивания морфем, передается даже таким междометным образованием императивного типа: *на-ка*, *на-те*, *нуте-ка*, *полно-те* и т. п.

В строе повелительного наклонения эти агглютинируемые морфемы образуют систему своеобразных грамматических соотношений и противопоставлений. Прежде всего, ими определяются различия форм числа. Аффикс *-те*, приклеиваясь к основной форме повелительного наклонения *(ешь, ешь-те)*, придает ей значение 2-го лица множественного числа. Форма на *-те* обозначает направленность приказания или убеждения к нескольким лицам или к одному, но с экспрессивным оттенком вежливого, уважительного изъявления воли. Аффикс *-те* приклеивается и к другой форме повелительного наклонения, совпадающей с формой 1-го лица множественного числа будущего времени, но резко отличающейся от нее повелительной интонацией и своеобразным значением лица. Формы *пойдем*, *посмотрим* и т. п. обозначают исходящий от говорящего лица призыв к соучастию в действии, побуждение к совместному действию. Это — формы синкретического «двойственного», т. е. совокупного 1-го и 2-го лица единственного числа (ср. *мы с тобой*), формы совместного действия. Говорящее лицо не только изъявляет свою волю собеседнику, но и само «включается» в действие. Некоторые западноевропейские лингвисты, а за ними и русские грамматисты, склонны были рассматривать эту форму как форму 1-го лица единственного числа.

Но гораздо обоснованнее старая точка зрения Буслаева, который указывал на то, что при соучастии в действии разных лиц, например, 1-го и 2-го лица, 2-го и 3-го лица, «глагол полагается во множественном числе и в преимуществующем лице», и так характеризовал эти формы повелительного наклонения: «Совокупное действие 1-го лица со 2-м единственного числа означается повелительными формами: *пойдем*, *скажем* и пр.; и со 2-м лицом множественного числа — формами: *пойдем-те*, *скажем-те*. Первые соответствуют двойственному числу, а вторые — множественному. Поэтому, из вежливости двойственное изменяется на множествен-

ное, например, вместо *пойдем* (т. е. я и ты) говорится *пойдем-те* (т. е. я и вы)»*.

Итак, агглютинация окончания *-те* придает значение множественного числа и совместной форме: *пойдем*, *скажем* и т. п. Уже А. М. Пешковский подчеркивал, что *-те* — «это не обычный для русского языка аффикс, а скорее надставка агглютинативного типа. ..., поэтому грамматическая функция его максимально явственна в русской грамматической системе»[258].

Элементы агглютинативного строя обнаруживаются и в других особенностях повелительного наклонения. Так, частица *-ка*, приклеиваясь к формам повелительного наклонения, придает волеизъявлению смягченный характер, интимную или фамильярную окраску: *пойдем-ка; «скажи-ка, дядя»; пойдем-те-ка* и т. п. Ср. у Пушкина:

... моя хозяйка
Была пригожа и добра,
А муж-то помер, *замечай-ка.*

(Приклеиваясь же к форме будущего совершенного 1-го лица, произносимой с особой экспрессивной интонацией, частица *-ка* придает ей значение решимости, твердого желания что-нибудь сделать: *Пойду-ка я домой*)[259].

В строе повелительного наклонения рельефнее выступают, как бы подчеркиваются своеобразия агглютинации возвратного аффикса *-ся (-сь)* (ср. *двинем-те-сь-ка поскорее*). Агглютинация здесь выделена фонетически (ср. произношение повелительного наклонения: *забут'-с'а* или *забут'-са* при инфинитиве *забыт'ца* или императива: *п'ат'-с'а* при 3-м лице множественного настоящего времени *толпят'ца;* ср. сохранение смягченного согласного основы — даже при твердом произношении *с* в *-са (-ся)* в формах повелительного наклонения: *красься*, *оденься*, *жарься*, *не упрямься*, *приспособься* и т. п. (ср. также сохранение смягченной губной фонемы в основах форм на *-те*: *сыпьте*, *готовьте*).

Итак, повелительное наклонение выделяется из системы других наклонений яркими чертами агглютинативного строя. Принцип агглютинации дает себя знать и в кругу установившихся аналитических форм повелительного наклонения, тоже связанных с интонацией побуждения и призыва ко 2-му лицу. Дело в том, что побуждение к действию, адресованное к 3-му лицу, резко отличается по интонации, по экспрессивным оттенкам и по способу выражения от императивных форм в собственном смысле. Побуждение к действию, адресованное 3-му лицу, к объекту речи, всегда содержит в себе экспрессивные оттенки допущения, разрешения, запрета или даже пожелания, выражаемые с помощью модальных частиц.

---

* «Опыт исторической грамматики», ч. II, стр. 186. Ср. у К. С. Аксакова в «Критическом разборе» буслаевской грамматики: «В этой форме *идемте* есть элемент 2-го лица; но в форме 1-го лица *идем* есть тоже элемент 2-го лица... *Пойдемте* значит: *пойдем вы*» (К. С. Аксаков, Полное собрание сочинений, т. II, стр. 571).

Формы этого типа — аналитические, составные (*пусть читает; пусть читают;* «пускай меня ославят старовером»; «да здравствует разум, да скроется тьма!»). Понятно, что в этом кругу модальных форм принцип агглютинации не может проявиться в полной мере (ср. *пусть его читает!*). Напротив, для выражения побуждения собеседника к соучастию в действии образуются такие составные формы, в которых легко сочетаются методы аналитического и агглютинативного формообразования. Именно: императивное значение побуждения или приглашения к совместному действию в разговорной речи нередко выражается экспрессивно-модальной частицей *давай* (форма множественного числа — *давайте*): *давай решать* (нейтрально-литературный синоним: *будем решать*), *давайте решать (будемте решать)*; в системе совершенного вида: *давай решим* (более нейтральный и более рассудочный синоним: *решим*), *давайте решим* (*решимте*).

Кроме особенностей морфологического строя, повелительное наклонение отличается экспрессивностью, аффективностью своих грамматических значений. В категории повелительного наклонения экспрессивные смысловые оттенки господствуют над отвлеченными, интеллектуальными значениями форм. Даже личные местоимения, присоединяясь к формам повелительного наклонения, выражают различия в их экспрессивных оттенках. Именно: примыкая спереди к форме повелительного наклонения, они усиливают категоричность приказания, совета, побуждения; присоединяясь сзади (если нет оттенка заклинания, брани, или пожелания), смягчают тон приказания. Ср., например: «Ты у меня пикни только» (Островский, «Бедность не порок»). «А вы лучше признайтесь чистосердечно» (Сологуб, «Мелкий бес»). «Не сокрушай ты меня, старуху» (Тургенев, «Дворянское гнездо»). «О, я прошу тебя: не мучь ты меня попрежнему пустыми сомнениями и притворной холодностью» (Лермонтов, «Герой нашего времени»). Ср. в «Грозе» Островского: «К городничему мужички пришли жаловаться, что он ни одного из них путем не разочтет. Городничий и стал ему говорить: «Послушай, говорит, Савел Прокофьич, рассчитывай ты мужиков хорошенько. Каждый день ко мне с жалобой ходят». Или у Достоевского: «Убирайся ты от меня!» — взвизгнула она, быстро отвернувшись и махнув на меня рукой» («Подросток»). Ср.: «Хоть провалитесь вы все сквозь землю» («Подросток»). «Матушка, Марья Васильевна, заступитесь, пощадите хоть вы» (Тургенев, «Однодворец Овсяников»).

Впрочем, местоимения *ты* и *вы* (особенно *ты*) чаще всего ставятся при формах повелительного наклонения в тех случаях, когда от глагола зависит прямой или косвенный объект, выраженный формами местоимения 1-го или 3-го лица. Например: *ты скажи ему, ты удержи его* от этого решения и т. п.

Кроме того, необходимо заметить, что при соотносительности императивного предложения с другим употребление местоимений *ты* и *вы* в сочетании с формами повелительного наклонения может

выражать и другие значения: оно нередко вызывается чисто синтаксическими условиями (логическим расчленением, параллелизмом конструкций и т. п.). Например: «Ну вот, коль ты — умен, так ты его прежде учтивости поучи» (Островский). У Тургенева в «Рудине»: «Я к тебе еще приду, а ты не унывай и лекарство принимай аккуратно».

Даже видовые различия повелительного наклонения служат средством выражения экспрессивных оттенков. Императив несовершенного вида более конкретен. В нем волевой акт прямее и непосредственнее направлен на самый процесс. «— Нет, уж я теперь каждый кустик огляжу». — «Оглядывайте» (Островский, «Воспитанница»). Поэтому обычно повелительное наклонение несовершенного вида выражает волеизъявление в более прямой, фамильярной форме, чем императив совершенного вида[260]. Г. К. Ульянов заметил: «Формы от длительных основ (т. е. формы несов. вида. — *В. В.*) выражают или немедленность исполнения требования, или решительность требования»[261]. Просьба же или приказание, выраженные формой повелительного наклонения совершенного вида, большей частью представляются менее произвольными и вследствие этого более мягкими. Экспрессивная окраска императива несовершенного вида видна в таких примерах: «Ну, бери меня с собой, бери!» (Островский, «Гроза»). «Эй ты, эфиопская рожа! — закричал он: — Сейчас слезай, если не хочешь, чтобы тебя стащили в грязь» (Тургенев, «Конец Чертопханова»). «И я бы, признаюсь, больше бы ничего не требовал, как только оказывай мне преданность и уважение, уважение и преданность» (Гоголь, «Ревизор»). «Одевайся, пойдем ко мне» (Гончаров, «Обломов»). Ср. значения форм: *говори* и *скажи* («Да говори же, наконец, — тебя я спрашиваю» — Тургенев, «Нахлебник»; ср.: *скажи, пожалуйста*); *решай задачу* и *реши задачу*; *подметай комнату* и *подмети комнату*; ср.: «Так пойди же, попляши» (Крылов). «А то вскочит и закричит: «Пляши, народ божий, на свою потеху и мое утешение. Ну, ты и пляши, хоть умирай, а пляши» (Тургенев, «Однодворец Овсяников»).

Однако экспрессивные оттенки видовых значений в формах повелительного наклонения могут резко измениться, почти до полной противоположности. Так как в форме совершенного вида приказание направлено на результат, то при соответствующей ситуации и при соответствующем взаимоотношении лиц эта форма повелительного наклонения иногда звучит более категорично и безапелляционно как призыв к безусловному и безоговорочному исполнению.

Напротив, так как форма повелительного наклонения несовершенного вида заключает в себе приказание или убеждение сделать что-нибудь безотносительно к достижению цели, независимо от осуществления результата, то при соответствующей экспрессии она может звучать более вежливо и мягко. Например: *кланяйтесь* (ср. *поклонитесь*); *приходите к нам в гости* (ср. *придите*

в среду); *садись* (ср. *сядь*) и т. п.*. Ср. новое вульгарно-разговорное: *передавай (-те) привет* вместо *передай (-те) привет*.

Экспрессивные оттенки, связанные с различием видовых форм, отражаются и в значениях модальных частиц *пусть* и *пускай*. *Пусть* выражает волю более решительную, крепко и повелительно. *Пускай* означает скорее допущение, позволение[262]. Ср. у Островского в пьесе «Зачем пойдешь, то и найдешь»: «А он, пожалуй, подумает, что ты в него влюблена». — «Пускай его думает, убытку-то мне немного». Ср. у Тургенева в «Дворянском гнезде»: «Пусть же вытрезвит меня здесь скука, пусть успокоит меня, подготовит к тому, чтобы я умел не спеша делать дело».

Императивные слова, приобретающие полувспомогательное значение, вроде *смотри*, также имеют различный смысл в сочетании с формами совершенного и несовершенного вида. При форме повелительного наклонения несовершенного вида *смотри* обозначает усиление приказания, требование сосредоточить внимание на исполнении действия: *Да смотри, учись лучше.* При форме повелительного наклонения совершенного вида *смотри* выражает только усиленное предостережение: *Смотри, не проговорись.*

Отрицание вносит новые экспрессивные оттенки в систему повелительного наклонения. Собственно запрет может быть выражен лишь формой несовершенного вида с отрицанием *не*. Например: *Не ходи туда!* «Не пой, красавица, при мне ты песен Грузии печальной» (Пушкин).

Отрицание *не* при форме совершенного вида, придает повелительному наклонению оттенок предостережения (ср.: *не падай* и *не упади; не простужайся* и *не простудись; не садись, тут мокро* и *не сядь на мокрое* и т. п.). Иногда, как уже сказано, присоединяются в этом случае императивные «частицы»: *смотри, смотрите*: «Вот здесь поставь, да не разбей смотри» (Тургенев, «Нахлебник»). Однако и здесь экспрессия тона может вызвать резкие изменения в смысле. Оттенка предостережения нет в таком предложении у Крылова: «Степанушка, родной, не выдай, милый!»

§ 64. Употребление форм повелительного наклонения с другими модальными значениями

В русском языке основная форма повелительного наклонения, свободная от императивной интонации, выходит далеко за пределы императивных синтаксических конструкций. Сочетаясь с личными местоимениями и существительными в именительном падеже, в некоторых синтаксических условиях она выражает разнообразные модальные значения, близкие к кругу значений условно-желательного наклонения.

---

* Часто, как отмечает проф. А. Mazon, эта экспрессия императива несовершенного вида грамматистами обобщается, и императив несовершенного вида рассматривается только как форма вежливого приказания. Ср. E. Berneker, Russische Grammatik (Sammlung—Göschen).

По мнению И. Ф. Анненского, «наблюдение над фактами народной речи могло бы установить некоторые ступени между повелительным в главном и повелительным в придаточном. Оттенок условности можно заметить тоже в таком былинном сочетании предложений, как:

«Ай же Солнышко да Владимир князь, да стольно-Киевской!
А спусти меня да во чисто поле.
А съезжу сыщу я как старого казака да Илью Муромца»[263].

Большинство грамматистов уже давно находило в многообразии значений и употребления повелительного наклонения пережиток его старинной связи с желательным наклонением. Известно ведь, что формы славянского повелительного наклонения восходят к древнему желательному наклонению, способному выражать не только желание, но и приказание и даже условие[264].

М. Н. Катков писал: «Этим мнимым повелительным наклонением можем выражать мы то, на что римлянин употреблял свой modum conjunctivum: не только наше *читай* однозначительно латинскому legas, но и выражение si legissem, -s, -t, fecissem, -s, -t можем мы удобно передать одним словом: *прочти, сделай — я, ты, он, мы, они*. Следующее Цицероново предложение: «Si Neptunus quod Theseo promisserat, non fecisset, Theseus filio Hippolyto non esset orbatus», можно с точностью передать по-русски: «Не исполни Нептун своего обещания Тезею, не лишился бы Тезей сына Ипполита»[265].

Но А. А. Потебня указывал на возможность выведения всех переносных значений императивных форм из значения повелительности: «Другие модальные значения рассматриваемых форм представляются (или изображаются) их повелительным значением». Так, «сходство между наклонением условным и повелительным состоит в том, что оба они, в противоположность изъявительному, выражают не действительное событие, а идеальное, т. е. представляемое существующим только в мысли говорящего» [266].

Таким образом, форма повелительного наклонения служит средством выражения подчинительной связи преимущественно в условных и уступительных конструкциях, придавая особый модальный оттенок высказыванию. Например: «Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь» (Гоголь, «Ревизор»). «Подай я вам милостыню, — сказала она вдруг твердо: — и вы отомстите мне за нее потом еще пуще» (Достоевский, «Подросток»). «Дурака хоть наверху поставь, хоть внизу — все равно» (Чехов, «Господа обыватели»). «Не будь, с одной стороны, катаний на лодках, не будь портних с талиями и т. п., а будь моя жена одета в нескладный капот и сиди она дома, а будь я, с другой стороны, в нормальных условиях, человек, поглощающий пищи столько, сколько нужно для работы, и будь у меня спасительный клапан открыт, а то он случайно прикрывался как-то на это время, — я бы не влюбился» (Л. Толстой, «Крейцерова соната»). «Ну, ударь теперь мороз — озими все пропадут». «Только хрустни в лесу ветка, зашурши

листья, так весь и затрясешься от страха» (Л. Толстой, «Отчего зло на свете»). «А попроси у нее взаймы, она станет плакать» (Чехов, «Чайка»). К этой сфере употребления императивной формы в условно-уступительном значении примыкает также тип уступительно- или условно-противительных высказываний. Например:

«Про жизнь пустынную как сладко ни пиши,
А в одиночестве способен жить не всякий».

(Крылов.)

Следует отметить возможность безличного употребления той же формы глагола и в той же функции: «Случись тут волку быть, и овца пропала бы». Это симптом того, что в этих конструкциях складывается особое наклонение, которое, подобно сослагательному, принимает на себя функцию выражения зависимых синтаксических отношений между «предложениями».

Однако основная форма повелительного наклонения употребляется не только в зависимых синтаксических сочетаниях. Форма повелительного наклонения от основ несовершенного вида (а при некоторых синтаксических условиях и от основ совершенного вида) может быть предикатом любого личного или неопределенно-личного предложения с особым оттенком модальности. Она обозначает действие, навязанное субъекту против его воли, предписанное ему как его обязанность. С этой формой связан оттенок негодования и протеста. Значение времени этой форме глагола чуждо. Оно вытекает из времени соотносительного предложения, из синтаксического контекста.

Например: «Путают, путают, а я распутывай, — сердито сказал он, думая о кознях, которые строят ему враги» (Ф. Сологуб, «Мелкий бес»). «Она жадная, ей все давай» (там же). «Девица платок уронила — ты поднимай, она входит — ты вставай и давай ей свой стул, уходит — ты провожай» (Чехов, «Женское счастье»). «Посуда, окна, домашние не попадайся: поколотит» (Писемский, «Тысяча душ»). «Вот вы грешите, а начальство за вас отвечай» (Слепцов). «У нас никто и пикнуть не смей о жалованье, изругает на чём свет стоит» (Островский, «Гроза»). «Ты не поверишь, как я измучился с ним. Спорит, грубиянит, а дела не спрашивай» (Гончаров).

Ср. у Салтыкова-Щедрина в «Господах Головлевых» (в речи Арины Петровны о предстоящем освобождении крестьян): «Теперь у меня и капустки и картофельцу и хлебца — всего довольно, ну, и питаемся понемногу: картофельцу нет — велишь капустки сварить; капустки нет — огурчиками извернешься! А ведь тогда я сама за всем на базар побеги, да за все денежки заплати, да купи, да подай, — где на этакую ораву напасешься?»

Быть может, в этом употреблении императивной формы следует видеть переходные, гибридные случаи, примыкающие к системе повелительного наклонения. Но зато уже нет никакой возможности для живого языкового сознания связывать с современным повели-

тельным наклонением омонимическую форму прошедшего времени совершенного вида, выражающую мгновенно-произвольное действие *(он и скажи)*.

§ 65. Эмбрион особого, волюнтативного наклонения

В форме прошедшего времени совершенного вида, омонимической с формой повелительного наклонения, намечается новый тип глагольного наклонения, которое можно назвать наклонением волюнтативным (или волевым). Это наклонение близко к изъявительному, но отличается от него яркой модальной окраской. Выражаемая волюнтативным наклонением связь действия с его производителем носит резкую печать субъективной оценки этой связи со стороны говорящего лица. Эта связь изображается как немотивированная, внезапная, произвольная. Яркая модальная окраска этой формы прошедшего времени мгновенно-произвольного действия резко отделяет ее от системы изъявительного наклонения (впрочем, ср. форму будущего совершенного с *как*: «А Ефрем вошел в лес, да вырезал себе дерево, эдак перста в два, *да как выскочит* опять на дорогу...» — Тургенев, «Поездка в Полесье»). Но еще дальше по своим значениям эта форма отстоит от повелительного наклонения.

Резкая грань между повелительным наклонением и волюнтативным обнаруживается и в том, что форма 2-го лица волюнтативного наклонения в повествовательном стиле не употребляется (2-е лицо возможно лишь в вопросительном предложении: *А ты пойди и скажи?*)[267]. Ограничение употребления формы 2-го лица волюнтативного наклонения диктуется не только необходимостью формального размежевания с повелительным наклонением, но оно вытекает и из модальных значений самой категории волюнтатива. Оттенок произвольности, полной независимости от чужой воли, свойственный этому наклонению, не сочетается с значением формы 2-го лица*.

Форма волюнтатива, как сказано, обозначает действие прошедшее, стремительное, мгновенное, представляющееся внезапным, немотивированным актом воли действующего лица.

Например: «Вдруг приглянись мне девушка, ах, да какая же девушка была, красавица, умница, а уж какая добрая!» (Тургенев, «Петр Петрович Каратаев»). «Да вдруг нелегкая ее дерни сходить в баню» (Тургенев, «Холостяк»). «И соберись они ночным делом, картежники-то» (Л. Толстой). «Только вдруг она как поклонись, да навзничь, да и переломи себе ногу» (Тургенев).

Как указано А. А. Шахматовым и Стендер-Петерсеном, к области волюнтатива примыкает употребление так называемых «междометных форм глагола», а также аналитических конструкций с формальным глаголом *взять* (*взять и, взять да;* см. ниже).

---

* Проф. А. Mazon констатировал в этой форме лишь оттенок неожиданности и непредвиденности. Но этого мало («Emplois des aspects», стр. 95).

Повидимому, близки к волюнтативу повествовательные обороты, состоящие из модальной частицы *давай* с инфинитивом несовершенного вида. Сочетанием инфинитива с *давай* выражается быстрый, немотивированный приступ к действию. «Сели вместе за стол и давай пить» (Афанасьев, «Народные сказки»).

§ 66. Условно-желательное и сослагательное наклонение

В отличие от волюнтативного наклонения и подобно повелительному наклонению, категория четвертого — «предположительного», «гипотетического», или (чтобы не отступать от традиционной терминологии) у с л о в н о г о наклонения связана лишь с формами вида, но не имеет форм времени. Тут аналитические приемы глагольного формообразования выступают с полной очевидностью (*я потерял бы, ты услышал бы, он пришел бы в восторг* и т. п.)*, но тут нет полной агглютинации. Частица-морфема *бы* может отделяться от форм на *-л*. Она стремится следовать непосредственно за первым словом фразы, вступая в агглютинативные связи с союзами (ср. *если бы, чтобы, дабы, кабы, лишь бы* и др.). В связи с этим развивается многообразие синтаксических форм и функций гипотетического наклонения (ср. разговорную фразу: *Сын-то мой и хорошо бы учится, да только часто хворает).* Морфема-частица *бы* как формальный знак ирреальности и гипотетичности сочетается и с наличными формами глагола, даже (очень редко) с причастиями и деепричастиями (ср., например, у Гоголя в «Мертвых душах»: «Спит ум, может быть обретший *бы* внезапный родник великих средств»)[268]. Она вступает в связь и с формами из категории состояния (ср. *хорошо бы...*) Больше того: частица *бы* и независимо от связи с глаголом и категорией состояния может выражать модальность высказывания. Например:

Когда б не смутное влеченье
Чего-то жаждущей души,
Я здесь остался б, — наслажденье
Вкушать в неведомой тиши.

(П у ш к и н.)

О сочетаниях *бы* с инфинитивом, конечно, и напоминать не приходится. Инфинитив свободно принимает на себя функции всех четырех наклонений, однако, с резкими различиями в отношениях к действующему лицу. Ср., например, употребление «гипотетического» инфинитива: «Тебе бы все душить да резать» (Пушкин, «Капитанская дочка»); *не попасть бы вам впросак*; *как бы еще не промахнуться!*; *если бы закрыть окно, было бы душно* и т. п. Ср.: «Если бы снять с груди и плеч моих тяжелый камень, если бы я могла забыть мое прошлое» (Чехов, «Вишневый сад»).

* И. И. Д а в ы д о в в «Опыте общесравнительной грамматики» (1852) сопоставлял русское «сослагательное наклонение» как аналитическую форму с английским: «В английском языке также сослагательное наклонение выражается прибавкой к глаголу слов I may, I schall».

А. А. Потебня и затем А. А. Шахматов очень убедительно показали, что в одной и той же аналитической форме, составленной из глагольной формы на *-л* и частицы *бы*, объединены, в сущности, значения трех разных наклонений: 1) условного, 2) желательного и 3) (сравнительно в немногих конструкциях) сослагательного. Подробный анализ форм и функций всех этих наклонений — дело синтаксиса[269].

Вот примеры условного и желательного наклонения: «Будь я характером посолиднее, моя Даша давно бы уже была замужем» (Чехов, «В бане»). «Добро бы я был еще его другом: коварная нескромность истинного друга понятна каждому...» (Лермонтов). «Да, пожалуй, я поел бы и утки» (Чехов, «Сирена»). «Тогда, быть может, я ничего не увидел бы, и волосы мои не стали бы дыбом» (Чехов, «Страшная ночь»). «Хоть бы травка, хоть бы листок на дереве шелохнулся» (Писемский, «Тысяча душ»). «Нет, я бы на это не решился» (Крылов, «Орел и паук»). «Провалился бы ты с своим почтением» (Гоголь, «Женитьба»). «Скажите, господа, сделайте милость, чтобы Петр Иванович не мешал» (Гоголь). «Вы говорите, что это безобразно! Хорошо! Тогда чтоб и мужчина не имел этих прав» (Л. Толстой, «Крейцерова соната»).

В качестве сослагательного наклонения формы, вроде: *я писал бы, я написал бы* — выступают редко. Эти формы «приняли на себя функции недостающего в славянских языках сослагательного наклонения во всех тех случаях, где язык ощущает потребность в выражении последнего, например: *не думаю, чтобы он был здесь* — je ne crois pas, qu'il soit ici. Потому в русской грамматике сослагательное наклонение следует считать только синтаксическим термином, удобным для немногословного различения особой функции формы irrealis», — писал Л. П. Размусен[270].

Например: «Никто не мог сказать, чтобы когда-нибудь видел его на каком-нибудь вечере» (Гоголь).

В этой связи необходимо вспомнить уже цитированные выше (§ 61) замечания Потебни о границах употребления сослагательного наклонения в русском языке.

§ 67. Модальные формы глагола, не входящие в систему основных наклонений

Многие модальные оттенки высказываний, находящие себе аналитическое выражение в глагольных конструкциях, выходят за пределы основных наклонений глагола. Таков очень характерный, близкий к волюнтативному наклонению модальный оттенок произвольного действия, действия, всецело обусловленного личной прихотью субъекта, его произволом. Этот оттенок вносится посредством препозитивного употребления вспомогательного глагола *взять* (обычно с последующими союзами *и*, *да*, *да и*), согласуемого в формах лица, числа и времени с основным глаголом.

Например: «Положил я его на стол, чтобы ему операцию делать,

а *он возьми и умри* у меня под хлороформом» (Чехов, «Дядя Ваня»). «А что, как я, в самом деле, *возьму да женюсь* на ней?» (Чернышевский, «Что делать?»). «*Взяла да и выдумала*, и не то чтоб из легкомыслия, для одной похвальбы...» (Достоевский, «Преступление и наказание»). Ср. у Тургенева в «Трех встречах»: « — Да отчего это он удавился?.. Да как это он сделал? — Да так. *Взял да удавился*». У Л. Толстого в рассказе Федьки о Туле: «Тотчас я проснулся и вижу: усе спят, я *взял и заснул*»[271].

Но сравните свободную связь элементов и отсутствие у них согласования в формах времени в употреблении этой конструкции у Вельтмана: «Ты думаешь, что *я взяла, да так тебя и отдам* графу?.. да мне будь он хоть разграф...» (Вельтман, «Приключения, почерпнутые из моря житейского»).

Новые оттенки модальности предложения все чаще выражаются аналитически — сочетанием слов. Формы наклонения глагола притягивают к себе группы «модальных» слов и частиц, которые обращаются в побочных грамматических выразителей модальности предложений. Изучение всего многообразия этих лексико-грамматических выражений модальности — основная задача синтаксиса предложения. Но, кроме того, расширяются и морфологические возможности переносного употребления самих глагольных наклонений. На помощь разным формам глагольных наклонений привлекается инфинитив.

§ 68. Модальные значения инфинитива

Так как инфинитив потенциально содержит в себе отношение к лицу, то возможны модальные употребления его в функции всех основных наклонений глагола.

Как известно, инфинитив чаще всего сочетается с глаголами, лексические значения которых однородны или с видовыми или модальными значениями (ср., например: *я не мог понять; он намерен уехать в отпуск; ты хотел зайти; мы пытались его остановить* и т. п.). Инфинитив в сочетании с глаголами модальной окраски выражает прежде всего многообразие и богатство модальных значений, выражаемых обычно формами косвенных наклонений[272]. Конечно, случаи объектного употребления инфинитива при этом остаются в стороне. Например, у Л. Толстого: «Старуха встала и собрала себе *ужинать*» («Поликушка»); «Войска, варящие себе *есть* два раза в день...» («Война и мир»); у Горького: «Нет, вот что — купи мне *есть*».

Но, кроме того, инфинитив приобретает все более широкие права экспрессивного, переносного замещения личных форм глагола. Так, намечающийся отход форм повелительного наклонения в сферу междометия возмещается развитием императивных оттенков у инфинитива. Инфинитив не только обозначает безапелляционный приказ, категорическое постановление, распоряжение: «Уволить!» «Срочно исполнить!» «У меня на пол не плевать» (Слепцов, «Сце-

ны в больнице»). «Отнести ее вон, — проговорила изменившимся голосом старуха. — Скверная собачонка!» (Тургенев, «Муму»). «Это вас не касается, — молчать! — крикнул офицер, вставая» (Горький, «Мать»). «А вы стоять на крыльце и ни с места» (Гоголь, «Ревизор»), но и выражает обязательность действия, роковую его неизбежность, неотложную потребность в нем, необходимость его наступления, волю к его отрицанию, как бы запрет на действие. Например: «Пить! Прежде всего пить студеную, оживляющую влагу» (Сейфуллина). Ср.: «Не бывать тому, пока я жив, не бывать, не бывать» (Достоевский, «Преступление и наказание»). «Быть грозе великой» (Пушкин, «Борис Годунов»).

Параллельно развивается употребление инфинитива для выражения субъективного оттенка нерешительности, сомнения, недоумения, эмоциональных колебаний или для выражения сознания бесцельности действия: «Что же делать, если обманула та мечта, как всякая мечта?» (Блок). «Пошли и они — не оставаться же на корабле вечно» (Короленко). «И к чему же, за что себя убивать?» (Чехов, «Мститель»). Изучение экспрессивно-модального употребления инфинитива неотделимо от наблюдений над различиями интонационной структуры соответствующих конструкций.

Инфинитив легко принимает на себя и функции условно-желательного наклонения, например: «Вам хоть бы концерты давать» (Тургенев, «Дворянское гнездо»). «Покурить бы теперь...» (М. Горький, «Емельян Пиляй»). «Ехать бы нам» (Чехов, «Вишневый сад»). «Одну минуту, еще одну минуту видеть ее, проститься, пожать ее руку» (Лермонтов, «Княжна Мери»). *Вздремнуть бы!* Он выступает и в роли изъявительного наклонения с своеобразными экспрессивными оттенками. Так, инфинитив несовершенного вида употребляется в значении прошедшего времени с интенсивно-начинательным оттенком, например: *а он — бежать. Дрозд гореватъ, дрозд тосковать.*

В народных пословицах инфинитив нередко сочетается непосредственно с обозначением субъекта, особенно в противительных словосочетаниях. Например: *Люди пировать, а мы гореватъ. Люди молотить, а он замки колотить. Муж в поле пахать, а жена руками махать. Муж зевать, а жена спать.*

Противопоставленные здесь действия не прикреплены ни к какому определенному времени. Они осознаются как обычные и как взаимообусловленные, как параллельно возникающие и протекающие. П. Глаголевский правильно отмечал, что здесь речь идет не всегда о начале действия и, во всяком случае, не только о начале действия, но и «о самом действии, понимаемом под единственным условием напряженности или продолжительности» [273].

Сюда примыкает разговорное употребление инфинитива с частицами *ну, давай* с явственными оттенками волюнтативного наклонения *(а он ну кричать).*

Применение инфинитива в функциях изъявительного (ср., например, в предложениях: «Не сносить тебе головы»; «Взглянуть,

как треснулся он — грудью или в бок», — Грибоедов, и др.), условно-желательного, волюнтативного и повелительного наклонений обнаруживает большую широту модальных колебаний этой формы.

Подробное описание всех инфинитивных конструкций этого рода, их функций и круга их стилистического использования — задача синтаксиса предложения.

7. КАТЕГОРИЯ ЗАЛОГА

§ 69. Грамматические учения о залоге до половины XIX в.

В современном русском глаголе категории наклонения, времени и вида очень тесно связаны. Категория вида является семантической базой форм времени и наклонения. Она определяет объем глагольного слова, круг его форм. Категория вида сплетается и с категорией залога *, которая, в свою очередь, лежит уже на самой пограничной черте между грамматикой, лексикологией и фразеологией, а в области грамматики — ближе к синтаксису предложения, чем к морфологии слова. Самый термин з а л о г (перевод греческого diathesis) употребляется уже в древнейших грамматиках церковнославянского, а затем и русского языка**. Будучи калькой, точным морфологическим слепком греческого слова[274], этот термин издавна не удовлетворял русских грамматистов (даже тех, кто признавал категорию залога живым и существенным элемен-

---

* О связи категории вида с категорией залога писалось не раз. Например, А. С. Б у д и л о в и ч замечал: «Видовая начинательность совпадает со средним залогом, т. е. с действиями безобъектными и инерционными, а потому как бы безрезультатными» («Начертание церковнославянской грамматики», стр. 251). В. В у н д т сближал Aktionsarten с залогами, рассматривая их как «залоговую форму с каким-либо побочным временным представлением» (Genusform mit irgend einer zeitlichen Nebenvorstellung) (W. W u n d t, Völkerpsychologie. «Die Sprache», Bd. II, S. 196 u. f.).

** Во всех многочисленных попытках наших грамматик дать определение залогов сказалось влияние греко-латинских грамматик. Древние грамматики руководствовались при различении залогов главным образом лексическим значением глаголов. Недаром в латинских грамматиках наряду с названием залогов genera было другое — significationes. Само же греческое название залога diathesis значило собственно «расположение», «состояние» (т. е. положение субъекта, его отношение к действию. — *В. В.*). В греческой грамматике различались три залога: energetikē, pathetikē, udetera (mesē), т. е. д е й с т в и т е л ь н ы й, с т р а д а т е л ь н ы й, с р е д н и й; последний залог назывался и о б щ и м, когда совмещались значения действительного и страдательного... Стоики различали еще глаголы возвратные antipeponthota, относя их к страдательным. У римских грамматиков введены были еще deponentia, т. е. глаголы с формой страдательного залога, но со значением действительного (как бы о т л о ж и в ш и е действительную форму). (Проф. Н. Г р у н с к и й, Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков, т. I, вып. 1—2, стр. 105. Ср. также D e l b r ü c k, Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen, IV, Th. 2, S. 411—416. Ср. статью А. В е й с м а н а, Заметки к истории русской грамматики, «Журнал министерства народного просвещения», 1895, июль. Ср. также А. Д о б и а ш, Синтаксис Аполлония Дискола, Киев 1882, стр. 131—139.)

том грамматической системы русского глагола). В понятие залога вкладывалось и вкладывается крайне разнообразное и противоречивое лексико-грамматическое содержание.

Учение о залогах до сих пор содержит очень много неясностей. Оно наметилось еще в грамматике Мелетия Смотрицкого, а в русской грамматике Ломоносова уже вырисовываются ясные контуры традиционных школьных шести залогов русского глагола (действительного, страдательного, возвратного, взаимного, среднего и общего)*. Ломоносов же обратил внимание на связь залоговых форм с различиями реальных значений глаголов и с различиями их синтаксического употребления. Но уже с самого начала XIX в. стали возникать сомнения, пригодно ли вообще учение о залогах для русской грамматики, соответствует ли оно природе русского глагола[275]. Вместе с тем, разные грамматисты по-разному понимали объем и грамматическое содержание категории залога; одни видели в залоге лишь отражение отношений действия к объекту, другие включали в круг залоговых значений, сверх объектных отношений, и разные отношения действия к субъекту, третьи стремились ограничить понятие залога выражением отношения к субъекту. Вопрос о категории залога связывался и с общим синтаксическим вопросом о развитии субъектно-объектного строя предложения. По мнению многих лингвистов, залоговое значение глагола устанавливается и определяется лишь в контексте предложения. В грамматиках первой половины XIX в. учение о залоге сводилось к лексико-синтаксической классификации глаголов по характеру отношения действия к объекту. Выстраивались те же шесть ломоносовских залогов: 1) д е й с т в и т е л ь н ы й, или переходящий, т. е. управляющий винительным падежом прямого объекта; 2) в о з в р а т н ы й и 3) в з а и м н ы й (оба образуются посредством присоединения *-ся*); 4) с р е д н и й (или непереходящий); 5) с т р а д а т е л ь н ы й (противоположный действительному) и, наконец, 6) о б щ и й. К общему залогу причислялись глаголы на *-ся* (например: *боятъся*, *надеятъся*, *старатъся*, *смеятъся*, *резвитъся)*, не имевшие парных соотносительных глаголов без *-ся*. Они назывались общими потому, что они «имеют свойства, общие действительному и возвратному залогу»[276].

Эта ломоносовская схема шести залогов — с разными вариациями — дожила до «Общего курса русской грамматики» проф. В. А. Богородицкого. Изменялось лишь понимание состава и содержания «среднего» и «общего» залогов и несколько колебалось опре-

---

* В грамматике М е л е т и я С м о т р и ц к о г о (цит. по московск. изд. 1648 г.) выделились, кроме д е й с т в е н н о г о (т. е. действительного), с т р а д а т е л ь н о г о и с р е д н е г о, еще два залога — о т л о ж и т е л ь н ы й (с окончанием *-ся*, но «со значением действительного залога», например: *боюся*, или с р е д н е г о, например: *труждаюся*) и о б щ и й (с окончанием *-ся*, но со значениями действительного и страдательного) (стр. 182). В «Русской грамматике» Г. В. Л у д о л ь ф а впервые появляется термин в з а и м н ы й з а л о г.

деление разных значений возвратного залога. Кроме того, возвратные образования на *-ся* рассматривались то как самостоятельный грамматический тип, то как разновидность глаголов среднего залога.

Так, Востоков, среди глаголов на *-ся*, кроме страдательных, возвратных, взаимных, выделял еще «глаголы внутреннего чувства, обращенного только на самого действователя» (под именем «общего залога», например: *лениться*, *резвиться*). Он же отметил (в составе среднего залога) группу глаголов на *-ся*, «показывающих способность к действию, также обнаруживание себя каким-либо действием или качеством» (например: *крапива жжется; нитки рвутся; снег белеется*; *стучится в дверь*)[277].

По мнению Востокова, залоги различаются не по окончаниям, а «по значению», какое глагол получает в употреблении с другими словами*. Таким образом, для Востокова в категории залога резче всего выступает синтаксическая и лексическая сторона глагола в их взаимной связи, в их соотношении. Так, по Востокову, «глагол взаимный, по отнятии вопроса *с кем?* обращается в глагол средний, например: «Воин сражается за отечество». Уже из этого обзора видно, что Востоков к одному и тому же разряду среднего залога относил и глаголы без *-ся*, например: *плавать*, *стоять*, *сохнуть*, *белеть* — и глаголы на *-ся*, например: *бояться*, *мчаться*, *стучаться*. Для Востокова (впрочем, так же как и для Ломоносова) два соотносительных залога — действительный и средний — являются основными. Действительному залогу противопоставлен страдательный. Все остальные залоговые формы так или иначе связаны с этими залогами, особенно с действительным.

Г. Павский выделял в категории залога три общих семантико-грамматических типа — действительный, страдательный и средний залоги (т. е. глаголы переходного, страдательного и непереходного значений). Он связывал это деление глаголов с «различными состояниями живущих, действующих и страдающих существ»[278]. По Павскому, основная функция возвратной формы — делать глаголы непереходными. В связи с этим возвратные глаголы включаются в систему среднего залога (кроме тех, которые имеют страдательное значение). «Действительный глагол, принявший частицу *-ся*, которая останавливает действие при самом лице и не позволяет ему переходить на внешние предметы, принимает вид и значение среднего залога, и все возвратные глаголы можно назвать средними».

В этом делении всех глаголов на три типа — действительные, страдательные и средние — сказалось влияние на Павского античных и складывавшихся под их воздействием западноевропейских грамматик. Так же как и Востоков, Павский отмечал среди глаголов

---

* В вопросе о значениях залогов Востоков испытал влияние статьи И. Ф. Калайдовича «О залогах глаголов русских» («Труды общества любителей российской словесности», 1824, ч. IV).

«средних возвратных» обособленную группу слов, которые образуются посредством приклейки *-ся* к формам среднего залога: *стареться*, *белеться*, *чернеться*, *краснеться*. Павский сопоставлял эти глаголы со словосочетаниями: *идет себе*, *живет себе*. По мнению Павского, «снег *белеется*» равносильно: белеет себе. В пределах того же класса средних-возвратных глаголов Павский еще различал взаимные глаголы, а также глаголы, в которых «частицею *-ся* изображается безличность» (*не спится*, *неможется*, *не сидится* и т. п.).

Таким образом, в грамматических трудах Павского было установлено несколько новых значений, свойственных формообразующему суффиксу *-ся*. Но вместе с тем у Павского получался еще более явно, чем у Востокова, разрыв внешней формы и значения, потому что к области одного и того же залога (среднего) относились глаголы без *-ся* и с *-ся*. Точно так же в концепции Павского была затенена синтаксическая точка зрения на залог.

Грамматические противоречия в учении о залогах особенно рельефно выступили в «Исторической грамматике» Ф. И. Буслаева. Признавая те же шесть залогов, что и старая грамматическая традиция, Ф. И. Буслаев, в первую очередь, делил все глаголы на переходящие (transitiva) и непереходящие (intransitiva).

Так же как когда-то — под влиянием античной грамматической традиции — Мелетий Смотрицкий, Буслаев слил лексико-синтаксическое учение о переходности и непереходности глагола с учением о залоге. «Залог, по Буслаеву, прежде всего означал деятельность предмета или переходящую на другой предмет... или непереходящую»[279]. Далее, эти два общих и основных класса глаголов, связанных с разными синтаксическими конструкциями, — глаголов переходящих и непереходящих — по залоговым различиям — одинаково распадались на группы действительных, страдательных, средних и возвратных глаголов. Возвратные же, в свою очередь, еще подразделялись на подгруппы взаимных и общих.

Уже в этом делении выступают ошибки и противоречия. Так, по Буслаеву, действительные глаголы находятся как среди переходящих, так и непереходящих глаголов. Между тем «действительный глагол» означает действие предмета, переходящее на другой предмет, которого название ставится в винительном падеже. Точно такова же, по Буслаеву, и участь средних глаголов. «Каким же образом, — спрашивал А. А. Потебня, — действительный глагол, по сущности переходящий, может быть в то же время непереходящим, и, наоборот, средний, по сущности непереходящий, может быть в то же время переходящим?» Вся классификация оказывается очень шаткой. По мнению Буслаева, один и тот же глагол даже «как непереходящий может быть и действительным, т. е. переходящим, и средним, т. е. непереходящим»[280].

Буслаев указывал, что формы страдательного залога могут производиться от глаголов не только действительных, но и средних (*неугасаемый*, *сижено* и т. п.). Вместе с тем, по Буслаеву, «важнейших форм для выражения страдательного залога... три» (имеются

в виду три разные конструкции: *книга читаема*, *книга читается* и *книгу читают*). Выходило, что страдательный залог не только производится и от действительных и от средних залогов, но и выражается: 1) формой причастия страдательного с вспомогательным глаголом или без него (*книга была читаема*, *книга прочитана*); 2) возвратною формой (*книга читается*) и 3) действительною формой (*книгу читают*). Точно так же форма возвратного залога может иметь значение и среднего залога (т. е. обозначать непереходное состояние) и страдательного. Взаимный залог, по Буслаеву, может располагать и действительной (например, *говорить с кем*), и возвратной формой (*драться*, *мириться с кем*). Получалась невообразимая путаница терминов, понятий и определений. «Форма» и значение вступали в самые неожиданные столкновения. Грамматика смешивалась с лексикологией.

Правда, Буслаевым было собрано много материала по истории залоговых значений. Буслаев точнее, чем его предшественники, определил роль разных приставок в процессе образования переходных глаголов от непереходных. Буслаеву была ясна связь залоговых различий с синтаксическими особенностями глаголов и с их лексическими значениями. Но распутать вопрос о залогах русского глагола Буслаеву не удалось. Недостатки буслаевского учения о залоге отчасти зависели от двойственности критериев, которые были приняты Буслаевым за основание залоговых различий. С одной стороны, опираясь на лексико-синтаксические особенности глаголов, он выдвигает принцип переходности. С другой стороны, имея в виду этимологическую форму слова, он различает типы глаголов с аффиксом *-ся* и без него. Вместе с тем оба эти критерия или признака были смешаны.

Последующим лингвистам учение о залоге как о форме выражения отношений действия к объекту казалось совершенно дискредитированным в «Исторической грамматике» Ф. И. Буслаева[281]. Н. П. Некрасов иронически изображал бунт глаголов против грамматиков с их теорией залогов. «Со всех сторон слышны шум и крики. «Зачем вы заперли меня, — кричит смелый глагол *бить*, — между одними действительными? Разве я не могу иметь значения среднего залога? Прочтите басню Крылова «Ручей», там вы найдете следующий стих:

Ручей из берегов бьет шумною волной,
Кипит, ревет, крутит нечисту пену в клубы...

Разве здесь, — продолжает кричать глагол *бить*, — я не имею значения вполне среднего залога? Кроме того, всем известно, что я могу иметь форму на- *ся* и с ней прохаживаться по всем отделениям. Разве вы никогда не слыхали выражений: *Посуда бьется; Я бьюсь с ним об заклад; Бьется как рыба об лед; Сердце бьется* и др.? Разве тут нет, по-нашему, ни страдательного, ни возвратного, ни взаимного значений? Зачем же вы спрятали меня в какой-то угол, когда я имею право на все ваше здание»[282].

§ 70. Теория залогов у К. С. Аксакова как будущий фундамент фортунатовского учения о залогах

Традиционная теория залогов, запутавшаяся в противоречиях, была отвергнута передовыми грамматистами половины XIX в. К. С. Аксаков пытался, не отказываясь окончательно от учения о залогах, вложить в него новое грамматическое содержание [283]. К. С. Аксаков решительно выдвигает принцип соотносительности как основу залоговых различий. Прежде всего он противопоставляет глаголы без *-ся* глаголам возвратным (с *-ся*). В глаголах без *-ся* К. С. Аксаков различает два залога — действительный (переходный) и средний (непереходный). Граница между ними очень подвижна. Глаголы действительного залога могут употребляться непереходно. С другой стороны, переходное значение может развиваться и у средних глаголов. «Большая часть глаголов средних и даже все вообще средние глаголы (с некоторыми исключениями) могут употребляться в смысле действительных». Ср. *Не он ушел, а его ушли.* Ср. в письме А. И. Тургенева к В. А. Жуковскому (от 28 апреля 1823 г.): «Я никого не *заблуждал*, никого не обманывал, ни себя, ни других, ее всех меньше» [284]. Опираясь на синтаксические свойства глагольного слова как основной критерий залоговой классификации, К. С. Аксаков подчеркивает, что грамматическое различие между действительным и средним залогом сводится к способности глагола управлять винительным падежом или к отсутствию такого управления. Действительным глаголам противостоят страдательные обороты: действительные глаголы могут быть обращены в страдательные. Так устанавливается один ряд залоговых соотношений и противопоставлений: средне-действительные глаголы и страдательные формы глагола. Другой ряд залоговых соотношений и различий перекрещивается с первым: он покоится на противопоставлении глаголов средне-действительных глаголам возвратным. Так как грамматика может опираться только на форму, «на самый язык», то «возвратный глагол остается при всяком его употреблении все возвратным глаголом» *. Залоговые деления внутри самих возвратных глаголов покоятся не на различиях форм, а на различиях функций. Богатство залоговых значений возвратной формы в русском языке, по мнению Аксакова, объясняется тем, что в суффиксе *-ся* слились разные падежные формы и значения возвратного местоимения (винительного-родительного падежа *-ся* и дательного *-си*). Залоговая дифференциация возвратных глаголов опирается на различия в отношениях действия к субъекту, к самому действующему лицу, а не к объекту. Понятие о действии прямом, случайном, конкретном (например, *мажусь*) может у возвратного глагола перейти в «понятие о действии общем, более или менее постоянном, составляющем иногда необходимую принадлежность или состояние того или другого существования» (например, *учусь*). «В действии прямом, случайном волю свою осуществляю я сам, в действии обычном, отвлеченном воля моя осуществляется — и только. Действие отвлеченное легко переходит в состояние с участием моей воли на такое состояние ..., а отсюда легко возникает значение глагола среднего, например, *он теряется* (ср. *терять что-нибудь*); здесь является только подобие воли». Таким образом, собственно возвратные глаголы (*умываться*, *одеваться* и т. п.) отличаются от возвратно-средних. «Те возвратные глаголы, которые принимают

---

* Ср. также протест К. С. Аксакова против буслаевского произвола в распределении глаголов по залогам: «Мы признаем только то в языке, что в языке же самом нашло выражение. Мы признаем глагол возвратный, ибо видим в нем глагол сложный или, лучше, сросшийся с частицею *-ся* (взаимный есть тот же возвратный); в глаголах *спорить*, *воевать* (отнесенных Буслаевым к взаимному залогу. — *В. В.*) мы частицы *-ся* не видим и за взаимные глаголы их не признаем; до их чисто внутреннего, личного значения в грамматике мы нужды не имеем» (стр. 559).

значения состояния, но в то же время удерживают действительный оттенок, переходят в значение залога страдательного», не сливаясь, однако, со страдательными причастными оборотами (ср.: он *уважается всеми* и он *уважаем всеми*). Образование возвратно-средних и возвратно-страдательных глаголов «понятно» так же, как и в з а и м н о - в о з в р а т н ы х. Во взаимных глаголах «действия перекрещиваются и падают взаимно на тех же самых, от кого они исходят» (например, *они бьются*). «Гораздо труднее объяснить употребление *-ся* в глаголах другого рода ... — *слушаться, ругаться*... Сюда же относятся глаголы: *жжется, щиплется, бросается, плюется* и пр.». К. С. Аксаков очень тонко определяет значение этой группы глаголов, которая пополняется образованиями, произведенными и от действительных и от средних глаголов. В них действие, «падая на другие предметы, относится к самому себе как ограждение, как защита или даже как выражение себя». Вместе с тем, «здесь действие получает значение общее: или значение свойства, или также значение особого отношения к производящему оное лицу, значение характеристической черты в этом лице» (ср. *Он кидается грязью*). «Например: *Посмотрите: он кидает грязью* — здесь просто действие, которое может сейчас прекратиться; *Посмотрите: он кидается грязью* — здесь уже другое; здесь не только вы видите действие, но и отношение к нему лица действующего... видно сочувствие действующего лица, видно, что по этому самому действие повторяется и будет повторяться и возобновляться». Ср.: *плеваться, щипаться* и т. п.

Отдельно останавливается Аксаков на значениях тех разрядов возвратных глаголов, которые соотносительны только с непереходными глаголами среднего залога, например: *светиться, синеться* и т. п. К. С. Аксаков вслед за Павским выводит своеобразие их значений из старинной формы дательного падежа возвратного местоимения *си*. «Здесь дательный падеж совпадает со смыслом самого глагола и объясняет его. *Белеть*, например, значит: возрастать в белом цвете; значит также: быть видным своим белым цветом, и к *белеть* в этом-то втором значении присоединяется *-ся: белеться. Белеться* значит тоже (как *белеть*): быть видным своим белым светом, но не столь постоянно и положительно; действию придается какой-то живой, выбющийся, даже неверный оттенок, даже как бы произвол какой-то, — что все сообщается глаголу этим *-ся* (или *-си*, как мы думаем), например: *что-то белеет вдали* и *что-то белеется вдали. Белеется*, то-есть *белеет себе*».

К. С. Аксаков стремится определить и разграничить те общие оттенки, которые могут вноситься в непереходные глаголы суффиксом *-ся*. «*Попасть* есть тоже глагол средний, но при нем употребляется и *-ся*, например: *попал в сеть, попался в сеть;* оттенок понятен: *попал в сеть* — можно попасть ногою, можно попасть и выйти как-нибудь; но *попался*... значит: попасться самому, быть пойману; так что здесь сейчас переносится мысль на подлежащее этого глагола, на то, что попалось и что является пойманным». Следовательно, общее значение формообразующего суффикса *-ся* при сочетании его с глаголами непереходными, состоит, по Аксакову, в усилении признака непереходности этих глаголов.

Концепция К. С. Аксакова почти целиком совпадает с тем учением о залогах русского глагола, которое было впоследствии раввито акад. Ф. Ф. Фортунатовым в статье «О залогах русского глагола» и прочно вошло в современную русскую грамматику под его именем.

Но современными К. С. Аксакову грамматистами и ближайшими его преемниками аксаковская теория залогов не была воспринята.

§ 71. Отрицание категории залога В. И. Далем и проф. Н. П. Некрасовым

Филологи середины XIX в., боровшиеся с заимствованными грамматическими теориями и стремившиеся приблизить русскую грамматику к особенностям живой народной речи, отвергали старое учение о залогах. В. И. Даль в «Напутном слове» к «Толковому словарю» писал

«Распределение глаголов на залоги — одно школярство, одно из тех пут, которые служат только для притупления памяти и понятий учеников»[285]. Для самого русского языка они — «дело вовсе постороннее, случайное, переходчивое; они могут, хотя без всякой пользы, применяться только к каждому частному случаю. Окончание на *-ть* и *-чь* — общее, коренное, прямое; ему отвечают в западных языках глаголы переходящие, или действительные, и непереходящие, средние; окончание на *-ся*... образует возвратный, или обратный, глагол, непрямой, который может быть отнесен, если смысл речи позволяет, и ко всем прочим залогам». Итак, Даль признавал деление глаголов на два основных разряда: на прямые (невозвратные) и возвратные*. С мыслями В. И. Даля о залогах совпали выводы Н. П. Некрасова: «Наш язык смело приставляет *-ся* к глаголу, как скоро мысль сосредоточивается главным образом на проявлении самого действия, а не на отношении этого проявления действия к своему предмету»[286]. «Каждый русский глагол может быть употреблен в своей прямой первоначальной форме на *-ть* и в форме обратной или возвратной на *-ться* ... Глагол, принимая возвратную форму *-ся*, стремится к выражению самостоятельности действия, или, употребляя грамматический термин, — к ограничению своего переходного значения. Через форму *-ся* русский глагол выражает действие, сосредоточивающееся само в себе, ограничивающееся самим собою, — и в этом только смысле мы называем глаголы на *-ся* возвратными»[287]. Таким образом, и Некрасовым допускаются только два основных класса глаголов: невозвратные, прямые, и возвратные.

В этой двойственности типических форм русского глагола «находим те крайние точки его значения, которыми определяется вся ширь живого употребления его в речи... Уловить все эти значения во всем их живом разнообразии — невозможно... Достаточно быть убежденным, что все разнообразие значений русского глагола в употреблении зависит от тех двух главных типических значений, которые выражаются в языке двумя главными типическими формами глагола. Что же касается до грамматических залогов, то в них можно видеть лишь напрасное стремление науки охватить всю жизнь русского глагола, определить и подвести под общие правила те разнообразные оттенки и беспрерывные переливы красок, которыми отражается значение его в живой речи»[288].

§ 72. Клубок грамматических вопросов, связанных с учением о залоге

Грамматическая теория залогов к последней четверти XIX в. замкнула свой круг[289]. Установлены были два основных залоговых типа глаголов по внешней форме: возвратный и невозвратный (Даль, Некрасов), а отчасти и по отношению действия к субъекту. Был выдвинут принцип переходности и непереходности как основа различения невозвратных глаголов (еще с XVII в.). Понятие возвратности определялось или через отношение действия к объекту как средство замкнуть действие в нем самом, устранить или ограничить переходные, объектные значения глагола, или — более глубоко и диференцированно — через отношение к субъекту как способ выражения различий в связи между действием и субъектом (К. С. Аксаков)**. Все это варьировалось на разные лады и в последующих грамматических работах, касавшихся категории залога.

* Беспринципность самой позиции Даля в этом вопросе прекрасно охарактеризована А. А. Потебней («Из записок по русской грамматике», т. IV, стр. 198—199).

** Ср. определение залога в работе Alf. Margulies: «Залог глагола обозначает отношение глагольного действия к производящему его субъекту и одновременно с этим отношение обоих этих факторов к объекту, на который субъект направляет глагольное действие» («Die verba reflexiva in den slavischen Sprachen», Heidelberg 1924).

Взгляды Аксакова и Некрасова мало прививались. Больше привлекала древняя система шести залогов. Лишь в самом конце XIX в. дан был новый толчок развитию учения о залогах трудами Ф. Ф. Фортунатова и его учеников — Г. К. Ульянова и В. К. Поржезинского.

§ 73. Статья Ф. Ф. Фортунатова «О залогах русского глагола» как синтез и итог предшествующих грамматических теорий

Статья акад. Ф. Ф. Фортунатова «О залогах русского глагола» (1899) уточнила и объединила то, что было наиболее ценного в предшествующей грамматической традиции. Ф. Ф. Фортунатов с присущим ему даром научной систематизации выделил и подчеркнул основные линии залоговых соотношений в системе русского глагола. «Формами залога, — по словам Фортунатова, — называются в грамматике те глагольные формы, которые обозначают различия в отношении признака, выражаемого глагольною основой, к его субъекту». Различая две формы залога (возвратный залог и невозвратный), Ф. Ф. Фортунатов обособляет от теории залога вопрос об активных и пассивных оборотах. «Страдательного залога как особой формы, которая отличалась бы от формы возвратного залога (имеющей, между прочим, и страдательное значение), наши глаголы не имеют (в причастиях есть страдательный залог); поэтому нет в наших глаголах и формы действительного залога как нестрадательного». Фортунатов гораздо строже, чем К. С. Аксаков, придерживается принципа грамматической соотносительности форм. Те глаголы без *-ся*, которые не имеют соотносительных с ними слов на *-ся* (например: *долженствовать*, *ехать*), и обратно, те глаголы на *-ся*, которые не имеют соотносительных с ними глаголов без *-ся* (например: *бояться*, *стараться*, *гордиться* и т. п.), лишены форм залога*. Так, по Фортунатову, форма невозвратного залога как «нулевая форма» присуща лишь тем переходным глаголам, от которых произведены или производятся возвратные глаголы на *-ся*. Глаголы на *-ся*, так называемые «общие» (вроде *надеяться*, *опасаться* и т. п.), вследствие отсутствия соотносительных глаголов без *-ся*, должны быть признаны вообще не имеющими форм залога. Итак, формой залога располагают лишь соотносительные, парные глаголы без *-ся* и на *-ся*. Однако и в этих случаях от глаголов с ярко выраженными залоговыми различиями Фортунатов резко обособляет те группы глаголов, которым присуща лишь форма возвратного залога, но не значение, не функция ее. Это три разряда глаголов на *-ся*, производных от непереходных глаголов: 1) Образования с суффиксом на *-ся* от непереходных глаголов на *-еть*, *-ею* (типа: *краснеть — краснеться; стареть — стареться*). Здесь форма на *-ся*, по Фортунатову, лишь «усиливает существующее уже в глаголе значение непереходности признака». 2) Глаголы типа: *стучаться* (ср. *стучать*), *звониться* (ср. *звонить*), *хвастаться* (ср. *хвастать*) и т. п. В этой группе, по мнению Фортунатова, различие в значении «не определяется из различия в образовании форм с *-ся* и без *-ся*». По Фортунатову, глаголы *стучаться*, *смотреться*, *звониться* и т. п. разошлись по своему лексическому значению с соответствующими глаголами без *-ся: стучать*, *смотреть*, *звонить* и т. п. Они являются глаголами общими. 3) Кроме глаголов общих, выделяются также «те глаголы, в которых *-ся* входит в состав образования безличности глагола, например: *икается*, *спится*, *не лежится;* этою формой, изменяющею личный глагол в безличный, данный признак обозначается как производимый силою действия, в отвлечении от субъекта».

---

* Ср. замечание В. К. Поржезинского: «Присутствие формы залога в глаголе необходимо требует существования соотносительных форм, различающихся по формам залога: там, где глагол имеет только одну форму, однородную с одной из форм залога, само собою разумеется, нет никакой формы залога» («Возвратная форма глаголов в литовском и латышском языках», М. 1913, стр. 57).

Эти группы глаголов на *-ся*, производимые от непереходных глаголов, по своим значениям очень далеки от возвратных форм. По Фортунатову, выходит, что форма залога в этих разрядах глаголов является мнимой или пустой, лишенной внутреннего грамматического содержания. Это понятно. Ведь эти глаголы уже по своей лексической природе наделены тем общим значением, которое связано с формой возвратного залога на *-ся*. Общее значение возвратной формы — значение непереходности. Возвратная форма «изменяет значение переходного признака (действия в его переходности) в значение признака непереходного, т. е. такого, который заключает в себе отношение только к предмету мысли, являющемуся субъектом этого признака». «Непереходность признака, обозначаемая формой на *-ся*, есть именно известное отношение данного признака к его субъекту». Поэтому в собственном смысле возвратной (иначе непереходной) формой располагают лишь те глаголы на *-ся*, которые соотносительны с переходными невозвратными глаголами. «Присутствием *-ся* в образовании форм все эти глаголы обозначаются как непереходные, т. е. как не сочетающиеся с дополнением в винительном падеже и как соотносительные поэтому с глаголами переходными» *.

Фортунатов различает следующие значения возвратной формы (и, следовательно, типы возвратных глаголов): 1) собственно возвратное (*умываться, мазаться, краситься, защищаться);* 2) взаимное или взаимно-переходное (например: *они поцеловались, грызутся*); 3) «значение изменения, происходящего в состоянии самого субъекта» (в отличие от соотносительных переходных глаголов, «обозначающих в невозвратной форме действия, производящие изменения в состоянии объектов»), например: *сердиться* (ср. *сердить*), *томиться* (ср. *томить*), *радоваться, мириться, гнуться, вертеться, кидаться, литься, садиться* и т. п.; 4) значение действия, рассматриваемого в отвлечении от объекта, т. е. по отношению лишь к субъекту действия, например: *кусаться, обещаться, проситься* и т. п.; 5) страдательное значение.

Таким образом, новых значений возвратной формы и новых типов возвратных глаголов по сравнению с теми, которые уже были отмечены А. Х. Востоковым, Павским и К. Аксаковым, у Фортунатова не указано. Теория Фортунатова воспроизводится в грамматических трудах и курсах А. М. Пешковского, М. Н. Петерсона и др.

Проф. В. К. Поржезинский дополнил фортунатовскую схему залогов указанием еще на два залоговых значения возвратной формы:

1) Непрямое возвратное значение, выражающее, что действие совершается для субъекта, в его интересах. Правда, В. К. Поржезинский привел примеры такого значения лишь из литовского и латышского языков, но заметил и о русском языке, что в нем некоторые возвратные глаголы, повидимому, сохраняют след этого значения [290]. То, чего не мог указать В. К. Поржезинский, открыл А. А. Шахматов (ср. ниже косвенно-возвратное значение в учении Шахматова о залогах).

2) Значение полноты проявления признака (например: *наплакаться, напиться, нагуляться* и т. п.). Сюда относятся «как глаголы, имеющие в невозвратной форме объект, на который направлено действие, так и глаголы, не допускающие при себе, по своему значению, объекта» [291]. В. К. Поржезинский эту группу глаголов иногда подводит под указанное Фортунатовым «значение отвлечения глагольного признака от объекта».

Фортунатовская схема залогов оказала решительное влияние на последующие грамматические рассуждения о залогах.

В фортунатовской концепции залога морфологические признаки явно возобладали над синтаксическими. Отношение к субъекту, обобщенное до

---

* Ср. у В. К. Поржезинского: термин «возвратный залог» имеет чисто условное значение, обозначая в сущности такую форму залога, которая вносит значение или непереходности признака, обозначаемого глагольною основою, или непрямого отношения к нему субъекта». («Возвратная форма глаголов в литовском и латышском языках», стр. 62).

понятия непереходности, вовсе не исчерпывало тех синтаксических явлений, которые сочетались с категорией залога. Проблема залоговых различий отрывалась от вопроса о строе предложения и его типах. Многим грамматистам казалось также, что старая грамматическая традиция, связывавшая залоговые различия с формами отношения глагола не только к субъекту, но и к объекту, содержала в себе здоровое зерно. Необходим был более широкий синтаксический охват того круга языковых фактов, которые или входили в категорию залога, или присоединялись к ней.

Неполноту учения Фортунатова из его учеников старался преодолеть лишь акад. А. А. Шахматов. Но между ним и Фортунатовым стояла концепция залогов в синтаксисе Овсянико-Куликовского, отражавшая некоторые идеи Потебни.

§ 74. Некоторые мысли А. А. Потебни о залогах русского глагола

Потебня глубже, чем Фортунатов, вник в генезис категории залога. Он увидел связь между развитием категории залога и эволюцией предложения.

До нас дошли лишь черновые наброски учения Потебни о залогах русского глагола [292]. Но идеями Потебни насыщены «Синтаксические исследования» его преждевременно умершего ученика А. В. Попова [293]. Кроме того, университетские лекции Потебни о глаголе легли в основу статьи одного из его слушателей — Б. Гвоздикова: «Опыт классификации залогов русского глагола» [294]. Взгляды Потебни на залог тесно связаны с пониманием Потебнею слова как индивидуального акта речи. По учению Потебни, ни один глагол не может сразу обладать несколькими залоговыми значениями: «Выражение: г л а г о л т а к о й-т о п е р е х о д и т в т а к о й-т о з а л о г — мы должны понимать таким образом, что перед нами два различных, но однозвучных глагола, принадлежащих к двум различным залогам, и что глаголы эти находятся между собою в отношении исторического преемства». Различные залоговые значения одного глагола «суть различные глаголы одного звука и одного «происхождения». Это замечание направлено против Буслаева. Залоговое значение, по мнению Потебни, возникает и осуществляется в предложении, в составе которого слово только и живет настоящей, индивидуальной жизнью. «Залог есть формальное значение глагола, находящееся в связи с вещественным».

Есть указание, что понимание залога у Потебни менялось. Так, А. В. Попов приводит первоначальное определение залога, предложенное Потебней: «Залог есть такое формальное значение глагола (и даже слова вообще), которое делает необходимым отсутствие объекта или его присутствие и обусловливает (в последнем случае) качество объекта» *. А. В. Попов возражает против этого определения, да и сам Потебня впоследствии изменил свою точку врения на залог.

«Залог, — по определению Потебни, — есть отношение субъекта к объекту, точнее: отношение сказуемого к подлежащему и дополнению». «В это понятие входит отсутствие и присутствие субъекта и отсутствие и присутствие объекта».

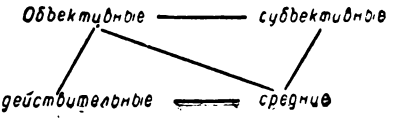
В набросках, изданных в IV томе труда Потебни: «Из записок по русской грамматике», читаем: «Залог = отношение субъекта к объекту. Сюда, и отсутствие объекта. Оно возможно только через обнаружение субъекта» [295].

Итак, залог — чисто синтаксическая категория, тесно связанная с строем

---

* А. В. П о п о в, Синтаксические исследования, стр. 302. Ср. у А. А. Потебни («Из записок по русской грамматике» т. IV, стр. 200): «Залог есть необходимое в известном языке отношение глагола в широком смысле, (т. е. со включением причастных форм), прилагательного и существительного к объекту».

предложения. Она основывается на понятиях переходности и непереходности глагола. По необходимому присутствию и отсутствию объекта глаголы делятся на объективные (transitiva, т. е. переходные) и субъективные (intransitiva, т. е. непереходные). Те из объективных глаголов, которые требуют прямого дополнения в винительном падеже, называются действительными, остальные объективные глаголы, требующие дополнения в других косвенных падежах, вместе с субъективными относятся к разряду средних. Следовательно, возвратные глаголы — разновидность глаголов средних (ср. то же у Павского и Буслаева).

По мнению Потебни, «в делении на *объективные-субъективные*, *действительные-средние* устранена логическая ошибка деления Буслаева. Члены, не перепутываясь, исключают друг друга. За основание принято здесь только значение, поэтому глаголы возвратные по форме подходят под это деление объективных или субъективных» [296]. Дифференциация глаголов *объективных* и *субъективных* — зерно, из которого вырастает категория залога. На почве этого различия складывается и страдательный залог, возникает противопоставление действительного (активного) и страдательного (пассивного) оборотов.

Однако страдательный залог выходит за пределы прямого соотношения с действительными глаголами, в узком смысле этого слова. Страдательный залог «предполагает существование глаголов переходящих в широком смысле этого слова, т. е. объективных действительных, управляющих винительным, и объективных средних, требующих дополнения в других падежах. Страдательный залог есть (особый) способ представления транзитивности глагола... В страдательном залоге объект транзитивного глагола представляется субъектом. Страдательный субъект лишен полноты энергии, свойственной субъекту действительного оборота» *. Таким образом, генезис страдательного залога связан с развитием пассивных конструкций предложения. «Подлежащее переходящего глагола может быть обозначено дополнением страдательного («Я воспитал племянницу», «Племянница была воспитана мной»), может вовсе не мыслиться («В эту ночь было чудо дивное и страха исполнено») и не выражаться («Письмо написано»), и от того страдательный оборот не перестает быть страдательным».

Уже из этих рассуждений видно, что, строго говоря, страдательного залога в русском языке (как и в других славянских языках) нет, но есть страдательные обороты: а) предикативные, б) атрибутивные. В состав предикативного страдательного оборота входит возвратная форма глагола, атрибутивный же страдательный оборот образуется страдательными причастиями. В предикативном страдательном обороте нет полной страдательности. «Под страдательностью предикативного оборота можно разуметь

---

* Любопытно сопоставить с этими мыслями Потебни замечание J. Wackernagel, что в возникновении страдательного залога решающую роль сыграло «желание говорить о самом событии, не выставляя на передний план действующее лицо» (J. Wackernagel, Vorlesungen über Syntax, I, 1920, стр. 144). Эта мысль Ваккернагеля восходит к Штейнталю. «Страдательный залог, — говорит Штейнталь, — является вообще там, где действие должно быть представлено как происшедшее (ausgeführt), без обращения внимания на производителя действия, который является предметом неважным или неизвестным или понятен сам собою; или действие представляется отрешенным (abgelöst) от производителя действия, для того чтобы тем сильнее выступал факт сам по себе. Безличное употребление страдательного относится также сюда: es wurde getanzt (букв.: было танцовано), все равно с кем бы то ни было; сущность заключается в совершении действия» («Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft», II, стр. 249).

лишь то, что его субъекту приписана посредством сказуемого степень энергии меньшая, чем в обороте действительном». Характерен в этом отношении такой пример из гоголевского «Ревизора»: «Не позабыть сказать, что (церковь) *началась строиться*, но сгорела, а то, пожалуй, кто-нибудь, позабывши, скажет, что и не начиналась».

«Этого рода страдательность представляется возвратностью действия». Страдательное значение возвратной формы вполне раскрывается лишь на фоне изучений других значений и других типов возвратных глаголов.

Гораздо сложнее генезис, состав и разновидности страдательных атрибутивных оборотов. В страдательных атрибутивных (т. е. причастных) оборотах выражается «состояние предмета», точнее: в них признак, данный в субъекте, составляющий его состояние, представляется произведением объекта, который, впрочем, может быть вовсе не назван (например: *поручение выполнено*, *дело сделано*).

Потебня подчеркивает то обстоятельство, что причастие страдательное и по форме и по значению может быть произведено от глаголов не только действительных, но и средних (объективных). Например: *угрожаем*, *вспомоществуем*; «каким-то демоном внушаем» и т. п. «Объект такого глагола, каким падежом бы он ни был выражен, может быть представлен субъективно». Тут Потебня, отходя от живой системы современных ему грамматических отношений, уходит в область изучения генезиса пассивных конструкций. Развитие страдательных оборотов отчасти связано с историей безличных предложений. В безличных предложениях, содержащих в качестве сказуемого страдательное причастие, страдательность постепенно теряется или ослабевает. Здесь усиливается идея состояния. Безличные предложения типа «В молодости было много бито, граблено», по Потебне, «образовались непосредственно из двучленных страдательных оборотов с подлежащим среднего рода» (ср. *оно*). «Как скоро местоименное (заключенное в глаголе или явственное) подлежащее среднего рода при глаголе страдательном получило безличное значение и вместе с тем лишилось проглядывавшего в нем значения объекта, то получилось стремление к безличности».

Безличное употребление страдательного залога, «родившись в оборотах с местоименным подлежащим среднего рода, заключенным в глаголе или явственным, стало применяться и к оборотам, в коих подлежащим (бывшим объектом) было имя». Сюда относятся областные севернорусские (и украинские) обороты: *взято его в рекруты; повезено его в город* и т. п. Здесь винительный объекта стоит при безличной форме причастия страдательного. «В тех случаях, где в безличном предложении со страдательным причастием требовалось обозначить и явственное действующее лицо действительного глагола, это лицо, очевидно, может быть выражено дополнением: *у молодца было послужено*=послужил» [297].

Но, понятно, для образования безличных причастно-страдательных конструкций именной объект не обязателен и даже не нужен. «Он может быть опущен, не изменяя характера предложения». «Глаголы объективные здесь становятся на одну доску с субъективными».

Таким образом, безличные предложения этого типа в своем развитии выходят далеко за пределы соотносительности с личными активными оборотами. Безличные конструкции образуются и от глаголов субъективных (непереходных). «В оборотах: *сужено*, *гуляно*, *идено*, *уехано за охотой*; *в девках сижено — плакано*, *замуж выдано — выто* и т. п. — страдательная форма не имеет вполне страдательного значения и возможна благодаря фикции, что у глагола субъективного есть какой-то неопределенный объект. Этот действующий объект нужен только затем, чтобы в его форме представить действующее лицо» [298].

Легко заметить, что учение Потебни о пассивных оборотах органически сплетается с вопросами об истории субъективно-объектного строя предложения, с вопросами о развитии разных типов предложения — глагольно-именных и глагольных. В той же плоскости Потебня рассматривает залоговые значения действительных, средних объективных, средних субъективных без *-ся* и средних возвратных глаголов.

Вопрос о переходных (объективных) глаголах сводится к изучению разных типов переходности, вернее: к изучению разных конструкций, связанных с формами прямой и косвенной переходности глагола. Однако в изложении Гвоздикова лексико-семантические критерии классификации возвратных форм явно доминируют над синтаксическими. Непосредственное же изложение этой проблемы самим Потебней нам пока неизвестно.

Потебня классифицирует возвратные глаголы, исходя из разных лексических значений самих глаголов и из значений аффикса *-ся*, а также из различий глагольного управления. Например, Потебня выделяет в особую группу глаголы с *-ся*, допускающие при себе ближайший объект лишь в родительном: *наесться*, *напиться*, *насмотреться*, *начитаться*, *хватиться*, *слушаться*, *стыдиться*, *совеститься* и т. п. «Судить о залоге можно только в связи с субъектом и объектом, при определении залога нельзя вырывать глагол из предложения»,—так комментирует Б. Гвоздиков точку зрения Потебни. Поэтому Потебня даже от действительного залога отделяет залог прямого объекта, видоизмененный вследствие отрицания. «Здесь глагол уже не будет действительным. Отрицание при сказуемом есть уменьшение или уничтожение деятельности подлежащего. Отсюда вытекает правило: отрицание видоизменяет залог глагола, следовательно, нет никакого основания писать отрицание *не* отдельно» [299]. Понятно, что и в кругу средних глаголов различаются Потебней глаголы средние объективные («залог косвенного объекта», например: *потрясать копьем*; *служить делу, а не лицам* и т. п.) и средние субъективные (т. е. безобъектные, например: *сидеть*, *спать*, *лежать* и т. п.; сюда также: *он поет в хоре* и др. под.). Но синтаксические особенности, лежащие в основе залоговых различий, у Гвоздикова не всегда выступают на первый план, иногда они остаются в тени или даже оставляются совсем в стороне. В собственном же изложении Потебни эти отделы его учения о залоге не дошли до нас, во всяком случае пока еще не опубликованы *.

I. Среди глаголов на *-ся* прежде всего выделяются возвратные глаголы. В них *-ся* обозначает тождество объекта с субъектом. Эти глаголы распадаются на собственно-возвратные (*мыться*, *беречься*, *наряжаться*, *одеваться*, *прятаться*, *обороняться*, *питаться* и т. п.) и частично-возвратные, в которых *-ся* синекдохически выражает лишь часть субъекта (например: *тереться*, *обливаться*, *нахмуриться*, *сморкаться*, *зажмуриться*, *уставиться*, т. е. уставить глаза; «Ребенок опять засмеялся, уставился на сундук» — Тургенев, «Отцы и дети»; ср. у Гоголя в «Тяжбе»: «Да что-ж вы на меня уставили глаза?»).

II. В других глаголах на *-ся* суффикс *-ся* уже не имеет возвратного значения. Он, по выражению Потебни, «стал служить только средством превращения объективного глагола в безобъективный». Это средне-возвратные глаголы (например: *родиться*, *литься* (в значении: течь), *садиться*, *воротиться*, *учиться*, *умаяться*, *забавляться*, *явиться* и т. п.) [300].

Трудно сказать, в какой мере здесь статья Б. Гвоздикова, основанная на лекциях Потебни, точно воспроизводит мысли учителя. Но, повидимому, в круг средне-возвратных глаголов Потебней включались разные группы глаголов с *-ся*, позднее тщательно разграниченные по своим залоговым значениям в работах Фортунатова, Ульянова, Поржезинского и Шахматова. Различия внутри средне-возвратных залогов, по мнению Потебни, устанавливаются в зависимости от присущих им форм управления, от отношений их к объекту.

III. От средне-возвратных глаголов резко отличаются глаголы типа: *кусаться*, *драться*, *швыряться* и т. п. По словам Потебни, «здесь *-ся* — знак устранения первоначального объекта или замены его другими» [301]. Замену

---

* Все дальнейшее изложение потебнианской классификации возвратных глаголов на *-ся* представляет собою лишь попытку реконструкции учения Потебни, причем все явно гвоздиковское, не находящее опоры в известных трудах самого Потебни, исключено.

объекта можно понимать как метонимическое переосмысление возвратности. Повидимому, развивая мысли Потебни, но отчасти и искажая их, Б. Гвоздиков различает в глаголах этого залога следующие разновидности:

1) когда *-ся* обозначает нечто принадлежащее субъекту, например: *уложиться, строиться, издержаться* («я, знаете, в дороге издержался» — Гоголь, «Ревизор»), *промотаться, собираться, управиться* и др. под.;

2) когда *-ся* представляет предмет мысленной принадлежности (например: *изъясняться, исповедоваться, печататься* и др. под.);

3) когда *-ся* «метонимически изображает нечто близкое к субъекту в пространственном отношении, нечто находящееся перед ним, доступное его руке, находящееся вокруг него, около него, под ним (например: *держаться за что-нибудь, хвататься за что-нибудь, взяться за что-нибудь, оглядываться, забыться, рыться, копаться, топтаться, переминаться, толочься* и т. п.). Повидимому, генетически с этим разрядом глаголов были связаны и глаголы на *-ся*, в современном языке, соотносительные с непереходными без *-ся*, вроде: *плакаться, стучаться* и т. п. [302].

IV. Часть глаголов на *-ся* относится к взаимному залогу.

..... деревенский старожил
Лет сорок с ключницей бранился...

(Пушкин, «Евгений Онегин».)

Взаимность обозначается либо с помощью множественного числа («Хоть подеритесь, не поверю» — Грибоедов. «И новые друзья ну обниматься, ну целоваться» — Крылов, «Собачья дружба». «Когда же мы увидимся?» — Фонвизин, «Недоросль» и т. п.), либо с помощью социативности (т. е. с помощью предлога *с*).

Иногда взаимность указывается выражениями — *между собой, друг друга.*

Потом взглянулись меж собой.

(Крылов, «Крестьянин и река».)

Те шепчутся, а те смеются меж собой.

(Крылов, «Ларчик».)

V. В особый разряд Потебня выделяет глаголы на *-ся*, соотносительные с непереходными, субъективными глаголами. Повидимому, многие из этих глаголов вторичного, более позднего образования. По словам Потебни, аффикс *-ся*, получив в сочетании с глагольными основами особый оттенок неопределенности орудия и направления действия (например: *швыряться, бросаться, кусаться*), неясности мотива *(ручаться)*, беспричинности или отсутствия видимой причины *(жечься)* и вообще развив многообразные производные значения, далекие от значений возвратного местоимения, стал присоединяться и к тем глаголам, которые прежде не допускали внешнего объекта. Эффект некоторых из этих глаголов, воспринявших аффикс *-ся*, тот, что в них действие представляется возникшим само собою, от неизвестной причины: *Пламя разгорелось; Человек разнемогся* [303].

Легко видеть, что этот разряд включает в себя глаголы, образуемые посредством совместного присоединения *-ся* и приставки. В этом кругу глаголов намечаются Б. Гвоздиковым некоторые подразделения:

1) глаголы движения, образуемые присоединением *-ся* и приставки *с (сойтись, сходиться, съехаться* и т. п.), здесь «*-ся* представляет собою как бы центр, куда стремится действие»;

2) глаголы движения, образуемые присоединением *-ся* и приставки *раз-* (например: *разойтись, рассесться, расступиться, распасться, разбежаться* и т. п.), здесь «*-ся* представляет собой как бы окружность, к которой стремится действие, направляющееся от центра».

VI. Кроме значения страдательного залога, Потебня различает еще среди глаголов на *-ся* особый залоговый тип, в котором *-ся* присоединяет

оттенок удобства, самопроизвольности действия. В таких конструкциях, как: *не спится, плохо читается, хорошо живется, не сидится на месте* и других подобных, по словам Потебни, «мы замечаем оттенок легкости, удобства, самопроизвольности действия, как будто действие катится с наклонной плоскости. Этот оттенок значения зависит ли от дательного падежа, обозначающего лицо, для которого это делается?»

«Тот же самый оттенок останется, если мы устраним дательный падеж и поставим подлежащее. *То не беда, что пьется вода...* Мы говорим, что *дело само собою делается.* Оттенок зависит от *-ся.* Тогда мы получаем, отделяя *-ся* от предыдущего выражения, что *вода сама себя пьет*, так что не нужно, чтобы кто-нибудь употреблял усилие для ее питья...» [304].

Такова в общих чертах схема залоговых значений, намеченная Потебнею и изложенная его рядовым слушателем Б. Гвоздиковым. Эта схема значительно восполняется мыслями и указаниями другого ученика Потебни — А. В. Попова.

§ 75. История развития заложных значений в изображении ученика Потебни А. В. Попова

Схема залогов, восстановленная по фрагментам записок Потебни и по статье его рядового слушателя, наполняется сложным историческим содержанием, если обратиться к «Синтаксическим исследованиям» А. В. Попова. Потебня писал в некрологе о Попове: «Как не встречал, так, вероятно, уже и не встречу другого такого». Попов рисует генезис категории залога. Он тоже связывает развитие категории залога с историей субъектно-объектного строя предложений. Самый древний из оборотов, относимых к категории залога, — это, по мнению Попова, допускавшего вопреки Потебне первичность одночленного предложения, безличный страдательный оборот. Попов — вслед за Курциусом — считает, что «именительный, звательный и винительный падежи представляют группу более древних и более близких между собой падежей» и что винительный был некогда общим косвенным падежом [305]; дательный и творительный сформировались гораздо позднее. Из изложения ясно, что применение терминов именительный и винительный падежи к характеристике древнейших синтаксических отношений очень условно. Речь идет о той стадии, когда еще не было существительных и прилагательных, не было и резких различий между именем и глаголом. Следы именно этой стадии можно видеть в страдательных безличных оборотах типа: «в девках сижено, горя мыкано» или «построено там три терема» (винительный объекта) [306].

Причастия — это синкретическая часть речи, предшествовавшая выделению имени и глагола. Чем дальше в древность, тем заметнее, что причастия страдательные одинаково употребительны как в глаголах, означающих действие (verba transitiva), так и в глаголах, означающих состояние (verba intransitiva), так что в более древнее время переходность не противополагается страдательности. «В причастиях этих замечается усиливающееся по направлению к древности колебание между действительным и страдательным значением» [307]. «Не может быть и речи о том, что страдательные причастия имели первоначально определенно-страдательное значение: страдательные с современной точки зрения причастия в более древнее время не могли иметь большей определенности заложного значения, чем та, какую до последнего времени обнаруживают слова, имеющие одинаковые с причастиями страдательные суффиксы (например: nasutus — носат; carnutus — рогат и т. п.)».

Итак, страдательное причастие в безличных оборотах типа: *послано, хожено* и т. п. — это не глагол и не имя в нашем смысле. «По направлению к древности употребление винительного объекта при именах существительных и прилагательных заметно усиливается, причем многие из таких имен оказываются тожественными с страдательными причастиями» [308]. Следовательно, в древнейших конструкциях этого типа винительный падеж не мог

первоначально зависеть ни от залога, ни от глагола вообще. «Страдательные причастия первоначально могли только указывать, что действие, обозначенное глагольным корнем, принадлежит, относится к тому, о чем идет речь, не обозначая того, производитель ли это действия, или только ближайший объект, на котором проявляется действие, или лишь одно только обозначение проявления действия» [309].

Первоначально «не было различия категории действительного и страдательного залогов». Это различие возникает в связи с развитием противопоставления активных глаголов, глаголов действия, и пассивных глаголов, глаголов состояния.

Категория залога формируется в связи с разграничением глаголов переходных и непереходных [310]. «Первоначально не могло быть заметного различия между переходными и непереходными словами». Диференциация имени и глагола ведет к «специализированию значения глаголов». Глаголы делаются переходными в том случае, когда склоняются к значению действия, направляющегося на другой предмет [311]. В связи с этим процессом «идет развитие более позднего значения винительного объекта» как предмета, на который направляется действие подлежащего, как объекта, которому причиняется известное действие или состояние. Категория объекта соотносительна с категорией субъекта. С формированием этих категорий связано развитие субъектно-объектного или номинативного строя предложения. На фоне этой эволюции и возникает противопоставление активных и пассивных оборотов; развивается категория залога.

«Главное различие действительных оборотов от страдательных заключается в следующем: в действительных оборотах главный с логической точки врения предмет, т. е. производитель действия или состояния, является вместе с тем и главным предметом речи, т. е. подлежащим; в страдательных же оборотах главным предметом речи является или самое действие, факт (безличные страдательные обороты), или второстепенный с логической точки врения предмет, на котором проявляется известное действие или состояние (личные страдательные обороты), причем производитель действия вполне или в значительной степени игнорируется» [312].

Таким образом, «залог есть известного рода отношение между производителем действия, объектом и подлежащим; следовательно, заложное значение есть такое формальное значение глагола, которым обусловливается отношение между производителем действия, объектом и подлежащим» [313]. Образование действительного и страдательного залогов связано с эволюцией категорий объекта и субъекта, активности и пассивности, переходности и непереходности.

«Транзитивность первоначально (и вообще в более древних формациях) вовсе не составляет исключительной принадлежности действительного залога и не противоположна ни медиальности, ни страдательности и даже не составляет исключительной принадлежности глагола вообще, но свойственна в значительной степени существительному и прилагательному; следовательно, активность первоначально вовсе не тожественна с транзитивностью, как учат грамматики. Но с течением времени происходит следующее. Между verba activa transitiva (т. е. переходными— *В. В.*) и verba activa intransitiva (т. е. непереходными. — *В. В.*) постепенно увеличивается различие; при непереходных (intransitiva) делается невозможным употребление винительного объекта, а вследствие этого делаются от них невозможными и личные страдательные обороты. Таким образом, суживание употребления винительного объекта идет параллельно с суживанием употребления страдательных оборотов» [314]. В кругу действительных глаголов устанавливается различие между субъективными глаголами, не имеющими при себе никаких дополнений (объектов), и объективными.

Итак, формируются два класса глаголов:

1) Действительные, т. е. такие, при которых подлежащим является производитель действия; объекта может или вовсе не быть (непереходные действительные), или может быть один и даже (редко) два объекта (переходные действительные).

2) Страдательные, т. е. такие, при которых «производитель действия вполне или в значительной степени игнорируется, а подлежащим является или второстепенный с логической точки зрения предмет, на котором проявляется действие (являющийся в действительных оборотах объектом), или грамматического подлежащего вовсе нет; изредка при них возможен и винительный объект, особенно во втором случае (страдательные переходные глаголы)» [315].

3) В связи с образованием этих залоговых различий возникает и третий залог — медиальный, средний. Основных залогов три: действительный, страдательный и средний. «Удобство термина средний залог заключается в том, что он указывает на отношение его к действительному и страдательному: средние глаголы представляют нечто среднее между действительными и страдательными, так как в них подлежащим является предмет, который вместе есть и производитель действия (признак действительного залога), и объект действия (признак страдательного). Это отношение понимали уже древнегреческие грамматики, которым принадлежит и само введение термина средний» [316].

Итак, рядом с действительными и страдательными располагаются медиальные глаголы, т. е. такие, при которых производитель действия является вместе и подлежащим и объектом, на что указывает медиальная форма или возвратный объект; другого объекта при этом обыкновенно (особенно в более поздних формациях) не бывает (непереходные media); но он может и быть (переходные media). (Ср. *я взглянул в зеркало и испугался себя;* ср. просторечное словосочетание: *боюсь жену.*) Один из видов медиума составляют глаголы взаимные. Постепенно «транзитивность делается противоположною медиальности и страдательности и совпадает с активностью».

Итак, «медиальная форма указывает на то, что действие, возникающее от субъекта, имеет тот же субъект своим объектом» [317].

Но так как медиальные глаголы начинают формироваться еще тогда, когда понятие объекта было очень широко и разные виды прямой и косвенной объективности — переходности и непереходности — не были дифференцированы, то значения медиальной формы очень сложны и разнообразны. Ведь местоименный корень *(-ся)*, являющийся в виде возвратного местоимения или заключенный в среднем глаголе, может отражать всю широту и недифференцированность значений так называемого «винительного» падежа, которыми этот падеж обладал до образования современной системы падежей.

а) Так, *-ся* может заступать место одного из винительных падежей при древних глаголах с двойным винительным. Например, в таких оборотах, как: *класть кому что* (или *кого во что*), *давать, делать кому-что, надевать на кого что* (или *одевать кого во что*) — более древние языки употребляют два винительных (двойные винительные различного значения). Когда *-ся* выступает в роли одного из этих винительных, возникают возвратные глаголы типа: *одеваться, обуваться, полагаться, надеяться* и т. п. [318].

Конечно, последующая эволюция лексических значений изменяет первоначальные связи и соотношения глаголов.

б) Подобным образом из двойных винительных объясняются средние глаголы со значением: удалять от себя что, лишаться чего и т. п., например: *раздеться, лишиться* и т. п.

в) Кроме того, в более древних языках существовал «винительный коммодальный: всякий глагол с винительным падежом возвратного местоимения мог получить значение действия для себя, в свою пользу». Так объясняется возникновение возвратных глаголов типа: *строиться, проситься, молиться* и т. п.

г) В связи с этими значениями становится понятным, что «средние глаголы могут между прочим указывать на то, что объект принадлежит действующему лицу, составляет его часть или принадлежность», например: *издержаться, тратиться* и т. п.

д) «Значительная часть винительного объекта имела первоначально комитативное значение, близкое к значению творительного. Комитативное значение возвратного объекта легко усматривается в таких

глаголах, как: *носиться, возиться, бросаться, пускаться, биться* и т. п. (*Биться* в таких оборотах, как *рыба бьется об лед*, значило: бить собою, а не себя.)

Из такого основного комитативного значения в средних глаголах развиваются следующие два значения: взаимное и обособительное.

е) Взаимные глаголы. В них часто действие относится к обоим предметам, т. е. каждый из двух предметов (или групп предметов) является вместе и субъектом и объектом, например: *человек борется с зверем* — значит: человек борет зверя, а зверь человека; в таком случае возвратный — местоименный объект, заключенный в среднем глаголе, получает взаимное значение (*друг с другом, друг друга*),и такие средние глаголы называются взаимными. Оба субъекта, выступая одновременно и в роли объектов, изредка выражаются именительным; обыкновенно же второстепенный из двух предметов является объектом, выражаясь в более древних языках винительным, а в более новых — творительным (сначала без предлога, а потом с предлогами, означающими сообщество). Например: *знаться с кем, видеться с кем, перекинуться с кем словом* и т. п.

ж) Полувзаимные глаголы. В этих глаголах представляется как бы «половина действия, выражаемого взаимными глаголами: только ответное действие» (ср. *откликаться* при *перекликаться*).

Так объясняется *-ся* в глаголах: *отзываться, откликаться, отражаться, отдаваться, слушаться, ослушаться, отговориться, отбиться.*

з) Действие, которое совершает производитель действия сам с собою, есть действие обособленное, замкнутое; из значения обособленности легко развивается значение независимости, произвольности и отсюда бессмысленности действия.

Например: *целиться, рубиться (порубись дров, помолотись), жечься (крапива жжется), колоться, царапаться, лягаться, бросаться (он бросается камнями без причины).*

Сюда же, вероятно, относятся многие из глаголов, означающих аффекты.

и) Обособительное значение особенно широко распространяется в связи с развитием значения непереходности в медиальной форме.

Так объясняется образование медиальной формы от многих глаголов непереходных, например: *стучаться, звониться* и т. д. В этом случае происходит как бы усиление значения непереходности с помощью медиальной формы.

к) Verba media в страдательном значении. «Медиальная форма может указывать на то, что слово, являющееся подлежащим, есть объект действия, означенного сказуемым (а это именно и означают личные страдательные обороты); при этом, конечно, игнорируется то, что в медиальном обороте объект действия есть вместе с тем и производитель действия»[319].

По аналогии с безличными страдательными оборотами развиваются и безличные медиально-страдательные обороты. В них характерен особый оттенок значения: произвольности, бессмысленности, непонятности действия. Например: *спится, сидится, лежится, пьется, зевается, хочется* и т. п.

«Учение о безличности, по мнению А. В. Попова, есть известного рода дополнение к учению о залогах» [320].

В самом деле, «очевидно, что объект и подлежащее составляют важные факторы в развитии залогов. Спрашивается, возможны ли такие случаи, когда один из этих факторов равняется нулю, т. е. отсутствует в предложении? Факты показывают, что возможны. Так, с одной стороны, часто не бывает объекта при действительных глаголах (непереходные действительные глаголы); с другой стороны, некоторые глаголы всех трех залогов имеют такое значение, что не нуждаются в подлежащем. Такие глаголы принято называть безличными. Итак, безличность есть частный случай отношения между членами предложения, когда сказуемое по своему значению не нуждается в подлежащем.

Это бывает в тех случаях, когда главным предметом речи является само действие. Относящиеся сюда глаголы обозначают обыкновенное физическое, физиологическое или психическое, состояние или действие, производитель которого неизвестен. Например, *темнеет*, *шумит*, *гудит* и т. п. просто значат: является темнота, происходит шум, чувствуется зуд. В безличных глаголах, говорит Штейнталь, самому субъекту дана глагольная форма: es dunkelt — Dunkel ist wird [321].

Гейзе заметил, что безличные глаголы представляют форму предложения, выражающего существование (Existentialzatz), означающего простое бытие или превращение (Sein oder Werden), факт без субъекта, т. е. без отдельного субъекта, так как факт сам по себе есть вместе и субъект» *.

Таковы взгляды А. В. Попова на залог, в основном очень близкие к концепции Потебни [322].

Здесь категория залога, в сущности, выводится далеко за пределы грамматического учения о слове, становясь основной проблемой исторического синтаксиса простого предложения [323].

§ 76. Категория залога в освещении акад. Д. Н. Овсянико-Куликовского. Синтаксические противоречия в учении Овсянико-Куликовского

Д. Н. Овсянико-Куликовский односторонне воспринимает учение Потебни о залоге. Он устраняет соображения Потебни о генезисе и эволюции категории залога, о связи ее с разными типами предложения. Вместо этого он разбавляет потебнианское учение о залоге психологизмом. Он своеобразно изменяет мысль Потебни об отсутствии полноты энергии в субъекте страдательного оборота. Овсянико-Куликовский определяет залог так: «Залогами называются те глагольные формы, в которых воспроизведено отношение подлежащего как лица действующего к сказуемому как к действию, с точки зрения подлинности, фиктивности и мнимости роли подлежащего как производителя признака, данного в лексическом значении глагола-сказуемого» [324]. Такая оценка роли подлежащего невозможна вне лексической характеристики глагола. Например, в выражении: *камень лежит — камень* представляется фиктивным производителем действия, и это представление зависит от лексического значения глагола *лежать* [325]. Категория залога, следовательно, помещается Д. Н. Овсянико-Куликовским на самой границе грамматики и лексикологии, в переходной между ними зоне. Характерное для Потебни стремление к учету взаимодействия лексических и грамматических значений у Овсянико-Куликовского отзывается смешением тех и других. Залоговое значение, по Овсянико-Куликовскому, — это свойство глагола изображать деятельность подлежащего либо как подлинную, либо как фиктивную или мнимую: «Смотря по лексическому значению глагола, эта мнимость колеблется то в ту, то в другую сторону, увеличиваясь и уменьшаясь». Понятие мнимости, фиктивности у Овсянико-Куликовского двусмысленно. Иногда оно — лексическое, иногда — грамматическое. Тем не менее им определяется грамматическое различие между двумя основными залогами д е й с т в и т е л ь н ы м и с т р а д а т е л ь н ы м. «Страдательный залог, — учит Овсянико-Куликовский, — есть форма глагола, заставляющая нас мыслить подлежащее как недействующее или, лучше, мнимо действующее и только отвечающее на вопрос: *кто? что?*» Подлежащее при формах страдательного залога является лишь мнимым производителем признака, «иначе говоря, можно назвать мнимою его деятельность».

---

* Некоторые безличные глаголы, повидимому, являются и в личной форме; но на самом деле это два разных глагола, например: pluit — идет дождь, но Jupiter pluit значит: Юпитер испускает дождь; таким образом *шумит* как безличный глагол значит: происходит шум, а как личный: производит шум.

В отличие от страдательного, действительный залог есть «форма глагола, заставляющая нас мыслить подлежащее как лицо действующее, причем самая деятельность его может быть либо подлинною, либо фиктивною», в зависимости от лексического значения глагола. Ср.: *я гуляю* и *камень лежит*. Дальнейшее различение залоговых значений у Овсянико-Куликовского носит еще менее грамматический характер. Оно грешит грубым смешением грамматических и лексических признаков, выделяемых с психологической точки зрения. Так, различая две формы страдательного залога (причастно-страдательный оборот и возвратно-страдательный глагол на *-ся*), Овсянико-Куликовский вслед за Потебней находит разницу между этими формами «в степени мнимости подлежащего как производителя признака». В формах типа *подсудимый был оправдан* эта мнимость подлежащего как производителя признака — полная, в пассивных конструкциях с формами на *-ся (мост строится)* степень мнимости уже не та. Так, например, в выражении *эта дверь плохо запирается* достаточно ясно сквозит «представление о двери как о действующем лице — как будто дверь сама так делает, что ее трудно запереть». Таким образом, и в формах страдательного залога на *-ся* наблюдается колебание в степени мнимости подлежащего как производителя действия, в зависимости от различий лексического значения глагола. В одних глаголах эта мнимость затушевана, в других выступает очень ярко. Например, в таких выражениях, как: *заседание открывается*, *обед варится*, *публика сюда не допускается*, *книга печатается* и т. д. — «уже гораздо труднее или совсем невозможно представить себе подлежащее действующим». Все же «отсутствие страдательного причастия и действительная форма глагола в этом обороте обусловливают собою то, что подлежащее здесь не имеет столь яркого характера мнимости (в смысле производителя признака), каким оно отмечено в обороте с причастием страдательным». Так Овсянико-Куликовский отделяет страдательное значение от грамматической формы (ведь форма глагола, по словам Овсянико-Куликовского, — здесь «действительная») и ставит его в полную зависимость от лексических значений слов и от стилистических особенностей словоупотребления.

Классификация форм действительного залога в теории Овсянико-Куликовского производится уже с иной точки зрения — именно с точки зрения отношения действия к субъекту и объекту, а также взаимоотношений между субъектом и объектом действия (а не с точки зрения подлинности или «мнимости» подлежащего). Устанавливаются две разновидности глаголов действительного залога: 1) переходные (распадающиеся на: а) прямопереходные — с винительным прямого дополнения и б) косвенно-переходные) и 2) непереходные глаголы. Далее различаются следующие разряды непереходных глаголов:

1) Непереходные, которые также могут быть и переходными, например *говорить*, *читать*, *петь*.

2) Непереходные — с частицей *-ся*, которую нельзя отделить (т. е., отделивши которую, нельзя получить живой формы глагола), например: *скитаться*, *бояться*, *выспаться*, *сниться*, *смеяться*, *улыбаться*. Это так называемые «общие» глаголы. Здесь, по словам Овсянико-Куликовского, «на первый план — в чисто грамматической сфере мысли — выдвигается само действие (состояние), с оглядкою на лицо, которому оно принадлежит».

3) Непереходные — с отделяющейся частицей *-ся* (соответствующие глаголы без частицы *-ся* — переходны), например: *молиться*, *рыться*, *возиться*, *носиться*, *копаться*, *томиться*, *водиться* и т. п. Здесь доминирует «представление, что действующее лицо как бы поглощено своею деятельностью, ушло в нее целиком».

4) Возвратные — тоже с частицей *-ся*, «которая здесь указывает на то, что действие подлежащего направлено на него же самого».

5) Взаимные — *драться*, *бросаться*, *целоваться* и т. д. — с частицей *-ся*, «намекающей на то, что объекты действия — это те же действующие лица».

6) Те же глаголы — *ругаться*, *драться*, *сражаться* и пр., но только без указания на взаимность.

7) Непереходные — без *-ся: спать, лежать, умирать, страдать, болеть* и т. д.

Таким образом, здесь уже использован анализ возвратных глаголов, произведенный К. С. Аксаковым, Ф. Ф. Фортунатовым и А. А. Потебней, и несколько приспособлен к старому учению о залогах. Но в самой классификации непереходных глаголов у Овсянико-Куликовского наблюдается беспорядочное смешение разных критериев — лексических, морфологических и синтаксических.

Понятие непереходности, по мнению Овсянико-Куликовского, имеет разные степени. «Непереходность различных глаголов неодинакова: многие из них стоят на границе между переходностью и непереходностью. Одни и те же глаголы могут быть переходными и непереходными. Например, непереходный глагол *рыдать* в стихах:

Не *рыдай* так безумно *над ним:*
Хорошо умереть молодым...
(Некрасов.)

уже отмечен характером некоторой переходности.

Итак, «употребляя какой-нибудь глагол (в предложении), мы представляем себе его специальные отношения к действующему лицу, с одной стороны, и к внешним предметам (объектам) — с другой; если в нашем грамматическом ощущении перевешивают первые (отношения к действующему лицу), то это глагол непереходный; если перевешивают вторые (отношения к объектам), то это глагол переходный». Так как отношение глагола-сказуемого к подлежащему выражается в согласовании, а его отношение к дополнению — в управлении, то непереходность есть перевес согласования над управлением. Переходность, наоборот, — признак роста управления.

Легко заметить, что у Овсянико-Куликовского слились и смешались в категории «действительных» глаголов глаголы самого различного грамматического содержания и строения: тут и переходные, и непереходные без *-ся*, и общие глаголы, и все разряды возвратных. В основу классификации залогов положены три совершенно разнородных и несоотносительных признака: 1) различие в отношениях между подлежащим и реальным производителем действия — признак синтаксический, связанный с вопросом об активных и пассивных оборотах; 2) лексико-синтаксическое различие глаголов в зависимости от их переходных, непереходных и косвенно-переходных значений; 3) различие в значениях, вносимых в так называемые «возвратные» глаголы аффиксом *-ся*.

Концепция Овсянико-Куликовского эклектически комбинирует разные учения о залогах. Она пропитана наивным психологизмом. Однако заслуга Овсянико-Куликовского состояла в том, что он с точки врения современного языка глубже осветил понятие переходности и непереходности глагола и разъяснил, следуя за Потебней, невозможность отделять от категории залога вопрос об активных и пассивных оборотах.

§ 77. Попытки синтеза фортунатовской теории залогов с учением Потебни и Овсянико-Куликовского в работах акад. Шахматова

Акад. А. А. Шахматов пытался выйти за пределы фортунатовской схемы залогов и устранить противоречия концепции Овсянико-Куликовского. Но в «Очерке современного русского литературного языка» Шахматов очень близок к Фортунатову и его школе в понимании сущности залога и в определении значений возвратной формы. Шахматов сначала отделяет от категории залога вопрос о переходном и непереходном значении глаголов. Общее определение залога в «Очерке» целиком совпадает с фортунатовским. Формами залога, по Шахматову, называются «те различные произведенные от одного и того же глагола образования, в которых обозначаются различного рода отношения действия или состояния, выраженного глаголом, к его субъекту»[326]. Вслед за Фортунатовым, А. А. Шахматов признает, что наряду с глаголами,

обозначающими залоговые различия, в русском языке много глаголов, не подводимых под категорию залога, из-за отсутствия соотносительных форм, например: *идти, долженствовать, возненавидеть, бояться* и т. п. Но вопреки Фортунатову и в соответствии с грамматической традицией, Шахматов считает различия в отношениях действия или состояния к субъекту, выражаемые формами действительного и страдательного залога, очень существенными для русского языка*. Эти различия отражаются не только в противопоставлении действительных и страдательных причастий, но и в широком развитии страдательного значения у возвратных глаголов на *-ся*, преимущественно для 3-го лица. Для 1-го и 2-го лица обоих чисел, по мнению Шахматова, употребительнее обороты со страдательными причастиями, чем возвратные формы на *-ся*. Действительный залог обозначает, что «действие или состояние проистекает от самого субъекта». Страдательный обозначает, что «действие переходит на субъект предиката с другого (психологического) субъекта». Эти определения близки к взглядам Потебни и Овсянико-Куликовского. С действительным залогом соотносителен также средний, обозначающий, что «действие или состояние, выраженное глаголом действительного залога, подверглось тому или иному изменению в отношении его к субъекту, причем это изменение внесено в него частицей *-ся*» (*моется, они бранятся, радоваться, сердиться* и т. п.). Таким образом, основных залогов у Шахматова (так же как и у Потебни) три: действительный, страдательный и средний, к которому Шахматов относит возвратные глаголы (ср. классификацию Г. Павского и традиционную систему залогов, принятую западноевропейской лингвистикой)[327]. Определяя значение глаголов на *-ся*, т. е. «глаголов среднего залога», А. А. Шахматов отчасти руководился схемой Фортунатова. Он делил эти глаголы: 1) на глаголы собственно возвратные, соотносительные с переходными действительными глаголами (со значением возвратно-переходным — *он моется, лошадь плетется*, возвратно-непереходным — *собака кусается*, возвратно-взаимным — *они познакомились* и возвратно-общим — *сердиться*), и 2) на средние глаголы с усилительно-определительным значением, произведенные от непереходных глаголов (среди этих последних различались: а) глаголы с усилительным значением: *стучаться, хвастаться, звониться* и т. п., в которых действие субъекта совершается в его интересах, и б) глаголы с определительным значением: *краснеться, белеться* и т. п.).

Различая в кругу возвратных глаголов те же оттенки значений, что и Фортунатов, акад. А. А. Шахматов опирается на более широкий и разнообразный материал. Этот материал не покрывается фортунатовской схемой глаголов. Поэтому характеристика некоторых значений оказывается слишком общей и неопределенной. Таково, например, возвратно-непереходное значение, «когда действие субъекта только обнаруживается, но не переходит ни на объект, ни на субъект». Сюда у Шахматова отнесены такие разнородные типы глаголов, как: *кусаться, жечься (крапива жжется), бодаться* и т. п., с одной стороны, и *строиться (народ строится), тратиться (ты понапрасну тратишься), убираться (он целый день убирается)* и т. п. —с другой. Очень расширенным представляется и толкование «возвратно-переходного значения»: «Когда действие субъекта переходит на него же, захватывая или часть его (например, внешность), или его всего, выдвигая его, выставляя его определенным образом». С этим значением у Шахматова связаны не только прямовозвратные формы вроде: *я моюсь, ты купаешься, румяниться, она вавивается* и т. п., но и такие глаголы, как: *крадется, лошадь плетется, он носится с мыслью, берется, забывается, твое отсутствие кидается в глаза* и т. п. Ясно было, что фортунатовский перечень значений *-ся* очень неполон, недостаточен. В своем «Синтаксисе» А. А. Шахматов значительно пополняет и исправляет его.

В своем «Синтаксисе»[328] А. А. Шахматов сохранил то же деление на три основных залога (с заменой термина «средний залог» названием «возвратный

* Отчасти в этих пунктах сказалось влияние на Шахматова со стороны Овсянико-Куликовского и «Синтаксических исследований» А. Попова (Воронеж 1881).

валог»): действительный, страдательный и возвратный, но расширил и видоизменил само понятие залога. В русском языке, по Шахматову, формами залога выражается или отношение субъекта к объекту действия, или же невозможность сочетать данный глагол с объектом. Таким образом, в соответствии с теорией Потебни и Овсянико-Куликовского, признак переходности или непереходности становится у Шахматова фундаментом учения о залогах. Теперь Шахматовым различаются три группы глаголов действительного залога: переходные с прямым дополнением (в винительном падеже), переходные с косвенным дополнением (в родительном, дательном, творительном падежах) и непереходные, вовсе не имеющие при себе дополнения. Грамматическое различие между этими тремя разновидностями глаголов действительного залога выражается в том, что прямо-переходные глаголы образуют причастия страдательного залога; косвенно-переходные, не образуя причастий страдательного залога, могут сочетаться с *-ся* (ср. *управляться, руководиться;* ср. *грозить* и *грозиться; хвастать* и *хвастаться* и т. п.); непереходные не образуют причастий страдательного залога и обычно (кроме некоторых немногих глаголов) не сочетаются с *-ся* (разве только для обозначения полноты проявления действия или его интенсивности, но и то — при одновременном присоединении приставки, например: *лежать — отлежаться, вылежаться*). Кроме того, А. А. Шахматов углубил и расширил учение Фортунатова о значении возвратной формы *, о значении аффикса *-ся*.

Не подлежит сомнению, что в шахматовском учении о залогах русского глагола есть некоторая неслаженность. В «Очерке современного русского языка» А. А. Шахматов, следуя за Фортунатовым, выдвигал главным образом морфологические различия между залогами. Но тут же под влиянием Овсянико-Куликовского он подчеркивает соотносительность действительного и страдательного оборотов и выясняет синтаксическую разницу между ними, состоящую в характере отношений предиката к субъекту. Кроме того, описывая формальные классы глаголов среднего залога, А. А. Шахматов уже не ограничивается указаниями на отношение действия к субъекту, но постоянно отмечает и различия в отношениях действия к объекту (например возвратно-непереходное значение, когда действие «не переходит ни на объект, ни на субъект», возвратно-взаимное, когда действие субъекта и объекта взаимно переносится друг на друга). В «Синтаксисе» А. А. Шахматов глубже вникает в синтаксическую природу залоговых различий, в их связь с соотношением категорий субъекта и объекта в строе предложения. Но и тут лексико-морфологические признаки залоговых форм отвлекают А. А. Шахматова от анализа тех синтаксических конструкций, строй которых всецело определяется различиями залоговых форм и функций глаголов.

Анализ функций самой возвратной формы — самая блестящая и плодотворная часть шахматовского учения. С некоторыми дополнениями и поправками он должен быть принят как грамматикой, так и лексикологией современного языка. Характеристика основных, продуктивных значений аффикса *-ся* помогает уяснить семантическую природу возвратных глаголов, живые законы их образования и синтаксического употребления в современном языке.

§ 78. Значения формообразующего и словообразовательного аффикса *-ся*. Соотношения между глаголами на *-ся* и глаголами без *-ся* и нарушение этих соотношений

Не подлежит сомнению, что в современном русском языке категория залога прежде всего выражается в соотношении возвратных и невозвратных форм одного и того же глагола.

* Работа A. Margulies «Die verba reflexiva in den slavischen Sprachen» (1924) почти не пополняет шахматовского учения о залоге новыми указаниями.

В основе этого явления лежит синтаксическое свойство глагола воспроизводить оттенки одного общего грамматического понятия (отношения действия к субъекту и объекту) соотносительными формами — основной и производной, осложненной агглютинативным аффиксом *-ся*.

Первоначально невозвратная и возвратная формы глагола были формами одного и того же слова. Возвратная форма (в которой элемент *-ся* был некогда подвижным) обозначала то же действие, но замкнутое в его субъекте, не направленное на посторонний объект (ср. *мыть* и *мыться; бросать* и *бросаться; веселить* и *веселиться; уважать* и *уважаться; целовать* и *целоваться; запасти* и *запастись* и т. п.). Однако это синтаксическое соотношение должно было повлечь за собой и лексические различия. Значения возвратных форм стали очень разнообразны и диффузны, так как в глагольных формах на *-ся* отразились разные падежные функции бывшего возвратного местоимения. Грамматические соотношения форм глагола без *-ся* и с *-ся* были видоизменены и осложнены выросшими лексическими различиями этих форм. Многие возвратные формы, развив самостоятельные значения, обособились от соответствующих невозвратных форм и стали отдельными словами. Однако и в современном русском языке — при отсутствии лексических различий — возвратные и невозвратные глаголы с одной и той же основой воспринимаются почти как формы одного слова, а не как разные слова. Но эти грамматические отношения возвратности и невозвратности уже осложнены и смешаны разнообразными лексическими, словообразовательными функциями аффикса *-ся*. Дело в том, что значения и оттенки аффикса *-ся* зависят от лексических значений тех глагольных основ, к которым этот аффикс присоединяется. Общая функция *-ся* — устранение переходности глагола или усиление его непереходности — осложняется разнообразными оттенками соответственно лексической природе тех или иных разрядов глаголов, соответственно их семантической дифференциации.

Вслед за А. А. Шахматовым можно различить такие значения и оттенки, придаваемые группам возвратных глаголов вообще или их отдельным группам суффиксом *-ся*.

1. Собственно-возвратное (или прямо-возвратное) значение. В этом случае *-ся* обозначает, что действие имеет своим объектом физическую личность самого субъекта — производителя действия, непосредственно направлено на его внешность, на поверхность его тела и т. п. (ср. *мыться, белиться, румяниться, чесаться, завиваться, беречься, казниться, закутаться, защищаться* и т. п.). Устанавливается прямое соотношение между возвратными формами и основными формами без *-ся* (*мыть, белить, румянить* и т. п.), по крайней мере, в общем кругу значений. Но во многих глаголах, которые раньше имели ярко выраженное прямо-возвратное значение, в процессе их семантической эволюции это значение бледнеет (например: *готовиться, присоединяться, собираться* и т. п.). При возвратном значении у глаголов на *-ся* предполагается в качестве субъекта

действия лицо или вообще живое существо. В сочетании же с субъектом, выражающим не лицо, а предмет, эти глаголы обычно имеют значение страдательное, или средне-возвратное (например: *лицо моется; щеки румянятся от мороза* и т. п.). Ср. *спасаться от преследования* и «любовью все покупается, все спасается» (Достоевский).

А. Маргулиес различает два оттенка собственно-возвратного, или «объективного» (по его терминологии) залога. Возвратный залог может обозначать:

а) выполнение субъектом действия над собой (*умываться; кошка лижется* и т. п.);

б) выполнение субъектом действия самим собой (mit sich selbst): *хвалиться, перемениться* и другие подобные.

Но легко заметить, что этот второй оттенок возвратного залога является переходным от собственно-возвратного значения к значениям средне-возвратному (например: *углубиться в размышление, нравственно перемениться)* и обще-возвратному. Кроме того, Маргулиес считает грамматически однородными простые (с аффиксом *-ся*) и усиленные заменой *-ся* через *себя* и присоединением местоимения *сам* формы возвратного залога. Например: он *защищался* и *он сам себя защищал;* я *мучился* и *я сам себя мучил* и т. п.

Частое употребление усиленной формы возвратного залога в русском языке, по Маргулиесу, находится в связи с тем, что в русском языке простая возвратная форма выражает слишком много залоговых значений. Но вряд ли можно согласиться с этими положениями Маргулиеса. Для нас *беречься* и *беречь себя, застрелиться* и *застрелить себя* различны по своей грамматической природе. На это уже указывали и Овсянико-Куликовский и Пешковский. «Если вместо «он застрелился», мы скажем «он застрелил себя», то это будет уже другое выражение, другой оборот; оба выражения могут иметь один и тот же смысл, одно и то же материальное содержание, но они различны грамматически, синтаксически, и поэтому их нельзя отожествлять»[329].

Однако далеко не всегда такие парные выражения синонимичны (ср. *убиться* и *убить себя*). Ср. *лишаться жизни* и *лишить себя жизни*. Ср. *Он-то считает себя умным, а у окружающих считается круглым дураком;* ср. *беречь себя* и *беречься* и другие подобные. Ср. широкое распространение в современном русском языке возвратных глаголов типа: *самоуплотниться, самоустраниться, самоуничтожиться* и т. п. — при отсутствии соответствующих невозвратных форм с *само-* и при невозможности сказать: *самоуплотнить себя* и т. д.

2. Средне-возвратное значение. В этом случае *-ся* обозначает, что действие не направлено на посторонний объект, а сосредоточено в сфере субъекта и сводится к внешним изменениям в состоянии субъекта. При этом «субъект, оставаясь фактическим производителем действия, не мыслится таковым; он только объект» (Шахматов). Однако непосредственное понимание направленности действия субъекта (производителя действия) на себя самого как

на прямой объект или вовсе отсутствует, или затруднено. Это значение рельефно выступает в группе глаголов, означающих внешние, физические изменения и изменения в состоянии и положении субъекта, его перемещения в пространстве, причем субъектом может быть и одушевленное существо и неодушевленный предмет: *возвращаться*, *убираться*, *останавливаться*, *отправляться*, *отодвинуться*, *переселиться*, *прибавляться* (в весе), *прогуливаться*, *кататься*, *шататься*, *бросаться*, *наклоняться*, *подняться*, *прислониться*, *скатиться*, *свалиться*, *вертеться*, *трястись* и т. п. Все глаголы этого типа соотносительны с глаголами без *-ся* и иногда могут иметь также страдательное значение (преимущественно в несовершенном виде)[330].

3. Обще-возвратное значение. В этом случае *-ся*, замыкая действие в сфере субъекта, образует возвратные глаголы, выражающие изменения во внутреннем состоянии субъекта (*сердить — сердиться; радовать — радоваться; торопиться*, *веселиться*, *страшиться*, *удивляться*, *удовлетворяться*, *подчиняться*, *восхищаться*, *признаться*, *беспокоиться*, *утешиться* и т. п.). Очевидно, это значение может возникнуть лишь в лексическом кругу глаголов со значением чувства, внутреннего душевного переживания. Возвратные глаголы внутреннего состояния не могут иметь страдательного значения. Соотношение субъектных и объектных значений в них иное, чем в глаголах «физических изменений» (типа: *пожиматься*, *бросаться*). Здесь *-ся* указывает на то, что субъект сам охвачен действием-состоянием (т. е. переживанием, чувством). Это значение родственно лексическому значению так называемых «общих глаголов», которые не имеют соответствий среди форм без *-ся*: *стараться*, *бояться*, *опасаться*, *гордиться*, *улыбаться*, *усмехаться* и т. п.

Маргулиес объединяет средне-возвратное и обще-возвратное значения в категории «эвентивного залога». «Эвентивный залог обозначает состояние, вызванное действием, или же включенную в какое-нибудь действие, следовательно, вторичную деятельность» («тихо склонялась и поднималась его голова» (Тургенев); *он всполошился*). Действительно, многие глаголы с средне-возвратным значением в переносном употреблении получают значение обще-возвратное, например, *портиться* (в физическом и психическом, нравственном смысле).

4. Страдательно-возвратное значение. Отчасти оно совмещается с собственно-возвратным значением и возникает в тех же глаголах — при неодушевленном субъекте (ср., например, *она румянилась* и *щеки румянятся морозом*); в других глаголах оно сочетается со значением средне-возвратным. Ср. «Толпы раненых... шли, ползли и на носилках неслись с батарей» (Л. Толстой, «Война и мир») и: «Корабль несется на всех парусах». В теории большая часть прямо-переходных глаголов действительного залога может быть обращена в возвратные глаголы со страдательным значением (ср. *штрафоваться*, *обличаться*, *называться*), но факти-

чески у многих глаголов страдательное значение бывает затушевано, затемнено другими возвратными значениями (особенно средневозвратным). Страдательное значение ярче выступает при наличии творительного падежа действующего лица[331].

А. А. Шахматов делал такое примечание к анализу глаголов страдательно-возвратного залога: «Иногда невозможно определить залог: *поезд останавливается*, но *поезд останавливается сигналом стрелочника, опытной рукой машиниста*, даже — *поезд останавливается по требованию пассажиров*», это — страдательный, если подразумевается дополнение в виде неопределенного лица; это — средне-возвратный при отсутствии такого дополнения[332]». Но и указанный Шахматовым признак страдательного значения условен и необязателен.

Страдательное значение чаще всего обнаруживается у возвратных глаголов в форме 3-го лица и притом в несовершенном виде. В соотносительных формах совершенного вида страдательное значение возможно лишь в будущем времени. Соответствующие же формы прошедшего времени совершенного вида обычно приобретают средне-возвратное значение. Например: *комната освещается (освещалась, будет освещаться) керосиновой лампой.* Допустимо: *комната осветится лампой.* Почти невозможно: *комната осветилась лампой* (но ср. *улица осветилась фонарями* — здесь *осветиться* имеет иное, средне-возвратное значение). В силу этой связи страдательного и средне-возвратного значений у многих глаголов на *-ся* страдательность кажется недоразвившейся или угасающей.

5. Взаимно-возвратное значение. В этом случае *-ся* выражает взаимодействие субъекта и объекта как производителей и объектов процесса. Например: *бороться, биться, сражаться, возиться, сговориться, повидаться, условиться, помириться, объединиться* и т. п.

При наличии множественного или собирательного деятеля эти глаголы непосредственно выражают взаимность действия или взаимодействие (ср. *друзья обнялись*; *милые бранятся, только тешатся*; ср. *делились чувствами они*; *бывшие враги помирились*). Не раз отмечалось в научной литературе, что взаимное значение *-ся* первоначально развилось у возвратных глаголов именно в формах множественного числа. Понятие взаимности прежде всего заключает в себе признак перехода действия с одного субъекта на другой или на другие субъекты[333], признак взаимодействия двух или нескольких лиц. В этом случае *-ся* значит: друг друга. Например: *они схватились за руки и поцеловались* (ср. *они помирились друг с другом*). Но к оттенку взаимодействия или взаимного действия субъектов друг на друга, так что каждый субъект действия является в то же время и объектом его, примыкает другой оттенок — оттенок совместности действия двоих или нескольких лиц или совместного их участия в действии (ср. *Товарищи поругались*). Например: *Они шептались по кустам; Делились чувствами они; Разошедшись в разные стороны, они долго перекликались* и т. п. Отсюда — один шаг до

нового оттенка, связанного с употреблением тех же глаголов (особенно часто в формах единственного числа), в сочетании с косвенным объектом, обозначающим лицо и присоединенным с помощью предлога *с*, например: *я дружески обнялся с ним* и т. п. Повидимому, нет серьезных оснований отделять от взаимного залогового значения употребление тех же глаголов с предлогом *с* (ср. *советовать кому что* и *советоваться с кем*). Например: «Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранивался?» (Пушкин).

В сущности, здесь наблюдается синтаксический «перенос» того же рода, что и в конструкциях: *Полкан и Барбос—Полкан с Барбосом*. Поэтому представляются неубедительными следующие возражения против такого объединения со стороны проф. А. Б. Шапиро: «Значение взаимного подзалога глагол имеет лишь тогда, когда действие совершается не одним лицом, а двумя или несколькими, причем эта сторона значения глагола выражается множественным числом подлежащего и, соответственно, сказуемого. В предложениях: *Я с ним встретился*, *Она вечно со всеми бранится* и т. п. у глагола *встретился* и *бранится* значения взаимного подзалога нет, так как здесь формою числа подлежащего не поддерживается значение взаимности действия: в этих предложениях из лиц, упоминаемых в связи с действием, только одно выступает как субъект (*я*, *она*), остальные же — только в качестве непрямого объекта»[334]. Можно лишь сказать, что в этих конструкциях значение социативности, взаимности синтаксически распылено по всему словосочетанию.

6. К о с в е н н о - в о з в р а т н о е значение. В этом случае *-ся* обозначает, что действие субъекта имеет личность того же субъекта и своим косвенным объектом: оно совершается д л я н е г о, в е г о и н т е р е с а х. Например: *строиться*, *построиться*, *прибраться*, *уложиться*, *запастись*, *раздобыться* и т. п.

7. П о б о ч н о - в о з в р а т н о е значение. Здесь *-ся* обозначает, что действие, отстраняя объект или ставя его в косвенное отношение к себе, в то же время не охватывает и субъекта, а лишь как бы исходит из него. Например: *держаться за перила*, *взяться за дело*, *оглядеться*, *цепляться* и т. п.

8. С р е д н е - п а с с и в н о - в о з в р а т н о е значение. В этом случае *-ся* обозначает, что объект действия изображается в роли его субъекта, а само действующее лицо, производитель действия, представляется в качестве косвенного объекта, на который направлено действие. Обычно это значение обнаруживается у личных глаголов при сочетании с дательным субъекта. Например: «Припомнились ей опять притвор и темные фигуры» (Чехов). «Их лица мне представляются и теперь иногда в шуме и толпе среди молодых франтов» (Гоголь) *.

---

* Отнесение подобных примеров у И. П. М у ч н и к а к страдательному залогу с точки врения современных синтаксических отношений не мотивировано (статья «О залогах русского глагола», «Ученые записки кафедры русского языка МГПИ», 1938, вып. II, стр. 151 и 155).

9. Качественно-пассивно-безобъектное значение. Здесь *-ся*, замыкая действие в самом субъекте, выражает наличие у субъекта характеристического свойства, обладание субъекта способностью подвергаться какому-нибудь действию, например: *ящик выдвигается, стекло не гнется, палка не сгибается* и т. п. Однако это значение ярче выступает в формах настоящего времени, а также при наличии наречных качественных определений образа действия. Следовательно, это значение формируется не столько присоединением аффикса *-ся* к переходным глаголам известной семантической группы, сколько взаимодействием, комбинацией ряда факторов.

10. Активно-безобъектное значение. Это значение особенно ярко выступает у возвратных глаголов, соотносительных с переходными глаголами без *-ся* и обозначающих действие субъекта, фактически переходящее на какой-нибудь предмет, направленное на других, но мыслимое в отвлечении от объекта как характеристическая, отличительная черта самого субъекта. Например: *Собака кусается; Что ты толкаешься?; Крапива жжется; Корова бодается*; *Эта стена только что окрашена и потому пачкается;* «А барс лишь резаться готов» (Крылов «Воспитание льва»)[335].

11. Интенсивно-побочно-возвратное значение. Оно связано с обозначением действия кратного, проявляющегося «с такой интенсивностью, которая сосредоточивает особенное внимание на производителе признака» (Шахматов). Это значение свойственно глаголам, которые соотносительны с непереходными глаголами без *-ся* и лексически почти тождественны с ними (в однородном кругу значений). Все эти глаголы характеризуются подчеркнутой замкнутостью действия в сфере субъекта, его интересов. Например: *звонится* (т. е. звонить в дверной звонок, чтобы открыли дверь; ср. значения глагола *звонить*), *стучаться, плакаться, хвастаться, целиться, грозиться, светиться, глядеться.* Проф. Л. А. Булаховский определяет значение этих глаголов как заинтересованно-длительно-усилительное[336].

Любопытно, что А. Маргулиес в своей работе о возвратных глаголах объединяет активно-безобъектное и интенсивно-побочно-возвратное (а также косвенно-результативно-возвратное) значения в одной категории динамического залога. По Маргулиесу, «динамический залог обозначает не отклонение в направлении действия, выраженного активным глаголом, а усиление этого действия». «Динамический залог лишь количественно отличается от действительного залога, тогда как все остальные залоги отличаются от него качественно». Динамический залог одинаково образуется как от глаголов переходных *(кусаться, драться)*, так и непереходных *(грозиться, плакаться).* Ср.: *попасть* и *попасться; отступать* и *отступиться; пройти* и *пройтись.*

Отсутствие резких граней между глаголами на *-ся* с интенсивным значением, с значением заинтересованности, образованными как от переходных, так и непереходных глаголов, видно по таким

глаголам, как *обещать* и *обещаться*. Ср.: «К батюшке зайти я обещался» (Грибоедов, «Горе от ума»). *Товарищ обещал помочь мне.* Ср. *просить* и *проситься*.

12. Значение пассивного обнаружения внешнего признака. Это значение свойственно глаголам на *-ся*, соотносительным с непереходными отыменными глаголами на *-еть*: *белеться* (ср. *белеть*), *зеленеться*, *стареться*, *тлеться* (ср. *тлеть*) и т. п. В этих глаголах (сравнительно с формами без *-ся*) отсутствует оттенок активного развития, роста качества и рельефнее выступает значение пассивного проявления внешнего признака (зрительного, чаще всего цветового). Например: *зеленеться* — казаться зеленым, показываться, виднеться (о чем-нибудь зеленом). Ср. *зеленеть* — 1) становиться зеленым, приобретать зеленую окраску; 2) покрываться свежей травой, листвой. От этих значений отблеск или оттенок активности падает и на то значение *зеленеть*, которое близко слову *зеленеться*. Например: «И зеленеющая влага пред ним и блещет и шумит».

В глаголах *чернеться*, *светлеться* и т. п. — сравнительно с *чернеть*, *светлеть* и т. п. — ослабевают и утрачиваются значения ингрессивное (т. е. значение наступления признака) и начинательное. Например, *чернеть* значит: 1) становиться почерневшим, приобретать черный цвет, черную окраску (значение ингрессивное); 2) начинать чернеть (начинательное значение) и 3) виднеться (о чем-нибудь черном). В *чернеться* сохраняется лишь последнее значение. Отсюда — ослабление активности процесса.

13. Косвенно-результативно-возвратное значение, выражающее полноту, исчерпанность проявления действия, удовлетворенность, истощенность субъекта действием, интенсивность захвата субъекта действием. В соответствующих глаголах присоединение *-ся* связано с префиксацией, изменяющей вид глагола (например: *належаться*, *вылежаться*, *проспаться* и т. п.). Глаголы этого типа соотносятся как с переходными, так и непереходными глаголами без приставки и без *-ся*. Этот процесс комбинированного, суффиксально-префиксального внутриглагольного словообразования, связанный с использованием аффикса *-ся* и с видовой трансформацией глаголов, очень многообразен. В сущности, здесь лексических значений и оттенков столько же, сколько разных приставок, служащих совместно с *-ся* способом образования новых глаголов и выражающих предельную полноту проявления действия с теми или иными семантическими оттенками (ср.: *догуляться*, *отгулятьсяся*, *нагуляться* и т. п.; *выспаться*, *отоспаться*, *проспаться*, *наспаться*, *разоспаться* и т. п.). Глаголы этого типа нуждаются в детальном анализе. Освещение их в работах Шахматова явно недостаточно.

14. Взаимно-моторное значение. Оно проявляется у глаголов на *-ся*, образованных от непереходных глаголов движения с помощью суффикса *-ся* и приставок *с-* и *раз-* (*разбежаться*, *разойтись*, *сойтись*, *съехаться*, *срастись* и т. п.)[137]. В этих случаях

приходится говорить собственно не о значении суффикса *-ся*, а о значении *раз-... -ся*, *с... -ся* в сочетании с глагольными основами движения.

15. Безлично-интенсивное значение. Оно обнаруживается в безличных глаголах на *-ся*, выражающих действие, не зависимое от воли лица, участвующего в процессе и проявляющееся интенсивно. Сюда относятся безличные глаголы физического или внутреннего состояния, при которых субъект выступает в роли объекта, невольно испытывающего на себе действие, в роли объекта, на который направлено действие. Например: *мне хочется*, *плохо работается*, *не спится*, *нездоровится*, *икается* и т. п.

А. А. Шахматов в «Очерке» различал здесь «два случая: в одном из них частица *-ся* присоединяется к глаголам, имеющим в действительном залоге переходное значение», например: *естся сытно*, *ему не терпится*, *не работается*, *торгуется хорошо*. «В этом случае безличный глагол не трудно было вывести из страдательного залога: *здесь упоминалось о моем знакомстве*, *думается и так и сяк* и т. п.

В другом случае *-ся* присоединяется к непереходным глаголам. Тут бессубъектность не может быть выведена из других залоговых форм. Она непосредственно формируется аффиксом *-ся*, например: *ему сладко спится*, *тебе не сидится* и т. п. Теперь оба разряда слились в один грамматический тип».

В современном языке нельзя (вопреки А. А. Шахматову) объединить с этой группой безличные глаголы с морфемой *-ся*, обозначающие явления природы, вроде: *стемнелось*, *смеркается* и т. п. При многих из этих глаголов нет соотносительных форм без *-ся*.

Таков круг живых значений аффикса *-ся* в современном языке. Система значений глаголов на *-ся* лишь частично связана с выражением синтаксического отношения действия к субъекту (а соотносительно с субъектом — и к объекту). С ней органически срослись и видовые различия действия, и сложные изменения и переходы лексических значений глаголов. У многих глаголов на *-ся* в процессе исторического развития ослабела или даже вовсе оборвалась семантическая связь с производящими глаголами без *-ся* (ср.: *раздать* и *раздаться в ширину*; *раздалось пение* и т. п.; *прощать* и *прощаться*; *пробирать кого-нибудь* и *пробираться через что-нибудь* и т. п.).

Еще Ломоносов заметил (см. § 363), что в некоторых случаях грамматическая и даже лексико-семантическая соотносительность между возвратным глаголом и основным глаголом без *-ся* разрывается. «Переменяются знаменования глаголов в другие и часто в метафорические *(водить — водиться)*», *стать — статься*.

В этих случаях, естественно, утрачивается и грамматическая соотносительность залоговых значений. Степени обособления и расхождения производных глаголов на *-ся* и производящих без *-ся* очень различны. Глаголы на *-ся* иногда обрастают новыми значениями, не свойственными соотносительным невозвратным глаголам

(например: *здоровье расклеилось; смешаться* в значении: прийти в смущение; *докладчик распространялся о...* и т. п.).

В других случаях и основные реальные значения параллельных глаголов без *-ся* и на *ся* резко расходятся (*задумать* и *задуматься; забыть* и *забыться* и т. п.). Нередко такая возвратная форма выживает и сохраняется, в то время как невозвратная вымирает (ср. *каяться, очутиться;* ср. *притвориться* и *притворить* и т. п.).

Многие глаголы на *-ся* вошли в литературный язык из народных, профессиональных диалектов или арго, оторвавшись от основных глаголов (например: *очнуться, насобачиться, расфуфыриться, карабкаться, окачуриться, влопаться* и т. п.).

Кроме того, многие глаголы на *-ся* были вновь образованы соответственно установившимся грамматическим типам от именных основ независимо от невозвратных глаголов (например: *куражиться, удосужиться, ручаться* и т. п.). Ср. *отнекиваться, хорохориться* и т. п.

Все это говорит о том, что традиционное учение о категории залога недостаточно расчленяет разные структурные элементы в системе глагола, разные синтаксические и словообразовательные соотношения глаголов и глагольных рядов.

В употреблении аффикса *-ся* наблюдается сложное взаимодействие лексических и грамматических значений. Большая часть исследователей русского языка связывала с категорией залога деление глаголов на разные типы соответственно различиям в лексических, реальных значениях глаголов. Грамматическая соотносительность форм при этом часто вовсе не принималась в расчет или упускалась из виду. В этом случае категория залога выходит за пределы грамматики. Между тем, в системе соотношений форм на *-ся* и производящих глаголов без *-ся* грамматические связи не в одинаковой степени ослабляются лексическими различиями. Переходные невозвратные глаголы объединены самой тесной грамматической связью с формами на *-ся*, имеющими возвратно-страдательное и собственно-возвратное значения. Менее близка грамматическая связь между переходными невозвратными глаголами и соотносительными образованиями с *-ся*, имеющими средне-возвратное, обще-возвратное, возвратно-взаимное (особенно — осложненное добавочными показателями взаимности в виде предлога *с*), косвенно-возвратное, качественно-пассивно-возвратное и средне-пассивно-возвратное значения. Но так как многие глаголы на *-ся* по-разному совмещают в своей структуре все эти значения, то происходит своеобразная лексикализация даже собственно-возвратных залоговых отношений. Еще глубже уходят в лексическую систему языка значения *-ся* как словообразовательного элемента, с помощью которого производятся новые глаголы от непереходных глаголов. Если рассматривать категорию залога как «различное оформление одного и того же глагола, требующее каждое различного построения предложения согласно особенностям его содержания» [338], то в пределах этой категории из глаголов

на *-ся* окажутся лишь формы с возвратно-страдательным и, может быть, с собственно-возвратным, а иногда и средне-возвратным значением — в их отношении к основным переходным невозвратным глаголам. Сюда же примкнут и параллельные синтаксические обороты: *я не сплю* и *мне не спится; икаю* и *икается* и т. п. Все остальные функции *-ся* отойдут в область форм глагольного словообразования. Таким образом, то, что традиционная грамматика называет категорией залога, в современном языке в меньшей степени относится к области синтаксиса, чем к области глагольного словообразования.

§ 79. Вопрос об активных и пассивных оборотах и его связь с учением о залоге

Категория залога (если пользоваться этим термином для обозначения целого клубка разнородных лексико-грамматических явлений) в системе современного русского языка ярко обнаруживает свою сложную природу. В категории залога скрестились пути развития разных грамматических и лексических явлений в области глагола. Трудно сомневаться в том, что соотношение и противопоставление активных и пассивных оборотов — историческое зерно категории залога [339] (правда, в славянских языках структура страдательных оборотов очень своеобразна). Но в русском языке и этот грамматический центр начинает распадаться.

Отношения между пассивными и активными оборотами в современном русском языке очень запутанные и не всегда прямые. Далеко не от всех переходных глаголов образуются формы страдательных причастий. Употребление возвратных форм в страдательном значении также в современном языке очень ограничено. Еще Ломоносов в «Российской грамматике» отмечал те семантические и синтаксические затруднения, с которыми приходилось сталкиваться страдательным оборотам (ср. *Вода потопила фараона* и *Фараон водой потопился*). Возвратно-страдательные формы на *-ся* ограничены в своем употреблении преимущественно категорией несовершенного вида*. Во всяком случае прошедшее время совершенного вида от них почти не употребляется (ср. невозможность конструкций: *дом построился лучшим архитектором, поезд остановился стрелочником* и т. п.).

Кроме того, по тонкому наблюдению акад. А. А. Шахматова, употребление форм 1-го и 2-го лица от глаголов на *-ся* в страдательном значении содержит внутреннее противоречие (ср. у Достоевского в «Униженных и оскорбленных», в речи Маслобоева: «Я, брат,

---

* Ср. у М. А. Кузмина в рассказе «Ванина родинка» («Аполлон», литературный альманах, 1912): «Мальчишки» искоренялись всячески и даже лица их не замечались, кавалеры привечались и сообразно преданности ласкались, подруги хвалились и прославлялись... В доме Комаровых и прославлялось, и воспевалось, и утверждалось лишь вечно-женское как перл единственный создания».

вообще, употребляюсь иногда по иным делам»). А возвратная форма 3-го лица в страдательном значении гораздо более активна. Она близка к средне-возвратному значению, она гораздо менее выражает пассивное состояние субъекта, чем страдательно-причастная конструкция (ср., например: *поле вспахивалось колхозниками* и *поле было вспахиваемо колхозниками*). На это обратили внимание Потебня, Овсянико-Куликовский и Шахматов.

Но и страдательные обороты из причастий с суффиксом *-м-* даже от тех глаголов, от которых причастные образования на *-мый* продуктивны, свойственны далеко не всем стилям современного русского языка.

Стилистическая сфера употребления этих пассивных оборотов ограничивается официально-канцелярскими, научно-техническими, газетно-публицистическими и примыкающими к ним повествовательными стилями литературного языка. Причастия страдательного залога на *-нный* (и *-тый*), как уже сказано выше, подвергаются окачествлению. Система их употребления некогда была соотносительна с употреблением форм причастий на *-л* (в сочетании их с вспомогательным глаголом *быть*). Но с превращением причастий на *-л* в формы прошедшего времени и с расширением их видо-временных значений соотносительность оборвалась. Страдательное значение в формах причастий, особенно на *-нный* и *-тый*, чаще всего выражается присоединением творительного падежа существительных (со значением действующего лица или орудия действия), или подчеркивается общим смысловым контекстом. Оно оживляется и усиливается дополнительными синтаксико-фразеологическими средствами, так как в полных страдательных причастиях слишком ощутительны оттенки имени прилагательного, а в кратких — категории состояния (ср. *В девках сижено — горя видано*). Образования на *-мый* и *-нный* возможны и от непереходных или косвенно-переходных глаголов (например: *предшествуемый*, *достигнутый*, *управляемый*, *руководимый*, *пренебрегаемый*, *угрожаемый*, *обитаемый*, *надтреснутый*, *проникнутый* и т. п.; ср.: *наслышан*, *начитан* и т. п.). Многие страдательные причастия утратили свое страдательное значение (ср. *сгорбленный — сгорбившийся*). Морфологическая соотносительность между формами страдательного и действительного залога нарушена, полустерта. Приходится говорить не столько о соотносительных залоговых формах глагола, сколько о стилистических функциях синтаксически соотносительных и синонимических активных и пассивных оборотов.

При этом в пассивных оборотах устанавливается ряд своеобразных синтаксических сопоставлений и соотношений, вызываемых потребностью выразить разнообразные оттенки связи между «подлежащим» и реальным производителем действия (например: *На постройке рабочего задавили — На постройке задавлен рабочий*; ср. *Рабочего задавило на постройке; Молнией убило прохожего* и *Прохожий был убит молнией* и т. п.).

Развивается все более тесное соотношение между пассивными оборотами и оборотами безличными. Любопытно замечание проф. П. Буайэ, что русские безличные обороты с творительным орудия (типа *Избу занесло снегом*) очень удобно переводятся на французский язык посредством пассивного оборота (Il y a de la neige amoncellée sur l'izba). Ср. *Подвал залило водой* — Le sous-sol a été inondé[340]. Причастно-пассивные обороты, не поддержанные творительным действующего лица или предмета, все больше отходят от системы глагола в категорию состояния. Пассивность характеризует не столько действие, сколько состояние (см. главу о категории состояния).

Ж. Вандриес верно заметил: «Отличие глаголов действительного залога от глаголов страдательного залога в большинстве индоевропейских языков иллюзорно, так как страдательный залог почти никогда не противостоит действительному залогу. В значение страдательного залога обычно вкладывается какой-либо специальный оттенок, изменяющий его характер»[341].

§ 80. Вопрос о переходных и непереходных значениях глаголов

Вопрос о переходных и непереходных значениях глагола или вопрос о переходных и непереходных глаголах исторически связан с категорией залога.

Однако в современном языке классификация глаголов по их синтаксическим свойствам, по особенностям их переходных и непереходных значений выходит далеко за пределы категории залога. Такая классификация невозможна без учета различий между основными словообразовательными классами глагола, без учета значений глагольных приставок и глагольных «послелогов», без учета строя глагольных словосочетаний, без учета общих конструктивных возможностей глагола и его лексических своеобразий.

В самом деле, в классе глаголов на *-ать* (3-е л. наст. вр. на *-ают*) целиком непереходны отыменные образования на *-ничать (бездельничать)* и глаголы на *-ать*, *-кать (шикать, охать, акать)*, производные главным образом от междометий. Непереходны и отыменные глаголы на *-еть*, *-еют (темнеть, робеть, обалдеть)*, на *-ствовать (безумствовать, странствовать, крестьянствовать)*. Непереходное значение очень часто у неологизмов на *-нуть* совершенного вида (с оттенком мгновенности). Напротив, преимущественно к области переходных значений относится продуктивный тип отыменных образований на *-ить* (*белить*, *золотить*, *заземлить* и т. п.; но ср. *бурлачить*, *рыбачить*).

В непродуктивных группах глаголов — почти половина с непереходным значением. Таковы, например, глаголы на *-нуть* несовершенного вида, обозначающие: становиться каким-нибудь, быть в каком-нибудь состоянии (*мерзнуть*, *киснуть* и т. п.). Непереходна также большая часть глаголов из непродуктивной группы *-еть* (*лететь*, *скрипеть* и т. п.). Грамматисты первой половины XIX в.

так определяли круг значений этой группы: «Глаголы с признаком *-е-* выражают по большей части внешние явления света, звука, запаха и редко внутренние сердечные ощущения, например: *блестеть*, *глядеть*, *смотреть*, *шуметь*, *велеть*, *терпеть*. Немногие означают движение или состояние, например: *лететь*, *сидеть*, *бдеть*» [342].

Действительно, глаголы, выражающие шум, звучание, принадлежат в русском языке к двум словообразовательным группам:

1) это — глаголы I спряжения с последним звуком *-т-* (или *-от-*) в основе и суффиксом *-а-* в инфинитиве, обычно с ударяемым окончанием в 1-м лице настоящего времени: *грохотать*, *клокотать*, (но ср.: *кудахтать*, *кудахчу*, *кудахтаю*), *клохтать*, *хохотать*, *лепетать*, *шептать* и т. п.;

2) это — глаголы II спряжения с суффиксом *-е-* или после шипящих *-а-* в инфинитиве, типа: *греметь*, *храпеть*, *скрипеть*, *шипеть* и т. п.; *бренчать*, *звучать*, *кричать*, *пищать*, *мычать*, *стучать* и т. п.*.

Большая часть этих глаголов имеет непереходное значение.

Преобладающее количество бесприставочных глаголов (принадлежащих к непродуктивным группам) со значениями перемещения в пространстве или внешнего положения (вроде: *идти*, *ехать*, *плыть*, *лечь*, *сесть*) также имеет непереходное значение.

Таким образом, число непереходных глаголов в русском языке очень велико и круг их применения разнообразен. Функционально могут сближаться с ними и глаголы с прямо-переходным и отчасти с косвенно-переходным значением. Ср., например, употребление глаголов *говорить* и *петь;* ср. *двигать кого-что* и *двигать кем-чем (им движет чувство сострадания); ждать кого-чего* и *ждать кого-что* и т. п. Но подробное изучение всех этих вопросов уже входит в область словаря и синтаксиса. Следует лишь отметить текучесть, зыбкость границ между прямо-переходными, косвенно-переходными и непереходными значениями глаголов. Они часто совмещаются в одном слове (например, *говорить*). Ср. *работать на заводе* и «он жив, бодр, здоров, работает легкую полевую работу» (Л. Толстой, «Крейцерова соната»).

Вандриес, отметив неопределенность границ и различий между переходными и непереходными глаголами, выдвигает такой принцип их разделения: «Поскольку понятие о переходном глаголе предполагает дополнение, можно бы назвать переходным всякий

---

* А. А. Потебня связывал с этим классом глаголов такой круг значений:

«а) явления света, звука, запаха, как: *шуметь*, *кричать*, *смердеть*. Сюда же глаголы, означающие: не издавать звука — *молчать*...

б) деятельность восприятия этих явлений: *видеть*, *глядеть*, *зреть*, *смотреть*;

в) другие психологические [и физиологические] состояния: *хотеть*, *бдеть*, *болеть*, *свербеть*, *велеть*, *терпеть*, *скорбеть*, *бояться;*

г) механические явления движения и пребывания на месте: *лететь*, *бежать*, *мчать*, *дрожать*, *держать*, *вертеть*, *висеть*, *сидеть*, *стоять*, *лежать*, *торчать* ...»

(«Из записок по русской грамматике», IV, 43—44).

глагол, действие которого имеет объект, выраженный во фразе, а непереходным, напротив, всякий глагол, употребленный без дополнения»[343]. Но и тут встретятся неясности и затруднения.

Само понятие непереходности нуждается в более точном объяснении разных его типов и проявлений. Обычно признаются косвенно-переходными лишь те глаголы, смысл которых остается не вполне раскрытым без объектных пояснений в родительном, дательном и творительном (т. е. косвенных) падежах (например, *ждать*: *ждать денег*, *ждать парохода*, *ждать восхода солнца; только того и ждал* и т. п. — и рядом: «я ждал одну женщину» (Тургенев); *ждал сестру* и т. п.; ср. *желать*, *добиваться*, *бояться* и т. п.; *верить кому-чему*, *льстить*, *завидовать*, *подлежать*, *соответствовать*, *вредить*, *помогать* и т. п.; *отзываться чем-нибудь*, *гордиться*, *владеть* и т. п.). Между тем и в предложных формах управления глаголов есть явления, близкие к косвенной переходности. Нередко роль послеглагольного предлога становится чисто формальной. Предлог в таких конструкциях слит с глаголом как морфема, определяющая, выражающая косвенный падеж объекта (см. главу о предлогах). Ср.: *верить чему* и *верить во что; жениться на комнибудь* и т. п. В предложном управлении глаголов надо различать два случая:

1. Употребление предлога лексически мотивировано. Предлог в той или иной степени сохраняет свое реальное значение. В таком словосочетании можно говорить о сочетании трех словесных элементов или трех компонентов (например, *согласиться на предложение*, *согласиться с доводами* и т. п.). Так, в глаголе *состоять* различия значений связаны с различиями синтаксических связей (например: *состоять действительным членом института; состоять при посольстве; трудность состоит в том, что...; роман состоит из пяти частей* и т. п.).

Так же у глагола *отзываться* разные значения характеризуются разными видами отношения действия к объекту (ср.: 1) *отзываться на приглашение;* 2) *я кричу, а он не отзывается;* 3) *отзываться о ком — о чем;* 4) *это отзывается на его здоровье; на нем отзывается беспорядочная жизнь;* 5) *отзываться чем: суп отзывается постным маслом* и т. д.). Выражение предложной зависимости от приставочных глаголов подчинено в русском языке своеобразному закону удвоения приставки-предлога (например: *въехать в город; отойти от дома* и т. п.). Глагольная приставка как бы требует употребления предлога — омонима или синонима для обозначения объектных отношений (*добраться до...*, *исходить из...*, *присоединиться к...*, *отказаться от...* и т. п.).

А. Х. Востоков, а особенно Н. И. Греч в «Практической грамматике» и акад. И. И. Давыдов в «Опыте общесравнительной грамматики русского языка» набрасывали такую схему соответствий между глагольными приставками и предлогами:

воз-, взо-, вз-... на (взошел на гору, встащил на верх);
во-, в-... в (вступаю в дом, вошел в помещение);

вы-, из-... из (выйти из лесу; выпустить из клетки; извлечь из книги; избрать из множества);

до-... до (доехать до города; дотронуться до чего-нибудь; дожить до старости);

за-... за (заплатить за хлеб; завернуть за угол);

на-... на (навьючить на лошадь; накинуть на себя);

над-... над (надсматривать над детьми, надстроить над домом);

от-... от (оторвать от работы; отодвинуться от соседа);

пере-... через (перешел через реку);

под-... под (подобрать под цвет; подделаться под что-нибудь);

при-... к (пришел ко мне);

произ-... от, из (произойти от славян);

раз-... на (разделить на части);

с-... с (скинуть с себя, сдвинуть с места)[344].

На «семасиологическую тавтологию», состоящую в повторении после глагола того же предлога, что и приставка, или предлога, синонимического с приставкой, обратил особенное внимание А. Добиаш[345].

2. Предлог является простым морфологическим знаком управления глагола. Он входит в смысловую структуру глагола, образуя вместе с ним синтаксическое сращение[346]. В этом случае предлог становится формальным привеском глагола, послелогом. В этом случае глагольная конструкция состоит не из трех, а из двух элементов. Предлог является лишь мотивировкой употребления того или иного падежа и как бы приклеен к глаголу. Например: *жениться на ком-нибудь* (ср. в древнерусском языке: *жениться* с творительным падежом)[347]; *смеяться, издеваться, иронизировать над кем — чем* и т. п.; *надеяться на кого-нибудь — что-нибудь* и т. д.

Косвенная переходность — как предложная, так и беспредложная, — хотя и не в одинаковой мере, присуща и разным типам возвратных глаголов, образованных посредством *-ся*. Функции *-ся* в отношении к объекту состоят в устранении прямой переходности и в ограничении, а не полном исключении косвенной переходности.

Свойственное глаголам на *-ся* значение замкнутости действия в сфере субъекта (деятеля) в отдельных случаях мирится с косвенными объектами (ср.: *испугаться кого-нибудь, чего-нибудь; послушаться кого-нибудь; добиться чего-нибудь; страшиться чего-нибудь; жениться на ком-нибудь; наслушаться чего; лишиться кого-нибудь, чего-нибудь; признаваться в чем-нибудь* и т. п.).

Прямо-переходные значения присущи не только значительной части (приблизительно $^1/_3$) бесприставочных глаголов, но и непрерывно образуются посредством префиксации невозвратных непереходных и косвенно-переходных глаголов. Целый ряд значений у разных приставок неразрывно связан с образованием переходного значения глагола. Таково, например, употребление приставки *вы-* для обозначения: достижения чего-нибудь посредством действий, выражаемых основою глагола (*выработать, высидеть, выиграть* и т. п.); *до-* в значении: довести до какого-нибудь состояния или до какого-

нибудь предела (*доезжать*, *доехать* и т. п.); *за-* в значениях: заполучить, а также закрепить, зафиксировать каким-нибудь действием что-нибудь и довести до чего-нибудь каким-нибудь действием (ср.: *зажить*, т. е. заработать трудом; *зажулить что-нибудь; заиграть пьесу* и т. п.; *заколдовать что-нибудь; засмеять* и т. п.); *из-* для обозначения заполненности, исчерпанности всего предмета, всего пространства каким-нибудь действием (*исходить*, *избегать* и т. п.); *на-* для обозначения скопления, приобретения чего-нибудь в результате какого-нибудь действия (*наработать*, *наразбойничать*, *наиграть*, *напрясать* и т. п.); *о-*, *об-* в очень разнообразных прямых и переносных значениях (ср.: *обходить*, *обработать*, *объезжать*, *объегорить*, *обскакать*, *обхлопотать*, *оплакать*, *оболгать*, *оклеветать* и т. п.); *от-*, *пере-*, *про-*, *раз-* в разных значениях и др.

Еще Павский писал: «Предлоги *о*, *об*, *пере*, *про*, *за*, *вы* чаще других переводят средние глаголы в действительные»[348].

Эта роль приставок была ярко обрисована В. И. Далем и Н. И. Некрасовым, иллюстрировавшим картинность, изобразительность представления действия в русском глаголе как результат игры красок от смены приставок. «Чем более глагол одевается предлогами, тем понятие о действии становится шире по содержанию (т. е. по своим обстоятельственным признакам) и уже по объему, потому что общая качественность его значения окружается частною обстоятельственностью действия. Если качественность сообщает всем глаголам в русском языке общие краски жизни, то обстоятельственность сообщает каждому глаголу отдельно свойственные ему одному разнообразные оттенки»[349]. Вместе с тем, Н. И. Некрасов анализом значений приставок достаточно убедительно показал, что сужение объема действия, картинное ограничение его «пространства» ведет к окружению глагола объектами[350], к осложнению его обстоятельственных отношений. Например, посредством приставки *о-* «действие представляется обнимающим предмет со всех сторон, кругом», и потому «для ясности может быть названо действием-средою» (*обвевать*, *обходить* и т. п.). С другой стороны, «отрицательное значение предлога *о* в соединении с глаголами может иметь оттенок удаления, т. е. действие ставит предмет вне своего объема» (*оставить дом*, *обойти кого наградой* и т. п.)[351].

Не надо лишь преувеличивать способности приставок к переходу непереходных значений глагола в переходные. Формулы вроде такой: «Всякий простой непереходный глагол становится переходным при посредстве префиксации» — неверны. Есть такие приставки, как, например, непродуктивная *воз-* и очень продуктивная *в-*, которые вообще не способны обращать непереходное значение в переходное.

Больше того: некоторые типы глаголов, сочетаясь со строго определенным кругом приставок, вообще не обратимы или почти не обратимы в переходные. Таковы, например, отыменные глаголы на *-ничать*, *-ствовать*. Акад. И. И. Давыдов, вслед за Павским, замечал: «Вообще предлоги не переменяют залога в средних глаго-

лах, имеющих приметами *-е-* и *-н-*, например *темнеть* и *потемнеть*, *мокнуть* и *обмокнуть*»[352]. Кроме того, известен комбинированный способ образования новых глаголов посредством одновременного присоединения приставки и аффикса *-ся* (например: *внюхаться*, *всмотреться*, *вылежаться*, *выбегаться*, *выспаться*, *заесться*, *залежаться*, *заработаться*, *добегаться* и т. п.). В этих случаях можно ждать лишь устранения переходности действия.

Само собою разумеется, что влияние приставок на формирование переходных значений у глаголов зависит также от лексических значений самих глагольных основ. Живой механизм соотношений и взаимодействий между категориями переходности и непереходности в строе современного русского глагола во всех его деталях и во всем разнообразии его динамических проявлений еще не описан и не исследован.

Итак, вопрос о переходных и непереходных значениях, уходящий в глубь семантической системы глаголов, не может быть исчерпан категорией залога. Он выходит из рамок изучения грамматических отношений между субъектом и объектом действия. Это одна из центральных проблем глагольной семантики. Лишь одним краем она затрагивает и категорию залога*.

§ 81. Взаимодействие грамматических и лексических значений в строе глаголов на *-ся*

Значения возвратных глаголов, образованных от переходных глаголов, шире, богаче и многообразнее, чем значения глаголов, произведенных от невозвратных непереходных глаголов. В глаголах на *-ся*, соотносительных с непереходными глаголами, процесс семантического обогащения слова протекает внеграмматическим путем и не опирается на многозначность самого суффикса *-ся*. Например, *звонить-ся* (звонить в дверной звонок, чтобы открыли дверь для того, кто звонит) имеет одно значение, но ср. разнообразие значений (четырех) и их оттенков в глаголе *звонить;* ср. *желтеться* при *желтеть;* ср. *стучаться*, *плакаться* и т. п.

Кроме того, самый круг тех непереходных глаголов, к которым приклеивается *-ся* для образования нового глагола, очень узок. Подавляющее большинство непереходных глаголов не мирится с простой суффиксальной агглютинацией *-ся*.

В русском языке гораздо более разнообразны и продуктивны приемы образования новых глаголов на *-ся* от непереходных глаголов путем одновременной — префиксальной и суффиксальной — агглютинации («косвенно-результативно-возвратный залог», по схеме А. А. Шахматова). Можно выстроить длинный ряд таких морфологических моделей:

в...-ся (всмотреться, вжиться; ср. *вчитаться)*;

---

* Ср. неудачную попытку А. Б. Шапиро слить категорию залога с категориями переходности-непереходности глагола (статья «О залогах в современном русском языке», «Ученые записки Московского городского педагогического института», 1941, вып. 1).

вы... -ся (вылежаться, выплакаться, выбегаться, выдохнуться и т. п.);

до... -ся (добегаться, дошалиться, доиграться);

за... -ся (замечтаться, заспаться; ср. у Достоевского в «Бесах»: «Залюбопытствовался сам и остановился»). «Еще бы немного побольше свободы, беспорядка, света и шуму, — тогда это был бы свежий, веселый и розовый приют, где бы можно *замечтаться, зачитаться, заиграться* и, пожалуй, *залюбиться*» (Гончаров, «Обрыв»);

из... -ся (истосковаться, избегаться, исписаться);

на...-ся (насидеться, наплясаться, нагуляться, наработаться);

о (об)...-ся (обосраться);

при...-ся (пристрелятся, присоседиться);

раз...-ся (разбушеваться, развоеваться, разгулятся);

с...-ся (слежаться, сработаться); ср. также: *сбежаться, слететься;*

у...-ся (усесться, улечься) и т. п.

Некоторые из этих приемов словообразования так же активны и в области переходных глаголов (например: *наесться, зачитаться, упиться* и т. п.).

Кроме того, от некоторых непереходных глаголов употребительны обе формы: с *-ся* и без *-ся*, иногда с такими тонкими семантическими и стилистическими нюансами, что разговорная речь нередко игнорирует их. В этих случаях у глаголов на *-ся* остается привкус большой субъектной поглощенности действием, большей сосредоточенности действия в сфере субъекта. Например, *грохнуть* употребляется не только переходно, но и непереходно (например, «Я снопом на земь грохнула» — Измайлов, «Молодуха»). Только оттенок простонародности или просторечия отличает форму *грохнуть* в непереходном значении от *грохнуться*.

Точно так же в применении к плодам и злакам: областная (южновеликорусск.) форма *наливать* и общелитературная *наливаться*. Ср. у Фета («Степь вечером»):

Безбрежная, как море,
Волнуется и наливает рожь.

Ср. *слезить* (областное) и *слезиться*: «Дьячок... приставляет ладонь к моргающим и слезящим глазам» (Короленко, «Старый звонарь»). «Он спрашивал всех о чем-то слезящимися глазами» (Горький, «Дед Архип»). Ср. соотносительные видовые формы глаголов: *лопаться — лопнуть; садиться — сесть; ложиться — лечь; становиться — стать.*

В некоторых глаголах возвратная форма имеет ярко выраженный личный, «одушевленный» оттенок. Например, *грозиться* синонимично с *грозить* в кругу значений, относящихся к живым существам (ср.: «А впрочем, говорят, сочинители только грозятся — и никогда своих вещей не жгут» — Тургенев, «Новь»; «Стали ему и красным петухом грозиться» — Л. Толстой). Ср. также: «Правда, издали грозилась опять холера» — Тургенев). Но ср. невозможность

заменить словом *грозиться* глагол *грозить* в таких книжных сочетаниях: *Циклон грозил наводнением; Дом грозит падением; Ему грозило сумасшествие* и т. п.

Таким образом, грамматическая роль суффикса *-ся* здесь чисто словообразовательная. Синтаксическое употребление непереходного глагола от присоединения к нему аффикса *-ся* нисколько не изменяется. Категория залога из грамматики перемещается в лексикологию. Во многих случаях соотносительность глаголов без *-ся* и с *-ся* утратилась вследствие резких различий в лексических значениях. Ср., например: *заступать* и *заступаться; притворить* и *притвориться; достать* и *достаться; принять* и *приняться* и мн. др.

У возвратных глаголов, которые произведены от переходных глаголов, разные значения *-ся* очень часто совмещаются в структуре одного и того же слова. Поэтому одного каталога значений, вносимых аффиксом *-ся* в разные группы переходных глаголов, недостаточно. Необходимо очертить приемы и нормы сочетания и совмещения разных возвратных значений в семантической системе одного и того же слова. Так, еще И. Ф. Калайдович в статье «О залогах глаголов русских» доказал, что залоговое значение глагола зависит от синтаксического контекста и что один и тот же глагол может быть употреблен в разных значениях. Например, в предложении *я сражался с ним* значение *сражаться* двусмысленно. «Можно понимать: или я сражался против него, или я сражался с ним вместе против общего нашего неприятеля». В первом случае глагол—«взаимный», в другом—«общий», т. е. означающий общее нескольких лиц на один предмет действие (совокупное действие, содействие), хотя и тут есть взаимность со стороны неприятеля. В предложении «Бились день, бился другой» (русские с половцами из «Слова о полку Игореве») глагол *биться* есть взаимный...; напротив, в басне Крылова «Откупщик и сапожник» он же есть средний (т. е. имеет средне-возвратное значение. — *В. В.*):

Сапожник бился, бился
И, наконец, за ум хватился [353].

Внутренняя связь залоговых значений, совмещение их в структуре одного слова привлекали внимание и последующих исследователей русской грамматической системы. Так, акад. Я. К. Грот в академическом «Словаре русского языка» внимательно следил за оттенками залоговых значений, свойственными одному и тому же глаголу. Например, в глаголе *браниться* здесь отмечены два значения: 1) ссориться друг с другом на словах («Обе стороны не только спорили, но и бранились») и 2) то же, что бранить, произносить брань («Не стыдно ли тебе браниться»). Первое значение квалифицировано как возвратное, второе — как среднее (т. I, стр. 258). Особенно часто указывается на сочетание собственно-возвратного, средне-возвратного и возвратно-страдательного значений в смысловой структуре одного и того же глагола (ср. *выкупаться, выкручиваться — выкрутиться, давиться* и т. п.).

Точно так же Д. Н. Овсянико-Куликовский и А. А. Шахматов подчеркивали частое совмещение собственно-возвратного, средне-возвратного и возвратно-страдательного значений в одном слове. Вообще говоря, возвратно-страдательное значение потенциально заложено в каждой возвратной форме, восходящей к переходным глаголам, кроме глаголов с обще-возвратным и — иногда также — с возвратно-взаимным значением (ср. *радоваться*, *беспокоиться*, *драться*, *ссориться* и т. п.). Вместе с тем возвратно-страдательное значение очень часто включает в себя оттенки средне-возвратного значения или склоняется к нему и даже переходит в него.

Среднее и страдательное значения — это крайние точки на линии семантического движения возвратной формы глагола. Между ними могут быть промежуточные значения, в которых ни страдательное, ни среднее не выступают достаточно ярко, а как бы перебивая друг друга, дают новое сложное значение возвратной формы. Ср. у Л. Толстого в «Войне и мире»: «В то время, как Андрей вошел в комнату, слова Магницкого *заглушились* смехом» (ср. «Слова Магницкого заглушило смехом»); ср. у Лескова в «Соборянах»: «Холодное солнце то выглянет и заблещет, то снова *занавесится* тучами».

Подобным же образом зыбки границы между собственно-возвратным и средне-возвратным значениями, а также между средне-возвратным и обще-возвратным значениями (ср. *перемениться в лице* и *нравственно перемениться*; ср.: *потеряться*, *смешаться*, *разбросаться*, *уклониться* и т. п.).

Собственно-возвратное значение, обусловленное реальным значением основы, только в исключительных случаях сочетается с обще-возвратным, с взаимно-возвратным или с лично-безобъектным значениями. Между тем, глаголы с лично-безобъектным значением, часто совмещая в своей семантике взаимно-возвратное и возвратно-страдательное значения, исключают возможность развития косвенно-возвратных значений (ср. *жечься*, *кусаться* и т. п.).

Совокупность значений возвратной формы зависит от взаимодействия значений аффикса *-ся* и лексических значений переходного глагола в каждом отдельном случае. Таким образом, задача грамматического учения о слове не исчерпывается одним указанием на то, что *-ся* ограничивает круг объектных определений глагола, замыкая действие в сфере самого субъекта и его интересов. Эта задача расширяется необходимостью описания тех грамматико-семантических «каналов», по каким двигаются и сочетаются, объединяются разные «залоговые» значения «возвратного глагола» соотносительно с смысловой структурой основного «невозвратного» глагола. Так, в глаголе *двигаться*, кроме возвратно-страдательных значений, соотносительно с *двигать* (*Колеса движутся водой*), другие «залоговые» значения и оттенки располагаются в русле средне-возвратной семантики, например: *Земля движется вокруг своей оси; Толпа медленно двигалась по улице*; *Мы скоро двигаемся на дачу*; *быстро двигаться*

по службе и т. п. Развитие этих значений и оттенков возвратности зависит от лексического содержания, синтаксических свойств и грамматических возможностей основного, производящего, невозвратного глагола. Так, глагол *кормиться*, кроме страдательного значения к *кормить*, развивает собственно-возвратное и средне-возвратное значения, соотносительно с лексико-грамматическими оттенками слова *кормить* (*кормиться хлебом*, *кормиться случайными заработками* и т. п.). *Гнуться* совмещает возвратно-страдательное, средне-возвратное и качественно-пассивно-безобъектное значения — соотносительно с *гнуть* (например: *Деревья гнутся от ветра; Гнутся над омутом лозы; Бритва не гнётся* и т. п.).

Вследствие этого синкретизма значений, вопрос о том, можно ли объединять в структуре одного слова все значения, развившиеся в той или иной возвратной форме, становится очень запутанным. Тем более, что к залоговым различиям примешиваются и видовые. Например, правильно ли поступили составители «Толкового словаря русского языка», рассматривая формы *найтись* и *находиться* как два отдельных слова и охарактеризовав их значения таким образом:

«Найтись, -йдусь, -йдешься, *прош.* нашелся, -шлась; нашедшийся, *сов.* (к находиться). 1. Отыскаться. *Потерянная книга нашлась.* 2. Оказаться налицо, обнаружиться, быть. *Не найдется ли у вас карандаша? Кое-какие книги и материалы по этому вопросу у нас найдутся. Охотников ехать туда не нашлось. Найдется, что делать.* 3. Быстро сообразить, что надо делать в данном затруднении, не растеряться. *Такой человек найдется при всяких обстоятельствах. Я не нашелся, что ответить. Ведь вы будете, как пень, стоять перед ними, ведь вы не найдетесь* (Достоевский)»[354].

«Находиться, -ожусь, -одишься, *несов.* 1. *Несов.* к найтись. 2. *Страд.* к находить. 3. Иметь место, быть, пребывать. *Нижнеозерная находилась от нашей крепости верстах в двадцати пяти* (Пушкин). *Он находится сейчас в Крыму.* || Быть в том или ином состоянии. *Находиться в хорошем настроении. Я нахожусь в весьма неприятном положении* (Тургенев)»[355].

Особенно много сомнений вызывает словарная статья, помещенная под звуковым комплексом находиться. Не смешаны ли здесь, по крайней мере, *три* омонима: I. *Находиться* — в значении: пребывать, быть, быть в том или ином состоянии; II. *Находиться* — обнаруживать находчивость и III. *Находиться* — отыскиваться, обнаруживаться, *страд.* к *находить*.

В «Толковом словаре русского языка» глагольные омонимы сплошь и рядом механически сцепляются под знаком одного слова — чаще всего именно вследствие неразличения редактором форм слова и отдельных слов с разными залоговыми значениями. Вот разительный пример:

«Засиживаться, -аюсь, -аешься, *несов. (разг.)* 1. *Несов.* к засидеться [в значении: просидеть, пробыть чересчур долго. Например: *засиживаться за работой до утра, засиживаться*

в гостях до полуночи]. 2. *Страд.* к з а с и ж и в а т ь [*несов.* к з а с и д е т ь — запачкать, загрязнить испражнениями — о насекомых. Например, *Картина постепенно засиживается мухами*] [356].

Трудно не заметить, что перед нами не два значения одного слова, а два разных слова-омонима.

Вопрос об омонимии глаголов на *-ся*, вообще, очень тесно связан с исследованием семантики «возвратных» глаголов (ср., например, омонимические ряды глаголов: *разложиться*, *рассеяться*, *поправиться*, *разойтись* — *расходиться*, *привязываться*, *накидываться*, *набрасываться* и т. п.).

Таким образом, система возвратных значений представляет разительный пример «лексикализации» грамматических отношений. Грамматика здесь регулирует движение и организационное объединение значений и оттенков в составе глагольного слова. «Категория залога» все глубже внедряется в сферу лексики.

Грамматические вариации залоговых значений перерождаются в лексические, хотя и влияют попрежнему на способы синтаксического употребления слова и на формы его сочетания с другими словами.

8. ГЛАГОЛ КАК СТРУКТУРНЫЙ ТИП СЛОВ

§ 82. Совмещение элементов аналитического, синтетического и агглютинативного строя в русской глагольной системе

Глагол является наиболее сложной, грамматически организованной, отвлеченной и в то же время наиболее насыщенной, т. е. непосредственно отражающей действительность, категорией современного русского языка. В глаголе лексическая многозначность совмещается с богатством и разнообразием грамматических форм. Глагол, как и имя существительное, является синтаксическим стержнем фразообразования. Глагольные типы словосочетаний и синтагм противостоят именным и оказывают на них громадное организующее влияние.

Предикативные обороты разного рода возникают и умножаются под воздействием глагола.

Такие падежные формы имен существительных, как винительный падеж прямого объекта, находятся в исключительном пользовании глагола и в полном подчинении ему. Предложно-именные конструкции в своем подавляющем большинстве группируются вокруг глагола. К глаголу как к организующему центру притягиваются частицы речи, во всяком случае, модальные частицы и предлоги. Даже на том грамматическом факте, что наречие постепенно входит в круг определений существительного, сказывается влияние глагольных конструкций. Процесс расширения функций наречия протекает, так сказать, под протекторатом глагола. Образование и развитие категории состояния в сильной степени зависит от глагола.

В области глагола протекают напряженные процессы конструктивного объединения элементов речи. Система глагола более синкретична и более синтаксична, чем система всех других знаме-

нательных частей речи. Инфинитив — не центр глагольной системы, а ее окраина. Глагол органически связан с категориями модальности, времени и вида, с категориями субъекта (лица, деятеля) и объекта. Недаром даже род и число входят в систему глагола. В категории глагола особенно много формообразующих суффиксов, потому что круг форм глагольного слова очень широк. Структура глагола, сохраняя элементы синтетического строя, осложнена приемами агглютинативного построения и сложными формами аналитических конструкций, не всегда в полной мере грамматикализованных. Процесс превращения слов в морфемы и в частицы речи напряженнее и успешнее всего протекает при участии глагола. Почти половина формальных слов-частиц обслуживает главным образом синтаксическую систему глагола, его конструктивные потребности.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ «ГЛАГОЛ»

1. Г. Павский, «Филологические наблюдения». Второе рассуждение, 1842, стр. 13.
2. «Русский синтаксис», стр. 145.
3. Проф. М. Н. Петерсон, Лекции по современному русскому литературному языку, М. 1941, стр. 51—52.
4. Статья «Глагольность как выразительное средство», Сборник статей А. М. Пешковского, 1925.
5. Ср. работы проф. С. И. Бернштейна: «Основные вопросы грамматики в освещении А. М. Пешковского». Вступительная статья к 6-му изд. «Русского синтаксиса» Пешковского; «Грамматическая система акад. А. А. Шахматова», «Русский язык в школе», 1940, № 4. Ср. статью В. В. Зеньковского «К вопросу о функции сказуемого», «Киевские университетские известия», 1908, № 9. Ср. синтаксические концепции А. А. Добиаша (особенно его «Опыт симасиологии частей речи и их форм») и Л. В. Щербы.
6. Н. В. Крушевский, Очерк науки о языке, 1883, стр. 83.
7. «Опыт исторической грамматики русского языка», ч. I, 1858, стр. 84.
8. Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка Ф. И. Буслаева», К. С. Аксакова, Сочинения филологические, ч. I, стр. 468.
9. «Русский синтаксис[6]», стр. 141—144.
10. Проф. Д. Н. Овсянико-Куликовский, Синтаксис русского языка, СПБ 1912, стр. 87—88.
11. «Из записок по русской грамматике», II, стр. 348, Ср. Steinthal, Grammatik, Logik und Psychologie, стр. 371.
12. Там же, стр. 44.
13. Ср. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, I—II, стр. 380—381.
14. «Русский синтаксис[6]», стр. 143.
15. «Сочинения филологические», ч. I, стр. 417.
16. И. П. Лысков, О частях речи, стр. 52—55.
17. Там же, стр. 55.
18. «Опыт общесравнительной грамматики русского языка», стр. 255—256.
19. Акад. И. И. Мещанинов, Общее языкознание. М. 1940, стр. 64.
20. S. Karcevski, Système du verbe russe, Prague 1927, p. 46 et suiv.
21. Статья S. Karcevski, Autour d'un problème de morphologie, Mélanges offerts à M. Mikkola, Helsinki 1932.
22. «Филологические наблюдения», О глаголе, 1850, стр. 37.
23. Ср. A. Mazon, Morphologie des aspects du verbe russe, Paris 1908, стр. 35—59.

24. Ср. Н. И. Греч, Чтения о русском языке, I, стр. 257 и В. И. Чернышев, Правильность и чистота русской речи, II, стр. 231.

25. Е. Сидоров, Из научно-учебной литературы о видах русского глагола, «Родной язык в школе», 1924, № 6, стр. 76.

26. Г. Павский, Филологические наблюдения, О глаголе, 1850, стр. 42.

27. А. А. Шахматов, О полногласии и некоторых других явлениях, стр. 67 и след. Г. А. Ильинский, К истории носовых основ праславянского глагола. Сб. статей в честь акад. А. И. Соболевского, 1928, стр. 250—252. Ср. также Н. Н. Дурново, Описание говора дер. Парфенок Рузского уезда, М. 1903, стр. 182—183.

28. «Zeitschrift für slavische Philologie», 1931, B. VIII, S. 67—84. A. Stender-Petersen, Eine verbale Neubildung im Russischen.

29. Ср. мнение проф. Ст. Смаль-Стоцкого, который был склонен распространение этих форм в великорусских говорах приписывать влиянию украинского языка (Archiv für slavische Philologie B. XXXVI, S. 436).

30. Статья Я. К. Грота, О спряжении русского глагола и важности в нем ударения, «Филологические разыскания», т. I.

31. Ср. ст. S Karcevski, Autour d'un problème de morphologie. Annales Academiae scientiarum Fennicae, B. XXVII, Mélanges de philologie offerts à M. J. J. Mikkola.

32. О колебании ударения в глаголах на *-овать* см. у Л. Л. Васильева, О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII веков, Л. 1929, стр. 139—141.

33. Я. К. Грот, Филологические разыскания, I, стр. 319—327.

34. Ср. книгу John Ries, Was ist ein Satz, Prag 1931. См. особенно стр. 99—112.

35. «Знаменательные и служебные слова в русской речи», «Журнал министерства народного просвещения», 1895, сентябрь, стр. 258.

36. А. М. Пешковский, Русский синтаксис[6], стр. 190.

37. См. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, вып. II, стр. 45—50. Ср. статью Р. Якобсона «Zur Struktur des russischen Verbums» в Charisteria Guilelmo Mathesio quinquagenario... oblata, Prag 1932.

38. А. М. Селищев, Славянское языкознание, т. I, 1941, стр. 166 и 372.

39. Ф. И. Буслаев, Опыт исторической грамматики, вып. II, стр. 186.

40. «Синтаксис русского языка», вып. I, стр. 15. Ср. вып. II, стр. 45.

41. А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка, 1923, стр. 169.

42. A. Meillet, Linguistique historique et linguistique générale, стр. 177, 193.

43. Д. Н. Овсянико-Куликовский, Синтаксис русского языка. Ср. «Из синтаксических наблюдений». I. К вопросу о классификации бессубъектных предложений, СПБ 1901, «Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Акад. наук», т. V, кн. 4.

44. Ср. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, III, гл. «Устранение подлежащего».

45. «Советское искусство» от 28 января 1939 г., № 14.

46. «Romanische Syntax», стр. 111.

47. С. Голубов, Доблесть (повести и рассказы), 1945, стр. 67

48. Ср. С. Кацнельсон, К генезису номинативного предложения 1936, глава II «Безличные глаголы и генезис номинативного предложения».

49. Д. Н. Овсянико-Куликовский, Синтаксис русского языка, стр. 197.

50. А. М. Пешковский, Русский синтаксис[6], стр. 320—321.

51. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, III, стр. 413.

52. Там же, стр. 441.

53. «Письма А. И. Эртеля», М. 1909, стр. 67.

54. «Русский синтаксис», стр. 318—319.

55. Ср. ст. «Детский сахарин», «Литературная газета», 1935, № 22 (513) от 20 апреля.

56. Ср. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, вып. I, стр. 99.
57. Н. П. Некрасов, О значении форм русского глагола, СПБ 1865, стр. 105—108.
58. А. М. Пешковский, Русский синтаксис[6], стр. 196—199.
59. Ср. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, вып. II, стр. 48.
60. «Neue theoretisch-praktische russische Sprachlehre für Deutsche mit Beispielen, als Aufgaben zum Uebersetzen aus dem Deutschen in das Russische nach den Hauptlehre der Grammatik nebst einem Abrisse der Geschichte Russlands», S.-Petersburg und Riga, 1810.
61. Ср. заявление Болдырева в «Трудах Общества любителей российской словесности», ч. VI, 1816, стр. 113—114.
62. «Труды Общества любителей российской словесности при Императорском московском университете», 1812, ч. II, стр. 65—84.
63. Там же, ч. III, стр. 30—50.
64. Там же, ч. II, стр. 72—77.
65. Там же, стр. 85.
66. Там же, стр. 73—74.
67. Там же, ч. III, стр. 48—49. Ср. С. К. Булич, Очерк истории языкознания, стр. 1013—1016, 1024—1025.
68. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. IV, стр. 18.
69. «Труды Общества любителей российской словесности», ч. XV, 1819, стр. 120, 121, 128—129.
70. «Труды Общества любителей российской словесности», Сочинения в прозе и стихах, 1822, ч. I (XXI), стр. 39.
71. С. Шафранов, О видах русского глагола, стр. 43. Ср. М. Крыгин, Критический обзор литературы вопроса о видах и временах русского глагола, журн. «Гимназия», 1889, № 10, октябрь.
72. А. Востоков, Русская грамматика, § 60, §§ 83—85.
73. Ср. критику востоковской теории видов и времен у Eug. von Schmidt, Kritische Betrachtung der in Bezug auf die russischen Verba herrschenden grammatischen Systeme, Dorpat 1844.
Ср. также А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. IV, стр. 13—15.
74. «Отечественные записки», 1839, т. V, № 8.
75. Ср. также К. Яухыи, Рассмотрение господствующих систем в спряжениях русских глаголов, 1844.
76. Г. Павский, Филологические наблюдения, III. О глаголе, стр. 207.
77. Там же, стр. 218. Ср. стр. 200—201.
78. Там же, стр. 175—176.
79. М. Крыгин, названная статья в журн. «Гимназия», 1890, № 2—3, стр. 158.
80. «Из записок по русской грамматике», т. IV, стр. 22—34.
81. Там же, стр. 22, 24, 25, 26.
82. Там же, стр. 24.
83. «Сочинения филологические», I. О русских глаголах, стр. 414.
84. Там же, стр. 418.
85. «Из записок по русской грамматике», т. IV, стр. 75.
86. Там же, стр. 74.
87. Там же, стр. 75.
88. Там же, стр. 32.
89. Там же, стр. 62.
90. Там же, стр. 76.
91. Там же, стр. 13.
92. Там же, стр. 76.
93. Там же, стр. 27.
94. Там же, стр. 62.
95. Там же, стр. 47.
96. Там же, стр. 47.
97. Там же, стр. 77—78.
98. Там же, стр. 64.

99. Там же, стр. 80.
100. Там же, стр. 85.
101. Там же, стр. 88.
102. Там же, стр. 89.
103. Там же, стр. 92.
104. Там же, стр. 93.
105. Там же, стр. 89.
106. Там же, стр. 27.
107. Там же, стр. 28—30.
108. Там же, стр. 27.
109. Там же, стр. 27.
110. Там же, стр. 53.
111. Там же, стр. 69.
112. «Синтаксис русского языка[3]», стр. 143—144.
113. «Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков», ч. II, стр. 38.
114. П. Д. Первов, Очерки по методике преподавания латинского языка сравнительно с русским, 1913.
115. Л. П. Размусен, О глагольных временах, «Журнал министерства народного просвещения», 1891, июль, стр. 383.
116. Г. Ульянов, Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, Варшава 1895, ч. II, стр. 18.
117. Там же, стр. 181—182.
118. Там же, стр. 57.
119. «Русская грамматика», Казань 1918, стр. 164—174.
120. Ср. обзор (правда, неполный) литературы о видах в статье Е. Сидорова «Из научно-учебной литературы о видах русского глагола», «Родной язык в школе», 1924, № 5 и № 6. Ср. И. А. Калинин, Категория вида в русских глаголах, «Труды Горьковского педагогического института имени А. М. Горького», литературный сборник, 1940.
121. «Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Академии наук за 1910 г.»
122. «Русский синтаксис[6]», стр. 122.
123. «Очерк современного русского литературного языка», стр. 157.
124. «Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen», 1904, стр. 493.
125. «Синтаксис русского языка[3]», стр. 143.
126. «Vergleichende Grammatik», IV, Syntax, стр. 274.
127. Ср. в старых грамматических описаниях, в курсах немецкого языка, например, у Heyse (Lehrbuch, I, стр. 682), у Vernaleken (Deutsche Syntax, II, стр. 264) и др. Подробности см. в статье Л. П. Размусена «О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках», «Журнал министерства народного просвещения», 1891, июнь, стр. 377—380.
128. Ср. Delbrück, Das altindische Verbum, стр. 18 и особенно «Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen», 1901; «Vergleichende Syntax», II, S. 13—14. Ср. K. Brugmann, Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Ср. А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, 1938, стр. 261—262.
129. И. В. Нетушил, Об основных значениях греческого времени, «Журнал министерства народного просвещения», 1891, июнь, Отдел классической философии, стр. 86—87.
130. Ср. A. Mazon, Morphologie des aspects du verbe russe, Paris 1908, стр. 10. Ср. его же «Emplois des aspects du verbe russe», 1914, стр. 106 и след. Ср. S Karcevski, Système du verbe russe, Prague 1927.
131. «Morphologie des aspects du verbe russe, pp. 83—84.
132. «Emplois des aspects du verbe russe», p. 111.
133. Там же, стр. 112.
134. Там же, стр. 113—114.

135. «Русский синтаксис», стр. 125—126.

136. «Наш язык», ч. 2, стр. 67.

137. «Синтаксис русского языка», вып. II, стр. 57.

138. Л. П. Размусен, О глагольных временах, «Журнал министерства народного просвещения», 1891, июнь, стр. 379.

139. S. Karcevski, Système du verbe russe, Prague 1927.

140. Ср. у Н. И. Греча в «Практической русской грамматике» (1834) главу «Начертание глаголов». Ср. также S. Karcevski, Système du verbe russe, Prague 1927.

141. «Сочинения филологические», ч. I, стр. 414, 430.

142. Г. К. Ульянов, Значения глагольных основ, ч. II, стр. 13 и 126.

143. «Очерк современного русского литературного языка», стр. 158—167.

144. А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка, стр. 166.

145. Ср. наблюдения Ф. Ф. Фортунатова в разборе сочинения Г. К. Ульянова, «Отчет о присуждении Ломоносовской премии в 1895 г.», стр. 121—123.

146. ИОРЯС, 1916, XXI, кн. I, стр. 340—341.

147. А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка, стр. 173—174. Ср. Г. К. Ульянов, Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. II, Основы, обозначающие различия по видам, Варшава 1895, стр. 126 и след. Ср. также анализ видовых значений в грамматических трудах Ломоносова, Востокова и Павского.

148. «Отчет о присуждении Ломоносовской премии в 1895 г.», стр. 105. Ср. также Г. К. Ульянов, Значения глагольных основ, ч. II, стр. 122—124.

149. «Русский язык в школе», 1940, №№ 1, 2, 3 и 4.

150. Ср. Г. К. Ульянов, Значения глагольных основ, ч. II, стр. 31—62; Ф. Ф. Фортунатов, Разбор сочинения Г. К. Ульянова, стр. 115—119.

151. Г. К. Ульянов, Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. I, Варшава 1891; ч. II, Варшава 1895; Ф. Ф. Фортунатов, Разбор сочинения Г. К. Ульянова, Сборник Отделения русского языка и словесности, т. LXIV.

152. Г. Ульянов, Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, Варшава 1895, ч. II, стр. 56.

153. Там же, стр. 34.

154. Там же, стр. 34.

155. Там же, стр. 41.

156. A. Mazon, Emplois des aspects du verbe russe, pp. 110—112.

157. «Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Академии наук за 1910 г.», стр. 16—18. См. также изложение взглядов Фортунатова и пояснение их иллюстрациями из современного русского языка в работе И. А. Калинина «Категория вида в русских глаголах», «Труды Горьковского педагогического института имени А. М. Горького», литературный сборник, 1940.

158. См. «Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Академии наук за 1910 г.», стр. 17—18.

159. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. IV, стр. 16.

160. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, вып. II, стр. 97—98.

161. Там же, стр. 57.

162. Там же, стр. 58.

163. Ср. статью И. Желтова «Виды русских глаголов», «Филологические записки», 1866, вып. IV—V.

164. Ср. статью В. Н. Сухотина «Синтаксическая роль инфинитива в современном русском языке», «Ученые записки Кабардино-Балкарского государственного педагогического института», 1940, вып. I, стр. 89—95.

165. Л. А. Булаховский, Курс литературного языка, 1937, стр. 152—154.

166. Ср. статью Е. А. Сидорова, «Из научно-учебной литературы о видах русского глагола», «Родной язык в школе», № 5 и 6, 1924 г.

167. Ad. Stender-Petersen, Eine verbale Neubildung im Russischen, Zeitschrift für slavische Philologie, 1931, B. XVIII, Doppelheft 1/2, S. 74—76.

168. Ср. А. Х. Востоков, Русская грамматика, § 84.

169. Ср. И. А. Калинин, Категория вида в русских глаголах, стр. 197—198.

170. Ср. А. Х. Востоков, Русская грамматика, § 84.

171. Н. П. Некрасов, О значении форм русского глагола, стр. 220.

172 Ср. Н. П. Некрасов, О значении форм русского глагола, стр. 220.

173. Ср. наблюдения S. Agrell, Aspektänderung und Aktionsartbildung beim polnischen Zeitworte, Lund 1908.

174. Списки видовых соотношений русских глаголов (конечно, неполные) можно найти у Востокова в «Русской грамматике», у Рад. Ив. Кошутича «Грэматика руског језика» (II, 1914, Облици, стр. 244—274); у М. Вольпера в «Справочнике по этимологии русского языка в таблицах»; у A. Mazon, Morphologie des aspects du verbe russe (Paris, 1908); у K. Meyer, Historische Grammatik der russischen Sprache (стр. 198—203). Кроме того, видовые соотношения глагола обычно отмечаются в толковых словарях русского языка (ср. особенно «Академический словарь русского языка» и «Толковый словарь русского языка» 1934—1940).

175. В. Г. Белинский, Соч., М. 1872, ч. I, стр. 156—157.

176. A. Mazon, Emplois des aspects du verbe russe, стр. 234. Ср. Павский, Филологические наблюдения, О глаголе, стр. 200—201; ср. «Практическую русскую грамматику» Н. И. Греча.

177. Ср. G. Curtius, Erläuterungen zu meiner griechischen Schulgrammatik, Prag 1863, а также «Das Verbum der griechischen Sprache seinem Baue nach dargestellt», Leipzig 1873—1876.

178. «Erläuterungen», стр. 172.

179. «Русский синтаксис6», 106—107.

180. Однако ср. «Синтаксис русского языка» А. А. Шахматова, вып. II, стр. 75. Ср. также замечания Фортунатова «Отчет о присуждении Ломоносовской премии в 1895 г.» (Разбор сочинения Г. К. Ульянова), стр. 139—140.

181. Ср. книгу A. Mazon, Emplois des aspects du verbe russe, Paris 1914.

182. S. Karcevski, Système du verbe russe, Prague 1927.

183. «Сочинения филологические», ч. I, стр. 411—414.

184. Ср. протест С. Шафранова в книге «О видах русских глаголов в синтаксическом отношении» (1852). Ср. учение о временах русского глагола в «Исторической грамматике русского языка» Ф. И. Буслаева.

185. Проф. Д. Н. Овсяника-Куликовский, Синтаксис русского языка, стр. 103.

186. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, вып. II, стр. 74—79. A. Mazon, Emplois des aspects du verbe russe, 1914. А. И. Стендер-Петерсон, О пережиточных следах аориста в славянских языках, преимущественно в русском, «Acta et commentationes universitatis Tartuensis», «Humaniora», XVIII, 1930. Ср. А Белич, О језичкој природи и језичком развитку, Лингвистичка испитивања, Београд 1941.

187. Ср. замечание А. В. Болдырева в статье «Рассуждение о средствах исправить ошибки в глаголе», «Труды Общества любителей российской словесности», ч. III, 1812.

188. «Введение в языкознание», Юрьев 1912, стр. 104—105.

189. «Русский синтаксис6», стр. 211, примечание.

190. А. Х. Востоков, Русская грамматика, § 62.

191. Н. В. Станкевич, Переписка, М. 1914, стр. 213.

192. «Опыт исторической грамматики», ч. II, стр. 150—152.

193. М. Н. Катков, Об элементах и формах славяно-русского языка, М. 1845, стр. 206—207.

194. К. С. Аксаков, Полное собрание сочинений, т. II, стр. 415.

195. В. И. Чернышев, Правильность и чистота русской речи, вып. II, стр. 225—232.

196. Ср. примеры в книге Н. П. Некрасова «О значении форм русского глагола» (1865).

197. Николич, Etymologischer Theil der russischen Grammatik, Reval 1875, S. 112.

198. Л. П. Размусен, О глагольных временах, «Журнал министерства народного просвещения», 1891, сентябрь, стр. 38—39.

199. «Morphologie des aspects du verbe russe». 1908; «Emplois des aspects du verbe russe», 1914.

200. Ср. также у А. М. Пешковского, Сборник статей, 1925, стр. 127.

201. Ср. A. Mazon, Morphologie des aspects du verbe russe, стр. 69.

202. Е. Колбасин, Литературные деятели прежнего времени, СПБ 1859, стр. 130.

203. А. А. Шахматов, Синтаксис, вып. I, стр. 194.

204. Там же, стр. 76—77.

205. «Acta etcommentationes universitatis Tartuensis», «Humaniora», XVIII, 1930.

206. К. С. Аксаков, Полное собрание сочинений, т. II, Сочинения филологические, ч. I, Критический разбор «Опыта исторической грамматики Ф. И. Буслаева», стр. 566—567.

207. «Из записок по русской грамматике», IV, стр. 184—185.

208. Л. А. Булаховский, Исторический комментарий к литературному русскому языку, 2-е изд., 1939, стр. 233.

209. Ср. P. Boyer et N. Spéranski, Manuel pour l'étude de la langue russe, p. 291.

210. И. В. Киреевский, Полное собрание сочинений, 1861, т. I, стр. 107—108.

211. Ср. А. М. Пешковский, Синтаксис, стр. 200.

212. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, IV, стр. 188.

213. Там же, стр. 185.

214. «Emplois des aspects du verbe russe», стр. 220—222.

215. «Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования», под редакцией А. С. Долинина, Л. 1935.

216. «Из записок по русской грамматике», I—II, стр. 257.

217. «Журнал министерства народного просвещения», 1903, май, стр. 228. Рецензия на «Синтаксис русского языка» Овсянико-Куликовского.

218. См. В. В. Виноградов, «Стиль «Пиковой дамы» во «Временнике Пушкинской комиссии Академии наук», вып. II.

219. «Синтаксис русского языка», вып. II, стр. 77.

220. «Emplois des aspects du verbe russe», стр. 212—214.

221. С. И. Соболевский, Грамматика латинского языка, Учпедгиз, 2-е изд., 1939, стр. 199—200.

222. О значениях прошедшего сложного времени в славянских языках см. Maretič, Grammatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika, § 593—595. Ср. также новые работы В. Погорелова, А. Белича, Ст. Слонского, Ван-Вейка, Ст. Младенова и других славистов.

223. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 257 и след.

224. Е. С. Истрина, Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи, стр. 105.

225. Ср. K. Brugmann, Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen, II, 1903, S. 569; J. M. Stahl, Kritisch-historische Syntax des griechischen Verbums der Klassischen Zeit, Heidelberg 1907, S. 79; А. Белич, О језичкој природи и језичком развитку, Београд 1941, стр. 374—375.

226. Ср. Ф. Ф. Фортунатов, Разбор сочинения Г. К. Ульянова «Отчет о присуждении Ломоносовской премии в 1895 г.», стр. 139—140.

227. Ср. Gustave Guillaume, Temps et verbe, Paris, 1929, pp. 52—53.

228. «Из записок по русской грамматике», т. IV, стр. 137.

229. Ср. А. Mazon, Emplois des aspects du verbe russe, Paris 1914 стр. 141—142.

230. Там же, стр. 131—132.

231. Г. К. Ульянов, Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. II, стр. 201—202.

232. A. Mazon, Emplois des aspects du verbe russe, стр. 140.

233. Г. К. Ульянов, Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. II, стр. 76.

234. И. В. Киреевский, Полное собрание сочинений, 1861, т. I, стр. 103—104.

235. Там же, стр. 105—106.

236. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. IV, стр. 106.

237. Г. К. Ульянов, Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. II, стр. 213.

238. «Из записок по русской грамматике», т. IV, стр. 110, 111.

239. Там же, стр. 112.

240. Там же, стр. 118.

241. Л. П. Раамусен, О глагольных временах, «Журнал министерства народного просвещения», 1891, июнь, стр. 410, ср. также стр. 416—517.

242. Ср. A. Mazon, Emplois des aspects du verbe russe, 1914, pp. 135—137.

243. Л. П. Размусен, О глагольных временах, «Журнал министерства народного просвещения», 1891, июнь, стр. 388.

244. Г. К. Ульянов, Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. II, стр. 210.

245. Ср. изложение учений о наклонении в старых церковнославянских грамматиках у С. К. Булича, Очерк истории языкознания, стр. 171—172, 174, 178.

246. См. Steinthal, Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen und Römern, 2 Th., S. 286.

247. «Сочинения филологические», ч. I, стр. 539—540.

248. Там же, стр. 567.

249. «Практическая русская грамматика», 1834, стр. 118—119.

250. «Синтаксис русского языка[2]», стр. 126.

251. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. II, стр. 270.

252. Ср. Н. И. Греч, Практическая грамматика, стр. 147; И. И. Давыдов, Опыт общесравнительной грамматики русского языка, стр. 93—94; Я. К. Грот, Филологические разыскания, т. I.

253. «Русский синтаксис[6]», стр. 196.

254. «О значении форм русского глагола», стр. 106—107.

255. Там же, стр. 112—113.

256. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. IV, стр. 177.

257. Там же, стр. 178.

258. «Русский синтаксис», стр. 198.

259. Ср. статью Д. К. Зеленина, О синтаксическом значении частицы *-ко(-ка)* при повелительном наклонении, «Русский филологический вестник», 1905, № 4. Ср. также статью А. И. Соболевского, Из истории русского языка, «Журнал министерства народного просвещения», № 9, 1901.

260. A. Mazon, Emplois des aspects du verbe russe, стр. 66—68.

261. Г. К. Ульянов, Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. II, стр. 199.

262. A. Mazon, Emplois des aspects du verbe russe, p. 66.

263. «Журнал министерства народного просвещения», 1903, май, стр. 228.

264. Ср. статью Р. Г. Вестфаля «Об образовании основ и времен русского глагола», «Русский вестник», 1876, октябрь, т. 125.

265. М. Н. Катков, Об элементах и формах славяно-русского языка, стр. 220—221.

266. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. IV, стр. 179.

267. А. И. Стендер-Петерсон, О пережиточных следах аориста в славянских языках, преимущественно в русском, «Acta et commentationes universitatis Tartuensis», «Humaniora», XVIII, 1930.

268. Другие примеры см. у Д. Н. Кудрявского во «Введении в языкознание».

269. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, вып. II, стр. 71—73.

270. Л. П. Размусен, О глагольных временах, «Журнал министерства народного просвещения», 1891, сентябрь, стр. 10.

271. Ср. P. Boyer et N. Spéranski, Manuel pour l'étude de la langue russe, Paris 1905, p. 63.

272. См. статью В. Н. Сухотина «Синтаксическая роль инфинитива в современном русском языке», «Ученые записки Кабардино-Балкарского государственного педагогического института», 1940, вып. I, стр. 87—89.

273. «Синтаксис языка русских пословиц», 1873, стр. 13—14.

274. Ср. С. К. Булич, Очерк истории языкознания, стр. 171—172.

275. Ср. статью И. Ф. Калайдовича «О залогах глаголов русских», Сочинения в прозе и стихах, «Труды Общества любителей российской словесности», 1824, ч. IV (XXIV), стр. 70—101.

276. Н. И. Греч, Практическая русская грамматика, стр. 114—115.

277. А. Х. Востоков, Русская грамматика, § 58. Ср. Н. И. Греч, Практическая русская грамматика, стр. 114—115.

278. Г. Павский, Филологические наблюдения. О глаголе, стр. 3.

279. Ф. И. Буслаев, Историческая грамматика, ч. II, стр. 109.

280. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. IV, стр. 197.

281. См. критические замечания А. А. Потебни. М. Д. Мальцев, Из учения А. А. Потебни о залоге, «Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена», 1939, т. XX, стр. 286—287.

282. Н. П. Некрасов, О значении форм русского глагола, стр. 32—33.

283. См. К. С. Аксаков, Критический разбор «Опыта исторической грамматики Ф.И. Буслаева», «Сочинения филологические», ч. I, стр. 542—557.

284. Н. В. Соловьев, История одной жизни, В. В. Воейкова, «Светлана», II, 1915, стр. 128.

285. См. статью М. А. Тростникова «Определение залогов в школьных грамматиках русских, латинских и греческих», «Филологические записки», 1896, № 2.

286. Н. П. Некрасов, О значении форм русского глагола, стр. 74.

287. Там же, стр. 82—83.

288. Там же, стр. 89.

289. См. статью А. Вейсмана «Заметки к истории русской грамматики», «Журнал министерства народного просвещения», 1899, июль, стр. 109—112.

290. См. В. К. Поржезинский, Возвратная форма глаголов, стр. 103.

291. Там же, стр. 49.

292. Ср. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. IV. Ср. М. Д. Мальцев, Из учения А. А. Потебни о залоге, «Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена», 1939, т. XX.

293. А. В. Попов, Синтаксические исследования, Воронеж 1881.

294. Б. Гвоздиков, Опыт классификации залогов русского глагола, «Русский филологический вестник», 1904, т. LI, стр. 227—228. Ср. Дополнения и исправления в «Русском филологическом вестнике», 1904, т. LVI.

295. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. IV, стр. 201.

296. Там же.

297. Там же, т. IV, стр. 206.

298. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. IV, стр. 204.
299. Б. Гвоздиков, Опыт классификации залогов русского языка, «Русский филологический вестник», 1904, т. LI, стр. 168.
300. «Русский филологический вестник», 1904, т. LI, стр. 172.
301 Там же, стр. 185—186.
302. См. Б. Гвоздиков, Опыт классификации залогов русского глагола, «Русский филологический вестник», 1904, т LI, стр. 185—200.
303. А. А. Потебня, Лекции по русской грамматике 1883/84 уч. года, «Русский филологический вестник, 1904, т. LI, стр. 214.
304. Там же, стр. 215—216.
305. А. В. Попов, Синтаксические исследования, стр. 307.
306. Там же, стр. 172.
307. Там же, стр. 175.
308. Там же, стр. 173.
309. Там же, стр. 175—176.
310. Там же, стр. 281.
311. Там же, стр. 282.
312. Там же, стр. 179.
313. Там же, стр. 302.
314. Там же, стр. 301.
315. Там же, стр. 302—303.
316. Там же, стр. 303, примечание.
317. Там же, стр. 298—303.
318. Там же, стр. 290—291.
319. Там же, стр. 291—298.
320. Там же, стр. 304.
321. H. Steinthal, Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprache, II, 88.
322. А. В. Попов, Синтаксические исследования, стр. 304—305.
323. Ср. постановку вопроса о генезисе категории залога в работах: акад. И. И. Мещанинова «Новое учение о языке», «Общее языкознание»; С. Л. Быховской «Пассивная конструкция в яфетических языках» («Язык и мышление», II, 1934); «Объективный строй verba sentiendi» («Язык и мышление», VI—VII, 1936) идр.; С. Д. Кацнельсона «К вопросу о генезисе номинативного строя предложения».
324. «Синтаксис русского языка», стр. 127—136.
325. Ср. статью акад. И. И. Мещанинова, Понятийные категории в языке, «Труды Военно-педагогического института иностранных языков», 1945, вып. I.
326. А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка, стр. 168. Ср. также определение в работе В. К. Поржезинского, Возвратная форма глаголов в литовском и латышском языках, М. 1903, стр. 18.
327. Ср. Delbrück, Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen, B. III. Ср. J. Wackernagel, Vorlesungen über Syntax, I, 1920. Ср. в книге В. К. Поржезинского «Возвратная форма глагола», изложение учения о залоге Шлейхера, стр 12—18.
328. «Синтаксис русского языка», вып. II, стр. 61—67.
329. Д. Н. Овсянико-Куликовский, Синтаксис русского языка, стр. 129—130.
330. См. статью Н. Н. Роде, Возвратно-страдательная форма глаголов в современном русском языке, «Русский язык в школе», 1941, № 3.
331. Там же.
332. «Синтаксис русского языка», вып. II, стр. 193.
333. Ср. И. П. Мучник, О залогах русского языка, «Ученые записки кафедры русского языка Московского государственного педагогического института», вып. II, М. 1938, стр. 148.
334. А. Б. Шапиро, О залогах в современном русском языке, «Ученые записки Московского городского педагогического института», Кафедра русского языка, вып. I, 1941, стр. 54.

335. Проф. Л. А. Булаховский, Курс русского литературного языка, 1937, стр. 147.

336. Там же, стр. 148.

337. Ср. И. П. Мучник, О залогах русского глагола, стр. 157—159.

338. Акад. И. И. Мещанинов, Общее языкознание, 1940, стр. 64.

339. Ср. работу С. Кацнельсона «К генезису номинативного предложения», 1936, гл. III, Номинативное предложение и залоги.

340. См. P. Boyer et N. Spéranski, Manuel pour l'étude de la langue russe, p. 247.

341. Ж. Вандриес, Язык, русск. пер., 1937, стр. 103.

342. «Опыт общесравнительной грамматики русского языка», стр. 81. Ср. также в «Филологических наблюдениях», III, О глаголе, Г. Павского.

343. Ж. Вандриес, Язык, стр. 106—107.

344. Н. И. Греч, Практическая русская грамматика, стр. 257—258; Опыт общесравнительной грамматики, стр. 254—255.

345. «Опыт симазиологии», стр. 330.

346. См. Alb. Sechehaye, Essai sur la structure logique de la phrase, стр. 85—86.

347. Ср. проф. Е. Ф. Будде, Вопросы методологии русского языкознания, Казань 1917, стр. 56.

348. «Филологические наблюдения». О глаголе, стр. 79.

349. Н. П. Некрасов, О значении форм русского глагола, стр. 178—179.

350. Там же, стр. 179, 207 и др.

351. Там же, стр. 214—215.

352. «Опыт общесравнительной грамматики русского языка», стр. 76. Ср. Г. Павский, Филологические наблюдения, О глаголе, стр. 80.

353. «Труды Общества любителей российской словесности», 1824, ч. IV, стр. 78—79.

354. «Толковый словарь русского языка», 1938, т. II, стр. 360.

355. Там же, т, II, стр. 458.

356. Там же, т. I, стр. 1028—1029.

Частицы речи

I. ЧАСТИЦЫ

§ 1. О понятии «частица»

Термин ч а с т и ц а (латинск. particula), как и большая часть грамматической терминологии, был унаследован русской грамматикой от античной, которая, в свою очередь, восприняла его из восточных грамматик (ср. арабск. harf — частица). Этот термин употребляется в двух значениях — общем и частном. Ч а с т и ц ы в широком смысле этого слова — то же, что «частицы речи». «Частицы речи», к которым относятся, между прочим, союзы и предлоги, противополагаются «частям речи»[1]. Это общее понятие «частиц» обнимает все классы так называемых «служебных», «формальных» или «частичных» слов. Ч а с т и ц а м и называются классы таких слов, которые обычно не имеют вполне самостоятельного реального или материального значения, а вносят главным образом дополнительные оттенки в значения других слов, групп слов, предложений или же служат для выражения разного рода грамматических (а следовательно, и логических, и экспрессивных) отношений. Лексические значения этих слов совпадают с их грамматическими, логическими или экспрессивно-стилистическими функциями. Поэтому семантический объем этих частиц очень широк, их лексико-грамматические значения очень подвижны, они находятся во власти синтаксического употребления. «Это как бы оторвавшиеся от основ аффиксы, свободно передвигающиеся по поверхности языка (хотя исторически как раз наоборот: сами аффиксы происходят из таких слов, прильнувших к полным словам)»[2].

Грамматическая разработка вопроса о частицах речи в новое время составляет неотъемлемую заслугу фортунатовской школы (если включить в нее и А. М. Пешковского). Но особенно много нового внес в понимание частиц А. А. Шахматов. Термину ч а с т и ц ы в широком смысле (или «частичные слова») соответствует понятие «связочные слова» («слова-синтаксемы», если воспользоваться термином акад. И. И. Мещанинова)[3].

Связочные слова очень многочисленны и продуктивны. Статистические подсчеты стенографов показывают, что самое большое место среди наиболее употребительных слов занимают предлоги, союзы, частицы и местоимения. Так, французский стенограф Эсту[4]

подсчитал, что во французском тексте из 20 000 слов 12 слов (член и предлоги) повторяются 8000 раз (т. е. составляют 40% всего текста); в тексте из 30 000 слов во второй тысяче новых слов оказалось 23%, в десятой 9%, в тридцатой—4%. Кединг, занимавшийся статистикой частоты употребления разных слов и категорий слов в немецком языке, нашел, что в обследованном им материале из 11 000 000 слов член der, die, das, союз und и предлоги zu и in повторяются 1 292 149 раз и составляют, таким образом, 12% общего состава немецкой речи[5].

По отношению к русскому языку предварительные статистические подсчеты показывают, что в тексте (разнообразно подобранных отрывков книжного и разговорного языка) из 54 000 слов (54 338 слов) чаще всего встречаются предлоги: *в* (1881 раз), *на* (770 раз), *с* (578 раз), *к* (267 раз), *за* (259 раз), *для* (236 раз), *из* (202 раза), *от* (174 раза), *до* (108 раз), *при* (80 раз). Н. А. Морозов в статье «Лингвистические спектры» также пришел к выводу, что в русском языке из предлогов чаще всего употребляются *в*, *на*, *с* («Известия отделения русского языка и словесности Академии наук», 1915, т. XX, кн. 4, стр. 110—112). Из союзов выделяются по частоте употребления *и* (1963 раза в тексте из 54 000 слов) и *а* (740 раз). Союзы и предлоги, особенно в составе книжной речи, играют громадную организующую роль.

Таким образом, среди связочных слов, среди частиц речи наиболее отчетливо выделяются две резко очерченные категории — п р е д л о г и и с о ю з ы; а кроме того, остается еще несколько небольших групп слов, которые объединены общими свойствами гибридного — полуграмматического, полулексического — типа и промежуточным положением между наречиями и модальными словами, с одной стороны, и союзами — с другой стороны. Вот за этими-то группами «частичных» слов и сохраняется обычно звание «частиц» в собственном смысле. Нет особенной нужды заменять этот традиционный термин каким-нибудь неологизмом[6], хотя внутренняя непоследовательность деления «частиц речи», или служебных слов, на предлоги, союзы и частицы очевидна. По определению акад. А. А. Шахматова, к частицам относятся «слова, усиливающие или оттеняющие в том или ином отношении грамматические формы или предикат»[7]. Преобладающее большинство частиц в русском языке обнаруживает в своем значении модальные оттенки и тяготеет к категории модальных слов *.

В. Н. Сидоровым в «Очерке грамматики русского литературного языка» (1945) сделана попытка противопоставить частицы служебным словам (предлогам, союзам, связке). «В зависимости

---

* Необходимы монографические исследования «частиц», их состава и функций в современном русском языке. Не менее интересно и своевременно изучение формирования и изменений этого типа слов в истории русского языка. Лишь на основе таких работ могут быть вполне уяснены грамматические разряды и грамматические категории в кругу слов, именуемых ныне «частицами».

от того, какого рода формальные значения — синтаксические или несинтаксические — выражаются несамостоятельными словами, они делятся на два разряда — служебные слова и частицы» (стр. 233). «В отличие от служебных слов частицы выражают несинтаксические формальные значения, присоединяя к реальному значению самостоятельных слов различного рода дополнительные смысловые оттенки (*он-то придет*, *только он и придет*, *он же придет* и пр.). Следовательно, по своей грамматической роли и значению частицы сближаются со словообразовательными аффиксами-приставками и суффиксами, которыми также присоединяются дополнительные значения к реальному значению самостоятельных слов» (стр. 224). Но здесь разграничение синтаксических и несинтаксических значений лишено принципиальной глубины и определенности: оно внутренне противоречиво. Эта внутренняя противоречивость и нерасчлененность понятия — «синтаксическое значение» в грамматике В. Н. Сидорова — сразу же сказывается на определении частиц и их классификации. Частицами называются «несамостоятельные слова, выражающие обычно различные оттенки в отношении говорящего к высказываемому в предложении» (стр. 231).

Далее отмечается употребление вопросительных (*разве*, *неужели*, *ли*), восклицательных (*как*, *что за*), усилительных (*то*, *даже*, *вот*, *ведь*, *же*), выделительных (*только*, *лишь*, *лишь только*) и отрицательных частиц.

Таким образом, тут все способы выражения модальных отношений в строе предложения выводятся за пределы синтаксиса. Поверхностный формализм и непродуманность этой точки зрения очень ярко выступают даже в тех иллюстративных примерах, которыми поясняются функции частиц: «*не* друг, *а* враг»; «*ведь* вы это знаете»; «*разве* вы это знаете?»; «*не* далеко, *но и не* близко»; «*что за* странный случай!» и т. п. Синтаксический характер функций всех этих частиц не подлежит сомнению. Между ними и словообразовательными аффиксами нет ни сходства, ни аналогии, ни параллелизма. Частицы (как ни расплывчат этот термин) приходится рассматривать как особый тип слов, но в том же грамматико-семантическом кругу, к которому относятся предлоги, союзы и связки.

В современном русском языке особенно отчетливо и резко различаются следующие восемь основных разрядов частиц: 1) усилительно-ограничительные, или выделительные; 2) присоединительные; 3) определительные; 4) указательные; 5) неопределенные; 6) количественные; 7) отрицательные и 8) модально-приглагольные. Сюда же близко подходят вопросительные и восклицательные слова, но эти разряды теснее связаны с категорией модальных слов. Класс частиц глубоко внедряется в категорию модальных слов, и тут складываются и развиваются новые, гибридные

типы частиц. История русского словаря представляет яркие примеры превращения модальных слов в частицы. Однако связать все частицы, за вычетом предлогов и союзов, с категорией модальности невозможно. Дело в том, что некоторые из этих частиц близки к союзам, функции других иногда выходят за пределы модальных отношений. Поэтому ошибочным и случайным должно быть признано мнение, будто частицы не несут никаких синтаксических функций и грамматически противостоят союзам и предлогам *.

§ 2. Группа усилительно-ограничительных, или выделительных, частиц

Особенно значительна по своему составу группа усилительно-ограничительных, или выделительных, частиц. Эти частицы находятся, по большей части, непосредственно перед тем словом, которое выделяют или усиливают, или сразу же позади него, а иногда относятся ко всему высказыванью, придавая ему большую выразительность и убедительность. Они играют роль своеобразных качественных показателей смыслового веса слов или высказыванья в целом.

Так, *и* усилительное, выделяя слово, к которому относится, нередко в то же время требует постановки этого слова в начале синтагмы. Например: «Эх, кума, и вшей у тебя полна голова!» (Неверов, «Бабы»); «И бедняк может быть счастлив» (Чехов, «Чайка»).

Стоя в начале вопросительного предложения, то же *и* усиливает выразительность всего высказывания. Например: «И это рассуждение материалиста!» (Ленин, «Материализм и эмпириокритицизм»).

Ср. сочетание *даже и*: «Жить — даже и не будучи влюбленным — славное занятие» (Горький, «Мещане»).

Ср. ограничительное *все* в значении — только именно: «И я ж за то под суд попала! а все по клеветам» (Крылов); ср. ограничительные частицы: *только*, *лишь*, *хоть* и др.

А. М. Пешковский сделал очень тонкое замечание о связи некоторых «первообразных» усилительных частиц (*же*, *ведь*, *вот*, *еще*, *да*, *даже*, *и*, *то*, *уж* и др.) с союзами: «Самая усилительность их, по существу дела, сближает их с союзами: всякое усиление выступает всегда на фоне чего-то неусиленного, а этот фон дается (или предполагается) в предыдущей речи»**.

---

* Ср. совершенно правильные соображения акад. И. И. Мещанинова о синтаксических функциях частиц как выразителей «универсальных грамматических категорий» (Члены предложения и части речи, стр. 310).

** «Наш язык», ч. I, 1925, стр. 84. Ср. замечания Н. В. Шляковa: «Частица — не речь с отдельным смыслом, а звук или созвучие, придающее своеобразный оттенок тому предложению, в котором оно находится... Только в предложении частица имеет свой смысл, свое значение. Значение частицы... состоит в том, что она придает известный оттенок речи, оттенок же часто улавливается только из кон-

www.ruslang.ru

Ср., например, употребление частицы *и* в значении: также, даже:

О, сторона ковыльной пущи,
Ты сердцу ровностью близка,
Но и в твоей таится гуще
Солончаковая тоска.

(С. Есенин, «За темной прядью перелесиц».)

«После ужина Ноздрев сказал Чичикову: «Вот тебе постель! Не хочу и доброй ночи желать тебе!» (Гоголь, «Мертвые души»).

Характерно также совмещение значений усилительной частицы и присоединительного союза в *даже*, например: *Пришли все, даже дряхлые старики.*

Типическим примером сочетания усилительных функций с союзными значениями может служить частица *ведь*. Выступая в роли причинного союза, она в то же время имеет ряд усилительных значений с ярким экспрессивным колоритом, например: «Но ведь это всем давно известно!»; «Ведь у нас в Киеве все бабы, которые сидят на базаре, все ведьмы» (Гоголь, «Вий»).

Повидимому, усилительные функции легче совмещаются с союзными значениями, чем ограничительные. Показательно существование таких усилительных частиц, как *и*, *а*, *да*, *же* и другие, омонимные с сочинительными союзами. В отдельных случаях здесь происходит функциональное превращение союза в частицу.

Однако во многих частицах, совмещающих функции усиления или ограничения со значениями наречия или модального слова, не наблюдается никакого уклона в сторону союзов. Таковы, например, ограничительные частицы наречного типа и, следовательно, позднейшего, вторичного происхождения: *единственно*, *исключительно* и др.; усилительные: *решительно*, *положительно*, *определенно*, *просто* и другие подобные. Например: «Все это он говорил единственно затем, чтобы затеребить честолюбие» (Гоголь); «Ирландские крестьяне питаются почти исключительно картофелем».

Таким образом, в составе усилительно-ограничительных частиц обнаруживается несколько наслоений, различающихся и по своей структуре, и по своему семантическому строю.

§ 3. Присоединительные частицы

Гораздо менее выразительна, чем усилительно-ограничительные частицы, близкая к ним группа частиц союзного типа, устанавливающих разного рода соотношения и связи между предметами мысли, элементами речи, синтаксически разъединенными. Таковы, например, присоединительные частицы: *тоже*, *также*, *к тому же*, *и то*,

текста, а потому, приводя примеры на частицы, нужно выписывать не одно предложение, а несколько с ним соседних, из которых бы явствовал вполне смысл предложения с частицей» («Статьи по славянским наречиям и русскому языку», вып. II, 1900, стр. 54).

притом, *все*, *еще* и др. Например: «Любил я тоже, что в лице ее более не было ничего такого грустного или ущемленного» (Ф. Достоевский).

Этого рода функции присущи и некоторым усилительно-ограничительным частицам, например: *и*, *еще*, *да*. Частицы этого типа можно назвать присоединительными. Многие из них иногда смешиваются и почти сливаются с союзами. Здесь границы частиц и союзов пересекаются, а иногда становятся очень зыбкими, текучими.

§ 4. Определительные частицы

Другая группа частиц, также смежная с выделительными частицами, служит не столько для усиления или ограничения, сколько для определения, уточнения того или иного слова, обозначения той или иной характеристики. Таковы, например: *подлинно*, *именно*, *как раз*, *точь-в-точь* и т. п. И в этом разряде частиц очень ощутительны оттенки союзных значений и притом с модальной окраской.

Например: «Лицо его вдруг, несмотря на приятность, не понравилось начальству, — почему *именно*, бог ведает; иногда даже, просто, не бывает на это причин» (Гоголь, «Мертвые души»).

§ 5. Указательные частицы

К определительным частицам близки указательные. Указательные частицы служат не только для указания на предметы и явления внешнего мира, но и для связыванья и указательного подчеркивания слов. Таковы: *вот*, *вон*, *это*, *оно*, просторечное *во* и некоторые другие.

Например: «Вот невидаль: мышей! Мы лавливали и ершей» (Крылов). «Садитесь чай пить, вот и разговор весь» (Л. Толстой). «И угораздило это вас, батюшка, в Тулу со своим самоваром приехать? (Лейкин). «Что это она все смеется? — думал я» (Тургенев, «Первая любовь»).

К указательным частицам, повидимому, примыкает постпозитивная о т о ж е с т в и т е л ь н а я ч а с т и ц а *же* в таких сочетаниях, как: *тот же*, *туда же*, *там же*, *тогда же* и т. п. Она соединяется с местоименными словами по методу агглютинации.

§ 6. Неопределенные частицы

Диаметрально противоположна функция частиц, придающих значение неопределенности тем словам, к которым они примыкают. Частицы этого рода в русском языке являются, в сущности, словообразовательными элементами. Некоторые из этих частиц стали уже агглютинативными морфемами (например: *то*, *либо*, *нибудь*), приклеиваемыми сзади к местоименным вопросительно-относительным словам и придающими им неопределенное значение. Напротив, префиксальная агглютинация свойственна частице *кое-*, которая может отделяться лишь предлогом от соответствующего

местоимения: *кое без чего нельзя обойтись, снестись еще кое с какими учреждениями* и т. п.

Повидимому, несколько больший словесный вес имеют частицы: *угодно* и *бы то ни было*, присоединяющиеся, подобно *либо*, к относительным местоимениям и наречиям по методу агглютинации.

§ 7. Количественные частицы

С разрядами определительных и неопределенных частиц в некоторых отношениях смежны количественные (или количественно-определительные) частицы. Правда, в русском языке количественные частицы еще не обособились резко от наречий, по большей части образуя гибридные типы слов («наречий-частиц»). Таковы, например: *почти* (*почти пять лет*, *почти двадцать километров* и т. п.), *приблизительно*, *ровно* («Ровно в половине двенадцатого Герман ступил на графинино крыльцо» — Пушкин), *точно*, *чуть не* и т. п.

С некоторыми из этих количественно-определительных слов сочетаются очень ощутительные оттенки модальных значений.

§ 8. Отрицательные частицы

В русском языке выделяются две отрицательные частицы *не* и *ни*. Однако частица *ни* имеет отрицательное значение — вне связи с *не* — только в императивных и количественных предложениях, например, в сочетании с родительным количества: *ни шагу дальше; ни синь-пороху;* ср. *ни на волос любви!; ни с места!* и т. п.

В связи с *не* частица *ни* получает усилительное значение: *ни гроша не стоит; ни черта не знаю; ни капли не боюсь; не встретил ни одного знакомого* и т. п. (ср. *нигде*, *никуда*, *никогда*, *никакой*, *никто* и т. п., причем в сочетаниях отрицательных местоимений *никто*, *ничто* и отрицательных местоименных прилагательных *никакой*, *ничей* с предлогом предлог ставится между *ни* и местоименным словом: *ни с кем*, *ни у кого*, *ни в какие авантюры не ввязываться* и т. п.).

Отрицательно-присоединительный повторный союз *ни... ни...* выходит за пределы частиц в собственном смысле (ср. *и... и...*)*.

Употребляемая в качестве привеска к относительным местоименным словам частица *ни* является лишь омонимом отрицательно-усилительной частицы *ни*. Она придает обобщающее значение соответствующим местоимениям: *какой — ни*, *где — ни*, *кто — ни*, *куда — ни*, *откуда — ни* и т. п.

Область употребления отрицательной частицы *не* в русском языке очень широка, тем более, что в этой частице слились два

---

* Без повторения одно присоединительное *ни* в функции союза устарело. Ср. у Пушкина:

Она ласкаться не умела
К отцу ни к матери своей.

омонима, прежде фонетически различавшиеся (*не* и *нъ*). Сложность грамматической природы частицы *не* выражается в колебаниях ее употребления. Она выступает и в функции агглютинируемой приставки (ср. *неймется*, *нездоровится*, *неможется*, *неприлично*, *недурно*, *независимый* и т. п.)*, и в роли отрицательной частицы. Как приставка *не* выражает разнообразные оттенки отрицательной окраски: оттенки противоположности, количественного ограничения, недостаточности (например: *ненападание*, *нетерпение*, *недоброжелательность*, *ненормальный*, *нетрезвый*, *небольшой*, *несложный*, *нехватает*, *недостает* и т. п.)[8]. В функции отрицательной частицы *не* обозначает не только разные степени отрицания — то полного и неограниченного, то несколько ограниченного и неопределенного (в зависимости от синтаксических и фразеологических условий), но выражает также модально-экспрессивные оттенки.

§ 9. Модальные значения отрицательных частиц

По укоренившемуся мнению, русские отрицания лишены модальных оттенков. Больше всего способствовал распространению такого представления Ф. Миклошич[9].

Вслед за Миклошичем отрицал модальные оттенки русского отрицания и А. А. Шахматов. «Есть языки,—писал он,—в которых глагольный предикат в отрицательных предложениях выражается иначе, чем в утвердительных; так, в английском языке глагольный предикат, не заключающий в себе вспомогательных глаголов to be или to have, при отрицании имеет при себе вспомогательный глагол do в настоящем и did в прошедшем времени: вы работаете: you work; вы не работаете: you do not work; я слышал: I heared; я не слышал: I did not hear; также, например, в финском языке. В русском языке отрицательный оборот, можно сказать, совпал вообще с утвердительным; говоря *он не ходит*, я утверждаю, что *он не ходит* (и этим отрицаю, что *он ходит*). При именных сказуемых возможно двоякое понимание предложения — и в утвердительном, и в отрицательном смысле: *он не ловкий* и *он неловкий* (il n'est pas adroit и il est maladroit); *он мне не приятель* и *он мне неприятель;* это зависит, прежде всего, от утраты русским языком глагола *быть* и в положительной, и в отрицательной форме; в этой последней 3-е лицо единственного числа (*нъ*, *нъстъ*) нашло себе заместителя в отрицании *не*»[10].

Однако целый ряд грамматических особенностей, связанных с употреблением отрицания *не* (преимущественно при глаголе и категории состояния), указывает на то, что современному русскому языку не чужды и модальные значения отрицательных частиц. В отрицании *не* обнаруживаются две основные модальности: а) к о н т р а с т н о - у т в е р д и т е л ь н а я: утверждается наличие

* Ср. у Салтыкова-Щедрина: «Нет! мне с правдой дома сидеть не приходится, потому, она, правда-матушка, нелоседлива».

противоположного отрицаемому качества, состояния или действия или, реже — сильное ограничение признака, качества. Например: *он не пьет и вообще хорошего поведения;*[11] *он не дурак выпить; он меня не жалует* и т. п.; б) чисто отрицательная с различиями в степени и в энергии отрицания (например: *ничуть не бывало; не бывать бы счастью, да несчастье помогло; ни капельки не боюсь* и т. п.). Некоторые грамматисты уже давно догадывались, что и в русском языке с отрицанием связаны оттенки модальности.

А. А. Добиаш вслед за Н. И. Гречем отмечал влияние частицы *не* на видовые и временные формы русского глагола и ставил это влияние в связь с модальными значениями отрицания. «Говорят, например: *они сдали оружие*, но наряду с этим: *они оружия не сдавали*. Причина ясна: русское *не*... влечет за собою оттенок conatus (т. е. попытки): и *сдавать не думали*»[12]. «По-русски говорят: *позволь мне сделать то-то;* но рядом с этим: *не позволяй ему этого*» (по мнению Добиаша, это почти равно: позволять и не берись)[13].

Почти все исследователи объясняли это влияние отрицания на количественно-видовые оттенки глагола различиями в экспрессивной силе и степени отрицания. Например, Ф. И. Буслаев указывал, что форма прошедшего времени многократного вида с отрицанием *не* «выражает сильнейшее отрицание события в прошлом»[14]. «Бедный отец насилу решился спросить у дьячка, была ли она у обедни. Дьячок отвечал, что *не бывала*» (Пушкин, «Станционный смотритель»). Ср. в современном просторечии: «А я, старик, хоть сам *не женивался*, а, все-таки, видал на своем веку: молодая баба дюже сладко целуется» (Короленко, «Лес шумит»).

Характерно также, что после отрицания *не* определенно-моторные глаголы заменяются неопределенно-моторными, правда, только в прошедшем времени. Говорим: *Я не ходил сегодня на работу* (совсем другой смысл: *Я не шел сегодня на работу*)[15].

В разных оттенках степени экспрессивного усиления, присущих отрицанию, сказывается модальная окраска отрицательного высказывания. Известно, что отрицание *не* придает форме настоящего-будущего времени совершенного вида значение потенциального наклонения [16]. Например: *с тобой не сговоришь; не припомню; не придумаю* и т. п. В. И. Чернышев заметил: «*Не* с некоторыми глаголами, сложенными с префиксом *на-*, и в некоторых других случаях имеет значение: невозможно, очень трудно что-либо сделать; недостанет, нехватит чего-либо. Таковы в особенности неопределенно-личные глаголы: *не напасешься денег или чего-либо другого; не оберешься хлопот; с другом не наговоришься; в гостях не насидишься* и подобные. Такое же значение имеют и личные обороты: *не нагляжусь, не нарадуюсь, не насмотрюсь, не наглядится, не насмотрится* и подобные»[17].

Ср.: «Василий Сергеевич мой вертится около нее (жены), не наглядится и никак не нахвалится» (Чехов, «В ссылке»).

Напекла блинов Оринушка,
Не насмотрится на Ванюшку.

(Некрасов, «Орина — мать солдатская».)

Ср.: *рука не поднимается; ничто не берет* и другие подобные. Ср. оттенок потенциальной модальности в конструкциях типа: *не верится, не спится, не терпится, не сидится; не сносить тебе головы* и т. п.

Полмиру дать ты б счастие могла,
Но счастливой самой тебе не быть.

(Лермонтов.)

Экспрессивная окраска отрицания, его модальные оттенки выступают еще ярче в сочетаниях с частицей *не* уменьшительных форм наречий или существительных, лишь наполовину превратившихся в наречия (например: *ни чуточки не испугался неожиданной опасности; ни капельки не, ни крошечки не* и т. п.).

«Случаи употребления уменьшительного суффикса для выражения большей определенности отрицания чего-либо вытекают из понятия об уменьшении объема понятия до минимума, до «нельзя более», — писал проф. Мандельштам[18]. Ср. у Достоевского в речи судебного следователя («Преступление и наказание»): «Микола ничевошечко не знает»; ср. в «Бесах»: «Никто-то изо всей этой публики знать не знал о мне ровнешенько ничего».

Таким образом, с отрицанием *не* связаны сложные экспрессивные и количественно-модальные оттенки (ср. в вульгарном просторечии: *ни черта не, ни шиша не, ни хрена не, ни фига не* и т. п. Ср. даже: *шиш возьмешь, хрен получишь* в значении: ничего не получишь у А. Н. Толстого в романе «Петр I»).

Модальные значения частицы *не* обостряются в сочетаниях ее с наречиями и модальными словами, выражающими степень отрицания. Из этих сочетаний образуются фразеологические единства и сращения, в которых проступают резко выраженные оттенки модальности. Еще А. Х. Востоков отмечал способность «отрицательного *не* сочиняться с предположительным *едва ли, чуть ли (едва ли не, чуть ли не)* в одно «предположительное наречие»[19]. *Едва ли не* представляет собою целостное единство с новым значением, вовсе не похожим на значение *едва ли*. *Едва ли* = вряд ли, вероятно не *(едва ли тебе это удастся); едва ли не* = очень вероятно, почти; синоним: *чуть ли не* (ср. «считался едва ли не лучшим кавалеристом» — Тургенев; «едва ли не первый», «едва ли не одни из первых»). Ср. *только что не*: «Питался только что не манной небесной» (Тургенев, «Льгов»).

В этой связи приобретают особенный интерес наблюдения над модальными оттенками таких отрицательных выражений, как: *вовсе не* (ср. *совсем не*), *далеко не, никак не*, устарелое *отнюдь не*. В этих случаях *вовсе и далеко* определяют степень отрицания, придавая ему яркое модальное значение. Употребление *вовсе* в утвердительных

оборотах устарело (*вовсе пропал*, *изнервничался вовсе* и т. п.). Но ср.: *он вовсе не глуп* (здесь акцент на отрицании, поэтому решительно невозможно такое понимание: он вовсе неглуп; ср. бессмысленность фразы: *он вовсе умен*); *я вовсе не то говорил; вовсе я этого не хочу;* «современности вовсе не видно» (А. К. Толстой, «Поток-богатырь»); «Черевик ..., кажется, вовсе не имел желания расстаться со своими грезами» (Гоголь, «Сорочинская ярмарка»). Ср.: «Подколесин в своем типическом виде, может быть, даже и преувеличение, но отнюдь не небывальщина» (Достоевский, «Идиот»).

Точно так же *далеко* в устойчивом сочетании *далеко не* имеет такое модально-количественное значение, которое совсем чуждо слову *далеко*, когда оно не усиливает отрицания, а служит обстоятельственным определением глагола (ср. *он далеко не умен и он далеко не пойдет*). Например: *далеко не безопасно; далеко не красавица;* «далеко не оправдал доверия» (В. Чернышев) и т. п.

Отрицательные модальные оттенки значений этих частиц еще ярче выступают на фоне сравнения с такими наречиями и частицами (в сочетании с отрицанием *не*), как: *крайне (не); слишком (не); почти (не)* и т. п. Направленность наречий и частиц вроде: *крайне, почти* и т. п., на определение глагола или качественного слова, а не на определение степени и модальности отрицания, непосредственно очевидна. Ср., например: *крайне некрасив*; *крайне недалек*; *крайне непривлекательна* и т. п.; *почти не слышит* и т. п.

Таким образом, отрицание *не* в русском языке может сочетаться с яркими красками субъективной экспрессии, выражая модально-оценочные суждения говорящего лица.

§ 10. Модально-приглагольные частицы

Категория модальных слов, двигаясь в основном своем ядре иными путями, одной своей стороной тесно соприкасается с частями и частицами речи. Она как бы вклинивается в сферы наречий и частиц. Некоторые типы частиц входят в круг и основных разрядов категории модальности. Так, разнообразные оттенки глагольной модальности выражаются частицами. Сюда, прежде всего, относится частица *бы*. Модальные функции частицы *бы* не ограничиваются тем, что она является составным элементом формы сослагательного или условно-желательного наклонения (*ты бы отдохнул немного; было бы желание, а дело найдется* и т. п.) и что с помощью ее передаются модальные значения возможности, желательности и условности в инфинитивных конструкциях (*не тебе бы говорить, не мне бы слушать*). Частица *бы*, сверх того, служит средством выражения разнообразных оттенков гипотетической модальности в безглагольных предложениях. Например: *хорошо бы, если это так; недурно бы; лихо бы; пора бы;*

Ох, лето красное! Любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи.
(Пушкин, «Осень».)

С частицей *бы* тесно связаны составные частицы условно-желательного наклонения: *хотъ бы*, *лишь бы*, *что бы*, *как бы* и др. Например: *хотъ бы повидать его!; чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало; что бы ему заехать на денек, другой!; как бы улизнуть незаметно?* и т. п.

Особый разряд образуют препозитивные частицы, служащие для выражения повелительного наклонения: *пусть*, *пускай* с 3-м лицом настоящего и будущего времени изъявительного наклонения (для обозначения побуждения, дозволения, приказания, приглашения и совета сделать что-нибудь). Сюда же примыкает препозитивная частица *да* (с 3-м лицом настоящего и будущего времени), выражающая значение приказания или желательности чего-нибудь: «Да здравствует разум, да скроется тьма!» (Пушкин). С формами повелительного наклонения сочетается также постпозитивная частица *-ка*, смягчающая императивность требования:

...моя хозяйка
Была пригожа и добра,
А муж-то помер, замечай-ка.

(Пушкин, «Гусар».)

Та же частица присоединяется и к 1-му лицу будущего времени совершенного вида: *пойду-ка*, *посмотрю-ка* (для выражения субъективно окрашенного побуждения, решимости, воли). Ср. также при междометиях: *ну-ка*, *на-ка*. Ср. «Вы нынешние, ну-тка!» (Грибоедов). К частицам могут быть отнесены *давай*, *давайте*, сочетающиеся с императивной формой совместности (*давай почитаем*, *давайте почитаем*). Но ср. *дай*, *давай* в сочетании с формой 1-го лица ед. ч. будущего времени (*давай я схожу; дай я пойду*).

Усилительная императивная частица *пожалуйста* возникла вследствие агглютинации частицы *-ста* к форме повелительного наклонения от глагола *пожаловать — пожалуй*.

Известно, что в древнерусском языке глагол *пожаловать* в значении: соизволить — согласовался с другим глаголом, обозначающим то или иное конкретное действие. Ср. в надписи на народной картине «Лисица»: «Журавля усердно просила, чтоб он пожаловал покушал» (Ровинский, Русские народные картинки, I, 275).

Кроме того, модальные оттенки глагола выражаются препозитивной частицей *ну*, употребляемой с инфинитивом несовершенного вида для обозначения интенсивного приступа к действию, энергичного начала действия: «и ну топорщиться, пыхтеть и надуваться» (Крылов).

Та же частица *ну* присоединяется спереди к формам повелительного наклонения для придания им оттенка допущения, позволения, уступления: *ну скажи*, *ну пойди* и т. п. Однако в этом употреблении сказываются междометные черты словечка *ну*. (Ср.: *ну, довольно! ну, хорошо!* и т. п.), которое лежит как бы на границе между частицами и междометиями, совмещая значения тех и других.

§ 11. Частицы-связки

В особую категорию частиц должны быть выделены связки, выражающие логическое отношение между подлежащим и сказуемым. Но в русском языке, как тонко заметил акад. Л. В. Щерба, существует лишь одна связка — в строгом смысле этого слова — это *быть*, имеющая формы лица (а следовательно, и числа, в прошедшем времени — также рода), времени и наклонения. Связка *быть* — не глагол, хотя и имеет глагольные формы. Ей чуждо значение действия (*быть* в значении глагола существования — лишь омоним связки). Она мыслится вне категорий вида и залога. Все остальные связки в русском языке (*стать*, *становиться*, *делаться* и т. п.) представляют собою гибридный тип слов, совмещающих функции глагола и связки.

К частицам-связкам примыкают *это* и *как*, употребляемые в значении логических связок. Например: «Веселость человека — *это* самая выдающая человека черта, с ногами и руками» (Достоевский, «Подросток»); «А что он не моется — *это* он с отчаянья» (там же, слова Тришатова).

Связке *как* свойственна модальная окраска метафорического приравнения. Например: «И ваши алые уста как гармоническая роза» (Пушкин).

§ 12. Другие разряды модальных частиц

Область модальных частиц отнюдь не исчерпывается глагольными и приглагольными частицами. Вовлекая в свою систему полноценные слова, категория модальности нередко даже их превращает в частицы. Это понятно. Широкое развитие модальных частиц связано с дифференциацией модальностей высказывания, с образованием разных модальных типов предложения. Форм глагольного наклонения оказывается недостаточно для выражения модальных оттенков высказывания. На помощь приходят частицы. Достаточно сослаться на многообразие модальных значений и оттенков, присущих вопросительной частице *ли*. Та же частица, кроме того, входит в состав многих фразеологических единств с модальным значением (*шутка ли*, *чорт ли*, *то ли дело* и т. п.).

Частицы вопросительные (*ли*, *разве*, *неужели*, *ужели*), частицы восклицательно-вопросительные (*что за*), частицы, выражающие недоверие к чужой речи (*будто*), к чужим утверждениям и характеристикам (*якобы*), частицы, вводящие чужую речь (*мол*, *де* и т. п.), и разные другие типы модальных частиц органически связаны с категорией модальности и должны быть рассмотрены в ее составе.

В грамматическом строе частиц обнаруживается множество переходных типов от слов к морфемам. Наряду с частицами-словами, близкими к наречиям, тут встречаются агглютинативные частицы, уже теряющие свою иллюзорную самостоятельность «частичного слова» и почти превратившиеся в прилепы, в агглютинируемые префиксы или суффиксы. Принцип агглютинации частиц, приклейки их

к другим словам находит яркое выражение в строе современного русского языка.

Превращение частиц в агглютинативные морфемы связано с ограничением свободы их передвижения по предложению. Прикрепление частицы к определенному месту и к определенной категории слов является преддверием ее перехода в «прилепу», в агглютинативную морфему. Быть может, дальнейшее углубленное изучение частиц приведет к необходимости еще теснее связать большую их часть с синтаксической категорией модальности[20].

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ «ЧАСТИЦЫ»

1. См., например, у Н. И. Греча, Практическая русская грамматика, стр. 22—23.

2. А. М. Пешковский, Русский синтаксис[6], стр. 67. Ср. интересные соображения и факты по вопросу о происхождении частиц из полных слов у Н. Шлякова («Статья по славянским наречиям и русскому языку», вып. II, 1900).

3. См. акад. И. И. Мещанинов, Общее языкознание, 1940, стр. 42 и след.

4. J. B. Estoup, Méthode et exercices pour l'aquisition de la vitesse. Ср. изложение этой работы у Д. Рейтынбарга («Способы приобретения скорости. Вопросы стенографии», 1925, № 1 и 2).

5. Kaeding, Häufigkeitwörterbuch der deutschen Sprache, 1911. Ср. также для английского языка работу T. A. Reed, Table of the most common words in the English language, London, а для англо-американского языка Ed. L. Thorndike, The Teachers Workbook.

6. О частицах много интересных замечаний у А. А. Добиаша («Опыт симазиологии частей речи», Прага 1899).

7. «Синтаксис русского языка», вып. II, стр. 99.

8. См. статью П. К. Ковалева «Категориальное и функциональное значение частицы *не*» в журн. «Русский язык в школе», 1941, № 1.

9. «Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen», IV, стр. 174, 175. Ср. также у Потебни, Из записок по русской грамматике, III, стр. 545.

10. «Синтаксис русского языка», II, стр. 69. Ср. также работу В. И. Чернышева: «Отрицание *не* в русском языке» (Л. 1927); ср. Б. А. Ильиш, Современный английский язык, 1940, стр. 141 и след.

11. В. И. Чернышев, Отрицание *не* в русском языке, 1927, стр. 1.

12. «Опыт симазиологии частей речи», стр. 126.

13. Там же, стр. 115. Ср. в статье Г. В. Валимовой «Деепричастные конструкции в современном русском языке» («Ученые записки Ростовского на Дону государственного педагогического института», факультет языка и литературы, т. II). Ср. В. И. Чернышев, Отрицание *не* в русском языке, стр. 19—22, 61—62, 65 и др.

14. «Опыт исторической грамматики», ч. II, стр. 150—152.

15. Ср. А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка, стр 174.

16. Ср. А. А. Шахматов, Синтаксис, вып. II, стр. 74; A. Mazon, Emplois des aspects du verbe russe, стр. 141—142.

17. В. И. Чернышев, Отрицание *не* в русском языке, стр. 19—20.

18. «Об уменьшительных суффиксах в русском языке», «Журнал министерства народного просвещения», 1903, № 8, стр. 324.

19. А. Х. Востоков, Русская грамматика, § 129.

20. Ср. также замечания И. И. Мещанинова («Члены предложения и части речи», стр. 312 и 314).

II. ПРЕДЛОГИ, ИХ МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗРЯДЫ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ

§ 1. Понятие о предлогах и общая характеристика их функций

Частицы речи, служащие для выражения пространственных, временных, причинных, целевых, притяжательных, ограничительных и других отношений между объектами или таких же отношений объектов к действиям, состояниям и качествам, называются предлогами. Предлоги обозначают синтаксические отношения между формами косвенных падежей имен существительных, местоимений или субстантивированных прилагательных и числительных, с одной стороны, и глаголами, именами существительными, местоимениями, прилагательными, реже наречиями, с другой стороны.

Собственное значение предлога не может проявиться вне связи с падежной формой какого-нибудь названия лица или предмета. Предлоги могут быть рассматриваемы как агглютинативные префиксы косвенного объекта. Однако в русском языке предлоги в большей своей части еще не вполне утратили лексическую отдельность и еще не стали простыми падежными префиксами, совсем лишенными способности непосредственно выражать обстоятельственные отношения.

«На место падежной формы является сочетание падежной формы с предлогом, причем это сочетание благодаря вносимому в него предлогом значению развивает, дополняет, усиливает то значение, которое принадлежало самой падежной форме»[1]. Таким образом, предлог не только поддерживает и усиливает значение падежей, но и дополняет, специализирует, осложняет их в том или другом направлении. «Например, — пишет Овсянико-Куликовский, — значение в м е с т е, потускневшее, ставшее как бы намеком, служит в предлоге *с* способом выражать отношение связи, соединения, совместности, и притом чисто формальное, например: *я говорил с ним, мы с ним долго спорили* и т. п.; формальность этого отношения («соединения», «совместности») яснее обнаруживается в выражениях вроде: *я с ним разошелся*. Если бы предлог *с* обладал, в сочетании с творительным, тою полнотою и яркостью, какою обладает соответственное наречие, то такой оборот заключал бы в себе странное, бьющее в глаза противоречие»[2].

Однако степень формальности, отвлеченности и лексической несомости разных предлогов различна, хотя, в общем, значения предлогов в русском языке гораздо конкретнее, чем, например, во французском[3]. Еще К. С. Аксаков правильно отметил: «Значение предлогов измеряется обыкновенно падежами: такой-то требует винительного, такой-то родительного, и довольно, между тем как значение лежит в самих предлогах. Значение это находится в них как намек, который становится ясен только при падеже; таким образом, требуемый падеж является здесь не случайно прирожден-

пою собственностью предлога, но есть следствие его значения»[4]. «Предлог имеет значение в самом себе, и из этого значения можем мы вывести возможность употребления его с тем или другим падежом»[5].

«Должно быть определено общее значение каждого предлога, и отсюда должность (т. е. функция), которую отправляет он в языке, в разнообразных приложениях, иногда, повидимому, вовсе между собою несходных»[6].

Однако различия лексических значений и грамматических функций предлогов очень велики. Внедряясь одним краем в область наречий, предлоги, с другой стороны, приближаются к «препозиционным флексиям» (выражение В. А. Богородицкого) имен существительных или к «послелогам» глагола. Теряя свои реальные, лексические значения, они становятся чистыми падежными префиксами или глагольными «приклейками» — выразителями косвенно-переходных отношений глагола[7] (например: *думать о будущем; тосковать по отце; сомневаться в чем-нибудь* и т. п.). В этом случае они делаются формальными, морфологическими показателями синтаксических связей глагола.

При усвоении литературного языка система употребления таких абстрактных предлогов после глаголов представляет особые трудности. Во многих случаях предлог является составным элементом неразложимого словосочетания. Связь глаголов с такими предлогами-приклейками идиоматична. Она кажется немотивированной с точки зрения живых норм синтаксиса.

Очень симптоматичны примеры неправильного употребления таких предлогов в языке рабкоров ленинградских газет, приведенные в «Очерках по языку» А. Иванова и Л. Якубинского (1932, стр. 145—146); например: «Не удивляйтесь над этим заголовком»; «О работе экскурсионной базы вы мало отметили»; «Прощать не нужно за такие вещи» и т. п. Ср. типичные обмолвки современной устно-бытовой (а иногда и письменной) речи: «постановили о том», «решили о том», «указывает о том» и т. п.

Интересно также указание (В. А. Добромыслова), что в языке рабочих-подростков незначителен процент употребления предложных конструкций — всего 24% (между тем, как, например, в отрывке из «Мужиков» Чехова их 47,5%), особенно для выражения отношений косвенного объекта к существительным, прилагательным и наречиям[8].

К. С. Аксаков очень остро писал: «Предлог, уже обнаруживая в себе силу глагола и управляя именами, стоит на рубеже двух миров слова и из сферы имени переносится в сферу глагола. Принадлежа и той и другой сфере, он действует в духе глагола в первой и в духе имени во второй. Именами он управляет и с глаголами сливается»[9].

В русском языке, как и в других языках, есть предлоги слабые, «пустые», обозначающие, по крайней мере в некоторых синтаксических сочетаниях, отвлеченное, чисто грамматическое падежное

отношение. Правда, в русском языке ни один предлог не достиг той грамматической абстрактности, какая свойственна слабым предлогам английского или французского языков (например, de или à)[10].

Тем не менее и в русском языке уклон к грамматикализации некоторых предлогов, к превращению их в префиксы падежей очень заметен. Например, в сочетаниях: *горевать*, *тосковать*, *плакать*, *соскучиться*, *страдать*, *сохнуть*, *болеть душой* с предлогом *по* и предложным или дательным падежом имени существительного, предлог *по* является выражением чисто грамматического отношения падежной формы к глаголу: он лишен всякого лексического значения.

Напротив, в других случаях предлоги сохраняют всю яркость своего лексического значения и даже нередко образуют в сочетаниях с существительными обособленную синтагму, которая обнаруживает известную самостоятельность и только примыкает к другим членам предложения. Например:

«Что, не ждал? — сказал Степан Аркадьевич, вылезая из саней, *с* комком грязи на переносице, на щеке и брови, но сияющий весельем и здоровьем» (Л. Толстой, «Анна Каренина»).

«Под самыми образами на первом месте сидел *с* Георгием на шее, *с* бледным, болезненным лицом и *с* своим высоким лбом, сливающимся с головой, Барклай-де-Толли» (Л. Толстой, «Война и мир»).

«Каждый полк, *в* своей безмолвности и неподвижности, казался безразличным телом» (т а м ж е).

«Пьер, *в* сосредоточенности и рассеянности своего настроения, не узнал Ростова» (т а м ж е)[11].

Любопытно, что в крестьянской и городской низовой речи нередко наблюдается синонимическое удвоение сильных предлогов, усиление одного предлога другим с синонимическими оттенками. Так, А. Меромский писал в своей брошюре о языке селькора: «Знакомясь с крестьянскими рукописями, можно заметить довольно частое употребление двойных предлогов: «В семнадцатом году Шуваев оставил свое имение и попутным ветром улетел с белыми *за через* границу». «Сам не знает, *для ради* чего ему это надо»[12]. Ср. «Все, видишь, *для ради* скорости» (Островский, «Гроза»). «Не *для себя ради*, а для вас же молодых говорил» (Горький, «Мещане»)[13].

Итак, русские предлоги представляют большое разнообразие грамматических типов. Крайними полюсами их являются, с одной стороны, предложные наречия и предложные словосочетания[14], а с другой — формальные, пустые предлоги — префиксы имен и послелоги глаголов.

§ 2. Морфологический состав предлогов

Морфологический состав предлогов очень сложен. Категория предлогов в русском языке быстро растет за счет главным образом наречий, имен существительных и деепричастий. Вместе с образованием новых типов предлогов меняется и общий морфологиче-

ский облик этой грамматической категории. В современном русском языке различаются следующие типы предлогов:

1. Непроизводные, «первообразные» предлоги. Они большей частью односложны. Двусложность объясняется полногласием (*перед*, *через*) или появлением так называемого «беглого» *о* (ср. парные формы: *без — безо; из — изо; над — надо; об — обо; от — ото; под — подо; пред — предо*; трехсложная форма *передо* избегается, кроме сочетания: *передо мной*.)

Вот перечень этого разряда предлогов: *без (безо)*, *в (во)*, *до*, *для*, *за*, *из (изо)*, *к (ко)*, *на*, *над (надо)* *о — об (обо)*, *от (ото)*, *по*, *под (подо)*, *пред (предо)* — *перед (передо)*, *при*, *про*, *с (со)*, *у*, *чрез — через*.

Сюда же исстари были втянуты *сквозъ* и формы: *между* (ср. устарелое *меж*, просторечное и областное *промеж*) и *ради*. Ср. также *кроме*. Двухсложные предлоги (без беглого *о*): *перед*, *через*, *между*, *ради*, не находящие к тому же себе омонимов в системе глагольных префиксов, более конкретны (ср. также *сквозь*). Из односложных предлогов большую самостоятельность обнаруживают те, которые не сливаются с глаголами как приставки, именно: *для*, *к*, а также те, в которых конкретные пространственно-временные значения не оттеснены и не закрыты цепью производных, переносных значений, например: *под*, *пред* (в сущности, уже почти не присоединяемый к глаголам, во всяком случае, малопродуктивный в сочетаниях с глаголами), *до*, *над*, *при*.

Кроме того, от других предлогов несколько обособляется отрицательный предлог *без* с родительным падежом (ср. в глаголах своеобразное «отыменное» положение приставки *без*, не влияющей на видовые значения глагола).

Некоторые из этих предлогов сливаются в парные предлоги, образуя составные формы. Таковы: *из-под*, *из-за*, областные *по-за* (ср. в «Мертвых душах» Гоголя: «Чичиков, скорее за шапку да поза спиною капитана-исправника выскользнул на крыльцо») и *по-над* (ср. у А. Кольцова: «По-над Доном сад цветет»). Особенным разнообразием употребления и богатством грамматических значений отличаются предлоги: *по* с тремя падежами—винительным, дательным и предложным, *с* — с родительным, винительным и творительным, *на* с двумя падежами — винительным и предложным, *в* — с винительным и предложным, *о* — с винительным и предложным, *за* и *под*— с винительным и творительным. Не лишено значения соответствие между предлогами и глагольными приставками; омонимические приставки *по-*, *на-*, *с-*, *о-*, *за-* также очень многозначны. Предлоги, переобремененные значениями, разнообразные по употреблению, становятся формальными, «пустыми» (например *о*, *по*, *на*). Однако конкретное значение предлогов *в* и *с* ослабляется сравнительно в редких случаях*. Предлог *про* явно угасает, вытесняемый предлогом *о* с предложным падежом.

---

* Ср., однако, тонкое замечание К. С. Аксакова о предлоге *с*: «*с*, имея постоянное значение союза, выражает иногда особый отпечаток не под-

2. Наречные предлоги. Они обычно совмещают функции двух категорий: наречия и предлога (а иногда и трех, включая союз). Предлоги *вместо*, *вопреки*, *кроме*, *среди*, *близ* в литературном языке уже не употребляются в качестве наречий. Однако ср., например, у Лескова в повести «Однодум»: «Городничему это *было не вопреки*, а домовитой городничихе совсем по сердцу».

Различаются такие группы наречных предлогов:

а) Предлоги, связанные с обстоятельственными наречиями: *близ*, *вдоль*, *вне*, *внутри*, *внутрь*, *возле*, *вокруг*, *впереди*, *кругом*, *мимо*, *напротив*, *насупротив*, *около*, *окрест*, *поверх*, *позади*, *подле*, *впереди*, *после*, *посреди*, *прежде*, *против*, *поперек*, *сзади*, *сквозь*, *среди* (ср. *посреди*, *посередине*) и др.

Преобладающее большинство этих предлогов (кроме *наперекор*, *вопреки*, *навстречу* и *вслед*) сочетается с родительным падежом*. Ср. «Незнакомец с удивлением посмотрел ему вслед» (Тургенев, «Дворянское гнездо»).

б) Предлоги, связанные с качественными наречиями. Они сочетаются с родительным — *относительно*, *касательно* — и с дательным падежами — *подобно*, *сообразно*, *соразмерно*, *согласно*, *соответственно* и др.

Конечно, степень адвербиальности и, соответственно, сила предложного начала различны в разных словах (ср., например, *вне*, почти окончательно утратившее наречные значения, а с другой стороны, *прежде* или *сверху*).

3. Отыменные предлоги. Имена существительные переходят в предлоги или через посредство наречий, или минуя наречия. Предлоги, образовавшиеся непосредственно из простых форм имени существительного или из сочетаний существительного с предлогом, составляют особый разряд. Степень утраты предметного значения неодинакова у разных предлогов этого типа. Кроме единичных предлогов, восходящих к форме творительного падежа существительного (*посредством*, *путем*), все предлоги этого разряда произошли из форм косвенных падежей существительного с простым (т. е. «первообразным»)** предлогом: *по мере*, *по части****,

---

чиненности, но принадлежности, обстоятельства: *с радостью кинулся он в битву; с умом можно всего достигнуть* — во втором случае является значение орудия, средства; почти то же, что чистый творительный падеж: *умом*» («Сочинения филологические», II, Предлог, стр. 143).

* Ср. указание еще грамматики Мелетия Смотрицкого (по изд. 1648 г.): «Предлоги, свойство имущая наречия: *без*, *кроме*, *разве*, *вне*, *внутрь*..., *близ* .., *окрест*, *прежде*... и пр., родителен притяжут» (стр. 317, оборот).

**) Ср. замечание К. С. Аксакова: «Иные из имен получили значение предлогов, сохраняя отчасти свое значение имени, а иные совершенно утратили значение имени и имеют значение чисто предлогов; именно они бывают иногда в сложном виде с предлогами же и в других падежах... *вследствие*, *в продолжение*» («Сочинения филологические», II, Прибавление, стр. 134).

***) Ср. в «Бесах» Достоевского: «Он знал ... всю подноготную нашего города, преимущественно по части мерзостей».

в части (новообразование), *по линии* (новообразование), *насчет, наподобие, с помощью, по случаю, под видом, в пользу, в силу, ввиду, в течение, в продолжение, вследствие, по причине, при посредстве, в лице, вроде* и т. п. Ср.: *в сопровождении*. Все эти предлоги в силу своего происхождения от имен существительных сочетаются с родительным падежом[15]. В современном книжном языке образуются новые составные предлоги из застывших сочетаний предлога с формой существительного. Например, *в деле (= в)*: «Мы достигли заметных успехов в деле борьбы с темнотой в деревне» (из газет); «Громадный шаг вперед в деле развития крестьянского движения» (из газет); «Навести строжайшую экономию в деле расходования денег» («Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 269) и т. п.; *в области (= в)*; *в области народного хозяйства, в области изучения лингвистики* и т. п.; *по линии* (=1. в; 2. посредством; 3. для): «экономия по линии промышленности» (из газет); «Решение лежит по линии урегулирования вопросов о земельных излишках» (из газет); «По линии профсоюзов не были своевременно даны директивы» (из газет); «...необходимость форсирования развития трудоемких культур и быстрой индустриализации сельского хозяйства, в первую очередь по линии первичной переработки сельскохозяйственных продуктов» (Постановления XV съезда ВКП(б)). «Что может быть плохого в том, что крестьянство *становится* поставщиком государства и по линии хлеба, а не только по линии хлопка, свеклы, льна, благодаря тому же методу контрактации?» (И. В. Сталин, «Вопросы ленинизма», 1935, стр. 263);

в отношении (= относительно): «То же самое можно сказать и в отношении сельской промышленности» (из газет);

ср. у Чернышевского в «Что делать?»: «Теперь давно уж не было человека, который вел бы более строгую жизнь — и не *в отношении* к одному вину»;

в целях (=для): «в целях усиления вагонооборота» и т. д.;

на путях: «На путях новой экономической политики были достигнуты решающие успехи в восстановлении народного хозяйства» («Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 266);

по пути: «Промышленность СССР развивается по пути победы социалистической системы производства» (там же, стр. 273);

со стороны: «заинтересованность работой организаций со стороны самих масс крестьянства» и т. п.;

в сторону, по поводу, в смысле, в видах, за счет (со значениями: 1) взамен, вместо, в ущерб; 2) в неряшливом журнальном языке с оттенком: под влиянием, вследствие, например: «Литературный кругозор каждого кружковца расширяется за счет прочтения... ряда значительных произведений литературы».

4. Отглагольные предлоги. В предлоги переходят формы деепричастий, сохраняя при этом систему глагольного управления. Таковы, например: *благодаря, исключая, включая, выключая, не считая* (с род. над.), *спустя, начиная кем, чем* или *с чего, с кого, кончая чем* и др.

5. Сложные типы предложных словосочетаний. В русском языке наблюдается образование новых типов сложных отыменных или отглагольных наречных предлогов, которые представляют собою фразеологические единства или идиоматизмы. Они по большей части составлены из формы косвенного падежа существительного (иногда с предлогом) или наречия и следующего за ними предлога, или из деепричастия с предлогом. Если в них еще не стерлись лексические значения составных элементов, то приходится рассматривать их как сложные фразеологические единства; если же компоненты срослись в неразложимое целое, можно говорить о предложных идиоматизмах.

К числу таких сложно-составных предлогов следует отнести: *независимо от*, *впредь до*, *в отношении к*, *применительно к*, *в связи с*, *согласно с*, *следом за*, *вслед за*, *по направлению к*, *глядя по*, *несмотря на*, *не взирая на*, *не говоря о ком — чем* и т. п.

Таким образом, в морфологическом строе предлогов открывается характерное явление: по мере того как первичные предлоги все более и более утрачивают свою лексическую индивидуальность, превращаясь из слов-морфем в падежные префиксы и глагольные послелоги, возникают и распространяются новые аналитические, сложные типы предлогов. В составных формах предложных новообразований основа существительного, наречия или глагола как бы указывает на то грамматическое отношение (причинное, пространственное и т. п.), которое выражается данным предлогом. (Ср. предлоги: *вследствие*, *по причине*, *в силу* и т. п., в которых причинная функция подчеркнута лексическим, вещественным значением именной основы.) Таким образом, в предложном сочетании *по направлению к* значение направления в сторону чего-нибудь обозначено лексически — выражением *по направлению* — и грамматически — предлогом *к*. Возникает своеобразное лексико-грамматическое удвоение, или усиление предлога (ср. *вслед за*, *в связи с*, *независимо от* и т. д.). Это яркий признак аналитической формы. Аналитическому строю этих предлогов соответствует логическая и вещественная расчлененность их значений. В составных предлогах, которые образованы из сочетания наречий или деепричастий с предлогом или из предложных сочетаний имен существительных со вторым предлогом типа: *в отношении к*, *в связи с*, *вслед за* и т. п.— значение целого складывается из лексического, вещественного значения первой части и синонимического или дополнительного, усилительного формального значения конечного предлога.

Составные предлоги этого типа в силу своей этимологической определенности не могут совмещать многих и притом разнородных значений. Их грамматические функции как бы ограничены лексическими значениями тех слов, которые входят в их состав.

Лексическая определенность такого предлога оказывает влияние на широту его грамматических функций. Составные предложные сочетания имеют строго очерченный, узкий круг значения и употребления. Напротив, значения простых, непроизводных

предлогов, особенно тех, которые являются наиболее формальными, абстрактными, настолько многочисленны и так разнородны, иногда даже так противоречивы, что эти предлоги, вместе с простыми союзами, без сомнения, образуют наиболее многозначный тип слов-морфем в русском языке.

§ 3. Предлоги и падежи имени существительного

Связь предлога с тем или иным падежом зависит от соответствия значений предлога и падежной формы*. Так, предлоги, обозначающие удаление, отделение, исхождение, а следовательно, и происхождение и причину, источник (например, *от*, *из*, *с*), сочетаются с родительным (отложительным) падежом. Точно так же предлог лишения, отсутствия чего-нибудь — *без* всецело связан с родительным падежом (ср. *кроме*, *мимо* с род. пад.)

В систему значений родительного падежа вовлекаются также предлоги, обозначающие приближение, достижение *(до)* и принадлежность, близость (*у*; ср.: *возле*, *подле*, *около*, *близ* и т. п.). Предлоги, обозначающие внутреннее «касательство», цель, назначение, предназначение, — *для* и *ради* также сливаются с сферой значений родительного падежа.

Большая часть предлогов наречного и отыменного типа также употребляется с родительным падежом. И это естественно. Таким образом, предложные конструкции с родительным падежом особенно разнообразны и многочисленны.

Предлоги, которые обозначают направленность к какому-нибудь предмету, поверхностное соприкосновение с ним, «намекая на объективное, но не прямое отношение предмета», на «участвующее присутствие» его (таковы предлоги *к* и *по*; ср.: *вопреки*, *наперекор*, *назло*, *согласно*, *подобно*, *сообразно* и т. п.), сочетаются с дательным падежом. Напротив, предлоги, обозначающие прямое отношение, прямое стремление к предмету, внедрение в него, распространенность чего-нибудь на весь предмет, охваченность всего предмета, непосредственное воздействие на него, сочетаются с винительным падежом. Таковы, например, *в* и связанный с ним предлог *на*, *за* (основное значение — закрытие всего предмета и, следовательно, защита и замена его), *о* (окружение, причинный охват, тесное соприкосновение), *по* (цель и предел), *про*, *через*, *сквозь*, *под* и т. п.

Предлоги, выражающие сопровождение, сосуществование, пространственное соотношение, вообще «намекающие на главное, самостоятельное положение предмета, при котором другой становится к нему в прикосновенное, союзное, но подчиненное, придаточное

---

*Н. П. Некрасов писал: «Сопоставление предлога с тем или другим падежом основано на соответствии их взаимно определяющих друг друга значений» («О значении форм русского глагола», стр. 181). Проф. Курилович предлагает рассматривать сочетание предлога и формы имени существительного как целостную форму падежа («Dérivation lexicale et dérivation syntaxique», «Bulletin de la société de linguistique de Paris», t. 37, 1936. f. 2).

отношение (деятельное начало)»[16], сочетаются с творительным падежом. Таковы: *с*, *за*, *над*, *под*, *перед*, *пред*, *между*. По словам Потебни, связь значений всех этих предлогов, кроме социативного *с*, с функциями творительного падежа основана на том, что этот падеж означает путь движения (в пространстве или во времени), «на неопределенном протяжении совпадающий с движением»[17].

Наконец, предлоги, выражающие «местное спокойное положение предмета», «точку внутри круга» (Потебня), сочетаются с предложным падежом. Таковы *в*, *на*, *при*, *по* (во временном значении последования), *о* (основное значение: пребывание, заключение в собственных пределах, отвлеченное «круговое» обладание).

Эти абстрактные намеки определяют лишь фон, общую канву разнообразного употребления предлогов.

§ 4. Система грамматических отношений, выражаемых предлогами

Сфера грамматических отношений, выражаемых предлогами, очень широка и разнообразна. Русская грамматика последних лет мало занималась изучением употребления и функций предлогов. Правда, в толковых словарях русского языка коллекционируются группы значений отдельных предлогов. Но все это — лишь материал для грамматического исследования, требующий пересмотра. Грамматические отношения, обозначаемые предлогами, их семантическая сущность разъяснены недостаточно[18].

В этом направлении современная русская грамматика не очень далеко ушла от того (замечательного по своему времени) анализа, которому подверглись предлоги в работах А. Х. Востокова, К. С. Аксакова[19] и Н. П. Некрасова[20].

Лишь акад. А. А. Шахматов в черновых набросках к своему «Синтаксису»[21] впервые сделал попытку определить и систематизировать те грамматические отношения, которые выражаются в русском языке предлогами. Но это только отрывочные заметки, не разъясненные примерами. Можно выделить в современном русском языке следующие основные виды отношений, означаемых предлогами:

1) Локальные, пространственные отношения (*вокруг* — с род. пад., *до* — с род., *между* — с род. и твор., *мимо* — с род., *из* — с род., *из-за* — с род., *от* — с род., *поперек* — с род., *у* — с род., *с* — с род. и вин., *о* — с вин. и предл., *в* — с вин. и предл., *за* — с вин. и твор., *на* — с вин. и предл., *через* — с вин., *под* — с вин. и твор., *к* — с дат., *по* — с дат., винит. и предл., *над* — с твор., *пред* — с твор., *при* — с предл. и др. Например: «При входе в бани сидел содержатель» (Пушкин, «Путешествие в Арзрум»). «С холма господский виден дом» (Пушкин). «С головы до пяток на всех московских есть особый отпечаток» (Грибоедов). «Народ, с Петей в середине, бросился к балкону» (Л. Толстой, «Война и мир»). «Все пойдут спать, и я пойду; всем ничего, а мне как в мятлу»

(Островский, «Гроза»). «За ширмами в одной из комнат посекретней был спрятан человек и щелкал соловьем» (Грибоедов, «Горе от ума»). «Надолго к нам? — Нет, завтра же думаю в Москву» (Чехов, «Чайка»).

Уже из одного перечня предлогов, выражающих пространственное отношения, видно, как разнообразны значения и оттенки внутри этой семантической сферы. В кругу употребления предлогов, выражающих пространственные отношения, широко развита синтаксическая синонимика. Она у нас почти совсем не изучена.

На основе переосмысления пространственных отношений складываются разнообразные обозначения внутренних отношений пребывания в каком-нибудь состоянии, в каких-нибудь условиях, социального положения, сопутствующего обстоятельства, внутренней близости и внутренней связи предметов и признаков, пределов качества, цели, причины и т. п.

2) Темпоральные, временные отношения (*без* — с род., *до* — с род., *меж* — с род., устар., например: «пора меж волка и собаки»; *от* — с род., *после* — с род., *с* — с род., *к* — с дат., *по* — с дат., вин. и предл., *в* — с вин. и предл., *за* — с вин. и твор., *на* — с вин. и предл., *под* — с вин., *через* — с вин., *между* — с твор., *пред* — с твор., *о* — с вин. и предл., *при* — с предл. и др.). Легко заметить, что предлогов, выражающих значения времени, меньше, чем предлогов с пространственными значениями. Временные значения совмещаются с пространственными и развиваются на их основе. Временные отношения в русском языке не так тонко дифференцированы, как пространственные, но и здесь наблюдается разнообразная и сложная синонимика.

Примеры: «Во время классов, из которых каждый по два часа, монотонные ответы уроков учителю нагоняли непобедимый сон» (Помяловский, «Очерки бурсы»); «Она была очень хороша в это мгновение» (Тургенев, «Дворянское гнездо»); *с самого детства* и т. п.

3) Комитативные отношения, т. е. обозначающие сопровождение, совместность, соучастие (*с* — с твор., *при* — с предл., в просторечии *промежду* — с род. и твор.) Например: «Он нанимал эту каморку с обедом и прислугой» (Ф. Достоевский, «Преступление и наказание»).

Отношения сопровождения в русском литературном языке осложняются все более отвлеченными представлениями. На их основе развиваются значения внутреннего участия, органической связи, внутреннего обладания, средства, причинного соотношения, сопутствующего условия.

Например:

И все с прекрасным поведеньем...

(Крылов.)

С душою, полной сожалений,
И опершися на гранит,
Стоял задумчиво Евгений.

(Пушкин.)

«Что ежели, сестрица,
При красоте такой и петь ты мастерица. . .»

(Крылов.)

«Я обомлела при такой неожиданности» (Достоевский.)

4) Аблятивные (каритивные) отношения, т. е. выражающие лишение, удаление, отнятие, противопоставление (*от* — с род., *вместо* — с род., *без* — с род., *кроме* — с род., *с(со)* — с род., *сверх* — с род., *против* — с род., *вопреки* — с дат., *в* — с предл., *при* — с предл. и нек. др.). Ср. также: *вне* — с род. над. Например: «Без чинов прошу садиться» (Гоголь, «Ревизор»). «Да куда же ты от чаю-то? (Л. Толстой, «Власть тьмы»).

5) Трансгрессивные отношения, т. е. обозначающие переход из одного состояния в другое, выход за пределы чего-нибудь (*за* — с вин., *из* — с род. *(из кулька в рогожу); в* — с вин. *(превратить в развалины, растерзать, разорвать в клочья)* и др. Например: «И разорвала письмо в мелкие кусочки» (Пушкин, «Пиковая дама»).

6) Инхоативно-финитивные (терминологические) отношения, т. е. определяющие степень, предел, исходную точку, начальный момент чего-нибудь. Например: *занят по горло*. «Соседушка, я сыт по горло» (Крылов, «Демьянова уха») и т. п.[22].

7) Квантитативные, количественно-определительные отношения (*в* — с вин., *на* — с вин. и др.), например: «Для меня американские пожилые люди лет в пятнадцать отроду — просто противны» (Герцен).

8) Дистрибутивные, разделительные отношения (*по* — с дат., *по* — с вин., *на* — с вин. и др.), например: «Ел он раз в день по одному блюду» (Тургенев, «Дворянское гнездо»).

9) Лимитативные, ограничительные отношения (*по* — с дат.). Ср. современные выражения: *инспектор по труду, специалист по машиностроению;* «Оборудовать местные курорты, зачастую первоклассные по своим климатическим и лечебным данным» (из газет) и т. п.

10) Поссесивные, притяжательные отношения, т. е. выражающие принадлежность (*у* — с род., *с* — с твор., *при* — с предл.). Например: «Ружье у него было одностволь-ное, с кремнем» (Тургенев, «Ермолай и мельничиха»).

11) Генетические, или генетивные отношения (т. е. определяющие источник, состав, происхождение чего-нибудь); например: *из* — с род. (*из дворян, из славного рода Суворовых* и т. п.), *от* — с род.

12) Компаративные отношения, т. е. выражающие сравнение, сопоставление, иногда даже тождество: *против* (в простореч. *супротив*) — с род., *наподобие* — с род., *на* — с вин., *пред* —

с твор., *по* — с дат., *с* — с вин., *в* — с вин., *под* — с вин. Ср. также: *вместо* — с род. (в значении: *за*). Например: «А рука-то в ведро величиной» (Гоголь). «Помилуйте, это дрянь против Ивана Кузьмича» (Гоголь, «Женитьба»).

13) Модальные отношения, т. е. отношения образа и способа (*по* — с дат., *в* — с вин. и предл., *на* — с вин. и предл., *сквозь* — род. (устар.), *под* — с твор., *с* — с род и твор., *при* — с предл., *до*—с род., *через*—с вин. и др.). Например: «Нахохлившись и с разинутыми ртами сидели на кочках вороны» (Писемский, «Тысяча душ»). «Она немного с придурью, такова же была и мать ее» (Гоголь, «Ревизор»). «Предложил играть в деньги по одному грошу» (Пушкин, «Капитанская дочка»). Ср.: «Впрочем, вероятно, вам сказали в шутку, будто я великий стихотворец» (Пушкин, «Египетские ночи»). «Можно с тобой поговорить по душе, ты не разболтаешь?» (Островский, «Гроза»).

14) Финальные, целевые отношения (*на* — с вин., *в* — с вин., *по* — с вин., *к* — с дат., *для* — с род., *за* — с твор.). Например: «Ему казалось, что он теперь только понимал, для чего стоит жить» (Тургенев, «Дворянское гнездо»); «Я ведь так говорю, к примеру» (Островский, «Бедность не порок»).

15) Каузальные, причинные отношения (*за* — с вин. и твор., *под* — с твор., *по* — с дат., *к* — с дат., *с* — с род, *благодаря* — с дат., *ради* — с род., *из* — с род., *из-за* — с род., *от* — с род., *для* — с род., *в* — с вин. и предл., *на* — с вин. и предл.; ср.: *в силу*, *по причине*, *вследствие*, *ввиду*, *благодаря* и др. под.). Например: «Таланты истинны за критику не злятся» (Крылов, «Цветы»). «Я люблю вас, но не могу от тоски сидеть дома» (Чехов, «Чайка»). «Я ночи не сплю с досады, от злости, что так глупо проворонил время» (Чехов, «Дядя Ваня»).

По составу русских предлогов, выражающих каузальность, причинные отношения, можно заключить о том, как развивалось в русской грамматической системе выражение причинных отношений. Часть простых, непроизводных предлогов (*за*, *по*, *под*, *из*, *от*, *в*, *на*) совмещает причинные значения с пространственными и временными. Таков и был один путь развития понятия причинной связи. В. И. Ленин писал: «От сосуществования к каузальности и от одной формы связи и взаимозависимости к другой, более глубокой, более общей»[23].

Другая часть предлогов, выражающих причинные отношения, совмещает причинные значения с значениями цели, назначения (*для*, *по* и др.). Известно, что причинные отношения тесно сплетались с целевыми и в области союзов (ср. историю союзов: *для того что*, *за тем что* и др.).

Третья часть предлогов, выражающих причинные отношения, сочетает причинные значения с сравнительными (например: *в*, *на*, *по* и др). Об этом писал А. А. Потебня, указывая на «то глубоко древнее состояние мысли, при коем отношения причины и следствия воз-

никали (между прочим) из отношения сходства, так что следствие является лишь видоизмененным подобием причины»[24].

16) Инструментальные отношения: *начал осматривать в лорнет, хватить о камень, сидел за элегией, мне не до книг* и др. Ср. *при помощи, при содействии, посредством, путем* и т. п.

17) Делиберативные отношения, т. е. служащие для указания на содержание, повод суждения, на предмет мысли, речи, чувства (при глаголах и именах sentiendi et declarandi) (*о* — с предл., *в* — с вин. и предл., *за* — с вин., *к* — с дат., *над* — с твор., *про* — с вин. и др., *на* — с вин. и др.). Например: «О чем пари? Можно узнать?» (Тургенев, «Вешние воды»). «Наше, брат, дело с тобой об околеванце думать» (Чехов, «Иванов»). Ср.: «О ком ей снилось? что такое?» (Грибоедов, «Горе от ума»).

18) Отношения внутреннего содержания, как бы включенности, сопричастности (*в*—с предл. пад.). Например: «Молодые люди, рассчетливые в ветреном своем тщеславии» (Пушкин); «Ответы острые и замечанья, столь едкие в их важности забавной» (Пушкин, «Пир во время чумы»).

19) Отношения заместительства, функционального пребывания в роли кого-нибудь (*за* — с вин. пад.). Например: «Чиновник, которого мы приняли за ревизора, был не ревизор» (Гоголь, «Ревизор»). «По ее милости я прослыл за эгоиста» (Тургенев, «Дворянское гнездо»). «У него было положено за священнейшую обязанность в продолжение курса непременно пересечь всех, и прилежных и скромных» (Помяловский, «Очерки бурсы»).

20) Отношения внутренней зависимости, например: *очередь за вами, дело за немногими* и т. п.

21) Отношения приблизительной меры (*с* — с вин. пад.), например: *мальчик с пальчик* и др.

Совершенно очевидно, что исчерпать синтаксические отношения, даже выражаемые только простыми предлогами, в сухом протокольном перечне очень трудно.

В семантической системе предлогов открывается сложная область отвлеченных отношений, выражающих общественное понимание самых разнообразных связей между предметами, признаками, состояниями и действиями.

Необходимы углубленные работы по раскрытию внутренних закономерностей в смысловой системе предлогов. Для этого необходимо не только тщательное изучение всех видов связи между словами, выражаемых падежными формами и предлогами, но и выяснение смысловых соотношений между разными предлогами.

Сложная и богатая нюансами синонимика предлогов у нас еще не исследована. Например, в кругу причинных отношений наблюдаются тонкие смысловые и стилистические оттенки, связанные с употреблением разных предлогов. Так, для указания на внутреннюю причину служат предлоги: *от, с, из, из-за, вследствие, по*

причине с родительным падежом. Но выражения: *от стыда*, *со стыда*, *из-за стыда*, *вследствие стыда* — не лишены своеобразных, индивидуальных оттенков. Точно так же не вполне однородны синонимические сочетания: *для меня — ради меня; с рассветом — на рассвете*[25]. Различна и степень их употребительности.

Синонимические различия в употреблении предлогов могут зависеть от тесной связи тех или иных предлогов с разными стилями книжной и разговорной речи.

Например, предлог *по* в отличие от *после* употребляется с значением времени лишь в выражениях книжно-делового, канцелярского и научного стиля: *по окончании*, *по прибытии*, *по рассмотрении*, *по ознакомлении* и т. п.

Про в отличие от *о* употребляется преимущественно в разговорной речи и выражает оттенок отношения, направленного не на сущность предмета (этот оттенок свойственен предлогу *о*), а на его поверхность, отношения, как бы лишь внешне захватывающего предмет, вращающегося около него.

Ср.: *рассказать о новых работах по физике* и *рассказать про новые работы по физике*.

Через, *чрез* в отличие от *за* в причинном значении употребляется только в устной речи и имеет побочный оттенок посредствующего звена или внешнего средства.

Например, у Грибоедова в «Горе от ума»: «Какими чудесами, через какое колдовство нелепость обо мне все в голос повторяют?» Ср. у Пушкина: «Так или иначе, чрез меч и огонь, или от рома и ябеды, или средствами более нравственными, но дикость должна исчезнуть». Ср. в просторечии употребление *через* в значении: из-за кого-нибудь, чего-нибудь. Ср. у Чехова в «Иванове»: «Не пью, а через такой случай выпью»; в «Отце»: «Не хотел пить, а через грибы выпью».

Между тем, предлог *за* обозначает внутреннее основание, мотив какого-нибудь состояния, действия (в значении: в ответ на что-нибудь, в отплату, в вознаграждение за что-нибудь). Например: «За правду одни дураки сердятся» (Тургенев, «Дворянское гнездо»). «Таланты истинны за критику не злятся» (Крылов).

Оттенки причинных отношений, выражаемые разными предлогами, особенно многообразны. Прежде всего бросается в глаза, что в русском языке для выражения причины употребляются по большей части предлоги, означающие в то же время движение откуда-нибудь, с какого-нибудь пункта, от какой-нибудь точки или из какого-нибудь источника, места, извлечение откуда-нибудь (ср. значения слов и выражений: *вывод*, *извлечь вывод*, *вытекает*, *выходит* и т. п.).

Предлог *с* (с род. пад.) чаще всего обозначает внутреннюю, психическую или физическую причину, при этом употребление его ограничено узким кругом разговорных выражений: *с тоски*, *с радости*, *с горя*, *с голоду*, *со стыда*, *с пьяных глаз* и т. п.

Предлог *от* (с род. пад.) обозначает и внешнюю и внутреннюю мотивировку качества или действия — обоснование чего-нибудь как следствия, ссылкой на какое-нибудь явление или действие, послужившее причиной. Например: *похудевший от бессонницы; от стыда не знал куда деваться.*

Предлог *из* (с род. пад.) обозначает внутренние психологические основания какого-нибудь действия или свойства как исходный момент их и употребляется преимущественно в книжном языке. Например: *из принципа, из корыстных побуждений, из уважения к заслугам кого-нибудь, из любви к искусству, из желания помочь, из дипломатических соображений, из зависти.*

Гораздо более двойственны значения сложного предлога *из-за*. Он выражает как внутреннюю причину, так и предлог, прикрытие действия, но подчеркивает рассудочную, логическую сторону мотива: *разошлись из-за пустяков; из-за шуму ничего не слышно* (ср. *от шума ничего не было слышно)*; *из-за тебя все вышло.* Этот предлог широко распространяется в книжной речи и в просторечии. (Ср. у А. Блока в «Двенадцати»: «Али руки не в крови из-за Катькиной любви»).

Предлог *по* обозначает логически мотивированную причину действия, или заложенную в его субъекте, или принудительно надвигающуюся со стороны: *по халатности, по гуманности, по недомыслию* и т. п. Ср. у Горького: «Русские люди, по нищете и скудости жизни своей, вообще любят забавляться горем».

Понятно, что при более глубоком анализе предложных конструкций раскроются и другие семантические и стилистические оттенки, связи и соотношения в кругу тех или иных значений, выражаемых предлогами.

§ 5. О значениях предлога *на* в современном русском языке

Ни в одном другом типе слов, кроме разве сочинительных союзов, не совмещается так много разнообразных значений и оттенков, как в первичных предлогах. Анализ значений какого-нибудь одного предлога не может уяснить общего характера смысловых связей и отношений в категории предлогов. Все же полезно воспроизвести круг значений какого-нибудь особенно многозначного предлога, например *на*. Так можно осветить хотя бы некоторые своеобразия общей структуры предлога.

На (без ударения, кроме тех случаев, когда ударение переносится с существительного на предлог, например: *на́ руки, на́ ночь)* сочетается с предложным и винительным падежами.

Семантическая система предлога *на* рисуется в таком виде[26].

1. С предложным падежом. Употребляется при обозначении поверхности, площади какого-нибудь предмета, являющейся местом проявления какого-нибудь действия. Например: *на улице большое движение; гулять на бульваре;* «Я молча сел на краю стола» (Пушкин); *жить на Крайнем Севере* (ср. *на Украине, на Корсике, на Аляске* и т. п.); *сидеть на стуле; на столе стоит посуда; писать на плотной бумаге.*

| Употребляется при названиях горных областей для обозначения места действия: *на Кавказе, на Урале* (но ср. по отношению к горным областям Западной Европы: *в Швейцарии, в Тироле;* также при названиях государств: *в Испании, в Норвегии* и т. п.). | Употребляется при обозначении предмета

или лица как поверхности, площади, являющейся местом нахождения, обнаружения чего-нибудь. Например: *живопись на фарфоре; царапины на носу; гардины на окнах; на нем шляпа и новое пальто; на ногах туфли.*

| Переносно употребляется при обозначении предмета, который мыслится как фон проявления и сосредоточения какого-нибудь душевного состояния: *на душе какая-то тяжесть; тоска на сердце.*

2. С предложным падежом. Употребляется (наряду с предлогом *в*) при обозначении предмета, пространства, в пределах которого происходит, замыкается проявление какого-нибудь действия, свойства. Например: *Первый на селе работник. На предприятиях и в учреждении идет предвыборная кампания.*

| В отличие от предлога *в*, обозначающего лишь область, сферу, в пределах которой что-нибудь происходит, обозначает одновременно и сферу, место действия, и сопричастность действию, участие пассивное или активное в какой-нибудь деятельности: *сидеть на лекции; быть на концерте* (но: *быть в театре*); *работать на заводе* (но: *работать в мастерской*); *учиться на курсах, на медицинском факультете, на рабфаке* (но: *учиться в институте, в университете*)*.

3. С предложным падежом. Употребляется при обозначении промежутка времени, в пределах которого что-нибудь совершается: *на моей памяти Москва совершенно преобразилась; на этих днях; на будущей неделе.*

| Употребляется при словах, обозначающих сразу и время, и сферу проявления какого-нибудь действия или свойства: *на приеме у врача; на работе.*

4. С предложным падежом. Употребляется при обозначении действия, обстоятельства, в один из моментов которых что-нибудь происходит: «Искры гаснут на лету» (Я. Полонский); *на бегу; на всем скаку.* Этого рода выражения легко адвербиализуются.

5. С предложным падежом. Употребляется при обозначении предметов, в присутствии которых что-нибудь происходит, совершается: *на людях; на миру и смерть красна* (пословица); *на моих глазах.*

| Переносно обозначает условия, из которых вытекает что-нибудь: *На безрыбье и рак рыба.* «Вот уважать кого должны мы на безлюдье» (Грибоедов).

6. С предложным падежом. Употребляется при обозначении лица, предмета, который является средоточием чего-нибудь, объектом проявления какого-нибудь действия, состояния, качества: *На нем лежала большая ответственность. Вся ее любовь сосредоточилась на ребенке. Болезнь сказалась на его походке. Весь дом на моих руках. На нем* (ср. *за ним*) *числится долг.*

---

*Любопытны замечания Н. И. Греча: «Случается иногда, что можно употребить тот или другой из предлогов *в* и *на*, когда действие обращается не именно на поверхность и не именно во внутренность предмета»...: *на море* и *в море; в кухне* и *на кухне*». По Гречу, здесь соблюдались в русском литературном языке первой половины XIX в. такие правила:

1. «При обращении действия на предмет, имеющий большую, открытую плоскость, представляющийся как бы одною только своею поверхностью, употребляется преимущественно предлог *на*, например: *на площади, на рынке, на базаре, на высокой стороне, на Песках*». Далее Греч указывает на то, что при названиях улиц в Петербурге употребляли преимущественно предлог *в: в Миллионной, в Морской* и т. п., хотя и говорили: *на Невском проспекте, на Литейной, на Моховой, на Фурштатской, на Дворянской.* В Москве же, напротив, преимущественно употреблялся предлог *на: на Тверской, на Лубянке* и т. п. Но при именах переулков ставился только предлог *в: в Глухом переулке, в Кирпичном* и т. п.

2. «Предлог *в* означает собственное, точное движение предмета во внутренность другого или пребывание в оном; *на* — действие приблизительное, не собственное, например: *повар на кухне; собака на кухне; лошадь в конюшне; козел на конюшне* и т. п.» («Практическая русская грамматика», стр. 202—203).

7. С предложным падежом. Употребляется при обозначении предметов, поддерживающих что-нибудь, являющихся опорой, основанием чего-нибудь: *коляска на рессорах; матрац на пружинах; на шарнирах; человек на костылях.*

| Употребляется при обозначении предметов, являющихся внутренней, нижней стороной чего-нибудь: *пальто на вате; обувь на двойной подошве; шуба на беличьем меху; полозья на железных подрезах.*

8. С предложным падежом. Употребляется при обозначении орудия действия, причем это орудие одновременно является или поверхностью, или способом проявления действия: *играть на рояле, на флейте, на духовом инструменте.*

| Переносно употребляется при обозначении предмета, являющегося материалом, средством чего-нибудь или образующего одновременно и сферу, и способ проявления какого-нибудь действия, предмета, свойства: *изъясняться на французском языке; рукопись на немецком языке; готовить, жарить на масле, на сале, на маргарине; завод работает на отходах нефти.*

| Употребляется при обозначении чего-нибудь, что входит в состав какого-нибудь вещества или с помощью чего изготовлен какой-нибудь предмет: *мазь на вазелине, варенье на патоке, на сахаре.*

9. С предложным падежом. Обозначает непосредственную близость к какому-нибудь предмету, преимущественно к орудию действия, пребывание возле него: *двое на веслах, один на руле.*

10. С предложным падежом. Употребляется при обозначении пребывания в каком-нибудь состоянии, положении, в какой-нибудь деятельности: *состоять на службе; находиться на излечении; стоять на часах, на страже; состоять на иждивении; это на моей ответственности.* «Чтоб служила мне рыбка золотая и была бы у меня на посылках» (Пушкин).

11. С предложным падежом. Употребляется при обозначении предмета, являющегося основанием какого-нибудь действия: *Благодарю вас на добром слове* (т. е. за доброе слово).

| Употребляется при обозначении предмета, являющегося одновременно и причиной какого-нибудь действия, и сферой его проявления: *Много потерял на этом деле.*

12. С предложным падежом. Находясь после именительного падежа какого-нибудь слова перед тем же словом в предложном падеже, образует в разговорном языке такие фразеологические сочетания, которые обозначают обилие кого-нибудь, чего-нибудь, заполненность всего пространства чем-нибудь (преимущественно чем-нибудь отрицательным): *овраг на овраге; дурак на дураке; ухаб на ухабе; дыра на дыре; заплата на заплате.*

13. С винительным падежом. Употребляется при обозначении предмета или лица как места, в сторону которого направлено какое-нибудь действие: *идти на улицу; лечь на диван;* «Я приказал ехать на незнакомый предмет, который тотчас же стал подвигаться к нам навстречу» (Пушкин); *идти на кого-нибудь войной; взглянуть на собеседника; двигаться на восток; лезть на крышу; сесть на место; погрузиться на дно; броситься на шею.*

| Переносно употребляется для обозначения лица, предмета, явления, в сторону которых направлено какое-нибудь действие или какой-нибудь предмет: *бросить взгляд на события; взять на себя поручение; приходит на ум мысль; попадаться на глаза; обижаться на кого-нибудь; клевета на кого-нибудь; отозваться на зов; ответ на вопрос; реакция на раздражение; надеяться на удачу; подписка на заем.*

| Обозначает направленность действия в сторону какого-нибудь орудия, средства, способа какой-нибудь работы: *сесть на весла; переделать топку на нефть.*

14. С винительным падежом. Обозначает направленность в сторону какого-нибудь момента времени: *работа на завтрашний день; заседание назначено на шестое марта; решили увидеться на другой день; отложили на будущий год.*

| При словах, обозначающих время, в соединении с прилагательными *следующий, другой*, а также и без них, при словах *утро* и *завтра*—указывает

срок, непосредственно следующий за чем-нибудь: *на следующий день он уехал; на утро он уже был здоров; на другой год; на завтра он передумал.* После слова *ночь* употребляется при указании дня, непосредственно следующего за этой ночью: *в ночь на Первое мая.*

15. С винительным падежом. Употребляется при обозначении срока, ко времени наступления которого совершается, обнаруживается что-нибудь: *запастись на зиму; не пей чаю на ночь; состояние кассы на первое января.*

16. С винительным падежом. Употребляется при обозначении промежутка времени, определяющего границы какого-нибудь действия, состояния: *одолжить книгу на несколько дней; отпуск на месяц; работы еще на целый год.*

17. С винительным падежом. Употребляется при обозначении меры, количества, определяющих границы чего-нибудь: *на эти деньги не разгуляешься; купить на два рубля; здесь колбасы на два рубля; отойти на сто шагов; поднять шум на весь дом; на этот раз достаточно; на этот раз я вас прощаю; прославиться на весь мир.*

| Употребляется при обозначении количественных отношений, определяющих внутреннее содержание, назначение какого-нибудь предмета: *комната на двух человек; обед на девять персон.*

18. С винительным падежом. Употребляется при обозначении предмета, который является мерой, способом и целью дробления, деления: *разбить статью на отделы, параграфы; делить на части.*

19. С винительным падежом. С глаголами, означающими превышение, ограничение, недостижение какой-нибудь нормы, а также при сравнительной степени прилагательных и наречий, употребляется для указания на количественную разницу, на степень превосходства или недостатка: *отстать на сто шагов; опоздать на два часа; на двадцать рублей меньше; старше на пять лет; на месяц раньше.*

20. С винительным падежом. Употребляется при указании цели, назначения какого-нибудь действия: *взять на воспитание; отдать на комиссию; подарить на память; подать на пенсию* (т. е. просьбу о пенсии); *брать на поруки; взять на свою ответственность; внести проект на обсуждение; играть на повышение.*

| Употребляется при указании цели, назначения какого-нибудь предмета: *деньги на строительство и ремонт; ведомость на выдачу зарплаты; материя на пальто; тес на кровлю; на всякий случай.*

| При словах, выражающих эмоциональную оценку какого-нибудь действия, события, употребляется для обозначения последствий и одновременно как бы внутреннего назначения этого действия, события: «На ту беду лиса близехонько бежала» (Крылов); *на страх врагам; родиться на горе; на его счастье никого вблизи не было;* «Скоро ль, на радость соседей-врагов, могильной засыплюсь землею?» (Пушкин).

| Употребляется при указании повода к чему-нибудь (в разговорной речи, или с оттенком архаизма): *подарок на рождение;* «На смерть стихотворца» (название стихотворения Пушкина.)

| Употребляется для обозначения мотива, основания какого-нибудь действия: *пожертвовать на бедность* (из сожаления к чьей-нибудь бедности).

21. С винительным падежом. Употребляется для указания на предмет, в интересах которого что-нибудь совершается; *один работает на всю семью; на всех не угодишь.*

22. С винительным падежом. Употребляется при обозначении сопутствующих обстоятельств, условий чего-нибудь: *на голодный желудок; на свежую голову.*

23. С винительным падежом. Употребляется для обозначения образа действия, преимущественно в выражениях наречного, идиоматического типа: *верить на слово; говорить на память; выгубрить на зубок; жить на широкую ногу.*

24. С винительным падежом. Употребляется при обозначении сферы, и области каких-нибудь явлений, по отношению к которой про-

является какой-нибудь признак, какое-нибудь действие: *он на все горазд; падок на лесть; удачлив на находки; мастер на все руки; на такие дела я не гожусь*. «Крот — великий зверь на малые дела» (Крылов). «А он на деньги такой жила, что не приведи господи» (Писемский).

Употребляется при обозначении предмета, действия, в отношении которых проявляется какое-нибудь свойство, действие, качество: *хромать на обе ноги; глухой на одно ухо; нечист на руку; стойкая на выветривание порода* (в геологии); *испытание на прочность* (техн.). Ср.: *подозрение на что-нибудь;* «отклонить от себя всякое подозрение на участие в этом деле» (Писемский, «Тысяча душ»).

25. С в и н и т е л ь н ы м п а д е ж о м. Употребляется для обозначения орудия действия: «Похоронили мы ее на последние денежки» (Писемский). «Люди небогатые: не на что было гувернанток нанимать» (Писемский).

На примере изучения функций предлога *на* легко убедиться, что в русском языке значение простых предлогов становится все отвлеченнее, аналитичнее; что наряду с конкретными, реальными отношениями — пространственными и временными — один и тот же предлог обозначает множество переносных логико-синтаксических оттенков, обстоятельственных отношений и связей между словами*.

§ 6. Развитие аналитического строя и изменение функций предлогов

Усиленный рост отвлеченно-аналитических значений предлогов в русском литературном языке был поддержан и обострен влиянием западноевропейских языков, преимущественно языка французского. Ускорение этого процесса падает на вторую половину XVIII в. Особенности употребления предлогов в конце XVIII — первой трети XIX в. отчасти сохраняются и в современном языке. В течение XIX и в начале XX в. круг значения и употребления предлогов расширяется. Аналитические тенденции в синтаксическом строе русского языка углубляются[27].

К сожалению, русская грамматика почти совершенно игнорирует этот процесс. Между тем, не поняв и не изучив его, нельзя оценить и заметить развития новых предложных конструкций в современном русском языке.

В русском литературном языке с XVII — XVIII вв. протекает медленный, но глубокий процесс синтаксических изменений

---

*Общую характеристику функций предлога *на* дает Н. П. Н е к р а с о в: «Предлог *на*, заключая в себе общий намек только на верхнюю, наружную сторону, выражает и те обстоятельственные отношения, в которых заменяет собою другие предлоги наружным образом... Поэтому там, где смысл речи требует общего, внешнего указания на предмет как на какое-либо обстоятельство действия, употребляется предлог *на*. Другими словами, чтобы указать на предмет вообще как на место, время, цель, орудие, основание действия, может быть употреблен предлог *на* вместо всех предлогов, которыми точнее обозначаются эти обстоятельства. Оттого предлог *на* употребляется даже там, где обстоятельственное отношение предмета к действию могло бы выражаться простым косвенным падежом без предлога, как, например: падежом творительным, имеющим преимущественное обстоятельственное значение. Оттого, с другой стороны, предлог *на* и заменяет собою другие предлоги только тогда, когда обстоятельство представляется сознанию общим, не требующим точного определения» (ср.: *он работает на меня* и *он работает для меня*) («О значении форм глагола», стр. 210).

в системе падежных отношений. Функции многих падежей осложняются и дифференцируются сочетаниями с предлогами. Так, с XVIII в. особенно широко распространяются предложные конструкции после глаголов *избежать*, *избавить*, *отстать*, *отпираться*, *отрекаться* и т. п. (родительный падеж с предлогом *от* вместо прежнего родительного беспредложного), например: «Когда весь свет отрекся от меня» (Жуковский); и после глаголов *достигать*, *довести*, *дойти* и т. п. (родительный с предлогом *до* вместо прежнего родительного беспредложного): «Счастливо они достигают до отечества» (Карамзин); «Не многие могут достигнуть до сего величия» (Карамзин); «Площадка, до которой в десять минут можно достигнуть» (Жуковский) и т. п. Но ср. еще у Пушкина: «Наконец достиг нашей хижины»; «Вот Углича достиг я»*. Понятно, что один и тот же глагол, например, *достигать* в одних значениях употребляется преимущественно с предлогом, в других — без предлога**.

Точно так же в предлоге *с (со)* в сочетании с творительным падежом значение образа действия (значение, которое можно определить так: «обнаруживая что-нибудь; так, что проявляется что-нибудь») или значение характеризующего определения к существительному («обладающий чем-нибудь, имеющий, обнаруживающий что-нибудь») особенно широко развивается под влиянием западноевропейских языков (ср. немецкий предлог mit, французский avec)[28]. А. С. Шишков связывал распространение этого значения предлога *с* с влиянием французского языка на русский язык второй половины XVIII — начала XIX в. (ср. употребление оборотов: *с усердием заниматься*, *молиться с набожностью*, *одеваться со вкусом* и т. п. вместо качественных наречий: *усердно*, *набожно* и т. п.)***.

В «Рассуждении о старом и новом слоге» А. С. Шишков писал: «*Одеваться со вкусом* есть также не собственное наше выражение, ибо мы не говорим, или, по крайней мере, не должны говорить: *плакать с горестью*, *любить с нежностью; жить с скупостью;* но между тем как свойство языка нашего во всех других случаях велит

---

*В древнерусских памятниках до XVII в. легко найти множество беспредложных конструкций при глаголах, которые в современном языке уже не могут употребляться без предлогов, например: *отстать* — с род. пад. (без предлога *от*), *утаиться* — с род. (без предлога *от*), *плакаться* — с род. (без предлога *на*), *отлучаться* — с род. (без предлога *от*), *прикоснуться* — с дат. (вместо род. с предлогом *до*) и т. п. (См. Е. Ф. Будде, Основы синтаксиса русского языка, «Русский филологический вестник», 1910, № 3 и 4, стр. 57).

**Конструкция без предлога *от* при глаголах *удаляться (удаляться борьбы)*, *бежать («беги меня»)* и т. п. встречаются изредка даже в русском литературном языке середины XIX в. Ср. статью А. Ф. Ефремова, «Особенности синтаксического управления в языке Н. Г. Чернышевского в исторической перспективе» («Ученые записки Саратовского государственного педагогического института», 1940, вып. V, стр. 109).

***В церковнославянском языке употребление предлога *с* в этом значении, поддерживаемое влиянием греческого и латинского языков, повидимому, было ограничено (ср. «со страхом и верою приступите»).

нам говорить: *плакать горько*, *любить нежно*, *жить скупо*, в сем едином нельзя сказать: *одеваться вкусно*[29]. Позднее Ф. И. Буслаев тоже признал этот оборот «заимствованным из чужих языков», однако указал на частое употребление его в языке Ломоносова и в языке журналов еще докарамзинской поры. Например, у Ломоносова: «Киевляне тщились, как слуги, угощать их с великою ласкою и уклонностью». В журналах 1769 г.: «Критика приносит сочинителям пользу, но критика со вкусом» («И то и се»); «Одеваться с весьма лучшим вкусом» («Всякая всячина»)[30].

Ф. И. Буслаев отметил и другой «иностранный оборот» с предлогом *с* (для обозначения того, что предмет и лицо подвергаются каким-нибудь изменениям в своем положении, состоянии или претерпевают какое-нибудь качественное преобразование). Например у Жуковского: «С моим погибшим телом становится ежеминутно хуже»[31].

Беспредложные конструкции вытесняются предложными и в области причинных отношений. В XVIII в. еще был в широком употреблении беспредложный творительный, в котором значение причины еще не было резко обособлено от значения орудия. С начала XIX в. творительный причины решительно уступает место предложным конструкциям. Ср. у Крылова: «Не правда ли, что *нами* дерево так пышно и кудряво, раскидисто и величаво?» («Листы и корни»), «Не *нами* ль царствует корабль наш на морях?» («Пушки и паруса»), «Осел мой *глупостью* в пословицу вошел. И на осле уж возят воду» («Осел»); у А. К. Толстого: «Не их ли ты *мужеством* славен?» («Василий Шибанов»); у Герцена: «Мальчик, кажется, избегнул смерти и болезни своею чрезвычайною слабостью» («Кто виноват?»). В современном языке этим оборотам соответствуют конструкции с предлогом *благодаря* и дательным падежом.

Общие изменения в системе употребления предлогов сопровождаются осложнением значений отдельных предлогов. Так, в предлоге *для* значения цели, внутренней мотивации, направленности интересов в сторону кого-нибудь, чего-нибудь во второй половине XVIII — в начале XIX в. дополняются рядом новых значений (ср. значения французского pour и немецкого zu). Эти значения отчасти близки к значениям дательного падежа без предлога. Так, *для* начинает выражать, что то или иное качество, состояние, действие имеет силу по отношению к данному лицу или предмету. Например, у Карамзина в «Письмах русского путешественника»: «Вообразите мое положение! Ночью на улице, в неизвестном для меня городе»; у Жуковского: «Но для могучего стрелка нужду переносить легко»; «Твердость твоя для меня удивительна» (Пушкин, «Пиковая дама»).

Отсюда в предлоге *для* вырастает новое значение, значение критерия. Предлог *для* начинает употребляться для выражения условий, которыми ограничивается проявление какого-нибудь качества, состояния. Например: *Для своего возраста он очень развит.* «Для турок, для молдаван, для валахов я, конечно, разбойник, но

для русских я гость» (Пушкин, «Кирджали»). «Что вы такое для меня? — Муха» (Писемский, «Ипохондрик»)*.

Значения предлогов, расширяясь, становятся все абстрактнее, становятся все больше похожими на значения падежных префиксов. Таково употребление предлога *о* с предложным падежом после глаголов чувства, речи, размышления**. А. А. Потебня так писал о грамматических отношениях этого рода: «Теперь post verba sentiendi, cognoscendi, declarandi мы ставим в беспредложном винительном только ближайший, непосредственный предмет восприятия, познания, речи, тем или другим способом отличая от такого предмета другой, дальнейший, более самостоятельный, до познания или выражения коего мы доходим посредством ощутительного для нашего сознания ряда умозаключений. Например, с одной стороны, мы говорим: *услыхать новость*, *узнать знакомого*, *сказать слово*, «видеть свет и его коловращение» (Гоголь); с другой: *услыхать про новость*, *узнать о знакомом*, *сказать о чем* и *про что*; *увидать*, *что свет коловратен*».

«Чем далее подвигаемся в старину, тем чаще встречаем в языке отсутствие предложных объектов, из чего вероятно заключение, что было такое время, когда оба рода объектов, вовсе не различаясь в сознании, одинаково выражались простым винительным. Это напоминает ...состояние людей, для которых не существует перспективы при графическом изображении видимых предметов»[32].

Интересно, что и в языке XIX в. нередко встречаются случаи параллельного употребления винительного падежа и предложного при одних и тех же глаголах, но с очень заметной разницей в смысловых нюансах. Например у Льва Толстого: «Здржинский рассказывал поступок Раевского, который вывел на плотину своих двух сыновей под страшный огонь и с ними рядом пошел в атаку» («Война и мир»). У Чернышевского в романе «Что делать?»: «Стану рассказывать тебе свою радость». У Герцена: «Губернатор сказал, что он забыл разрешение, данное мне» («Былое и думы»); для современного языка в этом контексте было бы нормальным сочетание с предлогом *о* или *про*.

Ср. у И. И. Дмитриева: «Я принял смелость напомнить ему его молодость» («Взгляд на мою жизнь»); в современном языке *напомнить что-нибудь* имеет значение: своим сходством вызвать представление, воспоминание о чем-нибудь.

Разграничение предложных и беспредложных конструкций создает более ясную синтаксическую перспективу. В самих пред-

---

*До начала XIX в. *для* употреблялось во многих случаях как синоним предлога *ради*: в других — как синоним предлога *по* (ср. *для того что*, *потому что*).

**Характерно, что предлог *о* с местным падежом в древнерусском языке обозначал причину, соответствуя нашему сложному предлогу *из-за*. См. примеры из Синодального списка I Новгородской летописи в работе Е. С. Истриной «Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи» (стр. 163).

ложных конструкциях более четко выступают различия между синтаксическими синонимами. Слабые формы постепенно отмирают (например, сочетания с предлогом *про* после глаголов речи, чувства, изъявления).

В современном литературном языке разница между *о* с предложным падежом и *про* с винительным падежом при глаголах речи, чувства и изъявления скорее стилистическая (*про* разговорнее, просторечнее), чем лексико-семантическая*. А. М. Пешковский писал в своем «Синтаксисе»: «*Про* с винительным имеет то же значение, что и *о, об* с предложным *(говорить про войну, думать про урожай)*, и хотя какую-то внутреннюю разницу между этими синонимами мы ощущаем, но определить ее затрудняемся»[33]. Еще раньше К. С. Аксаков признавался: «Оттенок отдаленности и вообще цели слабеет, и *про* значит вообще только устремление нравственное куда-нибудь, а иногда и это значение слабо чувствуется. *Он думает все про своего друга; про тебя говорили*»[34].

Со второй половины XIX в. возникает новый синонимический ряд конструкций после глаголов мысли (но не речи) с предлогом *над* и творительным падежом (ср. *думать, размышлять над чем-нибудь* и т. п.; ср. *работать над чем-нибудь*). Ср. у Лескова в очерках «Смех и горе»: «Она всегда думает *над чем-нибудь*, а не *о чем-нибудь*».

С предлогом *о* после глаголов горестного чувства смешивается также предлог *по*, значения которого в этих сочетаниях крайне абстрактны. Кроме значения *после* в сочетании с предложным падежом (*по прибытии, по отъезде, по смерти, по отбытии срока* и т. п.), *по* имеет в высшей степени «формальное» значение при немногих глаголах, выражающих душевные страдания, с предложным падежом существительных единственного числа: *скучать, тосковать, сохнуть, страдать, грустить, болеть душой* и т. п. При тех же глаголах чаще употребляется *по* с дательным падежом (*страдать по родным; скучать по брату* и т. п.). Эта двойственность употребления — признак того, что собственное значение предлога *по* в этих сочетаниях утрачивается. Те же глаголы нормально сочетаются и с предлогом *о*.

Повидимому, в употреблении предлога *по* с предложным падежом после глаголов чувства нужно видеть причинное переосмысление временного значения (*тосковать после* — по причине).

Но так как в конструкциях типа: *тосковать по ком-нибудь — чем-нибудь, горевать по ком-нибудь — чем-нибудь* и т. п. — временное значение *по* стерлось, то исчезает и внутреннее, логическое различие между предлогом *по* в этом употреблении и предлогом *о* в тех же сочетаниях вроде: *тосковать о ком-нибудь — чем-нибудь, горевать о ком-нибудь — чем-нибудь*.

---

* Еще В о с т о к о в заметил: «*Про* употребляется только в просторечии... вместо предлога *о*» («Русская грамматика», 1831, § 137, стр. 205). То же утверждал Г р е ч («Руководство к преподаванию по учебной грамматике», СПБ 1851, стр. 202).

Конструкции с предлогом *по* ощущаются лишь как более разговорные, чем соответствующие конструкции с предлогом *о*. Конструкции с предлогом *по* и предложным падежом после глаголов скорбного чувства являются в современном языке пережитком прошлого. Они непродуктивны. Это синтаксические идиоматизмы. А. М. Пешковский принужден был признать: «В сочетаниях *скучать*, *тосковать*, *сохнуть*, *страдать*, *болеть душой по ком* предлог тесно связан со слишком малым числом глаголов, чтобы выявить собственное значение»[35].

Несомненно, что и предлог *за* с винительным падежом при глаголах *знать*, *признавать*, *считать* и т. п. служит лишь грамматическим выражением зависимого падежа. Его реальное значение: в качестве, вместо — здесь очень ослаблено, стерто. Эти сочетания отличаются от сочетаний тех же глаголов с простым творительным приглагольным (ср. *считать за дурака* и *считать дураком*) лишь тонким оттенком неполной, недостаточно достоверной квалификации, намеком на возможность переоценки или на некоторую мнимость оценки.

Все эти примеры с разных сторон освещают процесс развития аналитических форм предложного употребления. Все ярче обнаруживается внутреннее расслоение в семантической системе предлогов. В то время как одни простые предлоги: *для*, *до*, *перед*, *при*, *под*, *кроме*, *сквозь*, *через*, *между*, а тем более предлоги наречного типа: *близ*, *среди*, *мимо* и т. п. — почти целиком сохраняют свои реальные лексические значения, другие предлоги: *о*, *за*, *из*, *в*, *на*, отчасти: *над*, *от*, *по*, *про*, *с*, *у* — в отдельных сферах своего употребления, иные в меньшей степени, иные вплоть до полного превращения в падежные префиксы, ослабляют свои лексические значения, а иногда почти совсем теряют их.

§ 7. Роль предлогов в системе глагольного управления

Многие предлоги ослабляют свое конкретное значение в качестве посредника между глаголами и зависимыми от них объектами. Они становятся простыми грамматическими знаками объектных отношений. За ними сохраняется функция показателей и выразителей того или иного падежа косвенного объекта. Во многих случаях предложное выражение косвенной переходности глагола представляется чисто формальным, лексически немотивированным (например: *жениться на ком-нибудь; выйти за кого-нибудь* и т. д.)[36].

В подавляющем большинстве случаев такой переход предлога на роль послелога, на роль «объектной» морфемы при глаголе наблюдается у предлогов с абстрактными значениями. Таково, например, употребление следующих предлогов:

1) Употребление *по* с предложным падежом (единственного числа) и с дательным падежом после глаголов: *скучать*, *тосковать*, *горевать*, *страдать*, *соскучиться*, *болеть душой*, *сохнуть*, *плакать* и т. п.

2) Употребление предлога *о* после глаголов внутреннего восприятия речи, чувства и душевных изъявлений: *размышлять*, *гадать*, *мечтать*, *убиваться*, *спорить*, *говорить*, *рассказывать*, *заботиться*, *стараться*, *беспокоиться*, *жалеть*, *тужить*, *плакать* и т. п. Это употребление *о* в современном русском языке все расширяется, охватывая все большую группу глаголов и семантически близких к ним имен существительных.

3) Употребление *на* с винительным падежом после глаголов, означающих чувство в его направленности в сторону кого-нибудь—чего-нибудь: *негодовать*, *злобствовать*, *брюзжать*, *ворчать*, *досадовать*, *роптать*, *сетовать*, *жаловаться*, *плакаться*, *сердиться*, *гневаться*, *клеветать*, *надеяться на кого-нибудь*, *на что-нибудь**, *злобиться*, *дуться*, *злиться*, *соглашаться*, *склоняться* и другие подобные; ср: *кричать на кого-нибудь;* ср. также: *походить на кого-нибудь; послать на что; отваживаться*, *решаться на что-нибудь;* ср.: *готов*, *способен на все.* Ср. галлицизмы типа: *рассчитывать* (*считать*) *на кого-нибудь.*

4) Употребление *в* с винительным падежом в довольно ограниченной и внутренне разъединенной группе сочетаний: *верить*, *есровать в кого-нибудь*, *во что-нибудь; играть во что-нибудь; уродиться в кого*, *во что-нибудь;* ср. *в* с предложным падежом: *убедиться*, *увериться в чем-нибудь*, *сомневаться в чем*, *нуждаться в чем-нибудь* и др.

5) Употребление *из* с родительным падежом в серии однородных фраз: *представлять из себя*, *изображать из себя*, *строить из себя*, устарелое *казать*, *показывать из себя* и некоторые другие. Например: «Земля изображала из себя пекло» (Чехов, «Брожение умов»); «Он постоянно представлял из себя человека, стоящего выше всех этих мелочей» (Герцен, «Былое и думы»).

6) Употребление *за* с винительным падежом после глаголов: *считать*, *признавать*, *считаться*, *поставить* и т. п. Например: «Но я вас не считаю за эгоиста» (Тургенев, «Дворянское гнездо»); «Он за счастье бы счел свое знакомство с нею» (Л. Толстой, «Война и мир»). Ср.: «Что говорят обыкновенно люди, не имеющие убеждений, но желающие казаться за таковых» (Л. Толстой, «Война и мир»); «Он составлял себе, как говорил, серьезную библиотеку и за правило поставил прочитывать все те книги, которые он покупал» («Война и мир») и другие подобные.

---

*Ср. в «Русской грамматике» Востокова (§120) указание на то, что в начале XX в. глагол *надеяться* еще сочетался с родительным падежом без предлога: *надеяться успеха* (стр. 223). Ср. у Кошанского в статье «О русском синтаксисе»: «*надеяться чего*... значит ожидание с сомнением, а *надеяться на что* — упование с уверенностью» («Труды общества любителей российской словесности», 1819, ч. XV, стр. 108).

Любопытно, что сочетание *надеяться с родительным падежом* еще встречается в языке Чернышевского и Л. Толстого. Например, у Чернышевского в романе «Что делать?»: «Скоро я убедился, однако же, что *надеяться этого*—вещь напрасная»; «Он никогда не надеялся ее взаимности»; ср. у Толстого в «Войне и мире»: «Так не похоже на то, чего он надеялся».

7) Употребление *над* с творительным падежом при группе семантически родственных глаголов: *смеяться*, *издеваться*, *ругаться*, *иронизировать*, *трунить*, *подтрунивать*, *подшучивать* и т. п. Ср. у Л. Толстого: «И граф Растопчин презрительно улыбнулся сам над собой» («Война и мир»). Ср.: *торжествовать, взять верх, одержать победу над кем — чем* и т. п.

В литературном языке XVIII — начала XIX в. глагол *смеяться* (ср. *ругаться* и пр.) сочетался не только с беспредложным дательным падежом и с предлогом *над* и творительным падежом, но и с предлогом *о* и предложным падежом. Ср. у Пушкина: «Не смейся горестям моим»; у Жуковского: «Стенаньям смеется губитель». Ср. у Пушкина: «И посмеяться кой о чем»; «Конечно, всякому вольно смеяться над некоторыми их странностями» («Барышня-крестьянка»).

Однако уже Н. И. Греч признавал лишь две конструкции при глаголе *смеяться*: конструкцию с дательным падежом, когда «управляемым именем означается предмет не личный, вещественный или отвлеченный», и более употребительную конструкцию с предлогом *над* и творительным падежом.

Ф. И. Буслаев в своей «Исторической грамматике» считает «более обыкновенной» конструкцию с предлогом *над*[37]. Но К. С. Аксаков в своей рецензии упрекал Буслаева за то, что тот не выяснил внутреннего различия между *смеяться — посмеяться над чем* и *о чем*: «*Смеяться над чем* значит: делать из чего-нибудь предмет, цель смеха; *смеяться о чем* значит: делать из чего-нибудь повод к смеху, смеяться ради чего»[38].

8) В современном языке предлоги *до* и *от* являются, между прочим, грамматическими средствами выражения и уточнения отложительных и достигательных значений родительного падежа. Например, *до*: *что касается до меня*. Ср. «коснуться до всего слегка» (Пушкин) и т. п.; *от* в отделительном значении после глаголов: *освобождаться*, *воздерживаться*, *спасаться*, *разрешиться* (от бремени), *уклониться*, *очиститься* и т. п.

Итак, в русском языке XIX—XX вв. все более и более распространяются предложно-аналитические конструкции. Некоторые предлоги в отдельных значениях или контекстах употребления делаются простыми грамматическими префиксами с ослабленными, потускневшими или вовсе погасшими реальными значениями.

§ 8. Изменения в употреблении предлогов

Формирование новой стилистической системы, сопровождающееся смещением и переоценкой прежних форм выражения, образование новой фразеологии, распространение отвлеченных и научно-технических понятий, новые формы речетворчества, характеризующие современную эпоху, изменения в синтаксическом строе не могли не отразиться и на употреблении предлогов. В современном языке намечаются новые, более отвлеченные способы при-

менения предлогов, наблюдаются многочисленные случаи синонимической замены предлогов, переноса одних предлогов на место других, возникают новые предложно-синтаксические конструкции.

Острее всего эти грамматические сдвиги дают себя знать в газетно-публицистических и научно-технических стилях современного русского языка. Например: «В крупных центрах — сильные тенденции *за* рабочие клубы»; «Получается старая «проработка» *на* уничтожение писателя» (Вс. Вишневский, «Известия ЦИК», 1935, № 156). «Социалистическое соревнование *на* быструю и высококачественную уборку урожая» («Известия», 1939, № 152); «Линией поведения коммунистов должна быть *линия на то*, чтобы обеспечить в стачечной борьбе коммунистическое руководство»; «Линия *на создание* крупного общественного крестьянского хозяйства»; «экономист *по* труду»; «встреча *по* хоккею»; «Годы перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства являются одним из ответственнейших периодов в истории большевистской партии»[39] («Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 266).

Характеристика этих процессов — смешения предлогов, изменения их функций, количественного роста предложных конструкций — должна быть предметом особого самостоятельного исследования. Многие неологизмы в этой грамматической сфере еще не вошли в систему общелитературного языка.

Итак, в современном языке с необыкновенной остротой и силой протекает процесс перераспределения функций предлогов. Распространяются такие предложные сочетания, которые раньше были свойственны главным образом профессионально-техническим диалектам и научным стилям книжного языка. В официально-деловых, газетно-публицистических и научно-технических стилях роль предложных конструкций становится особенно значительной. Круг значений предлогов, сфера выражаемых ими отношений расширяется и углубляется.

Аналитические формы речи качественно усложняются, становятся значительнее и разнообразнее. Изменение семантической системы предлогов — признак развития новых аналитических элементов в строе русского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ «ПРЕДЛОГИ»

1. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, вып. II, стр. 97.
2. Д. Н. Овсянико-Куликовский, Синтаксис русского языка, стр. 265.
3. Ср. P. Boyer et N. Spéranski, Manuel pour l'étude de la langue russe, Paris 1905, стр. 108.
4. К. С. Аксаков, Сочинения филологические, ч. I, стр. 431.
5. Там же, ч. II, Конспект двух последних глав первой части русской грамматики, стр. 129.
6. Там же, ч. I, стр. 611.
7. Ср. замечание Alb. Sechehaye о post-positions, Essai sur la structure logique de la phrase, стр. 76, примечание.

8. В. А. Добромыслов, К вопросу о языке рабочего подростка, М. 1932, стр. 12.

9. «Сочинения филологические», ч. II, стр. 129, примечание, Конспект последних двух глав первой части русской грамматики.

10. Ср. P. Boyer et N. Spéranski, Manuel pour l'étude de la langue russe, стр. 108.

11. Ср. другие примеры из сочинений Л. Толстого в статье В. В. Виноградова «О языке Толстого» («Литературное наследство», 1939, № 35—36).

12. А. Меромский, Язык селькора, М. 1930, стр. 48.

13. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, вып. I, стр. 368.

14. Ср. замечания Alb. Sechehaye о locutions prépositionnelles, Essai sur la structure logique de la phrase, стр. 83—84.

15. Ср. книгу И. Эндзелина, Латышские предлоги, Юрьев 1905.

16. К. С. Аксаков, Сочинения филологические, ч. II, Предлог, стр. 142.

17. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, I—II, стр. 450.

18. А. Х. Востоков, Русская грамматика, § 132—140, стр. 233—276; Д. Н. Овсянико-Куликовский, Синтаксис русского языка, стр. 264—271; М. Н. Петерсон, Очерк синтаксиса русского языка, М. 1923; «Синтаксис русского языка», 1930, стр. 45—77; А. М. Пешковский, Русский синтаксис, стр. 285 и далее; М. Н. Петерсон, Лекции по современному русскому литературному языку, М. 1941, стр. 114—137.

19. «Опыт русской грамматики», Конспект двух последних глав, Предлог, «Сочинения филологические», ч. II, стр. 128—151.

20. «О значении форм русского глагола», гл. V, О глаголах сложных с предлогами.

21. «Синтаксис», вып. II, стр. 162—163.

22. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, вып. II, стр. 195; Примечание, стр. 86.

23. В. И. Ленин, Философские тетради, стр. 211—212.

24. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. II, стр. 504.

25. См. статью А. М. Пешковского «Принципы и приемы стилистического анализа художественной прозы» («Ars poetica», Сб. статей, I, стр. 58).

26. Ср. статью В. В. Виноградова о предлоге *на* в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, т. II, стр. 295—299.

27. По вопросу о развитии аналитических форм в языках см. у O. Jespersen, Progress in language with special reference to english, 1909.

28. См. статью И. С. Ильинской «Управление как проблема лексики и грамматики» («Ученые записки Московского городского педагогического института», т. V, М. 1941, стр. 81).

29. «Рассуждение о старом и новом слоге», изд. 2-е, стр. 204—206.

30. Ф. И. Буслаев, Опыт исторической грамматики русского языка, ч. II, стр. 327.

31. Там же, стр. 327.

32. «Из записок по русской грамматике», I—II, стр. 299—300.

33. «Русский синтаксис», стр. 297.

34. «Сочинения филологические», ч. II, Прибавление, стр. 137.

35. А. М. Пешковский, Русский синтаксис, стр. 298—299.

36. Ср. Alb. Sechehaye, Essai sur la structure logique de la phrase, стр. 86—90.

37. Ф. И. Буслаев, Опыт исторической грамматики, II, стр. 347.

38. К. С. Аксаков, Сочинения филологические, ч. I, стр. 613.

39. Ср. примеры в книге «Правка газетной корректуры», изд. Научно-исследовательского института книговедения, 1932.

III. СОЮЗЫ

§ 1. Союзы, их функции и их разные типы

С предлогами соотносительны союзы. Союзы — это частицы речи, которые обозначают логико-грамматические отношения и связи не только между однородными словами и словосочетаниями в составе синтагмы или предложения, но и между группами слов, между синтагмами, предложениями, фразами в структуре сложных синтаксических единств. В отличие от предлогов, выражающих отношения синтаксической обусловленности и зависимости падежных форм, отношения «определяющего» имени к «определяемому» слову, союзы выражают разнообразные синтаксические отношения функционально однородных или синтаксически сопоставленных и связываемых единиц речи. В рамках простейших синтаксических единств (синтагм, предложений) все сцепляемые союзами члены словосочетания или предложения объединяются мыслью как грамматически однородные или лексически и логически сопоставимые элементы речи. Преобладающее большинство союзов, устанавливающих связь между словами или сочетаниями слов, вдвигает их в структуру более крупного целого как связное единство. «Как коромысло весов одновременно и слагает силы, приложенные по краям его, и переносит их в точку опоры, так и союз одновременно и объединяет два члена, и относит их к одному и тому же третьему», — писал А. М. Пешковский[1].

Союзы не переходят в «префиксы» слова, подобно предлогам. Они не имеют ничего общего с «препозиционными флексиями» имени, к которым приближаются слабые предлоги и в которые они превращаются по утрате реальных значений. Союзы внутри предложения или синтагмы ни в какой степени не связаны и не соотносительны с грамматическими формами тех слов, которые они вдвигают в строй словосочетания, синтагмы и предложения (Ср. резкую грамматическую разницу между сочетаниями вроде: *Полкан с Барбосом* и *Полкан и Барбос*)[2]. Самый круг отношений, выражаемых союзами внутри синтагм и предложений, далеко выходит за пределы отношений, обозначаемых предлогами, и, во всяком случае, только частично соприкасается с ними[3]. Союзы, пишет Овсянико-Куликовский, «служат для создания чисто формальной (синтаксической) перспективы внутри предложений и в сочетании их, но не перспективы в самом содержании фразы, т. е. не внутрифразовой перспективы, в пространстве, во времени и в других отношениях, как это делают предлоги»[4].

Есть разница в функциях союзов, сцепляющих «предложения», и союзов, которые служат скрепами отдельных слов и однородных групп слов. Круг отношений, обозначаемых и выражаемых союзами при сцеплении «предложений», гораздо шире и разнообразнее, чем круг отношений, выражаемых союзами в сочетаниях внутрифразового типа (соединительных, присоединительных, разделительных, перечислительных, противительных и т. п.). В значениях союзов, обслуживающих сцепление синтагм и предложений, можно даже

заметить частичный логико-грамматический параллелизм с значениями предлогов. Некоторые из отношений, обозначаемых предлогами внутри предложения, выражаются союзами в сочетании предложений. Таковы, например, отношения временные, причинные, целевые, сравнительные, количественные и другие подобные. Но и этого типа союзы, в отличие от предлогов, непосредственно не влияют на форму отдельных слов, выражая смысловые взаимоотношения и соотношения словесных групп внутри сложных синтаксических единств. И этого типа союзы нельзя без оговорок сравнивать с «префиксами» словосочетаний (синтагм) или предложений[5], так как выражаемые ими отношения по большей части двухсторонни. (Ср. «двойные» союзы: *если — то, так как — то, раз — то* и т. д.; *когда — так; лишь только — как; только что — как* и другие подобные; ср. сходную систему синтаксических соотношений и взаимоотношений в словесных сцеплениях по схеме: *не успел* что-нибудь сделать..., *как*...; *стоило* что-нибудь сделать..., *как*... и др. под.) Само собою разумеется, что степень тесноты связей и характер зависимости одного предложения от другого бывают очень разнородны в союзных сцеплениях разного типа.

Традиционная аналогия между так называемыми «придаточными» предложениями и членами простого предложения, проводимая в школьных учебниках с неуклонной и односторонней прямолинейностью, на самом деле может иметь лишь очень ограниченное и условное значение.

Таким образом, союзы, в сущности, запредельны морфологии. «Союз, — писал А. А. Шахматов, — имеет значение не сам по себе, а как выразитель того или иного сочетания, как словесное обнаружение такого сочетания»[6].

Развитие аналитических тенденций в строе русского литературного языка отразилось и на внешнем облике союзов. В роли союзов все чаще выступают целые фразеологические единства, или идиомы. Грамматические функции союзов все больше и больше связываются с их лексической («этимологической») природой.

Между старыми простыми, или «первообразными» союзами и сложными союзами позднейшей формации наблюдается резкая разница в морфологическом составе (ср., например, простые союзы: *а, но, и, ли, или, что* и т. п., с одной стороны, и сложные — с другой: *тем не менее, даром что, подобно тому как, потому что, затем чтобы, с тех пор как, между тем как, несмотря на то что, вследствие того что, в силу того что* и др. под.). В этом отношении замечается явный параллелизм грамматического развития между союзами и предлогами (а также частицами).

Кроме того, в русском языке все расширяются и умножаются разряды гибридных или переходных слов и выражений, совмещающих значения союзов со значениями других грамматических категорий.

1. Таковы, например, группы, промежуточные между союзами и модальными словами (а иногда и наречиями): *итак, напротив,*

наконец, *все-таки*, *тем не менее*, *вместе с тем*, *при всем том*, *к тому же*, *все же*, *правда*, *будто*, *будто бы* (не в изъяснительном значении), *точно*, *ровно* (просторечное) и т. п.

2. Таковы слова и частицы, подводимые одновременно под категории союзов и наречий: *потом*, *зато*, *едва*, *покамест*, *пока* и др.

3. Еще больше слов, образующих переходный тип от простых союзов к разного рода частицам, например: *ведь*, *вот*, *тоже*, *также*, *и то*, *лишь*, *только* и другие подобные.

Внутри самой категории союзов сталкиваются три морфологически неоднородных типа слов-частиц:

1. Простые, морфологически-неделимые частицы-союзы. Их морфологическая простота и неразложимость обратно пропорциональны семантической сложности и многообразию их синтаксических функций (ср. значения союзов *и*, *а*, *ли* и т. п.).

2. Составные союзы, нередко имеющие облик фразеологических единств и идиоматизмов. Морфологический анализ обнаруживает, в составе многих из этих союзов следы и живые формы разных других частей речи (ср., например: *после того как*, *прежде чем*, *лишь только* и др.). Этимологическая подкладка таких союзов как бы виднеется из-под их современного употребления. Все большее осложнение синтаксических отношений между элементами речи, увеличивающееся разнообразие композиционных приемов речевого построения проступают наружу даже в морфологической «внешности» этих составных союзов.

Лексическая определенность состава этих союзов ограничивает круг их значений строго очерченной сферой логико-синтаксических отношений. Морфологическая мотивированность их значений (ср., например: *вследствие того что*, *с тех пор как* и т. п.) замыкает их употребление в тесные пределы одного семантического круга отношений.

3. Гибридные союзы, совмещающие значения союзов со значениями других, очень разнообразных категорий. Эта типологическая классификация союзов, конечно, ни в малейшей степени не совпадает с синтаксическим делением их по функциям.

Еще менее связано с морфологическими различиями союзов укрепившееся в грамматической традиции деление их на сочинительные и подчинительные[7]. Обычно говорится, что подчинительные союзы более тесно слиты с подчиняемыми предложениями, образуя с ними «одну цельную смысловую массу» и тем самым несколько приближаясь к роли синтаксических префиксов. Иногда прибавляется, что при помощи подчинительных союзов одно предложение определяет другое. Напротив, сочинительные союзы характеризуются тем, что они «не только физически, но и по значению стоят между соединяемыми величинами, не сливаясь нимало ни с одной из них»[8]. Более тесная связь подчинительного союза с подчиняемым предложением нередко иллюстрируется искусственными логическими аналогиями между «подчинением» предложений и «подчинением» членов внутри предложения.

Однако с морфологической точки зрения грань между сочинительными и подчинительными союзами очень скользка и неопределенна[9]. Было бы осторожнее вместо с о ч и н е н и я и п о д ч и н е н и я предложений говорить (как это предлагал акад. А. А. Шахматов) о разных видах сцепления предложений и о разных степенях их зависимости, выражаемых союзами и другими грамматическими средствами: формами наклонения, формами относительных времен, порядком слов, местоименными словами, интонацией и т. п.

Синтаксическая зависимость нагляднее всего обозначается союзом *чтобы* с сослагательным наклонением (*чтобы* — *-л*, *-ла*, *-ло*, *-ли*), особенно после глаголов с отрицанием. Менее определенно, но более разнообразно выражена она в формах изъяснительной (посредством союзов *что* и *чтобы*), относительной и условной связи.

Особенно свободны и разнообразны сцепления, выражаемые временными, сравнительными и причинными союзами.

Но и эти формы зависимости легко подвергаются синтаксическому преобразованию, особенно в устной речи. В стилях разговорной речи распространен прием модальной нейтрализации зависимых синтаксических отношений, прием приведения конструкций, традиционно признаваемых за подчинительные, к «знаменателю сочинения». Многие союзы, выражающие синтаксическую зависимость, легко превращаются в модальные слова (ср.: *будто*, *будто бы*, *не то чтобы* и т. п.). Кроме того, в бытовом диалоге вообще слабо развита система сложных предложений с разными степенями союзных сцеплений*.

Употребление многих союзов характеризуется резкими колебаниями в степени тесноты и зависимости выражаемых ими синтаксических связей.

Особенно велика амплитуда этих колебаний у союзов уступительных, временных и сравнительных. Недаром даже традиционные грамматики (под влиянием проф. Д. Н. Овсянико-Куликовского) относили такие уступительные союзы, как *хотя (хоть)*, к сочинительным[10]. Например: «Все слушают его, разинув рот, хоть он такую дичь несет, что уши вянут» (Крылов). Ср.: «Неодолимая, хотя тихая сила увлекла меня» (Тургенев).

Здесь *хоть* и *хотя* очень близки по значениям к союзам *а* и *но*. Ср. сближение *хоть* и *хотя* с союзом *впрочем*: «Одета она была в опрятное, хотя и полинялое ситцевое платье» (Тургенев). «Сравнение, употребленное Павликом, хотя верное и меткое, не вызвало улыбки ни на чьем лице» (Тургенев).

В употреблении сравнительных союзов характерна широкая семантическая растяжимость выражаемых ими синтаксических отношений. Во многих случаях присоединение синтагм или предло-

---

* Ср. замечания Н. М. К а р и н с к о г о о почти полном отсутствии подчиняющих союзов в языке менее культурных групп крестьянства («Из наблюдений над языком современной деревни», «Литературный критик», 1935, № 5).

жений сравнения имеет характер свободного ассоциативного сцепления, осуществляемого без прямой грамматической зависимости от основной синтаксической группы. Поэтому обе части сравнительного сочетания легко разъединяются и могут существовать как смежные, раздельные синтаксические единства. Например: «Рука Эллис внезапно надвинулась на мои глаза, словно белый туман из сырой долины обнял меня» (Тургенев, «Призраки»). «Меня тотчас охватила неприятная, неподвижная сырость, точно я вошел в погреб» (Тургенев). «Вчерашнее волнение исчезло. Оно заменилось тяжелым недоумением и какою-то, еще небывалою, грустью — точно во мне что-то умерло» (Тургенев, «Первая любовь»). «Я люблю, когда вы говорите. Точно ручеек журчит» (Тургенев, «Отцы и дети»). Но ср.: «Из всех пар, заполняющих рощу, эта всего тревожнее отнеслась к наступлению ночи и бросилась уходить от нее так, точно та гналась за ними по пятам» (Пастернак).

Нерасчлененность логико-синтаксических отношений, присущая строю разговорной речи, отражается и в постоянном смешении особенностей косвенной речи с прямой при передаче чужих мыслей. Непрестанные скачки из синтаксиса косвенной речи в прямую или несобственно прямую речь — характерная черта русской народно-разговорной речи. Формы прямой драматической передачи часто врываются в косвенную речь и делают ее строй прерывистым и смешанным (например: «Вы-де с барином, говорит, мошенники, и барин твой — плут. Мы-де, говорит, этаких шаромыжников и подлецов видали». — Гоголь, «Ревизор»).

А. М. Пешковский усиленно доказывал, что «у нас не выработаны формы косвенной речи... Косвенная передача речи русскому (разговорному — *В. В.*) языку не свойственна. Вот почему мы и соскакиваем постоянно с косвенной речи на привычную нам прямую... Разграничение прямой и косвенной речи находится у нас на самой ранней стадии развития»[11].

§ 2. Простые союзы

Простые, морфологически неделимые союзы в большей своей части переобременены значениями. Круг отношений, выражаемых ими, очень широк. Слабость лексического и морфологического веса таких союзов компенсируется их семантико-синтаксической нагруженностью. Лишь повторение «простого» союза, т. е. своеобразное анафорическое его умножение, состоящее в постановке одного и того же союза перед каждым из сцепляемых слов или словосочетаний (синтагм), ограничивает круг значений «первообразного» союза. Таким образом, простые союзы иногда сливаются в своеобразные сложные единства, «единства на расстоянии» (по выражению Бругмана). Возникают повторные объединительные, перечислительные, разделительные, реже противительные или эмоционально-усилительные союзы (например *и — и*, *или — или*, *ни — ни*; *то — то;* ср. составные: *не то — не то;*

то ли — то ли; либо — либо; просторечно-областное *али — али* и др.). Например:

И сердце бьется в умиленье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.
(Пушкин.)

Иль чума меня подцепит,
Иль мороз окостенит,
Иль мне в лоб шлагбаум влепит
Непроворный инвалид.
(Пушкин.)

«Вы говорите, — сказала она наконец: — читать поэтические произведения *и* полезно, *и* приятно... Я думаю, надо заранее выбрать в жизни: *или* полезное, *или* приятное, и так уже решиться, раз навсегда. И я когда-то хотела соединить и то и другое... Это невозможно и ведет к гибели или к пошлости» (Тургенев, «Фауст»).

Союзы *ни — ни*, *то — то* ограничены формами перечислительного сочетания: *ни — ни* — контрастно-отрицательного, параллельного, *то — то* — последовательно-чередующегося:

То холодно, то очень жарко,
То солнце спрячется,
То светит слишком ярко.
(Крылов.)

Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком.
(Пушкин.)

Ни огня, ни черной хаты.
(Пушкин.)

Казак не хочет отдохнуть
Ни в чистом поле, ни в дубраве,
Ни при опасной переправе.
(Пушкин.)

То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
(Пушкин.)

«Дышал громко то ртом, то носом» (Гончаров).

Сложные союзные единства этого типа объединяют сопоставляемые отрезки речи. Они содействуют симультанному (т. е. одновременному) смысловому охвату соотносительных синтагм и слов. Они резко отличаются своеобразиями своего синтаксического значения и употребления от простых союзов. Простые союзы более многозначны, и их употребление более разнородно. Из соединительных союзов в русском языке особенно нагружен значениями союз *и**, затем *а*, *да;* из союзов зависимого отношения наиболее широки и разнообразны значения союза *что*. А. М. Пешковский правильно указывал на многообразие употреблений этого союза, но несправедливо отказывал ему в богатстве значений и их оттенков. «Союз этот, — писал А. М. Пешковский, — в настоящее время есть употребительнейший подчинительный союз русского языка и особенно его разговорно-литературного наречия, где он потерял, в сущности, всякое специальное значение и обозначает только подчиненность одного предложения другому, подобно тому как союз *и* в области сочинения обозначает только сочиненность (ср.: «А что он не приехал во время, так это потому, что за ним не прислали»; «А что у

*Богатство и разнообразие значений союза *и* ярко охарактеризованы в статье акад. Л. В. Щербы об этом союзе в «Словаре русского языка» Академии наук (2-е изд.). Ср. мою статью об этом союзе в «Толковом словаре русского языка» (под ред. Д. Н. Ушакова, т. I).

тебя денег нет, так вольно же тебе мотать» — где *что* указывает только на то, что данная мысль уже известна говорящим)»[12]. В этом разнообразии значений и употреблений союзов *и*, *а*, *да* и *что* нельзя не видеть некоторых следов древних синтаксических отношений, когда функции одного и того же союза были крайне широки и диффузны, логически не расчленены*.

Широта смыслового объема простого союза, степень разнообразия его значений зависят от разных причин. Тут играют роль и происхождение союза, и пережитки его старого употребления, и его морфологический состав, влияющий на связи его с другими словами, и характер совмещения в нем отвлеченных, логических и эмоциональных, субъективных значений, и связь его с теми или иными модальностями высказывания. Например, значения союза *хотя (хоть)* замыкаются в пределах условно-уступительной модальности. Круг значений этого союза и особенно его дублета *хоть* (ср. *хоть бы* и *хотя бы*) суживается тем, что они являются одновременно и союзами и уступительно-ограничительными модальными частицами. Например: «Учился он порядочно, хотя часто ленился» (Тургенев, «Дворянское гнездо»). «Его голос, хотя и сильный, едва был слышен» (Овсянико-Куликовский). «Хоть видит око, да зуб неймет» (Крылов). Но ср. *имей хоть капельку терпения* и т. п.

Ограничению значений союза содействует и узость сферы его стилистического употребления. Например, риторический союз *ибо* однозначен; он совмещает в себе логические оттенки: причинного отношения с экспрессией патетического или иронического стиля. Он встречается преимущественно в книжной речи.

С этим союзом как с архаизмом книжного языка началась борьба еще в начале XIX в. Пушкин не отказался от этого союза и употреблял его в стихах и прозе.

В послепушкинскую эпоху союз *ибо* применялся главным образом в стилях стихотворного языка, а также в канцелярско-деловой, публицистической и научной прозе**. Ср. например: «Дамам он [Чичиков] не понравится, это можно сказать утвердительно, ибо дамы требуют, чтобы герой был решительное совершенство» (Гоголь, «Мертвые души»).

---

*«Пока не было ясного сознания таких логических понятий, как отношение современности, последовательности, причины, условия, уступления, цели, следствия, пояснения и вместе с тем не было также и средств для точного их выражения, до тех пор предложения, стоящие в подобных отношениях между собою, могли выражаться как отдельные (паратактические) предложения, причем формально не выражалось даже различие между главным и второстепенным для мысли предложением» (А. В. Попов, «Синтаксические исследования», стр. 82).

** Ср. у Тургенева в «Дворянском гнезде» в речи Михалевича: «Что такое самонаслаждение, спрашиваю я тебя?

— И оно должно было рухнуть. И б о ты искал опоры там, где ее найти нельзя: и б о ты строил свой дом на зыбком песке...

— Говори ясней, без сравнений, и б о я тебя не понимаю.

— И б о, пожалуй, смейся, и б о нет, нет в тебе веры, нет теплоты сердечной».

В газетно-публицистических стилях современного языка употребление союза *ибо* снова получило более широкое распространение. «Нам необходим усиленный контроль и распределение имеющегося хлеба, ибо голод погубит и нас и вас» (Ленин, Соч., т. XXII, стр. 249—250).

Экспрессивным (а отчасти и стилистическим) синонимом союза *ибо* является разговорное употребление частицы *ведь* в значении причинного союза. Например: «Тут посмейся, там отзовись с... уважением про добродетельных и нравственных, и готов фельетон. *Ведь* мысли теперь продаются совершенно готовые на лотках, как калачи» (Достоевский, «Дневник писателя»).

Как музыке идти! Ведь вы не так сидите.

(Крылов.)

Уж, верно, головы мне не отрубят,
Ведь я не государственный преступник.

(Пушкин, «Каменный гость».)

Отсутствие модальных ограничений и свобода сочетания логических и эмоциональных значений обеспечивают союзу необычайно широкие возможности синтаксического употребления. Например союз *и*, помимо различных объединительных, соединительных, перечислительных значений, выражает крайне разнообразные значения и оттенки, основанные на принципе субъективно окрашенного, внезапного ассоциативного присоединения. Например, в языке Пушкина:

Не стану есть, не буду слушать...
Подумала — *и* стала кушать.

(«Руслан и Людмила».)

Невеста очи опустила,
Как будто сердцем приуныла,
И светел радостный жених.

(Там же.)

Там жены по базару ходят,
На перекрестки шлют старух,
А те мужчин в хоромы вводят,
И спит подкупленный евнух.

(«Стамбул гяуры ныне славят».)

Вольтеру первый друг была,
Наказ писала, флоты жгла
И умерла, садясь на судно...

(«Старушка милая жила».)

Наиболее «субъективные» союзы (как *и*, *а*, *да*, *что*, *чтобы* и др.) развивают в современном языке больше всего смысловых оттенков. Экспрессивные нюансы, связанные с их употреблением, особенно разнообразны. Стилистические возможности выбора и замещения союзов-синонимов здесь особенно широки.

Так, очень богато экспрессивными красками употребление союза *а*.

Союз *а* имеет четыре основных значения со множеством смысловых оттенков.

1. Противительное значение. При отсутствии отрицания это значение дает себя знать в противопоставлении по несходству целых предложений или сказуемых. Например: *мужчина, а плачет;* «Они проснулись, а мы спать собираемся» (Тургенев). «Пол сама моет и на черном хлебе сидит, а неуваженья к себе не допускает» (Достоевский). «Пилюля горька, а проглотить ее нужно» (Тургенев) и т. п. Субъективный отпечаток в употреблении союза *а* выступает особенно резко, если сравнить некоторые оттенки его противительного значения с значениями союза *между тем (меж тем)*. С союзом *между тем* противительное *а* синонимически сближается при противопоставлении одновременных событий или при субъективных подчеркиваниях противоречия должному, ожидаемому. Например: *Он сидел в тюрьме, а годы шли* (ср.: *Он сидел в тюрьме. Между тем, годы шли*); «Не надеялся я его застать... а застал» (Тургенев, «Клара Милич») и другие подобные.

Противительное значение союза *а* особенно широко и разнообразно проявляется в отрицательных оборотах.

Только при отрицании оказывается возможным противопоставление с помощью союза *а* любых слов: *не в бровь, а прямо в глаз; дорог не квас, а изюминка в квасу*; «Прошло уже не семь, а целых двенадцать лет» (Тургенев).

Противительное *а* часто применяется в диалоге — в начале реплик, при возражении, при несовпадении мыслей собеседников. Например, в рассказе Максима Горького «Супруги Орловы»:

«— Снова подрались?

— А тебе что? — недружелюбно и задорно говорит Матрена.

— А ничего! — объясняет хохол, и после этого оба они долго молчат».

2. Присоединительное значение. В этом значении различается три основных сферы оттенков:

а) Одни смысловые оттенки связаны с выражением резкого, неожиданного перехода от одной мысли к другой. Союзом *а* передаются разные оттенки присоединений по ассоциации. Например: «Встала перед глазами изба голодная, а в избе голодной мать хворая лежит» (Неверов); «Очень рад вас видеть, мой друг, — сказал я весело, встречая его. — А вы все полнеете» (Чехов). Ср. в начале реплики: «А преинтересная, как вижу, жизнь в чужих краях» (Гоголь, «Женитьба»).

К. С. Аксаков так писал об этих оттенках в употреблении союза *а*: «*а* в устном вещании выражает именно добавление, речение как бы неожиданное, нечаянное, вдруг пришедшее в голову, которое и соответствует характеру разговорной речи»[13].

б) Другая сфера оттенков присоединительного *а* связана с случаями присоединения ограничительных или пояснительных замечаний. Здесь *а* сближается по значению с эмоциональным

союзом *же*. Ср.: «С тех пор, как он поселился здесь (а этому уже будет лет десять), он ни разу не выезжал из города».

в) Наконец, иные оттенки присоединительного значения *а* выступают в модально окрашенных высказываниях, когда союз *а* выражает неизбежность присоединительного вывода или следствия (ср.: *а потому; а стало быть; а следовательно* и т. п.). Ср.: *Было бы корыто, а свиньи будут.*

3. Противительно-перечислительное значение.

Это значение союза *а* обнаруживается как в последовательном изложении — при присоединении одного предмета к другому, так и в вопросительном перечислении. Например: *А где же другие товарищи? А Данилов? А Сапфиров? А Трубицын?*

Три замышлены в Вильне похода:
Паз идет на поляков, а Ольгерд — на пруссанов,
А на русских — Кестут-воевода.

(Пушкин.)

4. Присоединительно-усилительное значение.

Это значение свойственно преимущественно диалогической речи и обычно наблюдается в начале реплики, присоединяющей новую мысль или дополняющей и развивающей ту, которая вызвала у собеседников вопросы и недоумения.

Например: «А дура-то врет, врет, да и правду соврет,—сказала старшая сестра хозяина» (Пушкин, «Арап Петра Великого»).

Союз *но*, в отличие от союза *а*, имеет строго очерченный, логически измеренный круг употребления. Этот союз обозначает резкое, энергичное, логически взвешенное противопоставление или возражение. У него, в сущности, одно основное значение.

В связи с этой грамматической определенностью значений союза *но* стоит его субстантивированное употребление: *есть одно «но»; маленькое «но»; не возражайте: я знать не хочу никаких «но»;* «Всегда ждут нас, где мы не думаем, разные скверные «но» (Лесков). Все оттенки употребления этого союза, сводящиеся к выражению разных видов противопоставления или исключения, разных мотивов и степеней возражения или уступления, не выходят за пределы его основного противительного значения: Например:

«Я лежала как будто в забытьи, но сон не смыкал моих глаз» (Достоевский). «Дико и странно может показаться все это, но я пишу одну правду» (Гаршин). «Его имя Вернер, но он русский» (Лермонтов).

Полюбите вы снова: но...
Учитесь властвовать собою.

(Пушкин.)

«Он не уступал ничего из своих убеждений, но никогда никакой злобы, никакой ненависти не было в его выражениях» (Достоевский).

«Лучков неловок и груб, — с трудом выговорил Кистер: — но...

— Что «но»? Как вам не стыдно говорить «но»? Он груб и неловок, и зол, и самолюбив... Слышите: *и*, а не *но*» (Тургенев, «Бреттер»).

При ослаблении резкости противопоставления *но* несколько сближается с союзом *а* (*а между тем; а все-таки*). Однако в союзе *а* гораздо ярче выступает субъективная окраска.

Субъективная окрашенность союза связана с резкими экспрессивными колебаниями его значений. Круг значений и оттенков такого союза очень пестр и даже противоречив. Например, союз *да* совмещает (как и союз *а*) разнообразные оттенки соединительного и усилительно-присоединительного значений с разновидностями значения противительного. К противительному значению союза *да* примыкает его употребление в функции усилительной частицы с оттенком противопоставления. Вот несколько примеров присоединительного употребления *а*:

И что их [князей] труд? Травить лисиц и зайцев,
Да пировать, да обижать соседей,
Да подговаривать вас, бедных дур.

(Пушкин, «Русалка».)

Гремят тарелки и приборы,
Да рюмок раздается звон.

(Пушкин.)

Мое желание — покой
Да щей горшок, да сам большой.

(Пушкин.)

«Я там чуть не умер с голода, да еще вдобавок меня хотели утопить» (Лермонтов, «Тамань»).

Мой Мишка на часах,
Да он и не без дела.

(Крылов.)

Соединительное *да* видно в таком сочетании:

«Эй, Дуня! — закричал смотритель: — Поставь самовар да сходи за сливками» (Пушкин, «Станционный смотритель»).

А вот — иллюстрации к употреблению *да* в качестве усилительной частицы:

— Вы сколько пользы принесли?
— Да наши предки Рим спасли.

(Крылов.)

— Скажи, которая Татьяна?
— Да та, которая грустна.

(Пушкин.)

Различия в значениях союза могут зависеть от употребления его в предложениях разной модальной окраски. Особенности модальных типов речи накладывают резкий отпечаток на значения союза. Так, союз *или* употребляется в повествовательных и в вопросительных высказываниях. Резкая экспрессивная граница между его значениями проходит именно по линии размежевания повествовательных и аффективно-вопросительных предложений. Например:

«Виноват ли был учитель **или виновата** была ученица, но каждый день повторялось одно и то же» (Л. Толстой, «Война и мир»). «На втором стакане сделался он разговорчив; вспомнил или показал вид, будто бы вспомнил меня» (Пушкин).

Или с девой молодой
Пойман был ты у забора,
И, приняв тебя за вора,
Сторож гнался за тобой?

Иль смущен ты привиденьем,
Иль за тяжкие грехи,
Мучась диким вдохновеньем,
Сочиняешь ты стихи?

(Пушкин.)

Все значения союза *или*, кроме вопросительного, находятся в ближайшей смысловой связи. В самом деле, разделительное, разделительно-перечислительное, пояснительное (например, в фразе: «инфинитив, или неопределенная форма глагола») и присоединительно-заключительное (например: *на дне рек, озер или морей*) значения этого союза одинаково опираются на признак разделительного или объединительного сопоставления мыслей, исключающих или заменяющих друг друга.

В употреблении простых, неделимых союзов обращает на себя внимание бедность и примитивность отвлеченных логических отношений, непосредственно выражаемых ими, при богатстве и разнообразии значений переносных, экспрессивных. История русского литературного языка показывает, что процессы экспрессивного осложнения простых союзов усиливаются во второй половине XVIII в. Они достигают высшего напряжения в творчестве Карамзина, Батюшкова, Жуковского и особенно Пушкина[14].

§ 3. Производные и составные союзы

Простым, первообразным союзам противопоставляются производные. Однако граница между теми и другими в современном русском языке не всегда проведена достаточно четко и резко. Некоторые союзы — в силу полной или частичной омонимии с формами местоимений, а также местоименных наречий и частиц — сохраняют оттенок производности (например: *как, чем, пока* и т. п.). Кроме того, многие составные союзы, особенно те, которые включают в себя союз *что*, разлагаются на части. Они могут быть фразеологическими единствами на расстоянии (например: *Я потому не пришел к тебе, что был болен*). В силу этого приходится объединять с производными союзами и некоторые простые, выступающие в качестве эквивалентов составных и производных союзов.

Среди производных союзов современного русского языка выделяются семь основных морфологических разрядов, включая сюда и гибридные типы союзных слов.

1. Разряд союзов относительного типа, т. е. союзов, генетически связанных с относительными местоимениями или включающих в себя формы относительных местоимений. Этот разряд очень сложен по своему морфологическому составу. В него вхо-

дят и простые союзы, омонимичные с формами относительных местоимений или родственные по корню с относительными местоимениями. Сюда же относятся целые фразеологические единства, состоящие из предлога с указательным местоимением и относительного слова, или из предлога, имени существительного, указательного местоимения и относительного союза, или из наречия и относительного слова. В основе всех союзов этого разряда лежат местоименные (или отместоименные) слова и формы: *что (=штъ)*, *чем*, *как*, *когда* и приставочное *пока* (просторечное *покамест*, областное—*покуда*). В зависимости от значений этих опорных союзов находится и круг грамматических отношений, выражаемый сложными союзами этого разряда. Это главным образом временные, причинные, сравнительные, следственные, отчасти целевые отношения. Например, причинные: *потому что*, *в силу того что*, *вследствие того что*, *оттого что*, устарелое *затем что*:

Зачем арапа своего
Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?
Затем, что ветру, и орлу,
И сердцу девы нет закона.
(Пушкин.)

И снова я с людьми, — затем, что я поэт.
(Брюсов.)

для того что и др.; следственные: *так что*, *до того что* («И до того мне стало вдруг стыдно, что буквально слезы потекли по щекам моим» — Достоевский); ср. уступительные: *несмотря на то что*, *не взирая на то что*. Особую группу составляют сравнительный союз *чем* («Чем на мост нам идти, поищем лучше броду» — Крылов) и временной союз *прежде чем*.

Как известно, составные союзы, включающие в себя союз *что (и чем)*, могут раскалываться таким образом, что первая наречно-указательная часть союза остается в системе управляющего предложения, логически разъясняя значение союза *что*, начинающего зависимое предложение.

Ср.: *Оттого телега запела, что долго дегтю не ела* (пословица).

За то, что я остался одиноким,
Что я ни в ком опоры не имел,
Что я, друзей теряя с каждым годом,
Встречал врагов все больше на пути, —
За каплю крови, общую с народом,
Прости меня, о родина, прости.
(Некрасов.)

В самом простом союзе *что* до сих пор еще совмещаются значения: изъяснительные, количественные, следственные, сравнительные, причинные (в разговорной речи) и временные. «Я глуп, что осердился» (Пушкин, «Дон Жуан»). Ср. у Крылова в басне «Лжец»: «Чуден и мост... что он лжеца никак не подымает!» *.

* Ср. замечание Л. Поливанова: «У старых поэтов и в языке разговорном также союзом причинным [служит] *что:* «Блажен, блажен еще стократно, что страсти мог свои умерить» (Д.) («Русский синтаксис», сост. Л. И. Поливанов, М. 1886).

Борис еще поморщится немного,
Что пьяница пред чаркою вина.

(Пушкин, «Борис Годунов».)

«Печи, что твои слоны» (Тургенев). «Девица плачет, что роса падет» (Пушкин). «Что час, то короче к могиле наш путь» (Студенческая песня.)

Что миг — свободней дышит грудь;
Что шаг — торжественнее путь.

(Майков.)

Ср. устарелое и областное *что*—во временном значении (=лишь только) у Грибоедова в языке Лизы: «Что встанет — доложу-с» («Горе от ума»).

В составных союзах, сложившихся на основе союза *что*, круг значений сократился по сравнению с старинным логически нерасчлененным употреблением. Он ограничивается причинными, следственными, сравнительными и количественными отношениями, но зато эти значения выступают в логически расчлененном, дифференцированном виде, с разнообразными оттенками.

Выражение причинных отношений в русском языке складывается отчасти на основе переосмысления временных отношений, например: *затем что* (ср. объединение временных, причинных и целевых значений в наречии *затем*); *потому что* (т. е. post hoc ergo propter hoc), отчасти на основе отношений сходства и сравнения (например: союз *так как*)*.

А. А. Потебня заметил: «Понятие причины производно. Первое — сочетание образов по сходству или противоположности, по соприкосновенности или близости в пространстве и последовательности во времени (=одновременность=последовательность). Затем то, что в сочетании есть объясняющее (сказуемое), может стать причиною объясняемого, будет ли оно сходно или противно, одноместно или одновременно»[15].

Не менее широка и разнообразна группа союзов, сложившаяся на основе местоименной частицы *как*. Известно, что *как* совмещает в себе временные значения («Только усмехаюсь, как заслышу бурю»— Некрасов, «Буря»), сравнительные («Как невозвратная струя, блестит, бежит и исчезает, так жизнь и юность убегает» — Пушкин), условные («Как зарубил что себе в голову, то уж ничем его не пересилить» — Гоголь; «И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, — такая пустая и глупая шутка» — Лермонтов, «И скучно и грустно»).

С оттенком устарелого канцелярского стиля *как* (обычно в сочетании с предшествующими *и*, *а*, *но*) употреблялось в языке XIX в.

---

* Ср. французские que, немецкое dass, английское that; ср. также в романских языках après que, pour que, afin que; depoché, finoché, perché и т. д. в немецком auf dass, ohne dass, nachdem, seitdem, damit и т. д. Ср. замечания К. Фосслера о старофранцузском que в «Frankreichskultur im Spiegel seiner Sprachentwicklung» (1921, стр. 62); ср. В. Жирмунский, Национальный язык и социальные диалекты, 1931, стр. 86—87.

и в причинном значении («И как уголок их был почти непроезжий, то неоткуда было почерпать известия о том, что делается на белом свете» — Гончаров). Ср. *как не* в вопросительном предложении (в значении: если не, кроме): «Что ж и составляет величие человека, как не мысль?» (Пушкин, «Путешествие из Москвы в Петербург»). «Кто же, как не автор, должен сказать святую правду?» (Гоголь, «Мертвые души»).

В группе составных союзов, сложившихся на основе союза *как*, круг общих значений остался почти тот же. Но соответствующие категории грамматических отношений в них выступают в логически расчлененном, семантически диференцированном виде — с тонкими смысловыми оттенками.

Из составных союзов, включающих в себе *как*, следует отметить союзы: временные: *как только*, *между тем как*, *тогда как*, *в то время как*, *с тех пор как*; количественные: *по мере того как*; сравнительные: *подобно тому как*, *как*; причинные — *так как*.

Союз *так как* стал идиоматическим сращением не раньше конца XVIII в. (ср. у Крылова в пьесе «Урок дочкам»). Это сращение образовалось из слияния двух местоименных наречий: *так*, *как* — в официально-деловом языке и в близких к нему стилях повествовательной прозы. Причинное значение развилось из сравнительного. Этот союз получил окончательную литературную санкцию не ранее 40—50-х годов XIX в.*.

В языке Пушкина союз *так как* в причинном значении иронически употреблен лишь однажды в «Евгении Онегине»:

Сначала все к нему езжали;
Но так как с заднего крыльца
Обыкновенно подавали
Ему донского жеребца,
Лишь только вдоль большой дороги
Заслышит их домашни дроги: —
Поступком оскорбясь таким,
Все дружбу прекратили с ним.

Ср. в «Записках» Д. Н. Свербеева (М. 1899, т. I, стр. 77): «Поелику (этим вышедшим из употребления, но благозвучным и более логичным словом заменяю ненавистное мне союз или наречие *так как*)».

---

* Ср. замечание Л. Поливанова: «Союз *так как* (удобство которого в том, что сопровождаемое им придаточное предложение может стоять и перед главным) весьма редко употребляется образцовыми писателями, как неблагозвучный. Вместо него (всегда после другого союза) они обыкновенно ставят *как:* «...а как сам Сократ ничего не писал, то... мы должны полагаться на Ксенофонта и Платона» *(К.)*. «Жаловались на то, что немцы живут в их приходах..., но как государь уважал иностранцев, то сии жалобы не имели успеха» *(К.)*. «Петр Великий запретил коленопреклонение, а как народ того не слушал, то Петр Великий запретил уже сие под жестоким наказанием» *(П.)*. «Таких... пыжей можно положить в один карман более сотни, но как у многих деревенских охотников нет... материала для вырубки пыжей, то они употребляют...» *(С. А.)* («Русский синтаксис»).

Небольшую замкнутую группу среди союзов относительного типа образуют временные союзы: *пока*, *покамест*, областное *покуда* (ср. *покудова*), *когда*.

От временных союзов легок переход к условным. Временные отношения по характеру выражения частично совпадают в русском языке с условными (ср. совмещение временных значений с условными в союзе *когда*: «Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно» — Лермонтов). Поэтому значительная часть временных союзов относится к другому разряду (к разряду союзов с модальной окраской).

Легко заметить, что основные значения союзов относительного типа: временные, причинные, сравнительные, следственные, в русском языке образуют родственную, семантически связанную систему грамматических отношений. Причинные значения легко возникают из временных, и, следовательно, временные значения смежны с причинными. Сравнительные значения также находятся в близком родстве с причинными и временными (ср. историю значений союза *как*). Значения причины и следствия настолько близки, что некоторые грамматисты находили возможным рассматривать их как оттенки одного значения. Так, проф. В. А. Богородицкий в своем общем курсе русской грамматики сливает их в один тип, служащий для выражения причины и следствия.

2. К союзам относительного типа тесно прилегает гибридный разряд относительных союзных слов (*который*, *какой*, *чей*, *кто*, *что*, *где*, *куда*, *откуда*, *когда*, *зачем*, *почему*, *отчего*, *сколько*, *насколько*, *поскольку* и т. д.), которые, спаивая одно предложение с другим, в то же время не теряют характерных признаков имен прилагательных, местоимений и наречий. Слова этого типа совмещают в своей структуре и в своем употреблении грамматические функции и формы частей речи и частиц речи.

3. В тесной связи с союзами относительного типа находится разряд союзов с модальной окраской гипотетичности, ирреальности, включающих в себя частицу *бы*. Некоторые из союзов этого разряда представляют собою сращение частицы *бы* с относительными союзами или с фразеологическими единствами, образованными из предлога, указательного местоимения и относительного союза. Таковы: *чтобы*, *так чтобы*, *вместо того чтобы*, просторечное *кабы*, *как бы*, *когда бы*, *как будто бы* и т. п. Сюда же примыкают и фразеологические единства и сращения, представляющие собою сочетание частицы *бы* с союзами условными или уступительными, например: *если бы*, *добро бы*, *вжели бы*, *хотя бы* и т. п., ср. также *будто бы*. Например: «Для того, чтобы они поняли нашу правду скорей, мы должны идти вперед» (Горький).

В пределах этого разряда умещаются союзы целевые, следственно-целевые, ирреально-изъяснительные, ирреально-сравнительные и условные. Они все объединяются общим значением гипотетической, или ирреальной модальности.

4. Союзы с модальной окраской условности, составленные из модальных частиц и наречий. Среди этих союзов выделяются в особую группу условные союзы, оканчивающиеся на *-ли*: *если*, *ежели* (ср. устарелое *нежели*), *коли* (коль). Они объединяются наличием в их составе модальной частицы *-ли*.

5. Далее обособляется разряд условно-временных союзов, совпадающих с модально-ограничительными частицами: *едва*, *едва только*, *лишь*, *чуть*, *чуть лишь*, *лишь только*, *только* (ср. *только что*) и другие:

И только небо засветилось,
Все шумно вдруг зашевелилось.

(Лермонтов.)

Таким образом, в этой группе оказываются условные и временные союзы (при этом временные — с особенным оттенком близкого, почти мгновенного, иногда внезапного следования одного факта за другим).

6. Немногочисленная группа союзов-частиц и отчасти союзов-наречий своеобразной модальной окраски, означающих уступку, допущение и усиление: *пусть*, *пускай;* устарелое *пожалуй*, *правда*, просторечное *даром что*, *благо* и некоторые другие. Например: «Начальство имеет тонкие виды: даром что далеко, а оно себе мотает на ус» (Гоголь, «Ревизор»); «Он весь был ясно виден, даром что ехал в тени» (Тургенев); «Меня жгло как огнем от ее присутствия... Но к чему мне было знать, что это был за огонь, на котором я горел и таял, — благо мне было сладко таять и гореть» (Тургенев, «Первая любовь»).

7. За пределами этих шести разрядов остается пестрая масса гибридных слов, в которых союзные функции являются как бы придатками к их основной грамматической роли наречий, модальных слов или присоединительных частиц. Этими союзными словами выражаются иные и притом очень разнообразные оттенки логико-синтаксических отношений между отрезками речи. Значительных и вполне определенных типов с окончательно оформившимся грамматическим содержанием в этой сфере пока еще не выработалось. Поэтому достаточно указать на союзное употребление таких слов, как: *вот* («Садись чай пить, вот и разговор весь» — Л. Толстой), *так*, *тогда* (ср. *если — тогда*), *потом*, *значит*, *несмотря на то* и т. п.

§ 4. Общие семантические особенности производных союзов в русском языке

Бросаются в глаза две общих особенности русских производных союзов. Большая часть производных союзов еще не достигла той степени абстрактного значения, которая резко отделяла бы их от системы знаменательных частей речи. Генетическая связь многих из этих союзов с именами существительными (*в силу того что*, *до тех пор пока*, *с тех пор как*, *в то время как*, *по мере того как*, *правда* и другие), с местоименными словами и особенно с наречиями (*даром*

что, *затем что*, *пока*, *покамест*, *прежде чем* и т. д.) непосредственно очевидна.

В оформлении составных союзов, преимущественно тех, что восходят к относительным словам, играют большую роль предложные сочетания (ср.: *вследствие того что*, *ввиду того что*, *подобно тому как*, *с тем чтобы*, *для того чтобы*, *от того чтобы* и т. п.).

Взаимодействие союзов с другими типами частиц речи, например, с модальными частицами, прямое и непосредственное.

Таким образом, в большей части производных союзов русского языка сохраняются живые связи с другими грамматическими категориями. Многие из этих союзов являются конкретными фразеологическими единствами. В них смысловая «идиоматичность», неразложимость союзного речения, еще не вполне установилась. Это — фразеологические единства, в которых еще ощутимы отдельные компоненты. Отсюда характерная особенность некоторых составных союзов — распадаться на части таким образом, что указательные компоненты, отделяясь от союзов *как* или *что*, входят в строй определяемого предложения как обстоятельственные наречия. Поэтому-то А. А. Шахматов даже думал, что все вообще союзы русского языка восходят к наречиям, утратившим часть своего реального значения. «Наречия, как и местоимения в относительной функции, могут иметь служебную роль: *когда* temporale остается наречием, но *когда* conditionale — уже союз *(когда так, я бросаю работу)*; *лишь* в значении «только» — наречие *(еще лишь слово!)*, но в *лишь только*, *лишь бы* — это союз; в *он так же богат, как... так* и *как* — наречия, но в *отец, а также мать* — это союз; *будто* в вопросе — наречие, а в фразе: *Говорят, будто его здесь нет*, — это союз»[16].

В русском языке наблюдается тесная связь и взаимодействие между союзами и модальными словами и частицами. Ср., например, употребление в роли союзов таких модальных слов, как: *пусть*, *пускай*, *благо (бери благо дают)*, *едва*, *лишь*, *чуть*, *словно* и т. п. А. А. Потебня не раз отмечал переход модальных слов в союзы. Например, указывая на то, что в областных русских говорах *иногда*, *иногды (инолды, иновды)* употребляется в функции условного союза *(если)*, А. А. Потебня этот переход ставил в связь с употреблением этого наречия в роли модального слова. Значение «если» в *иногды* возникло из модальных значений: может быть, вероятно, возможно. «Переход от «иной раз», «порою» к значению «может быть», «вероятно», «возможно» встречается и в других случаях; неопределенность времени совершения события служит представлением только возможности (а не действительности), сомнительности события: так, в польском czasem=*порою*, *иногда*, а затем и *быть может*, в украинском *часом*—как усиление *може*: «може часом нема, так я дам»[17].

Не подлежит сомнению, что это развитие модальных союзов в истории русского языка стало протекать особенно напряженно в связи с разрушением стародавней славянской системы видов, вре-

мен и наклонений. Функции глагольных наклонений восполнялись и осложнялись модальными частицами. Связанная с этими явлениями утрата большей части форм «вспомогательного глагола» *быть* имела громадное влияние на историю модальных союзов. А. А. Потебня с полной убедительностью раскрыл процесс исторического распадения составных форм будущего времени из *буду* и причастия на *-л* на условный союз *буде*, «ставший сначала модальным знаменателем изъявительного глагола», указателем его наклонения, и форму глагола на *-л* (ср.: «Буде-б ты не дурил, дураком бы не слыл»). С историей *быть* связана этимология модального союза *будто* (ср. областное *быдто*). Можно вспомнить также и огромную роль отглагольной частицы *бы* в образовании модальных союзов. Сюда же относится и история союза *если*. «Наше *если* выражает условность, подвергая сомнению существование события, принимаемого за условие: оно — из вопросительного *есть ли?*»[18].

Потебня наметил вехи и того пути, каким пришли к роли модальных частиц и союзов некоторые указательно-местоименные слова. Так, по его мнению, из непосредственного местоименного указания на будущее событие (*во-се, а-во-се*—только что, недавно) произошло *авось* (из *а-во-се*) как «знак вероятности»[19]. Сходным образом развивались условные и временные значения в *только*[20]. Первоначально в *только* заключалось указание на недавнее или наличное, которое принимается за основание другого события. А отсюда затем возникает значение условия и значение обусловленности во временной последовательности.

Это тесное взаимодействие между русскими союзами и модальными словами, повидимому, глубоко почувствовал А. А. Шахматов. Во всяком случае, знаменательно, что в своих набросках о союзе он включает в систему союзов все модальные частицы. «Союзы — это такие слова, как: *ведь*, означающее причину; *же* — противоположение; *мол* — передачу собственных слов говорящего, сказанных им раньше; *гыт* — передачу слов третьего лица; *с* означает почтительность и вежливость; *бишь* — оговорку при припоминании».

«Союзами являются и *видите ли, так сказать* и тому подобные выражения, означающие переход от одной мысли к другой или просто средства возбудить внимание собеседника». Характерны также такие намечаемые Шахматовым группы союзов: «Союзы, обнаруживающие волю, настроения говорящего в пределах предложения *(ли, же, ведь)*. Союзы, обнаруживающие ту или иную цель говорящего *(гыт, мол, с)*. Союз *бы* при глагольных формах»[21].

Модальные значения и оттенки русских союзов совершенно не изучены. Между тем, этот вопрос крайне важен для выяснения природы тех грамматических отношений, которые устанавливаются союзами между синтаксическими единицами, между предложениями. На различиях в модальности высказыванья основано различие типов предложения. Различия в модальных значениях союзов играют большую роль в дифференциации разных типов сцепления предложений, разных видов зависимости между ними.

Таким образом, система союзов отражает сложный и смешанный строй современного русского языка.

Количество первообразных, непроизводных союзов невелико, но их значения крайне разнообразны и широки. Местоименные союзы, влившиеся в сферу первообразных союзов, гораздо более связаны с составными союзами, а также с наречиями и частицами. Количество производных союзов велико, и морфологические разряды их очень разнообразны.

В значительной своей части эти союзы конкретны. Они связаны с другими грамматическими категориями. Многие из союзов выступают и в роли других частей речи. Как и в области предлогов, в кругу союзов особенно интенсивно развивается тип устойчивых составных выражений, фразеологических единств. Очень многие союзы осложнены модальными значениями. В системе русских союзов диалектически совмещается обилие пластических конкретных слов и выражений, выполняющих функции союзов и идущих из живой речи, и богатство отвлеченно-аналитических союзов-частиц и союзных речений, выражающих разные виды логической связи между предложениями в книжном языке.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ «СОЮЗЫ»

1. А. М. Пешковский, Русский синтаксис[6], стр. 398.
2. Ср. сопоставление предлогов и союзов у A. Noreen, Einführung in die wissenschaftliche Betrachtung der Sprache, Halle, 1923, стр. 313, 314.
3. О семантических соответствиях между кругами отношений, выражаемых предлогами и союзами, см. также у Alb. Sechehaye, Essai sur la structure logique de la phrase, pp. 205—210.
4. Проф. Д. Н. Овсянико-Куликовский, Синтаксис русского языка[2], стр. 274.
5. Ср. Alb. Sechehaye, Essai sur la structure logique de la phrase, pp. 205—206.
6. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, вып. II, стр. 98.
7. Ср., например, у М. Н. Петерсона в «Очерке синтаксиса русского языка» (Гиз, 1923) главу III: «Паратаксис и гипотаксис» (стр. 28—33).
8. А. М. Пешковский, Русский синтаксис[6], стр. 411.
9. Ср. Alb. Sechehaye, Essai sur la structure logique de la phrase, pp. 181—184.
10. Ср. Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров, Русский язык, стр. 137. Ср. статью В. Павловского «Существуют ли в русском синтаксисе придаточные уступительные предложения?» («Филологические записки», 1911, № 1).
11. А. М. Пешковский, Русский синтаксис[6], стр. 431—432.
12. Там же, стр. 429.
13. К. С. Аксаков, Сочинения филологические, ч. I, стр. 638.
14. См. В. В. Виноградов, Стиль Пушкина, Гослитиздат, 1941.
15. А. А. Потебня, Из записок по теории словесности, стр. 494.
16. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, II, стр. 99.
17. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. IV, стр. 222.
18. Там же, т. I—II, стр. 291—296.
19. Там же, стр. 297.
20. Там же, стр. 299.
21. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, вып. II, стр. 99.

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА И ЧАСТИЦЫ. ИХ РАЗРЯДЫ

§ 1. Модальные слова как особый грамматический тип

Грамматические отношения могут быть двоякого рода: либо объективно-синтаксические отношения между словами в словосочетании, в предложении, либо отношения всего высказыванья или предложения к реальности, называемые субъективно-объективными, или модальными. В кругу модальных отношений обыкновенно рассматривают отрицание и утверждение, всякого рода наклонения, разнообразные субъективные оттенки значений, облекающие формы времени, и т. п.

Модальные отношения выражаются не только грамматическими формами глагола или особыми формальными показателями. Они могут выражаться также своеобразным «вводным» использованием как форм разных частей речи, так и целых синтагм или даже предложений. Но в русском языке для выражения категории синтаксической модальности существует и отдельный лексико-семантический разряд слов. Понятно, что многие слова и даже вводные словосочетания и «предложения», обозначающие отношение предложения или частей его к реальности, могут превратиться в частицы и грамматикализоваться, т. е. они становятся простыми грамматическими выразителями модальности предложения, лишенными лексической самостоятельности и раздельности.

Модальные слова в живом процессе речи не примыкают к одним и тем же членам предложения и не служат определением или распространением слов какого-нибудь одного или нескольких грамматических классов. Они стоят вне связи с какими-нибудь определенными частями речи. Они выражают модальность высказывания в целом или отдельных его компонентов. Иногда они выступают в роли стилистического ключа, открывающего модальность предложения. Иногда они оправдывают, мотивируют выбор или употребление отдельных слов, подчеркивая их экспрессию. Во всех этих случаях модальные слова лежат как бы в иной грамматической плоскости по сравнению со всеми другими элементами высказывания, хотя нередко и приближаются к частицам речи (частицам). По мнению грамматистов, они находятся «вне предложения», лишь «примыкая» к нему (Овсянико-Куликовский). Не вступая в связь с другими словами, «они не являются членами предложения, хотя бы даже служебными» (Пешковский). Они нередко выделяются и интонационно. Модальные слова и частицы определяют точку зрения говорящего субъекта на отношение речи к действительности или на выбор и функции отдельных выражений в составе речи. Выражая оценку высказываемой мысли или способа ее выражения, они граничат одной своей стороной с «частицами речи», с реляционными словами, но резко отличаются от основных разрядов или классов их (предлогов и союзов) своими синтаксическими функциями. Так как этот класс слов (и примыкающих к ним частиц)

в русском языке стремительно возрастает (особенно в XVIII—XX вв.), включая в себя и устойчивые фразеологические единства и сочетания, то и морфологические типы слов и фразеологических единиц, в него входящих или к нему тяготеющих, очень разнообразны и разнородны*.

§ 2. Вопрос о модальных словах в грамматической традиции. Указания на связь модальных слов с категорией наречия и на близость их значений к функциям глагольного наклонения

Своеобразное положение модальных слов в ряду других грамматических категорий отмечалось в руководствах по русскому языку с начала XIX в. Но четкой грамматической характеристики этого типа слов там найти невозможно. Модальные слова долго не выделялись как самостоятельная категория. Они смешивались с наречиями. Это естественно. Недаром в славяно-русских грамматиках до конца XVII в. даже междометия включались в класс наречий. Категория наречий исстари являлась свалочным местом для всех так называемых «неизменяемых» слов. Однако для отнесения модальных слов к наречиям были и другие, более близкие исторические причины: многие модальные слова образовались из наречий. Грамматическое своеобразие модальных слов давно бросалось в глаза. Но скованные теорией античной грамматики, русские лингвисты XIX в. рассматривали их в составе наречий как особый разряд. Так, Востоков называет модальные слова наречиями, «определяющими подлинность действия и состояния». Смешивая их с наречиями и частицами, он различает пять групп «наречий» с модальными оттенками.

«I. Вопросительные: *разве, неужели, ужели.*

II. Утвердительные: *подлинно, истинно, в самом деле, действительно* и пр.

III. Предположительные: *авось, может быть, никак, едва ли, чуть ли, вряд* и пр.

IV. Отрицательные: *не, ни.*

V. Ограничительные: *токмо, только, единственно, лишь*» [1].

Н. И. Греч также выделил в особый разряд «наречия, определяющие свойство и образ бытия, существования предмета, а именно:

а) с утверждением: *подлинно, истинно, неоспоримо, точно, непременно;*

б) с показанием возможности: *может быть, авось, вероятно, чуть ли, едва ли, вряд ли* и пр.;

в) с отрицанием: *не, отнюдь не, никак, нимало;*

г) с выражением вопроса: *разве, неужели*» [2].

В последующих грамматических описаниях русского языка модальные оттенки этих слов и частиц очерчиваются еще ярче. В центре внимания оказывается вопрос об отношении их к другим формам выражения модальности суждения в русском языке. Так, отмечается тесная связь «вводных

---

* Неясен смысл такого замечания проф. Д.В. Бубриха о модальных словах: «Это — слова, развивающиеся в обстановке синтаксической изоляции, теряющие всякую морфологию (не говоря о рудиментах) и качественно «обесцвечивающиеся». Принято приспособлять к этим словам термин «модальные слова». Но этот термин, сам по себе не слишком удачный (его связь с латинским modus оказывается слишком «вольной»), имеет то отрицательное свойство, что используется применительно к словам только вводного типа. Между тем синтаксическая изоляция существует не только на основе вводности, как это ясно хотя бы из «да», «нет». Лучше было бы называть рассматриваемые слова прямо грамматически, бескачественными словами». («Вестник Академии наук СССР», 1946, № 4, стр. 102).

слов» с категорией наклонения (т. е. категорией глагольной модальности). Например, в «Опыте общесравнительной грамматики» И. И. Давыдова (1852) читаем: «Кроме наклонений, к тому же служат некоторые наречия, придаваемые сказуемому для действительности: *точно, подлинно, действительно;* для возможности: *может быть, ведь, авось, едва ли, вероятно;* для необходимости: *непременно, должно быть, знать, видно, стало быть*» (стр. 282).

Русская грамматическая наука постепенно приходит к сознанию необходимости рассматривать модальные слова как особую категорию. Синтактико-генетическая точка зрения на эту категорию, выдвинутая Потебней (ср. хотя бы его анализ слова *знать* во втором томе «Из записок по русской грамматике»), оказала решающее влияние на современное грамматическое учение об этих словах. Потебня доказывал происхождение модальных слов из вводных предложений и подчеркивал их независимое положение среди других членов предложения. Самое название модальных слов «вводными» только внешне обозначало их место в связной речи, но не определяло их внутренней грамматической природы в современном языке. Впрочем, отголоски старого смешения модальных слов с наречиями очень заметны в «Общем курсе русской грамматики» В. А. Богородицкого и в «Синтаксисе русского языка» акад. А. А. Шахматова. Проф. В. А. Богородицкий целиком сливает вводные слова с категорией наречия. А. А. Шахматов во втором (необработанном) выпуске своего «Синтаксиса», излагающем теорию частей речи, распределял модальные слова без всякой системы по разным грамматическим категориям, руководствуясь внешними и разнородными признаками. Большая часть модальных слов им присоединяется к наречиям и — что не совсем обычно — к союзам.

В категорию наречия Шахматов зачисляет такие слова, как: *небось, мол, знать* и т. п.[3]. Однако некоторые из тех же модальных слов попадают и в союзы. Так, Шахматов называет союзами «*видите ли, так сказать* и тому подобные выражения, означающие переход от одной мысли к другой или просто средство возбудить внимание собеседника» (стр. 99). Кроме того, вскользь А. А. Шахматовым отмечается разряд «союзов, обнаруживающих ту или иную мысль, ту или иную цель говорящего *(гыт, мол, с)*» (стр. 99). Как и во многих других случаях, А. А. Шахматов и тут находит пути глубокого синтеза разных взглядов.

В первом выпуске «Синтаксиса» он устанавливает взаимодействие между «вводными предложениями» и категорией наречий-обстоятельств. В специальном разряде, посвященном «вводным словам» в составе предложения, А. А. Шахматов пишет: «В значительном числе случаев значение и грамматическую функцию таких слов можно сравнить со значением и функцией обстоятельств, следовательно, наречий, но связь вводных слов со сказуемым (или главным членом предложения) гораздо слабее, чем связь с ним обстоятельств; они представляются устранимыми без нарушения смысла предложения, а формальным их отличием является возможность быть замененными полным предложением. Это обстоятельство стоит в связи с самым происхождением вводных слов. Они являются редуцированными по своему смыслу предложениями»[4].

А. А. Шахматов тонко описывает синтаксические процессы сближения и смешения модальных слов с наречиями.

Он выделил особую категорию «сопутствующего обстоятельства», которое выражается «наречием: 1) не зависящим от того или другого слова в предложении, но занимающим тем не менее второстепенное место, зависимое от всего предложения в его совокупности; 2) зависящим от отдельного слова». Эту группу наречий А. А. Шахматов тесно связывает с вводными словами *. И действительно, в большей своей части разряд шахматовских «сопутствующих обстоятельств» состоит из модальных слов.

---

*А. А. Шахматов, «Синтаксис русского языка», вып. I, стр. 417—422. Любопытно, что многие исследователи, настаивая на необходимости точного грамматического определения функций и состава наречий, все же

Например: «А мне, *никак*, опять есть хочется» (Тургенев, «Холостяк»); «Вам теперь есть, *поди*, нечего, а она в колясках разъезжает» (Горбунов, «Смотрины и сговор»); «Делать ей нечего — вот она хвост и треплет... Хвостотрепка! *Право*, хвостотрепка!» (Е. Карпов, «Зарево»). «Он, *видно*, замученный пирушкой или делом, сидел на свернутой постели и дремал» (Л. Толстой, «Война и мир»). «Чай-то от хозяйки, *что-ль?*—спросил он... Она поставила перед ним свой собственный, надтреснутый чайник» (Достоевский, «Преступление и наказание»).

А. А. Шахматов первый указал пути и возможности перехода наречий в модальные слова. Так как модальность предложения, помимо вводных слов, выражается формами наклонения, то А. А. Шахматов стремился точнее определить отношения между вводными словами и формами наклонения. Выделяя особое «недействительное наклонение» (форму прошедшего времени с частицей *было)*, А. А. Шахматов отмечает частое «сопровождение» его модальными словами *чуть, едва (Она чуть было не заплакала с досады; Он едва не ударил меня)*. «Предположительное наклонение», морфологически обнаруживающееся лишь в употреблении *будет* со значением настоящего времени *(Он будет дома; Вы будете такой-то)*, чаще всего, по Шахматову, аналитически выражается словами: *кажется, вероятно, едва ли, чуть ли не, может быть* и т. п.—в сочетании с формами изъявительного наклонения[5].

После работ Шахматова близкая связь модальных слов с наречиями и частицами, а также тесное взаимодействие их с категорией наклонения стали очевидны для многих. Грамматики учили: «К частицам, обозначающим косвенные наклонения, близки по значению такие частицы, как: *будто, словно, дескать, де*, указывающие на отношение говорящего к высказыванию, как к чужому, а также частицы вопросительные: *разве, неужели, ли* и пр.». С этими частицами сопоставлялись слова, «выражающие субъективную оценку, сомнение или уверенность: *авось, будто, вряд ли, именно, как-нибудь, как раз, конечно, наверняка, небось, никак, поди, право, просто, разумеется, словно, так* (не смешивать с союзами *будто, словно, так* и с наречиями определительными: *никак, просто, так*)». Например: «*Как никак*, а если ехать, то уже пора» (Чехов); «*Никак* ты пьян?» (Горбунов); «*Просто* беда моя» (Горбунов): «Она *просто* никто... Человек без прошлого» (Лесков, «На ножах»).

В предшествующей грамматической традиции отмечены такие черты в строе и составе модальных слов:

1) Тесная связь многих разрядов модальных слов с наречиями. Наречия легко переходят в модальные слова или сближаются с ними по синтаксической функции. Ослабление синтаксической связи между наречием и тем словом, к которому оно примыкает, способствует этому переходу*.

находят возможным объединить с наречиями модальные слова, хотя бы под названием «наречий к предложению» или «наречий предложений» (что в общем вполне соответствует понятию «сопутствующего обстоятельства» в концепции Шахматова). См., например, в книге A l b. S e c h e h a y e Essai sur la structure logique de la phrase (Paris 1926) § 4 главы IV («Le complément intrinsèque», стр. 61—66) и § 6 главы VII («Les compléments et adverbes de proposition. — La conjonction»).

* Ср., например, употребление слова *действительно* в значении наречия: «Коммунизм именно поэтому действительно, единственно и насквозь революционен, что ставит целью своей уничтожение классового общества, классового человека» (Горький, «О пользе грамотности») — и в значении модального слова: «Его что-то, действительно, грызло и мучило» (Тургенев).

2) Наличие, наряду с модальными словами, большого количества модальных частиц. Граница между модальными словами и частицами оказывается очень подвижной. Многие модальные частицы являются результатом семантического «усыхания», или опустошения, слов. Модальные частицы отличаются от других разрядов частиц тем, что они относятся не к какому-нибудь отдельному слову предложения, а к предложению в целом. Ср., например, частицы: *мол*, *де*, *дескать* и т. п.

3) Однородность функций модальных слов и частиц с функциями глагольного наклонения. Относясь ко всему предложению и выражая возможность, нереальность, достоверность и т. п., модальные слова и частицы оттеняют значения глагольного наклонения. Чем менее полновесно модальное слово, тем более его лексическое значение растворяется в общем модальном значении высказывания (например, *Я едва ли завтра уеду*).

4) Широкое распространение модальных значений и оттенков в кругу других типов частиц, кроме предлогов. А. А. Шахматовым была высказана, но не развита мысль о глубоком влиянии модальных слов и частиц на союзы.

5) Функциональная близость модальных слов и частиц к вводным предложениям (и вводным синтагмам).

Эту последнюю мысль поддерживал и Шахматов. Идет же она от Потебни. А дальнейшее развитие она получила в синтаксических трудах Д. Н. Овсянико-Куликовского и А. М. Пешковского.

Так как эта точка зрения заслонила все другие и мешает всестороннему изучению модальных слов, то на ней следует остановиться подробнее.

§ 3. Синтаксическое учение о «вводных словах» как о «редуцированных по смыслу вводных предложениях»

В учении Потебни вводные слова изображались как вводные предложения или как остатки вводных предложений. Этот же взгляд лег в основу анализа вводных слов в «Синтаксисе русского языка» Д. Н. Овсянико-Куликовского. Естественно, что Д. Н. Овсянико-Куликовский рассматривал «вводные слова» как «часть неоконченного, недоговоренного предложения» или «как результат сокращения некогда полного предложения, от которого осталась лишь та или другая часть, иногда превратившаяся в частицу» [6]. Таковы: *само собой*, *мол*, *пожалуй*, *чай*, *будто*, *ведь*, *дескать* и др. Эти мысли подкреплялись ссылкой на «вводные выражения, еще сохраняющие с большей или меньшей ясностью характер предложения»: *так сказать*, *стало быть*, *знать*, *разумеется*, *говоря правду* и т. п.

Однако Д. Н. Овсянико-Куликовскому пришлось, сверх того, говорить и о «вводных наречиях и о других обстоятельственных выражениях» вроде: *словом*, *одним словом*, *конечно*, *повидимому*, *следовательно* (если только они не служат для связи предложений как союзы-наречия). Например: «Он начал, повидимому, утомляться и своей любимой деятельностью» (Гончаров, «Заметки о личности Белинского»). Таким образом, в учении Д. Н. Овсянико-Куликовского о вводных словах появлялось противоречие. «Вводные наречия» типа: *повидимому*, *конечно* и т. п., нельзя связывать с вводными предложениями и нельзя возводить к ним. Овсянико-Куликовский пытался обойти это противоречие терминологически: кроме «вводных слов», он еще допускал «вводные выражения» и «вводные наречия». Но функции всех

этих разрядов однородны, и противоречие оставалось неустраненным. Было непонятно, чем «вводные наречия» отличаются от других видов наречия и почему их приходится изучать только в синтаксисе, тогда как другие наречия и частицы рассматривались и в морфологии.

А. М. Пешковский, развивая мысли Д. Н. Овсянико-Куликовского, изображает еще подробнее процессы изменения «предложений, вставленных в середину других предложений, но не соединенных с ними грамматически», и перехода их в вводные слова, а иногда и в частицы. Особенно подчеркиваются Пешковским интонационные своеобразия вводных выражений. «При этом, чем короче такое выражение и чем чаще оно употребляется, тем больше оно теряет свое первоначальное значение (ср., например, *видите ли*, когда нечего видеть, *одним словом*, когда употребляется очень много слов, и т. п.). Если это первоначальное значение совершенно исчезает (часто в связи с соответствующим звуковым усечением), то получается частичное слово, и таких слов немало между вводными словами (*конечно*, *чай*, *знать*, *мол*, *де*, *дескать* и т. п.). Эти частичные слова отличаются от прочих частичных слов только тем, что соответственно своему происхождению не вступают в связь ни с одним из членов данного предложения и потому не являются членами его, хотя бы даже служебными» [7].

В «Синтаксисе» Пешковского вопрос о генезисе вводных слов, о происхождении их из «вводных предложений» и словосочетаний механически смешивается с вопросом о функциях их в современном русском языке. Анализ современного употребления «вводных», или модальных слов и частиц у Пешковского поверхностен и односторонен, место их в живой системе русского языка не определено. Современное понимание их часто не имеет ничего общего с их этимологией, с их старым значением и употреблением. Например, *де* не соотносится с древней формой *деи*—говори—или *дее* — говорит; *дескать* не осознается как скрещение двух синонимов — *дей* и *сказать* или *скажет*; в *мол* не чувствуется ни императива *молвь*, ни прошедшего времени *молвил*; *стало быть* не признается безличной формой прошедшего времени и т. п. В большей части модальных слов и частиц совсем не сохранилось и следа их бывшего употребления в роли предложений. Это признавал и сам А. М. Пешковский. Он замечает по поводу некоторых разрядов вводных слов: «Неверно было бы считать такие одиночные слова и сочетания предложениями, хотя бы неполными».

Таким образом, одностороннее развитие взглядов Потебни сужало круг изучения модальных слов и частиц. Многие из модальных слов, действительно, произошли из вставных предложений. На многих из них еще и теперь лежит отпечаток этого их происхождения. Но многие из модальных слов и частиц возникли и другим путем, например, из наречий. Чем бы они раньше ни были, в современном языке они образуют одну грамматическую категорию. Дальнейшее их изучение должно стоять в более точном и подробном определении их грамматических разрядов и их грамматических функций.

При этом необходимо помнить о морфологической и даже синтаксической границе между классом модальных слов и частиц в собственном смысле и всем тем, что функционально с ним сближается. «Все, что в том или ином виде выступает в предложении с оттенком индивидуальной характеристики высказывания или эмоциональной экспрессии, получает тенденцию ко включению в названную группу слов». И в таком случае — при игнорировании грамматического своеобразия разных выражений, несущих модальную функцию, — объем этого класса «разрастается до необычных размеров». «В состав модальных слов попадают самые разнообразные представители речи и при том с самым разнообразным синтаксическим значением и построением». Вполне справедливо замечание акад. И. И. Мещанинова в его книге «Члены предложения и части речи»: «Можно говорить, что вводный член предложения может быть представлен отдельными частями речи, словосочетаниями и т. д., но относить все то, что свойственно члену предложения, в одну лексическую группу «модальных слов» весьма рискованно» [8].

§ 4. Состав лексико-грамматической категории модальности с точки зрения этимологической

Класс модальных слов и частиц в его современном виде представляет собою продукт сложных изменений грамматического строя русского языка. Он очень пестр по своему лексическому составу, по этимологической природе относящихся и тяготеющих к нему словесных элементов.

Ведь и так называемые «вводные слова» включают в свой состав и фразеологические сочетания, и полновесные слова, и частицы. Кроме того, по общепринятому мнению, к ним примыкают, функционально с ними сближаются разнородные синтаксические конструкции, свободно разлагающиеся на разные части речи. Действительно, в категории модальности сближаются по функциям и объединяются слова и выражения разного строения и разного значения. Отделение модально-определительных частиц от вводных слов иногда в высшей степени затруднительно.

К некоторым группам модальных частиц меньше всего подходит название «вводных слов» и связанное с ним понятие об интонационно-синтаксической обособленности вводного члена предложения.

I. Модальные частицы

В самом деле, у нас есть богатая и разнообразная серия модальных частиц, которые, вследствие интонационной слитности с словосочетанием (синтагмой), нередко зачисляются грамматикой на склад наречий, а иногда даже союзов. Но от наречий их резко обособляет самый характер выражаемого ими модального отношения. Например, *вряд, вряд ли,* просторечные *навряд, навряд ли* (ср.: «Но зачем он это делал, и сам хорошенько того не знал, да вряд ли и хозяева-то ведали»—Писемский, «Тысяча душ»), *едва ли (Едва ли вам удастся кончить работу к сроку), чуть не, чуть ли не, едва ли не* и т. п. Ср. модальные значения таких частиц, как: *да (Да, я и забыл: у меня есть к тебе письмо;* «Да, были люди в наше время»—Лермонтов), *ведь, все же, не то, и так, и то* и т. п.; ср. модальное употребление частицы *еще* для подчеркиванья какого-нибудь признака, факта.

Гораздо менее определенны модальные оттенки некоторых выражений, представляющих собою переходный тип между модальными словами, наречиями и усилительно-ограничительными частицами. Например, *просто*: «Ах, как она одевается! Не то чтобы не красиво, не модно, а просто жалко» (Чехов, «Три сестры»); «Просто беда моя!» (Горбунов, «Самодур»); ср. у Гончарова: «Ни изнеможения, ни вялости, ни мертвого вида, — *просто* смешон, невыразимо смешон» («Слуги старого века»); «Это *просто* были крестьянские ребятишки из соседней деревни, которые стерегли табун» (Тургенев); «Он *не то чтобы* начетчик или грамотей..., *не то чтобы* был вроде, так сказать, дворового резонера, *он просто* был характера упрямого»

(Достоевский). Ср.: *прямо*, *ровно* (в значении: как будто, вроде как, кажется), *точно* и т. п.

А. А. Шахматов находил в современном русском языке формы недействительного и предположительного наклонений. Они образуются из сочетания личных форм глагола с модальными частицами[9], выражающими недействительность или предположение (например: *Я едва не упал*). Однако отношение большей части этих модальных частиц к глаголу остается свободным. Оно не связано с утратой ими лексической самостоятельности, с превращением их в агглютинативные морфемы, в «прилепы». Повидимому, к ступени агглютинации еще только приближаются сочетания формы прошедшего времени совершенного вида глагола с частицей *было* для обозначения действия с неосуществленным или аннулированным результатом[10]. Например: «Я вздумал было приняться, как говорится, за дело» (Тургенев, «Гамлет Щигровского уезда»).

Все это говорит о том, что прежде всего необходимо разобраться в составе модальных частиц с этимологической точки зрения, с точки зрения их происхождения.

1) Одни из модальных частиц относятся ко всему предложению. Относясь к целому предложению, модальные слова или формы разных частей речи, несущие модальную функцию, легко редуцируются в частицы. Этому способствует и своеобразие их интонационно-мелодической фразировки (ср. *гыт*, *грит* вместо: говорит). Конечно, на их переход в частицы больше всего влияет ослабление их лексического значения или изменение их грамматической функции. Особенно резкому преобразованию подвергаются те модальные слова, которые указывают на цитаты из чужой речи, на субъективно окрашенную передачу чужой речи. Ведь чужая речь в передаче другого человека обычно выделяется своеобразиями словаря и синтаксиса*. Поэтому формы и значения вводных глагольных слов, указывающих или указывавших на то, что говорящий воспроизводит чужие слова, при отсутствии задерживающих условий, очень неустойчивы. Часть модальных чистиц — именно этого типа: разговорное *мол* (из *молви* или *молвил*), просторечное *дескать* (из *де* и *сказать*), устарелое *де* (из дѣе = говорит), *грит* или *гыт* (= говорит) и др.

2) Другая группа модальных частиц возникла из глагольных форм, выражавших субъективную оценку какой-нибудь мысли, какого-нибудь сообщения или эмоциональное отношение к ним со стороны говорящего: Например: *чай* (из *чаю*, т. е. предполагаю, ожидаю), *знать*, *чуть* (из инфинитива: *чути*; ср. *чую;* эта частица сливается с отрицанием и обычно относится не ко всему предложению, а к личному глаголу).

3) Третья группа модальных частиц образовалась из глаголь-

---

* Ср. работы Фосслера, Балли, Шпитцера, Лерх и других лингвистов о так называемой «пережитой», «непрямой» или несобственно прямой речи (см. В. Н. Волошинов, Марксизм и философия языка, Л. 1932).

ных форм, представлявших собою призыв к собеседнику или обращавших его внимание на что-нибудь в сообщении. Таковы: *вишь*, *пожалуй*, *небось* и некоторые другие. Ср. *пусть*, просторечно-областное *пущай*, украинское *нехай* и т. д. [11].

Ср. устарелое *чу*, перешедшее в междометие.

По функциям некоторые частицы этого рода сблизились с частицами предшествующей группы.

4) Четвертая группа модальных частиц восходит к формам вспомогательного глагола в сочетании их с местоимениями и однородна с современными союзами, например, *будто;* ср.: *как бы*, *будто бы*, *не то чтобы*.

Легко заметить, что частицы этой группы относятся не только ко всему предложению, но и к отдельным его членам.

5) Пятая группа модальных частиц — наиболее многочисленная — местоименного происхождения и частично однородна с современными союзами и наречиями. Сюда относятся: *авось*, *что ли*, *никак*, *как-то* и т. д.

Слова-частицы этой группы обычно выражают модальные оттенки высказыванья в целом.

6) Шестая группа модальных частиц произошла из наречий и однородна отчасти с наречиями, отчасти с союзами. Например: *просто*, *прямо*, *словно* (в просторечном значении: как будто, кажется), *точно* и т. п.

Слова-частицы этой группы чаще выражают модальность предиката.

7) Напротив, модальный оттенок предложения в целом выражается переходными частицами союзно-наречного типа вроде: *напротив*, *наоборот*, *впрочем* и другие подобные.

8) Восьмая группа модальных частиц однородна с междометиями, например: *ну*, *нда* и т. п.

9) Девятая группа модальных частиц представляет собою продукт сращения разных сочетаний слов с частицами, например: *может быть* (ср. *может*), *то-то и есть*, *и есть*. Выражение *и есть* имеет явные грамматические признаки модальной частицы.

« — Ну, поворачивайся, толстобородый! — обратился Базаров к ямщику.

— Слышь, Митюха, — подхватил другой тут же стоявший ямщик с руками, засунутыми в задние прорехи тулупа: — барин то тебя как прозвал? Толстобородый *и есть*» (Тургенев, «Отцы и дети»).

Таким образом, многие группы модальных выражений небольших по объему, преимущественно восходящих к старым местоименным и глагольным формам, превращаются в частицы. Этот процесс естественен. В нем отражается расширение формально-синтаксических функций категории модальности. А это явление находится в связи с все большим развитием аналитического строя русского языка. Разные модальные значения и оттенки высказыванья на-

чинают выражаться формальными словечками. Возникает особая категория «модальных частиц предложения», которые отличаются от союзов тем, что выражают не связи между синтаксическими группами в составе речи, а разные качества самого высказыванья или его частей, их отношение к действительности.

Однако полному превращению этих модальных частиц в особый тип служебных морфем мешает широкое развитие модальных значений у полновесных слов и даже словосочетаний.

Модальные частицы нередко однородны по своим функциям с лексически полновесными модальными словами и синтагмами. Эта общность функций сближает их в пределах одной грамматической категории. Кроме того, морфологические границы между частицами-морфемами и словами вообще условны и текучи (ср., например, такие модальные слова-частицы, как: *конечно*, *право*, *прямо*, *просто*, *верно* и т. п.).

II. Модальные слова

Граница между модальными частицами и модальными словами очень неопределенна и подвижна. В оценке выражения с этой точки зрения играют роль и его фонетические свойства, и его смысловой вес, и система разных его значений, и его функциональные связи с другими словами.

1) Среди модальных слов в современном языке преобладают слова наречного происхождения (а иногда и гибридного наречно-модального значения), однородные с качественными наречиями на *-о*. Например: *действительно*, *буквально*, *нормально*, *решительно*, *собственно*, *верно*, *безусловно*, *подлинно* и т. п.

2) Довольно многочисленен разряд модальных слов, однотипных с словами категории состояния. Например: *видно* (ср. видать), *слышно*, *полно*, областное *должно́*, *очевидно*, *вероятно*, *понятно* и т. п. *.

3) После отнаречных образований самым продуктивным разрядом модальных слов являются отглагольные слова. По своему образованию они представляют собой личные или безличные формы настоящего-будущего времени или форму инфинитива. В некоторых случаях можно говорить о простом употреблении формы какого-нибудь глагола в функции модального слова, в других — о превращении такой формы в отдельное слово с модальным значением. Таковы:

---

* Ср. замечание акад. И. И. Мещанинова: «Внешних их (модальных слов) отличием является неизменяемость формы, застывшая форма падежного и всякого вида аффиксального образования, вплоть до сохранившихся архаичных образований. Неизменяемостью формы они, до известной степени, сближаются, с одной стороны, с наречиями, а с другой — с категориею состояния, резко в то же время отличаясь и от тех и от других своею... синтаксическою функциею» («Члены предложения и части речи», стр. 289).

а) модальные слова, однородные с личными формами глагола, иногда осложненными присоединением вопросительной частицы *ли*, например: *признаюсь*, *видишь*, *веришь ли*, *видите*, *знаете ли*, *извините* и др.;

б) модальные слова, однородные с неопределенно-личными формами глагола: *говорят*, *передают* и некоторые другие;

в) модальные слова, однородные с безличными формами глагола: *разумеется*, *кажется*, *говорится*, *что называется*, *значит* и другие подобные;

г) модальные слова инфинитивного типа: *признаться*, *видать*, *знать* и т. п.

4) Малопродуктивен тип модальных слов, представляющих собой изолированные формы имени существительного с предлогом и без предлога и иногда напоминающих наречия. Например: *словом*, *кстати*, *в частности* и другие подобные.

5) Единичны образования от членных прилагательных (с пропуском слова *дело*): *главное*. Ср. *самое большее*, *самое меньшее*.

III. Модальные словосочетания (фразеологические единицы)

Все шире и шире в категорию модальности вовлекаются целые фразеологические сочетания, фразеологические единства и фразеологические сращения. Выделяются два основных типа их: глагольный и именной.

В глагольном типе намечается несколько разновидностей:

1) деепричастные словосочетания (обычно включающие в себя формы глагола *говорить*): *собственно говоря*, *коротко говоря*, *откровенно говоря*, *вообще говоря*, *иначе говоря* и т. п.;

2) инфинитивные словосочетания: *так сказать*, *признаться сказать* и некоторые другие; ср.: *шутка сказать;*

3) лично-глагольные словосочетания, например: *бог знает*, *кто его знает* и другие подобные; ср. «Лежит, как пласт, а жар от него, боже ты мой! Я подумал, кто его знает, умрет того и гляди» (Тургенев, «Накануне»);

Состав таких модальных фраз очень разнообразен, и многие из них представляют собою свободные сочетания слов. Изучение типов свободно формируемых синтагм, которые способны выполнять в той или иной системе языка модальную функцию, — задача исторического синтаксиса русского языка.

4) безлично-глагольные словосочетания: *стáло-быть*, *должнó быть* и т. п.; ср.: *не в обиду будь сказано*.

В кругу модальных словосочетаний именного типа особенно употребительны типизованные, но свободные сочетания слов двух разрядов:

1) выражения, состоящие из дательного падежа имени существительного с предлогом *к*: *к моему несчастью*, *к сожалению*, и нередко осложняемые формой прилагательного (в том числе и местоименного), формой родительного падежа существительного

или личного местоимения: *к изумлению (всех присутствовавших)*, *к общему восхищению*, *к прискорбию* и т. п.;

2) словосочетания, состоящие из дательного падежа имени существительного с предлогом *по*, обычно — с присоединением определения в форме согласуемого прилагательного или родительного падежа личного местоимения или имени существительного: *по мнению*, *по словам*, *по выражению такого-то*, *по слухам*, *по преданию;* ср. фразеологические единства: *по всей вероятности*, *по всей видимости*, *по крайней мере*.

Кроме двух видов свободных словосочетаний, к именному типу принадлежит небольшое количество неделимых фразовых единств:

1) словосочетания, состоящие из беспредложной формы имени существительного и определяющего слова: *одним словом* (ср. *словом*);

2) обособленное: *в самом деле*;

3) изолированное: *в конце концов;*

4) ср. также словосочетания из местоимения и прилагательного: *чего доброго;*

5) словосочетания местоименного характера: *как ни как*, *всего на всего* и др.; ср.: *кроме того*, *сверх того*, *помимо того* и др.;

6) словосочетания междометного характера (ср. ниже разряд 12 в § 5).

В тех же модальных функциях могут выступать и свободные словосочетания и вставные предложения, анализ которых далеко выходит за пределы грамматического учения о слове.

§ 5. Разряды модальных слов и частиц, выделяемые по их современному значению и употреблению

Попытки классификации модальных слов, частиц и идиоматизмов по их функциям делались и раньше. Намечались три или четыре разряда их[12]. Дело — гораздо сложнее.

Модальные слова по своим функциям могут быть разделены на следующие двенадцать основных разрядов:

1. Выделяется разряд модальных слов и частиц, обозначающих чужой стиль выражения, субъективную передачу чужой речи, мысли, а также и ее оценку со стороны говорящего*. Модальные слова и частицы этого рода являются показателями того, что воспроизводимое высказыванье приписывается говорящим другому лицу.

Сюда принадлежат такие модальные слова и частицы: *мол*, *де*, *дескать*, *будто*, *будто бы*, *слышно* и т. п. Например: «Иные молодцы даже русскую науку открыли: у нас, мол, дважды два — тоже четыре, да выходит оно как-то бойчее» (Тургенев, «Дым»); «Пришли бы да и сказали по-родственному: так и так, мол, на интерес польстился» (Чехов, «Брак по расчету»); «Ну что ты все: чинов-

* Ср. хотя бы изложение западноевропейских теорий по вопросу о «непрямой», «несобственно прямой» речи в книге В. Волошинова «Марксизм и философия языка».

пик, чиновник, а не любит ли он выпить, вот, мол, что скажи» (Гоголь, «Женитьба»); «А коль увижу-де, что казнь ему мала, повешу тут же всех судей вокруг стола» (Крылов, «Троеженец»); «Мы-де, говорит, этаких шаромыжников и подлецов видали» (Гоголь, «Ревизор»); «Говорят, что ты, дескать, и вор, а молодец» (Пушкин).

С этим разрядом модальных частиц по функциям сближается: 1) продуктивный тип вставных синтагм, состоящих из предлога *по* с дательным падежом имени существительного и обычно — с определяющим его родительным падежом от названий или указаний лица, вроде: *по свидетельству такого-то, по мнению, по словам, по рассказам, по описанию, по выражению такого-то, по преданию, по слухам* и другие подобные, и 2) группа неопределенно-личных или безличных вставных глагольных форм или глагольных синтагм типа: *говорят, говорит, как говорится, передают* и т. п. *.

2. Кроме указаний на чужую речь или на использование чужих выражений, модальные слова могут содержать оценку самого стиля, способа выражения. То или иное выражение нередко сопровождается стилистической отметкой говорящего лица, оценкой выбранной или принятой манеры речи. Говорящий как бы не решается признать свои слова адэкватным отражением действительности или единственно возможной формой выражения передаваемой мысли. Поэтому он снабжает свои высказывания оговорками, стилистическими оценками и заметками. Сюда относятся такие модальные слова и словосочетания, как: *буквально, так сказать, собственно говоря, коротко (откровенно) говоря, вообще говоря* и т. п. Например: «Вы извините меня, сударыня, если... в таком, так сказать, дорожном неглиже» (Тургенев, «Холостяк»); «Перейдем теперь к характеристике третьего лица, которое, собственно говоря, не составляет цельного типа» (Помяловский, «Очерки бурсы»); «Тридцать пять лет... возраст, так сказать, критический» (Чехов); «Человек раздражительный и как бы, так сказать, военно-эстетический, но дурного только вкуса» (Достоевский, «Бесы»); «Он был не то что развязен, а как-то натурально нахален» (Достоевский, «Подросток»); «Я... был награжден буквально слезами ее благодарности» (т а м ж е).

Сюда же принадлежат те модальные слова и выражения, которыми обозначается переход от одного стиля речи к другому, переход с одной системы выражения на другую. Таковы: *то-есть, иначе говоря* и т. п. Повидимому, к этому же разряду следует причислить и те модальные слова, которыми отмечается переход к обобщению, к итогу речи: *словом, одним словом* и т. п., или в которых выражаются поиски забытого или непонятного слова: *как бишь, то бишь* и т. п. «И впрямь с ума сойдешь от этих, от одних от пансионов, школ, лицеев, как бишь их» (Грибоедов, «Горе от ума»).

---

* Ср. «Теперь вы только еще, что называется, соскочили с университетской сковородки» (Писемский, «Тысяча душ»).

3. Смежный тип образуют те модальные слова и устойчивые словосочетания, которыми обозначается характер речевой экспрессии или эмоциональный тон высказыванья, подчеркиваются экспрессивные оттенки выражений. Повидимому, этот разряд слов состоит лишь из идиом и отстоявшихся фразовых клише вроде: *шутка сказать*, *не в обиду будь сказано*, *признаться сказать* и т. п. Например: «Нынешняя молодежь, не в обиду будь сказано, какая-то, господь с нею, кислая, переваренная» (Чехов, «Иванов»); «Признаться сказать, завидовал я ему» (Тургенев, «Три встречи»).

4. К следующему разряду принадлежат те модальные слова и идиомы, в которых заключается эмоциональное освещение самой изображаемой действительности. Это — обозначения тех эмоционных или волевых модальностей, которыми пронизаны обсуждение или оценка каких-нибудь фактов и мыслей. Например, *авось* обозначает, что о чем-нибудь говорится с оттенком недостаточно обоснованной надежды. Модальные слова этого типа указывают не на способ выражения, не на экспрессивную окраску речи, а на эмоционно-волевое отношение говорящего лица к предмету сообщения. Таковы, например, модальные слова, частицы и идиомы: *чего доброго*, *право*, *спасибо*, *чай*, *знать*, *пожалуй*, *небось*, *вишь*, *полно*, *должно*, *верно*, *как-никак*, *что ли* и т. п. Например: «Небось, у тебя... семейка немалая?» (Герцен, «Былое и думы»); «Рассказывай, чай, у тебя готово собранье важное вестей» (Грибоедов, «Горе от ума»); «Чай, заждался? Небось, бранил дядю за то, что не едет?» (Тургенев, «Дворянское гнездо»); «Это случилось очень просто, пожалуй, несколько бесстыдно, что ли...» (Горький, «Карамора»); «И, проснувшись утром, рассуждал, что, авось-либо, вся его вчерашняя тревога напрасна» (Лесков, «Соборяне»); «Что ты сегодня такой печальный? Профессора жаль, что ли?» (Чехов, «Дядя Ваня»); «Иногда я разговаривал с Верочкой, и Марья Алексеевна не мешала, не косилась, хотя, конечно, не оставляла без надзора. О, разумеется, не оставляла» (Чернышевский, «Что делать?»); «Что-то случилось, надо думать... Пожар, что ли? Да нет, не видать дыму!» (Чехов, «Брожение умов»); «Знать, у бойкого народа ты могла только родиться» (Гоголь).

С модальными словами этого разряда сближается по значению продуктивный тип вставных синтагм, образуемых из предлога *к* с дательным падежом имени существительного, обозначающего эмоцию или вызывающее ее обстоятельство: *к сожалению*, *к несчастью*, *к изумлению*, *к счастью*, *к общему восхищению* и т. п.

Сюда же примыкают и глагольно-модальные слова, представляющие собою формы 1-го или 2-го лица (неопределенного) настоящего времени или инфинитива. Таковы, например, слова: *признаюсь*, потерявшее свое полное значение в ряде случаев[13]. («Я, признаюсь, рад, что вы одного мнения со мною»—Гоголь, «Ревизор»), *признаться*, *видать*, *глядишь* и т. п.: «Мне, признаться, становилось совестно допытываться чужой тайны» (Тургенев, «Три встречи»).

5. Модальность суждения может быть основана не на эмоциональном отношении к предмету сообщения, а на чисто логической оценке достоверности утверждения. Модальные слова, обозначающие не эмоциональную, а рассудочную, логическую оценку сообщения, замыкаются в особый разряд: Таковы: *вероятно* (ср. *по всей вероятности*), *понятно*, *несомненно*, *безусловно*, *очевидно*, *видимо*, *повидимому*, *разумеется*, *может быть*, *действительно*, *в самом деле*, *подлинно* и т. п.

Этот разряд слов выражает сложную и богатую оттенками гамму модальных оценок от чисто субъективной и несколько колеблющейся оценки сообщаемого факта до объективного, логически обоснованного определения степени его достоверности *.

Например: «И исполнила над ним свою угрозу — с помощью какого-то, должно быть, соперника Валентина, кажется, жениха Лизы» (Гончаров, «Слуги старого века»); «Видно, у него только обличье соколье, а душа-то воронья» (Мельников-Печерский, «В лесах»); «И кажется, еще немного, и мы узнаем, зачем мы живем, зачем страдаем» (Л. Толстой, «Война и мир»); «Я, кажется, человек и честный, и не то чтобы совсем глупый» (Салтыков-Щедрин, «Губернские очерки»); «А вы и, в самом деле, подумали, что я такой злой?» (Островский, «Бедность не порок»); «Вот погляди-ка, Комарь, оттуда уж, кажется, кто-то бултыхнул?.. — Бултыхнул и есть, — ответил Комарь» (Лесков, «Соборяне»); «Мне же лично очень не нравилась эта улыбка ее и то, что она всегда, видимо, подделывала лицо» (Достоевский, «Подросток»).

6. Отдельный разряд образуют модальные слова и словосочетания, выражающие отношение содержания какого-нибудь отрезка речи к общей последовательности мыслей в ходе высказыванья. Эти модальные слова по своей функции близки к союзам. Однако их значение не вполне однородно с значениями союзов. Модальные слова этого типа выражают не соотношение связываемых синтаксических единиц, а обозначают разные виды логического или экспрессивного отношения последующей мысли к предшествующему сообщению. Они не вызываются самим этим сообщением. Они характеризуют субъективную манеру перехода от одной мысли к другой или присоединения одной мысли к другой. Таковы, например: *значит*, *стало быть*, *кстати*, *мало того*, *кроме того*, *сверх того*, *помимо того*, *в частности*, *примерно*, *например*, *главное (главное дело)*, *в конце концов* и т. п.

Однако в структуре некоторых слов этого типа модальные значения совмещаются с союзными. Таково, например, *впрочем*. Это

---

* H. Schuchardt указывал, что аффективное и логическое пронизывают насквозь всю жизнь языка: одно создает разнообразие, другое унифицирует: «Das Affectische und das Logische durchdringen weiter das ganze Sprachleben; jenes vermannigfacht, dieses vereinfacht» (Schuchardt-Brevier, S. 324). Ср. также остроумные соображения о соотношении интеллектуального и аффективного в речи у Ch. Bally («Le langage et la vie», Paris 1913).

слово, кроме значения противительного союза *(тем не менее, все же)*, может выражать колебания, нерешительность. Оно указывает на внезапный излом в логическом движении речи: «Впрочем, я не уверен, удастся ли это предприятие». Ср. у Салтыкова-Щедрина: «А впрочем не распить ли нам бутылку старенького? У меня есть такое, что пальчики оближешь» («Губернские очерки»). Точно так же слова *наоборот* и *напротив* совмещают функции модальных слов с наречными и союзными, а *напротив* — сверх того и со значениями предлога.

7. К этому разряду примыкает другой тип модальных слов, обозначающих порядок движения мыслей в числовой последовательности: *во-первых*, *во-вторых*, *в-третьих*, *в-четвертых* и т. п. Эти выражения определяют не только место какого-нибудь пункта в ряду перечислений, но и содержат его оценку, его субъективную квалификацию. Анекдотический вопрос: «Почему сие важно в пятых?» — может служить наглядной иллюстрацией тех модальных — логических или экспрессивных — оттенков, которые связаны с этими обозначениями порядка мыслей: *в-десятых*, *в-седьмых* и т. п.

8. Кажется, в особый разряд следует выделить модальные слова, выражающие субъективную внезапность припоминания, присоединение по ассоциации. Например: *кстати*, *одно к другому*, *заодно*, *к тому же* и др. под.

Модальные слова этого типа, выражая присоединение какого-нибудь побочного звена, по функции сближаются и с союзами.

9. Немногочисленный, отдельный разряд модальных выражений образуют сравнительные частицы и частицы-наречия: *словно*, *как будто*, *как бы*, *точно* и т. п., если они выражают не обособленное сравнение, а модальную оценку какого-нибудь выражения в составе основных членов предложения (обычно — предиката). В таком случае они являются чем-то вроде модальной связки. Например: «Я словно замер; чувство блаженства по временам волной пробегало по сердцу» (Тургенев, «Фауст»); «Нет у меня сына!» — отрезала Варвара Петровна — и словно напророчила» (Достоевский, «Бесы»); «Она как будто недоумевала; невеселая усмешка изредка трогала ее губы» (Тургенев, «Фауст»); «Он смотрел на нее пристально, с тем же смехом, но который уже не продолжался, а как бы остановился и застыл на его лице» (Достоевский, «Идиот»); «Он три дня точно прятался и, видимо, избегал встречи» (Достоевский, «Идиот»).

10. В особый разряд замыкаются модальные слова, свойственные диалогической речи и заключающие в себе призыв к собеседнику, стремление возбудить его внимание к чему-нибудь, подчеркнуть перед ним что-нибудь, какой-нибудь факт или вызвать в нем то или иное отношение к сообщению. Модальные слова этого рода, облеченные в форму императива или в форму второго лица настоящего времени, представляют как бы промежуточный тип между категорией модальности и междометиями. Например: *видишь (ли)*, *видите*

(ли): «Он, видите ли, очень занят, ему, видите ли, дома душно и скучно» (Чехов, «Иванов»); *знаешь (ли)*, *знаешь что*, *знаете что*: «Сенюша, знаешь ли, покамест, как баранов, опять нас не погнали в класс, пойдем-ка да нарвем в саду себе каштанов!» (Крылов); «Не хочется, знаете ли, верить злу, черной неблагодарности в человеке» (Тургенев, «Ермолай и мельничиха»); *веришь ли*: «Он, веришь ли, так взглянул на меня, как бы ножом насквозь» (Пушкин, «Капитанская дочка»); *извините*: «А лечиться в шестьдесят лет, жалеть, что в молодости мало наслаждался, это, извините, легкомыслие» (Чехов, «Чайка»).

Развитие модальных оттенков в этих глагольных формах сопровождается изменением их лексических и грамматических значений. Они постепенно превращаются в новые потенциальные слова и совсем отделяются от соответствующих глаголов (ср. отсутствие реальных значений глагола *знать* в таких вводных словах, как *знаешь*, *знаете ли*).

11. Количественные обозначения степени также вовлекаются в круг модальных слов. Они становятся выражением субъективной оценки меры, числа или степени чего-нибудь*. Итак, выделяются как особый разряд модальные слова, в которых заключается общая субъективная оценка степени или меры какого-нибудь суждения о количестве. Таковы, например, выражения: *самое большее (Самое большее, я пробуду в пути двое суток)*, *самое меньшее*, *по крайней мере*, *едва ли не* и т. п.

12. В категории модальности наблюдаются переходные, или гибридные типы слов и выражений, совмещающих модальные значения с значениями других категорий. Повидимому, в силу яркой субъективной окраски большей части модальных слов, с ними легко сближаются междометия. В самом деле, если междометия сопутствуют тому или иному высказыванию как выражение его модальной, резко эмоциональной оценки, они становятся модальными словами.

Недаром проф. Овсянико-Куликовский, а за ним А. М. Пешковский относили к «вводным словам»: *слава богу*, *ей-богу*, *чорт возьми*, *шут знает* и т. п.

Ср. у Гоголя в «Повести о капитане Копейкине»: «Вдруг какой-нибудь эдакий, можете представить себе, Невский проспект или там, знаете, какая-нибудь Гороховая, чорт возьми»; у Пушкина в «Капитанской дочке»: «А когда его расстреляем, тогда, бог даст, сыщутся ей и женишки». Ср.: «Заметила она, что тот с Дашей иногда говорит, *ну* и стала беситься» (Достоевский, «Бесы»).

А. А. Шахматов к вводным словам причислял «и ряд бранных выражений и заклинаний, потерявших свое первоначальное значение и употребляющихся как простые восклицания, не имеющие определенного значения. Сюда относятся выражения, как: *чорт его*

---

* Необходимо вспомнить определение Гегеля: «Мера есть качественно определенное количество».

побери, чтоб ему пусто было, чтоб ему ни дна ни покрышки, употребленные не сами по себе, а в качестве вводных предложений или в качестве сопутствующих тому или другому предложению слов»[14].

Функциональные переходы междометий в категорию модальности легки и разнообразны, особенно в стилях бытового просторечья. Ср., например, у Чехова: «Вы еще молодой человек, вам на вид, *ну*... 36—37 лет» («Дядя Ваня»); «Он сам, *спасибо*, за него вступился» (Крылов).

§ 6. Модальные функции вопросительных слов и частиц

В ближайшей связи с категорией модальности находятся вопросительные наречия, союзы и частицы. Их модальный характер отмечался акад. Л. В. Щербой (в статье «О частях речи в русском языке»). Акад. А. А. Шахматов относил вопросительные слова и частицы к группе «сопутствующего обстоятельства», т. е. к типу слов, промежуточных между наречиями и вводными словами. Например: «Председатель улыбнулся, сделал мне знак головой, выражавший: что, брат, обмишурился?» (Герцен, «Былое и думы»). «Да что ты, какого чорта нынче солидничаешь?» (Лесков, «Соборяне»). «—Да разве я должен влюбиться в вас? — Да, дерзкий человек! Да, мрачное чудовище! Да! Да!» (Горький, «Мещане»). «Петр Кириллович, что же, пойдем курить?» (Л. Толстой, «Война и мир»).

Отпечаток модальности лежит на всех вопросительных словах. Но ближе всего к категории модальности те из них, которые сходятся с основными типами модальных слов и по своим синтаксическим функциям.

Модальные значения вопросительных наречий и частиц сказываются в их яркой экспрессивной окраске. Например, *разве* (с оттенком удивления, сомнения или недоверия, а в риторическом вопросе даже для выражения уверенности в противоположном ответе), *ужели, неужели* (с экспрессией сомнения или убежденности в противоположном), просторечные *нашто, что, куда* и др. и т. п. Ср.: «Пойдем отсюда, Николай! Отец, пойдем! — Куда там пойдем?» (Чехов, «Иванов»).

Ср. также употребление таких частиц, как *разве*, независимо от вопроса — для выражения предположения, колебания, возможности. «Старик казался только разве уже чересчур иногда легкомысленным» (Достоевский). «Василий Никитич, вероятно, и до сих пор юродствует, железное здоровье подобных людей поистине изумительно. Разве падучая его сломила» (Тургенев). «Рассказать-то мудрено: поворотов много; разве я тебе дам девчонку, чтобы проводила» (Гоголь; слова Коробочки Чичикову).

Так, при отсутствии вопросительной интонации модальные оттенки некоторых из этих слов не только не стираются, а напротив, выступают в более резких очертаниях.

В параллель с вопросительными словами и частицами можно бы поставить восклицательные слова и частицы. Однако в русском языке почти нет особых слов и частиц (кроме, может быть, частицы *что за*, употребляемой, однако, и в вопросительном смысле), специально закрепленных за восклицательной интонацией.

§ 7. Различие между книжным и разговорным языком в употреблении модальных слов и частиц

Модальные слова и частицы в разговорной речи несут те же логические, экспрессивные и стилистические функции, что и в книжном языке. Но, кроме того, здесь они иногда служат своеобразной «алогической», экспрессивной приправой речи и даже ее орнаментацией. На комическом нагромождении и подчеркивании таких логически опустошенных модальных слов и частиц строил «уснащенную» речь своих косноязычных персонажей Гоголь. Гоголь подметил и юмористически использовал характерную особенность бытового просторечья. Классическим образцом такой уснащенной речи является «Повесть о капитане Копейкине». Например: «Вот мой капитан Копейкин решил отправиться, сударь мой, в Петербург, чтобы хлопотать по начальству, не будет ли какого вспоможения, что вот де так и так, в некотором роде, так сказать, жизнью жертвовал, проливая кровь...Ну, можете представить себе: эдакий, какой-нибудь, то-есть, капитан Копейкин, и очутился вдруг в столице, которой подобной, так сказать, нет в мире» и т. д. После Гоголя широкое, разнообразное, иногда очень тонко и индивидуально диференцированное употребление модальных слов и частиц или разных других выражений в модальной функции стало характерным свойством реалистического диалога в языке русской художественной литературы второй половины XIX и начала XX века. Нередко это языковое явление становится источником тонких художественно-экспрессивных (например, комических) эффектов. Эта черта в бытовой речи не вымерла до настоящего времени. Так, А. Меромский указывал на то, что «вместе с рядом других ненужных слов и выражений в речевой обиход деревни проникли такие книжные вводные слова, как *конечно* или *действительно*, и употребляются нередко без прямой нужды и без всякого смысла».

Например: «Она была, конечно, среднего росту». «Мне, конечно, 37 лет». «Проживаем мы, конечно, в Курской губернии ... Занятие — хлебороб». «Схватил он ее, действительно, за вихор и ну таскать» и т. д.

Далее А. Меромский говорит о «набившем оскомину двусловии *так сказать*. «Это *так сказать*, засоряющее речь, свидетельствует о приближении крестьянского письма к интеллигентной разговорной речи, которая весьма густо уснащена пресловутым *так* или *так сказать*»[15].

Но, вместе с тем, в живой устной речи, в ее областных разветвлениях множество модальных слов сохранило всю свою экспрессивную остроту и свежесть. Так, А. Меромский писал о языке селькора: «Чего-чего, а вводных слов в селькоровской речи хоть отбавляй. Щедрое их изобилие служит обычно показателем живого, полноценного строя речи. Выкинуть их из языка — значит обескровить его, иссушить, схематизировать. В селькоровском речевом обиходе *с позволения сказать* или *по всей вероятности* вы не встретите. Зато вас обдаст свежей струей совсем иных вводных слов». Далее указываются примеры на употребление таких модальных слов и частиц, как: *почитай*, *знать*, *чай*, *как водится*, *небось*, *видать* и т. п.[16].

Таким образом, устная речь обладает более красочными, лексически разнообразными и более экспрессивными видами модальных слов и частиц. Она непрестанно обогащается новыми их формами. Это понятно. Устная речь аффективнее и активнее, чем книжный язык. Поэтому в ней больше модальных оттенков, и они ярче. Но автоматизм приводит к засорению устной речи пустыми модальными частицами. Понятно, что модальные слова из живой устной речи проникают и в область литературно-книжного выражения. А здесь, с своей стороны, развиваются более сложные, синтаксически разнообразные, богатые экспрессивными и интеллектуальными оттенками способы и формы выражения модальностей речи.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ «МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА»

1. А. Х. Востоков, Русская грамматика, § 90, стр. 184. Ср. также классификацию наречий в грамматике М. В. Ломоносова.
2. Н. Греч, Практическая русская грамматика, СПБ 1834, стр. 209.
3. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, вып. II, стр. 94—96.
4. Там же, вып. I, стр. 258.
5. «Синтаксис русского языка», вып. II, стр. 73.
6. Проф. Д. Н. Овсянико-Куликовский, Синтаксис русского языка[2], 1912, стр. 297—298.
7. «Русский синтаксис»[6], стр. 372.
8. Акад. И. И. Мещанинов, Члены предложения и части речи, стр. 287—288.
9. «Синтаксис русского языка», вып. II, стр. 73—74.
10. См. P. Boyer et N. Spéranski, Manuel pour l'étude de la langue russe, pp. 252—253.
11. См. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. IV, стр. 194—197.
12. См. А. М. Пешковский, Русский синтаксис, стр. 371—372.
13. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, вып. 1, стр. 258.
14. «Синтаксис русского языка», вып. I, стр. 266.
15. А. Меромский, Язык селькора, 1930, стр. 88—89.
16. Там же, стр. 56—67.

МЕЖДОМЕТИЯ, ИХ ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ИХ СЕМАНТИЧЕСКИЕ РАЗРЯДЫ

§ 1. Вопрос о междометиях в современной грамматике

В старой лингвистической традиции вопрос о междометиях был связан с общей проблемой возникновения и границ слова. Из междометий нередко выводились первичные слова человеческого языка[1]. Междометия как эмоциональные сигналы противопоставлялись словам как знакам мысли. Между тем, живые семантические процессы, характеризующие употребление междометий в современном русском языке, почти не были предметом изучения. Этимологическая точка зрения на междометия в русском языкознании не сдвинулась с вопроса о переходе междометий в слова, в «части речи» (если не считать общих замечаний акад. Н. Я. Марра о происхождении и генезисе междометий). Но по отношению к современному русскому языку сам этот вопрос менял свою форму и содержание. Для современности гораздо важнее наблюдения над превращением других слов в междометия, чем решение вопроса о возникновении слов из междометий (ср. *ахать*, *ухнуть*, *аховый*, *не ахти какой*, *слышались охи* и т. п.). Междометия составляют в современном языке живой и богатый пласт чисто субъективных речевых знаков, именно — знаков, служащих для выражения эмоционно-волевых реакций субъекта на действительность, для непосредственного эмоционального выражения переживаний, ощущений, аффектов, волевых изъявлений. Выражая эмоции, настроения, волевые побуждения, междометия не обозначают и не называют их. Не обладая номинативной функцией, междометия имеют осознанное коллективом смысловое содержание. (Ср. у Н. А. Некрасова в набросках романа «Жизнь и похождения Тихона Тросникова»: «Разговор становится громче; я могу уже явственно расслышать некоторые слова. Мужской голос говорит что-то о брильянтах, карете и счастьи; женский произносит *междометия*, *выражающие отчаяние*, *гнев*, *отрицание*»). Междометия представляют собою обобществленный фонд языковых средств для экспрессивно-драматического выражения эмоций и волевых импульсов. Интонационные, фонетические особенности междометий, их аффективная окраска, их моторно-мимическое и жестовое сопровождение составляют чрезвычайно важную сторону их смыслового строя. К. Фосслер писал об этом: «В голосе естественнее всего выражается душевное настроение. Какое разнообразие длительности, силы, высоты и тембра, т. е. какое обилие семантических акцентов возможно при произнесении звуков *а*, *е*, *и*, *о*, *у*, как бы точно ни было их грамматико-фонетическое описание»[2].

Господство экспрессивно-смысловых фонетических и интонационно-мелодических элементов в структуре междометий — при слабости, а иногда отсутствии элементов познавательных — кладет резкую грань между ними и другими типами слов. Междометия

относятся к сфере эмоционального языка — в отличие от языка интеллектуального[3]. Но часто они несут на себе яркий отпечаток влияния интеллектуального языка*.

Междометия осмыслены как коллективные знаки эмоционального выражения душевного состояния. Они отражают в себе эмоциональную жизнь личности, социальной группы или народа, находящуюся в органической связи с деятельностью интеллекта. Следовательно, эмоциональный язык не может быть в полном и резком разрыве с интеллектуальной речью (так же как и наоборот). Междометия, хотя они и неоднородны с другими типами слов, все же функционально сближаются с разными частями речи. Конечно, с грамматической точки зрения междометия ущербны. Они лишены форм словоизменения, они не располагают системой грамматических форм. В сравнительно редких случаях они сочетаются с другими частями речи в синтаксическое единство.

Логико-грамматическая неоформленность междометий, обусловленная перевесом эмоциональных и экспрессивных оттенков в их смысловом составе и отчасти зависящая от тесной связи их с мимикой, движением, жестом, обнаруживается в аморфном строе большей части междометий. Грамматисты указывают в качестве формального признака междометий на их «полную синтаксическую обособленность, отсутствие каких бы то ни было связей с предшествующими и последующими элементами в потоке речи»[4]. Правда, это утверждение слишком категорично: оно упускает из виду усложняющееся взаимодействие между междометиями и такими частями речи, как глагол, существительное и наречие с присущими им грамматическими возможностями. Однако отношение междометий к категории предложения несколько иное, чем у всех других типов слов. Междометия являются сразу и эквивалентами слов и, чаще всего, эквивалентами предложений. Поэтому-то они по своей языковой природе отличны как от частей и частиц речи, так и от модальных слов. Это, конечно, нисколько не мешает разным группам междометий пополняться за счет и тех, и других, и третьих.

Представляя собой очень часто целостные высказывания, «предложения», «эквиваленты предложений», междометия, однако, не находили себе освещения в синтаксисе. В русской грамматике они почти не подвергались анализу (за исключением «Синтаксиса» А. А. Шахматова). Правда, этимологической точке зрения в изучении междометий уже давно была противопоставлена точка зрения синтаксическая. Но синтаксическое исследование междометий до сих пор ограничивалось общими рассуждениями об отношении междометий к предложению. Так, по мнению Д. Н. Овсянико-Куликовского, междометия «не входят в состав предложения», хотя и

* Акад. И. И. Мещанинов указывает на то, что междометия теснейшим образом связаны с разными типами синтаксически расчленяемых предложений, характеризующихся яркой экспрессивной окраской и эмоционально-интонационной структурой («Члены предложения и части речи», стр. 295).

«состоят при нем» и даже «нередко образуют сами род предложения». (Например: «Ах!» — воскликнул он». «Слава богу!» — вскричал он, увидя меня» — Пушкин, «Капитанская дочка»)[5]. Определение междометия у Овсянико-Куликовского сводилось к указанию на его синтаксическую неорганизованность: «Междометие стоит вне предложения (кроме тех случаев, когда оно взято не как выражение чувства, а вместо существительного или глагола, как, например: «*Увы* есть междометие»; «Я первый сказал *э!*»; «Татьяна — *ах...*»)»[6].

Создавалось парадоксальное положение. Как целые высказывания, как языковые элементы, лежащие за пределами частей речи, междометия переводились из морфологии в синтаксис*. Между тем, они оказались вне синтаксиса словосочетания[7] и вне синтаксиса предложения. Характерны в этом смысле те несколько строк, которые посвятил междометиям А. М. Пешковский в своем «Русском синтаксисе» в главе «О словах и словосочетаниях, не образующих предложений»: «Междометия — это знаки чувствований, а не представлений. Все остальные слова языка (кроме однородных в этом отношении с междометиями побудительных слов) — знаки представлений. Таким образом, вступить в какие-либо отношения с другими словами языка эти слова не могут. Выразить же самостоятельно сказуемость они способны наименее из всех описанных здесь разрядов, так как сказуемое есть прежде всего слово-представление, осложненное выражением процесса мысли»[8].

Вопрос о том, образуют ли и могут ли образовать междометия предложение, являются ли они «словами-предложениями», до сих пор служит предметом оживленных споров у синтаксистов. John Ries в специальной работе, посвященной изучению предложения («Was ist ein Satz?», 1931), решает этот вопрос отрицательно (стр. 114—120). Однако есть и противоположные мнения, так как само понятие предложения в современной лингвистике не может считаться вполне уясненным[9].

Итак, синтаксическая точка зрения на междометия пока еще не привела к определению их грамматической природы. Лишь в «Синтаксисе» акад. А. А. Шахматова — впервые после старых грамматик XVIII и первой половины XIX в. — была сделана попытка всесторонне осветить проблему русских междометий с грамматической точки зрения[10].

§ 2. Новые точки зрения на междометия в «Синтаксисе» А. А. Шахматова

Акад. А. А. Шахматов внес некоторую ясность в понимание междометий. Он старался наметить отдельные группы внутри класса междометий. Он занимался изучением разных типов междометных предложений. А. А. Шахматов допускал, что междометия могут быть синтаксическим центром предложения. Он усиленно подчеркивал характерное для русского языка употребление междометий в роли эквивалентов глагола[11].

---

* Ср. заявление Д. Н. Овсянико-Куликовского, что междометие «в сущности не может быть названо частью речи в собственном смысле» («Синтаксис русского языка», стр. 32).

А. А. Шахматов, вслед за другими лингвистами, считал, что междометие не может быть названием, что ему чужда номинативная функция, неотъемлемая от глагола. Однако и здесь обнаруживаются переходные типы. Таково, например, так называемое «глагольное междометие» (вроде: *бац*, *стук*, *двиг*, *толк*, *порх*, *бух*, *чебурах* и т. п.). Это «название глагольного признака, которое в своей звуковой форме обнаруживает стремление говорящего воспроизвести в нем хотя бы условно звукоподражание, напоминающее или указывающее на быстроту, резкость произведенного действия». Однако с этими междометными формами глагола нельзя смешивать простые междометия *.

Легко установить также родство и различие между повелительным наклонением и междометием. Ведь, кроме глагольной формы, «повелительное наклонение выражается другими частями речи при субъекте во 2-м лице единственного числа, между прочим и междометиями: *но! тпру! брысь! (брысьте)*, также заимствованными: *стоп! марш!*»[12]. «Родство по значению с повелительным наклонением объясняет сочетание таких междометий с глагольными окончаниями и частицами» *(ну, ну-те, ну-ка)*. «Родство с повелительным наклонением выражается еще и в том, что, например, междометие *ну* употребляется и как усилительная частица при глаголе, подобно повелительному *дай, дай-ка, да-ка, давай*» [13]. Ср. междометное употребление таких императивов, как: *вали, валяй, брось, бросьте* (в значении: перестань), *вваливай* и т. п. Однако у форм повелительного наклонения сохраняются такие конструктивные свойства глагола, которые чужды междометиям.

Таким образом, глагол сближается с междометиями, и в некоторых разрядах междометий замечается встречное движение по направлению к глаголу. Значение волеизъявления роднит отдельные группы междометий с глаголами. Но неспособность междометий непосредственно обозначать действие, подобно глаголу, выдает познавательную неполноту междометий и устанавливает резкую грань между ними и глаголом (в том числе и формами так называемого «глагольного междометия» типа *бух!*). «Глагол обозначает действия-состояния в их процессах, причем волеизъявление является сопутствующим представлением, между тем как междометия в своей словесной форме не выражают представления о действии-состоянии вообще... Междометие означает, что мы испытываем известное ощущение или выражаем свою волю, но слово является при этом только сигналом для возникновения соответствующего представления, а не знаком его» [14] (т. е. не является словесным выражением действия). Междометия и здесь оказываются неполными словами. «Разницу между словом и междометием, — пишет А. А. Шахматов, — я сравнил бы с разницей между предложением *Дай мне воды!* и предложением *Воды!; воды* как сигнал вызывает то самое представление, которое обнаружилось в полной форме в предложении *Дай (дайте) мне воды!*» Итак, междометие является нерасчлененным выражением аффекта или волеизъявления.

Тем не менее междометия находятся в теснейшем взаимодействии с частями речи — и не только с формами глагола. Так, среди междометий выделяются «слова знаменательные, обратившиеся в выкрики для выражения душевного состояния», вроде: *Батюшки мои!* А. А. Шахматов отмечает синонимические соответствия между непроизводными, первичными междометиями и производными, развившимися из знаменательных слов: «Вместо *ох!* можно сказать: *горе! беда!*»[15]. Так как А. А. Шахматов не отличает категории состояния от наречий, а признаки наречия понимает очень широко (можно даже сказать: незаконно широко), то, естественно, наречие выступает у А. А. Шахматова наряду с глаголом как другая основная часть речи, оказы-

---

* «Синтаксис русского языка», вып. II, стр. 57. Ср., однако, стр. 101: «*Стук! толк!* можно признать междометиями именно потому, что они приблизительно так же, как *на, на-те*, выражают не процесс действия, а соединенный с аффектом отдельный момент действия». Ср. протест А. М. Пешковского против отнесения глаголов «ультрамгновенного» вида (т. е. форм *прыг, бац, бух* и т. п.) к междометиям («Русский синтаксис», стр. 200).

вающая громадное организующее влияние на междометие (ср. замечание Шахматова: «*баста* — междометие, а *довольно* — наречие)»*.

В связи с этим у А. А. Шахматова возникает колебание, куда отнести *да* и *нет*. *Нет*, употребляемое в значении отрицательной оценки, А. А. Шахматов считал наречием, а не междометием потому, что это слово выражает не только данное чувство, но и известное представление [16]. Утвердительное *да* А. А. Шахматов сначала причислил к междометиям. Но затем он делает приписку: «Едва ли *да* — междометие: это — наречие. Может быть, наречие: *тэк*, *тэк-с*» [17]. Ср. у Тургенева в «Петушкове»: «Я, матушка, Прасковья Ивановна, очень люблю ваши булки, — сказал он ей. — Тэк-с, тэк-с».

Таким образом, А. А. Шахматов не всегда проводит четкую пограничную черту между наречиями и междометиями. Особенно неустойчивыми оказываются различия между междометиями и теми типами наречий, которые А. А. Шахматов относил к синтаксической категории «сопутствующего обстоятельства».

Сопутствующее обстоятельство, по Шахматову, иногда выражается и чистыми междометиями и переходными модально-междометными словами. Так, Шахматов говорит, что «наречие выражает побуждение к совершению того или иного действия», например: «Ну, полно же, Ваня, пожалуйста» (Тургенев, «Нахлебник»). «Ну же, Таня, говори» (Горький, «Мещане»). Кроме того, некоторые междометия А. А. Шахматов связывает с «обстоятельством усиливающим», например: «Марья Алексеевна не мешала, не косилась, хотя, конечно, не оставляла без надзора. О, разумеется, не оставляла» (Чернышевский, «Что делать?») [18]. Эти синтаксические объяснения и квалификации Шахматова явно ошибочны. Но рассеянные в них намеки на взаимодействие между междометием и категорией состояния, между междометием и модальными словами полны глубокого интереса [19].

Еще большую ценность представляет собранная А. А. Шахматовым коллекция «междометных безличных предложений» [20]. Тут есть примеры, свидетельствующие о сильном влиянии категории состояния на междометие. Например: «А ежели к фараонам в лапы попал — все одно не выцарапаешься... баста! крышка!» (Е. Карпов, «Зарево»). «Застрелюсь—и баюк!» (т а м ж е). «Такие пули отливает, что только люли!» (Островский, «Бедность не порок») и другие подобные.

Наконец, А. А. Шахматов — вслед за другими грамматистами — не раз подчеркивал тесную связь между междометиями и «воззваниями», звательными формами (и притом не только такого типа, как: *боже мой! господи!* и т. п.; ср.: «Трое суток, не переставая, пороли... бож-жа мой!» (Е. Карпов, «Зарево») [21].

Таким образом, вырисовывается яркая картина грамматического расслоения междометий и взаимодействия их с другими грамматическими категориями. Междометия выступают как особый тип выразительных слов-высказываний, внутренне нерасчлененных, синтаксически неорганизованных, однако социально осмысленных, образующих своеобразные формы эмоционального выражения и испытывающих воздействие со стороны грамматических категорий интеллектуальной речи.

А. А. Шахматов недостаточно подчеркнул то обстоятельство, что современные междометные новообразования возникают только в исключительных случаях (и то преимущественно в жаргонах) путем условного осмысления непроизвольных выкриков, рефлекторных звуков и криков. Чаще всего новые междометия образуются посредством эмоционального изменения слов или форм, относящихся к знаменательным частям речи (ср. в современном просторечии: *даешь! пока! определенно!*). Кроме того, русский запас междометий значительно пополнился заимствованиями (например: из турецкого

---

* В этом отношении А. А. Шахматов подновляет древнюю традицию, еще не вполне изжитую и современной лингвистикой. Так, L. H j e l m s l e v в своих Principes de grammaire générale (1928) заявляет об отсутствии формальных препятствий относить все группы междометий к категории наречия (стр. 299—300).

караул!, из татарского *айда!* и т. д.). С XVIII в. междометия воспринимались из западноевропейских языков. Таковы, например: *фи, фюить!* (ср. французское fuite), *фу, фуй! пст! стоп! алло! марш! ату! ба!* (ср. французское bah) и многие другие.

Кроме того, А. А. Шахматов несколько упростил отношения между непроизводными, «первообразными» междометиями и другими их группами. Производные, вторичные междометия нередко сохраняют грамматические остатки своих прежних синтаксических свойств, следы своего былого отношения к интеллектуальным, знаменательным частям речи. А. А. Шахматов считал грамматическим центром междометий «междометия, представляющиеся говорящему выкриком или звукоподражанием по отсутствию связи его с звуковой формой других слов». Он подчеркивал полное отсутствие «соответствий» им в других частях речи [22]. Однако многие первичные междометия типа: *ах, ох, ух, ай, ой, у* и т. п.—в современном языке сближаются с глагольными междометиями вроде: *бух, бац* и т. п. (ср. систему словопроизводства: *ох — охать — охнуть; ах — ахать — ахнуть; ой — ойкать — ойкнуть; а — акать — акнуть*, например: «А-а, ну-ну, вали...» — и остановился подтянуть опустившееся голенище сапога.—Что ты акаешь?.. прямо говори!» (Леонов, «Барсуки»); *ай-айкнуть*: «Люд айкнул. Глеб Иванович обомлел» (И. Евдокимов, «Колокола»); «Подошли мы к ним, Федин как айкнет» (Ляшко, «Доменная печь»); ср.: *бац — бацать — бацнуть; хлоп — хлопать — хлопнуть; бух — бухать — бухнуть* и т. п. Способность междометий этого рода замещать личную форму глагола также не лишена значения. Например: «Не-ет, с вами беда. Подальше от вас, нет, вы, господа, ой-ой-ой» (Тургенев, «Холостяк»); «Вот Кирила Кирилыч... богат, здоровехонек, весь век хи-хи-хи да ха-ха-ха, да жена вдруг ушла, с тех пор и повесил голову» (Гончаров, «Обрыв»). Те же первичные междометия функционально могут сблизиться и с другими частями речи. Нередко они выступают как экспрессивные синонимы или смысловые эквиваленты слов из категории состояния, существительных, количественно-усилительных наречий и даже целых предложений. Например: «Скучно так, что ой-ой-ой!» (Рылеев). «В ту пору был начальником губернии такой зверь, что у!» (Салтыков-Щедрин, «Губернские очерки. Первый рассказ подьячего»). «В каждом приятном слове ее торчала ух какая булавка!» (Гоголь, «Мертвые души»). «Есть лица, которые существуют на свете не как предмет, а как посторонние крапинки или пятнышки на предмете. Сидят они на том же месте, одинаково держат голову, их почти готов принять за мебель и думаешь, что от роду еще не выходило слово из таких уст; а где-нибудь в девичьей или в кладовой окажется прямо ого-го!» (Гоголь, «Мертвые души») [23].

Так расчищается путь для семантико-грамматической классификации междометий.

§ 3. Семантико-грамматические разряды междометий

Основные структурные типы междометий отличаются друг от друга не только интонационно-мелодическими и эмоционально-смысловыми, но и грамматическими особенностями.

Русская грамматическая традиция до второй половины XIX в. уделяла междометиям немало внимания. Составлялись индексы междометий, определялся круг эмоций и волеизъявлений, выражаемых отдельными междометиями. Однако основные группы междометий не были выделены (если не считать деления междометия на эмоционные, императивные и звукоподражательные)[24].

К сожалению, даже А. А. Шахматов в этом вопросе почти целиком примкнул к старой грамматической традиции начала XIX в.

Он делил междометия на три основные класса:

1) «Междометия, выражающие вообще возбуждение говорящего, а в частности и различные связанные с ним чувства» (например, *ух!*).

2) «Междометия, выражающие определенные чувства (например: *фу!* — выражение отвращения; *тьфу!* — выражение гадливого чувства, побуждающего к отплевыванию; *чу!* — для обращения внимания собеседника на раздавшийся вдали шум или крик)».

3) «Междометия, выражающие волеизъявление, т. е. приказание, требование, побуждение, обращенное к собеседнику или, что весьма обычно, к животному (и это последнее характерно для отличия междометия от слова)».

Деление междометий на эмоционные и императивные было известно издавна. А. А. Шахматов среди эмоционных междометий отметил два разных типа. На самом же деле классификация междометий сложнее и разнообразнее. Однако, кроме акад. А. А. Шахматова, никто из последующих русских грамматистов вопросами диференциации междометий вовсе не интересовался.

Нетрудно наметить, если выйти за пределы междометных каталогов, помещавшихся в старых грамматиках (например: у А. Востокова, «Русская грамматика», § 100, стр. 191—192; у Н. Греча, § 156—157), десять основных разрядов междометий.

1. Междометия, которыми выражаются чувства, эмоции. Сюда, например, в списке А. Х. Востокова отнесены: *а! ах! ба!* (удивление); *ай да! ура!* (одобрение); *спасибо!* (благодарность); *то-то* (удовлетворение, смешанное с угрозою); *ужо: вот ужо* (угроза); *э! эх! и! ну-уж!* (укоризна); *тьфу! фи! у! а! фу!* (отвращение); *уф!* (усталость); *ух!* (испуг); *ой-ой! уу!* (страх, боязнь); *ах! ох! о! увы!* (печаль, горе) и т. п.

В старых грамматиках были чересчур унифицированы, обобщены эмоциональные значения отдельных междометий. Между тем, некоторые из междометий этого класса очень многозначны. Так, например, междометие *ах!*, кроме удивления («Ах, какой пассаж!» — Гоголь, «Ревизор») и горя-сожаления («Ах, дела-дела!» — Л. Толстой, «Власть тьмы»), может выражать восхищение, испуг, возмущение и другие чувства перед чем-нибудь неожиданным (Ах, *как красиво!*), презрение, или упрек, или порицание (*Ах ты, мошенник!*), досаду и многие другие эмоции. Ср.: «Змея, ах, она змея! — думал, между тем, Санин: — но какая красивая змея!» (Тургенев, «Вешние воды»).

А. А. Шахматов так характеризовал смысловые функции междометий этого типа: «Иногда эти различные значения отражаются в соответствующей интонации, а иногда о различном значении для говорящего того или другого междометия можем узнать только из тех условий, при которых вырвалось данное восклицание; ср. радостное *ах!*: *Ах, как приятно!*; угнетенное: *Ах, как страшно!*; возмущенное: *Ах, как глупо!*»[25].

Зависимость экспрессивно-смысловой окраски междометий от ситуации здесь выступает особенно ярко. Ср.:

Ах, вот и дуб заветный, здесь она,
Обняв меня, поникла и умолкла...

(Пушкин, «Русалка».)

Ах, ты, степь моя,
Степь привольная.

(Кольцов.)

Междометие *и*, ныне вышедшее из употребления в литературном языке и носящее отпечаток областного просторечия, выражает не только укоризну, но и отрицательное отношение к словам собеседника, протест, возражение, несогласие с его оценкой. Например: «Как хороша была Елецкая! — И, мой милый! Что в ней хорошего?» (Пушкин, «Пиковая дама»). Ср. «И полно! что за счеты» (Крылов).

Междометие *о* выражает не только горе, сожаление, печаль, но и порицание, и восхищение-удивление, и самоуверенность, и вместе с тем служит эмоциональным усилением утверждения. *(О! я это хорошо знаю).* Ср.: «О, тонкая штука! Эк, куда метнул!» (Гоголь). «От удивления мог произнести только один звук: О?!» (Куприн, «Черный туман»). «Да ты коленкой-то, коленкой в спину упрись. О-о-о, так, так! Ну, вот теперь ладно» (Куприн, «Поход»).

О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней.

(Тютчев, «Последняя любовь».)

Некоторые эмоционные междометия употребляются в крайне разнородных, экспрессивно-противоречивых значениях. Они служат средством выражения очень далеких, иногда даже исключающих друг друга чувств и настроений. Например, междометие *а* выражает догадку, удивление *(А, вот оно что!; А, здравствуйте!)*, иногда с оттенком иронии или злорадства *(А, так вот как!)*; ужас, боль, отвращение, решимость с оттенком отчаяния или досады *(А, была не была!)*, иногда просто досаду, даже настойчивость зова или требования.

Ср. у Глеба Успенского: «Ежели я, к примеру, пойду в землю, потому я из земли вышел, из земли. Ежели я пойду в землю, например, обратно, каким же, стало быть, родом можно с меня брать выкупные за землю?»

«А-а! — радостно произнесли мы».

Ср. у Тургенева в «Накануне»:

« — А! — промолвила Анна Васильевна.

— А! Что: а? — подхватил Николай Артемьевич. — Ужель и вы заражены предрассудками?

— Да я ничего не сказала... — начала было Анна Васильевна.

— Нет, вы сказали: а!..»

В «Свадьбе Кречинского» Сухово-Кобылина: «А-а-а, чертога пайка, вижу, вижу».

Не менее сложен и разнообразен круг значений междометия *эх!*

Оно выражает и укор, и сожаление, и горе, и удивление с оттенком ошеломленности, и восхищение, и страстное желание-тоску.

Бросается в глаза эмоциональная неустойчивость, смысловая диффузность этого типа междометий. Они легко подхватываются интонационной волной аффективной речи и изменяются соответственно общей эмоциональной окраске высказывания. Поэтому так широк и так растяжим круг их значений. Кроме того, повторение, разнообразное интонационное варьирование гласного звука междометия или целого соответствующего односложного междометия ведет к образованию новых междометий с иными значениями (ср.: *а-а-а! ой-ой-ой! ох-ох-ох! о-ох! ай-ай-ай!* и т. п.).

Однако большая часть многозначных междометий этого рода состоит из одного гласного или с присоединением согласного *х* (*о, а, э, ох, ах, эх;* но ср. узость значений междометий, начинающихся гласным верхнего подъема: *ух! их!*). Однообразнее и теснее круг значений односложных междометий, оканчивающихся на j; ср. *ай, ой, эй.*

Например, *ай* служит лишь выражением: 1) боли, неудовольствия или испуга («Ай, ай, как изба настудилась!» — Некрасов); 2) упрека или укоризны, иногда с иронической окраской, например: «Ай, Моська! знать, она сильна, что лает на слона» (Крылов); Ср.: «*Ай-ай-ай!* стыдись, — сказал Петр Иванович» (Гончаров, «Обыкновенная история»); «Да, да, хлопот-то что! ай, ай, ай!» (Островский, «Бедность не порок»). Ср. смысловые оттенки в употреблении *ох!*: «О-ох, напущено это на него!» (Л. Толстой, «Власть тьмы»).

Ох, то-то все вы, девки молодые,
Все глупы вы.

(Пушкин, «Русалка».)

«Ох! гадко и теперь вспомнить» (Л. Толстой, «Крейцерова соната»). «Ох, ох, умираю! — проговорила она, тоскливо разводя руками.— Опять, опять эта собака... Ох, пошлите за доктором» (Тургенев, «Муму»).

Другая группа эмоционных междометий, особенно тех, которые включают в себя такие характеристические согласные, как губные *(б, ф)*, или состоят из узких гласных *(и, у)*, более однотонна и однообразна в смысловом отношении.

Не подлежит сомнению, что гласные фонемы русского языка в разной степени способны выражать эмоции. Повидимому, наиболее однообразна эмоциональная окраска звуков *у* и *и*. Междометие *у* выражает резкие аффективные состояния восторга, восхищения, крайнего изумления и ужаса, трепета.

Например, у Гоголя: «У! как свежо и хорошо!» («Ив. Фед. Шпонька и его тетушка»). «Везде было заметно такое чуть-чуть обнаруженное, такое неуловимо-тонкое, у! какое тонкое!» («Мертвые души»). «У! какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!..» («Мертвые души»).

У Пушкина в «Евгении Онегине»:

Как сурова!
Его не видит, с ним ни слова.
У! как теперь окружена
Крещенским холодом она!

Еще более одноцветна экспрессивно-смысловая окраска эмоциональных междометий, состоящих из согласных в сочетании их с гласными. Например, *ба!* выражает только удивление или недоумение при неожиданности. Например:

«Ба! Знакомые все лица!»

(Грибоедов.)

«Ба, ты, косой, пожаловал отколе?»

(Крылов.)

«Ба, птичник! Явился, пропащий!» (Горький, «Мещане».)

«... ба, ба, ба! какая
Повязка! вся в камнях дорогих!
Так и горит.»

(Пушкин, «Русалка».)

Ср. однообразие значений моторно воспроизводящего междометия *тьфу!*:

«Тьфу! оплошал!»

(Грибоедов, «Горе от ума».)

«Тьфу, прозаические бредни!..»

(Пушкин.)

Ср.: «Фу, мерзость! Как я мог не видеть всей гадости этого тогда...» (Л. Толстой, «Крейцерова соната»).

«Ух! кончено — душе как будто легче».

(Пушкин, «Русалка».)

«Генерал... в затруднительных случаях говорил только: «гм!» (Достоевский, «Идиот»). «Настя, милая ты моя Настя... Если бы ты знала... Эхма... разве я пью? Горе пьет» (Н. Успенский). «Ого! за тысячу перевалило» (Гоголь, «Ревизор»).

Ср. употребление церковно-книжного по происхождению, горестного междометия *увы!*: «Увы!» — возразил с сокрушением Михалевич» (Тургенев, «Дворянское гнездо»).

Увы! Невеста молодая
Своей печали не верна.

(Пушкин, «Евгений Онегин».)

Увы! близехонько к волнам,
Почти у самого залива —
Забор некрашенный да ива
И ветхий домик: там они,
Вдова и дочь, его Параша,
Его мечта...

(Пушкин, «Медный всадник».)

Но бедный, бедный мой Евгений...
Увы! его смятенный ум
Против ужасных потрясений
Не устоял.

(Пушкин, «Медный всадник».)

Но там, увы, где неба своды
Сияют в блеске голубом,
Где под скалами дремлют воды,
Заснула ты последним сном.

(Пушкин, «Для берегов отчизны дальной».)

Ср. междометие *ага!*:

Что, брат? уже не трунишь, тоска берет — ага!

(Пушкин, «Румяный критик мой!»)

«Ага! сам сознаешься, что ты глуп:
Так помиримся.»

(Пушкин, «Каменный гость».)

Впрочем, и в этой последней группе более или менее однотонных междометий возможны резкие экспрессивные колебания смысла — в зависимости от ситуации, от индивидуального стиля и от интонационных фигур речи.

Все междометия этого разряда «вне-грамматичны». Они аморфны и не сочетаются с другими словами.

II. К разряду первичных, непроизводных эмоционных междометий примыкает по своим смысловым оттенкам группа междометий, производных от имен существительных, вроде: *батюшки! глупости! страсть! ужас! беда! горе!* и т. п. Междометия этого рода выделяются не только в силу своей генетической связи с существительными. Они отличаются от других междометных разрядов и характером интонаций, и смысловыми возможностями, и синтаксическими особенностями. Ср., например: *батюшки мои! какой ужас! страсти какие!* и т. п. Тут намечаются разные переходные типы от имен существительных к междометиям. Относящиеся сюда формы высказываний синтаксически еще не изучены.

III. Отдельный разряд образуют междометия, представляющие собою не столько непосредственное выражение эмоций, настроений и ощущений, сколько эмоционную характеристику или оценку состояния. Например: *дело — табак! крышка! каюк! капут! плевое дело! фюить!* и т. п.

Ср.: «Я лично не имею никаких причин опасаться внутренней политики. Живу я просто, все могут засвидетельствовать о моей невинности. Стало быть, ходи вольным аллюром и *шабаш!*» (Салтыков-Щедрин, «Круглый год»).

Ср. у Тургенева в «Отцах и детях» (слова Базарова): «Старая штука смерть, а каждому внове. До сих пор не трушу... а там придет беспамятство и *фюить!*»

С этим разрядом могут сближаться в силу изменения синтаксических функций эмоционные междометия (из первого класса). А

отсюда — один шаг до употребления их в роли качественно-оценочных предикатов. «А эта гордость — тьфу!.. Это гордость глупая, смешная» (Писемский, «Тысяча душ»). Ср.: «Тьфу для нас его разорение было бы!» (там же). «Он пред тобой образованный ум, а ты всего только — тьфу!» (Достоевский, «Бесы», в речи Федьки). «Вы знаете, что для меня теперь Малевский — фи!» (Тургенев, «Первая любовь»).

IV. Четвертый разряд междометий образуют слова, которыми выражаются волевые изъявления, побуждения. Это своеобразная группа междометных императивов. Например: *вон! прочь! долой! полно!* (выражение «отстранения», по определению Востокова); *ну! ну-те!* (побуждение); *полно — полноте!* (убеждение); *на — нате!* (предложение); *брысь, брысьте! стоп! но! цыц! тс! шш!* (запрещение) и т. п. Например: «Шабаш!» — крикнул он повелительно» (Л. Толстой, «Война и мир»). «Ребята, Ваня, Шура, Костя, марш за форелью!» (Н. Успенский, «Поездка на Кавказ»). «А теперь от меня — марш навсегда, не то... не то... я обойдусь не столь учтиво» (Достоевский, «Подросток»). «Ну, на уж, на, — с неудовольствием сказала она» (Л. Андреев, «Ангелочек»). «Ну, однако, в сторону философические замечания» (Тургенев, «Дневник лишнего человека»). «Да ну же, скажи что-нибудь» (Островский, «Бедность не порок»). «Барыня... такой дала нагоняй Гавриле, что тот целый день только потряхивал головой да приговаривал: «Ну!» Пока дядя Хвост его не урезонил, сказав ему: «Ну-у!» (Тургенев, «Муму»). «Ум по боку. Ну его» (Островский, «Бешеные деньги»). «Вот он. Шш!» (Грибоедов, «Горе от ума»). «Чш... кто-то идет» (Гоголь, «Женитьба»). «А до той поры всякий на твои рассуждения имеет полное право сказать: цыц!» (Горький, «Мещане»). «Цыц, проклятые! Эк на вас погибели нет» (Тургенев, «Ермолай и мельничиха»). «Старик, лет семидесяти, весь белый, казалось, предводительствовал ими; он изредка оборачивался и спокойным голосом понукал отсталых: «Но, но, но, ребятушки, — говорил он: — но-о!» (Тургенев, «Поездка в Полесье»). «Оставьте! Не ходите за мной. — Но, но, но, милый... нельзя так... не хорошо» (Чехов, «Чайка»). «Но! молодой человек, но! Так не шутят, молодой человек, не шутят» (Островский, «Бешеные деньги»). «Чуть вечер — алло! Юрочка Гай или Котик Билибин» (И. Сельвинский, «Уляляевщина»). «Мальчишка обвел всех белками глаз, снова ударил в бубен: «Алло!» (Серафимович, «Полосатый зверь»). «Айда на Волгу!» (Ляшко). «Только, чур, не перебивать» (Помяловский, «Очерки бурсы»).

Ср.: «Адью! ха, ха, ха!» (Сухово-Кобылин, «Свадьба Кречинского»). Ср.: *вали!* (в значении приглашения или побуждения к какому-нибудь действию), *брось! бросьте!* (в значении *довольно!*), *дудки!* и т. п.

Легко заметить, что некоторые междометия этого класса, характеризующиеся особенными побудительными интонациями, требуют именных, а еще чаще местоименных объектов. Они переходны. Например: *ну тебя! марш от меня!* «Ай, ату его! ату!» (Некрасов,

«Коробейник») и т. п. Грамматические особенности этого разряда междометий очевидны.

V. К следующему разряду относятся междометия, которыми выражается эмоционально-волевое отношение к речи собеседника, реакция на нее, или в которых обнаруживаются аффективные оценки, вызванные репликами собеседника. Это междометия с оттенком модальности, а иногда модальные слова с оттенком междометий. Например: *да! конечно!* (подтверждение); *нет!* (отказ); *вот еще! право!* (уверение); *а? ась? что?* (отклик); *ой ли?* (недоверие) и др. Например: «Вот комик! Ей-богу, комик!» (Чехов, «Иванов»). «Я ошибался, да, но не солгал ни разу в жизни» (т а м ж е). «Иногда скажешь — нет, и тотчас же подумаешь про себя — разве? а, может быть, — да?» (Горький, «Мещане»). «Ну-ну!» — протяжно и нерешительно протестовала она загадочным тоном» (Гончаров, «Слуги старого времени»). «Она выходит замуж... Но-о? За кого это? ась?» (Горький, «Мещане»). «Я, ей-ей, не виноват ни душой, ни телом» (Гоголь, «Ревизор»). «Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!» (Крылов, «Демьянова уха»). «Как! — сказал Нарумов: — у тебя есть бабушка, которая угадывает три карты сряду, а ты до сих пор не перенял у ней ее кабалистики? — Да, чорта с два! — отвечал Томский» (Пушкин, «Пиковая дама»).

Ср. у Островского: «Я и теперь люблю тебя, только что не попрежнему. Уж, ау! брат! прежнего не воротишь» (Миловидов — Аннушке в комедии «На бойком месте»).

Кроме своеобразия значений и интонирования, междометия этого разряда выделяются тем, что они легко включаются в структуру других предложений в качестве эмоционально-модальных слов.

VI. Особый разряд составляют междометия, являющиеся своеобразными экспрессивными звуковыми жестами, которыми обмениваются соответственно общественному этикету знакомые или встречные в разных случаях жизни. В этих междометиях выражается сложная цепь бытовых эмоций и обрядностей. Например: *мерси! спасибо!;* устарелое: *благодарствуйте! здрассьте!;* новое: *извиняюсь!* и т. п.

Ср. жалобы пуристов на то, что *извиняюсь* как междометное, условное выражение вежливости, теряет первоначальное значение соответствующего глагола: «Если вам в трамвае говорят *извиняюсь*, то это значит только, что, толкнув вас однажды, вас толкнут дважды и трижды... Слово произнесено, но смысл в него не вложен» (Горнфельд)[26].

На междометиях этого разряда лежит отпечаток эмоциональной изъявительности глагольного типа. Смысловыми связями и ассоциациями с глагольными и именными словами обусловлены синтаксические свойства этих междометий (ср.: *спасибо вам!*).

VII. Как отдельный разряд выступают бранные междометия (ср.: *чорт возьми! чорт подери!* и т. п.). Представляя собою замкнутый круг выражений, окрашенный в яркие и своеобразные цвета, междометия этого рода очень ёмки по своим интонационно-смысло-

вым оттенкам, очень разнообразны по своему синтаксическому употреблению, по своим грамматическим свойствам. Для общей характеристики этого разряда достаточно сослаться на отрывок из «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского (уже использованный Л. П. Якубинским в его статье «О диалогической речи»[27] и Л. С. Выготским в книге «Мышление и речь»), отрывок, изображающий крайнюю пестроту и разнообразие эмоционально-смысловых оттенков, включаемых в бранные междометия.

Как известно, на междометно-бранном языке продолжают еще нередко изъясняться не только пьяные, но и трезвые люди.

VIII. В самостоятельный разряд замыкаются звательные (вокативные) междометия. К ним относится множество разнообразных звательных форм от вполне омеждомеченных до таких, которые еще сохраняют близкие связи с формами имени существительного. Ср.: «Ведь отсюда целый ряд недоразумений и даже уголовщиной пахнет? Господи мой! (Лесков, «Соборяне»). Полной характеристики вокативных междометий (так же как и вокативных предложений) у нас еще нет.

IX. К междометиям примыкает многочисленный и богатый разряд воспроизводящих или звукоподражательных восклицаний, например: «Бац, бац! раздались выстрелы». «Разве так не бывает? Вот шутим, смеемся — и вдруг хлоп, конец!» (слова Чехова, по воспоминаниям Т. Щепкиной-Куперник). «И все будет, все будет около меня круги давать, все суживая, да суживая радиус, и — хлоп! прямо мне в рот и влетит, я его и проглочу-с» (Ф. Достоевский, «Преступление и наказание») и т. п. Ср. многообразие и стилистическую красочность воспроизводящих междометий в языке Л. Толстого и в языке Чехова.

Этот разряд занимает промежуточное положение между междометиями и звукоподражаниями, между междометиями и междометно-глагольными формами. А. А. Потебня считал, что «междометия, преимущественно звукоподражательные, означающие мгновенность действия, каковы, например, *бух! бац!*, — стоят по употреблению в одном разряде с «предикативными частицами» или «междометными формами глагола»[28].

X. Уже почти за пределами междометий, на границе категории глагола, располагаются «междометные глагольные формы», употребляемые обычно или особенно часто в значении прошедшего времени совершенного вида (с ярким экспрессивным оттенком мгновенности)*. Например: «Я полюбила его с первого взгляда... Взглянула, а меня мышеловка хлоп!» (Чехов, «Иванов»). «Я ее окликнул... она вдруг хлоп на диван» (Писемский, «Тысяча душ»). «Так и ждешь, что вот отворится дверь и шасть» (Гоголь, «Ревизор»); (ср. польское czast). «— Ахилла меня за сюртук. Я повернулся... трах!

---

* А. А. Потебне казалось, что глагол в этой форме сохраняет способность требовать дополнения, но всегда остается без определения, без обстоятельства образа действия («Из записок по русской грамматике», IV, стр. 188).

пола к чорту. Ахилла меня за воротник,—я трах... воротник к чорту; Ахилла меня за жилет, — я трах... жилет пополам, он меня за шею, — я трах и убежал» (Лесков, «Соборяне»). Ср. «Имение в степи было — фью! Ему и звания нет» (Сухово-Кобылин, «Свадьба Кречинского»).

Конечно, статическое деление междометий еще не раскрывает всего многообразия их синтаксического употребления. Междометия, как указано, функционально сближаются с модальными словами, с усилительными частицами. Ср.: «Хотя, конечно, сквозь любезности прокрадывалась *ух* какая горькая прыть женского характера! и хотя подчас в каждом приятном слове ее торчала *ух* какая булавка!» (Гоголь, «Мертвые души»).

Междометия могут выступать в функции сказуемого, и тогда они приближаются к глаголам. Например: «Татьяна—ах, а он реветь!» (Пушкин, «Евгений Онегин»).

В других случаях междометия, соединяясь с союзом *что*, экспрессивно характеризуют степень и качество чего-нибудь.

Например: «В ту пору был начальником губернии такой зверь, что у !!!» (Салтыков-Щедрин, «Первый рассказ подьячего»). Способы разнообразного функционально-синтаксического использования междометий у нас совершенно не изучены. Конечно, этими наиболее употребительными типами междометий их состав не исчерпывается*. Класс междометий, все более и более пополняется фразеологическими сочетаниями и сращениями, идиомами, которые выражают сложный комплекс переживаний, эмоциональных оценок и волеизъявлений. Ср.: *вот тебе на! вот тебе раз! была не была! наша взяла! вот еще! еще бы! то-то!* и т. п. Еще К. С. Аксаков писал: «Междометием может быть и целое предложение, но именно тогда, когда оно теряет свой смысл и становится восклицанием... как же скоро речение становится сознательным, так оно перестает быть междометным. Например, выражение: *вот тебе раз!* Никто не думает, восклицая эти слова, о (реальном) смысле их: ими выражается ощущение, а не мысль; в таком случае *вот тебе раз!* — междометие. Но когда слова эти произносятся со смыслом, положим, хоть при расплате, когда вы должны заплатить, положим, три пятака, и говорите: *Вот тебе раз, вот тебе два, вот тебе три* — тогда это уже не междометие»[29].

Ср. в «Что делать?» Н. Чернышевского: «Вот же тебе!» — муж получил пощечину — «Вот же тебе!» — другая пощечина» (IX). «Умер! вот-те на!» (Тургенев, «Андрей Колосов»). «Зачем он пощадил меня?» — пробормотал я наконец. «Вот тебе на!» — спокойно возразил ротмистр...—Ох, уж эти мне—сочинители!» (Тургенев, «Дневник лишнего человека»).

---

* Характерно, что А. Востоков относит к междометиям и указательные частицы *се, вот, вон* (§ 100). Впрочем, сам Востоков предлагает делить междометия на восклицательные и звукоподражательные, а среди восклицательных различает восклицания, вынуждаемые чувствованием, и возглашения (утвердительные, желательные и прочие) (§ 99, стр. 290).

Таким образом, и класс междометий все больше и больше пополняется устойчивыми фразеологическими оборотами — фразеологическими единствами и сращениями. Ср. в индивидуальной речи: «Чистое, дело марш!» (Л. Толстой, «Война и мир»); «Ах ты, тетка твоя подкурятина!» (А. К. Толстой, «Князь Серебряный»). «Шпрехен зи дейч, Иван Андреич?» (Гоголь) и т. п.

Семантический анализ междометий, выяснение сущности тех языковых явлений, которые формируют и расширяют категорию междометий, раскрытие закономерностей в переходе разных частей речи и модальных слов, разных экспрессивных предложений-идиоматизмов в междометия, исследование синтаксиса междометий — все это еще задачи будущего. Эти вопросы приобретают особенное значение для синтаксиса живой устной речи. В некоторых стилях и диалектах устной речи, например, в детской речи, в речи матерей, мамушек и нянюшек, обращенной к ребенку, образуются новые специфические разряды междометий с очень своеобразными и семантически насыщенными функциями (например: *баюшки — баю! агу! агунюшки!* и т. п.) Устная речь вообще богата аффективными формами высказываний, носящими острый отпечаток междометности. Эмоциональные нерасчлененные выражения разговорного языка тяготеют к «междометным предложениям*.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ «МЕЖДОМЕТИЯ»

1. Ср. изложение wau-wau-Theorie или bow-bow-Theorie (звукоподражательной теории) и puh-puh-Theorie (междометной теории) происхождения языка у Jespersen, Die Sprache, стр. 402—405.

2. K. Vossler, Gesammelte Aufsätze zur Sprachphilosophie, 1923, статья «Ueber grammatiscne und psychologische Sprachformen».

3. Ср. Вандриес, Язык, русск. перев., стр. 136.

4. См. Л. В. Щерба, О частях речи в русском языке, «Русская речь», II, стр. 9. Ср. также замечания у Iohn Ries, Was ist ein Satz?, 1931, стр. 114.

---

* На продуктивность, на рост класса междометий указывает и акад. И. И. Мещанинов в своей книге «Члены предложения и части речи»: «Междометие представляет собою вовсе не вымирающую категорию слов и не только уцелевший в языке рудимент, сохранившийся от его далекого прошлого. Междометия имеют свою вполне действующую силу и продолжают развиваться, что, несомненно, обусловливается их связью с синтаксическим построением предложения. Выражая переживаемые ощущения и волеизъявление, междометия образуются в составе той синтаксической единицы, которая, выступая отдельно и получая самостоятельную значимость, сближается по своему содержанию со значением обособленно стоящего предложения. Выступая же наряду с другим предложением, междометия становятся в связь с ним, сохраняя в то же время здесь свою обособленность и синтаксически не соединяясь с другими словами. Смысловому содержанию всего высказывания междометия не только не могут противоречить, но, наоборот, находятся в явной с ним связи. Тем самым вырабатывается их формальная сторона, лексически и синтаксически отделяющая их от других слов» (стр. 294).

5. Д. Н. Овсянико-Куликовский, Синтаксис русского языка[2], стр. 298—299.

6. Там же, стр. 34. Ср. Ф. Ф. Фортунатов, Сравнительное языковедение. Лекции, читанные в 1897/98 г., стр. 237—239.

7. Ср., например, отсутствие всяких намеков на синтаксическое изучение междометий в «Очерке синтаксиса русского языка» (1923) и в «Синтаксисе русского языка» (1930) М. Н. Петерсона.

8. «Русский синтаксис в научном освещении», стр. 372; ср. у А. А. Шахматова, Синтаксис русского языка, вып. II, стр. 100.

9. Ср., например, определение предложения (под которое подходит и междометие) у S. Bapt. Hoffmann, Lateinische Umgangssprache, 1926, стр. 1. Другие исследователи готовы признать в междометиях лишь зародыши предложения. Ср. например: K. Morgenroth, Sprachpsychologische Untersuchungen (Zeitschrift für französische Sprache und Literatur, 1910, 36, 141); ср. также German, Romanische Monatsschrift, 1912, IV, 5; ср. K. Vossler, Sprachphilosophie, 1923, S. 225.

10. «Синтаксис русского языка», вып. I, стр. 70—71, 99, 103—104, 194—195, 198—199.

11. Там же, стр. 4.

12. Там же, вып. II, стр. 70.

13. Там же, стр. 101.

14. Там же, стр. 100.

15. Там же, стр. 101.

16. Там же.

17. Там же, примечание, стр. 194.

18. «Синтаксис русского языка», вып. I, стр. 418, 432.

19. Там же, стр. 266.

20. Там же, стр. 103—104.

21. Там же, стр. 71—72. Ср. Ф. Ф. Фортунатов, Сравнительное языковедение, 1897—1898, стр. 237—238.

22. «Синтаксис русского языка», вып. II, стр. 100.

23. См. заметку А. И. Германовича, Междометия как часть речи, «Русский язык в школе», 1940, № 2.

24. Ср. Н. И. Греч, Практическая русская грамматика, 1934, стр. 219.

25. «Синтаксис русского языка», вып. II, стр. 101.

26. А. Г. Горнфельд, Новые словечки и старые слова, СПБ 1922, стр. 61.

27. Л. П. Якубинский, О диалогической речи, «Русская речь», 1923, вып. I.

28. «Из записок по русской грамматике», IV, стр. 190.

29. К. С. Аксаков, Сочинения филологические, ч. I, М. 1875, стр. 541.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Общий грамматический обзор основных структурно-семантических типов слов в современном русском языке может считаться законченным. При характеристике этих типов принималась в расчет и внутренняя и внешняя языковая форма. Обращалось внимание и на «языковое строительство, вытекающее из природы внешней формы», и на творчество языка в сфере грамматических категорий, определяющих изменения в смысловой структуре слов*. Но грамматическое учение о слове этим еще не исчерпывается. Акад. Л. В. Щерба в своей работе «Основные понятия методики преподавания иностранных языков» настаивал на необходимости включения в грамматику исследования всех тех лексических элементов и форм, которые играют «строевую» роль. С этой точки зрения употребление, например, прилагательного *полный* в функции предложного слова (*ведро полное воды*, ср. *ведро с водой*) должно рассматриваться в грамматике в отличие от лексически-самостоятельного, «абсолютивного» функционирования этого слова (*полное ведро*). Точно так же в грамматику должно войти изучение всех тех составных форм глагола, которые состоят из глагола с лексическим значением, близким к видовому или модальному (*начать*, *продолжать*, *хотеть*, *намереваться* и т. п.), и формы инфинитива. Больше того, к строевому лексическому материалу должны быть, в сущности, отнесены все переходные глаголы, несущие функцию связки между субъектом и объектом действия.

С этой точки зрения углубленное исследование соотносительных категорий глагольной переходности и непереходности становится одной из центральных задач грамматического описания системы глагола. Эти мысли и замечания акад. Л. В. Щербы заслуживают самого глубокого внимания и нуждаются в тщательной проверке и в дальнейшем уточнении. Однако все многооб-

* См. статью А. И. Белича «Внутренняя и внешняя языковая форма», «Известия Академии наук СССР», Отделение литературы и языка, 1946, № 3.

разие форм и конструкций, подвергающихся грамматизации, выступающих в качестве строевых средств, может выясниться лишь в грамматическом учении о словосочетании.

После исчерпывающего анализа форм и типов словосочетаний в русском языке, после определения основных грамматических и лексико-грамматических категорий, управляющих механизмом русского словосочетания, естественно, откроются новые перспективы и в области грамматического учения о слове. Повидимому, именно к этой стороне лингвистического исследования стремился привлечь внимание языковедов Р. А. Будагов в статье «Семантика слова и структура предложения»*. Исходя из мысли о самом тесном взаимодействии и взаимопроникновении лексических и грамматических категорий, Р. А. Будагов демонстрирует на очень пестром материале своеобразное столкновение в системе словосочетаний и предложений «лексического и синтаксического значений слова, в котором синтаксический план не целиком заслоняет лексический, а переплетается с ним, наступает на него». Например, бывает так, что «на общем пути развития грамматической категории семантика отдельных слов, формирующих данную грамматическую категорию, может образовать на том же пути своеобразные площадки обратного движения, обратного развития» (ср. немецк. безличн. mich hungert — я голоден, я проголодался при ich hungere — я голодаю). «Слово, семантическая диференциация слов, взаимодействуя с предложением и отдельными грамматическими категориями, не только осложняет направление развития этих грамматических категорий, но в известной степени и объясняет перипетии их внутреннего исторического становления»**. «Вещественное различие» между понятиями отнюдь не безразлично для грамматиста. Например, для установления семантики предлогов необходимо исходить из семантически разграниченных реальных словосочетаний. «Грамматическое значение предлога должно быть своеобразным извлечением, своеобразной абстракцией из всего многообразия действительных словосочетаний», из всех лексико-фразеологических разновидностей реализации этого предлога.

Р. А. Будагов делает упор на принцип взаимодействия семантики слова и структуры предложения. Характер этого взаимодействия в разных языках, а тем более в языках разных систем, оказывается совершенно различным. Даже в истории одного и того же языка виды соотношений между семантикой слова и системой предложений изменяются. «В индоевропейских языках слово, хотя и подчиняется системе целого предложения и зависит от этой системы, однако оно не всегда теряет свою самостоятельность и в ряде случаев само начинает воздействовать на предложение, менять его структуру».

---

* «Ученые записки ЛГУ», Серия филологических наук, вып. 10, 1946.
** Там же.

Открывающийся на этом лингвистическом пути новый круг задач и проблем в области исследования слова уже выходит за пределы грамматического учения о слове, хотя и тесно соприкасается с ним. Но было бы ошибочно целиком связывать все эти проблемы с учением о предложении и сводить их к общей теме о «взаимодействии слова и предложения, о взаимодействии лексико-семантических аспектов слова и словесных сочетаний с синтаксическим строем предложения» (как думает Р. А. Будагов). Исследование взаимодействия лексических и синтаксических категорий в семантике слова и его употреблении едва ли не в большей степени, чем к синтаксису предложения, относится к грамматическому учению о словосочетании.

Грамматическое учение о слове находится в самой близкой, самой тесной связи и взаимодействии с грамматическим учением о словосочетании и лишь в нем находит свое завершение.

Можно сказать, что грамматическое учение о слове и грамматическое учение о словосочетании вращаются в одной грамматико-семантической сфере и взаимно дополняют друг друга. Синтаксис предложения, хотя и утвержден на грамматическом фундаменте слова и словосочетания, уже принадлежит совсем к иной грамматико-семантической сфере, и, выходя за пределы семантики слова и словосочетания, управляется на основе иных грамматических категорий.

А над всеми этими кругами и сферами грамматики воздвигается совсем неисследованная область стилистического синтаксиса, в центре которой лежит проблема строя сложных синтаксических единств с типичными для него приемами расслоения и сцепления синтагм как предельных синтаксических единиц в структуре этих сложных синтаксических целых. В системе стилистического синтаксиса органически объединяются теория синтагм и учение о структуре сложных синтаксических единств в разных стилях русского литературного языка.

Указатель имен

Аванесов Р. И. — 249, 286, 343, 432, 494, 724
Авенариус — 303
Агрель (Agrell S.) — 657
Ададуров — 478, 539
Акен — 385
Аксаков К. С. — 51, 71, 72, 73, 86, 112, 115, 126, 147, 157, 163, 167, 168, 178, 180, 185, 186, 190, 196, 234, 235, 236, 238, 239, 243, 244, 245, 249, 256, 271, 284, 285, 286, 287, 292, 300, 302, 311, 319, 320, 321, 328, 332, 338, 381, 391, 400, 423, 429, 431, 484, 485, 486, 489, 501, 503, 539, 541, 542, 547, 552, 554, 577, 581, 582, 583, 589, 590, 595, 611, 612, 613, 614, 615, 627, 652, 658, 677, 678, 680, 681, 685, 699, 702, 703, 704, 713, 724, 759, 761
Аксаков С. Т. — 545, 577, 719
Александров А. — 179, 180
Андреев В. Ф. — 182, 291, 339, 341, 422, 454
Андреев Л. — 162, 183, 202, 263, 265, 293, 318, 407, 466, 467, 756
Анненков П. В. — 335, 456
Анненский И. Ф. — 303, 401, 463, 467, 562, 599
Аристотель — 422
Асеев Н. — 50
Аскольдов С. А. — 45
Афанасьев А. Н. — 299, 558, 602

Балли (Bally Ch.) — 19, 732, 739
Бальмонт К. Д. — 67, 164
Баратынский Е. А. — 403
Барсов А. А. — 175, 303, 338, 399, 478, 539
Батюшков К. Н. — 716
Бахман (Bachmann Arm.) — 46
Бегичев Д. Н. — 23
Безыменский А. И. — 195, 203
Беккер Ф. — 322
Белинский В. Г. — 11, 96, 106, 111, 140, 251, 252, 256, 316, 320, 321, 490, 539, 657, 658
Белич А. И. — 15, 44, 47, 51, 114, 135, 178, 179, 543, 565, 568, 657, 658, 762
Белый А. — 334, 527, 529
Бенвенист Э. (Benveniste) — 60
Бережков С. Г. — 287
Берлинский — 325
Бернекер Э. (Berneker E.) — 179, 598
Бернштейн С. И. — 46, 424, 652
Блок А. А. — 156, 282, 295, 320, 333, 529, 569, 605, 691
Блюмфильд Л. (Bloomfield) — 45
Боборыкин П. Д. — 104, 137, 142, 225, 252, 320, 592
Богданович И. Ф. — 383
Боголепов А. П. — 301, 302
Боголюбов А. — 167
Богородицкий В. А. — 4, 29, 37, 44, 46, 47, 172, 178, 181, 265, 400, 421, 492, 493, 607, 678, 720, 727
Богородицкий Н. — 583
Бодуэн-де-Куртенэ И. А. — 35, 37, 38, 39, 46, 47, 54, 178, 328
Болдырев А. В. — 255, 478, 479, 480, 539, 541, 654, 657
Бопп Ф. (Bopp Fr.) — 330, 337, 485, 586
Браве Л. Я. — 389
Брандт Р. Ф. — 160, 303, 383, 397
Бреаль М. (Bréal M.) — 398
Браун М. (Braun M.) — 78, 160, 180
Бругман К. (Brugmann K.) — 69, 91, 179, 180, 492, 493, 494, 495, 568, 655, 658, 709
Брюно Ф. (Brunot F.) — 286

Брюсов В. — 135, 159, 204, 207, 270, 283, 407, 717
Буайэ П. (Boyer Paul) — 310, 316, 397, 443, 444, 641, 658, 660, 662, 703, 704, 744
Бубрих Д. В. — 319, 402, 418, 726
Будагов Р. А. — 763, 764
Будде Е. Ф. — 662, 696
Будилович А. С. — 289, 376, 397, 398, 490, 491, 606
Булаховский Л. А. — 91, 179, 180, 361, 397, 410, 528, 529, 550, 553, 567, 585, 593, 635, 656, 658, 662
Булич С. К. — 63, 181, 242, 344, 394, 398, 478, 480, 654, 659, 660
Буслаев Ф. И. — 73, 85, 87, 175, 187, 197, 211, 238, 239, 250, 253, 266, 286, 287, 290, 320, 330, 338, 363, 383, 387, 400, 423, 429, 456, 457, 490, 543, 546, 553, 566, 581, 582, 594, 609, 610, 611, 616, 617, 652, 653, 657, 658, 660, 671, 697, 702, 704
Бутков Я. — 76
Быховская С. Л. — 661

Вайан А. (Vaillant A.) — 76
Ваккернагель (Wackernagel I.) — 617, 661
Валимова Г. В. — 386, 388, 389, 390, 676
Ван-Вейк (van Wijk N.) — 180, 565, 658
Вандриес Ж. (Vendryes) — 32, 40, 41, 45, 46, 47, 178, 641, 642, 662, 760
Васильев Л. Л. — 653
Вейсман А. — 490, 494, 581, 606, 660
Вельтман А. — 19, 352, 526, 604
Венгеров С. А. — 47
Вёнгров Натан — 468
Вересаев В. В. — 345, 408, 579
Вестфаль Р. С. — 541, 659
Виноградов В. В. — 2, 45, 47, 176, 658, 704, 724
Винокур Г. О. — 285, 424
Вишневский Вс. — 703
Волошин М. — 270
Волошинов В. Н. — 732, 736
Вольпер М. — 657
Вольтер Э. А. — 73, 74, 78, 178, 179
Вондрак (Vondrak) — 178, 253, 550, 553, 573
Востоков А. Х. — 59, 72, 93, 119, 179, 197, 236, 239, 253, 266, 267, 286, 311, 336, 343, 371, 387, 399, 400, 406, 423, 481, 482, 490, 494, 510, 514, 525, 531, 539, 541, 608, 609, 615, 643, 654, 656, 657, 660, 672, 676, 685, 699, 701, 704, 726, 744, 751, 756, 759
Вундт В. (Wundt) — 320, 424, 606
Выгодский М. Я. — 315
Выготский Л. С. — 757, 758
Вяземский П. А. — 16, 45, 375

Габеленц Георг — 19
Гавранек Б. (Havránek B.) — 285
Гартман Г. (Hartmann H.) — 186, 230
Гаршин В. М. — 714
Гвоздиков Б. — 616, 619, 620, 621, 660, 661
Гегель — 33, 302, 324
Гейзе (Heyse) — 655
Гейне Г. — 63
Герман Готфрид — 3
Германович А. И. — 761
Герцен А. И. — 49, 178, 183, 254, 256, 257, 274, 275, 314, 351, 378, 408, 409, 469, 559, 687, 697, 698, 701, 738, 742
Гийомар (Guihomard M.) — 443
Гильом (Guillaume Gustave) — 543, 544, 659
Гильфердинг А. — 303, 463, 467, 485
Глаголевский П. — 605
Гладков Ф. — 529
Гоголь Н. В. — 49, 65, 66, 79, 85, 128, 165, 167, 213, 245, 246, 249, 251, 253, 254, 266, 271, 318, 325, 334, 360, 370, 372, 373, 374, 375, 392, 411, 412, 413, 418, 419, 425, 455, 459, 461, 463, 467, 472, 503, 553, 574, 586, 588, 592, 593, 597, 599, 602, 603, 605, 618, 619, 620, 634, 667, 668, 673, 680, 687, 688, 689, 698, 709, 711, 713, 719, 721, 737, 738, 741, 742, 743, 750, 751, 752, 753, 754, 756, 757, 758, 759, 760
Голубов С. — 462, 653
Гольцев В. А. — 50, 331
Гончаров И. А. — 28, 263, 276, 293, 310, 332, 334, 366, 374, 375, 381, 402, 459, 461, 467, 469, 503, 512, 545, 547, 549, 558, 559, 564, 570, 579, 588, 597, 600, 647, 710, 719, 730, 731, 739, 750, 753, 757
Горбунов И. Ф. — 728, 731
Горнфельд А. Г. — 757, 761
Горький Максим — 66, 98, 162, 174, 193, 213, 248, 249, 251, 252, 259, 261, 334, 345, 349, 371, 386, 389, 391, 408, 467, 529, 549, 565, 568, 592, 604, 605, 647, 655, 656, 666, 679, 691, 713, 720, 729, 738, 742, 749, 756, 757
Гофман (Hoffmann S. Bapt.) — 327, 761
Грандилевский А. — 50, 565

Грассери Р. (Grasserie R.) — 173, 326
Грек Максим — 552
Греч Н. И. — 59, 192, 197, 199, 236, 237, 238, 240, 243, 250, 284, 285, 286, 291, 310, 316, 320, 334, 369, 387, 393, 431, 480, 481, 482, 509, 514, 525, 527, 582, 583, 643, 653, 656, 657, 659, 660, 662, 671, 676, 692, 699, 702, 727, 744, 751, 761
Грибоедов А. С. — 85, 90, 95, 113, 165, 202, 266, 295, 325, 333, 347, 360, 403, 415, 417, 420, 466, 467, 470, 531, 537, 546, 572, 575, 592, 593, 606, 619, 620, 636, 674, 685, 686, 689, 690, 692, 718, 737, 738, 754
Григорович Д. В. — 109
Гримм Яков (Grimm J.) — 113, 168, 178, 187, 337
Грот Я. К. — 84, 119, 120, 137, 160, 179, 180, 266, 285, 648, 653, 659
Грунский Н. К. — 181, 279, 303, 324, 338, 399, 440, 478, 491, 606
Гумбольдт В. (W. von Gumboldt) — 11, 12, 15, 17, 32, 45, 46, 321, 423

Давыдов И. И. — 103, 236, 286, 319, 320, 321, 371, 387, 399, 400, 431, 482, 483, 540, 582, 602, 643, 645, 659, 727
Даль В. И. — 253, 576, 612, 613, 645
Данилов В. В. — 181
Данилов Кирша — 566
Делакруа (Delacroix H.) — 178
Дельбрюк (Delbrück) — 168, 178, 180, 424, 494, 495, 550, 553, 606, 655, 661
Дементьев А. А. — 99, 179
Державин Г. Р. — 16, 318
Диккенс Ч. — 11
Дискол Аполлоний — 181, 337, 379, 422, 606
Дмитриев И. И. — 698
Добиаш А. А. — 181, 311, 316, 337, 379, 394, 540, 606, 644, 652, 671, 676
Добровский В. — 490, 548, 551
Добролюбов Н. А. — 67, 126, 128
Добромыслов В. А. — 154, 180, 678, 704
Долинин А. С. — 658
Донат — 422
Дорошевский (Doroszewski W.) — 179
Достоевский Ф. М—28, 50, 55, 66, 71, 73, 75, 86, 102, 113, 118, 134, 161, 162, 170, 174, 183, 188, 195, 198, 211, 240, 242, 251, 253, 254, 255, 256, 261, 264, 270, 273, 275, 282, 315, 320, 325, 326, 327, 333, 345, 347, 349, 351, 352, 360, 363, 367, 372, 379, 386, 389, 393, 396, 403, 405, 406, 409, 417, 428, 454, 455, 461, 462, 465, 466, 467, 469, 497, 512, 527, 549, 551, 553, 554, 555, 559, 561, 562, 565, 573, 588, 592, 596, 599, 604, 605, 631, 639, 647, 650, 658, 668, 672, 673, 675, 681, 686, 687, 712, 713, 714, 717, 728, 732, 737, 739, 740, 741, 742, 754, 755, 756, 757, 758
Дружинин А. В.—123, 335
Дурново Н. Н. (Durnovo N.)—148, 180, 451, 653
Дювернуа А.—44

Евдокимов И.—750
Екатерина II.—16
Ершов И.—534, 550
Есенин С.—129, 164, 667
Есперсен (Jespersen O.)—38, 47, 60, 177, 252, 321, 323, 360, 379, 397, 398, 704, 760
Ефремов А. В.—696

Желтов И.—286, 656
Жирмунский В. М.—47, 397, 718
Житомирский К.—568
Жуковский В. А.—83, 320, 334, 457, 611, 696, 697, 702, 716

Завьялов Н.—583
Зарецкий А. И.—326, 337
Зеленин Д. К.—177, 659
Зеньковский В. В.—652
Зизаний Лаврентий—168, 524, 581
Зиндер Л. В.—49
Златовратский Н.—466
Зоммер (Sommer F.)—186

Иван IV—390
Иванов А.—678
Иванов Всеволод—221
Измайлов—647
Ильин Б. А.—289, 676
Ильинская И. С.—704
Ильинский Г. А.—439, 653
Истрина Е. С.—278, 287, 565, 658, 698

Каверин В.—189
Каганович Н. Л.—287
Калайдович И. Ф.—87, 146, 237, 286, 317, 399, 429, 490, 589, 608, 648, 660
Калинин И. А.—655, 656, 657
Калинин М. И.—197
Калинович М. Я.—45
Кантемир А.—250
Караваева А.—529
Карамзин Н. М. — 216, 250, 251, 399, 589, 696, 697, 716, 719

Каратыгин П. А. — 331, 337
Каринский Н. М. — 708
Карнуа (Carnoy A.) — 45
Карпов А. — 183
Карпов Е. — 165, 728, 749
Карцевский С. (Karcevski S.) — 178, 179, 392, 443, 492, 562, 652, 653, 655, 656, 657
Кассирер Е. (Kassirer E.) — 60, 321, 397, 402
Катаев В. — 559
Катков М. Н. — 357, 400, 421, 485, 489, 494, 497, 513, 542, 547, 592, 599, 657, 660
Кацнельсон С. Д. — 5, 45, 288, 335, 337, 653, 661, 662
Квитко-Основьяненко — 476
Кединг (Kaeding) — 664, 676
Киреевский И. В. — 485, 554, 577, 658, 659
Кирсанов С. — 240
Классовский В. — 289, 323
Клейн Вл. — 552
Ключевский В. О. — 181
Книппер О. Л. — 76, 252, 254
Ковалев П. Н. — 512, 676
Колбасин Е. — 658
Коллон (Collon C.) — 77
Кольцов А. Н. — 198, 365, 406, 464, 531, 560, 564, 680, 752
Кони А. Ф. — 249
Короленко В. Г. — 293, 336, 389, 391, 439, 547, 605, 647, 671
Корсаков Д. А. — 167
Корш Ф. Е. — 181
Кохановская — 374
Кошанский Н. — 399, 701
Кошутич Р. И. — 46, 87, 180, 195, 233, 247, 252, 264, 285, 286, 299, 305, 308, 310, 316, 337, 509, 543, 657
Красновольский (Krasnowolski A.) — 397, 467
Крижанич Юрий — 477, 478, 479
Крушевский Н. В. — 36, 37, 47, 54, 55, 178, 398, 425, 652
Крыгин М. — 480, 491, 496, 654
Крылов И. А. — 65, 85, 158, 245, 259, 268, 298, 309, 331, 363, 388, 394, 413, 416, 418, 455, 457, 467, 470, 471, 502, 510, 534, 537, 546, 550, 555, 592, 593, 597, 598, 600, 607, 610, 620, 635, 648, 666, 668, 686, 687, 688, 690, 694, 695, 697, 708, 710, 711, 712, 715, 717, 719, 737, 741, 742, 752, 753, 754, 757
Кугель А. Р. — 255
Кудрявский Д. Н. — 40, 277, 545, 660
Кузмин М. А. — 639
Кукрыниксы — 51
Кульбакин С. М. — 166
Кульман Н. К. — 22, 46
Кунин А. А. — 75
Куприн А. И. — 328, 389, 391, 529, 567, 752
Курбский — 390
Курганов — 478, 539
Курилович — 40, 343, 397, 684
Курциус (G. Curtius) — 385, 495, 539, 621, 657
Кюни (Cuny) — 60

Лаврухин Дм. — 98, 346, 354, 549, 562
Ламанский В. И. — 303
Лангельшельд — 482, 490
Левин В. Д. — 180
Левитов А. И. — 273
Левшин В. — 567
Лейкин Н. А. — 162, 668
Ленин В. И. — 11, 33, 46, 97, 111, 140, 142, 184, 246, 253, 254, 255, 256, 290, 324, 337, 379, 666, 688, 704, 712
Ленский Л. — 16
Леонов Л. — 97, 193, 213, 221, 273, 438, 750
Леонтьев К. — 564
Лермонтов М. Ю. — 23, 60, 64, 175, 203, 267, 303, 336, 378, 387, 389, 393, 406, 408, 413, 459, 464, 467, 470, 472, 560, 586, 596, 603, 605, 672, 714, 715, 719, 720, 721, 731
Лерх (Lerch E.) — 632
Лескин (Leskien) — 178
Лесков Н. С. — 49, 77, 85, 96, 97, 139, 144, 156, 201, 211, 213, 247, 256, 308, 323, 325, 352, 360, 366, 386, 405, 408, 418, 420, 462, 526, 529, 556, 649, 681, 699, 714, 728, 738, 739, 742, 758
Ломан (Lohmann I. E.) — 160, 178, 180
Ломоносов М. В. — 50, 168, 175, 176, 179, 236, 238, 253, 271, 344, 399, 418, 423, 478, 479, 539, 541, 546, 581, 583, 607, 608, 637, 639, 656, 697, 744
Лотце — 13
Лудольф Генрих — 478, 539, 607
Луначарский А. В. — 255
Лысков И. П. — 178, 335, 431, 652
Любомиров П. Г. — 552
Людвиг Альфред — 74
Ляпунов Б. М. — 177
Ляшко Н. — 208, 750, 756

Мазон (Mazon A.) — 178, 325, 388, 397, 438, 476, 492, 495, 496, 504, 509, 518, 543, 548, 557, 563, 598, 601, 652, 656, 657, 658, 659, 676
Майков А. А. — 64, 178, 718
Макарьев И. — 251, 286
Мальцев М. Д. — 660
Мамин-Сибиряк — 534
Мандельштам И. — 75, 239, 240, 285, 672
Мансикка В. — 567
Маргулиес (Margulies) — 613, 629, 631, 632, 635
Маретич (Maretič) — 658
Маркевич А. И. — 179
Маркс Карл — 321
Марлинский А. А. — 96, 352
Марр Н. Я. — 6, 11, 15, 45, 60, 68, 177, 291, 414, 745
Марти А. (Marty) — 17, 18, 46
Мартынов И. И. — 481, 550
Матезиус (Wilém Mathesius) — 45
Машков П. — 254
Маяковский В. В. — 86, 124, 128, 129, 195, 199, 200, 221, 241, 251, 253, 270, 275, 279, 305, 390, 535
Мейе (Meillet A.) — 81, 178, 179, 234, 424, 432, 461, 492, 494, 495, 573, 653, 655
Мейер (Meyer K.) — 253, 286, 657
Мейер-Любке — 462
Мельников-Печерский — 242, 374, 739
Ме́ромский А. — 679, 704, 743, 744
Мещанинов И. И. — 4, 5, 38, 39, 45, 245, 252, 284, 286, 289, 320, 398, 418, 652, 661, 662, 663, 666, 676, 730, 734, 744, 746, 760
Миклошич (Miklosich F.) — 109, 160, 179, 181, 298, 308, 397, 413, 415, 467, 491, 493, 551, 670
Милых М. К. — 564
Миртов А. В. — 63
Михайлов М. — 64
Михельсон М. И. — 397
Младенов Ст. — 565, 658
Моравская — 529
Моргенрот (Morgenroth K.) — 761
Морозов Н. А. — 664
Мучник И. П. — 634, 661, 662
Мюленбах К. — 179
Мятлев И. П. — 303

Надсон Н. Я. — 281, 465
Нарежный В. — 503, 553
Неверов А. С. — 666, 713
Некрасов Н. А. — 23, 77, 97, 123, 125, 141, 162, 253, 265, 269, 270, 318, 335, 361, 381, 400, 413, 450, 503, 548, 592, 627, 672, 717, 719, 745, 753, 756
Некрасов Н. П. — 140, 421, 470, 485, 486, 489, 532, 535, 539, 542, 548, 580, 583, 591, 592, 593, 610, 612, 613, 614, 645, 654, 657, 658, 660, 662, 684, 685, 695
Немировский М. Я. — 68, 178
Нетушил И. В. — 495, 655
Никитин И. С. — 381
Николич — 278, 316, 658
Никольский К. — 552
Никольский Н. К. — 87
Никулин А. С. — 236, 248, 253, 397
Новиков-Прибой А. — 251
Норейн (Noreen A.) — 9, 45, 724

Обнорский С. П. — 84, 151, 160, 164, 166, 167, 179, 180, 181, 285, 291, 293, 385, 509
Овсянико-Куликовский Д. Н. — 233, 303, 322, 387, 397, 401, 421, 424, 429, 430, 462, 467, 489, 492, 493, 543, 584, 616, 625, 626, 627, 628, 629, 631, 640, 649, 652, 653, 657, 658, 661, 677, 703, 704, 705, 708, 711, 724, 725, 729, 730, 741, 744, 746, 747, 760
Огарев Н. — 408
Огнев Н. — 132
Олеша Ю. — 279
Орнатовский Н. — 187, 369
Островский А. Н. — 25, 66, 85, 155, 180, 187, 194, 264, 282, 287, 318, 324, 331, 334, 372, 403, 404, 405, 418, 455, 459, 545, 550, 554, 560, 565, 566, 571, 574, 575, 576, 579, 596, 597, 598, 600, 679, 686, 688, 739, 749, 753, 756, 757

Павский Г. — 48, 59, 72, 104, 115, 126, 141, 143, 145, 151, 183, 192, 234, 237, 244, 251, 282, 285, 286, 292, 297, 299, 305, 311, 314, 319, 320, 321, 327, 400, 422, 436, 437, 439, 443, 444, 449, 482, 483, 484, 486, 489, 495, 501, 525, 539, 541, 547, 592, 608, 609, 612, 615, 617, 629, 645, 652, 653, 654, 656, 657, 660, 662
Павловский В. — 724
Пастернак Б. — 274, 365, 549, 709
Пауль Г. (H. Paul) — 284, 359, 419, 424
Первов П. Д. — 655
Перевлесский И. — 562
Петерсон М. Н. — 41, 47, 70, 178, 615, 652, 704, 724, 760
Петр Великий — 155, 310
Пешковский А. М. — 40, 68, 72, 80, 170, 171, 172, 179, 181, 190, 195, 197, 206, 235, 264, 265, 268, 269,

285, 286, 321, 322, 323, 327, 333, 337, 338, 339, 349, 369, 387, 396, 397, 398, 407, 409, 410, 411, 412, 413, 415, 421, 423, 424, 429, 430, 455, 464, 468, 471, 477, 492, 494, 496, 540, 546, 555, 556, 584, 591, 595, 615, 631, 652, 653, 654, 658, 663, 666, 676, 699, 700, 704, 705, 709, 710, 724, 725, 729, 730, 741, 744, 747, 748
Пико Э. (Picot Emile) — 478
Писарев А. — 132
Писарев Д. И. — 19, 46, 558
Писемский А. Ф. — 242, 246, 251, 253, 259, 263, 286, 293, 374, 383, 403, 417, 458, 561, 600, 603, 688, 695, 698, 731, 737, 755, 758
Платон — 422, 719
Погорелов В.— 565, 658
Покровский М. М. — 16, 46, 180, 209, 213, 222
Полевой К. А. — 157
Поливанов Л. И. — 718, 719
Поливка Ю. — 285, 286
Полонский Я. П. — 692
Помяловский Н. Г. — 174, 206, 256, 258, 283, 332, 346, 374, 466, 686, 689, 737, 756
Попов А. В. — 170, 181, 343, 360, 363, 364, 377, 616, 621, 624, 625, 629, 660, 661, 711
Поповцев — 67
Поржезинский В. К. — 181, 614, 615, 619, 660, 661
Пос (Pos I.) — 178
Потапов С. М. — 50
Потебня А. А. — 3, 11, 15, 17, 22, 23, 28, 30, 32, 33, 38, 40, 46, 47, 50, 51, 63, 65, 70, 73, 74, 77, 79, 108, 113, 120, 123, 135, 140, 147, 148, 157, 169, 170, 171, 178, 180, 186, 194, 208, 214, 218, 240, 268, 280, 284, 285, 288, 289, 298, 301, 311, 312, 316, 322, 338, 340, 343, 361, 380, 381, 383, 387, 393, 397, 400, 401, 404, 415, 419, 420, 421, 423, 424, 425, 429, 430, 462, 464, 465, 472, 478, 479, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 491, 492, 501, 519, 520, 526, 547, 548, 551, 556, 561, 562, 565, 573, 578, 584, 585, 586, 587, 593, 599, 603, 609, 613, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 625, 626, 627, 628, 629, 640, 642, 652, 653, 654, 656, 658, 659, 660, 661, 676, 685, 688, 698, 704, 718, 722, 723, 724, 727, 729, 730, 744, 758
Потт — 45
Пришвин М. — 438
Пруссак А. В. — 552
Прутков Козьма — 9, 155
Пушкин А. С. — 65, 67, 83, 84, 85, 90, 95, 158, 159, 165, 167, 170, 174, 175, 198, 200, 203, 206, 210, 216, 217, 232, 242, 246, 252, 253, 256, 257, 258, 260, 261, 262, 266, 267, 268, 279, 280, 281, 293, 299, 300, 303, 305, 309, 310, 315, 318, 320, 323, 324, 325, 332, 334, 335, 336, 346, 350, 355, 359, 360, 370, 372, 378, 381, 382, 386, 389, 390, 391, 403, 405, 408, 409, 412, 414, 417, 425, 453, 457, 459, 460, 463, 464, 466, 467, 469, 471, 472, 476, 477, 503, 515, 526, 531, 534, 547, 549, 555, 563, 568, 571, 576, 579, 588, 593, 595, 598, 602, 605, 619, 634, 650, 669, 671, 673, 674, 675, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 693, 694, 696, 698, 702, 709, 710, 711, 712, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 737, 741, 747, 752, 753, 754, 755, 757, 759
Пыпин А. Н. — 289
Пяст В. — 537

Размусен Л. П. — 491, 492, 497, 543, 548, 560, 579, 603, 655, 656, 658, 659, 660
Рейтинбарг Д. — 676
Рид (Reed T. A.) — 676
Риккерт Г. — 290
Рис (Ries Iohn) — 46, 653, 747
Рифтин А. П. — 339, 397
Рихтер Ж. П. — 49
Риччи — 65
Ровинский Д. А. — 284, 674
Роде Н. Н. — 661
Рождественский Всев. — 270
Ройен (Royen) — 60
Романов Е. Ф. — 463
Рунова О. — 334
Рылеев К. Ф. — 750

Саваитов П. — 284
Савина М. Г. — 334, 337
Садовников Д. Н. — 463, 467, 562
Салтыков-Щедрин М. Е. — 25, 65, 90, 94, 105, 117, 122, 157, 162, 195, 207, 213, 214, 235, 247, 252, 253, 278, 283, 318, 336, 371, 374, 375, 420, 476, 534, 550, 554, 555, 574, 575, 577, 588, 589, 600, 670
Сахаров И. П. — 183
Свербеев Д. Н. — 65, 178, 719
Светов В. П. — 478, 539
Свит (Sweet A.) — 398
Северянин Игорь — 204
Сейфуллина Л. — 76, 193, 211, 242, 439, 605

Селищев А. М. — 653
Сельвинский Игорь — 217, 221, 231, 267, 283, 756
Сепир Эд. (Sapir) — 9, 11, 16, 45, 83, 178, 179
Серафимович А. — 756
Сетэлэ (Setälä Emile) — 10, 177
Сешеэ (Sechehaye) — 326, 337, 398, 662, 703, 704, 724, 728
Сидоров В. Н. — 249, 286, 343, 344, 432, 494, 664, 665, 724
Сидоров Е. А. — 653, 655, 657
Синьей (Szinnyei) — 357
Славин Лев — 91, 92, 297
Слепцов В. А. — 253, 295, 403, 466, 567, 600, 604
Слонский Станислав (Słon'ski) — 552, 658
Сталь-Стоцкий — 653
Смит — 494
Смирнов К. И. — 179
Смотрицкий Мелетий — 168, 477, 478, 524, 539, 552, 581, 607, 609, 681
Соболевский А. И. — 3, 52, 74, 78, 87, 88, 113, 148, 169, 178, 286, 364, 394, 398, 653, 659
Соболевский С. И. — 274, 275, 563, 564, 579, 658
Соколов П. — 478, 539
Сократ — 719
Соловьев Н. В. — 660
Соловьев Н. Я. — 331
Сологуб Федор — 195, 459, 549, 558, 568, 570, 575, 577, 579, 596, 600
Соссюр Ферд — 4, 5, 8, 11, 12, 36, 45, 46, 495
Сперанский Н. (Spéranski) — 310, 316, 397, 658, 660, 662, 703, 704, 744
Срезневский В. И. — 87
Ставский Вл. — 544
Сталин И. В. — 252, 379, 682
Станиславский К. С. — 49, 178, 201, 345, 416
Станкевич Н. В. — 657
Стенбок (Stenbock Carl Magnus) — 180
Стендер-Петерсен А. И. — 439, 440, 499, 529, 543, 551, 552, 553, 601, 653, 657, 660
Стоюнин В. — 286
Строева-Сокольская Т. В. — 47
Сухово-Кобылин — 162, 260, 266, 301, 752, 756, 758
Сухотин В. Н. — 656, 660

Таппе А. В. — 479, 480
Телешов — 162
Тимковский — 128, 478, 504
Тимченко Е. К. — 181
Тихонов Н. С. — 563
Толстой А. К. — 267, 381, 464, 531, 560, 673, 697, 759
Толстой А. Н. — 273, 275, 529, 559, 672
Толстой Л. Н. — 66, 75, 85, 90, 91, 109, 144, 158, 159, 163, 164, 174, 195, 242, 249, 251, 259, 260, 263, 275, 281, 304, 323, 324, 329, 332, 335, 345, 360, 363, 368, 370, 373, 381, 383, 389, 390, 391, 396, 403, 406, 408, 418, 453, 458, 462, 463, 465, 466, 469, 503, 512, 544, 545, 549, 550, 562, 570, 572, 575, 576, 593, 599, 600, 601, 603, 604, 632, 642, 647, 649, 668, 679, 685, 687, 698, 701, 702, 716, 721, 728, 739, 742, 751, 753, 756, 758, 759
Томсон А. И. — 179, 280, 287
Торндайк (Thorndike) — 676
Трахтенберг В. Ф. — 50
Тромбетти (Trombetti Alfredo) — 60
Тронин Г. В. — 177
Тростников М. А. — 660
Трубецкой Н. (Trubezkoy N.) — 45
Тургенев И. С. — 10, 24, 50, 71, 75, 76, 83, 85, 90, 102, 108, 109, 159, 164, 174, 175, 194, 195, 196, 209, 212, 232, 242, 246, 247, 256, 259, 260, 261, 263, 264, 266, 277, 282, 298, 299, 300, 309, 315, 320, 324, 325, 333, 334, 335, 336, 338, 353, 360, 366, 381, 384, 386, 388, 389, 391, 392, 403, 406, 407, 409, 417, 419, 420, 427, 453, 456, 457, 459, 460, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 469, 470, 474, 503, 509, 511, 545, 549, 550, 558, 560, 561, 567, 569, 570, 573, 574, 575, 577, 580, 588, 589, 596, 597, 598, 601, 604, 605, 611, 619, 632, 643, 647, 650, 668, 672, 681, 686, 687, 688, 689, 690, 701, 708, 709, 710, 711, 713, 715, 718, 721, 728, 729, 731, 732, 733, 735, 736, 737, 738, 740, 741, 742, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 759
Тынянов Ю. — 323, 549, 558
Тютчев Ф. И. — 50, 55, 91, 178, 361, 752

Ульянов Г. К. — 438, 492, 495, 497, 503, 504, 510, 513, 514, 516, 517, 518, 520, 521, 524, 526, 528, 530, 532, 576, 586, 597, 614, 619, 655, 656, 657, 658, 659
Унбегаун (Unbegaun B.) — 88, 90, 157, 167, 179, 180, 194, 198, 285, 316

Успенский Глеб — 28, 50, 86, 220, 326, 345, 391, 463, 752
Успенский Н. В. — 754, 756
Ушаков Д. Н. — 704, 710

Фалев И. А. — 236, 286
Фатер — 187, 477, 478, 479, 480, 485
Федин К. — 104, 193, 231, 263, 275, 277, 327, 345, 346, 374, 387, 537
Федорук-Галкина Е. М. — 46, 340
Ферналекен (Vernalekeп) — 655
Фет А. А. — 109, 362, 647
Фик (Fick) — 322
Фихте — 321
Фонвизин Д. И. — 77, 250, 310, 420, 550, 552, 620
Фортунатов Ф. Ф. — 29, 30, 31, 40, 45, 46, 268, 423, 424, 425, 492, 496, 504, 509, 510, 511, 514, 516, 518, 519, 520, 521, 524, 528, 530, 531, 532, 574, 612, 614, 615, 616, 619, 627, 628, 629, 656, 657, 658, 760, 761
Форш О. — 213
Фосслер К. (Vossler) — 718, 732, 745, 760, 761
Франк-Каменецкий — 540
Фурманов Д. А. — 309, 323

Херобск — 582
Хлебников Велемир — 12, 45
Христиани (Christiani) — 78
Хьельмслев (Hjelmslev) — 178, 272, 326, 357, 397, 748

Цимер (Ziemer H.) — 181
Цицерон — 599

Чаплин А. — 480
Черный Эм. — 389, 497
Чернышев В. И. — 17, 177, 179, 181, 193, 267, 286, 299, 305, 316, 318, 337, 397, 414, 548, 653, 658, 671, 673, 676
Чернышевский Н. Г. — 61, 82, 135, 194, 261, 263, 266, 325, 345, 417, 472, 473, 593, 604, 682, 696, 698, 701, 738, 749, 759
Чехов А. П. — 23, 24, 25, 67, 73, 74, 76, 84, 85, 86, 131, 139, 157, 167, 174, 213, 252, 254, 259, 260, 264, 294, 295, 304, 323, 331, 336, 381, 389, 393, 409, 413, 417, 419, 455, 456, 460, 463, 465, 466, 467, 469, 472, 474, 545, 548, 556, 561, 562, 566, 568, 571, 572, 573, 592, 593, 599, 600, 602, 603, 604, 605, 634, 666, 672, 678, 686, 688, 689, 690, 701, 713, 728, 731, 736, 737, 738, 741, 742, 756, 757, 758
Чулков Г. И. — 178

Шаболин Б. — 107
Шаликов П. И. — 256, 381, 382
Шапиро А. Б. — 634, 646, 661
Шатерникова Л. Н. — 284
Шафранов С. — 284, 481, 484, 485, 541, 566, 654, 657
Шахматов А. А. — 4, 21, 22, 32, 34, 39, 46, 72, 88, 112, 148, 149, 160, 168, 169, 172, 176, 178, 180, 181, 197, 198, 200, 233, 241, 266, 267, 268, 284, 285, 287, 291, 295, 300, 304, 310, 316, 318, 321, 322, 324, 327, 328, 329, 337, 338, 339, 342, 360, 369, 387, 388, 389, 393, 394, 396, 397, 400, 401, 402, 405, 410, 414, 421, 424, 429, 430, 439, 456, 457, 458, 467, 475, 492, 497, 498, 504, 508, 510, 512, 513, 514, 515, 516, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 528, 530, 532, 541, 543, 548, 549, 550, 551, 566, 571, 581, 584, 585, 588, 601, 603, 615, 616, 619, 627, 628, 629, 630, 631, 633, 635, 636, 637, 639, 640, 646, 649, 652, 653, 654, 656, 657, 658, 660, 661, 663, 664, 670, 676, 685, 703, 704, 706, 708, 722, 723, 724, 725, 727, 728, 729, 741, 742, 744, 746, 747, 748, 749, 750, 751, 760
Шаховской А. — 16
Шведова Н. Ю. — 286
Шейн Н. В. — 254
Шелгунов Н. — 331
Шеллер-Михайлов А. К. — 274
Шемшурин А. — 135
Шиллер — 320
Шишков А. С. — 65, 178, 355, 696
Шишмарева М. А. — 11
Шмелев И. — 381
Шмидт (Schmidt) — 654
Шлейхер А. — 661
Шляков Н. В. — 397, 666, 676
Шолохов М. — 200, 242, 283, 389, 390, 391, 438, 537
Шор Р. О. — 45
Шпербер (Sperber H.) — 46
Шпитцер (Spitzer L.) — 732
Шталь (Stahl J.) — 568, 658
Штейнталь (Steinthal) — 17, 187, 322, 423, 617, 625, 652, 659, 661

Шухардт Г. (Schuhardt H.) — 6, 15, 45, 401, 739

Щепкина-Куперник Т. — 758
Щерба Л. В. — 5, 9, 11, 15, 32, 34, 45, 46, 47, 64, 65, 178, 245, 269, 318, 335, 338, 340, 343, 345, 397, 401, 410, 443, 652, 675, 710, 742, 760, 762

Энгельс Фридрих — 288
Эндзелин И. М. — 520, 704
Эренбург И. — 390
Эртель А. И. — 468, 653
Эсту (Estoup J. B.) — 663, 676

Юшманов Н. В. — 179, 180, 285

Якобсон Р. — 653
Яковлев А. — 323, 439
Якубинский Л. П. — 757, 761, 678
Якушкин П. — 554
Яухни К. — 664

БИБЛИОТЕКА

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 2

ВВЕДЕНИЕ В ГРАММАТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О СЛОВЕ

§ 1. Основные причины разногласий в области современной грамматики 3
§ 2. Грамматика, ее объем и ее задачи 4
§ 3. Смысловая структура слова 8
§ 4. Основные типы фразеологических единиц в русском языке . . . 21
§ 5. Основные структурно-семантические типы слов 28
§ 6. Слово и его грамматические формы 31
§ 7. Система частей речи и частиц речи в русском языке 38

ГРАММАТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О СЛОВЕ

Части речи

I. ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

1. Имя существительное и глагол

§ 1. Предметно-смысловая основа категории имен существительных 48
§ 2. Взаимодействие между категорией имени существительного и категориями прилагательных, числительных и наречий . . . —
§ 3. Имя и глагол 51
§ 4. Об основных грамматических категориях внутри категории имен существительных 57

2. Родовая классификация имен существительных

§ 5. Категория рода имен существительных и ее предметно-смысловое содержание 58
§ 6. Взаимоотношение классов мужского и женского рода и грамматическая выразительность категории женского рода 70
§ 7. Приемы выражения и изображения категории лица посредством грамматических признаков женского рода 71
§ 8. Приемы образования ласкательно-личных имен мужчин и женщин 80
§ 9. Расплывчатость категории среднего рода в современном русском языке 82

§ 10. Процесс перехода слов с экспрессивными суффиксами среднего рода *-ишко*, *-енко* в парадигму женского склонения . . . 86
§ 11. Односторонность формально-синтаксической точки врения на категорию рода 87

3. Категории лица, одушевленности и неодушевленности в структуре существительных

§ 12. Категория лица 88
§ 13. Соотносительные категории одушевленности — неодушевленности 89

4. Грамматическое распределение имен существительных по типам склонения в связи с формами словообразования

§ 14. Основные типы склонения имен существительных, сложившиеся на основе родовой классификации 92
§ 15. Система словообразования в кругу мягкого мужского склонения 94
§ 16. Словообразовательные типы, промежуточные между твердым и мягким мужским склонением 97
§ 17. Словообразовательная система твердого мужского склонения 98
I. Суффиксы лица . . . . . —
II. Суффиксы со значением предметности 107
III. Суффиксы отвлеченности 110
§ 18. Вопрос о «формах субъективной оценки» имен существительных 112
§ 19. Уменьшительно-ласкательные суффиксы твердого мужского склонения 115
§ 20. Живые типы словообразования в классе слов среднего рода 116
I. Суффиксы, обозначающие действие 117
II. Суффиксы, обозначающие состояние 121
III. Суффиксы со значением места 123
IV. Суффиксы со значением собирательности 124
V. Суффикс, обозначающий орудия действия 125
§ 21. Мертвые суффиксы, этимологически выделяемые в словах среднего рода . . . . . —
§ 22. Формообразующие (уменьшительно-ласкательные) суффиксы в классе слов среднего рода . . . . . —
§ 23. Способы образования слов женского «мягкого» склонения с нулевым окончанием именительного падежа 127
§ 24. Словообразовательные типы в системе «мягкого» женского склонения на *-а (-я)* 130
§ 25. Богатство и разнообразие типов словообразования в системе твердого женского склонения на *-а* 132
I. Суффиксы, обозначающие лиц женского пола . . . . . —
II. Суффиксы со значением конкретного или отвлеченного предмета-вещи 136
III. Суффиксы отвлеченных понятий 139
IV. Суффиксы субъективной оценки 143
§ 26. Общие выводы из обзора основных морфологических типов имен существительных 145

5. Категория числа в системе имен существительных

§ 27. Предметно-смысловые основы категории числа имен существительных 147

§ 28. Виды грамматического соотношения между формами единственного и множественного чисел имен существительных . . . 148
§ 29. Лексико-семантические различия, связанные с формами числа имен существительных 154
§ 30. Группы имен существительных, имеющих формы только единственного числа. Функции категории единственного числа . . . 156
§ 31. Разряды имен существительных pluralia tantum и их значения 159
§ 32. Функции множественного числа в системе имен существительных 163
§ 33. О категориях отвлеченности и вещественности 166

6. Категория падежа

§ 34. Понятие падежа 167
§ 35. Традиционное учение о значениях падежей. 168
§ 36. Вопрос о многообразии значений разных падежных форм . . . 169
§ 37. Структура так называемого «родительного» падежа 173
§ 38. Рост падежной омонимии в склонении имен существительных 176

7. Взаимодействие грамматики и лексики

§ 39. Взаимодействие грамматических и лексических значений в структуре имени существительного 177

II. ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

1. Семантические основы категории имени прилагательного в современном русском языке

§ 1. Понятие качества и своеобразия грамматических форм имен прилагательных 182

2. О формальных приметах имени прилагательного и об основных грамматических разрядах имен прилагательных

§ 2. Разряды имен прилагательных 188
§ 3. Об основном формальном признаке качественных прилагательных 189
§ 4. Притяжательные имена прилагательные 191
§ 5. Местоименно-указательные имена прилагательные 201

3. Качественно-относительные имена прилагательные и приемы их образования

§ 6. Прилагательные относительные и качественные, их взаимодействие и текучесть границ между ними 203
§ 7. Методы суффиксального словообразования качественных имен прилагательных 208
§ 8. Методы суффиксального словообразования в пределах общего качественно-относительного типа прилагательных . . . 221
§ 9. Методы суффиксального словообразования в кругу относительных имен прилагательных. 231
§ 10. Группа порядковых относительных прилагательных 233

4. Степени качества и их выражение у прилагательных

§ 11. Формы субъективной оценки качества и формы степеней сравнения прилагательных 236

5. Степени сравнения прилагательных

§ 12. Описательные, аналитические формы степеней сравнения . . . 243
§ 13. Значения аналитических форм превосходной и сравнительной степени 245
§ 14. Простые формы степеней сравнения 250
§ 15. Значения форм на *-айший*, *-ейший* и на *-ший* 251
§ 16. Формы сравнительной степени на *-ее (-ей)*, *-е*, *-ше* 258

6. Краткие (нечленные) формы и процессы их отрыва от категории имен прилагательных

§ 17. Семантические основы категории кратких имен прилагательных в современном языке 262
§ 18. Грамматическое своеобразие категории кратких форм имени прилагательного 265
§ 19. Морфологические ограничения в образовании кратких прилагательных 270

7. Причастия как категория гибридных глагольно-прилагательных форм. Процессы окачествления причастий

§ 20. Приемы и принципы смешения грамматических признаков глагола и имени прилагательного в строе причастий 272
§ 21. Словообразовательные типы причастий . . . . . —
§ 22. Процесс окачествления возвратных и невозвратных причастий 273
§ 23. Процессы изменения страдательных причастий и их распадения на омонимы—причастия и прилагательные 278

III. ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

1. Категория имен числительных и идея числа

§ 1. Трансформация системы числительных под влиянием математического мышления 288

2. Грамматические особенности категории имен числительных в современном русском языке

§ 2. Отсутствие грамматического рода в числительных от *три* до *тысячи* 291
§ 3. Следы родовых различий в числительных *один*, *два*, *оба*, *полтора* 292
§ 4. Взаимодействие имен числительных и существительных в сфере категории рода 293
§ 5. Отсутствие грамматических форм числа в категории имен числительных 294
§ 6. Противопоставление прямых (именительного и винительного) и косвенных падежей в склонении имен числительных 296
§ 7. Форма общего косвенного падежа у числительных *сорок*, *девяносто*, *сто* и тенденция к ее образованию в системе других числительных 298
§ 8. Своеобразия форм и функций номинативов у имен числительных 299
§ 9. Употребление идиоматических сочетаний числительных со счетной формой имен существительных 302

§ 10. Приемы агглютинации в образовании составных имен числительных 305
§ 11. Множественность и раздробленность типов словоизменения в категории имен числительных 306
§ 12. Группа собирательно-разделительных имен числительных . . 308
§ 13. Группа неопределенно-количественных имен числительных . . 311
§ 14. «Нумерализация» существительных женского рода, имеющих отвлеченное значение неопределенно-большого количества . . 315
§ 15. Гибридный грамматический строй числительных в современном русском языке . . . . . —

IV. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПЕРЕЖИТКИ МЕСТОИМЕНИЙ КАК ОСОБОЙ ЧАСТИ РЕЧИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Категория местоимений в ее истории и современном состоянии

§ 1. Грамматические судьбы класса местоимений 317
§ 2. Механическое смешение классической и романтической (субъективно-идеалистической) точек зрения в учении о местоимениях 319
§ 3. Местоимения как особый лексико-семантический тип слов . . . 322

2. Грамматические особенности предметно-личных местоимений в современном русском языке

§ 4. Отражения грамматического рода в классе предметно-личных местоимений и их непоследовательность, двойственность. . . . 326
§ 5. Своеобразия в приемах выражения категории лица у местоимений 329
§ 6. Грамматические и экспрессивно-стилистические отражения категории числа в классе местоимений 330
§ 7. Грамматические отношения супплетивных форм в склонении местоимений 332
§ 8. Особенности синтаксических связей местоимений с определяющими именами прилагательными и существительными 333
§ 9. Отсутствие у всех местоимений (кроме местоимения 3-го лица) родительного падежа в значении принадлежности 335
§ 10. Особенности предложного употребления местоимений 336
§ 11. Своеобразие местоименных конструкций с предлогом *по* . . . —
§ 12. Противоречивое положение местоимений в грамматической системе современного русского языка . . . . . —

V. НАРЕЧИЕ

1. Вопрос о наречиях в русской грамматике

§ 1. Традиционные точки зрения на наречие. Определение категории наречия 338

2. Формы словообразования в системе наречий

§ 2. Морфологические особенности наречий 340
§ 3. Основные морфологические разряды наречий 341
§ 4. Морфологические типы качественных наречий и их связи с именами прилагательными 343
§ 5. Степени сравнения и формы субъективной оценки у качественных наречий 347

§ 6. Связь качественных наречий с количественными 348
§ 7. Морфологические типы качественно-относительных наречий, производных от имен прилагательных . . . . . —
§ 8. Переходные типы наречий от качественно-относительных к предметно-обстоятельственным (с окаменелой флексией имени прилагательного, превращенной в наречный суффикс) . 350
§ 9. Морфологические типы наречий с основой имени прилагательного и окаменелой флексией существительного 351
§ 10. Морфологические типы наречий, производных от имен существительных с предлогами 353
§ 11. Процессы адвербиализации предложных именных конструкций 355
§ 12. Типы наречий, состоящих из беспредложных форм существительных. Причины адвербиализации этих форм 359
§ 13. Категория субъективной оценки в кругу предметно-обстоятельственных наречий 362
§ 14. Идиоматические типы наречий, составленных посредством повторения форм одного и того же существительного в различных падежах или в различных предложных комбинациях . 363
§ 15. Морфологические типы наречий, соотносительных с именами числительными 364
§ 16. Типы отглагольных наречий 365
§ 17. Грамматическая определенность и структурное единство системы наречия 366
§ 18. Группы наречий, функционально однородных с предметно-обстоятельственными наречиями 367
§ 19. Гибридные грамматические типы, внедряющиеся в категорию наречия 368

3. Семантические классы наречий и их синтаксические функции

§ 20. Вопрос о грамматико-семантических классах наречий в научной традиции 369
§ 21. Семантические разряды и синтаксические функции количественных наречий 370
§ 22. Синтаксические функции качественных наречий 371
§ 23. Семантические разряды и синтаксические функции качественно-обстоятельственных наречий 372
§ 24. Семантические разряды и синтаксические функции обстоятельственных наречий 375
§ 25. Расширение синтаксической способности наречия примыкать к имени существительному 378

4. Процессы адвербиализации других частей речи

§ 26. Адвербиализация имен существительных и гибридные наречно-субстантивные типы форм 380
§ 27. Деепричастия как гибридная наречно-глагольная категория 384
I. Образование и употребление деепричастий несовершенного вида . . . . . —
II. Образование и употребление деепричастий совершенного вида 388

5. Процессы перехода наречий в другие грамматические категории

§ 28. Переход наречий в модальные слова 392
§ 29. Наречия и частицы 393
§ 30. Предложные наречия 395
§ 31. Наречия и союзы 396

VI. КАТЕГОРИЯ СОСТОЯНИЯ

§ 1. Вопрос о категории состояния в русских грамматических трудах XIX — начала XX века 399
§ 2. Грамматические особенности категории состояния 401
§ 3. Сближение кратких прилагательных с категорией состояния 402
§ 4. Распространение безличных форм в категории состояния . . . 405
§ 5. Грамматические особенности безличных слов в категории состояния 407
§ 6. Вопрос об отношении безлично-предикативных слов к краткой форме прилагательных среднего рода 408
§ 7. Категория состояния и качественные наречия 414
§ 8. Тесная связь между категорией состояния и разрядами качественно-обстоятельственных наречий, выражающих характер, образ действия и состояния 416
§ 9. Процесс обеспредмечивания имен существительных и пути движения их в категорию состояния 417
§ 10. Грамматическое оформление фразеологических сочетаний и единств при посредстве категории состояния 420
§ 11. Роль категории состояния в грамматической системе современного русского языка . . . . . —

VII. ГЛАГОЛ

1. Состав глагольного слова и его границы

§ 1. Пути изучения и принципы истолкования глагола в грамматической традиции 422
§ 2. Структура современного глагола и широта его семантического объема 425
§ 3. Система грамматических форм одного глагола 428

2. Система глагольного словообразования и морфологические классы глаголов

§ 4. Грамматические способы производства глаголов от других частей речи 433
§ 5. Способы внутриглагольного суффиксального формообразования и словообразования 437
§ 6. Спаянность глагольных суффиксов с окончаниями 440
§ 7. Продуктивные морфологические классы в системе современного глагола 443
§ 8. Общие морфологические черты в строе продуктивных классов глагола. Обособление непродуктивных групп. 446
§ 9. Непродуктивные группы в морфологической системе русского глагола 447
§ 10. Связь системы глагольного словообразования с системой спряжения 452

3. Категория лица (а также числа и рода)

§ 11. Категория лица как фундамент сказуемости 452
§ 12. Синтетические и аналитические приемы выражения лица . . . 454
§ 13. Грамматические отличия форм 1-го и 2-го лица от формы 3-го лица 455
§ 14. Значения и употребления форм 1-го лица единственного и множественного числа 458
§ 15. Значения и употребления форм 2-го лица единственного и множественного числа 459

§ 16. Определенное предметно-личное и неопределенно-личное употребление форм 3-го лица 460
§ 17. Процессы устранения 3-го лица и безличное употребление формы 3-го лица единственного числа от личных глаголов . . . 462
§ 18. Безличные глаголы 465
§ 19. Виды аналитического выражения категории лица 468
§ 20. Категория числа в глаголе и своеобразия ее выражения в формах 1-го и 2-го лица 471
§ 21. Подчиненное, чисто «согласуемое» положение формальных признаков числа в 3-м лице глагола 474
§ 22. Категория рода и ее выражение в глагольных формах на *-л, -ла, -ло* 475
§ 23. Субъектно-объектный характер категории лица и органическая связь ее с другими формами сказуемости 477

4. Категория вида

§ 24. Грамматическая борьба за признание категории вида и против старой теории времен в первой трети XIX в. 477
§ 25. Теория трех степеней как количественных или качественных видоизменений одной глагольной основы 482
§ 26. Категория вида и ее история в изображении Потебни 486
§ 27. Грамматическая стабилизация видовой системы. Спор о количестве видов и их иерархии 489
§ 28. Современные грамматические разногласия в определении сущности двух основных видов русского языка — совершенного и несовершенного 493
§ 29. Взаимодействие лексических и грамматических значений в видовых формах глагола 498
§ 30. Система внутриглагольного словопроизводства и формообразования и связь ее с процессом видовой корреляции 499
§ 31. Следы старых количественных отношений в современной системе видов и их качественное видоизменение 502
§ 32. Малопродуктивные и непродуктивные типы видовой корреляции 505
§ 33. Живой и продуктивный тип видовой корреляции того же происхождения 508
§ 34. Словообразовательные разряды несовершенного вида, не соотносительные с формами совершенного вида, и их значения 510
§ 35. Два встречных течения в системе видового соотношения 512
§ 36. Приставки и их роль в образовании форм совершенного вида по учению А. А. Шахматова 513
§ 37. Взгляды проф. Г. К. Ульянова на категорию вида 517
§ 38. Учение акад. Фортунатова о значениях совершенного вида русского глагола 518
§ 39. Влияние взглядов акад. Фортунатова на учение о видах у акад. Шахматова 521
§ 40. Вопрос о функциональных разновидностях совершенного и несовершенного видов у Шахматова 523
§ 41. Приставки совершенного вида с реальными временными и количественными значениями 530
§ 42. Префиксы с чисто видовым значением (les préverbes vides), образующие формы одного и того же слова. 533
§ 43. Структура видов и сопротивление лексического материала . . 537

5. Категория времени

§ 44. Неразработанность вопроса о формах глагольного времени в русской грамматической традиции. 539

§ 45. Влияние идеалистической философии на грамматическое учение о формах времени 539
§ 46. Теория вневременности русского глагола 541
§ 47. Односторонность господствующих в русской грамматике представлений о соотношении форм и значений времени и вида 543
§ 48. Грамматическое противопоставление форм прошедшего и непрошедшего времени. Прошедшее время как сильная категория в системе времен русского глагола . . . . . —
§ 49. Давнопрошедшее время 545
§ 50. Прошедшее время мгновенно-произвольного действия 549
§ 51. Формы прошедшего времени совершенного и несовершенного вида на *-л* 557
§ 52. Описательная («аналитическая») форма будущего времени несовершенного вида 569
§ 53. Форма настоящего времени несовершенного вида и ее функции 570
§ 54. Форма настоящего-будущего времени совершенного вида и ее значения 573
§ 55. Связь категории времени с категорией наклонения 580

6. Категория наклонения

§ 56. Определение категории наклонения. Грамматическая терминология, относящаяся к учению о наклонении глагола 581
§ 57. Грамматическая теория наклонений и формально-логическое учение о модальности суждения 582
§ 58. Абстрактно-морфологические теории наклонения в русской грамматике XIX в. и их крушение . . . . . —
§ 59. Мысли об аналитических и синтетических формах русских наклонений в русских грамматиках второй половины XIX в. . . 583
§ 60. Конструктивная система наклонений в грамматической теории акад. А. А. Шахматова 584
§ 61. Грамматическая природа «предположительных» наклонений и их генезис в изображении А. А. Потебни 585
§ 62. Система изъявительного наклонения с его модальными разновидностями 587
§ 63. Система повелительного наклонения с его агглютинативным строем 590
§ 64. Употребление форм повелительного наклонения с другими модальными значениями 598
§ 65. Эмбрион особого, волюнтативного наклонения 601
§ 66. Условно-желательное и сослагательное наклонение 602
§ 67. Модальные формы глагола, не входящие в систему основных наклонений 603
§ 68. Модальные значения инфинитива 604

7. Категория залога

§ 69. Грамматические учения о залоге до половины XIX в. 606
§ 70. Теория залогов у К. С. Аксакова как будущий фундамент фортунатовского учения о залогах 611
§ 71. Отрицание категории залога В. И. Далем и проф. Н. П. Некрасовым 612
§ 72. Клубок грамматических вопросов, связанных с учением о залоге 613
§ 73. Статья Ф. Ф. Фортунатова «О залогах русского глагола» как синтез и итог предшествующих грамматических теорий 614
§ 74. Некоторые мысли А. А. Потебни о залогах русского глагола . . 616

§ 75. История развития заложных значений в изображении ученика Потебни А. В. Попова 621
§ 76. Категория залога в освещении акад. Д. Н. Овсянико-Куликовского. Синтаксические противоречия в учении Овсянико-Куликовского 625
§ 77. Попытки синтеза фортунатовской теории залогов с учением Потебни и Овсянико-Куликовского в работах акад. Шахматова 627
§ 78. Значения формообразующего и словообразовательного аффикса *-ся*. Соотношения между глаголами на *-ся* и глаголами без *-ся* и нарушение этих соотношений 629
§ 79. Вопрос об активных и пассивных оборотах и его связь с учением о залоге 639
§ 80. Вопрос о переходных и непереходных значениях глаголов. 641
§ 81. Взаимодействие грамматических и лексических значений в строе глаголов на *-ся* 646

8. Глагол — как структурный тип слов

§ 82. Совмещение элементов аналитического, синтетического и агглютинативного строя в русской глагольной системе . . . 651

Частицы речи

I. Частицы

§ 1. О понятии «частица» 663
§ 2. Группа усилительно-ограничительных, или выделительных частиц. 666
§ 3. Присоединительные частицы 667
§ 4. Определительные частицы 668
§ 5. Указательные частицы . . . . . —
§ 6. Неопределенные частицы . . . . . —
§ 7. Количественные частицы 669
§ 8. Отрицательные частицы . . . . . —
§ 9. Модальные значения отрицательных частиц 670
§ 10. Модально-приглагольные частицы 673
§ 11. Частицы-связки 675
§ 12. Другие разряды модальных частиц . . . . . —

II. Предлоги, их морфологические разряды и синтаксические функции

§ 1. Понятие о предлогах и общая характеристика их функций . . . 677
§ 2. Морфологический состав предлогов 679
§ 3. Предлоги и падежи имени существительного 684
§ 4. Система грамматических отношений, выражаемых предлогами. 685
§ 5. О значениях предлога *на* в современном русском языке 691
§ 6. Развитие аналитического строя и изменение функций предлогов 695
§ 7. Роль предлогов в системе глагольного управления. 700
§ 8. Изменения в употреблении предлогов 702

III. Союзы

§ 1. Союзы, их функции и их разные типы. 705
§ 2. Простые союзы 709
§ 3. Производные и составные союзы 716
§ 4. Общие семантические особенности производных союзов в русском языке 721

Модальные слова и частицы. Их разряды

§ 1. Модальные слова как особый грамматический тип 725
§ 2. Вопрос о модальных словах в грамматической традиции. Указания на связь модальных слов с категорией наречия и на близость их значений к функциям глагольного наклонения 726
§ 3. Синтаксическое учение о «вводных словах» как о «редуцированных по смыслу вводных предложениях» 729
§ 4. Состав лексико-грамматической категории модальности с точки зрения этимологической 731
I. Модальные частицы . . . . . —
II. Модальные слова 734
III. Модальные словосочетания (фразеологические единицы) . . 735
§ 5. Разряды модальных слов и частиц, выделяемые по их современному значению и употреблению 736
§ 6. Модальные функции вопросительных слов и частиц 742
§ 7. Различие между книжным и разговорным языком в употреблении модальных слов и частиц 743

Междометия, их грамматические особенности и их семантические разряды

§ 1. Вопрос о междометиях в современной грамматике 745
§ 2. Новые точки зрения на междометия в «Синтаксисе» А. А. Шахматова. 747
§ 3. Семантико-грамматические разряды междометий 750

Заключение 762
Указатель имен 765

Редактор *Ф. Ф. Кузьмин.* Техн. редактор *Н. П. Цирульницкий.*

Подписано к печати 30/XII 1946 г. А-13888. Тираж 75 тыс. экз. Печ. листов 49. Уч.-издат. листов 59,04. В 1 печ. листе 48 тыс. тип. зн. Зак. № 636. Цена без переплета 27 р., переплет коленкор. 2 р.

2-я типография «Печатный Двор» им. А. М. Горького треста «Полиграфкнига» ОГИЗа при Совете Министров СССР. Ленинград, Гатчинская, 26.

29 p.